

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ СИБИРСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

На правах рукописи

ДАШИНАМЖИЛОВ ОДОН БОРИСОВИЧ

**ДЕМОГРАФИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ГОРОДСКОГО НАСЕЛЕНИЯ
ЗАПАДНОЙ СИБИРИ
(КОНЕЦ 1950-Х – 1980-Е ГГ.)**

Специальность 5.6.1 – Отечественная история

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание ученой степени

доктора исторических наук

Научный консультант:

доктор исторических наук, профессор

В.А. Исупов

Новосибирск
2023

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА 1. МЕТОДОЛОГИЯ И ИСТОРИОГРАФИЯ ИЗУЧЕНИЯ ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ГОРОДСКОГО НАСЕЛЕНИЯ	54
1.1. Методология исследования.....	54
1.2. Отечественная историография проблемы.....	91
ГЛАВА 2. ЧИСЛЕННОСТЬ И ПОЛОВОЗРАСТНОЙ СОСТАВ ГОРОДСКОГО НАСЕЛЕНИЯ	185
2.1. Краткий обзор динамики численности городского населения.....	185
2.2. Население городов различных категорий.....	199
2.3. Половозрастной состав городского населения.....	245
ГЛАВА 3. ЕСТЕСТВЕННОЕ ДВИЖЕНИЕ ГОРОДСКОГО НАСЕЛЕНИЯ	264
3.1. Тенденции рождаемости.....	264
3.2. Динамика смертности.....	313
3.3. Естественный прирост.....	386
ГЛАВА 4. МЕХАНИЧЕСКОЕ ДВИЖЕНИЕ ГОРОДСКОГО НАСЕЛЕНИЯ	390
4.1. Динамика механического движения населения в западносибирских городах.....	390
4.2. Пространственные перемещения по типам городских поселений.....	419
4.3. Территориальные направления миграций городского населения.....	435
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	466
СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ	480
ПРИЛОЖЕНИЕ	537

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. В XX столетии рост численности городов и их населения принял большие масштабы. Городские поселения стали играть ключевую роль в жизни общества, в них оказались сосредоточены важнейшие промышленные предприятия, основная часть непроемственной сферы, почти весь экономический потенциал страны. Высокие темпы урбанизации привели к серьезным демографическим сдвигам и к пространственному перераспределению населения. В городах и поселках городского типа (далее пгт) оказалась сконцентрирована большая часть населения Советского Союза и Российской Федерации. На сегодняшний день встал вопрос о дальнейшем векторе социального и экономического развития страны. В этой связи неизбежным является активное использование потенциала городов, которые станут движущей силой будущей модернизации России. Именно поэтому необходимо изучение территориальных особенностей урбанизации, что позволит полнее и эффективнее использовать накопленный за предыдущий период экономический и демографический потенциал городов.

При этом городское население не является однородным и исторически неравномерно распределено по поселениям разной величины. Малые, средние и крупные города, поселки городского типа значительно отличаются по своему хозяйственному потенциалу, состоянию социальной инфраструктуры, условиям жизни, качеству населения. Уникальность каждого города проявляется даже в тех случаях, когда они относятся к одному функциональному типу. Такие различия косвенно оказывают глубокое воздействие на демографические процессы, темпы роста или убыли городского населения. Следовательно, для понимания современных тенденций развития, причин кризиса отдельных категорий городских поселений, например моногородов, следует обратиться к советскому прошлому, так как в позднесоветский период во многом было задано направление будущих демографических перемен. Необходимо выявить и проанализировать исторические особенности формирования западносибирского городского населения, характер и механизмы этого процесса, изучить все разнообразие демографических проблем, с которыми сталкивалось советское общество, и способы их решения.

После системного кризиса 1990-х гг. Российская Федерация столкнулась с большим количеством демографических проблем. Возросла скорость старения населения, уменьшилась доля молодежи в возрастной структуре населения. Это оказывает значительное влияние на многие аспекты государственной жизнедеятельности, в том числе и на обеспеченность экономики трудовыми ресурсами как России в целом, так и Западной Сибири в частности. В связи с этим необходимо проанализировать предшествующие этапы формирования возрастнo-половой структуры и выяснить исторические закономерности этого процесса.

Снижение рождаемости, рост смертности привели сначала к сокращению темпов роста, а затем и к уменьшению численности населения. Однако предпосылки для таких негативных последствий были частично заложены на предыдущих исторических этапах развития страны. Уже в советское время стремительная урбанизация стала одним из важнейших факторов трансформации воспроизводственных процессов. Характеристики рождаемости и смертности в городских поселениях стали определять ситуацию в демографической подсистеме в целом. Именно поэтому необходимо внимательно изучить динамику воспроизводства в годы поздней советской индустриализации, оценить влияние на нее разнообразных факторов, в том числе государственной социальной и экономической политики.

Среди малоизученных историками проблем остаются миграционные передвижения населения, особенно по отдельным экономическим районам. Форсированная индустриализация и урбанизация послужили причинами интенсификации пространственных перемещений людей, которые на сегодня стали повсеместными и обыденными явлениями. В рассматриваемые в диссертации годы миграции продолжали играть ключевую роль. В то же время постоянно менялись направления и интенсивность людских потоков, совершенствовались механизмы их государственного регулирования. В результате одни районы привлекали большое количество мигрантов, в других, наоборот, происходил сильный отток населения. Изучение исторических особенностей пространственных перемещений может существенно облегчить понимание логики современных миграционных процессов.

Восточные районы, в том числе Сибирь, играют значительную роль в экономической жизни России. Современная государственная политика «разворота на Восток» предполагает установление тесных экономических и торговых связей с государствами Индо-Тихоокеанского региона, которые в последние десятилетия совершили внушительный экономический рывок. Особенно это актуально сегодня, когда нарастает изоляция российской экономики от западного мира. Некоторые страны Азии осуществили индустриализацию или находятся в этом процессе, стремительно растут их население и объемы внутреннего рынка, в результате чего значительно увеличился спрос на разнообразные потребительские товары и природные ресурсы. Такое течение событий предполагает активизацию экономического и инфраструктурного развития Сибири и Дальнего Востока, вовлечение в хозяйственный оборот новых залежей полезных ископаемых.

Между тем у восточных районов уже имеется исторический опыт активного хозяйственного освоения. В послевоенный период был реализован комплекс мер государственной политики «ускоренного развития восточных районов». В Сибири появились Ангаро-Енисейский, Канско-Ачинский, Западно-Сибирский нефтегазовый территориально-производственные комплексы, благодаря строительству Байкало-Амурской магистрали более

разветвленной стала транспортная инфраструктура. Появилось множество новых населенных пунктов, в том числе городских поселений.

Именно поэтому изучение демографической подсистемы Западной Сибири в контексте реализации данной политики представляет огромный интерес. Особенно важно исследовать каким образом происходило развитие городов и поселков городского типа. Значительный интерес представляет изучение динамики численности жителей больших, средних и малых городских поселений, различных функциональных типов населенных пунктов, эволюции половозрастного состава городского населения. Оценка экономических перспектив Западной Сибири должна опираться на знание характера воспроизводства ее населения. Для этого необходимо исследовать его рождаемость и смертность, определить их точные показатели, выявить и изучать причины, влияющие на их динамику. В русле такого исследования целесообразно обнаружить факторы присущие непосредственно западносибирским регионам.

В условиях сокращения естественного прироста миграция стала важнейшим источником пополнения трудовых ресурсов в восточных районах. Такое положение сохранится еще длительное время. Отсюда вытекает необходимость детального изучения пространственных перемещений в Западной Сибири, выявления причин оттока населения, масштабов сельско-городских и межгородских миграций. В этой связи важно выявить миграционную динамику городских поселений различных категорий, в том числе в отдельных городах, региональную дифференциацию людских перемещений, которая была достаточно существенной. Не менее важно изучить территориальные источники миграций, роль разных экономических районов и союзных республик в пополнении городских контингентов. Таким образом, изучение демографических процессов в западносибирских городских поселениях в конце 1950-х – 1980-е гг. представляет собой важную и актуальную задачу. Результаты такого исследования могут быть востребованными в перспективном экономическом планировании, при формировании направлений государственной демографической и социальной политики.

Степень изученности темы детально проанализирована в первом параграфе первой главы диссертационного исследования. Здесь, во введении будет дан краткий обзор историографии темы. Хронологически вся историография разделена на два периода: советский и постсоветский.

Демографическое развитие городского населения в советское время подробно не исследовалось. Ученые сосредоточились на изучении процессов народонаселения в целом. Как правило, они акцентировали свое внимание на анализе одного или двух аспектов демографического развития общества. Работы, в которых бы детально исследовались численность, рождаемость, смертность, миграция населения, были довольно редкими. Это связано с тем, что демографические процессы изучаемого периода рассматривали, кроме историков, представители разных отраслей научного знания, в том числе экономисты,

социологи, географы, которые делали упор на изучении своего предмета исследования и, соответственно, ставили свои специфические задачи.

Проблемы воспроизводства населения Сибири первоначально почти не рассматривались. Среди опубликованных трудов можно выделить монографию Е.М. Левицкого¹. Наиболее известной работой стала коллективная монография Е.Д. Малинина и А.К. Ушакова, где в краткой форме изложены характеристики рождаемости и смертности в Сибири, этапы формирования сибирского городского населения².

Наибольшие успехи были достигнуты при изучении миграций. В работах В.И. Переведенцева, Е.Д. Малинина и А.К. Ушакова детально проанализированы пространственные перемещения населения 1960-х гг., установлены их особенности и факторы³. Крупный вклад в изучение темы внесли труды, опубликованные Ж.А. Зайончковской и коллективом ученых под руководством Т.И. Заславской⁴. Сложной динамике развития сельско-городских перемещений посвящено исследование Л.В. Корель⁵.

В советское время большое внимание уделялось городам районов нового промышленного освоения⁶. Крупные монографии по конкретно сибирским городам были опубликованы Е.Н. Перциком, Г.Ф. Куцевым и Б.И. Оглы. В них в основном анализировалась история становления городской системы расселения, социальные аспекты строительства новых городов, демографический состав горожан⁷.

Динамика городского населения, рост его удельного веса рассматривались в трудах, посвященных сибирскому рабочему классу, источникам и формам его пополнения. Среди них выделяется крупная коллективная монография «Рабочий класс Сибири. 1961–1980 гг.» (Новосибирск, 1986). С.С. Букин и В.И. Исаев сконцентрировали свое внимание на социально-бытовых аспектах урбанизации. Тем не менее специфика исследуемых ими тем предполагала обращение к некоторым проблемам демографии городского населения⁸. Значительный вклад в становление и развитие демографических исследований в Сибири внес В.В. Алексеев через

¹ Левицкий Е.М. Экономико-статистическое исследование воспроизводства населения Сибири и Дальнего Востока на основе таблиц продолжительности жизни. Новосибирск, 1962.

² Малинин Е.Д., Ушаков А.К. Население Сибири. М., 1976.

³ Переведенцев В.И. Современная миграция населения Западной Сибири. Новосибирск, 1965; Переведенцев В.И. Миграция населения и трудовые проблемы Сибири. Новосибирск, 1966.

⁴ Миграция сельского населения: цели, задачи и методы регулирования. Новосибирск, 1969; Миграция сельского населения. М., 1970; Зайончковская Ж.А. Новоселы в городах (методы изучения приживаемости). М., 1972.

⁵ Корель Л.В. Перемещения населения между городом и селом в условиях урбанизации. Новосибирск, 1982.

⁶ Мисевич К.Н., Чуднова В.И. Население районов современного промышленного освоения севера Западной Сибири. Новосибирск, 1973.

⁷ Перцик Е.Н. Город в Сибири: проблемы, опыт, поиск решений. М., 1980; Куцев Г.Ф. Новые города (социологический очерк на материалах Сибири). М., 1982; Оглы Б.И. Строительство городов Сибири. Л., 1980.

⁸ Букин С.С. Опыт социально-бытового развития городов Сибири (вторая половина 1940-х – 1950-е гг.). Новосибирск, 1991; Букин С.С. Социально-бытовое и демографическое развитие Сибири: проблемы взаимодействия // Исторический опыт социально-демографического развития Сибири: тез. докл. и сообщ. Всесоюз. науч. конф. (12–14 дек. 1989 г.). Новосибирск, 1989. Вып. 2. Социально-демографическое развитие советской Сибири. С. 80–82; Исаев В.И. Быт рабочих Сибири. 1926–1937 гг. Новосибирск, 1988.

разработку тематики трудовых ресурсов⁹. В конце 1970-х – в 1980-е гг. были опубликованы работы М.М. Ефимкина, в которых городское население изучалось более подробно¹⁰.

Наибольший вклад в изучение темы внес В.А. Исупов, которым предметно рассмотрены процессы воспроизводства сибирского городского населения. Несмотря на то, что в его трудах изучаются в основном 1920–1950-е гг., часть тенденций, обнаруженных ученым, продолжала действовать и на последующих этапах демографического развития сибирских городов¹¹.

После распада Советского Союза активизировалось изучение собственно российской демографической истории. Вышло несколько крупных обобщающих трудов, в которых с исторических позиций рассмотрены демографические процессы в России и СССР в XX столетии¹².

Тенденции смертности и причины смертности населения в 1950–1970-е гг. в Западной Сибири проанализированы А.А. Бурматовым¹³. В этот период были проведены конференции и опубликовано несколько сборников научных трудов, в которых рассматривались отдельные аспекты естественного и механического движения населения¹⁴. Тенденции рождаемости, смертности и миграций в 1960–1980-е гг. анализировались в трудах Н.Я. Гущина, И.Б. Карпуниной, А.П. Мелентьевой, Н.В. Куксановой¹⁵. При этом половозрастному составу населения уделялось явно недостаточно внимания¹⁶.

⁹ Алексеев В.В. Электрификация Сибири. Историческое исследование. Новосибирск, 1976. Ч. 2. 1951–1970 гг.; Алексеев В.В. Влияние энергетического строительства на хозяйственное освоение и заселение Сибири // Хозяйственное освоение Сибири и рост ее народонаселения (XVIII–XX вв.): Бахрушин. чтения 1979 г.: сб. науч. тр. Новосибирск, 1979. С. 48–58; Алексеев В.В. Источники и формы комплектования трудовых коллективов Сибири в период упрочения и развития социализма // Трудовые коллективы Сибири: проблемы формирования и развития: сб. ст. Новосибирск, 1985. С. 5–20.

¹⁰ Ефимкин М.М. Источники и формы пополнения рабочих Западной Сибири в условиях развитого социализма. Новосибирск, 1979; Ефимкин М.М. Социальное развитие рабочего класса Сибири. 1959–1980 гг. Новосибирск, 1989; Ефимкин М.М. Рабочие Сибири, конец 50-х – середина 80-х годов. Новосибирск, 1990.

¹¹ Исупов В.А. Городское население Сибири: от катастрофы к возрождению (конец 30-х – конец 50-х гг.). Новосибирск, 1991. С. 255.

¹² Население Советского Союза: 1922–1991 гг. М., 1993; Демографическая модернизация России, 1900–2000. М., 2006; Население России в XX веке: исторические очерки: в 3 т. М., 2000–2012; Жиромская В.Б. Основные тенденции демографического развития России в XX веке. М., 2012.

¹³ Бурматов А.А. Эволюция смертности населения Западной Сибири в 1950–1970 гг. // Гуманитарные науки в Сибири. 2017. № 4. С. 75–81. Бурматов А.А. Детская смертность в 1970-х годах в Западной Сибири // Исторический курьер. 2021. № 4. С. 174–185.

¹⁴ Проблемы исторической демографии Сибири: сб. науч. тр. Новосибирск, 2010. Вып. I.; Проблемы исторической демографии Сибири: сб. науч. тр. Новосибирск, 2011. Вып. II.; Проблемы исторической демографии Сибири: сб. науч. тр. Новосибирск, 2013. Вып. III.; Проблемы исторической демографии Сибири: сб. науч. тр. Новосибирск, 2015. Вып. IV.; Социально-демографическое развитие Сибири в XX столетии. Новосибирск, 2003. Вып. I; Социально-демографическое развитие Сибири в XX столетии. Новосибирск, 2004. Вып. 2.; Социально-демографическое развитие Сибири в XX столетии. Новосибирск, 2004. Вып. 3.

¹⁵ Гушин Н.Я. Тенденции демографического развития Сибири в 60–80-х гг. // Демографическое развитие Сибири 30–80-е гг. Исторический опыт и современные проблемы: сб. науч. тр. Новосибирск, 1991. С. 49–103; Карпунина И.Б., Мелентьева А.П., Ильиных В.А. Сельское население Западной Сибири в 1960–1980-е гг. (факторы, тенденции и результаты социально-демографической адаптации). Новосибирск, 2003; Куксанова Н.В. Социально-бытовое развитие городов Сибири в 1960–1970-е гг.: уч. пос. Новосибирск, 1994.

¹⁶ См., например: Бадалян Т.М., Карпунина И.Б., Мелентьева А.П. Сельское население Западной Сибири: половозрастной состав и образовательная структура (60–80-е гг.) // Гуманитарные науки в Сибири. 1994. № 2. С. 42–46.

Крупнейшей работой по демографической истории Западной Сибири стала коллективная монография, опубликованная в 1997 г.¹⁷ Изучаемый нами период рассмотрен в основном обзорно, ученые реконструировали общие коэффициенты рождаемости, смертности в Западной Сибири за все XX столетие. Вопросы миграций в районах нового освоения анализировались А.И. Тимошенко¹⁸. В коллективной монографии «Миграции населения Азиатской России: конец XIX – начало XXI в.» (Новосибирск, 2011) описаны главные тенденции пространственных перемещений в Сибири и на Дальнем Востоке.

Начиная с 1990-х гг. была организована и успешно проведена серия научных конференций «Проблемы аграрного и демографического развития Сибири» (в 1997, 1999, 2009, 2014 гг.)¹⁹. Краткие очерки о городском населении вводились авторами всех работ по урбанизации или социально-экономическому развитию Сибири. В работе Н.В. Куксановой схематично представлен демографический рост сибирских городов в 1960–1970-е гг.²⁰. С.А. Рафикова проследила тенденции численности городских жителей в 1960-е гг., отметив высокие межрегиональные различия в системе городского расселения, в естественном и механическом приросте населения городов²¹.

Представляет интерес коллективная монография сибирских историков – В.И. Исаева, А.А. Долголюка, С.С. Букина и А.И. Тимошенко, посвященная индустриально-урбанистическому обществу. Авторы убедительно доказывают, что урбанизация носила форсированный и насильственный характер, проявившийся в массовом, похожем на бегство, переселении крестьян в город²². Кроме вышеупомянутых работ появились публикации, в которых авторы рассмотрели проблемы народонаселения в более общей плоскости. В работах В.А. Ламина и М.М. Ефимкина предпринята попытка выявить глубинные тенденции в формировании населения, в том числе городского²³.

¹⁷ Население Западной Сибири в XX веке. Новосибирск, 1997.

¹⁸ Тимошенко А.И. Государственная политика формирования и закрепления населения в районах нового промышленного освоения Сибири в 1950–1980-е гг.: планы и реальность. Новосибирск, 2009.

¹⁹ Проблемы аграрного и демографического развития Сибири: научные чтения, посвященные памяти Н.Я. Гущина. Новосибирск, 1997; Аграрное и демографическое развитие Сибири в контексте российской и мировой истории. XVII–XX вв.: мат-лы всерос. науч. конф. Новосибирск, 1999; Проблемы аграрного и демографического развития Сибири в XX – начале XXI в.: тез. докл. и сообщ. конф., 26–27 окт. 2009 г.: посв. 90-летию со дня рожд. Н.Я. Гущина. Новосибирск, 2009; Проблемы аграрного и демографического развития Сибири в XX – начале XXI в.: мат-лы II Всерос. науч. конф. 20–22 октября 2014 г. Новосибирск, 2014.

²⁰ Куксанова Н.В. Социально-бытовое развитие городов Сибири в 1960–1970-е гг.: уч. пос. Новосибирск, 1994.

²¹ Рафикова С.А. Живая история повседневности: сибирские горожане в 1960-е годы. Красноярск, 2019.

²² Букин С.С., Долголюк А.А., Исаев В.И., Тимошенко А.И. Формирование индустриально-урбанистического общества в Урало-Сибирском регионе. Новосибирск, 2011.

²³ Ламин В.А. Императивы демографического развития Сибири // Социально-демографическое развитие Сибири в XX столетии. Новосибирск, 2003. Вып. 1. С. 10–34; Ламин В.А., Ефимкин М.М. Население восточных районов России в глобальных демографических процессах // Миграционные процессы в азиатской России в XIX – начале XXI в.: сб. науч. тр. Новосибирск, 2009. С. 201–211; Ефимкин М.М., Ламин В.А. Сибирское демографическое пространство: формирование, развитие, перспективы // Проблемы исторической демографии Сибири: сб. науч. тр. Новосибирск, 2010. Вып. 1.

Фрагментация экономического пространства России после распада СССР и рыночных реформ способствовала росту интереса к региональной истории, в том числе демографической. Были опубликованы статьи и монографии, в которых в разной степени затрагиваются проблемы демографического развития городов²⁴.

Итак, проблемы демографического развития Западной Сибири в советский и постсоветский период затрагивались в целом ряде работ. Однако степень разработанности тем сильно различалась. В наименьшей степени было изучено воспроизводство городского населения исследуемого периода. Относительно неплохо были проанализированы некоторые аспекты миграционных процессов, особенно в 1960-е гг. Тем не менее большинство вопросов демографического развития населения городов было только поставлено. Сохранился большой пласт малоисследованных или вообще не исследованных аспектов. К тому же возник существенный разрыв между эмпирическим накоплением данных и теоретическими обобщениями. Как и прежде, требуют методологического осмысления вопросы воспроизводства и миграции населения, в том числе городского. Это позволит определить общие и особенные черты демографической модернизации и урбанизационного перехода в Западной Сибири.

Зарубежная историография. Зарубежные ученые также уделили внимание демографическим переменам в Советском Союзе. Большой интерес с их стороны был обусловлен политическим и военно-экономическим весом СССР в мире, следовательно, общественные процессы, происходившие в нашей стране, требовали должной научной интерпретации. Среди первых значительных историко-демографических работ следует выделить монографию Ф. Лоримера, в которой с объективных, взвешенных позиций рассмотрены тенденции численности, рождаемости и смертности населения, начиная с древнейших времен. Кроме воспроизводства и миграции автор проанализировал социально-экономическое развитие России и ее демографические потери в годы социальных потрясений²⁵. Французским демографом Ж.Н. Бирабеном были определены показатели рождаемости и смертности для территорий, вошедших в Советский Союз начиная со второй половины XIX в.

²⁴ Григоричев К.В. Динамика населения и миграционные процессы в Алтайском крае: середина 1940-х – конец 1980-х гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2000; Колева Г.Ю. Западно-Сибирский нефтегазодобывающий район: экономическое и социальное развитие (1960–2000-е гг.). Тюмень, 2010; Гаврилова Н.Ю. Социальное развитие нефтегазодобывающих районов Западной Сибири. Тюмень, 2002; Карпов В.П., Колева Г.Ю., Гаврилова Н.Ю., Комгорт М.В. Западно-Сибирский нефтегазовый проект: от замысла к реализации. Тюмень, 2011; Стась И.Н. Стать горожанином: урбанизация и население в нефтяном крае (1960-е – начало 1990-х гг.). Курган, 2018; Корнилов Г.Г. Население Ямала в 1959–1989 гг.: историко-демографический анализ: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2010; Заболотская К.А. Изменение численности населения в угледобывающих районах Сибири // Исторический опыт социально-демографического развития Сибири: тез. докл. и сообщ. Всесоюз. науч. конф. (12–14 дек. 1989 г.). Новосибирск, 1989. Вып. 2. Социально-демографическое развитие советской Сибири. С. 64–65; Бельков А.В. Городское население Кузбасса в 20-е гг. XX в. – начале XXI в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Кемерово, 2007.

²⁵ Lorimer F. The Population of the Soviet Union: History and Prospects. Geneva, 1946. 293 p.

вплоть до конца 1950-х гг.²⁶ Эти работы, по существу, заложили фундамент будущих демографических исследований.

После публикации материалов Всесоюзной переписи 1959 г. количество работ существенно выросло. Зарубежных демографов, кроме демографических показателей, интересовало насколько велики различия в характеристиках воспроизводства и миграции западных стран и Советского Союза; действительно ли существуют «социалистический закон» народонаселения и присущие странам, которые принадлежат к советскому лагерю, специфические факторы рождаемости и смертности; смогут ли они долго удерживать высокий прирост численности населения.

Большинство демографов поддержало точку зрения, что демографический переход являлся универсальным явлением, который имел место и в Советском Союзе. Д. Хиру удалось одним из первых реконструировать его этапы в СССР²⁷. Определив начало перехода 1895 годом, исследователь предположил, что к моменту публикации статьи он, возможно, еще не завершился. Демографический переход по историческим меркам шел значительно быстрее, чем, например, в западноевропейских странах, в некоторых из которых он длился почти двести лет. При этом он продолжался дольше, чем, например, в Японии (1925–1960 гг.). Еще одним отличием нашей страны являлись длительное сохранение высоких рождаемости и смертности перед началом демографической модернизации и сравнительно небольшие размеры естественного прироста на ее промежуточных фазах.

В работах Д. Берента детально проанализированы показатели рождаемости: по возрасту матери и по порядку рождения, по городам и сельской местности²⁸. Автор пришел к выводу, что различия в рождаемости, которые существуют в западных обществах, присутствуют также в социалистических странах. В своих выводах он согласился с Д. Хиром в том, что перемены в Восточной Европе произошли намного быстрее, чем у первопроходцев демографической модернизации.

В дальнейшем существование у Советского Союза общих с другими индустриальными странами демографических трендов уже не подвергалось сомнению, тем более что многие советские ученые тоже согласились с этим. Интерес у зарубежных авторов вызвали причины возникновения специфики демографической модернизации, ее региональные особенности. Их внимание привлекли экономические и политические последствия демографических

---

²⁶ Biraben J.N. Essai sur l'évolution démographique de l'U.R.S.S // Population (French Edition). 1958. Vol. 13. No. 2. P. 29–62.

²⁷ Heer D.M. The Demographic Transition in the Russian Empire and the Soviet Union // Journal of Social History. 1968. Vol. 1. No. 3. P. 193–240.

²⁸ Berent J. Causes of Fertility Decline in Eastern Europe and the Soviet Union. Pt. I. The Influence of Demographic Factors // Population Studies. 1970. Vol. 24. No. 1. P. 35–58; Berent J. Causes of Fertility Decline in Eastern Europe and the Soviet Union. Pt. II: Economic and Social Factors // Population Studies. 1970. Vol. 24, No. 2. P. 247–292.

перемен, например то, как изменения в численности и составе (особенно национальном) населения повлияют на количество и качество трудовых ресурсов, военную мощь страны, ее внутривосточную стабильность.

Р. Льюис, Р. Роулэнд и Р. Клем придерживались позиции, что население во всем мире одинаково реагирует на социально-экономические условия, вне зависимости от общественного строя. Причем модернизация и демографические процессы являются взаимосвязанными явлениями²⁹. В этом отношении их теоретические взгляды были шагом вперед, так как многие демографы по-прежнему трактовали демографический переход как вполне независимый процесс. Много внимания они уделяли исследованию влияния индустриализации на рождаемость среди людей разных национальностей, прежде всего, проживавших в Центральной Азии. Авторы пришли к интересному выводу, что модернизация не уменьшает, а, наоборот, усиливает конкуренцию и напряженность во взаимодействии между этносами. Этнические аспекты рождаемости в СССР исследовались также Д.П. Мазуром³⁰. Существование серьезных различий среди разных народов СССР он объяснял в основном действием религиозного фактора.

Э. Коул, Б. Андерсон и Э. Херм изучали рождаемость в России с XIX столетия³¹. Коллективная монография ученых стала пятым томом из серии книг, выпущенных под эгидой Европейского исследовательского проекта о рождаемости. Авторы с применением теории демографического перехода выявили, что уровень рождаемости в России до конца XIX в. был высоким и практически не менялся, но к 1970 г. упал примерно на две трети. Большой интерес ученые проявили к демографическому развитию среднеазиатских народов. В книге утверждается, что снижение рождаемости началось под влиянием географически близкого Запада. В то же время, например, национальности, исповедующие ислам на востоке страны, не стремились к вестернизации, что привело к тому, что рождаемость у них долгое время находилась на высоком уровне.

П. Грегори отошел от традиционных методов изучения советского общества и стал изучать рождаемость с помощью микроэкономической теории³². Дети здесь рассматривались как подобие «товаров длительного пользования», которые вступают в конкуренцию с другими товарами (автомобилями, домами и т.д.). По мнению ученого, первого ребенка желают завести почти все семьи, тогда как последующие дети (вторые, третьи и далее) вступают в

---

²⁹ Lewis R.A., Rowland R.H., Clem R.S. Modernization, Population Change and Nationality in Soviet Central Asia and Kazakhstan // Canadian Slavonic Papers / Revue Canadienne des Slavistes. 1975. Vol. 17. No. 2/3. P. 286–301.

³⁰ Mazur D.P. Fertility among Ethnic Groups in the USSR // Demography. 1967. Vol. 4. No. 1. P. 172–195.

³¹ Coale A.J., Anderson B.A., Harm E. Human Fertility in Russia since the Nineteenth Century. Princeton, N.J.: Princeton Univ. Press, 1979. 285 p.

³² Gregory P. Soviet Theories of Economic Demography: A Survey // Journal of Comparative economics. 1983. Vol. 7. No. 2. P. 105–113.

соперничество с другими потребительскими благами. Высокие очередности рождений проигрывают в этой конкуренции, и рождаемость в обществе начинает снижаться. С экономической точки зрения высокая заработная плата у женщин привлекает их на работу, следовательно рождаемость сокращается; падение младенческой смертности тоже уменьшает рождаемость, так как большое число детей доживает до старости. Снижение межполовых различий в оплате труда сокращает рождаемость, так как женщины материально меньше зависят от мужчин, что одновременно подрывает стабильность браков. Итак, П. Грегори пришел к выводу, что поведение семей на Западе и в восточноевропейских странах имело много общего, а фактор общественного строя носил второстепенное значение.

Гораздо меньше западные ученые исследовали динамику смертности. Интерес к этой проблеме усилился, когда в СССР она стала повышаться. Так, М. Фешбах и Н. Эберштадт причинами такого роста считали недостатки советской системы здравоохранения: снижение доли средств, выделяемых на нее, невысокое качество медицинской помощи, недостаточные объемы производства медицинских препаратов и оборудования, а также алкоголизм, особенно женский, курение³³. Интересно, что в отличие от рождаемости западные исследователи не использовали методологию демографического перехода в качестве инструмента анализа, в основном с критических позиций рассматривая тенденции смертности в СССР.

С 1970-х гг. увеличилось количество научных трудов, посвященных миграционным процессам. В работах П. Грендстаффа с привлечением теорий Е. Равенштейна пространственные перемещения в СССР проверялись на соответствие западным миграционным моделям³⁴. Исследователь пришел к выводу, что они вполне могли быть описаны с их помощью. Большая часть миграций происходила внутри или между приграничными экономическими районами; число прибытий сокращалось с увеличением расстояния, миграционный приток зависел от промышленного развития, существовали значительные встречные потоки миграций. Много внимания (А. Беннигсен, М. Броксап) уделялось миграциям в Центральной Азии, а также в Прибалтике (Т. Парминг)³⁵. Эта проблема интересовала ученых с точки зрения развития внутриполитической обстановки в республиках, состояния межнациональных отношений, качества трудовых ресурсов, внутренней стабильности советского общества.

---

³³ Feshbach M. Social Maintenance in the U.S.S.R.: Demographic Morass // *The Washington Quarterly*. 1982. Vol. 5 (September). P. 92–98; Feshbach M. Issues in Soviet Health Problems // *The Soviet Economy in the 1980s: Problems and Prospects*. Pt. 2. Washington: U.S. Government Printing Office, 1983. P. 203–227; Eberstadt N. On Infant Mortality in the Soviet Union: A Comment // *Population and Development Review*. 1984. Vol. 10. No. 1. P. 91–98.

³⁴ Grandstaff P.J. Recent Soviet Experience and Western “Laws” of Population Migration // *The International Migration Review*. 1975. Vol. 9. No. 4. P. 479–497.

³⁵ Bennigsen A., Broxup M. *The Islamic Threat to the Soviet State*. London; Canberra: Croom Helm, 1983. 170 p.; Parming T. Population Processes and the Nationality Issue in the Soviet Baltic // *Soviet Studies*. 1980. Vol. 32. No. 3. P. 398–414.

Демографическому развитию городского населения тоже был посвящен ряд работ. Особенности советской урбанизации рассматривались в статье Р. Люиса и Р. Роуланда. Они, например, обнаружили, что в СССР роль больших городов была значительнее, чем в США, но зато процесс субурбанизации был развит намного меньше³⁶. Общие количественные параметры советской урбанизации рассматривались Д. Бейтером³⁷.

Одним из самых известных советолов-урбанистов являлся американский ученый Ч. Харрис. В своих трудах на основе скудных статистических материалов он проанализировал тенденции численности городского населения в России и ее районах с начала XIX в.³⁸ Ученый обнаружил достаточно выраженные межтерриториальные различия в урбанизации. Так, он отметил низкие темпы роста числа горожан в 1960-е гг. на Урале, в центральных районах России, Донбассе и Кузбассе. В его работах детально проанализирована численность жителей в каждом крупном городе Советского Союза. Разделив города на группы и функциональные типы, а затем распределив их по темпам роста населения, он обнаружил тенденцию, которой еще не было раньше, – сокращение численности жителей в некоторых крупных городах. В целом почти все из изложенных им фактов были известны советским демографам, главным достоинством его работ являлось объяснение демографических тенденций с помощью методологии демографического и урбанизационного переходов.

После распада Советского Союза интерес к новым государствам, возникшим на его территории, в том числе к России, значительно снизился. Часть вышеупомянутых авторов продолжила свои научные изыскания. Например, в 1992 г. вышла книга М. Фешбаха и А. Френдли, посвященная экологическим проблемам СССР³⁹. Самой крупной, на наш взгляд, работой стала монография А. Блюма⁴⁰. В этом во многих отношениях обобщающем исследовании были использованы последние достижения западной и отечественной демографической науки. Были конкретизированы и детально описаны события, происходившие на каждом этапе демографического перехода. Например, ученый пришел к выводу, что хотя уровень рождаемости почти достиг показателей Западной Европы, «средства достижения такого уровня были совсем другими». А. Блюм подчеркивает, что ни советский строй, ни перипетии политического развития Советского Союза не изменили траектории демографического развития страны.

---

³⁶ Lewis R.A., Rowland R.H. Urbanization in Russia and the USSR: 1897–1966 // *Annals of the Association of American Geographers*. 1969. Vol. 59. No. 4. P. 776–796.

³⁷ Bater J.H. *The Soviet City*. London: Edward Arnold, 1980. 196 p.

³⁸ Harris C.D. Urbanization and Population Growth in the Soviet Union, 1959–1970 // *Geographical Review*. 1971. Vol. 61. No. 1. P. 102–124.

³⁹ Фешбах М., Френдли А. *Экоцид в СССР: здоровье и природа на осадном положении*. М., 1992.

⁴⁰ Блюм А. *Родиться, жить и умереть в СССР*. М., 2005.

Большую известность приобрела коллективная монография Ф. Хилл и К. Гэдди. Ученые доказывают, что из-за нерыночного размещения промышленности в советский период в Сибири и на Дальнем Востоке сформировался большой избыток населения, сконцентрированный главным образом в городах. Их размеры значительно превысили оптимальные величины, что отрицательно повлияло на российскую экономику. Причем планово созданные города не были таковыми в привычном смысле, они стали сборными пунктами, складами и центрами снабжения и имели исключительно утилитарное значение⁴¹.

Характер урбанизации в Советской России рассматривался в работе Ч. Беккера, С.Д. Мендельсона и К. Бендерской. Ученые изучили естественное и миграционное движения населения страны и пришли к выводу, что рост количества горожан шел ускоренными темпами. При сохранении рыночной модели темпы урбанизации были бы ниже, многие крупные «сырьевые» города остались бы обычными поселками. Авторы согласны с Ф. Хилл и К. Гэдди в том, что плановая экономика существенно скорректировала характер градообразования в СССР, вызвав избыточный рост населения тех городских поселений, которые находились в неблагоприятных географических и климатических условиях⁴².

Определенный интерес у зарубежных исследователей вызвали процессы урбанизации и воспроизводства населения в послевоенный период. В работе Д. Филцера анализируется санитарное и продовольственное снабжение городов в 1943–1953 гг. и их влияние на смертность горожан⁴³. М. Накачи раскрывает историю советской политики в отношении аборт и ее последствия. Главное внимание в ее книге уделено 1930–1950-м гг.⁴⁴ Продолжилось, хотя и не так интенсивно, как прежде, изучение населения бывших союзных республик СССР (Д. Ловетт)⁴⁵.

Как видим, западные ученые проделали большую работу по изучению демографической подсистемы советского общества. Основным их научным достижением следует считать применение передовых теоретических концепций для анализа воспроизводства, миграции и урбанизации. Западные демографы справедливо критиковали познавательные возможности марксистской методологии и попытки советских ученых сформулировать демографические характеристики разных способов производства. Тем не менее следует отметить, что статистическая база их научных исследований объективно была узкой. Недостаток источников компенсировался применением сложных математических приемов для расчетов нужных

⁴¹ Хилл Ф., Гэдди К. Сибирское бремя: просчеты советского планирования и будущее России. М., 2007.

⁴² Becker Ch., Mendelsohn S.J., Benderskaya K. Russian urbanization in the Soviet and post-Soviet eras. London, 2012.

⁴³ Filtzer D. The Hazards of Urban Life in Late Stalinist Russia: Health, Hygiene, and Living Standards, 1943–1953. Cambridge Univ. Press, 2010.

⁴⁴ Nakachi M. Replacing the Dead: The Politics of the Reproduction in the Postwar Soviet Union. Oxford Univ. Press, 2021.

⁴⁵ Lovett J. “The Fate of the Nation”: Population Politics in a Changing Soviet Union (1964–1991) // Nationalities Papers. 2022. P. 1–20.

показателей и использованием материалов, изданных в открытой печати (журнал «Вестник статистики», монографии, статьи). Именно поэтому внимание к той или иной проблеме возникало после недавних публикаций советских исследователей. В постсоветский период интерес к демографической истории Советского Союза снизился. Начиная с 2010-х гг. работы, освещающие разные аспекты воспроизводства и миграции населения, стали выходить чаще. Что касается восточных районов России, то, судя по всему, за рубежом тенденции их демографического развития в 1960–1980-е гг. были известны лишь в самых общих чертах. Но они почти не исследовались из-за недостатка источников и слабой осведомленности о научных работах, вышедших по этой теме.

Объектом научного исследования является городское население Западной Сибири.

Предметом исследования является демографическое развитие городского населения Западной Сибири в конце 1950-х – 1980-е гг. Под демографическим развитием понимается закономерное изменение численности, половозрастного состава, воспроизводства и миграции городского населения, его постепенный переход из одного количественного и качественного состояния в другое в рассматриваемый период. Под воспроизводством населения, которое является одним из центральных вопросов работы, имеется в виду непрерывное возобновление поколений людей в результате взаимодействия рождаемости и смертности. Важнейшую роль в формировании населения городских поселений играли миграционные перемещения, поэтому миграция также вошла в предмет исследования. Численность городского населения, его распределение по городам различных категорий, трансформация его половозрастного состава рассматриваются как результат исторического взаимодействия процессов воспроизводства и миграции.

Основной **целью** диссертации является выявление и изучение общих и особенных черт демографического развития городского населения в Западной Сибири, определение результатов этого развития в конце 1950-х – 1980-е гг. Для достижения указанной цели необходимо решить следующие **задачи**:

- определить основные тенденции развития историографии по изучаемой проблеме и сформулировать методологическую модель ее изучения;
- выявить динамику численности городского населения Западной Сибири;
- определить роль больших, средних и малых городов, а также и их отдельных функциональных типов в системе городского расселения, особенности и факторы изменения численности их населения;
- установить характеристики половозрастного состава городского населения, в том числе в отдельных западносибирских регионах и в городах различных размеров и функциональных типов;

- раскрыть общие и особенные черты рождаемости городского населения, в том числе в разных возрастных когортах и очередностях рождения, ее региональную специфику;
- выявить характер изменения смертности западносибирского городского населения, ее возрастные, гендерные и региональные особенности, отличительные черты структуры причин смертности и эпидемиологического перехода;
- дать оценку воспроизводству городского населения;
- определить тенденции миграционного движения городского населения с учетом влияния разнообразных факторов, в том числе на территориальном уровне;
- установить значение крупных, средних и малых городов и их функциональных типов в миграционном движении населения;
- выявить интенсивность, направления и тенденции межтерриториального миграционного движения городского населения, его миграционное взаимодействие с союзными республиками и экономическими районами СССР.

Территориальные рамки исследования охватывают Западную Сибирь, в составе которой находились Новосибирская, Омская, Томская, Кемеровская, Тюменская области и Алтайский край в границах 1959–1989 гг. За пределы территориальных рамок исследования вынесена Курганская область, которая с 1959 г. из Западной Сибири переведена в состав Уральского экономического района.

Хронологические рамки исследования ограничены концом 1950-х – концом 1980-х гг. Нижняя граница отмечена достижением городским населением Западной Сибири рубежа в 50,0 % от общей численности ее жителей. С этого момента экстенсивная фаза урбанизации постепенно переходит в интенсивную. На XXI съезде КПСС, который прошел в 1959 г., были приняты предметные решения о вовлечении в хозяйственный оборот природных ресурсов восточных районов. Эти решения в дальнейшем оказали сильное влияние на процессы урбанизации и, соответственно, демографическое развитие городских поселений. Верхняя граница характеризуется возникновением и развитием под влиянием перестроечных процессов новых негативных тенденций в рождаемости, смертности и миграции, которые в последующие годы с распадом союзного государства значительно усилились.

Методология исследования подробно представлена во втором параграфе первой главы. Диссертационное исследование базируется на комплексе общенаучных принципов, а также на общенаучных, исторических, демографических и статистических методах исследования. Принцип историзма необходим для того, чтобы рассматривать те или иные демографические события в тесной связи с конкретными историческими явлениями и условиями, при которых они возникают. Принцип объективности помогает выявить закономерности, определяющие процессы демографического развития, рассматривать их во всей многогранности и

противоречивости, независимо от субъективного отношения к происходившим событиям и фактам.

Принцип системности дает возможность рассматривать изучаемый объект – демографическую подсистему общества как состоящую из структурных элементов с многообразными внутренними связями, активно взаимодействующую с внешней средой, то есть с экономической, социальной, культурной, политической подсистемами. Принцип всесторонности предполагает детальное изучение каждого из структурных элементов демографической подсистемы общества (рождаемости, смертности, миграции, численности и возрастного состава городского населения).

В исследовании применялся комплекс общенаучных методов – анализ, синтез, метод классификации и описания, метод восхождения от конкретного к абстрактному и от абстрактного к конкретному.

Историко-генетический метод используется для последовательного раскрытия демографических изменений в западносибирском городском населении в процессе его исторического развития в рассматриваемый период. Он дает возможность выявить причинно-следственные связи, благодаря которым происходят изменения в численности городского населения, в его возрастном составе, в показателях рождаемости, смертности, естественного прироста, в направлениях и интенсивности миграционных процессов.

Историко-сравнительный метод нацелен на выявление общего и особенного в демографическом развитии Западной Сибири и ее регионов путем сопоставления с РСФСР в целом, с другими республиками и районами СССР, что позволяет глубже понять исследуемый феномен. Он дает большие возможности для того, чтобы оценить характер и масштаб демографических перемен, выявить специфику процессов воспроизводства и миграции городского населения в Западной Сибири, в том числе на областном уровне и, таким образом, выявить особенности демографического, миграционного, урбанистического переходов. В определенной степени он применим для оценки не только синхронных, но и диахронных демографических процессов.

Историко-типологический метод применяется для выявления однородных явлений в демографической подсистеме Западной Сибири, которые возникают в результате смены одних качественных и количественных состояний другими. Это требует распределения большой совокупности демографических явлений по идеальным типам. Данный метод, например, необходим для синхронизации стадий демографического, эпидемиологического, миграционного и урбанизационного переходов. Это, в конечном счете, дает возможность выявить суть происходивших перемен в демографической подсистеме общества.

В работе широко использовались демографические методы исследования. Учитывая, что многие статистические методы развивались в ходе анализа демографических явлений, то трудно провести четкое распределение между статистическими и математическими методами⁴⁶.

Статистический метод был применен для анализа демографических данных, извлеченных из опубликованных и неопубликованных источников, в частности Всесоюзных переписей и материалов текущего учета населения. В демографии статистические методы применяются для получения сведений о населении и отдельных демографических процессах, построения рядов распределения, анализа демографических закономерностей и социально-демографических связей, вычисления отдельных показателей естественного и механического движения населения. С помощью методов статистического наблюдения собирается исходная информация переписей и текущего учета населения, следовательно в нашей работе они не используются.

Метод построения рядов распределения был необходим для обработки данных, извлеченных из переписей, текущего учета населения, экономической и социальной статистики. С его помощью происходило упорядочение по определенным признакам статистических совокупностей в какой-либо отрезок времени. На его основе были построены многие таблицы текста диссертации и приложения. Методы статистического описания демографических процессов включают в себя вычисление частоты распространения того или иного демографического события. Эта частота определяется коэффициентами, представляющими собой отношение числа событий к численности населения.

Из них в нашей работе использовались общие коэффициенты рождаемости, смертности, детской смертности, брачности и разводимости, сальдо миграции за весь исследуемый период и в отдельных временных интервалах. Широко применялись частные коэффициенты, которые показывают интенсивность демографических событий в отдельных группах населения. Это, прежде всего, возрастные коэффициенты смертности, смертности по причинам смерти, возрастные коэффициенты рождаемости, очередности рождения, национальности. Методы изучения социально-демографических связей необходимы для того, чтобы исследовать взаимозависимость между демографическими и социально-экономическими признаками в генеральной совокупности. В основе применения этих методов лежит понимание корреляционной зависимости, которая проявляется в каком-либо масштабном процессе.

Факторный анализ использовался для классификации признаков. Суть этого процесса заключалась в замене огромной совокупности признаков, описывающих объекты наблюдения, меньшим их количеством. Он позволяет выделить наиболее важные группы взаимосвязанных признаков, отделить существенные от несущественных. Корреляционный метод широко применялся для исследования влияния факторов на уровень рождаемости, смертности и

---

⁴⁶ Система знаний о народонаселении: уч. пос. для экон. спец. вузов. М., 1991. С. 151.

миграции. Его использование помогло проследить зависимость качественных и количественных показателей рождаемости, смертности и миграции от причин экономического и социального плана, в том числе от уровня промышленного производства, доходов населения, степени развития здравоохранения, образования и т.д.

Математические методы были использованы при работе с некоторыми цифровыми данными, полученными с помощью статистических методов, с возрастными коэффициентами рождаемости и смертности. Из математических методов широко применялся метод условного поколения для получения таких показателей, как суммарный коэффициент рождаемости, суммарные коэффициенты по очередности рождения. Характер распределения демографических событий проанализирован с помощью демографических таблиц, которые состоят из упорядоченных рядов взаимосвязанных величин, характеризующих течение одного или нескольких демографических процессов в когорте. Они являются математическими моделями демографических процессов, выраженных в табличной форме⁴⁷. Это, прежде всего, краткие таблицы смертности и показатели ожидаемой продолжительности жизни. Методика исчисления этих показателей представлена в книге В.А. Борисова⁴⁸.

В качестве методологической основы работы выступила теория У. Ростоу⁴⁹. В дополнение к ней для лучшего понимания отдельных моментов российской модернизации была привлечена теория А. Гершенкрона⁵⁰. Наиболее продуктивным является синтез теории модернизации в интерпретации У. Ростоу с теориями демографического (А.Г. Вишневский), миграционного (У. Зелински), эпидемиологического (А. Омран) и урбанизационного (Д. Гиббс) переходов⁵¹. Каждая из этих теорий рассматривает свою область демографических изменений в длительной ретроспективе путем выделения последовательно возникающих друг за другом типовых стадий. Эти стадии, относящиеся к разным теориям, теперь необходимо взаимно связать друг с другом, а затем и с этапами модернизации общества.

Ключевая идея У. Ростоу состоит в том, что процесс модернизации и индустриализации, в том числе в Советском Союзе, состоит из последовательно сменяющих друг друга стадий, которые заметно отличаются друг от друга своими характеристиками. Данное утверждение дает возможность сравнить отечественный опыт модернизации с зарубежным. Согласно его концепции индустриализация не является одномоментным процессом, значительно растянута

---

⁴⁷ Мотревич В.П. Историческая демография России: уч. пос. Екатеринбург, 2000. С. 32.

⁴⁸ Борисов В.А. Демография: учеб. для вузов. М., 2003.

⁴⁹ Ростоу В.В. Стадии экономического роста. Нью-Йорк, 1961.

⁵⁰ Гершенкрон А. Экономическая отсталость в исторической перспективе. М., 2015.

⁵¹ Вишневский А.Г. Демографическая революция. М., 1976; Zelinsky W. The Hypothesis of the Mobility Transition // *Geographical Review*, 1971. Vol. 61. No. 2. P. 219–249; Омран А. Эпидемиологический аспект теории естественного движения населения // *Проблемы народонаселения. О демографических проблемах стран Запада: сб. перевод. ст.* М., 1977. С. 57–91; Gibbs J. The Evolution of Population Concentration // *Economic Geography*. 1963. Vol. 39. No. 2. P. 119–129.

по времени. Социальное развитие общества, так же как и экономическое, тоже происходит поступательно и отличается на каждом из этапов. В процессе работы над методологическим разделом экономические характеристики каждой из стадий дополнены социальными. Эти характеристики одновременно являются факторами воспроизводства и миграции населения.

В дальнейшем был привлечен принцип историзма, по которому все разнообразие общественных явлений, в том числе демографических, возникает вследствие появления каких-то конкретных исторических условий. В нашем случае это сменяющие друг друга стадии роста со своими специфичными характеристиками. С помощью факторного анализа дано объяснение тенденциям рождаемости, смертности и миграций на каждой из рассматриваемых стадий. Это позволило в общих чертах установить механизм взаимосвязи стадий экономического роста, то есть, по существу, модернизации общества, с демографическим, миграционным, эпидемиологическим и урбанизационным переходами в странах первой волны индустриализации (см. Прил., табл. 14, 15).

Важной идеей теории У. Ростоу являлось то, что страны в разное время и с разной скоростью шли по пути обновления общества. Россия согласно этой концепции, несмотря на нерыночный характер экономики и форсированное развитие, была отнесена ко второму эшелону модернизации, следовательно, ее индустриальный, а также социальный прогресс шел так же, но с отставанием от ведущих промышленных стран на несколько десятилетий. Этот разрыв, в свою очередь, наложил отпечаток на процессы воспроизводства и миграции, которые предположительно тоже шли с отставанием.

Исследование демографических процессов в городских поселениях Западной Сибири в 1959–1989 гг. потребовали привлечения большого количества разнообразных опубликованных и неопубликованных **источников**, которые были распределены по следующим видам:

- нормативные и законодательные акты государственных органов;
- делопроизводственные документы государственных, общественных учреждений и организаций;
- статистические материалы;
- периодическая печать.

Основную массу источников составили архивные материалы хранилищ Российского государственного архива экономики (РГАЭ), Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ), региональных государственных архивов Новосибирской (ГАНО), Тюменской (ГАТюм.О), Кемеровской (ГАКО), Томской (ГАТО), Омской (ИАОО) областей и Алтайского края (ГААК). Часть статистических сведений извлечена из текущих архивов региональных облстатов (Динамические ряды).

В первую группу согласно видовому принципу распределения источников вошли *нормативные и законодательные акты государственных органов*. Верховный Совет принимал законы, которые являлись основными правовыми инструментами решения политических, хозяйственных и культурных задач. Совет Министров СССР для их исполнения принимал постановления и распоряжения уже по конкретным сферам общественной жизнедеятельности и непосредственно утверждал меры по выполнению народнохозяйственного плана⁵². В них описывались цели, порядок и сроки выполнения решений, ответственные министерства и ведомства, материальные затраты. Часто они сопровождались критикой в отношении сроков и качества исполнения народнохозяйственных планов или состояния дел в отрасли.

По важнейшим хозяйственным и политическим вопросам постановления Совета Министров вместе с Центральным Комитетом КПСС издавались совместно. Ввиду роли Коммунистической партии в жизни советского общества совместные постановления объединяли в себе силу партийной директивы, которую было необходимо претворить в жизнь, и собственно постановления исполнительной власти.

Рост или сокращение рождаемости и смертности нередко возникали вследствие принятия законов и постановлений. Влияние законов и постановлений органов власти не ограничивалось процессами воспроизводства. Проводимая государством социально-экономическая политика, выраженная посредством принимаемых законодательных и нормативных актов, оказывала мощное воздействие на масштабы и направления миграционных потоков.

Основная масса законов и постановлений, принимаемых по хозяйственным вопросам, нашли отражение в таких сборниках как «Ведомости Верховного Совета СССР», «Ведомости Верховного Совета РСФСР», «Собрание постановлений правительства СССР», «Свод законов СССР» (Т. 1–11), а также в специальном многотомном сборнике⁵³. Информативную ценность данного вида источников ограничивает неполнота публикации. Не все постановления были изданы в официальных сборниках, что осложняет правильную оценку событий, происходивших в народнохозяйственном комплексе страны, и, соответственно, демографических процессов. Из-за этого иногда трудно правильно интерпретировать необъяснимые и неожиданные перемены в процессах воспроизводства или миграции.

Большое значение для выполнения задач исследования представляет изучение сведений, содержащихся в *делопроизводственной документации государственных, общественных учреждений и организаций*. Основную ее часть составили материалы региональных архивов, вместе с тем активно использовались опубликованные данные. Если в нормативных и законодательных актах советских органов власти предлагались методы и инструменты решения

---

⁵² Советская историческая энциклопедия. Т. 13. Славяноведение – Ся Чен. М., 1971. С. 111.

⁵³ Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам (1917–1986): в 16 т. М., 1967–1988.

проблем, возникающих в различных сферах общества, то в делопроизводственной документации содержались разнообразные сведения о причинах появления тех или иных нормативных актов, а также описывались практические последствия их принятия. Именно поэтому данные этого источника позволяют с высокой степенью точности подойти к анализу ситуации в демографической подсистеме общества.

Система власти и управления была выстроена таким образом, что все важнейшие решения в жизни страны принимались партийными органами. В этой связи особый интерес представляют материалы съездов КПСС, касающиеся народнохозяйственных планов. Директивы к пятилетним планам развития народного хозяйства СССР (Основные направления экономического и социального развития) принимались съездами КПСС каждые пять лет. Они готовились с учетом научных прогнозов, предложений производственных объединений, министерств, местных органов управления, а позднее выносились на обсуждение на съезды партии. По сути директивы представляли собой программу экономической политики государства, решений узловых социальных и научно-технических проблем в заданном периоде. После обсуждения в высших государственных и партийных органах проекты Директив утверждались на Политбюро ЦК КПСС, а затем специальным постановлением съезда партии. Составленный на основе таких Директив пятилетний план утверждался в Верховном Совете СССР.

В Директивы включались показатели роста народного благосостояния, программы социального развития и повышения уровня доходов, информация об увеличении заработной платы, жилищном строительстве, охране здоровья, здравоохранении и образовании, мероприятиях по охране окружающей среды, сближению жизненного уровня городского и сельского населения, улучшению бытовых условий семьи.

В контексте исследования миграции было особенно важно изучить территориальную специфику формирования и размещения объектов промышленности. Прежде всего, это планы, касающиеся приоритетных отраслей индустриального производства и некоторых крупнейших предприятий в союзных республиках и их районах. Высокий интерес представляли перспективы экономического роста востока страны, особенно Сибири, ее территориально-производственных комплексов, сырьевых отраслей индустрии, играющих ведущую роль в местной экономике.

Характер развития аграрного производства оказывал воздействие на сельское население и его миграционные установки и косвенно – на динамику численности городских жителей. В этой связи было необходимо проанализировать государственную политику в отношении приусадебных хозяйств, планы по подъему экономики и социальной сферы села. Со второй половины 1970-х гг. высокая вероятность возникновения в ближайшей перспективе дефицита

трудовых ресурсов поставила вопрос о целях и задачах демографической политики, которые также нашли отражение в пятилетних планах. Определенный интерес представляют постановления и решения пленумов ЦК КПСС – заседаний членов и кандидатов в члены Центрального комитета КПСС, которые проводились не реже одного раза в полгода. В них обсуждались экономические и политические вопросы, например, касающиеся устранения недостатков в развитии сельского хозяйства и инфраструктуры деревни и т.д.

В докладах руководителей ЦК КПСС и Председателей Совета Министров СССР, опубликованных в материалах съездов Коммунистической партии, заключена важная информация о проделанной работе и перспективных направлениях экономической, социальной и демографической политики. Указанные источники содержат материал для анализа положения в промышленности, сельском хозяйстве, здравоохранении и образовании. Они помогли выявить те государственные мероприятия, которые оказали наибольшее воздействие на воспроизводство и особенно миграцию населения. Однако следует учитывать, что в этих документах в силу специфики рассматриваемого периода часто отсутствовал критический анализ реального положения дел. Нередко в них могли вообще не упоминаться актуальные проблемы народного хозяйства страны.

Информация о Директивах к пятилетним планам, стенограммы съездов Коммунистической партии публиковалась в нескольких специализированных изданиях. Это стенографические отчеты съездов КПСС, которые издавались сразу после их окончания⁵⁴. Источником сведений о резолюциях и постановлениях партии является также 16-томный труд «Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК». В нем были опубликованы важнейшие документы, принимаемые партийными органами по вопросам экономического, социально-политического, культурного развития общества, начиная с 1898 г. и вплоть до 1988 г.⁵⁵

Решения, принимаемые съездами и пленумами ЦК КПСС, так же как и нормативные и законодательные акты советских государственных органов, обладают высокой степенью достоверности. Применительно к изучаемому периоду они позволяют судить о процессах и событиях, происходивших как в стране в целом, так и в Западной Сибири в частности.

Деятельность государственных органов происходит на основании и в рамках специальных положений, которые представляют собой особого рода акты, определяющие порядок деятельности, задачи, структуру, компетенцию органов управления, а также права и обязанности должностных лиц. Среди них важное место занимают указания Центрального

---

⁵⁴ См., например: XXIII Съезд Коммунистической партии Советского Союза. 29 марта – 8 апр. 1966 г.: стенограф. отчет: в 2 т. М., 1966. Т. 2; Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза. М., 1986.

⁵⁵ Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1988): в 16 т. М., 1983–1990.

статистического управления СССР о порядке разработки материалов естественного движения населения за разные годы. В них включена информация о количестве форм, разрабатываемых по актам гражданского состояния, порядок заполнения таблиц, административные единицы и категории населения, по которым собирались подробные сведения. Аналогичные документы принимались относительно миграционного движения населения. В соответствующих указаниях были представлены число форм, а также категории городов, по которым необходимо было разработать подробные данные; порядок учета и методика заполнения адресных листков прибытия и выбытия, процент выборки для городов разных размеров. Эти источники позволяют интерпретировать данные различных таблиц текущего учета населения, выявить изменения, которые происходили с ними с течением времени.

Среди документов, освещающих ход выполнения принятых решений и итогов деятельности учреждений и организаций, следует выделить докладные и аналитические записки, подготавливаемые ежегодно территориальными статистическими управлениями ЦСУ СССР о естественном и механическом движении населения. В них хранится информация не только о демографических показателях по городской и сельской местности, отдельным районам и городским поселениям, но и причины, вызвавшие их изменение.

Некоторые аналитические записки информируют о положении дел в отдельных сферах, например, о тенденциях смертности по месту смерти, заболеваемости и смертности от отдельных причин, причинах сельско-городской миграции, медицинском обслуживании населения и т.д. Тем не менее бросалось в глаза невысокое качество информации и обобщения статистических материалов, повтор, иногда дословный, уже озвученных в предшествующих документах заключений, использование общих показателей, которых недостаточно для правильной оценки демографических событий. К этому следует добавить, что аналитические записки значительно хуже, чем текущий учет населения, представлены в региональных архивах, особенно во второй половине 1970-х – в 1980-е гг.

Весьма перспективным является использование научных отчетов, подготовленных для служебного пользования Центральным научно-исследовательским экономическим институтом при Госплане РСФСР. В них на основе разнообразной статистической информации анализировалось социально-экономическое развитие разных типов городских поселений. Поскольку эти отчеты готовились для ограниченного использования, полнота статистических данных, объективность сделанных выводов были на достаточно высоком уровне. К ним прилагалось большое количество таблиц, в которых представлялись сведения об экономической базе, трудовых ресурсах, образовании населения, жилищно-коммунальной сфере, строительных организациях, причинах, сдерживающих развитие разных категорий городов. Высокий интерес вызывают материалы об отраслевой и промышленной структуре

городских хозяйств, доле занятого в них населения, хозяйственно-демографических перспективах поселений различной людности.

Функциональная база городских поселений обзорно рассматривалась в «Кратких технико-экономических характеристиках малых и средних городов, рекомендуемых для размещения в них промышленных предприятий», которые были изданы в 1967 г. По поручению Госплана СССР они были подготовлены госпланами союзных республик. По каждому населенному пункту были собраны и опубликованы сведения о населении, трудовых ресурсах, территории, наличии месторождений сырья и строительных материалов, транспортных связях, водных ресурсах, энергетике, строительной базе. Приводились соображения о профиле предприятий, размещение которых представлялось целесообразным⁵⁶.

Итак, делопроизводственная документация представлена комплексом разнообразных материалов, благодаря которым удалось собрать информацию об актуальных сферах деятельности разных организаций. Они дают возможность выяснить, каким образом претворялись в жизнь решения высших государственных органов, а также мнения и конкретные предложения должностных лиц по разным вопросам демографического и социально-экономического характера.

Изучение демографических процессов невозможно без широкого привлечения статистических источников. *Статистические материалы* играют главную роль в решении поставленных в диссертации задач. Они представляют собой материалы, характеризующие количественные закономерности в жизни общества во всем его многообразии. Вся информация, имеющая народнохозяйственную значимость и собираемая специальными органами учета, централизованно обрабатывалась и анализировалась по единым принципам, общей программе и методологии Центральным статистическим управлением при Совете Министров СССР. Статистическим учетом охватывались все отрасли народного хозяйства и важнейшие общественные процессы в стране, в том числе и демографические. Вместе с тем, для всестороннего изучения динамики населения и его воспроизводства привлечения только непосредственно демографических данных недостаточно. Для этого необходимо использовать и сопоставлять одновременно комплекс статистических данных.

Основными источниками данных о городском населении, которые стали базой для большинства демографических расчетов, стали Всесоюзные переписи. Они являлись одним из самых сложных и крупных по масштабам государственных мероприятий, сопровождавшихся большой организационной работой на центральном и региональном уровнях⁵⁷.

---

⁵⁶ Краткие технико-экономические характеристики малых и средних городов, рекомендуемых для размещения в них промышленных предприятий. РСФСР. Западно-Сибирский экономический район СССР. М., 1967. Т. V. (ДСП).

⁵⁷ АОГА. ФР.–86. Оп. 1. Д. 133. Л. 1–148; Текущий архив Усть-Ордынского окружного управления статистики. Сборник материалов по подготовке Всесоюзной переписи населения 1989 года. № 2. Л. 1–54.

Переписные материалы преследовали в основном народнохозяйственные задачи. Важное экономическое значение несли сведения о численности городских и сельских жителей, распределении населения по источникам средств существования, отраслям народного хозяйства, занятиям и общественным группам. Переписи удобны тем, что являлись преемственными, с рядом неизменных вопросов в опросных листах, что позволяло подводить сопоставимые итоги. В среднем они проводились раз в десять лет. Для анализа рассматриваемого периода использованы переписные данные, которые были непосредственно получены в это время, а также, в сравнительных целях и для решения некоторых специфических задач, собранные в 1939, 2002, 2010 г.

Программы разработки материалов переписей, которые представляют собой систему показателей, характеризующих население, из-за разного количества вопросов в опросных листах несколько различались между собой. Так, опросный лист в 1959 г. включал в себя 15 вопросов, 1970 г. – 18, но только на 11 из них ответы собирались от всего населения, остальные семь задавались выборочно – 25,0 % жителей страны. В 1979 г. он включал в себя 16 вопросов, в том числе 11 обязательных и пять выборочных. В 1989 г. – опросный лист состоял уже из 25 вопросов, на 13 из которых ответы собирались по всему населению, пять – выборочно. Вопросы с 19 по 25 касались жилищного положения и задавались одному из членов семьи.

Число тематических таблиц, характеризующих население по различным признакам, было неодинаковым. Например, в 1970 г. таковых было составлено 66, а в 1979 г. – 54 (в 1959 – 36)⁵⁸. К таблицам, образованным по статистическим материалам сплошной переписи, прибавлялась буква «с», выборочной – «в» (например, 5с или 18в). В нашем исследовании использованы данные, которые собирались по всему населению, и отдельные сведения, полученные по результатам выборочных обследований.

Для лучшего понимания изменений по каждой демографической, национальной, социально-экономической и иной группе материалы разрабатывались отдельно по городским поселениям и сельской местности. Для нашего исследования важнейшими стали те, что собиралась на основе записей места жительства в переписных листах, по которым позднее определялась численность городских жителей по областям и городам.

Именно этот эмпирический материал стал ключевым для анализа численности населения городов в рассматриваемый период в Западной Сибири и входивших в ее состав регионов. Он дал возможность осуществить сравнительную оценку роста или сокращения численности горожан, выявить динамику их удельного веса в населении, проанализировать урбанизационные процессы на фоне страны в целом и других экономических районов.

---

⁵⁸ История переписей населения в России. М., 2013. С. 267.

На основе таких данных появилась возможность рассчитать размеры естественного и механического приростов городов в межпереписные периоды.

Таблицы с распределением городских населенных пунктов по количеству жителей по областям помогли построить такие же таблицы (там, где их не было) по Западной Сибири в целом. Так как такое распределение населенных пунктов представлялось в дробном виде, а сведения за разные переписные годы были иногда слабо сопоставимыми, приходилось для удобства производить укрупнение некоторых категорий. Это позволило проанализировать западносибирскую специфику распределения поселений по городам различных размеров, что было важно для дальнейшего изучения воспроизводственных процессов.

Детальный анализ демографических аспектов урбанизации требует углубленного изучения информации о населении всех малых, средних и больших городов. Были составлены статистические таблицы, где показано развитие каждого функционального типа населенных пунктов (административных, промышленных, транспортных) в межпереписные периоды с учетом структуры городского хозяйства, экономической политики государства, географического положения и других факторов. Выявлено, какие функциональные типы на каждом этапе урбанизации продемонстрировали высокие темпы демографического роста, какие – умеренные, а какие из них стали терять население.

Важнейшие сведения содержались в таблицах, в которых указаны демографические и социальные характеристики жителей страны. В контексте нашего исследования главное внимание было уделено возрастному-половому, национальному и образовательному составам населения, его распределению по источникам средств существования, общественным группам, занятиям.

Пол и возраст являются ключевыми демографическими показателями. Они важны не только сами по себе, но вместе с другими сведениями служат базой для анализа воспроизводственных процессов и миграций. В переписях половозрастные характеристики разрабатывались очень подробно, в сочетании с образовательной, национальной, профессиональной и другими структурами населения. Вплоть до 1970 г. вопрос о возрасте формулировался как число исполнившихся лет. В 1970, 1979 и 1989 г. он стал задаваться в двух вариантах – наряду с числом исполнившихся лет записывался и год рождения⁵⁹.

В разработках материалов переписей половозрастная характеристика представлялась в виде таблиц, в которых отражалось деление населения по одногодичным и пятилетним возрастным когортам, с выделением мужчин и женщин. Не только по стране, но и по каждой союзной и автономной республике, области (краю), району, городскому населенному пункту и

---

⁵⁹ См., например: Всесоюзная перепись населения – всенародное дело. М., 1969; Всесоюзная перепись населения 1989 года. М., 1987.

селу определенной численности (1970 г. – 3 000 чел. и выше, в 1979 и 1989 г. – 5 000 чел. и более) были получены данные о распределении жителей по возрасту и полу.

Согласно поставленным задачам в нашем исследовании были собраны материалы о половозрастном составе населения по всем изучаемым регионам и по большинству городов. С их помощью были построены, а затем проанализированы единые таблицы по всей Западной Сибири. Большое внимание было уделено большим, средним и малым городам. За 1959–1989 гг. изучено соотношение разных возрастных групп в их населении.

Данные переписи дают возможность определить образовательный уровень городского населения. В переписных итогах существовала своя иерархия образовательных категорий. В таблицах эти данные публиковались в сочетании с возрастом, общественными группами, занятиями, отдельными крупными национальностями. Впервые вопрос об уровне образования (высшего и среднего) был включен в программу переписи 1939 г., а до этого, в 1920 и 1926 г. предусматривалось получение информации о грамотности. В 1970 г. и позднее вопрос о грамотности в программы уже не включался, так как после 1959 г. стало ясно, что эта проблема в стране в основном решена.

В переписях 1939 и 1959 г. образовательный уровень рассчитывался относительно всего населения (на 1 000 чел.), в 1970 и 1979 г. применительно к лицам в возрасте 10 лет и старше. Это решение обосновывалось тем, что только с 10-летнего возраста можно получить первую ступень образования – начальное. Следовательно, и вычислять показатели необходимо только для людей, обладающих всей совокупностью его уровней (от начального до высшего). Начиная с 1989 г. в систематизированных таблицах образовательный уровень представлен начиная с 15 лет. Это было необходимо для того, чтобы определить эффективность выполнения закона о всеобщем среднем образовании.

В силу предмета исследования детальное изучение образовательного состава не входило в задачи диссертации, и поэтому мы в основном использовали сведения обобщенного характера по республике, Западной Сибири и ее административным образованиям. Они были нужны для интерпретации специфики территориальных воспроизводственных процессов и, прежде всего, рождаемости, с которой образовательные характеристики находились в обратной зависимости. Определенную корреляцию они имели также со смертностью населения. Большое политическое значение в Советском Союзе придавалось изучению классовой структуры общества. В 1939 г. в опросные листы был включен самостоятельный вопрос об общественной группе, который присутствовал во всех переписях, вплоть до 1989 г.

В ходе социологических исследований выявлено, что репродуктивное поведение женщин в определенной мере зависело от общественной группы, к которой они принадлежали. Изучение классового состава Западной Сибири помогает объяснить межрегиональные различия

в суммарном коэффициенте рождаемости. Для изучения воспроизводственных процессов были привлечены также данные о распределении населения по источникам средств существования и занятиям (преимущественно умственным и физическим трудом). Важной демографической характеристикой являлась семейная структура общества. Однако в нашей работе мы ограничились использованием общих сведений о средних размерах семей.

Среди итогов переписей значимое место занимают выборочные обследования, которые стали проводиться начиная с 1970 г. применительно к четверти постоянного населения. С их помощью изучались занятость, распределение людей по отраслям народного хозяйства, миграции и рождаемость. С 1970 г. численность и доля общественных групп тоже определялись по материалам, собранным выборочным методом. Среди полученных таким способом сведений большой интерес представляют данные об итоговом числе рожденных женщинами детей.

Научные дискуссии среди демографов о необходимости изучения рождаемости шли еще перед переписями 1959 и 1970 г., но впервые эта информация была получена лишь в 1979 г., когда в программу выборочной переписи был включен вопрос – «Для женщин указать, сколько детей родила». Он задавался женщинам в возрасте, как правило, 16 лет и старше. После Всесоюзной переписи 1979 г. такие сведения собирались регулярно (1989, 2002 и 2010 г.). Они помогли выяснить динамику рождаемости не в условных (суммарный коэффициент рождаемости), а уже в реальных поколениях.

Основная масса статистических данных была получена из систематизированных и публикационных таблиц. Статистическими управлениями в центре и во многих регионах они к настоящему моменту переданы в государственные архивы. Много материалов по-прежнему находится в распоряжении ведомственных архивов, доступ к которым ограничен. Большая часть источников собрана в центральных (Российский государственный архив экономики (РГАЭ), Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ)) и областных (краевых) архивах.

Так, в центральных архивохранилищах были собраны в основном материалы о возрастном составе всего и городского населения. Из региональных архивохранилищ извлечены сведения о возрасте жителей конкретных городских поселений. Из них частично была извлечена информация об источниках средств существования, занятиях и уровне образования. Часть статистических сведений удалось получить в ведомственных архивах.

Некоторые переписные сведения были обнаружены в библиотеках научных организаций⁶⁰. Это связано с тем, что последним предоставлялась возможность получить в

---

⁶⁰ См., например: Распределение населения по полу, возрасту, национальности, языку, образованию, состоянию в браке и источнику средств существования по данным Всесоюзной переписи населения 1970 г. по Алтайскому краю. М.: ЦСУ РСФСР, 1970. 21 с. (ДСП).

статистических органах информацию, которая требовалась им для выполнения плановых научных работ. Позднее эти сведения передавались в фонды своих библиотек. В частности, это систематизированные и публикационные таблицы с распределением населения регионов по полу, возрасту, уровню образования и источникам средств существования и т.д.

Данные двух переписей – 1970 и 1979 г. были опубликованы в 10 томах для служебного пользования (ДСП). При этом десяти томник по материалам переписи 1979 г. был позднее издан открыто в 1989–1990 гг., в эпоху перестройки и гласности. Кроме того, Центральное статистическое управление СССР и РСФСР выпускало много разных специализированных тематических сборников для закрытого использования. Часть из них впоследствии была передана библиотекам статистических органов и научных организаций, а также в крупнейшие библиотеки страны, например, Российскую государственную библиотеку (РГБ) и ИНИОН РАН. Материалы таких сборников достаточно широко использовались в нашем исследовании. Они удобны тем, что сведения в них публиковались в сопоставлении с предыдущими переписями⁶¹. Подобные статистические сборники выпускались также на местах типографиями региональных (областных и краевых, республиканских (АССР)) статистических управлений⁶².

Краткие материалы каждой Всесоюзной переписи публиковались и распространялись через книготорговую сеть. Так, итоги переписи населения 1959 г. изданы в 16 томах (сводный том по СССР в целом и 15 томов по союзным республикам с выделением областных результатов). Данные Всесоюзной переписи 1970 г. в сокращенном виде были изданы в 1972–1974 гг. в семи томах с распределением уже не по союзным республикам, а по тематическим разделам. Материалы переписи 1979 г. первоначально были опубликованы в 1984 г. в единственном сборнике, в котором нашли отражение сведения из различных номеров «Вестника статистики» в 1980–1983 гг. Как уже говорилось выше, более подробные итоги были напечатаны позднее, в 1989–1990 гг. в десяти тематических томах.

Данные Всесоюзной переписи 1989 г. были выпущены ограниченным числом кратких брошюр⁶³. Распад СССР не позволил опубликовать в 1991–1993 гг. уже готовые материалы. Часть из них была все-таки издана, правда, только по Российской Федерации⁶⁴. Большое

⁶¹ Возрастной состав населения РСФСР (по данным Всесоюзной переписи населения 1959 г.). М., 1962. (ДСП); Национальный состав населения РСФСР (по данным Всесоюзной переписи населения на 15 января 1970 г.). М., 1975. (ДСП); Городские поселения РСФСР (по данным Всесоюзной переписи населения 1979 г.). М., 1980. (ДСП).

⁶² Распределение постоянного населения Омской области и г. Омска по общественным группам, источникам средств существования, отраслям народного хозяйства, возрасту и отдельным занятиям (по данным Всесоюзной переписи населения 1970 г.). Омск, 1973. (ДСП); Население Новосибирской области (итоги Всесоюзной переписи на 15 января 1959 г.). Новосибирск, 1961. (ДСП); Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 года. Кемерово, 1971. (ДСП).

⁶³ См., например: Население СССР по данным Всесоюзной переписи населения 1989 г. М., 1990.

⁶⁴ Городские поселения РСФСР по данным Всесоюзной переписи населения 1989 года. М., 1991; Национальный состав населения РСФСР по данным Всесоюзной переписи населения 1989 г. М., 1990; Возрастной состав населения РСФСР по данным Всесоюзной переписи населения 1989 г. М., 1990.

количество сведений, относящихся к этой переписи, было открыто опубликовано на рубеже 1980-х – 1990-х гг. региональными управлениями статистики⁶⁵. В контексте нашего исследования представляют интерес статистические сборники, выпущенные по итогам переписи 2002 г., так как в них нередко информация представлена в сопоставлении с 1989 г. Она помогла восполнить некоторые пробелы в источниковых данных⁶⁶.

Советские переписи, которые проводились в послевоенный период, считаются точными источниками сведений о населении Советского Союза. В 1959 г. контрольными проверками по всей стране было выявлено только 789,0 тыс. непереписанных лиц, или 0,37 % от всего населения, в 1970 г. – 0,25 %, а в 1979 г. – 0,12 %⁶⁷, в 1989 г. – 0,14 %⁶⁸. Немного иначе обстояло дело с входящими в состав СССР республиками и регионами. Дело в том, что в стране существовали категории граждан, численность и территориальное расположение которых считалось необходимым держать в строгом секрете. Это, например, военнослужащие, которые переписывались по месту службы, в итогах переписей учтены по месту призыва; военизированная охрана и военно-строительные части, относящиеся к различным министерствам; сотрудники министерства иностранных дел⁶⁹.

Также в особом порядке переписывались и включались в население областей работники территориальных органов КГБ и некоторых промышленных предприятий министерства среднего машиностроения⁷⁰. Такой же процедуре подвергались закрытые города, которые не отмечались на картах и отсутствовали в систематизированных таблицах. Общие принципы территориального распределения граждан, переписываемых в особом порядке, уже описаны в научной литературе⁷¹. И нет оснований считать, что они претерпели серьезные изменения в изучаемый период.

Получить точные, не скорректированные позднее сведения о численности горожан Западной Сибири и ее регионов не представляется возможным, так как для решения подобной задачи пришлось бы привлечь огромный массив материалов из ведомственных архивов, в которых указывалось бы конкретное содержание приписок к населению. По расчетам

⁶⁵ Национальный состав населения Алтайского края (по данным Всесоюзной переписи населения 1989 года). Барнаул, 1991; Итоги Всесоюзной переписи населения 1989 года. Кемерово, 1990. Вып. 5. Половозрастной состав; Краткая социально-демографическая характеристика населения Томской области по данным Всесоюзных переписей 1979, 1989 гг.: стат. сб. № 4. Томск, 1990.

⁶⁶ Итоги Всероссийской переписи населения – 2002: стат. сб.: в 11 ч. Тюмень, 2004. Ч. 2. Возрастно-половой состав населения Тюменской области; Основные итоги Всероссийской переписи населения 2002 года по городу Омску: стат. сб. Омск, 2005.

⁶⁷ Подъячих П.Г. Программа и основные вопросы методологии Всесоюзной переписи населения 1970 г. // Всесоюзная перепись населения 1970 года: сб. ст. М., 1976. С. 45; Лабутова Т.С. Программа переписи и методологические основы ее проведения // Всесоюзная перепись населения 1979 года: сб. ст. М., 1984. С. 25.

⁶⁸ Подсчитано по: Население СССР по данным Всесоюзной переписи населения 1989 г. М., 1990. С. 4, 9.

⁶⁹ УООГА. ФР.–92. Оп. 1. Д. 195а. Л. 64–68.

⁷⁰ ГАЗК. ФР.–1645. Оп. 19. Д. 19. Л. 55.

⁷¹ Жиромская В.Б. Демографическая история России в 1930-е гг. Взгляд в неизвестное. С. 51–60.

В.Б. Жиромской, сделанным на основании переписи 1939 г., они составляли для западносибирских областей не более 2,1–2,2 %, что не является критическим. Существует косвенный способ определить приписку за счет привлечения и сравнения материалов о количестве жителей регионов в 1990 г. Такие расчеты осуществлялись одновременно в советский период на основе данных текущего учета, и в постсоветский – от переписи 2002 г.

Так, согласно сборнику «Численность, состав и движение населения в РСФСР» (М., 1990) в Новосибирской области на начало 1990 г. проживало 2 789,3 тыс. чел., тогда как перерасчет от итогов переписи 2002 г. показал 2 742,1 тыс., то есть разница составила примерно 1,7 %. Ее можно считать припиской к реальной численности жителей, так как в постсоветский период особый порядок переписи отдельных категорий граждан уже не применялся. Наибольшей она оказалась в Кемеровской области – 2,5 %, в Алтайском крае и Омской области манипуляции со статистикой, если исходить из нашей методики расчетов, были минимальными. При этом в Тюменской области численность населения была искусственно уменьшена на 0,5 %, но в наибольшей мере она занижалась в Томской области, где находился крупнейший закрытый город Западной Сибири – Северск (–6,2 %) ⁷². В целом влияние подобных искажений было ограниченным и слабо отразилось на расчетах рождаемости, смертности, среднего возраста ⁷³.

В довоенных переписях определенную проблему создавала возрастная аккумуляция, то есть сосредоточение в однолетних когортах, заканчивающихся на цифры 0 или 5, населения существенно большего, чем в соседних. Она происходила вследствие искажения у опрашиваемых ответов на вопрос о возрасте. В 1959 г. специальный коэффициент аккумуляции (индекс Уипла) оказался небольшим, а с 1970 г., благодаря введению в переписные листы вопроса о дате рождения, аккумуляция почти исчезла. Таким образом, существующие опубликованные и неопубликованные материалы переписей позволяют вполне адекватно оценить тенденции в численности и половозрастном составе западносибирского городского населения.

Среди разного рода выборочных обследований, проводимых в это время, нами использованы материалы о занятости населения малых и средних городов (май 1965 г.). Это обследование проводилось в 68 областях и автономных республиках, в 201 городе и двух поселках городского типа, из которых 19 располагались в Западной Сибири. В них проживало 6,5 млн чел. или примерно 30,0 % населения городов этой категории (до 100,0 тыс. чел.). По результатам проведенного опроса были получены данные о численности и составе

---

⁷² Кроме Томской области сильно занижалось население в Красноярском крае (–3,1 %), где располагались два ЗАТО.

⁷³ В сборниках некоторых регионов, вышедших уже после распада СССР, согласно текущему учету также была указана другая, пересчитанная численность населения в 1990 г. Подсчеты, сделанные на их основе, подтверждают правильность определения размеров приписок.

населения в трудоспособном возрасте, его занятости и источниках средств существования. Большой интерес представляли приводимые в нем исторические факты, с помощью которых можно было объяснить особенности демографического развития некоторых населенных пунктов. В работе использовались также некоторые данные выборочного 5,0 %-го социально-демографического обследования населения 1985 г.

Переписи дают демографическую, экономическую и социальную характеристики страны в конкретный, заранее заданный момент времени. Сбор сведений о рождениях, смертях, браках и разводах проводился текущим учетом населения. В Советском Союзе в городах и районных центрах он осуществляется отделами и бюро ЗАГС, в сельской местности – исполнительными комитетами сельских и поселковых Советов народных депутатов⁷⁴. Данная система регистрации демографических событий возникла после революции 1917 г., прошла длинный путь становления и сохранилась до наших дней. С конца 1930-х гг. недоучет рождений, смертей, браков и разводов все еще имел место, но был минимизирован⁷⁵.

При регистрации рождения ребенка (запись акта о рождении) собиралась важная демографическая информация: место, пол, дата рождения, каким родился по счету, живым или мертвым, а также дата рождения, возраст, национальность, уровень образования и источник средств существования родителей. В записи о смерти указывались дата, место и причина смерти, пол, дата и место рождения умершего, уровень его образования, источник средств существования, национальность. В акте о заключении брака записывались дата и место рождения, возраст, образование, национальность и другие характеристики вступающих в брачный союз. В записи акта о расторжении брака указывались сведения о заключении брака, основание для развода, подробная информация о разводящихся и т.д.

Регистрация вышеназванных демографических событий носила обязательный характер и подтверждалась выдачей свидетельств о рождении, смерти, о заключении или расторжении брака. Существовали краткая и полная программы разработки демографических событий. Краткая программа разрабатывалась ежемесячно, полная – один раз по итогам года. Материалы краткой программы в нашем исследовании не использовались. В соответствии с полной программой статистические органы получали сведения о распределении родившихся по очередности рождения и возрасту матери, по возрасту отца и матери, уровню образования, источнику средств существования, национальности матери; о распределении умерших по полу и возрасту, источнику средств существования, образованию, национальности и пр. Детальная информация собиралась о браках и разводах. Всего существовало примерно 15 форм. Полная программа в отдельные годы могла меняться, особенно в период проведения переписей,

⁷⁴ Демографический энциклопедический словарь / гл. ред. Д.И. Валентей и др. М., 1985. С. 471.

⁷⁵ Демографическая история Западной Сибири (конец XIX – XX в.). Новосибирск, 2017. С. 22.

когда она расширялась с целью подсчета в сочетании с переписными данными большего числа показателей.

Разработка демографических событий производилась по областям, краям и республикам, по городским поселениям и сельской местности, отдельно по столицам союзных республик, административным центрам краев и областей. В нашей работе большая часть статистических сведений не применялась в чистом виде, а в сочетании с материалами переписей или данными ежегодной численности населения использовалась для расчетов показателей, характеризующих интенсивность демографических процессов. В отличие от переписей населения, где сопоставимая информация, например о возрастном составе, имела разную нумерацию таблиц, в материалах текущего учета номера и содержание форм сохранились в почти неизменном виде, вплоть до 1988 г. Сведения текущей статистики в государственных архивах содержатся в папках с примерным названием «Сводные годовые отчеты по естественному и механическому движению населения». В зависимости от архива они хранятся в одной или двух папках.

Основной таблицей программы разработки демографических событий являлась форма № 1-а «Общие итоги естественного движения населения». В ней представлялась информация о числе загсов в каждом районе или городском населенном пункте, количестве родившихся, включая мертворожденных, и умерших, в том числе детей в возрасте до одного года с распределением по полу, браков и разводов, а также относительные данные (в ‰).

Эта форма имела важное значение для нашего исследования, так как в ней, кроме данных по региону, содержались сведения по каждой административно-территориальной единице – району и городу. При этом количество последних со временем менялось в зависимости от преобразований части сел в поселки городского типа, возникновения новых городских поселений или районов. В силу хронологических и территориальных рамок исследования потребовалось большое количество статистических материалов с ежегодной информацией по всем шести областям. Они использовались для того, чтобы в сочетании с другими материалами рассчитать и составить таблицы общих коэффициентов рождаемости и смертности по Западной Сибири и ее регионам, механического и естественного прироста по всем категориям и функциональным типам городов, вычисления компонентов изменения численности городского населения.

Из формы № 2 «Сведения о родившихся по возрасту и национальности матери» была получена информация о количестве рождений у женщин – представительниц некоторых крупных этносов. В таблицах она дифференцирована по одногодичным и пятилетним когортам, начиная с возраста «моложе 16 лет» вплоть до «55 лет и старше» и представлена не только по всему населению, но также городскому и сельскому. С ее помощью были подсчитаны суммарные коэффициенты рождаемости у отдельных национальностей.

Подсчеты громоздких таблиц рождаемости по очередности рождения детей потребовали сбора большого количества статистических источников за переписные годы и прилегающие к ним (1958/1959, 1969/1970, 1978/1979, 1988/1989 гг.). Для решения этой задачи была привлечена информация из формы № 2-а «Сведения о родившихся по порядку их рождения и возрасту матери». Сочетая ее с материалами переписей о возрастном составе женщин, удалось вычислить суммарный и возрастные коэффициенты рождаемости по городским поселениям, а также в сравнительных целях по сельской местности и всему населению в целом. Аналогичные показатели с применением специальных методов были подсчитаны в отношении детей разных порядков рождения. На их основе проанализированы тенденции и структурные перемены в рождаемости в Западной Сибири за 30 лет, а с помощью индексного метода выявлены причины изменения общего коэффициента в межпереписные периоды.

Название этой формы со временем корректировалось, менялся характер подачи статистического материала. Например, если до 1978 г. число рождений в таблицах представлялось по пятилетним возрастным когортам, то начиная с этого года – только по однолетним, что заметно усложнило задачу расчета нужных показателей.

Наибольшие трудности возникли при освоении методики исчисления кратких таблиц смертности и средней продолжительности жизни. После чего было необходимо найти и собрать статистику смертности по однолетним (до 5 лет) и пятилетним когортам вплоть до 85 лет и старше по всем областям за прилегающие к переписям годы. В текущем учете она представлена в форме № 4 «Сведения об умерших по возрасту и полу» по всему, городскому и сельскому населению, мужчинам и женщинам. Затем были рассчитаны возрастные коэффициенты смертности и ожидаемая продолжительность жизни по всем регионам и Западной Сибири в целом, городскому и сельскому населению, мужчинам и женщинам, а также некоторым городам. Индексным методом выявлены факторы динамики общего коэффициента смертности. В конечном счете, эти показатели помогли выявить особенности демографического перехода западносибирского городского населения.

Для расчетов кратких таблиц смертности среди представителей разных национальностей использовались сведения из формы № 4-г, название которой в течение 30 лет несколько раз менялось. Информация в ней представлялась по пятилетним возрастным когортам вплоть до 100 лет и старше по всему, городскому и сельскому населению. Так же как и в случае с формой № 2, управления статистики собирали статистические данные к ней только по некоторым самым крупным народам.

Начиная с 1988 г. нумерация, количество форм, порядок представления статистической информации сильно изменились. Так, сведения, которые прежде были в форме № 1-а, теперь в основном содержались в таблице A12, смертность населения по полу и возрасту – в C42,

распределение умерших по полу, возрастным группам и национальностям – в П44, рождаемость по возрасту и порядку рождения – в таблице Р241 и частично в Р211.

Так же как и в случае с материалами Всесоюзных переписей, региональные статистические управления издавали небольшими тиражами сборники (ДСП), в которых содержались сведения текущего демографического учета. Эти сведения тоже публиковались в урезанном виде, по укрупненным признакам (например, не по однолетним, а пятилетним возрастным когортам), и зачастую сопровождалась аналогичными данными за предыдущие годы⁷⁶. В тех сборниках, которые нам удалось найти, таблицам не присваивали номера, присутствовали только их названия. Причем не существовало формализованного порядка представления информации, и каждое управление печатало то, что считало нужным. Демографические показатели за конкретный год обычно публиковались в сборниках, выпускавшихся на следующий после него.

В работе использовалась демографическая статистика, которая находилась в сборниках, выпускаемых республиканскими и союзными управлениями статистики. В них информация о естественном и механическом движении населения была гораздо более подробной, чем, например, в таких изданиях, как «Народное хозяйство СССР» или «Народное хозяйство РСФСР». Это, прежде всего, сведения о средней продолжительности жизни, смертности по причинам смерти, возрастным группам, возрастным группам и причинам смерти, рождаемости по возрасту, территориальных перемещениях мигрантов. Для расчетов ежегодного механического прироста всего и городского населения союзных республик, Западной Сибири и других экономических районов РСФСР использовалась информация о числе рождений и смертей вместе с численностью населения на начало года⁷⁷. Гриф «для служебного пользования» в 1990-е гг. уже не использовался, и небольшая часть статистических сборников была передана в библиотеки.

Появление открытых специализированных изданий, содержащих подробные демографические показатели, относится к 1988 г., когда вышел статистический сборник «Население СССР. 1987», аналогичный том был выпущен в следующем году («Население СССР. 1988»). Продолжением серии стал «Демографический ежегодник СССР. 1990», в котором среди прочего впервые за долгое время была опубликована информация о миграции. В 1990 г. вышел сборник с аналогичными данными по РСФСР⁷⁸. Начиная с 1994 г. вплоть до

---

⁷⁶ Естественное движение населения за 1985 год: стат. сб. Томск, 1986. (ДСП); Численность, естественное движение и миграция населения Кемеровской области: стат. сб. Кемерово, 1984. (ДСП); Естественное и механическое движение населения Тюменской области (1970–1977 гг.): стат. сб. Тюмень, 1978. (ДСП); Естественное движение и миграция населения Алтайского края в 1988 году. Барнаул, 1989. (ДСП).

⁷⁷ Численность, состав и движение населения СССР в 1978 году: стат. сб. М., 1979. (ДСП); Численность, естественное движение и миграция населения РСФСР в 1979 году: стат. сб. М., 1980. (ДСП).

⁷⁸ Численность, состав и движение населения в РСФСР: стат. сб. М., 1990.

сегодняшнего момента издаются «Демографические ежегодники России». Информация из них привлекалась в нашем исследовании, так как она часто публиковалась в сопоставлении с советским периодом. Подобные ежегодники стали выпускать региональные (областные и краевые) статистические органы.

Большая часть таблиц программ разработки данных текущего учета за исследуемый период была переведена в фонды региональных государственных архивов Западной Сибири. Однако в ряде областей на момент нашей работы отсутствовали дела за отдельные годы, а в некоторых даже за 10 лет. По всей видимости, они либо утеряны (это чаще всего происходит при перевозке материалов на новое место), либо продолжают оставаться в распоряжении архивов региональных облстатов. Количество переданных форм было неодинаковым, но из вышеперечисленных почти все присутствовали повсеместно. В тех случаях, когда источников не хватало, использовались материалы сборников для служебного пользования.

Дополнительным источником информации стали так называемые «Динамические ряды» – специальные книги с данными о естественном и механическом движении населения, которые хранятся в фондах архивов региональных облстатов. Они заводились в каждом областном или краевом управлении статистики и включали в себя от трех до семи томов демографических данных. В них заносились сведения о рождаемости и смертности по региону, его районам и городским поселениям, рождаемости и смертности по возрасту и полу, количеству браков и разводов, начиная с 1960-х гг. и вплоть до современности. В отличие от привычных форм в них демографическая статистика представлялась в кратком виде. Например, рождаемость по возрасту не сопровождалась данными об очередности рождения, а рождаемость и смертность по национальностям и возрасту вообще отсутствовала.

Для нашего исследования интерес представляли показатели смертности по причинам смерти по укрупненным группам. В региональных государственных архивах они находились в форме № 5 с разбивкой по полу, пятилетним возрастным когортам и причинам смерти и поэтому были неудобны из-за своей громоздкости (одних только причин смерти было более двух сотен) и трудности сбора информации за 30 лет по всем областям. В «Динамических рядах» все причины сгруппированы в шесть общепринятых категорий (инфекционные и паразитарные болезни; болезни системы кровообращения; органов дыхания; пищеварения; новообразования; несчастные случаи, отравления и травмы), правда, без разбивки по возрасту и полу. По ряду объективных причин, доступ к таким материалам нам удалось получить далеко не во всех облстатах. Начиная с 1980 г. сведения о смертности по причинам смерти в

территориальном разрезе стало публиковать республиканское (РСФСР) управление статистики в сборниках для служебного пользования⁷⁹.

К началу 1960-х гг. текущий учет населения был хорошо отлажен. Количество незарегистрированных родившихся и умерших по сравнению с предшествующим периодом значительно сократилось. Получению полных и точных данных о естественном движении населения придавалось большое значение. Статистические управления совместно с органами здравоохранения проводили периодические выборочные проверки правильности заполнения врачами врачебных свидетельств и фельдшерами – фельдшерских справок о смерти, а также, начиная с 1948 г., ежегодные выборочные контрольные проверки полноты и качества регистрации родившихся и умерших.

Например, контрольными проверками выявлено, что в городских поселениях Новосибирской области в четвертом квартале 1967 г. не было зафиксировано 1,8 % рождений и 0,5 % смертей⁸⁰. Судя по отдельным годам, такой недоучет составлял в среднем по области не более 2,0–2,5 %. При этом часть его выявлялась в ходе ежегодных проверок. Подобное положение сложилось в других регионах Западной Сибири. Дело в том, что, например, с регистрацией актов гражданского состояния была увязана выдача хлебных карточек, а городские кладбища могли не проводить захоронения без фиксации смерти в органах ЗАГС⁸¹.

Основы учета миграции населения возникли с внедрением паспортной системы. С 1953 г. регистрация миграции распространилась повсеместно и регулировалась специальным положением о паспортах, утвержденным Советом Министров СССР и инструкцией Министерства внутренних дел о порядке его применения⁸².

На каждого человека, прибывающего в населенный пункт или выбывающего из него, заполнялся адресный листок с отрывным талоном. Учет детей в возрасте до 16 лет (до получения паспорта), передвигающихся вместе со взрослыми, производился в адресном листке одного из них. При самостоятельном передвижении на каждого ребенка составлялся отдельный адресный листок. К последним прилагался отрывной талон, который содержал ряд вопросов, на которые должен был ответить человек, меняющий место жительства. В него, в отличие от адресных листков, где значительное место составляли вопросы административного характера (фамилия, имя, отчество, отношение к воинской службе, номера документов), вносились данные, предназначенные для статистической разработки. Это информация о дате и месте рождения, национальность, образование, откуда и когда прибыл (куда и когда выбыл), где и кем работал на прежнем месте жительства, брачное состояние и т.д.

---

⁷⁹ См., например: Численность, состав и движение населения в РСФСР. М., 1986. (ДСП).

⁸⁰ ГАНО. Ф. Р-11. Оп. 3. Д. 8666. Л. 184.

⁸¹ Алексеев В.В., Исупов В.А. Население Сибири в годы Великой Отечественной войны. С. 9.

⁸² Хорев Б.С., Чапек В.Н. Проблемы изучения миграции населения: стат.-геогр. очерки. С. 69.

Адресные листки прибытия с отрывными талонами составлялись на прибывающих в городские поселения, райцентры и во все сельские населенные пункты как в паспортизированных, так и непаспортизированных районах: а) в случае постоянного проживания в населенном пункте; б) на работу, независимо от срока, на который приезжают, и от характера работы (постоянная или сезонная); в) на учебу, кроме приезжающих на краткосрочные (до одного месяца) курсы в города и другие паспортизированные пункты и на срок до 30 дней в непаспортизированные сельские населенные пункты; г) на длительную (свыше полутора месяцев) командировку в города и другие паспортизированные пункты и на срок свыше 30 дней в непаспортизированные сельские пункты; д) на всех членов семьи, прибывающих для совместного проживания с перечисленными в предыдущих пунктах.

Адресные листки выбытия с отрывными талонами составлялись: а) на всех выбывающих из числа постоянно проживающих из данного города и сельского населенного пункта (в паспортизированных и непаспортизированных районах); б) переезжающих лиц, если они выбывают на жительство в другую местность, или на работу, независимо от срока, на какой выбывают и характера работы; на учебу – на срок более полутора месяцев в города и другие паспортизированные пункты и на срок свыше 30 дней в непаспортизированные сельские населенные пункты; на службу в ряды Советской армии; в) выбывающих в другую местность, находившихся на временной работе, независимо от длительности срока нахождения на работе и ее характера, или учебе сроком более полутора месяцев, если они выбывают на жительство в другую местность вследствие окончания работы или учебы; г) всех членов семьи, выбывающих для совместного проживания; д) других групп. Итак, статистикой миграции учитывались в основном только случаи перемены места жительства на срок более полутора месяцев.

После этого территориальные органы внутренних дел не реже одного раза в месяц передавали заполненные талоны статистическим управлениям для разработки по краткой или полной программе. В краткой – ежеквартально фиксировались абсолютные показатели прибытий и убытий (форма «А» – областная и республиканская). Эта информация нами не использовалась. Полная программа давала возможность получить сведения не только о количестве перемещающихся лиц, но и направлениях миграций, полом, возрастном и национальном составех мигрирующих. В нее, так же как в случае с текущим учетом демографических событий, могли вносить изменения и добавлять новые таблицы⁸³.

Долгое время ежегодная миграция разрабатывалась по двум основным формам: № 1 «Передвижение населения» и № 2 «Распределение прибывших и выбывших по полу и

⁸³ Например, в 1979 г.: Форма № 7. Распределение прибывших и выбывших в возрасте 16 лет и старше по образованию и полу; Форма № 8. Распределение прибывших (выбывших) в возрасте 16 лет и старше по продолжительности проживания, возрасту и полу; Форма № 4. Распределение прибывших и выбывших в возрасте 16 лет и старше по источнику средств существования, характеру труда и полу и т.д. (форма № 6);

возрасту». Основным источником статистических сведений стала форма № 1. В ней содержалась статистика пространственных перемещений по территориям страны, которая разрабатывалась не только по областям и республикам, но и крупнейшим городам с населением, превышающим 500,0 тыс. чел. и суммарно по остальным городским поселениям и сельской местности⁸⁴. В этой таблице давались абсолютные данные о числе прибывших из каждого региона и выбывающих в них с разбивкой по городским поселениям, сельской местности и категории «неизвестно». Области первоначально располагались в алфавитном порядке и только после 1964 г. по экономическим районам с включением входящих в их состав краев и областей. Именно поэтому сбор информации и расчет миграций за 1959–1963 гг. оказался сильно затруднен. В конце таблицы размещались итоговые данные о перемещениях населения.

Интересно, что при определении размеров межрайонных миграций использовался выборочный метод. Это было обусловлено большим объемом первичных учетных данных. Если число прибывших превышало 50,0 тыс. чел., то процент выборки составлял 20,0 %; при 40,0–50,0 тыс. – 25,0 %; 30,0–40,0 тыс. – 33,0 %; при 20,0–30,0 тыс. – уже половину, а при числе меньшем, чем 20,0 тыс. чел., производилась сплошная разработка. Объем информации в таблицах постоянно увеличивался из-за добавления новых крупных городов и административных изменений в стране. Большая часть необходимых для исследования форм полной программы разработки миграции была передана в ведение областных государственных архивов.

Статистические сведения этой формы имели большое значение для исследования и, прежде всего, для определения территориальных предпочтений мигрантов. Сбор таких источников создал серьезные трудности из-за огромных объемов. Объединение ежегодных данных по шести областям потребовало большой осторожности и многократных сличений с итоговыми показателями пространственных перемещений населения. В конечном счете, удалось рассчитать сальдо миграции Западной Сибири со всеми экономическими районами и республиками Советского Союза. Эти материалы дали возможность также определить динамику двух потоков миграций – сельско-городских и межгородских. К сожалению, не во всех архивах удалось обнаружить нужные сведения, именно поэтому сравнительные таблицы за 1985–1988 гг. построить не удалось. На основе этой информации получена статистика миграционного оборота по экономическому району, областям и категориям городских поселений.

Материалы формы № 2 о прибывших и выбывших по полу и возрасту были использованы лишь в некоторых случаях, например, для анализа миграций в периоды труднообъяснимых

---

⁸⁴ С 1960 г. стали собираться сведения и по всей сельской местности.

колебаний, которые нельзя интерпретировать с помощью социально-экономических факторов. Определенный интерес представляли таблицы с данными о перемещениях населения в отдельных городских населенных пунктах, которые заполнялись в свободной форме, без присвоения номеров. Они отложились лишь в части архивов. Реконструировать непрерывный ряд данных по ним весьма непросто, так как информация была представлена не за все рассматриваемые годы. В работе они использовались в качестве дополнения к расчетным показателям.

Информация о миграции населения в сокращенном виде присутствовала в тех же изданиях для служебного пользования, где публиковались сведения о рождаемости, смертности, брачности и разводимости. Это, например, ежегодники о естественном и механическом движении населения СССР и РСФСР. Что касается региональных изданий, то презентация статистических материалов в разных областях сильно отличалась. Так, в сборниках Алтайского края сведения о миграции были скудными и представлялись в виде относительных, а не абсолютных величин⁸⁵. Более подробная статистика присутствовала в ежегодниках Томской области, где данные о количестве прибывших и выбывших сочетались со сведениями о распределении мигрантов по городам, районам и возрасту (по укрупненным возрастным группам). Материалы о территориальных перемещениях населения встречались реже, например, они публиковались в усеченном виде Новосибирским и Кемеровским управлениями статистики.

В отличие от рождаемости, смертности или брачности регистрация перемещений населения была поставлена хуже. Ее существенным изъяном являлось низкое качество заполнения адресных листков и отрывных талонов: это пропуски при написании адресов выбытия (прибытия), указании месяца, года и места рождения. Более или менее точно учитывались межгородские перемещения⁸⁶. Контрольными проверками постоянно отмечались случаи проживания людей в жилых помещениях без прописки. Многие лица, прибывающие на территорию сельских Советов, в том числе из городских поселений для временного проживания, не регистрировались в установленный срок. Плохо был организован учет людей, направляющихся в служебные командировки или на кратковременное обучение (свыше полутора месяцев). Отделы кадров предприятий нередко были заинтересованы в полной укомплектованности штатов, и поэтому закрывали глаза на нарушения правил выписки и прописки⁸⁷.

---

⁸⁵ См., например: Естественное движение и миграция населения Алтайского края в 1988 году. Барнаул, 1989; Естественное движение и миграция населения Алтайского края в 1989 году. Барнаул, 1990.

⁸⁶ Хорев Б.С., Чапек В.Н. Проблемы изучения миграции населения: стат.-геогр. очерки. С. 82.

⁸⁷ Яковлев Д. Паспорт, прописка, бдительность // Красное знамя. 1967. 28 мар.

Тем не менее, несмотря на недостатки, статистика, собранная на основе данных паспортных столов, может дать вполне репрезентативное представление о динамике и тенденциях миграционных процессов, что косвенно подтверждают расчеты механического прироста по Западной Сибири и ее областям.

Большое значение в исследовании имели источники о социальном и хозяйственном развитии СССР, РСФСР и Западной Сибири. Статистика промышленности основывалась на разработке годовых отчетов предприятий, которые включали в себя статистические и бухгалтерские формы, содержащие все главные показатели. После разработки по установленным программам осуществлялась последующая выборочная публикация данных. Информация о развитии промышленности извлекалась из таких сборников, как «Народное хозяйство СССР» и «Народное хозяйство РСФСР», которые начиная с 1956 г. за исключением отдельных лет (например, 1966, 1986) ежегодно издавались Центральным статистическим управлением. Часть сведений получена из других специализированных изданий: «Промышленность СССР» и «Капитальное строительство в СССР». Нас, главным образом, интересовали темпы роста промышленного производства и масштабы капитальных вложений в экономических районах, союзных республиках и территориально-промышленных комплексах, которые оказывали сильное воздействие на миграционные настроения людей.

Определенный интерес для выявления тенденций естественного и механического движения населения представляла статистика сельского хозяйства, особенно конца 1950-х, а также сведения о динамике благосостояния населения, жилищного строительства, развития социальной сферы, образования и здравоохранения. В последнем случае это, главным образом, материалы о количестве врачей и больничных коек. Информация о распределении мужчин и женщин по отраслям народного хозяйства, их занятости, численности детей в детских садах и яслях позволяла выяснить, насколько выросла трудовая нагрузка на женское население.

В 1980-е гг. в ежегодниках «Народное хозяйство» появились данные о загрязнении воздушной и водной среды, в том числе в некоторых городах. Наряду со сведениями из других специализированных изданий они стали основой для оценки экологической ситуации в Западной Сибири⁸⁸. Для определения динамики смертности и средней продолжительности жизни была привлечена статистика потребления алкогольной и табачной продукции. Много интересной информации было извлечено из тематических сборников, выпускаемых открыто или для служебного пользования⁸⁹.

---

⁸⁸ Охрана окружающей среды в РСФСР в 1988 году. М., 1989. (ДСП); Охрана окружающей среды в РСФСР за 1989 г. М., 1990. (ДСП).

⁸⁹ Охрана здоровья в СССР: стат. сб. М., 1990; Социальное развитие СССР: стат. сб. М., 1990; Преступность и правонарушения. 1991: стат. сб. М., 1992; Труд в СССР: стат. сб. М., 1988; Здравоохранение и социальное обеспечение в СССР: стат. сб. М., 1973. (ДСП).

Исследование специфики региональных демографических тенденций вызвало необходимость привлечения подробной информации об их социально-экономическом развитии, которая была получена из сборников, публикуемых уже территориальными статистическими управлениями, как для открытого, так и для служебного пользования. Они издавались с меньшей периодичностью, часто с привязкой к важным юбилейным датам⁹⁰. Информация о хозяйственном и социальном развитии регионов в 1959–1989 гг. присутствовала также в изданиях, выпускаемых в постсоветское время⁹¹.

В изучаемый период отчетливо проявилась тенденция к ухудшению информативности и аналитичности государственной статистики. В официальных публикациях слабо и в весьма обобщенном виде были представлены региональные аспекты деятельности предприятий, организаций и отраслей народного хозяйства, территориальная и городская специфика промышленного развития. Социальные показатели развития регионов, в том числе душевые доходы и оплата труда, обеспеченность жильем, объемы предоставляемых услуг, потребление продуктов питания, количество правонарушений открыто почти не публиковались.

Отсутствие таких данных заметно сужало возможности анализа межрегиональной дифференциации в уровне жизни, а значит и особенностей демографического развития отдельных областей. Расширение объемов и качества публикуемых сведений произошло только после начала перестроечных процессов, когда ЦК КПСС и Совет Министров СССР приняли постановление (июль 1987 г.) «О мерах по коренному улучшению дела в статистике в стране»⁹². В нем было подвергнуто анализу сложившееся положение в статистических органах и намечена программа улучшения их работы. Обновление началось с расширения гласности и публикации прежде закрытых сведений.

Особую группу источников составили материалы *периодической печати*. Комплекты периодических изданий, в том числе газет и журналов, хранятся в центральных и региональных библиотеках страны. Для диссертационного исследования представленная в них информация носит вспомогательный характер. Данный вид источника является, по существу, комплексным, так как в периодических изданиях кроме прочего публиковались статистические сведения, делопроизводственная документация партийных органов.

В печатном органе ЦСУ СССР – журнале «Вестник статистики» публиковалась разнообразная информация о численности, составе, рождаемости, смертности, миграции

---

⁹⁰ См., например: Народное хозяйство Новосибирской области за 1971–1975 гг.: стат. сб. Новосибирск, 1976; Народное хозяйство Омской области в одиннадцатой пятилетке: стат. сб. Омск, 1986; Народное хозяйство Томской области за 1976–1980 годы. Новосибирск, 1982; Народное хозяйство Алтайского края в 1966–1970 гг.: стат. сб. Барнаул, 1972.

⁹¹ Российский статистический ежегодник. 1994: стат. сб. М., 1994; Регионы России: стат. сб.: в 2 т. М., 1999. Т. 2; 60 лет Алтайскому краю: юбил. стат. сб. Барнаул, 1997.

⁹² Плошко Б.Г., Елисеева И.И. История статистики: уч. пос. М., 1990. С. 270.

населения, количественные показатели экономического и социального развития страны и ее городских поселений. Кроме того, в нем печатались статьи о разнообразных проблемах демографического развития страны. В работе в основном использовались сведения обобщающего характера по Советскому Союзу и РСФСР, иногда привлекались данные по Западной Сибири и его регионам. Однако начиная с середины 1970-х гг. и вплоть до 1986 г. качество издаваемой в журнале информации снизилось. Например, перестали публиковаться показатели половозрастной, младенческой смертности, ожидаемой продолжительности жизни, территориальной миграции.

Наряду с этим были привлечены материалы ведущих центральных газет, таких как «Правда», «Труд», «Известия». На страницах этих газет находила отражение официальная точка зрения на разнообразные проблемы советского общества. В них можно найти официальные выступления советского руководства, его взгляды на те или иные проблемы. По публикуемым статьям можно выяснить эффективность мероприятий, проводимых в разных отраслях экономики, в социальной и бытовой сфере. Публиковались в газетах в ограниченном количестве демографическая статистика, однако ее информативная ценность была низка. Так, сведения о возрастном составе, полученные во время проведения Всесоюзной переписи 1959 г., можно было издавать только по 10-летним когортам, по полу – в целом по областям, городам и сельской местности. Ограничениям подвергались публикации данных о национальном составе населения, его образовании и других групп. Статьи по проблемам демографического развития страны в газетах публиковались очень редко.

Кроме центральных к работе были привлечены материалы региональных периодических изданий («Советская Сибирь», «Кузбасс», «Алтайская правда», «Красное знамя», «Тюменская правда»). В этих газетах публиковалась информация местного значения, освещалась деятельность региональных органов власти, проблемы и успехи деятельности местных предприятий и организаций. Определенный интерес представляют сведения о характере хозяйственного, социального, экологического положения городских поселений и т.д. Следует отметить, что в связи с облегчением доступа к ранее закрытым материалам государственных и текущих архивов, сборникам для служебного пользования, а также массовой публикацией краеведческих работ об истории городов информационное значение журналов и газет для исследования снизилось.

Итак, вышеописанные источники являются в должной мере репрезентативными. Они взаимно дополняют друг друга, что позволяет успешно решить поставленные в диссертации задачи.

Научная новизна диссертации состоит в том, что это первое комплексное и всестороннее исследование демографических процессов в городских поселениях Западной Сибири в конце

1950-х – 1980-е гг. Определение особенностей социального развития общества на всех этапах его модернизации дало возможность оценить влияние экономических и социальных перемен на демографические процессы. В результате были выявлены общие и особенные черты демографического развития Советского Союза, в том числе Западной Сибири, по сравнению со странами первой волны индустриализации.

В ходе проделанной работы впервые выявлены характер изменения численности западносибирского городского населения, интенсивность градообразовательных процессов. Определены роль городов различных категорий в системе расселения, тенденции изменения численности их населения в условиях проводимой в рассматриваемый период социально-экономической политики. Выявлены группы городских поселений, которые интенсивно повышали численность своего населения и те, что оказались в неблагоприятном положении в ходе урбанизационного перехода. Раскрыты исторические особенности формирования половозрастной структуры городского населения, показана специфика городских поселений Западной Сибири и ее регионов в сравнении с РСФСР в целом. Впервые установлены особенности снижения рождаемости на общероссийском фоне, в том числе в различных возрастных когортах и очередностях рождения, главные причины происходивших изменений и динамика этого процесса. Определены характеристики рождаемости и факторы ее дифференциации в регионах.

В диссертации уделено должное внимание вопросам смертности городского населения. Впервые реконструирована историческая динамика ожидаемой продолжительности жизни за 30 лет, установлены возрастные и гендерные особенности смертности, в том числе в сравнении с республикой в целом. Были произведены расчеты таких данных по всем регионам и по некоторым крупным городам. Впервые детально проанализированы структура причин смертности и, соответственно, закономерности эпидемиологического перехода городского населения. Выявлены факторы и характеристики межрегиональных различий в смертности. В конечном итоге удалось установить специфику демографического перехода в городских поселениях Западной Сибири в рассматриваемый период.

Раскрыты закономерности и причины изменения миграционных процессов. Выявлено, что в отличие от РСФСР в целом снижение притока населения в западносибирские города шло со значительными колебаниями в зависимости от государственной социально-экономической политики. Установлено, что миграционное движение в регионах имело существенные особенности, которые определялись структурой народного хозяйства, среднедушевыми доходами населения, государственной политикой в области заработной платы.

Впервые исследованы и установлены сходства и различия в миграционном движении населения городов различных категорий, проанализирована структура механического прироста

и выявлены доли в нем малых, средних и крупных городских поселений. В работе детально исследованы межрайонные пространственные перемещения населения, установлены главные направления миграционных передвижений, факторы, определяющие приток населения или его отток в разные районы СССР, выявлены основные тенденции миграций в Западной Сибири на фоне республики в целом. В конечном счете, решение поставленных задач позволило определить общие и особенные черты демографического развития городов и пгт Западной Сибири в конце 1950-х – 1980-е гг.

Положения, выносимые на защиту.

1. Установлено, что на поздней стадии индустриализации в 1960–1980-е гг. в России происходило снижение темпов роста городского населения, количества административных преобразований сельских населенных пунктов, сократились объемы миграционного притока в города. В Западной Сибири сформировалась иная динамика урбанизации. Если среднегодовой прирост численности горожан в два первых межпереписных периода действительно снизился, то в 1979–1989 гг. – вновь возрос, роль миграций в увеличении численности городского населения не уменьшилась, но даже временно увеличилась. Повысилась интенсивность градообразовательных процессов. Таким образом, затухание роста населения городов и пгт Западной Сибири в 1960–1980-е гг. носило менее последовательный, волнообразный характер.

2. Выявлено, что российская урбанизация в рассматриваемый период характеризовалась увеличением доли больших городов (с 51,0 % до 62,4 %) и сокращением роли малых городов и поселков городского типа (с 37,6 % до 27,2 %) при сохранении удельного веса средних городов примерно на одном уровне (11,3 % и 10,5 %). К концу 1950-х гг. в Западной Сибири сформировалась необычная система городского расселения. Нетипично высокой оказалась доля больших городов (66,9 %), в средних проживало только 2,1 % горожан, в малых городских поселениях – 30,9 %. Специфика дальнейшей урбанизации в Западной Сибири состояла в том, что рост доли крупных городов существенно замедлился, а к концу 1980-х гг. она оказалась даже меньше, чем за 30 лет до этого (63,7 %). В пять раз увеличился удельный вес средних городов (10,5 %), а малых уменьшился намного меньше, чем в РСФСР – до 25,7 %.

3. Определено, что главной причиной замедленного роста больших городов в Западной Сибири стало относительно небольшое количество средних. Формирование Западно-Сибирского нефтегазового комплекса привело к перенаправлению части миграционных потоков в пользу северных районов Тюменской и Томской областей. Некоторую роль сыграли политика территориального рассредоточения индустриального производства, а также слабый демографический рост, а в ряде случаев убыль населения в крупных промышленных центрах Кузбасса. Резкое увеличение населения средних городов произошло, благодаря переходу в эту категорию нескольких малых городских поселений. Во время формирования ЗСНГК появилось

сразу пять новых средних городов. Значительное уменьшение доли малых городов в России связано с их медленным промышленным и социальным развитием. В то же время в Западной Сибири хозяйственное освоение больших пространств при низкой плотности населения потребовало создания густой сети новых городских поселений. Часто применялась практика административных преобразований сел в поселки городского типа. Много новых небольших городских населенных пунктов появилось во время разработки месторождений нефти и газа северных районов.

4. Установлено, что динамика численности населения городов различных размеров сильно различалась и находилась в зависимости от структуры городского хозяйства, масштабов социального и культурного развития, которые оказывали сильное влияние на миграционные настроения населения. Выявлено, что в ходе урбанизационного перехода медленнее всего росли в основном те городские поселения, в экономике которых ведущее положение занимали предприятия по добыче угля, цветных металлов, переработке сельскохозяйственной продукции. В то же время в благоприятном положении оказались административные центры областей, автономных округов, а также тех городских населенных пунктов, в которых располагались предприятия машиностроения и химической промышленности, по добыче нефти, газа.

5. Дана оценка характеру старения населения. В Западной Сибири в силу специфики исторического развития доля молодежи в городах и пгт оказалась выше. За 30 лет возрастные характеристики западносибирского городского населения относительно общероссийских показателей несколько ухудшились. Если в 1959 г. дифференциация в среднем возрасте между РСФСР и Западной Сибирью составляла 6,1 %, то в 1989 г. – 5,8 %. При этом исправление гендерного дисбаланса происходило немного быстрее. За это время усилились региональные различия в возрастном составе, если в начале изучаемого периода наибольшая дифференциация в среднем возрасте между регионами составила 1,7 года, то в конце – 6,5 лет. Углубились отличия между городами непосредственно, если в 1959 г. разница между самым молодым и пожилым населением не превышала шести лет, то к 1989 г. достигла 13,8 лет.

6. В 1960–1980-е гг. Советский Союз, в том числе Западная Сибирь, перешли к третьему, заключительному этапу демографического перехода. Охарактеризован процесс снижения рождаемости. Выявлено, что он имел существенные местные особенности. В Западной Сибири рождаемость была выше, чем в целом в России. Отличалась также и ее динамика за 30 лет. В 1960-е гг. она снизилась значительно сильнее, чем в республике, а в 1970-е гг. даже несколько выросла. В то же время в 1980-е гг., в годы активной демографической политики ее колебания оказались более выраженными. В результате, если в начале рассматриваемого периода различия в рождаемости были существенными (14,6 %), то к его концу показатели в городских поселениях Западной Сибири и России практически сравнялись. Распространение стандартов

городской жизни за 30 лет способствовало значительному снижению дифференциации в рождаемости западносибирского городского и сельского населения.

7. Выявлено, что в это время в Западной Сибири сформировалось как бы два полюса рождаемости. В городских поселениях Тюменской области и Кузбасса население распределялось по множеству городских поселений, в социальном составе городов этих регионов доля рабочих превышала средние показатели по экономическому району, а удельный вес служащих был не так высок. Специализированная хозяйственная структура, преобладание предприятий с высокой долей физического труда занижали требования к образовательному уровню. В результате в этих двух регионах рождаемость оказалась выше, чем в среднем по Западной Сибири. В Новосибирской, Омской, Томской областях рождаемость, наоборот, была ниже среднего уровня по экономическому району. В городском расселении этих областей доминировали крупные административные центры, в городском населении высокими были доли служащих и лиц с высшим и средним образованием с невысокими репродуктивными установками. В Алтайском крае рождаемость в итоге оказалась ближе ко второй группе регионов. К концу 1980-х гг. различия в рождаемости между регионами существенно снизились.

8. Определено, что в изучаемый период многие прежние факторы смертности прекратили свое действие, взамен появились новые. Рост алкоголизма, курения, ухудшение экологической обстановки как в России в целом, так и в Западной Сибири в частности нивелировали позитивное влияние других факторов: улучшения системы здравоохранения, коммунального хозяйства, материальной обеспеченности населения, повышения в социальной структуре доли лиц с заниженными показателями смертности (служащих, занятых преимущественно умственным трудом). В Западной Сибири демографический переход имел свою специфику, в начале рассматриваемого периода смертность была выше. Значительнее были и различия в продолжительности жизни между мужчинами и женщинами. В последующие два десятилетия разрыв с республикой увеличился из-за освоения северных районов и ухудшения экологической ситуации. При этом рост смертности затронул не только мужчин среднего трудоспособного возраста, но и молодежь старше 15 лет, а также женщин. В 1980-е гг. снижение смертности в ходе антиалкогольной кампании оказалось более значительным, в результате различия в продолжительности жизни между городскими поселениями Западной Сибири и РСФСР почти вернулись на прежний уровень.

9. Дана оценка эпидемиологическому переходу городского населения Западной Сибири, который шел с некоторым отставанием по сравнению с РСФСР в целом. Несмотря на относительно молодой возрастной состав населения, в экономическом районе чаще умирали от причин экзогенной природы – инфекций, болезней органов дыхания, несчастных случаев,

отравлений и травм. Меньшей была смертность от новообразований и заболеваний системы кровообращения. При этом вплоть до антиалкогольной кампании в Западной Сибири происходил рост не только эндогенной, но и экзогенной смертности, который по отдельным причинам был несколько сильнее выражен, чем в РСФСР в целом. В то же время позитивный эффект от антиалкогольной кампании оказался более значимым.

10. Выявлено, что так же как и в случае с рождаемостью в Западной Сибири существовали и межрегиональные различия в смертности, однако они были не так заметны. Самая низкая продолжительность жизни отмечена в районах нового освоения Тюменской области, где развитие социальной инфраструктуры шло с запозданием, а также в Кузбассе, где была высокой доля рабочих, занятых преимущественно физическим трудом, с низким уровнем образования. В то же время самой высокой продолжительностью жизни отличались Новосибирская, Омская и Томская области. В конечном итоге, если в начале рассматриваемого периода специфические черты воспроизводства населения в Западной Сибири еще хорошо прослеживались, то к его концу они стали менее заметны. Судя по показателям рождаемости, ожидаемой продолжительности жизни, брутто-коэффициента воспроизводства, отставание в темпах демографического перехода между западносибирским и российским городским населением в целом сократилось.

11. Установлено, что характеристики миграций в России в это время соответствовали стадии зрелого индустриального общества. При этом характер экономического развития Западной Сибири существенно повлиял на направления и интенсивность пространственных перемещений горожан. В 1960-е гг. при снижении экономической активности они, с учетом местной специфики, в основном шли в русле тенденций, характерных для РСФСР в целом. Начался отток населения из Западной Сибири, размеры механического прироста городов и поселков упали. Отток охватил также часть городских поселений, в основном поселков городского типа, доля больших городов в миграционном потоке увеличилась. Усилился переток населения в благополучные в природно-климатическом отношении районы с высокоразвитой социальной инфраструктурой и диверсифицированной экономикой. Однако усиление внимания к экономическому развитию Западной Сибири в 1970–1980-е гг., увеличение государственных капитальных вложений, опережающие темпы ее индустриального роста, внедрение повышающих коэффициентов к заработной плате позволили не только нивелировать действие факторов, способствующих миграционному оттоку, но и временно скорректировать существующие миграционные тенденции. Механический прирост городов, особенно средних и малых, существенно повысился. Таким образом, если в целом по России в 1960–1980-е гг. сальдо миграции городов и пгт последовательно сокращалось, то в Западной Сибири испытывало сильные колебания.

12. Раскрыты значительные изменения в региональном миграционном движении населения. Из-за падения значения угольной отрасли в городских поселениях Кузбасса длительное время происходил значительный отток населения. Сальдо миграции Алтайского края, Новосибирской, Омской областей оставалось положительным, хотя и постепенно снижалось. Вследствие интенсивного развития нефтегазодобывающих районов Западной Сибири существенно возросло положительно сальдо миграции Тюменской области, стабильно высоким оставался приток населения в Томской области. В конечном итоге произошло существенное перераспределение миграционного оборота. Если в 1959 г. на Кемеровскую область приходилось более 40,0 % от общего количества прибывших и выбывших, то к 1989 г. ее доля уменьшилась почти в два раза, до 22,7 %. В то же время доля Тюменской области повысилась почти в три с лишним раза (с 7,5 % до 28,2 %).

13. Выявлено, что в механическом приросте городских поселений различных размеров произошли значительные перемены. В 1959–1969 гг. основную часть механического прироста предсказуемо обеспечивали крупные города (65,4 %). Удельный вес средних городов был минимальным и находился на уровне одного процента, доля малых городов и пгт составила 33,5 %. После того, как формирование ЗСНГК в 1970-е гг. перешло в решающую фазу, введения районных коэффициентов к заработной плате, благодаря государственной политике поддержки хозяйственного развития малых и средних городов, миграционные потоки стали трансформироваться. В 1980-е гг. доля крупных городов в механическом приросте снизилась почти вдвое – до 35,4 %, средних и малых – наоборот увеличилась – до 10,1 % и 54,5 %. Характеристики миграционного оборота изменились меньше. Доля крупных городов снизилась примерно на 10,0 %, с 58,9 % до 48,0–49,0 %, соответственно повысился удельный вес средних и малых городов.

14. Установлено, что первоначально, из-за недостаточных темпов экономического роста Западная Сибирь стала источником трудовых ресурсов для большинства экономических районов СССР. Самый сильный отток населения происходил на Украину, в Казахстан и республики Средней Азии, то есть в районы с благоприятными климатическими условиями и высоким спросом на рабочую силу. Рост капиталовложений в Западную Сибирь, ориентация на местные трудовые ресурсы в союзных республиках привели к существенному снижению оттока населения. В первой половине 1980-х гг. у западносибирских городов сформировалось положительное сальдо почти со всеми экономическими районами. К концу десятилетия стали прослеживаться новые миграционные тренды, которые в дальнейшем набрали большую силу: начался отток в европейские районы РСФСР, усилился приток населения из Восточной Сибири и Дальнего Востока, резко снизился миграционный приток из союзных республик СССР.

Теоретическая значимость работы состоит в том, что это первая попытка на основе методологии У. Ростоу установить связь демографических процессов со стадиями экономического роста. Особенно важно, что каждую из стадий удалось связать с происходившими переменами в обществе, например, в социально-классовой, образовательной структуре населения, в системе здравоохранения, социального обеспечения, коммунального хозяйства и т.д. Такой методологический подход дал возможность детально раскрыть механизм взаимодействия процессов воспроизводства и миграции с историческим контекстом развития страны, выявить главные факторы, способствующие снижению смертности и рождаемости. Впервые удалось установить последовательность модернизации экономической, социальной и демографической подсистем общества. В результате определен характер, тенденции и итоги демографической модернизации городского населения в изучаемый период.

Применение методов условного поколения для расчетов показателей рождаемости и смертности дало возможность точнее определить региональную специфику воспроизводства городского населения. На основе таких показателей повысилась эффективность и результативность факторного анализа. Тогда как при использовании общих коэффициентов из-за влияния возрастного фактора возникало искаженное представление о специфике воспроизводственных процессов в населении Западной Сибири.

Не менее ценным представляется изучение городского населения, проживающего в больших, средних и малых городских поселениях. Ранее такой подход применялся историками достаточно ограниченно, без выявления закономерностей их развития. Особенно важно, что в диссертации осуществлено распределение городов и поселков городского типа не только по размерам, но и по функциональным типам. Это дало возможность подробнее разобрать специфику демографических процессов в западносибирских городах. Итак, на материалах России и Западной Сибири доказана высокая степень схожести демографического и урбанизационного переходов, хотя региональные особенности исторического развития, несомненно, оказывали на них воздействие.

С учетом предложенной концепции изучены численность, воспроизводство и миграция городского населения Западной Сибири в 1960–1980-е гг. в условиях относительно стабильного политического и социально-экономического развития. Выявлены основные факторы рождаемости и смертности, воспроизводства и миграции на этапе зрелой экономики. Доказано, что демографические тенденции этого периода соответствовали стадии зрелости, а не государства всеобщего благосостояния. Вместе с тем из-за характера хозяйственного развития в Западной Сибири в это время также имели место некоторые признаки фазы подъема.

Практическая значимость. Результаты исследования будут интересны специалистам по отечественной истории, демографии, урбанистике, этнологии, регионоведению. Практическая

значимость состоит в возможности использования выводов диссертации при подготовке обобщающих трудов по истории России и Сибири, учебно-методической литературы. Данная работа может стать вспомогательным материалом при выработке стратегии хозяйственного освоения малообжитых районов. Концептуальные наработки, полученные по результатам диссертационной работы, могут дополнить методологическую базу будущих демографических исследований. Результаты диссертации могут быть учтены при подготовке федеральными и региональными государственными органами мероприятий по стимулированию рождаемости, сохранению здоровья и повышению качества жизни, сокращению смертности в рамках национальных проектов «Здравоохранение», «Демография» и президентского указа «О национальных целях развития России», согласно которому предполагается повысить ожидаемую продолжительность жизни населения до 78,0 лет.

Достоверность результатов исследования. Исследование опирается на анализ разнообразных источников, среди которых основными являются статистические материалы переписей и текущего учета населения, отличающихся высокой достоверностью. Автором использовались общепризнанные концепции отечественных и зарубежных ученых, в том числе теории модернизации, демографического, эпидемиологического, миграционного и урбанистического переходов. Результаты диссертации сопоставлены с выводами других специалистов по демографической истории России.

Апробация работы. Основные положения диссертационной работы апробированы на девяти международных, одиннадцати всероссийских и трех межрегиональных научных конференциях.

Международные конференции: «Демографическое пространство Азии: история, современность, гипотезы будущего». (Новосибирск, 2010 г.); «Проблемы народонаселения Сибири» (Улан-Удэ, 2012 г.); III Международная научно-практическая конференция «Индустриальный город в постиндустриальную эпоху» (Новокузнецк, 2013 г.); VI Всероссийский симпозиум по исторической демографии с международным участием (Сыктывкар, 2014 г.); «Демографическое пространство Азии: история и современность, гипотезы будущего» (Новосибирск, 2014 г.); «Историческая урбанистика: прошлое и настоящее города» (Сургут, 2014 г.); «Исторические и современные тренды заболеваемости и смертности» (Новосибирск, 2017 г.); «Азиатская Россия: проблемы социально-экономического, демографического и культурного развития (XVII–XXI вв.)» (Новосибирск, 2016 г.); Второй Томский антропологический форум «Антропология интердисциплинарности» (Томск, 2018 г.).

Всероссийские конференции: «Проблемы аграрного и демографического развития Сибири в XX – начале XXI вв.». (Новосибирск, 2009 г.); VI Всероссийские научные чтения «Интеллектуальный и индустриальный потенциал регионов России» (Кемерово, 2012 г.);

«Тобольск научный – 2012» (Тобольск, 2012 г.); IV Уральский демографический форум «Горизонты демографического развития России: смена парадигм научного предвидения» (Екатеринбург, 2013 г.); «Проблемы аграрного и демографического развития Сибири в XX – начале XXI вв.» (Новосибирск, 2014 г.); «История и историография России и Сибири в исследовательском и образовательном контекстах» (Новосибирск, 2014 г.); «Университеты в системах развития и интеграции России» (Омск, 2014 г.); «Россия будет прирастать Сибирью» (Сургут, 2015 г.); «Югра, Сибирь, Россия: политические, экономические, социокультурные аспекты прошлого и настоящего» (Нижневартовск, 2015 г.); VIII Уральский демографический форум «Демографический потенциал стран ЕАЭС» (Екатеринбург, 2017 г.); «Вызовы и тенденции демографического развития России и ее регионов (демографические чтения)» (Уфа, 2020 г.).

Межрегиональные конференции: «Становление индустриально-урбанистического общества в Урало-Сибирском регионе: подходы, исследования, результаты» (Новосибирск, 2010 г.); «Региональные аспекты цивилизационного развития российского общества в XX столетии: проблемы индустриализации и урбанизации» (Новосибирск, 2013 г.); «Освоение и развитие Западной Сибири в XVI–XX вв.» (Колывань, 2013 г.).

Результаты исследования отражены в трех коллективных, одной индивидуальной монографии, в одном документально-монографическом издании (Дашинамжилов О.Б. Городское население Западной Сибири в 1960–1980-е годы: историко-демографическое исследование. Новосибирск, 2018; Демографическая история Западной Сибири (конец XIX – XX в.). Новосибирск, 2017, *в соавт.*; Миграции населения Азиатской России: конец XIX – начало XXI в. Новосибирск, 2011, *в соавт.*; История Ямала в 2-х томах / под общ. ред. В.В. Алексеева. Том 2. Ямал Современный. Кн. 2. Индустриальное развитие. Екатеринбург, 2010, *в соавт.*; Новосибирская область – 75 лет. Люди, события, факты / под ред. В.А. Ламина. Новосибирск, 2012, *в соавт.*).

По изучаемой проблеме опубликовано 64 статьи, в том числе 21 в журналах, включенных в список ВАК (4 в журналах, входящих в базу данных Scopus и Web of Science). Среди них – статьи в таких научных журналах, как «Российская история», «Социологические исследования», «Гуманитарные науки в Сибири», «ЭКО».

Структура диссертации определяется ее целью и задачами и содержит введение, четыре главы (11 параграфов), заключение, список использованных источников и литературы, приложение, включающее 15 таблиц. Объем работы составляет 575 страниц.

ГЛАВА 1. МЕТОДОЛОГИЯ И ИСТОРИОГРАФИЯ ИЗУЧЕНИЯ ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ГОРОДСКОГО НАСЕЛЕНИЯ

1.1. Методология исследования

Методологическая база диссертации разработана в соответствии с объектом и предметом исследования. Здесь необходимо остановиться на предыдущих наработках в данной области. Для начала будут рассмотрены положения закона народонаселения при социализме. Классики марксизма исходили из того, что каждой общественной формации присущ свой собственный закон народонаселения. Наиболее подробно основы марксистской теории народонаселения разработали А.А. Дольская и Б.Я. Смулевич⁹³.

Сконцентрировав свое внимание на изучении демографических процессов, происходивших в капиталистическом мире, они пришли к выводу, что рост производительности труда, расширение масштабов производства, концентрация капитала приводят к относительному перенаселению и, следовательно, к росту безработицы. Из-за давления, оказываемого «резервной армией труда», то есть безработных, на занятое население, происходит интенсификация труда, организм рабочих быстрее изнашивается. Снижение реальной заработной платы приводит к ухудшению питания, жилищных условий, росту заболеваемости, вследствие чего продолжительность жизни рабочих существенно меньше, чем у остального населения. Стремление собственников предприятий к снижению стоимости рабочей силы приводит в XIX в. к вовлечению в производство детей и повышению рождаемости; в XX в. с ограничением детского труда – к привлечению женщин и к снижению рождаемости. К тому же приводят и экономические кризисы, которые вынуждают семьи заводить меньше детей⁹⁴.

В социалистическом обществе противоречия между трудом и капиталом постепенно исчезают, меняется характер использования трудовых ресурсов. Так как средства производства принадлежат обществу, относительное перенаселение исчезает. Рост производительности труда, распределение создаваемых благ среди всего населения и повышение его благосостояния приводят к тому, что потребности общества, в том числе в отцовстве и материнстве, могут быть удовлетворены более полно. Данный момент первоначально трудно правильно интерпретировать, так как выходит, что и при капитализме и при социализме рождаемость теоретически должна быть высокой. Разница заключается в мотивах заведения детей и их количестве. В первом случае это вынужденная необходимость с целью получения материальной «премии», которая дает их эксплуатация. Во втором случае дети выступают в

---

⁹³ Дольская А.А. Социалистический закон народонаселения (на примере СССР). М., 1959; Смулевич Б.Я. Критика буржуазных теорий и политики народонаселения. М., 1959.

⁹⁴ Боярский А.Я. Население и методы его изучения. М., 1975. С. 67.

ином качестве – как результат удовлетворения потребностей родителей в детях, которые уже не могут быть ограничены. К тому же это происходит при снижающейся смертности. Это положение, вероятно, возникло как ответ социалистического общества на снижение рождаемости в развитых странах. И Б.Я. Смулевич и А.А. Дольская солидарны в том, что кроме всеобщей занятости в социалистическом обществе должно быть расширенное воспроизводство населения. При этом А.А. Дольская говорит о средней рождаемости. С такой трактовкой закона были согласны многие видные ученые, например Д.И. Валентей⁹⁵.

В последующие годы характер развития демографических процессов в СССР подверг сомнению тезис о расширенном воспроизводстве его населения. Уже М.Я. Сонин и Б.Ц. Урланис в вопросах воспроизводства населения при социализме стали высказываться более сдержанно. М.Я. Сонин говорил о «прогрессивных в сравнении с капитализмом изменениях процесса воспроизводства на основе систематического подъема жизненного уровня народа»⁹⁶. Б.Ц. Урланис указал на такие характеристики социалистического закона как «непрерывное увеличение продолжительности жизни и интенсивный рост населения»⁹⁷. С точкой зрения Б.Ц. Урланиса по существу соглашался П.Г. Подъячих, говоря о постоянном и быстром росте населения⁹⁸.

Часть ученых стала трактовать социалистический закон народонаселения как чисто экономический, указывая на невозможность совмещения в нем экономических и демографических признаков. Одним из первых это стал делать И.Ю. Писарев, который в своей книге прямо говорил, что закон народонаселения – экономический закон⁹⁹. Со временем количество сторонников данного подхода стало расти. В.А. Болдырев в своей монографии полностью исключил демографическую составляющую, предложив следующее определение закона народонаселения при социализме – «Обеспечение полной занятости и рационального использования наличных трудовых ресурсов общества путем планомерного вовлечения их в общественно полезный труд»¹⁰⁰. Сторонники этого подхода не отрицали его воздействия на демографические процессы, но указывали на противоречивость и сложность их взаимодействия. А.Я. Боярский в поздний период своего научного творчества отстаивал тезис о том, что рост населения не может быть самоцелью и каждая социалистическая страна должна выбирать «наиболее отвечающую ее конкретным условиям политику населения, которая не обязательно должна состоять в поощрении рождаемости»¹⁰¹.

---

⁹⁵ Валентей Д.И. Проблемы народонаселения. М., 1961. С. 115.

⁹⁶ Сонин М.Я. Актуальные проблемы использования рабочей силы в СССР. С. 22–23.

⁹⁷ Урланис Б.Ц. Рождаемость и продолжительность жизни в СССР. С. 3.

⁹⁸ Подъячих П.Г. Население СССР. М., 1961. С. 3.

⁹⁹ Писарев И.Ю. Народонаселение СССР (социально-экономический очерк). С. 7.

¹⁰⁰ Болдырев В.А. Экономический закон населения при социализме. С. 52.

¹⁰¹ Боярский А.Я. Население и методы его изучения. С. 27.

Ю.А. Бжилянский пошел еще дальше, отметив, что «демографические характеристики разных социалистических и капиталистических обществ весьма близки друг к другу. Но никакой «взаимосвязи экономики и демографии» здесь установить невозможно». Далее он делает довольно смелый для тех лет, и, возможно, несколько поспешный вывод, что «полная занятость не имеет никакого отношения к демографии»¹⁰². В дальнейшем сторонники классической трактовки марксистской методологии перестали пытаться с ее помощью интерпретировать или прогнозировать характеристики воспроизводства населения. А отдельные попытки осуществить это трудно назвать удачными¹⁰³.

Классический марксистский тезис о том, что «всякому особенному историческому способу производства в действительности свойственны свои особенные, имеющие исторический характер законы населения» не подвергался сомнению в научной среде, но ученые переключились на разработку общей теории народонаселения. Таким путем пошел коллектив авторов под руководством Д.И. Валентя¹⁰⁴. В книгах под его редакцией отмечалось, что исторический материализм является общей теорией развития общества и выступает по отношению к частным общественным наукам как общая методология. Она не может полностью описать все закономерности развития того или иного объекта, несмотря на то, что развитие производительных сил и производственных отношений определяет развитие народонаселения. В трактовке авторов монографии «Система знаний о народонаселении» (М., 1976) общая теория народонаселения должна была объединить целый комплекс проблем, а предмет изучения демографии трактовался максимально широко. Законы народонаселения были подразделены на законы естественного, механического и социального движения населения. Формулировка обобщающего научного закона народонаселения по замыслу ученых откладывалась на будущее, его положения могли быть изложены лишь после постепенного изучения этих проблем.

Таким образом, ограниченность формационного подхода и невозможность с его помощью понять закономерности и территориальную специфику демографических процессов в СССР создали благоприятную почву для разработки принципиально новых теоретических подходов. Так появилась теория демографической модернизации, которая получила известность благодаря трудам А.Я. Кваши и А.Г. Вишневого. В центре внимания А.Я. Кваши оказались в основном количественные показатели стадий демографического перехода¹⁰⁵. Ученый не стал углубляться в анализ механизмов процесса, ограничившись его общим описанием.

---

¹⁰² Бжилянский Ю.А. Проблемы народонаселения при социализме. Политико-экономический анализ. М., 1974. С. 96.

¹⁰³ См., например: Панкратьева Н.В. Закон народонаселения при социализме. М., 1984.

¹⁰⁴ Система знаний о народонаселении. М., 1976; Марксистско-ленинская теория народонаселения. М., 1974.

¹⁰⁵ Кваша А.Я. Проблемы экономико-демографического развития СССР. М., 1974.

Фундаментальная монография А.Г. Вишневого для своего времени стала смелой и новаторской¹⁰⁶. Внеформационная интерпретация истории демографических процессов, распределение типов воспроизводства населения на архаичный, традиционный и современный (рациональный) стало большим шагом вперед в советской демографической науке. Положения теории А.Г. Вишневого достаточно хорошо известны, тем не менее важно кратко изложить их. Главная идея книги состояла в том, что демографическая подсистема всех исторических обществ трансформируется под влиянием модернизации – традиционный тип воспроизводства населения (архетип здесь не рассматривается) посредством нескольких этапов становится современным. Демографический переход начинается со снижения смертности, в то время как рождаемость сохраняется на прежнем уровне. Это приводит к повышению естественного прироста и к сильному увеличению численности населения, то есть к «демографическому взрыву». С течением некоторого времени начинается снижаться и рождаемость. Таким образом, общество переходит от высоких показателей рождаемости и смертности к низким. Главным отличием трактовки А.Г. Вишневым процессов демографического перехода от других авторов является постулирование существования механизма, который обеспечивает равновесное воспроизводство населения. Этот механизм, названный ученым гомеостатическим, обеспечивает адаптацию демографической подсистемы к внешней среде (условиям) путем такой рождаемости, которая поддерживает существование и развитие человеческого сообщества при текущем уровне смертности.

Эти два важных теоретических положения: об отсутствии специфики демографических процессов социалистической формации и демографический гомеостазис – подверглись серьезной критике. Еще в советское время в работах А.Я. Боярского и В.С. Стешенко была подвергнута сомнению трактовка демографической истории, которая рассматривалась в отрыве от формационной периодизации общественной истории¹⁰⁷. Среди историков такой позиции придерживался Д.К. Шелестов¹⁰⁸.

После распада Советского Союза марксистско-ленинская идеология перестала доминировать в общественных науках. Тем не менее научный подход, по которому общественно-экономические условия определяют характер демографических процессов, сохранился и получил свое дальнейшее развитие. Наиболее известным его приверженцем можно считать М. Клупта, который справедливо отметил, что многие демографические работы определенным образом фильтруют эмпирическую информацию, игнорируя и исключая все, что вступает в противоречие с теорией демографического перехода. Демографическое развитие

---

¹⁰⁶ Вишневский А.Г. Демографическая революция. М., 1976.

¹⁰⁷ Боярский А.Я. Население и методы его изучения. С. 65–67; Стешенко В.С. Демография в современном мире. М., 1978. С. 113–114.

¹⁰⁸ Шелестов Д.К. Историческая демография: уч. пос. для вузов по спец. «История». М., 1987. С. 123–127.

отдельных регионов рассматривается как отражение глобальных закономерностей, цивилизационные и институциональные особенности, традиции, культура различных обществ почти не принимаются во внимание. Ученый справедливо отмечает, что в результате происходит «маркирование» регионов и стран по степени завершенности перехода в области рождаемости или смертности¹⁰⁹.

Положение о гомеостатическом равновесии тоже подверглось критике, но особенно она усилилась, когда А.Г. Вишневецкий и ученые, разделяющие его точку зрения, стали доказывать бесполезность мер демографической политики, нацеленной на повышение рождаемости в постсоветской России. Об этом, в частности, говорил А.Б. Синельников, который соглашался с тем, что рождаемость легко снижается при сокращении смертности, но в условиях депопуляции обратного действия гомеостатического механизма не прослеживается. Именно поэтому активная демографическая политика необходима¹¹⁰.

Значительных успехов в изучении специфики демографического перехода в Сибири достигли сибирские ученые. Среди историков развернулись серьезные дискуссии по поводу сроков его начала. Крупнейший исследователь демографической истории Сибири дореволюционного периода В.А. Зверев на объемном источниковом материале доказывает, что в восточных районах предпосылки для демографического транзита стали складываться в 1860–1890-е гг., а уже в конце XIX – начале XX в. вслед за Европейской Россией появились его первые признаки. Причем они были выражены слабее, чем в Европейской России. Одновременно с этим значительно, вплоть до 20,0 % и выше, увеличился естественный прирост, который знаменовал собой наступление «демографического взрыва».

Стартовая фаза перехода длилась приблизительно до начала 1940-х гг. и развивалась сразу по двум моделям, которые В.А. Зверев называет «старожильческой» и «переселенческой»; они отличались показателями смертности и рождаемости пришлого и местного населения¹¹¹. Близких теоретических позиций придерживается другой сибирский исследователь А.Н. Сагайдачный, который указал на наметившуюся тенденцию перехода западносибирского населения от одного типа воспроизводства к другому на рубеже XIX–XX вв.¹¹²

Несколько иной точки зрения придерживается другой признанный специалист по демографической истории Сибири В.А. Исупов, который, вслед за В.Б. Жиромской отмечает,

¹⁰⁹ Клупт М.А. Демография регионов Земли. СПб., 2008. С. 9–12.

¹¹⁰ Синельников А.Б. Демографическая саморегуляция в условиях роста и убыли населения // Социологический журнал. 2019. № 4. С. 84–92.

¹¹¹ Зверев В.А. «Ну, посчитаемся своими». Демографические и миграционные процессы в Азиатской России XIX – начала XX в. // Проблемы исторической демографии Сибири: сб. науч. тр. Новосибирск, 2011. Вып. 2. С. 42–68; Зверев В.А. Первая фаза демографического перехода на пространстве Азиатской России: «старожильческая» и «переселенческая» модели // Демографическое пространство Азии: история, современность, гипотезы будущего: сб. мат-лов междунар. науч. конф. Новосибирск, 2011. С. 92–100.

¹¹² Сагайдачный А.Н. Демографические процессы в Западной Сибири во второй половине XIX – начале XX века: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Новосибирск, 2000. С. 33, 36.

что, если сокращение рождаемости в процессе демографической модернизации никогда не прерывалось, то снижение смертности носил прерывистый или «мерцающий» характер. Особенности эпидемиологического перехода в России конца XIX – первой половины XX в. заключались в том, что каждое исторически зафиксированное снижение смертности нарушалось возникновением мощных социальных или военных кризисов, которые консервировали традиционный тип смертности с преобладанием в нем экзогенных причин. Ученый насчитал три таких «фальстарта» в предвоенной истории, первый из которых зафиксирован на рубеже XIX–XX столетий, второй после НЭПа, третий – во второй половине 1930-х гг. И лишь четвертая попытка, начало которой по стечению обстоятельств, пришлось на середину Великой Отечественной войны, оказалась удачной¹¹³.

Интересное видение теоретико-методологической базы представлено Л.Н. Славиной, которая предложила применить для изучения демографических процессов многослойный, мультипарадигмальный подход, который включает в себя макро-, мезо- и микроуровни, множество методик и принципов из разных наук. Каждый из этих уровней необходим для решения своих задач¹¹⁴. Это оригинальный и в то же время достаточно сложный подход к изучению демографических проблем.

Итак, представленные концепции, объясняющие динамику демографических изменений в обществе, в чистом виде не подходят для нашего исследования. Марксистско-ленинская трактовка воспроизводства населения была опровергнута развитием демографической ситуации в СССР, а теория демографического перехода склонна к эмпиризму и недооценке специфических, региональных факторов. Сложная взаимосвязь демографического перехода с индустриализацией и другими факторами социальной среды изучена явно недостаточно. А.Г. Вишневский и зарубежные демографы отмечали тесную связь демографического перехода с индустриализацией, модернизацией общества, но механизм такого взаимодействия детально не был раскрыт¹¹⁵.

Итак, важнейшей задачей диссертации стала разработка концепции демографического развития индустриального общества. В качестве основы будут приняты демографический переход и его положения о смене исторических типов воспроизводства населения. Марксистская теория народонаселения, постулирующая обусловленность законов населения от общественно-экономических формаций, устарела, но сам принцип взаимозависимости

¹¹³ Исупов В.А. Эпидемиологический переход в России: взгляд историка // Демографическое обозрение. 2016. № 4. С. 82–92; Исупов В.А. История Западной Сибири в контексте демографической модернизации: первая половина XX столетия // Демографическое пространство Азии: история, современность, гипотезы будущего: сб. мат-лов междунар. науч. конф. Новосибирск, 2014. Вып. 3. С. 5–15.

¹¹⁴ Славина Л.Н. К вопросу о формировании теоретико-методологической основы в историко-демографических исследованиях // Гуманитарные науки в Сибири. 2018. № 1. С. 38–43.

¹¹⁵ Thompson W.S. Population // American Journal of Sociology. 1929. Vol. 34, No. 6. P. 959–975; Notestein F.W. Population – The Long View // Food for the World. Univ. of Chicago Press. Chicago, 1945. p. 36–57.

демографических процессов и социально-экономических условий не утратил своей актуальности. В нашем случае место марксистской методологии займет теория модернизации, где будут выявлены ключевые факторы и причины, которые способствовали изменению процессов воспроизводства и миграции. Таким образом, исходной предпосылкой такого подхода служит понимание, что демографические процессы являются важной, но все-таки частью социально-экономических и политических процессов. В свою очередь процессы народонаселения в городах тоже идут в русле общей демографической динамики.

Наиболее продуктивным является синтез теории модернизации не только с концепцией демографического перехода (А.Г. Вишнеvский), но также с теориями миграционного (У. Зелински), эпидемиологического (А. Омран) и урбанизационного (Д. Гиббс) переходов¹¹⁶. Каждая из этих теорий рассматривает свою область демографических изменений в длительной ретроспективе путем выделения последовательно возникающих друг за другом типовых стадий. Эти стадии, принадлежащие к разным теориям, теперь необходимо взаимно связать друг с другом, а затем и с процессом модернизации общества.

Механика такого синтеза, как уже говорилось, требует проведения детального факторного анализа, с помощью которого, как представляется, удастся наполнить процесс модернизации «социальным смыслом». Исходя из изложенного, самым лучшим вариантом является описание демографического перехода в ведущих европейских странах. Как и при разработке любой другой теоретической конструкции, нам придется пойти на серьезные, порой весьма значительные допущения.

Итак, поставленная задача вынуждает нас временно прибегнуть к существенному расширению хронологических и территориальных рамок анализа. Также для объяснения исторических тенденций придется описать явления, выходящие далеко за рамки предмета исследования. Так как современная урбанизация тесно переплетена с индустриализацией, возникает необходимость системно связать эти общественно-исторические процессы.

Концепция модернизации общества, которая подразумевает глубокие изменения во всех сферах жизни – экономике, социальной сфере, социально-классовой структуре, политической надстройке, выбрана в качестве базы для дальнейших теоретических построений. Наиболее подходящей, на наш взгляд, является теория стадий развития, выдвинутая американским ученым У. Ростом¹¹⁷. Главным ее преимуществом является использование принципов стадиальности и единства экономического развития на Западе и в СССР. Данное утверждение

¹¹⁶ Вишнеvский А.Г. Демографическая революция. М., 1976; Zelinsky W. The Hypothesis of the Mobility Transition // *Geographical Review*, 1971. Vol. 61. No. 2. P. 219–249; Омран А. Эпидемиологический аспект теории естественного движения населения // *Проблемы народонаселения. О демографических проблемах стран Запада: сб. перевод. ст.* М., 1977. С. 57–91; Gibbs J. The Evolution of Population Concentration // *Economic Geography*. 1963. Vol. 39. No. 2. P. 119–129.

¹¹⁷ Ростом У.В. Стадии экономического роста. Нью-Йорк, 1961.

дает возможность сравнить отечественный опыт модернизации с зарубежным. При этом индустриализация не является одномоментным процессом и сильно растянута по времени. Исходной предпосылкой теории является понятие «современность», под которой, по мысли теоретиков модернизации, понимаются достижения европейской цивилизации, и нам, как показывает исторический опыт, придется принять данный тезис в качестве фундаментальной исследовательской предпосылки.

Второй важной предпосылкой является существование различий в воплощении этих достижений, которые оказались непохожими и неполными у разных обществ. Третья предпосылка утверждает, что государства *в разное время* и с неодинаковой скоростью двигались по пути модернизации. В этой связи сравнивать страны, стадии развития которых не совпадают, следует с большой осторожностью. Четвертой предпосылкой является утверждение, что при всей разнице моделей индустриализации конкретно демографические тенденции в городах носят в целом похожий характер, а определенные отличия обусловлены спецификой исторических условий в каждой стране. Эта предпосылка основана на предположении, что в результате роста индустриального производства повсеместно происходит перераспределение труда, капитала в пользу промышленности, вызывая серьезные технологические, организационные и социальные сдвиги. Они приблизительно одинаковым образом влияют на численность, естественное и механическое движение населения, в том числе городского. При этом следует отметить, что полную модернизацию, то есть пройти все стадии по У. Росту, удалось осуществить лишь узкому кругу стран. Ученый в общих чертах показал лишь экономическую специфику каждой из стадий. В диссертации сделано предположение, что социальное развитие общества, так же как и экономическое, тоже происходит поступательно и отличается на каждом из этапов. Наша задача состоит в том, чтобы дополнить его теорию, выявив ключевые *социальные* изменения, произошедшие на каждой из стадий и *связать* их с демографическими тенденциями: смертностью, рождаемостью и миграцией населения.

Первой по У. Росту является стадия *традиционного общества*, к которой автор отнес весь доньютоновский мир, включая Западную Европу. Признавая огромные экономические, культурные, цивилизационные различия между странами и континентами, У. Росту указал, что существует нечто общее, объединяющее их в одну группу, – низкий уровень выработки продукции на душу населения. Не менее 80,0 % доходов семей в доиндустриальном мире тратилось на продовольствие, это косвенно означало, что при текущем развитии техники подавляющая часть населения была занята в сельском хозяйстве, рыболовстве и охоте¹¹⁸. Небольшие размеры прибавочной стоимости ограничивали демографический рост городов, а сами горожане не могли полностью положиться на доход с ремесел и были вынуждены

---

¹¹⁸ Кларк Г. Прощай, нищета! Краткая экономическая история мира. М., 2012. С. 87.

одновременно заниматься земледелием. Производство, удовлетворявшее местные нужды, в Европе ограничивалось цеховой системой.

Источники энергии были примитивными, торговля носила в основном локальный характер, осуществлялась преимущественно по морским и речным путям, которые были заметно дешевле. Городские центры часто располагались на побережье, вблизи потенциально выгодных торговых путей. В большинстве стран мира основным маркером богатства являлась земля, в меньшей степени участие в крупной торговле¹¹⁹. Государство в то время расходовало значительные средства на ведение войн, уровень накоплений был очень низким. В аграрной экономике с небольшим и стабильным населением обеспечение нуждающихся лиц ложилось на семью и общину. Небольшую помощь могли оказывать религиозные благотворительные организации или крупные землевладельцы. Экономический рост был непродолжительным и ограничивался отдельными отраслями или районами. Социальная структура являлась устойчивой и иерархичной, а переход из одного сословия в другое жестко пресекался. В традиционном обществе число городов было невысоким, а доля горожан составляла около 10,0 % от всего населения.

Собственно демографическое развитие повсеместно подчинялось мальтузианской логике, суть которой, если кратко, сводилась к нескольким принципиальным моментам. Те нехитрые технические новшества, затрагивающие сельскохозяйственное производство, приводили к росту урожайности, улучшению питания и повышению уровня жизни. Население на этой стадии реагировало увеличением рождаемости, вследствие чего происходило повышение численности населения. Это, в свою очередь, со временем снижало объем вырабатываемой продукции на душу населения, а следовательно уровень жизни до базовых показателей и даже ниже, то есть до внедрения инноваций. Возникали перенаселенность, войны и голод, что вновь приводило к сокращению рождаемости. Таким образом, уровень жизни в традиционном обществе менялся слабо, главным результатом небольшого технического прогресса являлся рост населения. Войны, голод и эпидемии по Мальтусу являлись своеобразными демографическими регуляторами и служили «защитой» общества от перенаселения и, соответственно, резкого падения уровня жизни.

В идеальных теоретических моделях допускалось, что в это время рождаемость практически ничем не ограничивалась и могла достичь 30,0–50,0 %. В населении преобладали молодые возрастные группы, крупные семьи, состоящие из нескольких поколений с большим количеством детей. Показатель смертности находился примерно на уровне 30,0 % или выше и мог значительно увеличиваться во время голода, войн, эпидемий. Миграционные перемещения были редки, мобильность людей находилась на низком уровне. С одной стороны, этому

---

¹¹⁹ Голдстоун Дж. Почему Европа? Возвышение Запада в мировой истории, 1500–1850. М., 2014. С. 165.

не способствовали присущие традиционному обществу слабо развитые транспортные коммуникации и средства передвижения, с другой – путешествия того времени были сопряжены с высокими рисками для жизни¹²⁰. Низкая мобильность традиционного общества подтверждается современными данными по некоторым отсталым аграрным регионам. Такое положение вещей не исключало появления некоторых форм массовых людских перемещений: нашествий по типу Великого переселения народов, завоеваний, земледельческих колонизаций¹²¹.

На *второй стадии (подготовка к подъему)* по У. Росту, которая в Западной Европе наступила в конце XVII – начале XVIII в., возникают главные предпосылки для будущего экономического подъема. Общество на второй стадии уже нельзя назвать традиционным в строгом смысле этого слова, оно находится как бы в переходном состоянии, когда накапливаются теоретические и научные знания, необходимые для грядущего экономического рывка. Теологическая интерпретация общественного бытия, политического и экономического строя все больше подвергалась сомнению. По сравнению со следующими фазами эта стадия длилась достаточно долго и совпадала по времени с интенсивным разложением феодальных отношений в Западной Европе и формированием капитализма. В наиболее развитых государствах относительно высокий уровень образования, значительная прослойка предпринимателей, банковские учреждения, высококвалифицированные рабочие, развитая правовая система, большие объемы производственного капитала, мануфактуры – предвестники фабрик возникли еще до начала индустриализации, и в будущем будут активно способствовать ей. В сфере торговли была занята значительная часть населения, а социальная структура стала менее жесткой и более дифференцированной. Появляются зачатки социального и трудового законодательства, в некоторых сферах – кассы взаимопомощи, накапливаются научные знания о болезнях.

К концу этого этапа в 1830–1840-е гг. в передовых континентальных державах закладываются основы будущего роста, например начинается процесс (за исключением Англии, которая является особым случаем) железнодорожного строительства, появляются в небольших количествах фабрики, оснащенные современным на тот момент оборудованием. Создается эффективное государственное управление. Социальная структура становится менее устойчивой и более гибкой, все чаще допускался переход между сословиями, например облегчались обретение дворянства, межсословные браки.

Одним из важных условий индустриального развития стала «сельскохозяйственная революция», которая тоже началась на фазе подготовки. Она характеризуется тем, что

---

¹²⁰ Zelinsky W. The Hypothesis of the Mobility Transition // Geographical Review, 1971. Vol. 61. No. 2. P. 234.

¹²¹ Вишневатский А.Г. Демографическая история и демографическая теория: курс лекций. М., 2019. С. 219–242.

происходит значительное увеличение производительности аграрного производства, урожайности культур за счет широкого использования железа при изготовлении плугов, внедрения новых культур (картофеля и бобовых), которые помогают восстановить плодородие почв, а, следовательно упразднить трехпольное землепользование и так называемый «пар». В перспективе это приведет к тому, что порочные круги традиционного земледелия будут разорваны и население выйдет из ловушки Мальтуса.

Также было необходимо превратить низкопроизводительных крестьян в высокопроизводительных фермеров. Препятствием этому служило общинное землепользование (система «открытых полей»), где производительность труда была достаточно низкой. Эта проблема решалась по-разному, и часто сопровождалась серьезной социальной дестабилизацией. Повышение производительности сельского хозяйства и попутное обнищание части крестьян образовали излишек рабочей силы в деревне, который необходим нарождающейся промышленности.

Эффективное сельское хозяйство являлось важнейшим условием успешной индустриализации, так как на ее основе можно обеспечить продовольствием ожидаемый прирост населения и уберечь его от голода, не расходуя на это материальные и денежные ресурсы, необходимые для решения других хозяйственных целей. Избыток продовольствия был необходим для снабжения городского населения, которое начинало расти непропорционально быстро. Согласно М. Ливи Баччи аграрная революция в Англии началась в начале XVIII в., во Франции и Германии – во второй половине XVIII в., приблизительно в 1820–1830 гг. в Австрии и Италии¹²². Таким образом, города начинают расти уже на стадии подготовки к подъему, что, хотя и приводит к новым капитальным затратам, но зато содействует будущей индустриализации, благодаря концентрации трудовых ресурсов и созданию объемных городских рынков¹²³.

Наиболее подходящей для анализа демографических аспектов урбанизации является теория, выдвинутая Д. Гиббсом и опубликованная в журнале «Экономическая география» в 1963 г., где он анализирует этапы демографического развития североамериканских городов¹²⁴. Итак, первой и второй стадиям по У. Росту больше всего соответствует первая фаза Д. Гиббса, которая тоже относится к доиндустриальной эпохе. После возникновения городов темпы роста их населения невелики и иногда бывают даже ниже, чем в сельской местности. Население иногда увеличивалось, иногда сокращалась под влиянием колебаний в производстве зерна, войн и стихийных бедствий¹²⁵. В традиционном обществе доля горожан составляла около 10,0 % от

---

¹²² Ливи Баччи М. Демографическая история Европы. СПб., 2010.

¹²³ Росту В.В. Стадии экономического роста. С. 89.

¹²⁴ Gibbs J. The Evolution of Population Concentration // *Economic Geography*. 1963. Vol. 39. No. 2. P. 119–129.

¹²⁵ Росту В.В. Стадии экономического роста. С. 16.

всего населения. В то же время на фазе подготовки к подъему эта доля начинала расти более быстрыми темпами, но по-прежнему довольно медленно, достигая примерно до 15,0 %. В редких случаях эта доля могла быть существенно больше.

На стадии создания предпосылок к росту на рубеже XVII–XVIII вв. в демографической подсистеме Западной Европы произошли определенные перемены. Отмечено появление так называемого «европейского» типа брачности, характеризующегося высоким средним возрастом вступления в брак и большой долей неженатых мужчин и женщин¹²⁶. Во Франции к тому же возник феномен внутрисемейного регулирования рождаемости. Скорее всего, это связано с ухудшением экономических условий того времени, прежде всего с растущим аграрным перенаселением.

Согласно теории эпидемиологического перехода, выдвинутой А. Омраном, ожидаемая продолжительность жизни составила на этих двух стадиях в среднем от 20,0 до 40,0 лет¹²⁷. На стадии подготовки к подъему, то есть еще в доиндустриальную эпоху произошло некоторое снижение смертности, а продолжительность жизни увеличилась примерно с 25,0 до 35,0–40,0 лет. На это косвенно указывает появление разных механизмов регулирования рождаемости¹²⁸. В этот период основными причинами смерти являлись инфекционные и паразитарные заболевания, а на сердечно-сосудистые и рак приходилось не более 5,0 % смертей. Общественное здравоохранение пока отсутствовало, лечение людей происходило преимущественно в рамках «традиционной», домашней медицины, иногда с привлечением народных целителей, знахарей, а также немногих квалифицированных врачей. В Новое время в некоторых европейских странах произошло небольшое повышение миграционной мобильности, что косвенно подтверждает не только рост городского населения и создание заморских колоний. Вероятно, этому способствовало также снижение смертности и возникновение аграрного перенаселения.

Следующей стадией стала *фаза подъема*, которая длилась примерно 20 лет и считалась важнейшим водоразделом в жизни общества, так как собственно с этого момента начинается процесс индустриализации. Она характеризуется тем, что в это время значительно увеличивается уровень накоплений в экономике, например в Англии он достиг 14,0 %¹²⁹. Политика государства целенаправленно стимулирует и поощряет процесс модернизации хозяйства. В это время возникают несколько новых ключевых отраслей промышленности,

¹²⁶ Хаджнал Д. Европейский тип брачности в ретроспективе // Брачность, рождаемость, семья за три века: сб. ст. М., 1979. С. 14–70.

¹²⁷ Омран А. Эпидемиологический аспект теории естественного движения населения // Проблемы народонаселения. О демографических проблемах стран Запада: сб. перевод. ст. М., 1977. С. 64.

¹²⁸ Статистические данные по Швеции, где полная демографическая статистика стала собираться раньше всего, показывают, что общий коэффициент смертности стал сокращаться уже в XVIII в., то есть задолго до начала индустриализации.

¹²⁹ Crouzed F. A History of the European Economy, 1000–2000. Univ. Press of Virginia, 2001. P. 102.

которые переживают бурный экономический рост, оказывающий положительное воздействие на смежные отрасли. С этого момента непрерывное и значительное увеличение производства товаров и услуг, в том числе на душу населения, становится обычным явлением, недолго прерываемым только во время войн и экономических кризисов¹³⁰. В отличие от небольших по размерам средневековых цехов фабрики требовали концентрации в одном помещении большого количества машин, получающих энергию от одного источника, которым первоначально являлся паровой двигатель¹³¹. Это приводило к необходимости концентрации в одном месте значительного числа рабочих. Согласно У. Ростоу стадию подъема Англия прошла приблизительно в 1783–1802 гг., Франция – в 1830–1860 гг., США – в 1843–1860 гг., Германия в 1850–1873 гг., страны второго эшелона индустриализации на несколько десятилетий позже – Япония в 1878–1900 гг., Россия – в 1890–1914 гг.

Наряду с аграрным индустриальное производство становится источником массовой занятости населения. Заработная плата, выдаваемая на промышленных предприятиях, становится вместо урожая, собранных с полей, главным источником доходов для многих семей. Это в корне меняет экономическую жизнь, так как произошел отрыв значительных масс населения от сельского хозяйства.

Итак, на индустриальной стадии развития труд мог быть высвобожден для работы на фабриках, увеличился миграционный приток в города. С конца XVIII в. стали широко использоваться ископаемые виды топлива. Основным источником тепловой энергии являлась древесина, которая использовалась для обогрева жилищ, в ремесленном производстве¹³². В период индустриализации главным источником дешевой энергии становится каменный уголь. Он стал использоваться в качестве топлива в паровых машинах на железных дорогах, на судах, кокс – в металлургической промышленности. Спрос на уголь значительно увеличился, что привело к возникновению поселений горняков и шахтеров. В дальнейшем появились целые промышленные районы, которые включали в себя несколько взаимосвязанных между собой городских поселений.

Внутрирегиональная интеграция стала важнейшим фактором роста экономики. Самым простым способом решения этой проблемы было расширение сети судоходных каналов. Однако важнейшей технической инновацией стало появление железных дорог¹³³. В свою очередь сами железные дороги стимулировали экономический рост за счет создания рабочих мест, вызывая спрос на железо, паровозы и вагоны, строительные материалы. В результате

---

¹³⁰ См. например: Мэддисон Э. Контуры мировой экономики в 1–2030 гг. Очерки по макроэкономической истории. М., 2012. С. 572–577.

¹³¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 1–39. Изд. 2-е. М., 1960. Т. 23. С. 382–515.

¹³² Аллен Р.С. Британская промышленная революция в глобальной картине мира. М., 2014. С. 125.

¹³³ См., например: Доббин Ф. Формирование промышленной политики: Соединенные Штаты, Великобритания и Франция в период становления железнодорожной отрасли. М., 2013.

улучшений транспортных сообщений упростилось продовольственное снабжение городских поселений. Попутно удалось облегчить миграции сельских жителей в города. В России и США подъем транспортной отрасли, например, способствовал возникновению небольших городков, которые в дальнейшем стали центрами прилегающих сельских районов, местами сбыта и перевалки продовольственной продукции¹³⁴.

Главным металлом растущей индустрии стало железо. Количество черных металлов, которое выплавлялось в стране, являлось важнейшим показателем успеха индустриализации. Производство железа, также как и угля концентрировалось вблизи крупных месторождений. Рядом с шахтами и рудниками обычно строились заводы, специализирующиеся на выплавке чугуна и стали. Население поселков шахтеров и металлургов увеличивалось, и они могли в дальнейшем стать городами, хотя и узкоспециализированными. По мере того, как общество становилось все сложнее, а производительность труда в промышленности увеличивалась, все больше людей требовалось в сфере услуг, которая тоже формировалась преимущественно в городах.

На этом этапе в обществе доминировали принципы классического либерализма и невмешательство в рыночную стихию. В процессе непрерывного роста экономики расходы на потребление сводятся к минимуму, рассматриваются как препятствие к промышленному подъему¹³⁵. Приоритет остается за производством средств производства. Традиционные доиндустриальные механизмы взаимопомощи последовательно разрушались, в то время как новые механизмы еще не были созданы. Государство в тот момент слабо вмешивалось в распределение общественного богатства. Поддержка бедного населения была очевидно недостаточной и осуществлялась местными органами власти, церковью и частными благотворительными организациями. Бедность стала рассматриваться как результат моральных недостатков человека. Вместе с тем, материальные трудности, с которыми сталкивались люди в результате индустриализации, лишали их возможности самостоятельно справиться с инвалидностью, полученной на производстве, болезнями, безработицей, старостью и обеспечением родственников, которые не имели возможности зарабатывать на жизнь. Эти проблемы на стадии подъема становились все более очевидными.

Фаза подъема по У. Ростоу и второй этап по Д. Гиббсу хронологически примерно совпадают. В это время городское и сельское население продолжают увеличиваться, но повышение численности городских жителей начинает значительно превышать рост сельских. Если говорить о европейских странах, то вплоть до последней четверти XIX столетия численность сельских жителей в европейских странах, даже в Англии, продолжала повышаться.

---

¹³⁴ Мерфи Р. Американский город. М., 1972.

¹³⁵ Гершенкрон А. Экономическая отсталость в исторической перспективе. М., 2015. С. 269.

Доля городского населения к концу этой фазы сильно варьирует от страны к стране, но обычно находится в пределах 30,0 %.

Очевидная несправедливость в распределении материальных благ в раннеиндустриальном обществе приводит к тому, что на деле в повседневной жизни простого населения ничего не меняется, его положение может даже ухудшиться. На этом этапе никуда не исчезли присущие традиционному обществу недоедание и голод, приводившие к снижению иммунитета, а зачастую и к смерти. Вероятнее всего, рост производства первоначально привел лишь к повышению имущественного расслоения и концентрации богатства в руках немногих высших слоев общества. Тем не менее, к этому моменту накапливается достаточное количество научных и практических знаний, которые в будущем могут способствовать улучшению здоровья населения.

В это время складываются идеологические и практические предпосылки для большего вмешательства государства в экономические и социальные процессы. В частности, с повышением численности городского населения выросла потребность в различных службах, специализирующихся на общественно важных видах деятельности, которые трудно регулировать на частной основе (полиция, пожарные службы). Активное развитие вышеназванных служб, очевидно, тормозило рост уровня травматизма и несчастных случаев.

Одновременно с позитивными моментами существовали тенденции, которые нивелировали позитивное влияние этих факторов. Городская смертность была выше, чем в сельской местности. Миграции в города, которые были неприспособлены к огромному людскому наплыву, резко обострили санитарные проблемы. Жилищные условия ухудшились, так как значительно повысилась плотность населения, а строительство новых домов шло медленно. Возникли самые разнообразные формы удовлетворения растущего спроса. Например, в качестве мест обитания использовались подвалы, чердаки, обычным явлением стали трущобы, хижины и самодельные сооружения. Все это, например, хорошо описали классики марксизма, в частности Ф. Энгельс в своем знаменитом труде «Положение рабочего класса в Англии»¹³⁶.

Труд на фабриках по современным понятиям был длительным и крайне тяжелым, широкое распространение получили женский и детский труд. Основной рацион рабочих составляли хлеб и картофель, мясо было малодоступно. Длительное время в городах смертность превышала рождаемость, а из-за индустриализации она увеличилась еще больше¹³⁷. Именно поэтому ранние этапы индустриализации, скорее всего, почти никак не повлияли на

---

¹³⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 1–39. Изд. 2-е. М., 1955. Т. 2. С. 231–517.

¹³⁷ Например, с 1831 по 1844 г. уровень смертности в Бирмингеме возрос с 14,6 ‰ до 27,2 ‰; в Бристоле – с 16,9 ‰ до 31 ‰; в Ливерпуле – с 21 ‰ до 34,8 ‰; и в Манчестере – с 30,2 ‰ до 33,8 ‰.

продолжительность жизни. Лишь ближе к концу стадии подъема она несколько увеличилась. Воздействие медицины на здоровье XIX в., за исключением прививок от оспы, было минимальным. Ожидаемая продолжительность жизни в большинстве европейских стран, даже в Англии, росла очень медленно и за небольшим исключением к началу 1870-х гг. еще не превышала 40,0 лет.

Рождаемость продолжает сохраняться практически на прежнем, достаточно высоком уровне. Во-первых, смертность, особенно младенческая оставалась высокой. Во-вторых, дети рассматривались как потенциальная рабочая сила, важный источник доходов семьи. По сути, на фазе подъема все еще продолжал действовать мальтузианский механизм, в основе которого лежали высокие рождаемость и смертность. Итак, в воспроизводстве населения только начинают возникать слабозаметные перемены. В отдельных странах может наблюдаться небольшой рост материального дохода, улучшение питания, постепенный рост количества больниц и профессиональных врачей.

На следующей *фазе перехода к зрелости* по У. Росту экономика стремится распространить новейшие технологии на все или большинство отраслей хозяйственной жизни. В конце этой фазы, когда возникает зрелая экономика, происходит ее глубокая диверсификация, когда индустрия способна обрабатывать разные виды естественных ресурсов и создавать с помощью передовых технологий разнообразную продукцию. Обычно в это время масштабы производства значительно повышаются, размеры фабрик и заводов растут, возникают монополии.

На фазе быстрого созревания капиталовложения по-прежнему находятся на высоком уровне. Экономика становится составной частью мирового хозяйства. Окончание этой стадии происходит спустя примерно 40 лет после завершения фазы подъема. По У. Росту достижение экономической зрелости в Англии произошло в 1850 г., США – в 1900 г., Германии и Франции – в 1910 г., Японии – в 1940 г. Начало фазы формирования зрелости в России относится к 1929 г., а полное ее становление произошло в 1950 г.¹³⁸

Наступает период роста уровня потребления, экономическая стагнация чередуется с военными событиями. Причем У. Росту указывает на серьезные различия продвижения по стадиям в региональном разрезе. Так, переход к фазе подъема на юге США стартовал только в 1940-е гг., а в канадской провинции Квебек лишь к моменту публикации книги¹³⁹. Машинное производство внедряется во все больше сфер деятельности. Центр тяжести смещается от угольной, металлургической промышленности в сторону других, более продвинутых отраслей. Ряд государств стали развивать сложное станкостроение, химическую и электротехническую

---

¹³⁸ Росту В.В. Стадии экономического роста. С. 92.

¹³⁹ Там же. С. 35.

индустрию, автомобилестроение, нефтепереработку. Этим отраслям, как правило, была необходима более значительная концентрация производства и людей в одном месте.

На этапе перехода к зрелости население большинства стран уже не могло, как прежде, мириться с издержками индустриализации, особенно с недопустимыми проявлениями нищеты и бедности. С одной стороны, индустриализация и урбанизация концентрировали бедность в городах, что делало ее заметным явлением в общественной и даже личной жизни. Как говорит английский историк Д. Тревельян, «тяжелое положение (*бедноты*) стало более очевидным и для нее самой и для других именно теперь, когда она была обособлена и собрана вместе»¹⁴⁰. С другой стороны, в обществе все больше склонялись к тому, что нищета не является неизбежным условием существования, а представляла проблему, которую необходимо решать.

Чрезмерное обнищание трудящихся могло привести к усилению радикальных политических движений, к забастовкам и социальным потрясениям. Серьезную озабоченность правящих кругов вызывало слабое здоровье призываемых на военную службу молодых людей. В свою очередь, плохое здоровье и невозможность выполнять трудовые обязанности снижали производительность труда, и следовательно конкурентные преимущества страны. Становится ясно, что муниципальной и частной благотворительности недостаточно, чтобы справиться с издержками индустриализации. Появление политических партий, которые представляли интересы рабочего класса и через законодательные собрания стали добиваться улучшения условий жизни и труда, ускорило процесс возникновения базовых элементов государственной социальной политики.

Центральные правительства получили право некоторого вмешательства в работу заводов, шахт, железных дорог, а также укрепления общественного здравоохранения. В начале особенно активными были местные (городские) власти, на плечи которых легло обеспечение населения чистой водой, канализационными системами, общественными туалетами, библиотеками и парками. При поддержке государства увеличиваются вложения в социальную инфраструктуру, особенно в водопроводы и канализацию. Важными новациями стали ограничения в использовании женского и детского труда, а также сокращение длительности рабочего дня. Тем не менее центральные органы власти видели свою задачу лишь в умеренном облегчении страданий, но они еще слабо вмешивались в рынок труда, плохо стимулировали занятость, почти не спасали от банкротства хозяйствующие субъекты, не финансировали обширные социальные программы, не проводили активной денежно-кредитной политики, то есть еще не делали всего того, что входит в задачи современного государства.

---

¹⁴⁰ Тревельян Д.М. Социальная история Англии. Обзор шести столетий от Чосера до королевы Виктории. М., 1959. С. 474.

Со стадией перехода к зрелости больше всего ассоциируется третья фаза урбанизации по Д. Гиббсу. В это время сельское население впервые начинает уменьшаться. Демографическая убыль в деревне стала заметна ближе к концу XIX в. и, судя по всему, это сокращение в западноевропейских странах проходило плавно¹⁴¹. Раньше всего сельское население стало уменьшаться в Англии, начиная с 1860-х гг.¹⁴² Затем данная тенденция перекинулась на континент – Германию, Францию и другие западноевропейские страны. Масштабы сокращения первоначально были невелики из-за все еще высокого в конце XIX в. естественного прироста в сельской местности, который компенсировал часть миграционного оттока. Этот процесс стал идти активнее в первой половине XX столетия, в том числе благодаря снижению рождаемости¹⁴³, а также значительному падению темпов экономического роста в аграрной сфере в межвоенный период¹⁴⁴. К концу стадии перехода к зрелости доля городского населения составляет чаще всего не менее 40,0 %.

Снижению смертности способствовал рост эффективности сельского хозяйства и, соответственно, увеличение потребления продуктов питания. Тем не менее основная часть семейного бюджета по-прежнему тратилась на продовольствие. Немного увеличилось потребление мяса. Молока, свежих фруктов и овощей рабочие семьи покупали еще мало. Голод уступал место простому недоеданию. Повышение качества потребляемой пищи, несомненно, оказало положительное воздействие на здоровье, так как способствовало улучшению человеческого иммунитета и сопротивляемости болезням. Положительное влияние на здоровье оказала серия мероприятий в сфере труда. Сокращение длительности рабочего дня стало одним из главных новшеств перехода к стадии зрелости. Процесс уменьшения длительности рабочего дня происходил постепенно и, прежде всего, коснулся женщин и детей. К 1900 г. в большинстве стран индустриальной Европы, включая Россию, законом был запрещен труд детей, не достигших 12-летнего возраста.

Прогресс в медицинских препаратах тогда вносил небольшой вклад в снижение смертности. Однако информация об открытиях учеными возбудителей болезней (например, открытия Луи Пастера, Роберта Коха) довольно быстро распространилась в обществе. Повсеместное внедрение всеобщего начального образования помогло популяризации медицинских знаний. Последние стали оказывать определенное влияние на повседневное

---

¹⁴¹ Кембриджская экономическая история Европы Нового и Новейшего времени. М., 2013. Т. 2: 1870 – наши дни. С. 95.

¹⁴² Lawton R. Rural Depopulation in Nineteenth Century England // English Rural Communities by Mills D.R. (eds.). Palgrave, London, 1973. P. 195–219.

¹⁴³ The New Cambridge Modern History. Cambridge Univ. Press, 1968. Vol. 12. The Shifting Balance of World Forces, 1898–1945. P. 16.

¹⁴⁴ Crouzed F. ... P. 183.

поведение людей, которые стали понимать важность личной гигиены. Начиная с 1870-х гг. неуклонно возрастало потребление мыла на душу населения.

В первой половине XX столетия жилищная инфраструктура непрерывно улучшалась. Трущобы постепенно сносились, на их месте строилось новое несколько более доступное и комфортное жилье. Определенные шаги в этом направлении были сделаны частными предпринимателями, которые стали финансировать строительство недорогих домов для рабочих. Расширились функции местных органов власти, которые не только стали отвечать за создание систем снабжения чистой водой и удаления отходов, но и следить за промышленным загрязнением и качеством продуктов питания. В большинстве стран было принято специальное санитарное законодательство.

В конце XIX – начале XX в. в связи с научными открытиями о переносчиках заболеваний профилактическая деятельность дополнилась идеями о необходимости оказывать не только косвенное, но и прямое воздействие на поведение индивидов. В практическом плане это означало обязательное уведомление о возникающих инфекционных заболеваниях, отслеживание контактов больных, диагностическое обследование потенциальных и реальных «носителей» болезней. Больше внимания стало уделяться охране материнства и детства, что выразилось в выделении денежных средств, субсидий на детское питание, акушерскую помощь, появился послеродовой отпуск.

Важнейшей во всех отношениях новацией стало внедрение обязательного страхования (модель Бисмарка), которое быстро завоевало всеобщее признание и со временем стало охватывать все большее число людей. Впервые появившись в Германии, эта модель постепенно распространилась во всех передовых промышленных странах, в том числе и в России (в 1912 г.). Если кратко, то суть этой системы состояла в том, что за счет отчислений от заработной платы трудящихся, а также взносов предпринимателей, которые теперь тоже несли ответственность за здоровье своих работников, создавался специальный фонд, из средств которого человеку в случае получения производственной травмы или болезни выплачивалась небольшая денежная сумма. В отличие от добровольных обществ взаимопомощи эти фонды создавались в обязательном порядке и должны были первоначально охватывать только рабочих. За счет средств этих фондов оплачивались услуги врачей и медикаменты. Повсеместно, кроме страхования по болезни и от несчастных случаев на производстве вводилось страхование по старости (пенсионное обеспечение) и безработице.

Непрерывно росло число врачей и медицинских учебных заведений. Повышение материального достатка и технический прогресс привели к множеству мелких и незаметных улучшений в жизни людей, которые позитивно влияли на здоровье. Например, у людей появилась возможность покупать больше хорошей и теплой одежды и обуви.

Вслед за смертностью стала сокращаться рождаемость. Наибольший временной лаг между этими процессами был в Англии и Швеции (английский тип демографического перехода). В других странах, судя по данным М. Ливи Баччи, он был значительно короче. Непосредственно снижение рождаемости вызвано распространением добровольного контроля над ней, а на это действовало множество факторов. Раньше всего падение рождаемости началось во Франции, у других ведущих экономических держав – после 1880 г.

Урбанизация на фазе перехода к зрелости сыграла главную роль в уменьшении числа детей в семьях. Контроль над рождаемостью раньше всего возник в городах, особенно крупных, а также среди обеспеченных и образованных людей. Рост количества и численности жителей городов на протяжении XIX–XX столетий сократил долю населения, проживающего в сельской местности. Вторым важным аспектом стал рост занятости женщин в промышленном производстве. В доиндустриальный период работа мужчин и женщин осуществлялась в рамках домашнего хозяйства, как в сельской местности, так и в городах. Однако в новых условиях низкие доходы вынудили женщин использовать свое время не только дома, но и за его пределами. Недорогой женский труд был востребован в легкой (в основном текстильной, швейной, бумажной) промышленности, а также в сфере услуг. Разделение работы и домашнего хозяйства оказало важное воздействие на семейную жизнь, так как женщины уже не могли, как раньше, сочетать уход за детьми, приготовление пищи и свою работу на фабриках из-за строгой регламентации труда.

Следует согласиться с Д. Колдуэллом в том, что важную роль в снижении числа детей в семьях сыграли материальные причины¹⁴⁵. Индустриализация первоначально привела к интенсивному использованию детского труда на фабриках, уровень прилагаемых усилий стал заметно выше. Однако из-за тяжелых и антисанитарных условий на рабочем месте правительства западных стран стали принимать прогрессивные законы о его ограничении. Также появились нормативные акты, требующие обязательного посещения школ и обретения начального образования. Дети не только перестали приносить доход, но из-за введения обязательного школьного образования повысились расходы на их содержание и обучение. Длительность учебы в школах увеличивалась, что требовало значительных затрат на учебные материалы и форму. Экономическая ценность детей снизилась, что оказало воздействие на рождаемость. Потоки благ развернулись в обратную сторону, если раньше они шли от младших поколений к старшим, то теперь наоборот. Важным фактором стала секуляризация и снижение авторитета церкви, в результате которых рождение большого числа детей уже не считалось моральным долгом семьи.

---

¹⁴⁵ Caldwell J.C. Demographic Transition Theory. Springer, 2006. 418 p.

К концу XIX в. в ведущих индустриальных державах образование стало светским, стандартизированным, грамотность стала практически всеобщей. Значительно увеличилось количество студентов высших учебных заведений, например. Повышение образовательного уровня тоже косвенно способствовало снижению рождаемости.

Этапу перехода к зрелости больше всего соответствует стадия снижающейся пандемии по А. Омрану, которая характеризуется постепенным и ускоряющимся сокращением смертности. Самые глубокие положительные перемены в показателях здоровья наблюдались у женщин и детей. С повышением уровня жизни и улучшением питания, развитием общественного здравоохранения показатели дожития у детей последовательно увеличивались, смертность женщин сократилась в подростковых и фертильных возрастах. Младенческая смертность падает до 150,0 ‰ и ниже¹⁴⁶. Эпидемии становятся все более редким явлением или вовсе исчезают. По завершении перехода к зрелости ожидаемая продолжительность жизни может достичь 50 лет¹⁴⁷. Доля инфекционных заболеваний в структуре смертности снижается, количество случаев смертности от голода становится все меньше.

Повышение вероятности дожития детей до средних и старших возрастов приводит к тому, что длительность вскармливания грудным молоком увеличивается. Это снижает возможность следующего зачатия, растут интергенетические интервалы между рожденьями. По мере сокращения детской смертности у родителей появляется твердая убежденность в том, что их потомство будет жить долго и станет для них поддержкой в старости. Происходит последовательный переход к малодетной модели семьи, увеличивается время и материальные ресурсы для воспитания детей. Суммарный коэффициент рождаемости может снизиться до 2,500–3,500 рождений на одну женщину¹⁴⁸. На этапе перехода к зрелости естественный прирост существенно увеличивается, численность населения растет очень быстро.

Если брать за основу концепцию У. Зелински о миграционном переходе, то первым индустриальным фазам – стадии подъема и перехода к зрелости больше всего соответствует фаза II (раннее переходное общество). Она отличается массовым переселением из сельской местности в города, как в старые, так и новые. Одновременно происходит значительное перемещение сельского населения к границам колонизации, если в пределах страны имеются пригодные для этого земли. То есть, по существу, это означает вовлечение в сельскохозяйственный оборот максимальной площади свободных земель под влиянием

¹⁴⁶ За 1880–1910 гг. детская смертность во Франции снизилась со 179 ‰ до 111 ‰; в Германии – с 240 ‰ до 162 ‰, в Англии – с 153 ‰ до 105 ‰.

¹⁴⁷ Ожидаемая продолжительность жизни в 1910 г. во Франции составила 50,5 лет, в Германии – 49,0, в Англии – 53,4 лет.

¹⁴⁸ Среднее число детей на одну женщину составило в 1910 г. во Франции – 2,25, в Германии – 3,52, Англии – 2,84.

аграрного перенаселения и социального расслоения в деревне. Возникает сильный отток населения за границу.

В Западной Европе имела место массовая миграция в Новый свет, которая активизировалась с середины XIX в. и продолжалась вплоть до начала 1920-х гг. Это явление объясняется тем, что спрос на рабочие руки в промышленности был еще не так велик, чтобы поглотить весь избыток трудовых ресурсов деревни. Совершенствование средств передвижения, появление пароходов и железных дорог существенно облегчило эмиграцию за океан. Другой стратегией стало совмещение неполного рабочего дня на ферме с одновременным сезонным трудоустройством в городе.

Позднее с ростом индустриального производства и появлением большого количества предприятий необходимость в эмиграции снижается, что и наблюдалось в Западной Европе в начале XX в. На этапе перехода к зрелости происходит рост так называемой «циркуляции», под которой У. Зелински имел в виду большое разнообразие повседневных перемещений. К ним, например, относились поездки студентов на выходные, каникулы, походы людей по магазинам, посещение больниц и церквей, религиозные паломничества, участие в конференциях, светские визиты и т.д.¹⁴⁹

Собственно на *зрелой стадии* в экономике продолжают развиваться тенденции, заложенные в предыдущий период. Угледобывающая промышленность начинает постепенно уступать свои позиции в энергетическом балансе индустриальных стран гидроэнергетике, нефтяной отрасли. Начинается стагнация в сталелитейной промышленности. После наступления стадии зрелости темпы роста промышленного производства начинают снижаться. Сама стадия зрелости продлилась весь межвоенный период и закончилась только в начале 1950-х гг., когда началась заключительная фаза – формирование государства всеобщего благосостояния.

Продолжается рост социальных расходов государства, расширяются права рабочего класса. Был установлен восьмичасовой рабочий день, введены непродолжительные оплачиваемые отпуска и компенсации по производственным заболеваниям. Объем денежных средств, направляемых на социальное страхование, значительно увеличился из-за подъема революционного движения, появились пособия по безработице. После Первой мировой войны в западноевропейских странах активизировалось инициируемое государством жилищное строительство. Местным властям стало предоставляться больше средств на постройку доступного жилья, в некоторых странах был установлен контроль над размером взимаемой арендной платы. Эти меры позволили увеличить обеспеченность жилой площадью в расчете на

---

¹⁴⁹ Zelinsky W. ... P. 226.

одного человека, до определенной степени решить проблему скученности и тесноты, что, несомненно, положительно сказалось на здоровье населения.

Социальная структура трансформировалась в пользу общественных групп с низкой рождаемостью. Доля сельских жителей непрерывно снижалась по мере миграций из деревни. Накануне Второй мировой войны в сельском хозяйстве было занято меньшинство населения. Доля рабочих в межвоенный период стала расти медленнее, а в США даже несколько снизилась. Внутри рабочего класса стал повышаться удельный вес тех, кто работает в высокотехнологичных отраслях промышленности, прежде всего в машиностроении. Выросла доля служащих и занятых умственным трудом, которые прежде составляли ничтожную долю в социально-классовой структуре.

Наконец, на зрелой стадии наряду с сокращением численности сельского населения начинается миграционный отток из малых городов, а число жителей в некоторых из них может уменьшаться. Эти характеристики соответствуют четвертой стадии урбанизации по Д. Гиббсу. По мере роста доли городских жителей число потенциальных мигрантов на селе уменьшается. Однако остаются факторы, заставляющие людей менять место жительства. Так как крупные промышленные и административные центры предлагают возможности, которые отсутствуют в небольших городах, то начинается движение от малых городов к крупным. Это в конечном счете приводит к убыли и даже сокращению населения малых городских поселений. Наступление этой стадии косвенно указывает на то, что проблема удовлетворения самых простых потребностей (в пище, жилье, работе) перестает быть актуальной. Теперь требования к жизни начинают повышаться, человека больше интересует карьера, высокий материальный достаток, положение в обществе. Всего перечисленного можно достичь преимущественно в крупных городах. Доля горожан к концу стадии зрелости варьировала от страны к стране, в 1950 г. в наиболее урбанизированных она достигла 60,0–65,0 %¹⁵⁰.

Ожидаемая продолжительность жизни в ведущих индустриальных странах достигла 60 лет, но во время Великой депрессии ее рост прекратился. Суммарный коэффициент рождаемости снизился и воспроизводство населения в 1930-е гг. стало суженым. Миграции на стадии зрелости, которая в странах первой индустриальной волны охватывает в основном межвоенный период, можно описать с помощью фазы III (общество позднего переходного периода). В это время происходит снижение объемов, хотя все еще значительных, перемещений людей из сельской местности в города. Уменьшается поток мигрантов к границам колонизации, эмиграция за рубеж сокращается или может вовсе прекратиться. Наряду с этим объемы циркуляций по-прежнему продолжают повышаться.

---

¹⁵⁰ World Urbanization Prospects. The 2014 Revision. United Nations New York, 2015. P. 209–210.

Заключительной по У. Ростоу стала стадия, на которой возникает общество массового потребления и *государство всеобщего благосостояния*. На этой стадии происходит сильное повышение производительности сельского хозяйства. Традиционное крестьянство как социальный слой практически полностью исчезает, фермерские хозяйства становятся намного крупнее. Государственные органы стали значительно активнее использовать механизмы регулирования рыночных отношений (кейнсианская экономика), налоговую, денежно-кредитную политику, влиять на рынок труда, содействовать его росту, обеспечивать занятость. Они были призваны смягчить последствия постоянно повторяющихся экономических кризисов. Фактически государство всеобщего благосостояния превратилось в набор структур и институтов, предназначенных для защиты огромных масс трудящихся от социальных и экономических опасностей «чистого» капитализма. Перераспределение доходов в целях достижения большей социальной справедливости становится одной из главных его функций.

Регулирование рыночных отношений достигает максимально возможных допустимых пределов, дальнейший рост контроля логично привел бы к демонтажу рынка как фундаментальной основы функционирования экономики и к созданию планового хозяйства. Таким образом, тенденция роста государственного контроля над социально-экономическими процессами приходит к своему закономерному завершению. Кроме политики обеспечения трудовой занятости в сферу интересов государства вошли: предоставление населению бесплатного начального и среднего образования, недорогих услуг общественного здравоохранения, дешевого жилья, отдыха, общественного транспорта, юридической помощи. Благодаря прогрессивному налогообложению и активной социальной политике поляризация общества снизилась, что привело к значительному численному росту так называемого «среднего класса» и к сокращению бедности.

Одновременно начинается переток рабочей силы из промышленности в сферу услуг, которая заняла ведущие позиции в экономике всех развитых стран. Ее рост был вызван повышением уровня наукоемкости и специализации, вследствие чего усилился спрос на образование, научные разработки, информацию, финансовое посредничество, услуги транспорта. К тому же со стороны населения увеличился спрос на услуги здравоохранения, туризма, транспорта. Другой причиной стало сокращение потребности предприятий в рабочей силе из-за повышения технической оснащенности, производительности труда и насыщения национальных рынков промышленными товарами.

Продолжает повышаться квалификация работников, концентрация производства. Неквалифицированный и полуквалифицированный труд постепенно уступает свои ниши, наступает время хорошо подготовленных и образованных специалистов, рабочих и вообще творческих и креативных людей. Росту квалификации способствовало внедрение все более

сложных машин и оборудования, например ядерной техники. Возникает постоянный высокий спрос на технические новации, благодаря которым создаются новые виды товаров и услуг.

Широкое привлечение народных масс к управлению путем распространения всеобщего избирательного права с экономической точки зрения привело к *ключевому сдвигу* в экономике от производства средств производства к производству предметов потребления. Промышленность, ориентированная на выпуск автомобилей, холодильников, телевизоров, бытовой техники, мебели, одежды, обуви, стала основой послевоенного индустриального роста. Увеличению производства товаров и услуг способствует также выросшая заработная плата. Со временем значительная часть производства товаров широкого потребления стала переноситься в развивающиеся страны. В упадок приходят многие традиционные индустриальные отрасли, что приводит к деградации некогда ведущих городских центров. Оставшиеся отрасли в развитых странах, как правило, относятся к высокотехнологичным, занимающим квазимонопольное положение на мировом рынке. В результате роль физического труда еще более снизилась, а значение интеллектуальных занятий выросло. Население, заинтересованное в широком использовании потребительских товаров, концентрируется не только в городах, но и в пригородах. Рост благосостояния, стремительная автомобилизация, экологические проблемы привели к возникновению феномена «субурбанизации», то есть широкого переселения в пригородные дома.

Государство всеобщего благосостояния вступает в *пятую стадию* по Д. Гиббсу, когда наблюдается уменьшение различий в концентрации населения. Дело в том, что если предположить, что четвертая стадия будет продолжаться неопределенно долго, то она приведет к тому, что почти все население будет жить в огромном мегаполисе, произойдет почти полное запустение сельской местности, малых и средних городов. Этого не происходит из-за непрерывного технического прогресса, развития транспорта и связи, что позволило части населения получать услуги и выполнять работу, не перемещаясь на дальние расстояния и продолжая жить в небольших населенных пунктах. Согласно Д. Гиббсу это последняя стадия концентрации, которая началась в 1960–1970-е гг. и действительно привела к некоторому росту численности жителей сельской местности, небольших городов и пригородов. Эта фаза завершается тем, что доля городского населения в ведущих экономических державах достигает 70,0–80,0 %, после чего темпы роста существенно падают.

В послевоенный период, особенно в 1960-е гг., произошел стремительный рост численности студентов высших учебных заведений. Увеличилось количество вузов, усилилась их специализация. Высшее образование перестало быть элитарным и стало массовым, хотя ценность дипломов для работодателей снизилась. Появление современных систем здравоохранения стало частью процесса возникновения государств всеобщего благосостояния

на Западе. В послевоенный период возникло понимание, что здравоохранение должно охватывать своими услугами все население. В это время медики обратили внимание на резкий рост сердечно-сосудистых и раковых заболеваний. Новая социальная ситуация привела к тому, что получили распространение болезни, которые связаны не с социальными проблемами, а, наоборот, с успехами экономического развития. Выявлено влияние загрязненного воздуха и курения на развитие раковых заболеваний.

Одним из важнейших направлений профилактической медицины в послевоенный период стало массовое распространение персональных медицинских рекомендаций, позволяющих человеку взять на себя ответственность за снижение уязвимости перед хроническими заболеваниями. В средствах массовой информации стал еще более активно пропагандироваться здоровый образ жизни, объясняться вред, наносимый алкоголизмом и курением. Частично это было вызвано стремлением государственных органов уменьшить постоянно растущие расходы на медицину. Большое внимание стало уделяться безопасности рабочих мест, прежде всего в травмоопасных отраслях промышленности (добыча полезных ископаемых, транспорт, строительство).

Итак, дальнейшее экономическое и социальное развитие общества привело к снижению заболеваемости инфекционными и паразитарными заболеваниями. В социальной структуре еще более выросла доля лиц с высокой продолжительностью жизни. Снижению смертности способствовала высокая материальная обеспеченность людей, социальная стабильность западного общества и прекращение разрушительных военных и гражданских конфликтов.

В послевоенный период происходило дальнейшее повышение роли женщин в экономике западноевропейских стран. Вторая мировая война подтолкнула рост их занятости в промышленности и сельском хозяйстве, так же как и в Первую мировую войну. Новые тенденции в социально-экономическом развитии привели к росту образованности не только мужчин, но и женщин. Женская неграмотность была ликвидирована в большинстве европейских стран. Итак, дальнейший рост женской занятости, уровня образования, улучшение материальной обеспеченности семей, увеличение государственных социальных гарантий, повышение «стоимости» воспитания детей косвенно способствовали дальнейшему снижению рождаемости, хотя в послевоенный период произошел ее временный рост («бэби-бум»).

Фаза зрелости и государство всеобщего благосостояния находятся на этапе дегенеративных и профессиональных заболеваний по А. Омрану. На этом этапе общий коэффициент смертности продолжает сокращаться и падает до уровня 20,0 ‰ и ниже, а средняя продолжительность жизни превышает 50,0 и может достичь 70,0 и более лет. Детская смертность снижается до 25,0 ‰ и ниже. А. Омран подчеркивает, что только с этого момента решающим фактором роста населения становится рождаемость, а не смертность. Постепенное

уменьшение смертности от инфекций сопровождается ее ростом от сердечно-сосудистых и раковых заболеваний, которые становятся основными причинами смерти после 1945 г.

Суммарный коэффициент рождаемости после «бэби-бума» вновь сокращается до 2,000–1,800 ребенка на одну женщину. Происходит старение населения, в его составе увеличивается доля лиц пенсионных возрастов. Статья А. Омрана вышла в свет в 1971 г., поэтому в ней не нашли отражения тенденции следующих десятилетий, то есть особенности второго эпидемиологического перехода, содержанием которого стало перераспределение к старшим возрастам смертности от новообразований, болезней системы кровообращения, а также небольшое сокращение смертности от несчастных случаев.

Обществу всеобщего благосостояния соответствуют характеристики IV фазы У. Зелинского. Территориальная мобильность перестает расти и колеблется на высоком уровне. Сокращаются абсолютные и относительные объемы миграций из сельской местности. Число занятых в аграрной сфере приближается к минимуму, экономическая эффективность сельского хозяйства становится максимально возможной. На этом фоне главными становятся перемещения людей непосредственно между городами и внутри городских агломераций. Увеличивается приток неквалифицированной и полуквалифицированной рабочей силы из слаборазвитых стран и регионов. Возможна значительная международная миграция или циркуляция квалифицированных и профессиональных кадров. И наконец общество потребления формирует новые виды циркуляций, ориентированные на обретение удовольствий (например, кино, туризм). Фаза V описывает будущее сверхразвитое общество, поэтому ее критерии для исследования не являются актуальными.

Что касается России, то, как и другие европейские страны, она тоже пережила все, кроме последней стадии индустриализации. Следуя У. Росту, несмотря на определенную дискуссионность вопроса¹⁵¹, необходимо согласиться с тем, что социализм, как и другие многочисленные переходные формы социально-политического и экономического структурирования общества, был лишь одной из ветвей модернизации. Важным теоретическим посылом является описание этого процесса как запоздавшего, начавшегося значительно позднее, чем в развитых странах и идущего со своими особенностями.

Нельзя не согласиться с А. Гершенкроном, что индустриализация отсталых стран представляла собой не полное повторение событий первой, а упорядоченную систему различной степени отклонений от нее¹⁵². В странах второго эшелона индустриализации,

---

¹⁵¹ См., например: Бородкин Л.И. Концепции модернизации и модерности в контексте российских трансформаций XIX–XX вв. // Уральский исторический вестник. 2017. № 4. С. 6–15.

¹⁵² Гершенкрон А. Экономическая отсталость в исторической перспективе. С. 111.

к которым кроме России обычно относят также Японию¹⁵³, отсутствовал ряд очень важных предварительных условий. В результате обществу и государству приходилось вырабатывать, как говорит А. Гершенкрон, своеобразные «компенсационные» механизмы, чтобы восполнить их отсутствие. Со временем эти отсутствующие условия по мере развития экономики возникали сами (например, банки, крупные капиталы, широкий предпринимательский класс, более или менее эффективная правовая и судебная системы), тогда как в Западной Европе они появились еще в доиндустриальную эпоху. Интенсивное промышленное развитие России началось приблизительно на полвека позднее, чем в Германии, Франции или США и более чем на столетие позже Англии и развивалось в иных условиях. Такое положение страны хорошо осознавалось и раньше. Например, И.В. Сталин на Всесоюзной конференции работников социалистической промышленности в 1931 г. указал на отставание России от передовых стран на 50–100 лет¹⁵⁴.

Если у ведущих западных держав в ходе развития капитализма за предыдущие столетия естественным образом возникли все (или большая часть) необходимых условий для успешной индустриализации, то в России многие из предпосылок пришлось создавать искусственно. Таким образом, активное участие государства в общественных процессах было предопределено всей логикой модернизационного процесса. Прежде всего, был создан рынок рабочей силы, который, хотя и не сразу, возник после отмены крепостного права. Итак, примерно 50–60 лет, предшествующих началу стадии подъема, можно рассматривать как очень короткую по историческим меркам фазу подготовки, когда в России были созданы (правда, далеко не все) предпосылки для будущего индустриального роста. Недостаточная длительность стадии подготовки является *ключевым* и важнейшим отличием нашей страны от западноевропейских стран, которое оказало самое серьезное влияние на ее историческое развитие в XX столетии. Благодаря этому характеристики воспроизводства населения в начале индустриализации были, по существу, такими же, как у традиционного, а не как у переходного общества (на стадии подготовки к подъему).

Аграрная революция в России носила половинчатый характер, так как сохранилась традиционная система общинного землепользования, препятствующая высвобождению рабочей силы, внедрению новых систем землепользования, сельскохозяйственных культур, техники, удобрений. Тем не менее население городов все-таки стало медленно увеличиваться, хотя его доля перед фазой подъема составила только 11,8 % (1885 г.). Остро ощущался дефицит «буржуазии», развитию капитализма мешала еще незрелая деловая и правовая среда, низкий

---

¹⁵³ См., например: Камерон Р. Краткая экономическая история мира. От палеолита до наших дней. М., 2001; Stearns P.N. The industrial revolution in world history. Westview Press, 2012. 336 p.

¹⁵⁴ Сталин И.В. Соч. Т. 1–13. М., 1951. Т. 13. С. 29–42.

уровень образования населения. Невысокий уровень торговли тормозил развитие городов, как следствие возник недостаток образованной и квалифицированной рабочей силы, которая в Западной Европе формировалась в средневековых гильдиях¹⁵⁵.

Важной особенностью демографического развития России являлось недостаточное распространение механизмов регулирования рождаемости, которое было отмечено в Западной Европе еще на стадии подготовки к подъему («европейский» тип брачности, внутрисемейное регулирование рождаемости во Франции). Дело в том, что наличие в царской России огромного фонда свободных для колонизации земель косвенно поддерживало быстрый рост населения в XVIII–XIX вв., тогда как аграрное перенаселение в Западной Европе вынуждало общество изобретать методы регулирования числа детей в семьях. Существенным фактором, на наш взгляд, было раннее формирование сильной центральной государственной власти, которая ликвидировала феодальную раздробленность, служила гарантией защиты территории и внутривнутриполитической стабильности.

Таким образом, действие мальтузианских ограничительных факторов смертности – междоусобных и религиозных войн, а также возникающих вслед за ними голода и эпидемий было несколько ограничено. В 1780-е гг. общий коэффициент рождаемости в Европейской России составил, по подсчетам Б.Г. Миронова, 47,6 ‰, то есть даже несколько меньше, чем столетие спустя¹⁵⁶. Уровень смертности к началу промышленного подъема тоже не изменился, тогда как в ведущих европейских странах уже в XVIII в. она, очевидно, сократилась, хотя и незначительно. Итак, в России мальтузианский механизм до конца XIX в. определял процессы воспроизводства.

Следуя У. Росту, *стадия подъема* в России началась приблизительно в 1890 г., шла в нестандартных условиях и продолжалась вплоть до Первой мировой войны. Индустриализация пошла по испытанному европейскими государствами пути – активное железнодорожное строительство вызвало расширение внутреннего рынка, рост сталелитейной и угледобывающей промышленности. В результате Россия вышла на четвертое – пятое место в мире по производству важнейших товаров, характеризующих индустриализацию, – угля, железа и нефти. При этом не следует забывать о производстве на душу населения, которое оставалось низким из-за большого населения. Индустриализированные районы являлись, по сути, островами, окруженными со всех сторон морем крестьянских хозяйств. Уровень образования стал постепенно повышаться, чего требовала нарождающаяся промышленность¹⁵⁷.

¹⁵⁵ См., например: Миронов Б.Н. Русский город в 1740–1860-е годы: демографическое, социальное и экономическое развитие. Л., 1990.

¹⁵⁶ Там же. С. 50; Рашин А.Г. Население России за 100 лет (1811–1913 гг.): стат. очерки. М., 1956. С. 154.

¹⁵⁷ Миронов Б.Н. Российская империя: от традиции к модерну: в 3 т. СПб., 2015. Т. 3. С. 482.

Рост промышленности сопровождался важными изменениями в сельском хозяйстве. Несмотря на то, что реформа 1861 г. ухудшила положение крестьян и усилила их расслоение, она способствовала постепенному, хотя и медленному высвобождению рабочей силы и формированию современного рынка труда. Особенностью фазы подъема в России стали не только высокие в сравнении с Западной Европой рождаемость и смертность, но сравнительно медленная урбанизация. Как уже говорилось, росту городов не способствовало сохранение традиционной общины. Городское население стало расти быстрее, чем сельское, но его доля достигла в 1913 г. в границах Советского Союза только 17,6 %¹⁵⁸. Здесь необходимо учитывать, что индустриальное ядро находилось все-таки в европейской части империи, которая кроме нее включала немало отсталых, традиционных по институциональной, социальной и экономической структуре территорий. Часть населенных пунктов противилась обретению городского статуса, так как с этим было связано появление дополнительных налогов¹⁵⁹.

Некоторые признаки снижения сначала смертности, а спустя некоторое время и рождаемости появились на рубеже XIX–XX вв., эта тенденция усилилась перед Первой мировой войной¹⁶⁰. Данное сокращение было обусловлено повышением культурно-образовательного уровня населения и расширением земской медицинской помощи¹⁶¹. К тому же к середине 1890-х гг. медицинские учреждения в большинстве земств стали оказывать помощь бесплатно. Несмотря на определенные успехи в развитии здравоохранения оно было не в состоянии обеспечить более или менее приемлемое обслуживание населения. За 1870–1910 гг. число земских врачебных участков увеличилось всего с 610 до 3100, а радиус их действия уменьшился с 39 до 17 верст. Соответственно нагрузка на один участок снизилась с 350 до 105 селений или с 95,0 до 28 тыс. чел., но все равно оставалась высокой. При этом радиус врачебного участка в Сибири и Средней Азии достигал 44–104 верст¹⁶².

Снижение смертности произошло на фоне некоторого уменьшения потребления продуктов питания крестьянами, что вообще характерно для стран, находящихся на фазе подъема. Положение российских рабочих было типичным для этой стадии, рабочий день длился до 12–14 часов. Тяжелая повседневная жизнь трудящихся масс достаточно хорошо исследована и в целом не отличалась от ситуации, которая складывалась в европейских странах десятилетиями ранее. Скученность, жизнь в подвалах, на чердаках, в ночлежных домах и казармах, антисанитария, отсутствие элементарных жизненных удобств, голод и частые болезни были обычным явлением. Основной пищей крестьян и рабочих являлись хлеб и

¹⁵⁸ Народное хозяйство СССР: стат. сб. М., 1956. С. 17.

¹⁵⁹ Волков Е.З. Динамика народонаселения СССР за 80 лет. М.; Л., 1930. С. 239–240.

¹⁶⁰ Рашин А.Г. Население России за 100 лет (1811–1913 гг.): стат. очерки. С. 154.

¹⁶¹ Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.). Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. СПб., 2003. Т. 1. С. 191.

¹⁶² Васильев К.Г., Сегал А.Е. История эпидемий в России (материалы и очерки). М., 1960. С. 224.

картофель; потребление мяса, молока и овощей было явно недостаточным¹⁶³. Труд на фабриках по современным понятиям был длительным и тяжелым, широкое распространение получили женский и детский труд.

Отличие России состояло в том, что при догоняющем развитии страна имела возможность заимствовать не только технологические и организационные, но и социальные достижения ведущих промышленных стран, например фабричное законодательство¹⁶⁴. Тем не менее часто эти нововведения не соответствовали реальному экономическому потенциалу, материальным, организационным возможностям общества, поэтому их эффективность в сравнении с промышленными лидерами была невысокой. Теоретически, в отдаленной перспективе при условии успешной реализации модернизационного сценария процесс заимствования должен был привести к конвергенции в развитии между странами разных волн индустриализации.

При этом добровольное страхование было развито слабо, по данным Н.А. Вигдорчика, в начале XX в. из многомиллионной массы трудящихся в обществах взаимопомощи состояло всего 500,0–600,0 тыс. чел.¹⁶⁵ В 1912 г. по примеру Германии были приняты законы, согласно которым система страхования была упорядочена, численность застрахованных лиц увеличилась до 2,5 млн чел.¹⁶⁶ Это составило приблизительно 20,0–25,0 % общей численности фабрично-заводских рабочих.

Состояние центрального водоснабжения и канализации закономерно было неудовлетворительным. Санитарное положение российских промышленных городов полностью соответствовало тому, что наблюдалось ранее в Англии или любой другой европейской стране¹⁶⁷. Например, к 1917 г. водопроводы имелись менее чем в четверти всех городов царской России. Большая часть домов не была к ним подключена. Зачастую вода для систем централизованного водоснабжения забиралась из открытых водоемов, без надлежащей обработки. Все же становление коммунального хозяйства внесло свой положительный вклад в некоторое снижение смертности. По данным М. Ливи Баччи ожидаемая продолжительность жизни всего населения России в 1900 г. составила 32,4 года, с учетом снижения общего коэффициента смертности она, вероятно, к 1914 г. увеличилась на несколько лет, достигнув примерно тех же величин (возможно, несколько меньше), что и в европейских государствах к концу фазы подъема.

¹⁶³ См., например: Кирьянов Ю.И. Жизненный уровень рабочих России (конец XIX – начало XX в.). М., 1979.

¹⁶⁴ Кроме них, были заимствованы и по своему интерпретированы передовые теоретические наработки западных мыслителей, касающиеся социальной несправедливости, что тоже имело свои последствия.

¹⁶⁵ Вигдорчик Н.А. Социальное страхование: систематическое изложение истории, организации и практики всех форм социального страхования. СПб., 1912. С. 53.

¹⁶⁶ Крузе Э.Э. Условия труда и быта рабочего класса России в 1900–1914 гг. Л., 1981. С. 59.

¹⁶⁷ Васильев К.Г., Сегал А.Е. История эпидемий в России (материалы и очерки). С. 218.

В XIX в. высокая рождаемость обеспечила значительный прирост населения, которое за столетие увеличилось примерно в три раза, чему в первую очередь способствовала аграрная колонизация новых районов. Снижение рождаемости с индустриализацией почти не было связано, а было вызвано, главным образом, растущим аграрным перенаселением и измельчением земельных участков крестьян¹⁶⁸. Подобное явление можно было наблюдать, например, во Франции в XVIII в. или в Венгрии во второй половине XIX в.¹⁶⁹

Данное сокращение можно трактовать как начало демографического перехода, так как здесь присутствует намеренное регулирование числа рождений. В то же время его можно рассматривать как разновидность «мальтузианского», то есть доиндустриального способа коррекции численности населения, также как и «европейский» тип брачности¹⁷⁰. Судя по данным Б.Н. Миронова, в отличие от Западной Европы механизмы регулирования были разнообразными и не приняли каких-то законченных форм. Величина суммарного коэффициента рождаемости в России оказалась существенно выше, чем в европейских странах в конце фазы подъема – приблизительно 6,300 ребенка на одну женщину¹⁷¹. Что касается миграций, то здесь, как и в Западной Европе, отмечен отток населения в города и интенсификация людских перемещений к границам колонизации, например в Сибирь.

Дальнейшее развитие России пошло по сложному пути. Как уже говорилось выше, индустриализация на фазе подъема порождает тяжелые социальные конфликты из-за расслоения общества и обеднения части населения. Даже поражение центральных держав в Первой мировой войне и постигший их экономический кризис не изменили кардинально социальной и хозяйственной структуры, не были подвергнуты серьезной ревизии и рыночные отношения. В то же время российское общество оказалось недостаточно подготовленным к переменам. В Западной Европе капитализм уже довольно глубоко проник в производственные отношения, трансформировал традиционную культуру, людям было легче адаптироваться к регулярным спадам и подъемам в экономике, резким изменениям в материальном положении. У людей были хорошо развиты индивидуализм, опора на собственные силы¹⁷². Глубоко патриархальному и коллективистскому российскому обществу, которое находилось еще на начальной фазе трансформации, привыкнуть к новым условиям было труднее.

¹⁶⁸ Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.). Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. С. 187–190.

¹⁶⁹ Текше К. Особенности рождаемости в Центральной и Южной Европе до Первой мировой войны // Брачность, рождаемость, семья за три века: сб. ст. М., 1979. 129–130.

¹⁷⁰ Коул Э. Снижение рождаемости в Европе со времен французской революции до второй мировой войны // Брачность, рождаемость, семья за три века: сб. ст. М., 1979. С. 76.

¹⁷¹ Гайдар Е.Т. Долгое время. Россия в мире: очерки экономической истории. М., 2005. С. 438–439.

¹⁷² В западноевропейском обществе длительное время вплоть до начала XX в. людей, получавших материальную помощь от государства, рассматривали как «стигматизированных», в некотором роде социально неполноценных.

Специфика России также заключалась в том, что из-за огромной территории и протяженных границ, низкой плотности населения, этнической и религиозной неоднородности, соседства с первоклассными военными державами значительные ресурсы страны отвлекались на военные расходы и поддержание внутренней стабильности¹⁷³. Начало перехода к стадии зрелости совпало с участием России в Первой мировой войне и крайнему перенапряжению имеющихся скромных ресурсов. Поражения на фронтах ухудшили и без того непростое экономическое и социальное положение, приведя к революционному взрыву. Итогом такого развития событий стал выбор иного пути модернизации.

Демографические и экономические последствия революции, гражданской войны были очень тяжелы, промышленное производство рухнуло к 1921 г. до 31,0 % от предвоенного уровня. После восстановительного периода индустриализация была продолжена. У. Ростоу считает, что с 1929 г. в Советском Союзе начался переход к *фазе зрелости*, который завершился в 1950 г. В этот раз промышленный подъем затронул не только европейскую часть, но даже самые отсталые и удаленные регионы России. Следовательно, две первые пятилетки имеют немало черт стадии подъема. Особенно это характерно для некоторых национальных республик СССР, у которых переход от традиционной экономики к подъему начался практически без подготовительной фазы или она длилась по историческим меркам очень мало времени. Говоря языком марксизма, переход к социализму произошел, минуя капитализм.

На фазе перехода к зрелости методы управления экономикой были другими, подъем народного хозяйства проходил под государственным контролем и в почти полной изоляции от других стран. Норма капиталовложений была очень высокой и по некоторым оценкам достигла 30,0 %, то есть значительно выше, чем в Западной Европе. Даже на официальном уровне было провозглашено, что производство средств производства должно существенно опережать производство предметов потребления. Тем не менее, если рассматривать не методы и условия, а результаты индустриализации, то характеристики зрелости в СССР и ведущих индустриальных держав окажутся похожими. Если раньше промышленность развивалась в рамках нескольких ключевых направлений, то теперь появился ряд новых отраслей – сельскохозяйственное машиностроение, химическая, электротехническая, авиационная, масштабы производства существенно увеличились. Основная часть оборудования стала выпускаться на отечественных заводах.

Коллективизация и акцент на строительстве крупных предприятий привели к массовому притоку неквалифицированной рабочей силы из сельской местности. В 1939 г. СССР стал третьей державой мира по объемам промышленного производства (с упором на оборонную промышленность), но цена индустриализации оказалась очень велика. Производительность

---

¹⁷³ Гершенкрон А. Экономическая отсталость в исторической перспективе. С. 74–75.

труда в сельском хозяйстве увеличилась не так сильно. Неоправданно высокими оказались демографические потери от голода и репрессий. Поскольку упор был сделан на тяжелой промышленности, производство предметов потребления росло со значительным отставанием. Однако при переходе к стадии зрелости уровень жизни в 1928–1940 гг. был, вероятно, таким же, как и в континентальных странах Западной Европы на том же этапе (1880–1900 гг.). Несмотря на некоторое снижение потребления продовольственных товаров, возросли объемы безвозмездных государственных услуг населению (образование, здравоохранение, коммунальные службы). Важным достижением власти стала полная занятость, резко контрастировавшая с безработицей, охватившей ведущие промышленные державы во время Великой депрессии. Огромное негативное влияние на социально-экономическое развитие оказала Вторая мировая война, приведшая к полному разрушению главных индустриальных районов страны.

Динамика урбанизации соответствовала третьей стадии Д. Гиббса. Форсированный характер индустриализации вызвал стремительный рост доли городских жителей. Если в 1926 г. в СССР в городах проживало всего 17,9 % населения, в 1939 г. – 32,9 %, то к концу фазы перехода к зрелости в 1951 г. – 40,2 %. Появилось огромное количество новых городских поселений, численность жителей в старых городах тоже увеличилась. Если в 1926 г. в Советском Союзе насчитывалось 1925 городов и поселков городского типа, то в 1951 г. – 3771, или почти в два раза больше¹⁷⁴. Сельское население впервые уменьшилось с 120,7 млн чел. в 1926 г. до 114,5 млн чел. в 1939 г. и далее продолжало сокращаться. Итак, характер урбанизации на стадии перехода к зрелости, несмотря на специфику, имел общие с западноевропейскими странами черты.

Если рассматривать урбанизацию через квалификационные признаки, предложенные российским исследователем А.С. Сенявским, то стадии подъема и перехода к зрелости примерно соответствуют экстенсивной фазе урбанизационного перехода, когда в результате индустриализации и массового притока неквалифицированной рабочей силы на новостройки численность и доля городских жителей повышались очень быстро. Постепенное затухание этой фазы стадии произошло в 1960-е гг.

В отличие от западных стран с рыночной экономикой советское государство, хотя бы формально, считалось выразителем интересов рабочих и крестьян. Главным отличием стадии перехода к зрелости стала ликвидация в Советском Союзе безработицы, что, несомненно, благоприятно отразилось на уровне жизни в целом, а также официальное ограничение продолжительности рабочего дня восьмью часами. Вторым важнейшим результатом, положительно повлиявшим на здоровье населения, стало создание бесплатной, а затем и

---

¹⁷⁴ Народное хозяйство СССР: стат. сб. М., 1956. С. 26.

общедоступной медицины, чего долгое время не могли добиться ведущие промышленные державы. Централизованное управление и материальное обеспечение (система Семашко), финансирование из государственного бюджета, плановое развитие лечебной сети, расширение штатов, строгая регламентация деятельности позволили эффективно бороться с массовыми эпидемиями, обеспечить население первоочередными видами медицинской помощи. Количество врачей, среднего медицинского персонала, больниц значительно увеличилось¹⁷⁵. До революции в стране имелось 4 282 сельских врачебных участков и 5 111 фельдшерских пунктов, в 1941 г. – соответственно 13 500 и 18 000. За годы советской власти существенное развитие получили медицинская помощь детям, женские консультации, государственная система родовспоможения.

Появилась специальная санитарно-эпидемиологическая служба, которая стала осуществлять регулярный надзор над состоянием населенных пунктов, пищевых продуктов, жилищ, предприятий и организаций. К 1936 г. санитарно-эпидемиологические станции распространились по всей стране. Возникли специальные поликлиники для охраны здоровья детей и подростков.

В связи с мощным притоком мигрантов резко обострилась жилищная проблема. Масштабы строительства жилья были объективно недостаточными. Скудность, низкие нормы жилищной обеспеченности грозили возникновением массовых эпидемий. Единственным на тот момент реальным способом избежать такого развития событий было благоустройство жилых домов, которое, судя по данным официальной статистики, заметно улучшилось. Так, в 1940 г. оснащенность обобщественного жилого фонда городских населенных пунктов СССР водопроводом достигла 47,0 %, канализацией – 40,0 %, электрическим освещением – 91,0 %, центральным отоплением – 18,0 %¹⁷⁶. Правда, уровень благоустройства жилищ, находящихся в личной собственности граждан, был значительно ниже. В стране была создана мощная система жилищно-коммунального хозяйства, дотируемая из государственного бюджета.

В 1928 г. для рабочих отдельных профессий введено небольшое пенсионное обеспечение, которое в 1937 г. было распространено на служащих¹⁷⁷. В 1956 г. пенсии стали получать почти все (кроме колхозников) категории населения, их размер увеличился. Борьба с неграмотностью стала одной из основных задач советской власти, которую ей удалось решить. Образование стало полностью государственным, бесплатным и обязательным. В 1930-е гг. введено всеобщее семилетнее обучение в городах и рабочих поселках, в 1950-е гг. также и в сельской местности.

---

¹⁷⁵ Народное хозяйство СССР в 1960 году: стат. ежегодн. М., 1961. С. 820, 823.

¹⁷⁶ Народное хозяйство СССР за 1913–1956: кратк. стат. сб. М., 1956. (ДСП). С. 161.

¹⁷⁷ См., например: Астрахан Е. Развитие законодательства о пенсиях рабочим и служащим. М., 1971.

Значительное развитие получило профессионально-техническое и высшее образование. В результате неграмотность была полностью ликвидирована к 1959 г.

Несмотря на значительные изъяны советской социальной системы и справедливую критику, которой она подвергалась, если следовать модернизационной логике, то лучше на стадии перехода к зрелости она не могла быть, особенно после масштабных экономических, политических, социальных потрясений 1910–1940-х гг. и множества потерянных для развития лет. В таких условиях результаты работы социальной системы СССР для своего времени выглядят неплохо, во многих отношениях лучше, чем в других странах на стадии перехода к зрелости.

Социально-экономическое развитие оказало большое влияние на динамику воспроизводственных процессов. Ожидаемая продолжительность жизни за 1926–1939 гг., несмотря на непростые условия индустриализации, увеличилась на 13,5 % – с 38,4 до 43,6 лет¹⁷⁸. Эта цифра примерно соответствует показателям в Германии (44,4), но несколько меньше, чем во Франции (47,4) в 1900 г.¹⁷⁹, то есть на аналогичном этапе завершения перехода к зрелости. К концу 1950-х гг. размеры ожидаемой продолжительности жизни ведущих западных стран и Советского Союза сравнялись (приблизительно по 68,0–70,0 лет).

Этот исторический факт требует научного объяснения. При постепенном развитии экономики и социальной сферы, медицинских знаний средняя продолжительность жизни должна была составить не более 60,0 лет, столько же, сколько в Англии, Германии или США в начале Великой депрессии. Такой мощный скачок в СССР был обусловлен распространением новых и дешевых в производстве лекарственных препаратов – антибиотиков и сульфаниламидов, которые в совокупности с экстенсивным ростом числа больниц, больничных коек, врачебного и медицинского персонала дали быстрый эффект. Детская смертность и смертность от инфекций существенно снизилась.

В основном по этим причинам корреляция между демографическим переходом и индустриализацией в развивающихся странах и в странах следующей промышленной волны была нарушена. Если раньше достижения медицины играли минимальную роль на начальных фазах демографического перехода, то на современном этапе в странах третьего мира общественное здравоохранение выходит на первый план. Благодаря заимствованию передовых достижений западной медицины и широкому распространению недорогих лекарственных препаратов дорогостоящие мероприятия по снижению заболеваемости (водопроводы, канализации, просторные жилища, рабочее и социальное законодательство), высокие социальные расходы уже не были так необходимы. В таких условиях бороться с

---

¹⁷⁸ Население Советского Союза: 1922–1991 гг. С. 135.

¹⁷⁹ Ливи Баччи М. Демографическая история Европы. С. 195.

«мальтузианскими» факторами смертности стало намного легче. Ликвидировать массовые эпидемии, добиться снижения заболеваемости, смертности от внешних причин можно путем меньших материальных затрат.

Немалое значение имеют современные фонды, предоставляющие значительные средства для проведения вышеуказанных мероприятий в экономически отсталых регионах. Формирование системы международных соглашений и распространение ядерного оружия препятствовали возникновению масштабных войн, а широкая международная финансовая и техническая поддержка позволяла вести борьбу также и с голодом. Это объясняет, почему в некоторых развивающихся странах демографический переход завершился уже на начальных стадиях индустриализации. Из-за резкого снижения младенческой смертности возник феномен «демографического взрыва», которого, строго говоря, не было в странах первого эшелона и России. Причем в отличие от развитых стран естественный прирост на промежуточных фазах был гораздо более сильным¹⁸⁰.

В отличие от дореволюционного периода занятость женщин существенно выросла. Доля женщин среди рабочих и служащих увеличилась за 1929–1940 гг. с 27,0 % до 38,0 %, а их абсолютная численность повысилась более чем в три раза¹⁸¹. Женская занятость так же, как в других странах повышалась в основном в наименее оплачиваемых отраслях народного хозяйства: текстильной, швейной, пищевой промышленности, здравоохранении и просвещении. Женский труд оказался особенно востребован во время Великой Отечественной войны, когда доля женщин среди рабочих и служащих достигла к 1945 г. – 55,0 %. Затем она вновь снизилась в 1950-е гг. примерно до 47,0–48,0 %. Такой высокий показатель был обусловлен в том числе высокими потерями мужчин на войне. Гендерные различия в уровне образования сильно сократились.

Промышленный подъем и урбанизация сопровождались переменами в социальной структуре населения. Если в 1913 г. рабочие и служащие составляли 16,7 % населения, в 1928 г. – 17,6 %, в 1937 г. – 36,2 %, то в 1955 г. – уже 58,3 %. Крестьяне-единоличники к началу 1950-х гг. практически исчезли. Это наряду с другими факторами привело к тому, что суммарный коэффициент рождаемости в СССР сократился с 6,155 ребенка на одну женщину в 1928 г. до 4,531 ребенка в 1940 г., что примерно соответствовало уровню Германии в 1900 г. В 1959 г. – суммарный коэффициент снизился примерно до 2,800. Исходя из этого, можно утверждать, что демографическое развитие на стадии перехода к зрелости шло примерно таким

---

¹⁸⁰ Вишневский А.Г. Избранные демографические труды: в 2 т. Т. 1. Демографическая теория и демографическая история. С. 166–167.

¹⁸¹ Женщины и дети в СССР: стат. сб. М., 1963. С. 102.

же (возможно, с некоторым запозданием), что и в странах первой волны индустриализации, путем.

Итак, в методологическом разделе нам удалось выстроить обобщенную модель демографической динамики и урбанизации западноевропейских стран с учетом их хозяйственного и социального развития на всех стадиях экономического роста (см. Прил., табл. 14, 15). Также было показано, что тенденции воспроизводства и миграции всего и городского населения в России, несмотря на ряд важных отличий, приблизительно соответствовали принятой схеме. Именно поэтому необходимо выяснить, особенно с учетом современных перспектив развития нашей страны, каким образом шли демографические процессы и урбанизация на фазе зрелости и, в конечном итоге, определить сущностные причины специфики рождаемости, смертности и миграций в Западной Сибири и ее городах.

1.2. Отечественная историография проблемы

В советский период вплоть до 1950-х гг. детальное изучение демографической проблематики по идеологическим и политическим соображениям не приветствовалось государственными органами власти. Исследовательский анализ процессов народонаселения мог вскрыть масштабы негативных последствий индустриализации, коллективизации, войн, голода и репрессий. Долгое время сдерживалось изучение численности, естественного и механического движения населения в годы Великой Отечественной войны. Исследования демографических проблем интенсифицировались после Всесоюзной переписи 1959 г., которая послужила толчком к появлению нового этапа в развитии советской демографической науки. Увеличился объем статистической информации, активизировались публикации данных о естественном и механическом движении населения. Одновременно обнаружилась тенденция к снижению рождаемости и росту смертности в стране.

Государственные органы власти косвенно дали понять научному сообществу, что демографические исследования (в определенных границах) уже не являются нежелательными и даже становятся необходимым и важным делом. В 1963 г. в журнале «Коммунист» вышла статья Б.Я. Смулевича с недвусмысленным названием «О двух забытых областях социологических исследований»¹⁸². Изменение отношения к демографии как научной дисциплине стимулировало рост научного интереса к проблемам воспроизводства. В 1960–1980-е гг. вышло множество работ, в которых изучались различные аспекты численности и состава населения, естественного прироста и миграции. Библиографическое описание монографий, сборников научных трудов, статей и диссертаций по проблемам народонаселения

---

¹⁸² Смулевич Б.Я. О двух забытых областях социологических исследований // Коммунист. 1963. № 13. С. 81–87.

составлено в специальных изданиях, подготовленных сотрудниками Центра по изучению проблем народонаселения МГУ¹⁸³. По нашим подсчетам, в них содержится примерно девять тысяч наименований научных работ о народонаселении только за 1960–1983 гг., большая часть которых относится к изучаемому нами периоду. В нашем историографическом разделе мы рассмотрим лишь те труды, которые внесли наибольший вклад в исследование численности, воспроизводства и миграции населения. Для проведения историографического анализа необходима систематизация всего комплекса трудов. Для этого нами были выделены несколько крупных тематических разделов, в рамках которых рассматриваются работы о рождаемости, смертности, миграции, возрастном составе и, собственно, городском населении.

Рождаемость. Советский период. Одним из главных задач демографической науки является исследование рождаемости. При этом важно отметить, что в советское время изучение рождаемости не было настолько политизировано, как исследование смертности. Дело в том, что в отличие от смертности сокращением рождаемости были охвачены все ведущие индустриальные страны. Именно поэтому отечественным демографам в своих научных изысканиях было проще использовать передовые методы и подходы при изучении данного вопроса, например, исследовать репродуктивное поведение, идеальное или ожидаемое число детей в семьях с привлечением специально собранных социологических данных.

Первые работы, относящиеся к рассматриваемому нами периоду, появились уже в 1960-е гг. В трудах, изданных после переписи 1959 г., кратко, на основе общих показателей рассматривались тенденции рождаемости в СССР¹⁸⁴. Исследования производились в контексте социалистического закона народонаселения, согласно которому в социалистических странах рождаемость должна была быть выше, чем в капиталистических. Идеологические установки на обоснование превосходства социалистического уклада жизни в то время доминировали в общественных науках, а потому коснулись научных исследований всех сфер жизнедеятельности общества, в том числе и ее демографической подсистемы. Ведущие теоретики в этой области – А.А. Дольская и Б.Я. Смудевич сформулировали этот закон таким образом, что кроме полной и рациональной занятости социалистическому обществу было имманентно расширенное воспроизводство населения¹⁸⁵. Следовательно, закон

¹⁸³ Библиография по проблемам народонаселения. (Сов. и переводная литература, 1960–1971 гг.). М., 1974; Библиография по проблемам народонаселения. (1972–1975 гг.). М., 1977; Библиография по проблемам народонаселения (Сов. и переводная литература, 1965–1968 гг.). М., 1971; Литература о населении: библиогр. указ. (1975–1978 гг.). М., 1981; Литература о населении: библиогр. указ. (1979 – первая пол. 1983 гг.). М., 1987; Литература о народонаселении: библиогр. указ. (1983–1993 гг.). М., 1998; Литература о народонаселении: библиогр. указ. (1994–2000 гг.). М., 2002.

¹⁸⁴ Писарев И.Ю. Народонаселение СССР (социально-экономический очерк). М., 1962; Подъячих П.Г. Население СССР. М., 1961.

¹⁸⁵ Дольская А.А. Социалистический закон народонаселения (на примере СССР). М., 1959. С. 41; Смудевич Б.Я. Критика буржуазных теорий и политики народонаселения. М., 1959.

народонаселения трактовался как экономический, специфический закон, который проистекал из конкретного способа производства.

Однако уже тогда демографы, обнаружив, что снижение общего коэффициента рождаемости не только не прекратилось, но даже ускорилось, попытались найти этому адекватное объяснение первоначально в рамках социалистического закона народонаселения. В некоторых работах первой половины 1960-х гг. указывалось, что временное снижение рождаемости происходило под действием факторов, которые можно было устранить со временем (недостаток детских учреждений, жилья, количественный дисбаланс между полами и т.д.). Например, А.Д. Кузнецов, не отрицая того, что повышение материальных и культурных запросов будет приводить к ограничению рождаемости, полагал, что по мере повышения удовлетворенности ими в ходе экономического роста рождаемость, наоборот, может вновь повыситься. То есть тенденция к падению рождаемости в СССР была ограничена «систематическим повышением жизненного уровня советского народа»¹⁸⁶. Со временем часть сторонников социалистического закона народонаселения, например В.А. Болдырев и Я.Н. Гузеватый, были вынуждены разделить экономическую и демографическую составляющие, признав, что они не являются тождественными, и на рождаемость оказывает влияние не только способ производства, но и другие факторы¹⁸⁷.

Понимание недостатков социалистического закона народонаселения способствовало тому, что к концу 1960-х гг. изучение рождаемости стало переходить больше в практическую плоскость, а вопросы теории часть ученых стала обходить стороной, вплоть до частичного признания «буржуазной» концепции демографического перехода¹⁸⁸. К проблеме изучения рождаемости демографы стали подходить с эмпирической точки зрения без перманентной оглядки на необходимость концептуального обоснования исследований, первым делом став отрабатывать методики сбора и анализа информации. Одними из первых предметно к изучению этой проблемы обратились Л.М. Давтян, Е.А. Садвокасова, Н.А. Таубер и Б.Ц. Урланис¹⁸⁹. Ученые проанализировали сокращение числа рождений и сделали попытки проанализировать причины, побудившие ограничивать число детей в семьях.

В работах Б.Ц. Урланиса рождаемость рассмотрена, начиная с дореволюционного периода, проанализированы ее территориально-географические особенности, исторические

---

¹⁸⁶ Кузнецов А.Д. Трудовые ресурсы СССР и их использование. М., 1960. С. 17.

¹⁸⁷ См., например: Болдырев В.А. Экономический закон населения при социализме. М., 1968; Гузеватый Я.Н. Актуальные проблемы народонаселения в советской экономике // Изучение воспроизводства населения: сб. науч. тр. М., 1968. С. 9–22.

¹⁸⁸ См., например: Кваша А.Я. Проблемы экономико-демографического развития СССР. М., 1974.

¹⁸⁹ Давтян Л.М. Влияние социально-экономических факторов на рождаемость // Вопросы народонаселения и демографической статистики. М., 1966. С. 47–54; Садвокасова Е.А. Социально-гигиенические аспекты регулирования размеров семьи. М., 1969; Таубер Н.А. Брачная плодовитость женщин в связи с условиями их жизни // Советское здравоохранение. 1965. № 9. С. 22–26; Урланис Б.Ц. Рождаемость и продолжительность жизни в СССР. М., 1963.

тенденции, в том числе по порядку рождения и возрасту матери в масштабах всей страны. Важнейшим вкладом ученого стала классификация факторов рождаемости, которые были в общих чертах известны и раньше, но еще не были должным образом систематизированы. По мнению ученого, главными из них стали: участие женщин в общественном труде; уровень удовлетворения материальных и культурных потребностей; культурный уровень (образование); степень обеспеченности детскими дошкольными учреждениями; законодательство; войны; детская смертность; уровень урбанизации; национальный фактор¹⁹⁰. Таким образом, демографам открылись широкие возможности использования факторного анализа для изучения демографических процессов в разных частях страны, которые по социальным и экономическим условиям жизнедеятельности нередко сильно отличались друг от друга.

Скрупулезный анализ мотивов ограничения рождаемости проведен Е.А. Садвокасовой. Несомненной заслугой ученого стало выявление на основе большого социологического и документального материала семей, склонных к регулированию числа рождений, и анализ способствующих этому причин. Высокий интерес представляет проделанный автором обзор зарубежных тенденций рождаемости и законодательных практик ее регулирования¹⁹¹. В монографии указывается на значительное сходство репродуктивного поведения женщин в СССР и других странах. На основе собранных материалов Е.А. Садвокасовой удалось систематизировать основные причины ограничения деторождений, разделив их на несколько групп. При этом ученый почти не затрагивала теоретических основ изучения рождаемости, что, без сомнения, пошло на пользу исследованию. В ее монографии изучаемые проблемы рассматривались с медико-гигиенической и практической точек зрения. Тем не менее она тоже исходила из того, что основные причины аборта как основного средства ограничения рождаемости непосредственно связаны с условиями жизни семей. Следовательно, с улучшением их материального и жилищного положения вполне возможно сохранить рождаемость на приемлемом уровне¹⁹².

Среди работ 1960-х гг. следует отметить статью А.Г. Волкова, в которой ученый попытался математическим путем вычислить влияние потерь военного времени и других факторов на снижение числа рождений¹⁹³. Эта работа стала первым исследованием подобного рода. Ученый поставил задачу выяснить, в какой мере сокращение общего коэффициента рождаемости в стране было вызвано изменением состава населения, а в какой – снижением интенсивности деторождения. А.Г. Волков стал одним из немногих исследователей,

---

¹⁹⁰ Урланис Б.Ц. Рождаемость и продолжительность и жизни в СССР. С. 48–51.

¹⁹¹ Садвокасова Е.А. Социально-гигиенические аспекты регулирования размеров семьи. С. 7–115.

¹⁹² Там же. С. 163.

¹⁹³ Волков А.Г. О некоторых причинах снижения коэффициента рождаемости // Изучение воспроизводства населения: сб. науч. тр. М., 1968. С. 171–183.

признавших рост рождаемости в условиях социализма догматическим утверждением, которое появилось вследствие слабой разработанности теоретических проблем демографии и отсутствия глубоких исследований демографических процессов¹⁹⁴.

В целом в 1960-е гг. научному сообществу удалось определить и охарактеризовать лишь общие тенденции рождаемости в СССР. Вместе с тем демографами была заложена основа для последующих работ в этой области, определены ключевые проблемы и задачи будущих исследований, обнаружены и описаны основные причины снижения рождаемости. Демографическим работам того времени не хватало статистических источников, недостаточно хорошо была проработана методика и теоретико-методологическая основа исследований, которые вызывали серьезные дискуссии. В этой связи территориальные особенности рождаемости за редким исключением рассматривались лишь в самом общем виде.

В 1970-е гг. количество публикаций значительно выросло. Можно смело утверждать, что в этом десятилетии были изданы труды, оставившие самый глубокий след в историографии изучения проблемы. Изданы монографии и сборники научных трудов, в которых рассматривались разнообразные аспекты рождаемости. Совершенствовались методы анализа и сбора статистической информации, методология исследования. Одновременно с этим пришло понимание, что социально-экономические условия воздействуют на рождаемость опосредованно, через общественное сознание. Так, в советской демографии появилась возможность изучения так называемых «надстроечных элементов» – социальных норм, репродуктивных установок, систем ценностей, жизненных планов, то есть по сути промежуточных механизмов, связывающих рождаемость с условиями жизни. Итак, возникло понимание, что модель, претендующая на описание современной ситуации в рождаемости должна быть комплексной, учитывающей действие разнообразных факторов и условий.

Научные изыскания пошли по пути изучения репродуктивных установок сельских и городских жителей, разных социальных и образовательных слоев населения, союзных республик, малодетности, идеального, ожидаемого и реального количества детей. С учетом опыта зарубежных стран было проведено несколько крупных социологических обследований, имеющих целью выявить характеристики рождаемости в стране, определить ее тенденции в перспективе, дифференциацию с учетом возрастных и иных характеристик опрашиваемых.

Важно отметить, что ученые исходили из теоретических положений, согласно которым демографические установки, определяющие репродуктивное поведение в конкретных условиях, формировались не столько под влиянием конкретных условий жизни данной семьи, сколько

---

¹⁹⁴ Волков А.Г. О некоторых причинах снижения коэффициента рождаемости // Изучение воспроизводства населения: сб. науч. тр. М., 1968. С. 171–172.

под воздействием всего жизненного опыта в процессе социализации личности¹⁹⁵. Сформированная в процессе воспитания, эта установка мало варьировала на протяжении жизни и в значительной мере определяла поведение человека относительно брачности и плодовитости¹⁹⁶.

Были опубликованы работы, которые до настоящего времени не утратили своего научного значения. Зависимость профессионального статуса, занятости женщин и рождаемости проанализирована в коллективной монографии А.Г. Харчева и С.И. Голода¹⁹⁷. Учеными были выявлены причины, побуждающие женщин устраиваться на работу. Проанализированы последствия этого шага для семейной жизни, в частности для домашних дел и воспитания детей. Выявлено, что для выполнения работы на дому женщины были вынуждены прибегать к помощи других членов семьи, например родителей, старших детей; использовать различную технику (стиральные, швейные машины, холодильники), облегчающую домашний труд; пользоваться услугами, предоставляемыми предприятиями общественно-бытового обслуживания (химчистки, прачечные, столовые). Авторы отметили стремление семей воспитывать в детях желание обрести высококвалифицированную профессию, что особенно характерно для средне- и высокообразованных родителей. В результате работающие женщины заводили меньше детей, чем занятые в домашнем или личном подсобном хозяйстве¹⁹⁸.

В работе В.А. Беловой и Л.Е. Дарского впервые в отечественной демографии были детально проанализированы теоретические основы исследования психологических факторов рождаемости и мотивов ее снижения. Центральной темой монографии стал вопрос о формировании репродуктивного поведения¹⁹⁹. Авторы считали, что традиционные статистические материалы не могут дать ясного представления о мотивах рождаемости. Они рассматривали потребность в детях как обычную социально детерминированную потребность, которую сложно изменить при помощи улучшения внешних условий. Для ее изучения были использованы материалы, собранные с помощью социологических методов. В работе проанализирован опыт исследования социальных норм рождаемости в СССР и в зарубежных странах²⁰⁰.

Интерес представлял анализ идеального и ожидаемого числа детей, который был произведен на основе социологических материалов, собранных в 1966 и 1969 г. Репродуктивные установки проанализированы как в отношении всех опрошенных

---

¹⁹⁵ Белова В.А., Дарский Л.Е. Статистика мнений в изучении рождаемости. М., 1972. С. 7, 12.

¹⁹⁶ Если исходить из этой предпосылки, то довольно сложно объяснить значительное падение итоговой и суммарной рождаемости в первой половине XX столетия.

¹⁹⁷ Харчев А.Г., Голод С.И. Профессиональная работа женщин и семья. Л., 1971.

¹⁹⁸ Там же. С. 87–88.

¹⁹⁹ Белова В.А., Дарский Л.Е. Статистика мнений в изучении рождаемости. М., 1972.

²⁰⁰ Там же. С. 18–28.

респондентов, так и с учетом отдельных социальных признаков. Позднее В.А. Белова подготовила индивидуальную монографию, где были детально описаны выборка, программа изучения репродуктивных установок брачных пар, содержание анкет, методика обработки собранного социологического материала 1969 г.²⁰¹

Собственно, опрос 1969 г. стал на тот момент самым крупным из всех проведенных на территории Советского Союза. Проанализированы мнения женщин об идеальном и ожидаемом числе детей с учетом возраста, образования, средних доходов, жилищных условий, национальной принадлежности. Результаты опроса подтвердили характер связей между рождаемостью и социальными и экономическими факторами, выявленный в ранних исследованиях. Наверное, самым важным итогом опроса стало практическое подтверждение того, что наиболее обеспеченные и образованные семьи не только имеют, но и собираются иметь меньше детей, чем остальное население.

Непосредственно Л.Е. Дарский тоже анализировал проблемы брачной рождаемости²⁰². Его исследование демографических тенденций произведено с привлечением сложных математических приемов. Автором рассмотрены тенденции брачности и рождаемости в нашей стране и за рубежом. Впервые были построены таблицы брачности для всего населения СССР. В монографии Л.Е. Дарского также на основе социологических материалов рассмотрены причины изменения брачного возраста, прочность и продуктивность браков, динамика брачного возраста, в том числе в территориальном разрезе (по союзным республикам). Аналогичным образом проанализирована рождаемость с распределением по очередности рождения, возрасту матери, рассмотрены ее отличия в городах и селах. Ученый в основном сконцентрировался на изучении демографических тенденций в 1940–1950-е гг., практически не анализируя перемены, произошедшие позже²⁰³. Заслугой ученого стал критический анализ математических методов изучения рождаемости и смертности, поиск новых моделей и подходов для их изучения. Работа в каком-то смысле опередила свое время. Однако выдвинутые им предложения по уточнению коэффициентов плодовитости, которые бы учитывали длительность брака, очередность рождения, не получили дальнейшего развития.

На материалах выборочных исследований 1960, 1967, 1968 г. тенденции рождаемости в СССР изучены в монографии Р.И. Сифман, где более детально, по сравнению с работами 1960-х гг., анализировались плодовитость разных возрастных когорт, городских и сельских жителей, ее социальная, образовательная и территориальная дифференциация. Причем автор в своем исследовании активно применяла методы реального поколения²⁰⁴. Исследователь

---

²⁰¹ Белова В.А. Число детей в семье. М., 1975.

²⁰² Дарский Л.Е. Формирование семьи (демографо-статистическое исследование). М., 1972.

²⁰³ Там же. С. 59–76.

²⁰⁴ Сифман Р.И. Динамика рождаемости в СССР (по материалам выборочных обследований). М., 1974.

обнаружила немало ранее еще не выявленных тенденций. Например, она отметила постепенное выравнивание уровня рождаемости в республиках Советского Союза и в разных социальных и образовательных группах. Сокращение рождаемости происходило за счет уменьшения доли детей высоких очередностей, причем вероятность рождения первого ребенка оставалась стабильно высокой. В результате генеративная деятельность женщин заканчивалась еще в относительно молодом возрасте. Внутрисемейное регулирование рождаемости включало планирование не только количества детей, но и сроки их появления. Причем интергенетические интервалы между рождениями постепенно увеличивались. Например, если раньше в городских семьях откладывалось рождение третьего ребенка, то теперь и второго²⁰⁵.

Итогом разработки материалов выборочного обследования 1972 г. и совместной работы демографов стала коллективная монография «Сколько детей будет в советской семье», где рождаемость рассмотрена не только в социально-образовательном аспекте, но и в зависимости от доходов семей и размеров городских поселений²⁰⁶. В отличие от аналогичного опроса 1969 г. в него не был включен вопрос об идеальном числе детей. Однако опрошено было почти в десять раз больше женщин (350,0 тыс. против 33,6 тыс.). Сделаны выводы о переходе большей части населения СССР к модели двухдетной семьи, изучены различия между союзными республиками. В работе представлены сведения об ожидаемом количестве детей у представителей каждой конкретной национальности, а не по группам со сходными репродуктивными установками. Масштабы исследования позволили получить новые данные, хотя во многом на их основе были подтверждены выводы, уже сделанные ранее.

Весомый вклад в изучение темы внесла фундаментальная монография В.А. Борисова, в которой ученый рассмотрел методологию изучения рождаемости, постарался обобщить результаты предшествующих исследований, провел их критический анализ²⁰⁷. Ученый одним из первых поставил вопрос о необходимости проработки терминов «рождаемость», «репродуктивное поведение», «плодовитость», которые в научных трудах нередко имели разный смысл. Основным научным достижением исследователя стала разработка методики оценки влияния поведенческих факторов на уровень рождаемости. Для этого он детально разработал понятие «естественной рождаемости» (ГМЕР) и рассчитал ее реализацию в зарубежных странах, в Советском Союзе и ее республиках²⁰⁸.

По этой теоретической модели предполагалось, что женщины могут заводить в среднем 10–12 детей при полном исключении практики внутрисемейного регулирования. Интересно, что В.А. Борисов, возможно, первый советский демограф, который определенно высказался,

---

²⁰⁵ Сифман Р.И. Динамика рождаемости в СССР (по материалам выборочных обследований). М., 1974. С. 182.

²⁰⁶ Сколько детей будет в советской семье (результаты обследования). М., 1977.

²⁰⁷ Борисов В.А. Перспективы рождаемости. М., 1976.

²⁰⁸ Там же. С. 46, 60–61, 64, 66.

что тенденция сокращения рождаемости носит всеобщий характер, а различия в общественных системах оказывают на нее лишь специфическое влияние. Признавая, что факторов повышения рождаемости в обществе может и не возникнуть, тем не менее он отстаивал необходимость проведения активной демографической политики, которая может приостановить ее падение.

Интересна монография Г.А. Бондарской, в центре внимания которой оказались особенности рождаемости у представителей разных народов Советского Союза²⁰⁹. Она стала первой в своем роде, где были подробно проанализированы закономерности развития рождаемости в разных социально-экономических, культурных условиях. В качестве источников использованы уже упомянутые данные выборочных обследований, а также материалы Всесоюзных переписей и текущего учета населения. Исследователь проанализировала динамику рождаемости у представителей большинства крупных национальностей с начала XX столетия. Много внимания уделялось объяснению различий между ними. Для этого широко привлекался факторный анализ. Например, ученый стремилась определить механизмы высокой рождаемости у отдельных народов, анализируя урбанизационные и образовательные процессы, степень вовлечения женщин в общественное производство, а не только национальные традиции или религиозные верования. В ее книге были спрогнозированы тенденции воспроизводства в ближайшей перспективе. Г.А. Бондарская доказывала, что по мере роста доли городского населения, повышения культурно-образовательного уровня различия в репродуктивном поведении представителей разных народов будут снижаться²¹⁰. По своей информативности, объему привлеченного материала работа по сей день остается лучшей по проблеме этнодифференцированной рождаемости. В 1970-е гг. вышло еще несколько сборников научных трудов, в которых в той или иной степени рассматривалась эта проблема, прежде всего, социальные и экономические последствия снижения рождаемости²¹¹. В последующем изучение проблемы социологическими методами приобрело популярность и на региональном уровне²¹².

В 1980-е гг. работы в этой области были продолжены, хотя интенсивность исследований несколько снизилась. Среди опубликованных трудов интерес представляют монографии А.И. Антонова, где автором была впервые проанализирована структура репродуктивного поведения²¹³. Ученому удалось объяснить феномен т.н. «обратной связи» между доходами и числом детей в семьях. Он являлся убежденным сторонником синтеза социологического подхода и других научных дисциплин, объясняя это тем, что чисто демографический подход не

---

²⁰⁹ Бондарская Г.А. Рождаемость в СССР (этнодемографический аспект). М., 1977.

²¹⁰ Там же. С. 121–122.

²¹¹ См., например: Развитие населения: сб. науч. тр. М., 1974; Рождаемость (проблемы изучения). М., 1976; Демографический анализ рождаемости: сб. ст. М., 1974.

²¹² См., например: Петраков А.А. Социология городской семьи. Демографическое поведение. С использованием материалов по Удмуртской АССР. Ижевск, 1981.

²¹³ Антонов А.И. Социология рождаемости (теоретические и методологические проблемы). М., 1980.

может ответить на многие вопросы, относящиеся к проблеме. Отметив, что в 1970-е гг. не было выработано единого понимания поведенческих механизмов рождаемости и нет ни одной беспорной концепции, он предложил свою методику изучения репродуктивного поведения. Ключевая цель в его монографии – изучение потребности в детях как ключевой психологической компоненты, определяющей уровень рождаемости. При подходе к изучению репродуктивного поведения было необходимо исследовать саму потребность в детях и условия жизни, «производящие ситуации удовлетворения имеющейся потребности». Он подверг серьезной критике концепцию условий рождаемости, подчеркивая, что устранение негативных факторов не может привести к ее росту в условиях низкой потребности в детях. Одновременно с этим А.И. Антонов интерпретировал снижение рождаемости через взаимосвязь факторов рождаемости и потребности в детях²¹⁴.

По нашему мнению, эта критика при всей ее справедливости является чрезмерной. Потребность в детях, хотя и обладает инерционностью, является феноменом историческим, зависящим от причин и условий, так же как и все общественные явления. Гипотетически, рост рождаемости возможен. Однако для этого необходимо появление таких условий, возникновение которых сейчас трудно представить. Они могут возникнуть, например, вследствие реализации катастрофического сценария развития общества, когда дети вновь окажутся нужны для физического выживания семьи. Это, например, резкий рост детской смертности, упразднение пенсионного обеспечения или всей системы государственной поддержки населения и социального законодательства. Нельзя полностью исключить появление в будущем совершенно новых факторов, благоприятствующих рождаемости. Здесь необходимо еще раз подчеркнуть историческую обусловленность разных типов репродуктивного поведения и феномена снижения рождаемости. В современных условиях непрерывного научно-технического и материального прогресса меры государственной демографической политики и улучшение материальных условий все же могут притормозить ее падение.

Социально-психологическая составляющая рождаемости рассмотрена также в трудах В.В. Бойко²¹⁵. Исследователь настаивал на том, что репродуктивное поведение, потребность в детях являются объектами исследования психологии, а не демографии. Демографы, по мнению В.В. Бойко, по сути, вторгаются в смежную отрасль знания и в результате не уделяют должного внимания собственным демографическим задачам. Психология рождаемости, благодаря особой методике исследований, может лучше ответить на вопросы, которые интересуют демографов. С психологической точки зрения, например, распространение малодетности подрывает

---

²¹⁴ Антонов А.И. Социология рождаемости (теоретические и методологические проблемы). М., 1980. С. 56–57.

²¹⁵ Бойко В.В. Рождаемость: социально-психологические аспекты. М., 1985. Бойко В.В. Малодетная семья (социально-психологический аспект). М., 1988.

моральные основы увеличения семьей в будущем, так как уменьшается чадолюбие, у молодежи формируются негативные ассоциации с рождением младенца и трудностями его воспитания. Автор доказывает, что причины ограничения рождаемости коренятся не только в материальных или жилищных условиях. Большинство семей в зрелые годы имеют возможность завести второго ребенка, но не делают этого, в том числе из-за воспоминаний о пережитых трудностях. В итоге ученый приходит к интересному выводу, что меры стимулирования рождаемости должны облегчать рождение и воспитание первенцев, то есть сокращать сроки формирования зрелости у родителей²¹⁶. Причем он соглашается с выводами предшественников о том, что сложившиеся нормы репродуктивного поведения сложно изменить, так как многие семьи делают упор на достижении материального благополучия, жилищной обеспеченности. По сути, он признает объективное сдерживающее действие существующих в современном обществе условий и факторов, но при этом призывает учитывать и чисто психологические аспекты.

Взаимосвязь брачности и рождаемости, влияние на нее государственной политики центральных органов власти исследовались А.Б. Синельниковым²¹⁷. В работе с помощью сложных математических приемов было установлено, что влияние брачности на число рожденных детей в семьях оказалось небольшим. Он достаточно осторожно подошел к оценке демографической политики начала 1980-х гг., указав на то, что она не была хорошо обоснованной, а результаты носили кратковременный характер²¹⁸. Демографический эффект принятых мер был бы более устойчивым, если бы наряду с материальной поддержкой были приняты меры психологического, педагогического и пропагандистского характера, воздействующие на общественное мнение. Это помогло бы повысить, как говорил А.И. Антонов, «потребность в детях», а также укрепить прочность супружеских отношений. Таким способом, без дополнительных расходов можно было бы добиться дополнительного эффекта от принятых государством законодательных актов о поддержке семей с детьми.

Отдельные аспекты проблемы затрагивались в трудах, посвященных изучению социального института семьи²¹⁹. В общих чертах рождаемость также была рассмотрена в нескольких монографиях и сборниках научных трудов²²⁰. Специфика экономических районов

²¹⁶ Бойко В.В. Рождаемость: социально-психологические аспекты. М., 1985. Бойко В.В. Малодетная семья (социально-психологический аспект). М., 1988. С. 233.

²¹⁷ Синельников А.Б. Брачность и рождаемость в СССР. М., 1989.

²¹⁸ Там же. С. 31.

²¹⁹ Герасимова И.А. Структура семьи. М., 1976; Демографическое развитие семьи: сб. ст. М., 1979; Жизнедеятельность семьи: тенденции и проблемы. М., 1990; Семья и семейная политика: сб. науч. тр. М., 1991; Сысенко В.А. Устойчивость брака: проблемы, факторы, условия. М., 1981.

²²⁰ Воспроизводство населения и демографическая политика в СССР. М., 1987; Демографические процессы в СССР: сб. науч. тр. М., 1990; Демографическое развитие СССР в послевоенный период: советские доклады к французско-советскому семинару по проблемам демографии, Париж, декабрь 1984 г. М., 1984; Рождаемость: социологические и демографические аспекты: сб. ст. М., 1988; Рождаемость: известное и неизвестное: сб. науч. тр. М., 1983; СССР: демографический диагноз: сб. науч. тр. М., 1990; Шнейдерман Н.А. Откровенный разговор: рождаемость и меры ее регулирования. М., 1991.

РСФСР в демографических трудах, посвященных изучению страны в целом, почти не рассматривалась. В редких случаях рассчитывались показатели рождаемости, но без анализа их особенностей²²¹.

В конце 1970-х – в 1980-е гг. появились исторические труды, рассматривающие демографическое развитие населения СССР, в том числе и проблемы рождаемости. Понятие «историческая демография» появилось сравнительно поздно и с конца 1950-х гг. постепенно распространилось в научной литературе. Еще В.К. Яцунским в 1959 г. в третьем номере журнала «История СССР» наряду с другими был поставлен вопрос о необходимости углубленного исторического изучения процессов народонаселения. Принципиальное значение имела публикация В.З. Дробижева и Ю.А. Полякова, вышедшая в 1974 г., посвященная исторической демографии советского общества, где авторы выразили свою обеспокоенность недостаточным уровнем изучения послеоктябрьской истории СССР²²². Интерес к историческим исследованиям процессов народонаселения усилился после проведения конференций разного уровня, прежде всего Всесоюзных научных семинаров по исторической демографии (Таллин, Рига, Томск)²²³.

Ретроспективную динамику рождаемости сначала изучали сами демографы. Исторические исследования обуславливались необходимостью понимания современных тенденций. Доказав, что процесс снижения рождаемости носит последовательный и долговременный характер, и не зависит от формационного уклада, ученые-демографы гораздо легче могли объяснить ее современную динамику. Это придавало теории демографического перехода дополнительную весомость, что способствовало росту ее авторитета внутри научного сообщества. Неудивительно, что именно А.Г. Вишневскому и его коллегам удалось наилучшим образом показать эволюцию рождаемости в СССР, а затем и в России²²⁴.

Еще в работах Б.Ц. Урланиса рассмотрены изменение общих коэффициентов рождаемости в дореволюционной России и в советский период, отмечены главные тенденции, причины ее снижения. В сборнике научных трудов «Брачность, рождаемость, смертность в России и в СССР» (М., 1977) поставлены и рассмотрены многие интересные проблемы развития населения страны. Например, в статье Б.Ц. Урланиса была осуществлена попытка реконструировать непрерывный ряд общих коэффициентов рождаемости для СССР, начиная с

²²¹ Белова В.А. Число детей в семье. С. 94–96, 107; Сколько детей будет в советской семье. С. 75;

²²² Дробижев В.З., Поляков Ю.А. Народонаселение СССР и история советского общества // Вопросы истории. 1974. № 4. С. 30–38.

²²³ Всесоюзный семинар по исторической демографии, второй: тез. докл. Рига, 1977; Проблемы исторической демографии СССР: сб. ст. семинара. Томск, 1980; Проблемы исторической демографии СССР (период социализма): сб. ст. семинара. Кишинев, 1985; Тезисы докладов и сообщений VII Всесоюзной конференции по исторической демографии. Донецк, 14–16 мая 1991 г. Ч. 1. М., 1991.

²²⁴ Воспроизводство населения СССР. М., 1983; Демографическая модернизация России, 1900–2000. М., 2006.

1918 г., в том числе с учетом существующих административно-территориальных границ²²⁵. Статьи авторов сборника тематически были посвящены главным образом дореволюционным демографическим процессам. Хотя они пытались осветить затронутые ими вопросы по возможности шире и полнее, бедность статистической базы и недостаточная исследованность многих проблем позволили сформулировать лишь самые общие гипотезы.

Крупный вклад в изучение темы внесла коллективная монография, подготовленная сотрудниками отдела демографии НИИ ЦСУ, – «Воспроизводство населения СССР» (М., 1983). Научная ценность этой работы состояла в том, что авторы книги попытались теоретически осмыслить и обобщить суть произошедших в воспроизводстве населения изменений, его движущие силы и закономерности. Ключевым отличием монографии от предыдущих исследований являлось использование методологии демографического перехода, то есть описание долговременных тенденций в рождаемости и смертности как единого процесса²²⁶. Ключевая идея раздела о рождаемости – ее анализ через призму перехода демографической подсистемы от традиционного к современному (рациональному) типу воспроизводства. В работе были выделены три этапа перехода, каждый из которых проанализирован с использованием индексов Коула. Отмечено, что сокращение рождаемости началось еще в конце XIX в., возникла ее дифференциация по типам поселений (сельские и городские), в некоторых российских губерниях наблюдалось повышение брачного возраста. Следующий этап начался в 1920-е гг. В этот период усилилась дифференциация в рождаемости, расширилась практика ее внутрисемейного регулирования, повысился брачный возраст. В книге особо подчеркнуто, что влияние изменений в брачности на снижение рождаемости было невысоким, главная роль принадлежала внутрисемейному регулированию²²⁷. На третьем этапе последнее стало практиковать большинство семей. Несомненным плюсом работы являлось широкое использование возрастных и суммарных коэффициентов рождаемости, материалов социологических обследований. В книге по традиции уделено внимание ее территориальной, национальной и образовательной дифференциации. Основные тезисы монографии были кратко воспроизведены в книге «Население СССР за 70 лет» (М., 1988).

Рождаемость. Советский период (восточные районы). Тенденции рождаемости непосредственно в восточных районах рассматривались в нескольких трудах. Следует отметить, что по данной проблеме по сей день не было выпущено ни одной монографии. В трудах В.В. Воробьева подчеркивалось, что для Сибири были характерны те же тенденции, что для всего Советского Союза. При этом изменения в естественном движении происходили с

²²⁵ Урланис Б.Ц. Динамика уровня рождаемости в СССР за годы Советской власти // Брачность, рождаемость, смертность в России и в СССР: сб. ст. М., 1977. С. 8–27.

²²⁶ Воспроизводство населения СССР. С. 16–26.

²²⁷ Там же. С. 167–168.

«некоторым запозданием и смягченным виде». Объяснялось это тем, что местное население меньше пострадало от войны, приняло большое количество мигрантов, что помогло выравнить межполовой дисбаланс. Основными факторами сокращения числа рождений в 1960-е гг. стали: уменьшение доли женщин в репродуктивном возрасте, урбанизация, распространение практики внутрисемейного регулирования числа детей в семьях²²⁸.

С выводами В.В. Воробьева соглашаются Е.Д. Малинин и А.К. Ушаков, которые в своей известной монографии справедливо отметили, что общие демографические закономерности сохраняют устойчивость на уровне экономических районов и административных образований²²⁹. Процесс сокращения рождаемости в 1960-е гг. происходил повсеместно, а особенности отдельных районов проявились в разной глубине ее падения. В работе отмечено, что интенсивность снижения в Западной Сибири была достаточно сильной. В ней была осуществлена попытка проанализировать специфику рождаемости в разных возрастных когортах. Отмечено, что, если в молодых репродуктивных когортах (до 24 лет) она была выше, чем в целом по республике, то в средних и старших наоборот – ниже²³⁰. Тем не менее в трудах сибирских ученых ее динамика изучалась явно недостаточно. Внимание авторов привлекли прежде всего пространственные перемещения населения и естественный прирост.

Изучение формирования населения Сибири с исторических позиций началось еще в 1950–1960-е гг. В опубликованных работах исследовались главным образом события дореволюционного периода, анализировались проблемы заселения и динамики численности населения²³¹. По существу, в историко-демографических исследованиях Сибири того времени был пройден лишь первый этап, когда была изучена документальная база, выявлена приблизительная численность населения. В то же время многие чисто демографические проблемы, такие как рождаемость, смертность, оставались еще неизученными. Первыми историческими работами, где рассматривались демографические тенденции советского времени, стали статьи А.С. Московского, В.И. Исаева и А.А. Николаева²³².

²²⁸ Воробьев В.В. Население Восточной Сибири (современная динамика и вопросы прогнозирования). Новосибирск, 1977. С. 28–35.

²²⁹ Малинин Е.Д., Ушаков А.К. Население Сибири. М., 1976.

²³⁰ Там же. С. 25–26.

²³¹ См., например: Александров В.А. Русское население Сибири XVII – начала XVIII в. (Енисейский край). М., 1964; Колесников А.Д. Русское население Западной Сибири в XVIII – начале XIX в. Омск, 1973; Вопросы формирования русского населения Сибири в XVII – начале XIX в.: сб. ст. Томск, 1978; Емельянов Н.Ф. Заселение русскими Среднего Приобья в феодальную эпоху. Томск, 1981; Миненко Н.А. Русская крестьянская семья в Западной Сибири (XVIII – первая половина XIX в.). Новосибирск, 1979; Пронин В.И. Население Сибири за 50 лет (1863–1913 гг.) // История СССР. 1981. № 4. С. 50–69.

²³² Исаев В.И., Московский А.С., Николаев А.А. Социальные и географические источники роста городского населения Сибири в период социалистической индустриализации // Хозяйственное освоение Сибири и рост ее народонаселения (XVIII–XX вв.): Бахрушин. чтения 1979 г.: сб. науч. тр. Новосибирск, 1979. С. 3–11; Исаев В.И., Московский А.С., Николаев А.А. Формирование городского населения Сибири в период строительства социализма // Проблемы исторической демографии СССР: сб. ст. Томск, 1980. С. 66–77.

Значительной исторической работой, внесшей огромный вклад в изучение темы, стала совместная монография В.В. Алексеева и В.А. Исупова, где впервые в отечественной историографии была проанализирована динамика общих коэффициентов рождаемости за длительный период, в том числе отдельно по Западной и Восточной Сибири. Подтверждено, что на востоке России тоже существовала специфика в рождаемости у работающего и неработающего населения, в городских поселениях разной величины. Ее тенденции в Сибири были примерно такими же, что и в СССР в целом, причем общий коэффициент в городах был примерно на 20,0 % выше. В совместной монографии В.В. Алексеева и В.А. Исупова рассмотрены сложные демографические пертурбации периода Великой Отечественной войны, выявлен характер снижения рождаемости в Сибири и факторы этого процесса²³³.

В авторской монографии, изданной в 1991 г., В.А. Исупов довел свой анализ до конца 1950-х гг. Важно, что ученый обратил внимание на характер влияния на рождаемость брачности и репродуктивного поведения. Исследователь пришел к важному выводу, что в Сибири, как и в России в целом, структурные факторы играли «второстепенную роль в процессе снижения интенсивности детопроизводства»²³⁴. Если вплоть до начала 1950-х гг. рождаемость еще реагировала на изменения в брачности, то в последующие годы связь между этими процессами была постепенно утрачена. Причем характер изменения репродуктивного поведения горожан подтвержден расчетами возрастных коэффициентов рождаемости и рождаемости по очередности рождения. Практический интерес вызвало использование В.А. Исуповым коэффициента ГМЕР, что было сделано впервые для сибирского населения²³⁵. Насколько нам известно, анализ такого рода больше никем не проводился. Ученый с его помощью выяснил, что степень ее реализации была несколько выше, чем в России в целом. Эти работы, по существу, заложили мощный фундамент дальнейших исторических исследований населения в Сибири.

Рождаемость. Постсоветский период. В постсоветский период сокращение финансирования науки отразилось на качественной стороне демографических исследований. Несмотря на облегчение доступа к архивным источникам и к информации, ранее доступной лишь в закрытых статистических сборниках, сократились возможности проведения опросов, выборочных обследований. Экономисты и демографы гораздо реже обращались к вопросам развития населения в 1960–1980-е гг., так как их больше интересовала современная ситуация. Тем не менее, изучением исторических тенденций рождаемости, в том числе в рассматриваемый нами период, продолжали заниматься А.Г. Вишневецкий, В.А. Борисов,

---

²³³ Алексеев В.В., Исупов В.А. Население Сибири в годы Великой Отечественной войны. Новосибирск, 1986.

²³⁴ Исупов В.А. Городское население Сибири: от катастрофы к возрождению (конец 30-х – конец 50-х гг.). Новосибирск, 1991. С. 176.

²³⁵ Там же.

А.Б. Синельников²³⁶. В связи с распадом СССР главный акцент был сделан на изучении собственно российской демографической истории.

Коллективная монография «Население Советского Союза, 1922–1991» (М., 1993) стала первой крупной обобщающей исторической работой постсоветского периода. Облегчение доступа к архивным источникам, упразднение неформальных ограничений на изучение темы позволили авторам детальнее углубиться в исследование отрицательных последствий репрессий и голода. Основной целью работы, кроме анализа демографических трендов, стало описание малоизвестных страниц в демографической истории СССР, в первую очередь, относящихся к первой половине XX в. Авторам книги удалось в разных вариантах воссоздать непрерывный числовой ряд рождений и смертей, начиная с 1920 г., а также рассчитать суммарный коэффициент рождаемости за 1920–1958 гг.²³⁷ Применительно к изучаемому нами периоду определенный интерес представляют материалы о рождаемости в 1980-е гг., где прослежена ее динамика, в том числе после принятия нормативных актов о поддержке семей с детьми²³⁸.

Наверное, самой значительной работой современности стала коллективная монография, выпущенная под редакцией А.Г. Вишневого «Демографическая модернизация России, 1900–2000 гг.» (М., 2006). Высокую ценность книге придает то, что трансформация рождаемости в длительной исторической перспективе рассмотрена у реальных, а не условных поколений женщин. Причем такой анализ с использованием методологии демографического перехода проведен для разных очередностей рождения и возраста матери²³⁹. Например, показаны этапы и масштабы сокращения рождаемости детей высоких очередностей и в старших возрастных когортах. Такой подход потребовал от авторов проведения огромной кропотливой работы и применения разнообразных математических приемов. Весьма интересным представляется раздел, посвященный развитию в XX столетии методов внутрисемейного регулирования рождаемости, предотвращению нежелательных беременностей, в частности распространению практики абортов в России²⁴⁰. Большую научную ценность книге придает анализ не только российских, но и зарубежных тенденций. Работа позволила обогатить и дополнить существующее научное знание о демографическом развитии страны новым ранее неизвестным фактическим материалом. Авторы монографии попытались с учетом зарубежного опыта демографической модернизации ответить на вопросы о ее российской специфике.

---

²³⁶ См., например: Борисов В.А., Синельников А.Б. Брачность и рождаемость в России: демографический анализ. М., 1995; Вишневский А.Г. Избранные демографические труды: в 2 т. М., 2005. Т. 2. Экономическая демография. Анализ демографических процессов.

²³⁷ Население Советского Союза: 1922–1991 гг. М., 1993. С. 120.

²³⁸ Там же. С. 85–87.

²³⁹ Демографическая модернизация России, 1900–2000. М., 2006. С. 176–194.

²⁴⁰ Там же. С. 195–224.

Справедливой критике подвергнут метод условного поколения как неточного инструмента демографического анализа. Тем не менее справедливости ради следует сказать, что метод реального поколения тоже обладает недостатками, основным из которых является его слабая связь с конкретным историческим контекстом, что особенно важно для ученых-историков. Репродуктивный период длится достаточно долго, поэтому не совсем ясно насколько на итоговую рождаемость повлияло то или иное историческое событие, поскольку последних в жизни поколения может быть достаточно много. К тому же трудно получить такую информацию, так как среднее число детей у реального поколения можно узнать (применительно к России только с 1979 г.) лишь после окончания репродуктивного периода, то есть к 50 годам. Сбор же социологических данных требует от ученых больших усилий и времени.

Оценка динамики российской рождаемости в длительной исторической перспективе проведена в работах С.В. Захарова²⁴¹. Ученый являлся одним из авторов коллективной монографии «Демографическая модернизация России, 1900–2000 гг.», поэтому выводы в его публикациях идентичны тем, что были сделаны в этой книге.

Среди работ, написанных непосредственно историками, следует особо выделить трехтомник «Население России в XX в. Исторические очерки» (М., 2000–2012). Это фундаментальное историческое исследование, в котором впервые детально проанализированы итоги демографического развития России в XX столетии. Рассматриваемый нами период (1960–1980-е гг.) представлен в третьем томе. Главные идеи, изложенные в этой работе, в целом созвучны тезисам, уже высказанным ранее демографами. Наряду с общими тенденциями рождаемости были описаны ее региональные особенности, в том числе у городского населения²⁴². Они рассмотрены в сжатом виде, так как их детальный разбор не входил в задачи работы. Больше внимания было уделено национальной специфике рождаемости и истории формирования советской демографической политики²⁴³.

В монографии В.Б. Жиромской кратко описан характер изменения рождаемости в послевоенный период. В работе основное внимание сосредоточено на демографических процессах первой половины XX в.²⁴⁴ Небольшой обзор изменений в репродуктивных установках и рождаемости городского населения в тесной связи с развитием городской семьи осуществлен в монографии Н.А. Араловец²⁴⁵.

---

²⁴¹ См., например: Захаров С. Перспективы рождаемости в России: второй демографический переход // Отечественные записки. 2005. № 3. С. 124–140.

²⁴² Население России в XX веке: исторические очерки: в 3 т. М., 2011. Т. 3, кн. 2. 1980–1990 гг. С. 45–57.

²⁴³ Там же. С. 187–198.

²⁴⁴ Жиромская В.Б. Основные тенденции демографического развития России в XX веке. М., 2012.

²⁴⁵ Араловец Н.А. Городская семья в России во второй половине XX в. М., 2015.

Рождаемость. Постсоветский период (восточные районы). Изучением рождаемости как компонента формирования семейной структуры занималась А.Р. Михеева²⁴⁶. Ученый исследовала сельское население, но демографические тенденции в городе и в деревне имели немало общего. Исследователь отмечает, что к завершающему этапу демографического перехода и становлению современного типа воспроизводства сельское население Западной Сибири перешло к концу 1960-х гг. вместе с сильным сокращением естественного прироста. Ученый соглашается с предыдущими авторами, что его высокие показатели стали следствием более молодой возрастной структуры населения. Причем отмечена сохранившаяся «традиционность» репродуктивного поведения западносибирских сельчан, которая выражалась в высоком количестве многодетных семей, в меньшей распространенности разводов. Эта «традиционность», как указывает А.Р. Михеева, была обусловлена запаздыванием в демографической модернизации села²⁴⁷.

Историко-демографическая проблематика появилась и в региональных исследованиях. В этот период научные изыскания активизировались в Институте истории СО РАН. Были проведены несколько конференций и выпущена серия сборников, в которых специально или на фоне социально-экономических процессов изучались численность, естественное и механическое движение населения на востоке России²⁴⁸. Много внимания уделялось периоду Великой Отечественной войны. В этом направлении активно работала Н.С. Коробейникова²⁴⁹. Динамика рождаемости в 1960–1980-е гг. анализировалась в трудах Т.М. Бадалян, Н.Я. Гущина, И.Б. Карпуниной, А.П. Мелентьевой, Л.Н. Славиной²⁵⁰.

В ходе изучения рождаемости стал широко привлекаться местный источниковый материал, выявлялись региональные тенденции в воспроизводстве населения. Так, в статье Т.М. Бадалян рассмотрены характеристики рождаемости у сельского населения Западной

²⁴⁶ Михеева А.Р. Сельская семья в Сибири: жизненный цикл и благосостояние. Новосибирск, 1993.

²⁴⁷ Там же. С. 36

²⁴⁸ Проблемы исторической демографии Сибири: сб. науч. тр. Новосибирск, 2010. Вып. I; Проблемы исторической демографии Сибири: сб. науч. тр. Новосибирск, 2011. Вып. II; Проблемы исторической демографии Сибири: сб. науч. тр. Новосибирск, 2013. Вып. 3; Проблемы исторической демографии Сибири: сб. науч. тр. Новосибирск, 2015. Вып. IV; Социально-демографическое развитие Сибири в XX столетии. Новосибирск, 2003. Вып. 1; Социально-демографическое развитие Сибири в XX столетии. Новосибирск, 2004. Вып. 2; Социально-демографическое развитие Сибири в XX столетии. Новосибирск, 2004. Вып. 3; Проблемы аграрного и демографического развития Сибири в XX – начале XXI в.: мат-лы II Всерос. науч. конф. 20–22 октября 2014 г. Новосибирск, 2014; Проблемы аграрного и демографического развития Сибири в XX – начале XXI в.: тез. докл. и сообщ. конф., 26–27 окт. 2009 г.: посв. 90-летию со дня рожд. Н.Я. Гущина. Новосибирск, 2009.

²⁴⁹ Коробейникова Н.С. Обратная сторона войны: брак, семья и рождаемость в городах Западной Сибири в годы Второй мировой войны (1939–1945 гг.). Новосибирск, 2016.

²⁵⁰ Бадалян Т.М. Изменение показателей рождаемости сельского населения Западной Сибири в 1945–1960 гг. // Народонаселенческие процессы в региональной структуре России XVIII–XX вв.: мат-лы междунар. науч. конф. 19–21 марта 1996. Новосибирск, 1996. С. 171–173; Гущин Н.Я. Тенденции демографического развития Сибири в 60–80-х гг. // Демографическое развитие Сибири 30–80-е гг. Исторический опыт и современные проблемы: сб. науч. тр. Новосибирск, 1991. С. 49–103; Карпунина И.Б., Мелентьева А.П., Ильиных В.А. Сельское население Западной Сибири в 1960–1980-е гг. (факторы, тенденции и результаты социально-демографической адаптации). Новосибирск, 2003; Славина Л.Н. Сельское население Восточной Сибири (1960–1980-е гг.). Красноярск, 2007.

Сибири в 1945–1960 гг., в том числе в административно-территориальном разрезе. Несмотря на то, что ее работы относятся к более раннему периоду, в них описаны тенденции, которые сохранили свое значение в последующие годы. Показано, что становление современных форм репродуктивного поведения происходило болезненно из-за отсутствия простых и надежных контрацептивных средств, что согласно статистическим данным приводило к росту количества абортов²⁵¹.

Определенное внимание периоду 1960–1980-х гг. уделил историк Н.Я. Гушин. В его работах обзорно описаны изменения в рождаемости в Сибири, в том числе в ее западных регионах²⁵². Аналогичная работа применительно к сельскому населению осуществлена в коллективной монографии И.Б. Карпуниной, А.П. Мелентьевой и В.А. Ильиных. Исследователи перечислили причины снижения рождаемости в сельской местности в 1960–1980-е гг. Западной Сибири и пришли к выводу, что она была выше, чем в селах России в целом. Тем не менее она была «не настолько высокой, чтобы компенсировать последствия миграции из сел региона и растущую смертность»²⁵³. За короткое время произошло разрушение традиционной многодетной и многопоколенной крестьянской семьи, на смену которой пришла малодетная семья, почти не отличающаяся по своим размерам от городской. Широкое распространение получили неформальные брачные союзы, повторные браки и внебрачные рождения. Авторы приходят к выводу, что к концу 1980-х гг. западносибирская деревня растеряла свой прежний высокий демографический потенциал²⁵⁴.

Наиболее крупной работой по демографической истории Западной Сибири стала коллективная монография сибирских историков, опубликованная в 1997 г.²⁵⁵ В ней рассмотрена демографическая история макрорегиона за весь XX в., выявлены основные черты демографического перехода. Изучаемый нами период рассмотрен обзорно, ученые реконструировали показатели рождаемости в Западной Сибири за все столетие.

По Восточной Сибири наибольший вклад в изучение рождаемости на примере сельского населения внесла Л.Н. Славина²⁵⁶. Исследователь выдвинула важный тезис, заключающийся в том, что перестройка репродуктивного поведения в Восточной Сибири тормозилась более низким уровнем образования и меньшей занятостью в общественном производстве. Кроме того, сибиряки меньше соприкоснулись с войной и это способствовало более длительной

²⁵¹ Бадалян Т.М. Изменение показателей рождаемости сельского населения Западной Сибири в 1945–1960 гг. С. 172.

²⁵² Гушин Н.Я. Тенденции демографического развития Сибири в 60–80-х гг. // Демографическое развитие Сибири 30–80-е гг. Исторический опыт и современные проблемы: сб. науч. тр. С. 49–103.

²⁵³ Карпунина И.Б., Мелентьева А.П., Ильиных В.А. Сельское население Западной Сибири в 1960–1980-е гг. (факторы, тенденции и результаты социально-демографической адаптации). С. 160.

²⁵⁴ Там же. С. 171.

²⁵⁵ Население Западной Сибири в XX веке. Новосибирск, 1997.

²⁵⁶ Славина Л.Н. Сельское население Восточной Сибири (1960–1980-е гг.). Красноярск, 2007.

консервации традиционных форм семейных отношений²⁵⁷. Тем не менее в ходе снижения рождаемости в 1960–1980-е гг. внутрирегиональная дифференциация существенно сократилась, а рациональный тип репродуктивного поведения распространился повсеместно. Воспроизводство сельского населения продолжало оставаться расширенным до конца советского периода²⁵⁸.

В целом по вопросам рождаемости населения исследуемого периода существует солидный перечень работ. В них проведена обстоятельная оценка количественных показателей, выявлены различия в репродуктивном поведении городского и сельского населения. Исследованы дифференциация рождаемости по социально-классовому, образовательному, этническому признакам, эффективность государственной демографической политики, брачная и внебрачная рождаемость, динамика ожидаемого и идеального числа детей. Вместе с тем анализ рождаемости был проведен на материалах Советского Союза и его союзных республик. Но даже на таком высоком уровне многие вопросы требовали более глубокого изучения. Недостаток источников, который стал ощутим примерно с середины 1970-х гг., сказался на количестве публикаций, снизилось качество исследований, особенно с 1980-х гг. Работы демографов постсоветского периода в определенной мере смогли восполнить данный пробел, но они носили более общий характер и были менее конкретны.

Демографы и историки смогли выявить ключевые тенденции в рождаемости, но длительные дискуссии сторонников формационного подхода и демографической модернизации в советское время отразились на концептуальном осмыслении происходивших процессов. В советское время этого было трудно избежать, но в дальнейшие годы произошел обратный процесс. Почти во всех трудах стали постулироваться идеи демографического перехода, без должного анализа исторической специфики развития России и ее регионов.

Что касается Западной Сибири, то можно говорить о том, что историками и демографами был пройден лишь первый этап в изучения рождаемости в 1960–1980-е гг. Нет даже должных количественных оценок, произведенных на основе условных поколений, которые существуют лишь за отдельные периоды времени и практически не затрагивают городское население. Детальное изучение возрастной, региональной дифференциации в рождаемости, по существу, только началось. В новых условиях многие историки смогли привлечь огромный фактический материал о региональном социальном и экономическом развитии, но его сложную взаимосвязь с рождаемостью за редким исключением анализировали на основе простых коэффициентов, что занижало познавательную ценность работ. Отметив, что на востоке страны, в том числе и в городах, рождаемость была выше, чем в центральных районах, ученые в основном объясняли

---

²⁵⁷ Славина Л.Н. Сельское население Восточной Сибири (1960–1980-е гг.). Красноярск, 2007. С. 415.

²⁵⁸ Там же. С. 449.

это молодой возрастной структурой населения, без привлечения факторного анализа, который, например, еще в советское время широко применялся на общесоюзном уровне.

Снижение числа рождений объяснялось в традиционном русле – изменениями, произошедшими в репродуктивном поведении людей, переходом от многодетной семьи к малодетной, от традиционного к современному типу рождаемости. Эта тенденция являлась следствием индустриализации, урбанизации, всесторонних перемен в образе жизни, повышения образовательного, культурного уровня.

Такие объяснения перемен в репродуктивном поведении населения, без сомнения, являются правильными, но простое перечисление факторов недостаточно для понимания процессов, происходивших в рассматриваемое время. В каждый конкретный исторический период существует совокупность специфических, конкретных исторических условий, которые могут оказать серьезное корректирующее воздействие или исказить существующую динамику, затормозить или ускорить демографические процессы. В работах ученых применительно к 1960–1980 гг. почти отсутствуют показатели, характеризующие рождаемость городского и сельского населения (суммарного коэффициента), в разных регионах, типах городских поселений, в возрастных когортах, очередностях рождения. Исследователям недостает концептуального понимания происходящих процессов на востоке страны, которые, несмотря на всю внешнюю схожесть с общероссийской динамикой демографической модернизации, явно обладали своими отличительными чертами.

Смертность. Советский период. Изучению смертности в отличие от рождаемости уделялось меньше внимания. Хотя анализ этого вопроса имеет первостепенное значение для понимания характера воспроизводства населения, его исследованию препятствовала чрезмерная политизированность, которую усугублял рост смертности, отмеченный в Советском Союзе во второй половине 1960-х – в 1970-е гг. Научные изыскания в этой области затруднялись тем, что сокращением ожидаемой продолжительности жизни не были затронуты ведущие западные страны. Необходимо отметить, что на качестве научных работ, возможно, отразилось некоторое ослабление методической подготовки ученых за период с конца 1930-х до конца 1950-х гг., когда демографические исследования были фактически заморожены.

В трудах начала 1960-х гг. А.Д. Кузнецова, П.Г. Подъячих анализ смертности был незамысловатым и в определенной степени даже шаблонным²⁵⁹. В них отмечалось поступательное улучшение положения дел в данной сфере. Ученые превозносили успехи, достигнутые Советским Союзом в сжатые сроки, благодаря революционным преобразованиям основ народной жизни, подъему жизненного уровня, культуры народных масс и успехам

---

²⁵⁹ Кузнецов А.Д. Трудовые ресурсы СССР и их использование. М., 1960; Подъячих П.Г. Население СССР. М., 1961.

здравоохранения. Объяснительные схемы не выходили за пределы простого перечисления причин снижения смертности, без их детального изучения. Должным образом рассматривалось только развитие отечественного здравоохранения, которое сопровождалось описанием понижающего тренда общего коэффициента смертности. Повсеместно подчеркивались изначально худшие стартовые позиции нашей страны, где общий коэффициент смертности в среднем был в два раза выше, чем в Европе и США, а высокая скорость его снижения объяснялась преимуществами социалистического строя. Для наглядной демонстрации успехов привлекались аналогичные данные по зарубежным, в первую очередь, ведущим капиталистическим странам²⁶⁰.

Из-за недостаточной методологической и методической разработанности вопроса, а также исходя из идеологических соображений, первоначально подвергались сомнению масштабы снижения смертности в западных странах. Например, в работе А.А. Дольской утверждалось, что, если исключить фактор уменьшения доли детей в возрасте до трех лет в возрастном составе населения, то смертность взрослого населения даже повысилась. С социально-классовых позиций рассматривалось, например, повышение смертности от болезней сосудов и сердца, которое объяснялось усилением эксплуатации трудящихся²⁶¹.

Слабая изученность проблемы и неудовлетворительное знание факторов смертности привели к тому, что, например, А.Д. Кузнецов в качестве своеобразной причины ее снижения в западных странах указывал на резкое уменьшение числа грудных детей в семьях, которые имеют в несколько раз более высокие показатели смертности, по сравнению с другими возрастными группами²⁶². Сейчас уже не вызывает сомнений, что снижение смертности шло впереди сокращения рождаемости, хотя в этом случае следует признать справедливость вышеуказанного тезиса. Повсеместно подчеркивалась ведущая роль социалистических стран в общемировом процессе снижения смертности. Такое положение в советской науке сложилось объективно, и ученым было трудно иначе интерпретировать тенденции в смертности, учитывая искреннюю веру большинства из них в преимущества советской системы.

Однако уже у И.Ю. Писарева подход к данной проблеме стал более серьезным²⁶³. Ученый не только использовал ожидаемую продолжительность жизни в качестве инструмента анализа, но и указал на серьезные различия в смертности между мужчинами и женщинами. Он полагал, что данный вопрос требует глубокого изучения, так как биологических предпосылок для такого значительного разрыва нет и в условиях социализма его можно свести к минимуму²⁶⁴.

²⁶⁰ Кузнецов А.Д. Трудовые ресурсы СССР и их использование. С. 18; Подъячих П.Г. Население СССР. С. 21.

²⁶¹ Дольская А.А. Социалистический закон народонаселения (на примере СССР). С. 31.

²⁶² Кузнецов А.Д. Трудовые ресурсы СССР и их использование. С. 19.

²⁶³ Писарев И.Ю. Народонаселение СССР (социально-экономический очерк). М., 1962.

²⁶⁴ Там же. С. 185.

Следует признать, что саму постановку данной проблемы уже можно считать немалым достижением.

Наиболее значительной работой 1960-х гг. заслуженно считается монография Б.Ц. Урланиса²⁶⁵. Ученый являлся, если можно так выразиться, представителем «старой школы» советской статистики, и поэтому его подход к изучению темы являлся более глубоким и основательным. Важно, что автор уделил внимание процессу сбора информации о смертности, методикам ее исчисления²⁶⁶. Главным научным вкладом ученого стал подробный анализ этапов сокращения смертности в России, начиная с дореволюционного периода. В своей книге он признает, что снижение началось в конце XIX в. еще до установления советской власти, специально добавляя к сказанному, что это произошло благодаря усилиям земской медицины. После революции и гражданской войны общий коэффициент смертности вновь стал сокращаться и в конце 1950-х – начале 1960-х гг. стал самым низким среди всех крупных стран мира. При этом Б.Ц. Урланис соглашается с определенной некорректностью этого показателя и его зависимостью от возрастного состава населения. Значительный интерес ученого вызвал характер уменьшения детской смертности, уделено внимание изменениям в ее возрастных коэффициентах, различиям у мужчин и женщин.

Исследователь правильно отметил, что смертность больше всего снизилась у молодых возрастных когорт. Это стало результатом успехов медицины в борьбе с инфекционными заболеваниями, от которых умирали главным образом подростки и дети. В то же время результаты борьбы с болезнями сердечно-сосудистой системы, злокачественными новообразованиями оказались намного менее эффективными. Б.Ц. Урланис, как и ранее И.Ю. Писарев, тоже зафиксировал факты, указывающие на рост разницы в ожидаемой продолжительности жизни между полами²⁶⁷. В его работе были кратко перечислены основные причины, приведшие к снижению смертности населения. К несомненным ее достоинствам следует отнести проведение сравнительного анализа со странами Западной Европы. На наш взгляд, книга ученого во многом послужила фундаментом дальнейшего изучения этой проблемы в СССР.

В последующие годы динамика смертности населения стала анализироваться с более критических позиций. Ученые стали осторожно говорить об отдельных негативных тенденциях. Так, М.Я. Сонин доказывал, что в стране имеются большие резервы для снижения смертности, так как по продолжительности жизни мужчин Советский Союз занимает далеко не первое место²⁶⁸. Он обратил внимание на рост общего коэффициента смертности из-за увеличения

---

²⁶⁵ Урланис Б.Ц. Рождаемость и продолжительность жизни в СССР. М., 1963.

²⁶⁶ Там же. С. 76–80.

²⁶⁷ Там же. С. 113–114.

²⁶⁸ Сонин М.Я. Актуальные проблемы использования рабочей силы в СССР. М., 1965.

доли пожилых возрастов и настаивал на необходимости осуществления мероприятий по дальнейшему усовершенствованию системы здравоохранения. Ученый подчеркивал, что необходимо уделить серьезное внимание сердечно-сосудистым и злокачественным заболеваниям, доля которых растет в связи с постепенным старением населения. В ближайшей перспективе важно сконцентрироваться на снижении детской смертности, которая находится еще на среднем уровне, и смертности от несчастных случаев. Вероятно, М.Я. Сонин являлся одним из первых исследователей демографических процессов, который наряду с Б.Ц. Урланисом заострил внимание на алкоголизме как важном факторе повышенной смертности²⁶⁹. Несмотря на это, ученые еще остерегались открыто говорить о социальных условиях как о факторах, ухудшающих показатели смертности, предпочитая искать и другие причины.

В 1967 г. была опубликована монография М.С. Бедного, в которой ученый кратко проанализировал снижение смертности в Российской империи и СССР. Приняв в качестве модели Днепропетровскую область и г. Днепропетровск, он описал трансформацию показателей смертности в различных возрастных группах, среди мужчин и женщин, в структуре причин смерти. Работа отличается сравнительно высоким качеством научного анализа, однако исследование доведено до конца 1950-х гг.²⁷⁰

В следующем десятилетии вышел сборник научных трудов «Продолжительность жизни» (М., 1974). В нем авторы статей не только рассмотрели положительные сдвиги в смертности, произошедшие в предыдущий период, но предприняли попытки объяснить ее повышение, начиная со второй половины 1960-х гг. Так, С. Казеннов поясняет, что снижение смертности коснулось в основном новорожденных, тогда как средняя предстоящая жизнь для старших возрастных когорт увеличилась несущественно, в среднем не более, чем на пять лет. Он подчеркнул, что рост смертности от сердечно-сосудистых заболеваний затронул почти все возрастные группы, и особенно мужчин. В версии, которая впоследствии получила достаточно широкое распространение, во многом благодаря своей простоте и аполитичности, рост смертности объяснялся отрицательным влиянием Великой Отечественной войны на здоровье людей, живших или рожденных в годы войны²⁷¹. Наряду с этим отмечалось, что перекосы в возрастной структуре и старение населения вызвали повышение общего коэффициента. Ученый обратил внимание на особенности смертности городского населения, которая была ниже, чем на селе вплоть до возраста в 45–50 лет, тогда как в старших возрастах, наоборот, выше. С. Казеннов подчеркнул, что, несмотря на более высокий уровень здравоохранения, хорошую

---

²⁶⁹ Сонин М.Я. Актуальные проблемы использования рабочей силы в СССР. М., 1965. С. 48.

²⁷⁰ Бедный М.С. Продолжительность жизни (статистика, факторы, возможности увеличения). М., 1967.

²⁷¹ См., например: Панкратьева Н.В. Население и социалистическое воспроизводство. М., 1977. С. 36.

обеспеченность коммунальными услугами в целом городская жизнь менее благоприятна для здоровья из-за большой плотности населения, повышенного ритма жизни, загрязнения воздуха и т.д.²⁷²

На рост возрастных коэффициентов смертности в СССР, особенно среди мужчин, указала Г. Бахметова. Она тоже упомянула о повышении смертности от сердечно-сосудистых заболеваний, особенно среди лиц трудоспособного возраста, перечислила ее основные причины. При этом смертность от злокачественных заболеваний увеличилась значительно меньше, благодаря успехам медицины, достижениям онкологии, раннему выявлению заболеваний, широкому применению комплексных методов лечения. В некоторых пятилетних когортах возрастные коэффициенты смертности от этой причины даже снизились. При этом анализ факторов смертности почти не проводился. Автор ограничилась простым их перечислением²⁷³. Вышеназванные тезисы были почти полностью воспроизведены в докладе А.Ф. Серенко и В.К. Овчарова, представленном на I Всесоюзной научной школе по проблемам народонаселения, которая проходила в мае-июне 1979 г.²⁷⁴ Итак, идеализация условий жизни в СССР причинила немалый урон исследовательскому процессу. Это сократило возможности ученых принести общественную пользу путем представления предложений по ограничению действия вредных факторов, повышающих смертность населения.

В 1970-е гг. изучением воспроизводства населения, в том числе смертности, продолжал заниматься Б.Ц. Урланис²⁷⁵. В монографии, выпущенной в 1974 г., много места уделено тенденциям последних лет. Ученый, опираясь на данные западноевропейской статистики, указал на существование значительных резервов сокращения смертности. Вероятно, он одним из первых отметил наличие в Советском Союзе определенных территориальных различий в смертности, в том числе младенческой²⁷⁶. Отдавая должное успехам советского общества, он признавал, что коэффициенты смертности в целом по Союзу, особенно среди мужчин в трудоспособных возрастных когортах являются высокими в сравнении не только с европейскими странами, но даже, например, в сопоставлении с Армянской ССР. Б.Ц. Урланис адекватно подошел к оценке возможностей повышения ожидаемой продолжительности жизни в

---

²⁷² Казеннов С. Динамика смертности населения в пожилых возрастах // Продолжительность жизни: сб. ст. М., 1974. С. 32–39.

²⁷³ Бахметова Г. Доживаемость и смертность населения СССР // Продолжительность жизни: сб. ст. М., 1974. С. 40–48.

²⁷⁴ Серенко А.Ф., Овчаров В.К. Заболеваемость, смертность и средняя продолжительность жизни населения СССР: доклад на рабочем заседании I Всесоюзной научной школы по проблемам народонаселения «Управление процессами развития народонаселения в развитом социалистическом обществе» (г. Брест, 27 мая – 2 июня 1979 г.). М., 1979. 12 с.

²⁷⁵ Урланис Б.Ц. Проблемы динамики населения СССР. М., 1974.

²⁷⁶ Там же. С. 180–181.

нашей стране, говоря о том, что основной упор должен быть сделан на сокращении ее гендерных различий, уменьшении производственного и непроизводственного травматизма²⁷⁷.

Наиболее крупной, на наш взгляд, работой 1960–1970-х гг. стал капитальный труд Б.Ц. Урланиса «Эволюция продолжительности жизни» (М., 1978). С использованием большого фактического материала, автор, правда, на примере всех стран, а не только Советского Союза, исследовал динамику смертности населения. Ученый обобщил накопленные за годы своего длительного научного творчества знания и опыт, всесторонне проанализировав эволюцию смертности начиная с древнейших времен. Наиболее подробно он рассмотрел ее тенденции именно в XX столетии. В работе используется множество материалов зарубежных исследователей, на основе которых автор наглядно представил динамику ожидаемой продолжительности жизни в европейских странах и США, ее особенности у мужского и женского населения. Глубокие фактологические сведения представлены о тенденциях смертности в развивающихся странах. Большой интерес вызывают материалы о ее социальной, половой, этнической и географической дифференциации. Кроме того, в работе Б.Ц. Урланиса в должной мере отражена эволюция смертности от ее причин²⁷⁸. Следует особо отметить работу автора по изучению факторов смертности, которые имели непосредственное отношение и к населению Советского Союза. Причем он осуществил, на наш взгляд, весьма удачную попытку соотнести факторы и причины смертности населения, что в методическом и методологическом смысле особенно важно для историков, изучающих демографическое прошлое в длительной ретроспективе²⁷⁹. Таким образом, вклад ученого в изучение смертности, без сомнения, оказался очень велик.

Существенный вклад в изучение темы внес специалист в области медицинской демографии М.С. Бедный²⁸⁰. Будучи медиком по образованию, он привнес немало интересных идей в исследование проблемы. Он, например, определил частоту заболеваний в основных возрастных группах. Ученый указал на то, что, если в развивающихся странах из-за высокой доли молодежи значительное место среди причин смерти занимали инфекционные заболевания, то в развитых странах на первое место выдвинулись сердечно-сосудистые. По мере технического и экономического прогресса развивающиеся страны по структуре причин смерти начинают приближаться к показателям, которые имели развитые страны несколько десятилетий назад²⁸¹. М.С. Бедный обнаружил интересный факт, касающийся детской смертности, которая увеличивается по мере увеличения числа родов у женщины. Следовательно, частые роды

²⁷⁷ Урланис Б.Ц. Проблемы динамики населения СССР. М., 1974. С. 205.

²⁷⁸ Урланис Б.Ц. Эволюция продолжительности жизни. М., 1978. С. 142–182.

²⁷⁹ Там же. С. 233.

²⁸⁰ Бедный М.С. Медико-демографическое изучение народонаселения. М., 1979.

²⁸¹ Там же. С. 102.

снижают жизнеспособность потомства. Он также проанализировал гендерные различия в смертности и ее специфику в городах и сельской местности²⁸². Создается впечатление, что его как медика меньше сдерживали «предохранительные» механизмы, выработанные у его современников, при изучении сложных вопросов. В этой связи он действовал смелее в научном плане.

М.В. Курман выдвинул гипотезу, что снижение продолжительности жизни в СССР обусловлено повышением доли мужчин в населении, у которых смертность была выше, но расчеты этого не подтвердили. Более того, даже при гипотетическом снижении доли мужчин до 40,0 % это не оказало бы практически никакого влияния на общую смертность. Анализируя ее рост, М.В. Курман пришел к выводу, что вплоть до 29 лет она не увеличилась, а среди лиц до 25 лет даже уменьшилась. В то же время в пятилетних когортах старше 30 лет смертность возросла, особенно среди 35–44-летних²⁸³. Ученый высказал осторожное предположение, что данный подъем был обусловлен не только повышением интенсивности сердечно-сосудистых и раковых заболеваний, но и другими причинами. В частности, он разделял мнение Б.Ц. Урланиса о негативном влиянии травматизма²⁸⁴. Другие демографы рассматривали числовые показатели роста смертности практически без изучения его причин²⁸⁵.

В конце 1980-х гг. появилась еще одна версия роста смертности во второй половине 1960-х – в 1970-е гг., которая была изложена А.Б. Синельниковым в коллективной монографии «Население СССР за 70 лет» (М., 1988). В ней ученый указал, что этот рост мог возникнуть из-за погрешностей, имевших место в 1960–1970-е гг., и неудовлетворительной работы статистических органов учета. Отдельные демографы указывали на это и раньше, но более обстоятельно и аргументированно эта версия была представлена А.Б. Синельниковым²⁸⁶.

В 1980-е гг. стали осуществляться первые шаги в направлении изучения социолого-демографических факторов продолжительности жизни (самоохранительного поведения)²⁸⁷. Исследователи, работающие по данной теме, сделали акцент на изучении образа жизни человека. Они исходили из предпосылок, отдаленно напоминающих те, что использовались при изучении репродуктивного поведения – поведенческий фактор в развитом индустриальном

²⁸² Бедный М.С. Продолжительность жизни в городах и селах. М., 1976.

²⁸³ Курман М.В. Актуальные вопросы демографии. Демографические процессы в СССР в послевоенный период. М., 1976. С. 72.

²⁸⁴ Там же. С. 75.

²⁸⁵ См. например: Слесарев Г.А. Демографические процессы и социальная структура социалистического общества. М., 1978; Ткаченко А.А. Экономические последствия современных демографических процессов в СССР. М., 1978.

²⁸⁶ Население СССР за 70 лет. М., 1988. С. 128–130.

²⁸⁷ См., например: Журавлева И.В., Левыкин И.Т. Образ жизни и региональные особенности отношения к здоровью // Социальные проблемы здоровья и продолжительности жизни: сб. ст. М., 1989. С. 6–25; Отношение человека к здоровью и продолжительность жизни. М., 1989. 63 с.; Шилова Л.С. Активность и ответственность населения в отношении к своему здоровью // Демографическое поведение: опыт социологического изучения. М., 1990. С. 62–73.

обществе оказывает решающее воздействие на здоровье человека²⁸⁸. В новых условиях здоровье людей от медицины зависит только на 10,0 %, тогда как от жизненного уклада на 50,0 %. В результате в индустриальном обществе на первый план выходят болезни, которые предопределялись поведением людей больше, чем окружающей средой. Развитие здравоохранения уже не могло обеспечить дальнейшего устойчивого повышения продолжительности жизни. Исследование самоохранительного поведения в перспективе помогло бы выявить новые возможности для укрепления здоровья населения.

В статье И.В. Журавлевой и И.Т. Левыкина на основе Всесоюзных исследований образа жизни, проведенных в 1980–1981 и 1986–1987 гг. в регионах СССР, было установлено, что забота о здоровье уменьшается по мере понижения образовательного уровня респондентов и зависит от общей культуры человека. Последнюю можно оценить на основе показателей посещаемости учреждений культуры и отдыха, использования средств массовой информации и т.д. Аналогичная тенденция прослеживается при изучении вовлеченности населения в занятия физкультурой и спортом. На западе СССР этому уделялось больше времени, несмотря на сравнимые показатели обеспеченности спортзалами, стадионами, бассейнами. На востоке страны больше предпочитали пассивные виды отдыха, были шире распространены вредные для здоровья привычки²⁸⁹.

В общем, можно утверждать, что в 1980-е гг. методологические и методические проблемы изучения самоохранительного поведения были только поставлены. Первые исследования носили, по существу, пробный характер и респонденты не были дифференцированы по типам поселений (городские и сельские), возрастным и социальным группам, национальности или семейному положению, собранные материалы не были в должной степени репрезентативны. Крупных социологических опросов, подобных тем, что были организованы в отношении рождаемости, когда опрашивались десятки и даже сотни тысяч человек, не проводилось. Оставались неясными место самоохранительного поведения в системе ценностей человека, его типы, взаимодействие с другими элементами поведенческого механизма, что тормозило выработку методики его изучения. Все еще недостаточно определенным оставался характер взаимодействия такого поведения с состоянием здоровья человека.

Наверное, первое серьезное исследование смертности в длительной исторической перспективе было проделано Б.Ц. Урланисом в его упомянутой работе «Рождаемость и продолжительность жизни в СССР» (М., 1963). Анализ исторической динамики смертности и продолжительности жизни осуществлен в статье Р.М. Дмитриевой и Е.М. Андреева,

²⁸⁸ Антонов А.И. Опыт исследования установок на здоровье и продолжительность жизни // Социальные проблемы здоровья и продолжительности жизни: сб. ст. М., 1989. С. 41–57.

²⁸⁹ Журавлева И.В., Левыкин И.Т. Образ жизни и региональные особенности отношения к здоровью // Социальные проблемы здоровья и продолжительности жизни. С. 13.

опубликованной в сборнике научных трудов «Брачность, рождаемость и смертность в России и СССР» (М., 1977). В ней описана эволюция смертности с конца XIX в. Исследователи пришли к выводу, что смертность в России первоначально была типичной для сельскохозяйственных и отсталых в санитарном и культурном отношении стран. Однако после революции отставание Советского Союза стало быстро сокращаться. Наибольшими темпами смертность снижалась у женщин и среди городского населения в целом, прежде всего, за счет внешних (экзогенных) причин, особенно инфекционных заболеваний. Причем в 1930-е гг. средняя продолжительность жизни росла медленнее, чем в предыдущее десятилетие²⁹⁰.

В 1980-е гг. важнейший вклад в изучение проблемы внесла фундаментальная коллективная монография «Воспроизводство населения СССР» (М., 1983). С привлечением большого статистического материала авторы не только показали динамику смертности на протяжении длительного времени, но и уделили внимание изучению ее исторического контекста. Большим преимуществом работы стала серьезная теоретическая проработка тенденций в смертности в России и СССР при помощи концепции демографического перехода²⁹¹. В отличие от предыдущих исследований, где основной упор был сделан на выявлении числовых показателей, в данной работе была сделана попытка провести анализ смертности с учетом действия множества разных факторов.

Несомненным плюсом работы являлось то, что ученые, не являясь профессиональными историками, уделили внимание изучению условий жизни населения. В монографии много места отведено анализу трансформации структуры причин смертности, ее возрастных коэффициентов. В тексте монографии прекращение роста продолжительности жизни в 1960–1970-е гг. объяснено медленным развитием в обществе новых моделей «витального поведения», возросшими эмоциональными нагрузками и масштабами хозяйственной деятельности человека. Именно поэтому смертность от экзогенных причин показала разнонаправленную динамику: если от инфекционных болезней и заболеваний органов пищеварения она снизилась, то от несчастных случаев, отравлений и травм – наоборот, выросла²⁹². Вероятно, это первая работа, в которой детально проанализированы ожидаемая продолжительность жизни в царской России и СССР в связи с факторами смертности за исторически длительный период времени. Научное значение книги для своего времени было велико, хотя авторы в силу своей специализации, больше внимания уделили выявлению и анализу именно количественных параметров воспроизводства.

---

²⁹⁰ Дмитриева Р.М., Андреев Е.М. Снижение смертности в СССР за годы советской власти // Брачность, рождаемость, смертность в России и в СССР: сб. ст. М., 1977. С. 34.

²⁹¹ Воспроизводство населения СССР. С. 47.

²⁹² Там же. С. 110.

Во второй половине 1980-х гг. исторические особенности изменения смертности анализировались также в трудах Е.М. Андреева. Он являлся убежденным сторонником теории демографического перехода. При этом он признавал, что реальные процессы в отдельных странах и регионах могли существенно отклоняться от упрощенных схем в силу конкретных условий демографического развития. Ученый отметил низкое качество статистических данных, которые делают проблематичными расчеты ожидаемой продолжительности жизни за ряд довоенных лет. В своих работах Е.М. Андрееву удалось реконструировать процесс трансформации структуры причин смертности с конца 1930-х гг., показать ее специфику в разных республиках, продемонстрировать особенности нашей страны на фоне ведущих промышленных стран²⁹³.

Смертность. Советский период (восточные районы). Специфика смертности в восточных районах обзорно рассматривалась в работе Е.Д. Малинина и А.К. Ушакова «Население Сибири» (М., 1976). В монографии отмечается, что общий коэффициент смертности в Сибири был ниже, но это было обусловлено высокой долей молодых возрастных когорт в населении, характеризующихся наименьшей смертностью. Если же брать непосредственно возрастные группы, то во многих пятилетних когортах смертность была несколько выше, чем в среднем по РСФСР²⁹⁴. В книге В.В. Воробьева «Население Восточной Сибири (современная динамика и вопросы прогнозирования)» (Новосибирск, 1977) кратко рассмотрены изменение общих коэффициентов смертности и способствующие этому факторы²⁹⁵. Большой вклад в изучение темы внесла монография Е.М. Левицкого. Научная ценность его труда заключается в том, что ученый впервые рассчитал полные таблицы смертности и показатели ожидаемой продолжительности жизни для всей Сибири и ее регионов. Эти расчеты неоднократно использовались в дальнейшем как экономистами, так и историками²⁹⁶.

Смертность сибирского населения была проанализирована С.В. Соболевой в индивидуальных и совместных публикациях²⁹⁷. В них была показана динамика общих коэффициентов смертности, выявлены ее характеристики в восточных районах. Ученый

²⁹³ Андреев Е.М. Продолжительность жизни и причины смерти в СССР // Демографические процессы в СССР: сб. науч. тр. М., 1990. С. 90–115.

²⁹⁴ Малинин Е.Д., Ушаков А.К. Население Сибири. С. 28.

²⁹⁵ Воробьев В.В. Население Восточной Сибири (современная динамика и вопросы прогнозирования). С. 36.

²⁹⁶ Левицкий Е.М. Экономико-статистическое исследование воспроизводства населения Сибири и Дальнего Востока на основе таблиц продолжительности жизни. Новосибирск, 1962.

²⁹⁷ Соболева С.В. Динамика продолжительности жизни населения Сибири в 70–80-х гг. // Тенденции социального развития сибирской деревни в 80-е годы. Новосибирск, 1989. С. 128–138; Соболева С.В., Штейнберг В.Е. Демографическая ситуация и воспроизводство населения Сибири // Проблемы демографического развития Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 1991. С. 3–26; Бородин Ф.М., Соболева С.В. Проблемы демографического развития Сибири // Демографическое развитие Сибири (прикладной и теоретический аспекты исследования): сб. науч. тр. Новосибирск, 1987. С. 3–17.

рассмотрела изменения в ожидаемой продолжительности жизни женщин и мужчин, возрастные коэффициенты смертности за отдельные годы. Отмечено, что, несмотря на позитивные сдвиги в Сибири в этой сфере, еще есть множество проблем, требующих своего решения. С.В. Соболева пришла к выводу, что дальнейший прогресс в уменьшении смертности должен опираться на создание для населения более благоприятной среды обитания²⁹⁸.

Среди исторических работ советского периода следует отметить труды В.А. Исупова. Изучение воспроизводства населения, в том числе специфики смертности, являлось важнейшей задачей ученого. Опираясь на широкий круг источников, он определил динамику общего коэффициента в Сибири, в том числе отдельно в Западной и Восточной, после революции и вплоть до конца 1950-х гг. Уже в первой монографии, выпущенной совместно с А.С. Московским, им было установлено, что смертность в Сибири в среднем была выше, чем в стране в целом²⁹⁹. Показатели смертности были больше, прежде всего, в рабочих возрастах, тогда как в старших возрастных группах они, наоборот, были меньше. В результате ожидаемая продолжительность жизни городского населения к 1958/1959 гг. оказалась примерно на два года ниже, чем в среднем по СССР³⁰⁰.

Безусловной заслугой автора является детальная проработка вопросов, относящихся к историческим условиям снижения смертности. Особенно хорошо они отражены в монографии «Городское население Сибири: от катастрофы к возрождению (конец 30-х – конец 50-х гг.)» (Новосибирск, 1991), где автор детально рассмотрел этапы развития советского здравоохранения и различных служб, отвечающих за охрану здоровья. Кроме того, В.А. Исупов уделил должное внимание описанию таких факторов как: народное благосостояние, развитие коммунального хозяйства, экология, охрана труда, материнства и детства. Исследователь пришел к интересному заключению, что в снижении смертности существовало два основных направления. Первое из них обеспечивало тактический выигрыш и было нацелено на постепенное улучшение ситуации за счет развития здравоохранения и способности общества противостоять внешним негативным воздействиям. Второе направление было обозначено как стратегическое. Его главным содержанием являлось изменение непосредственно условий жизнедеятельности людей: условий труда, быта, культуры. В СССР возобладало первое направление, а второму в силу комплекса причин не было уделено должного внимания³⁰¹.

Смертность. Постсоветский период. В 1990-е гг., несмотря на облегчение доступа к архивной информации, произошло определенное снижение научной активности ученых.

²⁹⁸ Соболева С.В. Динамика продолжительности жизни населения Сибири в 70–80-х гг. // Тенденции социального развития сибирской деревни в 80-е годы. С. 137.

²⁹⁹ Московский А.С., Исупов В.А. Формирование городского населения Сибири (1926–1939 гг.). Новосибирск, 1984.

³⁰⁰ Исупов В.А. Городское население Сибири: от катастрофы к возрождению (конец 30-х – конец 50-х гг.). С. 118.

³⁰¹ Там же. С. 144–147.

Так же как и в случае с рождаемостью, демографы стали реже обращаться к ретроспективным исследованиям смертности. В то же время исчезли идеологические препятствия для открытого, непредвзятого обсуждения прошлого. В полной мере это относилось и к демографическим процессам. Ученые стали обращаться к темам, которые раньше почти не изучались. Например, много публикаций вышло по проблемам потерь населения в годы коллективизации, индустриализации, Великой Отечественной войны, депортаций³⁰². Именно в постсоветский период, по существу, началось серьезное изучение социальной, образовательной, этнической дифференциации в смертности, смертности в городских поселениях и сельской местности. К тому же увеличились возможности использования теоретических и практических наработок коллег-демографов из других стран. Между тем второй половине XX столетия по-прежнему уделялось меньше внимания.

Авторы коллективной монографии «Население Советского Союза, 1922–1991» (М., 1993) уже без оговорок отмечали, что в 1965–1980 гг. отставание страны от экономически развитых стран увеличилось. Неблагоприятные тенденции выразились в повышении смертности от несчастных случаев, от болезней системы кровообращения в старших возрастных группах, в сохранении уровня смертности от инфекционных заболеваний и болезней органов дыхания. Положительный эффект от антиалкогольной кампании был кратковременным, и после 1987 г. положение вновь стало ухудшаться, что подтвердили расчеты ожидаемой продолжительности жизни³⁰³. Также в монографии осуществлен сравнительный анализ компонентов смертности СССР и ведущих западных стран. Авторами книги были кратко перечислены причины отставания Советского Союза, которые коренились в худших условиях жизни людей, низком уровне потребления товаров и услуг, плохой экологической ситуации, неразвитости и неэффективности системы здравоохранения³⁰⁴.

Много места отведено анализу территориальных особенностей смертности, выделены группы союзных республик в наибольшей и наименьшей степени продвинувшихся по этапам демографического перехода, проанализирована этническая дифференциация в смертности. До этого она изучалась явно недостаточно, так как априори считалось, что в советском обществе межнациональные различия были минимальными. Авторы пришли к выводу о существовании значительной специфики, прежде всего в младенческой смертности, которая в республиках Средней Азии была заметно выше, чем в среднем по стране, тогда как среди трудоспособного населения разница была небольшой³⁰⁵.

---

³⁰² См., например: Жиромская В.Б. Демографическая история России в 1930-е гг. Взгляд в неизвестное. М., 2001; Земсков В.Н. Спецпоселенцы в СССР, 1930–1960. М., 2003.

³⁰³ Население Советского Союза: 1922–1991 гг. С. 95–96.

³⁰⁴ Там же. С. 98.

³⁰⁵ Там же. С. 98–103.

Весомый вклад в изучение темы внесла коллективная монография «Неравенство и смертность в России» (М., 2000), авторы которой постарались найти ответ на вопрос о том, какие социальные группы населения в наибольшей мере подвержены риску преждевременной смерти. Монография стала, по сути, первым крупным отечественным исследованием подобного рода. Основными ее источниками послужили материалы Всесоюзных переписей 1979 и 1989 г. и микропереписи 1994 г. Дифференциальная смертность проанализирована с учетом уровня образования, положения на рынке труда, места проживания, брачного статуса, национальных различий. Причем анализ проведен детализированно, с учетом возраста, пола. В монографии озвучен важный тезис, что социальные различия в смертности особенно велики на начальных этапах эпидемиологического перехода, но со временем начинают уменьшаться³⁰⁶. Однако этот процесс в 1970-е гг. замедлился, и во многих развитых странах они вновь выросли. Уровень смертности социальных групп зависит также от районов проживания, качества жилищ и питания, медицинского обслуживания и других составляющих образа жизни. Следовательно, группы, характеризующиеся повышенной смертностью, обладают ограниченными возможностями улучшения своего положения.

Авторы подметили следующий интересный факт, а именно, что смертность в 1960–1980-е гг. возросла, несмотря на позитивные сдвиги в структуре населения: повышение образовательного уровня, увеличение доли городских жителей и занятых умственным трудом³⁰⁷. Падение ожидаемой продолжительности жизни в 1960–1980-е гг. произошло за счет повышения смертности у мужчин, тогда как у женщин она осталась примерно на прежнем уровне. Причем гендерные различия в городах оказались меньше, чем в сельской местности. Детально проанализированы гендерные различия в структуре причин смертности, ее возрастные особенности. Таким образом, это крупнейшее исследование смертности населения в России, ранжированное по социальным характеристикам.

В коллективной монографии «Демографическая модернизация России, 1900–2000 гг.» (М., 2006) динамике смертности уделено важное место. В работе представлено много интересного статистического материала, полученного на основе сложных математических вычислений. Например, рассчитана мужская и женская продолжительность жизни для реальных (а не условных) поколений и произведено сравнение с другими странами³⁰⁸. Причем для реальных поколений отставание России получилось значительно большим, чем для условных. Много внимания уделено тенденциям смертности второй половины XX столетия. На основе материалов смертности по ее причинам выявлены источники отличий в средней

---

³⁰⁶ Неравенство и смертность в России. М., 2000. С. 14.

³⁰⁷ Там же. С. 17.

³⁰⁸ Демографическая модернизация России, 1900–2000. С. 292.

продолжительности жизни городских и сельских жителей. Должное внимание уделено сюжетам, мало или почти не изучавшимся в советское время – смертности по уровню образования, характеру труда, национальности.

Для анализа динамики причин смертности была использована концепция эпидемиологического перехода, предложенная А. Омраном. В результате было выявлено, что главной особенностью российской смертности являлась высокая вероятность человека умереть от внешних причин, а также болезней кровообращения. При этом в 1960–1980-е гг. структура причин смерти и продолжительность жизни почти не изменилась в лучшую сторону. Отставание сохранялось за счет низкого среднего возраста смерти от причин, от которых в развитых индустриальных странах умирают в старших возрастах. Авторы пришли к заключению, что в СССР и России сохранялись элементы традиционной смертности и причин смерти³⁰⁹. С другой стороны, недостаточно активно велась борьба против болезней, типичных для развитых индустриальных стран, прежде всего, сердечно-сосудистых заболеваний. Высокий научный интерес представляет сравнительное исследование динамики смертности, в том числе по возрасту и причинам смерти с ведущими индустриальными странами. К середине 1960-х гг. отставание России от развитых стран стало минимальным за всю историю, тем не менее ее отличительной чертой стал высокий уровень смертности в трудоспособных возрастных когортах, который в последующие годы стал расти.

Авторами книги был сделан справедливый вывод, что советская модель перехода была внутренне противоречивой, испытала тормозящее воздействие исторических потрясений и обладала ограниченными возможностями. Успехи основывались на заимствовании западных технологий и не опирались на прогрессивные экономические механизмы³¹⁰. Таким образом, несомненным достоинством работы является то, что в ней нашли отражение все важные аспекты смертности населения. Не совсем корректным выглядит сравнение уровня смертности в России и ведущих промышленных держав в 1990-е гг., в период острого социально-экономического кризиса. На этой основе авторы приходят к выводу о сохранении «средневековой» смертности в нашей стране, которая почти не изменилась за целое столетие. Подводя итог, можно уверенно утверждать, что, несмотря на наличие отдельных спорных моментов, на данный момент это самая значительная работа, посвященная воспроизводству населения России в XX столетии.

Интересны и важны для изучения темы работы, опубликованные А.В. Немцовым. Автор обратился к изучению малоисследованной социальной проблемы советского и российского

---

³⁰⁹ Демографическая модернизация России, 1900–2000. С. 395.

³¹⁰ Там же. С. 534.

общества – алкоголизму населения³¹¹. Вообще по данной теме было выпущено немало трудов специалистов из медицинских наук, но у них она рассматривалась узко, без упора на распространение информации среди широкой аудитории. Рассматривалась эта проблема и Б.Ц. Урланисом, который поместил алкоголизм как фактор смертности на третье место после войн и голода, но он не мог в силу специфических условий своего времени детально проработать этот вопрос³¹².

А.В. Немцов тщательно изучил историографию проблемы, выявил недостатки официальной статистики потребления алкогольной продукции, пагубное воздействие пьянства на показатели ожидаемой продолжительности жизни, в том числе среди мужчин и женщин, показав, как оно воздействует на классы причин смертности населения. Именно ему принадлежит заслуга описания истории алкоголизма в России и выявления тесной взаимосвязи уровней смертности населения и потребления спиртных напитков³¹³.

Непосредственно историки также уделили внимание тенденциям смертности. В трехтомнике «Население России в XX в. Исторические очерки» (М., 2000–2012) отдельно проанализирована ее динамика среди городского населения. Кратко показаны сдвиги в смертности и ожидаемой продолжительности жизни, в структуре причин смерти, младенческой смертности. Отмечена высокая доля смертей от несчастных случаев, отравлений и травм. Сделаны попытки проанализировать региональные особенности смертности, правда, в основном с использованием общих коэффициентов³¹⁴. Авторы монографии солидарны с мнением демографов, что смертность среди городского населения России все еще носила признаки традиционного типа. Основные ее тенденции в 1960–1980-е гг. описаны в монографии В.Б. Жиромской³¹⁵.

Смертность. Постсоветский период (восточные районы). В изучении смертности сибирские историки достигли немалых успехов. От общих постановок проблем они перешли к углубленному и детальному изучению исторических условий воспроизводства населения. Как и прежде, много внимания уделялось исследованию первой половины XX столетия, когда показатели воспроизводства деформировались под влиянием социальных и военных кризисов. Среди опубликованных работ следует отметить авторские монографии В.А. Исупова «Демографические катастрофы и кризисы в России в первой половине XX века: историко-демографические очерки» (Новосибирск, 2000), а также «Главный ресурс Победы. Людской потенциал Западной Сибири в годы Второй мировой войны (1939–1945 гг.)» (Новосибирск,

³¹¹ Немцов А.В. Алкогольная история России: Новейший период. М., 2009.

³¹² Урланис Б.Ц. Эволюция продолжительности жизни. С. 194.

³¹³ Немцов А.В. Указ. соч.

³¹⁴ Население России в XX веке: исторические очерки: в 3 т. М., 2005. Т. 3, кн. 1. 1960–1979. С. 30.

³¹⁵ Жиромская В.Б. Основные тенденции демографического развития России в XX веке. М., 2012.

2008). В этих работах широко привлекались материалы не только по Сибири, но и России в целом. Деятельность учреждений здравоохранения и его влияние на здоровье населения тыла проанализированы М.А. Семеновым³¹⁶. Проблемы смертности в Западной Сибири и ее регионах в годы послевоенной разрухи и голода разрабатывались В.Б. Лапердиным³¹⁷.

В трудах историка Н.Я. Гущина кратко рассмотрены общие коэффициенты смертности в 1960–1980-е гг., в том числе в межпереписные периоды. Отмечено, что благодаря молодому населению в Сибири установилась более низкая смертность³¹⁸. Показана динамика возрастных коэффициентов, которая в целом не отличалась от общероссийских тенденций. В работе Н.Б. Куксановой обзорно рассмотрены сдвиги в коэффициентах смертности в городских поселениях Западной и Восточной Сибири, в отдельных регионах, а также в некоторых крупных городах³¹⁹.

Аналогичная работа применительно к сельскому населению осуществлена в коллективной монографии А.П. Карпуниной, И.Б. Мелентьевой и В.А. Ильиных³²⁰. Авторы указали на то, что общий коэффициент смертности в западносибирском селе был ниже общероссийских показателей, хотя возрастная структура смертности была менее благоприятной. При этом на селе вероятность умереть от экзогенных причин смерти была значительно выше, чем в городских поселениях³²¹. В совместной работе коллектива сибирских историков «Население Западной Сибири в XX веке» (Новосибирск, 1997) кратко описаны перемены в коэффициентах смертности за столетие, отмечены причины более высокой смертности в макрорегионе.

Следует отметить публикации А.А. Бурматова, в которых рассматриваются изменения в смертности всего населения Западной Сибири. На основе большого количества источников, в том числе полученных из ведомственных архивов, ученый пришел к выводу, что в 1950–1970-е гг. произошло сокращение разрыва по показателям средней продолжительности жизни с другими регионами России. Решающую роль в этом сыграло снижение детской смертности, которое произошло благодаря массовой вакцинации. Большое внимание ученый уделил динамике

---

³¹⁶ Семенов М.А. Фронт в тылу: система здравоохранения в Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны. Новосибирск, 2017.

³¹⁷ Лапердин В.Б. Смертность населения Западной Сибири в послевоенные годы (1946–1950 гг.) // Проблемы исторической демографии Сибири: сб. науч. тр. Новосибирск, 2011. Вып. II. С. 180–191; Лапердин В.Б. Последствия голода 1946–1947 гг. в Омской области // Гуманитарные науки в Сибири. 2013. № 4. С. 38–42.

³¹⁸ Гушин Н.Я. Тенденции демографического развития Сибири в 60–80-х гг. // Демографическое развитие Сибири 30–80-е гг. Исторический опыт и современные проблемы: сб. науч. тр. С. 58.

³¹⁹ Куксанова Н.В. Социально-бытовое развитие городов Сибири в 1960–1970-е гг.: уч. пос. Новосибирск, 1994.

³²⁰ Карпунина И.Б., Мелентьева А.П., Ильиных В.А. Сельское население Западной Сибири в 1960–1980-е гг. (факторы, тенденции и результаты социально-демографической адаптации). Новосибирск, 2003.

³²¹ Там же. 162.

причин смертности населения, отметив резкий рост доли сердечно-сосудистых заболеваний и злокачественных образований³²².

Л.Н. Славиной удалось выявить ключевые параметры смертности сельского населения в Восточной Сибири, определить динамику ее возрастных коэффициентов и межполовых различий. Дана объективная оценка процессу эпидемиологического перехода. Важнейшим, на наш взгляд, научным вкладом исследователя является детальный сравнительный анализ исторической специфики и факторов воспроизводства населения в Восточной Сибири, ее регионах и России в целом³²³.

Большой вклад в изучение воспроизводства населения Сибири, в том числе смертности внес В.А. Зверев³²⁴. Демографические процессы, которые интересуют ученого, хронологически относятся к более раннему (имперскому) периоду, вместе с тем его научные наработки представляют большой интерес для исследователей востока России в целом. Проведенный им скрупулезный анализ факторов смертности и рождаемости (природно-географических, социально-экономических, культурологических) актуален даже для исследований новейшего периода истории Сибири³²⁵. Не вызывает сомнений и известная историческая преемственность процессов смертности в Сибири, например более высокая в сравнении с центральными районами России детская смертность.

Подводя итоги раздела о смертности, можно уверенно утверждать, что в нашей стране смертность в отличие от рождаемости изучена в меньшей степени. Недостаток внимания к этой проблеме в научной литературе советского периода отразился даже на информативности ученых, которым недоставало знаний о показателях смертности, которые долгое время, вплоть до второй половины 1980-х гг., публиковались в урезанном виде. Если в изучении рождаемости на общесоюзном уровне были достигнуты солидные успехи, появилось множество содержательных трудов, в которых она проанализирована в социально-классовом, образовательном, возрастном и национальном разрезе, то в отношении смертности такие ее аспекты должного освещения не получили. Лишь в постсоветский период ученые активно включились в изучение этих проблем, когда с расширением доступа к статическим источникам и с применением статистико-математических методов были рассмотрены многие ее аспекты. Весьма перспективным направлением по-прежнему является изучение и систематизация факторов смертности рассматриваемого периода.

---

³²² Бурматов А.А. Эволюция смертности населения Западной Сибири в 1950–1970 гг. // Гуманитарные науки в Сибири. 2017. № 4. С. 75–81. Бурматов А.А. Детская смертность в 1970-х годах в Западной Сибири // Исторический курьер. 2021. № 4. С. 174–185.

³²³ Славина Л.Н. Сельское население Восточной Сибири (1960–1980-е гг.). Красноярск, 2007.

³²⁴ Зверев В.А. Люди детные: воспроизводство населения сибирской деревни в конце имперского периода. Новосибирск, 2014.

³²⁵ Там же. С. 60–111.

Как и в случае с рождаемостью, необходимо углубить концептуальное понимание проблем смертности. Речь в данном случае идет о более детальной проработке теории демографической модернизации, ее адаптации к российской действительности и ее региональной специфике. В современных исторических трудах, при огромном фактическом материале, к сожалению, зачастую констатируется очевидное – наличие демографического перехода. Эта констатация сопровождается критикой социальной среды, системы здравоохранения. Последние, безусловно, являются важными факторами смертности, но без учета специфики становления российского индустриально-урбанистического общества такой подход, на наш взгляд, лишается должной объективности. Здесь необходим сбалансированный подход, учитывающий как негативные, так и позитивные стороны происходившего процесса.

Что касается городских поселений Западной Сибири, то смертность ее населения проанализирована еще явно недостаточно. Не определены числовые параметры ожидаемой продолжительности жизни в 1960–1980-е гг., слабо исследованы эпидемиологический переход как в Западной Сибири в целом, так и в ее регионах, специфика возрастной, мужской и женской смертности, ее отличия в сравнении РСФСР в целом. Недостаточно выявлены причинно-следственные взаимосвязи исторических условий и демографических показателей, что особенно важно именно для исторических работ.

Миграция. Советский период. Миграции, так же как рождаемость и смертность, долгое время находились вне поля зрения ученых. Исследователи, приступившие к изучению этой проблемы в конце 1950-х – начале 1960-х гг., сразу же столкнулись с вопросами теории и методики. В отличие от рождаемости и смертности, где ученые довольно рано попытались выявить особенности социалистического закона народонаселения, методологические и методические проблемы миграций первоначально практически не разрабатывались советской демографической наукой. Долгое время дискуссионным являлось даже само определение «миграций», содержательное наполнение этого термина. Отдельные ученые, вплоть до начала 1960-х гг., считали, что миграции в Советском Союзе носят организованный характер и не нуждаются в изучении. Отношение к индивидуальной, нерегулируемой миграции было настороженным, если не негативным.

Первоначально разработка вопросов миграции была связана с накоплением информации. Появились публикации, содержащие количественные характеристики пространственных перемещений населения, которые решали задачу восполнения базовых пробелов в знаниях. В практическом плане они использовались в народнохозяйственном планировании, например при составлении балансов трудовых ресурсов. Рост количества работ в 1960-е гг. в первую очередь коснулся региональных аспектов пространственных перемещений населения.

В работах начала 1960-х гг. А.Д. Кузнецова, П.Г. Подъячих, И.Ю. Писарева миграции упоминались эпизодически. Так, у А.Д. Кузнецова отмечен быстрый рост населения на востоке страны, в основном за счет миграций, отмечалась необходимость создания условий для перетока рабочей силы в восточные районы³²⁶. В книге П.Г. Подъячих миграция почти не упоминалась. В монографии И.Ю. Писарева ей уделено несколько страниц в контексте межрайонного перераспределения населения. Автор признает, что недостаток статистического материала позволил дать оценку миграциям лишь в самых общих чертах³²⁷.

В монографии М.Я. Сонины эта проблема была проработана глубже³²⁸. Ряд вопросов был поставлен ученым впервые. Прежде всего, он попытался определить виды миграций и выделить те из них, которые в первую очередь нуждаются в изучении. Причем основным фактором миграций он считал экономический, а конкретно – территориальное размещение производства. Ученый указал на необходимость исследования сельско-городских и межрайонных (экономическими районами) миграций. Им был отмечен важный факт, что перемещения населения в города носят объективный характер, вызваны интенсивным промышленным строительством и различиями в уровне жизни³²⁹.

Также он говорил о необходимости снижения концентрации населения в крупных городах из-за ухудшения санитарно-гигиенических условий и повышения нагрузки на социальную сферу. Подчеркнув неравномерности в размещении населения, особенно с точки зрения использования природных ресурсов, М.Я. Сонин отметил нерациональность миграционного обмена между центральными и восточными районами страны и важность увеличения количества жителей, проживающих в Сибири. Ученый расценил современные (на момент написания книги) миграционные тенденции как не соответствующие экономическим интересам общества, так как из Сибири людей выбывает больше, чем прибывает в нее³³⁰.

Если не принимать во внимание работ сибирских ученых, которые уже ко второй половине 1960-х гг. достигли крупных успехов в изучении темы (о чем будет сказано ниже), то серьезный всплеск интереса к пространственным перемещениям населения на центральном уровне произошел после Всесоюзной переписи 1970 г., когда впервые с 1926 г. в опросные листы были включены вопросы о миграции. У ученых появилась возможность сопоставить результаты переписей, выявить размеры механического прироста союзных республик и экономических районов страны. Межрайонные перемещения оказались одними из самых

³²⁶ Кузнецов А.Д. Трудовые ресурсы СССР и их использование. С. 142.

³²⁷ Писарев И.Ю. Народонаселение СССР (социально-экономический очерк). С. 110–114.

³²⁸ Сонин М.Я. Актуальные проблемы использования рабочей силы в СССР. М., 1965.

³²⁹ Там же. С. 121.

³³⁰ Там же. С. 127.

сложных для изучения, так как затрагивали широкий круг вопросов, связанных с развитием экономики и социальной сферы.

В 1970-е гг. усилилось внимание к районам нового освоения. Появились первые труды о приживаемости новоселов, их адаптации к новым условиям, в том числе на севере и востоке СССР. Практически все публикации этого времени рассматривали миграцию в контексте экономических проблем страны, в первую очередь обеспечения народного хозяйства рабочей силой. Исходя из этого, главными для изучения темами стали: чрезмерный отток сельского населения из трудонедостаточных районов и слабый – из трудоизбыточных; масштабная миграция из восточных районов; причины низкой приживаемости новоселов в городах; факторы миграций.

Появлению крупных монографических исследований предшествовало обсуждение вопросов миграций на конференциях разного уровня. В 1973 г. был опубликован сборник «Миграция населения РСФСР», выпущенный по материалам Всероссийской конференции «Научные основы рационального использования трудовых ресурсов», которая проходила в Москве (в 1971 г.). Так, в статьях Ю.А. Матвеева и А.З. Майкова отмечено, что в восточных районах оргнабор и сельскохозяйственные переселения играли несколько большую роль, чем в других районах республики³³¹. В статье В.А. Глазова, Е.С. Большаковой, Л.С. Барсуковой, В.Е. Родина были кратко проанализированы межрайонные и внутрирайонные перемещения населения в конце 1960-х гг., в том числе и в Сибири. Отмечен высокий отток населения из нее в Казахстан и Среднюю Азию. Миграционная убыль населения объяснялась тем, что в экономическом развитии Российской Федерации преобладали интенсивные факторы, тогда как во многих других республиках – экстенсивные, что приводило к росту у них потребности в трудовых ресурсах³³².

Авторами сборника был поставлен ряд актуальных вопросов миграционного движения населения. Они отметили, что основными недостатками современной внутренней миграции в РСФСР являются избыточные масштабы подвижности населения, гипертрофированный рост крупных и крупнейших городов, чрезмерный отток сельского населения, особенно молодежи, в города, миграционная убыль в восточных районах. Утверждалось, что решение проблем внутренней миграции возможно за счет правильного сочетания экономических, организационных и административных методов на основе использования главным образом

---

³³¹ Матвеев Ю.А. Организованный набор как одна из основных форм планового перераспределения рабочей силы // Миграция населения РСФСР: сб. науч. тр. М., 1973. С. 62–78; Майков А.З. Эффективность сельскохозяйственного переселения // Там же. С. 79–87.

³³² Глазов В.А., Большакова Е.С., Барсукова Л.С., Родин В.Е. Особенности межрайонной миграции населения в РСФСР // Миграция населения РСФСР: сб. науч. тр. М., 1973. С. 32–42.

внутренних экономических ресурсов республики³³³. Уже тогда были поставлены вопросы о необходимости концептуального осмысления причин и результатов миграций, так как проводимые исследования еще не вышли за пределы простых описаний.

Первой работой, где была осуществлена попытка разработать методологические и методические основы изучения миграций, стала монография Л.Л. Рыбаковского³³⁴. В понимании автора миграция являлась социально-экономическим явлением и возникла как прямое следствие развития производительных сил и общественных отношений. В его работе дана научная трактовка видов пространственных перемещений населения, постоянного и пришлого населения, перечислены методы исчисления миграционных процессов. Кратко рассмотрена история межрайонных и сельско-городских миграционных перемещений в России, начиная с дореволюционного периода³³⁵. Несомненной заслугой автора является квалификация (постоянные, временные и переменные) основных факторов миграций, оценка силы их действия. Л.Л. Рыбаковским была предложена методика определения интенсивности межрегиональных связей (КИМСы). Она позволяла сопоставить интенсивность обмена между регионами в относительном выражении, нивелируя отличия в численности населения и в абсолютных масштабах миграционных потоков³³⁶. Эта методика не нашла широкого применения вследствие трудоемкости и большого объема необходимых статистических данных, хотя и вызвала определенный интерес у ученых.

Основополагающие принципы изучения миграций были описаны в коллективной монографии «Миграции населения СССР» (М., 1974). В ней был поставлен ряд теоретико-методических вопросов анализа миграций: их мотивы, структура, типы, межполовые различия, статистические источники, регулирование. Дана оценка структуре и полноте материалов, собираемых и обрабатываемых органами статистики. Проанализированы основные тенденции миграций по союзным республикам и экономическим районам на основе данных Всесоюзной переписи 1970 г. При этом отмечено, что переписные материалы в силу своих недостатков лишь в небольшой степени могут быть использованы для анализа межтерриториальных пространственных перемещений населения.

Интересна и важна для изучения темы монография В.И. Переведенцева, опубликованная в Москве в середине 1970-х гг.³³⁷ Значительно повышало ее научную и практическую ценность то, что работа была выполнена на основе большого практического опыта автора, написана простым языком, легко читалась. Как и в ранее перечисленных трудах в ней были описаны

³³³ Зайцев В.Д. Проблемы моделирования миграции населения // Миграция населения РСФСР: сб. науч. тр. М., 1973. С. 3.

³³⁴ Рыбаковский Л.Л. Региональный анализ миграций. М., 1973.

³³⁵ Там же. С. 8–19.

³³⁶ Там же. С. 56–73.

³³⁷ Переведенцев В.И. Методы изучения миграции населения. М., 1975.

методы и источники изучения миграции, поставлены вопросы теории ее изучения. Автор монографии уделил должное внимание описанию современных ему миграций в СССР, широко привлекая материалы по Сибири. В.И. Переведенцев подчеркивал, что миграция, как сложный процесс, должна рассматриваться «на более широком фоне». Учет этого момента имел большое значение, так как перемещения населения административной области трудно интерпретировать без понимания процессов, происходивших в масштабах экономического района или республики в целом.

Ученый дал несколько иное, отличное от Л.Л. Рыбаковского, деление факторов миграций, разделив их на объективные и субъективные. Оценка их влияния на миграцию произведена для своего времени максимально объективно, по возможности без идеологических «шор». Кроме экономических большое внимание уделено другим причинам миграций, в частности социально-психологическим. Высокий интерес представляет анализ факторов межрайонных перемещений населения, проведенный в том числе на материалах Западной Сибири, где у В.И. Переведенцева накоплен большой опыт научной работы.

Заметное место в историографии миграций занимает исследование А.В. Топилина³³⁸. Главной задачей автора стало изучение результатов миграций на территории страны в 1959–1972 гг. и их роли в формировании трудовых ресурсов; факторов и механизмов межрайонного перераспределения населения. Ученый привлек довольно крупный объем материалов статистического учета. По этой причине ему удалось описать тенденции и размеры пространственных перемещений населения в рамках всего Советского Союза более чем за десятилетие, в том числе в союзных республиках. Он пришел к выводу, что интенсивность и направления межреспубликанской миграции в рассматриваемый период по-прежнему не всегда были рациональными и не везде способствовали сглаживанию различий в обеспеченности рабочей силой³³⁹.

При изучении сельско-городской миграции А.В. Топилиным было выявлено, что в 1960-е гг. по сравнению с предыдущим десятилетием ее интенсивность снизилась, однако объемы продолжали оставаться высокими в отдельных районах, особенно на востоке России. Отмечены большие межрайонные различия в активности людских перемещений, приоритетный рост населения больших городов по сравнению со средними и малыми. Автор пришел к заключению, что интенсивность миграции в городах разной величины на Европейском Севере, Урале, в Сибири и на Дальнем Востоке была выше, чем в центральных районах РСФСР³⁴⁰. По глубине анализа межрайонных миграционных связей это одна из самых крупных работ,

³³⁸ Топилин А.В. Территориальное перераспределение трудовых ресурсов в СССР. М., 1975.

³³⁹ Там же. С. 39.

³⁴⁰ Там же. С. 70.

опубликованных в СССР. Интересный предмет исследования был выбран В.А. Шпилюк. Ученый акцентировала свое внимание на изучении характера воздействия миграции на развитие национальных отношений в хозяйственной сфере, на общение на уровне семьи и в быту, на культуру и язык³⁴¹.

Схожее с вышеназванными трудами научное значение имеет коллективная монография Б.С. Хорева и В.Н. Чапека, в которой разрабатывались как методологические, так и практические вопросы пространственных перемещений населения. Впервые в отечественной науке рассмотрены исторические тенденции международных миграций³⁴². Как и другие советские демографы, авторы поставили перед собой задачу изучить возможности рационализации размещения трудовых ресурсов и рассматривали миграцию в качестве инструмента достижения высокой занятости. В книге традиционно уделено внимание взаимосвязи миграции и урбанизации, миграциям в восточных районах страны. При этом вновь актуализирован вопрос о необходимости проведения активной миграционной политики, о ее экономических, социальных и правовых аспектах³⁴³. Как и другие демографы, Б.С. Хорев и В.Н. Чапек согласились с тем, что теория миграционного движения еще недостаточно разработана.

В книге много внимания уделено уточнению понятия «миграция» в связи с дискуссиями о необходимости включения в нее маятниковой или сезонной миграции, внутригородских перемещений. Автор приходит к интересному выводу, что по мере прогресса общества миграционное движение становится все более востребованным и, как правило, усиливается. Несмотря на действия государственных органов, нацеленных на ограничение людских перемещений, нет оснований считать, что они могут быть полностью устранены. При этом миграционная подвижность населения СССР оставалась еще довольно ограниченной в сравнении с США и некоторыми ведущими западными странами. Большое внимание уделено методике сбора статистической информации о передвижениях населения. Описаны источники сведений о миграции, в том числе краткая история становления статистического учета. Показаны недостатки его организации, перечислены меры по улучшению работы государственных органов³⁴⁴.

В другой коллективной монографии «Сдвиги в размещении населения СССР» (М., 1976) большое внимание уделено практической стороне вопроса. Ее авторы – Б.С. Хорев и В.М. Моисеенко сосредоточились на изучении перемещений населения в городских поселениях. Отмечая, что по тематике миграций опубликовано уже немало работ, они

³⁴¹ Шпилюк В.А. Межреспубликанская миграция и сближение наций в СССР. Львов, 1975.

³⁴² Хорев Б.С., Чапек В.Н. Проблемы изучения миграции населения: стат.-геогр. очерки. М., 1978. 254 с.

³⁴³ Там же. С. 194–198.

³⁴⁴ Там же. С. 67–85.

указывали на то, что по-прежнему мало внимания уделялось межгородской миграции. Ими было установлено, что мобильность сельского населения на четверть выше, чем городского. При этом отрицательное сальдо у сельского населения обусловлено низким притоком городских жителей в сельскую местность. Росту миграционной мобильности горожан не способствовала концентрация городского населения в крупных городских центрах³⁴⁵. Экономический подъем последних создавал условия для притока как сельских жителей, так и населения малых и средних городов.

Также слабо был проработан вопрос миграционных перемещений конкретно в больших городах. Ученые не без оснований утверждали, что миграция в крупных городах выражает «природу миграционных процессов городского населения в целом и характеризуется одновременно специфическими для них свойствами». В монографии отмечено, что с повышением размеров городов увеличивается доля прибывших из других городских поселений и сокращается – сельских жителей. Кроме того, с ростом величины города растет доля мигрантов из городских поселений с населением 100,0 тыс. и выше.³⁴⁶ Удельный вес крупных городов в миграционном приросте в 1960–1974 гг. последовательно увеличивался, и это без учета пригородов. В монографии установлено, что с ростом размеров города соотношение механического и естественного приростов в повышении численности населения менялось, роль миграций и административных преобразований повышалась. Доля средних городов в миграционном потоке оказалась достаточно низкой, в основном из-за небольшой численности населения, однако их роль оказалась заметно выше, чем малых городов, особенно поселков городского типа, где население в отдельные годы даже убывало³⁴⁷.

В 1980-е гг. миграции продолжали рассматриваться в неразрывной связи с экономическим контекстом, в рамках прироста или сокращения трудовых ресурсов, рационального распределения рабочей силы и, следовательно, сбалансированного развития экономики. Проблемное поле исследований расширилось за счет изучения качественной стороны миграции, например ее воздействия на образовательный уровень населения³⁴⁸. На передний план вышли вопросы управления пространственными перемещениями. Стали анализироваться негативные стороны миграционной убыли из центральных районов страны, например, ускоренное старение населения, что приводило к снижению естественного прироста. Поднимались вопросы о необходимости повышения мобильности людей в регионах с большой долей сельского населения. Одновременно продолжали изучаться возможности стабилизации населения в европейских районах. Вместе с тем на качество исследований отразились

---

³⁴⁵ Хорев Б.С., Моисеенко В.М. Сдвиги в размещении населения СССР. М., 1976. С. 57.

³⁴⁶ Там же. С. 63.

³⁴⁷ Там же. С. 69–70.

³⁴⁸ Загробская А.Ф. Миграция, воспроизводство и уровень образования населения. Киев, 1982.

введенные ограничения на публикацию данных текущего учета со второй половины 1970-х гг., которые продержались вплоть до второй половины 1980-х гг.

В центре внимания демографов продолжали оставаться последние тенденции территориальных перемещений населения. Так, в работе Г.С. Вечканова все союзные республики были разделены степени интенсивности сельско-городских миграций на три группы³⁴⁹. В первую из них с высокой мобильностью населения отнесены Белоруссия, Казахстан, Литва и Молдавия. РСФСР, так же как и Украина, Латвия, Киргизия и Эстония была отнесена ко второй группе. Низкой интенсивностью миграций отличались закавказские и среднеазиатские (кроме Киргизии) республики. Г.С. Вечканов отметил, что миграционная подвижность населения не повысилась, как указывали некоторые исследователи, а сохранилась на прежнем уровне из-за концентрации населения в крупных городах, жители которых обладали меньшей мобильностью, а также выравнивания условий жизни и труда. В 1970-е гг. объемы миграционного прироста городских поселений за счет сельской местности сократились, хотя оставались еще значительными. Причем выросли масштабы переселений из городов в сельскую местность. Так, строительство в малых и средних городах филиалов предприятий повысило занятость местных трудовых ресурсов и затормозило отток населения. Как и другие ученые, Г.С. Вечканов рассматривал миграцию в контексте экономической целесообразности и развития народного хозяйства страны, много внимания уделяя разработке и внедрению механизмов ее сдерживания. Ученый отметил, что если в 1960-е гг. в Сибири наблюдался значительный отток трудовых ресурсов, то в следующем десятилетии у нее образовалось положительное сальдо³⁵⁰.

Специфику управления территориальными перемещениями населения рассмотрела В.М. Моисеенко³⁵¹. В ее работе обзорно проанализированы исторические тенденции миграционных процессов, в том числе с учетом развития производительных сил. Ученый выделила звенья управления миграцией, определила цели и задачи миграционной политики, описала исторические аспекты ее становления. Она пришла к выводу, что в современных условиях управление могло осуществляться путем размещения производительных сил, изменения уровня жизни и заработной платы, контроля над общественно организованными формами миграций, посредством пропаганды и агитации и т.д.³⁵² В своей работе исследователь пришла к выводу, что наиболее эффективными методами регулирования являлись льготы и надбавки к заработной плате.

³⁴⁹ Вечканов Г.С. Миграция трудовых ресурсов в СССР. Политико-экономический аспект. Л., 1981.

³⁵⁰ Там же. С. 56.

³⁵¹ Моисеенко В.М. Территориальное движение населения. Характеристика и проблемы управления. М., 1985.

³⁵² Там же. С. 97–99.

В коллективной монографии Л.В. Макаровой, Г.Ф. Морозовой и Н.В. Тарасовой проанализированы ключевые тенденции региональных передвижений населения в СССР за два с половиной десятилетия (1960–1985 гг.)³⁵³. Так же как и в других исследованиях в книге была осуществлена попытка распределить все административные образования на несколько категорий, которые отличались признаками, характерными только для них. Кратко рассмотрены тенденции миграции в Сибири и на Дальнем Востоке. Большинство восточных районов страны отнесены к категории, где приживаемость новоселов являлась минимальной. Административные единицы этой группы характеризовались высокой интенсивностью миграций и мобильностью населения. Сделан важный вывод, что, несмотря на существенные материальные вливания со стороны государства в улучшение социальной инфраструктуры, повышение уровня доходов населения, условия жизни на востоке России продолжали оставаться менее благоприятными, хотя меры поддержки позволили в определенной мере снизить миграционные потери местного населения³⁵⁴.

В своей новой монографии, вышедшей в 1987 г., Л.Л. Рыбаковский впервые озвучил теорию трех стадий формирования миграций³⁵⁵. Ученым был обобщен опыт изучения переселенческих процессов, начиная с досоветского времени, в том числе послевоенных миграций в Сибири и на Дальнем Востоке. В результате была сформулирована теория миграционного процесса, которая включила в себя три стадии: 1) формирование территориальной подвижности; 2) непосредственно миграцию; 3) приживаемость мигрантов на новом месте. Эти стадии были последовательными и тесно взаимосвязанными³⁵⁶. Теория получила признание, так как охватила ключевые звенья миграционного процесса.

В работе Д.Д. Москвина кратко подведены итоги миграционных процессов в СССР. В отличие от предшествующих работ, в которых сделан упор на описании пространственных перемещений в республиках или на востоке СССР, в книге автора рассмотрены миграционные тенденции непосредственно в экономических районах, а также их взаимодействие друг с другом. Судя по тексту, автором описаны тенденции миграций в 1960–1970-е гг.³⁵⁷

Историки стали изучать миграционные процессы в масштабах всей страны достаточно поздно. К тому времени данная проблема была уже неплохо разработана демографами. Пространственные перемещения, непосредственно примыкающие к исследуемому нами

---

³⁵³ Макарова Л.В., Морозова Г.Ф., Тарасова Н.В. Региональные особенности миграционных процессов в СССР. М., 1986.

³⁵⁴ Там же. С. 41–50.

³⁵⁵ Рыбаковский Л.Л. Миграция населения: прогнозы, факторы, политика. М., 1987.

³⁵⁶ Там же. С. 33–34.

³⁵⁷ Москвин Д.Д. Население СССР: вопросы миграции (экономико-статистический обзор тенденций 60-х – 80-х гг.). М., 1991.

периоду, историками стали изучаться в основном в 1980-е гг.³⁵⁸ Этапы и направления сельскохозяйственных переселений в послевоенный и восстановительный периоды рассматривались О.М. Вербицкой³⁵⁹.

В уже неоднократно упомянутой работе «Население СССР за 70 лет» (М., 1988) специальный раздел был посвящен главным закономерностям миграций на разных исторических этапах развития страны. В книге рассмотрены количественные характеристики пространственных перемещений населения, в том числе затронута история миграций в восточных районах. В ней в основном были перечислены положения, озвученные еще в предыдущих исследованиях³⁶⁰. Во многом это произошло потому, что авторами коллективной монографии являлись сами демографы, уже много лет работающие в этом проблемном поле (Л.Л. Рыбаковский, Ж.А. Зайончковская).

Миграция. Советский период (восточные районы). Активное изучение миграций населения в СССР в целом началось позднее, чем в Сибири. Уже в 1960-е гг. ясно обозначился отток трудовых ресурсов из сельской местности европейской части РСФСР, Северного Казахстана, из Сибири, прежде всего, Западной. У многих предприятий, расположенных на востоке России, возникли кадровые проблемы, появились риски для реализации государственных программ экономического развития. Это актуализировало необходимость изучения территориального размещения трудовых ресурсов, и, следовательно, региональных аспектов миграций. Итак, серьезные работы в этой области во многом были вызваны практическими интересами, так как было важно понять причины появления у людей желания мигрировать. Сибиряки стали интенсивно работать над понятийным аппаратом, методами исследований миграций.

Одним из первых к детальному изучению проблем миграций приступил В.И. Переведенцев. В его работах передвижения населения в восточных районах страны анализировались, прежде всего, в экономическом контексте³⁶¹. Непосредственно западносибирским миграциям в 1959–1963 гг. (в административных границах тех лет, то есть без Тюменской области) посвящена небольшая монография. В ней ученый говорит о важности изучения закономерностей перемещений населения для повышения эффективности территориального размещения трудовых ресурсов. Рассматривая этапы пространственных передвижений, В.И. Переведенцев в отличие от других демографов ставит под вопрос

³⁵⁸ См., например: Аникин В.В. К вопросу о миграциях населения в городах РСФСР в 1950–1956 гг. // Вопросы истории. 1981. № 12. С. 56–65.

³⁵⁹ Вербицкая О.М. Основные этапы и направления сельскохозяйственных переселений в 1945–1958 гг. // Проблемы исторической демографии СССР (период социализма): сб. ст. Кишинев, 1985. С. 52–59.

³⁶⁰ Население СССР за 70 лет. С. 55–74.

³⁶¹ Переведенцев В.И. Современная миграция населения Западной Сибири. Новосибирск, 1965; Переведенцев В.И. Миграция населения и трудовые проблемы Сибири. Новосибирск, 1966; Зайончковская Ж.А., Переведенцев В.И. Современная миграция населения Красноярского края. Новосибирск, 1964.

утверждение о значительном миграционном приросте Западной Сибири в период с 1926 по 1959 гг.³⁶² Интенсивные миграции действительно имели место, но они оказали серьезное воздействие на распределение населения непосредственно внутри западносибирских регионов. Он первым указал на проблему оттока трудовых ресурсов из Западной Сибири, проанализировал ее причины и экономические последствия для разных отраслей народного хозяйства. В.И. Переведенцевым был получен вывод о том, что Сибирь выступала донором по отношению ко всем, кроме Белоруссии, республикам Советского Союза³⁶³.

В монографии дана подробная характеристика миграции населения. По коэффициентам выбытия и прибытия Западная Сибирь заняла одно из первых мест в республике, причем отмечена значительная внутрорегиональная дифференциация по данному параметру. Впервые проанализированы людские перемещения между экономическими районами. Выявлены места выхода мигрантов, их доли в совокупном сальдо миграции. Немало места в монографии отведено анализу миграционного взаимодействия внутри Западной Сибири. Исследователь впервые попытался выделить и проанализировать факторы миграции населения, причем он заметил, что они взаимосвязаны и взаимообусловлены, часто переплетаются между собой. Поскольку это была первая попытка подобного рода, то некоторые факторы рассмотрены поверхностно или выпали из поля зрения ученого. Среди них самыми важными стали: совокупный средний доход; жилищные условия; социально-культурный уровень³⁶⁴. Среди причин миграций из деревни, например, была указана высокая загруженность колхозников в сельском хозяйстве, значительно превосходящая таковую в центральных районах страны. Поставлены вопросы о путях и методах рационализации миграционных потоков. Работа внесла важнейший вклад в изучение миграций в Западной Сибири, многие ее аспекты были исследованы впервые, поставлен ряд новых проблемных вопросов.

Во второй монографии В.И. Переведенцев расширил территориальные рамки исследования. В этой книге нашли отражение не только последние выводы ученого, но также добавлено много новой информации, касающейся Восточной Сибири и Сибири в целом. Исследователь заключил, что в начале 1960-х гг. Сибирь имела отрицательное сальдо миграции, несмотря на то, что сюда в общественно-организованном порядке направлялось значительное количество трудовых ресурсов. Положительное сальдо имели только Иркутская область, Красноярский край и Бурятская и Тувинская АССР³⁶⁵. Рост городского населения происходил почти исключительно за счет местного сельского населения. Межгородской обмен складывался не в пользу сибирских городов. Для Сибири была характерна высокая

---

³⁶² Переведенцев В.И. Современная миграция населения Западной Сибири. С. 9.

³⁶³ Там же. С. 35.

³⁶⁴ Там же. С. 62–78.

³⁶⁵ Там же. С. 37.

подвижность населения, но специфики в половом и возрастном составе мигрантов не было обнаружено³⁶⁶. Доля общественно организованной миграции оказалась очень низкой, а миграционные потоки в решающей степени формировались за счет индивидуальных перемещений³⁶⁷.

Поставленные В.И. Переведенцевым проблемы вызвали большой интерес среди ученых и послужили толчком для новых исследований. К примеру, миграция сельского населения повлекла за собой не только количественное, но и качественное снижение трудового потенциала села. В связи с этим ученых заинтересовали мотивы, побуждающие людей покидать места постоянного жительства. В итоге сельско-городская миграция стала важнейшим направлением миграционных исследований.

Так, группа исследователей под руководством Т.И. Заславской стала изучать теоретические и практические вопросы перемещений населения в сельской местности, проблемы обеспечения деревни рабочей силой, направления и социально-профессиональную структуру миграционных потоков³⁶⁸. В результате была выпущена коллективная монография, где были подведены итоги многолетних социологических обследований формирования трудовых ресурсов села и миграции сельских жителей в Новосибирской области. Впервые было осуществлено детализированное исследование перемещений сельских жителей, определены количественные характеристики этого процесса.

Много внимания было уделено субъективным оценкам, суждениям людей об условиях труда и жизни как причинам миграции, то есть, по сути, миграционному поведению. Такой подход, как говорилось выше, уже получил распространение при изучении рождаемости, а потом и смертности. Работа во многих отношениях стала новаторской, так как в отличие от рождаемости теоретическая и методическая база изучения миграций такими методами еще не была апробирована. Результаты монографии неоднократно цитировались во всех ведущих отечественных публикациях, так как они значительно углубили существующие знание, до этого базировавшееся исключительно на количественных параметрах. Авторы исследования сделали немало интересных выводов о размерах внутрисельской миграции; роли городов разных размеров в оттоке сельского населения; социальном составе мигрантов³⁶⁹. Эти выводы оказали глубокое влияние на последующие научные изыскания в этой области и дали возможность лучше оценить воздействие миграций на развитие аграрной сферы и сельского расселения. Идеи авторов коллективной монографии получили продолжение в статьях сборника

---

³⁶⁶ Переведенцев В.И. Современная миграция населения Западной Сибири. С. 71.

³⁶⁷ Там же. С. 81.

³⁶⁸ Миграция сельского населения: цели, задачи и методы регулирования. Новосибирск, 1969; Миграция сельского населения. М., 1970.

³⁶⁹ Миграция сельского населения. С. 137–145.

«Социально-экономическое развитие села и миграция населения» (Новосибирск, 1972). Эти работы оказались достаточно близки по своему содержанию. В них рассматривались проблемы потенциальной и реальной миграции, адаптации мигрантов к условиям жизни в городе, миграционные планы сельской молодежи.

Кроме причин, объемов и направлений миграций внимание ученых привлекли их конечные результаты. В 1970-е гг. была опубликована работа, в которой автор обратилась к такой малоизученной проблеме, как приживаемость мигрантов. Ж.А. Зайончковская на основе информации о 50 тыс. мигрантов Новосибирской области, Красноярского и Алтайского краев попыталась установить, насколько прочно они адаптируются в местах вселения, раскрыть факторы, обуславливающие уровни приживаемости. Ученый признает, что поскольку методология и методика изучения этого явления еще не были разработаны, ей пришлось самостоятельно работать над этими компонентами³⁷⁰. Ж.А. Зайончковской было установлено, что приживаемость мигрантов оказалась сильно дифференцированной в зависимости от демографических, возрастных или социальных характеристик. Успех адаптации напрямую зависел от степени удовлетворенности новыми условиями жизни³⁷¹.

В получившей широкую известность коллективной монографии Е.Д. Малинина и А.К. Ушакова изучению миграционных процессов в Сибири отведено много места. Ученые в значительной степени пришли к тем же выводам, что и их предшественники. Проанализированы количественные характеристики миграционного движения, вычислены потери Сибири за счет оттока населения за достаточно длительный период времени – с 1961 по 1973 гг., выделены области, которые в наибольшей степени пострадали от механической убыли. Авторы обратили внимание на то, что начиная с первой половины 1970-х гг. миграционные потери сибирских регионов уменьшились³⁷². В монографии определена интенсивность миграционного взаимодействия (на 10 тыс. чел.) с основными экономическими районами РСФСР. Ученые обнаружили, что механический прирост городских поселений в Западной Сибири продолжал оставаться ниже, чем в республике в целом, несмотря на высокую мобильность местного населения. Исходя из этого, сделан вывод о низкой экономической эффективности миграции и слабой приживаемости новоселов. На основе расчетов выяснилось, что города в результате межрайонной миграции теряли свое население, а прирост происходил исключительно за счет сибирской сельской местности. Рассмотрены некоторые особенности миграций в пределах собственно административных образований Сибири в 1966–1970 гг., в том числе в районах нового освоения³⁷³.

---

³⁷⁰ Зайончковская Ж.А. Новоселы в городах (методы изучения приживаемости). М., 1972. С. 7–8.

³⁷¹ Там же. С. 162.

³⁷² Малинин Е.Д., Ушаков А.К. Население Сибири. С. 42.

³⁷³ Там же. С. 60–68.

Сходное с коллективной монографией Е.Д. Малинина и А.К. Ушакова значение имеет работа В.В. Воробьева, в которой проанализирована миграция в Восточной Сибири, в ее административных образованиях, в городских поселениях и в сельской местности, специфика межрайонных перемещений населения, возрастной, половой и национальный состав мигрантов³⁷⁴.

Сложной динамике развития сельско-городских перемещений посвящено исследование Л.В. Корель. В ее монографии в основном на материалах Новосибирской области показаны новые тенденции сельско-городских перемещений в 1970-е гг.³⁷⁵ Примечательно, что в ее работе сельская местность уже не рассматривается как нечто однородное, а распределена на три группы (неурбанизированные, малоурбанизированные и урбанизированные). Такой подход являлся своеобразным отражением последних достижений в урбанистике, где был сделан упор на исследовании городского расселения, а не только городских поселений. Л.В. Корель отметила, что в урбанизированных районах сельско-городская миграция была направлена преимущественно в малые и средние города, тогда как в наименее урбанизированных – в крупные. По мере роста уровня урбанизации повышались встречные потоки миграций, которые становились более сбалансированными³⁷⁶.

В наименее урбанизированных районах отрицательное сальдо миграции являлось максимальным. Это происходило вследствие того, что уровень урбанизации сельской местности отражал степень развития городского образа жизни и городской инфраструктуры. Повышение привлекательности села для горожан было обусловлено его интенсивным в последние годы социальным и экономическим развитием, ростом материального благосостояния сельских жителей, возникновением трудностей со снабжением городов продовольственными товарами. К тому же в селах с развитой производственной и социальной инфраструктурой увеличилась потребность в высококвалифицированных специалистах, которым теперь могли предложить комфортные условия проживания и работы, близкие по качеству к городским. Одновременно с этим сельский образ жизни имел и свои положительные стороны, которые заключались в близости к природе, в чистоте воздушной и водной среды³⁷⁷.

Среди работ 1980-х гг. следует отметить вышедшую в 1987 г. монографию «Социально-экономическое развитие сибирского села». Ее авторы проанализировали тенденции сельско-городских миграций за достаточно длительный период времени начиная с 1960-х гг. Так же как и ранее Л.В. Корель, они заметили снижение интенсивности перемещений сельских жителей в

³⁷⁴ Воробьев В.В. Население Восточной Сибири (современная динамика и вопросы прогнозирования). Новосибирск, 1977.

³⁷⁵ Корель Л.В. Перемещения населения между городом и селом в условиях урбанизации. Новосибирск, 1982.

³⁷⁶ Там же. С. 183.

³⁷⁷ Там же. С. 185.

города, согласившись с тем, что причиной тому послужило повышение материального благополучия сельского населения, улучшение оценок сельского образа жизни. Причем в десятой пятилетке по сравнению с девятой отрицательное сальдо миграции западносибирского села сократилось значительно больше, чем в целом по республике. Падению объемов оттока способствовал также значительный приток населения из южных республик Советского Союза, благодаря чему в значительной степени снизился спрос на рабочую силу в городах³⁷⁸.

Изучение переселений на востоке страны с исторических позиций началось довольно давно. В силу своего высокого экономического и внутривластного значения еще в имперский период подробно изучались аграрная колонизация восточных районов. В советское время этапы заселения Сибири до революции рассматривались в трудах В.В. Покшишевского, В.И. Шункова³⁷⁹. В советское время частные вопросы миграций нашли отражение в работе Н.И. Платунова, посвященной переселенческой политике советского государства³⁸⁰.

Миграции советского периода были впервые затронуты в статьях А.С. Московского, В.И. Исаева и А.А. Николаева, опубликованных в разных тематических сборниках. В них в общих чертах были показаны демографические тенденции в довоенной Сибири, отмечена высокая роль механического прироста на начальных стадиях урбанизации, особенно при пополнении численности жителей некоторых крупных городов³⁸¹. Отдельные аспекты сельских миграций в Западной Сибири в 1960-е гг. рассматривались в диссертации Н.Е. Шишкиной³⁸².

Развернутый анализ миграционного движения населения осуществлен в совместной монографии А.С. Московского и В.А. Исупова³⁸³. В ней выявлены масштабы миграций в городские поселения в годы сталинской индустриализации, в том числе в разрезе отдельных административных образований, основные тенденции пятилеток, показаны специфика Западной и Восточной Сибири и роль административных преобразований в механическом приросте. Авторы подчеркнули, что значение миграций в пополнении контингентов сибирских горожан было выше, чем в среднем по стране. Они пришли к заключению, что чем восточнее находился регион, тем ниже была роль естественного прироста в увеличении городского

³⁷⁸ Социально-экономическое развитие сибирского села. Новосибирск, 1987. С. 73.

³⁷⁹ Покшишевский В.В. Заселение Сибири (историко-географические очерки). Иркутск, 1951; Шунков В.И. Очерки по истории колонизации Сибири в XVII – начале XVIII века. М.; Л., 1946.

³⁸⁰ Платунов Н.И. Переселенческая политика советского государства и ее осуществление в СССР (1917 – июнь 1941 г.). Томск, 1976.

³⁸¹ Исаев В.И., Московский А.С., Николаев А.А. Социальные и географические источники роста городского населения Сибири в период социалистической индустриализации // Хозяйственное освоение Сибири и рост ее народонаселения (XVIII–XX вв.): Бахрушин. Чтения 1979 г.: сб. науч. тр. Новосибирск, 1979. С. 3–11; Они же. Формирование городского населения Сибири в период строительства социализма // Проблемы исторической демографии СССР: сб. ст. Томск, 1980. С. 66–77.

³⁸² Шишкина Н.Е. Сельское население Западной Сибири в 1959–1970 гг. (изменение численности и состава): дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1986.

³⁸³ Московский А.С., Исупов В.А. Формирование городского населения Сибири (1926–1939 гг.). Новосибирск, 1984.

населения. Доля естественного прироста была ниже также в тех городах, где уровень индустриального развития был высоким. Большой интерес представляли разделы монографии, где авторы проследили территориальные источники пополнения рабочих кадров. Проанализировав значительный массив статистических данных они, как и другие демографы, пришли к выводу, что роль несибирских регионов в росте численности городских жителей была невысокой³⁸⁴.

Особенно большое значение для нашей работы имело исследование В.А. Исуповым миграций послевоенного периода. Заслуживают внимания расчеты количественных параметров и интенсивности миграций в городах Западной Сибири в 1950-е гг., в том числе на уровне областей и краев. Ученый указал на значительное сокращение доли сельско-городских миграций и на рост перемещений между городами, а также на низкую приживаемость мигрантов из городских поселений. Весьма познавательным оказался материал, посвященный межрайонным перемещениям населения. Тенденции, выявленные в 1950-х гг., во многом сохранили свою силу и в следующем десятилетии. В.А. Исупов пришел к выводу, что сальдо миграции Сибири в 1946–1959 гг. оказалось положительным. Большое внимание было уделено нормативно-законодательным и экономическим причинам миграционных процессов, отмечен рост индивидуальных перемещений и снижение роли организованных переселений³⁸⁵.

Миграция. Постсоветский период. В это время научный интерес к пространственным перемещениям продолжал оставаться на высоком уровне. Исследования по теме получили дополнительный импульс в связи с крупными переменами, произошедшими в направлении и масштабах миграционных потоков в бывших союзных республиках³⁸⁶. После распада Советского Союза, в 1990-е гг., демографические тренды в России претерпели существенную трансформацию. Социально-экономический кризис, распад СССР на независимые государства, военные конфликты, формирование рыночных отношений и политическая нестабильность, резкий рост межрайонной дифференциации в уровне доходов немедленно отразились на миграционных процессах. Внимание ученых приковали новые формы пространственных перемещений населения, например международные миграции, в том числе с бывшими советскими республиками, нелегальные, вынужденные, трансграничные. С большим интересом изучалось влияние миграций на рынок труда, социальную устойчивость общества.

³⁸⁴ Московский А.С., Исупов В.А. Формирование городского населения Сибири (1926–1939 гг.). Новосибирск, 1984. С. 65.

³⁸⁵ Исупов В.А. Городское население Сибири: от катастрофы к возрождению (конец 30-х – конец 50-х гг.). С. 255.

³⁸⁶ См., например: Миграционная ситуация в странах СНГ: сб. ст. М., 1999; Миграционные процессы в Азиатско-Тихоокеанском регионе: история, современность, практики взаимодействия и регулирования: сб. тр. между. науч.-практ. конф., 10–12 ноября 2015 г. Владивосток, 2015; Миграционные процессы в трансформируемом обществе: сб. ст. М., 1997; Рыбаковский Л.Л., Карпова Ю.Ю. Россия и Украина: миграционный обмен населением. М., 2004; Топилин А.В. Миграционный обмен и занятость населения в СНГ. М., 2001; Трансформация миграционных процессов на постсоветском пространстве. М., 2009; Глобальные демографические проблемы современности: миграции и миграционная политика: сб. ст. М., 2011.

К исследованию проблемы подключились специалисты из широкого спектра общественных наук.

Заинтересованность в исследовании миграции населения в 1960–1980-е гг. существенно снизилась. В большинстве постсоветских работ проблемы этого периода, если и находили свое отражение, то лишь в краткой и обзорной форме, как вступление к основной теме. Среди них можно отметить труды Л.Л. Рыбаковского, Г.С. Витковской, Ж.А. Зайончковской, В.А. Ионцева, Е.С. Красинца³⁸⁷. Например, в крупной коллективной монографии «Россия и ее регионы в XX веке: территория – расселение – миграции» (М., 2005) изучение миграций в 1990-е гг. предварялось кратким анализом миграционных закономерностей предшествующего межпереписного периода (1979–1989 гг.)³⁸⁸. Некоторым преимуществом таких работ являлся более объективный, с учетом новых реалий постсоветской России, неангажированный взгляд на проблематику. В редких случаях миграции советского периода анализировались подробнее. Это относится, например, к монографии «Трансформация миграционных процессов на постсоветском пространстве» (М., 2009), где пространственные перемещения в бывших союзных республиках проанализированы с момента присоединения к Российской империи.

В 1990-е гг. открылись широкие возможности по привлечению источников, в том числе статистических данных. Облегчение доступа к материалам государственных архивов послужило отправным пунктом для многих историков, которые стали разрабатывать темы, раньше ими почти не затронутые. Получили распространение работы по проблемам принудительных миграций³⁸⁹. В широко известной работе «Население России в XX веке» (М., 2000–2012), благодаря новым источникам, авторы смогли проанализировать и сравнить тенденции миграций за длительный период времени, обстоятельнее рассмотреть их тенденции в административно-территориальном контексте, сделать широкие исторические обобщения. Некоторые ранее малоизученные аспекты подверглись развернутому анализу, например, влияние административных ограничений (правил прописки – выписки) на мобильность населения, сокращение городского населения в отдельных районах и городах³⁹⁰.

Появились публикации, которые с новых позиций рассматривали сельско-городские миграции. Так, О.В. Горбачев в своей монографии обосновывает необходимость разделения миграций довоенного и послевоенного периодов³⁹¹. Если в годы первых пятилеток они были

³⁸⁷ Витковская Г.С. Вынужденная миграция: проблемы и перспективы. М., 1993; Зайончковская Ж.А. Домой в Россию // ЭКО. 1993. № 1. С. 81–88; Ионцев В.А. Международная миграция населения: теория и история изучения. М., 1999; Красинец Е.С. Международная миграция населения в России в условиях перехода к рынку. М., 1997.

³⁸⁸ Россия и ее регионы в XX веке: территория – расселение – миграции. М., 2005. С. 388.

³⁸⁹ См., например: Земсков В.Н. Спецпоселенцы в СССР, 1930–1960. М., 2003; Полян П.М. Не по своей воле...: история и география принудительных миграций в СССР. М., 2001.

³⁹⁰ Население России в XX веке: исторические очерки: в 3 т. Т. 3, кн. 1. 1960–1979. С. 107–118.

³⁹¹ Горбачев О.В. На пути к городу: сельская миграция в Центральной России (1946–1985 гг.) и советская модель урбанизации. М., 2002.

инспирированы мероприятиями центральных государственных органов и носили во многом вынужденный характер, то после войны урбанистические настроения у переселенцев были выражены гораздо сильнее, что косвенно указывает на утрату ими признаков сельского менталитета. Ученый глубоко проанализировал повышение мобильности сельских жителей, назвав в качестве его главной причины постепенный отход от традиционного крестьянского мировоззрения к более современному урбанизованному. Исходу из деревни благоприятствовали не только ограничения лично-подсобных хозяйств, укрупнение сельских населенных пунктов и низкая материальная и социальная обеспеченность сельских жителей, но также укрупнение колхозов, преобразования колхозов в совхозы, ужесточение налоговой системы. Автор отмечает, что отток населения в города был объективным явлением, характерным для урбанизирующегося общества, а советская аграрная политика являлась лишь специфическим проявлением этого процесса с предсказуемыми результатами³⁹².

В работах О.М. Вербицкой миграционная проблематика исследовалась в качестве важной причины изменения численности сельского населения в 1939–1959 гг. Ученый отметила, что в послевоенный период действие административных механизмов прикрепления крестьян к колхозам ослабло, и это способствовало росту интенсивности перемещений сельского населения в города. Много внимания было уделено анализу организованных форм переселений и их роли в уменьшении численности сельских жителей. Отмечено, что одной из причин миграций жителей деревни в город стал низкий уровень механизации сельскохозяйственных работ. Эта же причина тормозила приток квалифицированных городских кадров. Показаны негативные последствия оттока молодежи для половозрастного состава сельского населения, его естественного прироста³⁹³.

Миграция. Постсоветский период (восточные районы). В Сибири, как и в России в целом, ученые в постсоветский период пошли по пути изучения ранее плохо исследованных тем. Одна часть исследователей сосредоточилась на широких исторических обобщениях, другая часть, на основе накопленного опыта изучения миграции, сконцентрировала свое внимание на ее региональных аспектах, других ученых привлекли вопросы миграций в годы войн и социальных кризисов. Например, Н.Н. Аблажей сконцентрировалась на изучении проблем депортаций народов и трансграничных перемещений населения в 1920–1950-е гг.³⁹⁴

³⁹² Горбачев О.В. На пути к городу: сельская миграция в Центральной России (1946–1985 гг.) и советская модель урбанизации. М., 2002. С. 98.

³⁹³ Вербицкая О.М. Российское крестьянство: от Сталина к Хрущеву (сер. 40-х – начало 60-х гг.). М., 1992; Вербицкая О.М. Население российской деревни в 1939–1959 гг.: проблемы демографического развития. М., 2002.

³⁹⁴ Аблажей Н.Н. С востока на восток: Российская эмиграция в Китае. Новосибирск, 2007; Она же. Репатриация этнических спецпоселенцев из СССР в «страны народной демократии» в 1955 году // Вестник Новосибирского государственного университета. 2011. № 10. С. 81–85. Она же. Депортации из СССР периода Большого Террора // Исторический курьер. 2019. № 1. С. 1–16.

Л.В. Занданова в своей монографии, на основе впервые введенных в научный оборот источников, проанализировала историю сельскохозяйственных переселений в Азиатскую Россию в послевоенный период³⁹⁵. В книге рассматриваются организованные формы миграций, изучается их влияние на развитие аграрного хозяйства, деятельность государственных органов по организации и обустройству переселенцев. В монографии сделан вывод, что организованные переселения имели историческую преемственность с предыдущим довоенным периодом, выступив в качестве инструмента государственной политики, нацеленной на подъем производительных сил страны. Эта политика проводилась с целью восполнения трудовых ресурсов сибирского села. С помощью организованных переселений шло восстановление аграрного производства, укреплялась местная зерновая и животноводческая базы. Л.В. Занданова приходит к выводу, что влияние переселений на демографическую сферу сибирского села оказалось значительным, в том числе на естественный прирост его населения³⁹⁶.

Проблемы миграции в Западной Сибири в 1960-е гг. рассматривались в статье Т.А. Галкиной³⁹⁷. Автор поставила цель выявить главные причины сильного оттока населения в 1960-е гг. В центре внимания оказались северные районы Тюменской и Томской областей, где приживаемость новоселов была особенно низкой. Общие тенденции миграций в Сибири рассмотрены в работах Н.Я. Гущина. Если раньше историки рассматривали отдельные периоды или исторические сюжеты, то Н.Я. Гушин сосредоточился в основном на обобщении итогов демографического развития Сибири. Он попытался реконструировать целостную картину произошедших в 1960–1980-е гг. перемен в демографической сфере, в комплексе рассмотрев рождаемость, смертность и миграцию³⁹⁸. Ученый также являлся одним из авторов параграфа о миграции в 1960–1980-е гг. монографии «Население Западной Сибири в XX веке» (Новосибирск, 1997). Общие тенденции и результаты миграций в Сибири в XX столетии рассмотрены в статье М.В. Шиловского³⁹⁹.

Сельско-городские перемещения населения в 1960–1980-е гг. стали предметом совместного анализа И.Б. Карпуниной, А.П. Мелентьевой и В.А. Ильиных⁴⁰⁰. В седьмой главе

³⁹⁵ Занданова Л.В. Переселение крестьянства в Азиатскую Россию: конец 40-х – середина 60-х гг. XX в. Иркутск, 1997.

³⁹⁶ Там же. С. 131–132.

³⁹⁷ Галкина Т.А. Влияние социально-экономических условий жизни на миграцию городского населения Западной Сибири в 60-е гг. // Социальная сфера Сибири: тенденции и проблемы развития: сб. науч. тр. Новосибирск, 1992. С. 110–123.

³⁹⁸ Гушин Н.Я. Тенденции демографического развития Сибири в 60–80-х гг. // Демографическое развитие Сибири 30–80-е гг. Исторический опыт и современные проблемы: сб. науч. тр. С. 49–103; Гушин Н.Я. Население Сибири в XX веке: основные тенденции и катаклизмы в развитии. Новосибирск, 1995.

³⁹⁹ Шиловский М.В. Основные потоки внешней миграции в истории Сибири XX века // Миграционные процессы в азиатской России в XIX – начале XXI в.: сб. науч. тр. Новосибирск, 2009. С. 32–43.

⁴⁰⁰ Карпунина И.Б., Мелентьева А.П., Ильиных В.А. Сельское население Западной Сибири в 1960–1980-е гг. (факторы, тенденции и результаты социально-демографической адаптации). Новосибирск, 2003.

коллективной монографии (авторы И.Б. Карпунина, А.П. Мелентьева) определены этапы и масштабы перемещений населения из деревни, исследованы причины и возрастная структура миграционных потоков. В работе была обозначена ключевая особенность пространственных перемещений в Западной Сибири – ее большая интенсивность, влияние на которую оказывали административное положение сельских поселений, уровень урбанизации и экономическое положение хозяйств. Миграционное движение характеризовалось высокой неравномерностью и зависело от множества изменчивых социально-экономических факторов⁴⁰¹.

Как и прежде, высокий интерес вызывали демографические процессы в территориально-производственных комплексах. Так, А.И. Тимошенко обобщила опыт формирования населения районов нового промышленного освоения, выявив общие и особенные характеристики, региональную специфику миграционных потоков, роль социальных групп в заселении новых районов, местных и внешних трудовых ресурсов, горожан и сельских жителей, бывших военнослужащих⁴⁰². Автор не ограничилась описанием традиционных источников пополнения трудовых коллективов, показав также роль спецконтингента в их формировании. Тем не менее работать на предприятия шло в основном местное сельское население, а также жители малых и средних городов. Это, в свою очередь, привело к замедлению демографического роста последних. А.И. Тимошенко указала на то, что с вовлечением в хозяйственный оборот новых месторождений и возникновением новых городских поселений в качестве источников трудовых ресурсов выступили уже более или менее освоенные районы, что хорошо видно на примере Тюменской области. Некоторое внимание проблемам миграции уделено в монографии А.А. Долголюка, посвященной сибирским строителям. Однако ученого интересовали, прежде всего, социальные источники пополнения кадров отрасли⁴⁰³.

В статье А.А. Бурматова впервые предметно с исторических позиций рассмотрена миграция населения Западной Сибири в 1950-е гг. Исследователь с привлечением ранее неопубликованных источников проанализировал социальный состав мигрантов, в том числе эвакуированное население, реабилитированных лиц, целинников и дал оценку конечным результатам пространственных перемещений. В статье определены сальдо миграций по отдельным западносибирским регионам. Автор путем математических расчетов подтвердил сделанное ранее предположение В.И. Переведенцева, что из Западной Сибири отток населения сформировался еще до начала 1960-х гг.⁴⁰⁴

---

⁴⁰¹ Карпунина И.Б., Мелентьева А.П., Ильиных В.А. Сельское население Западной Сибири в 1960–1980-е гг. (факторы, тенденции и результаты социально-демографической адаптации). Новосибирск, 2003. С. 171–172.

⁴⁰² Тимошенко А.И. Государственная политика формирования и закрепления населения в районах нового промышленного освоения Сибири в 1950–1980-е гг.: планы и реальность. Новосибирск, 2009.

⁴⁰³ Долголюк А.А. Сибирские строители в 1946–1970 гг. Новосибирск, 2013.

⁴⁰⁴ Бурматов А.А. Миграции населения Западной Сибири в 1950-е годы // Исторический курьер. 2020. № 4. С. 131–139.

Среди изданных за последнее время научных трудов следует отметить монографию «Миграции населения Азиатской России: конец XIX – начало XXI в.» (Новосибирск, 2011), где описаны главные черты и количественные параметры пространственных перемещений на востоке России. Коллектив авторов решил сложную научную задачу, впервые объединив в одной работе результаты исследований миграционной проблематики Сибири и Дальнего Востока. Для решения поставленных целей ученые привлекли большое количество разнообразных источников, выявив количественные и качественные показатели миграций. Показаны изменения, произошедшие в направлении миграционных потоков, в социальном, этническом, половозрастном составе мигрантов за исторически длительный период времени. Большое внимание уделено государственной миграционной политике, роли организованных, принудительных перемещений.

В 2012 г. опубликована монография И.С. Метелева, в которой автором определены основные тенденции внутренних миграций России в XVIII–XXI вв.; систематизированы формы и методы обеспечения Азиатской России постоянным населением и трудовыми ресурсами; дана оценка государственным формам регулирования переселенческих процессов⁴⁰⁵.

Исходя из изложенного, можно заключить, что изучение миграций в Советском Союзе было поставлено на достаточно высоком уровне. Заметные успехи были достигнуты в области методики исследования миграций, выявлены количественные показатели и тенденции миграционных процессов как в СССР в целом, так и в союзных республиках. Определены факторы, обуславливающие повышение или замедление мобильности населения, выявлено значение организованных и стихийных миграций. В этом отношении оказались неплохо разработаны 1960-е – начало 1970-х гг. Социологические обследования позволили глубже понять мотивы, подталкивающие людей менять место жительства, определить наиболее подвижные социальные и возрастные группы населения, приоритетные населенные пункты и районы вселения.

Проблема межтерриториального движения населения исследована на приличном уровне. Практически в каждой работе либо предметно, либо обзорно затрагивались вопросы межрайонных миграций. Однако, несмотря на солидные достижения ученых по этому направлению, его сложно считать хорошо изученным. Действительно, усилиями ряда ученых миграции в восточных районах страны и в Сибири в частности были в общем неплохо разобраны, особенно до середины 1970-х гг., когда не было проблем с публикацией миграционной статистики. Однако достигнутый уровень оказался недостаточным для понимания сложных аспектов проблемы. Явно не в полной мере проанализированы

---

⁴⁰⁵ Метелев И.С. Миграционные процессы и экономическое освоение Азиатской России. Прошлое, настоящее, будущее. М., 2012.

миграционные тенденции, начиная со второй половины 1970-х гг., да и вторая половина 1960-х гг. изучена слабее, чем первая. Все это служит препятствием для понимания причин глубоких миграционных взаимосвязей Западной Сибири с республиками Средней Азии, центральными районами России, Украиной и другими районами СССР.

К настоящему моменту учеными рассмотрены основные тренды пространственных перемещений в 1960–1980-е гг., выявлены показатели сальдо миграции как по городским поселениям Западной Сибири в целом, так и ее регионам. Тем не менее не получила должного освещения взаимосвязь исторических условий и пространственных перемещений, особенно на уровне областей и краев. Это особенно важно в связи с тем, что миграции, очевидно, носят преходящий характер. История миграций показывает наличие большого разнообразия причин людских перемещений, их форм, состава мигрантов, интенсивности, районов выхода.

Неплохо исследованы территории нового освоения, однако анализ миграционных процессов в старых индустриальных районах имеет не меньшее значение, так как именно там проживала большая часть городского населения. Достаточно важным является сопоставление Западной Сибири и других экономических районов и республик Советского Союза. Это позволит не только понять место экономического района в системе миграционных связей, но и достичь лучшего понимания современной миграционной ситуации.

Вопросы пространственных перемещений по функциональным типам и категориям городских поселений (большим, средним, малым, поселкам городского типа) в Западной Сибири за такой длительный промежуток времени были только поставлены, но не рассмотрены. Выполненные в этом направлении научные изыскания давали слишком общее представление о влиянии миграций на демографическое развитие городов разных типов и чаще всего носили локальный характер. Назрела научная и общественно-практическая необходимость изучения роли административных, индустриальных центров в формировании миграционных потоков, причины убыли населения в некоторых старых промышленных и малых городах, поселках городского типа.

Как и прежде, требуют существенной проработки вопросы теории миграционного движения, его взаимосвязи с этапами индустриализации и урбанизации страны. Недостает понимания миграции как исторически целостного явления, состоящего из определенных последовательных этапов. В общих чертах были сформулированы лишь конкретные механизмы этого процесса. Несмотря на то, что в 1970-е гг. наметился поворот к изучению теоретических вопросов, попытки широких концептуальных обобщений на основе формационного подхода и формулировки специфики социалистической формации оказались недостаточно обоснованными. В результате возник существенный разрыв между эмпирическим накоплением данных и теоретическими обобщениями.

Возрастной состав населения. Советский период. В отличие от рождаемости, смертности или миграций половозрастной состав населения редко становился отдельным объектом исследования. Обычно его рассматривали вместе с естественным приростом, в качестве одного из его «объективных демографических» факторов, на который в отличие от социально-экономических было сложнее повлиять. Информация о половозрастной структуре была необходима плановым органам. Например, сведения о численности детей были нужны для планирования строительства сети детских садов, оздоровительных площадок, образовательных учреждений.

П.Г. Подъячих являлся одним из первых послевоенных демографов, который обратил внимание на эту проблему⁴⁰⁶. При исследовании половозрастной структуры он сделал акцент на изучении негативного воздействия на нее военных и социально-экономических катаклизмов. В его монографии «Население СССР» (М., 1961) половозрастному составу населения Советского Союза был посвящен отдельный параграф. В нем было сформулировано несколько важных тезисов: большое влияние на возрастную структуру оказали войны; понижение рождаемости в предвоенные и послевоенные годы привели к сокращению численности детей и молодежи; значительно увеличился удельный вес лиц старше 50 лет; количество женщин в старших когортах было значительно больше, чем мужчин. Причем превышение женского населения над мужским в СССР было выше, чем в других странах⁴⁰⁷.

При этом П.Г. Подъячих отметил характерные для отдельных регионов черты формирования возрастной структуры, возникшие благодаря отраслевой специфике экономического развития. При оценке влияния урбанизации на возрастной состав ученый сделал вывод, что доля молодежи (0–15 лет) и старших когорт (55 и выше) в городах была меньше, чем на селе. Следуя уже сложившейся традиции противопоставления обществ с разными формами социальной организации, он отметил, что в капиталистических странах на возрастную структуру отрицательно влияют факторы, которых нет в СССР (без уточнения какие именно)⁴⁰⁸. В монографии И.Ю. Писарева тематика половозрастного состава упоминается гораздо меньше⁴⁰⁹. Лишь в самом конце книги он указал на рост численности и доли лиц в работоспособном возрасте (16–49 лет) и на перспективы повышения естественного прироста, которые возникают благодаря большой доле детей в населении⁴¹⁰.

В.Ц. Урланис рассматривал половозрастной состав населения как важный фактор рождаемости в СССР. В частности, известный демограф отметил, что из-за высокой

---

⁴⁰⁶ Подъячих П.Г. Население СССР. М., 1961.

⁴⁰⁷ Там же. С. 38.

⁴⁰⁸ Там же. С. 30.

⁴⁰⁹ Писарев И.Ю. Народонаселение СССР (социально-экономический очерк). М., 1962.

⁴¹⁰ Там же. С. 186–187.

диспропорции в численности мужчин и женщин в средних репродуктивных когортах, женщины в возрасте 30–40 лет не могут реализовать свою еще высокую плодовитость. Однако со временем эта диспропорция будет ощущаться все меньше. Сокращение количества мужчин и женщин из-за негативных последствий войны будет ощущаться приблизительно каждые 20 лет, то есть еще длительное время⁴¹¹.

Самыми крупными работами в этой области стали труды, опубликованные И.В. Калинюк и С.И. Пирожковым⁴¹². Авторские монографии ученых вышли практически одновременно, с разницей в один год. И.В. Калинюк детально изучила теоретические вопросы по теме, определила основные понятия, количественные методики исчисления степени старения населения, типы возрастной пирамиды (прогрессивная, стационарная, регрессивная). Главным фактором перехода от одного типа пирамиды к другой, если не брать в расчет серьезных внешних влияний, являлось снижение рождаемости, за счет которой происходили полная перегруппировка возрастных групп и постепенное старение населения. Ученый обнаружила, что третий тип может быть характерен для отдельных, преимущественно сельскохозяйственных районов⁴¹³.

Исследователь впервые в отечественной науке написала краткий исторический очерк трансформации возрастного состава населения в зарубежных странах, в царской России и СССР. В своей монографии она наглядно продемонстрировала смену идеальных типов возрастной пирамиды, указав на сильные межполовые различия в эволюции возрастной структуры. Так, исходя из данных Всесоюзной переписи 1959 г., мужское и женское население отнесено к разным типам: мужское к прогрессивному, а женское – уже к стационарному. Темпы роста численности пожилого населения значительно превышали увеличение всего населения. На основе сравнительного анализа возрастного состава И.В. Калинюк пришла к выводу, что в Советском Союзе структура населения в гораздо большей степени подвергалась воздействию войн и эпидемий, поэтому старение происходило менее плавно и последовательно. Показаны значительные различия в возрастных пирамидах горожан и сельских жителей. Городские жители из-за миграции отличались более высокой долей лиц в трудоспособном возрасте, тогда как на селе было больше молодежи и людей старших возрастов⁴¹⁴.

Выводы С.И. Пирожкова во многом пересекаются с выдвинутыми ранее тезисами И.В. Калинюк. Главным фактором старения населения являлось сокращение рождаемости. Его работа в гораздо большей мере носила методический и теоретический характер, анализ

---

⁴¹¹ Урланис Б.Ц. Рождаемость и продолжительность жизни в СССР. М., 1963.

⁴¹² Калинюк И.В. Возрастная структура населения СССР. М., 1975; Пирожков С.И. Демографические процессы и возрастная структура населения. М., 1976.

⁴¹³ Калинюк И.В. Возрастная структура населения СССР. С. 10–11.

⁴¹⁴ Там же. С. 50–51.

проводился на примере стабильного и реального населения, в том числе в условиях демографического перехода. Работа насыщена математическими методами обследования возрастной структуры, на основе которых автор смог выявить влияние сокращения смертности в отдельных возрастных когортах на старение населения в целом. Снижение смертности на первых порах временно приводит даже к омоложению населения, благодаря сокращению детской смертности. Уменьшение смертности средних возрастных групп приводит к сокращению доли детей и старших когорт, уменьшение смертности в старших возрастах приводит к старению населения. Автор отмечает, что при высоком уровне рождаемости на начальных этапах влияние изменений смертности на возрастную структуру незначительно, а при низком – смертность уже указывает существенное воздействие. В условиях демографического перехода происходит смена типов возрастно-половой пирамиды⁴¹⁵. В методологическом плане эти две работы до сих пор могут считаться главными в области изучения половозрастной структуры населения.

В книге В.Д. Шапиро исследовались социально-демографические проблемы лиц пенсионного возраста⁴¹⁶. В своей монографии автор обзорно описал процесс старения населения, указав на то, что он стал развиваться позже, чем во многих экономически развитых странах. Ученый в основном сконцентрировал свое внимание на его социальных последствиях. Собственно структурные перемены в возрастной пирамиде в 1950–1980-е гг. он рассмотрел в отдельной статье, где показал изменения долей разных возрастных когорт, подтвердив сделанные ранее выводы о том, что женское население стареет быстрее мужского, а городские жители являются более молодыми, чем сельские. В статье были отмечены территориальные различия в возрастной структуре на союзно-республиканском уровне. Дана общая оценка характеру старения населения в регионах России. В.Д. Шапиро указал на то, что в территориальном разрезе старение отличалось высокой неравномерностью. Фактически в РСФСР были представлены районы со всеми без исключения типами возрастной пирамиды. Причем главной тенденцией являлось постарение населения в направлении с востока на запад и севера на юг, что прямо связано с региональными особенностями воспроизводства и миграции⁴¹⁷. Влияние возрастной структуры на численность населения обзорно рассматривали также А.Я. Кваша и Г.П. Киселева⁴¹⁸.

---

⁴¹⁵ Пирожков С.И. Демографические процессы и возрастная структура населения. С. 58.

⁴¹⁶ Шапиро В.Д. Человек на пенсии: социальные проблемы и образ жизни. М., 1980.

⁴¹⁷ Шапиро В.Д. Изменения возрастной структуры населения СССР за период с 1950–1980 гг. и их последствия // Демографическое развитие СССР в послевоенный период: советские доклады к французско-советскому семинару по проблемам демографии, Париж, декабрь 1984 г. М., 1984. С. 67–87.

⁴¹⁸ Кваша А.Я., Киселева Г.П. Влияние возрастной структуры на рост населения СССР // Проблемы народонаселения. М., 1973. С. 38–48.

Узость тематики, которая носила вспомогательный для воспроизводства населения характер, привела к тому, что интерес к ней был сравнительно невелик. Так или иначе с проблематикой возрастного состава населения соприкасалось большинство демографов (М.В. Курман, Н.В. Панкратьева, Г.А. Слесарев, А.А. Ткаченко и др.)⁴¹⁹. Интерес к этой проблеме подогревался необходимостью изучения экономических последствий старения населения, его влияния на рынок труда, социальную сферу с точки зрения необходимости модернизации пенсионной системы и оказания помощи пожилым группам населения.

В исторических работах данная проблема рассматривалась редко. Ученые стремились показать перемены в половозрастной структуре за долгий период времени, выявить демографические и экономические последствия деформаций, возникших вследствие военных и социальных катаклизмов. Так, в книге «Население СССР за 70 лет» (М., 1988) отмечено, что скорость снижения диспропорций в возрастной структуре населения уменьшилась в 1950–1970-е гг. из-за повышения доли девочек среди новорожденных, сокращения ожидаемой продолжительности жизни среди мужчин трудоспособного возраста. Рост рождаемости мог несколько ускорить этот процесс, но даже с учетом этого полное равенство было теоретически возможно только к 2010 г.⁴²⁰

Возрастной состав населения. Советский период (восточные районы). Половозрастной структуре населения посвящен параграф в коллективной монографии Е.Д. Малинина и А.К. Ушакова. В нем проблема рассмотрена довольно детально, но как и в отношении других тем, хронологически охвачен краткий период. Указав на то, что с 1959 по 1970 г. в возрастной структуре произошли определенные сдвиги, особенности Сибири в сравнении с другими экономическими районами страны проявились слабо. Ее специфика выражалась лишь в разной степени повышения/снижения удельного веса отдельных возрастных групп. Ученые пришли к главному выводу, что Сибирь, особенно ее восточная часть, имела более прогрессивную структуру населения. При этом обнаружилась довольно сильная региональная специфика, особенно в районах нового промышленного освоения, где характер развития хозяйства привел к преимущественному использованию мужского труда и создал проблемы для занятости женщин. Авторы монографии отметили, что диспропорция полов в Сибири была выражена меньше, чем в РСФСР в целом⁴²¹.

Особенности структуры восточносибирского населения рассмотрены В.В. Воробьевым в монографии «Население Восточной Сибири (современная динамика и вопросы прогнозирования)» (Новосибирск, 1977). Автор указал на то, что в экономическом районе

⁴¹⁹ Курман М.В. Актуальные вопросы демографии. Демографические процессы в СССР в послевоенный период. М., 1976; Панкратьева Н.В. Население и социалистическое воспроизводство. М., 1977; Слесарев Г.А. Демографические процессы и социальная структура социалистического общества. М., 1978; Ткаченко А.А. Экономические последствия современных демографических процессов в СССР. М., 1978.

⁴²⁰ Население СССР за 70 лет. С. 25.

⁴²¹ Малинин Е.Д., Ушаков А.К. Население Сибири. М., 1976.

межполовые диспропорции выражены еще меньше, чем в Западной Сибири, выше был удельный вес молодежи и меньше – старших возрастных групп. Постарение населения в 1959–1970 гг. затронуло Восточную Сибирь намного меньше, в некоторых регионах доля лиц пенсионного возраста даже снизилась⁴²².

Определенный интерес вызвал анализ половозрастного состава населения в увязке с четырьмя этапами индустриального освоения района (изучение и разведка; строительство промышленных предприятий и транспортных линий; нормальное функционирование промышленных предприятий; обрастание существующих центров предприятиями обрабатывающей промышленности и обслуживающими отраслями). Подобный концептуальный подход дает возможность правильно интерпретировать структурные характеристики населения в разных регионах⁴²³.

Среди историков серьезный вклад в изучение темы внес В.А. Исупов, который выявил и проанализировал главные особенности половозрастного состава городского населения Сибири. Уже в первой монографии ученого отмечено более благоприятное в целом соотношение между полами, которое имело место еще до Великой Отечественной войны. Это произошло вследствие меньшего, чем в европейских районах разрушительного влияния Первой мировой и гражданской войн. Военные потери мужского населения в Сибири оказались намного ниже. На структуру местного населения повлияло также промышленное освоение и первоочередное развитие производств с преимущественным использованием мужского труда. В Кузбассе доля женщин была особенно низка. Преобладание женского населения было характерно для крупных городов⁴²⁴.

В послевоенный период огромные диспропорции, возникшие в военные годы, стали постепенно сглаживаться, причем они шли интенсивнее, чем в среднем по стране, а половой дисбаланс был выражен меньше. Выделены регионы, где межполовое соотношение оказалось нарушенным в наибольшей степени. Показан процесс постепенного старения населения, в том числе на примере различных возрастных когорт. На материалах довоенного и восстановительного периодов автор подтвердил выводы сибирских демографов, сделанные уже на основе послевоенных переписей, что возрастной состав сибирского населения являлся более молодым⁴²⁵.

Возрастной состав населения. Постсоветский период. В эти годы возрастной состав населения фактически выпал из поля зрения демографов. Изменения в воспроизводстве и

⁴²² Воробьев В.В. Население Восточной Сибири (современная динамика и вопросы прогнозирования). С. 82.

⁴²³ Там же. С. 82–85.

⁴²⁴ Исупов В.А. Городское население Сибири: от катастрофы к возрождению (конец 30-х – конец 50-х гг.). С. 49.

⁴²⁵ Московский А.С., Исупов В.А. Формирование городского населения Сибири (1926–1939 гг.). Новосибирск, 1984; Исупов В.А. Городское население Сибири: от катастрофы к возрождению (конец 30-х – конец 50-х гг.). Новосибирск, 1991.

миграции в 1990-е гг. оказались настолько велики, что полностью захватили внимание ученых. Из вышедших работ следует отметить монографию А.В. Писарева, где автор кратко рассмотрел процесс старения населения с конца XIX в.⁴²⁶ Работа носит преимущественно экономический и прогностический характер и обращена к современному периоду. Ученый отметил, что переломным моментом стал второй этап демографического перехода, который отличался высокими темпами снижения рождаемости. В книге доказывалось, что даже при благоприятных изменениях в режиме воспроизводства населения, достигнутых при помощи мер социальной и демографической политики, возрастная структура все равно кардинально не изменится.

Некоторое внимание возрастному-половому составу населения уделено в монографии «Население Советского Союза: 1922–1991 гг.» (М., 1993), где осуществлены расчеты, корректирующие отдельные параметры возрастного состава населения СССР. В работе «Население России в XX веке: исторические очерки» основной акцент сделан на изучении вклада разных пятилетних когорт в возрастную структуру и ее региональным особенностям. Описан процесс старения населения, влияние на него социальных катаклизмов и войн. Показано, что он начался позже, но происходил быстрее, чем в европейских странах. По существу подтверждены выводы, сделанные ранее о том, что половозрастная структура на востоке страны являлась более молодой, сбалансированной по полу и менее деформированной в сравнении с центральными районами России⁴²⁷.

Среди сибирских историков половозрастной состав населения предметно рассматривался лишь в нескольких публикациях⁴²⁸. В изучении этого вопроса по-прежнему существуют значительные пробелы. Территориальная дифференциация возрастной структуры анализировалась лишь в разрезе союзных республик. В основном анализировались экономические и социальные последствия старения населения. Исследователи практически не касались проблем среднего возраста и межрегиональной дифференциации горожан Западной Сибири по этому показателю. Не рассматривались и структурные особенности жителей разных типов городских поселений.

Городское население. Советский период. Краткие описания городов с экономической и географической точек зрения появились еще в трудах Н.Н. Баранского, О.А. Константинова⁴²⁹. Вплоть до конца 1950-х гг. они проводились в экономико-географическом русле.

⁴²⁶ Писарев А.В. Демографическое старение в России: жизнедеятельность пожилого населения. М., 2005.

⁴²⁷ Население России в XX веке: исторические очерки: в 3 т. Т. 3, кн. 1. 1960–1979. С. 13–18.

⁴²⁸ См., например: Бадалян Т.М., Карпунина И.Б., Мелентьева А.П. Сельское население Западной Сибири: половозрастной состав и образовательная структура (60–80-е гг.) // Гуманитарные науки в Сибири. 1994. № 2. С. 42–46; Карпунина И.Б. Демографическая характеристика трудовых ресурсов западносибирского села в 60–80-е гг. // Народонаселенческие процессы в региональной структуре России XVIII–XX вв.: мат-лы междунар. науч. конф. 19–21 марта 1996. Новосибирск, 1996. С. 177–179.

⁴²⁹ Баранский Н.Н. Об экономико-географическом изучении городов // Вопросы географии. 1946. № 2. С. 19–62; Экономическая география / отв. ред. О.А. Константинов. М.; Л., 1957.

Экономическая география заложила основы классификации городов по функциональным признакам, населению в таких работах отводилось скромное место. Начало изучению собственно городского населения было положено Всесоюзной переписью 1959 г. Используя ее материалы, ученые быстро установили территориальные черты урбанизации, темпы роста численности городского населения начиная с досоветского времени, в том числе у важнейших административных и индустриальных центров. Несмотря на то, что демографические аспекты при этом рассматривались обзорно, учеными были установлены главные проблемы городского развития.

Изучением городов и городского населения занимались специалисты из ряда отраслей научного знания, именно поэтому литература по разным аспектам проблемы очень велика. Наверное, нет гуманитарной науки, в которой не было бы публикаций, освещающих соответствующие ее предмету аспекты городской жизнедеятельности. Среди всего массива работ можно выделить несколько крупных направлений. Отдельные демографические сюжеты урбанизации рассматривались учеными из области медицинских наук. В основном их интересовали вопросы медицинской помощи, инфраструктуры здравоохранения, но также проблемы гигиены и здоровья горожан. Экономисты и социологи рассматривали численность городского населения при изучении бюджетов времени и образа горожан, социальной структуры городского населения, его социальных групп. Позднее проблематика урбанизации расширилась за счет исследований экологических последствий промышленного развития городов.

Городское население подробнее анализировалось при изучении градостроительного и планировочного аспектов. Ученых интересовали вопросы эффективного использования капиталовложений, материальных ресурсов, территориальное размещение предприятий, организаций, населенных пунктов и коммуникаций, цельность и практичность городской застройки с учетом климатических, природно-географических условий местности. Демографические процессы рассматривались обзорно, в связи с повышением эффективности промышленного, инфраструктурного и жилищного строительства. Внимание уделялось оптимизации существующих систем населенных мест и городского расселения, численности, миграции и акклиматизации населения как факторам, влияющим на размеры трудовых ресурсов и, соответственно, на перспективное планирование⁴³⁰.

Изучение демографических проблем практиковалось в работах, посвященных трудовым ресурсам. Расчеты балансов трудовых ресурсов и решение задач обеспечения рабочей силой на

---

⁴³⁰ См., например: Фомин И.А. Развитие городов в промышленных районах (планировочные аспекты). М., 1974; Шквариов В.А. Расселение и структура города. М., 1973; Успенский С.В. Планирование экономического и социального развития систем расселения и поселений. Л., 1981.

основании перспектив роста промышленного производства и производительности труда требовали от экономистов понимания логики естественного и механического движения населения, изменений в возрастном составе населения, особенно трудоспособного возраста. Такое знание позволяло повысить эффективность использования рабочей силы и добиться более рациональной занятости.

Определенное значение придавалось анализу миграционного взаимодействия села и города, экономических районов и республик. Пространственные перемещения населения рассматривались в тесной связи с воспроизводством рабочей силы. Они оценивались в привычных для экономистов терминах «рациональности» или «нерациональности», «трудоизбыточности» или «трудодефицитности», широко использовались зональная дифференциация республик и экономических районов по типам движения населения. Причем понятия «население» и «трудовые ресурсы» не являлись идентичными и процессы, влияющие на изменение их численности, не всегда совпадали⁴³¹.

И, наконец, крупнейший блок научных работ представлен, главным образом, трудами географов, а также экономистов и до некоторой степени демографов. Дело в том, что некоторые демографы, например А.Г. Вишневский, долгое время не считали необходимым детально изучать процессы урбанизации, так как они являлись в большей мере не демографическими, а пространственными формами современного социально-экономического процесса, тесно связанными с географическим разделением труда⁴³². Для географов, наоборот, изучение городов всегда являлось одним из приоритетных направлений.

В 1960-е гг. были определены узловые темы в исследовании городов и городского населения. В трудах А.Д. Кузнецова и П.Г. Подъячих отразилась обеспокоенность быстрым повышением количества больших городов, говорилось о необходимости сдерживания их демографического роста. Сосредоточение промышленности, торговли, учебных и культурных заведений, государственных и общественных организаций, чрезмерная концентрация населения способствовали увеличению социальных и экономических проблем. Ученые указали на существенные различия в темпах роста городских жителей в союзных республиках и некоторых экономических районах. Они одними из первых указали на то, что в РСФСР в 1939–1959 гг. самые высокие темпы повышения численности горожан были отмечены в Западной и Восточной Сибири, на Урале и Дальнем Востоке⁴³³.

---

⁴³¹ Вечканов Г.С. Миграция трудовых ресурсов в СССР. Политико-экономический аспект. Л., 1981; Трудовые ресурсы СССР. М., 1979; Кистанова Н.С. Региональное использование трудовых ресурсов. М., 1978.

⁴³² Вишневский А.Г. Экономические проблемы развития форм городского расселения // Проблемы современной урбанизации: сб. ст. М., 1972. С. 51–73.

⁴³³ Кузнецов А.Д. Трудовые ресурсы СССР и их использование. С. 157; Подъячих П.Г. Население СССР. С. 81.

Вследствие озабоченности центральных органов власти чрезмерной концентрацией населения научное сообщество в первой половине 1960-х гг. обратило свое внимание на состояние городов меньших размеров, ставших, наряду с сельской местностью, главными источниками роста крупных административных и промышленных центров. Вызывали беспокойство снижение доли малых городов и пгт в городском населении, проблемы занятости их трудоспособного населения, сокращение уровня капиталовложений. В этой связи было даже проведено специальное выборочное обследование малых городов госпланами союзных республик, подготовлены их технико-экономические характеристики (паспорта), на основании которых была разработана методические указания об их дальнейшем хозяйственном развитии⁴³⁴.

Демографические проблемы городов небольших размеров были впервые обстоятельно рассмотрены в коллективной монографии «Пути развития малых и средних городов центральных экономических районов СССР» (М., 1967). Работа имела экономическую направленность и не вышла за пределы узких хронологических рамок. Главным ее достоинством стала детализация существующей типологии городов с учетом функциональной (экономической) основы, которая, несомненно, повысила научный потенциал для изучения демографических процессов. Интерес представлял сделанный с учетом этого фактора анализ прироста/убыли населения нескольких городских поселений⁴³⁵.

Следует еще раз подчеркнуть, что как у демографов, так и у географов-урбанистов вопросы демографического развития городов являлись вспомогательными и рассматривались через призму изучаемых проблем в целом. Урбанистов интересовали абсолютный и удельный рост городского населения, его концентрация в крупных городах, падение значения небольших городских поселений. Для анализа собственно воспроизводства и миграций экономисты и географы активно привлекали и цитировали результаты исследований демографов.

Наиболее крупной работой, вышедшей в 1960-е гг., стала монография Б.С. Хорева «Городские поселения СССР (проблемы роста и их изучение)» (М., 1968). Она подвела итог изучению городских поселений в 1960-е гг. в Советском Союзе. В ней, например, много внимания уделено таким традиционным для географии населения вопросам, как классификации городских поселений по величине, их распределение по функциональным типам, динамика численности городов разных размеров⁴³⁶. Общим для всех вышеуказанных работ являлась констатация ускоренного роста городов СССР, при этом особенно высокие темпы наблюдались в районах, которые до революции были слабоурбанизированными.

---

⁴³⁴ Краткие технико-экономические характеристики малых и средних городов, рекомендуемых для размещения в них промышленных предприятий: в 12 т. М., 1967 (ДСП).

⁴³⁵ Пути развития малых и средних городов центральных экономических районов СССР. М., 1967. С. 49–70.

⁴³⁶ Хорев Б.С. Городские поселения СССР (проблемы роста и их изучение). М., 1968. С. 63–80, 102–103.

С историко-демографической точки зрения представляет интерес предпринятая автором книги попытка периодизации истории формирования системы городских поселений. Так, по Б.С. Хореву первый этап закончился в 1939 г., за это время произошли коренные социалистические преобразования в СССР. На втором этапе с 1939 по 1959 г. городские поселения развивались под влиянием Великой Отечественной войны, послевоенного восстановления народного хозяйства, роста материально-технической базы социализма. После 1959 г. начался третий этап развернутого коммунистического строительства⁴³⁷. Как можно видеть, данная периодизация сопряжена с важными историческими событиями в жизни страны, но составлена с учетом доминирующего в советском обществе политико-экономического дискурса.

После выхода в 1969 г. статьи А.С. Ахиезера, Л.Б. Когана и О.Н. Яницкого с философской трактовкой урбанизации проблемное поле изучения городов расширилось, стали разрабатываться новые ее аспекты. Появилось понимание, что урбанизация – это многогранный процесс, характеризующийся не только концентрацией промышленности, увеличением числа городов и доли горожан в населении, но и масштабными и, скорее всего, необратимыми изменениями в расселении, проникновением городской культуры в деревню. Современная урбанизация стала рассматриваться в тесной связи с мировым историческим процессом эволюции производительных сил и социальных отношений⁴³⁸.

В 1970-е гг. растет понимание, что потери населения у части городов (в частности у малых) по мере развития урбанизации не являются случайным явлением, а экономически и социально обусловленная закономерность. Ученых стали интересовать такие вопросы, как формирование структуры городских поселений, агломераций, пути их развития (Б.С. Хорев, Ю.Л. Пивоваров, Г.М. Лаппо, О.П. Литовка)⁴³⁹. Города стали рассматриваться не сами по себе, а как элементы более высокой целостности, как составные части региональной или даже общегосударственной системы населенных пунктов. Фактически, процесс урбанизации стал изучаться сквозь призму становления современной системы расселения, которая кроме собственно городов включает также агломерации и урбанизированные районы. В то же время по-прежнему не ослабевал интерес ученых к вопросам совершенствования классификации городских поселений, к динамике численности городов разной величины. Все названные темы продолжали анализироваться в плоскости народнохозяйственной целесообразности,

---

⁴³⁷ Хорев Б.С. Городские поселения СССР (проблемы роста и их изучение). М., 1968. С. 216.

⁴³⁸ Ахиезера А.С., Коган Л.Б., Яницкий О.Н. Урбанизация, общество и научно-техническая революция // Вопросы философии. 1969. № 2. С. 43–53.

⁴³⁹ Хорев Б.С. Городские поселения СССР (проблемы роста и их изучение). М., 1968; Пивоваров Ю.Л. Современная урбанизация (основные тенденции расселения). М., 1976; Лаппо Г.М. Развитие городских агломераций в СССР. М., 1978; Литовка О.П. Проблемы пространственного развития урбанизации. Л., 1976.

планирования перспектив развития экономики и социальной сферы, размещения промышленного производства.

Характер влияния урбанизации на демографическое развитие СССР обзорно рассмотрен в статье А.Г. Волкова. Ученый по существу обобщил выводы, сделанные ранее другими демографами, показав специфику возрастного состава городов, различия в рождаемости в разных типах городских поселений, в репродуктивном поведении городских и сельских жителей. Несмотря на то, что в городах рождаемость была ниже по сравнению с деревней, происходило сближение показателей воспроизводства между ними, проанализирован вклад естественного и механического прироста в увеличении численности городских жителей⁴⁴⁰.

Результаты изучения демографии малых городов были изложены в коллективной монографии «Малый город. Социально-демографическое исследование небольшого города» (М., 1972). В книге с привлечением статистических материалов по Волго-Вятскому экономическому району РСФСР подтверждены ранее сделанные выводы, обнаружены новые закономерности. Как и раньше, значительная часть малых городов характеризовалась сильным оттоком молодежи, низкой долей лиц в трудоспособном возрасте, высоким удельным весом старших возрастных групп в населении. Поскольку небольшие городские поселения занимали промежуточное положение между крупными городами и сельской местностью, то и рождаемость у них тоже носила «переходный характер», хотя и обнаруживала тенденцию к сближению с большими городами⁴⁴¹. Рождаемость и смертность росли по мере уменьшения величины городов. С уменьшением величины города снижалась и роль миграций в повышении численности населения. Наибольшая часть прироста приходилась на перемещения из сельской местности. Причем с увеличением размеров города повышался приток из других городских поселений, а из села, наоборот, уменьшался⁴⁴².

В монографии Ю.Л. Пивоварова кроме численности населения рассмотрены отличия в урбанизации в странах с разным общественным строем, становление систем расселения как в целом в стране, так и на республиканском уровне⁴⁴³. Автор уделил много внимания теоретическим вопросам, трактуя феномен урбанизации в довольно широком смысле как универсальный процесс, пронизывающий все стороны жизни общества, являющийся результатом пространственной концентрации деятельности человека в небольших ареалах, где труд наиболее эффективен. Эволюция системы расселения, по мнению ученого, не остановилась на образовании городов, для которых исторически характерна некая

---

⁴⁴⁰ Волков А.Г. Влияние урбанизации на демографические процессы в СССР // Проблемы современной урбанизации: сб. ст. М., 1972. С. 105–124.

⁴⁴¹ Малый город. Социально-демографическое исследование небольшого города. М., 1972. С. 28.

⁴⁴² Там же. С. 63, 74.

⁴⁴³ Пивоваров Ю.Л. Современная урбанизация (основные тенденции расселения). М., 1976.

ограниченность. В перспективе большие города постепенно бы исчезли и на их месте возникли бы новые формы расселения, сначала агломерации, а затем урбанизированные районы и зоны⁴⁴⁴.

Подчеркивая существенные различия между понятиями «урбанизация» и «расселение» Ю.Л. Пивоваров тем не менее глубоко проанализировал главные особенности эволюции поселенческих форм – рост значения крупных городов, усложнение и осовременивание функциональной базы городских населенных пунктов. Он отметил повышение дисперсности в территориальном распределении населения, не только в стране в целом, но и на региональном уровне, приведя в качестве примера Новосибирскую и Омскую области⁴⁴⁵. На основе выдвинутых концептуальных положений, ученый косвенно подверг критике концепцию сдерживания роста крупных городов и преимущественного развития средних и малых, а также необходимость перераспределения населения в пользу восточных районов⁴⁴⁶.

Городские агломерации как новые формы пространственной концентрации городских (и сельских) поселений вызвали к себе повышенный научный интерес. Они стали главным предметом исследования в монографии Г.М. Лаппо⁴⁴⁷. С этой целью ученым были проанализированы причины их появления, место и роль в процессе урбанизации, факторы развития. Акцентировано внимание на изучении крупных городских центров, без которых было бы невозможно появление таких форм расселения. Ученый пришел к выводу, что главной причиной возникновения агломераций стало углубление общественного разделения труда, рост специализации производства, что в свою очередь привело к необходимости интеграции разных частей хозяйственного механизма в единое целое для извлечения максимального экономического эффекта⁴⁴⁸. Он разделял точку зрения Ю.Л. Пивоварова, что появление агломераций во многом стало следствием невозможности концентрации в рамках одного большого города всего многообразия экономической деятельности. Однако в его глазах урбанизация являлась все же вторичным явлением исторического процесса.

Согласно Г.М. Лаппо динамика урбанизации в пространственном аспекте отличалась: в одних регионах, прежде всего европейских, она развивалась вглубь и характеризовалась усложнением форм городского расселения; в других, наоборот, – вширь преимущественно за счет освоения природных ресурсов. С помощью специально разработанных методик выявлен количественный состав агломераций в СССР. В Сибири в их число вошли Новокузнецко-Прокопьевская, Новосибирская, Иркутская, Омская, Кемеровская, Красноярская. Большинство

---

⁴⁴⁴ Пивоваров Ю.Л. Современная урбанизация (основные тенденции расселения). М., 1976. С. 37, 74–76, 187.

⁴⁴⁵ Там же. С. 95–96.

⁴⁴⁶ Там же. С. 71.

⁴⁴⁷ Лаппо Г.М. Развитие городских агломераций в СССР. М., 1978.

⁴⁴⁸ Там же. С. 33–50.

из них согласно классификации автора книги оказались слаборазвитыми или развивающимися⁴⁴⁹.

В 1980-е гг. акцент на демографических аспектах урбанизации несколько усилился, городское расселение стало чаще рассматриваться на региональном уровне. Привлекли внимание ученых негативные последствия ускоренного развития сети городских поселений для жизни человека, управление процессом создания новых городских поселений⁴⁵⁰. Разрабатывались и теоретические аспекты проблемы, хотя четкого концептуального понимания современного хода урбанизации, его этапов, периодизации с позиций общесоциологических законов, даже в рамках исторического материализма, так и не было разработано. Продолжало существовать традиционное деление, разработанное еще классиками марксизма, на города античной эпохи, средневековые и капиталистические с упором на изучение различий между селом и городом и постепенного их стирания в эпоху социализма. Наряду с этим, исследователи продолжали пытаться выявить отличия в урбанизации в капиталистической и социалистической формации.

Снизился интерес к изучению малых городов, хотя работы по данному направлению не были полностью свернуты⁴⁵¹. Повышение роли крупных городов в жизни общества привело к росту внимания ученых к вопросам их социально-экономического и демографического развития. Так, Э.С. Демиденко, считая концентрацию населения неизменным атрибутом современной урбанизации, отметил, что данная тенденция, свойственная также социалистическому обществу? несет за собой ряд рисков. Происходит снижение эффективности государственной политики, нацеленной на повышение экономической роли городов меньших размеров, меняется демографическое поведение, снижается рождаемость населения, ускоряется его старение. С этой точкой зрения солидаризируется А.В. Баранов, который, отметив неизбежность концентрации населения в крупных городах, все же приветствовал попытки государства по сдерживанию их демографического роста⁴⁵².

Вопросы демографии больших городов предметно рассматривались в коллективной монографии «Урбанизация и демографические процессы» (М., 1982). Приняв в качестве объекта исследования урбанизированную среду, коллектив авторов вывел за рамки анализа малые и средние городские поселения, где образ жизни, как они считали, был близок к сельской местности. В центре внимания ученых оказались только крупные города с населением более 100,0 тыс. чел., представляющие собой ведущие звенья расселения. В книге традиционно много

⁴⁴⁹ Лаппо Г.М. Развитие городских агломераций в СССР. М., 1978. С. 31.

⁴⁵⁰ Демография и экология крупного города. Л., 1980.

⁴⁵¹ Марков Е.М., Бутузова В.П., Таратынов В.А. Малые города в системах расселения. М., 1980.

⁴⁵² Демиденко Э.С. Демографические проблемы и перспективы больших городов: урбанизация при социализме. М., 1980; Баранов А.В. Социально-демографическое развитие крупного города. М., 1981.

места было уделено изучению темпов роста городов разных типов, в том числе на уровне макрорегионов. Отмечено стремительное увеличение количества городов в Сибири и на Дальнем Востоке при еще недостаточной сформированности системы городских поселений⁴⁵³.

По демографическим моментам ученые-урбанисты в основном были согласны с тезисами уже прозвучавшими ранее (о низкой рождаемости и стабильности браков в крупных городах). Так, авторы коллективной монографии «Урбанизация и развитие городов в СССР» (Л., 1985) указывают на непропорционально быстрый рост числа больших городов и их населения, что стало важным условием сокращения общей рождаемости в стране⁴⁵⁴. Низкая рождаемость косвенно приводит к повышению среднего возраста и увеличению нагрузки на трудоспособное население. В книге обсуждались возможности привлечения материальных ресурсов городских предприятий и организаций в качестве дополнительных инструментов демографической политики, в том числе для улучшения здоровья городских жителей.

По существу, очередной этап в изучении городов свелся к исследованию новых форм городских поселений, получивших широкое распространение в СССР. Произошел определенный сдвиг от анализа преимущественно экономико-географических аспектов урбанизации к социальным, то есть к условиям жизни городского населения. Инструментарий собственно демографического исследования городов, по существу, остался прежним, во многом потому, что демографические проблемы находились за рамками научного поиска ученых-урбанистов.

Методика определения границ новых форм городских поселений только стала разрабатываться, ученые по-разному трактовали содержание текущих урбанизационных процессов. Важно и то, что органы статистики сохранили подразделение населенных пунктов на городские и сельские, новые формы городского расселения ими никак не учитывались. Следовательно, количественные характеристики городских поселений, в том числе и демографические, собирались и обрабатывались в соответствии с традиционным административным делением. В этой связи, демографический анализ городского населения производился в русле прежних подходов, в научных работах, как и раньше, рассматривались изменение доли городского населения, повышение роли больших городов и т.д.

В силу объективных причин в советское время историки почти не обращались к современным им проблемам формирования городского населения страны. В исторических работах рассматривалось, главным образом, демографическое развитие дореволюционной России⁴⁵⁵. На этом фоне распространение получили ретроспективные исследования рабочего

---

⁴⁵³ Урбанизация и демографические процессы. М., 1982. С. 27–38.

⁴⁵⁴ Урбанизация и развитие городов в СССР. Л., 1985. С. 192.

⁴⁵⁵ См., например: Миронов Б.Н. Русский город в 1740–1860-е гг.: демографическое, социальное и политическое развитие. Л., 1990.

класса Советского Союза, в том числе последних тенденций его развития. Важное значение придавалось определению источников и форм его пополнения, для чего активно привлекались данные Всесоюзных переписей и личные учетные карточки рабочих. К тому же историки обычно анализировали отраслевые особенности распределения рабочего класса, исследовали его географическое размещение, национальный и возрастной состав.

В ряде случаев историки были вынуждены обращаться к вопросам формирования городского населения, так как именно в городах концентрировалось ядро рабочего класса страны. Ученые, не углубляясь в детали, опирались на труды собственно демографов и урбанистов. В книгах по рабочему классу нередко затрагивались проблемы кадрового обеспечения предприятий и организаций, в том числе в Сибири, анализировались причины высокой текучести трудовых ресурсов. Обзорно рассматривали динамику численности городского населения также ученые, занимающиеся закономерностями развития социальной структуры советского общества⁴⁵⁶.

Статья Л.И. Васькиной стала, возможно, первой исторической работой, где городское население советского периода предметно рассматривалось в историческом ключе⁴⁵⁷. Тем не менее интенсивность изучения историками демографических процессов советского общества была явно недостаточной. На существование таких пробелов в историко-демографических исследованиях обратили внимание В.З. Дробижев и Ю.А. Поляков в статье «Народонаселение СССР и история советского общества»⁴⁵⁸.

Важность изучения исторических тенденций народонаселения была осознана довольно быстро, что вызвало необходимость обмена накопленным научным опытом. Всесоюзные семинары, посвященные исторической демографии и проводимые с 1974 по 1991 г., заложили основы взаимодействия историков и демографов. Инициатива созыва таких семинаров принадлежала эстонским ученым. Это в определенной степени отразилось на территориальной проблематике первых публикаций. По итогам первого семинара был сформулирован важный вывод, что историческая демография является самостоятельной отраслью в системе исторических наук со своим комплексом источников, методологической базой и задачами. Уже на следующих семинарах география и проблематика исследований существенно

⁴⁵⁶ См., например: Рабочий класс СССР (1951–1965 гг.). М., 1969; Рабочий класс СССР на новом этапе развития социалистического общества. 1961–1970 гг. М., 1988. Т. 5.; Сенявский С.Л. Изменения в социальной структуре советского общества. 1938–1973. М., 1973; Шкаратан О.И. Проблемы социальной структуры рабочего класса СССР (историко-социологическое исследование). М., 1970.

⁴⁵⁷ Васькина Л.И. Городское население СССР в канун социалистической индустриализации // Вестник Московского университета. История. 1971. № 4. С. 3–19.

⁴⁵⁸ Поляков Ю.А., Дробижев В.З. Народонаселение СССР и история советского общества // Вопросы истории. 1974. № 4. С. 5–11.

расширилась, в том числе за счет включения работ по советскому периоду⁴⁵⁹. При этом ученых больше интересовали 1920–1930-е гг., военный и восстановительный периоды, где были достигнуты наибольшие успехи⁴⁶⁰.

Первыми историками, которые предметно проанализировали городское население СССР в изучаемый нами период, стали В.С. Кожурин и С.А. Погодин. В статье, опубликованной в журнале «История СССР», они на основе данных Всесоюзных переписей описали рост городского населения в стране с 1939 по 1979 г., в том числе и в ее союзных республиках⁴⁶¹. Количество публикаций по послевоенному периоду постепенно стало нарастать. Однако тезисы, выдвигаемые историками, в содержательном плане мало отличались от положений, выдвинутых собственно демографами. Это объясняется тем, что в отличие от довоенного, военного и восстановительного периодов 1960–1980-е гг. были изучены лучше. Близко примыкает к изучаемому нами периоду статья В.В. Аникина, опубликованная в журнале «Вопросы истории» в 1981 г., в которой автор рассмотрел причины снижения миграционной подвижности городских жителей⁴⁶².

Труды, в которых городское развитие рассматривалось в историческом ключе, публиковали не только историки, но и демографы, часто осуществлявшие длительные экскурсии в историю. В 1980-е гг. стало модным изучать и выявлять закономерности в урбанизации. Например, в коллективной монографии «Население СССР за 70 лет» (М., 1988) отмечено, что на ее начальной фазе, когда происходило становление базовых отраслей промышленности, производство смещалось в районы дешевого сырья, где преобладал ручной труд. Освоение новых природных ресурсов требовало больших перемещений населения. На более высоком уровне индустриализации, при активном строительстве обрабатывающих отраслей, производство смещалось в уже заселенные и освоенные районы. Роль промышленности снижалась, а науки, образования и других обслуживающих отраслей, наоборот, росла. Все это привело к появлению новых урбанизационных тенденций⁴⁶³.

⁴⁵⁹ Всесоюзный семинар по исторической демографии, второй: тез. докл. Рига, 1977; Проблемы исторической демографии СССР: сб. ст. семинара. Томск, 1980; Проблемы исторической демографии СССР (период социализма): сб. ст. семинара. Кишинев, 1985; Тезисы докладов и сообщений VII Всесоюзной конференции по исторической демографии. Донецк, 14–16 мая 1991 г. М., 1991. Ч. 1.

⁴⁶⁰ См., например: Поляков Ю.А., Киселев И.Н., Устинов В.А. К вопросу о методике определения численности и национального состава населения СССР в 1917–1926 гг. // История СССР. 1981. № 2. С. 99–109; Жиромская В.Б. Городское население Советской страны в первые годы нэпа: изменение численности, возрастно-полового состава // Проблемы исторической демографии СССР: сб. науч. тр. Киев, 1988. С. 96–101; Вербицкая О.М. Половозрастная структура и особенности воспроизводства колхозного населения РСФСР в 1945–1960 гг. // Социально-классовая структура и демографические процессы в России и СССР: вопросы комплексного изучения: сб. ст. М., 1990. С. 73–81.

⁴⁶¹ Кожурин В.С., Погодин С.А. Изменения численности городского населения СССР в 1939–1979 годах // История СССР. 1980. № 6. С. 133–137.

⁴⁶² Аникин В.В. К вопросу о миграции населения в городах РСФСР в 1950–1956 гг. // Вопросы истории. 1981. № 12. С. 56–65.

⁴⁶³ Население СССР за 70 лет. С. 45.

Городское население. Советский период (восточные районы). Экономико-географический подход к изучению сибирских городов стал применяться довольно рано. В данном ключе, например, была написана книга Р.М. Кабо «Города Западной Сибири», изданная в 1949 г., демографическая проблематика в ней затрагивалась лишь вскользь⁴⁶⁴. В похожем ключе было проведено исследование В.В. Воробьева, посвященное городам Восточной Сибири⁴⁶⁵. Также следует упомянуть работу К.И. Спидченко, в которой анализировались экономическое развитие и территориально-географическое положение городов Кузбасса⁴⁶⁶. Общие характеристики демографических процессов в городских поселениях кратко рассматривались в контексте изучения проблем градостроительства и обеспечения предприятий трудовыми ресурсами⁴⁶⁷.

После Всесоюзной переписи 1959 г. исследования в области географии населения стали проводиться и сибирскими учеными. Уже в 1962 г. вышел знаковый сборник научных трудов, в котором рассматривались структура, занятость населения, его распределение по отраслям народного хозяйства. В его статьях нашли отражение в основном проблемы миграций, были показаны изменения, произошедшие в географии населения Восточной Сибири за 1939–1959 г., в том числе и городского⁴⁶⁸. Такие сборники выпускались и позднее. В них освещались некоторые особенности формирования населения в территориально-производственных комплексах, демографическое развитие отдельных городских поселений, адаптация мигрантов к новым условиям⁴⁶⁹.

Общие тенденции формирования городского населения Сибири были проанализированы в коллективной монографии Е.Д. Малинина и А.К. Ушакова, где авторы отметили медленные темпы роста численности городских жителей, которые превышали общесоюзные лишь в 1939–1959 г., при более интенсивном повышении удельного веса горожан. Ученые в своей книге сконцентрировали свое внимание больше на естественном и миграционном движении населения. Аналогичного подхода придерживался В.В. Воробьев, хотя в его работе

---

⁴⁶⁴ Кабо Р.М. Города Западной Сибири: очерки историко-экономической географии (XVII – первая половина XIX в.). М., 1949.

⁴⁶⁵ Воробьев В.В. Города южной части Восточной Сибири: ист.-геогр. очерки. Иркутск, 1959.

⁴⁶⁶ Спидченко К.И. Города Кузбасса: экон.-геогр. очерки. М., 1947.

⁴⁶⁷ Градостроительные проблемы Севера: тезисы докладов к координационному совещанию по совершенствованию планировки и застройки населенных мест в Северной строительной-климатической зоне (Мурманск, сентябрь 1971 г.). Л., 1971; Мясиненков В.М. Экономические проблемы расселения и районной планировки на Севере. Л., 1983; Проблемы градостроительства в районах Севера: сб. науч. тр. М., 1975; Расселение, планировка и застройка городов на Севере: сб. науч. тр. М., 1979.

⁴⁶⁸ География населения Восточной Сибири: сб. ст. М., 1962.

⁴⁶⁹ География населения Сибири: сб. ст. Иркутск, 1976.

урбанизации было уделено чуть больше места⁴⁷⁰. Демографическое развитие городов и формирования системы городских поселений кратко рассматривались в других публикациях⁴⁷¹.

В советское время большое внимание уделялось районам нового освоения. В то время количество издаваемой литературы, посвященной их развитию, было достаточно велико. Публиковались статьи и монографии по проблемам кадрового обеспечения этих районов, защищалось диссертации⁴⁷². Среди изданных трудов необходимо отметить две монографии В.И. Чудновой, одна из которых была написана в соавторстве с К.Н. Мисевич, другая с Н.Ф. Кожуховской. В первой из них, где исследуется население районов нового промышленного освоения Западной Сибири, авторы пришли к важному выводу, что существующие на Обском Севере типы городских поселений (нефтегазопромысловые, лесопромышленные, районные и окружные центры) существенно различались как по динамике населения, так и по показателям естественного и механического прироста⁴⁷³.

Вторая монография, где рассматривалось население юга Красноярского края, по методике исследования и комплексу решаемых задач была сходной с первой книгой. В содержательном плане кроме краткого исторического очерка о формировании местного населения были выделены группы городских поселений и промышленные узлы, которые исследовались с точки зрения демографических тенденций. В отличие от Обского Севера в Красноярском крае ситуация оказалась менее однозначной, так как здесь было сложнее провести четкое разграничение городских поселений по характеристикам естественного и механического прироста⁴⁷⁴. Частные вопросы формирования городских поселений в районах, прилегающих к БАМу, рассматривались в трудах С.Н. Железко, Е.В. Белкина и Ф.Э. Шереги⁴⁷⁵.

Крупные монографии по конкретно сибирским городам были опубликованы позднее – Е.Н. Перциком, Г.Ф. Куцевым и Б.И. Оглы. Труды авторов вышли на волне популярности экономико-географических исследований региональных систем расселения. Ученые подчеркивали, что специфические особенности развития городских поселений на востоке

⁴⁷⁰ Малинин Е.Д., Ушаков А.К. Население Сибири. М., 1976; Воробьев В.В. Население Восточной Сибири (современная динамика и вопросы прогнозирования). Новосибирск, 1977.

⁴⁷¹ Кадников В.В. Региональная система расселения в северных районах Западной Сибири // Градостроительные проблемы Севера: тезисы докладов к координационному совещанию по совершенствованию планировки и застройки населенных мест в Северной строительной-климатической зоне (Мурманск, сентябрь 1971 г.). Л., 1971. С. 71–75; Зыков С.С. Вопросы развития городов Сибири (некоторые экономические факторы развития городов) // Известия Сибирского отделения АН СССР. 1964. № 1. С. 63–69. (Сер.: Общественные науки; вып. 1).

⁴⁷² См., например: Уткин Ф.А. Подвижность населения в районах промышленного освоения (на материалах Тюменской области): автореф. ... дис. канд. экон. наук. Свердловск, 1967; Соколова Л.Г. Некоторые аспекты формирования трудовых ресурсов Братско-Усть-Илимского территориально-производственного комплекса // Вопросы формирования Братско-Усть-Илимского ТПК: сб. ст. Новосибирск, 1977. С. 91–105; Ноздрин Н.Н. Миграционные процессы в районе нового освоения (на примере КАТЭКа). Препринт. М., 1985.

⁴⁷³ Мисевич К.Н., Чуднова В.И. Население районов современного промышленного освоения севера Западной Сибири. Новосибирск, 1973.

⁴⁷⁴ Чуднова В.И., Кожуховская Н.Ф. Население Саянского ТПК (формирование и расселение). Новосибирск, 1979.

⁴⁷⁵ Железко С.Н. Социально-демографические проблемы в зоне БАМа. М., 1980; Белкин Е.В., Шереги Ф.Э. Формирование населения в зоне БАМ. М., 1985.

России – обширность территории, суровый климат, очаговое расселение, слабо сформированная транспортная инфраструктура наложили отпечаток на развитие урбанизации. Е.Н. Перцик основной упор сделал на совершенствовании теории строительства и формирования инфраструктуры городских поселений, изучив факторы, которые в недостаточной мере учитывались при проектировании новых городов. Работа, по существу, была посвящена изучению опыта реализации градостроительных программ, управлению процессом урбанизации в условиях рационального размещения и развития производительных сил страны. Ученый проанализировал систему городского расселения в Сибири и на Дальнем Востоке, разработал практические рекомендации для ее оптимальной организации. Для этого в его работе были в том числе рассмотрены этапы возникновения местной городской сети, начиная с возникновения первых острогов, показана динамика населения важнейших городских центров. Изучен исторический процесс становления сибирских агломераций и некоторых городов⁴⁷⁶.

В работе Г.Ф. Куцева в основном на материалах Восточной Сибири сделан акцент на изучении социальных аспектов и издержек строительства новых городов. С привлечением социологических данных рассмотрены половозрастной, социальный и образовательный состав городских жителей, изменения, происходившие по мере становления промышленности и непромышленной сферы. Собственно, проблемы численности городского населения затрагивались мало. Однако полевые исследования дали возможность оценить демографическое поведение жителей новых городов, в том числе брачное и репродуктивное⁴⁷⁷.

Большой исторический очерк о становлении сибирской городской сети начиная с XVI в. написан Б.И. Оглы. Несмотря на то, что в его работе в основном обсуждались вопросы градостроительной политики, архитектурные и планировочные особенности городских поселений, в ней подробно описаны природно-географические, экономические и исторические условия урбанизации. Ученый рассмотрел эволюцию градостроительства, которая началась с хаотичных застроек и расселения людей и закончилась планомерно организованным размещением промышленности, социальной инфраструктуры и жилых комплексов. Определенный интерес представляет описание возникновения и развития отдельных городов, формирования их населения⁴⁷⁸.

У сибирских историков наибольший интерес вызывали особенности урбанизации дореволюционного периода. На данную тему были опубликованы, например, труды

---

⁴⁷⁶ Перцик Е.Н. Город в Сибири: проблемы, опыт, поиск решений. М., 1980.

⁴⁷⁷ Куцев Г.Ф. Новые города (социологический очерк на материалах Сибири). М., 1982.

⁴⁷⁸ Оглы Б.И. Строительство городов Сибири. Л., 1980.

В.И. Кочадамова, Д.Я. Резуна и Р.С. Василевского, П.Т. Сугутова⁴⁷⁹. Динамика городского населения, рост его удельного веса рассматривались в трудах, посвященных сибирскому рабочему классу, источникам и формам его пополнения. На эту тему было опубликовано несколько обобщающих исследований, среди которых выделяется крупная коллективная монография «Рабочий класс Сибири. 1961–1980 гг.» (Новосибирск, 1986). Разнообразная информация содержится в многотомном издании «История Сибири», хотя проблемы демографии глубокой разработки в этой фундаментальной работе не получили⁴⁸⁰. Первым к демографическим проблемам городских поселений Сибири советского периода обратился А.С. Московский в статье, вышедшей в 1966 г. в журнале «Известия Сибирского отделения Академии наук СССР»⁴⁸¹.

Данное направление исторических исследований было поддержано В.И. Исаевым и А.А. Николаевым, которые опубликовали несколько совместных статей. Эти работы интересны тем, что в них впервые были выявлены общие характеристики формирования городского населения Сибири в первой трети XX века. Отмечена высокая роль механического прироста на начальных стадиях урбанизации. Авторы пришли к выводу, что быстрое развитие промышленности в период сталинской индустриализации привело к резкому росту городского населения, его темпы оказались значительно выше, чем в других районах страны. Причем городское население увеличивалось в основном за счет сибирских регионов, доля других районов страны оказалась незначительной⁴⁸².

Вопросы обеспечения предприятий трудовыми ресурсами, в том числе в отраслевом разрезе, анализировали Г.А. Докучаев, И.И. Комогорцев, В.А. Ламин, И.М. Савицкий⁴⁸³. С.С. Букин и В.И. Исаев сконцентрировали свое внимание на социально-бытовых аспектах урбанизации. Несмотря на то, что вопросы демографии являлись все-таки второстепенными для

---

⁴⁷⁹ Кочадамов В.И. Первые русские города Сибири. М., 1978; Резун Д.Я., Василевский Р.С. Летопись сибирских городов. Новосибирск, 1989; Сугутов П.Т. Население Омска в конце XIX века // Известия Омского отделения географического общества СССР. 1966. Вып. 8 (15). С. 31–39.

⁴⁸⁰ История Сибири с древнейших времен до наших дней: в 5 т. Л., 1968–1969.

⁴⁸¹ Московский А.С. Рост городского населения Сибири в годы первой пятилетки // Известия Сибирского отделения АН СССР. 1966. № 5. С. 73–79. (Сер.: Общественные науки; вып. 2).

⁴⁸² Исаев В.И., Московский А.С., Николаев А.А. Социальные и географические источники роста городского населения Сибири в период социалистической индустриализации // Хозяйственное освоение Сибири и рост ее народонаселения (XVIII–XX вв.): Бахрушин. чтения 1979 г.: сб. науч. тр. Новосибирск, 1979. С. 3–11; Они же. Формирование городского населения Сибири в период строительства социализма // Проблемы исторической демографии СССР: сб. ст. Томск, 1980. С. 66–77.

⁴⁸³ Докучаев Г.А. Рабочий класс Сибири и Дальнего Востока в послевоенные годы (1946–1950). Новосибирск: Наука, 1972; Комогорцев И.И. Промышленность и рабочий класс Сибири в период строительства коммунизма (1959–1965 гг.). Новосибирск, 1971; Ламин В.А. Формирование рабочих коллективов в новых промышленных районах Сибири // Численность и состав рабочих Сибири в условиях развитого социализма (1959–1975 гг.). Новосибирск, 1977. С. 182–188; Савицкий И.М. Промышленные кадры послевоенной Сибири (1945–1960). Новосибирск, 1984.

названных ученых, тем не менее специфика исследуемых ими тем предполагала обращение к проблемам демографии городского населения⁴⁸⁴.

Значительный вклад в становление и развитие демографических исследований в Сибири внес В.В. Алексеев через разработку тематики трудовых ресурсов. Результатом его многогранной деятельности стали публикации сборников научных трудов, где рассматривались источники и формы пополнения трудовых коллективов, их национальный, возрастной и социально-классовый состав. Большой интерес у ученого вызывали отраслевые особенности формирования рабочего класса, влияние специфики экономического развития Сибири на численность местного населения⁴⁸⁵.

В конце 1970-х – в 1980-е гг. были опубликованы работы М.М. Ефимкина, в которых городское население в рассматриваемый нами период изучалось более подробно. Ученый предметно занимался историей рабочего класса в 1960–1980-е гг., выпустив несколько монографий, поэтому не мог обойти стороной вопросы городского развития Сибири⁴⁸⁶. Основное внимание урбанизации было уделено в книге «Социальное развитие рабочего класса Сибири. 1959–1980 гг. (Новосибирск, 1989), где были проанализированы ключевые закономерности формирования сибирского населения, в том числе в городах. Автор справедливо отметил, что решающим условием повышения численности горожан стало бурное промышленное развитие. Отмечены высокие различия в урбанизации между сибирскими регионами, ведущая роль административных центров в пополнении контингентов горожан. Проблемы городского населения Восточной Сибири в рамках изучения рабочего класса затрагивались Г.М. Макиевским⁴⁸⁷. Несмотря на достаточно большое количество опубликованных трудов, проблемы демографии все еще находились на периферии интересов историков, а сделанные ими оценки во многом перекликались с выводами демографов, высказанными ранее.

Самыми разработанными оказались начальные годы изучаемого нами периода, где решающий вклад в их исследование внесли труды В.А. Исупова. В его работах были

⁴⁸⁴ Букин С.С. Опыт социально-бытового развития городов Сибири (вторая половина 1940-х – 1950-е гг.). Новосибирск, 1991; Букин С.С. Социально-бытовое и демографическое развитие Сибири: проблемы взаимодействия // Исторический опыт социально-демографического развития Сибири: тез. докл. и сообщ. Всесоюз. науч. конф. (12–14 дек. 1989 г.). Новосибирск, 1989. Вып. 2. Социально-демографическое развитие советской Сибири. С. 80–82; Исаев В.И. Быт рабочих Сибири. 1926–1937 гг. Новосибирск, 1988.

⁴⁸⁵ Алексеев В.В. Электрификация Сибири. Историческое исследование. Новосибирск, 1976. Ч. 2. 1951–1970 гг.; Алексеев В.В. Влияние энергетического строительства на хозяйственное освоение и заселение Сибири // Хозяйственное освоение Сибири и рост ее народонаселения (XVIII–XX вв.): Бахрушин. чтения 1979 г.: сб. науч. тр. Новосибирск, 1979. С. 48–58; Алексеев В.В. Источники и формы комплектования трудовых коллективов Сибири в период упрочения и развития социализма // Трудовые коллективы Сибири: проблемы формирования и развития: сб. ст. Новосибирск, 1985. С. 5–20.

⁴⁸⁶ Ефимкин М.М. Источники и формы пополнения рабочих Западной Сибири в условиях развитого социализма. Новосибирск, 1979; Ефимкин М.М. Социальное развитие рабочего класса Сибири. 1959–1980 гг. Новосибирск, 1989; Ефимкин М.М. Рабочие Сибири, конец 50-х – середина 80-х годов. Новосибирск, 1990.

⁴⁸⁷ Макиевский Г.М. Рабочие Восточной Сибири на пути к развитому социализму. Красноярск, 1980.

поставлены и решены многие малоисследованные проблемы урбанизации. Ученый на основе большого массива источников проанализировал развитие городской сети в советский период вплоть до конца 1950-х гг. Ряд выявленных им тенденций продолжали существовать и на следующих этапах урбанизации. Так, В.А. Исупов отметил, что более половины городских поселений в Сибири возникло благодаря разработке месторождений полезных ископаемых, формированию лесной и лесоперерабатывающей промышленности, тогда как отрасли высоких переделов (машиностроение, металлообработка, химическая и т.д.) концентрировались главным образом в старых промышленных центрах⁴⁸⁸. В послевоенный период на территории сибирских регионов, так же как и в европейской части страны, возникли первые агломерации. Наряду с этим произошло существенное уменьшение темпов роста численности горожан, увеличился миграционный отток в другие районы, в отдельных городских поселениях произошло сокращение количества жителей, прежде всего в центрах горнодобывающей промышленности, усилилась концентрация городского населения⁴⁸⁹.

Первые предметные исторические исследования по сибирскому городскому населению в 1960–1980-е гг. были опубликованы в сборнике научных трудов «Урбанизация Советской Сибири» (Новосибирск, 1987). В статье Н.Н. Решетникова и В.А. Исупова рассмотрены этапы формирования населения Новосибирска почти за целый век (1893–1986 гг.)⁴⁹⁰. Среди работ сборника следует выделить статьи А.А. Долголюка и А.И. Тимошенко. Ученые проанализировали этапы формирования сети городских поселений в условиях интенсивного промышленного строительства, судьбы отдельных городов, роль миграций, организованных форм переселений в повышении численности городских жителей. Вместе с тем ученые сделали акцент на проблемах социального характера, с которыми чаще всего приходилось сталкиваться новоселам: жилищных условиях, вопросах образования, медицинского обслуживания, продовольственного обеспечения и т.д.⁴⁹¹ Тезисы, выдвинутые учеными, получили отражение в других публикациях⁴⁹².

По тематике районов нового освоения Восточной Сибири вышла монография Г.А. Цыкунова, где рассмотрены различия в динамике населения в ее крупнейших ТПК⁴⁹³.

⁴⁸⁸ Исупов В.А. Городское население Сибири: от катастрофы к возрождению (конец 30-х – конец 50-х гг.). С. 34–44.

⁴⁸⁹ Индустриальное освоение Сибири: опыт первых послевоенных пятилеток. 1946–1960 гг. Новосибирск, 1989.

⁴⁹⁰ Решетников Н.Н., Исупов В.А. Динамика численности населения Новосибирска (1893–1986 гг.) // Урбанизация советской Сибири. Новосибирск, 1987. С. 210–221.

⁴⁹¹ Долголюк А.А. Рост городского населения Среднего Приангарья (1955–1980 гг.) // Урбанизация советской Сибири. Новосибирск, 1987. С. 128–147; Тимошенко А.И. Формирование населения городов Канско-Ачинского топливно-энергетического комплекса (1950–1980-е гг.) // Урбанизация советской Сибири. Новосибирск, 1987. С. 147–162.

⁴⁹² Долголюк А.А. Формирование трудовых коллективов Братско-Усть-Илимского ТПК. 1955–1980. Новосибирск, 1988; Тимошенко А.И. Динамика численности и состава рабочих и служащих угледобывающих предприятий КАТЭКа // Трудовые коллективы Сибири: проблемы формирования и развития: сб. ст. Новосибирск, 1985. С. 49–59.

⁴⁹³ Цыкунов Г.А. Ангаро-Енисейские ТПК: проблемы и опыт (исторический аспект). Иркутск, 1991.

В 1989 г. была организована Всесоюзная научная конференция, в которой, по существу, были подведены итоги изучения историками социально-демографических процессов в Сибири. В представленных тезисах и докладах поднимались как традиционные кадровые проблемы, так и вопросы демографического развития, в том числе и сибирских городов⁴⁹⁴. Логика дальнейших исследований вела к необходимости углубленного анализа исторических тенденций воспроизводства и миграции местного населения.

Городское население. Постсоветский период. В постсоветский период общественные науки уже не были, как и прежде, скованы рамками идеологии, облегчился доступ к статистической информации, активизировались научные контакты российских и иностранных ученых. Благодаря этому появилась возможность с иных позиций взглянуть на историю российских городов и их населения.

В этой связи необходимо отметить коллективную монографию «Город и деревня Европейской России: сто лет перемен» (М., 2001), которая стала идейным продолжением вышедшей еще в начале XX в. книги В.П. Семенова-Тян-Шанского. Авторы монографии проследили исторические судьбы городов, названных В.П. Семеновым-Тян-Шанским истинными, или имевших право называться городами как таковыми, доказывая или, наоборот, опровергая предсказания ученого по поводу их перспектив, выделив факторы, которые способствовали их демографическому подъему или упадку. Такой подход был применен ко всем выделенным В.П. Семеновым-Тян-Шанским типам городских поселений. Исследователи попытались выявить характерные черты и этапы урбанизации в России в XX столетии, ее региональные особенности⁴⁹⁵. В другой известной коллективной монографии «Россия и ее регионы в XX веке: территория – расселение – миграции» (М., 2005) при написании раздела об урбанизации принимал участие тот же коллектив авторов (Г. Лаппо, Т. Нефедова, А. Трейвиш, Р. Попов), поэтому озвученные выводы в этих двух книгах оказались в целом идентичными⁴⁹⁶.

А.С. Сеньявского справедливо можно считать одним из основателей современной российской исторической урбанистики⁴⁹⁷. Несомненной заслугой ученого являлся отход от ставшей распространенной в 1990-е гг. недостаточно обоснованной критики советского исторического опыта. Он попытался выявить объективные закономерности становления городской цивилизации в России и СССР, обнаружив немало общего в формировании городской сети на Западе и в нашей стране, что стало центральной идеей его публикаций. При этом он не отрицал, что в командно-административной системе характер возникновения

⁴⁹⁴ Исторический опыт социально-демографического развития Сибири: тез. докл. и сообщ. Всесоюз. науч. конф. (12–14 дек. 1989 г.). Вып. 2. Социально-демографическое развитие советской Сибири. Новосибирск, 1989.

⁴⁹⁵ Город и деревня в Европейской России: сто лет перемен. М., 2001. С. 65–222.

⁴⁹⁶ Россия и ее регионы в XX веке: территория – расселение – миграции. М., 2005.

⁴⁹⁷ Сеньявский А.С. Урбанизация России в XX веке: роль в историческом процессе. М., 2003.

городов имел специфику: формирование городского населения и инфраструктуры шло несколько иначе. Несмотря на это, на высоком уровне обобщения стадии урбанизации протекали так же, как и в других ведущих промышленных странах: сокращались размеры миграций из сел, увеличивалась интенсивность межгородских перемещений, происходила концентрация населения в крупнейших городах и агломерациях⁴⁹⁸. Эти выводы были подтверждены А.С. Сенявским во второй главе монографии «Население России в XX веке: исторические очерки: в 3 т. Т. 3, кн. 1: 1960–1979» (М., 2005). Частные вопросы демографического развития городов в связи историческим исследованием проблем городской семьи рассматривались Н.А. Араловец, в контексте изучения сельского населения – О.М. Вербицкой⁴⁹⁹.

Городское население. Постсоветский период (восточные районы). Историко-демографические проблемы Сибири 1960–1980-х гг. рассматривались во многих публикациях. Причем городская проблематика отдельно не выделялась, а анализировалась в русле других проблем. Для описания демографических изменений широко привлекались и цитировались труды географов и экономистов. В вышедших работах были осуществлены дальнейшие шаги по обобщению исторического опыта развития урбанизации, анализ демографических тенденций производился именно с исторических позиций, хотя данный подход выдерживался не всегда из-за хронологической близости событий и еще недостаточного теоретического осмысления недавнего прошлого. Кроме теоретико-методологических аспектов традиционные вопросы вызывала методическая подготовка историков.

Необходимо выделить несколько направлений, на которых были достигнуты особенно крупные успехи. Прежде всего благодаря ослаблению бюрократических барьеров, мешавших доступу к архивным материалам, существенно улучшились возможности для изучения территориальных аспектов урбанизации. Это означало заметное приращение информационной базы региональных исследований. Ученые серьезно взялись за изучение местной истории, что позволило выявить специфические, локальные особенности демографических процессов, в том числе в городах.

Появились исследования, в которых преодолеваются догматические суждения, господствовавшие в научной литературе в отношении демографической истории рассматриваемого периода. Еще одним важным достижением историков стало почти повсеместное применение методологии демографического перехода. Она была известна еще с советских времен и на примере российского опыта апробирована А.Г. Вишневым⁵⁰⁰.

⁴⁹⁸ Сенявский А.С. Урбанизация России в XX веке: роль в историческом процессе. М., 2003. С. 115–131.

⁴⁹⁹ Араловец Н.А. Городская семья в России во второй половине XX в. М., 2015; Вербицкая О.М. Население российской деревни в 1939–1959 гг.: проблемы демографического развития. М., 2002.

⁵⁰⁰ Вишневский А.Г. Демографическая революция. М., 1976.

Важнейшими достоинствами теории являлись ее универсальность, которая повсеместно находила свое подтверждение историческим опытом, концептуальная обоснованность и логичность всех этапов, простота для понимания. Историки получили удобный инструмент, с помощью которого можно было проверить теоретические наработки демографов на региональном материале. И, наконец, упразднение цензуры позволило свободно обсуждать общественные явления, рассматривать их с разных сторон, привлекая ранее неизвестные факты.

Начиная с 1990-х гг. была организована и успешно проведена серия научных конференций «Проблемы аграрного и демографического развития Сибири» (в 1997, 1999, 2009, 2014 г.)⁵⁰¹. Краткие очерки о городском населении вводились авторами всех работ по урбанизации или социально-экономическому развитию Сибири. Результаты исследования рабочего класса в 1960–1980-е гг. были представлены в монографии Ю.И. Казанцева. В ней были кратко изложены демографические итоги урбанизации в Сибири. Автор пришел к выводу, что экстенсивный путь развития экономики привел к дефициту трудовых ресурсов, который не мог покрыть даже массовый приток сельского и внешнего (несибирского) населения в города⁵⁰².

В работе Н.В. Куксановой схематично представлен демографический рост сибирских городов в 1960–1970-е гг. Отмечено, что течение урбанизации в Сибири мало зависело от внутрирегиональной ситуации и определялось геополитическими стройками, которые планировались и осуществлялись центральной властью. Эти проекты серьезно изменили городское расселение в Сибири⁵⁰³. Во многом к аналогичным выводам пришла С.А. Рафикова, которая проследила тенденции численности городских жителей в 1960-е гг., отметив высокие межрегиональные различия в системе городского расселения, в естественном и механическом приросте городов⁵⁰⁴.

В плане рассматриваемой проблемы следует отметить три выпуска сборников научных трудов о социально-демографическом развитии Сибири в XX столетии, подготовленные коллективом ученых Института истории Сибирского отделения РАН. Статьи сборников в содержательном плане посвящены в основном сложной и многогранной проблеме – становлению индустриально-урбанистического общества на востоке России. В них подробно излагаются социально-бытовые аспекты урбанизации, особенности градостроительной

⁵⁰¹ Проблемы аграрного и демографического развития Сибири: науч. чтения, посв. памяти Н.Я. Гущина. Новосибирск, 1997; Аграрное и демографическое развитие Сибири в контексте российской и мировой истории. XVII–XX вв.: мат-лы всерос. науч. конф. Новосибирск, 1999; Проблемы аграрного и демографического развития Сибири в XX – начале XXI в.: тез. докл. и сообщ. конф., 26–27 окт. 2009 г.: посв. 90-летию со дня рожд. Н.Я. Гущина. Новосибирск, 2009; Проблемы аграрного и демографического развития Сибири в XX – начале XXI в.: мат-лы II Всерос. науч. конф. 20–22 октября 2014 г. Новосибирск, 2014.

⁵⁰² Казанцев Ю.И. Рабочие Сибири (60 – середина 80-х гг.). Екатеринбург, 1992.

⁵⁰³ Куксанова Н.В. Социально-бытовое развитие городов Сибири в 1960–1970-е гг.: уч. пос. Новосибирск, 1994.

⁵⁰⁴ Рафикова С.А. Живая история повседневности: сибирские горожане в 1960-е годы. Красноярск, 2019.

практики, частично затрагивается отраслевая специфика формирования трудовых ресурсов. Проблемам миграции и воспроизводства населения уделялось меньше внимания, хотя общие тенденции формирования населения Сибири получили должную оценку⁵⁰⁵.

Следующим звеном в цепи исследований индустриально-урбанистического общества стала монография, подготовленная коллективом сибирских историков – В.И. Исаевым, А.А. Долголюком, С.С. Букиным и А.И. Тимошенко. В ней на большом фактическом материале представлены итоги изучения результатов реализации крупных проектов, имеющих важнейшее народнохозяйственное значение, приведших к возникновению индустриально-урбанистического общества на востоке России. Несмотря на то, что демографическая проблематика по-прежнему не рассматривалась в качестве самостоятельного предмета исследования, авторы убедительно и последовательно доказывают, что урбанизация носила форсированный и в определенном смысле насильственный характер, проявившийся в массовом похожем на бегство переселении крестьян в город. Ведущая роль государства в советской модели модернизации наложила серьезный отпечаток на становление городского общества и образ жизни городских обитателей⁵⁰⁶.

Область научных интересов А.И. Тимошенко расширилась за счет включения всех территорий нового освоения Сибири. В своих работах ученый обобщила исторический опыт формирования новых промышленных районов, уделив много внимания истории программ регионального развития, становлению новых систем городского расселения. А.И. Тимошенко указала на высокие различия в источниках и формах привлечения трудовых ресурсов, существовавшие между промышленными районами. Например, в малообжитый север мигранты прибывали со всех регионов страны, тогда как в южных районах преобладало местное сельское население. Определенную роль при этом играли сложившиеся отраслевые производственные цепочки. Большой миграционный приток сопровождался растущими показателями естественного прироста. Ученый пришла к закономерному выводу, что динамика городского населения находилась в прямой зависимости от активности промышленного строительства, с окончанием которого темпы роста заметно снижались⁵⁰⁷.

Вопросы демографического развития Восточной Сибири также поднимались в исторической литературе. Имеются публикации, в которых рассматривались важные и

---

⁵⁰⁵ Социально-демографическое развитие Сибири в XX столетии. Новосибирск, 2003. Вып. 1; Социально-демографическое развитие Сибири в XX столетии. Новосибирск, 2004. Вып. 2; Социально-демографическое развитие Сибири в XX столетии. Новосибирск, 2004. Вып. 3.

⁵⁰⁶ Букин С.С., Долголюк А.А., Исаев В.И., Тимошенко А.И. Формирование индустриально-урбанистического общества в Урало-Сибирском регионе. Новосибирск, 2011.

⁵⁰⁷ Тимошенко А.И. Проекты социально-экономического развития Сибири в XX в.: концепции и решения. Исторические очерки. Новосибирск, 2007; Тимошенко А.И. Государственная политика формирования и закрепления населения в районах нового промышленного освоения Сибири в 1950–1980-е гг.: планы и реальность. Новосибирск, 2009.

интересные для изучения темы вопросы. Закономерности формирования трудового потенциала Восточной Сибири рассмотрены в монографии С.Н. Рубцова, которой уделен внимание проблеме текучести кадров и методам ее решения. Ученый убедительно доказал, что при низком уровне социального развития обеспечить ее трудовыми ресурсами можно было посредством высокого миграционного притока извне⁵⁰⁸. В контексте изучаемой темы следует упомянуть монографию А.В. Шалака, где автор среди прочего анализирует население восточносибирских регионов вплоть до начала 1950-х гг.⁵⁰⁹

Появились публикации, проливающие свет на малоисследованную тему истории закрытых городских поселений. Работы Г.А. Реута содержат большое количество фактологической информации о жилищно-бытовом положении, детально и глубоко проанализированы гражданское строительство, материально-бытовое обеспечение жителей. К сожалению, проблемы численности и движения населения таких городов не получили должного освещения и рассматривались отрывочно⁵¹⁰.

В монографии Л.Н. Славиной урбанизации также отведено определенное место. Исследование посвящено сельскому населению Восточной Сибири, однако черты сельского расселения, демографическое развитие сельского населения были предопределены процессом урбанизации. Автор указывает, что развитие экономики под сильным влиянием военно-стратегических интересов отразилось на качестве восточносибирских городов, привело к быстрому росту числа городских поселений. Многочисленные преобразования сельских населенных пунктов в городские способствовали возникновению «ложной урбанизации», при которой рост численности горожан не сопровождался переменами в городской жизни. В результате большинство населенных пунктов могли считаться городскими лишь условно. Л.Н. Славина приходит к выводу, что Восточная Сибирь, несмотря на высокий удельный вес городского населения, оставалась во многом слабоурбанизированной территорией с низкой плотностью населения, очаговым характером расселения⁵¹¹.

Несмотря на заметное количество работ по районам нового освоения, данное направление историко-демографических исследований по-прежнему не является хорошо изученным. В этой тематике плодотворно работает Н.В. Гонина, которая прорабатывает вопросы рождаемости, смертности и миграций городского населения в Ангаро-Енисейском регионе. Представляет интерес сравнение демографической динамики отдельных городских поселений, в том числе

---

⁵⁰⁸ Рубцов С.Н. История формирования и развития трудового потенциала промышленности Восточной Сибири в 1955–1985 гг. Иркутск, 1998.

⁵⁰⁹ Шалак А.В. Социальные проблемы населения Восточной Сибири: (1940–1950 гг.). Иркутск, 2000.

⁵¹⁰ Реут Г.А. Закрытые административно-территориальные образования Сибири: социализм за колючей проволокой. Красноярск, 2012; Реут Г.А. Мобилизация трудовых ресурсов и организация жилищно-гражданского строительства в закрытых городах Сибири. Красноярск, 2014.

⁵¹¹ Славина Л.Н. Сельское население Восточной Сибири (1960–1980-е гг.). Красноярск, 2007.

региональных административных центров, индустриальных и малых городов. Исследователь рассматривает демографическое развитие городских поселений, широко используя познавательные возможности факторного анализа для объяснения локальной специфики воспроизводства и миграции. При этом ученый подчеркивает важность не только социально-экономических, но конкретных историко-культурных факторов при интерпретации демографических показателей⁵¹².

Кроме вышеупомянутых работ появились публикации, в которых авторы рассмотрели проблемы народонаселения в более общей плоскости. Необходимость фундаментального теоретического осмысления демографических процессов на востоке России назрела давно. В работах В.А. Ламина и М.М. Ефимкина предпринята попытка выявить глубинные тенденции в формировании населения, в том числе городского. В серии совместных публикаций ученые проанализировали особенности его развития, главные факторы, повлиявшие на его численность, отметив большое геополитическое и стратегическое значение заселения Сибири для всей страны. Несмотря на достаточно высокий уровень обобщения, тексты работ авторов выдержаны больше в научно-популярном ключе, хотя сама постановка проблемы подтверждает необходимость дальнейшей проработки этого важного вопроса⁵¹³.

Отдельно следует сказать о демографических исследованиях, которые активизировались на соседнем Урале. Важными научными событиями стали публикации крупных монографий Г.Е. Корнилова, где поднимались вопросы социально-экономических и демографических перемен, происходивших в уральской деревне в годы Великой Отечественной войны⁵¹⁴. Ученый отметил, что она глубоко повлияла на сельское население, изменив его социально-профессиональную и возрастную структуру, приведя к резкому сокращению рождаемости и мощному миграционному перераспределению населения. Значительно увеличилось городское население, расширилась сеть городских населенных пунктов, в то время как сельское существенно сократилось. Несмотря на трудности доступа к архивной информации ученому удалось выявить региональные различия в естественном и механическом движении населения, в том числе демографические последствия военной мобилизации и эвакуации жителей европейских районов страны. Г.Е. Корниловым активно изучалось влияние других социальных

⁵¹² Гони́на Н.В. Демографические процессы в малых исторических городах Ангаро-Енисейского региона во второй половине 1950-х – конце 1970-х гг. // Исторический курьер. 2019. № 4. С. 129–142; Она же. Демографическая диалектика Красноярска в 1960-е годы // Исторический курьер. 2021. № 4. С. 163–173.

⁵¹³ Ламин В.А. Императивы демографического развития Сибири // Социально-демографическое развитие Сибири в XX столетии. Новосибирск, 2003. Вып. 1. С. 10–34; Ламин В.А., Ефимкин М.М. Население восточных районов России в глобальных демографических процессах // Миграционные процессы в азиатской России в XIX – начале XXI в.: сб. науч. тр. Новосибирск, 2009. С. 201–211; Ефимкин М.М., Ламин В.А. Сибирское демографическое пространство: формирование, развитие, перспективы // Проблемы исторической демографии Сибири: сб. науч. тр. Новосибирск, 2010. Вып. 1.

⁵¹⁴ Корнилов Г.Е. Уральская деревня в период Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). Свердловск, 1990.

кризисов первой половины XX в. на процессы воспроизводства и миграции, как в городе, так и на селе⁵¹⁵.

Научные итоги исследования демографических проблем были обобщены в получившей широкую известность коллективной монографии «Население Урала. XX век. История демографического развития» (Екатеринбург, 1996). В ней была показана специфика, выделены этапы и подведены итоги демографического и миграционного транзита в одном из крупнейших военно-промышленных районов России. Авторы монографии пришли к выводу, что уральские регионы преодолели все этапы перехода и перешли к современному типу воспроизводства населения в сжатые сроки⁵¹⁶.

Городское население. Региональные исследования (сибирские регионы). Вопрос о необходимости изучения демографических тенденций в рамках границ административных образований был поставлен еще в советское время. Однако исследование отдельных областей и краев долгое время не могло стать полноценным направлением демографических исследований. Интерес ученых вызывали демографические процессы в Сибири в целом, в том числе Западной и Восточной, в ее территориально-производственных комплексах. О региональной специфике говорилось лишь в общей форме, подчеркивались лишь некоторые черты и явления, характеризующие тот или иной регион. Как правило, статьи с очерками о населении публиковались в журналах или сборниках научных работ в рамках изучения трудовых ресурсов или местных систем населенных пунктов⁵¹⁷. Общим и объективным недостатком таких статей являлась нехватка статистических данных, которая в некоторой мере снижала их научную ценность.

Монографические исследования регионов, включающие крупные разделы о населении, были редки. Среди них следует упомянуть коллективные монографии А.А. Мытарева и И.А. Добрынина о населении и трудовых ресурсах Кузбасса и Г.А. Глотова и Е.Н. Перцика о его городских поселениях⁵¹⁸. Эти труды содержат исторические разделы о формировании населения области с досоветского периода. В них проанализировано становление сети городских поселений с учетом этапов индустриального развития. К сожалению, проблемы естественного и механического движения населения в этих книгах остались практически не освещенными. В Восточной Сибири наибольшую известность приобрела коллективная монография Ж.А. Зайончковской и В.И. Переведенцева о миграции населения в Красноярском

---

⁵¹⁵ Корнилов Г.Е. Демографическая ситуация на Урале в середине 1930-х гг. // Гуманитарные науки в Сибири. 2016. № 4. С. 60–66; Корнилов Г.Е. Демографические катастрофы в XX веке на Урале // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 2016. № 1. С. 490–502; Корнилов Г.Е. Миграционное движение и формирование населения Урала в первой половине XX в. // Уральский исторический вестник. 2012. № 2. С. 48–57.

⁵¹⁶ Население Урала. XX век. История демографического развития. Екатеринбург, 1996. С. 122.

⁵¹⁷ География населения Восточной Сибири: сб. ст. М., 1962; География населения Сибири: сб. ст. Иркутск, 1976.

⁵¹⁸ Мытарев А.А., Добрынин И.А. Проблемы географии населения и рационального использования трудовых ресурсов Кузбасса. Новокузнецк, 1972; Глов Г.А., Перцик Е.Н. Будущее городов Кузбасса. Проблемы градостроительства и районной планировки. Кемерово, 1972.

крае. В ней отдельно рассмотрена динамика городского населения, выявлено значение миграций в пополнении городских контингентов, в том числе из разных республик и экономических районов, выявлены главные города-реципиенты края⁵¹⁹.

В этом плане следует отметить еще несколько публикаций, где анализируются миграционные процессы в административных образованиях Сибири⁵²⁰. большей частью в них рассматриваются такие аспекты формирования населения, которые влияют на эффективность труда. Это, например, вопросы закрепления рабочих кадров, структура регионального хозяйства, текучесть рабочей силы, которая снижает производительность труда, квалификацию работников, качество выпускаемой продукции. В них перечисляются социальные и бытовые трудности, с которыми приходится сталкиваться новоселам, предлагаются варианты их разрешения. Как правило, описание динамики численности горожан, миграционного прироста или оттока служит неким вступлением к рассмотрению других проблем.

В отличие от административно-территориальных образований автономным республикам и областям Сибири в силу политико-административного статуса уделялось больше внимания. В 1978 г. вышла из печати монография Д.Д. Мангатаевой, где были выделены главные факторы формирования городских поселений Бурятской АССР. В книгу был включен историко-географический очерк о возникновении городов и поселков городского типа. В ней были рассмотрены изменение численности всего городского населения, в том числе в отдельных городах, становление современной городской сети. Демографические процессы в городах республики кратко рассматривались еще в нескольких работах⁵²¹.

Большой интерес ученых вызывали процессы, происходившие в соседней республике – Тувинской АССР. Коллективом авторов во главе с В.И. Бойко были выпущены монографии, в которых дана оценка характеру урбанизации в Туве. В работах акцентировано внимание на брачно-семейных отношениях, социально-культурном развитии, социальной мобильности и адаптации людей к новым видам труда и жизни. Авторы показали исторические особенности возникновения городских поселений, изучили темпы прироста горожан, отметив большую

⁵¹⁹ Зайончковская Ж.А., Переведенцев В.И. Современная миграция населения Красноярского края. Новосибирск, 1964.

⁵²⁰ Бурмак Л.К., Бурминова А.З. Миграция населения и некоторые вопросы закрепления кадров в Кемеровской области // Вопросы использования трудовых ресурсов Кузбасса: мат-лы к науч. конф. Новокузнецк, 1969. Вып. 2. С. 49–62; Кот Н.Г. Миграция населения Тюменской области // Проблемы социального развития: сб. науч. тр. Тюмень, 1969. Ч. 1. С. 87–91; Петров В.И. Основные виды миграций населения в Горном Алтае // Очерки населения и хозяйства Западной Сибири: сб. ст. Новосибирск, 1970. С. 24–32; Пысин Л.Ф., Уткин Ф.А. Особенности миграционных процессов в Тюменской области // Проблемы миграции населения и трудовых ресурсов: сб. ст. М., 1970. С. 76–78; Южанин В.И. Современная миграция населения Томской области // Ученые записки Томского пед. института. 1968. № 24. С. 3–10.

⁵²¹ Экономические проблемы пригородного сельского хозяйства БАССР. Улан-Удэ, 1973; Формирование промышленных узлов и размещение населения Бурятской АССР: сб. ст. Улан-Удэ, 1974.

долю молодежи в структуре городского населения, а также сохраняющийся высокий уровень рождаемости и естественного прироста, особенно среди коренных жителей⁵²².

Формированию населения и трудовых ресурсов Хакасской автономной области посвящена работа В.А. Кышпанакова. Возможно, это было первое историко-демографическое исследование отдельного региона не только в Сибири, но и в Советском Союзе, по результатам которого была опубликована монография⁵²³. В книге были выделены этапы формирования населения области. Показано, что городское население, благодаря строительству новых промышленных предприятий, росло стремительными темпами, почти всегда превышающими общесоюзный уровень. В результате образовалась многоуровневая система городских поселений с преобладанием областного центра (Абакан). Автор отмечает, что под влиянием индустриализации, Великой Отечественной войны и других факторов произошла существенная трансформация социально-классового, образовательного, половозрастного, национального состава населения. Вклад миграций в рост городов в процентном отношении был больше, чем в РСФСР, особенно в довоенный период, общие коэффициенты естественного прироста тоже были выше. При этом тенденции воспроизводства населения в Хакасии и в республике в целом оставались идентичными⁵²⁴.

Фрагментация экономического пространства России после распада СССР и рыночных реформ, повышение роли областей, краев, республик и их органов власти в политической и общественной жизни способствовали росту интереса к региональной истории, в том числе демографической. В основном демографическое развитие городских поселений не рассматривалось отдельно, а анализировалось в рамках экономических, социально-бытовых и иных проблем. В наименьшей степени были исследованы городские поселения Омской и Томской областей. Несмотря на традиционно сильные исторические школы, усилия местных ученых, например Д.А. Алисова, были нацелены на изучение богатыми событиями дореволюционного времени⁵²⁵. История отдельных городов рассматривалась в статьях и работах местных краеведов, но они мало отличались от других трудов, написанных в подобном ключе, демографические сюжеты в них включались редко. В Алтайском крае сложилось похожее положение, несмотря на то, что видными историками края В.А. Скубневским и Ю.М. Гончаровым, а также А.Р. Ивониным были выпущены монографии о городах Западной

⁵²² Городское население Тувинской АССР. Опыт социологического исследования. Новосибирск, 1981; Социологические характеристики городского населения Тувинской АССР: мат-лы социол. исследования. Новосибирск, 1982.

⁵²³ Кышпанаков В.А. Население и трудовые ресурсы Хакасии. Абакан, 1989.

⁵²⁴ Там же. С. 93.

⁵²⁵ См., например: Алисов Д.А. Культура городов Среднего Прииртышья в XIX – начале XX в. Омск, 2001.

Сибири досоветского периода, где населению уделено достаточно много места⁵²⁶. На этом фоне, пожалуй, единственным исключением стала кандидатская диссертация К.В. Григоричева, в которой были проанализированы миграционные процессы в крае после войны и вплоть до конца советского периода⁵²⁷.

По Тюменской области вышли труды В.П. Карпова, Г.Ю. Колевой, Н.Ю. Гавриловой, в которых сжато описаны процессы строительства новых городов, формирования их населения. Главный акцент был сделан на взрывном росте числа городских поселений и количества их жителей, на роли миграций в пополнении контингентов горожан, повышении доли северных районов в населении области⁵²⁸. Так как Тюменская область являлась многосоставным регионом, ученых заинтересовал характер демографического развития административных образований, входивших в его состав – Ямало-Ненецкого и Ханты-Мансийского автономных округов, тем более, что именно они стали базой для формирования ЗСНГК. В монографии И.Н. Стася рассмотрен рост городов, естественное и механическое движение населения в Ханты-Мансийском автономном округе в 1960–1980-е гг.⁵²⁹. По проблемам народонаселения Ямала были защищены диссертационные работы Н.А. Михалева и Г.Г. Корнилова⁵³⁰.

В Новосибирской области, где историческая демография традиционно имела сильные позиции, и где в этом направлении трудился коллектив ученых, следует отметить труды А.А. Бурматова, которым публикацией монографии «История Каинска-Куйбышева и его округа» (Новосибирск, 1997), по существу, были заложены основы изучения региональной демографической истории. В последующем А.А. Бурматовым и В.А. Зверевым была выпущена совместная монография «Народонаселение Барабы в 1925–1940 годах» (Новосибирск, 2019)⁵³¹.

Характер демографического развития городов вызвал интерес у ученых Кузбасса. Доля городских жителей в Кемеровской области была наибольшей среди административных образований Западной Сибири, и поэтому местная специфика урбанизации всегда вызывала заметный интерес. Вклад в изучение динамики численности горожан внесли К.А. Заболотская,

⁵²⁶ Скубневский В.А., Гончаров Ю.М. Города Западной Сибири во второй половине XIX – начале XX в. Барнаул, 2003. Ч. 1: Население. Экономика; Ивонин А.Р. Западносибирский город последней четверти XVIII – 60-х гг. XIX в.: опыт историко-демографического исследования. Барнаул, 2000.

⁵²⁷ Григоричев К.В. Динамика населения и миграционные процессы в Алтайском крае: середина 1940-х – конец 1980-х гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2000.

⁵²⁸ Колева Г.Ю. Западно-Сибирский нефтегазодобывающий район: экономическое и социальное развитие (1960–2000-е гг.). Тюмень, 2010; Гаврилова Н.Ю. Социальное развитие нефтегазодобывающих районов Западной Сибири. Тюмень, 2002; Карпов В.П., Колева Г.Ю., Гаврилова Н.Ю., Комгорт М.В. Западно-Сибирский нефтегазовый проект: от замысла к реализации. Тюмень, 2011.

⁵²⁹ Стась И.Н. Статья горожанином: урбанизация и население в нефтяном крае (1960-е – начало 1990-х гг.). Курган, 2018.

⁵³⁰ Михалев Н.А. Население Ямала в первой половине XX века (историко-демографические процессы): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Челябинск, 2008; Корнилов Г.Г. Население Ямала в 1959–1989 гг.: историко-демографический анализ: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2010.

⁵³¹ Бурматов А.А. Демографическая история Каинска-Куйбышева и его округа. Новосибирск, 1997; Зверев В.А., Бурматов А.А. Народонаселение Барабы в 1925–1940 годах. Новосибирск, 2019.

рассмотревшая этот вопрос в русле количественных изменений в населении угледобывающих регионов Сибири⁵³². По проблемам демографического развития Кузбасса в 1960–1980-е гг. была также защищена кандидатская диссертация Т.А. Реховской, где, судя по содержанию автореферата, городскому населению отведено значительное место⁵³³. Собственно становление и развитие сети городских поселений, начиная с 1920-х гг. до конца XX в., проанализировано в кандидатской диссертации А.В. Белькова⁵³⁴. В дальнейшем А.В. Бельковым вместе с К.А. Заболотской была выпущена серия статей, посвященных в том числе характеру демографического развития городов⁵³⁵.

Возрос интерес к изучению демографических аспектов урбанизации в Восточной Сибири, прежде всего в Красноярском крае. Были подготовлены диссертации Д.А. Гаврина, А.В. Задорина, которые в разной степени затрагивали эту тему⁵³⁶. В 2020 г. была защищена кандидатская диссертация И.В. Копылова, в которой, кроме естественного и механического движения городского населения предметно рассматривались его численность и расселение⁵³⁷. При этом историки обратили внимание на развитие Хакасской автономной области, ранее входившей в состав края. Так, в монографии Е.Е. Тинниковой изучена специфика формирования ее городского населения в 1970–1989 гг.⁵³⁸

Иркутская область в демографическом отношении изучена меньше. Начало историко-демографическому исследованию региона положили работы А.А. Долголюка и Цыкунова. Конкретно демографическому развитию области, в том числе ее городам, были посвящены диссертации Н.С. Николаенко и Ю.В. Черновой⁵³⁹. В настоящее время в данном направлении работает Т.П. Урожаева. В ее публикациях демографические процессы прошлого

⁵³² Заболотская К.А. Угольная промышленность Сибири (конец 1890 – начало 1990-х гг.). Историческое исследование. Кемерово, 1995; Заболотская К.А. Изменение численности населения в угледобывающих районах Сибири // Исторический опыт социально-демографического развития Сибири: тез. докл. и сообщ. Всесоюз. науч. конф. (12–14 дек. 1989 г.). Новосибирск, 1989. Вып. 2. Социально-демографическое развитие советской Сибири. С. 64–65.

⁵³³ Реховская Т.А. Население Кузбасса в 60–80-е гг. XX в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Кемерово, 1998.

⁵³⁴ Бельков А.В. Городское население Кузбасса в 20-е гг. XX в. – начале XXI в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Кемерово, 2007.

⁵³⁵ Заболотская К.А., Бельков А.В. Демографические тенденции индустриального Кузбасса (конец XIX – начало XXI в.) // Гуманитарные науки в Сибири. 2012. № 4. С. 22–26; Заболотская К.А., Бельков А.В. Население Кузбасса в 20-е гг. XX в. – первом десятилетии XXI в. // Проблемы исторической демографии Сибири: сб. науч. тр. Новосибирск, 2013. Вып. 3. С. 90–106; Заболотская К.А., Бельков А.В. Миграционные процессы на территории Кемеровской области в советский и постсоветский период (20-е гг. XX в. – начало второго десятилетия XXI в.) // Проблемы исторической демографии Сибири: сб. науч. тр. Новосибирск, 2015. Вып. IV. С. 112–134.

⁵³⁶ Гаврин Д.А. Развитие социально-демографической структуры населения Красноярского края в 1971–1980 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Красноярск, 2005; Задорин А.В. История демографического развития Красноярского края (1970–2002 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Томск, 2013.

⁵³⁷ Копылов И.В. Демографическое развитие городского населения Красноярского края (конец 1950 – начало 1990-х): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2019.

⁵³⁸ Тинникова Е.Е. Городское население юга Красноярского края (1970–1989 годы). Абакан, 2017.

⁵³⁹ Чернова Ю.В. Новые города Иркутской области (1950–1980 гг.): историческое исследование: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Иркутск, 2001; Николаенко Н.С. Влияние индустриального развития Иркутской области на динамику численности и состав населения. 1950–1980-е гг. Исторические аспекты: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Иркутск, 2004.

рассматриваются через призму современных проблем⁵⁴⁰. Население Республики Бурятия (Бурятской АССР) в 1960–1980-е гг. изучено достаточно подробно. В 1994 г. была опубликована монография Д.Д. Мангатаевой, в которой кроме городского рассматривалось демографическое развитие всего населения республики. Демографические аспекты урбанизации анализировались также в диссертационных работах И.П. Афанасьевой, Ц.В. Ламаханова, О.А. Убеевой, в работах М.Н. Балдано, К.Б.-М. Митупова⁵⁴¹. В наименьшей степени изучено население двух регионов Восточной Сибири – Читинской области и Тувинской АССР. Крупных обобщающих исторических работ по этим регионам до сих пор нет.

Итак, по проблемам урбанизации было выпущено множество трудов. Спектр рассматриваемых проблем был очень широк, начиная от кадровых, градостроительных, медицинских, заканчивая культурно-бытовыми, социально-экономическими и пространственно-расселенческими. При этом в статьях и монографиях всегда присутствовал ретроспективный анализ численности городского населения, который в зависимости от рассматриваемой темы мог быть обзорным или достаточно объемным, особенно в трудах географов. Конкретно вопросы рождаемости, смертности и миграции анализировались гораздо реже. Демографы эту проблематику рассматривали на фоне других тем, зачастую воспринимая урбанизацию как фактор воспроизводства населения, хотя и достаточно серьезный.

По отдельным направлениям ученым удалось достичь солидных успехов. Выявлены динамика численности и тенденции роста городского населения, изменение его доли в населении как в целом в Советском Союзе, так и на востоке страны. Исследована демографическая динамика городов разной величины, перемены в системе расселения. У ученых, включая историков, сложилось обобщенное представление о характере развития городов, в том числе разных размеров и функциональных типов, но при этом сохранился огромный пласт неисследованных вопросов. Концептуального понимания развития урбанизации не было сформировано. Аналогичное положение сложилось в отношении восточных районов.

Постижение пространственных особенностей развития системы городских поселений является лишь первым шагом. На последующих этапах необходимо решить масштабную исследовательскую задачу – понять комплекс исторических причин и условий, приведших к ее возникновению именно в таком виде, а также место рассматриваемого нами периода в развитии

⁵⁴⁰ См., например: Урожаева Т.П. Миграционные процессы в городах Иркутской области в конце 1990-х – 2020 году // Исторический курьер. 2020. № 4. С. 174–186; Она же. Демографические проблемы индустриальных городов Иркутской области в 1990-е гг. // Урбанистика. 2016. № 1. С. 34–42.

⁵⁴¹ Афанасьева И.П. Особенности социально-демографических процессов в городском населении Бурятии в 60–80-е гг. XX в. (исторический аспект): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Улан-Удэ, 2004; Ламаханов Ц.В. Население Бурятии: этнодемографические процессы в 1960–1990 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Улан-Удэ, 2006; Балдано М.Н. Промышленное развитие Республики Бурятия в 1960–1985 гг.: итоги и проблемы. Улан-Удэ, 2000; Митупов К.Б.-М., Горковенко О.Н. Социальные и демографические процессы в Бурятии на рубеже XX–XXI вв. Улан-Удэ, 2014.

процесса урбанизации. Однако до сих пор эта задача еще далека от своего разрешения. Ее решение требует системного анализа не только исторических особенностей демографического развития каждой из категории городов в Западной Сибири (больших, средних, малых и поселков городского типа), но также городов по отдельности.

Необходимо осуществить типологизацию городских населенных пунктов с учетом их экономической базы, так как функциональная принадлежность является важнейшим фактором демографического развития. Несмотря на высокую трудоемкость этого процесса, требующего знания социальной и экономической структуры городского хозяйства, выделение из всей массы городских поселений индустриальных, административных, местных организующих центров необходимо, так как это является ключом к пониманию урбанизации. Изучение особенностей развития функциональных типов городских поселений позволит дать правильную оценку формированию системы городских поселений в Западной Сибири, в ее регионах и, таким образом, во многом объяснить сложную динамику демографических показателей в 1960–1980-е гг.

Сложнейшей самостоятельной задачей является изучение тенденций миграции и воспроизводства населения. Но для этого, прежде всего, желательно определить его показатели на основе условных поколений, без влияния структурно-возрастных факторов. Это позволит полноценно использовать факторный анализ, который затруднен при использовании общих коэффициентов. После чего целесообразно соотнести демографические параметры с социально-экономическим развитием сибирских регионов, которое имело свои особенности на всех этапах исторического развития страны, благодаря размерам территории, климату, значительным природным ресурсам. В данном контексте полезно учитывать неординарность методов и подходов при хозяйственном освоении малолюдных районов, высокую военно-стратегическую ценность восточных регионов из-за возникновения перманентных угроз европейским территориям, что, например, оказало воздействие на территориальное размещение промышленных предприятий внутри страны.

Все это, в свою очередь, повлияло на важнейшие факторы рождаемости и смертности: занятость, социальный, образовательный состав населения, его культурный уровень и т.д. Под воздействием таких исторических условий менялись направления и масштабы миграционных перемещений. Теоретическое осмысление результатов демографического развития городского населения в контексте продолжающейся экстенсивной индустриализации позволит ответить на сложнейшие вопросы о специфических чертах его воспроизводства и миграции в восточных районах России, в том числе в Западной Сибири, определить особенности и региональную специфику демографической модернизации и урбанизации, которые здесь исторически сложились.

ГЛАВА 2.

ЧИСЛЕННОСТЬ И ПОЛОВОЗРАСТНОЙ СОСТАВ ГОРОДСКОГО НАСЕЛЕНИЯ

2.1. Краткий обзор динамики численности городского населения

Формирование городского населения Западной Сибири исторически шло под влиянием комплекса разнообразных политических и социально-экономических факторов. Первые сибирские города были главным образом военно-административными поселениями. Строительство Транссибирской железной дороги ускорило рост численности городских жителей, особенно в населенных пунктах, расположенных вблизи магистрали. Индустриализация значительно ускорила урбанизацию восточных районов. Численность населения западносибирских городов повысилась с 1926 г. по 1939 г. почти в три раза, удельный вес горожан возрос с 11,9 % до 28,9 %⁵⁴².

Несмотря на то, что прирост численности городских жителей у Западной Сибири оказался выше, чем в РСФСР (в 2,2 раза), по доле горожан в населении она все еще уступала общероссийским показателям (33,5 %). Значительно увеличилось количество жителей в крупных городах, таких как Новосибирск, Кемерово, Омск, Барнаул, Новокузнецк, Ленинск-Кузнецкий. Появились новые города, ставшие за короткий срок важными индустриальными центрами (Анжеро-Судженск, Белово, Прокопьевск, Киселёвск, Рубцовск).

Межрегиональные различия между западносибирскими регионами в уровне урбанизации оказались значительными. По удельному весу горожан в населении лидирующие позиции занял Кузбасс, где формирование Урало-Кузнецкого комбината форсировало процессы градостроения⁵⁴³. Согласно Всесоюзной переписи 1939 г. более половины населения Кемеровской области (55,0 %) проживало в поселениях городского типа. Далее последовательно расположились Новосибирская (31,3 %), Томская (26,7 %) и Омская (23,7 %) области. Сельское население по-прежнему доминировало в Тюменской области и Алтайском крае (17,8 % и 17,2 %)⁵⁴⁴.

Экстремальные условия Великой Отечественной войны сильно отразились на демографических процессах. Зафиксированные в РСФСР за межпереписной период 1939–1959 гг. среднегодовые темпы прироста (в процентах) городского населения оказались куда меньшими, чем в 1926–1939 гг., в особенности на территориях, подвергшихся оккупации. В то же время в Западную Сибирь из европейских районов прибыли промышленные предприятия

---

⁵⁴² Население РСФСР. Итоги Всесоюзной переписи населения на 15 января 1959 г. М., 1960. (ДСП). С. 23; Московский А.С., Исупов В.А. Формирование городского населения Сибири (1926–1939 гг.). С. 33.

⁵⁴³ В административно-территориальных границах 1959 г.

⁵⁴⁴ Население РСФСР. Итоги Всесоюзной переписи населения на 15 января 1959 г. М., 1960. (ДСП). С. 23.

вместе с эвакуированным населением. Если в целом по РСФСР численность городских жителей увеличилась на 71,0 %, то в Западной Сибири – на 122,8 %. За 20 лет различия между Западной Сибирью и Российской Федерацией в удельном весе городского населения почти нивелировались (51,1 % и 52,8 %). Кемеровская область сохранила лидирующие позиции (77,6 %). Рубеж в 50,0 % городских жителей преодолела Новосибирская область (55,4 %), приблизились к нему Томская и Омская области (48,2 % и 43,3 %). Доля горожан оставалась низкой в Тюменской области и Алтайском крае (33,1 % и 32,9 %) ⁵⁴⁵.

Начиная с 1950-х гг. в экономическом развитии Советского Союза наступает стадия зрелости по У. Ростоу. Как уже говорилось, этому этапу были присущи снижение масштабов роста численности и удельного веса городского населения, размеров миграций из сел, сокращение количества административных преобразований и опережающий рост городского населения в наиболее крупных городских поселениях.

К 1989 г. удельный вес городских жителей в РСФСР и Западной Сибири увеличился до 73,4 % и 72,7 % соответственно. Численность горожан в Российской Федерации увеличилась с 61 142,6 тыс. чел. до 107 959,0 тыс. чел. или на 76,6 %, в Западной Сибири – на 89,8 % (с 5 751,3 тыс. чел. до 10 915,5 тыс. чел.). Постепенно снижался ежегодный прирост численности горожан. Если в 1926–1939 гг. в Западной Сибири он составлял 8,7 %, в 1939–1959 гг. – 4,0 %, то в 1959–1989 гг. – 2,2 % (РСФСР – 1,9 %) ⁵⁴⁶.

Анализ показал медленное, но все же неуклонное снижение среднегодового роста численности горожан в Российской Федерации. Так, если в 1959–1970 гг. он составлял 2,5 %, в 1970–1979 гг. – 1,8 %, то в 1979–1989 гг. – только 1,3 %. Увеличение численности городских жителей, даже при сохранении абсолютных (числовых) показателей на прежнем уровне, само по себе естественным образом снижало процентные темпы демографического роста. Однако даже среднегодовое повышение численности горожан также снижалось от переписи к переписи. Так, если в РСФСР в 1959–1970 гг. городское население в среднем ежегодно увеличивалось на 1 803,5 тыс. чел., в 1970–1979 гг. – на 1 599,2, то в 1979–1989 гг. – только на 1 305,2 тыс. чел. ⁵⁴⁷

Рост численности городских жителей зависел от естественного прироста, который постепенно сокращался. Так, если в РСФСР в 1959–1969 гг. естественный прирост в городах в среднем ежегодно составлял 9,4 ‰, в 1970–1978 гг. – 7,1 ‰, то в 1979–1988 гг. – 6,3 ‰. Уменьшились и масштабы миграций в города и пгт. При этом механический прирост оставался главным источником пополнения контингентов горожан в рассматриваемый период. В 1959–

⁵⁴⁵ Население РСФСР. Итоги Всесоюзной переписи населения на 15 января 1959 г. М., 1960. (ДСП). С. 27–29.

⁵⁴⁶ Подсчитано по: Численность населения РСФСР по данным Всесоюзной переписи населения 1989 г. М., 1990. С. 14, 21.

⁵⁴⁷ Городские поселения РСФСР по данным Всесоюзной переписи населения 1989 года. М., 1991. С. 8.

1969 г. в РСФСР как в относительном (15,7 ‰), так и абсолютном размерах механический прирост значительно превысил естественный. В 1970–1978 гг. он сократился до 11,0 ‰, а в 1979–1989 гг. до 6,6 ‰ и почти сравнялся с естественным приростом. Снизилась интенсивность административных преобразований сельских населенных пунктов⁵⁴⁸. Если в 1960–1969 гг. в РСФСР в среднем ежегодно возникало городских поселений с общим числом жителей в 232,7 тыс. чел., в 1970–1978 гг. – в 108,9 тыс., то в 1979–1988 гг. – только в 96,0 тыс. чел.⁵⁴⁹

Постепенное снижение естественного прироста в 1959–1989 гг. являлось следствием низких темпов повышения числа рождений и увеличения количества смертей, происходившего вследствие старения населения и некоторого повышения уровня смертности. Так, если в 1960 г. в РСФСР на свет появилось 1332,8 тыс. детей, то в 1989 г. – 1520,7 тыс., то есть прирост составил всего 14,1 ‰, тогда как количество смертей за это время возросло в 2,5 раза с 436,7 тыс. до 1 088,5 тыс.⁵⁵⁰

Последовательное за 30 лет снижение положительного сальдо миграций городов носило объективный характер. Главными ее причинами стали истощение демографического потенциала села, снижение его удельного веса в населении, улучшение материального благосостояния и социального обеспечения сельских жителей. Ухудшение показателей воспроизводства, которое одновременно шло и в сельской местности, оказало влияние на пополнение молодежных контингентов (до 30 лет), рост численности которых происходил замедленными темпами, что, в свою очередь, снижало количество потенциальных мигрантов. Если за 1959–1970 гг. население РСФСР (городское и сельское) увеличилось на 10,7 ‰, то численность возрастной группы 15–40 лет, среди которых мигрируют наиболее активно, только на 3,5 ‰, в 1979–1989 гг. – соответственно на 7,0 ‰ и 5,8 ‰. Прирост потенциальных мигрантов оказался несколько выше только в 1970–1979 гг. – 6,7 ‰ против 5,6 ‰⁵⁵¹.

Как уже говорилось, в ходе урбанизации последовательно снижалась роль механического прироста. Тогда как значение естественного прироста в пополнении городских контингентов, наоборот, повышалось⁵⁵². Долевое соотношение между ними в РСФСР постепенно смещалось в пользу последнего (в 1960-е гг. – 1,7; 1970-е гг. – 1,6; в 1980-е гг. – 1,1). В отдельные годы (1983, 1984, 1987) естественный прирост был даже больше механического. Интенсивные

⁵⁴⁸ Региональные особенности воспроизводства и миграции населения в СССР. М., 1981. С. 52.

⁵⁴⁹ Демографический ежегодник России: стат. сб. М., 1997. С. 22.

⁵⁵⁰ Демографический ежегодник России: стат. сб. М., 1998. С. 51.

⁵⁵¹ Подсчитано по: Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 года. М., 1972. Т. II. Пол, возраст и состояние в браке населения СССР, союзных и автономных республик, краев и областей. С. 16–17; Итоги Всесоюзной переписи населения 1979 года: стат. сб. М., 1989. Т. II. Пол, возраст и состояние в браке населения СССР, союзных и автономных республик, краев и областей. Ч. 1. С. 38–39; Возрастной состав населения РСФСР по данным Всесоюзной переписи населения 1989 г. М., 1990. С. 64.

⁵⁵² Население России в XX веке: исторические очерки: в 3 т. Т. 3, кн. 1. 1960–1979. С. 21–22.

характеристики по А.С. Сенявскому, как показывают статистические данные, начинают превалировать⁵⁵³.

После краткого обзора демографических тенденций в РСФСР на стадии зрелости рассмотрим исторические особенности Западной Сибири. Здесь динамика городского населения оказалась иной. Если среднегодовой прирост численности горожан в два первых межпереписных периода так же как и в России в целом снизился (2,4 %, 1,9 %), то в 1979–1989 г. – вновь возрос и достиг 2,2 %. Вопреки эволюционной логике, демографические процессы подверглись коррекции под воздействием мероприятий, проводимых центральными органами власти. Еще одной исторической особенностью экономического района являлась высокая роль естественного прироста в пополнении городских контингентов (см. Прил., табл. 1).

Именно поэтому соотношение между механическим и естественным приростами по сравнению с республикой в целом оказалось иным: в 1960-е гг. – 1,1, в 1970-е гг. – также 1,1. В 1980-е гг. вклад миграций и административных преобразований увеличился, а указанное соотношение возросло до 1,5. Так, в Тюменской области этот коэффициент в 1980–1986 г. не опускался ниже трех⁵⁵⁴, тогда как в большинстве других регионов естественный прирост стал главным источником пополнения городских поселений, а в некоторых случаях даже единственным. Например, в Кемеровской области начиная по меньшей мере с начала 1960-х гг. вплоть до 1979 г. текущий учет нередко фиксировал миграционную убыль из ее городов и пгт⁵⁵⁵.

Что касается естественного прироста, то за 1959–1969 гг. его общий коэффициент в рассматриваемом экономическом районе в среднем составлял 11,0 ‰ (РСФСР – 9,4 ‰). В 1970–1978 гг. он по-прежнему был выше, чем в республике – 8,8 ‰ против 7,1 ‰. В 1979–1988 гг. различия между ними увеличились в пользу Западной Сибири (8,8 ‰ и 6,3 ‰). Если в 1960-е гг. естественный прирост в городах в расчете на тысячу человек был больше, чем в России на 17,0 %, то в 1980-е гг. – уже на 40,7 %.

Что касается механического прироста, то его роль в пополнении городских контингентов в Западной Сибири на большей части рассматриваемого периода была ниже, чем в РСФСР, и вот почему: масштабы притока населения в города находились в зависимости от объемов сальдо миграции экономического района в целом. Если последнее становилось небольшим или отрицательным, то обычно снижался и механический прирост городских поселений и,

⁵⁵³ Сенявский А.С. Урбанизация России в XX веке: роль в историческом процессе. С. 41, 194–210.

⁵⁵⁴ Подсчитано по: ГАТюм.О. ФР.–1112. Оп. 1. Д. 9827. Л. 7; Д. 10282. Л. 7; Оп 2. Д. 433. Л. 8; Д. 850. Л. 7; Д. 1326. Л. 7; Д. 1740. Л. 3; Д. 2157. Л. 4.

⁵⁵⁵ См., например: ГАКО. ФР.–304. Оп. 1. Д. 95. Л. 7; Д. 98. Л. 4; Д. 102. Л. 12; Д. 113. Л. 22об.

наоборот, по мере роста положительного сальдо экономического района росли масштабы механического прироста городских поселений⁵⁵⁶.

Низкая роль механического прироста в росте численности городского населения в 1960-е гг. была вызвана тем, что Западная Сибирь еще не стала приоритетным районом для хозяйственного развития и основные усилия государства были направлены на подъем экономики других территорий страны. В расчете на тысячу жителей механический прирост городов экономического района оказался меньше, чем в РСФСР (12,2 ‰ против 15,7 ‰). В 1970–1978 гг. вклад миграций и административных реорганизаций по-прежнему был ниже, чем по республике (9,9 ‰ и 11,1 ‰), однако дифференциация по сравнению с предыдущим периодом все же снизились. Перелом произошел в 1979–1988 гг., когда механический прирост западносибирских городов почти вдвое превысил среднереспубликанские показатели (13,1 ‰ против 6,6 ‰).

Для полного понимания динамики народонаселения, в том числе естественного и механического приростов в городах Западной Сибири в рассматриваемый период, необходимо внимательно изучить исторический контекст данных процессов.

За 1959–1970 гг. численность жителей городов в Западной Сибири увеличилась на 30,3 %, то есть меньше, чем в РСФСР (на 31,9 %). Доля горожан в населении возросла до 61,4 % (в республике – до 62,3 %) ⁵⁵⁷. В 1970 г. только Алтайский край и Тюменская область имели еще преимущественно сельское население⁵⁵⁸. Быстро повышалось количество жителей крупных городов, хотя темпы их демографического роста оказались ниже среднероссийских. Дело в том, что, если в республике за 11 лет состав городов с населением 100,0 тыс. чел и выше увеличился с 92 до 124, то в рассматриваемом экономическом районе остался на прежнем уровне (14). Поэтому их доля в общей численности горожан повысилась только на 0,2 %, до 67,1 % (с 66,9 %), тогда как в РСФСР сразу до 57,5 % (с 51,0 %) ⁵⁵⁹.

Таблица 2.1.1

Источники роста городского населения Западной Сибири в 1959–1969 гг.*

Год	Численность населения на начало года, тыс. чел.	Рост/сокращение			
		за счет естественного прироста		за счет механического прироста, тыс. чел.	Итого, тыс. чел.
		тыс. чел.	в ‰		
1959	5 724,2	98,9	17,0	81,6	180,5
1960	5 904,7	102,5	17,0	159,2	261,7
1961	6 166,4	94,6	15,1	66,9	161,5

⁵⁵⁶ Здесь необходимо иметь в виду также административные преобразования, однако вклад последних не был решающим.

⁵⁵⁷ Население РСФСР. Предварительные итоги Всесоюзной переписи населения на 15 января 1970 г. М., 1970. (ДСП). С. 9, 12.

⁵⁵⁸ ГАРФ. Ф.А. – 374. Оп. 39. Д. 1351. Л. 2, 4об–6об; Д. 1357. Л. 2, 4об–6об.

⁵⁵⁹ Подсчитано по: Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 года. М., 1972. Т. 1. Численность населения СССР, союзных и автономных республик, краев и областей. С. 62, 94.

Окончание таблицы 2.1.1

Год	Численность населения на начало года, тыс. чел.	Рост/сокращение			
		за счет естественного прироста		за счет механического прироста, тыс. чел.	Итого, тыс. чел.
		тыс. чел.	в %		
1962	6 327,9	85,4	13,4	46,4	131,8
1963	6 459,7	78,6	12,0	87,4	166,0
1964	6 625,7	67,1	10,0	93,5	160,6
1965	6 786,3	58,1	8,5	72,7	130,8
1966	6 917,1	57,2	8,2	97,7	154,9
1967	7 072,0	53,1	7,4	48,6	101,7
1968	7 173,7	52,5	7,3	68,9	121,4
1969	7 295,1	54,1	7,4	71,2	125,3

* Подсчитано по: Естественное и механическое движение населения РСФСР в 1973 году: стат. сб. (ДСП) М., 1974. С. 13, 15; Естественное и механическое движение населения РСФСР: стат. мат-лы. (ДСП) М., 1966. С. 43, 57; Естественное и механическое движение населения РСФСР: стат. сб. (ДСП) М., 1968. С. 76, 93; Естественное и механическое движение населения РСФСР: стат. сб. (ДСП) М., 1970. С. 38, 49; ГААК. ФР.–718. Оп. 43. Д. 54. Л. 11–12; Д. 61. Л. 22–24; Д. 65. Л. 17–18; Д. 70. Л. 15–17; ГАКО. ФР.–304. Оп. 1. Д. 65. Л. 24; Д. 66. Л. 21; Д. 67. Л. 35; Д. 68. Л. 22; Текущий архив Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Новосибирской области. Динамические ряды № 1. Л. 19–20; ИАОО. ФР.–2122. Оп. 1. Д. 3288. Л. 5; Д. 3294. Л. 185–186; Д. 3395. Л. 85–87; Д. 3408. Л. 30–31; ГАТО. ФР.–1085. Оп. 3. Д. 100. Л. 12об, 41об; Д. 151. Л. 262об, 313об; ГАТюм.О. ФР.–1112. Оп. 1. Д. 2450. Л. 9; Д. 2721. Л. 11; Д. 2981. Л. 11; Д. 3370. Л. 35.

Тем временем значение средних городов в Западной Сибири выросло на фоне снижения в республике (с 11,3 % до 9,8 %). Согласно переписи 1970 г. эта группа пополнилась тремя новыми городами, ее доля в городском населении увеличилась в два раза с 2,1 % до 4,2 %. Уменьшился удельный вес малых городов и поселков городского типа, но в Западной Сибири из-за большого количества административных преобразований сокращение оказалось небольшим – с 30,9 % до 28,6 % (в РСФСР с 37,6 % до 32,7 %) ⁵⁶⁰.

Численность городского населения в 1970–1978 гг. увеличилась на 18,2 %, больше, чем в РСФСР (на 17,4 %). К 1979 г. доля горожан в населении возросла до 67,7 % (РСФСР – 69,3 %). Во всех регионах к 1979 г. доля сельских жителей стала меньше городской ⁵⁶¹. Население больших городов в Западной Сибири по-прежнему росло медленнее (только на один процент – до 68,1 %), чем в республике (с 57,5 % до 61,6 %). Эта группа пополнилась за счет Сургута и Нижневартовска (с 14 до 16) ⁵⁶². Западная Сибирь быстро наверстывала свое отставание по средним городам, состав которых увеличился до девяти, а доля в городском населении – до 6,6 %. Удельный вес малых городов и пгт уменьшился до 25,2 % (в РСФСР – до 28,9 %) ⁵⁶³.

⁵⁶⁰ Там же. С. 94–95.

⁵⁶¹ ГАРФ. Ф.А. – 374. Оп. 39. Д. 6012. Л. 1–4. 7–9; Д. 6016. Л. 2–4, 7–9; Д. 6014. Л. 2–4, 7–9; Д. 6018. Л. 140–142, 145–147; Д. 6017. Л. 2–4, 7–9; Д. 6019. Л. 76–78, 81–83.

⁵⁶² Численность и состав населения СССР: По данным Всесоюзной переписи населения 1979 г. М., 1984. С. 17, 19.

⁵⁶³ Подсчитано по: Городские поселения РСФСР (по данным Всесоюзной переписи населения 1979 г.). М., 1980. (ДСП). С. 34, 42.

Источники роста городского населения Западной Сибири в 1970–1978 гг.*

Год	Численность населения на начало года, тыс. чел.	Рост/сокращение			
		за счет естественного прироста		за счет механического прироста, тыс. чел.	Итого, тыс. чел.
		тыс. чел.	в ‰		
1970	7 420,4	57,9	7,7	68,0	125,9
1971	7 546,3	64,4	8,5	46,8	111,2
1972	7 657,5	70,6	9,1	89,0	159,6
1973	7 817,1	68,6	8,7	91,9	160,5
1974	7 977,6	76,3	9,5	94,7	171,0
1975	8 148,6	72,9	8,9	89,3	162,2
1976	8 310,8	72,8	8,7	78,4	151,2
1977	8 462,0	75,1	8,8	72,0	147,1
1978	8 609,1	72,9	8,4	85,8	158,7

* Подсчитано по: Численность, естественное движение и миграция населения РСФСР в 1979 г.: стат. сб. (ДСП). М., 1980. С. 10, 12, 39, 41, 51, 53; Естественное и механическое движение населения РСФСР в 1975 г.: стат. сб. (ДСП). М., 1976. С. 28, 34; Естественное и механическое движение населения РСФСР в 1976 г.: стат. сб. (ДСП). М., 1977. С. 18, 23; Естественное и механическое движение населения РСФСР в 1974 г.: стат. сб. (ДСП). М., 1975. С. 28, 35.

В третий межпереписной период (1979–1989 гг.) городских жителей в Западной Сибири стало больше на 24,6 %, тогда как в РСФСР – только на 13,7 %⁵⁶⁴. Удельный вес горожан в населении возрос до 72,8 % (РСФСР – 73,6 %). В 1980-е гг. практически прекратилось снижение доли малых городов и пгт и повышение крупных в городском населении республики. Удельный вес городских поселений с численностью жителей до 50,0 тыс. чел. в РСФСР к 1989 г. снизился только до 27,2 % (с 28,9 %), средних городов даже вырос (с 9,5 % до 10,5 %), соответственно больших городов увеличился меньше, чем на один процент – с 61,6 % до 62,4 %. В западносибирских регионах новая тенденция оказалась более выраженной. Доля крупных городов снизилась на несколько процентов – с 68,1 % до 63,7 %, существенно возросла доля средних (с 6,6 % до 10,5 %), а малых городов и пгт почти не изменилась (25,7 %)⁵⁶⁵.

Таблица 2.1.3

Источники роста городского населения Западной Сибири в 1979–1989 гг.*

Год	Численность населения на начало года, тыс. чел.	Рост/сокращение			
		за счет естественного прироста		за счет механического прироста	Итого, тыс. чел.
		тыс. чел.	в ‰		
1979	8 767,8	68,9	7,8	110,1	179,0
1980	8 946,8	69,3	7,7	93,3	162,6
1981	9 109,4	78,9	8,6	126,2	205,1
1982	9 314,5	95,3	10,1	163,8	259,1
1983	9 573,6	96,9	10,0	120,9	217,8
1984	9 791,4	82,3	8,3	147,5	229,8
1985	10 021,2	84,9	8,4	149,3	234,2
1986	10 255,4	100,4	9,7	167,3	267,7
1987	10 523,1	101,9	9,6	108,3	210,2
1988	10 733,3	85,0	7,9	102,4	187,4

⁵⁶⁴ Численность населения РСФСР по данным Всесоюзной переписи населения 1989 г. М., 1990. С. 14, 21.

⁵⁶⁵ Городские поселения РСФСР по данным Всесоюзной переписи населения 1989 года. М., 1991. С. 62–63, 118–119.

Окончание таблицы 2.1.3

Год	Численность населения на начало года, тыс. чел.	Рост/сокращение			
		за счет естественного прироста		за счет механического прироста	Итого, тыс. чел.
		тыс. чел.	в ‰		
1989	10 920,7	64,5	5,9	30,8	95,3

* Подсчитано по: Численность, состав и движение населения в РСФСР: стат. сб. М., 1990. С. 14–15, 88–89; Естественное движение населения в РСФСР. Стат. бюл. (ДСП). М., 1989. С. 7; Естественное движение населения в РСФСР: стат. сб. (ДСП) М., 1988. С. 17, 35; Численность, состав и движение населения в РСФСР: стат. сб. (ДСП). М., 1986. С. 68, 80; Численность, естественное движение и миграция населения РСФСР в 1983 г. (ДСП). М., 1984. С. 27, 33.

Теперь рассмотрим развитие разных по численности городских поселений, где за 30 лет у Западной Сибири проявилась своя специфика. Градообразовательная активность в изучаемом экономическом районе была высокой. Если в РСФСР количество городских поселений за 1959–1989 гг. возросло с 2 372 до 3 230 или на 36,2 %, то в Западной Сибири – с 145 до 271 или на 86,9 %. Эти цифры оказались намного выше, чем у других экономических районов востока страны. Например, городов и пгт на Урале за 30 лет стало больше только на 20,6 %, в Восточной Сибири – на 49,7 %, Дальнем Востоке – на 24,4 %⁵⁶⁶.

В республике постоянно уменьшалось число создаваемых городских поселений: в 1960-е гг. численность городов и пгт увеличилась на 19,6 %, в 1970-е гг. – на 7,3 %, в 1980-е гг. – на 6,1 %. В Западной Сибири динамика градообразования была иной. В 1960-е гг. численность городских населенных пунктов возросла на 40,7 %, в 1970-е гг. только на 10,3 %. В 1980-е гг. количество городов и пгт увеличилось сразу на 20,4 %⁵⁶⁷. Если в 1960–1970-е гг. они возникали практически повсеместно, то в 1980-е гг. в Тюменской области появилось около 2/3 всех новых городских поселений.

При анализе распределения западносибирских городских поселений по количеству жителей была выявлена высокая роль больших городов. Если в 1959 г. в крупных городах (100 тыс. чел. и выше) было сосредоточено около половины горожан Российской Федерации (51,0 %), то в Западной Сибири – 2/3 (66,9 %)⁵⁶⁸. Таких показателей РСФСР не смогла достичь даже спустя 30 лет. Еще одной особенностью Западной Сибири являлось практически полное отсутствие средних городов. К последним в 1959 г. относились только Междуреченск и Осинники, доля которых в городском населении составила 2,1 %⁵⁶⁹. Соответственно, демографический «вес» малых западносибирских городов оказался ниже, чем в РСФСР (30,9 % против 37,6 %)⁵⁷⁰.

⁵⁶⁶ Городские поселения РСФСР. По данным Всесоюзной переписи населения 1989 г: стат. сб. М., 1991. С. 5, 7.

⁵⁶⁷ Там же.

⁵⁶⁸ Население РСФСР. Итоги Всесоюзной переписи населения на 15 января 1959 г. М., 1960. (ДСП). С. 39, 46, 47.

⁵⁶⁹ Там же. С. 59–60.

⁵⁷⁰ Подсчитано по: Население РСФСР. Предварительные итоги Всесоюзной переписи населения на 15 января 1970 г. М., 1970. (ДСП). С. 168–184.

Подобное распределение городских поселений стало результатом исторического развития западносибирских регионов в первой половине XX столетия. В дореволюционное время повышенную концентрацию горожан в нескольких населенных пунктах стимулировало строительство Транссибирской магистрали. К тому же, в годы индустриализации промышленные предприятия из-за дефицита подготовленных кадров, неразвитых городской сети и транспортных коммуникаций часто отстраивались в существующих городах⁵⁷¹.

Развитию мелких и средних городских поселений не способствовала государственная политика, нацеленная на строительство в основном крупных предприятий с большим количеством рабочих. В годы Великой Отечественной войны эвакуированные объекты промышленности размещались преимущественно в уже развитых в индустриальном отношении городских поселениях, обладавших необходимой производственной инфраструктурой. Это позволяло в кратчайшие сроки возобновить производственный процесс⁵⁷².

За 30 лет, к 1989 г., в Российской Федерации снизилась доля горожан, проживающих в небольших (с 37,6 % до 27,2 %) и средних городских поселениях (с 11,3 % до 10,5 %), соответственно, значительно увеличилась – в крупных (с 51,0 % до 62,4 %). В Западной Сибири доля мелких городских поселений сократилась в меньшей мере, чем в РСФСР (с 30,9 % до 25,7 %), доля крупных городов даже снизилась (с 66,9 % до 63,7 %), а средних городов – увеличилась в пять раз (с 2,1 % до 10,5 %)⁵⁷³. Если в 1959 г. к ним относились только расположенные в Кузбассе Междуреченск и Осинники с общим количеством жителей в 122,6 тыс. чел., то к 1989 г. уже 16 населенных пунктов (1,1 млн чел.). В Тюменской области расположились Ишим, Тобольск, Нефтеюганск, Надым, Новый Уренгой, Ноябрьск, Нягань, в Новосибирской области – Искитим, Куйбышев, Бердск, в Кемеровской области – Белово, Осинники, Юрга, Березовский, в Алтайском крае – Новоалтайск и Заринск. Средних городов не оказалось на территории Омской и Томской областей⁵⁷⁴.

Увеличение численности и удельного веса средних городских поселений связано с несколькими причинами. Во-первых, произошел постепенный демографический рост части малых городских поселений. Во-вторых, строительство крупных градообразующих предприятий союзного значения и сопутствующей производственной инфраструктуры вызвали сильное повышение численности населения в некоторых населенных пунктах. Зачастую это было связано с попытками центральных государственных органов предотвратить процесс

---

⁵⁷¹ См., например: Московский А.С., Исупов В.А. Формирование городского населения Сибири (1926–1939 гг.). Новосибирск, 1984.

⁵⁷² Докучаев Г.А. Рабочий класс Сибири и Дальнего Востока в годы Великой Отечественной войны. М., 1973. С. 86; История Сибири с древнейших времен до наших дней: в 5 т. Л., 1969. Т. 5. Сибирь в период завершения строительства социализма и постепенного перехода к коммунизму (1937–1965 гг.). С. 84–85.

⁵⁷³ Городские поселения РСФСР по данным Всесоюзной переписи населения 1989 года. М., 1991. С. 62–63, 118–119.

⁵⁷⁴ Там же. С. 221–227.

концентрации промышленности в крупных городах и ослабить нагрузку на их социальную сферу⁵⁷⁵.

Заметная специфика была обнаружена при исследовании развития крупных и крупнейших (100 тыс. чел. и выше) городов. Численность их населения в Западной Сибири выросла с 3 849,7 тыс. чел. до 6 958,0 тыс. чел., или на 80,7 %. Если в 1959 г. здесь насчитывалось 14 крупных городов, то в 1989 г. – 16⁵⁷⁶. За это же время в РСФСР число больших городов возросло на 79,3 %, количество проживающих в них горожан на 112,6 %, их удельный вес в городском населении – с 51,0 % до 62,4 %.

Скромный количественный прирост этого класса в Западной Сибири объясняется тем, что в 1959 г. здесь насчитывалось всего два средних города, из которых крупным смог стать только один – Междуреченск. При этом в некогда крупном городе Белово из-за административных действий и миграционной убыли численность населения уменьшилась, и он перешел в нижестоящую группу, что стало первым подобным случаем в стране⁵⁷⁷. Количественный состав больших городов пополнился Сургутом и Нижневартовском, которые продемонстрировали такие высокие темпы демографического роста, что буквально за два десятилетия (1970–1989 гг.) смогли перейти из состава малых городов в крупные. Если в 1970 г. численность их жителей составляла соответственно 34,0 и 15,7 тыс. чел., то в 1989 г. – уже 247,8 и 241,5 тыс. чел.⁵⁷⁸

Главным отличием больших городских центров, кроме численности населения, являлась развитая многофункциональная структура экономики. В нее, как правило, входили несколько крупных и крупнейших индустриальных предприятий ведущих отраслей советской экономики. Рядом с ними функционировало большое количество мелких и средних предприятий и организаций, выполняющих инфраструктурную роль (энергетика, транспорт, строительство, подготовка кадров и т.д.). При этом необходимым звеном хозяйственной жизни становилась легкая и пищевая промышленность, которая по мере разрастания численности горожан получала значительные импульсы для своего развития. Ее целью становилось жизнеобеспечение населения и окружающих населенных пунктов. В больших городах начинало расширяться жилищно-коммунальное хозяйство, интенсифицировалось строительство жилья, учреждений здравоохранения, культуры и образования.

В крупных городах строились университеты, филиалы и учреждения академий наук. Следует отметить, что многие большие города существовали долгое время, обладали высоким административным статусом. Таким образом, их опережающее развитие, высокая

⁵⁷⁵ Малый город. Социально-демографическое исследование небольшого города. С. 196–197.

⁵⁷⁶ Население СССР: по данным Всесоюзной переписи населения 1989 г. М., 1990. С. 20–26.

⁵⁷⁷ Россия и ее регионы в XX веке: территория – расселение – миграции. С. 220.

⁵⁷⁸ Итоги Всероссийской переписи населения – 2002: стат. сб.: в 11 ч. Тюмень, 2004. Ч. 1. Численность населения Тюменской области. С. 22.

привлекательность для мигрантов и быстрый рост численности населения объяснялись сосредоточением в них многообразных видов деятельности, которые давали высокие возможности для приложения труда, социальной мобильности, получения престижного образования и работы, приличной заработной платы, удовлетворения культурных и бытовых запросов⁵⁷⁹.

Развитие малых городских поселений, к которым относились населенные пункты с людностью менее 50,0 тыс. чел., шло иначе. Их численность в Российской Федерации возросла на 29,6 %, население – на 25,6 %, но удельный вес сократился с 37,6 % до 27,2 %. Падение экономической и демографической роли малых городских поселений в ходе урбанизации являлось объективным процессом, свидетельствующим о начале зрелой фазы индустриализации. В это время экономическая география страны обрела некоторую устойчивость, определились промышленные и административные центры – лидеры экономического роста. На этом фоне небольшие города и пгт начинают проигрывать в борьбе за сельские и даже собственные демографические ресурсы, в особенности, если производственный потенциал растет медленно, не получая дополнительных импульсов извне.

Между тем, в Западной Сибири трансформация роли малых городов происходила немного иначе. Освоение больших пространств с низкой плотностью населения, требовало создания разветвленной городской сети. Как известно, густота городских поселений в восточных районах страны была реже, чем в европейских. Восполнение этого вакуума происходило за счет административных преобразований сельских населенных пунктов. Однако рост численности городских поселений имел под собой и другую основу. Освоение нефтегазовых месторождений севера Западной Сибири вызвало создание большого числа городов и пгт – опорных пунктов нефте- и газодобычи⁵⁸⁰. В этой связи общее количество малых городских поселений в исследуемом экономическом районе увеличилось на 73,2 %, численность их жителей – на 57,8 %. Удельный вес этой группы хотя и снизился, но все же меньше, чем в РСФСР (с 30,9 % до 25,7 %).

Известная специфика наблюдалась в развитии непосредственно малых городов (без пгт) Западной Сибири. Их численное представительство за 30 лет в Российской Федерации возросло на 3,8 %, в Западной Сибири – на 21,6 %, удельный вес снизился до 16,9 % и 13,3 %, а количество жителей соответственно увеличилось на 17,6 % и 21,6 %. Ведущую роль в численном росте малых городов сыграли северные районы. В Кедровом, Мегионе, Урае,

---

⁵⁷⁹ Пивоваров Ю.Л. Современная урбанизация (основные тенденции расселения). С. 75–76; Россия и ее регионы в XX веке: территория – расселение – миграции. С. 196–197.

⁵⁸⁰ Мисевич К.Н., Чуднова В.И. Население районов современного промышленного освоения севера Западной Сибири. С. 120–136.

Белоярском, Лабытнангах, Стрежевом, Когалыме, Лангепасе, Радужном к концу рассматриваемого периода стало проживать около четверти их населения⁵⁸¹.

За 1959–1989 гг. повысили свой статус (перешли в группу средних) Ишим, Искитим, Новоалтайск, Тобольск, Куйбышев, Бердск и Юрга⁵⁸². В большинстве случаев это произошло за счет строительства предприятий общесоюзного значения или расширения мощностей на существующих. Население увеличилось также в г. Мыски, где в послевоенное время интенсивно развивалась угледобыча и была построена одна из крупнейших тепловых электростанций Западной Сибири – Томь-Усинская ГРЭС⁵⁸³. Количество жителей возросло в административных центрах автономных округов и области: рост населения у Ханты-Мансийска, Салехарда и Горно-Алтайска за 30 лет составил соответственно 66,5 %, 94,8 % и 68,2 %⁵⁸⁴.

Демографические перспективы остальных малых городов, на территории которых не велось строительства крупных промышленных объектов, зависели от других экономических факторов и территориально-географического расположения. В 12 городах в основном из-за миграции в 1959–1989 гг. произошло сокращение количества жителей (Называевск, Барабинск, Татарск, Болотное, Купино, Чулым, Гурьевск, Тайга, Калтан, Салаир, Славгород и Змеиногорск)⁵⁸⁵. Стагнация действующих производств и близость железной дороги способствовали сильной миграционной убыли населения.

Вообще, крупные предприятия в малых городах старались не строить. Но, если такое происходило, то это сразу же положительно сказывалось на производственной, социальной инфраструктуре, культурном облике городов, а также и численности их населения, которое начинало быстро увеличиваться. Демографическое положение других городов складывалось хуже. Их экономическая роль ограничивалась узкими местными рамками и заключалась в переработке продукции аграрного сектора, обслуживании транспортных артерий, ремонте сельскохозяйственной техники⁵⁸⁶.

Количественное представительство поселков городского типа в РСФСР в рассматриваемый период возросло на 41,0 %, население – соответственно на 37,9 %. При этом доля проживавших в них горожан уменьшилась с 15,8 % до 12,5 %. В противоположность

⁵⁸¹ Подсчитано по: Итоги Всероссийской переписи населения – 2002: стат. сб.: в 11 ч. Тюмень, 2004. Ч. 1. Численность населения Тюменской области. С. 22–24; ГАТО. ФР.–1085, Оп. 3. Д. 782. Л. 26; Городские поселения РСФСР по данным Всесоюзной переписи населения 1989 года. М., 1991. С. 118–119.

⁵⁸² Городские поселения РСФСР по данным Всесоюзной переписи населения 1989 года. М., 1991. С. 221–224, 226.

⁵⁸³ Алексеев В.В. Электрификация Сибири. Историческое исследование. Ч. 2. 1951–1970 гг. С. 67.

⁵⁸⁴ Подсчитано по: Итоги Всероссийской переписи населения – 2002: стат. сб.: в 11 ч. Тюмень, 2004. Ч. 1. Численность населения Тюменской области. С. 22, 24; Городские поселения Алтайского края (по данным Всесоюзной переписи населения 1989 года). Барнаул, 1990. С. 24; Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 года. РСФСР. М., 1963. С. 36–37.

⁵⁸⁵ Городские поселения РСФСР по данным Всесоюзной переписи населения 1989 года. М., 1991. С. 221–224.

⁵⁸⁶ См., например: Пути развития малых и средних городов центральных экономических районов СССР. М., 1967.

этому в Западной Сибири их роль возросла. Удельный вес пгт в общей численности городских жителей увеличился за 30 лет с 13,4 % до 14,3 %, количественный состав возрос на 92,1 %, а население – более чем в два раза. Важную роль в этом сыграло становление ЗСНГК. Только в Тюменской области (включая юг региона) возникло несколько десятков пгт, часть из которых позднее были преобразованы в города.

Территориальные различия в уровне урбанизации уменьшились, но все еще оставались значительными. Наиболее урбанизированной в 1989 г. являлась Кемеровская область (87,3 %), на второе место вышла Тюменская область (76,2 %), которая ранее находилась на предпоследнем месте, следом за ними последовательно расположились Новосибирская (74,5 %), Томская (68,9 %), Омская (67,6 %) области и Алтайский край (55,8 %). В Алтайском крае горожан за 30 лет стало больше на 80,3 %, Кемеровской области – на 29,4 %, Новосибирской – на 63,8 %, Омской – на 106,0 %, Томской – на 93,0 %, в Тюменской – на 585,0 %⁵⁸⁷.

Масштабы увеличения численности городского контингента в Кузбассе оказались самыми умеренными среди административных образований Западной Сибири. За исключением Кемерово, Новокузнецка, Междуреченска, Юрги, Березовского и еще нескольких пгт людность городских поселений в области увеличивалась медленно, а в некоторых из них даже уменьшилась. Согласно новым приоритетам государственной экономической политики в Сибири было необходимо создать иные перспективные отрасли индустрии и вовлечь в орбиту интенсивного хозяйственного освоения другие ее районы. Экономический потенциал Кемеровской области был востребован меньше, в послевоенное время сузилась сфера применения угля, на добыче которого специализировалась основная масса ее промышленных предприятий⁵⁸⁸. Именно поэтому урбанизация в регионе, если следовать А.С. Сенявскому, давно утратила черты экстенсивности, имея выраженный интенсивный и даже в каком-то смысле застойный характер.

В предвоенный период Алтайский край оказался фактически на обочине индустриализации, его промышленность была ориентирована на обеспечение Урало-Кузнецкого проекта и внутренних нужд. Несмотря на эвакуацию предприятий в годы войны и рост численности городских жителей, аграрная специализация края предполагала наличие значительных демографических резервов урбанизации, за счет чего в послевоенное время в его городах было возведено несколько промышленных объектов, как местного, так и общесоюзного

---

⁵⁸⁷ Подсчитано по: Численность населения РСФСР по данным Всесоюзной переписи населения 1989 г. М., 1990. С. 21–22.

⁵⁸⁸ Заболотская К.А. Угольная промышленность Сибири (конец 1890 – начало 1990-х гг.). Историческое исследование. С. 203–254.

значения⁵⁸⁹. В результате численность горожан в 1959–1989 гг. росла сравнительно быстро. Анализ данных переписей и материалов текущего учета показал, что миграция населения из региона в индустриально развитые районы Западной Сибири, РСФСР и Советского Союза приняла высокий размах.

Социально-экономическое развитие Новосибирской и Омской областей благоприятствовало увеличению городского населения, как за счет повышения индустриального потенциала, так и преобразования сельских населенных пунктов в поселки городского типа. Основной прирост дали областные центры. При этом численность населения Омска повысилась существенно, чем Новосибирска (на 97,6 % и 62,3 %). Значительнее по масштабам в Омской области оказались реорганизации сельских населенных пунктов. Так, за 30 лет здесь возникло 18 новых пгт (из 25), в которых в 1989 г. проживало 150,8 тыс. чел., в Новосибирской области – только 12 (из 20) пгт (123,5 тыс. чел.).

Близкими оказались характеристики урбанизации в Томской области. Так же как в Омской и Новосибирской областях административный центр играл ключевую роль в приросте городского населения. Отличительной чертой региона являлось то, что его северные районы стали важными хозяйственными и территориальными составляющими сибирской нефтедобычи⁵⁹⁰. Население г. Стрежевой увеличилось за 10 лет (1979–1989 гг.) с 23,1 тыс. чел. до 43,3 тыс. чел.; г. Кедровый (1989 г. – 2,0 тыс. чел.) тоже возник благодаря новой отрасли. Несмотря на это, интенсивные характеристики в урбанизационных процессах области все же преобладали. Следовательно, можно говорить о том, что формирование городского населения Алтайского края, Новосибирской, Омской и Томской областей, несмотря на определенные различия, происходило по интенсивному сценарию.

Процесс урбанизации в Тюменской области в годы социалистической реконструкции народного хозяйства, Великой Отечественной войны и первые послевоенные десятилетия происходил медленно. Область являлась, по-существу, сельскохозяйственным придатком других индустриальных областей Сибири и Урала. Основной акцент в экономическом развитии был сделан на рыбной и лесной отрасли⁵⁹¹. Однако становление нефтегазодобывающего комплекса изменило динамику. Численность городского населения в регионе стала стремительно расти. За 30 лет к прежним (Тюмени, Тобольску, Ишиму, Ялуторовску, Ханты-Мансийску и Салехарду) добавились еще полтора десятка городов, в том числе такие, как

⁵⁸⁹ См., например: Дятчин Н.И. Промышленность Алтая: история развития, проблемы и перспективы. Барнаул, 2008.

⁵⁹⁰ См., например: Карпов В.П., Колева Г.Ю., Гаврилова Н.Ю., Комгорт М.В. Западно-Сибирский нефтегазовый проект: от замысла к реализации. С. 127–128.

⁵⁹¹ Комгорт М.В. «Сценарии» индустриального развития Обского Севера накануне «нефтегазовой революции» // Региональные аспекты цивилизационного развития российского общества в XX столетии: проблемы индустриализации и урбанизации: мат-лы межрег. науч. конф. 6–7 июня 2013 года. Новосибирск, 2013. С. 105.

Сургут, Нижневартовск, Нефтеюганск, Новый Уренгой, Ноябрьск, а также множество поселков городского типа. При этом миграция стала главным источником пополнения их населения⁵⁹². В этой связи можно говорить о том, что урбанизация в Тюменской области в рассматриваемый период во многих чертах являлась экстенсивной.

Ниже переходим к детальному разбору рассмотренных выше тенденций. Для этого будет проанализирована численность жителей в больших, средних и малых городских поселениях с учетом их функциональной основы (административный, индустриальный, местный организующий центр и т.д.). Исследовано воздействие на естественное движение половозрастной структуры населения, выявлены общие и региональные тенденции среднего возраста, возрастные перемены в разных типах городских поселений. В контексте изучения демографической модернизации будут проанализированы долговременные и кратковременные факторы снижения (или повышения) рождаемости и смертности, характеристики эпидемиологического перехода, что тоже поможет понять специфику естественного прироста. Исследование миграции в общем, территориальном и типологическом разрезах поможет установить важные особенности динамики численности горожан на отдельных исторических этапах.

2.2. Население городов различных категорий

Самой распространенной классификацией является распределение городских поселений по количеству проживающих в них жителей – крупные, средние и малые. Содержательное наполнение указанных категорий городов в разные исторические периоды было разным⁵⁹³. В диссертации мы будем придерживаться устоявшейся за многие десятилетия классификации. Городские населенные пункты до 50,0 тыс. чел. будут считаться малыми, 50,0–100,0 тыс. чел. – средними, свыше 100,0 тыс. чел. – крупными (большими).

Такое распределение городов по размеру впервые появилось в руководствах по проектированию городов. Оттуда оно было заимствовано учеными-экономистами и географами⁵⁹⁴. Несмотря на недостатки, она неплохо отражает исследуемый этап в развитии сети городских поселений. Тем не менее изучение демографической динамики городских населенных пунктов только на такой основе является еще недостаточным. Именно поэтому в диссертационной работе будут применены градообразующие признаки, используемые учеными-географами. Все города будут разделены на группы с близкими экономическими

---

⁵⁹² Алексеев В.В., Логунов Е.В., Шабанов П.П. Опыт решения кадровых проблем в нефтегазовом строительстве Сибири (на материалах Главсибтрубопроводстроя). Свердловск, 1987. С. 26–29.

⁵⁹³ См., например: Город и деревня в Европейской России: сто лет перемен. С. 19; Малый город. Социально-демографическое исследование небольшого города. С. 9–12.

⁵⁹⁴ Пути развития малых и средних городов центральных экономических районов СССР. С. 25–26.

характеристиками. Дополнительными квалификационными параметрами станут административный статус и территориальное расположение⁵⁹⁵. Такой подход позволит значительно лучше понять специфику урбанизации в Западной Сибири.

Крупные города. Отличительными чертами таких городов являлся высокий уровень концентрации производительных сил на определенной территории, разнообразные сферы приложения труда и как следствие – интенсивный обмен деятельностью и тесное общение между людьми⁵⁹⁶. В крупных городах в начале исследуемого периода оказалась сосредоточена большая часть городского населения и народнохозяйственного потенциала, который был представлен в основном отраслями, определяющими научно-технический прогресс и хозяйственную специализацию того или иного экономического района (табл. 2.2.1).

В городском расселении Западной Сибири большие города традиционно играли высокую роль. Еще до войны, согласно Всесоюзной переписи населения 1939 г. их удельный вес в городском населении достиг 53,9 % (РСФСР – 50,6 %). За годы Великой Отечественной войны и послевоенного восстановительного периода (к концу 1950-х гг.) доля крупных городов по России в целом увеличилась всего на несколько десятых процентных пункта (до 51,0 %), тогда как в исследуемом экономическом районе – до 66,9 %, то есть на гораздо большую величину.

Таблица 2.2.1

Взаимосвязь структуры народного хозяйства СССР и разных по численности населения городов

Отрасли народного хозяйства	Число занятых в разных по численности городах, чел. на 1000 жителей			
	в целом по стране	до 100,0 тыс. чел.	100,0–500,0 тыс. чел.	свыше 500,0 тыс. чел.
Промышленность – всего, в т.ч.	218	197	237	234
Отрасли добывающей пром-ти	13	22	11	0,4
Первичные отрасли обраб-щей пром-ти	47	54	46	36
Конечные отрасли обраб-щей пром-ти	158	121	180	198
Прочие отрасли мат-го произ-ва	129	144	122	112
Наука и научное обслуживание	20	11	13	42
Управление	30	28	30	34
Образование и услуги	124	123	123	126

* Анализ основных тенденций развития крупных городов РСФСР. Научный отчет по теме № 23 М., 1982. 205 с. С. 17. (ДСП).

При устойчивом и последовательном течении урбанизационных процессов формирование крупных городских центров происходило под воздействием как предыдущих этапов хозяйственного освоения территорий и сложившейся сети транспортных коммуникаций, так и имеющихся сырьевых, энергетических, инфраструктурных и трудовых ресурсов. Довоенное развитие системы городского расселения в Западной Сибири происходило в самых общих чертах в русле тенденций, свойственных стране в целом. Большие города в восточных районах

⁵⁹⁵ Урбанизация и развитие городов в СССР. С. 85–89.

⁵⁹⁶ Лаппо Г.М. Развитие городских агломераций в СССР. М., 1978.

сформировались в результате индустриализации и непрерывного повышения промышленного потенциала.

Великая Отечественная война и эвакуация многочисленных предприятий изменили хозяйственную структуру экономического района. Перемещение множества крупных заводов оборонного значения многократно увеличило индустриальную мощь Западной Сибири. В условиях военного времени требовалось в сжатые сроки восстановить прежние технологические циклы и выдавать нужную продукцию. Однако для этого в месте эвакуации уже должны были существовать определенная производственная, по возможности, социальная инфраструктура и обученные кадры. В противном случае, кроме переброски оборудования и рабочих пришлось бы решать много непрофильных инженерных задач: строить электростанции, новые корпуса, жилье и т.д. В восточных районах страны только крупные города отвечали минимально необходимым требованиям и могли принять у себя большое количество предприятий. В конечном итоге обрабатывающая промышленность общесоюзного значения, особенно оборонного профиля, стала играть важную роль в экономической жизни Западной Сибири.

В целом в Сибирь, которая в условиях войны стала глубоким тылом, было эвакуировано оборудование огромного числа заводов – около 500, из которых 322 были размещены в Западной Сибири. Экономический район располагал нужными ресурсами для производства широкого спектра оборонной продукции. Удобное положение крупных городов, в особенности Омска и Новосибирска, обеспечивало устойчивую транспортную связь с сырьевой базой и позволяло в случае войны на два фронта (одновременно с Германией и Японией) обеспечивать воюющие армии всем необходимым⁵⁹⁷.

В Новосибирскую область были перемещены оборудование и кадры более 70 предприятий и организаций, в том числе 34 предприятия четырех наркоматов оборонной промышленности. В Кемеровскую область прибыло оборудование и кадры 77 предприятий. В самом Кемерово было размещено оборудование 38 предприятий, в Новокузнецке (не считая трех эвакуированных) осталось оборудование 15 предприятий⁵⁹⁸. В Томске разместились техническое оснащение и кадры 32 предприятий, в Алтайский край было перемещено около 100 предприятий. В послевоенное время большинство из эвакуированных заводов осталось на территории Западной Сибири и сохранило производственную специализацию. Они продолжали расширять свою производственную и инфраструктурную базу, росло количество их персонала, одновременно с этим развивалась социально-бытовая сфера. Благодаря этому численность населения больших городов продолжала повышаться опережающими темпами.

---

⁵⁹⁷ Докучаев Г.А. Рабочий класс Сибири и Дальнего Востока в годы Великой Отечественной войны. С. 83–108.

⁵⁹⁸ История Кузбасса: уч. пос. С. 199.

Если сравнить демографический рост крупных городов Западной и Восточной Сибири, то получится следующая картина. Так, население Омска за 1939–1959 гг. увеличилось в 2,0 раза, Новосибирска – в 2,2 раза, Новокузнецка – в 2,3 раза, Барнаула – в 2,1 раза, Томска – в 1,7 раза, Кемерово – в 2,1 раза. Тогда как население Иркутска возросло только 1,5 раза, Читы и Улан-Удэ – 1,4 раза. И только в Красноярске, куда было переброшено самое большое число производственных объектов в Восточной Сибири, количество жителей увеличилось в 2,2 раза⁵⁹⁹.

Данные официальной статистики подтверждают ускоренные темпы роста индустрии Западной Сибири. Так, за 10 лет (1940–1950 гг.) валовая продукция ее промышленности (включая Курганскую область) увеличилась на 314,0 %, тогда как в Восточной Сибири (без Тувинской АССР, включая Якутскую АССР) – на 198,0 %, на Урале – на 292,0 %, Дальнем Востоке – только на 163,0 % (в РСФСР в целом – 175,0 %). По этому показателю экономический район занял лидирующие позиции в республике. Особенно активно развивался индустриальный потенциал Новосибирской и Омской областей (369,0 % и 398,0 %) ⁶⁰⁰. Это является косвенным подтверждением того, что завышенный по сравнению с РСФСР демографический вес больших городов в Западной Сибири имел под собой прочную экономическую основу.

В рассматриваемые десятилетия роль крупных городов в РСФСР существенно увеличилась. Благодаря последовательной концентрации, средняя людность городских поселений увеличилась за 1959–1979 гг. с 21,6 до 27,7 тыс. чел. В 1959 г. Всесоюзная перепись населения на территории России зафиксировала 92 крупных города с числом жителей в 31 678,0 тыс. чел., удельный вес которых в городском населении составил 51,0 %. В Западной Сибири насчитывалось 14 городов этого типа, совокупная людность которых достигла 3 849,7 тыс. чел. (66,9 %). За 30 лет их количественный состав в республике возрос с 92 до 165 (+79,3 %), численность жителей повысилась до 67 360,7 тыс. чел. (в 2,1 раза), а доля в городском населении – до 62,4 %. В Западной Сибири возобладала другая тенденция – значение крупных городов наоборот незначительно снизилось. Их количественный состав увеличился только на две единицы (до 16), население возросло в 1,8 раза, удельный вес упал до 63,7 % (табл. 2.2.2).

Теперь рассмотрим динамику роста населения крупных городов Западной Сибири. Анализ данных таблицы показывает, что в 1959–1970 гг. их численность не увеличилась, а доля выросла слабо. По республике, наоборот, количество и процентный вклад больших городов значительно возросли. Если в целом по Российской Федерации жителей больших городов стало

⁵⁹⁹ Подсчитано по: Население РСФСР. Итоги Всесоюзной переписи населения на 15 января 1959 г. М., 1960. С. 36–37.

⁶⁰⁰ Народное хозяйство РСФСР в 1958 году: стат. ежегодн. М., 1959. С. 64.

больше на 47,0 %, то в Западной Сибири – только на 29,6 %⁶⁰¹. В 1960-е гг. большие города дали большую часть совокупного естественного (68,5 %) и механического (65,4 %) приростов западносибирского городского населения. Причем вклад миграций и административных преобразований в увеличении численности их жителей был лишь немногим выше процессов воспроизводства⁶⁰².

В 1970–1979 гг. население больших городов в Западной Сибири увеличилось на 19,8 %, тогда как в РСФСР – на 26,2 %, В итоге доля городов этого класса хотя и повысилась, но по-прежнему на меньшую величину, чем по республике⁶⁰³. В 1970–1978 гг. значение механического прироста в демографическом пополнении крупных городов снизилось и стало меньше естественного, в результате чего соотношение между ними составило 0,8 (в городах и пгт Западной Сибири в целом – 1,1). Большие города по-прежнему давали большую часть естественного (67,0 %) прироста, однако доля в механическом снизилась (до 49,0 %).

Таблица 2.2.2

Динамика численности населения больших городов и их удельного веса в городском населении в 1959–1989 гг.

Регион	Количество городов	Численность населения, тыс. чел.	Доля в городском населении (экономического района, области), в %
1959			
РСФСР	92	31 678,0	51,0
Западная Сибирь	14	3 849,7	66,9
Алтайский край	3	562,8	63,8
Кемеровская область	7	1 421,8	65,8
Новосибирская область	1	885	69,5
Омская область	1	581,1	81,5
Томская область	1	248,8	69,1
Тюменская область	1	150,2	41,6
1970			
РСФСР	124	46 564,0	57,5
Западная Сибирь	14	4 988,3	67,1
Алтайский край	3	770,4	62,7
Кемеровская область	7	1 627,5	67,8
Новосибирская область	1	1 161,3	70,9
Омская область	1	821,2	81,5
Томская область	1	338,7	72,7
Тюменская область	1	269,2	39,0
1979			
РСФСР	154	58 754 871	61,6
Западная Сибирь	16	5 973 544	68,1
Алтайский край	3	901 912	64,4
Кемеровская область	7	1 749 101	68,6
Новосибирская область	1	1 312 480	70,1
Омская область	1	1 014 246	82,6
Томская область	1	420 730	74,2
Тюменская область	3	575 075	50,0

⁶⁰¹ Подсчитано по: Население РСФСР. Предварительные итоги Всесоюзной переписи населения на 15 января 1970 г. М., 1970. (ДСП). С. 25, 31, 168–181.

⁶⁰² Подсчитано по данным Прил., табл. 10.

⁶⁰³ Подсчитано по: Городские поселения РСФСР (по данным Всесоюзной переписи населения 1979 г.). М., 1980. (ДСП). С. 34, 42.

Окончание таблицы 2.2.2.

Регион	Количество городов	Численность населения, тыс. чел.	Доля в городском населении (экономического района, области), в %
1989			
РСФСР	165	67 360 699	62,4
Западная Сибирь	16	6 958 005	63,7
Алтайский край	3	1 002 776	63,6
Кемеровская область	7	1 898 403	68,6
Новосибирская область	1	1 435 889	69,3
Омская область	1	1 148 485	79,3
Томская область	1	501 949	72,7
Тюменская область	3	970 503	41,1

* Составлено по: Население РСФСР. Итоги Всесоюзной переписи населения на 15 января 1959 г. М., 1960. С. 38, 39, 46, 47, 50, 54; Население РСФСР. Предварительные итоги Всесоюзной переписи населения на 15 января 1970 г. М., 1970. С. 24, 25, 30–33, 36, 39, 40; Городские поселения РСФСР (по данным Всесоюзной переписи населения 1979 г.). М., 1980. С. 46, 47, 58, 59, 64, 65, 66–69; Городские поселения РСФСР по данным Всесоюзной переписи населения 1989 года. М., 1991. С. 62, 63, 118, 119.

Последующий межпереписной период (1979–1989 гг.) характеризуется важными качественными сдвигами в демографическом развитии городских населенных пунктов. В РСФСР приостановилось снижение доли малых городских поселений, а у средних даже намечилось некоторое повышение. Интенсивность роста удельного веса больших городов в сравнении с предшествующим двадцатилетием существенно упала (см. табл. 2.2.2). В Западной Сибири новые тенденции проявились еще сильнее, а процентный вклад больших городов, в конечном счете, даже сократился.

Доля больших городов в естественном приросте снизилась до 63,4 %, а экономический подъем ЗСГНК и стремительное расширение сети населенных пунктов в Тюменской области привели к сокращению их роли также и в механическом приросте (до 35,4 %). Соотношение между этими видами приростов не снизилось и осталось на прежнем уровне (0,8), благодаря большому положительному миграционному сальдо Сургута и Нижневартовска⁶⁰⁴.

Из всего вышесказанного следует вывод о том, что отличительными чертами демографического развития больших городов Западной Сибири являлись низкие, по сравнению со всем городским населением, масштабы роста численности жителей. Анализ статистических данных показывает, что если в РСФСР увеличение числа горожан, проживающих в крупных городах, происходило опережающими темпами, то в Западной Сибири в 1960–1970-е гг. демографический рост был на уровне общих показателей по экономическому району, а в 1980-е гг. – даже меньше (табл. 2.2.3). При этом естественный прирост постепенно стал главным источником увеличения численности жителей больших городов.

Среди главных причин обнаруженной специфики исторического генезиса больших городов являлось недостаточное количество средних, выявленное нами ранее. Из-за ускоренного промышленного роста в предвоенные, а особенно в военные годы, большие города

⁶⁰⁴ Подсчитано по данным Прил., табл. 10.

стали играть исключительную роль в хозяйственной жизни экономического района. Те средние города, которые располагались в Западной Сибири, во время индустриализации и Великой Отечественной войны стремительно нарастили свой производственный потенциал и стали крупными⁶⁰⁵. В результате возникшего дефицита средних городов оказались ограничены возможности дальнейшего повышения количества крупных. В то время как в европейской части страны густая городская сеть и сравнительно большое количество средних городов создавали хорошие предпосылки для демографического развития больших городских поселений.

Второй причиной снижения темпов роста больших городов стало формирование ЗСНГК, благодаря которому миграционные потоки, особенно в 1980-е гг., были частично перенаправлены в северные районы Тюменской и Томской областей, где возникло множество малых и средних городских населенных пунктов. И, наконец, в крупных городах, благодаря усилиям центральных государственных органов, стали строить меньше крупных промышленных предприятий⁶⁰⁶. Это позволило несколько рассредоточить индустриальный комплекс Западной Сибири.

Косвенно на сокращение масштабов демографического роста больших городов оказывала воздействие политика государства, направленная на повышение благосостояния сельского населения и снижение различий в доходах сельских и городских жителей, преимущественное повышение зарплат у малооплачиваемых и среднеоплачиваемых категорий населения. Это, в свою очередь, снижало интенсивность перемещений в городские поселения и в большие города в частности.

Таблица 2.2.3

Динамика численности населения больших городов
и всего городского населения в целом в 1959–1989 гг., в %

Регион	1959–1970	1970–1979	1979–1989	1959–1989
РСФСР	+31,4	+17,8	+13,2	+75,2
Западная Сибирь	+29,8	+18,0	+24,5	+90,7
РСФСР, бол. города	+47,0	+26,2	+14,6	+112,6
Западная Сибирь, бол. города	+29,6	+19,8	+16,5	+80,7

* Таблица составлена по тем же данным, что и табл. 2.2.2.

Переходим к рассмотрению демографической динамики разных функциональных типов городских поселений. Значительное число из них представляли собой типичные индустриальные центры. В отличие от «столиц» регионов формирование их социально-культурной сферы – учреждений здравоохранения, образования, жилищно-коммунального хозяйства происходило с запозданием. Ниже были масштабы жилищного строительства,

⁶⁰⁵ Исупов В.А. Городское население Сибири: от катастрофы к возрождению (конец 30-х – конец 50-х гг.). С. 37.

⁶⁰⁶ Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. Т. 4. 1953–1961 гг. М., 1968. С. 241; XXII съезд Коммунистической партии Советского Союза. 17–31 октября 1961 г.: стенограф. отчет. М., 1962. С. 198.

обороты розничной торговли, менее развитыми являлись транспорт и связь. В годы Великой Отечественной войны в эти города также эвакуировалось немало заводов, но все же меньше чем в административные центры. К тому же они отличались менее выгодным географическим расположением, некоторой удаленностью от магистральных транспортных путей и, как следствие, и от основных миграционных потоков. В таких городах промышленность сильнее доминировала в хозяйственной структуре⁶⁰⁷.

Установка на первоочередное развитие промышленного потенциала оказала существенное влияние на демографическую динамику. Несмотря на расширение мощностей действующих предприятий и строительство новых из-за дефицита административного ресурса формирование производственной сферы шло с запозданием. Именно поэтому, а также из-за ограничений градообразующей базы, рост численности местного населения происходил медленнее. Например, среди индустриальных центров РСФСР только население Тольятти и Новокузнецка превысило 500,0 тыс. чел.⁶⁰⁸ Не следует забывать о меньшей «имиджевой» привлекательности индустриальных городов по сравнению с административными центрами краев и областей.

В промышленной структуре пяти городов доминирующие позиции занимали предприятия угольной отрасли. К 1959 г. в Прокопьевске, Ленинск-Кузнецке, Киселёвске, Анжеро-Судженске и Белово завершился основной этап формирования индустриального потенциала и по мере истощения эксплуатируемых месторождений и снижения роли угля в народном хозяйстве уменьшались темпы их демографического роста.

Так, население Прокопьевска за 30 лет не только не увеличилось, но даже сократилось (на 2,9 %). Добыча угля в главном шахтерском городе Кузбасса, пережившем пик своего экономического роста во время становления Кузнецкстроя в 1930-е гг., началась еще в 1917 г. Большим городом он являлся уже ко времени проведения Всесоюзной переписи 1939 г., когда число его жителей достигло 107,3 тыс. чел. Благодаря эвакуационным мероприятиям в годы Великой Отечественной войны на его территории появился электромеханический завод, мехзавод и табачная фабрика⁶⁰⁹. Однако население города после окончания восстановительного периода перестало расти, наоборот в две последующие переписи (1970, 1979 гг.) он отметился медленным, но неуклонным снижением численности жителей⁶¹⁰. Только за 1979–1989 гг. население Прокопьевска несколько возросло, благодаря сокращению миграционного оттока.

---

⁶⁰⁷ Город и деревня в Европейской России: сто лет перемен. С. 136.

⁶⁰⁸ Русанова Н. Крупнейшие города РСФСР в 1959–1979 гг. // Население и трудовые ресурсы РСФСР. М., 1982. С. 64.

⁶⁰⁹ Шуранов Н.П. Прокопьевск. Кемерово, 1964. С. 64–70.

⁶¹⁰ Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 г. Кемерово, 1971. (ДСП). С. 8; Текущий архив Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Кемеровской области. Распределение численности постоянного населения отдельных городов Кемеровской области по возрасту. Л. 1.

Демографическая ситуация в городе стала отражением экономического положения, которое сложилось на предприятиях угольной отрасли в целом в 1960–1980-е гг.

Начало добычи угля на Киселёвском руднике (одновременно с Прокопьевским) повлекло за собой появление Киселёвска, который в 1932 г. был преобразован в рабочий поселок, получивший в 1936 г. статус города. В годы войны на базе переброшенных из европейской части страны станков и производственного оборудования возник крупный машиностроительный завод «Гормаш»⁶¹¹. Демографическая история города в общих чертах повторила судьбу Прокопьевска: в 1959–1989 гг. его население сократилось на 2,0 % (см. Прил., табл. 3). По темпам повышения индустриального производства Киселёвск и Прокопьевск уступали общеобластным показателям. В 1971–1975 гг. среднегодовой промышленный рост в регионе составил 5,7 %, в 1976–1980 гг. – 2,3 %, тогда как в Прокопьевске он находился на уровне 3,5 % и 0,9 %, в Киселёвске – соответственно 2,5 % и 0,9 %⁶¹². В последующем десятилетии в хозяйственном положении этих городов особых позитивных сдвигов, которые могли привести к изменению миграционной ситуации, не произошло.

В похожей ситуации оказался старейший угольный центр Кемеровской области – Анжеро-Судженск (–6,6 %). Еще в начале XX в. здесь добывалось 98,0 % всего кузбасского угля⁶¹³. Так же как в других поселениях Западной Сибири, в город было эвакуировано оборудование нескольких предприятий, на базе которых были созданы машзавод «Свет шахтера», химзавод и стеклозавод⁶¹⁴. После интенсивного по меркам области промышленного развития в 1950–1960-е гг. произошло снижение темпов роста экономики. Сложные геологические условия и неудачные попытки интенсификации производства привели к снижению добычи угля. Несмотря на то, что по росту промышленного производства Анжеро-Судженск несколько превосходил Прокопьевск и Киселёвск, его расположение на Транссибирской магистрали способствовало оттоку населения и привело к большим демографическим потерям (см. Прил., табл. 3).

За 1959–1989 гг. из группы крупных городов выпал г. Белово (–12,9 %). Наряду с угольными предприятиями, здесь, благодаря близкому расположению салаирских рудников, был построен первенец цветной металлургии Сибири – цинковый завод⁶¹⁵. В 1964 г. заработал

⁶¹¹ Агеев Н. Киселевск. Кемерово, 1972. С. 80–83.

⁶¹² Народное хозяйство Кемеровской области в 1970–1976 гг: стат. сб. Кемерово, 1977. (ДСП) С. 16, 21; Народное хозяйство городов Кемеровской области (статистический сборник за 1980–1985 гг.). Кемерово, 1986. (ДСП) С. 3; Экономическое и социальное развитие городов Кемеровской области (статистический сборник за 1980–1988 гг.). Кемерово, 1989. (ДСП) С. 86.

⁶¹³ История Кузбасса: в 3 ч. Ч. 1: История Кузбасса с древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции. Ч. 2: История Кузбасса от Великой Октябрьской социалистической революции до начала социалистической индустриализации. С. 193.

⁶¹⁴ Поздняков Г.С. История Анжеро-Судженска: уч. пос. Анжеро-Судженск, 1998. С. 56–57, 60; Наши города. Кемерово, 1990. С. 22.

⁶¹⁵ Московский А.С. Промышленное освоение Сибири в период социализма (1917–1937 гг.). Историко-экономический очерк. Новосибирск, 1975. С. 229.

первый блок крупной ГРЭС, мощностью 1,2 МВт, кроме того город стал важным транспортным узлом⁶¹⁶. Рост производства промышленной продукции в первой половине 1970-х гг. здесь был даже выше, чем в целом по Кемеровской области. На фоне других городов Кузбасса демографическое положение в Белово складывалось лучше, а численность его населения в 1960–1970-е гг. даже выросла. Большие за 30 лет демографические потери города объясняются тем, что за пределы его административных границ в 1988 г. был выведен пгт Новый Городок.

В отличие от подавляющего большинства старых угольных центров Кузбасса число жителей г. Ленинск-Кузнецкий в исследуемый период выросло сразу на 25,2 %. Произошло это за счет присоединения в 1985 г. к нему г. Полысаево, население которого в 1979 г. насчитывало 26,2 тыс. чел.⁶¹⁷ Группа больших «угольных» центров в 1989 г. пополнилась за счет Междуреченска, основанного при освоении нового – Томусинского района угледобычи⁶¹⁸. Индустриальное развитие, которое в 1960–1980-е гг. шло интенсивнее, чем в среднем по области, сопровождалось большим притоком населения извне. По сравнению с 1959 г. численность жителей Междуреченска к 1989 г. увеличилась почти в два раза.

Как уже говорилось выше, крупные города пополнились только двумя новыми индустриальными центрами – Нижневартовском и Сургутом, экономической специализацией которых стала нефтяная отрасль. Первоначально многие будущие центры российской нефтедобычи создавались как вахтовые поселки, не рассчитанные на длительное проживание большого количества людей. И лишь затем, когда стало очевидно, что без постоянно действующих поселений работа по освоению недр округа трудноосуществима, появились и города. Центр нефтяного Приобья – Нижневартовск возник в 1964 г. как рабочий поселок при освоении уникального Самотлорского месторождения, в 1972 г. он получил статус города⁶¹⁹. Вдобавок на него были возложены важные перевалочные функции. Грузы, пребывающие к нему по железной дороге, затем пересылались предприятиям Радужного, Покачей, Стрежевого и других городов и поселков. Население Нижневартовска в годы нефтяного бума за 1970–1989 гг. увеличилось в 15,4 раза, в том числе в два с лишним раза в 1979–1989 гг.

История другого крупнейшего центра Тюменской нефтедобычи – Сургута сложилась иначе. Возникнув как поселение еще в XVI столетии, он затем превратился в уездный город, который со временем утратил былое хозяйственно-административное значение. К началу 1960-х гг. Сургут представлял собой село, жители которого трудились на трех небольших предприятиях: на рыбокомбинате, в леспромхозе и учреждениях потребительской кооперации. Открытие

---

⁶¹⁶ Козлов Б.А. Белово. Кемерово, 1974. С. 44–103.

⁶¹⁷ Города Кузбасса. Новосибирск, 2002. Т. 1. С. 182.

⁶¹⁸ Угольная промышленность Кузбасса. 1721–1996 гг. Кемерово, 1997. С. 81, 252.

⁶¹⁹ Колева Г.Ю. Западно-Сибирский нефтегазодобывающий район: экономическое и социальное развитие (1960–2000-е гг.). С. 217.

месторождений нефти в Среднем Приобье внесло свежую струю в экономическое развитие. Город был объявлен Всесоюзной комсомольской стройкой, на которую прибыли десятки тысяч молодых людей со всего Советского Союза. В Сургуте расположилось одно из главных производственных объединений ХМАО – «Сургутнефть», крупная база строительной индустрии, построена мощная ГРЭС, кроме того, он превратился в важнейший транспортный центр⁶²⁰. Его население в результате активного промышленного роста увеличилось с 34,0 тыс. чел. в 1970 г. до 247,8 тыс. чел. в 1989 г. или в 7,3 раза (см. Прил., табл. 3).

К индустриальным городам, головные предприятия которых относились в основном к обрабатывающим отраслям, были отнесены Новокузнецк, Бийск и Рубцовск. Численность населения крупнейшего города Кемеровской области Новокузнецка за 30 лет увеличилась на 59,3 %, тогда как, например, Кемерово на 87,3 %. Экономический расцвет города связан со строительством знаменитого Кузнецкого металлургического комбината, который стал для своего времени одним из крупнейших в мире. В годы войны в нем было размещено оборудование 15 эвакуированных предприятий, на базе которых было построено шесть новых заводов (алюминиевый, ферросплавный и металлоконструкций и другие), существенно расширены мощности действующих. Значительное место в его экономике занимала угольная промышленность, представленная 12 шахтами и тремя разрезами, которые выдавали свыше 10,0 млн т угля, что составляло около 7,0–8,0 % совокупной добычи кузнецкого угольного бассейна. В начале 1960-х гг. строительные организации приступили к сооружению второго гиганта черной металлургии – Запсиба. В 1961 г. в его сооружении принимали участие 10,0 тыс., а в 1963 г. – 26,0 тыс. чел.⁶²¹ В 1971 г. в поселке, возникшем при заводе, проживало уже 90 тыс. чел. (в 1971 г.)⁶²². В 1959–1970 гг. численность жителей города увеличилась на 32,5 %. После окончания строительства комбината скорость увеличения количества жителей существенно упала, хотя оставалась выше, чем у многих других крупных городов Кузбасса (см. Прил., табл. 3).

Демографические судьбы Бийска и Рубцовска, расположенных в Алтайском крае, несмотря на меньшую численность населения, сложились сходным образом. Как известно, до войны край оставался в стороне от процессов индустриализации. В Западной Сибири основные материальные и людские ресурсы были направлены на реализацию Урало-Кузнецкого проекта. Промышленность Бийска перед войной была представлена всего несколькими небольшими

⁶²⁰ Древний город на Оби: История Сургута. Екатеринбург, 1994. С. 304–309; Алексеев В.В., Ламин В.А. Прометей сибирской нефти. Свердловск, 1989. С. 213.

⁶²¹ Комогорцев И.И. Промышленность и рабочий класс Сибири в период строительства коммунизма (1959–1965 гг.). С. 150.

⁶²² Сыроваткин А. Новокузнецк. Кемерово, 1973. С. 49.

предприятиями легкой и пищевой промышленности (льготкацкая фабрика, лесозавод, мясокомбинат и т.д.)⁶²³.

Структура городского хозяйства изменилась в годы войны, когда в Бийск было эвакуировано оборудование 10 из примерно 100 заводов, оказавшихся в Алтайском крае, в том числе крупный котельный завод (энергетическое машиностроение), «Электропечь», «Продмаш», «Молмашстрой»⁶²⁴. В послевоенный период действующие производства реконструировались и расширялись, выросло значение города как центра оборонной промышленности. Началось сооружение крупного химического комбината, построены олеумный и приборостроительный заводы («Сибприбормаш»). Так, численность персонала на «Сибприбормаше» достигла 17,5 тыс. чел., олеумном заводе – 4,0 тыс. чел., химическом комбинате – 6,0 тыс. чел. Население города повышалось в межпереписные периоды сравнительно высокими темпами и за 30 лет увеличилось на 59,3 %.

Промышленность третьего по значению города Алтайского края – Рубцовска, как и других городских поселений региона, в годы первых пятилеток развивалась медленно. Его предприятия первоначально были ориентированы на переработку сельскохозяйственной продукции. Урало-Кузнецкий комбинат притягивал не только материально-финансовые, но и демографические ресурсы. Так, в Кузбасс и на другие новостройки Сибири общественными организациями Рубцовского района было отправлено около 6,0 тыс. чел., что отразилось на росте численности населения города⁶²⁵. Его индустриальная основа сформировалась в годы войны, когда за счет переброшенных станков и приборов возникли заводы сельскохозяйственных машин, тракторный, сельскохозяйственного электрооборудования и некоторые другие⁶²⁶. В 1960–1980-е гг. экономика росла в основном за счет обновления и расширения действующих мощностей и развития сильно отставшей от возросших потребностей горожан социальной инфраструктуры. Производство тракторов в 1976 г. по сравнению с 1945 г. выросло в несколько раз, плугов – в 26,6 раза, запчастей к тракторам и сельхозмашинам в 60,7 раза. Действительно крупным предприятием, построенным в это время, стал Рубцовский машиностроительный завод с персоналом в 7,3 тыс. чел.⁶²⁷ Численность жителей города за 30 лет повысилась более, чем в полтора раза.

Самую важную группу крупных городов образовали административные центры регионов Западной Сибири – Тюмень, Омск, Томск, Новосибирск, Кемерово и Барнаул. Об этих городах как раз и можно говорить как об «опорном каркасе» городского расселения экономического

---

⁶²³ Длуговской М.Ф. Бийск. Барнаул, 1974. С. 30.

⁶²⁴ Бийск: энциклопедия. Бийск, 2009. С. 249.

⁶²⁵ Пустынников И. Рубцовск. Барнаул, 1968. С. 36.

⁶²⁶ Ерошкевич Н.Г. Развитие промышленности советского Алтая. Барнаул, 1958. С. 69–71.

⁶²⁷ Попов М.А. Рубцовск (1892–2000 гг.). Исторические очерки. Рубцовск, 2004. С. 238.

района. Большинство из них располагались на ведущих магистральных железнодорожных путях Западной Сибири, главным образом на Транссибе, отличались удобным территориально-географическим положением, являлись крупными транспортными узлами и выполняли основные перевалочные и снабженческие функции.

Статус административных центров наделял их особыми экономическими преимуществами. Эти города первыми получали инвестиции для своего хозяйственного развития, становясь фокусами экономического притяжения для своих регионов. На их территории в первую очередь размещались предприятия союзного значения, в частности именно в них была переброшена большая часть эвакуированного оборудования в годы войны. Значительно быстрее, чем в остальных городах, у них формировались учреждения строительства, торговли, науки, социальной сферы. Областные административные центры создавали больше возможностей для удовлетворения бытовых и культурных запросов населения⁶²⁸.

Становление промышленного потенциала Тюмени в годы форсированной индустриализации, войны и в восстановительный период в отличие от других городов этого типа происходило неспешно. Тюменская область, длительное время находившаяся в административном подчинении Омской, не получала должных импульсов своему хозяйственному росту. В районах, которые позднее отошли в состав Тюменской области, не намечалось строительства индустриальных гигантов. Специализацией промышленности стали заготовка лесной продукции, добыча и переработка рыбы. В соответствии с этим в г. Тюмень в 1930-е гг. были построены фанерный завод, деревообделочный комбинат и еще несколько небольших предприятий. Эвакуационные мероприятия, осуществленные в годы войны, меньше затронули Тюменскую область. Так, в Тюмень, Тобольск и Ишим в совокупности было перемещено немногим более 20 заводов⁶²⁹. Административное значение города изменилось после образования в 1944 г. самостоятельной Тюменской области. Однако вплоть до конца 1950-х гг. крупного индустриального строительства здесь не велось⁶³⁰.

Открытие в сентябре 1953 г. в районе поселка Березова месторождений газа расширило масштабы поисков нефтегазового сырья в северных районах⁶³¹. В Тюмени было организовано территориальное геологическое управление, численность работников которого к 1985 г. достигла 70,0 тыс. чел., значительное развитие получили авиационные транспортные перевозки, организации по подготовке кадров и специалистов для нефтегазовой отрасли, открылись научные учреждения. Город фактически превратился в опорную базу освоения, исходным

---

⁶²⁸ Население России в XX веке: исторические очерки: в 3 т. Т. 3, кн. 1. 1960–1979. С. 25.

⁶²⁹ Очерки истории Тюменской области. Тюмень, 1994. 192 с.

⁶³⁰ Там же. С. 203–212.

⁶³¹ Алексеев В.В., Ламин В.А. Прометей сибирской нефти. С. 180.

перевалочным пунктом по доставке грузов на Север, многие предприятия были переориентированы на материальное обеспечение осваиваемых районов. Рост численности населения значительно ускорился еще на ранних этапах освоения нефтегазовых месторождений, превысив плановые показатели⁶³². Если в 1959 г. численность жителей Тюмени составляла 150,2 тыс. чел., то через 30 лет, к 1989 г. – уже 476,9 тыс. чел. (рост в 3,2 раза).

В предвоенный период Омск стал центром сельскохозяйственного машиностроения, пищевой и легкой промышленности⁶³³. В годы войны здесь было размещено 80 из более чем 100 предприятий, эвакуированных в Омскую область. Город уже обладал необходимыми условиями: производственными площадками, трудовыми ресурсами, железнодорожным сообщением с Уралом и Кузбассом. Промышленные предприятия, эвакуированные в годы войны, стали основой его экономического потенциала⁶³⁴. Индустриальное производство в годы войны увеличилось почти в три раза, в том числе в машиностроении и металлообработке – в 11 раз, значительно увеличилось число занятых. В послевоенные пятилетки действующие производства расширялись, менялся станочный парк, строились новые корпуса, активно возводились объекты социально-бытового назначения.

Знаковым событием в хозяйственной жизни города стало сооружение крупного нефтеперерабатывающего завода, строительство которого было в основном завершено в 1955 г., рядом с ним возник городок нефтяников. В дальнейшем Омск стал центром строительства Среднесибирской железнодорожной магистрали (Омск – Карасук – Камень-на-Оби – Алтайская). Возведены заводы синтетического каучука и телевизионный, домостроительные комбинаты, расширились энергетические мощности и т.д. К середине 1980-х гг. выпуск продукции промышленности в Омске превысил уровень 1960 г. в шесть раз. Благодаря этому он превратился в гигант советской индустрии и важную часть ВПК Советского Союза, вышел на четвертое место в РСФСР по размерам промышленного производства⁶³⁵. К 1990 г. в городе оказалось сконцентрировано около 90,0 % всего промышленно-производственного персонала Омской области, а его население в изучаемый период увеличилось почти в два раза (+97,6 %).

Довоенная индустриализация слабо затронула Томск, где первоначально были построены только несколько предприятий легкой и пищевой промышленности. Как уже говорилось, главное внимание было уделено соседнему Кузбассу, где поглощались основные материальные ресурсы, рабочая сила и строительные материалы. Весной 1941 г. произошла закладка крупного завода электродвигателей – «Сибэлектромотора». В годы войны в город прибыло оборудование

⁶³² Громыко Г. Завтрашний облик Тюмени // Тюменская правда. 1969. 18 сент.

⁶³³ Очерки истории города Омска. Омск, 2005. Т. 2. Омск. XX век. С. 162.

⁶³⁴ Докучаев Г.А. Рабочий класс Сибири и Дальнего Востока в годы Великой Отечественной войны. С. 87.

⁶³⁵ Алисов Д.А. Социально-экономическое развитие и культура города Омска в 1960-е – первой половине 1980-х гг. // Омск. XX век (вехи истории): краевед. сб. Омск, 2001. С. 158–160.

более 30 предприятий, а вместе с ними около 50,0 тыс. чел.⁶³⁶ Томск превратился в мощный индустриальный центр, где промышленное производство за военные годы заметно укрепилось⁶³⁷.

В 1959 г. население города достигло 145,0 тыс. чел. В послевоенное время к действующим предприятиям присоединилось несколько новых: математических машин, приборный, радиотехнический⁶³⁸. Практически все из 19 крупнейших заводов Томска имели выраженную оборонную направленность. В 1981 г. введен в строй нефтехимический комбинат⁶³⁹. Несмотря на то, что в целом промышленные предприятия можно охарактеризовать как средние по численности персонала и выпускаемой в стоимостном выражении продукции, население города возросло до 502,0 тыс. чел. Важную роль в его демографической судьбе играла молодежь, прибывающая на учебу в высшие учебные заведения.

Добыча угля сыграла большую роль в становлении будущей административной столицы Кузбасса – г. Кемерово. Во время войны в городе было размещено оборудование 38 заводов, за счет которых промышленность оказалась сильно диверсифицирована. В послевоенное время городское хозяйство, наряду с угольными, было представлено предприятиями электротехнической, машиностроительной, легкой и пищевой промышленности. По размерам угледобычи город занял восьмое место в Кузбассе (около 6,0 млн т в год). В 1949–1956 гг. был построен Новокемеровский комбинат, ставший одним из крупнейших в стране по производству минеральных удобрений, азотной и серной кислоты⁶⁴⁰. Кемерово превратился в важный центр химической индустрии Сибири, его население в 1959–1989 гг. увеличилось на 87,4 %.

В одном из старейших городов Западной Сибири – Барнауле количество жителей за 1959–1989 гг. возросло почти в два раза (на 96,3 %). В 1930-е гг. в нем было создано единственное крупное производство – меланжевый завод⁶⁴¹. Индустриальная мощь города сильно увеличилась после эвакуации в 1941–1942 гг. оборудования заводов Харькова, Сталинграда, Николаева, Ленинграда, на основе которых было создано 14 новых предприятий, в том числе шесть машиностроительных (трансмаш, мехпрессов, радиоаппаратурный, станкостроительный, аппаратурно-механический, котельный)⁶⁴². Кроме того, эвакуировались и крупные научно-

---

⁶³⁶ Томск от А до Я: краткая энциклопедия города. Томск, 2004. С. 223.

⁶³⁷ Сазонова Н.И. История Томска: курс лекций. Томск, 2004. С. 137.

⁶³⁸ Томск. История города от основания до наших дней. Томск, 2004. С. 343–347.

⁶³⁹ Томская область: исторический очерк. Томск, 1994. С. 528–530; Рабочий класс Сибири. 1961–1980 гг. Новосибирск, 1986. С. 50.

⁶⁴⁰ История Кузбасса: уч. пос. С. 191; Рабочий класс Сибири. 1961–1980 гг. С. 49.

⁶⁴¹ Московский А.С. Промышленное освоение Сибири в период социализма (1917–1937 гг.). Историко-экономический очерк. С. 216, 240–241.

⁶⁴² Дятчин Н.И. Промышленность Алтая: история развития, проблемы и перспективы. С. 158.

образовательные учреждения, например, Пушкинский сельскохозяйственный институт из Ленинграда⁶⁴³.

Промышленное производство за годы войны увеличилось в три раза. Как и в других западносибирских административных и индустриальных центрах, в Барнауле в послевоенное время реконструировались и технически перевооружались действующие производства, велось активное жилищное строительство, возникли новые научно-исследовательские и образовательные учреждения, развивались торговля и бытовое обслуживание. Пущены в эксплуатацию несколько новых заводов – химических волокон, технического углерода, геофизической аппаратуры и др. Численность промышленно-производственного персонала повысилась с 83,1 тыс. чел. в 1960 г. до 143,3 тыс. чел. в 1979 г.⁶⁴⁴ В целом в Барнауле стало вырабатываться около половины всей валовой продукции промышленности Алтайского края⁶⁴⁵.

Самый молодой административный центр Западной Сибири, Новосибирск, возник в 1893 г. благодаря строительству Транссибирской магистрали. Уже в 1930-е гг. машиностроение начинает играть ведущую роль в городском хозяйстве. В годы военной поры индустрия города увеличилась в восемь раз за счет эвакуации 140,0 тыс. чел., а вместе с ними оборудования пятидесяти заводов. В 1955 г. его доля в общем объеме промышленного производства всей Западной Сибири составила 20,0 %⁶⁴⁶. В послевоенное время возрос его научный потенциал. В 1956 г. было принято решение о запрещении нового строительства и расширения предприятий в 48 крупных городах, к середине 1960-х гг. их число перевалило за сотню⁶⁴⁷. В их число попал и Новосибирск⁶⁴⁸. После 1950-х гг., если не брать в расчет производств, относящихся к социально-бытовой сфере, крупных промышленных предприятий здесь не возводилось. Именно поэтому население Новосибирска среди западносибирских административных центров за 30 лет увеличилось меньше всего (см. Прил., табл. 3).

Итак, замедленные темпы демографического роста крупных городов были обусловлены, прежде всего, малым количеством средних городских поселений и становлением ЗСНГК, благодаря которому произошла трансформация внутрирайонных миграционных потоков. Вместе с тем свою роль сыграли и особенности развития крупных индустриальных городов, не входящих в состав административных центров. Сокращение капиталовложений, направляемых в угольную промышленность, и падение ее значения в народнохозяйственном комплексе Советского Союза способствовали резкому сокращению притока мигрантов в большие города,

---

⁶⁴³ Кукис С. Стал крупным вузом страны // Алтайская правда. 1980. 8 авг.

⁶⁴⁴ Город Барнаул за 250 лет: стат. сб. Барнаул, 1980. С. 20.

⁶⁴⁵ Прохожев А.А. Организация управления народным хозяйством Алтайского края // История Алтайского края. XVIII–XX вв.: науч. и док. мат.-лы. Барнаул, 2005. С. 421.

⁶⁴⁶ Баландин С.Н. Новосибирск. История градостроительства. 1945–1985 гг. Новосибирск, 1986. С. 5.

⁶⁴⁷ Сенявский А.С. Урбанизация России в XX веке: роль в историческом процессе. С. 100.

⁶⁴⁸ Баландин С.Н. Новосибирск. История градостроительства. 1945–1985 гг. С. 78–79.

предприятия которых относились к этой отрасли. Наоборот, большинство «угольных» городов в миграционном обмене стали терять свое население. В конечном итоге, несмотря на то, что административные центры продолжали развиваться и увеличили свое население, доля больших городов в Западной Сибири за 30 лет даже несколько снизилась.

Средние города. Обычно в научных работах развитие средних городов анализируется вместе с малыми городскими поселениями. Выделить в отдельную группу и рассматривать подробно вынуждает специфика их исторического развития в Западной Сибири. Кроме того, пусть незначительно, но все же они выделялись своими функциями. За редким исключением это были индустриальные города с одним крупным, реже двумя-тремя средними предприятиями союзного значения. Граница в 50,0 тыс. чел. является условной, многие малые индустриальные города не достигали уровня средних городов, но резкое повышение или сокращение их количественного представительства (как и в нашем случае) указывало на формирование особых тенденций в процессах градообразования. Число средних городов могло пополняться двумя путями: во-первых, за счет роста численности жителей в малых городах из-за размещения крупных промышленных объектов, во-вторых, благодаря понижению статуса у некогда крупных городских поселений. В этой связи состав средних городов являлся неустойчивым, в зависимости от условий они могли перейти как в вышестоящую, так и нижестоящую группу.

Средние города в Западной Сибири, за единственным исключением, представляли собой индустриальные центры, предприятия которых специализировались на одной отрасли. Высокая в сравнении с малыми городами численность населения и наличие производств союзного значения превращали их в важные элементы народнохозяйственного комплекса экономического района и СССР в целом. Административно-организующая (районного значения) деятельность также играла важную роль при выполнении ими своих функций. Однако, прежде всего, они являлись промышленными центрами.

Средний город по меркам первой половины XX столетия носил иное содержание в сравнении со второй половиной. В довоенный период он играл более значимую роль за счет меньшей численности городского (и всего) населения. В то время города с числом жителей в 50,0–100,0 тыс. чел. считались уже довольно крупными поселениями. В 1926 г. в РСФСР таковых насчитывалось только 37, а в 1939 г. – 58⁶⁴⁹. По мере увеличения численности населения, расширения сети городских поселений, нарастания масштабов промышленного производства происходило изменение экономико-административного значения разных по численности жителей населенных пунктов. И лишь по мере снижения темпов роста

---

⁶⁴⁹ Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 года. РСФСР. М., 1963. С. 39.

численности и удельного веса горожан на поздних этапах урбанизации (1970–1980-е гг.) функциональные роли городов более или менее стабилизировались.

В 1939 г. согласно данным Всесоюзной переписи в Западной Сибири насчитывалось четыре средних города – Тюмень, Бийск, Ленинск-Кузнецкий и Анжеро-Судженск с совокупным числом жителей в 311,2 тыс. чел., что составило 12,1 % всего городского населения (в РСФСР – 11,3 %) ⁶⁵⁰. Распределение горожан перед войной среди разных по численности населения городских поселений, несмотря на небольшой перекоп в сторону больших и средних городов, выглядело сбалансированно, не слишком отличаясь от такового по республике.

В годы войны и в послевоенный восстановительный период роль средних городов сильно упала. Значительный рост численности населения в городах, куда в годы войны было эвакуировано большое количество предприятий, привел к тому, что все средние города и даже несколько малых (Белово, Киселёвск, Рубцовск) перешли в разряд крупных. В то же время в большинстве малых городов, слабо затронутых эвакуационными мероприятиями, население выросло незначительно, и они сохранили свой прежний статус (например, Барабинск, Горно-Алтайск, Камень-на-Оби, Мариинск, Тайга, Татарск, Тобольск). Именно поэтому в Западной Сибири к концу 1950-х гг. оказалось только два средних города. Это были расположенные в Кузбассе Осинники и Междуреченск, совокупное население которых в 1959 г. составило 122,6 тыс. чел. или 2,1 % от общей численности горожан экономического района (табл. 2.2.4). В это же время в РСФСР насчитывался 101 средний город с населением в 7 043,4 тыс. чел. (11,3 %).

В начале рассматриваемого периода в Западной Сибири экономические предпосылки для развития средних городов были невелики. Административные функции регионального уровня были монополизированы областными центрами, индустриальный потенциал оказался сосредоточен в больших городах, а основной этап становления Урало-Кузнецкого комбината был пройден. В Кузбассе к концу 1950-х гг. в основном сформировалась сеть населенных пунктов, специализирующихся на добыче угля, железной руды и выплавке стали. Многие поселения выросли в крупные города, а демографический рост оставшихся городов ограничивался существующей ресурсной базой. В стратегию центральных органов власти не входило дальнейшее увеличение доли угля в энергетическом балансе страны. К тому же в первой половине 1960-х гг. приоритетными для развития стали другие восточные районы Советского Союза.

---

⁶⁵⁰ Подсчитано по: Население РСФСР. Итоги Всесоюзной переписи населения на 15 января 1959 г. М., 1960. С. 22, 56, 57.

Динамика численности жителей средних городов и их удельного веса
в городском населении в 1959–1989 гг.

Регион	Количество городов	Численность населения, тыс. чел.	Доля в городском населении (экономического района, области), в %
1959			
РСФСР	101	7 043,4	11,3
Западная Сибирь	2	122,6	2,1
Алтайский край	–	–	–
Кемеровская область	2	122,6	5,7
Новосибирская область	–	–	–
Омская область	–	–	–
Томская область	–	–	–
Тюменская область	–	–	–
1970			
РСФСР	114	7 902,7	9,8
Западная Сибирь	5	314,3	4,2
Алтайский край	–	–	–
Кемеровская область	3	205,6	8,6
Новосибирская область	1	52,8	3,2
Омская область	–	–	–
Томская область	–	–	–
Тюменская область	1	55,9	8,1
1979			
РСФСР	135	9 081,3	9,5
Западная Сибирь	9	582,3	6,6
Алтайский край	1	50,0	3,6
Кемеровская область	3	229,4	9,0
Новосибирская область	2	126,0	6,7
Омская область	–	–	–
Томская область	–	–	–
Тюменская область	3	176,9	15,4
1989			
РСФСР	165	11 286,0	10,5
Западная Сибирь	16	1 149,9	10,5
Алтайский край	2	104,3	6,6
Кемеровская область	4	301,6	10,9
Новосибирская область	3	198,6	9,6
Омская область	–	–	–
Томская область	–	–	–
Тюменская область	7	545,4	23,1

* Составлено по: Население РСФСР. Итоги Всесоюзной переписи населения на 15 января 1959 г. М., 1960. С. 38, 39, 46, 47, 50, 54; Население РСФСР. Предварительные итоги Всесоюзной переписи населения на 15 января 1970 г. М., 1970. С. 24, 25, 30–33, 36, 39, 40; Городские поселения РСФСР (по данным Всесоюзной переписи населения 1979 г.). М., 1980. С. 46, 47, 58, 59, 64, 65, 66–69; Городские поселения РСФСР по данным Всесоюзной переписи населения 1989 года. М., 1991. С. 62, 63, 118–125.

В этой связи численный состав средних городов мог пополниться естественным образом за счет постепенного роста населения в некоторых малых городских поселениях. Способствовать этому могло также расширение географии размещения промышленных предприятий и формирование новых территориально-производственных комплексов. Такие условия в Западной Сибири возникли к середине – концу 1960-х гг. в результате реализации

государственной политики деконцентрации промышленного производства и выведения его за пределы крупных городов, а также после начала формирования ЗСНГК⁶⁵¹.

Таблица 2.2.5

Динамика численности населения средних городов и всего городского населения в целом в 1959–1989 гг., в %

Регион	1959–1970	1970–1979	1979–1989	1959–1989
РСФСР	+31,4	+17,8	+13,2	+75,2
Западная Сибирь	+29,8	+18,0	+24,5	+90,7
РСФСР, сред. города	+12,2	+14,9	+24,3	+60,2
Западная Сибирь, сред. города	+156,4	+85,3	+97,5	+837,9

* Таблица составлена по тем же данным, что и табл. 2.2.1.

Как видно из табл. 2.2.5, численность населения средних городов в 1959–1970 гг. выросла гораздо больше, чем в республике в целом. Исследуемая группа пополнилась сразу тремя городскими поселениями: Бердском (в 1969 г.), Ишимом (в 1966 г.) и Юргой (в 1961 г.). Особенно заметный демографический рост был отмечен в первом из них, где за 1959–1970 гг. количество жителей увеличилось на 82,1 %, сравнительно высокие показатели были отмечены в Юрге (+32,8 %) ⁶⁵². В Ишиме население повысилось меньше всего (на 16,9 %) ⁶⁵³. Пополнил контингенты своих горожан Междуреченск, где был полуторократный рост населения, тогда как в Осинниках была зафиксирована демографическая убыль, достигшая 9,1 % ⁶⁵⁴.

В основном из-за сильного оттока населения из Осинников механический прирост средних городов более чем в три раза уступил естественному в пополнении численности жителей (соотношение – 0,3). Доля средних городов в совокупном естественном приросте городских поселений составила 3,7 %, в механическом – только 1,1 % ⁶⁵⁵.

В 1970-е гг. численность населения средних городов в Западной Сибири продолжала повышаться опережающими темпами, а их удельный вес вырос с 4,2 % до 6,6 %. В их состав вошли – Искитим (в 1973 г.), Нефтеюганск (в 1979 г.), Новоалтайск (в 1970-е гг.), Тобольск (в 1972 г.). Высокий рост численности жителей в 1970–1979 гг. был отмечен в Бердске (+27,5 %), Искитиме (+29,9 %), Тобольске (+26,5 %) и Юрге (+26,5 %), умеренный – в Ишиме и Междуреченске (+11,8 % и +11,6 %) ⁶⁵⁶. Однако наибольший прирост был зафиксирован в

⁶⁵¹ Рабочий класс Сибири. 1961–1980 гг. С. 53–61.

⁶⁵² Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 г. Кемерово, 1971. (ДСП). С. 8.

⁶⁵³ Подсчитано по: ГАТюм.О. ФР.–1112. Оп. 11. Д. 23. Л. 21; Д. 7. Л. 18.

⁶⁵⁴ Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 г. С. 8.

⁶⁵⁵ Здесь мы сталкиваемся с серьезной методической проблемой: нужно определить, куда включать прирост городов, которые меняли свой статус в межпереписной период. Если же осуществлять расчеты прироста городов на основе данных переписи, не учитывая смену статуса в межпереписные периоды, то ситуация становится еще более запутанной. Для решения этой дилеммы нам пришлось рассчитывать механический прирост каждого города с учетом его конкретного категориального статуса в определенном году. Так, механический прирост среднего (малого, большого) города рассчитан (и указан) с момента приобретения этого статуса и до времени утраты. Он же включался в общую статистику по категории в целом (больших, малых и средних городов).

⁶⁵⁶ Городские поселения РСФСР (по данным Всесоюзной переписи населения 1979 г.). М., 1980. (ДСП). С. 128, 130–131, 132.

Нефтеюганске, где население за 1970–1979 гг. увеличилось более чем в 2,5 раза, с 19,7 тыс. до 52,4 тыс. чел. В Новоалтайске численность горожан осталась почти на прежнем уровне (+1,2 %), в Осинниках – вновь сократилась (на 3,4 %) ⁶⁵⁷.

В 1970–1979 гг. механический прирост стал главным фактором пополнения контингентов горожан в средних городах (соотношение 2,3). Городские поселения данного класса дали 7,6 % естественного прироста, а механического – даже 15,5 %. Однако здесь необходимо сделать важную оговорку – вышеуказанные цифры получены с учетом Нижневартовска и Сургута, которые являлись средними городами временно (соответственно в 1975–1978 и 1973–1978 гг.) ⁶⁵⁸.

В 1979–1989 гг. состав средних городов увеличился сразу на восемь единиц (Белово, Березовский, Заринск, Куйбышев, Нягань, Новый Уренгой, Надым, Ноябрьск). При этом повысился статус Междуреченска, перешедшего в вышестоящую группу, а Белово – наоборот понизился (стал средним). В итоге численность жителей средних городов в Западной Сибири вновь выросла больше, чем в целом по республике, а их удельный вес в городском населении достиг 10,5 % (см. табл. 2.2.4). Впечатляющего роста добились населенные пункты Тюменской области. Новый Уренгой, получивший статус города только в 1980 г., за 1981–1989 гг. увеличил свое население в 5,7 раза, Ноябрьск (город с 1982 г.) за 1983–1989 гг. – в 2 раза, Нягань (город с 1985 г.) за 1986–1989 гг. – в 1,8 раза ⁶⁵⁹. Двукратное повышение количества жителей за 1979–1989 гг. было отмечено в Надыме, полуторократное – в Тобольске, в 1,8 раза увеличилось количество горожан в Нефтеюганске, и только в Ишиме рост составил всего 6,2 % ⁶⁶⁰.

Показатели демографического развития средних городов других областей были скромнее. В Бердске, Искитиме и Куйбышеве численность жителей выросла соответственно на 17,8 %, 15,5 % и 10,1 %, в Березовском и Юрге – на 23,9 % и 19,0 %. Впервые за долгие годы повысилось население Осинников (на 4,8 %). Небольшой рост был отмечен в Новоалтайске (+7,2 %). Из городов, не расположенных в Тюменской области, наибольшими темпами отметился Заринск, где за 1979–1989 гг. население увеличилось в 2,7 раза ⁶⁶¹. В итоге доля средних городов в естественном приросте составила 8,5 %, в механическом – 10,1 % (соотношение 1,8).

Таким образом, когорта средних городов за 1959–1989 гг. пополнилась сразу на 14 единиц (восьмикратный рост), их население увеличилось в 9,4 раза, а удельный вес возрос с 2,1 % до 10,5 %. В Российской Федерации значение средних городов в системе расселения несколько

⁶⁵⁷ Городские поселения РСФСР (по данным Всесоюзной переписи населения 1979 г.). М., 1980. (ДСП). С. 127–128, 132.

⁶⁵⁸ Подсчитано по тем же данным, что и Прил., табл. 10.

⁶⁵⁹ Подсчитано по: Численность населения РСФСР по городам, рабочим поселкам и районам на 1 января 1981 г. М., 1981. С. 170; Численность населения РСФСР по городам, рабочим поселкам и районам на 1 января 1983 г. М., 1983. С. 205; Численность населения РСФСР по городам, рабочим поселкам и районам на 1 января 1986 г. М., 1986. С. 204; Городские поселения РСФСР по данным Всесоюзной переписи населения 1989 года. М., 1991. С. 226.

⁶⁶⁰ Городские поселения РСФСР по данным Всесоюзной переписи населения 1989 года. С. 226.

⁶⁶¹ Там же. С. 221–224.

уменьшилось. Количественный состав последних увеличился с 101 до 165 (+63,4 %), численность жителей – на 60,2 %, а доля в городском населении снизилась с 11,3 % до 10,5 % (см. табл. 2.2.4).

Теперь проведем исследование демографической динамики каждого из средних городов. Как уже говорилось выше, практически все они представляли собой индустриальные города, с одним или несколькими градообразующими предприятиями. Другим функциональным типам населенных пунктов, например, местным организующим центрам или транспортным, было сложно преодолеть планку в 50,0 тыс. жителей. Особое место среди них занимали города, предприятия которых специализировались на добыче угля, нефти и газа. В сжатые сроки в состав средних смогли перейти только они.

В 1959 г. оба средних города территориально располагались в Кемеровской области. Осинники возник как один из важнейших центров угледобычи Кузбасса⁶⁶². Предприятия города специализировались на добыче коксующего угля для расположенного неподалеку Кузнецкого металлургического комбината (г. Новокузнецк). Статус города поселку был присвоен в 1939 г. Согласно переписи 1959 г. его население достигло 68,1 тыс. чел. В последующие годы по мере нарастания стагнационных явлений в угольной отрасли население города не только перестало расти, но даже сократилось. Например, в 1970-е гг. согласно данным областной статистики в городе произошло сокращение промышленного производства⁶⁶³. Возможно, негативное влияние на миграционное движение населения оказывало близкое территориальное расположение Новокузнецка, в состав которого Осинники (в 1934–1938 гг.) входили ранее⁶⁶⁴. Немало проблем трудовым коллективам и социально-экономическому развитию городского хозяйства доставляло административное переподчинение ряда местных предприятий организациям, расположенным в Кемерово и Новокузнецке⁶⁶⁵.

Судьба Междуреченска сложилась иначе. Своему возникновению он обязан Томусинскому месторождению – новому перспективному району угледобычи в Кемеровской области, а статус города он получил в 1955 г. Всесоюзная перепись 1959 г. зафиксировала его население в момент интенсивного индустриального и жилищно-коммунального строительства. Демографическое развитие Междуреченска в целом повторило путь многих других городских поселений Кузбасса, возникших в годы первых пятилеток. Быстрый индустриальный рост сопровождался стремительным повышением численности населения (почти в два раза за 1959–1989 гг.). В городе одна за другой вступили в строй несколько шахт: имени В.И. Ленина, Л.Д. Шевякова, «Томская», «Усинская», крупнейшая в стране «Распадская», а также три

⁶⁶² История Сибири с древнейших времен до наших дней: в 5 т. Л., 1969. Т. 5. Сибирь в период завершения строительства социализма и постепенного перехода к коммунизму (1937–1965 гг.). С. 27.

⁶⁶³ Народное хозяйство городов и районов Кемеровской области. 1975–1980 гг. Кемерово, 1981. (ДСП) С. 9.

⁶⁶⁴ Города Кузбасса. Т. 1. С. 152.

⁶⁶⁵ Цыряпкин А. Осинники. Кемерово, 1995. С. 216–217.

угольных разрезов – «Красногорский», «Томусинский», «Междуреченский»⁶⁶⁶. В конечном итоге Междуреченск смог перейти в состав крупных городов (107,0 тыс. чел. в 1989 г.).

Численность жителей г. Белово (возник в 1938 г.), который ранее входил в группу больших городов, снизилась с 106,9 тыс. чел. в 1959 г. до 93,1 тыс. чел. в 1989 г. или на 12,9 %. Убыль населения произошла из-за того, что за пределы его административных границ в 1988 г. был выведен пгт Новый Городок. Население г. Березовский увеличилось за 1970–1989 гг. с 34,8 тыс. чел. до 51,3 тыс. чел. (+47,2 %). Его возникновение связано с добычей сапропелевых углей, необходимых для химических предприятий Кемерово⁶⁶⁷. Освоение значительных запасов угля, введение в строй в 1950–1970-е гг. таких шахт, как «Березовская», «Бирюлинская», «Первомайская», а также Черниговского разреза привело к притоку населения из Донбасса, Урала и других регионов страны⁶⁶⁸. Только благодаря одной шахте «Бирюлинская» население города должно было увеличиться на 5,0 тыс. чел.⁶⁶⁹

С возникновением Западно-Сибирского нефтегазового комплекса группа средних городов за 30 лет пополнилась Нефтеюганском, Надымом, Новым Уренгоем, Ноябрьском и Няганью. Совокупная численность их населения в 1989 г. достигла 379,7 тыс. чел. История каждого из этих поселений по своему уникальна, вместе с тем их многое объединяет⁶⁷⁰. Как известно, с самого начала формирования нефтегазовой отрасли активно обсуждались вопросы строительства городов и рабочих поселков⁶⁷¹. Одни специалисты утверждали, что на севере необходимо строить стационарные поселения, другие придерживались иной точки зрения и высказывались за экспедиционно-вахтовый метод разработки полезных ископаемых. В конечном итоге взяла верх первая точка зрения⁶⁷².

Город Надым, появившийся на старте ямальской газодобычи, стал одним из первых поселений, которые возникли исходя из победившей точки зрения. По всей видимости, крупные стационарные поселения были необходимы в условиях разработки огромных залежей газа, разведанные запасы которых в конце 1970-х гг. оценивались уже в 27 трлн куб. м⁶⁷³. Параллельно освоению Медвежьего месторождения был возведен капитальный город, градообразующим предприятием которого стало первое крупное газодобывающее объединение ЯНАО – «Надымгазпром»⁶⁷⁴. Успешная реализация поставленных промышленных и

⁶⁶⁶ Шатская Т. Междуреченск. Кемерово, 1978. С. 4.

⁶⁶⁷ Проблемы урбанизации восточных регионов России в XIX–XX вв. Томск, 2007. С. 154.

⁶⁶⁸ Чворо В.Д. Город угля и молодости. Березовский, 1994. С. 37. 47–58.

⁶⁶⁹ Шатская Т. Заботы молодого города // Кузбасс. 1965. 5 фев.

⁶⁷⁰ См., например: Свидетельство о рождении. Свердловск, 1988.

⁶⁷¹ Из доклада первого секретаря тюменского обкома КПСС Б.Е. Щербины // Тюменская правда. 1966. 5 июл.

⁶⁷² Гаврилова Н.Ю. Социальное развитие нефтегазодобывающих районов Западной Сибири. С. 35; Тимошенко А.И. Проекты социально-экономического развития Сибири в XX в.: концепции и решения. Исторические очерки. С. 260.

⁶⁷³ Известия. 1981. 11 нояб.

⁶⁷⁴ Гольд А.Г. Надым. Свердловск, 1982.

строительных задач позволила использовать приобретенный опыт при освоении Уренгойского месторождения и возведении следующего крупного центра газодобычи ЯНАО – г. Новый Уренгой⁶⁷⁵, население которого к 1989 г. достигло 93,2 тыс. чел.

Нефтеюганск как населенный пункт появился в качестве базы для разработки крупного Усть-Балыкского месторождения, открытого в 1961 г. Его градообразующим предприятием стало мощное НГДУ (Нефтегазодобывающее управление) «Юганскнефть». Население города только в 1980-е гг. увеличилось на три четверти. В свою очередь г. Нягань начинает свою историю еще с 1930-х гг. Основным занятием его жителей тогда являлись заготовка леса и производство пиломатериалов. Нефтяная специализация стала ведущей только в конце 1970-х гг. с возникновением производственного объединения «Красноленинскнефтегаз»⁶⁷⁶. С этого времени население поселка начинает стремительно расти, в 1985 г. ему был присвоен статус города. Если в 1979 г. количество его жителей составляло 4,6 тыс. чел., то в 1989 г. – 54,1 тыс. чел. Также стремительно увеличивалось население г. Ноябрьска – центра нефте- и газодобычи Ямало-Ненецкого автономного округа. Основу городской экономики составили четыре средних по размерам производственной деятельности НГДУ – «Холмогорнефть», «Суторминскнефть», «Заполярьефть», «Муравленковскнефть». Если в 1982 г. численность жителей Ноябрьска составляла 25,5 тыс. чел. то к 1989 г. – уже 85,9 тыс. чел. (табл. 2.2.6).

Таблица 2.2.6

Численность населения средних городов в 1959–1989 гг., тыс. чел. *

Город**	1959	1970	1979	1989
Белово	–	–	–	93,1
Бердск	–	52,8	67,3	79,3
Березовский	–	–	–	51,3
Заринск	–	–	–	50,2
Искитим	–	–	58,7	67,8
Ишим	–	55,9	62,5	66,4
Куйбышев	–	–	–	51,2
Междуреченск	54,5	81,8	91,3	–
Надым	–	–	–	52,6
Нефтеюганск	–	–	52,4	93,9
Новоалтайск	–	–	50,0	53,6
Новый Уренгой	–	–	–	93,2
Ноябрьск	–	–	–	85,9
Нягань	–	–	–	54,1
Осинники	68,1	61,9	59,8	62,7
Тобольск	–	–	62,0	94,1
Юрга	–	61,9	78,3	93,2

* Составлено по: Население РСФСР. Итоги Всесоюзной переписи населения на 15 января 1959 г. М., 1960. С. 199; Население РСФСР. Предварительные итоги Всесоюзной переписи населения на 15 января 1970 г. М., 1970. С. 172, 173, 175, 181; Городские поселения РСФСР (по данным Всесоюзной переписи населения 1979 г.). М., 1980. С. 127, 128, 130–132; Городские поселения РСФСР. По данным Всесоюзной переписи населения 1989 г. М., 1991. С. 221–224, 226.

** Население городов указано в соответствии со статусом (не указана численность жителей, если был малым городом).

⁶⁷⁵ См., например: От Березово до Ямбурга: 45 лет газовой промышленности Западной Сибири. Тюмень, 2011.

⁶⁷⁶ Нягань: город на историческом фоне Нижнего Приобья. Екатеринбург, 1995.

За исследуемый период на территории Западной Сибири появилось шесть средних городов, предприятия которых относились к разнообразным отраслям перерабатывающей промышленности. Формирование новых или увеличение мощностей действующих производств сопровождалось ростом численности обслуживающего их рабочего и инженерно-технического персонала. Следует учитывать, что реализация на практике политики децентрализации промышленности наталкивалась на сопротивление факторов хозяйственной целесообразности. На неподготовленных производственных площадках следовало предварительно создавать базы строительной индустрии, производственно-технической комплектации, системы снабжения энергией, водой и теплом, развернуть строительство жилья и культурно-бытовых объектов, подготовить и привлечь рабочие кадры. Именно поэтому для союзных и республиканских министерств и ведомств ввод в эксплуатацию новых заводов в подобных местах был сопряжен с большими экономическими издержками.

В послевоенные годы еще более окрепла строительная индустрия в Искитиме: в пять с половиной раз увеличил мощности Чернореченский цементный завод, построены заводы асбестоцементных изделий и др.⁶⁷⁷ Предприятия города стали главными поставщиками стройматериалов в Новосибирской области, их продукция оказалась широко востребована в других районах СССР, в том числе при освоении северных нефтегазовых районов⁶⁷⁸. В дополнение к ним определенное развитие в Искитиме получили предприятия оборонной промышленности. В результате численность его населения в исследуемый период выросла почти в 2 раза (+97,8 %).

Значительно увеличились в 1950–1980-е гг. мощности Юргинского машиностроительного завода – градообразующего предприятия г. Юрга. К примеру на центральном уровне было принято решение организовать на его базе, кроме выпуска обычных вооружений, производство стартового оборудования для ракетных изделий, гражданской продукции. Здесь изготавливались некоторые элементы обслуживания космического комплекса «Буран»⁶⁷⁹. Значительно увеличился выпуск продукции на предприятиях инфраструктурного значения, пищевой и легкой промышленности, построен абразивный завод⁶⁸⁰. Численность персонала на головном предприятии достигла 20,0 тыс. чел., а количество жителей города за 30 лет выросло ровно в два раза с 46,6 тыс. до 93,2 тыс. чел. Похожие экономические и демографические тенденции были отмечены в г. Новоалтайске (рост на 57,9 %), где градообразующим предприятием стал вагоностроительный завод, единственный в Сибири с подобным профилем⁶⁸¹.

⁶⁷⁷ Максимов Г. Город, строящий города. Новосибирск, 1990. С. 122–157; Комогорцев И.И. Промышленность и рабочий класс Сибири в период строительства коммунизма (1959–1965 гг.). С. 137.

⁶⁷⁸ Максимов Г. Сколько лет Искитиму? // Советская Сибирь. 1986. 1 июня.

⁶⁷⁹ Галкин Н.В. История Юрги. Кемерово, 2001. С. 284–286.

⁶⁸⁰ Моисеев В. Соперник алмаза // Кузбасс. 1968. 31 мая.

⁶⁸¹ Алтай в послевоенный период. Барнаул, 1974. С. 49.

Демографический рост г. Куйбышева был во многом связан с необходимостью рационального размещения производительных сил в Сибири⁶⁸². К возведению одного из флагманов индустрии города – химического завода приступили в 1952 г., численность его трудового коллектива впоследствии достигла 3,5 тыс. чел. К слову, Куйбышев и Тобольск еще до начала строительства крупных предприятий располагали комплексом небольших и средних промышленных производств, как правило нацеленных на обслуживание нужд сельского хозяйства. Так, в Куйбышеве в предшествующий исторический период были пущены в эксплуатацию завод автозапчастей с персоналом в 1,6 тыс. чел., Барабинская ГРЭС, спиртовой завод, мясо- и молочноконсервный комбинаты. Кроме того, в городе были построены, наряду с химзаводом, другие предприятия, например завод ЖБИ.

Ввод в эксплуатацию крупного нефтехимического комбината стал важной вехой в жизни послевоенного Тобольска и главной причиной существенного (в 2,4 раза) прироста численности жителей в 1959–1989 гг. На центральном уровне было принято решение реализовать здесь проект по строительству крупнейшего в стране предприятия по комплексной глубокой переработке углеводородного сырья⁶⁸³. Запуск центральной газофракционирующей установки на ТНХК состоялся в 1984 г. Новое производство потребовало привлечения целого ряда квалифицированных специалистов, которые стали съезжаться на комбинат со всей страны, численность рабочих и инженерных кадров завода по некоторым оценкам достигла 8,0 тыс. чел. В дополнение к этому в городском хозяйстве была произведена организационная и технологическая перестройка всех прежних отраслей (лесной, судостроительной, легкой)⁶⁸⁴.

Если Куйбышев и Тобольск еще до строительства в них крупных предприятий утвердились в качестве городов, уже обладающих известным индустриальным потенциалом, то возникновение Заринска произошло целиком за счет строительства в 1972 г. Алтайского коксохимического завода, объявленного Всесоюзной комсомольской стройкой. Параллельно с ним началось возведение города-спутника, население которого росло стремительными темпами. За 1979–1989 гг. число жителей Заринска увеличилось с 18,3 тыс. чел. до 50,2 тыс. чел.

Особое место в системе городского расселения Новосибирской области занимал г. Бердск, численность жителей которого в изучаемый период увеличилась в 2,7 раза (с 29,0 тыс. чел. до 79,3 тыс. чел.). Лидером по масштабам производства стал Бердский радиозавод, строительство которого началось еще в 1946 г.⁶⁸⁵ Удельный вес предприятия в общем объеме выпуска

---

⁶⁸² История промышленности Новосибирска. Новосибирск, 2005. Т. 5. Новый отчет (1986–2005). С. 505.

⁶⁸³ Тимошенко А.И. Проекты социально-экономического развития Сибири в XX в.: концепции и решения. Исторические очерки. С. 253.

⁶⁸⁴ Копылов Д.И., Прибыльский Ю.П. Тобольск. Тюмень, 2007. С. 256.

⁶⁸⁵ Сметанин Е.Н. Бердск. Краткий исторический очерк. Новосибирск, 1983. С. 62.

бытовой радиоаппаратуры Советского Союза ко второй половине 1980-х гг. превысил 40,0 %⁶⁸⁶. Численность его работников к началу 1990-х гг. достигла 12,0 тыс. чел. На втором по мощности Бердском электромеханическом заводе, полностью введенном в строй в 1965 г., трудовой коллектив составил почти 10,0 тыс. чел. Крупным предприятием, построенным в 1960-е гг., являлся также завод биопрепаратов. На территории города были возведены и другие меньшие по размерам и количеству работников промышленные объекты.

Среди 16 городов Западной Сибири, ставших средними к 1989 г., к индустриальным не относился только Ишим. Он представлял собой редкий пример того, как местный организующий центр межрайонного значения смог преодолеть рубеж в 50,0 тыс. жителей. Развивались созданные еще в годы войны предприятия: машиностроительный завод, «Ишимсельмаш», обувная и швейная фабрики⁶⁸⁷. Территориально-географическое расположение среди сельскохозяйственных районов юга Тюменской области способствовало развитию предприятий пищевой промышленности. Численность населения Ишима за 30 лет возросла на 38,9 %⁶⁸⁸.

Итак, можно видеть, что рост населения городов, которые в 1989 г. вошли в состав средних, шел очень интенсивно. Однако нельзя только этим объяснить более чем девятикратное повышение численности их населения. Такие статистические показатели во многом были вызваны их изначально низким количественным составом и удельным весом в Западной Сибири. Хозяйственное освоение северных районов, появление или расширение производственных мощностей крупных градообразующих предприятий тоже способствовали увеличению доли средних городов. В результате на примере этой группы городов явно прослеживается влияние экстенсивных черт урбанизации, так как по росту численности населения и удельного веса средние города Западной Сибири, в отличие от РСФСР в целом, существенно опережали другие населенные пункты.

Малые города и поселки городского типа. В процессе урбанизации и концентрации промышленного производства в крупных административных и индустриальных центрах и до определенной степени в средних городах происходило последовательное вытеснение малых городских поселений из социально-экономической жизни РСФСР, что в свою очередь приводило к снижению их демографического веса. Указанные черты урбанизации в изучаемый период были обусловлены, с одной стороны, тенденциями в формировании народного хозяйства страны, с другой – социальными требованиями развития общества.

---

⁶⁸⁶ История промышленности Новосибирска. Т. 5. Новый отчет (1986–2005). С. 362.

⁶⁸⁷ Ишим: исторические очерки. Ишим, 1993. С. 37–40.

⁶⁸⁸ Подсчитано по: ГАТюм.О. ФР.–1112. Оп. 11. Д. 9. Л. 16; Численность населения РСФСР по данным Всесоюзной переписи населения 1989 г. М., 1990. С. 318.

В целом по стране в исследуемый период отчетливо обозначилась тенденция к сосредоточению населения в крупных городских центрах и к сокращению демографического представительства малых городов⁶⁸⁹. Большие города выделялись не только масштабами различных видов деятельности, но и выполняемыми народнохозяйственными функциями, в первую очередь, квалифицированными отраслями материального производства и непромышленной сферы.

В противоположность им малые города отличались ограниченным набором функций, в значительной мере отражавшим специализацию экономических районов и областей. Среди них удельный вес индустриальных центров по объективным причинам был намного ниже, чем у средних городов. В большинстве своем они представляли собой узкоспециализированные поселения по добыче и первичной переработке полезных ископаемых и лесной продукции. Большая часть малых городов в РСФСР являлась одновременно районными центрами, для трети из них деятельность по обслуживанию окружающей территории являлась ведущей⁶⁹⁰.

С середины 1960-х гг. были предприняты определенные шаги по ускорению хозяйственного роста малых и средних городов. В частности, в них стали размещаться филиалы и цехи крупных предприятий. Считалось, что организация филиалов является экономически оправданным и перспективным делом. Небольшое, но современное производство, современное обустройство и обслуживание были необходимы всем городам. Однако у многих населенных пунктов, чье население не превышало 20,0 тыс. чел., длительное время не велось существенного производственного и культурно-бытового строительства. Недостаточный экономический потенциал малых городов и пгт, в которых, как правило, располагались лишь небольшие заводы по обслуживанию населения и переработке сельскохозяйственного сырья – хлебзаводы, горпищеккомбинаты, комбинаты бытового обслуживания, приводил к известному отставанию в благоустройстве, сдерживал развитие учреждений культурно-бытового обслуживания и учебных заведений⁶⁹¹.

Небольшим городским поселениям становилось все сложнее удовлетворять непрерывно возрастающие потребности проживающего в них населения, что приводило к оттоку трудовых ресурсов, прежде всего молодежи, а сельские мигранты предпочитали переселяться в средние и крупные города⁶⁹². Так, согласно социологическим обследованиям выпускников сельских школ Новосибирской области, проведенным в 1963 г., было выявлено, что только 10,0 % из них

---

⁶⁸⁹ Лаппо Г.М. Развитие городских агломераций в СССР. М., 1978; Пивоваров Ю.Л. Современная урбанизация (основные тенденции расселения). М., 1976; Хорев Б.С. Городские поселения СССР (проблемы роста и их изучение). М., 1968.

⁶⁹⁰ Малый город. Социально-демографическое исследование небольшого города. С. 210; Пути развития малых и средних городов центральных экономических районов СССР. С. 110–119.

⁶⁹¹ Пути развития малых и средних городов центральных экономических районов СССР. С. 43–44, 115.

⁶⁹² Миграция сельского населения. С. 117–118; Занятость населения мелких и средних городов РСФСР (итоги выборочного обследования на 10 мая 1965 года). М., 1965. С. 6.

собирались сразу же устроиться на работу, 13,0 % желали совмещать работу с учебой, а 77,0 % хотели только учиться⁶⁹³.

В итоге демографическое положение у небольших городских поселений в РСФСР стало характеризоваться комплексом негативных тенденций по сравнению с поселениями большей людности: естественный прирост снижался на фоне падения доли молодежи до 30 лет и увеличения удельного веса пенсионеров. Многие из них выделялись отрицательным сальдо миграции (правда, все вышеназванные показатели сильно варьировали в зависимости от функционального типа города)⁶⁹⁴.

Роль малых городских поселений в Западной Сибири в XX столетии изначально была еще меньшей, чем в РСФСР. Еще в дореволюционный период строительство Транссибирской магистрали стимулировало демографический рост именно больших для своего времени городов⁶⁹⁵. В годы первых советских пятилеток экономическая политика государства способствовала строительству, прежде всего, крупных индустриальных объектов союзного или республиканского значения, производственная деятельность которых отличалась большими масштабами и требовала вливания внушительных трудовых ресурсов. Для развития малых городских поселений оставалось меньше исторических предпосылок, так как их экономическое значение ограничивалось рамками прилегающей территории (района).

В 1939 г. в Западной Сибири доля малых городов и пгт составила 34,0 %, тогда как в РСФСР в целом – 38,1 %⁶⁹⁶. За последующие двадцать лет роль последних в республике принципиально не изменилась (1959 г. – 37,6 %). В то время как в рассматриваемом экономическом районе доля малых городских поселений упала до 30,9 % (табл. 2.2.7). Причины этого явления следует искать в специфике его хозяйственного развития в годы Великой Отечественной войны. Как уже говорилось выше, в результате эвакуации многочисленных индустриальных объектов из прифронтовых районов значительно дифференцировалась и одновременно укрепилась промышленность городов, которые являлись крупными и средними по переписи 1939 г.

В 1959–1970 гг. процентный вклад малых городов и пгт в республике снизился с 37,6 % до 32,7 %. В Западной Сибири доля малых городских поселений сократилась меньше – с 30,9 % до 28,6 % (табл. 2.2.7). Данные отличия объясняются, во-первых, опережающим ростом количественного состава (на 34,1 %) и населения (на 19,7 %) западносибирских малых городских поселений (в РСФСР – соответственно на 16,2 % и 13,6 %). Во-вторых,

⁶⁹³ Переведенцев В.И. Методы изучения миграции населения. С. 128.

⁶⁹⁴ Малый город. Социально-демографическое исследование небольшого города. С. 11.

⁶⁹⁵ Скубневский В.А., Гончаров Ю.М. Города Западной Сибири во второй половине XIX – начале XX в. Ч. 1: Население. Экономика. С. 74–76.

⁶⁹⁶ Подсчитано по: Население России за 100 лет (1897–1997 гг.): стат. сб. М., 1998. С. 55.

существенной спецификой демографической динамики других населенных пунктов. Так, большие города в республике в 1960-е гг. развивались значительно быстрее⁶⁹⁷.

Доля малых городов и пгт в естественном приросте составила 27,8 %, в механическом – 33,6 %. Однако следует учесть, что высокую роль в Западной Сибири играли административные преобразования сел. Согласно нашим данным механический прирост всех малых городских поселений оказался меньше вклада в него административных преобразований. Это значит, что в 1960-е гг. у них образовался сильный миграционный отток населения.

Таблица 2.2.7

Динамика численности жителей малых городов и поселков городского типа и их удельного веса в городском населении в 1959–1989 гг.

Регион	Количество городов	Численность населения, тыс. чел.	Доля в городском населении (экономического района, области), в %
1959			
РСФСР	2 238	23 338,4	37,6
Западная Сибирь	138	1 779,0	30,9
Алтайский край	23	319,7	36,2
Кемеровская область	54	616,4	28,5
Новосибирская область	21	389,1	30,5
Омская область	11	131,7	18,5
Томская область	10	111,1	30,9
Тюменская область	19	211	58,4
1970			
РСФСР	2 600	26 514,0	32,7
Западная Сибирь	185	2 128,8	28,6
Алтайский край	37	457,8	37,3
Кемеровская область	51	568,0	23,7
Новосибирская область	27	424,6	25,9
Омская область	19	186,4	18,5
Томская область	14	127,4	27,3
Тюменская область	37	364,6	52,9
1979			
РСФСР	2 756	27 537,7	28,9
Западная Сибирь	200	2 212,0	25,2
Алтайский край	39	448,1	32,0
Кемеровская область	55	572,1	22,4
Новосибирская область	30	433,1	23,1
Омская область	21	214,2	17,4
Томская область	14	146,2	25,8
Тюменская область	41	398,2	34,6
1989			
РСФСР	2 900	29 312,3	27,2
Западная Сибирь	239	2 807,6	25,7
Алтайский край	39	468,7	29,7
Кемеровская область	55	568,9	20,5
Новосибирская область	30	436,7	21,1
Омская область	30	300,1	20,7
Томская область	19	188,6	27,3
Тюменская область	66	844,7	35,8

⁶⁹⁷ Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 года: в 7 т. М., 1972. Т. 1. Численность населения СССР, союзных и автономных республик, краев и областей. С. 62; Население РСФСР. Предварительные итоги Всесоюзной переписи населения на 15 января 1970 г. М., 1970. (ДСП). С. 30–31.

* Составлено по: Население РСФСР. Итоги Всесоюзной переписи населения на 15 января 1959 г. М., 1960. С. 38, 39, 46, 47, 50, 54; Население РСФСР. Предварительные итоги Всесоюзной переписи населения на 15 января 1970 г. М., 1970. С. 24, 25, 30–33, 36, 39, 40; Городские поселения РСФСР (по данным Всесоюзной переписи населения 1979 г.). М., 1980. С. 46, 47, 58, 59, 64, 65, 66–69; Городские поселения РСФСР по данным Всесоюзной переписи населения 1989 года. М., 1991. С. 62, 63, 118–125.

В 1970-е гг. нивелировались различия между Российской Федерацией и Западной Сибирью в темпах сокращения доли малых городских поселений. Если в РСФСР их число увеличилось на 6,0 %, то в Западной Сибири – на 8,1 %, население выросло на одну величину – 3,9 %. Причем доля малых западносибирских городских поселений в совокупном механическом приросте увеличилась до 35,4 %, тогда как в естественном приросте снизилась (до 25,4 %). В 1980-е гг. по республике в целом скорость уменьшения доли малых городских населенных пунктов значительно сократилась, а в Западной Сибири она даже несколько увеличилась. Если в РСФСР численность их жителей повысилась на 6,4 %, то в рассматриваемом экономическом районе – сразу на 26,9 % (табл. 2.2.8). В 1979–1988 гг. доля малых городов и пгт достигла 54,5 % в механическом приросте, в естественном приросте также увеличилась, хотя меньше – до 28,2 %⁶⁹⁸.

Итак, на территории Западной Сибири за 30 лет сформировалась система городского расселения с особой ролью малых городских населенных пунктов в хозяйственной жизни. Напомним, что малых городов и пгт в западносибирских регионах стало больше на 73,2 % (в РСФСР – на 29,6 %), количество жителей возросло на 57,8 % (РСФСР – на 29,6 %), а их удельный вес среди горожан снизился меньше, чем в республике (с 30,9 % до 25,7 %). Однако, несмотря на демографический рост в 1959–1989 гг., доля этих населенных пунктов в городском населении к концу рассматриваемого периода была по-прежнему ниже, чем в РСФСР (25,7 % против 27,2 %) ⁶⁹⁹.

Таблица 2.2.8

Динамика численности населения малых городов и пгт и всего городского населения в целом в 1959–1989 гг., в %

Регион	1959–1970	1970–1979	1979–1989	1959–1989
Все малые городские поселения				
РСФСР	+31,4	+17,8	+13,2	+75,2
Западная Сибирь	+29,8	+18,0	+24,5	+90,7
РСФСР, малые города и пгт	+13,6	+3,9	+6,4	+25,6
Зап. Сиб., малые города и пгт.	+19,7	+3,9	+26,9	+57,8
Малые города				
РСФСР, малые города	+14,8	-0,7	+3,2	+17,6
Зап. Сиб., малые города	+13,2	-6,9	+17,4	+23,6
Поселки городского типа				
РСФСР, пгт	+12,0	+10,4	+10,5	+36,7
Зап. Сиб., пгт	+28,2	+16,4	+35,7	+102,5

* Таблица подсчитана по тем же данным, что и табл. 2.2.7.

⁶⁹⁸ Подсчитано по данным Прил., табл. 10.

⁶⁹⁹ Городские поселения РСФСР по данным Всесоюзной переписи населения 1989 года. М., 1991. С. 62, 63, 118–125.

Теперь переходим к детальному анализу причин возникновения подобной демографической специфики. Поскольку данный тип поселений подразделяется на малые города и поселки городского типа, то рассмотрим исторический генезис каждого из них за 1959–1989 гг.

Малые города являлись населенными пунктами, немного отличными по своему формальному статусу от поселков городского типа. Согласно советскому законодательству городами могли стать населенные пункты, где проживало не менее 12,0 тыс. чел. Рабочими и служащими, а также членами их семей должно были являться не менее 85,0 % населения. Такие же требования предъявлялись и к поселкам городского типа, но население последних должно было быть не меньше 3 тыс. чел.⁷⁰⁰

Согласно Всесоюзной переписи 1959 г. на территории Российской Федерации располагалось 683 малых города с населением в 13,5 млн чел. В подгруппах в 10–20 и 20–50 тыс. чел. (239 и 285 городов) проживала основная часть горожан. Причем в подгруппу менее 10 тыс. чел. попали 159 городов. В западносибирских регионах было учтено 37 малых городов, где проживало около 1 млн чел. Все они расположились в подгруппах 10–20 тыс. чел. (9) и 20–50 тыс. чел. (28). В подгруппе до 10 тыс. чел. населенных пунктов не оказалось. В общей численности горожан удельный вес малых городов составил 17,5 %, тогда как в РСФСР – 21,8 %⁷⁰¹.

Такое положение не было случайным. В отличие от европейской части страны вследствие дефицита демографических ресурсов и позднего хозяйственного освоения малые города не успели укорениться в Сибири. Города с 10 тыс. жителей и менее в европейских районах России не являлись редкостью. Нередко это было связано с сохранением статуса города у некогда важных хозяйственных или административных центров. В Западной Сибири таких поселений не оказалось вовсе. Все городские поселения, имевшие статус городов в годы индустриализации нарастили численность своего населения. Последовавшие позже эвакуационные мероприятия тоже способствовали этому⁷⁰².

За 30 последующих лет в численном составе и населении малых городов произошли следующие изменения: в Российской Федерации их число выросло только на 3,8 % (до 709), в Западной Сибири – более чем на 20,0 % (до 45). Их население увеличилось на 17,6 % и 23,6 % соответственно. Причем удельный вес таких городов снизился приблизительно одинаково: в РСФСР – до 16,9 %, в Западной Сибири – до 13,3 %. Таким образом, урбанизация на уровне малых городов в Западной Сибири шла со своими особенностями. Эти особенности были

⁷⁰⁰ Ведомости Верховного Совета РСФСР. М., 1957. № 1. С. 18–19.

⁷⁰¹ Население РСФСР. Итоги Всесоюзной переписи населения на 15 января 1959 г. М., 1960. С. 38, 39, 46, 47, 50, 54.

⁷⁰² Докучаев Г.А. Рабочий класс Сибири и Дальнего Востока в годы Великой Отечественной войны. С. 86.

обусловлены разнонаправленным развитием отдельных функциональных типов городов и сильными различиями урбанизационных процессов на территориальном уровне.

Итак, малые города были разделены на две большие группы, состоящие из нескольких подгрупп. В первую из них вошли индустриальные города с одним или несколькими градообразующими предприятиями одной отрасли. В 1990-е гг. они приобрели известность как моногорода (или монопрофильные города). Наличие тесной связи предприятия и поселения являлось одной из главных черт таких городов. В советское время они возникали благодаря отраслевым ведомствам. Они получали материальные и финансовые ресурсы на сооружение предприятий, производственной инфраструктуры, а также на строительство жилья, объектов социальной сферы. Разраставшиеся поселки при заводах в дальнейшем могли обрести официальный городской статус⁷⁰³.

Принадлежность городов к той или иной группе рассматривается с точки зрения Всесоюзной переписи 1989 г. Их демографические и экономические характеристики в начале изучаемого периода в некоторых случаях были другими и в дальнейшем менялись под воздействием государственной политики и иных факторов. В группу индустриальных вошли городские поселения, предприятия которых специализировались на лесной, угольной отрасли, обрабатывающей промышленности, добыче черных и цветных металлов, а также газа и нефти. В нее не были включены города с головными предприятиями железнодорожного транспорта, пищевой промышленности, которые были причислены к другому типу.

Мыски стали единственным представителем угледобывающей отрасли среди малых городов. Город возник в результате разработки нового Томусинского угольного района, получив свой статус в 1957 г. Кроме того, он стал крупным энергетическим центром Кузбасса⁷⁰⁴. В 1958 г. здесь вступила в строй Томусинская ГРЭС⁷⁰⁵. В итоге, его население за 30 лет увеличилось на 42,7 % (табл. 2.2.9).

Богатые лесные ресурсы преопределили формирование мощной базы лесозаготовливающей и лесоперерабатывающей промышленности в Западной Сибири. Крупнейшие запасы древесины располагались в Томской области⁷⁰⁶. Так, расположенный в этом регионе г. Асино (1952 г.) стал важнейшим центром данной отрасли. В городе был построен крупный комбинат. Это событие положительно повлияло на развитие культурно-бытового и жилищно-коммунального хозяйства⁷⁰⁷. За 1959–1989 гг. население Асино увеличилось более чем на треть (35,5 %).

---

⁷⁰³ Сенявский А.С. Урбанизация России в XX веке: роль в историческом процессе. С. 94–95.

⁷⁰⁴ Сибикин В.Д. Мыски. Кемерово, 1986.

⁷⁰⁵ Задание партии выполнено! // Кузбасс. 1958. 7 нояб.

⁷⁰⁶ Каминский Э. Край «зеленого золота» // Красное знамя. 1961. 25 июн.

⁷⁰⁷ Шатохина Н.Г., Молодцов Ю.А. Асино. Томск, 1990. С. 40.

Горняк и Змеиногорск Алтайского края, Таштагол и Салаир Кемеровской области были отнесены к городам, предприятия которых занимались добычей цветных и черных металлов (см. Прил., табл. 4). Эти города оказались в самом тяжелом демографическом положении. Так, за 1970–1989 гг. население г. Горняк сократилось на 4,9 %. За 1959–1989 гг. население Змеиногорска уменьшилось на 11,4 %, а Салаира – более чем на треть. И только в г. Таштагол численность жителей увеличилась на 4,5 % (в 1970–1989 гг.).

Таблица 2.2.9

Численность населения индустриальных городов,
в том числе функционирующих на основе обрабатывающей промышленности,
добывающей и лесной отраслей, в 1959–1989 гг., тыс. чел.*

Город**	1959	1970	1979	1989
<i>Обрабатывающая промышленность</i>				
Искитим	34,3	45,4	–	–
Куйбышев	30,4	40,2	46,5	–
Бердск	29,0	–	–	–
Новоалтайск	34,0	49,5	–	–
Юрга	46,6	–	–	–
Гурьевск	30,4	27,2	25,6	28,2
Калтан	26,6	28,0	25,0	25,4
Заринск	–	–	18,3	–
<i>Добывающая и лесная отрасли</i>				
Змеиногорск	13,8	11,4	10,6	12,2
Асино	24,7	29,4	31,6	33,5
Мыски	32,2	36,2	40,6	46,0
Салаир	17,5	13,6	11,3	11,5
Березовский***	–	34,8	41,4	–
Таштагол***	–	25,1	24,4	26,3
Нефтеюганск***	–	19,7	–	–
Сургут***	–	34,0	–	–
Урай***	–	17,4	21,5	37,2
Лабытнанги***	–	–	17,7	31,5
Надым***	–	–	26,1	–
Горняк***	–	16,6	16,0	15,8
Когалым***	–	–	–	44,3
Лангепас***	–	–	–	25,6
Мегион***	–	–	–	39,8
Радужный***	–	–	–	43,7
Стрежевой***	–	–	23,1	43,3
Кедровый***	–	–	–	2,0
Белоярский***	–	–	–	20,5

* Составлено по: Население РСФСР. Итоги Всесоюзной переписи населения на 15 января 1959 г. М., 1960. С. 190, 196, 197, 199, 200, 202; Численность населения СССР по переписи на 15 января 1970 г. по республикам, краям, областям, национальным округам, районам, городам, поселкам городского типа и районным центрам. М., 1971. С. 21, 99, 100, 139, 184, 191; Городские поселения РСФСР (по данным Всесоюзной переписи населения 1979 г.). М., 1980. С. 127, 128, 130, 131, 132; Городские поселения РСФСР. По данным Всесоюзной переписи населения 1989 г. М., 1991. С. 221, 222, 225, 226.

** Население городов указано в соответствии со статусом (не указана численность жителей, если стал средним городом).

*** Таштагол получил статус города в 1963 г., Березовский, Сургут и Урай – в 1965 г., Нефтеюганск – в 1967 г., Горняк – в 1969 г., Надым – в 1972 г., Лабытнанги – в 1975 г., Когалым – в 1975 г., Стрежевой – в 1978 г., Мегион – в 1980 г., Лангепас и Радужный – в 1985 г., Кедровый – в 1987 г., Белоярский – в 1988 г.

Новые крупные комбинаты по добыче сырья для цветной и черной металлургии строились в других районах Советского Союза. В рассматриваемые годы предприятия и шахты улучшали методики добычи, реконструировались, оснащались новым оборудованием. Этот процесс не нуждался в привлечении большого количества трудовых ресурсов, а на создание развитой социальной сферы не хватало средств. Так, из-за недостаточного количества образовательных учреждений и трудностей с трудоустройством из Салаира в 1970-е гг. шел сильный миграционный отток молодежи.

Городские поселения, специализирующиеся на добыче нефти и газа, обладали крупнейшим представительством в данной группе городов. Экономическое освоение севера Западной Сибири потребовало строительства большого числа населенных пунктов, многие из которых со временем обрели городской статус⁷⁰⁸. Все эти девять малых городов появились поздно, поэтому их демографическое развитие будет рассмотрено в узких хронологических рамках. Но даже за короткий срок они смогли существенно увеличить свое население.

Так, Лангепас, Когалым, Радужный стали городами в 1985 г., а уже в 1989 г насчитывали в своем составе 25,6, 44,3 и 43,7 тыс. чел.⁷⁰⁹. Эти поселения не фигурировали в переписи 1979 г. даже в качестве поселков городского типа. Медленнее росли Мегион и Стрежевой и особенно Урай. В данную подгруппу попал и самый маленький западносибирский город – Кедровый (в 1989 г. – 2,0 тыс. чел.)⁷¹⁰. Свообразными «воротами» освоения газовых месторождений ЯНАО стал г. Лабитнанги. Он являлся, по сути, опорной базой материального снабжения округа, его транспортного строительства и геологоразведки⁷¹¹. И, хотя по структуре городского хозяйства он не может быть причислен к данной подгруппе, его тесные связи с промышленностью ЯНАО обусловили такое функциональное распределение. Население города за 1970–1989 гг. увеличилось в 3,4 раза. Необычная экономическая база была у г. Белоярский – транспортировка газа⁷¹². Свой городской статус он получил только в 1988 г., а спустя год в нем проживало уже 20,5 тыс. чел.⁷¹³

Среди индустриальных были города с крупными предприятиями обрабатывающей промышленности. В 1959 г. к ним относились Калтан, Куйбышев, Юрга, Бердск, Искитим, Гурьевск и Новоалтайск (с 1979 г. – Заринск). За следующие 30 лет большинство из этих городов вошло в состав средних. В кратчайшие сроки это удалось осуществить Юрге (в 1961 г.) и Бердску (в 1969 г.), следом за ними последовали Искитим (в 1973 г.) и Новоалтайск (в 1970-е гг.), в 1980-е гг. компанию

⁷⁰⁸ Алексеев В.В., Ламин В.А. Прометей сибирской нефти. С. 239.

⁷⁰⁹ Городские поселения РСФСР по данным Всесоюзной переписи населения 1989 года. М., 1991. С. 226.

⁷¹⁰ Там же. С. 225.

⁷¹¹ Свидетельство о рождении. Свердловск, 1988. С. 79–113.

⁷¹² Поднялся на Севере город // Труд. 1988. 7 нояб.

⁷¹³ Итоги Всероссийской переписи населения – 2002: стат. сб.: в 11 ч. Тюмень, 2004. Ч. 1. Численность населения Тюменской области. С. 22.

вышеназванным городам составили Куйбышев (в 1987 г.) и Заринск (в 1989 г.). К концу изучаемого периода среди малых индустриальных городов остались только Гурьевск и Калтан.

Гурьевск справедливо считался одним из исторических центров черной металлургии в Сибири⁷¹⁴. Однако, несмотря на периодически проводимые реконструкции, существенно нарастить его производственные мощности было затруднительно⁷¹⁵. В одно время (1950–1960-е гг.) завод считался убыточным в сравнении с КМК⁷¹⁶. Длительное время из города шел миграционный отток населения. В результате численность горожан в Гурьевске уменьшилась на 7,4 %⁷¹⁷.

По близкому сценарию шло развитие Калтана, ставшего городом в 1959 г. Строительство после войны Южно-Кузбасской ГРЭС⁷¹⁸ привело к значительному притоку рабочих и инженерных кадров. По данным Всесоюзной переписи 1959 г. в городе проживало 26,6 тыс. чел. На следующих исторических этапах планы по увеличению мощности местной ГРЭС не были претворены в жизнь. В результате численность населения Калтана сократилась на 4,6 %.

Особняком среди западносибирских малых городов стоят Обь и Белокуриха. Отличительными характеристиками этих городов являлась необычная экономическая база, из-за которой они не вошли в состав ни одной функциональной группы. Например, наряду с развитым железнодорожным хозяйством высокую роль в жизни г. Обь играл аэропорт «Толмачево». Между тем его население увеличилось несущественно, за 1970–1989 гг. рост населения составил только 14,0 %. Социальное развитие города шло медленными темпами, например в нем долгое время отсутствовал водопровод. Размеры жилищного строительства были недостаточными, в результате чего возникли трудности с закреплением квалифицированных специалистов⁷¹⁹. В свою очередь г. Белокуриха представлял собой единственный в Западной Сибири курортный город. Довольно высоким приростом численности своих жителей (в 1,5 раза за 1979–1989 гг.) он был обязан строительству санаториев, домов отдыха и предоставлению различных санитарно-курортных услуг⁷²⁰. Каждый год в Белокурихе лечилось или отдыхало более 40,0 тыс. чел.

Местные организующие центры образовали вторую крупную группу городов (табл. 2.2.10). В экономической структуре таких населенных пунктов ведущую роль играли

⁷¹⁴ История Сибири с древнейших времен до наших дней: в 5 т. Л., 1968. Т. 2. Сибирь в составе феодальной России. С. 387; История Кузбасса: в 3 ч. Кемерово, 1967. Ч. 1: История Кузбасса с древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции. Ч. 2: История Кузбасса от Великой Октябрьской социалистической революции до начала социалистической индустриализации. С. 78–79.

⁷¹⁵ Московский А.С. Промышленное освоение Сибири в период социализма (1917–1937 гг.). Историко-экономический очерк. С. 227.

⁷¹⁶ Историческая энциклопедия Кузбасса: в 3 т. Кемерово, 1996. Т. 1. С. 198.

⁷¹⁷ Подсчитано по: Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 г. Кемерово, 1971. (ДСП). С. 8; Итоги Всесоюзной переписи населения. Кемерово, 1990. Вып. 1. Численность населения. С. 20.

⁷¹⁸ Алексеев В.В. Электрификация Сибири. Историческое исследование. Новосибирск, 1973. Ч. 1. 1885–1950 гг. С. 260.

⁷¹⁹ Козлов В. Начало биографии // Советская Сибирь. 1972. 28 июня.

⁷²⁰ Бенгардт А.А. Город-курорт Белокуриха: страницы истории (1867–1990 гг.). Барнаул, 2013. С. 135–264.

предприятия по обслуживанию агропромышленного комплекса прилегающей территории. Кроме них в местных организующих центрах создавались организации культурно-бытового обслуживания сельского населения⁷²¹. В результате их промышленная база объективно не могла расти долго и выйти за пределы рамок, заданных местными хозяйственными и демографическими ресурсами. Следовательно со временем неминуемо происходила стабилизация численности их населения после удовлетворения районных экономических и социальных нужд. Население города могло увеличиться в случае выполнения городом дополнительных функций, не связанных с окружающей местностью.

Обычно численность населения в местном организующем центре колебалась в пределах 10,0–20,0 тыс. чел. Для выполнения своих обычных функций городам этого типа не требовалось большого количества занятых. Среди поселений с числом жителей в 50,0–100,0 тыс. чел. местные организующие центры являлись большой редкостью. В Западной Сибири к таковым с оговорками можно было отнести лишь г. Ишим.

Структура городской экономики местных организующих центров во многом была идентичной друг другу. Она отличалась от других районных центров – поселков городского типа и сел лишь повышенной мощностью предприятий и, следовательно, большим числом занятого населения. На таких небольших по своим масштабам производствах трудилось 100–300, иногда до тысячи человек. В диссертации в группу местных организующих центров были включены отдельные города с крупными предприятиями союзного значения, а также административные центры автономных округов (области).

Итак, в данную группу были включены Колпашево, Мариинск⁷²² Заводоуковск, Ялуторовск, Камень-на-Оби, Тюкалинск, Тара, Славгород⁷²³. Местными организующими центрами первоначально являлись Тобольск и Ишим, но в дальнейшем они перешли в вышестоящую категорию, а Тобольск к тому же стал индустриальным городом. Экономическая роль всех этих городов, кроме Тюкалинска, выходила за пределы подчиненных районов. Их население превышало 20,0 тыс. чел., а в структуре их городского хозяйства функционировали довольно крупные предприятия.

Таблица 2.2.10

Численность населения местных организующих центров в 1959–1989 гг., тыс. чел.*

Город**	1959	1970	1979	1989
<i>Местные организующие центры</i>				
Ялуторовск	20,2	25,4	32,9	36,8
Заводоуковск***	–	17,5	21,5	25,8
Тара	22,6	22,4	23,2	26,2
Тюкалинск	10,2	10,4	11,5	12,2

⁷²¹ Пути развития малых и средних городов центральных экономических районов СССР. С. 32.

⁷²² Мариинск – можно считать одновременно транспортным городом.

⁷²³ Славгород по некоторым признакам можно отнести к индустриальным городам.

Окончание таблицы 2.2.10

Город**	1959	1970	1979	1989
Колашево	22,6	24,9	28,6	31,3
Мариинск	40,8	39,7	39,5	41,0
Славгород	38,4	32,9	32,1	34,9
Камень-на-Оби	30,2	35,6	40,0	42,5
Тобольск	39,0	49,3	–	–
Ишим	47,8	–	–	–
<i>в т.ч. транспортные города</i>				
Исилькуль	25,5	26,0	25,7	26,4
Калачинск	19,0	20,8	22,4	25,0
Называевск	16,5	15,8	14,2	14,4
Барабинск	40,9	37,3	37,3	36,5
Татарск	30,8	29,6	30,9	30,4
Болотное	26,8	21,9	20,8	20,0
Купино	23,2	20,8	19,3	19,5
Черепаново	21,2	21,1	21,0	22,1
Карасук	20,0	22,6	25,5	29,4
Тогучин	19,6	20,6	22,6	23,2
Чулым	18,2	14,3	13,0	13,7
Каргат***	–	12,9	12,6	12,6
Тайга	33,9	26,9	25,2	26,2
Топки	27,0	28,9	31,0	33,6
Алейск	29,0	32,5	31,3	30,3
<i>Административные центры автономных округов и области</i>				
Ханты-Мансийск	20,7	24,8	28,3	34,5
Салехард	16,6	21,9	24,9	32,3
Горно-Алтайск	27,6	34,4	40,3	46,4

* Составлено по: Население РСФСР. Итоги Всесоюзной переписи населения на 15 января 1959 г. М., 1960. С. 190, 192–194, 196, 197, 200, 202; Численность населения СССР по переписи на 15 января 1970 г. по республикам, краям, областям, национальным округам, районам, городам, поселкам городского типа и районным центрам. М., 1971. С. 21, 26, 99, 100, 139–144, 184, 189–191; Городские поселения РСФСР (по данным Всесоюзной переписи населения 1979 г.). М., 1980. С. 127, 128, 130, 131, 132; Городские поселения РСФСР. По данным Всесоюзной переписи населения 1989 г. М., 1991. С. 221, 222, 224–226.

** Население городов указано в соответствии со статусом (не указана численность жителей, если стал средним городом).

*** Заводоуковск получил статус города в 1960 г., Каргат – в 1965 г.

Для городов юга Тюменской области Ялуторовска (+82,4 %) и Заводоуковска (рост за 1970–1989 гг. – 47,9 %) толчком для экономико-демографического развития послужило освоение нефтяных и газовых месторождений. С самого начала разработки природных ресурсов было ясно, что Ямало-Ненецкий и Ханты-Мансийский округа не могли самостоятельно удовлетворить потребности быстрорастущего населения⁷²⁴. Южные районы ЗСНГК стали рассматриваться как ресурсные и производственные базы для индустриального строительства на севере⁷²⁵. Мощный приток населения в северные районы серьезно обострил проблему их продовольственного и иного материального обеспечения, которое в свою очередь

⁷²⁴ Тихомиров М.И. Проблемы создания продовольственной базы Тюменской области // Тюменская правда. 1969. 18 апр.

⁷²⁵ Тимошенко А.И. Проекты социально-экономического развития Сибири в XX в.: концепции и решения. Исторические очерки. С. 252.

интенсифицировало перестройку и техническое перевооружение действующих предприятий и вызвало строительство новых на юге области⁷²⁶.

Тара и Тюкалинск Омской области представляли собой редкие примеры малых сибирских городов с богатым историческим прошлым. Строительство Транссиба отрицательно повлияло на их экономическое развитие⁷²⁷. Тюкалинск повторил судьбу провинциальных городков европейской части страны, став организующим центром сельскохозяйственного района с развитым земледелием и животноводством⁷²⁸. Количество его жителей за 30 лет на фоне многих других поселений данной функциональной группы выросло довольно существенно – на 19,5 %.

Новые исторические условия повлияли на характер развития г. Тара. В рассматриваемый период он фактически стал организующим центром северных районов Омской области. Население города за 30 лет увеличилось почти так же, как и в Тюкалинске, – на 15,7 %. На севере Томской области сходные функции выполнял г. Колпашево. В нем оказались сосредоточены предприятия разных отраслей промышленности, в том числе геологоразведка⁷²⁹. Это позволило городу увеличить свое население более, чем на треть (38,6 %).

Единственным местным организующим центром Кемеровской области стал Мариинск. Довоенная индустриализация затронула этот город в меньшей степени⁷³⁰. На его территории были построены предприятия пищевой и легкой индустрии, создана развитая железнодорожная инфраструктура. Наличие железной дороги и близкое расположение других промышленных центров вызвали серьезный отток населения. Численность горожан в Мариинске в исследуемый период сохранилась фактически на одном уровне (0,4 %) (табл. 2.2.10).

В послевоенные годы Камень-на-Оби стал крупным центром сельскохозяйственного производства, его предприятия специализировались на переработке мяса, зерна, рыбы. В рассматриваемый период в нем шло активное промышленное строительство, развивалась социальная инфраструктура⁷³¹. Рост населения города за 30 лет достиг 40,7 %.

Кроме типовых, важные предприятия обрабатывающей промышленности были размещены в Славгороде. Так, в город был эвакуирован завод кузнечно-прессового оборудования из Серпухова, в поселке Яровое был построен химический завод⁷³². В послевоенное время все действующие предприятия были реконструированы. Однако строительство ведомственного

⁷²⁶ См., например: Ялуторовск: след в истории. Тюмень, 2003. С 173–177.

⁷²⁷ Голубецкий И.С. Села, рабочие поселки и города Омской области. Омск, 1970. С. 85, 119.

⁷²⁸ Долгушин А. Тюкалинские были. Очерки истории города и района. Омск, 1996. С. 109.

⁷²⁹ Сергеева Н.Я., Ефимова Е.М. Колпашево. Томск, 1987. С. 36–48.

⁷³⁰ Кузнецов Я. Мариинск. Кемерово, 1960.

⁷³¹ Очерки истории Камня-на-Оби. Камень-на-Оби, 1996. С. 93–97.

⁷³² Жемеров В.Г. Славгород. Барнаул, 1972. С. 60, 70.

поселка химического завода в стороне от Славгорода привело к тому, что город приостановился в развитии⁷³³, а его население уменьшилось (на 9,2 %).

Среди местных организующих центров особое место занимали транспортные города, у которых транзитно-транспортные функции выполняли важную роль. Первоначально такие населенные пункты возникали в виде железнодорожных станций. С течением времени у них концентрировалась местная экономическая деятельность, и они становились районными центрами. Железнодорожное хозяйство играло ведущую роль лишь у нескольких городов, поэтому «транспортными» их можно считать условно. Так же, как и у других местных организующих центров, у этих городов возникали производства по переработке сельскохозяйственной продукции, ремонту сельскохозяйственной техники. Уровень оплаты труда на таких производствах был в среднем ниже, чем на предприятиях тяжелой или добывающей промышленности. Так, в состав городских предприятий Купино входили кирпичный и механический заводы, ремонтное предприятие, молочноконсервный комбинат, рыбзавод, промкомбинат, пищекомбинат, мяскокомбинат⁷³⁴.

В эту подгруппу вошли 15 городских поселений, в том числе почти все малые города Новосибирской области (Каргат, Барабинск, Чулым, Татарск, Тогучин, Болотное, Карасук, Черепаново, Купино), Калачинск, Исиль-Куль, Называевск, Топки, Тайга и Алейск. Эти города выделялись своим неблагоприятным демографическим положением. Так, общая численность населения транспортных городов Западной Сибири за 30 лет почти не изменилась. В условиях зрелой стадии индустриализации они превратились в важный источник трудовых ресурсов для более крупных, а также для некоторых малых промышленных городов⁷³⁵.

Транспортным городам в изучаемый период уделялось мало внимания⁷³⁶. Аграрный сектор медленно увеличивал объемы производства, а рост численности населения в стране замедлился. Отсутствие крупных предприятий и, следовательно, недостаток ресурсов, тормозили инфраструктурную модернизацию. Наличие железнодорожной магистрали и близость крупных административных центров способствовали миграционному оттоку молодежи.

Здесь необходимо сделать небольшое отступление. Акцент на миграции как основном факторе демографической динамики малых городов подтверждается расчетными данными о рождаемости и смертности. К сожалению, далеко не во всех региональных архивах присутствовала информация о числе рождений и возрасте матери по отдельным городам. Обычно источники данные касались только административных центров регионов, в редких

⁷³³ Энциклопедия Алтайского края: в 2 т. Барнаул, 1995. Т. 1. С. 164.

⁷³⁴ Хобенков Г. Город в степи // Советская Сибирь. 1986. 2 июля.

⁷³⁵ Хорев Б.С. Городские поселения СССР (проблемы роста и их изучение). М., 1968.

⁷³⁶ См., например: Тюрина А. Малый город просит помощи // Советская Сибирь. 1989. 22 янв.

случаях некоторых крупных городов и далеко не за все примыкающие к Всесоюзным переписям годы.

Расчетные данные по некоторым регионам показывают, что, например, уровень рождаемости в расчете на одну женщину в малых городах и пгт на протяжении всего рассматриваемого периода был значительно выше, чем в административных и крупных индустриальных центрах (табл. 2.2.11).

Таблица 2.2.11

Суммарные коэффициенты рождаемости в некоторых городах и регионах Западной Сибири в 1959–1979 гг.*

Регион/город	1958/1959	1969/1970	1978/1979
Омская область	2,210	1,694	1,765
г. Омск	2,093	1,631	1,680
Малые города и пгт Омской области	2,859	2,082	2,270
Новосибирская область	2,073	–	–
г. Новосибирск	1,925	–	–
Малые города и пгт Новосибирской области	2,479	–	–
Алтайский край**	2,296	–	–
Барнаул**	1,953	–	–
Бийск**	2,114	–	–
Рубцовск**	2,422	–	–
Малые города и пгт Алтайского края	2,816	–	–

* Подсчитано по: ИАОО. ФР.–2122. Оп. 1. Д. 3257. Л. 33–36 об; Д. 3262. Л. 28–31 об; Д. 5670. Л. 17, 103; Д. 5917. Л. 16, 117; Д. 8257. Л. 22–22 об, 27–27 об; Д. 8543. Л. 22–22 об, 134–134 об; ГАНО. ФР.–11. Оп. 2. Д. 7250. Л. 36–36 об, 69–69 об; Д. 8350. Л. 29–29 об, 169–169 об.; ГААК. ФР.–718. Оп. 43. Д. 50. Л. 64, 73, 200, 217.

** Подсчитано на основе одного 1959 г. (данных за 1958 г. нет).

Источниковая база расчетов средней продолжительности жизни носит еще более фрагментарный характер. Вместе с тем, судя по некоторым отрывочным данным за 1958/1959 гг., средняя продолжительность жизни в малых городских поселениях была ниже, чем в крупных административных центрах (табл. 2.2.12).

Таблица 2.2.12

Средняя продолжительность жизни населения в малых городах и пгт некоторых регионов Западной Сибири в 1958/1959 гг.*

Города	Продолжительность жизни, лет
г. Омск	68,73
Малые города и пгт Омской области	66,61
Сельская местность Омской области	67,46
г. Новосибирск	68,48
Малые города и пгт Новосибирской области	67,43
Сельская местность Новосибирской области	67,43
г. Тюмень	68,91
Малые города и пгт Тюменской области	67,07
Сельская местность Тюменской области	66,45
Малые города и пгт Алтайского края**	66,03

* Подсчитано по: ИАОО. ФР.–2122. Оп. 1. Д. 3257. Л. 49–49 об, 50–50 об; Д. 3262. Л. 48–49 об; ГАНО. ФР.–11. Оп. 2. Д. 7250. Л. 41–42 об; Д. 8350. Л. 109–109 об, 174–174 об; ГАТюм.О. ФР.–1112. Оп. 1. Д. 1892. Л. 38 – 39 об; Д. 2174. Л. 39–40 об.; ГААК. ФР.–718. Оп. 43. Д. 50. Л. 5–5 об, 222–222 об.

** Подсчитано на основе одного 1959 г. (данных за 1958 г. нет).

Итак, высокая рождаемость и сравнительно небольшая на общем фоне смертность обеспечили малым городским поселениям первоначально значительный естественный прирост, особенно когда возрастной состав населения разных по размерам городов еще не был сильно дифференцирован. Однако он не мог компенсировать сильного механического оттока. Это, в свою очередь, замедляло темпы роста численности населения.

Численность городских жителей в 1959–1989 гг. увеличилась лишь у семи малых транспортных городов. Наибольший прирост был отмечен в городах, где были построены новые предприятия легкой и пищевой промышленности, произошло расширение транспортного хозяйства. В большинстве случаев этот прирост наблюдался в городах, находящихся не у Транссибирской магистрали. В то же время наибольшие демографические потери понесли Тайга, Болотное и Чулым за счет оттока населения в Омск, Новосибирск, европейские районы страны, Украину, Северный Кавказ и иные районы⁷³⁷.

Последнюю подгруппу образовали административные центры западносибирских автономий. Экономическая роль последних была намного значительнее, чем у рядовых городов, так как в их подчинении находилось от семи до восьми районов. Однако возможности для хозяйственного роста сужала зависимость управленческого аппарата от областных государственных органов. К тому же географически они находились вдали от важных железных дорог. Это, естественно, влияло на перспективы хозяйственного развития автономий и, соответственно, их городов. Тем не менее у них постепенно сформировалась адекватная подчиненной территории многофункциональная структура городского хозяйства. В северных городах значительный импульс своему развитию получили предприятия пищевой (особенно рыбной), легкой, лесной промышленности, стройматериалов, транспорт⁷³⁸. В период с 1959 по 1989 гг. население Горно-Алтайска и Ханты-Мансийска увеличилось на две трети, а Салехарда – почти вдвое⁷³⁹.

Итак, специфика социально-экономического роста разных функциональных типов западносибирских городов обусловила возникновение особенностей и в их демографическом развитии. Можно предположить, что в случае сохранения эволюционных трендов их население и количественный состав росли бы постепенно, как и в республике в целом. Формирование Западно-Сибирского нефтегазового комплекса изменило существующие тенденции. Опережающий рост численности жителей северных городов сопровождался замедлением (или

⁷³⁷ ГАНО. ФР.–11. Оп. 3. Д. 3881. Л. 113–114об; Д. 8512. Л. 40–41об; Оп. 4. Д. 1433. Л. 39–40об; Оп. 5. Д. 3955. Л. 1–2об.

⁷³⁸ Белобородов А.С. Столица северного края. Очерки истории Самарова – Остяко-Вогульска – Ханты-Мансийска. М., 1996. С. 135–136; Омельчук А.К. Салехард: Свердловск, 1978. С. 86–89; Харин В. С вьючной тропы – на магистрали века // Алтайская правда. 1978. 10 июня.

⁷³⁹ Подсчитано по: Городские поселения Алтайского края (по данным Всесоюзной переписи населения 1989 года). Барнаул, 1990. С. 24; ФР.–1112. Оп. 11. Д. 8. Л. 100. 128; Численность населения РСФСР по данным Всесоюзной переписи населения 1989 г. М., 1990. С. 321, 323.

сокращением) темпов демографического роста в большинстве других функциональных типов. Одновременно с этим часть малых перешла в разряд средних. Итогом вышеописанных процессов стало значительное повышение количества малых городов при сравнительно небольшом увеличении численности проживающих в них жителей.

В отличие от большинства стран мира Россия представлена еще одним типом городских поселений – поселками городского типа. Последние из них появились в 1920-е гг. по итогам проведенной административной реформы в качестве переходной формы между городами и сельскими поселениями. В те времена оказалось непросто распределить все населенные пункты только на города и села. Многие городские поселения находились на начальной стадии своего развития. Именно поэтому была введена новая, не существовавшая до этого в мировой практике категория. Со временем критерии выделения поселков городского типа менялись. При этом главным оставался экономический – не более трети населения должно было заниматься сельским хозяйством.

В Западной Сибири в 1959 г. насчитывалось около ста поселков городского типа. Большинство из них (80 поселков) имело малый размер (до 10,0 тыс. чел.). Соответственно 21 поселок насчитывал в своем составе свыше 10,0 тыс. жителей. Из них самым большим по численности являлся пгт Полысаево Кемеровской области с населением 30,9 тыс. чел.⁷⁴⁰ Городские населенные пункты этого типа являлись весьма разнообразными по своим функциям, провести их классификационное подразделение по типам представляется трудновыполнимой задачей.

Если рассматривать поселки с населением до 5,0 тыс. чел. (24 пгт), то они в основном являлись узкоспециализированными поселениями, созданными для осуществления какой-то небольшой, но важной народнохозяйственной цели. Так, они могли играть определенную транспортную роль. К населенным пунктам с такими функциями можно условно отнести Вагай, Винзили, Чик. В качестве судоремонтной базы был основан пгт Сумкино. Строительные предприятия разного профиля функционировали в пгт Заводопетровский, Акутиха и Боровский. В некоторых из них были построены сравнительно крупные леспромхозы (Лебедевка, Лесной). В отдельных поселках высокую роль играла переработка сельскохозяйственной продукции, иногда они могли стать центральными усадьбами совхозов. Определенное количество поселений было основано при небольших месторождениях полезных ископаемых. Такого рода пгт располагались, главным образом в Кузбассе, где они функционировали на базе добычи железной руды, золота, кварцита (Каз, Чугунаш, Рудничный, Тельбес, Спасск, Кундат). Поселок

---

⁷⁴⁰ Население РСФСР. Итоги Всесоюзной переписи населения на 15 января 1959 г. М., 1960. (ДСП). С. 200.

Акташ специализировался на добыче ртути⁷⁴¹. Среди поселков с количеством жителей до 5,0 тыс. чел. со временем статус города смог получить только один – Белокуриха (в 1982 г.)⁷⁴².

Группа поселков с населением 5,0–10,0 тыс. чел. насчитывала в своем составе самое большое количество пгт (56). Ее отличительной чертой являлось наличие большого числа районных административных центров (17), тогда как в ранее описанной группе таковых насчитывалось только два – Октябрьский, расположенный в ХМАО, и Акташ – в ГААО. Несмотря на то, что демографические размеры административных центров во многом зависят от численности населения и экономического потенциала районов, для административно-хозяйственного обслуживания подчиненной территории, как правило, менее 5,0 тыс. чел. было недостаточно.

Статус райцентра способствовал повышению экономического и организационного веса населенного пункта. Районоорганизующая роль подразумевала сооружение дополнительно ряда объектов хозяйственного и социального значения, обслуживающих нужды района, в частности небольших электростанций, предприятий небольшой мощности по переработке сельскохозяйственной продукции, ремонту сельскохозяйственной техники, иной производственной инфраструктуры, средних учебных заведений, магазинов, учреждений культуры и бытового обслуживания. Несмотря на это, промышленное развитие таких пгт носило ограниченный характер. Интересно, что почти все из них в качестве сел были основаны аграрными переселенцами еще в дореволюционное время⁷⁴³.

Среди поселений в 5,0–10,0 тыс. чел. видную роль играли населенные пункты, специализирующиеся на каком-то одном виде производственной деятельности, однако численность занятых на головных предприятиях была, конечно, выше. Связь с сельским хозяйством и деревенским образом жизни у них проявлялась гораздо слабее. Этому мешали объективные факторы, так как в местах сосредоточения полезных ископаемых, в частности, угля, железной руды, строительных материалов или леса, возможности для ведения аграрного производства были ограниченными. Численность населения поселка не могла превысить определенной, необходимой для выполнения ведущей производственной деятельности величины. Снижение экономического значения или ресурсной базы сокращало количество жителей. Среди пгт с населением 5,0–10,0 тыс. чел. статус города в последующем приобрели Заводоуковский (1960 г.), Лабытнанги (1975 г.), Заринская (1979 г.), Березовский (1965 г.)⁷⁴⁴.

В 1959 г. в Западной Сибири насчитывался 21 поселок с количеством жителей, превышающим 10,0 тыс. чел. Среди них свыше половины (11) являлись типичными

⁷⁴¹ Иванов И. Тяжелый металл // Алтайская правда. 1989. 10 сент.

⁷⁴² Бенгардт А.А. Город-курорт Белокуриха: страницы истории (1867–1990 гг.). Барнаул, 2013.

⁷⁴³ См., например: Голубецкий И.С. Села, рабочие поселки и города Омской области. Омск, 1970.

⁷⁴⁴ Городские поселения РСФСР (по данным Всесоюзной переписи населения 1979 г.). М., 1980. (ДСП). С. 128, 132.

административными центрами районов. Заметных функциональных отличий от предшествующей группы, за исключением больших размеров населения и производственной деятельности, обнаружено не было. Из них пять пгт впоследствии стали городами – Обь (1969 г.), Каргат (1965 г.), Полысаево (1989 г.), Таштагол (1963 г.) и Горняк (1969 г.)⁷⁴⁵.

За последующие 30 лет усложнение структуры народного хозяйства, вовлечение в систему производственных связей новых территорий привело к росту числа городских поселений. Если в 1959 г. на территории Западной Сибири насчитывался 101 поселок городского типа, то к 1989 г. – 194, то есть их численное представительство увеличилось на 92,1 %. Совокупное количество жителей пгт повысилось с 771,2 тыс. чел. до 1 561,6 тыс. чел. или в два раза. При этом в РСФСР в целом число поселков возросло только на 41,0 %, а их население – примерно на треть⁷⁴⁶. В большинстве случаев они основывались рядом с месторождениями полезных ископаемых, а также возникали из сельских населенных пунктов.

Численность поселков с населением до 5,0 тыс. чел. увеличилась с 24 до 63 или в 2,6 раза, при этом их совокупное население выросло с 68,1 тыс. до 194,7 тыс. чел. (в 2,9 раза). Численный и демографический рост этой группы был обеспечен преимущественно появлением новых пгт, однако следует учесть, что в нее из-за сокращения количества жителей попали некогда более крупные поселения. Новые пгт основывались, как и прежде, в целях заготовок леса, производства стройматериалов, обслуживания транспортных перевозок. Наряду с ними появились поселки с новыми функциями. Так, Андра Тюменской области возник для обслуживания трубопроводов по перекачке газа из северных районов области, вблизи Барнаула в 1978 г. появилась специализированная база по развитию сельскохозяйственной науки (пгт Научный городок)⁷⁴⁷.

Количественное представительство поселков с населением 5,0–10,0 тыс. чел. возросло с 56 до 73, а численность их жителей с 404,4 тыс. чел. до 524,5 тыс. чел. Важными источниками пополнения данной группы являлись административные реорганизации сел, в основном райцентров. Так, на юге Тюменской области за 1959–1989 гг. подобным образом появились три пгт – Казанское, Абатский и Нижняя Тавда. В Омской и Новосибирской областях за счет преобразований районных центров возникла основная часть новых поселков в изучаемый период. Так же как и в предыдущей группе, формирование новых пгт было связано с началом освоения природных ресурсов (например, Губкинский, Карагайлинский). Поселения подобных размеров становились базами для строительства важных объектов обрабатывающей

---

⁷⁴⁵ Там же. С. 127–128, 130; Города Кузбасса. Т. 1. С. 182.

⁷⁴⁶ Население РСФСР. Итоги Всесоюзной переписи населения на 15 января 1959 г. М., 1960. (ДСП). С. 50, 54; Городские поселения РСФСР по данным Всесоюзной переписи населения 1989 года. М., 1991. С. 5, 7, 62–63, 118–199.

⁷⁴⁷ Городские поселения Алтайского края (по данным Всесоюзной переписи населения 1989 года). Барнаул, 1990. С. 15.

промышленности. Так, градообразующим предприятием пгт Степное Озеро стал Кучукский сульфатный завод. Непрерывное обрастание крупнейших городов в стране различными специализированными организациями привело к возникновению в Западной Сибири очередного наукограда – Кольцово.

Численность поселков городского типа с населением свыше 10,0 тыс. чел. увеличилась за 30 лет с 21 до 58. Значение административных реорганизаций в повышении их количественного состава тоже было высоким. В Тюменской области многие новые пгт этой группы были связаны с нефте- и газодобычей, заготовками лесной продукции (например, Советский, Лянторский, Федоровский, Пангоды). Крупные поселения могли возникнуть при машиностроительных заводах большой мощности, но таких было мало. Так, градообразующим предприятием пгт Линево Новосибирской области стал электродный завод⁷⁴⁸, пгт Южный Алтайского края – крупный завод оборонного значения. Вблизи Новосибирска появился еще один крупный наукоград – Краснообск⁷⁴⁹. При этом в некоторых поселках произошло сокращение населения, например, в пгт Тимирязевский Томской области, Темиртау и Мундыбаш Кемеровской области⁷⁵⁰.

Снижение роли малых городских поселений в ходе урбанизации является объективным процессом, свидетельствующим о начале ее зрелой фазы, когда процесс индустриализации, уже пережившей свою начальную стадию, принимает последовательный характер. Система городского расселения принимает устойчивый характер, стабилизируется роль каждого из экономических районов в межтерриториальном разделении труда. На этом историческом этапе появляется группа городов-лидеров, структура народного хозяйства не претерпевает радикальных изменений. Небольшие городские поселения начинают проигрывать своим крупным собратьям, в особенности, если их экономический потенциал растет медленно, не получая дополнительных источников своему развитию. Их миграционная привлекательность снижается по мере изменения структуры потребностей населения.

Между тем в Западной Сибири как в малозаселенном экономическом районе значение малых городских поселений снизилось в меньшей степени. Для хозяйственного освоения больших пространств при низкой плотности населения было необходимо создать густую сеть городских поселений, прежде всего, районоорганизующих центров, в связи с чем нередко применялась практика административных преобразований больших сел в поселки городского типа. Кроме того, новые населенные пункты были необходимы при разработке месторождений нефти и газа в северных районах.

⁷⁴⁸ Малахив М. Первая продукция сибирского гиганта // Советская Сибирь. 1977. 2 нояб.

⁷⁴⁹ Нотман Р. Второй Академгородок // Советская Сибирь. 1975. 26 янв.

⁷⁵⁰ Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 г. Кемерово, 1971. (ДСП). С. 10; Итоги Всесоюзной переписи населения. Кемерово, 1990. Вып. 1. Численность населения. С. 37.

2.3. Половозрастной состав городского населения

Необходимость исследования половозрастной структуры населения определяется тем, что она играла важную роль в демографической динамике общества, опосредованно влияя на показатели естественного прироста и миграции. В свою очередь изменения, которые происходили в числе рождений, смертей и в пространственных перемещениях населения, накладывали свой отпечаток на возрастно-половую пирамиду, оказывая тем самым косвенное воздействие на процессы народонаселения, которые происходили позднее. В этой связи представляется важным для понимания особенностей демографического развития городского населения Западной Сибири, в частности естественного прироста, исследовать динамику его возрастно-полового состава.

Половозрастная структура городского населения западносибирских регионов, как и России в целом, во второй половине XX столетия сформировалась под воздействием эволюционных изменений, происходивших вследствие снижения смертности и рождаемости в ходе демографического перехода, и социальных, экономических и военных катаклизмов, сотрясавших страну в 1910–1940-е гг.⁷⁵¹

Рассматривая этапы становления западносибирского городского населения, нельзя не отметить, что демографическое развитие малоосвоенных и слабозаселенных восточных районов сильно зависело от миграций, поэтому возрастная структура здесь обладала определенной спецификой. Общеизвестно, что интенсивный приток мигрантов оказывал благотворное влияние на структурные характеристики населения, так как в мирное время и в стабильных социально-экономических условиях в пространственных перемещениях принимали участие в основном лица молодых и реже средних возрастов⁷⁵². Менее крепкое физически старшее поколение, тесно связанное трудовыми и семейными отношениями, меняло место жительства редко и, как показывает исторический и современный опыт, под воздействием неординарных обстоятельств.

Огромное влияние на формирование возрастной структуры населения Западной Сибири оказало переселенческое движение конца XIX – начала XX в., так как среди хлынувших в восточные районы мигрантов преобладали лица подростковых и рабочих возрастов при малом количестве стариков и детей⁷⁵³. Такого массового людского притока извне в истории Сибири больше не наблюдалось⁷⁵⁴. Кроме того, на возрастные характеристики западносибирского

⁷⁵¹ Калинин И.В. Возрастная структура населения СССР. С. 33–53; Население России в XX веке: исторические очерки: в 3 т. Т. 3, кн. 1. 1960–1979. С. 11.

⁷⁵² Рыбаковский Л.Л. Миграция населения: прогнозы, факторы, политика. С. 36, 47–48; Переведенцев В.И. Методы изучения миграции населения. С. 68.

⁷⁵³ Зверев В.А. Люди детные: воспроизводство населения сибирской деревни в конце имперского периода. С. 240, 244.

⁷⁵⁴ Имеется в виду соотношение числа прибывших к постоянно проживающему на востоке населению.

населения наложили отпечаток хозяйственные мероприятия центральных государственных органов, нацеленные на ускоренное развитие индустриального потенциала страны, и, прежде всего, районов и городов будущего Кузбасса⁷⁵⁵.

Определенное значение имела эвакуация в годы войны многочисленных предприятий с инженерно-техническим и рабочим персоналом, которая позволила до некоторой степени компенсировать массовый отток молодежи и рабочих с заводов в действующую армию. Благоприятно на структуру населения повлияло то, что изучаемые территории не стали ареной боевых действий. Если в целом по республике (РСФСР) сельских и городских жителей за 1939–1950 гг. стало меньше на 6,4 %, то в Западной Сибири население увеличилось на 6,8 % (в Восточной Сибири – на 2,7 %) ⁷⁵⁶. Итак, благоприятные по сравнению с европейской частью страны структурные демографические характеристики и высокий процент лиц, находящихся в репродуктивном возрасте, способствовали становлению повышенных показателей естественного прироста, которые в свою очередь создавали предпосылки для сохранения этих характеристик в долгосрочной перспективе.

Таблица 2.3.1

Шкала демографического старения Ж. Боже-Гарнье – Э. Роскета*

Этап	Доля лиц в возрасте 60 лет и старше, в %	Этап старения и уровень старости населения
1	< 8	Демографическая молодость
2	8–10	Первое преддверие старости
3	10–12	Собственно преддверие старости
4	12 и выше	Демографическая старость
4.1	12–14	Начальный уровень демографической старости
4.2	14–16	Средний уровень демографической старости
4.3	16–18	Высокий уровень демографической старости
4.4	18 и выше	Очень высокий уровень демографической старости

* Медков В.М. Демография: уч. пос. Ростов н/Д, 2002. С. 76.

Основной тенденцией рассматриваемого периода являлось продолжение процесса старения населения, роста удельного веса пожилых когорт и снижения – молодежи. Отталкиваясь от шкалы демографического старения, разработанной Ж. Боже-Гарнье – Э. Роскетом (табл. 2.3.1), можно утверждать, что по Всесоюзной переписи 1959 г. население городов и пгт в Российской Федерации оставалось еще молодым⁷⁵⁷. Удельный вес лиц до 30 лет составил 54,9 %, средних возрастов (30–60 лет) – 37,5 %, а старших (60 лет и выше) – 7,6 %⁷⁵⁸.

В Западной Сибири в силу специфики исторического развития и других факторов доля молодых поколений оказалась выше. В 1959 г. доля старших возрастов в ее городском

⁷⁵⁵ Заболотская К.А., Бельков А.В. Население Кузбасса в 20-е гг. XX в. – первом десятилетии XXI в. // Проблемы исторической демографии Сибири: сб. науч. тр. Вып. 3. С. 90–91.

⁷⁵⁶ Подсчитано по: Население России за 100 лет (1897–1997): стат. сб. М., 1998. С. 50, 52.

⁷⁵⁷ Население России в XX веке: исторические очерки: в 3 т. Т. 3, кн. 1. 1960–1979. С. 11.

⁷⁵⁸ Возрастной состав населения РСФСР (по данным Всесоюзной переписи населения 1959 г.). М., 1962. (ДСП). С. 104.

населении составила 6,7 %, средних возрастов – 34,2 %, а молодежи – достигла 59,1 %⁷⁵⁹. Между тем, следует отметить одну интересную деталь. Процентный вклад женщин в возрасте 60 лет и выше в женском городском населении достиг 8,5 %, то есть слабый пол перешел на этап первого преддверия старости. Ускоренное старение женского населения подтверждают данные по СССР в целом⁷⁶⁰. Из этого следует, что небольшой удельный вес пожилых когорт среди всех западносибирских горожан в целом (6,7 %) был обусловлен не только высокой на то время рождаемостью, но и низкой продолжительностью жизни мужчин. Иначе говоря, многие из них в силу разных причин просто не доживали до почтенного возраста.

В возрастной пирамиде западносибирского городского общества были хорошо видны демографические последствия Великой Отечественной войны и послевоенного восстановительного периода. Молодежь в когорте 10–19 лет занимала в совокупности 15,5%-ю долю в населении, тогда как, например, 20–29-летние, то есть люди, родившихся раньше и к тому же пережившие все тяготы и невзгоды военного периода – 21,9 %. Небольшая демографическая «яма» образовавшаяся у 25–29-летних, была вызвана голодом 1932–1933 гг. Огромные демографические потери Великой Отечественной войны, особенно среди граждан призывного возраста, отразились на представительстве 35–44-летних (10,8 %) ⁷⁶¹. Именно на их долю выпали военные мобилизации и тяжелый труд в тыловых районах ⁷⁶².

Социальные катаклизмы первой половины XX столетия деформировали не только возрастную, но и половую структуру городского населения. Так, согласно Всесоюзной переписи 1959 г., доля мужчин в городах и пгт РСФСР снизилась до 44,9 %, а женщин – соответственно возросла до 55,1 % (123 женщины на 100 мужчин). При этом в городах эта диспропорция была меньше, чем в сельской местности ⁷⁶³. Подобные перекосы были вызваны не только высокими безвозвратными потерями мужчин в годы Великой Отечественной войны, но также их повышенной смертностью в мирное время. В Западной Сибири как в тыловом районе пропорциональное соотношение между полами сложилось благоприятнее, чем в РСФСР (116 женщин на 100 мужчин) ⁷⁶⁴.

Среди западносибирских горожан в возрастных группах до 30 лет было отмечено некоторое преобладание мужского населения: на 100 женщин приходилось 103 мужчины, что связано с повышенной рождаемостью последних. Общеизвестно, что мальчиков в среднем

⁷⁵⁹ Подсчитано по: Распределение всего населения и состоящих в браке по полу и возрасту по данным Всесоюзной переписи населения на 15 января 1959 г. (АССР, края и области районов Западной и Восточной Сибири и Дальнего Востока). М., 1960. С. 4–102.

⁷⁶⁰ Калинин И.В. Возрастная структура населения СССР. С. 41–42.

⁷⁶¹ Распределение всего населения и состоящих в браке по полу и возрасту по данным Всесоюзной переписи населения на 15 января 1959 г. С. 4–102.

⁷⁶² Жиромская В.Б. Основные тенденции демографического развития России в XX веке. С. 207.

⁷⁶³ Там же. С. 209.

⁷⁶⁴ Распределение всего населения и состоящих в браке по полу и возрасту по данным Всесоюзной переписи населения на 15 января 1959 г. С. 4–102.

появлялось на свет больше, чем девочек. В сильно пострадавшей от войны группе 30–49 лет на 100 мужчин приходилось 133 женщины. В старших возрастных когортах (60 лет и выше) численное преобладание женщин оказалось более чем двукратным (213 на 100)⁷⁶⁵.

Главной особенностью демографической динамики дальнейших 30 лет стало непрерывное повышение доли пожилых людей, вызванное процессами демографической модернизации. Снижение рождаемости отразилось на соотношении различных когорт в возрастной структуре. К 1970 г. городское население РСФСР, согласно данным Всесоюзной переписи, перешло на этап собственно преддверия старости, когда удельный вес лиц в возрасте 60 лет и старше достиг 10,6 %, в 1979 г. – на начальный уровень демографической старости (12,2 %), а в 1989 г. – на средний (14,2 %).

Уменьшение представительства молодежи в городах РСФСР шло волнами. Так, если в 1970 г. удельный вес лиц в возрасте до 30 лет снизился до 48,8 % (1959 г. – 54,9 %), то к 1979 г. – вырос до 49,5 %. Объяснить это можно тем, что, например, в 1970 г. в составе молодежи находились три численно небольшие пятилетние когорты, в которых люди появились на свет во время сильного сокращения рождаемости (1940–1944, 1960–1964 и 1965–1969 гг. р.), в то время как в 1979 г. – только две (1959–1963 и 1964–1968 гг. р.). Поколение, рожденное в годы войны, за межпереписной период полностью перешло в среднюю возрастную группу. Однако к 1989 г. доля лиц до 30 лет, несмотря на повышение числа деторождений в 1980-х гг., вновь упала до 45,2 %. Колебалось и процентное представительство средних (30–60 лет) когорт в населении. Если в 1970 г. доля этой группы выросла до 40,5 %, в 1979 г. – снизилось до 38,3 %, то к 1989 г. – вновь увеличилась до 40,6 %⁷⁶⁶.

Структурные характеристики городского населения Западной Сибири, воспроизводя общероссийские тенденции, продолжали оставаться более благоприятными. Так, доля лиц старше 60 лет в возрастно-половой пирамиде к 1970 г. достигла 9,0 %, что согласно критериям Ж. Боже-Гарнье – Э. Роскета соответствует первому преддверию старости, к 1979 г. – 10,4 %, а к 1989 г. – 11,7 % (собственно преддверие старости). Статистика лиц в возрасте до 30 лет выглядела следующим образом: в 1970 г. их доля снизилась до 51,9 %, в 1979 г. – увеличилась до 52,5 %, в 1989 г. – вновь сократилась до 48,3 %. В свою очередь представительство 30–60-летних среди горожан увеличилось с 38,9 % в 1970 г. до 40,0 % в 1989 г. (см. Прил., табл. 8, 9).

⁷⁶⁵ Подсчитано по: Возрастной состав населения РСФСР (по данным Всесоюзной переписи населения 1970 г.). М., 1972. (ДСП). С. 286–304.

⁷⁶⁶ Подсчитано по: Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 года. Т. II. Пол, возраст и состояние в браке населения СССР, союзных и автономных республик, краев и областей. М., 1972. С. 18–19; Итоги Всесоюзной переписи населения 1979 года: стат. сб. М., 1989. Т. II. Пол, возраст и состояние в браке населения СССР, союзных и автономных республик, краев и областей. Ч. 1. С. 40; Возрастной состав населения РСФСР по данным Всесоюзной переписи населения 1989 г. М., 1990. С. 273.

Таким образом, разрыв между Западной Сибирью и РСФСР в доле лиц пенсионного возраста увеличился. Если в 1959 г. он составлял только 12,8 % в пользу первой, то в 1989 г. – уже 21,0 %. Между тем преимущество экономического района в процентном представительстве молодежи, несмотря на мощный приток мигрантов в районы Тюменского севера, немного снизилось. Так, если в 1959 г. в западносибирских регионах удельный вес лиц моложе 30 лет был выше общереспубликанских показателей на 7,6 %, то в 1989 г. – на 6,9 %. Вероятно, миграционная убыль 1960-х гг. при недостаточно интенсивном притоке молодого населения отразилась на естественном приросте. Это, в свою очередь, косвенно повлияло на структуру городских жителей в конце 1980-х гг.

В конечном итоге за 30 лет возрастные характеристики населения западносибирских городов и пгт относительно общероссийских показателей слегка ухудшились. Если в 1959 г. дифференциация в среднем возрасте между РСФСР и Западной Сибирью составляла 6,1 %, то в 1989 г. – 5,8 % (табл. 2.3.2).

Таблица 2.3.2

Средний возраст городского населения РСФСР и Западной Сибири
в 1959–1989 гг., лет*

Регион	Все население	Мужчины	Женщины
1959			
РСФСР	29,6	26,8	31,8
Западная Сибирь	27,9	25,5	29,9
1970			
РСФСР	32,0	29,2	34,4
Западная Сибирь	30,5	28,1	32,7
1979			
РСФСР	33,4	30,7	35,7
Западная Сибирь	32,1	29,8	34,1
1989			
РСФСР	34,4	31,8	36,6
Западная Сибирь	32,5	30,4	34,4

* Подсчитано по: Распределение всего населения и состоящих в браке по полу и возрасту по данным Всесоюзной переписи населения на 15 января 1959 г. (АССР, края и области районов Западной и Восточной Сибири и Дальнего Востока). М., 1960. С. 4–6, 34–36, 46–48, 58–60, 70–72, 100–102; Возрастной состав населения РСФСР (по данным Всесоюзной переписи населения 1970 г.). М., 1972. С. 25–33, 286–288, 292–306; Городские поселения РСФСР (по данным Всесоюзной переписи населения 1979 г.). М., 1980. С. 24–25; Возрастной состав населения РСФСР. По данным Всесоюзной переписи населения 1989 г. М., 1990. С. 59, 65; ГАРФ. Ф.А.–374. Оп. 39. Д. 1351. Л. 4об–6об; Д. 1353. Л. 4об–6об; Д. 1354. Л. 4об–6об; Д. 1355. Л. 4об–Л. 6об; Д. 1356. Л. 4об–Л. 6об; Д. 1357. Л. 4об–Л. 6об; Д. 6012. Л. 4об–Л. 6об; Д. 6016. Л. 4об–Л. 6об; Д. 6014. Л. 4об–Л. 6об; Д. 6018. Л. 142об–Л. 144об; Д. 6017. Л. 4об–Л. 6об; Д. 6019. Л. 78об–Л. 80об; РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 69. Д. 105. Л. 5–8; Д. 108. Л. 181–184; Д. 110. Л. 5–8, 53–56; Д. 111. Л. 73–76, 113–116.

Анализ данных таблицы указывает на серьезные гендерные отличия в среднем возрасте, обусловленные в основном высокой смертностью мужчин. Эти отличия в РСФСР, которые в 1959 г. составили 18,7 %, несмотря на увеличивающийся в пользу слабого пола отрыв в размерах средней продолжительности жизни, сократились к 1989 г. до 15,1 %. В начале изучаемого периода негативные демографические последствия Великой Отечественной войны были еще сильными, и в последующие годы по мере снижения доли в населении наиболее

пострадавших от нее когорт происходил ускоренный рост мужского среднего возраста⁷⁶⁷. В западносибирских регионах, благодаря особенностям исторического развития, дифференциация оказалась ниже, чем в целом по республике.

В результате анализа материалов возрастного состава городского населения Западной Сибири, полученных в ходе Всесоюзной переписи 1989 г., выявлено, что наименьшую долю среди молодежи занимала когорта 20–24 лет (7,0 %). Дело в том, что в 1960-е гг. произошло резкое снижение числа рождений, вызванное как демографическими последствиями Великой Отечественной войны, во время которой на свет появилось мало детей, так и экономическими просчетами центральных государственных органов. По мере роста количества деторождений в 1970-е гг. удельный вес соответствующей этому возрастной группы возрастал. Так, процентное представительство 15–19-летних оказалось на уровне 7,1 %, 10–14-летних – 7,5 %⁷⁶⁸. Сильное позитивное влияние на репродуктивные установки горожан оказали меры стимулирования рождаемости, принятые в 1981 г., а также первые годы Перестройки и антиалкогольной кампании. Именно поэтому удельный вес детей в категории 5–9 и 0–4 лет достиг 8,4 % и 8,7 %. Закономерно низкими среди людей среднего возраста (30–60 лет) были доли 40–44- и 45–49-летних, появившихся на свет во время войны и в первые послевоенные годы (5,5 % и 5,0 %)⁷⁶⁹.

За 30 лет из-за старения населения выросло представительство лиц пенсионного возраста. Если в 1959 г. в западносибирских регионах доля горожан в возрасте 60 лет и старше составляла только 6,7 %, то в 1989 г. – уже 11,7 %. Данная закономерность являлась итогом исторического процесса замены одной воспроизводственной модели на другую, в том числе резкого увеличения на рубеже 1950–1960-х гг. средней продолжительности жизни, что стало влиять на возрастную пирамиду ближе к концу рассматриваемого периода. Вместе с тем рост доли пожилых людей был вызван, прежде всего, сокращением рождаемости, которое стало следствием изменения социальной роли женщин, повышения их образовательного и культурного уровня, вовлечения в общественное производство.

К концу 1980-х гг. среди горожан количественные различия между полами сгладились: в 1970 г. в РСФСР на 100 мужчин приходилось 118 женщин, в 1979 г. – 117, а в 1989 г. – 114, в Западной Сибири – соответственно 115, 113 и 110. Исправление гендерного дисбаланса в рассматриваемом экономическом районе происходило чуть быстрее. В молодых возрастах (до 30 лет) за мужчинами сохранилось небольшое численное преимущество, пропорциональное соотношению между полами составило 100 к 102. Среди лиц в возрасте от 30 до 49 лет

⁷⁶⁷ В формуле расчета среднего возраста количество населения в когортах влияет на числитель, иначе говоря, чем меньше его значения, тем ниже средний возраст.

⁷⁶⁸ Подсчитано по: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 69. Д. 105. Л. 5–8; Д. 108. Л. 181–184; Д. 110. Л. 5–8, 53–56; Д. 111. Л. 73–76, 113–116.

⁷⁶⁹ Там же.

межполовой баланс за 1959–1989 гг. выправился, количество мужчин и женщин почти уравнилось. Эта группа пополнилась людьми, которые появились на свет уже в послевоенное время, в период компенсаторной рождаемости. Соотношение между полами в старших возрастах (60 лет и выше) сохранилось на прежнем уровне (213 на 100).

Спустя 30 лет региональные отличия в возрастном составе городского населения Западной Сибири стали более выраженными (табл. 2.3.3).

Таблица 2.3.3

Средний возраст городского населения регионов Западной Сибири
в 1959–1989 гг., лет *

Регион	Все население**	Мужчины**	Женщины**
1959			
Западная Сибирь	27,9	25,5	29,9
Алтайский край	28,3	25,9	30,4
Кемеровская область	27,0	24,9	28,9
Новосибирская область	28,5	25,9	30,6
Омская область	28,5	26,1	30,5
Томская область	28,4	25,9	30,5
Тюменская область	28,7	25,9	31,0
1989			
Западная Сибирь	32,5	30,4	34,4
Алтайский край	33,8	31,4	35,9
Кемеровская область	34,1	31,9	36,2
Новосибирская область	34,4	31,8	36,6
Омская область	32,9	30,5	35,0
Томская область	31,8	29,7	33,8
Тюменская область	27,9	27,1	28,8

* Подсчитано по: Распределение всего населения и состоящих в браке по полу и возрасту по данным Всесоюзной переписи населения на 15 января 1959 г. (АССР, края и области районов Западной и Восточной Сибири и Дальнего Востока). М., 1960. С. 4–6, 34–36, 46–48, 58–60, 70–72, 100–102; РГАЭ. Ф. 1562, Оп. 69. Д. 105. Л. 5–8; Д. 108. Л. 181–184; Д. 110. Л. 5–8, 53–56; Д. 111. Л. 73–76, 113–116.

** Расчеты велись с использованием пятилетних возрастных групп.

Красноречивым примером возросшей межтерриториальной дифференциации стала Тюменская область. Еще в 1959 г. ее горожане являлись самыми «старыми» в Западной Сибири⁷⁷⁰, но по мере становления нефтегазодобывающего комплекса и мощного притока мигрантов население региона стало самым молодым в экономическом районе с большим отрывом от идущей на втором месте Томской области⁷⁷¹. В свою очередь высокий удельный вес лиц в репродуктивном возрасте стимулировал рост числа рождений и косвенно способствовал снижению общего коэффициента смертности. В результате представительство молодежи в возрастной пирамиде Тюменской области в 1989 г. превысило половину (55,3 %) всего городского населения, а доля пожилых (5,3 %) оказалась более чем в два раза ниже, чем в

⁷⁷⁰ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 1533. Л. 144–147.

⁷⁷¹ ГАТО. ФР.–1085. Оп. 3. Д. 449. Л. 7–9.

среднем по Западной Сибири⁷⁷². Причем повышение межрегиональной дифференциации видно даже без учета данного региона.

Интересно проанализировать перемены, произошедшие в структурных характеристиках отдельных групп городских поселений. Важной чертой Западной Сибири в начале исследуемого периода являлось доминирование крупных индустриальных и административных центров с численностью жителей от 100 тыс. чел. и выше, где в 1959 г. проживало 66,9 % всех ее горожан (РСФСР – 51,0 %). Следовательно, по логике вещей, именно большие города должны были играть ведущую роль в возрастной структуре населения. Исследование показало, что процентное соотношение разных когорт у них почти не отличалось от распределения в городском населении в целом: доля молодежи составила 59,2 %, 30–60-летних – 34,3 %, старше 60 лет – 6,5 % (табл. 2.3.4). В то же время внутри этой категории существовали отличия. Возрастной состав городских поселений, предприятия которых специализировались на угольной отрасли, оказался более молодым⁷⁷³.

Как известно, Кузбасс в годы первых пятилеток являлся важнейшей строительной площадкой Сибири. За счет массового притока трудовых ресурсов стремительно росло местное городское население. Даже в военное время за счет эвакуации промышленных предприятий с частью трудовых коллективов, трудомобилизованных сельских жителей и спецконтингента его демографические потери оказались незначительными, а население многих городов даже выросло⁷⁷⁴. Согласно опубликованным данным количество жителей Кемеровской области в целом за 1939–1950 гг. увеличилось гораздо больше остальных западносибирских регионов (на 25,7 %).

В послевоенный восстановительный период вплоть до начала 1960-х гг. индустриальный потенциал области рос быстрыми темпами, так как угольная отрасль продолжала оставаться приоритетной для капиталовложений⁷⁷⁵. В 1951–1958 гг. среднегодовой прирост промышленной продукции в регионе достиг 8,4 %, а добыча угля выросла на 85,0 %⁷⁷⁶. При этом заработная плата в Кузбассе в это время более чем на треть превосходила таковую в Новосибирской области и Алтайском крае⁷⁷⁷.

В истории региона первое послевоенное десятилетие считается одним из самых успешных. Хорошая хозяйственная конъюнктура стала прочным фундаментом

⁷⁷² РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 69. Д. 111. Л. 113–116; Возрастной состав населения РСФСР по данным Всесоюзной переписи населения 1989 г. М., 1990. С. 273.

⁷⁷³ Текущий архив Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Кемеровской области. Распределение наличного населения по возрасту по данным Всесоюзной переписи населения 1959 года (на 15 января 1959 года). Л. 1–5.

⁷⁷⁴ Угольная промышленность Кузбасса. 1721–1996 гг. С. 252.

⁷⁷⁵ История Сибири с древнейших времен до наших дней: в 5 т. Л., 1965. Т. 5. Сибирь в период завершения строительства социализма и постепенного перехода к коммунизму (1937–1965 гг.). С. 193–194.

⁷⁷⁶ История Кузбасса. Кемерово, 1970. Ч. III. История Кузбасса в период строительства социализма и коммунизма. С. 127.

⁷⁷⁷ История Кузбасса: уч. пос. С. 251.

демографического подъема местных городов, а их население оказалось самым молодым в Западной Сибири (см. табл. 2.3.3). И, хотя крупные «угольные» индустриальные центры Кузбасса уже прошли стадию становления и стремительного экономического подъема, процентное соотношение разных поколений сложилось у них к 1959 г. более благоприятно, чем в экономическом районе в целом.

Структурные характеристики населения остальных индустриальных городов выглядели по-разному. Например, доля молодежи в Новокузнецке и Рубцовске была выше, чем в Бийске (табл. 2.3.4). Демографическое развитие Новокузнецка, как неотъемлемой части Урало-Кузнецкого промышленного комплекса, происходило так же, как и у остальных крупных городов Кузбасса. Известный своими заводами черной и цветной металлургии он, кроме всего прочего, являлся важным центром угледобычи. На его территории к концу 1950-х гг. развернулось строительство второго крупного металлургического комбината, куда прибыло много молодежи из разных регионов страны⁷⁷⁸.

Косвенное воздействие на возрастную структуру населения Рубцовска оказала целинная эпопея. В 1950-е гг. сибирское сельскохозяйственное машиностроение переживало подъем. Если в целом по РСФСР промышленный рост в отрасли составил 40,0 %, то в Сибири он оказался двукратным⁷⁷⁹. Потребность в продукции, выпускаемой заводами Рубцовска, увеличилась. До 60,0 % пахотных земель СССР стали обрабатываться плугами, выпускаемыми заводом «Алтайсельмаш»⁷⁸⁰. Расширение мощностей предприятий и повышение потребности в трудовых ресурсах стали причинами усиления миграционного притока в город.

К началу исследуемого периода экономический потенциал административных центров в основном сформировался. Высокий статус хотя и предполагал дальнейший индустриальный и инфраструктурный рост, но этот процесс шел уже постепенно и не предполагал скачкообразного увеличения промышленной мощи. Именно эти города можно в полной мере называть «опорным каркасом расселения», значение которых даже при кардинальной трансформации социально-экономической ситуации изменится мало. Процессы народонаселения в административных центрах тогда оказывали определяющее воздействие на демографическое развитие западносибирских городов в целом, тем более что их удельный вес среди них превышал 40,0 %. Именно поэтому характеристики их возрастного состава оказались в общем близки к средним показателям по Западной Сибири (табл. 2.3.4).

⁷⁷⁸ История Кузбасса. Ч. III. История Кузбасса в период строительства социализма и коммунизма. С. 131.

⁷⁷⁹ История Сибири с древнейших времен до наших дней: в 5 т. Л., 1965. Т. 5. Сибирь в период завершения строительства социализма и постепенного перехода к коммунизму (1937–1965 гг.). С. 229.

⁷⁸⁰ Прохоров Б. Как управлять текучестью // Алтайская правда. 1978. 18 нояб.

Возрастной состав населения больших городов Западной Сибири в 1959 г., в %*

Регион	До 30 лет	30–59 лет	Старше 60 лет
РСФСР	54,9	37,5	7,6
Западная Сибирь	59,1	34,2	6,7
Большие города, в т.ч.	59,2	34,3	6,5
<i>Административные центры</i>	58,3	34,9	6,8
Барнаул	58,9	34,9	6,3
Тюмень	57,1	35,3	7,6
Томск	59,9	33,1	6,9
Кемерово	59,4	34,5	6,1
Омск	58,1	34,8	7,0
Новосибирск	57,7	35,5	6,8
<i>Индустриальные центры</i>	60,6	33,3	6,0
Новокузнецк	60,3	34,1	5,6
Бийск	55,2	36,8	8,0
Рубцовск	60,8	33,5	5,8
Прокопьевск	62,0	32,2	5,7
Ленинск-Кузнецкий	61,6	32,2	6,2
Киселёвск	62,9	31,5	5,6
Анжеро-Судженск	60,2	33,1	6,6
Белово	61,8	32,3	5,9

* Подсчитано по: Распределение всего населения и состоящих в браке по полу и возрасту по данным Всесоюзной переписи населения на 15 января 1959 г. (АССР, края и области районов Западной и Восточной Сибири и Дальнего Востока). М., 1960. С. 4–9, 34–39, 46–51, 58–63, 70–93, 100–111; Возрастной состав населения РСФСР (по данным Всесоюзной переписи населения 1970 г.). М., 1972. С. 286, 292, 295, 298, 301, 304.

Состав населения средних и особенно малых городов и пгт Западной Сибири уже в начале исследуемого периода отличался несколько иным распределением возрастных категорий. К большому сожалению, мы не располагаем источниковыми материалами, в которых содержатся сведения о части населенных пунктов Кемеровской области за 1959 г., в связи с чем наш исследовательский анализ будет выборочным. В частности, мы не сможем рассмотреть население поселков городского типа, а также средних городов, которыми тогда являлись Междуреченск и Осинники, расположенные в Кузбассе. Процентное соотношение пятилетних когорт у Осинников, вероятнее всего, не отличалось от параметров свойственных региону в целом, а в Междуреченске, как в молодом городе, представительство молодежи, без сомнения, было даже выше.

Изучение демографических характеристик малых и средних городских поселений интересно тем, что, на наш взгляд, именно их население острее всего реагировало на происходящие в обществе социально-экономические перемены. Таким образом, они являлись своеобразными индикаторами процессов урбанизации на стадии зрелой экономики. Если большинство крупных городов и, прежде всего, административных центров в силу своего демографического и хозяйственного веса отличалось экономической устойчивостью и исторически «доказали» справедливость своего статуса, то развитие средних и малых городских поселений шло нестабильно. В лучшем случае они могли стать городами областного подчинения или районными центрами, а перспективы их индустриального роста напрямую

зависели от экономических или политических задач, которые ставило государство, и множества других факторов.

До начала 1950–1960-х гг. хозяйственный подъем городских поселений происходил более равномерно. Экономический и культурный облик городов и пгт в период индустриализации подвергся серьезной трансформации, так как у них требовалось создать известный минимум промышленных производств и социально-образовательных учреждений. Преобразование некогда отсталых, плохо обустроенных населенных пунктов потребовало привлечения значительного количества сельских трудовых ресурсов. О том, что необходимая основа была создана почти повсеместно и наступил этап точечного индустриального развития, формирования территориальных промышленных комплексов, которые приводят к существенным перекосам в региональном размещении трудовых ресурсов, можно говорить уже применительно к 1950-м гг.

В начале изучаемого периода разброс в возрастном составе населения разных типов городов был еще невелик. Вместе с тем уже тогда в структурных характеристиках отдельных функциональных типов появились черты, которые со временем начинают доминировать. Так, среди местных организующих центров доля молодежи была ниже, а старших когорт, наоборот, выше, чем по Западной Сибири в среднем (см. Прил., табл. 5). Экономический и, следовательно, демографический рост этих городов тормозили потенциальные возможности окружающей территории. И даже, наоборот, по мере роста механизации и интенсификации производства отпадала необходимость в существенном увеличении количества работников в местной промышленности.

Среди транспортных городов только г. Карасук, благодаря освоению целины и широко развернутому индустриальному строительству, выделялся своим молодым населением⁷⁸¹. У нетранспортных местных организующих центров совокупный удельный вес молодежи оказался меньше – 57,1 %, в основном из-за неблагоприятного соотношения поколений в Ялutorовске, Ишиме и Колпашево. Большая доля когорт в возрасте до 30 лет была у Ханты-Мансийска и Салехарда вследствие высоких административного статуса и представительства народов, отличавшихся повышенной рождаемостью. Так, в 1959 г. доля последних в Ханты-Мансийске достигла 12,7 %, а в Салехарде – даже 31,7 %⁷⁸². К тому же оттоку трудоспособных граждан и молодежи из них препятствовало территориально-географическое положение, которое отличалось большой удаленностью от ведущих промышленных районов и неразвитой транспортной сетью.

---

⁷⁸¹ Население Новосибирской области (итоги Всесоюзной переписи на 15 января 1959 г.). Новосибирск, 1961. (ДСП). С. 29.

⁷⁸² Подсчитано по: ГАТюм.О. ФР.–1112. Оп. 11. Д. 8. Л. 100–102, 128–130.

Как видно из Приложения, табл. 5, молодежи в возрастном составе населения индустриальных городов было несколько больше, чем у местных организующих центров, и это без учета Кузбасса. Организация строительства и работы крупных предприятий, а также соответствующей инфраструктуры требовала привлечения большого количества рабочих и инженерно-технического персонала. Со временем в таких городах после появления промышленных производств начинали работать учреждения образования, здравоохранения и культуры. Приток молодежи благоприятно сказывался на показателях естественного прироста и, соответственно, на демографической ситуации в целом⁷⁸³. Однако в то время индустриальным строительством (но меньших масштабов) были охвачены также многие местные организующие центры, поэтому отличия в возрастном составе разных функциональных типов городов были в 1959 г. не столь заметны (см. Прил., табл. 5).

Итак, переходим к рассмотрению изменений, произошедших в населении отдельных групп городов за 1959–1989 гг. При рассмотрении динамики возрастного состава сразу же бросается в глаза исчезновение дифференциации между крупными административными и индустриальными центрами. Если прежде жителей промышленных городов отличала высокая доля молодежи, то по истечении 30 лет, даже с учетом Нижневартовска и Сургута, ситуация стала выглядеть иначе.

Структурные характеристики региональных столиц на фоне общей тенденции старения населения стали выглядеть почти так же, как у индустриальных центров вследствие притягательного для мигрантов административного статуса и быстрого развития учреждений социально-культурной сферы. Среди этих городов высокой долей молодежи выделялись Тюмень и Томск⁷⁸⁴. Однако причины, вызвавшие это, при всей внешней схожести структурных характеристик, были разными. Например, в Тюмени удельный вес пятилетних когорт до 30 лет возрос за счет наплыва трудовых мигрантов. В Томске молодая возрастная структура возникла главным образом из-за притока молодежи в образовательные учреждения. Так, количество учеников высших и средних учебных заведений в 1989 г. достигло 61,2 тыс. чел. или 12,2 % от совокупного населения города⁷⁸⁵. В 1985 г. в Томской области на 10 тыс. чел. приходилось 459 студентов, тогда как в Новосибирской области – 309, Кемеровской – 142, Омской – 238, Тюменской – 116, Алтайском крае – 144. По этому показателю регион вышел на третье место в РСФСР, уступив только Москве и Санкт-Петербургу⁷⁸⁶.

---

⁷⁸³ Малый город. Социально-демографическое исследование небольшого города. С. 66–72.

⁷⁸⁴ Итоги Всероссийской переписи населения – 2002: стат. сб.: в 11 ч. Тюмень, 2004. Ч. 2. Возрастно-половой состав населения Тюменской области. С. 89–91; ГАТюм.О. ФР.–1085. Оп. 3. Д. 782. Л. 6–9.

⁷⁸⁵ Народное хозяйство Томской области в 1989 году: стат. сб. Томск, 1990. С. 95.

⁷⁸⁶ Регионы России: стат. сб.: в 2 т. М., 1999. Т. 2. С. 210–212.

По-своему необычно, на первый взгляд, выглядит низкая доля молодежи среди жителей крупнейшего города на востоке страны – Новосибирска⁷⁸⁷. Рост численности населения за 30 лет оказался самым слабым среди административных центров Западной Сибири (+62,3 %). Прежде всего, это было связано со снижением роста индустриального производства⁷⁸⁸. Так, в отличие от послевоенного восстановительного периода в 1960-е гг. в Новосибирске прекратилось строительство крупных заводов, а основное внимание было уделено расширению и модернизации действующих. В 1970-е гг. новые производства возникли в отраслях легкой и пищевой промышленности с невысокой численностью рабочих коллективов. В отличие от предприятий группы «А» они оказывали слабый демографически «расширительный» эффект из-за меньших масштабов и широкого применения женского труда. При этом, например, во втором по численности населения городе Сибири – Омске индустриальное развитие шло куда активнее. За 1960–1985 гг. его промышленное производство увеличилось почти в шесть раз, по его объемам Омск вышел на четвертое место в РСФСР⁷⁸⁹.

Из-за развития гидроэнергетики, нефтяной и газовой промышленности упало экономическое значение индустриальных городов, предприятия которых функционировали на базе добычи угля. За 1960–1990 гг. в структуре топливного баланса СССР удельный вес последнего снизился с 53,9 % до 19,2 %⁷⁹⁰. Уже в 1966 г. на природный газ приходилось более 30,0 % потребляемой энергии⁷⁹¹. Негативные тенденции имели место в Сибири, хотя проявились не так явно, так как ее угольная промышленность была сравнительно молодой. Потребности угольной отрасли в работниках снижались, например численность шахтерских кадров Кузбасса за 30 лет увеличилась всего на 8,3 %. Приток мигрантов в его города существенно сократился, а в некоторые годы механический прирост был даже отрицательным. В итоге некогда молодые индустриальные центры Кузбасса, если не брать в расчет Междуреченска, за 30 лет «постарели» больше остальных (табл. 2.3.5).

Таблица 2.3.5

Возрастной состав населения больших городов Западной Сибири в 1989 г., в %*

Регион	До 30 лет	30–59 лет	Старше 60 лет	Итого
РСФСР	45,2	40,6	14,2	100,0
Западная Сибирь	48,3	40,0	11,7	100,0
Большие города	47,4	40,3	12,3	100,0
Административные центры	47,5	39,7	12,7	100,0

⁷⁸⁷ Подсчитано по: Текущий архив Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Новосибирской области. Распределение населения по полу и возрасту по Всесоюзной переписи населения 1989 г. Дзержинский – Куйбышевский районы. Таблица 7с (абсолютные данные). Л. 1–15.

⁷⁸⁸ Долголюк А.А., Ефимкин М.М., Ламин В.А. Трансформационные процессы в социально-индустриальной структуре Новосибирской области в XX столетии. Новосибирск, 2005. С. 98.

⁷⁸⁹ Алисов Д.А. Социально-экономическое развитие и культура города Омска в 1960-е – первой половине 1980-х гг. // Омск. XX век (вехи истории): краевед. сб. С. 160.

⁷⁹⁰ Заболотская К.А. Угольная промышленность Сибири (конец 1890 – начало 1990-х гг.). Историческое исследование. С. 226.

⁷⁹¹ Алексеев В.В., Ламин В.А. Прометей сибирской нефти. С. 206.

Регион	До 30 лет	30–59 лет	Старше 60 лет	<i>Итого</i>
Барнаул	47,6	39,5	12,9	100,0
Тюмень	51,2	38,4	10,4	100,0
Томск	51,2	37,7	11,0	100,0
Кемерово	46,7	40,7	12,6	100,0
Новосибирск	44,3	41,5	14,2	100,0
Омск	48,8	38,6	12,5	100,0
<i>Индустриальные города.</i>	47,3	41,4	11,3	100,0
Бийск	44,6	40,4	15,1	100,0
Рубцовск	44,4	41,5	14,1	100,0
Новокузнецк	44,9	42,1	13,0	100,0
Нижевартовск	57,9	40,2	2,0	100,0
Сургут	57,0	40,5	2,5	100,0
Анжеро-Судженск	43,2	40,1	16,7	100,0
Киселёвск	44,5	41,3	14,3	100,0
Ленинск-Кузнецкий	44,5	41,9	13,6	100,0
Междуреченск	47,3	43,0	9,6	100,0
Прокопьевск	42,7	42,2	15,1	100,0

* Подсчитано по: Городские поселения Алтайского края (по данным Всесоюзной переписи населения 1989 года). Барнаул, 1990. С. 34–35, 40–41, 47; Итоги Всероссийской переписи населения – 2002: стат. сб.: в 11 ч. Тюмень, 2004. Ч. 2. Возрастно-половой состав населения Тюменской области. С. 98–100, 250–251, 263–264; ГАТО. ФР.–1085. Оп. 3. Д. 782. Л. 6–9; Итоги Всесоюзной переписи населения 1989 года. Кемерово, 1990. Вып. 5. Половозрастной состав. С. 25–38; Состав населения Новосибирской области по полу, возрасту и состоянию в браке (по данным Всесоюзной переписи населения 1989 г.). Новосибирск, 1990. С. 77.

В крупных центрах обрабатывающей промышленности – Бийске и Рубцовске, несмотря на положительное сальдо миграции (особенно в Бийске), доля молодежи стала той же, что и в «угольных» городах⁷⁹². Это объясняется взаимодействием двух факторов. С одной стороны, в городах Кузбасса доля лиц до 30 лет вначале была выше и отток населения способствовал более быстрому ее снижению в населении. С другой стороны, отрицательное сальдо у них в известной степени компенсировал больший, в сравнении с Бийском и Рубцовском, естественный прирост, обусловленный высокой рождаемостью. Что касается Новокузнецка, то, несмотря на сооружение Запсиба, сильного омоложения его населения не произошло, так как большой приток мигрантов был отмечен только во время строительства и в первые годы работы завода (см. Прил., табл. 12).

На этом фоне своими характеристиками выделялись индустриальные центры Тюменской области. Размах освоения природных ресурсов севера Западной Сибири предполагал строительство большого количества населенных пунктов, в том числе городов, некоторые из которых впоследствии достигли крупных размеров. Благодаря мощному миграционному притоку возрастной состав этих городов к 1989 г. оказался очень молодым, на уровне показателей 1959 г.⁷⁹³

⁷⁹² Городские поселения Алтайского края (по данным Всесоюзной переписи населения 1989 года). Барнаул, 1990. С. 40, 47; Итоги Всесоюзной переписи населения 1989 года. Кемерово, 1990. Вып. 5. Половозрастной состав. С. 25–38.

⁷⁹³ См., например: Тимошенко А.И. Государственная политика формирования и закрепления населения в районах нового промышленного освоения Сибири в 1950–1980-е гг.: планы и реальность. С. 92.

Таким образом, в ходе урбанизации среди больших городских поселений происходит объективная концентрация материальных и финансовых, а, следовательно, и демографических ресурсов в «опорных» городах – административных центрах регионов⁷⁹⁴. Становится очевидным замедление демографического роста индустриальных городов, прежде представлявших собой достойную альтернативу областным столицам. Усиление их экономической базы в 1970–1980-е гг., было сопряжено с трудностями, связанными с не совсем удобным географическим положением, недостаточной производственной и социальной инфраструктурой, удаленностью от узловых транспортных коммуникаций или истощением опорных месторождений. В каком-то смысле индустриальные центры, особенно расположенные в Кузбассе, представляли собой огромные моногорода, диверсификация производственной основы которых была экономически нецелесообразна, поскольку требовала привлечения большего, чем в административных центрах, количества материальных и людских ресурсов. Вместе с тем в Западной Сибири этот процесс замедлился благодаря стремительному росту населения в Сургуте и Нижневартовске⁷⁹⁵. Именно поэтому различия в возрастном составе административных и индустриальных центров оказались меньшими, чем могли бы оказаться в итоге (см. табл. 2.3.5).

Интересной чертой урбанизации стал неожиданный рост отличий между возрастными составами крупных городов и всего городского населения Западной Сибири, которых раньше почти не было. Появление большого числа новых поселений в северных районах и стремление центральных государственных органов предотвратить процесс концентрации промышленности в крупнейших городах привели в 1960–1980-е гг. к почти двукратному снижению их удельного веса в механическом приросте. К тому же низкие показатели рождаемости, свойственные большим городам, отразились на объемах естественного прироста и, соответственно, на количестве молодежи в населении.

Таблица 2.3.6
Возрастной состав населения средних городов Западной Сибири в 1989 г., в %*

Регион	До 30 лет	30–59 лет	Старше 60 лет
РСФСР	45,2	40,6	14,2
Западная Сибирь	48,3	40,0	11,7
Большие города	47,4	40,3	12,3
Малые, средние города и пгт	49,8	39,5	10,8
<i>Средние города</i>	50,3	40,2	9,5
Ишим	44,4	39,1	16,5
Искитим	46,3	40,5	13,2
Куйбышев	46,6	40,3	13,1
Новоалтайск	43,7	40,8	15,5
Заринск	51,9	38,5	9,6
Юрга	46,6	40,2	13,2

⁷⁹⁴ Урбанизация и демографические процессы. М., 1982.

⁷⁹⁵ См., например: Гаврилова Н.Ю. Социальное развитие нефтегазодобывающих районов Западной Сибири. С. 56.

Окончание таблицы 2.3.6

Регион	До 30 лет	30–59 лет	Старше 60 лет
Тобольск	53,9	36,5	9,6
Бердск	46,7	40,1	13,2
Нефтеюганск	57,5	40,4	2,1
Надым	53,3	45,7	1,0
Новый Уренгой	58,5	41,0	0,5
Ноябрьск	58,2	41,1	0,7
Нягань	61,7	37,1	1,2
Беловский горсовет**	45,4	41,1	13,5
Осинниковский горсовет**	43,3	40,0	16,7
Березовский горсовет**	48,4	40,6	10,9

* Подсчитано по: Итоги Всесоюзной переписи населения 1989 года. Кемерово, 1990. Вып. 5. Половозрастной состав. С. 49–51, 60–61, 67; Итоги Всероссийской переписи населения – 2002: стат. сб.: в 11 ч. Тюмень, 2004. Ч. 2. Возрастно-половой состав населения Тюменской области. С. 104, 105, 112, 113, 248, 249, 254, 255, 377, 378, 381, 382, 391, 392; Состав населения Новосибирской области по полу, возрасту и состоянию в браке (по данным Всесоюзной переписи населения 1989 г.). Новосибирск, 1990. С. 92, 94, 95; Городские поселения Алтайского края (по данным Всесоюзной переписи населения 1989 года). Барнаул, 1990. С. 41, 42, 45.

** Возрастной состав рассчитан с учетом того, что в Беловский горсовет кроме г. Белово входили шесть пгт, Осинниковский – г. Калтан, Березовский – пгт Барзас.

Ранее из-за отсутствия источникового материала мы не смогли рассмотреть структурные характеристики средних городов. Однако, благодаря их небольшому численному представительству на рубеже 1950–1960-х гг., на качество анализа это не повлияло. Между тем за последующие 30 лет средние города в западносибирской системе расселения стали играть более существенную роль.

Состав средних городов увеличился с двух до 16, а их доля в городском населении повысилась до 10,5 % (см. табл. 2.2.4). Как видно из табл. 2.3.6, в 1989 г. население в них оказалось самым молодым из всех категорий. И действительно, процентное соотношение разных поколений в Нефтеюганске, Новом Уренгое, Ноябрьске, Нягани оказалось наиболее благоприятным. И только у находящегося у истоков освоения газовых гигантов Ямала – Надыме появились некоторые признаки старения населения⁷⁹⁶.

У городских поселений, функционирующих на основе угледобычи, сложилось такое же положение, что и у крупных собратьев. Даже в возникшем после окончания послевоенного восстановительного периода г. Березовском удельный вес лиц в возрасте старше 60 лет оказался выше, чем в среднем по этому функциональному типу⁷⁹⁷. Благодаря миграционному притоку структура населения в городах, предприятия которых относились к обрабатывающим отраслям промышленности, в среднем оказалась чуть моложе, чем у угольных. Особенно благоприятные характеристики сложились у Заринска, где было создано мощное коксохимическое производство, и Тобольска, где, благодаря возникновению крупного нефтеперерабатывающего комбината людность за 30 лет увеличилась почти в два с половиной раза.

⁷⁹⁶ Подсчитано по: Итоги Всероссийской переписи населения – 2002: стат. сб.: в 11 ч. Тюмень, 2004. Ч. 2. Возрастно-половой состав населения Тюменской области. С. 377–378.

⁷⁹⁷ Подсчитано по: Текущий архив Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Кемеровской области. Распределение постоянного населения по возрасту по данным Всесоюзной переписи населения 1989 года (на 12 января 1989 года). Л. 3.

Таким образом, развитие средних городов Западной Сибири пошло по иному сценарию, чем в РСФСР в целом. Вообще логика урбанизации предполагала снижение их доли в населении или в лучшем случае небольшой рост. В основе резкого скачка численности жителей и удельного веса данных форм городских поселений лежал комплекс разнообразных причин, среди которых главной являлась низкая доля, которой они обладали в системе расселения Западной Сибири в начале рассматриваемого периода. По нашим примерным подсчетам, даже если бы не был создан ЗСНГК, средних городов в экономическом районе к 1989 г. все равно бы существенно прибавилось. Однако молодежи в их возрастном составе оказалось бы меньше, а старших поколений – больше.

Статистические материалы, которыми мы обладаем применительно к 1989 г., по-прежнему не дают нам возможности раскрыть структурные характеристики такой важной группы, как поселки городского типа. Отсутствие исчерпывающих цифровых данных по отдельным регионам не позволяют сделать это путем вычета из совокупного населения городов и пгт Западной Сибири возрастного состава городов.

В ходе проведенной работы было выявлено, что, несмотря на неблагоприятные общероссийские тенденции, в малых городах Западной Сибири соотношение разных поколений сложилось лучше, чем в городском населении в целом. Формирование комплекса поселений индустриального типа и вызванный этим мощный миграционный приток трудовых ресурсов скорректировали в лучшую сторону их демографические характеристики.

За 30 лет население малых городов Западной Сибири, несмотря на сильный миграционный отток из большинства местных организующих центров, увеличилось (в %) больше, чем в Российской Федерации, прежде всего, благодаря возникновению новых населенных пунктов. В этой связи возрастные характеристики у них в 1989 г. оказались даже лучше, чем у крупных городов. Исследовательский анализ выявил глубокие различия между функциональными типами. Так, структура населения местных организующих центров из-за сильного миграционного оттока выглядела заметно хуже, чем у индустриальных (см. Прил., табл. б).

Данная тенденция, характерная для поздних стадий урбанизации и являвшаяся прямым следствием концентрации производственной деятельности, распространилась повсеместно. Усилия центральных государственных органов, нацеленные на стимулирование экономического роста малых городов за счет размещения филиалов промышленных предприятий, не изменили в корне этой тенденции, хотя в отдельных случаях демографические последствия этого, несомненно, были положительными. Научные изыскания тех лет подтвердили бытующее в экспертной среде мнение, согласно которому большинству малых городов следовало оставаться в качестве районных организующих центров.

На этом фоне сильно постарели транспортные города. В большинстве из них индустриального строительства почти не велось. Более или менее зримый рост населения в 1959–1989 гг. продемонстрировали гг. Топки, Калачинск, Тогучин и Карасук⁷⁹⁸. В других поселениях этого функционального типа численность жителей почти не выросла или даже серьезно уменьшилась. Некоторые города за этот период потеряли до четверти своего населения (гг. Болотное, Тайга). В других местных организующих центрах процессы народонаселения шли заведомо лучше либо за счет отсутствия высокоинтенсивного железнодорожного сообщения, которое препятствовало усиленному миграционному оттоку, либо – умеренного промышленного развития. Наиболее благоприятное соотношение между поколениями сложилось в административных центрах автономных округов и области и, прежде всего, в Ханты-Мансийске и Салехарде⁷⁹⁹.

Возрастная структура в индустриальных городах оказалась значительно лучше за счет возникновения новых населенных пунктов. Удельный вес старших возрастов у них был минимальным, а молодежи – превысил половину от общей численности жителей. В старых промышленных городах отчетливо обнаружились негативные сдвиги в возрастной структуре. Например, в Гурьевском горсовете (включающем гг. Гурьевск и Салаир) почти каждый пятый горожанин в 1989 г. оказался старше 60 лет, высокой доля пенсионных возрастных когорт была в Таштагольском горсовете, гг. Горняк, Змеиногорск и Асино (см. Прил., табл. 6). Они достигли пределов демографического роста и индустриального развития вследствие истощения сырьевой базы и стагнации производственных мощностей.

Итак, мы можем констатировать наличие серьезных подвижек, которые за 30 лет произошли в структурных характеристиках городских жителей. Самым важным являлось последовательное старение городского населения, которое в Западной Сибири, несмотря на становление ЗСНГК, происходило почти такими же быстрыми темпами, как в РСФСР. Постепенно сглаживались количественные различия в численном представительстве и среднем возрасте между мужчинами и женщинами. Отличительной чертой этого времени являлась непрерывная концентрация экономического потенциала в крупнейших городах и регионах, где сильные импульсы своему развитию получали перспективные отрасли народного хозяйства.

На этом историческом фоне выросли межрегиональные различия как в структурных характеристиках населения, так и среди городов непосредственно, которые в конце 1950-х гг. были не так заметны. Если в начале изучаемого периода наибольшая дифференциация в среднем возрасте между административными образованиями составляла 1,7 года, то в конце –

⁷⁹⁸ В г. Топки – построен один из крупнейших в РСФСР цементных заводов, в гг. Калачинск и Карасук – несколько новых предприятий, в г. Черепаново – завод стройматериалов, «Ферммаш» и т.д.

⁷⁹⁹ Итоги Всероссийской переписи населения – 2002: стат. сб.: в 11 ч. Тюмень, 2004. Ч. 2. Возрастно-половой состав населения Тюменской области. С. 226, 356.

уже 6,5 лет. Углубились различия между городами. В 1959 г. максимальная разница не превышала шести лет (Ялуторовск и Салехард), к 1989 г. она достигла (Кедровый и Гурьевский горсовет) 13,8 лет.

Трансформация направлений миграционных потоков оказала определенное воздействие на динамику структурных характеристик разных по размерам городов. Если в 1959 г. дифференциация в среднем возрасте между ними была невелика, а жители больших городов, благодаря мощному притоку трудовых ресурсов извне, были даже несколько моложе, чем по Западной Сибири в среднем, то к 1989 г. население последних постарело больше всех. Несмотря на общероссийскую тенденцию деградации демографического и экономического потенциала малых городов вследствие появления новых и быстрорастущих поселений, их возрастной состав в целом (как и средних городов) в западносибирских регионах существенно омолодился.

Итак, можно констатировать, что перемены в возрастной структуре оказывали сильное воздействие на естественное движение западносибирского городского населения. Как будет показано ниже, колебания в числе рождений зависели от количественной динамики женщин, находящихся в репродуктивном возрасте. Одновременно с этим повышение числа умерших, кроме иных причин, являлось прямым следствием постепенного старения населения.

ГЛАВА 3. ЕСТЕСТВЕННОЕ ДВИЖЕНИЕ ГОРОДСКОГО НАСЕЛЕНИЯ

3.1. Тенденции рождаемости

Изучение рождаемости является одной из ключевых задач демографической науки. Общеизвестно, что численность населения в стране и ее регионах зависела от естественного прироста, который, в свою очередь, формировался под сильным влиянием рождаемости. Именно поэтому исследование колебаний, которые происходили в общем коэффициенте и суммарном коэффициенте рождаемости, поможет объяснить происходившие в рассматриваемый период изменения в численности городских жителей.

Прежде чем переходить к анализу рождаемости в городах Западной Сибири в 1960–1980-е гг., необходимо кратко изложить тенденции в ее развитии в предыдущие годы. В России в течение XX столетия с колебаниями, но все же происходило непрерывное снижение рождаемости. Если в конце XIX столетия суммарный коэффициент составлял примерно 7,06 рождений на одну женщину, то в 1926/1927 – 5,38, в 1938/1939 г. – уже 4,40⁸⁰⁰. Подобная динамика с учетом своей специфики отмечена в восточных районах. В послевоенный восстановительный период, во время компенсаторной волны рождаемость так и не достигла предвоенных показателей. Дефицит жилья, продуктов питания, промышленных товаров не способствовали повышению числа рождений. К тому же часть городского населения была охвачена процессами искусственного регулирования рождаемости⁸⁰¹. Высокую роль в ее сокращении сыграли выросший культурный и образовательный уровень людей, изменения в их ценностных ориентирах, интенсивные миграции⁸⁰².

Перемены в послевоенном законодательстве и уменьшение государственных пособий препятствовали росту уровня деторождений⁸⁰³. Немалую роль играли структурные деформации половозрастного состава населения. В 1950-е гг. общий коэффициент рождаемости в городских поселениях последовательно снижался. Если в 1951 г. по Сибири в целом он составил 31,2 ‰, то в 1959 г. – только 24,1 ‰⁸⁰⁴.

Начиная с 1960-х гг. происходит становление нового типа рождаемости, который во многом возник благодаря расширению практики ее внутрисемейного регулирования. Новое репродуктивное поведение становится массовым, естественным для большинства семей, получает нравственное признание, превращается в неотъемлемую часть жизни и в важный

---

⁸⁰⁰ Воспроизводство населения СССР. С. 157; Воспроизводство населения и демографическая политика в СССР. С. 45.

⁸⁰¹ Исупов В.А. Городское население Сибири: от катастрофы к возрождению (конец 30-х – конец 50-х гг.). С. 159.

⁸⁰² Индустриальное освоение Сибири: опыт послевоенных пятилеток. 1946–1960 гг. С. 252.

⁸⁰³ Сборник законов СССР и указов Президиума Верховного Совета СССР. 1938–1975 гг. Т. 3. М., 1975. С. 299–300.

⁸⁰⁴ Исупов В.А. Городское население Сибири: от катастрофы к возрождению (конец 30-х – конец 50-х гг.). С. 160, 184.

фактор, определяющий уровень рождаемости. Супружеские пары получили большую свободу выбора своего «прокреативного поведения», могли сознательно отказаться от появления детей, либо завести детей столько, сколько считали необходимым, могли планировать время их появления на свет⁸⁰⁵.

А.Г. Вишневым было выделено три последовательных этапа формирования нового типа рождаемости в Советском Союзе: 1) дореволюционный период; 2) период от Октябрьской революции до конца 1950-х гг.; 3) современный период⁸⁰⁶. Хронологические рамки нашего исследования совпадают по времени со становлением последнего – третьего этапа.

Важнейшим элементом демографических процессов является брачность населения. Она оказывала серьезное влияние на рождаемость, так как большинство детей рождается именно в браке. Демографы длительное время рассматривали рождение детей вне брачных отношений скорее как исключение⁸⁰⁷. В традиционном обществе брачное, репродуктивное и половое поведение являлись тесно взаимосвязанными⁸⁰⁸. В западных странах в связи со снижением смертности и возникновением аграрного перенаселения в XVIII в. появилась такая специфическая форма регулирования рождаемости, как «европейский» тип брачности. Она позволила существенно ограничить время пребывания в браке и, соответственно, репродуктивный период в жизни женщин. Как показывает А.Г. Вишневский, доля окончательного безбрачия в государствах Западной Европы в XIX в. достигла 15,0 %, а в некоторых из них даже 20,0 %⁸⁰⁹.

В царской России, за исключением Прибалтики, данный тип брачности практически не был известен. Тем не менее в результате роста ожидаемой продолжительности жизни, количества лет, прожитых в браке, и многих других причин репродуктивное поведение стало отделяться от брачного и полового. Раньше всего такое разделение произошло во Франции, а затем и в других странах. Появление внутрисемейного регулирования рождаемости в СССР отмечено еще в 1920-е гг. Это подтверждают данные о брачной рождаемости, которая от переписи к переписи постоянно снижалась⁸¹⁰. Однако в отличие от западных стран ценность брачных отношений в России оставалась очень высокой, а доля внебрачных рождений низкой.

По данным, опубликованным в сборниках для служебного пользования в РСФСР, в 1960–1980-е гг. доля детей, родившихся у матерей, которые не состояли в официально зарегистрированном браке, колебалась в пределах одной десятой от общего количества

⁸⁰⁵ Воспроизводство населения СССР. С. 128.

⁸⁰⁶ Там же. С. 132.

⁸⁰⁷ Дарский Л.Е. Формирование семьи (демографо-статистическое исследование). С. 52.

⁸⁰⁸ Вишневский А.Г. Демографическая революция. С. 125.

⁸⁰⁹ Вишневский А.Г. Ранние этапы становления нового типа рождаемости в России // Брачность, рождаемость, смертность в России и в СССР: сб. ст. М., 1977. С. 105–134.

⁸¹⁰ Вишневский А.Г. Избранные демографические труды: в 2 т. М., 2005. Т. 1. Демографическая теория и демографическая история. С. 151.

новорожденных. Так, в 1960 г. в городских поселениях республики она составила 11,5 %, в 1970 г. – 9,6 %. Спустя десять лет эта доля сохранилась без изменений и лишь к концу 1980-х гг. наметился некоторый ее рост (1989 г. – 12,0 %). В западносибирских городах удельный вес родившихся вне брака был несколько выше. Так, в 1975 г. он составил 12,7 %, в 1987 г. – 13,8 %⁸¹¹.

Теперь проанализируем, какое влияние оказывала брачность на рождаемость населения в исследуемый период. Для России до конца XX в. была характерна почти всеобщая брачность населения⁸¹². В демографии считается, что после 50 лет шансы на вступление в супружеские отношения невелики⁸¹³. Таким образом, можно на примере 45–49-летней когорты подсчитать долю окончательного безбрачия. Согласно расчетам М.С. Тольца в имперской России к этому возрасту только 4,0 % мужчин и 5,0 % женщин оставались вне брака⁸¹⁴. Начиная с 1979 г. данные Всесоюзных переписей дают возможность проанализировать брачную структуру более подробно. До этого момента в 1939, 1959 и 1970 гг. учитывались только две категории: состоящие в браке и не состоящие в нем.

Судя по данным 1979 г., доля мужчин в возрасте 45–49 лет, никогда не состоявших в браке, в городских поселениях РСФСР составила всего 1,8 %, женщин немного выше – 3,6 %. Причем, как и предполагалось, у старших поколений эта доля тоже была невелика. В 1989 г. она составила для мужчин 3,3 %, для женщин – 3,7 %. Если рассматривать брачность населения через количество состоящих в браке в расчете на одну тысячу человек, то в 1959 г. городских населенных пунктах РСФСР среди мужчин этот показатель был равен 687. Это означает, что женатыми являлись примерно две трети мужчин в возрасте 16 лет и старше, среди женщин соответственно около половины (520)⁸¹⁵.

Меньшая брачность у женщин вызвана сильными межполовыми диспропорциями, возникшими после войны, которые были особенно заметны в старших возрастных группах. В последующие после этого годы количество состоящих в браке мужчин и женщин постоянно повышалось. Причем у женщин этот процесс шел активнее, что, видимо, связано с нормализацией половозрастной структуры. Так, в 1989 г. количество состоящих в браке мужчин увеличилось до 714 на каждую тысячу, а у женщин – до 592. В Западной Сибири шли аналогичные процессы, хотя из-за более благоприятного гендерного соотношения брачность была несколько выше: в 1959 г. – соответственно 676 и 540, в 1989 г. – 724 и 625⁸¹⁶.

⁸¹¹ Естественное движение населения в РСФСР. М., 1988. (ДСП). С. 211.

⁸¹² Жиромская В.Б. Основные тенденции демографического развития России в XX веке. С. 191.

⁸¹³ Борисов В.А. Демография: учеб. для вузов. С. 108.

⁸¹⁴ Тольц М.С. Брачность населения России в конце XIX – начале XX в. // Брачность, рождаемость, смертность в России и в СССР: сб. ст. М., 1977. С. 140.

⁸¹⁵ Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 года. М., 1972. Т. II. Пол, возраст и состояние в браке населения СССР, союзных и автономных республик, краев и областей. С. 263.

⁸¹⁶ Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 года. М., 1971. Т. II. Пол, возраст и состояние в браке населения СССР, союзных и автономных республик, краев и областей. Ч. 2. С. 1190; Краткая социально-демографическая

Демографические исследования показывают, что она повышалась повсеместно, в том числе и в сельской местности⁸¹⁷.

Причем следует отметить увеличение с колебаниями показателей брачности в самых активных в репродуктивном плане возрастных когортах. Согласно данным по республике в целом за 30 лет в когорте 20–24 лет она увеличилась с 446 в 1959 г. до 589 в 1989 г., среди 25–29-летних с 757 до 779, у 30–34-летних с 781 до 806. Особенно сильно возросла брачность в возрастах до 20 лет. В городских поселениях Западной Сибири рост был примерно таким же.

Высокая ценность брачных отношений на всем протяжении исследуемого периода косвенно указывает на то, что общий коэффициент брачности будет тесно взаимодействовать с изменениями в возрастной структуре населения. И действительно, ухудшение возрастных характеристик в первой половине 1960-х гг. привело к снижению коэффициентов брачности в городских поселениях Западной Сибири с 13,7 ‰ в 1959 г. до 10,0 ‰ в 1965 г. Дальнейшее увеличение доли лиц молодого репродуктивного возраста привело к параллельному росту брачности до 11,7 ‰ в 1970 г. и в следующие годы, хотя к 1979 г. она несколько снизилась. В 1980-е гг. коэффициенты брачности с некоторыми колебаниями продолжали свое снижение⁸¹⁸.

Итак, общий коэффициент брачности зависел от возрастной структуры населения даже больше, чем общий коэффициент рождаемости, и сразу же реагировал на ее изменения. Рост общего коэффициента брачности обычно приводил к росту общего коэффициента рождаемости с лагом в один год и наоборот. Первые серьезные исключения возникли лишь после решительного вмешательства государства в 1980-е гг. в демографические процессы. В первые годы после введения оплачиваемого отпуска по уходу за ребенком при падении брачности общий коэффициент рождаемости вырос. Это произошло потому, что на коэффициенты брачности в отличие от общих коэффициентов рождаемости социально-экономические изменения в рассматриваемый период оказывали не такое сильное воздействие. Должно было произойти достаточно серьезное социальное потрясение, которое заставило бы общий коэффициент брачности «отойти» от возрастной структуры и серьезно сократиться. Обычно это происходило в годы голода или войн⁸¹⁹.

Теперь необходимо проанализировать, каким образом брачность влияла на интенсивность деторождений в условных поколениях. Так как основная часть детей рождалась именно в браке,

---

характеристика населения РСФСР (по данным Всесоюзной переписи населения 1989 года). М., 1991. Ч. I. Численность населения, пол, возраст, национальности, состояние в браке, уровень образования. С. 120, 127.

⁸¹⁷ Михеева А.Р. Сельская семья в Сибири: жизненный цикл и благосостояние. Новосибирск, 1993.

⁸¹⁸ Естественное и механическое движение населения РСФСР: стат. сб. М., 1972. (ДСП). С. 78; Естественное и механическое движение населения РСФСР в 1974 году: стат. сб. М., 1975. (ДСП). С. 156; Численность, состав и движение населения в РСФСР: стат. сб. М., 1990. С. 275.

⁸¹⁹ Исупов В.А. Городское население Сибири: от катастрофы к возрождению (конец 30-х – конец 50-х гг.). С. 164.

то можно пренебречь различиями в брачной и общей рождаемости. Самым подходящим методом является сравнение возрастных коэффициентов рождаемости и брачности в годы переписей населения.

Итак, согласно общероссийским данным за 1959–1989 гг. брачность среди 20–24-летней когорты увеличилась почти на треть, тогда как рождаемость лишь на 10,0 %. В возрасте 25–29 лет при росте брачности на 3,0 % рождаемость сократилась на четверть. Еще более сильное падение дают средние и старшие репродуктивные возраста, где при некотором росте брачности рождаемость снизилась от трети до двух третей от первоначального уровня. Лишь в самой младшей возрастной группе сильный рост брачности, в пределах 80,0 % сопровождался несколько большим увеличением рождаемости⁸²⁰. В западносибирских городах при определенной специфике шли такие же процессы. Так, в когорте 20–24 года при росте брачности на четверть, рождаемость почти не увеличилась, а с повышением возраста она в разной степени только уменьшалась.

Отсюда следует закономерный вывод о том, что влияние брачности на рождаемость условных поколений была весьма ограниченной. К аналогичным выводам пришли многие демографы, занимающиеся данным вопросом, в том числе и на региональном уровне⁸²¹. Так, А.Г. Вишневский указал на то, что перемены в брачности имели некоторое значение, но их влияние было небольшим, а в некоторые периоды даже падало. Главным фактором изменения рождаемости стало широкое распространение ее внутрисемейного регулирования⁸²². О значительном распространении сознательного ограничения деторождений говорили и другие демографы, в частности А.Г. Волков, А.Б. Синельников, А.Р. Михеева⁸²³. Некоторое значение имело снижение брачного возраста, но вызванный эффект в начале 1970-х гг. оказался кратковременным и не изменил общей тенденции. Как отмечала Р.И. Сифман, «в условиях низкой рождаемости и регулирования деторождения возраст вступления в брак перестает играть роль первостепенного фактора, определяющего его уровень»⁸²⁴.

Итак, в рассматриваемый период разделение брачного, сексуального и репродуктивного поведения значительно усилилось. Влияние брачности на изменение суммарного коэффициента рождаемости серьезно ослабло. Это не означает, что брачностью можно полностью пренебречь, однако в рассматриваемый период основную роль в изменении рождаемости стали играть все же другие факторы.

⁸²⁰ Подсчитано по: Естественное и механическое движение населения РСФСР в 1973 году: стат. сб. М., 1974. С. 87; Численность, состав и движение населения в РСФСР: стат. сб. М., 1990. С. 114.

⁸²¹ См., например: Население Урала. XX век. История демографического развития. С. 71.

⁸²² Вишневский А.Г. Демографическая революция. С. 178–179.

⁸²³ Волков А.Г. Изучение воспроизводства населения: сб. науч. тр. М., 1968. С. 181–182; Синельников А.Б. Брачность и рождаемость в СССР. М., 1989; Михеева А.Р. Сельская семья в Сибири: жизненный цикл и благосостояние. Новосибирск, 1993.

⁸²⁴ Сифман Р.И. Динамика рождаемости в СССР (по материалам выборочных обследований). С. 157.

На воспроизводство населения определенное влияние оказывал его национальный состав. В рассматриваемый период в СССР у представителей многих народов показатели рождаемости, в отличие от смертности, довольно сильно различались, в связи с чем демографы распределяли их по нескольким группам. В группу с самой высокой рождаемостью обычно включались народы Средней Азии и Закавказья, со средней – России, Белоруссии и Украины, с низкой – народы республик Прибалтики⁸²⁵. В изучаемый период в национальном составе, как всего, так и городского населения Западной Сибири доминировали русские, украинцы и белорусы, совокупная доля которых в 1959 г. достигла 92,1 %, причем у русских она составила 87,6 %⁸²⁶. В Западной Сибири проживали народы с высокой рождаемостью, например казахи или алтайцы (см. Прил., табл. 7). Однако, например, доля последних в населении даже Алтайского края была невелика, еще ниже она была среди городских жителей. К тому же в городских условиях межэтнические различия в репродуктивном поведении быстро стирались. За 30 лет изменения в населении оказались минимальными, доля русских, украинцев и белорусов среди горожан в 1989 г. увеличилась до 93,1 %, в том числе русских – до 89,6 %⁸²⁷. Именно представители этих народов на всем протяжении исследуемого периода определяли характеристики воспроизводства западносибирского городского населения, следовательно, национальный состав как фактор рождаемости играл минимальную роль.

Ограничению размеров семей способствовали повышение занятости женщин в народном хозяйстве и снижение доли тех, кто не участвовал в общественном производстве. Среди женщин увеличился удельный вес служащих, что не могло не отразиться на рождаемости⁸²⁸. Исследования показали, что детей у них было меньше, чем у рабочих, а у рабочих соответственно меньше, чем у колхозников⁸²⁹.

Повышение культурного уровня населения улучшило уход за детьми и снизило их смертность. В итоге одного и того же желаемого их числа можно было бы достичь при меньшем числе рождений. Стремление родителей дать хорошее воспитание и образование детям увеличивало время и материальные средства, направляемые на достижение этих целей, что также ограничивало рост размеров семей. Произошло расширение круга интересов женщин, повысилось их участие в общественной и культурной жизни, благодаря чему уменьшилось время, уделяемое внутрисемейным заботам⁸³⁰.

⁸²⁵ См., например: Борисов В.А. Перспективы рождаемости. С. 158–165.

⁸²⁶ Подсчитано по: Национальный состав населения РСФСР. По данным Всесоюзной переписи населения на 15 января 1959 г. М., 1961. С. 399, 402–406.

⁸²⁷ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 69. Д. 204. Л. 1–6; Д. 215. Л. 1–6; Д. 219. Л. 129–134; Д. 220. Л. 88–93; Д. 224. Л. 71–76; Д. 225. Л. 1–6.

⁸²⁸ См., например: Ефимкин М.М. Рабочие Сибири, конец 50-х – середина 80-х годов. С. 20.

⁸²⁹ Урланис Б.Ц. Рождаемость и продолжительность жизни в СССР. С. 66–67; Садвокасова Е.А. Социально-гигиенические аспекты регулирования размеров семьи. С. 173.

⁸³⁰ Сифман Р.И. Динамика рождаемости в СССР (по материалам выборочных обследований). С. 132.

В исследуемый период наблюдался интенсивный рост образовательного уровня населения. К 1962 г. в СССР повсеместно было введено всеобщее восьмилетнее обучение в школах. Возрос охват полным средним образованием детей рабочих семей. Увеличились сеть библиотек и объемы издаваемой книжной продукции – книг, газет и журналов⁸³¹. Выпуск квалифицированных кадров высшими и средними специальными учебными заведениями непрерывно возрастал. Если в городах РСФСР в 1959 г. на 1 000 чел. в возрасте 10 лет и выше было 39 чел. с высшим образованием, то в 1970 г. – 61, в 1979 г. – 91. Лиц с незаконченным высшим и средним (полным и неполным) в 1959 г. было 419, в 1970 г. – 524, в 1979 г. – 629 чел.

В 1959 г. в городах Западной Сибири на 1 000 чел. в возрасте 10 лет и старше приходилось 26 чел. с высшим образованием, в 1970 г. – 44, в 1979 г. – 73; незаконченным высшим и средним (полным и неполным) – 385, 498 и 623 чел.⁸³² При этом уровень образования женщин среди городского населения повышался быстрее, что связано со структурой их занятости в народном хозяйстве (здравоохранение, просвещение). Такие изменения повысили интеллектуализацию труда, увеличилась доля занятых преимущественно умственным трудом, при росте образованности тех, кто занимался физическим трудом.

Влияние образованности на демографическое поведение было сильным: так, у людей с разным ее уровнем рождаемость различалась. У женщин, имеющих образование не ниже среднего, было меньше детей, чем у обладающих только начальным. Также меньше детей оказалось у женщин, занятых преимущественно умственным трудом, в сравнении с занятыми физическим трудом⁸³³. Вследствие произошедших сдвигов в социальной и образовательной структуре увеличилась доля лиц с демографическим поведением, характеризующимся пониженной рождаемостью и высокой миграционной активностью⁸³⁴. Только за 20 лет, с 1959 по 1979 г. число женщин с высшим образованием на 1000 чел. в возрасте 10 лет и старше увеличилось в СССР более чем в три раза, а со средним (полным и неполным) в 1,7 раза⁸³⁵.

Образованные люди отличались большей расположенностью к регулированию деторождений, благодаря хорошей осведомленности о мерах по предупреждению беременности. Они были склонны регулировать размеры семьи и сроки появления детей⁸³⁶. Позднее всего ребенок появлялся у женщин с высшим образованием. От уровня образованности

⁸³¹ Вестник статистики. 1986. № 2. С. 52–53.

⁸³² Итоги Всесоюзной переписи населения 1979 г.: стат. сб. М., 1989. Т. III. Уровень образования населения СССР, союзных и автономных республик, краев и областей. Ч. 1. С. 256.

⁸³³ Сколько детей будет в советской семье (результаты обследования). С. 52–73.

⁸³⁴ Рыбаковский Л.Л. Динамика и факторы демографического развития СССР во второй половине XX века // Демографическое развитие СССР в послевоенный период: советские доклады к французско-советскому семинару по проблемам демографии, Париж, декабрь 1984 г. М., 1984. С. 18–19.

⁸³⁵ Вестник статистики. 1985. № 3. С. 62.

⁸³⁶ Сифман Р.И. Динамика рождаемости в СССР (по материалам выборочных обследований). С. 174.

сильно зависело появление следующих после первого ребенка детей. В среднем выше у высокообразованных были интергенетические интервалы (перерывы между рождениями).

В рассматриваемый период под влиянием многих факторов происходили перемены внутри российской семьи, в частности продолжился процесс ее нуклеаризации. Например, за 1970–1979 гг. средний ее размер в городских поселениях РСФСР снизился с 3,4 до 3,2 чел., в Западной Сибири с 3,5 до 3,2 чел.⁸³⁷ Всеобщей тенденцией стало повышение доли небольших семей из двух – четырех человек и сокращение крупных, состоящих из пяти и более⁸³⁸. Если в Западной Сибири в 1970 г. доля небольших семей составила 82,1 % от общего их количества, то в 1979 г. – 88,5 %. Количество сложных семей, включающих несколько супружеских пар с детьми и родственниками, быстро уменьшалось⁸³⁹. Нуклеаризация семьи, на наш взгляд, косвенно отразилась на рождаемости, так как раздельное проживание старших и младших поколений не способствовало сохранению традиционных ценностей, в том числе старых репродуктивных установок. Это также ограничивало возможности родителей оказывать помощь молодым семьям в воспитании и содержании детей⁸⁴⁰.

На уровень рождаемости в некоторой мере повлияло повышение нестабильности семьи. Прочность брачных отношений в изучаемый исторический период зависела от большего количества обстоятельств, которых не было раньше. Повысились требования, предъявляемые потенциальными супругами друг к другу. Неустойчивость семьи увеличилась из-за скороспелости части заключенных браков, в особенности, если молодые люди еще не достигли экономической зрелости. Так, в целом в СССР с 1968–1972 гг. по 1982 г. средний возраст вступления в брак у мужчин уменьшился с 26,5 до 24,7, а у женщин – с 24,7 до 23,2 лет⁸⁴¹. Этому способствовали акселерация физического и умственного развития молодежи и нововведения в военной службе⁸⁴².

В 1968 г. длительность службы в армии была сокращена в сухопутных войсках до двух, а на флоте до трех лет, был введен весенний призыв. При этом забирать на службу стали с 18 лет (а не с 19 лет как раньше), то есть возраст демобилизации понизился на два года. Сокращение продолжительности службы привело к сдвигу брачности и рождаемости к более молодым возрастам и соответственно к подъему их показателей в первое время после нововведений⁸⁴³.

⁸³⁷ Итоги Всесоюзной переписи населения 1979 года: стат. сб. М., 1990. Т. VI. Число и состав семей. Число рожденных детей. Ч. I. Численность членов семей и одиночек. Число и размер семей. С. 118.

⁸³⁸ Волков А.Г. Семья – объект демографии. М., 1986. С. 60; Динамика населения СССР. 1960–1980 гг. М., 1985. С. 66.

⁸³⁹ Жиромская В.Б. Основные тенденции демографического развития России в XX веке. С. 193.

⁸⁴⁰ Баздырев К.К. Единственный ребенок. М., 1983. С. 16–17.

⁸⁴¹ Киселева Г.П., Синельников А.Б. Эволюция брачно-семейной структуры населения СССР в послевоенный период // Демографическое развитие СССР в послевоенный период: советские доклады к французско-советскому семинару по проблемам демографии, Париж, декабрь 1984 г. М., 1984. С. 27.

⁸⁴² Воспроизводство населения и трудовых ресурсов. М., 1976. С. 19.

⁸⁴³ Шнейдерман Н.А. Откровенный разговор: рождаемость и меры ее регулирования. М., 1991. С. 27.

Доля женатых мужчин в возрасте 20–24 лет увеличилась⁸⁴⁴. Омоложение возраста супругов косвенно уменьшило прочность заключаемых браков.

Упало значение факторов, которые раньше в традиционном, патриархальном обществе учитывались при выборе будущего супруга: материальная обеспеченность, умение и желание заниматься домашним хозяйством, согласие родителей на брак, различия в образовательном уровне. В то же время выросло значение таких условий как взаимопонимание, общность потребностей и ориентаций, отзывчивость и чуткость, взаимное уважение и доверие и т.д. Таким образом, значительная часть молодежи вступала в брак с несколько идеалистичными установками, не будучи к нему подготовленной, в том числе и материально. Вероятность разводов увеличивали неустойчивые семьи, которые возникали в результате добрачного зачатия⁸⁴⁵.

Еще одним фактором семейных разладов и повышения разводимости стало распространение мужского алкоголизма. По данным Л.В. Чуйко, из 2086 изученных ею бракоразводных дел, возбуждаемых по инициативе женщин, пьянство мужей в 47,0 % случаев послужило основой для развода, хотя ответчики в половине из них не соглашались с доводами жен и считали свои выпивки случайными⁸⁴⁶. Супруги мужчин, систематически употреблявших алкоголь, совершали в среднем в 2–2,5 раза больше аборт, чем женщины в благополучных в этом отношении семьях.

В итоге общий коэффициент разводимости последовательно увеличивался. Если в городских поселениях Западной Сибири он составлял в 1960 г. – 1,7 %, в 1970 г. – 3,5 %, то в 1980 г. – 5,2 %. Сильно возрос специальный коэффициент разводимости, который определяется соотношением числа разводов в определенном году к численности существующих браков в целом. Если в РСФСР в 1959 г. он составлял 6,5, в 1970 г. – 13,3, то в 1979 г. – уже 17,5⁸⁴⁷. Росту интенсивности расторжения браков способствовали изменения в действующем законодательстве.

Указ Президиума Верховного Совета СССР от 10 декабря 1965 г. упростил порядок разводов, введенный в 1944 г., путем отмены обязательной публикации о нем, утверждения вышестоящей судебной инстанцией решения народного суда о расторжении брака⁸⁴⁸. Дальнейшее упрощение бракоразводной процедуры нашло отражение в основах Законодательства СССР о семье и браке, принятых в 1968 г. В них указывалось, что при

⁸⁴⁴ Переведенцев В.И. Молодежь и социально-демографические проблемы СССР. М., 1990. С. 21; Население СССР. 1987: стат. сб. М., 1988. С. 202–203.

⁸⁴⁵ Араловец Н.А. Городская семья в России во второй половине XX в. С. 73.

⁸⁴⁶ Чуйко Л.В. Браки и разводы. М., 1975. С.162.

⁸⁴⁷ Волков А.Г. Семья – объект демографии. С. 137.

⁸⁴⁸ Ведомости Верховного Совета СССР. М., 1965. № 49 (15 дек.). С. 1084.

отсутствии между супругами спора и несовершеннолетних детей брачный союз мог быть расторгнут в загсе по совместному заявлению⁸⁴⁹.

После развода рождаемость не полностью компенсировалась повторными браками. По расчетам Л.Е. Дарского в 1970-е гг. из-за пребывания женщин вне брака после распада предыдущего не появилось на свет, если не учитывать намеренного ограничения рождений, около 20,0 % детей. Нестабильный брак косвенно влиял на репродуктивные установки. Согласно социологическим исследованиям разрыв между идеальным и ожидаемым числом детей у неудовлетворенных брачными отношениями был сильнее, чем у довольных ими⁸⁵⁰.

На рождаемость оказали воздействие сугубо экономические причины. Процесс сглаживания дифференциации в уровне материальной обеспеченности разных социальных слоев населения в изучаемый период почти не затронул душевые доходы семей с неодинаковой детностью. Среднедетным и многодетным семьям было труднее обеспечить существующие стереотипы потребления. В 1980-е гг. в полной нуклеарной семье с двумя работающими супругами душевой доход при одном ребенке составлял около 130,0 руб., при двух – около 100,0 руб. и при трех – менее 80,0 руб. К тому же в семьях с тремя и более детьми участие матери в общественном производстве сильно затруднялось⁸⁵¹.

Проведенное в 1989 г. выборочное исследование 167,0 тысяч семей рабочих и служащих с детьми до 16 лет по размерам среднедушевого дохода показало следующее. С одним и двумя детьми доходы от 100,0 руб. и выше имели большинство семей – 82,2 % и 65,8 %. При трех детях показатель снижался до 40,0 %. Среднедушевые доходы меньше 100,0 руб. имели почти все семьи (89,7 %) с пятью детьми, в том числе 2/3 из них – меньше 75,0 руб. (табл. 3.1.1).

Таблица 3.1.1

Распределение семей рабочих и служащих, имеющих детей в возрасте до 16 лет, по среднедушевому доходу, в %*

Число детей в семье	Всего	до 75,0 руб.	75,0–100,0 руб.	100,0 – 125,0 руб.	125,0 – 150,0 руб.	150,0 – 175,0 руб.	175,0 – 200,0 руб.	200,0 руб. и выше
Все семьи, в т.ч. имеющие детей:	100,0	9,9	17,7	23,5	19,9	12,2	6,9	9,9
1	100,0	5,4	12,4	21,8	22,3	15,4	9,3	13,4
2	100,0	11,2	23,0	27,1	18,4	9,4	4,4	6,5
3	100,0	30,8	29,4	19,5	10,6	4,5	2,7	2,5
4	100,0	50,4	27,2	13,6	5,4	2,1	0,5	0,8
5 и более	100,0	66,1	23,6	6,0	1,1	2,6	0,6	—

* Народное хозяйство РСФСР в 1989 г.: стат. ежегодн. М., 1990. С. 145.

⁸⁴⁹ Сборник законов СССР и указов Президиума Верховного Совета СССР. 1938–1975 гг. Т. 3. М., 1975. С. 275–276.

⁸⁵⁰ Родзинская И.Ю. Влияние удовлетворенности супругов браком на их репродуктивные установки // Проблемы воспроизводства и миграции населения: сб. ст.: в 2 разд. М., 1981. Разд. I. С. 38.

⁸⁵¹ Население СССР за 70 лет. С. 11.

Итак, процесс сокращения рождаемости в длительной исторической перспективе действительно имел под собой прочную основу. Вместе с тем, кроме долговременных факторов, на протяжении рассматриваемого времени возникали кратковременные, под влиянием которых ее динамика могла быть скорректирована. С учетом этого проанализируем особенности рождаемости в межпереписные периоды.

1959–1970 гг. Прежде чем приступить к анализу рождаемости в 1960-е гг. необходимо сделать небольшое теоретическое отступление. Исследование рождаемости или смертности начиная с 1960 г. наталкивается на определенные методические трудности. Дело в том, что во второй половине XX столетия, в отличие от его первой половины, на число деторождений структурные деформации в возрастном составе населения оказывали большее влияние.

Колебания общего коэффициента теоретически могли происходить уже без привязки к историческому контексту (социально-экономическому, политическому) только за счет деформаций в возрастном составе населения. Именно поэтому его значение как инструмента исследовательского анализа несколько снизилось⁸⁵². В этой связи, кроме него, нами будут использованы методики расчета суммарного коэффициента, который точнее фиксирует изменения в репродуктивном поведении населения.

В этот период размеры материального вознаграждения за рождение ребенка определяли нормы, принятые еще в 1940-е гг. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 25 ноября 1947 г. установил размеры государственных пособий на рождение детей разных очередностей⁸⁵³. В 1956 г. продолжительность отпуска по беременности и родам увеличилась с 77 до 112 календарных дней с выдачей в этот период денежного пособия (56 дней до и 56 дней после родов)⁸⁵⁴. Отменялось условие обязательности трехмесячного непрерывного стажа, однако величина пособия по-прежнему зависела от общего трудового стажа. В первой половине 1960-х гг. законодательство принципиально не изменилось. Нововведения касались только отдельных категорий граждан. Например, в 1963 г. постановлением Совета Министров СССР были установлены ежемесячные выплаты на детей семьям лиц, призванных в вооруженные силы. Размер пособия зависел от количества детей, места жительства и некоторых других факторов.

Десятилетие после Всесоюзной переписи 1959 г. демографы характеризуют как «демографический провал»⁸⁵⁵. Как уже говорилось выше, сократились темпы роста

⁸⁵² Термин «рождаемость» будет нами использоваться применительно к итоговой рождаемости поколений, суммарному коэффициенту, возрастным коэффициентам рождаемости.

⁸⁵³ Исупов В.А. Городское население Сибири: от катастрофы к возрождению (конец 30-х – конец 50-х гг.). С. 184.

⁸⁵⁴ Жиромская В.Б. Жизненный потенциал послевоенных поколений в России: историко-демографический аспект: 1946–1960. М., 2009. С. 89.

⁸⁵⁵ Население Западной Сибири в XX веке. С. 82.

численности городского населения в СССР, главным образом за счет естественного прироста. Его снижение в свою очередь стало следствием уменьшения числа рождений (табл. 3.1.2).

И действительно, общий коэффициент рождаемости в городах Западной Сибири сократился с 23,9 ‰ в 1959 г. до 14,9 ‰ в 1965 г. (14,2 ‰ в 1967 г.). При этом в западносибирских регионах он снизился значительно в сравнении с РСФСР, хотя продолжал оставаться выше, чем в республике⁸⁵⁶. Сокращение числа деторождений, как в специальных исследованиях, так и в докладных и аналитических записках областных комитетов статистики часто связывалось с деформациями в возрастном составе населения⁸⁵⁷.

Таблица 3.1.2

Число рождений и общий коэффициент рождаемости в городских поселениях Западной Сибири и РСФСР в 1959–1970 гг.*

Год	Число рождений в городах и пгт Западной Сибири, тыс. чел.	Общий коэффициент рождаемости, в ‰	
		Западная Сибирь	РСФСР
1959	138,8	23,9	20,7
1960	141,6	23,5	20,4
1961	135,5	21,7	19,7
1962	127,4	19,9	18,3
1963	119,8	18,3	16,8
1964	109,7	16,4	15,4
1965	102,3	14,9	14,4
1966	103,1	14,7	14,3
1967	101,1	14,2	13,7
1968	103,3	14,3	13,5
1969	109,0	14,8	14,1
1970	114,2	15,3	14,8

* Подсчитано по: Естественное и механическое движение населения РСФСР в 1973 году: стат. сб. (ДСП) М., 1974. С. 13, 15; Естественное и механическое движение населения РСФСР: стат. мат-лы. (ДСП) М., 1966. С. 43; Естественное и механическое движение населения РСФСР: стат. сб. (ДСП) М., 1968. С. 76; Естественное и механическое движение населения РСФСР: стат. сб. (ДСП) М., 1970. С. 38; ГААК. ФР.–718. Оп. 43. Д. 54. Л. 11–12; Д. 61. Л. 22–24; Д. 65. Л. 17–18; Д. 70. Л. 15–17; ГАКО. ФР.–304. Оп. 1. Д. 65. Л. 24; Д. 66. Л. 21; Д. 67. Л. 35; Д. 68. Л. 22; Текущий архив Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Новосибирской области. Динамические ряды № 1. Л. 74; ИАОО. ФР.–2122. Оп. 1. Д. 3288. Л. 5; Д. 3294. Л. 185–186; Д. 3395. Л. 85–87; Д. 3408. Л. 30–31; ГАТО. ФР.–1085. Оп. 3. Д. 100. Л. 12об, 41об; Д. 151. Л. 262об, 313об; ГАТюм.О. ФР.–1112. Оп. 1. Д. 2450. Л. 9; Д. 2721. Л. 11; Д. 2981. Л. 11; Д. 3370. Л. 35.

Материалы Всесоюзных переписей показывают, что, если в 1959 г. в Западной Сибири удельный вес лиц в возрасте 20–29 лет с наиболее высокими показателями рождаемости составлял 21,9 %, то в 1970 г. – только 15,6 %. При этом, если численность городского населения за 11 лет увеличилась на 29,8 %, то количественный состав 20–29-летних уменьшился сразу на 7,8 % (см. Прил., табл. 8). Из этого следует вывод, что структурные изменения действительно имели место, и их влияние на число рождений было весомым.

Вместе с тем, как уже говорилось выше, из-за глубоких и повторяющихся провалов в возрастной структуре населения, возникших вследствие социальных катаклизмов первой

⁸⁵⁶ Гущин Н.Я. Тенденции демографического развития Сибири в 60–80-е гг. // Демографическое развитие Сибири 30–80-е гг. Исторический опыт и современные проблемы: сб. науч. тр. С. 56.

⁸⁵⁷ См., например: Динамика населения СССР. 1960–1980 гг. С. 8.

половины XX столетия, значение общего коэффициента как инструмента анализа снизилось. Эту проблему можно было бы решить, применив индексный метод, однако для этого необходимо знать возрастной состав городского населения Западной Сибири, по меньшей мере за каждые пять лет. Отсутствие подобных сведений позволяет рассчитать суммарный и возрастные коэффициенты рождаемости только в годы проведения переписей. Именно поэтому задача изучения воздействия структурно-возрастных факторов и внешних условий на число рождений усложняется⁸⁵⁸.

Ввиду отсутствия информации о возрастном составе горожан Западной Сибири в середине 1960-х гг., попытаемся проанализировать перемены в рождаемости, произошедшие в целом по РСФСР, экстраполировав, с некоторыми оговорками, полученные данные на изучаемый экономический район. Сведения о возрастном составе населения и возрастных коэффициентах рождаемости по республике взяты из закрытых сборников.

Общий коэффициент рождаемости в Российской Федерации также существенно сократился – с 20,7 ‰ в 1959 г. до 14,4 ‰ в 1965 г. Применив индексный метод, нам удалось выяснить, что это снижение было вызвано, прежде всего, сокращением возрастных коэффициентов рождаемости, а не только деформацией возрастной структуры. Падение общего коэффициента составило 30,4 %, из них 9,2 % дали изменения в доле женщин (15–49 лет) в населении, 7,3 % – *структурные деформации возрастного состава*. При этом его снижение на 13,9 % предопределили перемены, произошедшие именно в возрастных коэффициентах рождаемости (табл. 3.1.3).

Эти цифровые выкладки согласуются с данными, полученными ранее А.Г. Волковым, который указал на то, что снижение общего коэффициента в первой половине 1960-х гг. было вызвано ухудшением возрастной структуры женского репродуктивного контингента только на четверть⁸⁵⁹. Из этого следует, что кроме структурных факторов в населении имелись иные причины, которые привели к значительному снижению числа рождений. Сокращение именно рождаемости подтверждает суммарный коэффициент, не зависящий от перемен в возрастном составе, который по городским поселениям РСФСР снизился с 2,067 в 1958/1959 гг. до 1,732 ребенка на одну женщину в 1964/1965 гг.⁸⁶⁰

Многие демографы справедливо полагают, что в этот период расширилась практика внутрисемейного регулирования, которая действительно имела место, не уточняя при этом, почему она так сильно проявилась за столь короткий промежуток времени. Этот процесс после

---

⁸⁵⁸ Методика расчета уровня рождаемости индексным методом – см.: Борисов В.А. Демография: учеб. для вузов. С. 164–170.

⁸⁵⁹ Волков А.Г. О некоторых причинах снижения коэффициента рождаемости // Изучение воспроизводства населения: сб. науч. тр. С. 181.

⁸⁶⁰ Подсчитано по: Естественное и механическое движение населения РСФСР в 1973 году: стат. сб. М., 1974. С. 87.

1960 г. связывался главным образом с переменами в общественном положении женщин, ростом их образовательного и культурного уровня и т.д. Воздействие государственной политики и экономических причин в какой-то мере недооценивалось.

Также следует отметить, что возрастная структура населения в РСФСР в 1965 г. складывалась благоприятно для женщин. Если в 1959 г. на 1000 мужчин в когорте 20–24 лет приходилось 1043 женщины, среди 25–29-летних – 1022, 30–34-летних – 1170, то в 1965 г. – соответственно 937, 939 и 1012. Деформации в возрастном составе, в общем, не отразились на возрастных коэффициентах брачности⁸⁶¹. Из этого следует, что сокращение рождаемости было вызвано не переменами на «брачном» рынке.

Как показывают нижеприведенные данные, в городских поселениях РСФСР коэффициенты рождаемости снизились во всех пятилетних когортах, но особенно сильно в старших возрастах. Так, среди 20–24-летних он сократился с 134,8 ‰ (в 1958/1959 гг.) до 128,3 ‰ (в 1964/1965 гг.) или на 4,8 %, 25–29-летних – с 129,0 ‰ до 104,1 ‰ (–19,3 %), 30–34-летних – с 77,3 ‰ до 58,9 ‰ (–23,8 %), 35–39-летних с 38,1 ‰ до 26,1 ‰ (–31,5 %), среди 40–44-летних – на треть (с 10,4 ‰ до 6,9 ‰)⁸⁶².

Таблица 3.1.3

Структура общего коэффициента рождаемости в 1959–1989 гг.
в городских поселениях РСФСР и Западной Сибири, в %*

Годы	Увеличение/снижение ОКР, в %			Итого
	за счет изменения доли 15–49-летних женщин в населении	за счет возрастных коэффициентов рождаемости	за счет возрастной структуры населения	
РСФСР				
1959–1970, в т.ч.:	–2,0	–13,9	–12,6	–28,5
1959–1965	–9,2	–13,9	–7,3	–30,4
1965–1970	+7,7	–0,9	–4,1	+2,8
1970–1979	–4,6	–0,5	+11,2	+6,1
1979–1989	–9,5	+6,7	–8,1	–10,8
1979–1984	–1,8	+5,8	+1,1	+5,1
1984–1989	–9,3	+5,2	–8,9	–13,0
Западная Сибирь				
1959–1970	–1,4	–21,3	–13,3	–36,0
1970–1979	–1,5	+1,3	+12,6	+12,4
1979–1989	–14,5	+9,4	–9,4	–14,5

* Таблица составлена по тем же данным, что и табл. 3.1.6, 3.1.7, 3.1.10, 3.1.15.

Итак, как мы выяснили, структурные факторы (изменение доли 15–49-летних женщин в населении и деформации в возрастной структуре) в совокупности привели к снижению общего коэффициента в республике на 54,3 % (если взять сокращение общего коэффициента за 100,0 %). Таким образом, вклад возрастных коэффициентов рождаемости составил 45,7 %. На это, на наш взгляд, было несколько причин. Несмотря на положительные сдвиги в решении

⁸⁶¹ Волков А.Г. Семья – объект демографии. С. 123.

⁸⁶² Естественное и механическое движение населения РСФСР в 1972 году: стат. сб. М., 1973. (ДСП). С. 52.

вопросов материального и пенсионного обеспечения граждан, жилищного строительства, в области образования и здравоохранения, некоторые социально-экономические просчеты негативно отразились на развитии демографической сферы в этот период.

Важнейшей причиной сокращения рождаемости стала политика центральных органов власти, проводимая в отношении женщин, согласно которой планировалось устранить остатки их неравного положения в быту, создав социально-бытовые условия для сочетания материнства с активным и творческим участием в общественном труде и деятельности⁸⁶³. В этой связи было необходимо сократить и облегчить занятость женщин в домашнем хозяйстве, а в перспективе заменить этот труд общественными формами удовлетворения материально-бытовых нужд семьи⁸⁶⁴. При этом женщинам должны были предоставляться более легкие в сравнении с мужчинами, но при этом достаточно оплачиваемые работы. Такая политика проводилась еще 1920–1930-е гг., когда доля женщин среди рабочих и служащих Западной Сибири достигла 29,3 % (1936 г.)⁸⁶⁵. Эта доля значительно возросла в годы Великой Отечественной войны, но затем существенно снизилась и длительное время, вплоть до конца 1950-х гг., оставалась стабильной⁸⁶⁶.

На XXI съезде КПСС, в январе 1959 г., Н.С. Хрущев указывал на то, что загруженность женщин в домашнем хозяйстве и уход за детьми создают препятствия для их участия в общественной жизни. Решение этой проблемы виделось в повышении роли государства и общества в развитии подрастающего поколения. С этой целью планировалось развернуть строительство детских садов и яслей, в перспективе переведя воспитание всех детей в школы-интернаты. По замыслу руководства партии это позволило бы решить сразу две задачи: обеспечить правильное коммунистическое воспитание молодежи и вовлечь миллионы женщин в ряды «активных строителей коммунистического общества»⁸⁶⁷. В конечном итоге намечалось в каждом городе и селе построить должное количество детских садов и яслей, обеспечить школы бесплатными горячими завтраками, школьной одеждой и учебными пособиями.

Снижению загруженности женщин в домашнем хозяйстве должны были способствовать предприятия общественного питания и коммунально-бытового обслуживания. Общественные формы, по замыслу Н.С. Хрущева, приобретали главную роль в удовлетворении потребностей советского человека. В домашнем хозяйстве должны получить широкое распространение усовершенствованные и дешевые бытовые машины, приспособления, электроприборы.

⁸⁶³ См., например: Московский А.С. Формирование и развитие рабочего класса Сибири в период строительства социализма. Новосибирск, 1968. С. 92–94.

⁸⁶⁴ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М., 1986. Т. 10. 1961–1965. С. 151–152.

⁸⁶⁵ Московский А.С. Промышленное освоение Сибири в период социализма (1917–1937 гг.). Историко-экономический очерк. С. 255.

⁸⁶⁶ Женщины и дети в СССР: стат. сб. М., 1963. С. 100.

⁸⁶⁷ Материалы Внеочередного XXI съезда КПСС. М., 1959. С. 51.

Расширение сети общественного питания подразумевало строительство столовых при крупных предприятиях и учреждениях. Снижение цен на продукты у них должно было происходить с опережением в сравнении с торговой сетью. В конечном итоге, обеды в столовых стали бы дешевле, чем при домашнем приготовлении пищи, а общественное питание в ближайшие 10–15 лет заняло бы преобладающее положение (по сравнению с домашним употреблением пищи).

Результатом такой последовательной государственной политики стал бурный рост занятости женщин (табл. 3.1.4). В 1959 г. в СССР насчитывалось 18,0 млн чел. трудоспособного возраста (главным образом женщин), занятых преимущественно личным подсобным и домашним хозяйством, то есть неработающие и неучащиеся женщины были в каждой третьей семье. К 1970 г. их численность снизилась до шести млн чел. или в три раза, а неработающие домохозяйки остались лишь в одной семье из десяти⁸⁶⁸. В РСФСР между переписями 1959 и 1970 г. среди занятого городского населения удельный вес женщин увеличился с 42,1 % до 50,8 %, одновременно с этим сильно сократилась доля лиц, работавших в личном подсобном хозяйстве и находящихся на иждивении⁸⁶⁹.

Таблица 3.1.4

Распределение мужчин и женщин Западной Сибири по источникам средств существования в 1959 и 1970 г. (городское население), в %*

Год	Все население	Лица, имеющие занятия	Лица, имеющие личное подсобное хозяйство	Иждивенцы государства	Иждивенцы отдельных лиц	Другие источники средств существования
Женщины						
1959	100	37,0	3,5	8,4	50,9	0,2
1970	100	49,0	0,2	15,7	34,9	0,2
Мужчины						
1959	100	55,4	0,1	9,6	34,8	0,1
1970	100	56,5	0,0	12,0	31,3	0,2

* Подсчитано по: Распределение населения по полу, возрасту, национальности, языку, образованию, состоянию в браке и источнику средств существования по данным Всесоюзной переписи населения 1970 г. по Алтайскому краю. М.: ЦСУ РСФСР, 1970. С. 21 (ДСП); То же по Кемеровской области. С. 21; То же по Новосибирской области. С. 21; То же по Омской области. С. 21; То же по Томской области. С. 21; То же по Тюменской области. С. 21.

В 1961–1965 гг. более половины, а в 1966–1970 гг. около ¼ прироста трудовых ресурсов в СССР обеспечили домашние и личные подсобные хозяйства. В стране была достигнута очень высокая занятость. По данным переписи 1970 г. в общественном производстве и на учебе с отрывом от производства находилось более 92,0 % населения в трудоспособном возрасте против 78,0 % в 1960 г.⁸⁷⁰ Причем с 1953 по 1959 г. удельный вес занятых в общественном

⁸⁶⁸ Рабочий класс СССР на новом этапе развития социалистического общества. 1961–1970 гг. Т. 5. С. 211.

⁸⁶⁹ Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 года: стат. сб. М., 1973. Т. V. Распределение населения СССР, союзных и автономных республик, краев и областей по общественным группам, источникам средств существования и отраслям народного хозяйства. С. 154–155.

⁸⁷⁰ Касимовский Е. Трудовые ресурсы СССР в девятой пятилетке // Народонаселение: население и трудовые ресурсы: сб. ст. М., 1973. С. 5.

производстве почти не менялся⁸⁷¹. Например, во время войны доля женщин среди рабочих и служащих страны была максимальной (1945 г. – 56,0 %), к 1950 г. – она снизилась до 47,0 %, в 1951–1952 гг. – возросла до 48,0 %, в 1954–1956 гг. – вновь уменьшилась до 45,0 %. Во многом благодаря этому уровень рождаемости в это время оставался почти на одном уровне⁸⁷².

Затем удельный вес женщин среди рабочих и служащих в народном хозяйстве увеличился – в РСФСР с 50,0 % в 1959 г. до 51,0 % в 1965 г., а к 1970 г. – до 53,0 %⁸⁷³. В Западной Сибири доля работавших в личном подсобном хозяйстве женщин за межпереписной период также многократно снизилась, а имеющих занятия существенно возросла. Также сократилась доля иждивенцев отдельных лиц (см. табл. 3.1.4). При этом распределение мужчин по источникам средств существования за 11 лет во многом осталось прежним. Повышение занятости женщин подтверждается данными региональных архивов. Так, в Новосибирской области их численность в общественном производстве за 1960–1965 гг. возросла сразу на 21,0 %⁸⁷⁴. В результате вовлечения женщин в профессиональную работу естественным образом снизилось количество времени для ведения домашнего хозяйства, воспитания детей, а это негативно повлияло на рождаемость⁸⁷⁵. Различия в возрастных коэффициентах рождаемости занятого и незанятого населения показаны в табл. 3.1.5.

Еще одной важной причиной снижения рождаемости являлась проводимая государством, одновременно с повышением загруженности женщин, ограничительная политика в отношении личных подсобных хозяйств. В августе 1959 г. был принят указ Верховного Совета РСФСР, согласно которому с первого октября сего года запрещалось, за исключением нескольких северных административных центров, содержать в личной собственности скот гражданам, которые проживают в столицах автономных республик, краевых, областных центрах и прилегающих к ним местностях. Совету Министров РСФСР предоставлялось право, по мере улучшения торговли молочными и мясными продуктами, запрещать держать скот в личной собственности в других городах и их окрестностях, а также в рабочих поселках⁸⁷⁶.

Центральные органы власти призывали покончить «с примитивным ведением животноводства», которое приводит к нерациональному расходованию хлеба и других продовольственных товаров из государственных фондов, отвлекает рабочую силу от производительного труда и создает антисанитарные условия в населенных пунктах. Причем о

⁸⁷¹ Сонин М.Я. Актуальные проблемы использования рабочей силы в СССР. С. 201; Савицкий И.М. Промышленные кадры послевоенной Сибири (1946–1960). С. 58–59.

⁸⁷² Население Советского Союза: 1922–1991 гг. С. 120.

⁸⁷³ Народное хозяйство РСФСР в 1970 году: стат. ежегодн. М., 1971. С. 339; Народное хозяйство РСФСР в 1985 году: стат. ежегодн. М., 1986. С. 233.

⁸⁷⁴ ГАНО. ФР.–11. Оп. 3. Д. 6500. Л. 46.

⁸⁷⁵ Харчев А.Г., Голод С.И. Профессиональная работа женщин и семья. С. 87–89.

⁸⁷⁶ Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1959. № 30. С. 600.

необходимости борьбы со скармливанием продуктов питания скоту Н.С. Хрущев говорил еще раньше – на XX съезде КПСС (1956 г.).

Кроме того, в декабре 1958 г. на пленуме ЦК КПСС Н.С. Хрущев предложил поддержать инициативу рабочих и служащих передовых совхозов о продаже скота, находящегося в их личной собственности. Обосновывалось это тем, что на современном этапе потребности работников в мясе, молоке и других продуктах могут быть удовлетворены за счет совхозной продукции. Предполагалось, что эта процедура займет два-три года⁸⁷⁷. Ограничительные меры затронули и трудящихся колхозов, в частности коснулись размеров приусадебных участков и норм содержания скота.

Важным следствием введенных ограничений стало снижение темпов роста аграрного производства, так как еще в 1960 г. подсобные хозяйства обеспечивали 63,0 % производства картофеля, 44,0 % овощей, 41,0 % мяса и 47,0 % молока в стране. В Западной Сибири значение ЛПХ тоже было значительным⁸⁷⁸. Например, согласно выборочному бюджетному обследованию, проведенному в 1958 г., у рабочих угольной промышленности Кузбасса почти весь картофель был получен из ЛПХ или куплен на колхозном рынке, тогда как государственная и кооперативная торговля обеспечила только один процент от их потребностей. При этом у рабочих Донбасса и Караганды значение последней было выше – 16,0 % и 11,0 % соответственно.

Из-за нехватки в государственной и кооперативной торговой сети продуктов питания горожане часть из них приобретали на рынке. В результате сокращения объемов производства положение с продовольственным обеспечением городских жителей несколько ухудшилось, что усугубилось серией неурожайных лет (1963 и 1965 гг.). Например, засуха 1963 г. в Западной Сибири считается наиболее сильной в XX столетии⁸⁷⁹. Даже по оценкам советских исследователей проводившаяся тогда политика ограничения подсобного сельского хозяйства носила необоснованный характер и нанесла ощутимый урон в снабжении трудящихся продовольствием⁸⁸⁰. Уже в 1960 г. в РСФСР было подготовлено зерна, мяса и молока меньше, чем намечалось по семилетнему плану, а в некоторых областях производство даже сократилось по сравнению с 1959 г.⁸⁸¹ Негативная оценка сложившегося положения позже была признана и Н.С. Хрущевым⁸⁸².

⁸⁷⁷ Итоги развития сельского хозяйства за последние пять лет и задачи дальнейшего увеличения производства сельскохозяйственных продуктов. Постановление президиума ЦК КПСС по докладу тов. Н.С. Хрущева, принятое 19 декабря 1958 г. М., 1958. С. 21.

⁸⁷⁸ Букин С.С. Жизненный уровень рабочей семьи в Сибири (1946–1960 гг.). Новосибирск, 1984. С. 89.

⁸⁷⁹ Крестьянство и сельское хозяйство Сибири. 1960–1980-е гг. Новосибирск, 1991. С. 153.

⁸⁸⁰ Рабочий класс СССР (1951–1965 гг.). С. 229.

⁸⁸¹ Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М., 1986. Т. 10. 1961–1965 гг. С. 16.

⁸⁸² XXII съезд Коммунистической партии Советского Союза. 17–31 октября 1961 года: стенограф. отчет. М., 1962. Т. 1. С. 72.

Кроме ухудшения продовольственного обеспечения следствием ограничительных мер стало дополнительное высвобождение женщин из домашнего и личного подсобного хозяйств. При этом численный рост предприятий бытового и коммунального обслуживания, а также мест в детских учебных заведениях, несмотря на принимаемые меры, не удовлетворял общественных нужд. Так, количество детей, посещающих сады и ясли, по Советскому Союзу серьезно увеличилось. Данные по РСФСР подтверждают эту динамику. До конца 1950-х гг. численность детей в них росла равномерно: в 1941 г. – 752,0 тыс. чел., в 1951 г. – 830 тыс. чел., к 1959 г. произошел двукратный рост численности – до 1 654,0 тыс. чел., а к 1965 г. – до 3 522,0 тыс. чел.⁸⁸³

Таблица 3.1.5

Возрастные показатели рождаемости в различных общественных группах в 1958/1959 гг.*

Возраст, лет	Работающие	Находящиеся на иждивении
15–49	79,6	93,5
до 20 лет	32,5	27,2
20–29	138,3	199,3
30–39	67,6	101,5
40–49	7,1	13,4

* Садвокасова Е.А. Социально-гигиенические аспекты регулирования размеров семьи. М.: Медицина, 1969. С. 173.

В этом смысле трудно не согласиться с выводом В. Подъячих о том, что государственная политика в отношении ЛПХ уменьшила свободное время женщин и увеличила трудовую нагрузку на них, что в конечном счете привело к сокращению рождаемости⁸⁸⁴. Недостаток детских дошкольных учреждений подтверждается данными региональных архивов. Охват детей дошкольными учреждениями в Новосибирской области даже в середине 1970-х гг. составил в городах 40,5 % (в целом по области 35,7 %) ⁸⁸⁵. В аналитических записках, подготовленных на районном уровне, прямо говорилось о том, что высокая занятость женщин и недостаток детских учреждений негативно влияли на число деторождений⁸⁸⁶.

Справедливости ради необходимо отметить, что и затраты на строительство и содержание детских садов были довольно велики. Строительство и оборудование одного места в детских садах и яслях обходилось в среднем в 1,5 тыс. руб., что было значительно дороже, чем при сооружении других общественных учреждений, например, школ⁸⁸⁷. Содержание одного ребенка в таком учреждении обходилось государству в среднем от 300,0 до 400,0 руб. в год. Эффективность служб быта росла медленно. Они обеспечивали лишь незначительную часть домашнего труда.

⁸⁸³ Народное хозяйство РСФСР в 1965 году: стат. ежегодн. М., 1966. С. 524.

⁸⁸⁴ Подъячих В. Некоторые особенности естественного движения населения СССР в современных условиях // Развитие населения: сб. науч. тр. М., 1974. С. 79.

⁸⁸⁵ ГАНО. ФР.–11. Оп. 3. Д. 6500. Л. 46.

⁸⁸⁶ ГАНО. ФР.–11. Оп. 3. Д. 5336. Л. 25.

⁸⁸⁷ Забота о женщине-матери // Тюменская правда. 1981. 12 июня.

Еще одним мероприятием государства, которое могло оказать негативное воздействие на демографические процессы, стало повышение с июня 1962 г. цен на продовольствие. Цены на мясо увеличились на 30,0 %, масло – на 25,0 %. Эта неподготовленная должным образом в экономическом и информационном плане мера вызвала серьезное общественное недовольство, приведя к печально известным Новочеркасским событиям.

Население отреагировало на решения власти традиционным способом – резким повышением числа аборт. Их количество со второй половины 1950-х гг. значительно возросло. Так, согласно данным А. Авдеева, А. Блюма и И. Троицкой, общее количество аборт (включая нелегальные) в СССР увеличилось с 4,6 млн в 1955 г. до 8,0 млн в 1965 г.⁸⁸⁸ После чего произошла стабилизация показателя. При этом количество аборт на 100 родов только за 1957–1965 гг., то есть после их легализации, возросло с 76,8 до 169,3 или в 2,2 раза. Некоторые исследователи увязывают этот рост с легализацией аборт, другие с улучшением текущего учета⁸⁸⁹. Эти причины, несомненно, оказывали воздействие на статистику. Однако нельзя не отметить, что рост количества аборт был слишком резким и продолжался длительное время, около десяти лет.

Согласно данным Новосибирского облстата число аборт в целом по области в 1960 г. по сравнению с 1958 г. увеличилось почти на четверть (23,6 %), а за 1960–1965 гг. – еще на 25,6 %. Всего за 1958–1965 гг. количество прерываний беременности возросло более чем в полтора раза. Число аборт на 100 родов в области увеличилось за это же время в два с половиной раза, с 132,4 до 328,8, в том числе в городских поселениях в два раза – с 224,7 до 446,3⁸⁹⁰. В других регионах Западной Сибири, судя по всему, сложилось похожее положение.

Реакция государственных органов на снижение рождаемости была сдержанной. В тот момент вероятность снижения трудового потенциала страны еще серьезно не рассматривалась. Во второй половине 1960-х гг. законодательные нововведения коснулись лишь отдельных групп населения. В 1967 г. был введен новый вид социального обеспечения – ежемесячные пособия семьям с инвалидами детства I и II группы. Они компенсировали часть расходов и несколько сократили разрыв в уровне жизни семей с больными и здоровыми детьми. Интересной новацией стало предоставление женщинам, имеющим грудных детей, по их просьбе кроме отпуска по беременности и родам, дополнительного отпуска вплоть до достижения ребенком возраста одного года. Данное нововведение постановлением Совета

⁸⁸⁸ Avdeev A., Blum A., Troitskaya I. The history of abortion statistics in Russia and USSR from 1900 to 1991 // *Population an English Selection*. 1995. No. 1. P. 39–66.

⁸⁸⁹ См., например: Денисов Б.П., Сакевич В.И. Аборт в России (по материалам выборочного обследования) // *Доказательная медицина и клиническая эпидемиология*. 2009. № 2. С. 32–37.

⁸⁹⁰ ГАНО. ФР.–11. Оп. 3. Д. 5336. Л. 26; Д. 3881-А. Л. 92.

Министров СССР было утверждено в июле 1968 г. с той оговоркой, что давался он без сохранения заработной платы⁸⁹¹.

Вообще, социальная политика государства в постхрущевский период активизировалась за счет последовательного повышения заработной платы тружеников народного хозяйства, увеличения производства товаров народного потребления. На XXIII съезде КПСС, проходившем в 1966 г., было указано на необходимость «существенного подъема уровня жизни народа, более полного удовлетворения материальных и духовных потребностей всех советских людей»⁸⁹². Реальные доходы населения за 1966–1970 гг. выросли на 33,0 %. Был осуществлен переход трудящихся на пятидневную рабочую неделю с двумя выходными днями. Увеличена минимальная продолжительность отпуска рабочих и служащих, развивались социальная сфера, жилищное строительство⁸⁹³. Выплаты и льготы из общественных фондов потребления увеличились за пятилетие более чем в полтора раза.

С осени 1964 г. – весны 1965 г. действующие ограничения на ЛПХ были частично отменены, вновь стало поощряться развитие подсобного хозяйства рабочих и служащих⁸⁹⁴. Причем на Пленуме ЦК КПСС, проходившем в 1966 г., главной причиной отставания аграрного сектора было названо нарушение экономических законов, правильного сочетания общественных и личных интересов, принципов материальной заинтересованности колхозников и рабочих совхозов⁸⁹⁵. Вместе с тем реформы Н.С. Хрущева оказали необратимое воздействие на быт миллионов людей, еще сохранивших связь с землей и сельским хозяйством. Но главное, по-прежнему сохранялся курс на повышение занятости женщин в экономике страны.

Активизация социальной политики государства не смогла прекратить процесс снижения количества рождений, но, во всяком случае, затормозила его. Сокращение числа рождений сначала замедлилось, а потом наметился слабый рост. Общий коэффициент рождаемости в Западной Сибири снижался до 1967 г. (14,2 ‰) и только затем стал немного увеличиваться (до 14,8 ‰ в 1969 г.). Индексный метод применительно к общероссийским данным показал, что приблизительно трехпроцентный рост общего коэффициента стал следствием исключительно увеличения доли женщин (15–49 лет) в населении. Причем возрастная структура населения республики в 1965–1970 гг. вновь ухудшилась (см. табл. 3.1.3).

Коэффициенты рождаемости в РСФСР у женщин средних и старших пятилетних репродуктивных возрастов в 1964/1965–1969/1970 гг. снизились, хотя меньше, чем в первой половине десятилетия. Процессы демографического перехода продолжали идти своим чередом,

⁸⁹¹ Славина Л.Н. Сельское население Восточной Сибири (1960–1980-е гг.). С. 425.

⁸⁹² Материалы XXIII съезда КПСС. М., 1966. С. 228.

⁸⁹³ Долголюк А.А. Сибирские строители в 1946–1970 гг. С. 57.

⁸⁹⁴ Рабочий класс СССР (1951–1965 гг.). С. 299.

⁸⁹⁵ Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 10. С. 427.

по-разному отразившись в пятилетних когортах. Так, по республике в целом среди 20–24-летних возрастной коэффициент в 1969/1970 г. увеличился на 5,3 %, на четверть повысился он у молодежи до 20 лет (до 27,0 ‰) и совсем незначительно у 30–34-летних (на 0,8 ‰). В остальных пятилетних группах рождаемость продолжала уверенно снижаться по мере продвижения к все более старшим возрастам: у 25–29-летних – на 6,6 %, 35–39-летних – на 14,6 %, 40–44-летних – на 30,4 %⁸⁹⁶. Возврата к уровню рождаемости конца 1950-х гг. не произошло. Суммарный коэффициент остался на прежнем уровне (1,732 в 1964/1965 гг. и 1,733 в 1969/1970 гг.), при том, что общий коэффициент повысился всего на четыре десятых пункта (до 14,8 ‰ в 1970 г.).

Переходим к анализу изменений в рождаемости (возрастных коэффициентов и суммарного коэффициента), которые произошли непосредственно в городах и пгт Западной Сибири за 11 лет. Так как возрастной состав населения известен только по материалам Всесоюзных переписей, проводимых, как известно, примерно раз в десятилетие, вышеназванные показатели можно будет рассчитать только за соответствующие годы. Только после 1979 г. в региональных подразделениях ЦСУ РСФСР возрастной состав краев, областей и автономных республик стал рассчитываться за каждый год, однако эту информацию нам удалось обнаружить не во всех архивах. Поскольку сведения о возрастном составе населения публикуются на момент проведения переписи, то есть на начало года, то для расчетов нам необходимы данные об очередности рождения и возрасте матери за два года сразу – в год проведения переписи и предшествующий ему (1958 и 1959 г.).

Итак, суммарный коэффициент рождаемости в западносибирских городах в 1958/1959 гг. составил 2,369 ребенка (табл. 3.1.6). Это означает, что при сохранении возрастных коэффициентов на одном уровне в течение репродуктивного периода одна женщина в возрасте 15–49 лет родит 2,369 детей⁸⁹⁷. Это довольно высокий показатель, так как по городам республики он составил только 2,067. Высокая рождаемость в Западной Сибири являлась следствием нескольких причин, главной из которых был исторически более низкий образовательный уровень ее населения⁸⁹⁸. Так, в 1959 г. в Российской Федерации 24 горожанина из каждой тысячи в возрасте старше 10 лет имели высшее образование, незаконченное высшее – 11, среднее специальное – 53, среднее общее – 58, в то время как в Западной Сибири эти показатели были ниже (соответственно 17, 9, 47 и 45).

⁸⁹⁶ Подсчитано по: Численность, естественное движение и миграция населения РСФСР в 1979 году: стат. сб. М., 1980. (ДСП). С. 156.

⁸⁹⁷ Методика расчета суммарного коэффициента рождаемости и суммарных коэффициентов, дифференцированных по очередности рождения – см.: Борисов В.А. Демография: учеб. для вузов. С. 147–152, 170–176.

⁸⁹⁸ Букин С.С., Долголюк А.А., Исаев В.И., Тимошенко А.И. Формирование индустриально-урбанистического общества в Урало-Сибирском регионе. С. 47.

Таблица 3.1.6

Возрастные и суммарные коэффициенты рождаемости (СКР) по очередности рождения детей в 1958/1959 гг. в городских поселениях Западной Сибири*

Возраст матери, лет	Первый	Второй	Третий	Четвертый	Пятый	Шестой и более	Всего
15–19	31,2	1,6	0,06	0,0	0,0	0,0	32,8
20–24	111,7	36,1	5,1	0,7	0,2	0,07	154,0
25–29	47,1	62,7	23,7	6,6	1,9	0,8	142,9
30–34	14,3	30,1	21,8	10,6	4,9	3,5	85,3
35–39	5,0	9,5	9,9	7,5	4,9	7,2	44,2
40–44	0,8	1,4	1,9	2,0	1,8	5,3	13,3
45–49	0,07	0,08	0,1	0,1	0,2	0,8	1,4
СКР	1,050	0,707	0,313	0,138	0,069	0,089	2,369

* Подсчитано по: ГААК. ФР.–718. Оп. 43. Д. 46. Л. 29; Д. 50. Л. 73; ГАКО. ФР.–304. Оп. 1. Д. 63. Л. 52; Д. 64. Л. 65; ИАОО. ФР.–2122. Оп. 1. Д. 3257. Л. 35–36об; Д. 3262. Л. 29; ГАТО. ФР.–1085. Оп. 3. Д. 100, Л. 113, 181; ГАТюм.О. ФР.–1112. Оп. 1. Д. 1892. Л. 23; Д. 2174. Л. 13; ГАНО. ФР.–11. Оп. 2. Д. 7250. Л. 69–69об; Д. 8350. Л. 29–29об; Распределение всего населения и состоящих в браке по полу и возрасту по данным Всесоюзной переписи населения на 15 января 1959 г. (АССР, края и области районов Западной и Восточной Сибири и Дальнего Востока). М., 1960. С. 4–6, 34–36, 46–48, 58–60, 70–72, 100–102.

Разница в рождаемости обусловлена различиями в социальной структуре. К большому сожалению, мы располагаем сведениями о распределении горожан по общественным группам только по всему населению. Они косвенно указывают на то, что в западносибирских городских поселениях было больше рабочих и меньше служащих и занятых преимущественно умственным трудом⁸⁹⁹. Одновременно среди рабочих было много тружеников добывающих отраслей промышленности и строительства⁹⁰⁰. У последних рождаемость, скорее всего, была выше, чем, например, у более образованных в целом работников машиностроения, что косвенно подтверждают данные некоторых регионов. Но даже в машиностроении доля рабочих первых – вторых разрядов была выше, чем в европейской части РСФСР (56,6 % против 45,5 % в 1960 г.), а пятых – шестых – ниже (6,0 % и 9,8 %), меньшей была доля более образованных инженерно-технических работников⁹⁰¹.

Из представленной таблицы видно, что наибольший коэффициент рождаемости был в 20–24-летней когорте, тогда как еще в первой половине 1950-х гг. максимальное его значение приходилось на 25–29-летних женщин⁹⁰². Причем у последних рождаемость оставалась еще высокой. В старших пятилетних когортах возрастные коэффициенты снижались, достигая минимальных величин у 45–49-летних.

Представляется интересным в контексте исследования осуществить разложение суммарного коэффициента на очередности рождения. Согласно В.А. Борисову, суммарный коэффициент рождаемости является итогом сложения соответствующих коэффициентов,

⁸⁹⁹ Доля колхозников в городах и пгт Западной Сибири, судя по общероссийским данным, была минимальной.

⁹⁰⁰ Ефимкин М.М. Социальное развитие рабочего класса Сибири. 1959–1980 гг. С. 98.

⁹⁰¹ Переведенцев В.И. Современная миграция населения Западной Сибири. С. 17; Савицкий И.М. Промышленные кадры послевоенной Сибири (1946–1960). С. 67.

⁹⁰² Курман М.В. Актуальные вопросы демографии. Демографические процессы в СССР в послевоенный период. С. 51.

рассчитанных для каждой очередности. Так, мы можем видеть, что суммарный коэффициент для первенцев в 1958/1959 гг. составил 1,050 ребенка на одну женщину. Это означает, что при сохранении возрастных коэффициентов на уровне 1958/1959 гг. одна женщина родит 1,050 первенца за всю жизнь. В действительности для реальных когорт эта цифра никогда не превысит единицы. Первенец всегда один (в одноплодных родах). Дети же от многоплодных родов в официальной статистике учитывались в разных порядках рождения⁹⁰³. Однако для условных когорт в силу особенностей расчета формулы такая цифра являлась допустимой. Это означает аккумуляцию по разным причинам первых рождений у разных реальных поколений женщин в одном календарном году⁹⁰⁴.

Высокой являлась рождаемость вторых детей, для которых суммарный коэффициент составил 0,707. Это значит, что при сохранении текущих возрастных коэффициентов каждая женщина в возрасте 15–49 лет родила бы до конца жизни в среднем 0,707 вторых детей. Иначе говоря, второй ребенок появился только у семи из десяти женщин репродуктивного возраста. Уровень рождаемости третьих детей позволяет говорить о том, что третий ребенок мог появиться только у 30,0 % горожанок. Что касается четвертых и выше рождений, то их вклад в совокупную рождаемость был невысок. Суммарный коэффициент в городах был примерно на четверть (29,3 %) меньше, чем во всем населении в целом (3,064 ребенка). Возрастные коэффициенты у всего населения были повсеместно выше, чем у горожан, особенно у старших когорт. Все население чаще заводило детей высоких порядков, особенно четвертых и далее⁹⁰⁵.

За 11 лет рождаемость сильно изменилась. Как уже говорилось выше, если ее суммарный коэффициент в западносибирских городах в 1958/1959 гг. составлял 2,369 ребенка на одну женщину, то в 1969/1970 г. – 1,739 или примерно на четверть (–26,6 %) меньше (табл. 3.1.7). Рождаемость в городах Западной Сибири так же, как и в РСФСР перестала обеспечивать простое воспроизводство населения. Возрастные коэффициенты, которые не зависят от структурных «искажений», покажут нам за счет каких пятилетних когорт и очередностей это произошло.

---

⁹⁰³ Шнейдерман Н.А. Откровенный разговор: рождаемость и меры ее регулирования. С. 28.

⁹⁰⁴ Воспроизводство населения и демографическая политика в СССР. С. 61–62.

⁹⁰⁵ Дашинамжилов О.Б. Городское население Западной Сибири в 1960–1980-е годы: историко-демографическое исследование. Новосибирск, 2018. С. 343.

Таблица 3.1.7

Возрастные и суммарные коэффициенты рождаемости по очередности рождения детей в 1969/1970 гг. в городских поселениях Западной Сибири*

Возраст матери, лет	Первый	Второй	Третий	Четвертый	Пятый	Шестой и более	Всего
15–19	31,3	1,1	0,04	0	0	0	32,5
20–24	111,6	24,8	1,7	0,2	0,04	0,02	138,3
25–29	33,4	50,5	8,3	1,7	0,5	0,2	94,7
30–34	10,6	31,4	9,9	2,7	1,1	0,5	56,5
35–39	3,1	7,4	4,7	2,1	1,3	0,9	20,4
40–44	0,7	1,1	0,9	0,6	0,5	0,3	4,9
45–49	0,1	0,07	0,08	0,05	0,05	0,03	0,5
СКР	0,954	0,582	0,129	0,037	0,017	0,009	1,739

* Подсчитано по: ГААК. ФР.–718. Оп. 43. Д. 97. Л. 73; Д. 102. Л. 54; ГАКО. ФР.–304. Оп. 1. Д. 74. Л. 74; Д. 75. Л. 15; ИАОО. ФР.–2122. Оп. 1. Д. 5670. Л. 17; Д. 5917. Л. 16; ГАТО. ФР.–1085. Оп. 3. Д. 79. Л. 148, 290; ГАТюм.О. ФР.–1112. Оп. 4. Д. 117. Л. 26; Д. 143. Л. 25; ГАНО. ФР.–11. Оп. 3. Д. 8667. Л. 37; Оп. 4. Д. 186. Л. 18; ГАРФ. Ф. А-374. Оп. 39. Д. 1351. Л. 4–6об; Д. 1353. Л. 4–6об; Д. 1354. Л. 4–6об; Д. 1355. Л. 4–6об; Д. 1356. Л. 4–6об; Д. 1357. Л. 4–6об.

Согласно данным таблицы снижением рождаемости были затронуты, в первую очередь, зрелые репродуктивные когорты. Интенсивность деторождений среди 35–39-летних горожанок за межпереписной период уменьшилась более чем вдвое (–53,7 %), почти на две трети сократилась она у 40–44- и 45–49-летних (на 63,3 % и 62,1 %). По мере продвижения к молодым возрастным группам масштабы падения сокращались. У 25–29- и 30–34-летних возрастные коэффициенты снизились примерно на треть, в когорте 20–24 лет – на 10,2 %. В этом возрасте семьи только начинают обзаводиться детьми, в основном первенцами. При этом рождаемость у женщин до 20 лет не увеличилась, что несколько противоречит тенденциям, свойственным изучаемому периоду⁹⁰⁶.

Разложение суммарного коэффициента на очередности рождения показало, что репродуктивные установки по отношению к первенцам за межпереписной период в городах Западной Сибири почти не изменились (1969/1970 гг. – 0,954). Перемены становятся заметными при анализе вторых очередностей. Если суммарный коэффициент для них в 1958/1959 г. составлял 0,707, то к 1969/1970 г. он снизился до 0,581. Прежде всего, интенсивность деторождений вторых детей сократилась у 20–24-летних (–31,3 %). Снижение данной рождаемости сопровождалось переносом времени «пополнения» семей на более поздние сроки. Косвенно это подтверждается тем, что интенсивность появления вторых детей в вышестоящих когортах снизилась меньше: у 25–29-летних – на 19,5 %, а у 30–34-летних даже выросла (на 4,2 %). Заметно реже вторые дети стали появляться у 35-летних женщин и старше.

⁹⁰⁶ Борисов В.А. Перспективы рождаемости. С. 80; Воспроизводство населения СССР. С. 222–223; Кваша А.Я. Демографическая политика в СССР. М., 1981.

Сильно снизился уровень рождаемости третьих детей, что на материалах других регионов и республики в целом было выявлено многими исследователями⁹⁰⁷. Если в 1958/1959 гг. в Западной Сибири приблизительно каждая третья горожанка завела бы третьего по счету ребенка (0,312), то в 1969/1970 гг. – только каждая восьмая (0,129). Под влиянием проанализированных долговременных и кратковременных факторов снизилась потребность в их появлении в семьях. На 2/3 снизился соответствующий коэффициент рождаемости у 20–24- и 25–29-летних женщин, более чем на половину – у тех, кто располагался в пятилетних группах от 30 до 44 лет. Еще больше уменьшилась рождаемость четвертых детей и выше. Рассчитанные для них коэффициенты сократились более чем в три раза почти во всех возрастных категориях. Таким образом, очевидно, что сокращение суммарного коэффициента происходило, прежде всего, за счет снижения интенсивности деторождений у женщин средних и старших репродуктивных групп и появления на свет детей поздних очередностей.

В 1959–1970 гг. сократились различия в уровне рождаемости горожан и всего населения. Непрерывное распространение городского образа жизни, повышение культурно-образовательного уровня сельчан способствовали снижению дифференциации, что стало важной особенностью демографического перехода. Если в 1958/1959 гг. рождаемость у всего населения была выше, чем у горожан, почти на 30,0 %, то в 1969/1970 гг. – только на 15,7 %.

Одновременно с этим снизились различия между городскими поселениями Западной Сибири и РСФСР в целом. Если в 1958/1959 гг. суммарный коэффициент в рассматриваемом экономическом районе превысил аналогичный показатель по республике на 14,6 %, то к 1969/1970 гг. они стали почти идентичными (1,739 против 1,733). Рождаемость в Западной Сибири в 1960-е гг. сократилась сильнее, и это подтверждают, расчетные данные, полученные при помощи индексного метода (см. табл. 3.1.3).

Динамика общего коэффициента по регионам была сходной с тенденциями, сложившимися в Западной Сибири в целом (табл. 3.1.8).

Таблица 3.1.8

Динамика общего коэффициента рождаемости в городах РСФСР,
Западной Сибири и ее регионах в 1959–1969 гг., в ‰*

Год	РСФСР	Зап. Сиб.	Алт. край	Кем. обл.	Новосиб. обл.	Ом. обл.	Том. обл.	Тюм. обл.
1959	20,7	23,9	23,3	26,3	21,2	23,6	22,5	22,2
1960	20,4	23,5	22,7	25,5	21,3	23,4	21,5	22,9
1961	19,7	21,7	21,0	23,4	19,9	21,9	20,0	20,5
1962	18,3	19,9	19,3	21,1	18,2	20,5	18,9	20,5
1963	16,8	18,3	17,5	18,8	17,5	19,2	17,8	19,3
1964	15,4	16,4	15,7	16,3	15,7	17,4	16,8	17,7
1965	14,4	14,9	14,7	14,8	14,1	15,7	15,0	17,3
1966	14,3	14,7	14,8	14,4	13,7	15,4	15,4	17,2

⁹⁰⁷ Сифман Р.И. Динамика рождаемости в СССР (по материалам выборочных обследований). С. 101. Антонов А.И., Медков В.М. Второй ребенок. М., 1987. С. 69–100.

Окончание таблицы 3.1.8

Год	РСФСР	Зап. Сиб.	Алт. край	Кем. обл.	Новосиб. обл.	Ом. обл.	Том. обл.	Тюм. обл.
1967	13,7	14,2	14,2	13,9	13,2	14,6	14,3	17,2
1968	13,5	14,3	13,9	13,6	13,5	14,9	14,8	17,8
1969	14,1	14,8	14,9	14,3	13,9	15,1	15,0	18,1
1970	14,8	15,3	15,8	14,7	14,3	15,3	16,0	18,1

* Подсчитано по: Естественное и механическое движение населения РСФСР: стат. сб. М., 1960. С. 251, 263, 265; Демографический ежегодник России: стат. сб. М., 1997. С. 52; Естественное и механическое движение населения РСФСР: стат. мат-лы. М., 1966. С. 43. Естественное и механическое движение населения РСФСР: стат. сб. М., 1970. С. 38; ГААК. ФР.–718. Оп. 43. Д. 50. Л. 22–24; Д. 65. Л. 17–18; Д. 70. Л. 15–17; ГАКО. ФР.–304. Оп. 1. Д. 66. Л. 21об; Д. 67. Л. 35об; Д. 68. Л. 23об; Текущий архив Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Новосибирской области. Динамические ряды № 1. Л. 2–3; ИАОО. ФР.–2122. Оп. 1. Д. 3294. Л. 185–186; Д. 3395. Л. 85–87; Д. 3408. Л. 30–31; ГАТО. ФР.–1085. Оп. 3. Д. 100. Л. 12об; Д. 151. Л. 185об, 262об, 313об; ГАТюм.О. ФР.–1112. Оп. 1. Д. 2721. Л. 11; Д. 2981. Л. 11; Д. 3370. Л. 34–35.

Анализ суммарного коэффициента рождаемости в Кузбассе, который не зависит от возрастных характеристик населения, показывает, что его уровень был заметно выше, чем в среднем по Западной Сибири. Интересно, что в 1969/1970 гг. его величина также была высокой – 1,813 (больше только у Тюменской области), несмотря на то, что общий коэффициент в Кемеровской области к тому моменту являлся одним из самых низких среди изучаемых регионов.

Высокая рождаемость стала следствием структуры городского расселения в регионе. Согласно исследованиям демографов суммарный коэффициент зависит от величины поселения. Чем выше численность его населения, тем ниже уровень рождаемости⁹⁰⁸. В крупных городах формировались особая социокультурная среда и образ жизни, в которых сочетались высокая образованность, сильная вовлеченность женщин в общественное производство, низкая брачность и высокий уровень разводимости, которые оказывали понижающее воздействие на число ожидаемых детей в семьях⁹⁰⁹. Кузбасс отличался высокой долей малых и средних городских населенных пунктов, а размеры крупных городов, за исключением Кемерово, Новокузнецка и Прокопьевска, были не велики. Важнейшей причиной высокой рождаемости являлся уровень образования, который был в среднем ниже, чем в Западной Сибири в целом. В социальном составе этого мощного индустриального региона преобладали рабочие, с большой долей занятых тяжелым физическим трудом⁹¹⁰.

В Алтайском крае в конце 1950-х гг. и десятилетие спустя суммарный коэффициент находился на довольно высоком уровне также за счет рассредоточения населения по многим городским центрам и образовательного уровня – более низкого, чем в целом по Западной Сибири. В регионах с доминированием одного крупного города рождаемость была ниже среднего уровня по экономическому району. Это хорошо видно на примере Новосибирской

⁹⁰⁸ Сколько детей будет в советской семье (результаты обследования). С. 74–93.

⁹⁰⁹ Урбанизация и демографические процессы. С. 56.

⁹¹⁰ Распределение населения по общественным группам, источникам средств существования и отраслям народного хозяйства по данным Всесоюзной переписи населения 1970 г. по Кемеровской области. М., 1972. (ДСП). С. 1.

области. В ее городском населении высокими были доли служащих и лиц с высшим и средним образованием с невысокими репродуктивными установками. Именно поэтому суммарный коэффициент здесь был самым низким среди всех регионов Западной Сибири как в 1958/1959 гг., так и в 1969/1970 гг.⁹¹¹

В Омской области суммарный коэффициент был немного выше из-за некоторых отличий в социальной и образовательной структуре населения. Так, среди горожан Новосибирской области было в среднем несколько больше людей с высшим и средним специальным образованием⁹¹². Возможно, определенную роль сыграло то, что в городских поселениях Омской области был меньшим удельный вес русских с их сравнительно невысокими репродуктивными установками⁹¹³. В Томской области суммарный коэффициент как в 1958/1959, так и в 1969/1970 гг. оставался низким (ниже только у Новосибирской области), благодаря высокому уровню образования и концентрации городского населения преимущественно в г. Томске.

В Тюменской области рождаемость была высокой из-за образовательного уровня городских жителей, который был ниже, чем в большинстве регионов Западной Сибири. Освоение нефтяных месторождений, возникновение большого количества небольших городских поселений, усложнение национальной структуры населения, а также сохранение отставания в уровне образования привели к тому, что спустя 11 лет суммарный коэффициент в Тюменской области стал самым высоким в Западной Сибири⁹¹⁴.

1970–1979 гг. В 1970-е гг. совершенствование нормативной базы государственных пособий было нацелено на улучшение правил их предоставления и дальнейшее повышение материального обеспечения трудящихся. Постановлением Совета Министров СССР от 26 июля 1973 г. устанавливалась выплата пособий по беременности и родам женщинам – рабочим и служащим в размере полного заработка и уже в независимости от продолжительности трудового стажа. Также увеличены сроки выплаты пособий с трех до семи дней при освобождении от работы по причине ухода за больным ребенком. Одиноким матерям, вдовам и разведенным женщинам больничный листок и пособие могли выдаваться до 10 календарных дней и т.д.

⁹¹¹ Дашинамжилов О.Б. Городское население Западной Сибири в 1960–1980-е годы: историко-демографическое исследование. Новосибирск, 2018. С. 341–343.

⁹¹² Уровень образования занятого населения РСФСР (по данным Всесоюзной переписи населения 1979 г.). М., 1982. (ДСП) С. 239, 242.

⁹¹³ Национальный состав населения РСФСР. По данным Всесоюзной переписи населения на 15 января 1959 года (численность, расселение, городское и сельское население, соотношение мужчин и женщин, родной язык). М., 1961. (ДСП) С. 402.

⁹¹⁴ Дашинамжилов О.Б. Городское население Западной Сибири в 1960–1980-е годы: историко-демографическое исследование. Новосибирск, 2018. С. 345.

В сентябре 1974 г. был принят Указ Президиума Верховного Совета СССР, по которому в систему помощи многодетным и одиноким матерям было включено пособие на детей малообеспеченных семей. Основанием для получения являлся невысокий средний доход на каждого члена семьи, который не должен был превышать 50,0 руб. Ежемесячное пособие в размере 12,0 руб. выплачивалось на каждого ребенка до достижения им восьмилетнего возраста⁹¹⁵. Кроме того, согласно постановлению Совета Министров РСФСР от 14 октября 1974 г. были приняты дополнительные меры по улучшению медицинской помощи беременным женщинам и новорожденным⁹¹⁶.

Таблица 3.1.9

Число рождений и общий коэффициент рождаемости в городских поселениях Западной Сибири и РСФСР в 1970–1979 гг.*

Год	Число рождений в городах и пгт Западной Сибири, тыс. чел.	Общий коэффициент рождаемости, ‰	
		Западная Сибирь	РСФСР
1970	114,2	15,3	14,8
1971	121,9	16,0	15,3
1972	129,8	16,8	15,7
1973	130,6	16,5	15,4
1974	139,6	17,3	15,8
1975	142,6	17,3	15,9
1976	144,8	17,3	16,0
1977	149,4	17,5	15,9
1978	151,1	17,4	15,9
1979	152,0	17,2	15,7

* Подсчитано по: Численность, естественное движение и миграция населения РСФСР в 1979 г.: стат. сб. (ДСП). М., 1980. С. 10, 12, 39, 41; Естественное и механическое движение населения РСФСР в 1975 г.: стат. сб. (ДСП). М., 1976. С. 28; Естественное и механическое движение населения РСФСР в 1976 г.: стат. сб. (ДСП). М., 1977. С. 18–19; Естественное и механическое движение населения РСФСР в 1974 г.: стат. сб. (ДСП). М., 1975. С. 28–29; Демографический ежегодник России: стат. сб. М.: Госкомстат России, 1995. С. 40.

Как уже говорилось выше, начиная с 1968 г. общий коэффициент рождаемости в городах Западной Сибири вновь стал увеличиваться и этот тренд доминировал почти во всем следующем десятилетии. Так, если в 1968 г. он был на уровне 14,3 ‰, то в 1977 г. – 17,5 ‰, лишь в 1978–1979 гг. произошло небольшое снижение – до 17,2 ‰ (см. табл. 3.1.9). Этот рост был вызван положительными изменениями в возрастной структуре населения (см. табл. 3.1.3), и в некоторой степени повышением брачности в молодых возрастах. Так, если в 1959 г. в городах Западной Сибири доля мужчин в возрасте до 24 лет, вступивших в брачные союзы, составляла 55,2 %, то в 1970 г. – уже 67,7 %, у женщин – соответственно 65,4 % и 77,8 %⁹¹⁷.

⁹¹⁵ Сборник законов СССР и указов Президиума Верховного Совета СССР. 1938–1975 гг. М., 1975. Т. 3. С. 301–302.

⁹¹⁶ Свод законов РСФСР в 9 т. М., 1987. Т. 3. С. 211–212.

⁹¹⁷ Подсчитано по: ГАРФ. Ф.А. – 374. Оп. 39. Д. 1351. Л. 4об–6об; Д. 1353. Л. 4об–6об; Д. 1354. Л. 4об–6об; Д. 1355. Л. 4об–6об; Д. 1356. Л. 4об–6об; Д. 1357. Л. 4об–6об; Распределение всего населения и состоящих в браке по полу и возрасту по данным Всесоюзной переписи населения на 15 января 1959 г. (АССР, края и области районов Западной и Восточной Сибири и Дальнего Востока). М., 1960. С. 4–102.

В 1970-е гг. изменения в структуре населения благоприятствовали повышению количества деторождений. В репродуктивный возраст вступило многочисленное поколение, появившееся на свет после войны и в первое послевоенное десятилетие. Согласно Всесоюзной переписи 1970 г. удельный вес 15–19-летних в городском населении Западной Сибири достиг 11,2 %, тогда как в 1959 г. он был на уровне 8,5 %. Чуть менее многочисленной, но все же довольно крупной в количественном отношении являлась идущая следом когорта 10–14-летних (см. Прил., табл. 8). По всей видимости, именно с ней связано некоторое снижение числа рождений в конце 1970-х гг.

Показатели, полученные с помощью индексного метода на материалах РСФСР, подтверждают, что рост числа деторождений был обусловлен не повышением рождаемости вообще, а исключительно улучшением структурно-возрастных характеристик населения. Согласно данным, рассчитанным с его помощью, прирост общего коэффициента в республике (на 6,1 %) был полностью обеспечен улучшением возрастной структуры городского населения (11,2 %), небольшое снижение доли женщин репродуктивного возраста привело к уменьшению ОКР на 4,6 %, тогда как непосредственно рождаемость почти не изменилась (–0,5). Похожая динамика с небольшой вариацией была зафиксирована в Западной Сибири (см. табл. 3.1.3).

Нельзя утверждать, что рождаемость на протяжении межпереписного периода не менялась. Согласно общероссийским данным определенные колебания суммарного коэффициента все же происходили, однако их интенсивность была невысокой. Если в 1969/1970 гг. суммарный коэффициент по РСФСР составлял 1,733 ребенка на одну женщину, то в 1978/1979 гг. – 1,717⁹¹⁸.

Между тем, несмотря на кажущуюся статичность, процесс демографического перехода не остановился. Сохранилась тенденция омоложения рождаемости и снижения ее уровня в средних и старших репродуктивных поколениях женщин. При сравнении показателей 1969/1970 и 1978/1979 гг. выяснилось, что интенсивность деторождений у молодежи в возрасте до 20 лет в РСФСР увеличилась на 34,8 %, на 4,4 % она возросла в когорте 20–24-летних. Рождаемость почти не изменилась у 25–29 летних (–1,6 %), в то время как у 30–34 летних она упала на 14,6 %, у 35–39-летних – на 32,3 %, а у 40–44-летних – на 22,9 %⁹¹⁹.

Длительное сохранение величины суммарного коэффициента на одном уровне выглядит необычно. Согласно логике демографического перехода рождаемость, несомненно, должна была снизиться. Дело в том, что в 1970–1979 гг. в структуре российского общества продолжали происходить важные перемены. Образованность населения, в том числе в городах и пгт заметно выросла. Количество лиц с высшим образованием на 1000 чел. в возрасте 10 лет и старше

⁹¹⁸ Демографический ежегодник России: стат. сб. М., 1999. С. 89.

⁹¹⁹ Подсчитано по: Численность, естественное движение и миграция населения РСФСР в 1979 году: стат. сб. М., 1980. (ДСП). С. 156.

увеличилось в полтора раза, незаконченным высшим и средним (полным и неполным) – на 20,0 %, уменьшилось число людей с начальным уровнем⁹²⁰. За 1971–1975 гг. в основном завершён переход к всеобщему среднему образованию молодежи, расширилась сеть профессионально-технических учреждений. В социально-классовой структуре городского общества увеличилась доля служащих (с 30,8 % в 1970 г. до 32,8 % в 1979 г.) и снизился удельный вес рабочих (с 67,4 % до 65,7 %)⁹²¹. Среди городских поселений повысилась доля крупных городов, соответственно снизилась доля малых и средних. Продолжался процесс нуклеаризации семей, повышения уровня разводимости, вовлечения женщин в общественное производство. Так, в селах Западной Сибири в 1979 г. осталось только 15,5 тыс. женщин, занятых в личном подсобном хозяйстве (в 1959 г. было 348 тыс.)⁹²².

Спокойная динамика развития общества в 1970-е гг., ассоциирующаяся у историков с «застоем» в социально-экономической жизни, благоприятно повлияла на репродуктивное поведение населения. Общественная стабильность, которая подразумевает отсутствие резких перемен в хозяйственной и политической сферах, являлась важным, если не решающим фактором сохранения или даже повышения уровня рождаемости. Политика государства, нацеленная на улучшение уровня жизни, решение жилищного вопроса, укрепила уверенность людей в завтрашнем дне. Прекращение разного рода социально-экономических экспериментов с неопределёнными последствиями, с одной стороны, неоднозначно отразилось на экономике, которая требовала непрерывного поиска новых решений и стимулов для развития, с другой – положительно повлияло на общественную обстановку.

В брежневский период руководства страной государство активно придерживалось линии на улучшение благосостояния и культурно-бытового обслуживания трудящихся. За 1971–1975 гг. реальные доходы населения увеличились на 24,0 %. Начиная с середины 1960-х гг. быстрыми темпами стала расти заработная плата рабочих и служащих. Если в 1950-е гг. она увеличилась на 25,2 %, в 1960–1965 гг. – на 19,1 %, то в 1965–1970 гг. – уже на 27,4 %, а в 1970-е гг. – на 40,9 %⁹²³.

В девятой пятилетке (1971–1975 гг.) повышены минимумы заработной платы, тарифные ставки и оклады среднеоплачиваемых категорий рабочих и служащих отраслей материального производства. Увеличена оплата труда врачей, учителей, воспитателей дошкольных учреждений. Введены районные коэффициенты к зарплате, где они еще не были установлены в Западной

⁹²⁰ Итоги Всесоюзной переписи населения 1979 года: стат. сб. М., 1989. Т. III. Уровень образования населения СССР, союзных и автономных республик, краев и областей. Ч. 1. С. 190.

⁹²¹ Итоги Всесоюзной переписи населения 1979 года: стат. сб. М., 1990. Т. VII. Распределение населения СССР, союзных и автономных республик, краев и областей по общественным группам. С. 6–7.

⁹²² Карпунина И.Б., Мелентьева А.П. Занятость сельского населения Западной Сибири в 1960–1990-х гг.: демографический и социально-экономический аспекты // Проблемы исторической демографии Сибири: сб. науч. тр. Новосибирск, 2010. Вып. I. С. 208–209.

⁹²³ Подсчитано по: Народное хозяйство РСФСР в 1970 году: стат. ежегодн. М., 1971. С. 340; Народное хозяйство РСФСР в 1980 году: стат. ежегодн. М., 1981. С. 219.

Сибири и в других районах страны. Выплаты и льготы из общественных фондов потребления увеличились за пятилетие в 1,4 раза. В больших размерах велось жилищное и культурно-бытовое строительство. В десятой пятилетке (1976–1980 гг.), несмотря на снижение темпов роста экономики, реальные доходы населения увеличились еще на 18,0 %, вновь увеличена заработная плата отдельных категорий работников черной и цветной металлургии, угольной, сланцевой и текстильной промышленности и т.д. Выплаты из общественных фондов потребления возросли на 23,7 %. К концу пятилетки до 80,0 % горожан страны стали жить в отдельных квартирах.

Денежный душевой доход в большинстве рабочих семей сначала сравнивался с границей минимальной материальной обеспеченности, а затем, в 1970-е гг., превысил ее⁹²⁴. Если прежде заработная плата обеспечивала ограниченное потребление, то в 1970-е гг. она могла гарантировать известный минимум благосостояния⁹²⁵. При этом в большинстве отраслей экономики Сибири к началу 1980-х гг. среднемесячная зарплата рабочих и служащих существенно превосходила таковую в народном хозяйстве РСФСР в целом⁹²⁶.

Благодаря росту выплат из общественных фондов потребления улучшилось материальное положение малообеспеченных категорий населения. Повышались оклады трудящихся, занятых на низкооплачиваемых работах, увеличилась продолжительность минимального отпуска. Расширение начиная с 1956 г. пенсионного обеспечения косвенно способствовало повышению благосостояния рабочих и служащих, так как снижало финансовую нагрузку на бюджеты семей, которые включали пожилых людей. Возросло обеспечение населения непродовольственными товарами и предметами длительного пользования, в том числе автомобилями, телевизорами, холодильниками⁹²⁷. При этом розничные цены на продукты питания, за исключением некоторых редких и деликатесных товаров, увеличивались гораздо медленнее в сравнении с ростом доходов населения. Произошли благоприятные сдвиги в структуре питания: увеличилось потребление мяса, овощей, фруктов, ягод, сократилось – хлебопродуктов и картофеля. Возросли расходы на приобретение непродовольственных товаров, в том числе тканей, мебели и культурно-бытовых услуг. В 1970-е гг. отставание Западной Сибири от РСФСР в потреблении некоторых видов продовольствия, в развитии розничной торговли и общественного питания на душу населения несколько снизилось⁹²⁸. Увеличилось количество врачей, улучшилось качество медицинского и санитарного обслуживания, оснащенность учреждений здравоохранения новейшим оборудованием, лечебной и диагностической аппаратурой и т.д.

⁹²⁴ Рабочий класс СССР на новом этапе развития социалистического общества. 1961–1970 гг. Т. 5. С. 193.

⁹²⁵ Ефимкин М.М. Рабочие Сибири, конец 50-х – середина 80-х годов. С. 108.

⁹²⁶ Рабочий класс Сибири. 1961–1980 гг. С. 246.

⁹²⁷ Сибирь и Дальний Восток: социальное развитие. М., 1988. (ДСП). С. 137; Основные показатели социального развития краев и областей Западно-Сибирского экономического района: стат. сб. Барнаул, 1990. С. 68–69, 72, 75.

⁹²⁸ Куксанова Н.В. Социально-бытовое развитие городов Сибири в 1960–1970-е гг.: уч. пос. С. 93–95, 97.

В результате целенаправленных государственных мероприятий по повышению уровня материальной обеспеченности граждан уровень рождаемости хотя и не вырос, но по крайней мере прекратил свое падение. Часть семей положительно отреагировала на мероприятия власти и компенсировала падение рождаемости у остального населения. Малодетность продолжала распространяться в обществе, но темпы ее роста в 1970-е гг. все же были невелики. В целом по Советскому Союзу доля семей с одним или двумя детьми увеличилась за 1967–1981 гг. с 84,6 % до 90,0 %⁹²⁹.

В Западной Сибири суммарный коэффициент даже немного вырос (1,739 до 1,752), что подтверждают расчеты, произведенные с помощью индексного метода (см. табл. 3.1.3). Это, видимо, связано с тем, что социальное развитие и материальное обеспечение сибиряков росло несколько быстрее, чем в целом по республике. Как и по республике в целом, в 1970-е гг. рождаемость сильно омолодилась. Если в 1958/1959 гг. на молодых горожанок в возрасте до 30 лет приходилось 72,1 % от общего количества рождений, в 1969/1970 гг. – 74,7 %, то в 1978/1979 гг. – 87,3 %.

В 1960–1970-е гг. усилилось разделение брачного, сексуального и репродуктивного поведения. Одним из последствий этого стало распространение в молодежной среде добрачных сексуальных связей, которые не всегда приводили к оформлению супружеских отношений. Последствиями таких контактов нередко являлись нежелательные добрачные зачатия и вынужденные брачные союзы⁹³⁰. Отношение горожан к их распространению в обществе становилось терпимее⁹³¹.

Таблица 3.1.10

Возрастные и суммарные коэффициенты рождаемости по очередности рождения детей в 1978/1979 гг. в городских поселениях Западной Сибири*

Возраст матери, лет	Первый	Второй	Третий	Четвертый	Пятый	Шестой и более	Всего
15–19	40,2	2,0	0,06	0	0	0	42,3
20–24	106,9	35,5	2,5	0,3	0,04	0	145,4
25–29	30,5	55,5	7,9	1,4	0,5	0,1	96,0
30–34	9,1	28,5	8,2	1,8	0,8	0,3	48,9
35–39	2,1	5,5	3,6	1,3	0,8	0,4	14,3
40–44	0,5	0,8	0,8	0,4	0,3	0,2	3,3
45–49	0,02	0,02	0,04	0,02	0,02	0,01	0,2
СКР	0,947	0,639	0,116	0,026	0,012	0,005	1,752

* Подсчитано по: ГААК. ФР.–718. Оп. 43. Д. 147. Л. 20–20об; Д. 153. Л. 66–66об; ГАКО. ФР.–304. Оп. 1. Д. 83. Л. 20–20об; Д. 84. Л. 23–23об; ИАОО. ФР.–2122. Оп. 1. Д. 8257. Л. 22–22об; Д. 8543. Л. 22–22об.; ГАТО. ФР.–1085. Оп. 3. Д. 418. Л. 48; Д. 576. Л. 42–42об; ГАТюм.О. ФР.–1112. Оп. 1. Д. 8468. Л. 26–26об; Д. 8944. Л. 29–29об; ГАНО. ФР.–11. Оп. 5. Д. 8574-А. Л. 36–36об; Д. 5452. Л. 97–97об; ГАРФ. Ф.А.–374. Оп. 39. Д. 6012. Л. 4–6об; Д. 6016. Л. 4–6об; Д. 6014. Л. 4–6об; Д. 6018. Л. 142–144об; Д. 6017. Л. 4–6об; Д. 6019. Л. 78об–80об.

⁹²⁹ Воспроизводство населения и демографическая политика в СССР. С. 65.

⁹³⁰ Население России в XX веке: исторические очерки: в 3 т. Т. 3, кн. 1. 1960–1979. С. 120.

⁹³¹ Жиромская В.Б. Основные тенденции демографического развития России в XX веке. С. 192.

Как видно из табл. 3.1.10, трансформация рождаемости в городах Западной Сибири происходила в общем в русле общероссийских тенденций. У молодых женщин в возрасте до 20 лет она увеличилась довольно существенно – на 30,2 %, также возросла рождаемость у 20–24-летних (на 5,1 %), на которых приходилась большая часть деторождений (45,7 % в 1970 г. и 47,5 % в 1979 гг.). В когорте 25–29 лет она сохранилась почти на прежнем уровне (+1,3 %). Снижение возрастных коэффициентов, как и в республике, произошло в средних и старших репродуктивных возрастах. Интенсивность рождений детей в пятилетних когортах с 30 лет и выше снизилась: у 30–34-летних – на 13,5 %, 35–39-летних – на 29,8 %, 40–44-летних – на 32,4 %, 45–49-летних – на 70,9 %.

При разложении суммарного коэффициента на его очередности был получен следующий результат. Завести первенца по-прежнему желало большинство горожанок (0,963). Рождаемость первых детей закономерно увеличилась у девушек в возрасте до 20 лет и сократилась в когортах старше 35 лет. Если в 1959 г. в городских поселениях Западной Сибири у 15–19-летних появилось на свет 7 603 малышей, в 1970 г. – 13 711, то в 1980 г. – уже 18 715.

В то же время увеличилось число тех, кто решил завести второго ребенка (0,691), особенно среди молодежи, что было отмечено в СССР в целом⁹³². Так, рождаемость вторых детей заметно возросла у 20–24-летних – на 43,4 %, несколько меньше у 25–29-летних – на 9,9 %. В 1970–1979 гг. продолжала сокращаться интенсивность рождений третьих по счету детей, однако снижение оказалось не таким сильным, как в предшествующий межпереписной период (на 10,1 %). Третий ребенок в полтора раза чаще стал появляться у 20–24-летних женщин и реже у старших возрастных групп. Рождаемость четвертых детей снизилась по сравнению с 1969/1970 гг. более чем на четверть. Например, если в 1969/1970 гг. 37 женщин из каждой 1 000 были готовы родить четвертого ребенка, то в 1978/1979 гг. – только 26 (см. табл. 3.1.10).

В результате благоприятной социально-экономической конъюнктуры, сложившейся в 1970-е гг., удельный вес первенцев в общем числе рождений уменьшился с 59,2 % в 1970 г. до 57,7 %, вторых детей увеличился с 30,0 % до 34,7 % при дальнейшем снижении доли третьих и выше рождений. Таким образом, главной тенденцией рождаемости городского населения в межпереписной период (при небольшом росте суммарного коэффициента) стала продолжающаяся концентрация деторождений преимущественно в молодых возрастах (до 30 лет) и в первых и вторых очередностях.

В 1970–1979 гг. снизились различия в рождаемости горожан и всего населения в целом. «Урбанизация» села и дальнейшее распространение стандартов городской жизни привели к тому, что к 1978/1979 гг. рождаемость у всего населения стала превосходить городскую только на 12,9 % (в 1969/1970 гг. – на 15,7 %). Суммарный коэффициент в Западной Сибири по-прежнему

⁹³² Воспроизводство населения и демографическая политика в СССР. С. 60.

был больше, чем в республике, однако дифференциация оставалась незначительной, хотя несколько увеличилась в сравнении с 1969/1970 гг. (1,752 против 1,717).

При этом по уровню образования городские контингенты Западной Сибири, как и прежде, уступали таковым в РСФСР. Если в 1979 г. на 1000 чел. в возрасте 10 лет и старше в городах экономического района приходилось 73 с высшим и 623 человека – с незаконченным высшим и средним (полным и неполным) образованием, то в республике – 91 и 629 соответственно⁹³³. Также меньше в Западной Сибири было служащих и больше – рабочих. По всей видимости, данные факторы, так же как и в республике в целом, медленно утрачивали свою роль⁹³⁴.

Динамика общего коэффициента рождаемости в 1970-е гг. в разных регионах Западной Сибири продемонстрирована в табл. 3.1.11.

Таблица 3.1.11

Динамика общего коэффициента рождаемости в городах РСФСР, Западной Сибири и ее регионах в 1970–1978 гг., в ‰ *

Год	РСФСР	Зап. Сиб.	Алт. край	Кем. обл.	Новосиб. обл.	Ом. обл.	Том. обл.	Тюм. обл.
1970	14,8	15,3	15,8	14,7	14,3	15,3	16,0	18,1
1971	15,3	16,0	16,4	15,4	15,5	16,0	16,2	18,4
1972	15,7	16,8	17,1	15,9	16,3	16,8	17,3	19,9
1973	15,4	16,5	16,6	15,7	16,0	17,0	16,2	19,6
1974	15,8	17,3	17,4	16,4	17,1	17,4	17,5	19,8
1975	15,9	17,3	17,5	16,6	16,4	17,6	17,2	20,4
1976	16,0	17,3	17,0	16,6	16,4	17,8	17,5	20,2
1977	15,9	17,5	17,1	16,7	17,1	17,9	17,4	20,4
1978	15,9	17,4	17,0	16,7	16,7	17,7	17,3	20,2
1979	15,7	17,2	16,7	16,6	16,2	17,8	17,5	19,6

* Подсчитано по: Демографический ежегодник России: стат. сб. М., 1997. С. 52; Численность, естественное движение и миграция населения РСФСР в 1979 году: стат. сб. М., 1980. С. 10, 12, 39, 41.

Поскольку медленно снижалось значение таких факторов, как уровень образования, социально-классовый и профессиональный состав населения, удельный вес разных по размеру городов в системе расселения, то, соответственно, должны были уменьшаться межрегиональные отличия в рождаемости. И действительно, если в 1958/1959 гг. разница между самым высоким и низким суммарными коэффициентами составляла 31,8 % (Кемеровская и Новосибирская области), в 1969/1970 гг. – 27,1 % (Тюменская и Новосибирская области), то в 1978/1979 гг. – только 15,2 % (Тюменская и Томская области).

Тем не менее определенная межрегиональная дифференциация в рождаемости по-прежнему сохранялась⁹³⁵. Общий коэффициент рождаемости в Кузбассе, так же как в Новосибирской области, продолжал оставаться одним из самых низких в Западной Сибири.

⁹³³ Итоги Всесоюзной переписи населения 1979 года: стат. сб. М., 1989. Т. III. Уровень образования населения СССР, союзных и автономных республик, краев и областей. Ч. 1. С. 190, 256.

⁹³⁴ Сифман Р.И. Динамика рождаемости в СССР (по материалам выборочных обследований). С. 137–138, 179–180.

⁹³⁵ Вероятно, полного исчезновения межтерриториальной дифференциации в рождаемости не произойдет даже в отдаленной перспективе.

Между тем по размерам суммарного коэффициента Кемеровская область находилась на первых позициях, лишь немного уступая лидеру – Тюменской области.

Эти регионы многое объединяет, так как они являлись территориями нового промышленного освоения с большими запасами пространственно рассредоточенных природных ресурсов. Рядом с каждым крупным месторождением (нефти, газа или угля) формировался населенный пункт, из-за чего городское население как бы «дробилось» на многие части. Таким образом исключалось появление единственного мощного промышленного центра, как в Новосибирской, Омской или Томской областях. Специализированная хозяйственная структура, преобладание предприятий с высокой долей физического труда занижали, особенно в начальный период освоения, требования к образовательному уровню, что особенно характерно для Кузбасса. В Тюменской области в период освоения он был относительно высоким, так как нефтегазодобывающей отрасли были необходимы высококвалифицированные трудовые ресурсы⁹³⁶. В социальном составе городов этих регионов доля рабочих превышала средние показатели по экономическому району, а удельный вес служащих был не так высок, что не могло не влиять на рождаемость⁹³⁷.

Как и прежде, суммарный коэффициент был низким в Новосибирской области. Однако, если в 1969/1970 гг. регион занимал последнее место, то в 1978/1979 гг. самая низкая рождаемость была отмечена уже в Томской области. Согласно Всесоюзной переписи 1979 г. по доле лиц с высшим и средним образованием область вышла на первое место в Западной Сибири⁹³⁸. Вузы г. Томска стали привлекать большое количество молодежи, число студентов в населении увеличилось. В Алтайском крае рождаемость продолжала оставаться на уровне средних показателей по экономическому району, тогда как в Омской области она впервые несколько превысила ее⁹³⁹. Скорее всего, это произошло из-за того, что образовательный уровень на ее территории рос медленнее, чем в других регионах Западной Сибири.

1980–1989. В начале 1980-х гг. начинается новый этап совершенствования законодательства, касающегося материальной поддержки семей с детьми. Еще на XXV съезде КПСС, в 1976 г., председатель Совета Министров А.Н. Косыгин указал на то, что в 1980-е гг. государство столкнется с сокращением естественного прироста трудовых ресурсов, и на необходимость предоставления женщинам частично оплачиваемого отпуска по уходу за

⁹³⁶ Гаврилова Н.Ю. Социальное развитие нефтегазодобывающих районов Западной Сибири. С. 63, 83–89.

⁹³⁷ Можно предположить, что рождаемость у рабочих с высшим образованием была в среднем по РСФСР выше, чем у служащих с высшим образованием.

⁹³⁸ Итоги Всесоюзной переписи населения 1979 года: стат. сб. М., 1989. Т. III. Уровень образования населения СССР, союзных и автономных республик, краев и областей. Ч. 1. С. 262; ГАТО. ФР.–1085. Оп. 3. Д. 582. Л. 33.

⁹³⁹ Дашинамжилов О.Б. Городское население Западной Сибири в 1960–1980-е годы: историко-демографическое исследование. С. 347.

новорожденным ребенком⁹⁴⁰. В соответствии с «Основными направлениями экономического и социального развития СССР на 1981–1985 годы и на период до 1990 года» в январе 1981 г. вышло постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О мерах по усилению государственной помощи семьям, имеющим детей». Для работающих матерей, имеющих общий трудовой стаж не менее года, частичная оплата отпуска по уходу за новорожденным ребенком до достижения им возраста одного года была нормативно утверждена. По желанию матери отпуск мог быть продлен до полутора лет без оплаты с сохранением непрерывного трудового стажа. По регионам СССР его вводили поэтапно, начиная с восточных и северных регионов. На Дальнем Востоке, в Сибири и северных районах страны размер выплат составил 50,0 руб. в месяц, в остальных районах – 35,0 руб.⁹⁴¹

Исполнительным органам союзных республик было указано разработать меры по распространению у женщин практики работы в режиме неполного рабочего времени или неполной рабочей недели, по скользящему (гибкому) графику; ограничить выполнение ими тяжелых и неблагоприятных для здоровья работ и труд в ночную смену. Начиная с 1981 г. работающим женщинам, имеющим двух и более детей в возрасте до 12 лет, предоставлялся дополнительный трехдневный оплачиваемый отпуск, а также право на получение ежегодного отпуска в летнее или другое удобное время. Продолжительность оплачиваемого периода по уходу за больным ребенком была увеличена до 14 дней⁹⁴².

Установлены единовременные пособия работающим женщинам в размере 50,0 руб. при рождении первого ребенка и 100,0 руб. при рождении второго и третьего; до 20,0 руб. в месяц повышены размеры государственных пособий одиноким матерям, которые выплачивались до достижения ребенком 16 лет. Постановлением планировалось улучшить жилищные условия семьям, имеющим детей, расширив их преимущества при получении государственной жилой площади, индивидуальном и кооперативном жилищном строительстве. Для этого, начиная с районов Дальнего Востока, Сибири, Европейского Севера и Нечерноземной зоны РСФСР, молодоженам, вступающим в первый брак (в возрасте до 30 лет) должна была представляться как минимум комната, а молодым семьям при рождении ребенка в первые три года после бракосочетания – однокомнатная квартира и т.д.⁹⁴³

В 1980-е гг. многообразие причин, оказывающих воздействие на рождаемость, по сравнению с предшествующим десятилетием выросло. Общий коэффициент на протяжении всего десятилетия испытывал колебания, кратковременные подъемы чередовались с падениями

---

⁹⁴⁰ XXV съезд Коммунистической партии Советского Союза. 24 февраля – 5 марта 1976 г.: стенограф. отчет. М., 1976. Т. 2. С. 16, 20.

⁹⁴¹ Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М., 1987. Т. 14. 1981–1984. С. 21–29.

⁹⁴² Население России в XX веке: исторические очерки: в 3 т. Т. 3, кн. 2. 1980–1990 гг. С. 195.

⁹⁴³ Там же. С. 194.

(табл. 3.1.12). В начале рассмотрим специфику развития возрастного состава городского населения западносибирских регионов. Как видно из Приложения, табл. 9, численность женщин самых активных репродуктивных возрастов должна была сократиться.

Так, в 1979 г. удельный вес 15–19-летних в населении был ниже, чем 20–24-летних. Теоретически это означало, что число деторождений к середине 1980-х гг., должно было снизиться. Еще большее сокращение ожидалось в конце десятилетия, когда детородного возраста достигло бы поколение, появившееся на свет в 1964–1968 гг. Между тем в первой половине 1980-х гг. (1979–1984 гг.) общий коэффициент рождаемости увеличился на 5,8 %⁹⁴⁴.

Таблица 3.1.12

Число рождений и общий коэффициент рождаемости в городских поселениях Западной Сибири и РСФСР в 1979–1989 гг.*

Год	Число рождений в городах и пгт Западной Сибири, тыс. чел.	Общий коэффициент рождаемости, ‰	
		Западная Сибирь	РСФСР
1979	152,0	17,2	15,7
1980	156,2	17,3	15,8
1981	164,9	17,9	15,8
1982	181,7	19,2	16,3
1983	187,6	19,4	17,2
1984	180,5	18,2	16,5
1985	180,3	17,8	16,1
1986	189,0	18,2	16,7
1987	191,2	18,0	16,6
1988	177,9	16,4	15,4
1989	161,0	14,7	14,0

* Подсчитано по: Численность, состав и движение населения в РСФСР: стат. сб. М., 1990. С. 14–15, 89; Естественное движение населения в РСФСР: стат. бюл. (ДСП). М., 1989. С. 7; Естественное движение населения в РСФСР: стат. сб. (ДСП) М., 1988. С. 17; Численность, состав и движение населения в РСФСР: стат. сб. (ДСП). М., 1986. С. 68; Численность, естественное движение и миграция населения РСФСР в 1983 г. (ДСП). М., 1984. С. 27; Демографический ежегодник России: стат. сб. М.: Госкомстат России, 1998. С. 51.

Применив индексный метод с использованием общероссийских данных, мы выяснили, что увеличение числа рождений было обусловлено повышением именно рождаемости. Так, при росте общего коэффициента на 5,1 %, непосредственно рождаемость увеличилась на 5,8 % (см. табл. 3.1.3). Такая динамика подтверждается суммарным коэффициентом, который согласно опубликованным статистическим сведениям в городах и пгт РСФСР увеличился с 1,714 (1978/1979 гг.) до 1,826 (1984/1985 гг.) ребенка на одну женщину⁹⁴⁵. Причем возрастной коэффициент повысился во всех пятилетних группах, вплоть до 40 лет, кроме 20–24-летней когорты, где он не изменился. Заметный прирост показали старшие репродуктивные возрасты: у 35–39-летних рождаемость увеличилась на треть (на 35,8 %),

⁹⁴⁴ Подсчитано по: Численность, естественное движение и миграция населения РСФСР в 1983 г. М., 1984. (ДСП). С. 27; Численность, состав и движение населения в РСФСР. М., 1986. (ДСП). С. 76.

⁹⁴⁵ Демографический ежегодник России: стат. сб. М., 1999. С. 89.

у 30–34-летних – на 9,3 %, 25–29-летних – на 7,4 %. Существенно увеличилась она у самых молодых женщин (15–19 лет) – на 16,2 %⁹⁴⁶.

Теперь переходим к рассмотрению причин, способствующих росту рождаемости. Так как на государственном уровне проблемы народонаселения рассматривались в практической плоскости, то распространенной была точка зрения, по которой главной задачей демографической политики являлось создание благоприятных условий для формирования и пополнения трудовых ресурсов страны⁹⁴⁷. Именно поэтому угроза сокращения естественного прироста в 1980-е гг., официально признанная на XXV съезде КПСС в 1976 г. в докладе председателя Совета Министров А.Н. Косыгина, заставила центральные органы управления искать методы противодействия ей. С этой целью были разработаны нормативные акты, призванные преодолеть тенденцию к сокращению числа рождений. Главным итогом этой работы стало вышеупомянутое постановление «О мерах по усилению государственной помощи семьям, имеющим детей».

По нашим данным, после Всесоюзной переписи 1989 г. работниками Госкомстата СССР (до 1987 г. ЦСУ СССР) были впервые рассчитаны половозрастные составы населения регионов (краев, областей и автономных республик) по однолетним и пятилетним группам на начало 1979–1989 гг.⁹⁴⁸ Теоретически они дают возможность вычислить суммарные коэффициенты рождаемости по Западной Сибири уже за каждый год. Это существенно упростило бы задачу выявления силы воздействия государственных социально-экономических мероприятий на репродуктивное поведение населения. К большому сожалению, указанные источники удалось обнаружить только в государственных и ведомственных архивах Новосибирской области, Алтайского края и, фрагментарно, Тюменской области⁹⁴⁹. Тем не менее представляется, что показатели, рассчитанные на основе материалов двух первых регионов, вполне репрезентативны и позволят воссоздать общую картину динамики рождаемости (табл. 3.1.13).

При анализе данных таблицы можно увидеть, что рождаемость за 1978/1979–1984/1985 гг. заметно увеличилась. Суммарный коэффициент в Новосибирской области повысился почти на 10,0 %, в Алтайском крае – на 11,7 %, наибольший прирост был в возрастных когортах старше 30 лет. Это вызвано тем, что желаемое число детей у женщин средних возрастов было

⁹⁴⁶ Подсчитано по: Численность, естественное движение и миграция населения РСФСР в 1979 году: стат. сб. М., 1980. (ДСП). С. 156; Численность, состав и движение населения в РСФСР: стат. сб. М., 1990. С. 114.

⁹⁴⁷ Население России в XX веке: исторические очерки: в 3 т. Т. 3, кн. 2. 1980–1990 гг. С. 192.

⁹⁴⁸ При этом в некоторых закрытых сборниках (ДСП) по РСФСР публиковались сведения о возрастных коэффициентах рождаемости и смертности по регионам (например, в вышедшем в 1987 г.). Из этого следует, что данные о половозрастном составе населения по пятилетним группам уже разрабатывались статистическими органами ежегодно с 1979 г., то есть на основе данных текущего учета населения. Раньше подобные сведения вычислялись только для союзных республик и Советского Союза в целом.

⁹⁴⁹ ГААК. ФР.–718. Оп. 43. Д. 210. Л. 10–36; Текущий архив Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Новосибирской области. Таблица ПН.1. Численность постоянного населения по полу и возрасту на начало года (человек). Л. 1–60.

сравнительно высоким, что в свою очередь являлось следствием частично сохранившихся старых репродуктивных установок. Так, в Новосибирской области у 30–34- и 35–39-летних когорт рождаемость увеличилась на 15,2 % и 46,2 %, в Алтайском крае – на 13,5 % и 53,2 %. У женщин в возрасте 40 лет и старше рождаемость продолжала снижаться, хотя в некоторые годы наблюдался небольшой рост. У 20–24-летних рост был не таким сильным из-за того, что рождаемость у них и так была самой высокой, так как в эти годы у женщин в основном появлялись первенцы. Также увеличились возрастные коэффициенты у молодежи до 20 лет (табл. 3.1.13). Рост суммарного коэффициента происходил до 1983/1984 гг. включительно, после чего эффект от принятых мер снизился.

Таблица 3.1.13

Возрастные и суммарные коэффициенты рождаемости городского населения Новосибирской области и Алтайского края в первой половине 1980-х гг.*

Возраст матери, лет	1978/1979		1984/1985	
	Новосибирская область	Алтайский край	Новосибирская область	Алтайский край
15–19	37,7	42,1	42,5	51,4
20–24	137,2	147,0	144,7	152,4
25–29	93,1	91,1	101,0	104,0
30–34	46,9	44,8	54,0	50,8
35–39	13,6	13,0	19,9	19,9
40–44	3,0	2,9	2,3	2,5
45–49	0,2	0,2	0,1	0,07
СКР	1,659	1,705	1,823	1,905

* Подсчитано по: ГААК. ФР.–718. Оп. 43. Д. 147. Л. 20–20об; Д. 153. Л. 66–66об; Д. 178. Л. 47–47об; Д. 183. Л. 12–12об; Д. 210. Л. 22–27; ГАНО. ФР.–11. Оп. 5. Д. 8574-А. Л. 36–36об; Д. 5452. Л. 97–97об; ГАРФ. Ф.А.–374. Оп. 39. Д. 6012. Л. 4–6об; Д. 6014. Л. 4–6об.

Мероприятия центральных государственных органов повлияли на порядок рождения детей. В Новосибирской области и Алтайском крае рождаемость вторых детей за 1978/1979–1984/1985 гг. увеличилась примерно на 20,0 %, четвертых детей – на треть. Сильнее всего повысилась она в отношении третьих по счету детей (примерно на 60,0 % в обоих регионах), что является важным подтверждением того, что ориентация на многодетность у части горожан в начале 1980-х гг. все еще имела место. В 1983 г. в городах Новосибирской области на пике роста числа рождений было зафиксировано на 42,1 % больше вторых, на 85,3 % больше третьих, на 57,6 % больше четвертых детей, чем в 1979 г., при этом первенцев появилось чуть меньше (–3,6 %). Что касается пятых и шестых детей, то в Новосибирской области и Алтайском крае динамика сильно отличалась, так как число рождений данных порядков сильнее увеличилось в первой из них⁹⁵⁰. Можно предположить, что население Новосибирской области сильнее ограничивало рождаемость, и введение оплачиваемого отпуска возымело больший эффект.

⁹⁵⁰ Подсчитано по: ГАНО. ФР.–11. Оп. 5. Д. 5452. Л. 97–97об; Оп. 6. Д. 2610. Л. 20–20об; ГААК. ФР.–718. Оп. 43. Д. 153. Л. 66–66об; Д. 174. Л. 110–110об.

Такую динамику рождаемости косвенно подтверждает выборочное социально-демографическое обследование населения 1985 г., согласно которому произошел рост доли семей, состоящих из четырех и пяти человек⁹⁵¹. Из числа работающих или учащихся женщин, родивших детей в 1983 г., 92,0 % использовали право на годичный (частично оплачиваемый) отпуск и полугодовой (неоплачиваемый) отпуск по уходу за ребенком. Доля родивших второго ребенка среди однопородных женщин, состоящих в первом браке, увеличилась на 12,0 %, третьего среди имевших двух детей – на 14,0 %⁹⁵².

Во второй половине 1980-х гг. общий коэффициент по Российской Федерации снизился с 16,1 ‰ в 1985 г. до 14,0 ‰ в 1989 г., тогда как непосредственно рождаемость даже немного увеличилась. Это повышение подтверждает суммарный коэффициент, который в городах и пгт РСФСР вырос на 3,6 % – с 1,826 ребенка на одну женщину в 1984/1985 гг. до 1,890 в 1988/1989 гг. Возрастные коэффициенты повысились главным образом у молодежи до 24 лет, у старших когорт – сохранились на прежнем уровне⁹⁵³.

Причины сохранения и даже некоторого роста уровня рождаемости лежат на поверхности. В 1985–1987 гг. ожидания населения в отношении Перестройки и доверие к мероприятиям власти были высокими. В это время активизировалась социальная политика государства, были сформулированы новые приоритеты в области образования и социального обеспечения и заработной платы, в сфере жилищного строительства. Планировалось значительно увеличить капиталовложения в охрану материнства и детства⁹⁵⁴. Принята специальная программа развития производства товаров народного потребления и услуг на 1986–2000 гг., внесены важные коррективы в структурную экономическую политику. В результате темпы роста в отраслях, производящих товары народного потребления, по данным, озвученным на XXVIII съезде партии, стали выше, чем в выпускающих средства производства. Возросли масштабы строительства жилья, объектов социально-культурной сферы, значительно увеличился рост денежных доходов населения⁹⁵⁵.

Центральными органами власти осуществлена серия мероприятий, положительно повлиявших на материальное положение граждан. В мае 1985 г. постановлением правительства до 12 лет увеличен возраст детей, на которых выплачивались пособия малообеспеченным семьям (раньше до восьми лет). В октябре 1987 г. принято решение, по которому больничный лист по уходу за ребенком должен был предоставляться на период, в течение которого

---

⁹⁵¹ Вестник статистики. 1986. № 6. С. 53.

⁹⁵² Там же.

⁹⁵³ Численность, состав и движение населения в РСФСР: стат. сб. М., 1990. С. 114.

⁹⁵⁴ Аргументы и факты. 1988. № 43.

⁹⁵⁵ Материалы XXVIII съезда Коммунистической партии Советского Союза. М., 1990. С. 10–12.

он нуждался в уходе (раньше до 14 дней). Если ребенок болел больше двух недель, то матери выдавалась справка о временном освобождении от работы⁹⁵⁶.

Продолжали улучшаться условия работы беременных женщин и матерей. В 1989–1990 гг. был поэтапно до трех лет увеличен отпуск по уходу за новорожденным ребенком, правда, без сохранения содержания. Несколько позднее, в 1990 г., с 56 до 70 дней выросла длительность родового отпуска. Материальные доходы населения увеличились, благодаря повышению минимальных размеров пенсий. Так, в мае 1986 г. они были повышены у лиц, постоянно проживавших в сельской местности, в сентябре введены дополнительные льготы участникам Великой Отечественной войны и семьям погибших военнослужащих.

Осуществлен комплекс мер по повышению оплаты труда. В 1986 г. во всех районах страны увеличена зарплата и должностные оклады преподавателей, мастеров производственного обучения, руководящих и других педагогических работников общеобразовательных школ, средних специальных и профессионально-технических учебных заведений. Заработная плата учителей начальных классов возросла в среднем на 53,0 %, средних и старших классов – на 33,0 %, преподавателей СПТУ и ПТУ – на 25,0 %. С ноября 1986 г. началось поэтапное повышение оплаты труда врачей и других работников здравоохранения и социального обеспечения.

К 1987 г. был в основном завершен перевод на новые условия труда научных работников, конструкторов и технологов научно-исследовательских учреждений, конструкторских и технологических организаций промышленности, Академии наук СССР и союзных республик, увеличены тарифные ставки рабочим отдельных отраслей легкой промышленности и т.д. Впервые в стране во всех производственных отраслях начато повышение заработной платы на принципиально новой основе – за счет средств, зарабатываемых непосредственно предприятиями без дотаций из государственного бюджета. К первому июля 1988 г. на такие условия были переведены 42,0 млн работников народного хозяйства.

Масштабной была разработанная органами власти программа «Жилье-2000», целью которой являлось решение одной из наиболее важных проблем в СССР. Согласно этому документу, каждая семья к 2000 г. должна была приобрести квартиру или жить в собственном доме⁹⁵⁷. Эти и другие меры вызвали завышенные ожидания у граждан страны, которые надеялись, опираясь на государственную помощь, решить накопившиеся проблемы. Особенно сильно рождаемость повысилась на пике позитивных ожиданий от Перестройки, в 1986/1987 гг. (1,947 ребенка на одну женщину в городах и пгт РСФСР)⁹⁵⁸.

---

⁹⁵⁶ Население России в XX веке: исторические очерки: в 3 т. Т. 3, кн. 2. 1980–1990 гг. С. 195.

⁹⁵⁷ Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза. М., 1986. С. 48, 153.

⁹⁵⁸ Демографический ежегодник России: стат. сб. М., 2000. С. 94.

Теперь на материалах Новосибирской области и Алтайского края рассмотрим тенденции рождаемости во второй половине десятилетия (табл. 3.1.14). В обоих регионах суммарный коэффициент в 1986/1987 гг. достиг наивысших в 1980-е гг. величин – соответственно 1,899 и 1,966 ребенка на одну женщину, затем он снизился и вернулся к предперестроечному уровню. Возрастные коэффициенты на пике роста, как и в первой половине 1980-х гг. увеличились за счет старших возрастных групп и детей высоких очередностей.

Таблица 3.1.14

Возрастные и суммарные коэффициенты рождаемости городского населения Новосибирской области и Алтайского края во второй половине 1980-х гг.*

Возраст матери, лет	1984/1985		1988/1989	
	Новосибирская область	Алтайский край	Новосибирская область	Алтайский край
15–19	42,5	51,4	48,2	48,8
20–24	144,7	152,4	146,9	160,2
25–29	101,0	104,0	94,8	94,6
30–34	54,0	50,8	49,7	52,2
35–39	19,9	19,9	18,1	19,5
40–44	2,3	2,5	4,5	4,3
45–49	0,1	0,07	0,03	0,08
СКР	1,823	1,905	1,812	1,899

* Подсчитано по: ГААК. ФР.–718. Оп. 43. Д. 178. Л. 47–47об; Д. 183. Л. 12–12об; Д. 210. Л. 22–27; Естественное движение и миграция населения Алтайского края в 1988 году. Барнаул, 1989. (ДСП) С. 40; Естественное движение и миграция населения Алтайского края в 1989 году. Барнаул, 1990. (ДСП) С. 36; Естественное движение населения Новосибирской области. Новосибирск, 1990. С. 21; Текущий архив Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Новосибирской области. Численность постоянного населения по полу и возрасту на начало года (1979–1989 гг.). Л. 29–39; РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 69. Д. 105. Л. 5–8; Д. 110. Л. 5–8.

Теперь переходим к обобщенному анализу динамики рождаемости за межпереписной период в целом. В РСФСР общий коэффициент снизился с 15,7 ‰ в 1979 г. до 14,0 ‰ в 1989 г.⁹⁵⁹ В то же время суммарный коэффициент увеличился и довольно существенно – с 1,714 в 1978/1979 гг. до 1,890 ребенка на одну женщину в 1988/1989 гг. (на 10,3 ‰). Возрастная рождаемость повысилась почти во всех пятилетних когортах: до 20 лет – на 20,8 ‰, у 20–24-летних – на 8,6 ‰, 25–29-летних – на 6,4 ‰. В средних и старших возрастных категориях: у 30–34-летних – на 6,1 ‰, у 35–39-летних – более чем на треть, у 40–44-летних – на 17,4 ‰. Только в самых старших репродуктивных возрастах (45–49 лет) рождаемость снизилась (на 41,9 ‰)⁹⁶⁰.

В ходе демографического перехода генеральной тенденцией оставалось сокращение интенсивности рождений в средних и старших когортах. Вместе с тем, именно они сильнее всех оказались подвержены влиянию социальной и демографической политики. Изменения в законодательстве о пособиях и отпусках, а также мероприятия перестроечного периода в

⁹⁵⁹ Численность, состав и движение населения в РСФСР: стат. сб. М., 1990. С. 85.

⁹⁶⁰ Подсчитано по: Численность, естественное движение и миграция населения РСФСР в 1979 году: стат. сб. М., 1980. (ДСП). С. 156; Численность, состав и движение населения в РСФСР: стат. сб. М., 1990. С. 114.

наибольшей степени затронули старшие репродуктивные контингенты женщин⁹⁶¹. Это подтверждает существенный за 10 лет рост рождаемости у 35–39- и 40–44-летних.

В городских поселениях Западной Сибири рождаемость повысилась на 9,7 %. Сильно увеличились возрастные коэффициенты у 35–39- и 40–44-летних женщин (на 44,0 % и 41,5 %), у 45–49-летних – он снизился на треть. В пятилетних когортах в интервале 20–34 лет также был отмечен рост, хоть и меньший, чем в вышеупомянутых группах. И, наконец, на 22,8 % увеличилась рождаемость среди молодежи до 20 лет.

Таблица 3.1.15

Возрастные и суммарные коэффициенты рождаемости по очередности рождения детей в 1988/1989 гг. в городских поселениях Западной Сибири*

Возраст матери, лет	Первый	Второй	Третий	Четвертый и более	Всего
15–19	48,4	3,3	0,09	0,0	49,5
20–24	106,1	45,6	4,3	0,6	156,1
25–29	28,5	54,7	11,1	2,9	98,7
30–34	9,7	26,0	12,4	4,5	53,2
35–39	3,3	7,6	6,0	3,8	20,9
40–44	0,8	1,3	1,3	1,3	4,4
45–49	0,01	0,03	0,02	0,04	0,1
СКР	0,981	0,691	0,173	0,07	1,915

* Подсчитано по: Естественное движение и миграция населения Алтайского края в 1988 году. Барнаул, 1989. (ДСП) С. 40; Естественное движение и миграция населения Алтайского края в 1989 году. Барнаул, 1990. (ДСП) С. 36; Основные показатели демографических процессов Кузбасса. Кемерово, 1990. (ДСП) С. 46–47; Текущий архив Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Кемеровской области. Число рождений по возрасту матери и порядку рождения Л. 2; Естественное движение населения Новосибирской области. Новосибирск, 1990. С. 21; ИАОО. ФР.–2122. Оп. 3. Д. 2442. Л. 155–156; Д. 3051. Л. 157–158; Естественное движение населения за 1988 год. Томск, 1989. (ДСП) С. 7; Естественное движение населения за 1989 год. Томск, 1990. (ДСП). С. 12; ГАТюм.О. ФР.–1112. Оп. 2. Д. 2546. Л. 36–37; Текущий архив Управления Федеральной службы государственной статистики по Тюменской области, ХМАО и ЯНАО. Число рождений по возрасту матери и порядку рождения Л. 3. РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 69. Д. 105. Л. 5–8; Д. 108. Л. 181–184; Д. 110. Л. 5–8, 53–56; Д. 111. Л. 73–76, 113–116.

Разложение суммарного коэффициента тоже показало рост рождаемости детей высоких очередностей. Так, вторых детей за межпереписной период стало появляться больше на 8,4 %. Исходя из расчетных данных, семь из десяти горожанок репродуктивного возраста Западной Сибири в 1988/1989 гг. завели бы второго ребенка. Интенсивность рождений третьих детей за десятилетие увеличилась с 0,115 до 0,175 ребенка на одну женщину или примерно в полтора раза, а четвертых и выше – примерно на треть (см. табл. 3.1.15).

За 10 лет разница в рождаемости всего и городского населения в Западной Сибири снизилась до 9,4 % (2,096 против 1,915). Сравнение динамики суммарного коэффициента горожан и собственно сельских жителей подтверждает сокращение дифференциации. Так, если в 1958/1959 гг. она составляла 65,8 % (2,369 в городах против 3,927 в сельской местности), в 1969/1970 гг. – 51,4 % (2,635 против 1,739), в 1978/1979 гг. – 48,7 % (2,605 против 1,752), то в 1988/1989 гг. – только 41,2 % (2,704 и 1,915). Снижение различий в рождаемости сельских

⁹⁶¹ Население Советского Союза: 1922–1991 гг. С. 85; Население СССР за 70 лет. С. 109.

и городских жителей являлось следствием распространения городских ценностей и стандартов жизни⁹⁶².

Уровень рождаемости в городских поселениях РСФСР по-прежнему был ниже, чем в Западной Сибири, но разница между ними составила всего 1,5 %. Официально опубликованные данные за 1989–1990 гг. подтверждают наши выкладки, рождаемость в Западной Сибири продолжала оставаться несколько выше (1,780 против 1,766)⁹⁶³.

Таблица 3.1.16

Динамика общего коэффициента рождаемости в городах РСФСР, Западной Сибири и ее регионах в 1979–1989 гг., в ‰*

Год	РФ	Зап. Сиб.	Алт. край	Кем. обл.	Новосиб. обл.	Ом. обл.	Том. обл.	Тюм. обл.
1979	15,7	17,2	16,7	16,6	16,2	17,8	17,5	19,6
1980	15,8	17,3	17,0	16,6	16,5	17,8	17,2	19,9
1981	15,8	17,9	17,5	17,2	16,9	18,1	17,8	20,8
1982	16,3	19,2	18,3	18,4	17,6	19,7	19,3	23,2
1983	17,2	19,4	18,5	18,3	18,3	19,4	19,0	23,3
1984	16,5	18,2	17,4	17,0	17,0	18,8	18,0	21,8
1985	16,1	17,8	16,4	16,1	15,9	18,2	17,4	22,9
1986	16,7	18,2	16,5	16,8	16,0	19,0	18,1	22,9
1987	16,6	18,0	16,7	16,8	15,9	18,0	17,1	22,7
1988	15,4	16,4	15,7	15,1	14,9	16,8	16,0	19,9
1989	14,0	14,7	13,9	13,5	13,7	15,2	14,3	17,4

* Численность, состав и движение населения в РСФСР: стат. сб. М., 1990, С. 14–15, 89, 95.

Как видно из табл. 3.1.16, общий коэффициент по регионам с учетом местной специфики испытывал такие же колебания, что по Западной Сибири в целом. Таким образом, социально-экономические мероприятия центральных органов власти повсеместно оказали сильное воздействие на уровень рождаемости в 1980-е гг.

В одном из обнаруженных нами статистических сборников (ДСП) была опубликована информация о числе рождений по возрасту матери и суммарные коэффициенты не только по РСФСР в целом, но и ее регионам за отдельные годы (1982/1983 и 1986/1987 гг.)⁹⁶⁴. Вместе с тем следует сказать о том, что рассчитанные нами показатели по Алтайскому краю и Новосибирской области за 1982/1983 гг. не полностью совпадают с цифрами, представленными в этом издании. Причина расхождений кроется в различиях структурного состава населения. Дело в том, что нами были использованные сведения о возрастной структуре населения на начало года, пересчитанные от итогов Всесоюзной переписи 1989 г., тогда как в указанном сборнике (выпущен в 1987 г.), были использованы данные, полученные на основе материалов текущего учета (смертности, рождаемости и миграции).

⁹⁶² Население России в XX веке: исторические очерки: в 3 т. Т. 3, кн. 1. 1960–1979. С. 20.

⁹⁶³ Демографический ежегодник России: стат. сб. М., 1995. С. 79, 86.

⁹⁶⁴ К сожалению, там нет данных опубликованных по городским поселениям Западной Сибири в целом.

В нашем случае это не является принципиальным моментом, поскольку интерес представляет показанная регионами динамика. Информация из сборника подтверждает значительный рост рождаемости в Западной Сибири. Как показывает таблица, если начиная с 1978/1979 гг. суммарный коэффициент в республике в целом увеличился на 6,2 %, то в западносибирских регионах он в среднем повысился больше. Так, в Алтайском крае рост составил 10,9 %, в Кузбассе – 11,6 %, Новосибирской области – 8,3 %, Омской области – 10,4 %, Томской – 7,9 %, Тюменской – 11,9 % (табл. 3.1.17).

Итак, мы можем видеть, что рождаемость меньше всего повысилась в городских поселениях тех регионов, где образовательный уровень населения был выше, а в социальной структуре было меньше рабочих и больше служащих (Новосибирская и Томская области). В то же время сильнее суммарный коэффициент увеличился в Кузбассе и Тюменской области. Исходя из этого можно сделать интересный вывод о том, что меры государственного стимулирования рождаемости оказывали воздействие, прежде всего, на менее образованные слои населения и лиц, занятых преимущественно физическим трудом. Можно предположить, что жители малых и средних городских поселений тоже хорошо среагировали на них. Косвенно это подтверждает сельская местность РСФСР, где суммарный коэффициент вырос намного больше, чем в ее городах и пгт (+16,5 %).

Таблица 3.1.17

Суммарный коэффициент рождаемости в городских поселениях РСФСР
и регионах Западной Сибири в 1978/1979 – 1982/1983 гг.

Регион	1978/1979	1982/1983
РСФСР	1,714	1,820
Алтайский край	1,705	1,891
Кемеровская область	1,832	2,045
Новосибирская область	1,659	1,797
Омская область	1,765	1,949
Томская область	1,616	1,744
Тюменская область	1,861	2,083
РСФСР (сельская местность)	2,497	2,910

* Естественное движение населения в РСФСР. М., 1988. С. 197, 201.

К 1988/1989 гг. разница между самой высокой и самой низкой рождаемостью уменьшилась до 14,3 % (Тюменская и Томская области). Это является прямым следствием сокращения социально-образовательной дифференциации в рождаемости. Подтверждением этому служат материалы выборочного социально-демографического обследования 1985 г., которые, например, явно указывают на снижение различий в рождаемости в РСФСР у женщин с разным образовательным уровнем⁹⁶⁵. Лидирующие позиции, как и прежде, занимали Кемеровская и Тюменская области, где суммарный коэффициент составил соответственно 1,993 и 2,012 ребенка на одну женщину. За ними последовательно расположились Алтайский край

⁹⁶⁵ Вестник статистики. 1986. № 9. С. 78.

(1,899) и Омская область (1,890). Как и прежде замкнули список Новосибирская (1,811) и Томская (1,761) области.

Процесс стабилизации рождаемости в конце рассматриваемого периода был прерван на рубеже 1980–1990-х гг. очередными политическими и экономическими потрясениями в жизни страны. Именно поэтому окончательные выводы о влиянии демографической политики на репродуктивное поведение населения, на наш взгляд, можно было бы сделать только при сохранении общественной стабильности на протяжении длительного времени. Несомненно, рождаемость продолжала бы снижаться, однако скорость этого процесса была бы намного ниже.

Результаты Всесоюзных (1979 и 1989 гг.) и Всероссийских переписей (2002 и 2010 г.) дают возможность оценить изменения в рождаемости у реальных (а не условных) поколений женщин. Начиная с 1979 г. в переписях начинает учитываться число детей, рожденных женщинами разных возрастных когорт. Полученные данные показывают, что в РСФСР их количество у горожанок 1910–1945 гг. рождения сокращалось очень быстро. Если у женщин, появившихся на свет в 1910–1914 гг., родилось в среднем 2,687 ребенка, то у матерей, родившихся десятилетием позже, – только 2,020 ребенка⁹⁶⁶. У женщин, вступивших в репродуктивный возраст в 1950-е гг. (1930–1934 гг. рождения), было 1,844 ребенка, а в 1960-е гг. (1941–1945 гг. рождения) – только 1,675. Эти поколения наиболее сильно пострадали от социальных катаклизмов и войн первой половины XX столетия. Женщины, появившиеся на свет в предвоенный период и в годы войны, к тому же оказались затронуты экономическими экспериментами «хрущевского» периода.

Итоги Всероссийской переписи 2010 г. косвенно подтверждают то, что активная социальная политика государства способствовала стабилизации рождаемости. Так, у матерей 1946–1950 гг. рождения, вступивших в детородный возраст в основном во второй половине 1960-х гг., снижение итоговой рождаемости почти не наблюдалось (1,671 ребенок на одну женщину). Тогда как у женщин, появившихся на свет в 1951–1955 гг., произошел ее рост (до 1,730 ребенка)⁹⁶⁷. Именно это поколение в полной мере ощутило на себе позитивные перемены в материальном благосостоянии, особенно выросшем во второй половине 1960-х – в 1970-е гг. К тому же это поколение до некоторой степени обеспечило рост рождаемости в 1980-е гг., когда произошел ее всплеск в возрастных когортах старше 25 лет. У следующего за ним поколения 1956–1960 гг. рождения, репродуктивный период представителей которого также по большей части совпал с благоприятным временем в развитии страны, число детей

⁹⁶⁶ Итоги Всесоюзной переписи населения 1979 года: стат. сб. М., 1990. Т. VI. Число и состав семей. Число рожденных детей. Ч. III. Число рожденных детей. С. 76–77.

⁹⁶⁷ Итоги Всероссийской переписи населения 2010 года: в 11 т. М., 2013. Т. 10. Рождаемость. Кн. 1. С. 6–7.

оказалось уже меньшим (1,714)⁹⁶⁸. К началу радикальных реформ они находились приблизительно в возрасте 30–34 лет. Рыночные преобразования оказали сильное воздействие на их репродуктивные планы. Запланированные этим поколением дети так и не появились на свет.

Подводя итоги изучения рождаемости, можно констатировать, что ее динамика была нелинейной и зависела от внешних воздействий. При этом нельзя отрицать объективность и даже неизбежность ее снижения, обусловленного действием множества разнообразных долгоиграющих факторов. В XX в. снизились экономическая ценность детей и, следовательно, значение многодетности. В доиндустриальный период от их числа зависело материальное благополучие семьи. Наличие в ее составе значительного количества работников позволяло, например, засеивать и обрабатывать больше земли, создавать больше материальных ценностей. Важность больших семей подчеркивали вековые традиции, религиозные воззрения, общество и государство.

В индустриальную эпоху значимость детей снижается. С запретом детского труда (несколько не уменьшаем важности этого события) молодежь и подростки не могли, как раньше, содействовать росту благосостояния семьи. Оплата труда в городских условиях не учитывала детности рабочих семей, тогда как, например, в сельской местности от ее величины зависели размеры обрабатываемой земли. Условия жизни в трущобах и бараках, скученность и антисанитария начальных стадий урбанизации не способствовали высокой рождаемости. Секуляризация общества и образования, разрушение традиционного мировоззрения, рост грамотности, повышение занятости женщин, улучшение системы здравоохранения, распространение медицинских знаний о методах прерывания беременности тоже сокращали ее. Этот процесс значительно ускорили социальные потрясения первой половины XX столетия, что подтверждают не только показатели суммарной рождаемости, но и итоговой (по данным Всесоюзных переписей). В период социальных катаклизмов запланированные дети не появляются на свет, ухудшаются здоровье женщин, бытовые условия проживания, материальное положение населения, широкое распространение получают разного рода инфекции, множество молодых мужчин погибает на фронте, происходит дестабилизация брачного рынка. Вероятность реализовать отложенные рождения сильно снижается в зависимости от остроты и длительности кризиса.

Во второй половине XX в. сокращение рождаемости происходило под воздействием новых факторов, однако шло оно, вплоть до начала 1990-х гг., намного медленнее. Социальные катаклизмы, войны и революции остались в прошлом. Ценность детей вновь снизилась под влиянием, как ни странно, социальной политики государства, на плечи которого были возложены многие функции семьи. Например, введение государственных гарантий инвалидам

---

⁹⁶⁸ Там же.

или людям, вышедшим из трудоспособного возраста, особенно, пенсионного обеспечения, усилило независимость их положения⁹⁶⁹. Ослабла функция детей как кормильцев престарелых родителей. Как уже говорилось выше, сокращению рождаемости способствовали рост образовательного и культурного уровня населения, перемены в его социальном составе, возросшая экономическая самостоятельность женщин. Уменьшение детской смертности позволило семьям иметь нужное число детей при меньшем количестве родов. Ослабились материальные и усилились социальные и психологические мотивы их рождения.

Итак, главной особенностью демографического перехода стало формирование в 1960–1980-е гг. в городских поселениях Западной Сибири нового типа рождаемости, расширение практики внутрисемейного регулирования. Вместе с тем в исследуемый период темпы сокращения рождаемости могли меняться под воздействием кратковременных факторов. Например, в 1960-е гг. ее снижению способствовали резкое повышение занятости женщин в общественном производстве и ограничительная политика в отношении личных подсобных хозяйств. Падение естественного прироста трудовых ресурсов вызвало тревогу у центральных органов управления, так как хозяйственное развитие подразумевало, главным образом, использование экстенсивных методов, которые требовали непрерывного притока новой рабочей силы в экономику страны. Государство обратило серьезное внимание на положение в демографической сфере и попыталось исправить его.

И здесь на первый план вышли методы материального стимулирования. Однако воздействие последних оказалось двояким. Дело в том, что, как уже было отмечено многими демографами, стали меняться ценностные приоритеты родителей. Ориентация на успех, финансовую и жилищную обеспеченность, обретение хорошего образования, достижение высокого положения в обществе и другие потребности вступили в опосредованную конкуренцию с необходимостью иметь детей. И здесь мы согласимся с А.И. Антоновым, который указал на то, что улучшение материального положения оказывает разное влияние на разные семьи, в зависимости от их предпочтений.

В таких случаях теоретически существует четыре варианта развития событий. Рассмотрим их с тем условием, что в семье уже есть один ребенок⁹⁷⁰. Если потребность в детях и степень удовлетворенности существующим материально-финансовым и жилищным положением высокие, то пополнение такой семьи произойдет вне зависимости от внешних обстоятельств. Если потребность в детях высокая, а удовлетворенность материальным положением низкая, то введение стимулирующих мер, наверняка, вызовет появление еще одного ребенка, так как второй фактор ослабнет или прекратит свое действие.

---

⁹⁶⁹ Антонов А.И. Социология рождаемости (теоретические и методологические проблемы). С. 232.

⁹⁷⁰ Завести хотя бы одного ребенка планируют почти все семьи.

В третьем случае потребность в детях низкая, а материальная обеспеченность высокая. Здесь внешние воздействия будут играть минимальную роль, и семья останется с прежним числом детей. Для последнего случая, когда и то, и другое находится на низком уровне, вероятность появления нового ребенка небольшая. Члены семьи все силы будут отдавать решению материально-бытовых проблем, а появление ребенка будут откладывать как можно дольше. Как можно видеть, улучшение материальных условий будет иметь эффект во втором случае, однако доля таких семей в зависимости от времени и места обычно достаточно велика, хотя и со временем уменьшается. Опыт 1980-х гг. показывает, что это в основном женщины средних репродуктивных возрастов, сохранившие старые установки в отношении числа детей в семье и с еще относительно низкими материальными запросами.

При этом целенаправленного воздействия на другой фактор – потребность в детях, иначе говоря, желаемое число детей, не производилось, видимо, из-за слабого осмысления этой проблемы. К тому же результативность такого воздействия вызывает сомнения и его эффективность, возможно, была бы не так высока из-за существования понижающих факторов – роста культурно-образовательного уровня, занятости женщин, увеличения доли проживающих в больших городах, перехода к государству некоторых социальных функций семей и т.д. Именно поэтому в 1970-е гг. под влиянием государственной социальной политики произошло не повышение, но стабилизация рождаемости, а рост в 1980-е гг. был обусловлен большой эффективностью принятых мер. В свою очередь, ухудшение социально-экономического положения в стране приводило к тяжелым негативным последствиям, так как при таком сценарии падение уровня жизни сопровождалось действием других понижающих факторов.

В целом в исследуемый период сокращение рождаемости оказалось намного меньшим, чем за предыдущие 30 лет (это подтверждает статистика итоговых рождений). Причем в Западной Сибири в силу специфики образовательного и социального состава городского населения и других причин колебания носили более сильный характер. В свою очередь, это оказало влияние на естественный прирост и, соответственно, динамику численности горожан.

3.2. Динамика смертности

Не менее важной задачей историко-демографической науки является изучение исторической динамики смертности и продолжительности жизни. Несмотря на то, что колебания численности населения в изучаемый период зависели от них меньше, чем от рождаемости, изучение тенденций смертности поможет понять долговременные причины сокращения размеров естественного прироста.

После Великой Отечественной войны в уровне смертности городского населения произошли важные изменения. Послевоенная хозяйственная разруха, голод 1946–1947 гг., уменьшение государственных запасов продовольствия привели к кратковременному всплеску общего коэффициента во второй половине 1940-х гг., однако после 1948 г. он вновь снизился. В целом за 1947–1959 гг. его показатели в городских поселениях Сибири сократились с 16,6 ‰ до 6,9 ‰ или больше чем на половину, при этом, благодаря особенностям возрастной структуры населения, общий коэффициент здесь оказался ниже, чем в целом в стране⁹⁷¹.

Основной тенденцией первой половины XX столетия являлось непрерывное, с колебаниями, повышение продолжительности жизни людей. Так, в 1896/1897 гг. она составляла 32,0 года, в 1926/1927 гг. – 44,0, в 1938/1939 гг. – 47,0 лет⁹⁷². Средняя продолжительность жизни после войны в СССР увеличилась почти в полтора раза, с 47,0 в 1945/1946 гг. до 69,0 лет в 1958/1959 гг. В результате Советский Союз по этому показателю достиг уровня развитых стран⁹⁷³. Особенно сильно выросла продолжительность жизни женщин. Так, если в 1926/1927 гг. они жили дольше мужчин на 5,7 года, то в 1958/1959 гг. – на 8,7 лет. В монографии В.А. Исупова выделены главные факторы сокращения смертности в этот период: рост народного благосостояния привел к улучшению продовольственного снабжения городского населения, увеличению продаж населению одежды, обуви, тканей, предметов гигиены (мыла, полотенец, зубного порошка); улучшение жилищных условий и развитие жилищно-коммунального хозяйства способствовали снижению заболеваемости инфекционными и паразитарными болезнями.

Определенную роль в сокращении смертности сыграли государственные мероприятия по охране труда, приведшие к снижению травматизма на работе. Последовательное повышение уровня здравоохранения, внедрение в медицинскую практику новых препаратов и методов лечения, увеличение численности и квалификации медицинских работников, рост количества лечебных учреждений являлись важными факторами повышения средней продолжительности жизни. На снижение смертности также повлияли улучшение охраны материнства путем увеличения количества женских консультаций и совершенствования медико-санитарных условий родов, а также развитие санитарного просвещения о причинах заболеваний⁹⁷⁴. Научные учреждения получили задания от центральных органов власти разработать теоретические основы и практические мероприятия по повышению долголетия людей и их работоспособности⁹⁷⁵.

---

⁹⁷¹ Исупов В.А. Городское население Сибири: от катастрофы к возрождению (конец 30-х – конец 50-х гг.). С. 111.

⁹⁷² Воспроизводство населения и трудовых ресурсов. С. 44.

⁹⁷³ Жиромская В.Б. Основные тенденции демографического развития России в XX веке. С. 190.

⁹⁷⁴ Исупов В.А. Городское население Сибири: от катастрофы к возрождению (конец 30-х – конец 50-х гг.). С. 120–140.

⁹⁷⁵ Правда. 1963. 27 янв.

Значительно сократилась детская смертность. В 1913 г. в границах Советского Союза она составила 268,6 ‰, в 1928 г. – 182,5 ‰, в 1938 – 161,3 ‰⁹⁷⁶. Известно, что детская смертность является отражением социального благополучия государства. В советское время был издан ряд нормативно-правовых актов, нацеленных на охрану труда женщин-матерей, заметно расширилась сеть специализированных медицинских учреждений: яслей, женских консультаций, молочных кухонь, домов матери и ребенка. Повысился культурный уровень населения, улучшились количество и качество медицинского персонала, система больничной и неотложной помощи и т.д. В результате в послевоенный период детская смертность продолжала неуклонно снижаться, если в 1946 г. она равнялась 85,9 ‰, то в 1956 г. – 47,4 ‰⁹⁷⁷.

В современной демографической литературе принята точка зрения, согласно которой к середине 1960-х гг. в России в основном подошел к концу первый эпидемиологический переход, суть которого сводилась к тому, что в структуре причин смертности произошли коренные сдвиги⁹⁷⁸. Основным содержанием этих сдвигов являлась замена экзогенных или преимущественно внешних причин смертности на эндогенные, которые имели внутреннюю природу. Как уже говорилось во вводной части, в структуре старой патологии главную роль играли инфекционные и паразитарные болезни. Так как решающая роль принадлежала внешним по отношению к организму человека факторам, то умереть мог и здоровый человек в молодом или зрелом возрасте, особенно уязвимыми являлись дети. В итоге немалая часть людей умирала в молодых, особенно детских возрастах, не доживая до старости.

В структуре «новой» патологии на первое место выходят заболевания, связанные с естественным старением организма, снижением его жизнеспособности и сопротивляемости неблагоприятным воздействиям. На первый план выходят хронические сердечно-сосудистые и онкологические болезни. Процесс вымирания поколения стал теснее связываться с возрастом – смерти от каждой причины меньше «размазывались» по пятилетним когортам и больше концентрировались в старших возрастных группах⁹⁷⁹.

Как показывает мировая практика, эпидемиологический переход осуществлялся в два этапа. На первом из них успехи достигались благодаря множеству прямых и косвенных причин, среди которых, например, определенную роль играли массовые профилактические мероприятия. К началу – середине 1960-х гг. этот этап в СССР был в основном завершен.

---

⁹⁷⁶ Численность, состав и движение населения СССР в 1978 году: стат. сб. М., 1979. (ДСП). С. 32

⁹⁷⁷ Баранов А.А., Альбицкий В.Ю. Младенческая смертность в СССР: тенденции и ожидаемые показатели // Педиатрия. 1989. № 7. С. 75.

⁹⁷⁸ Демографическая модернизация России, 1900–2000. С. 258–259; Жиромская В.Б. Основные тенденции демографического развития России в XX веке. С. 189.

⁹⁷⁹ Демографическая модернизация России, 1900–2000. С. 313.

Сильно изменилась структура заболеваемости и причин смертности российского населения⁹⁸⁰. Следует учитывать, что борьба за улучшение здоровья людей в первой половине XX столетия у нас проходила в более сложных условиях по сравнению с другими странами. Первая мировая и гражданская войны, коллективизация, форсированная индустриализация, массовые миграции создавали мощные физические и психологические нагрузки на человека. Последовавшая после этого Великая Отечественная война, унесшая жизни многих миллионов людей, и глубокая хозяйственная разруха не могли не повлиять на темпы движения страны по этапам эпидемиологического перехода. Восстановительный период, потребовавший напряжения всех ресурсов страны на фоне развернувшегося международного соперничества в военной области, не способствовал быстрому и эффективному решению первоочередных задач здравоохранения. Именно поэтому успехи и неудачи начального периода становления новой структуры смертности необходимо рассматривать в тесной связи с историческим контекстом.

Данные по регионам Сибири подтверждают сокращение в структуре смертности доли причин экзогенного происхождения и повышение доли эндогенного. Так, в городах Западной Сибири за 1939–1959 гг. удельный вес смертей от инфекционных и паразитарных болезней сократился в 3,4 раза, желудочно-кишечных – в 7,3, органов дыхания – в 2 раза. Одновременно с этим доля смертности от злокачественных опухолей возросла в 11 раз, болезней сердца – в 3,3 раза⁹⁸¹.

На втором этапе эпидемиологического перехода было необходимо выработать новую стратегию действий, направленную на борьбу с заболеваниями неинфекционной природы – главным образом сердечно-сосудистыми и раковыми. Большое значение приобретало активное и бережливое отношение к своему здоровью со стороны самого человека, значительно повышались государственные расходы на здравоохранение. Особенности и незавершенность этого этапа в нашей стране на основе исследовательского анализа причин смерти довольно хорошо обоснованы в литературе⁹⁸². В Советском Союзе не смогли выработать и воплотить в жизнь комплекс мер по улучшению здоровья населения и повысить среднюю продолжительность жизни, в конечном итоге страна долгое время оставалась на заключительной фазе первого этапа эпидемиологического перехода.

Как уже говорилось выше, во второй половине XX столетия, с конца 1950-х гг., первый этап эпидемиологического перехода вошел в свою завершающую фазу. В структуре смертности доля внешних причин неуклонно снижалась, а внутренних – росла. Вместе с тем анализ ее

⁹⁸⁰ Жиромская В.Б. Жизненный потенциал послевоенных поколений в России: историко-демографический аспект: 1946–1960. С. 257–266.

⁹⁸¹ Исупов В.А. Городское население Сибири: от катастрофы к возрождению (конец 30-х – конец 50-х гг.). С. 147–148.

⁹⁸² Андреев Е.М. Продолжительность жизни и причины смерти в СССР // Демографические процессы в СССР: сб. науч. тр. С. 90–115.

динамики на основе изучения только показателей ожидаемой продолжительности жизни и причин смерти является недостаточным, так как огромное влияние на них оказывали внешние условия – комплекс факторов социального, экономического и культурного плана. Так, сравнительно высокая роль внешних причин в смертности населения была обусловлена не только состоянием системы здравоохранения, эпидемиологических служб, медицинской науки, системы вакцинации, лечебных учреждений, но и положением, которое складывалось во всех сферах общественной жизни страны вообще.

Следует сказать о том, что на каждом конкретном этапе исторического развития общества факторы смертности менялись. В изучаемый период многие из них утратили свое прежнее значение⁹⁸³. Так, на динамику продолжительности жизни в 1960–1980-е гг. уже не оказывали сильного воздействия военные конфликты, голод, массовые эпидемии, политические репрессии, вынужденные миграции внутри и за пределы страны. Безусловно, действие некоторых из вышеперечисленных факторов в новых условиях не прекратилось полностью, однако их влияние на смертность существенно уменьшилось.

Выдающийся советский демограф Б.Ц. Урланис в своей работе «Эволюция продолжительности жизни» представил оригинальное деление факторов смертности, которое не утратило своей научной актуальности на сегодняшний день⁹⁸⁴. Он четко разграничил *причины* смерти и ее *факторы*. Если под причиной подразумевался определенный факт, приведший к смерти человека (например, конкретная болезнь), то под фактором – некое явление или условия, которые привели к возникновению этой причины. Таким образом, теоретические подходы ученого к изучению смертности являются хорошо применимыми в работах, проводимых в историко-демографическом ключе, так как исторический контекст демографических событий включает в себя факторы воспроизводства населения.

В своем исследовании мы также попытаемся использовать предложенную им классификацию, правда, в упрощенном виде. Дело в том, что выявить полную систему факторов смертности за такой длительный промежуток времени, а тем более измерить их статистически является неподъемной задачей. Мы попытаемся сформулировать и рассмотреть самые значимые из них и дать им оценку, по возможности выявив степень влияния на смертность городского населения. Кроме того, необходимо учитывать, что характер зависимости между каким-то фактором и смертностью мог быть различным. И дать однозначную оценку воздействия одного из них на продолжительность жизни сложно. При изучении тенденций смертности в отдельные временные периоды и в разных регионах часто необходимо учитывать взаимовлияние множества факторов.

---

⁹⁸³ При этом это не значит, что их роль не могла вновь усилиться в будущем.

⁹⁸⁴ Урланис Б.Ц. Эволюция продолжительности жизни. М., 1978.

Необходимо иметь в виду, что в своей монографии ученый дал оценку факторам смертности в контексте всего мирового населения, а не отдельной страны. В этой связи некоторые из них нами использованы не будут. Так, на первом месте среди выделенных Б.Ц. Урланисом факторов находился голод, который, как уже отмечалось раньше, в Советском Союзе в рассматриваемый период перестал играть важную роль. Согласно подсчетам исследователя 23,4 % всех смертей в мире в 1975 г. произошли вследствие голода, так как характер питания оказывал большое влияние на здоровье людей и на способность человеческого организма противостоять негативным влияниям внешней среды.

В рассматриваемый период в СССР достигнутый уровень потребления пищевых продуктов стал обеспечивать энергетические потребности человека. На первый план вышла задача иного рода – совершенствование норм потребления питательных веществ в зависимости от возраста, пола, условий труда и природно-климатических условий. Важную роль стал играть учет индивидуальных особенностей питания, так как, например, из-за повышенной калорийности пищи в 1980-е гг. возросла тучность людей (до 30,0 % населения страны стали страдать от избыточного веса)⁹⁸⁵.

Второй выделенный Б.Ц. Урланисом фактор смертности – *алкоголизм* оказывал серьезное влияние на величину средней продолжительности жизни. В современном мире по масштабам своего негативного воздействия на здоровье человека он уступает только голоду и антисанитарии⁹⁸⁶. К большому сожалению, в России исследования социальных корней алкоголизации и ее воздействия на уровень смертности идут пока не очень активно⁹⁸⁷.

Б.Ц. Урланис одним из первых отечественных демографов попытался выявить степень влияния алкоголизма на продолжительность жизни. В своей работе ученый, правда, на примере капиталистических и развивающихся стран, исследовал взаимосвязь данного фактора и разных причин смерти. В последнее время увеличилось число научных работ, доказывающих наличие зависимости между объемами потребления спиртных напитков и динамикой роста/снижения смертности в России, в том числе в 1960–1980-е гг.⁹⁸⁸. При этом статистически правильно оценить вклад алкоголизма в сокращение продолжительности жизни населения очень сложно, в связи с действием других факторов.

---

⁹⁸⁵ Население СССР за 70 лет. С. 152.

⁹⁸⁶ Халтурина Д.А., Коротаяев А.В. Русский крест: факторы, механизмы и пути преодоления демографического кризиса в России. М., 2006. С. 12.

⁹⁸⁷ Вишневский А.Г. Россия перед демографическим выбором // Алкогольная катастрофа и возможности государственной политики в преодолении алкогольной сверхсмертности в России. М., 2008. С. 76.

⁹⁸⁸ Немцов А.В. Алкогольный урон регионов России. М., 2003; Немцов А.В. Алкогольная история России: Новейший период. М., 2009; Школьников В.М., Андреев Е.М., Жданов Д.А. Смертность трудоспособного населения, алкоголь и продолжительность жизни в России // Алкогольная катастрофа и возможности государственной политики в преодолении алкогольной сверхсмертности в России. М., 2008. С. 85–104; Подлазов А.В. Демографическая модернизация и алкоголизация России // Там же. С. 105–137.

В официальной статистике категория умерших от злоупотребления спиртными напитками (алкогольный цирроз печени, алкоголизм и наркомания, случайные отравления алкоголем) составляла малую долю в общем числе летальных исходов. С одной стороны, в выявлении истинных масштабов влияния алкоголизма на смертность не были заинтересованы статистические органы, так как это бросало тень на социалистическое общество, вскрывало его недостатки, с другой – родственники умерших в официальных документах (свидетельствах) нередко просили врачей указывать иные, более благопристойные причины смерти⁹⁸⁹. В то же время алкоголизм как явление являлся первопричиной гораздо большего числа летальных исходов, зарегистрированных под другими рубриками. Таким образом, его влияние на структуру причин смерти было завуалированным, неявным. Между тем чрезмерное потребление спиртных напитков существенно повышало риски возникновения самых разных заболеваний.

Неумеренное потребление алкоголя вызывало заболевания сердечно-сосудистой системы. У лиц, потребляющих его в больших количествах, гипертоническая болезнь сердца встречалась в три раза чаще, чем у остального населения. Воздействие серьезных доз алкоголя, как показывали многочисленные исследования, являлось однозначно негативным. В этом случае увеличивалась вероятность умереть от ишемической болезни сердца, повышенного кровяного давления, инсульта, аритмии, кардиомиопатии и тромбоза⁹⁹⁰. Признаки алкогольного поражения сердца при вскрытии больных алкоголизмом обнаруживались в 80,0–90,0 % случаев. Многие геморрагические инсульты вызывались потреблением спиртных напитков. Они характеризовались высокой летальностью, но смерть могла наступить спустя определенный срок после их появления, уже без регистрации повышенного уровня содержания алкоголя в крови умершего. Атеросклеротические заболевания сердечно-сосудистой системы, которые чаще всего наблюдались после 40 лет, у алкоголиков возникали гораздо раньше.

Научными работниками сферы здравоохранения было проведено большое количество исследований, подтверждающих вредное влияние алкоголя на сердце и сосуды. Возникло даже отдельное направление научных исследований – алкогольная кардиомиопатия. Например, исследование 88 больных, поступивших в состоянии алкогольного опьянения в Научно-исследовательский институт имени Н.В. Склифосовского в возрасте 19–63 лет, выявило у 23 из них стенокардию, 12 – инфаркт миокарда. Четыре человека, находившихся в состоянии сильного опьянения, скончались на второй день вследствие недостаточности коронарного кровообращения⁹⁹¹.

---

⁹⁸⁹ Немцов А.В. Алкогольная история России: Новейший период. С. 187.

⁹⁹⁰ Пятницкая И.Н., Карлов В.А., Элконин Б.Л. Терапевтические и неврологические проявления алкоголизма. М., 1977. С. 32–60.

⁹⁹¹ Стрельчук И.В. Алкоголь и здоровье. М., 1980. С. 60.

Кроме того, пьянство оказывало негативное влияние на центральную нервную систему, а также косвенно могло способствовать развитию злокачественных образований. Сам алкоголь не являлся канцерогенным агентом, но его систематическое употребление наносило вред слизистой оболочке пищеварительного тракта, вызывало хронические заболевания желудка. Такое развитие событий, в свою очередь, создавало благоприятные условия для возникновения раковых заболеваний. Результаты действия факторов рака накапливались в течение десятилетий и проявлялись далеко не сразу, что подтверждается антиалкогольной кампанией, по итогам которой показатели смертности от этой причины не изменились.

Исследования медиков, проведенные еще в 1960-е гг., выявили наличие связи между алкоголизмом и туберкулезом⁹⁹². Отмечалось, что у мужчин, злоупотребляющих спиртными напитками, заболеваемость этой болезнью была выше, чем у мужского населения в целом, в среднем в 4,5 раза⁹⁹³. Обследование 936 больных туберкулезом в 1981 г. показало, что 40,2 % из них страдали алкоголизмом, 20,7 % злоупотребляли алкоголем систематически, 34,0 % эпизодически и лишь 5,1 % не употребляли его вообще⁹⁹⁴.

Определенная взаимосвязь обнаружена у алкоголизма и болезней органов дыхания. По этому классу заболеваний мужчины, злоупотребляющие спиртными напитками, обращались к помощи врачей примерно на 20,0 % чаще, чем все мужское население. В ходе исследований выявлено, что заболеваемость гриппом и ОРЗ среди них составила 418,1 случаев на 1000 чел., тогда как у всего мужского населения – 325,9. У больных алкоголизмом хронические бронхиты, эмфизема легких встречались в 3–4 раза чаще, чем у всего населения.

Хронический алкоголизм сопровождался поражением органов пищеварения, в том числе слизистой оболочки желудка, секреторной и моторной функций. Нарушение секреторной функции зависело от многих причин, однако чаще и раньше оно развивалось у лиц, принимавших крепкие спиртные напитки, в особенности суррогаты алкоголя. Исследования начала 1970-х гг. показали, что три четверти людей, страдающих алкоголизмом, предъявляли жалобы на состояние желудочно-кишечного тракта. У каждого третьего был выявлен гастрит, у каждого десятого – язва желудка и двенадцатиперстной кишки⁹⁹⁵. Чрезмерное злоупотребление спиртными напитками могло вызвать алкогольный цирроз печени и острый панкреатит. При этом алкогольный цирроз составлял от 30,0 % до половины всех случаев циррозов печени⁹⁹⁶.

---

⁹⁹² См., например: Ершов А.И. Туберкулез и алкоголизм. М., 1966.

⁹⁹³ Лисицын Ю.П., Копыт Н.Я. Алкоголизм: социально-гигиенические аспекты. М., 1983. С. 122.

⁹⁹⁴ Энтин Г.М. Лечение алкоголизма. М., 1990. С. 336.

⁹⁹⁵ Пятницкая И.Н., Карлов В.А., Элконин Б.Л. Терапевтические и неврологические проявления алкоголизма. С. 64.

⁹⁹⁶ Алкоголизм: руководство для врачей. М., 1983. С. 141.

Особенно сильной была связь алкоголизма со смертностью от насильственных причин. Для интенсивно пьющих риск погибнуть в результате падений повышался в 16 раз, от ожогов или при пожаре – в 10 раз, от производственных травм – в 2–3 раза. По уровню летальных исходов в дорожно-транспортных происшествиях современная Россия занимает первое место в мире, в несколько раз опережая страны Европы. В изучаемый период, вероятно, количество смертей из-за аварий также являлось высоким, при том что по числу автомобилей на душу населения наша страна находилась на одном из последних мест в Европе. Судя по официальным данным, нетрезвость водителя являлась причиной небольшой части ДТП, но уточненные обследования обнаружили, что статистика занижала реальное положение вещей в несколько раз. Во всяком случае, исследования ученых, проведенные еще в 1970-е гг., выявили, что алкогольное опьянение различной тяжести сопровождало 55,9 % автомобильных и 71,9 % прочих видов транспортных травм⁹⁹⁷.

Высокий процент несчастных случаев, убийств и самоубийств был вызван опьянением. Смертность от убийств в XXI столетии в Российской Федерации была самой высокой в Европе, при этом, по расчетам А.В. Немцова, в 70,0 % случаев они были совершены после употребления алкоголя. В РСФСР по данным судебно-медицинских экспертиз в 1981–1984 гг. нетрезвыми в момент преступления были 61,4 % погибших, при том, что среди убийц этот показатель был обычно выше⁹⁹⁸. Статистика МВД дает меньшую цифру (около 50,0 %), однако она, скорее всего, была заниженной, так как многие подозреваемые ошибочно считали, что опьянение являлось отягчающим обстоятельством. Злоупотребление спиртным оказывало сильное негативное влияние на статистику смертности от суицидов. В 1981–1984 гг. у 60,2 % самоубийц в крови был обнаружен алкоголь. В состоянии опьянения люди чаще инициировали противоправные действия. Например, в 1971 г. 55,8 % краж, 79,9 % грабежей и 69,3 % разбойных нападений с целью овладения государственным и общественным имуществом было совершено правонарушителями в нетрезвом состоянии⁹⁹⁹.

Интересно, что в союзных республиках с преимущественным потреблением винно-водочных изделий слабой крепости (виноградное вино) – Азербайджане, Грузии и Армении преступления на почве пьянства составляли ничтожную долю. Армянская ССР являлась единственной республикой, в которой не было вытрезвителей по причине отсутствия в них необходимости¹⁰⁰⁰.

---

⁹⁹⁷ Алкоголизм: руководство для врачей. С. 206; Сонин М.Я. Развитие народонаселения. Экономический аспект: сб. работ. М., 1980. С. 46.

⁹⁹⁸ Немцов А.В. Алкогольная история России: Новейший период. С. 276.

⁹⁹⁹ Правда. 1972. 28 июня.

¹⁰⁰⁰ Сонин М.Я. Развитие народонаселения. Экономический аспект. С. 314.

Определить статистически взаимосвязь алкоголизма и смертности можно лишь приближенно, так как точные расчеты требуют привлечения большого количества специальных статистических материалов и выполнения трудоемких социологических исследований. Согласно ориентировочным данным Б.Ц. Урланиса примерно 17,0 % смертей от туберкулеза, 10,0 % – от заболеваний центральной нервной системы, 5,0 % – от болезней сердца и органов дыхания, 40,0 % – от несчастных случаев в мире произошли по причине чрезмерного потребления спиртных напитков. Таким образом, в 1975 г. алкоголизм вызвал приблизительно 6,3 % всех летальных исходов¹⁰⁰¹. Однако следует учесть, что в монографии Б.Ц. Урланиса важнейшими учитываемыми факторами (с расчетами их долей в общем числе смертей) являлись также недоедание и голод, военные действия, негативное влияние которых в Советском Союзе было уже преодолено. В этой связи удельный вес умерших от чрезмерного потребления алкоголя в СССР был выше.

По расчетам А.В. Немцова, с пьянством в России в той или иной мере были связаны в 1984–1992 гг. у мужчин 64,0 % убийств, 71,0 % самоубийств, 48,0 % смертей от циррозов печени, 51,0 % – от панкреатитов, 22,0 % – от сердечно-сосудистых заболеваний. В результате злоупотребление алкоголем вызвало у мужчин 29,0 % всех летальных исходов (у женщин – только 16,0 %) ¹⁰⁰². Причем на эти цифры в известной степени влияет сильное уменьшение продаж винно-водочных изделий в период активной фазы антиалкогольной кампании. Тем не менее, даже если считать показатели А.В. Немцова завышенными, влияние алкоголизма на смертность в нашей стране являлось очень высоким.

Необходимо упомянуть о последствиях потребления крепких алкогольных напитков. После них опьянение становится глубже и продолжительнее, усиливается метаболическая нагрузка на организм, сильнее нарушается самоконтроль. Это, в свою очередь, приводит к более тяжелым социальным и медицинским последствиям. Современные данные говорят о том, что в странах с преимущественным потреблением вина или пива мужчины живут в среднем на 6–8 лет меньше, чем женщины. Этот разрыв увеличивается до 10 лет и более в странах, где люди предпочитают крепкие алкогольные напитки. В постсоветской России максимальная разница между мужской и женской продолжительностью жизни достигала почти 14 лет (в 1994 и 2005 гг.)¹⁰⁰³. В государствах с развитой системой здравоохранения и непьющим населением мужчины живут в среднем только на 4–6 лет меньше женщин.

---

¹⁰⁰¹ Урланис Б.Ц. Эволюция продолжительности жизни. С. 233.

¹⁰⁰² Немцов А.В. Алкогольная смертность в России: масштаб и география проблемы // Алкогольная катастрофа и возможности государственной политики в преодолении алкогольной сверхсмертности в России. М., 2008. С. 78–84. С. 81.

¹⁰⁰³ Демографический ежегодник России. 2006: стат. сб. М., 2006. С. 101.

В монографии М.Я. Сониной указано, что в СССР в 1965–1968 гг. доля крепких напитков (40° и выше) в продажах алкоголя достигла 62,3 %¹⁰⁰⁴. По данным Госкомстата СССР, 53,0 % в 1984 г. и 66,0 % в 1990 г. Согласно исследованию, проведенному Г.Г. Заиграевым в г. Киров в 1970-е гг., среди спиртных напитков население отдавало предпочтение водке (69,5 %), в то время как удельный вес сухих виноградных вин и пива был незначительным. Ученый приходит к выводу о том, что структура потребления винно-водочных изделий во многих регионах страны могла меняться в зависимости от национальных традиций, природно-географических и иных условий, но в целом была идентична указанной. Например, в южных районах люди больше покупали сухих виноградных вин, а доля крепких напитков значительно повышалась в районах Урала, Сибири и севера РСФСР¹⁰⁰⁵.

Следующим важным фактором смертности являлось *курение*. Накопленные за последние десятилетия научно-медицинские и клинические данные свидетельствовали о сильном негативном влиянии никотина и компонентов табачного дыма на здоровье человека. Связь этой вредной привычки со злокачественными заболеваниями, особенно с раком легких, доказана многочисленными исследованиями. Как и в случае с алкоголизмом, курение, в первую очередь, воздействовало на показатели мужской смертности. В частности, в городах РСФСР в 1990 г. количество умерших от злокачественных образований трахей, бронхов и легких среди мужчин достигло 37,7 тыс. чел., тогда как у женщин – 7,4 тыс. чел. (более чем в пять раз меньше)¹⁰⁰⁶. Рак легких составил около трети всей мужской смертности от онкологических заболеваний. Считается, что с курением были связаны 90,0 % случаев заболеваний раком легких, 75,0 % – хронических бронхитов и эмфиземы легких, 25,0 % – ишемических болезней сердца. Весьма большой вред здоровью наносило пассивное курение.

Согласно исследованиям, которые были проведены в Соединенных Штатах в 1950-е гг. и результаты которых не утратили своей научной актуальности и в наши дни, смертность курильщиков от рака легких превышала среднестатистические показатели в 10,8 раза, от бронхита и эмфиземы – в 6,1, рака гортани – в 5,4 раза (полости рта – в 4,1, пищевода – в 3,4, желудка – в 2,8 раза)¹⁰⁰⁷. Наносимый вред здоровью был пропорционален количеству выкуриваемых сигарет. Так, смертность от рака легких у бросивших курить была в 2,2 раза выше, чем у вообще не курящих, у иногда курящих – в 2,9 раза, курящих одну пачку в день или меньше – в 7,9 раза, выкуривающих более одной пачки – в 31,4 раза.

Установлена связь между возрастом обретения и длительности этой вредной привычки с раком легких и смертностью. Тем, кто начал курить в возрасте до 15 лет, риск умереть от рака

¹⁰⁰⁴ Сонин М.Я. Развитие народонаселения. Экономический аспект. С. 313.

¹⁰⁰⁵ Заиграев Г.Г. Борьба с алкоголизмом: проблемы, пути решения. М., 1986. С. 20.

¹⁰⁰⁶ Текущий архив ГМЦ Росстата. Таблица С 51. Л. 56–59.

¹⁰⁰⁷ Урланис Б.Ц. Эволюция продолжительности жизни. С. 199.

легкого существенно увеличивался по сравнению с людьми, закурившими после 25 лет (у мужчин в 3,4 раза, у женщин – в 2,4 раза). Даже у бросивших курить длительное время сохранялся высокий риск заболеть онкологическим заболеванием и лишь спустя 15 лет он снижался до уровня в 2 раза большего, чем у некурящих.

Значительно чаще курильщики умирали от болезней кровообращения. Употребление табачной продукции усиливало работу сердца и повышало артериальное давление, за счет чего могла развиваться гипертоническая болезнь. Также ускорялось развитие атеросклероза, особенно сильно страдали коронарные сосуды, ответственные за доставку крови к сердцу. Риск развития ишемической болезни у лиц, выкуривающих не менее одной пачки сигарет в день, был в 2,5 раза выше, чем у некурящих. Мужчины в возрасте 45 лет и моложе, выкуривавшие более 25 сигарет в сутки, в 10–15 раз чаще остальных умирали от острых сердечных приступов и т.д.¹⁰⁰⁸

Негативное влияние курения на органы дыхания было очень сильным, так как никотин, смолы, окись углерода действовали на них в 40 раз сильнее, чем на другие органы. Особенно страдала слизистая оболочка трахеи и бронхов. У курильщиков бронхит встречался в семь раз чаще, чем у остальных людей. Так, у выкуривающих по одной пачке сигарет в день он был обнаружен в 50,0 %, по две – в 80,0 %, а у некурящих – лишь в 3,0 % случаев¹⁰⁰⁹. Часто на фоне хронического бронхита могла развиваться эмфизема легких. Вместе с вышеназванными нередко наблюдались другие заболевания дыхательной системы, такие как воспаление легких или бронхиальная астма. Курильщики чаще болели острыми респираторными заболеваниями и гриппом. Курение, также как алкогольное опьянение, косвенно было связано со смертностью от несчастных случаев, в частности от пожаров.

Распространению этой вредной привычки способствовало отношение, которое складывалось к ней в семейном кругу. Если члены семьи и их родственники употребляли табачную продукцию, то риск курения детей увеличивался. Современные исследования, проведенные в Москве, показали, что если среди родителей нет курящих, то доля курильщиков у их детей составит: среди мальчиков – 15,0 %, девочек – 5,0 %. В то же время, если трое и более родственников в семье потребляют табачную продукцию, то приобщиться к вредной привычке могут уже 60,0 % мальчиков и 30,0 % девочек¹⁰¹⁰. В советское время, также как и в случае с алкоголем, по существу имела место скрытая реклама курения, проводимая через кино и телевидение, которой особенно была подвержена молодежь.

Выявить статистическую взаимосвязь курения и смертности также затруднительно. Согласно приблизительным вычислениям Б.Ц. Урланиса злоупотребление табачными

---

¹⁰⁰⁸ Буркин М.М., Горанская С.В. Основы наркологии: уч. пос. Петрозаводск, 2002. С. 91.

¹⁰⁰⁹ Там же. С. 92.

¹⁰¹⁰ Там же. С. 87.

изделиями в 1975 г. стало фактором смерти для 3,4 % случаев во всех странах¹⁰¹¹. Как уже говорилось выше, эта цифра была получена с учетом других факторов, не действующих на территории Советского Союза. В СССР с его высоким уровнем душевого потребления табачных изделий воздействие курения на смертность, скорее всего, было большим. Дело в том, что его распространенность в нашей стране в исследуемый период была довольно велика. По современным, вероятно, несколько завышенным данным, которые были получены в 2009 г. в результате опроса взрослого населения, в середине 1980-х гг. уровень потребления табачной продукции среди мужчин достиг 46,0–48,0 %¹⁰¹².

Современные выборочные исследования, проведенные в четырех городах Сибири и Дальнего Востока (Барнаул, Владивостоке, Томске и Тюмени) НИИ канцерогенеза РОНЦ им. Н.Н. Блохина, показали, что курение являлось причиной смерти мужчин среднего возраста в 25,0 % и старше 70 лет – в 20,0 % случаев. Его воздействие на женщин оказалось значительно меньшим – 2,0 % и 3,0 % соответственно. К примеру, для мужчин умерших в интервале 35–69 лет, потребление табачных изделий в 43,0 % случаев стало причиной смерти от злокачественных опухолей, в 89,0 % – от рака легкого, в 25,0 % – от сердечно-сосудистых заболеваний, в 60,0 % – от болезней респираторной системы (табл. 3.2.1).

Таблица 3.2.1

Доля случаев смерти, связанных с курением в России, в %*

Причина смерти	Мужчины		Женщины	
	35–69 лет	75 и старше	35–69 лет	75 и старше
Злокачественные опухоли	43	36	2	5
Рак легкого	89	90	10	15
Сердечно-сосудистые заболевания	25	10	3	5
Болезни легких	60	61	12	20
Другие причины	1	7	10	15
<i>Все причины</i>	25	20	2	3

* Заридзе Д.Г., Карпов Р.С., Киселева С.М., Конобеевская И.Н., Мень Т.Х., Шайн А.А., Шихман С.М. Курение – основная причина высокой смертности россиян // Вестник РАМН. 2002. № 9. С. 40–45.

Ухудшение *экологических условий* являлось условием большого количества различных заболеваний. Этот фактор необходимо учитывать, так как в Советском Союзе предприятия разных отраслей промышленности возводились без должного учета экологических последствий¹⁰¹³. Многие вещества, загрязняющие атмосферу, воду и почву, являлись опасными канцерогенами. Большую долю в выбросах в воздушную среду городов занимали выхлопные газы автомобильного транспорта. По данным Б.Ц. Урланиса плохая экология являлась причиной 15,0 % случаев смерти от болезней органов дыхания. Внедрение химии в быт являлось источником аллергических и эндокринных заболеваний. Рост смертности от болезней

¹⁰¹¹ Урланис Б.Ц. Эволюция продолжительности жизни. С. 233.

¹⁰¹² Глобальный опрос населения о потреблении табака. Российская Федерация. Страновой отчет. М., 2009. С. 12.

¹⁰¹³ Орлов Б.П. Сибирь: шаги индустрии. М., 1988. С. 47.

сердечно-сосудистой системы также косвенно связан с ухудшением экологической ситуации. По данным многочисленных исследований американских ученых, благодаря чистому воздуху смертность от бронхита могла быть сокращена на 50,0 %, от сердечно-сосудистых заболеваний – на 20,0 %, от рака – на 15,0 %¹⁰¹⁴.

Больше всего атмосферу загрязняли энергетические системы при сжигании угля. Тепловые электростанции, котельные установки выделяли в воздух дым, окись углерода, сернистый газ, летучую золу, сажу. Из-за этих веществ ухудшался микроклимат местности, увеличивалось число туманов, снижалась видимость, освещенность. Частицы дыма, пыли загрязняли кожу, одежду, жилища; попадая в глаза, вели к травмам и воспалительным процессам; раздражали слизистые оболочки дыхательных путей, вызывая кашель. Загрязненный воздух, прежде всего, отрицательно влиял на органы дыхания, способствуя возникновению хронических воспалений (бронхитов), создавал благоприятные условия для распространения инфекций, таких как туберкулез и пневмония. Заболеваемость раком легких также возрастала в тех населенных пунктах, где атмосфера была сильно задымлена.

Крупными источниками загрязнений являлись многие отрасли промышленности. В черной металлургии выброс пыли в расчете на одну тонну чугуна составлял 4,5 кг, сернистого газа – 2,7 кг. Коксохимические производства также выделяли в воздух пыль и смеси летучих соединений, цветная металлургия кроме пыли – газы, мышьяк и свинец. В угольной промышленности источниками загрязнения являлись отвалы пустой породы, которые вследствие самовозгорания загрязняли атмосферу сернистым газом, окисью углерода. Предприятия нефтедобывающей, нефтехимической и химической промышленности выбрасывали большое количество углеводорода и сероводорода. Атмосферный воздух до некоторой степени загрязняли также животноводческие и птицеводческие фермы, промышленные комплексы по производству мяса¹⁰¹⁵.

Статистические показатели загрязнения воздушной среды в Советском Союзе длительное время не собирались и не публиковались. Однако необходимость проведения экологических мероприятий была осознана уже в 1960-е гг., начиная с 1970-х гг. в некоторых городах стали проводиться регулярные наблюдения состояния атмосферы¹⁰¹⁶. Впервые сведения о природоохранных мероприятиях появились в официальных справочниках, выпущенных в 1982 г., однако их информативная ценность была невелика из-за публикации обобщенных, малоинформативных показателей. На их основе было довольно сложно определить степень

---

¹⁰¹⁴ Урланис Б.Ц. Эволюция продолжительности жизни. С. 210.

¹⁰¹⁵ Вернигорова В.Н. Химия загрязняющих веществ и экология. М., 2005. С. 27–36; Охрана окружающей среды: уч. пос. М., 1991.

¹⁰¹⁶ Орлова С.В. К вопросу о формировании экологических проблем в 20–80-е гг. XX в. и их влиянии на состояние здоровья населения // Актуальные проблемы новейшей отечественной истории: сб. науч. тр. Кемерово, 2007. С. 136.

загрязнения атмосферы, тем более выявить региональную специфику. Так, из этих данных следовало, что улавливание и обезвреживание вредных веществ, отходящих от стационарных источников в 1981 г. в РСФСР, составило 74,0 %¹⁰¹⁷ (в 1989 г. – 77,0 %).

К концу 1980-х гг. полнота и перечень публикуемых данных увеличились. Из них следовало, что в 1989 г. на предприятия теплоэнергетики, черной и цветной металлургии приходилась основная часть вредных веществ в СССР (всего 68,3 млн т), выброшенных в атмосферный воздух стационарными источниками, – соответственно 14,5 млн и 15,3 млн т. На нефтедобывающую, нефтеперерабатывающую и нефтехимическую промышленность пришлось 9,3 млн, газовую – 2,7 млн, угольную – 1,4 млн т. К крупным источникам загрязнения были также отнесены химическая, медицинская и микробиологическая промышленность, производство минеральных удобрений и строительных материалов¹⁰¹⁸. От них в атмосферу поступало большое количество пыли, соляной и серной кислот, соединений хлора, формальдегида, продуктов гидролиза и других, вредных для человеческого организма веществ.

Начиная с 1987 г. Госкомстат СССР расширил статистику за счет публикации сведений о загрязнении воздуха в отдельных городах. Сибирь в официальных справочниках первоначально была представлена Братском, Иркутском, Кемерово, Красноярском, Новокузнецком¹⁰¹⁹. Из года в год список населенных пунктов расширялся, в конечном итоге в нем оказались почти все административные центры Западной Сибири (за исключением Томска), а также Новокузнецк и Прокопьевск¹⁰²⁰. Больше всего загрязняли воздушную среду предприятия и организации Новокузнецка. Несмотря на то, что основная часть выбросов обезвреживалась очистными сооружениями (более 70,0 %), ежегодно в атмосферу города и близлежащей местности попадало около 800,0 тыс. т разных веществ, из-за чего по этому показателю он занял одно из первых мест в Советском Союзе¹⁰²¹.

Следом за ним расположился второй по численности населения западносибирский город – Омск, где ежегодное количество выбросов от стационарных источников достигло 448,1 тыс. т, тогда как крупнейший город Сибири – Новосибирск оказался на третьем месте с 218,0 тыс. т. В Барнауле и Кемерово выбросы в 1989 г. составили 177,8 тыс. и 106,9 тыс. т соответственно. Среди областных центров, по которым были опубликованы данные, меньше всего загрязняли воздушную среду предприятия Тюмени – 40,0 тыс. т, где в силу исторических особенностей

¹⁰¹⁷ Народное хозяйство РСФСР в 1981 г.: стат. ежегодн. М., 1982. С. 207.

¹⁰¹⁸ Охрана окружающей среды в РСФСР за 1989 г. М., 1990. (ДСП). С. 111.

¹⁰¹⁹ Народное хозяйство РСФСР в 1987 г.: стат. ежегодн. М., 1988. С. 546.

¹⁰²⁰ Народное хозяйство РСФСР в 1989 году: стат. ежегодн. М., 1990. С. 309.

¹⁰²¹ Больше всего загрязняли воздушную среду заводы Норильска (2,3 млн т в 1989 г.), Кривого Рога (1 167,0 тыс. т), Магнитогорска (821,0 тыс. т), Темиртау (850,0 тыс. т).

индустрия была меньше развита. Большими объемами веществ, отходящих от стационарных источников, выделялся также Прокопьевск (38,4 тыс. т)¹⁰²².

«Иерархическая лестница» выглядела иначе, если статистику загрязнения воздушного бассейна составлять по автомобильному транспорту. Ежегодные выбросы в атмосферу, исходящие от автомобилей, составляли приблизительно 40,0 % от общего количества¹⁰²³. Первые два места по этому показателю заняли Омск (154,4 тыс. т) и Новосибирск (108,7 тыс. т). Существенно загрязнялась атмосфера в Тюмени (90,5 тыс. т), Барнауле (80,3 тыс. т) и Кемерово (72,3 тыс. т). В то же время автомобильный транспорт Новокузнецка выделял в атмосферу значительно меньше веществ (55,8 тыс. т)¹⁰²⁴. Все перечисленные города, кроме Барнаула, в 1989 г. были включены Госкомгидрометом СССР в список самых загрязненных административных и индустриальных центров страны (всего 85 городов).

Неблагоприятное воздействие на здоровье человека оказывало загрязнение водных источников. Употребление недоброкачественной воды могло стать условием возникновения различных инфекционных и паразитарных заболеваний, а также вызвать тяжелые отравления. Наличие в ней опасных химических элементов приводило к появлению острых и хронических нарушений здоровья. Согласно официально опубликованным данным на хозяйственно-питьевые нужды расходовалось только 14,0–15,0 % от всей потребляемой в РСФСР воды, в то время как на орошение и сельскохозяйственное водоснабжение – 22,0–25,0 %. Доля промышленных предприятий и других хозяйственных объектов достигала 61,0–63,0 %¹⁰²⁵. Вода являлась ценным технологическим сырьем, потребность в ней в СССР год от года возрастала. При этом для пищевой и фармацевтической промышленности была необходима доброкачественная питьевая вода, полученная путем сложной обработки на водопроводных станциях.

Наибольшую роль в загрязнении гидросферы играли промышленные и хозяйственно-бытовые сточные воды, дренажные воды орошаемых земель, организованный и неорганизованный сток из населенных пунктов, крупные животноводческие комплексы и водный транспорт. Первые публикации статистических данных о состоянии водных источников относятся к началу 1980-х гг., более подробные сведения были обнародованы позже, в перестроечный период. Согласно официальным данным только 40,0 % сброшенной в природные водоемы воды в 1980 г. подверглось очистке согласно действующим нормам.

¹⁰²² Народное хозяйство РСФСР в 1989 году: стат. ежегодн. М., 1990. С. 334.

¹⁰²³ Охрана окружающей среды: учеб. для техн. вузов. М., 1991. С. 14.

¹⁰²⁴ Лидерами по выбросам вредных веществ в атмосферу автомобильным транспортом являлись: Москва (801,3 тыс. т), Ленинград (371,9 тыс. т), Ташкент (353,3 тыс. т), Баку (297,8 тыс. т), Тбилиси (282,2 тыс. т) и Киев (244,2 тыс. т).

¹⁰²⁵ Народное хозяйство РСФСР в 1989 году: стат. ежегодн. М., 1990. С. 329.

К 1985 г. эта цифра увеличилась до 54,0 %, затем вновь снизилась, главным образом из-за ужесточения государственных нормативов к качеству сливаемых стоков¹⁰²⁶.

По данным выборочных исследований, проведенных во второй половине 1980-х гг., более или менее удовлетворительно фильтровалась вода, используемая предприятиями и организациями жилищно-коммунального хозяйства (80,7 %). В меньшей степени фильтровалась вода в автомобильном и сельскохозяйственном машиностроении (72,9 %), черной металлургии (69,3 %). Значительно хуже она доводилась до положенных нормативов в химической (45,1 %), лесной и целлюлозно-бумажной (36,3 %), легкой (34,0 %) промышленности. Практически не очищалась вода на предприятиях угольной индустрии – всего на 2,9 %¹⁰²⁷.

В итоге состояние воды в реках и озерах заметно ухудшилось. В Западной Сибири, например, Обь (включая Иртыш) стала одной из самых загрязненных рек в Советском Союзе (наряду с Амуром, Волгой, Днестром, Доном, Енисеем, Окой, Камой). Только в 1989 г. в нее было сброшено 4,6 тыс. т нефтепродуктов, 1 223,0 тыс. т сульфатов, 10,9 тыс. т нитратов, 475,1 тыс. т хлоридов и т.д. В разных городах доля сливаемой по коммунальным канализациям неочищенной воды сильно различалась. В 1985 г. в Сибири в наибольшей мере она фильтровалась в Красноярске, Иркутске и Тюмени. В Новосибирске вся вода, поступавшая в водоемы, была неочищенной или плохо очищенной¹⁰²⁸. Это тоже приводило к загрязнению водных источников. Так, сброс загрязненных вод канализационными системами Рубцовска привел к сильному загрязнению близлежащего озера Горького¹⁰²⁹. Результаты санитарного надзора за хозяйственно-питьевым водоснабжением в 1989 г. показали, что не удовлетворяли существующим стандартам по химическим показателям 21,0 %, по бактериологическим – 12,5 % воды в РСФСР. Удельный вес неблагополучной воды непосредственно в водоемах в местах водопользования достиг соответственно 28,3 % и 29,9 %¹⁰³⁰.

Сложно дать оценку тому, насколько потребление некачественной воды, если не брать в расчет массовых отравлений, влияло на здоровье и смертность населения. В крупных городах, например в Барнауле, ежедневный расход воды на каждого человека в среднем составлял 200,0 л¹⁰³¹. Значительная ее часть использовалась на личные нужды. Следовательно, от ее качества напрямую зависело здоровье населения. Еще в довоенный период система водоснабжения и канализации существенно улучшилась, а к концу 1960-х гг. проблема снабжения городского населения чистой водой была решена. В 1965 г. введены в строй

¹⁰²⁶ Народное хозяйство РСФСР в 1987 году: стат. ежегодн. М., 1988. С. 543.

¹⁰²⁷ Народное хозяйство РСФСР в 1989 году: стат. ежегодн. М., 1990. С. 331.

¹⁰²⁸ Социальное развитие СССР: стат. сб. М., 1990. С. 85.

¹⁰²⁹ Марков Н. Вода станет чище // Алтайская правда. 1986. 9 фев.

¹⁰³⁰ Охрана здоровья в СССР: стат. сб. М., 1990. С. 178–179.

¹⁰³¹ Сивкин В. Почему мелеет водопровод? // Алтайская правда. 1973. 26 июн.

крупные водопроводные системы в Новосибирске и Барнауле, в 1971 г. – в Тюмени и Кемерово¹⁰³². Определенное значение этот фактор имел в районах с неразвитой системой коммунального хозяйства. Например, из-за плохо налаженного водоснабжения на начальных этапах освоения северных районов Западной Сибири население употребляло недостаточно очищенную воду из окружающих источников. Это привело к ухудшению эпидемиологической обстановки и росту заболеваемости кишечными инфекциями¹⁰³³.

Еще труднее определить воздействие загрязнений почв и пищи, которые тоже имели место. Легче выявить последствия выбросов в атмосферу загрязняющих веществ, которые отражались в статистике заболеваемости органов дыхания. Согласно Б.Ц. Урланису вклад экологического фактора (в совокупности с техническим прогрессом) в смертность составил около 6,4 %, по данным Ревича Б.А., рассчитанным для современной России (2004 г.), – приблизительно 3,0–4,0 %. Наибольшее значение имело загрязнение воздушной среды (3,0 % для городского населения)¹⁰³⁴.

Важнейшим фактором, влияющим на показатели смертности, являлось *здравоохранение*. Официальная статистика демонстрировала положительную количественную динамику его развития. Уровень обеспеченности населения работниками медучреждений непрерывно рос. Если в РСФСР в 1960 г. на 10,0 тыс. чел. приходилось 20,8 врачей, то в 1970 г. – уже 29,0, в 1980 г. – 40,3, а в 1989 г. – 47,3. Таким образом, обеспеченность врачами увеличилась за 30 лет в 2,3 раза. По этому показателю Западная Сибирь уступала Российской Федерации, хотя темпы роста у нее были выше (в 2,7 раза): в 1960 г. на 10,0 тыс. чел. приходилось 16,4 врачей (1970 г. – 24,6, 1980 г. – 37,1), в 1989 г. – 44,3¹⁰³⁵.

Лидером по этой позиции стала Томская область (1960 г. – 23,1, 1989 г. – 59,8), где располагались один из старейших медицинских вузов России и несколько научных учреждений АМН СССР. Высокие статистические показатели были у Омской области (23,0 и 52,3). Наименьшим удельным весом врачей отличался Алтайский край (10,1 и 38,2), с большой долей сельского населения. Как известно, медицинское обслуживание в сельской местности было налажено хуже, чем в городах. Ниже средних по экономическому району оказались цифровые показатели у Тюменской области (13,2 и 37,2) из-за интенсивного индустриального развития, что повлияло на становление сети медучреждений¹⁰³⁶.

¹⁰³² Куксанова Н.В. Социально-бытовое развитие городов Сибири в 1960–1970-е гг.: уч. пос. С. 59.

¹⁰³³ Карпов В.П., Колева Г.Ю., Гаврилова Н.Ю., Комгорт М.В. Западно-Сибирский нефтегазовый проект: от замысла к реализации. С. 312.

¹⁰³⁴ Ревич Б.А. «Горячие точки» химического загрязнения окружающей среды и здоровье населения России. М., 2007. С. 4.

¹⁰³⁵ Народное хозяйство РСФСР в 1969 году: стат. ежегодн. М., 1970. С. 382; Народное хозяйство РСФСР в 1972 году: стат. ежегодн. М., 1973. С. 424; Народное хозяйство РСФСР в 1987 г.: стат. ежегодн. М., 1988. С. 521; Народное хозяйство РСФСР в 1989 г.: стат. ежегодн. М., 1990. С. 301.

¹⁰³⁶ Там же.

Так, если в ХМАО в 1960 г. на 10,0 тыс. населения приходилось 11,6 врачей или чуть больше, чем в Горно-Алтайской АО (9,9), то в 1989 г. – 31,9, тогда как в ГААО – 39,6. Показательно выглядят данные по Ямало-Ненецкому АО. В 1960 г. округ по обеспеченности медицинскими кадрами лишь немного уступил Томской области (21,0), а к 1989 г. пропустил вперед все регионы Западной Сибири, за исключением ХМАО (36,0). Кузбасс и Новосибирская область заняли «промежуточное» положение (15,6 и 19,7 в 1960 г.; 43,4 и 47,8 в 1989 г.)¹⁰³⁷.

Улучшалась, хотя и медленными темпами, материальная обеспеченность организаций здравоохранения. Число больничных коек в РСФСР и Западной Сибири за 30 лет увеличилось в 1,7 раза. Значительно ускорились по сравнению с предыдущим периодом темпы строительства больниц. Если в 1956–1960 гг. (шестая пятилетка) в РСФСР было введено в действие 122,3 тыс. коек, то в седьмой пятилетке уже 157,6 тыс., в восьмой – 163,9 тыс. В дальнейшем высокая интенсивность строительства сохранялась. В девятой пятилетке было введено в действие 194,4 тыс., в десятой – 171,5 тыс., в одиннадцатой – 174,3 тыс., в двенадцатой – 185,3 тыс. мест¹⁰³⁸. Быстро росло количество больничных коек в Западной Сибири. Если в 1951 г. их численность составляла 50,8 тыс. ед., в 1970 г. – 145,1 тыс., то к 1980 г. – 177,2 тыс. В 1960 г. в Российской Федерации на 10,0 тыс. чел. приходилось 78,7 больничных коек, в 1989 г. – 139,0 (в Западной Сибири – соответственно 79,0 и 135,0)¹⁰³⁹. Выросло количество санаториев и домов отдыха.

В 1960–1980-е гг. благодаря развитию социальной сферы и здравоохранения почти полностью отступили массовые инфекционные болезни, такие как малярия, туберкулез, тифы, полиомиелит, дифтерия, корь и другие, ранее уносившие множество человеческих жизней. В 1986 г. в сравнении с 1940 г. по числу случаев на 100 тыс. населения заболеваемость корью уменьшилась в 10 раз, тифом – в 12 раз, коклюшем – в 37 раз, дифтерией – в 222 раза¹⁰⁴⁰. Естественно, что советскому здравоохранению были присущи и недостатки, в том числе и на региональном уровне. Расширение мощности поликлиник происходило с отставанием, особенно в крупных городах, из-за плохо организованной работы пациентам приходилось длительное время простаивать в очередях, больницам не доставало современной техники, лекарств и т.д.¹⁰⁴¹

¹⁰³⁷ Народное хозяйство РСФСР в 1969 году: стат. ежегодн. М., 1970. С. 382; Народное хозяйство РСФСР в 1972 году: стат. ежегодн. М., 1973. С. 424; Народное хозяйство РСФСР в 1987 г.: стат. ежегодн. М., 1988. С. 521; Народное хозяйство РСФСР в 1989 г.: стат. ежегодн. М., 1990. С. 301.

¹⁰³⁸ Здравоохранение и социальное обеспечение в СССР: стат. сб. М., 1970. (ДСП). С. 72; Здравоохранение и социальное обеспечение в СССР: стат. сб. М., 1986. (ДСП). С. 46; Охрана здоровья в СССР: стат. сб. М., 1990. С. 152; Народное хозяйство РСФСР в 1987 г.: стат. ежегодн. М., 1988. С. 533.

¹⁰³⁹ Народное хозяйство РСФСР в 1989 г.: стат. ежегодн. М., 1990. С. 289, 304.

¹⁰⁴⁰ Народное хозяйство СССР в 1987 г.: стат. ежегодн. М., 1988. С. 549.

¹⁰⁴¹ Для блага народа // Алтайская правда. 1978. 17 фев.

К тому же, как уже говорилось выше, за истекшее столетие структура причин смерти в России коренным образом изменилась. Люди в основном стали умирать от хронических недугов, в первую очередь, болезней сердечно-сосудистой системы и онкологических заболеваний, свойственных старшим возрастным когортам. Вследствие этого резко увеличилась средняя продолжительность жизни, достигнув к концу 1950-х гг., по официальным данным, 69,0 лет¹⁰⁴². К середине 1960-х гг. отставание России по этому показателю от ведущих стран мира было почти полностью преодолено.

На этом историческом этапе здравоохранение, несмотря на высокие количественные темпы развития, не могло обеспечить статистически устойчивое снижение смертности. Много других факторов стало оказывать возрастающее давление на здоровье человека. Дальнейшее развитие медицинского обслуживания должно было идти по пути модернизации материально-технической базы, роста квалификации кадров, совершенствования системы управления, формирования новых нормативов. Органичной частью этого процесса должно было стать увеличение оплаты труда медицинских работников. Однако в 1980 г. ее средний размер в медучреждениях РСФСР составил всего 133,7 руб., тогда как в промышленности – 191,2 руб., в сельском хозяйстве – 156,8 руб., строительстве – 210,8 руб., и стал одним из самых низких в народном хозяйстве¹⁰⁴³.

На начальных стадиях демографического перехода доктора во врачебном процессе не сильно учитывали личностные особенности людей, однако в новых условиях, когда структура заболеваний изменилась, такие принципы лечения оказались малоэффективными. В новых условиях увеличилась важность долговременных и тесных взаимоотношений с пациентами, в связи с преобладанием у них хронических, специфичных болезней.

Успешное развитие материально-технических основ здравоохранения непосредственно зависело от отраслей промышленности, которым в СССР по многим причинам не уделялось должного внимания: фармацевтической, медицинского приборостроения, электроники и т.д. К концу 1980-х гг. расходы на здравоохранение в развитых странах достигли 7,0–11,0 % в ВВП, тогда как в Советском Союзе они не превысили 4,0 %¹⁰⁴⁴. В конечном итоге ко второму этапу эпидемиологического перехода отечественное здравоохранение подошло не совсем готовым. Для того, чтобы довести его до новых высоких стандартов, были необходимы большие материальные и организационные вливания, на которые государство по многим объективным причинам не могло пойти.

---

¹⁰⁴² Население СССР. 1987: стат. сб. М., 1988. С. 351.

¹⁰⁴³ Труд в СССР: стат. сб. М., 1988. С. 158–159.

¹⁰⁴⁴ Народное хозяйство СССР. 1922–1982: юбил. стат. ежегодн. М., 1982. С. 563; Охрана здоровья в СССР: стат. сб. М., 1990. С. 149.

В рассматриваемый период главным фактором, влияющим на смертность, стало отношение к своему здоровью со стороны каждого человека. По оценкам некоторых исследователей, состояние здоровья человека от медицины зависело на 10,0 %, тогда как от образа жизни – на 50,0 %¹⁰⁴⁵. Раньше внедрение в медицинскую практику эффективных лекарственных препаратов, создание общедоступной системы здравоохранения не предполагали серьезной активности со стороны населения. Процесс улучшения санитарно-гигиенических, жилищных условий, обеспеченности людей обувью, одеждой, регулярным питанием сильно зависел от объективных условий – технического прогресса, социально-экономического положения в государстве. На последующем этапе эпидемиологического перехода, когда социальные катаклизмы, голод и войны остались позади и были созданы минимально необходимые для жизни условия, основное внимание должно было быть уделено борьбе с вредными привычками, преждевременно вызывавшими многие заболевания, в том числе онкологические и сердечно-сосудистые¹⁰⁴⁶.

Этот этап, который был во многом основан на ответственном подходе к здоровью, широкого распространения в российском обществе не получил. Население не до конца осознавало необходимости приложения собственных значительных усилий для предотвращения заболеваний¹⁰⁴⁷. В исследуемый период явно прослеживалась тенденция уменьшения доли физического труда в жизни человека при возрастании эмоционального, психологического напряжения. Снижение физической активности негативно влияло на функционирование организма. Например, смертность от ишемической болезни сердца у лиц, ведущих сидячий образ жизни, была в три раза выше, чем у физически активных¹⁰⁴⁸. В 1980-е гг. 73,0 % рабочих и 56,0 % служащих РСФСР не были приобщены к занятиям физкультурой и спортом. В то же время обеспеченность спортивными сооружениями покрывала менее одной трети потребности в них. Около 80,0 % своего досуга человек проводил дома, занимаясь пассивными видами отдыха¹⁰⁴⁹.

Социологические исследования, проведенные в первой половине 1980-х гг. в некоторых городах СССР (Вильнюсе, Шауляе, Львове, Черновцах и др.), показали, что у мужчин на первом месте среди факторов, в наибольшей степени влияющих на здоровье, оказались «условия жизни» (41,0 %). В то же время на необходимость и важность своих *собственных* сберегающих действий указали лишь 29,0 % из них. У женщин разброс мнений составил

¹⁰⁴⁵ Журавлева И.В., Левыкин И.Т. Образ жизни и региональные особенности отношения к здоровью // Социальные проблемы здоровья и продолжительности жизни. С. 6.

¹⁰⁴⁶ Воспроизводство населения и демографическая политика в СССР. С. 90.

¹⁰⁴⁷ Население СССР за 70 лет. С. 153–155.

¹⁰⁴⁸ Борисов В.А., Киселева Г.П. Актуальные проблемы воспроизводства населения СССР в свете решений XVI съезда КПСС // Проблемы воспроизводства и миграции населения: сб. ст.: в 2 разд. М., 1981. Разд. I. С. 27–28.

¹⁰⁴⁹ Население СССР за 70 лет. С. 155.

соответственно 28,0 и 39,0 %. Слабый пол проявлял большую активность в деле сохранения своего здоровья¹⁰⁵⁰. Проведенные исследования выявили интересную особенность у опрошенных во взглядах на собственное долголетие, а именно – значительная доля людей полагали, что вообще не стоит стремиться жить как можно дольше (25,0 %).

Известное влияние на смертность оказывал *образовательный* уровень населения, который непрерывно повышался. Уже в 1987 г. различными видами обучения было охвачено 40,0 % населения страны или 110,0 млн чел.¹⁰⁵¹ Снижение неграмотности позитивно отражалось на величине средней продолжительности жизни. Расчеты зависимости смертности от образовательного уровня стали возможны, начиная с Всесоюзной переписи 1979 г., когда были опубликованы (правда, в сборниках для служебного пользования) соответствующие статистические сведения. Взаимозависимость этих показателей является в общем очевидной, так как по мере роста образованности увеличивались знания людей о факторах преждевременной смерти, а следовательно, и способности оказывать им противодействие. Кроме того, за уровнем образования нередко скрывалось социальное положение человека, его материальная обеспеченность, доступ к качественному медицинскому обслуживанию, высокий уровень питания и хорошие жилищные условия.

Простые расчеты, произведенные на основе данных Всесоюзной переписи населения 1979 г. и материалов текущего учета, демонстрируют заметные различия в смертности людей с разным образовательным уровнем (табл. 3.2.2).

Общий коэффициент смертности у лиц с высшим и незаконченным высшим образованием был на 40,4 % ниже такого же коэффициента, рассчитанного для городских поселений РСФСР в целом. При этом интересно, что общий коэффициент у людей, обладающих только средним общим и специальным, был еще ниже. Это обусловлено особенностями возрастной структуры разных образовательных групп населения. Основная часть тех, кто окончил только школу, являлась молодыми людьми в возрасте до 24 лет (45,8 %) с низким уровнем смертности. Тогда как среди лиц, закончивших вузы или продолжающих обучение в них, таковых было только 15,0 %. Молодежи было больше и среди тех, кто окончил только профессиональные технические училища и техникумы.

---

¹⁰⁵⁰ Отношение человека к здоровью и продолжительность жизни. С. 54–60.

¹⁰⁵¹ Правда. 1988. 24 янв.

Возрастные коэффициенты смертности городского населения РСФСР, рассчитанные для лиц с разным образовательным уровнем в 1979 г., в ‰*

Возраст, лет	Всего	Высшее и незаконч. высш.	Средн. спец.	Средн. общее	Неполн. сред.	Начальн. и не имеющ. начальн.
<i>Всего</i>	9,9	5,9	5,7	5,2	9,1	20,0
Мол. 16 лет	2,2	–	–	–	–	3,8
16–19	1,0	0,6	1,8	0,9	1,0	5,4
20–24	1,7	0,9	1,1	1,5	2,9	5,7
25–29	2,3	0,9	1,3	2,2	3,9	5,8
30–34	3,2	1,3	1,8	3,2	5,3	6,3
35–39	4,0	1,9	2,3	4,0	5,7	5,3
40–44	5,8	3,0	3,5	6,2	7,9	6,3
45–49	8,0	4,5	5,3	9,8	10,7	7,2
50–59	12,7	9,3	10,1	14,5	15,5	11,4
60–69	27,0	25,4	25,5	31,5	35,8	24,5
70 и старше	82,3	75,6	87,1	71,7	112,6	80,2

* Подсчитано по: Численность, естественное движение и миграция населения РСФСР в 1979 году: стат. сб. М., 1980. С. 178; Возрастной состав населения РСФСР по данным Всесоюзной переписи населения 1989 г. М.: Госкомстат РСФСР, 1990. С. 65.

Если же рассматривать именно возрастные коэффициенты, то становится очевидным, что смертность лиц с высшим образованием была, за редким исключением, самой низкой среди всех образовательных групп. Это особенно заметно на примере активных рабочих возрастов. Люди с высшим образованием в интервале 25–49 лет умирали в 1979 г. в среднем в два с лишним раза реже тех, кто имел только среднее общее. Самое неблагоприятное положение сложилось в группах с неполным средним, начальным образованием и в группе не имеющих начального образования (см. табл. 3.2.2). Анализ корреляции показателей образованности и смертности, осуществленный в коллективной работе В. Школьниковой, Е. Андреевой, Т. Малевой на материалах Всесоюзных переписей 1979 и 1989 г., подтвердил, что максимальные различия в продолжительности жизни были зафиксированы у людей, обладающих высшим и незаконченным высшим образованием, и теми, кто имел только неполное среднее. Этот разрыв составил 5 лет для мужчин и 2 года для женщин¹⁰⁵².

По мере роста образовательного уровня дифференциация в продолжительности жизни между мужчинами и женщинами сокращалась. Если для всего населения в возрасте 15–69 лет в 1989 г. она составила пять лет, то для высокообразованных – только два года (у малообразованных – 5,8 лет). Авторы провели качественную оценку влияния образования на смертность и пришли к выводу, что у мужчин в возрасте 20–39 лет каждый год обучения способствует ее снижению на 12,9 %, в возрасте 40–59 лет – на 10,7 %, 60–69 лет – на 6,0 %. Соответствующие показатели у женщин составили 12,8 %, 10,3 % и 4,4 %. В низких образовательных группах причинами избыточной смертности являлись несчастные случаи,

¹⁰⁵² Неравенство и смертность в России. С. 36.

особенно в интервале 25–34 года, болезни системы кровообращения и злокачественные образования¹⁰⁵³.

Конечно, нами были перечислены самые важные факторы, оказывающие влияние на продолжительность жизни. Среди других следует выделить уровень *жилищной обеспеченности*. Жизнь в неудовлетворительно обустроенных помещениях, трущобах, землянках могла привести к тяжелым болезням, а в последующем к смерти. Использование *плохой одежды и обуви* вызывало простудные заболевания и ослабляло жизнестойкость организма. На показатели смертности оказывал влияние *характер труда*. Средняя продолжительность жизни у занятых преимущественно умственным трудом была выше, чем у тех, кто был занят в основном физическим¹⁰⁵⁴.

Итак, составим таблицу взаимодействия продолжительности жизни и ее факторов для рассматриваемого периода (1960–1980-е гг.). Исходить будем из теоретической предпосылки, согласно которой при устранении последних в период второго эпидемиологического перехода продолжительность жизни для всего населения достигла бы 85 лет. Максимальный ее уровень в РСФСР к концу первого эпидемиологического перехода составил примерно 70,0 лет, таким образом, действие вышеперечисленных факторов занижало максимально возможную продолжительность жизни на 15,0 лет. Следует оговориться, что таблица построена с учетом представленных выше точек зрения, но одновременно является отражением собственных взглядов автора (табл. 3.2.3).

Для сравнения будет представлено аналогичное распределение данных для первого эпидемиологического перехода, в течение которого средняя продолжительность жизни возросла с 40 до 70 лет. Необходимо уточнить, что многие факторы пересекаются и перекрывают друг друга (например, курение и отношение к здоровью; социальная нестабильность и голод), сила их действия в разное время и на разных территориях была различной.

Во время второго эпидемиологического перехода на первый план выходит борьба с вредными привычками. Особенно большой вред наносили алкоголизм и неправильное отношение к здоровью. Если раньше высокая смертность в младенчестве и подростковых когортах приводила к умиранию наименее сильных и здоровых детей, то к концу первого эпидемиологического перехода к трудоспособному возрасту доживало большинство новорожденных. К средним и старшим возрастам сила их иммунной системы стала не так сильна, как у прежних поколений. Сопrotивляемость организма ослабляли занятия преимущественно умственным трудом и снижение физических нагрузок. Именно поэтому

¹⁰⁵³ Неравенство и смертность в России. С. 39.

¹⁰⁵⁴ Жиромская В.Б. Основные тенденции демографического развития России в XX веке. С. 199.

негативное влияние вредных привычек, например, алкоголизма возрастало. Следует отметить, что его значение было существенным и в период высокой смертности, в первой половине XX столетия, однако в тех условиях действовали факторы, которые могли привести к гибели человека намного раньше.

Таблица 3.2.3

Гипотетический вклад различных факторов
в снижение средней продолжительности жизни

Фактор	Второй демографический переход (предположительно от 70 до 85 лет). Вклад в снижение продолжительности жизни		Первый демографический переход (примерно от 40 до 70 лет). Вклад в снижение продолжительности жизни	
	в %	годы	в %	годы
Алкоголизм	25	3,75	7	2,1
Курение	8	1,2	5	1,5
Экология	10	1,5	3	0,9
Здравоохранение	10	1,5	21	6,3
Отношение к здоровью	35	5,25	3	0,9
Образование	3	0,45	8	2,4
Характер труда	5	0,75	5	1,5
Жилищная обеспеченность	2	0,3	10	3,0
Обеспеченность обувью, одеждой	2	0,3	9	2,7
Голод	0	0	12	3,6
Социальная нестабильность*	0	0	17	5,1
<i>Итого</i>	100	15,0	100	30,0

* Революции, смена социально-экономического строя, войны, следствиями которых становятся: преждевременная гибель множества людей, распространение эпидемий и преступности, правовая анархия, ослабление центральных государственных органов и снижение эффективности работы социальных служб, потеря источника существования, падение уровня жизни, общественная дефрагментация и взаимное отчуждение, сильный эмоциональный стресс.

Например, во время первого эпидемиологического перехода было сильно действие экстремальных факторов – социальной нестабильности и войн. Нечто подобное можно наблюдать на примере России 1990-х гг. Голод, нехватка одежды, обуви, утрата жилья значительно усиливали риски появления болезней, особенно экзогенного действия, которые приводили к преждевременной смерти. В периоды, когда эти факторы слабели, например, во время социально-экономического подъема и одновременно развития медицины и здравоохранения, как в 1920-е гг. или во второй половине 1940-х – в 1950-е гг., продолжительность жизни росла быстро¹⁰⁵⁵.

После того, как она достигала 68,0–70,0 лет, общественная стабильность, положительные изменения в социальной сфере, в уровне жизни, образованности населения уже не могли обеспечить ее существенного увеличения. Для того, чтобы длительность жизни выросла, стали важны собственные, значительные усилия человека, и комплексный и рациональный

¹⁰⁵⁵ Население Советского Союза: 1922–1991 гг. С. 135.

государственный подход к борьбе с вредными привычками и к развитию здравоохранения. Все это должно было привести к снижению смертности не только от инфекций, но и от несчастных случаев, отравлений и травм, сердечно-сосудистых и онкологических заболеваний, вытеснению смертности в старшие возраста, к новому росту ожидаемой продолжительности жизни¹⁰⁵⁶.

1959–1970 гг. От теоретической части переходим непосредственно к анализу смертности в городских поселениях Западной Сибири. Детская смертность в городах и пгт Западной Сибири снижалась быстрее, чем в РСФСР. В 1950 г. она была выше, чем в республике почти на четверть (123,0 ‰ против 100,9 ‰). Спустя десять лет, к 1960 г. разница существенно сократилась (34,8 и 34,9 ‰)¹⁰⁵⁷. К 1970 г. детская смертность в западносибирском экономическом районе уменьшилась до 23,2 ‰. В наибольшей мере она сократилась от болезней экзогенной природы. Российские медицинские учреждения успешно боролись с распространением детских эпидемий, активно разрабатывали новые вакцины. Уже в начале 1950-х гг. прививками было охвачено свыше 90,0 % детей¹⁰⁵⁸. Возьмем в качестве примера Новосибирскую область. Как показывают данные текущего учета за 1960–1970 гг., смертность от инфекционных и паразитарных заболеваний уменьшилась в 2, а от органов пищеварения в 3 раза. Продолжала оставаться высокой смертность от болезней органов дыхания, а от врожденных аномалий выросла¹⁰⁵⁹.

Среди причин снижения детской смертности, кроме улучшения материального благополучия и повышения культурно-образовательного уровня населения, следует отметить широкое применение антибиотиков, укрепление материальной базы служб охраны материнства и детства, количественный рост медучреждений, развитие системы диспансерного наблюдения за беременными женщинами и новорожденными детьми. Как показывает постсоветский опыт, определенное значение имело общее снижение количества рождений в стране. Можно предположить, что в результате этого, например, уменьшилась нагрузка на персонал больниц, на акушеров-гинекологов, медицинскую технику, на коечный фонд в родильных домах, уменьшился дефицит лекарств и т.д. Это также являлось одним из важных факторов снижения детской смертности в развитых индустриальных странах.

Общий коэффициент смертности в западносибирских городах в 1950-е гг. значительно снизился, после минимальных значений в 1963–1964 гг. (6,3 ‰) он вновь начал расти,

¹⁰⁵⁶ Вишневский А.Г. Смертность в России: несостоявшаяся вторая эпидемиологическая революция // Демографическое обозрение. 2014. № 4. С. 5–40.

¹⁰⁵⁷ Естественное и механическое движение населения РСФСР: стат. мат-лы. М., 1966. (ДСП). С. 77, 81.

¹⁰⁵⁸ Жиромская В.Б. Жизненный потенциал послевоенных поколений в России: историко-демографический аспект: 1946–1960. С. 103.

¹⁰⁵⁹ Текущий архив Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Новосибирской области. Динамические ряды № 3. Л. 12–13.

достигнув 7,5 ‰ к 1970 г. (табл. 3.2.4). Это повышение произошло, главным образом, за счет постепенного старения населения. Как известно, чем выше в нем доля пожилых возрастов, тем больше ежегодное число умерших.

Таблица 3.2.4

Число смертей и общий коэффициент смертности в городских поселениях Западной Сибири и РСФСР 1959–1970 гг.*

Год	Число смертей в городских поселениях Западной Сибири, тыс. чел.	Общий коэффициент смертности, в ‰	
		Западная Сибирь	РСФСР
1959	39,9	6,9	7,0
1960	39,1	6,5	6,7
1961	40,9	6,5	6,8
1962	42,0	6,6	6,9
1963	41,1	6,3	6,8
1964	42,6	6,3	6,6
1965	44,3	6,5	6,9
1966	46,0	6,6	7,0
1967	48,1	6,7	7,2
1968	50,8	7,0	7,4
1969	54,9	7,5	7,8
1970	56,3	7,5	7,9

* Подсчитано по: Естественное и механическое движение населения РСФСР в 1973 году: стат. сб. (ДСП) М., 1974. С. 13, 15; Естественное и механическое движение населения РСФСР: стат. мат.-лы. (ДСП) М., 1966. С. 57; Естественное и механическое движение населения РСФСР: стат. сб. (ДСП) М., 1968. С. 93–94; Естественное и механическое движение населения РСФСР: стат. сб. (ДСП) М., 1970. С. 49; ГААК. ФР.–718. Оп. 43. Д. 54. Л. 11–12; Д. 61. Л. 22–24; Д. 65. Л. 17–18; Д. 70. Л. 15–17; ГАКО. ФР.–304. Оп. 1. Д. 65. Л. 24; Д. 66. Л. 21; Д. 67. Л. 35; Д. 68. Л. 22; Текущий архив Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Новосибирской области. Динамические ряды № 3. Л. 41–58; ИАОО. ФР.–2122. Оп. 1. Д. 3288. Л. 5; Д. 3294. Л. 185–186; Д. 3395. Л. 85–87; Д. 3408. Л. 30–31; ГАТО. ФР.–1085. Оп. 3. Д. 100. Л. 12об, 41об; Д. 151. Л. 262об, 313об; ГАТюм.О. ФР.–1112. Оп. 1. Д. 2450. Л. 9; Д. 2721. Л. 11; Д. 2981. Л. 11; Д. 3370. Л. 35; Демографический ежегодник России: стат. сб. М., 1999. С. 51.

Согласно исследованиям, проведенным в советское время, негативные тенденции, возникшие в 1960-е гг., прежде всего, затронули мужчин трудоспособных возрастов, а затем распространились на женщин и пожилые когорты. Повышение средней продолжительности жизни происходило вплоть до середины 1960-х гг., после чего она стала медленно сокращаться. Напомним, что до этого в СССР за 20 лет с 1938/1939 по 1958/1959 гг. в результате в основном уменьшения смертности детей в возрасте до 15 лет у мужчин она увеличилась на 15,1 лет, а женщин – на 14,4 года¹⁰⁶⁰.

Теперь проанализируем, в какой мере новые тенденции коснулись городского населения Западной Сибири. За 1959–1970 гг. общий коэффициент смертности здесь увеличился с 6,9 ‰ до 7,5 ‰¹⁰⁶¹. Однако, как уже говорилось выше, данный показатель зависит от возрастной структуры, в которой в исследуемый период последовательно увеличивалась доля пожилых когорт и снижалась – молодежи. Как и в случае с рождаемостью, для определения роли

¹⁰⁶⁰ Андреев Е.М. Продолжительность жизни и причины смерти в СССР // Демографические процессы в СССР: сб. науч. тр. С. 99.

¹⁰⁶¹ Естественное и механическое движение населения РСФСР: стат. сб. М., 1960. (ДСП). С. 281; Население Западной Сибири в XX веке. С. 85.

структурных факторов воспользуемся индексным методом. Мы не располагаем всеми сведениями о смертности по возрасту по городам РСФСР в целом. Они почти не публиковались в открытых источниках, а в сборниках для служебного пользования представлены пятилетними когортами до 70 лет, чего недостаточно для расчетов кратких таблиц смертности. В этой связи данный метод будет применен для анализа статистических данных по Западной Сибири¹⁰⁶².

Таблица 3.2.5

Структура изменений общего коэффициента смертности в 1959–1989 гг.
в Западной Сибири, в %

Годы	Увеличение/снижение ОКР, в %		
	за счет непосредственно смертности	за счет возрастной структуры населения	<i>Итого</i>
1958/1959–1969/1970	-1,1	+13,8	+12,7
1969/1970–1978/1979	+8,1	+14,8	+22,9
1978/1979–1988/1989	-15,6	+10,3	-5,3

* Таблица рассчитана по тем же данным, что и табл. 3.2.7, 3.2.15, 3.2.23.

Как видно из табл. 3.2.5, общий коэффициент увеличился почти исключительно за счет ухудшения возрастных характеристик населения, а непосредственно смертность немного уменьшилась. Сокращение средней продолжительности жизни во второй половине 1960-х гг. не смогло полностью отыграть того повышения, которое произошло в первой половине десятилетия. Косвенно это подтверждается сведениями по РСФСР, опубликованными в закрытых сборниках. Так, длительность жизни городских жителей республики за период между переписями возросла, если в 1958/1959 гг. она составляла 67,92 года, то в 1969/1970 гг. – 68,97 лет (в 1964/1965 гг. – 69,46 лет)¹⁰⁶³.

Показатели ожидаемой продолжительности жизни по Западной Сибири тоже подтверждают данные, полученные с помощью индексного метода. Для определения ее динамики был произведен подсчет кратких таблиц смертности. В качестве основы были взяты сведения о возрастном составе городского населения, полученные в ходе Всесоюзных переписей 1959 и 1970 г., а также материалы текущего учета о смертности горожан по возрасту за примыкающие к ним годы (1958/1959 и 1969/1970 гг.).

В 1958/1959 гг. средняя продолжительность жизни в городах Западной Сибири составила 67,79 лет, спустя 11 лет, к 1969/1970 гг., она увеличилась до 68,20 лет. Теперь проанализируем ситуацию в разных когортах. Как показывают наши расчеты, смертность уменьшилась только среди молодежи до 24 лет. Наибольшее сокращение было зафиксировано у детей 0–4 лет, по мере повышения возраста размеры снижения падали. Среди 20–24-летних смертность

¹⁰⁶² Методика расчета уровня смертности индексным методом – см.: Борисов В.А. Демография: учеб. для вузов. С. 288–231.

¹⁰⁶³ Естественное движение населения в РСФСР: стат. сб. М., 1988. (ДСП). С. 259; Население России в XX веке: исторические очерки: в 3 т. Т. 3, кн. 1. 1960–1979. С. 31.

сократилась меньше всего – только на 7,5 %. В следующих когортах возрастные коэффициенты только увеличивались, особенно сильно у 35–39-летних (табл. 3.2.7).

Переходим к анализу коэффициентов смертности по причинам смерти на 100 тыс. чел. Они, по существу, обладают теми же недостатками, что и общий коэффициент смертности, так как не учитывают особенностей возрастной структуры населения. Вместе с тем, за неимением иных статистических сведений, мы попытаемся хотя бы приблизительно выявить особенности эпидемиологического перехода в городах и пгт Западной Сибири¹⁰⁶⁴.

Согласно данным табл. 3.2.6, увеличение продолжительности жизни в 1960–1965 гг. произошло в основном за счет снижения смертности от инфекционных и паразитарных заболеваний, главным образом от так называемых социальных недугов – дизентерии и туберкулеза. Также сократилась она от болезней органов пищеварения и дыхания, прежде всего пневмонии всех форм. Одновременно с этим уже тогда стало заметно повышение смертности от заболеваний органов кровообращения и новообразований. Такие перемены являлись закономерными, так как в результате достигнутых обществом успехов в борьбе с болезнями экзогенной природы и роста средней продолжительности жизни больше людей стало доживать до пенсионного возраста, соответственно, иной становилась структура причин смерти населения. Если смертность от новообразований росла медленно, что вообще характерно для нашей страны, то от болезней системы кровообращения она увеличилась довольно сильно. Одновременно с этим повысились показатели смертности от причин, которые были свойственны первому этапу эпидемиологического перехода, – несчастных случаев, отравлений и травм.

Таблица 3.2.6

Смертность по различным причинам среди городского населения РСФСР, Западной Сибири и Новосибирской области в 1960–1970 гг. (на 100,0 тыс. чел.)*

Причина смерти	Новосибирская область	Западная Сибирь	РСФСР
1960			
<i>Всего умерших, в т.ч.:</i>	635,8	Нет свед.	672,6
от инфекц. и паразит. болезней	47,2	Нет свед.	41,7
от новообразований	125,0	Нет свед.	145,2
от болезней кровообращения	238,1	Нет свед.	254,2
от болезней органов дыхания	56,5	Нет свед.	52,3
от болезней органов пищеварения	19,2	Нет свед.	22,5
от несчастн. случ., отравл. и травм	94,8	Нет свед.	Нет свед.
1965			
<i>Всего умерших, в т.ч.:</i>	664,1	Нет свед.	685,4
от инфекц. и паразит. болезней	34,7	Нет свед.	24,7
от новообразований	133,6	Нет свед.	150,0
от болезней кровообращения	271,4	Нет свед.	303,5
от болезней органов дыхания	44,9	Нет свед.	43,5
от болезней органов пищеварения	19,9	Нет свед.	19,7
от несчастн. случ., отравл. и травм	112,6	Нет свед.	90,9

¹⁰⁶⁴ Более точный исследовательский анализ лучше осуществить, опираясь на данные о причинах смерти по возрасту.

Окончание таблицы 3.2.6.

Причина смерти	Новосибирская область	Западная Сибирь	РСФСР
<i>1970</i>			
<i>Всего умерших, в т.ч.:</i>	751,3	748,4	790,5
от инфекц. и паразит. болезней	25,6	25,7	20,3
от новообразований	143,2	131,1	155,6
от болезней кровообращения	341,4	302,7	363,9
от болезней органов дыхания	60,9	72,6	63,9
от болезней органов пищеварения	19,3	20,5	22,0
от несчастн. случ., отравл. и травм	122,1	143,3	118,1

* Подсчитано по: Текущий архив Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Новосибирской области. Динамические ряды № 2. Л. 14–24; Численность, состав и движение населения в РСФСР. М., 1990. С. 190; Естественное и механическое движение населения РСФСР: стат. сб. М., 1967. С. 43–44; Естественное и механическое движение населения РСФСР: стат. сб. М., 1972. С. 70.

Через пять лет (к 1970 г.) коэффициенты смертности в расчете на 100 тыс. чел. снизились только от инфекционных и паразитарных болезней, тогда как от остальных причин увеличились. Несколько повысились они от болезней органов пищеварения. Сильно выросла смертность от несчастных случаев, отравлений и травм, а также от болезней органов дыхания, особенно гриппа, и незначительно – пневмонии. Высокий рост показала смертность от заболеваний системы кровообращения (см. табл. 3.2.6). При этом сложно объяснить подобную динамику только переменами в возрастной структуре городских жителей.

Итак, нам удалось выяснить, что за 1959–1970 гг. произошел некоторый рост средней продолжительности жизни, главным образом, за счет молодежи, тогда как в средних и старших пятилетних когортах смертность увеличилась. Табличные данные показывают наличие определенной специфики Западной Сибири. Несмотря на сравнительно молодой возрастной состав городского населения, в экономическом районе чаще умирали от причин экзогенной природы – инфекций, болезней органов дыхания, несчастных случаев, отравлений и травм. Меньшей была смертность от новообразований и заболеваний системы кровообращения. Это говорит о том, что эпидемиологический переход в Западной Сибири был еще более незавершенным, в сравнении с РСФСР в целом.

Возникает вопрос – за счет каких ранее перечисленных факторов произошло снижение продолжительности жизни во второй половине 1960-х гг. и чем обусловлена специфика эпидемиологического перехода в Западной Сибири. Как уже говорилось выше, в этот период продолжало развиваться здравоохранение, выросли численность больниц и врачебного персонала, обеспеченность медицинским оборудованием. Также увеличился уровень образования населения. Так, в городах и пгт Западной Сибири людей с высшим образованием в расчете на 10 тыс. чел. за 1959–1970 гг. стало больше на 69,2 %, незаконченными высшим и

средним (полным и неполным) – на 29,4 %, одновременно с этим численность лиц только с начальным образованием снизилась на 13,9 %¹⁰⁶⁵.

Косвенное положительное влияние на здоровье населения должно было оказать интенсивное жилищное строительство. Так, только за 1966–1970 гг. в Советском Союзе было возведено домов и квартир общей площадью 518,0 млн кв. м, что позволило улучшить условия проживания почти 55,0 млн чел. Жилищная проблема в Сибири оставалась острой до начала 1960-х гг., однако в дальнейшем положение стало быстро меняться к лучшему. За 1961–1970 гг. в ее городах и пгт было сдано в эксплуатацию жилых помещений общей площадью 51 млн кв. м, в том числе 2/3 из них в Западной Сибири. В результате жилищная обеспеченность населения в 1960-е гг. заметно улучшилась¹⁰⁶⁶. Если в 1960 г. на каждого западносибирского рабочего или служащего в среднем приходилось 5,7 кв. м жилой площади, в 1965 г. – 6,9 кв. м, то в 1970 г. – 10,4 кв. м¹⁰⁶⁷. Коренным образом изменились качественные характеристики помещений, вырос удельный вес домов с горячим водоснабжением, канализацией и центральным отоплением. Расходы на квартплату и коммунальные услуги (отопление, электричество, газ, вода) снизились до 5,0 % бюджета семьи¹⁰⁶⁸.

Несмотря на трудности первой половины 1960-х гг., увеличились продажи населению наиболее ценных продуктов питания. Так, за 1957–1967 гг. потребление мяса и мясопродуктов рабочими и служащими Сибири выросло в среднем примерно на 10,0 кг (до 48,3 кг), яиц – на 32 шт. (до 125,0 шт.). Значительно больше в расчете на душу населения стало потребляться сахара, молока, кондитерских изделий, растительного масла, овощей, фруктов и бахчевых культур. Как показывала официальная статистика, доля непродовольственных товаров в структуре семейных расходов последовательно повышалась. Возросли масштабы реализации через государственную и кооперативную торговлю одежды и белья, трикотажных изделий, тканей, обуви¹⁰⁶⁹.

В результате роста материальной и жилищной обеспеченности, улучшения системы здравоохранения и повышения уровня образования смертность должна была потенциально сократиться не только у молодежи, но и у средних и старших когорт. И это снижение действительно произошло, но только у женского населения. И действительно, во многих возрастных группах, где у мужчин был отмечен рост смертности, у женщин наблюдалась иная динамика (табл. 3.2.7).

¹⁰⁶⁵ Итоги Всесоюзной переписи населения 1979 года: стат. сб. М., 1989. Т. III. Уровень образования населения СССР, союзных и автономных республик, краев и областей. Ч. I. С. 256.

¹⁰⁶⁶ Рабочий класс Сибири. 1961–1980 гг. С. 254.

¹⁰⁶⁷ Ефимкин М.М. Рабочие Сибири, конец 50-х – середина 80-х годов. С. 123.

¹⁰⁶⁸ Бронер Д.Л. Жилищное строительство и демографические процессы. М., 1980. С. 36.

¹⁰⁶⁹ Народное хозяйство РСФСР в 1969 году: стат. ежегодн. М., 1970. С. 338.

Таблица 3.2.7

Динамика возрастных коэффициентов смертности городского населения Западной Сибири (всего, мужского и женского) в 1958/1959–1969/1970 гг., в ‰*

Возраст, лет	1958/1959			1969/1970			Разница, в ‰		
	Муж.	Жен.	Оба пола	Муж.	Жен.	Оба пола	Муж.	Жен.	Оба пола
0–4	11,6	9,5	10,6	7,2	5,3	6,2	–38,5	–44,0	–40,9
5–9	1,2	0,9	1,0	0,8	0,5	0,7	–31,1	–41,4	–35,2
10–14	1,1	0,6	0,9	0,8	0,4	0,6	–30,3	–30,9	–30,4
15–19	2,1	1,1	1,6	1,7	0,6	1,1	–18,1	–46,6	–28,8
20–24	2,6	1,2	1,9	2,7	0,8	1,8	+4,2	–30,5	–7,5
25–29	3,4	1,4	2,5	4,2	1,1	2,7	+21,2	–21,4	+8,6
30–34	4,1	1,8	2,9	5,0	1,4	3,2	+21,2	–19,4	+12,2
35–39	5,3	2,3	3,5	6,8	2,1	4,5	+28,8	–5,3	+28,2
40–44	6,8	3,4	4,8	8,3	2,9	5,4	+22,0	–15,3	+12,6
45–49	8,8	4,5	6,2	10,5	4,4	6,8	+20,5	–1,2	+9,5
50–54	13,5	6,3	9,0	15,0	6,4	9,7	+10,7	+2,0	+7,7
55–59	21,3	9,2	13,1	21,1	9,1	13,5	–1,1	–0,4	+2,7**
60–64	30,4	14,2	19,8	32,1	14,5	20,4	+5,6	+1,8	+3,0
65–69	43,5	22,0	29,2	48,1	23,2	30,2	+10,6	+5,4	+3,2
70 и ст.	88,5	60,3	68,3	105,7	72,6	81,4	+19,4	+20,4	+19,2

* Подсчитано по: ГААК. ФР.–718. Оп. 43. Д. 46. Л. 20–20об; Д. 50. Л. 5–5об; Д. 97. Л. 28; Д. 102. Л. 30–30об; ГАКО. ФР.–304. Оп. 1. Д. 63. Л. 68–68об; Д. 64. Л. 81–81об; Д. 74. Л. 49–49об; Д. 75. Л. 38–38об; ИАОО. ФР.–2122. Оп. 1. Д. 3257. Л. 49–50об; Д. 3262. Л. 48–48об; Д. 5670. Л. 46–46об; Д. 5917. Л. 40–41; ГАТО. ФР.–1085. Оп. 3. Д. 100. Л. 126–126об, 165–165об; Д. 79. Л. 172–172об, 314–314об; ГАТюм.О. ФР.–1112. Оп. 1. Д. 1892. Л. 39–39об; Д. 2174. Л. 40–40об; Оп. 4. Д. 117. Л. 44–44об; Д. 143. Л. 45–45об; Распределение всего населения и состоящих в браке по полу и возрасту по данным Всесоюзной переписи населения на 15 января 1959 г. (АССР, края и области районов Западной и Восточной Сибири и Дальнего Востока). М., 1960. С. 4–6, 34–36, 46–48, 58–60, 70–72, 100–102; ГАРФ. Ф.А.–374. Оп. 39. Д. 1351. Л. 4–6об; Д. 1353. Л. 4–6об; Д. 1354. Л. 4–6об; Д. 1355. Л. 4–6об; Д. 1356. Л. 4–6об; Д. 1357. Л. 4–6об.

** Данные по РСФСР также доказывают возможность подобной динамики.

Повышение занятости, последовательный рост числа предприятий, механизация промышленных процессов, внедрение технических новшеств увеличили риски получения различного рода телесных повреждений¹⁰⁷⁰. Согласно общероссийским данным число пострадавших из-за производственных травм увеличилось по республике за 1960–1970 гг. в два с половиной раза¹⁰⁷¹. Этим до некоторой степени можно объяснить рост смертности от отдельных внешних причин.

Однако важнейшими, на наш взгляд, факторами роста смертности в трудоспособных возрастах стали алкоголизм и курение. Именно их негативным воздействием можно объяснить увеличение смертности в мужских пятилетних когортах (после 20 лет) при снижении ее у женщин. Как известно, мужчины в сравнении с женщинами были значительно больше подвержены вредным для здоровья привычкам. Ввиду отсутствия информации о потреблении спиртных напитков в Западной Сибири за 1960–1970-е гг. проанализируем статистические данные по РСФСР в целом. К сожалению, ЦСУ СССР ограничила публикацию сведений об

¹⁰⁷⁰ Курман М.В. Актуальные вопросы демографии. Демографические процессы в СССР в послевоенный период. С. 75.

¹⁰⁷¹ Здравоохранение и социальное обеспечение в СССР: стат. сб. М., 1973. С. 271.

объемах продаж водки, вина и пива в торговой сети. Первые данные о подушевом потреблении алкоголя появились в статистических сборниках только в 1988 г.

В 1958 г. выпуск вина и водки в стране удвоился, а в 1965 г. утроился по сравнению с 1950 г. Росту потребления спиртных напитков косвенно способствовали перевод в 1967 г. трудящихся на пятидневную рабочую неделю, а также ограничительные меры в отношении приусадебных участков. Согласно данным, опубликованным в статистических справочниках, промышленное производство водки и ликероводочных изделий только в РСФСР увеличилось с 103,0 млн в 1960 г. до 168,0 млн дал в 1970 г. (45 млн дал в 1950 г.). За этот же период значительно возрос выпуск другой алкогольной продукции: вина виноградного – в 4,7, вина плодово-ягодного и пива – в 1,6, шампанского – 2,6 раза¹⁰⁷².

Объемы продаж спиртных напитков через государственную и кооперативную торговлю (включая общественное питание) заметно увеличились. В 1960 г. на душу населения в РСФСР, то есть с учетом лиц мужского и женского пола (все возрастные когорты), было реализовано 4,6 л алкогольной продукции. Через десять лет, в 1970 г., эта цифра увеличилась в 1,8 раза – до 8,2 л¹⁰⁷³. Значительный рост торговли винно-водочными изделиями, правда, без предоставления конкретных статистических данных, подтверждается сибирскими исследователями¹⁰⁷⁴. Повышение расходов на покупку алкогольной продукции выявлен также в специальных бюджетных и иных обследованиях¹⁰⁷⁵. Низкая себестоимость, легкость транспортировки и хранения, получение значительной прибыли, которая позволяла покрывать бреши в торговле, стимулировали продажу ликероводочных изделий¹⁰⁷⁶.

При этом, по мнению экспертов ВОЗ, масштабы потребления спиртных напитков начинали представлять национальную опасность, если превышали восемь литров на человека в год. В официальных данных не учитывался довольно высокий уровень производства и потребления нерегистрируемого алкоголя (самогона), а также его суррогатов, под которыми подразумевались спиртосодержащие жидкости медицинского, гигиенического, парфюмерного или технического содержания, которые были особенно опасны для здоровья. Если обычный алкоголизм был связан с шестикратным риском смерти, то при распитии суррогатов он повышался до двадцати раз¹⁰⁷⁷.

¹⁰⁷² Народное хозяйство РСФСР в 1985 году: стат. ежегодн. М., 1986. С. 142.

¹⁰⁷³ Народное хозяйство РСФСР в 1988 году: стат. ежегодн. М., 1989. С. 94.

¹⁰⁷⁴ Куксанова Н.В. Социально-бытовое развитие городов Сибири в 1960–1970-е гг.: уч. пос. С. 41; Рафикова С.В. Живая история повседневности: сибирские горожане в 1960-е годы. С. 391–393.

¹⁰⁷⁵ Букин С.С. Опыт социально-бытового развития городов Сибири (вторая половина 1940-х – 1950-е гг.). С. 50–51; Рафикова С.А. Повседневная культурная жизнь рабочей семьи в Западной Сибири в 1960-е гг. // Социальная сфера и повседневность сибирского города (XX – начало XXI в.). Новосибирск, 2007. С. 131–132.

¹⁰⁷⁶ Ефимкин М.М. Рабочие Сибири, конец 50-х – середина 80-х годов. С. 141–142.

¹⁰⁷⁷ Школьников В.М., Андреев Е.М., Жданов Д.А. Смертность трудоспособного населения, алкоголь и продолжительность жизни в России // Алкогольная катастрофа и возможности государственной политики в преодолении алкогольной сверхсмертности в России. М., 2008. С. 98.

В стране фактически пропагандировалась необходимость потребления алкогольных напитков. В выходявших на широкие экраны фильмах положительные герои нередко пили водку или вино, курили сигареты. Выпивка и закуска стали считаться признаками сильного и волевого человека, а алкоголь за столом преподносился как доказательство высокого материального благополучия. Борьба с пьянством была сведена к распространению теории «культурного» или «умеренного» потребления.

Нельзя сказать, что на центральном уровне не осознавалась перспектива алкоголизации населения, и не предпринималось попыток исправить ситуацию. Постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 1958 г. «Об усилении борьбы с пьянством и о наведении порядка в торговле крепкими спиртными напитками» вблизи предприятий, больниц, учебных заведений запрещалась продажа водки¹⁰⁷⁸. Однако принятые меры вызвали кратковременный эффект и не переломили общей тенденции роста торговли винно-водочными изделиями.

Важной причиной роста продаж алкоголя в 1960-е гг. стало повышение уровня жизни и покупательной способности населения. Сходные процессы происходили раньше в европейских странах – с середины 1950-х гг. там вновь начался рост потребления алкогольной продукции. Вместе с тем уровень продаж спиртных напитков на душу населения в России был выше, страна отличалась гораздо более существенной долей нерегистрируемого и низкокачественного алкоголя и его крепких видов в структуре потребления¹⁰⁷⁹. На Западе стал широко рекламироваться и поощряться здоровый образ жизни, занятия спортом. В ответ на структурные изменения причин смерти происходила перестройка системы здравоохранения.

Статистические данные показывают, что кроме алкоголя, в РСФСР также повысился уровень продаж табачной продукции. Натуральные показатели ее реализации не публиковались долгое время, в 1960-е гг. в официальных статистических справочниках торговля сигаретами и папиросами указывалась в рублях. Первые сведения, на основе которых можно вычислить размеры подушевого потребления табачной продукции, были обнародованы в 1985 г. Так, если в 1960 г. в РСФСР было продано 55,5 млрд шт. сигарет и папирос или в среднем 466,2 шт. в расчете на одного человека (мужчин и женщин всех возрастных категорий), то в 1970 г. – уже 208 млрд шт. (1 599,0 шт. на человека). Таким образом, интенсивность курения людей увеличилась более чем в три раза¹⁰⁸⁰. Подобная динамика естественно отразилась на здоровье

---

¹⁰⁷⁸ Фокин А.А. Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «Об усилении борьбы с пьянством и о наведении порядка в торговле крепкими спиртными напитками» и антиалкогольная кампания 1960-х гг. // Вестник Челябинского государственного университета. 2014. № 12. С. 109–115.

¹⁰⁷⁹ Немцов А.В. Алкогольная история России: Новейший период. С. 18–19.

¹⁰⁸⁰ Народное хозяйство РСФСР в 1987 г.: стат. ежегодн. М., 1988. С. 400.

жителей страны, особенно на статистике заболеваний раком легких. Если в 1959 г. смертность от него в РСФСР составила 17,0 случаев на 100,0 тыс. чел., в 1965 г. – 23,2, в 1970 г. – 27,3¹⁰⁸¹.

В 1960-е гг. произошло ухудшение экологической ситуации. Так, двукратный рост смертности в Кузбассе от болезней органов дыхания совпадает по времени с началом эксплуатации Западно-Сибирского металлургического комбината¹⁰⁸². Как уже было отмечено выше, отходы производства, связанные с выпуском черных и цветных металлов, в наибольшей мере загрязняли атмосферный воздух. Сильное повышение смертности от этой причины было зафиксировано в Алтайском крае, где активно развивалась химическая промышленность¹⁰⁸³. Таким образом, распространение вредных привычек, таких как алкоголизм и курение, ухудшение экологической ситуации способствовали росту смертности городского населения в средних и старших возрастных когортах. Однако благодаря ее снижению среди молодежи продолжительность жизни в 1969/1970 гг. по сравнению с 1959/1960 гг. все же немного увеличилась (табл. 3.2.10).

Наряду с широко распространенными в Западной Сибири существовали свои, если так можно выразиться, «вторичные» факторы, собственно определявшие специфику причин смертности ее городского населения. Так, суровые климатические условия подразумевали большую приверженность простудным заболеваниям. Сравнительно высокая смертность от инфекционных и паразитарных болезней являлась в том числе следствием некоторого отставания в развитии учреждений здравоохранения. Например, если обеспеченность врачами в 1960 г. в РСФСР составляла 20,8 на 10 тыс. чел. (для всего населения), то в Западной Сибири – 16,4, средним медицинским персоналом – соответственно 67,8 и 57,3. В 1960 г. в республике на 10,0 тыс. чел. приходилось 78,7 больничных коек, в Западной Сибири – соответственно 68,0. Меньшим было количество фельдшерских, фельдшерско-акушерских и акушерских пунктов (3,5 против 4,0)¹⁰⁸⁴.

Спустя 11 лет, к 1970 г., отставание Западной Сибири в значительной мере было преодолено. Но здесь следует отметить то, что по расчетам экономистов при малой плотности населения и слаборазвитой транспортной сети для удовлетворительного медицинского обслуживания людей было необходимо, чтобы показатели обеспеченности восточных районов учреждениями здравоохранения были выше, чем в европейских районах РСФСР, примерно на

¹⁰⁸¹ Естественное и механическое движение населения РСФСР: стат. сб. М., 1960. (ДСП). С. 245; Естественное и механическое движение населения РСФСР: стат. сб. М., 1966. (ДСП). С. 37; Естественное и механическое движение населения РСФСР в 1972 году: стат. сб. М., 1973. (ДСП). С. 70.

¹⁰⁸² Текущий архив Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Кемеровской области. Динамические ряды № 4. Л. 81–84.

¹⁰⁸³ Текущий архив Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Алтайскому краю. Смертность населения по основным классам причин смерти в 1960, 1965, 1970, 1975, 1980, 1985 гг. Л. 1.

¹⁰⁸⁴ Букин С.С. Опыт социально-бытового развития городов Сибири (вторая половина 1940-х – 1950-е гг.). С. 140.

треть¹⁰⁸⁵. Рост количественных параметров здравоохранения, несомненно, являлся положительным явлением, вместе с тем определенные вопросы вызвали своевременность и качество предоставляемых услуг. В Новосибирской области, например, этому мешала недостаточная укомплектованность больниц врачебными кадрами¹⁰⁸⁶.

Следует учитывать, что потребление алкоголя в сибирских регионах имело свою специфику. В структуре продаж винно-водочных изделий доля пива и вина была меньше, чем в центральноевропейских или южных районах Советского Союза, а крепких напитков, сильнее воздействовавших на здоровье человека, больше. Значительное количество смертей от несчастных случаев, отравлений и травм было следствием не только особенностей потребления алкогольной продукции, но и развития отраслей народного хозяйства, отличавшихся высоким травматизмом среди работников (например, добывающая промышленность, строительство). Некоторый вклад вносил уровень образования, который в Западной Сибири был традиционно ниже, чем в РСФСР в целом.

Известным фактором повышения возрастных коэффициентов смертности в трудоспособных когортах стал промышленный рост северных территорий Западной Сибири, где с самого начала освоения строительство жилья и других объектов социальной инфраструктуры происходило с сильным запозданием¹⁰⁸⁷. Возведение большого количества предприятий, стремительное увеличение численности жителей в районах с не самыми благоприятными климатическими условиями не могли не отразиться на уровне травматизма населения, особенно Тюменской области¹⁰⁸⁸. Меньшая смертность от болезней кровообращения и новообразований являлась следствием главным образом относительно молодой возрастной структуры городских жителей. В результате взаимодействия основных и второстепенных факторов средняя продолжительность жизни в городских поселениях Западной Сибири оказалась ниже, чем в республике в целом.

Теперь рассмотрим различия в смертности мужского и женского городского населения, которые в нашей стране были очень велики. В РСФСР средняя продолжительность жизни мужчин в 1958/1959 гг. составила 63,03 года, тогда как у женщин – 71,48 лет. Таким образом, отличия между ними достигли 8,45 лет¹⁰⁸⁹. В Западной Сибири уровень дифференциации был похожим, однако разница между мужчинами и женщинами оказалась выше – 9,05 лет (62,68 и

---

¹⁰⁸⁵ Москвин Д.Д. Население СССР: вопросы миграции (экономико-статистический обзор тенденций 60-х – 80-х гг.). С. 113–114; Топилин А.В. Территориальное перераспределение трудовых ресурсов в СССР. С. 107.

¹⁰⁸⁶ ГАНО. ФР.–11. Оп. 5. Д. 2167. Л. 17.

¹⁰⁸⁷ Орлов Б.П. Сибирь: шаги индустрии. С. 78.

¹⁰⁸⁸ Текущий архив Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Тюменской области. Распределение умерших по причинам смерти. 1970, 1975, 1980, 1985 гг. Л. 2.

¹⁰⁸⁹ Подсчитано по: Естественное движение населения в РСФСР. М., 1988. (ДСП). С. 259.

71,73 лет). Мужская смертность превзошла женскую во всех без исключения пятилетних группах. Разрыв между ними был особенно заметным в возрастах, начиная с 15 лет (табл. 3.2.8).

Таблица 3.2.8

Возрастные коэффициенты смертности мужского и женского городского населения Западной Сибири в 1958/1959–1969/1970 гг., в ‰*

Возраст, лет	1958/1959			1969/1970		
	Мужчины	Женщины	Разница между полами, в ‰	Мужчины	Женщины	Разница между полами, в ‰
0–4	11,6	9,5	+22,9	7,2	5,3	+34,8
5–9	1,2	0,9	+43,5	0,8	0,5	+68,8
10–14	1,1	0,6	+73,2	0,8	0,4	+74,8
15–19	2,1	1,1	+88,4	1,7	0,6	+189,0
20–24	2,6	1,2	+112,1	2,7	0,8	+218,2
25–29	3,4	1,4	+138,3	4,2	1,1	+267,3
30–34	4,1	1,8	+133,5	5,0	1,4	+251,3
35–39	5,3	2,3	+134,7	6,8	2,1	+219,4
40–44	6,8	3,4	+98,3	8,3	2,9	+185,3
45–49	8,8	4,5	+95,9	10,5	4,4	+138,9
50–54	13,5	6,3	+115,6	15,0	6,4	+134,2
55–59	21,3	9,2	+132,5	21,1	9,1	+130,8
60–64	30,4	14,2	+113,7	32,1	14,5	+121,7
65–69	43,5	22,0	+97,7	48,1	23,2	+107,4
70 и ст.	88,5	60,3	+46,8	105,7	72,6	+45,6

* Таблица рассчитана по тем же данным, что и табл. 3.2.7.

Как уже говорилось выше, младенцы и дети в раннем возрасте (0–4 лет) в основном умирали от болезней экзогенной природы, от которых мальчики страдали больше девочек¹⁰⁹⁰. К ним, прежде всего, относились заболевания органов дыхания и инфекции. В возрасте от 5 до 14 лет разница в большинстве случаев формировалась за счет повышенной смертности от несчастных случаев, отравлений и травм. Как правило, поведение мальчиков, характер игр и взаимоотношений сильнее, чем у девочек, провоцировали возникновение рисков для жизни. Начиная с трудоспособных возрастов, мужская смертность обычно в два с лишним раза превышала женскую. Разница в возрастных коэффициентах снижалась ближе к старшим пятилетним когортам. Спустя 11 лет, к 1969/1970 гг., гендерные различия в уровне смертности углубились. С 15–19- и вплоть до 40–44-летней когорты, дифференциация усилилась приблизительно в два раза. Формирование подобных тенденций, особенно в средних возрастах, отмечено и на материалах СССР в целом¹⁰⁹¹.

В итоге за межпереписной период средняя продолжительность жизни у мужчин в городах Западной Сибири даже снизилась по сравнению с 1958/1959 гг. – до 62,59 лет, у женщин – повысилась до 72,83 лет, дифференциация между полами увеличилась до 10,24 лет. Похожие тенденции отмечены в республике (9,75 лет), однако в отличие от Западной Сибири

¹⁰⁹⁰ Урланис Б.Ц. Рождаемость и продолжительность жизни в СССР. С. 114–115; Бедный М.С. Медико-демографическое изучение народонаселения. С. 144.

¹⁰⁹¹ Дмитриева Р.М., Андреев Е.М. Снижение смертности в СССР за годы Советской власти // Брачность, рождаемость, смертность в России и в СССР: сб. ст. С. 45–47; Воспроизводство населения СССР. С. 116.

продолжительность жизни мужчин в городских поселениях РСФСР все-таки возросла (с 63,03 до 63,57 лет)¹⁰⁹².

Было бы интересно выяснить, за счет каких причин смерти образовался такой сильный разрыв. Однако подобными источниками по городам и пгт Западной Сибири мы не располагаем. В закрытых сборниках (ДСП) искомая информация публиковалась начиная с 1972 г. применительно ко всему населению республики (городское и сельское). К сожалению, в ней по неизвестной причине не была представлена смертность от болезней органов пищеварения.

В ходе анализа данных за 1972 г. выявлено почти повсеместное значительное превышение возрастной смертности у мужчин. Показатели, представленные в самой нижней графе (итога) не должны вводить в заблуждение, так как не учитывают возрастных характеристик населения. У таких коэффициентов, рассчитанных по одной из причин смерти для всех мужчин или всех женщин, имеются те же недостатки, что у общего коэффициента смертности. Например, М.В. Курман указывал на то, что смертность от сердечно-сосудистых заболеваний у мужского населения в пятилетних когортах была почти повсеместно выше, чем у женщин. Однако из-за особенностей возрастной структуры коэффициент смертности, рассчитанный сразу для всех женщин, у них оказался больше¹⁰⁹³.

Меньший в целом коэффициент мужской смертности от болезней кровообращения (-27,7 %) объяснялся тем, что мужчины умирали раньше от других причин. Соответственно, совокупное число умерших женщин от болезней системы кровообращения было значительно выше, так как люди умирали от этой причины в основном находясь в пенсионном возрасте.

Таблица 3.2.9

Превышение мужской смертности над женской в РСФСР в 1972 г.
(смертность женщин взята за 100,0 %)*

Возраст, лет	Болезни системы кровообращения	Новообразования	Болезни органов дыхания	Несчастные случаи, отравления и травмы	Инфекционные и паразитарные болезни
0-4	+40,0	+24,0	+24,2	+36,3	+25,2
5-9	-7,7	+33,3	+18,2	+137,1	+17,9
10-14	0,0	+20,3	+6,1	+146,2	0,0
15-19	+56,5	+50,0	+35,5	+348,3	+47,8
20-24	+50,0	+5,1	+34,3	+590,8	+34,2
25-29	+107,5	+5,9	+52,6	+685,1	+125,0
30-34	+171,9	+3,0	+172,9	+687,3	+166,3
35-39	+192,6	+20,9	+293,2	+576,7	+201,0
40-44	+197,3	+33,3	+300,9	+490,0	+292,4
45-49	+166,3	+57,2	+344,9	+391,2	+380,0
50-54	+140,4	+69,4	+304,2	+304,3	+452,4
55-59	+132,0	+109,0	+283,0	+311,7	+471,4

¹⁰⁹² Демографический ежегодник России: стат. сб. М., 2001. С. 105.

¹⁰⁹³ Курман М.В. Актуальные вопросы демографии. Демографические процессы в СССР в послевоенный период. С. 74.

Окончание таблицы 3.2.9

Возраст, лет	Болезни системы кровообращения	Новообразования	Болезни органов дыхания	Несчастные случаи, отравления и травмы	Инфекционные и паразитарные болезни
60 и ст.	+22,0	+112,8	+113,8	+205,3	+422,3
<i>Итого</i>	-27,7	+14,5	+32,3	+329,3	+179,0

* Подсчитано по: Естественное и механическое движение населения РСФСР в 1973 году: стат. сб. М., 1974. (ДСП) С. 148.

Как показывают данные табл. 3.2.9, возрастные коэффициенты смертности от болезней кровообращения у мужчин, начиная с 25–29 и вплоть до 55–59 лет, были в среднем в 2–2,5 раза выше, чем у женщин, а среди 40–44-летних – почти в 3 раза. И, хотя общее количество умерших от этих заболеваний в младших и средних когортах было гораздо меньшим, чем у лиц пенсионного возраста, превышение мужской смертности над женской в этой категории было очевидным.

В СССР увеличение мужской смертности от болезней кровообращения в возрасте 30 лет и старше, а женской – с 40 лет, началось еще в 1966 г. Так, за 1966–1972 гг. подъем смертности от этой причины у мужчин составил более 30,0 % совокупного повышения возрастных коэффициентов в когортах 30–49 лет, около 65,0 % у 50–59-летних, и практически весь рост у лиц старше 60 лет. У женщин после 40 лет подъем смертности от сердечно-сосудистых заболеваний вызвал 75,0 %, а в пожилых возрастах – почти 100,0 % общего роста¹⁰⁹⁴.

Высокой являлась мужская смертность от болезней органов дыхания, которая, например, у 35–59-летних в среднем в четыре раза превзошла женскую. Гораздо чаще мужчины умирали от инфекционных и паразитарных заболеваний, где начиная с 45 лет смертность у них была примерно в пять с лишним раз больше. Однако максимальный разрыв продемонстрировала категория несчастных случаев, отравлений и травм. Рост мужской смертности по этим причинам в 1960-е гг. начался с 25–59-летних когорт, затем перекинулся на 20–24-летних и людей старше 60 лет¹⁰⁹⁵. В 1972 г. среди 25–34-летних она превзошла женскую почти в восемь (!) раз. В исследованиях М.С. Бедного показано, что в отдельных регионах России до 80,0 % случаев смерти 20–24-летней молодежи было вызвано несчастными случаями, отравлениями и травмами¹⁰⁹⁶.

Среди факторов значительного превышения смертности у мужчин следует выделить условия работы, которые у них в целом являлись более тяжелыми. Так, Б.Ц. Урланис и М.В. Курман непосредственно связывали повышение смертности от несчастных случаев с

¹⁰⁹⁴ Воспроизводство населения СССР. С. 113.

¹⁰⁹⁵ Андреев Е.М. Продолжительность жизни и причины смерти в СССР // Демографические процессы в СССР: сб. науч. тр. С. 103.

¹⁰⁹⁶ Бедный М.С. Медико-демографическое изучение народонаселения. С. 137.

увеличением количества используемой техники на производстве, в транспорте и в быту¹⁰⁹⁷. Мужчины были заняты преимущественно в отраслях, где опасность для жизни была выше. Это строительство, добывающие отрасли, машиностроение, энергетика, служба в армии и правоохранительных органах и т.д.

В то же время женщины работали преимущественно в легкой промышленности, социальной (здравоохранение, образование) и культурной сферах, где уровень травматизма намного ниже. Так, в 1970 г. доля женщин, занятых в торговле и общественном питании, достигла 80,0 %, в здравоохранении, физкультуре и социальном обеспечении – 87,0 %, в народном образовании и культуре – 77,0 %¹⁰⁹⁸. Они могли заниматься домашним и личным подсобным хозяйством, а в случае ухода за малолетними детьми на определенный период освобождались от работы.

Главными причинами возникновения такой глубокой гендерной дифференциации являлись, прежде всего, приверженность мужчин вредным привычкам, таким как алкоголь или курение, и образу жизни, оказывающему отрицательное влияние на организм (например, неправильное питание). Потребление спиртных напитков и табачной продукции, о чем уже говорилось ранее, вызывало множество негативных последствий, создавало риски для жизни человека и его окружения. К тому же мужчины, о чем также упоминалось, меньше заботились о своем здоровье.

Средняя продолжительность жизни по республике в целом была больше, чем в восточных районах, в том числе в Западной Сибири. Так, если в 1958/1959 гг. в городах и пгт РСФСР она составляла 67,92 года, то в исследуемом экономическом районе – 67,79 года (табл. 3.2.10). Наши данные почти не отличаются от сделанных ранее подсчетов Е.М. Левицкого¹⁰⁹⁹. Отличия обусловлены тем, что последний в качестве основы брал сведения о смертности по однолетним возрастным группам (полные таблицы смертности), тогда как мы использовали по пятилетним (краткие таблицы)¹¹⁰⁰.

---

¹⁰⁹⁷ Урланис Б.Ц. Проблемы динамики населения СССР. М., 1974. С. 205; Курман М.В. Актуальные вопросы демографии. Демографические процессы в СССР в послевоенный период. С. 75.

¹⁰⁹⁸ Народное хозяйство РСФСР в 1970 году: стат. ежегодн. М., 1971. С. 339.

¹⁰⁹⁹ Левицкий Е.М. Экономико-статистическое исследование воспроизводства населения Сибири и Дальнего Востока на основе таблиц продолжительности жизни. Новосибирск, 1962.

¹¹⁰⁰ Методика расчета кратких таблиц смертности и средней продолжительности жизни – см.: Борисов В.А. Демография: учеб. для вузов. С. 246–249.

Средняя продолжительность жизни в городских поселениях РСФСР
и Западной Сибири в 1958/1959–1969/1970 гг., лет*

Годы	РСФСР			Западная Сибирь			Расчеты Е.М. Левицкого по Западной Сибири	
	Всего	Муж.	Жен.	Всего	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.
1958/1959	67,92	63,03	71,48	67,79	62,68	71,73	62,69	71,42
1964/1965	69,46	64,70	73,02	Нет свед.	Нет свед.	Нет свед.	–	–
1969/1970	68,97	63,57	73,32	68,20	62,59	72,83	–	–

* Таблица рассчитана по тем же данным, что и табл. 3.2.7.

Итак, продолжительность жизни в городских поселениях РСФСР была больше, чем в Западной Сибири на 0,13 года. Возрастные коэффициенты превышали общероссийские показатели во всех пятилетних когортах, кроме групп старше 60 лет. Эти различия образовались в основном из-за высокой смертности мужчин, тогда как у женщин длительность жизни, по нашим данным, была даже выше, чем по республике (по расчетам Е.М. Левицкого почти такой же). В 1964/1965 гг. средняя продолжительность жизни в РСФСР достигла максимального уровня за всю предыдущую историю¹¹⁰¹, а затем стала медленно снижаться, в Западной Сибири, с высокой долей вероятности, происходили те же процессы.

К 1969/1970 гг. ожидаемая продолжительность жизни по городским поселениям Российской Федерации составила 68,97 лет и, хотя по сравнению с 1964/1965 гг. она сократилась, по отношению к 1958/1959 гг. все-таки немного повысилась¹¹⁰². В Западной Сибири прирост оказался еще меньшим, в результате чего разрыв с республикой увеличился с 0,13 до 0,77 лет. При этом длительность жизни мужчин за 11 лет сократилась, тогда как в РСФСР несколько возросла, а у западносибирских горожанок она стала меньше, чем в республике (см. табл. 3.2.10).

Умеренный рост продолжительности жизни являлся следствием освоения севера Западной Сибири, в результате чего увеличилась смертность в Тюменской и Томской областях. Также следует предположить, что в регионах с большой долей рабочего класса (это косвенно подтверждают статистические данные за 1980-е гг.) душевое потребление алкоголя и табачной продукции было более существенным, чем в других частях страны.

Региональные различия в уровне смертности в 1958/1959 гг. были невелики и составили 1,11 года. Данные табл. 3.2.11 показывают, что наибольшей продолжительностью жизни отличалось население городов Новосибирской и Омской областей. Наименьшие показатели были у Алтайского края, где обеспеченность врачами в 1960 г. была самой низкой в Западной

¹¹⁰¹ Демографический ежегодник России: стат. сб. М., 2000. С. 105.

¹¹⁰² Демографический ежегодник России. 2005: стат. сб. М., 2005. С. 120.

Сибири¹¹⁰³. Сравнительно невысокая продолжительность жизни в Кузбассе стала следствием отставания в уровне образования горожан и высокой доли работников, занятых преимущественно тяжелым физическим трудом¹¹⁰⁴. Поздние исследования подтвердили более низкую продолжительность жизни в преимущественно «шахтерских» регионах¹¹⁰⁵.

Таблица 3.2.11

Средняя продолжительность жизни в городах и пгт регионов Западной Сибири в 1958/1959 и 1969/1970 гг., лет*

Регион	1958/1959			1969/1970		
	Оба пола	Мужчины	Женщины	Оба пола	Мужчины	Женщины
Западная Сибирь	67,79	62,68	71,73	68,20	62,59	72,83
Алтайский край	67,20	62,18	70,99	68,44	62,90	72,90
Томская область	67,82	62,35	72,13	67,64	61,89	72,46
Тюменская область	67,85	62,21	71,96	66,29	60,43	71,48
Омская область	68,31	63,59	71,77	68,81	62,99	73,55
Новосибирская область	68,16	63,14	71,90	68,77	63,19	73,20
Кемеровская область	67,66	62,48	71,88	68,07	62,63	72,67

* Таблица рассчитана по тем же данным, что и табл. 3.2.7.

При изучении тенденций средней продолжительности жизни в территориальном разрезе были обнаружены следующие особенности. За 11 лет наилучшую динамику продемонстрировал Алтайский край (+1,24 года), после него последовательно расположились Новосибирская (+0,61 года), Омская (+0,5 лет) и Кемеровская области (+0,41 года). При этом она уменьшилась в регионах, где находились новые промышленные районы, в Томской области – на 0,18, а в Тюменской – даже на 1,56 лет. Недостаток жилья, низкая обеспеченность учреждениями коммунальной сферы, суровые климатические условия серьезно осложнили жизнь людям первых этапов хозяйственного освоения. Руководители предприятий жаловались на высокую заболеваемость, которая нередко приводила к смерти работников¹¹⁰⁶. Так, во второй половине 1960-х гг. обеспеченность больничными койками на севере составляла только 23,0 %, поликлиниками – 56,0 %¹¹⁰⁷. В итоге межрегиональная дифференциация в средней продолжительности жизни возросла, достигнув 2,52 лет (см. табл. 3.2.11).

1970–1979 гг. В начале 1970-х гг. детская смертность продолжала уменьшаться, но ближе к середине десятилетия неожиданно вновь увеличилась. С середины 1970-х гг. прекратилась публикация статистических данных по данной проблеме¹¹⁰⁸. В Западной Сибири она выросла с

¹¹⁰³ 60 лет Алтайскому краю: юбил. стат. сб. Барнаул, 1997. С. 50; Народное хозяйство РСФСР в 1965 г.: стат. ежегодн. М., 1966. С. 520.

¹¹⁰⁴ Распределение населения по общественным группам, источникам средств существования и отраслям народного хозяйства по данным Всесоюзной переписи населения 1970 г. по Кемеровской области. М., 1972. (ДСП). 26 с.

¹¹⁰⁵ Вестник статистики. 1991. № 6. С. 56–57.

¹¹⁰⁶ См., например: Куница З. На вахте лучше, чем дома? // Красное знамя. 1993. 1 июня.

¹¹⁰⁷ Колева Г.Ю. Западно-Сибирский нефтегазодобывающий район: экономическое и социальное развитие (1960–2000-е гг.). С. 206.

¹¹⁰⁸ Аргументы и факты. 1988. № 13.

23,2 ‰ в 1970 г. до 26,1 ‰ в 1976 г., то есть на 12,5 % (в РСФСР – на 6,8 %) ¹¹⁰⁹. То, что острота проблемы детской смертности продолжала оставаться высокой косвенно подтверждают и публикации по этой проблеме в центральных периодических изданиях ¹¹¹⁰.

О причинах возникновения такой неблагоприятной тенденции существуют разные мнения. Одни ученые указывают на существенное улучшение текущего учета демографических событий, особенно в среднеазиатских республиках. Так, с конца 1960-х гг. ЦСУ СССР стали предпринимать меры, нацеленные на более полное обеспечение регистрации каждого случая смерти ребенка. Родовспомогательным учреждениям было предписано сообщать в органы статистики обо всех фактах перинатальной смертности. Исходя из этого, ученые пришли к выводу, что уровень детской смертности в 1960-е гг. был занижен ¹¹¹¹. Однако рост смертности был отмечен даже в тех регионах, где он был хорошо поставлен, хотя там он был намного меньше.

По другой версии, которая, на наш взгляд, является более убедительной, улучшение текущего учета было лишь одним из факторов. В 1940–1960-е гг. снижение детской смертности происходило в основном за счет постнеонатального периода (от 28 дня с момента рождения до года), иначе говоря, за счет устранения тех причин смертности, с которыми хорошо справлялись антибиотики и сульфаниламиды. Так, в РСФСР за это время смертность детей до одного месяца уменьшилась в 2,9, тогда как от одного месяца до года – в 7,4 раза. Резервы сокращения постнеонатальной смертности, вызывавшейся в основном инфекционными, желудочно-кишечными, в определенной степени респираторными заболеваниями, постоянно сужались.

Дальнейший прогресс должен был опираться на уменьшение неонатальной смертности, однако, как показывал опыт передовых стран, это требовало значительно больших материальных затрат и организационных усилий ¹¹¹². Именно поэтому, количественный рост врачебных кадров в педиатрии и акушерстве, укрепление материального обеспечения учреждений охраны материнства и детства не вызвали серьезных изменений к лучшему. Дальнейшему снижению детской смертности мешало сохранение принципа остаточного финансирования здравоохранения, и, соответственно, медленное внедрение в практику передовых научных достижений, новых лекарственных препаратов, а также ухудшение экологической ситуации. Последнее, например, негативно влияло на здоровье женщин репродуктивного возраста ¹¹¹³. К тому же происходило постепенное снижение эффективности

¹¹⁰⁹ Подсчитано по: Численность, естественное движение и миграция населения РСФСР в 1979 году: стат. сб. М., 1980. (ДСП). С. 96–97.

¹¹¹⁰ Правда. 1979. 4 окт.

¹¹¹¹ Баранов А.А., Альбицкий В.Ю., Комаров Ю.М. Тенденции младенческой смертности в СССР в 70–80-е годы // Советское здравоохранение. 1990. № 3. С. 3–7.

¹¹¹² Ваганов Н.Н. Младенческая смертность в СССР и пути ее снижения // Педиатрия. 1990. № 3. С. 5–8.

¹¹¹³ Жиромская В.Б. Основные тенденции демографического развития России в XX веке. С. 198.

антибиотиков в результате мутации вирусов¹¹¹⁴. Возможно, какую-то роль сыграло повышение числа рождений в стране и в Западной Сибири, в частности. Совокупность данных причин привела к временному росту детской смертности.

Лишь с 1977 г. она снова стала снижаться и к 1979 г. составила 22,8 ‰ (РСФСР – 21,3 ‰)¹¹¹⁵. Интересную статистику дает текущий учет по городам Новосибирской области. За 1970–1975 гг. существенно возросла детская смертность от инфекционных и паразитарных заболеваний (в 3,7 раза), врожденных аномалий (в три раза), и, незначительно, от болезней органов дыхания¹¹¹⁶. Все это косвенно указывает на социальные корни ухудшения ситуации. В последующие пять лет смертность от экзогенных причин и врожденных аномалий вновь сократилась¹¹¹⁷.

Общий коэффициент смертности городского населения Западной Сибири за межпереписной период (1970–1979 гг.) увеличился с 7,5 ‰ до 9,4 ‰ (табл. 3.2.12). Причем его рост оказался существенно большим, чем за предыдущие 11 лет.

Таблица 3.2.12

Число смертей и общий коэффициент смертности в городских поселениях Западной Сибири и РСФСР 1970–1979 гг.*

Год	Число смертей в городах и пгт Западной Сибири, тыс. чел.	Общий коэффициент смертности, в ‰	
		Западная Сибирь	РСФСР
1970	56,3	7,5	7,9
1971	57,5	7,6	8,0
1972	59,2	7,7	8,1
1973	62,0	7,9	8,3
1974	63,2	7,8	8,3
1975	69,7	8,5	8,8
1976	72,0	8,6	9,0
1977	74,3	8,7	9,2
1978	78,2	9,0	9,4
1979	83,1	9,4	9,8

* Подсчитано по: Численность, естественное движение и миграция населения РСФСР в 1979 г.: стат. сб. (ДСП). М., 1980. С. 10, 12, 51, 53; Естественное и механическое движение населения РСФСР в 1975 г.: стат. сб. (ДСП). М., 1976. С. 34–35; Естественное и механическое движение населения РСФСР в 1976 г.: стат. сб. (ДСП). М., 1977. С. 23–24; Естественное и механическое движение населения РСФСР в 1974 г.: стат. сб. (ДСП). М., 1975. С. 35–36; Демографический ежегодник России: стат. сб. М.: Госкомстат России, 1995. С. 40.

Как обычно, прибегнем к помощи индексного метода, который поможет нам выяснить, насколько велика в данном случае роль структурно-возрастных факторов. Расчеты показывают, что в 1970-е гг. произошло повышение непосредственно смертности, тогда как в предыдущем десятилетии общий коэффициент увеличился в основном из-за старения населения. При этом и в 1970–1979 гг. ухудшение структурного состава горожан продолжало оставаться основной

¹¹¹⁴ Ксенофонтова Н.Ю. Некоторые тенденции младенческой смертности в последнее десятилетие // Демографические процессы в СССР: сб. науч. тр. М., 1990. С. 118.

¹¹¹⁵ Численность, состав и движение населения СССР в 1979 году: стат. сб. М., 1980. (ДСП). С. 33.

¹¹¹⁶ Естественное и механическое движение населения Новосибирской области в 1975 году: стат. сб. Новосибирск, 1976. (ДСП). С. 31.

¹¹¹⁷ Естественное и механическое движение населения Новосибирской области: стат. сб. Новосибирск, 1981. (ДСП). С. 24.

причиной его роста. Увеличение общего коэффициента на 22,9 %, произошедшее в Западной Сибири, на 14,8 % было обусловлено изменениями в возрастной структуре городского населения и на 8,1 % – непосредственно повышением смертности (см. табл. 3.2.5).

Ожидаемая продолжительность жизни городского населения РСФСР действительно уменьшилась – с 68,97 лет в 1969/1970 гг. до 68,17 лет в 1978/1979 гг. (–1,2 %) ¹¹¹⁸. В Западной Сибири, согласно нашим расчетам, она сократилась чуть больше. Если в 1969/1970 гг. она составляла 68,20 лет, то в 1978/1979 гг. – 67,14 лет (–1,6 %) (табл. 3.2.17).

Анализ возрастных коэффициентов показал, что смертность у детей и подростков до 15 лет продолжала снижаться, однако размеры сокращения оказались значительно меньшими, чем в предшествующий межпереписной период, даже с учетом несопоставимости временных интервалов. Если в 1960-е гг. смертность росла в когортах начиная с 25 лет, то в 1970-е гг. эта тенденция затронула 15–19- и 20–24-летних. Причем она повысилась в той или иной мере во всех трудоспособных и некоторых пенсионных возрастах, вплоть до 70 лет, в наибольшей степени, примерно на треть, она увеличилась среди 45–49-летних ¹¹¹⁹.

Таблица 3.2.13

Смертность по различным причинам среди городского населения РСФСР, Западной Сибири и Новосибирской области в 1975–1980 гг. (на 100,0 тыс. чел.)*

Причина смерти	Новосибирская область	Западная Сибирь	РСФСР
1975			
<i>Всего умерших, в т.ч.:</i>	885,3	841,9	866,9
от инфекц. и паразит. болезней	26,0	25,7	18,3
от новообразований	154,0	143,1	160,8
от болезней кровообращения	429,8	366,7	422,9
от болезней органов дыхания	78,3	76,2	68,5
от болезней органов пищеварения	23,8	22,6	23,8
от несчастн. случ., отравл. и травм	128,8	156,7	126,6
1980			
<i>Всего умерших, в т.ч.:</i>	1 014,5	957,1	995,4
от инфекц. и паразит. болезней	26,0	25,7	18,6
от новообразований	164,9	148,2	170,4
от болезней кровообращения	532,9	449,5	511,9
от болезней органов дыхания	76,9	76,2	68,5
от болезней органов пищеварения	29,6	25,7	29,0
от несчастн. сл., отрав. и травм	143,5	187,6	148,3

* Подсчитано по: Текущий архив Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Новосибирской области. Динамические ряды № 2. Л. 14–24; Численность, состав и движение населения в РСФСР. М., 1990. С. 191; Естественное и механическое движение населения РСФСР в 1975 году: стат. сб. М., 1976 (ДСП) С. 186–188.

Смертность в Западной Сибири на одном уровне сохранилась только от инфекционных и паразитарных заболеваний, тогда как в РСФСР было отмечено некоторое снижение в этом классе, в основном за счет туберкулеза всех форм (табл. 3.2.13). По остальным причинам отмечен рост, особенно заметный – смертность от болезней системы кровообращения. За десять

¹¹¹⁸ Демографический ежегодник России: стат. сб. М., 1999. С. 100.

¹¹¹⁹ Подсчитано по тем же данным, что и табл. 2.2.15.

лет, в 1970–1980 гг., смертность от этого класса в Западной Сибири выросла почти в полтора раза (на 48,5 %), что, даже с учетом старения населения, являлось высокой цифрой (в РСФСР – 40,7 %). Увеличилась смертность от кардиосклероза атеросклеротического, сосудистых поражений мозга, гипертонической болезни всех форм.

За 10 лет на 25,4 % повысилась смертность от болезней органов пищеварения, в частности, от язвы (всех форм), печени и желчных путей (в РСФСР – на 31,8 %). Из-за роста смертности от хронических форм пневмоний, бронхоэктазий, бронхиальной астмы, хронического бронхита и эмфиземы легких несколько ухудшились показатели в категории заболеваний органов дыхания (на 5,0 %). Увеличилась смертность от несчастных случаев, отравлений и травм, причем по республике рост тоже оказался сильным (на 30,9 % и 25,6 %).

Итак, сокращение средней продолжительности жизни в 1970–1979 гг. было вызвано, главным образом, повышением смертности от болезней органов пищеварения, системы кровообращения, несчастных случаев, отравлений и травм. Особенно высокой смертность от последней причины была в Тюменской области. В ходе бесед с руководством предприятий области выяснилось, что высокий непроизводственный травматизм возник в результате отсутствия культуры потребления алкогольных напитков, неустроенности быта, недостаточной адаптации к климатическим условиям, внедрения новой техники¹¹²⁰.

Повышение смертности от остальных причин можно было бы, до известной степени, связать с увеличением доли старших когорт в городских поселениях, но данные по РСФСР не подтверждают этого. Возрастные коэффициенты по причинам смерти для всего населения, опубликованные в сборниках для служебного пользования (без органов пищеварения), показывают, что они выросли повсеместно, кроме инфекционных и паразитарных заболеваний (табл. 3.2.14).

Таблица 3.2.14

Разница в возрастных коэффициентах смертности по причинам смерти всего населения РСФСР в 1972–1978/1979 гг., в %*

Возраст, лет	Всего	Болезни системы кровообращения	Новообразования	Болезни органов дыхания	Несчастные случаи, отравления и травмы	Инфекционные и паразитарные болезни
0–4	+1,9	+50,0	–8,9	+14,6	+0,7	+103,8
5–9	–5,8	–15,4	–3,6	–10,0	–3,5	–25,8
10–14	+3,2	–31,8	+3,1	–2,9	+6,2	–23,8
15–19	+8,0	–15,3	–4,4	+2,8	+15,1	–27,6
20–24	+11,1	0,0	–4,0	+9,8	+15,8	–11,1
25–29	+14,9	+26,2	–5,1	+29,2	+19,8	–19,2
30–34	+4,5	+12,7	–6,7	+15,7	+8,0	–34,9
35–39	+19,1	+36,6	+5,9	+33,3	+20,9	–19,6
40–44	+11,7	+26,3	–10,2	+14,9	+18,1	–26,8
45–49	+30,4	+39,6	+6,0	+45,1	+52,0	–15,4

¹¹²⁰ Бедный М.С. Медико-демографическое изучение народонаселения. С. 125.

Окончание таблицы 3.2.14

Возраст, лет	Всего	Болезни системы кровообращения	Новообразования	Болезни органов дыхания	Несчастные случаи, отравления и травмы	Инфекционные и паразитарные болезни
50–54	+18,6	+23,9	+3,4	+30,4	+40,6	–24,4
55–59	+13,0	+23,3	–2,5	+12,7	+32,5	–32,5
60 и ст.	+9,0	+14,3	–0,6	–5,6	+20,7	–39,8
<i>Всего</i>	+18,0	+24,5	+7,1	+10,3	+25,4	–9,7

* Подсчитано по: Численность, естественное движение и миграция населения РСФСР в 1979 году: стат. сб. М., 1980. (ДСП) С. 225–226; Естественное и механическое движение населения РСФСР в 1973 году: стат. сб. М., 1974. (ДСП) С. 148.

Слабый рост смертности от новообразований можно объяснить проводимыми в СССР ежегодными профилактическими онкологическими осмотрами мужчин старше 35 и женщин старше 30 лет, которые позволяли заранее выявить и комплексно лечить болезнь¹¹²¹. Такие профилактические осмотры стали осуществляться в СССР начиная с 1948 г.¹¹²² Так, если в 1961 г. было обследовано 41,3 млн чел., в 1965 г. – 68,0 млн, то в 1970 г. – около 80,0 млн чел. Эффективность данных мер подтверждает увеличение доли почти вылеченных лиц, но состоящих на учете и под наблюдением онкологических учреждений¹¹²³. К концу 1970-х гг. в системе советского здравоохранения была создана специальная служба, в задачи которой входило выявление и предупреждение онкологических заболеваний. В ее составе находилось 277 диспансеров и более трех тысяч коек для больных. Проблемами рака в СССР стали заниматься множество научных организаций¹¹²⁴.

Больше всего людей обоего пола умирало от злокачественных опухолей желудка (30,0–33,0 %). На втором месте у мужчин стояли органы дыхания (25,0–29,0 %), на третьем – новообразования лимфатической и кроветворной тканей (6,0 %). У женщин на втором месте находились новообразования половых органов (18,0–20,0 %), на третьем – молочной железы (7,0–9,0 %)¹¹²⁵.

Еще в советское время демографы поставили вопрос о факторах снижения продолжительности жизни. Например, в монографии «Воспроизводство населения СССР» (М., 1983) указывалось, что в 1960–1970-е гг. в производстве, в быту, в обществе происходили большие изменения. Это привело к тому, что у человека вместо физических повысилась роль интеллектуальных и эмоциональных нагрузок. Из-за возросших масштабов хозяйственной деятельности, химизации, внедрения новых технологий усилилось давление на природную среду. Существенно интенсифицировались ритм и информационная напряженность жизни,

¹¹²¹ Бахметова Г. Доживаемость и смертность населения СССР // Продолжительность жизни: сб. ст. С. 45–46.

¹¹²² Жиромская В.Б. Жизненный потенциал послевоенных поколений в России: историко-демографический аспект: 1946–1960. С. 127.

¹¹²³ Казеннов С. Динамика смертности населения в пожилых возрастах // Продолжительность жизни: сб. ст. М., 1974. С. 37.

¹¹²⁴ Бедный М.С. Медико-демографическое изучение народонаселения. С. 136.

¹¹²⁵ Бахметова Г. Доживаемость и смертность населения СССР // Продолжительность жизни: сб. ст. С. 45–46.

особенно в крупных городах, число и размеры которых быстро увеличивались. Это привело к тому, что «сила неблагоприятных внешних воздействий на здоровье человека в ряде случаев росла быстрее, чем способность общества противостоять этим воздействиям». Отсюда рост травматизма, особенно транспортного, повышение восприимчивости к действию разных аллергенов, увеличение частоты рождений детей с аномалиями развития и пониженной жизнеспособностью, «омоложение» заболеваемости системы органов кровообращения и другие нежелательные последствия¹¹²⁶.

В книге «Демографические процессы в СССР» (М., 1990) снижение средней продолжительности жизни связывалось с нарастанием застойных явлений в социально-экономической сфере¹¹²⁷. В коллективной монографии «Население СССР за 70 лет» (М., 1988) было высказано предположение, что рост смертности в 1970-е гг. был во многом обусловлен повышением точности сбора первичных статистических данных¹¹²⁸.

Безусловно, нарастание хозяйственной деятельности, ухудшение экологической ситуации и другие факторы не могли не отразиться на заболеваемости населения, но все-таки сложно только этим объяснить рост смертности в это время. С одной стороны, действие последних нивелировалось продолжающим ростом материального благосостояния и жилищной обеспеченности людей, активным развитием социальной сферы, в том числе здравоохранения, позитивными переменами в образовательном уровне и социально-классовом составе граждан страны. К тому же, и это подтверждается расчетами некоторых демографов, в том числе и нашими, в крупных городах длительность жизни была обычно выше, чем в малых и средних¹¹²⁹. Напомним, что доля крупных городов в стране все время росла.

С другой стороны, рост неблагоприятных влияний на здоровье не может, например, сравниться с негативной силой воздействия условий, которые имели место в первой половине XX столетия (голод, войны и эпидемии), когда смертность в России медленно, но все же уменьшалась (если брать период в целом). То есть речь идет о том, что с влиянием факторов, упомянутых в предыдущих абзацах, социум еще может справиться. Это подтверждает опыт стран Западной Европы и Японии в 1960–1980-е гг., где, несмотря на схожие с СССР явления социальной и экономической жизни, продолжительность жизни увеличилась.

Действительно, статистические данные демонстрируют произошедшие позитивные перемены. В Западной Сибири выросли обеспеченность врачами, число больничных коек, увеличился охват населения медицинской помощью. В 1970-е гг. не утихало жилищное

---

¹¹²⁶ Воспроизводство населения СССР. С. 106.

¹¹²⁷ Бирюков В.А. Эволюция и особенности смертности населения в городах СССР // Демографические процессы в СССР: сб. науч. тр. М., 1990. С. 141.

¹¹²⁸ Население СССР за 70 лет. С. 128.

¹¹²⁹ Бирюков В.А. Эволюция и особенности смертности населения в городах СССР // Демографические процессы в СССР: сб. науч. тр. С. 135–150.

строительство в стране. За 10 лет (1971–1980 гг.) в РСФСР было введено в действие жилых домов общей площадью почти 600,0 млн кв. м, из которых десятая часть в Западной Сибири – 59,6 млн¹¹³⁰ В конечном итоге, средняя обеспеченность жильем ее рабочих и служащих к 1980 г. поднялась до 12,4 кв. м¹¹³¹ Повысилось благоустройство городского обобщественного фонда – уровень оснащённости жилых помещений водопроводом в РСФСР за 1970–1980 гг. возрос с 79,0 % до 90,0 %, канализацией и центральным отоплением – с 76,0 % до 88,0 %, горячим водоснабжением – с 62,0 % до 75,0 %. Западная Сибирь к началу 1980-х гг. достигла почти таких же показателей коммунального обслуживания¹¹³².

В лучшую сторону изменился продовольственный рацион населения. Так, потребление мяса и мясных изделий увеличилось за 1970–1980 гг. с 50,0 до 62,0 кг в год на человека, аналогичная позитивная динамика отмечена по рыбной продукции, сахару, растительному маслу, овощам, яйцам. На этом фоне жители страны стали меньше употреблять в пищу картофеля и хлебобулочных изделий, что, без сомнения, являлось позитивной тенденцией. Выросла доля затрат семейных бюджетов на покупки непродовольственных товаров, в том числе тканей, одежды и обуви, и уменьшилась – на приобретение продуктов питания¹¹³³. Как уже говорилось, продолжал расти образовательный уровень населения, в социально-классовой структуре общества увеличился удельный вес служащих. Повысились расходы государства на народное образование, социальное обеспечение и социальное страхование¹¹³⁴. Таким образом, средняя продолжительность жизни не только должна была сохраниться на прежнем уровне, но даже возрасти.

Поскольку этого не произошло, проанализируем факторы, способствовавшие тому, что смертность городского населения в 1970-е гг. повысилась. Их действие оказалось настолько сильным, что во многом в демографическом смысле обесценило социальные завоевания советского общества. Как и в предшествующий период, главными, на наш взгляд, условиями снижения длительности жизни стали алкоголизм и курение, которые получили все более широкое распространение. Промышленное производство водки и ликеро-водочных изделий в РСФСР увеличилось почти на четверть, с 168,0 млн в 1970 г. до 208 млн дал в 1980 г., виноградного вина на 30,2 %, с 122,0 млн до 159,0 млн дал, существенно возрос выпуск пива и шампанского. Потребление спиртных напитков в республике за 10 лет в расчете на душу населения повысилось с 8,2 до 10,5 л¹¹³⁵. Данные, которыми мы располагаем, показывают, что

¹¹³⁰ Народное хозяйство РСФСР в 1984 году: стат. ежегодн. М., 1985. С. 254, 256–257.

¹¹³¹ Ефимкин М.М. Рабочие Сибири, конец 50-х – середина 80-х годов. С. 123.

¹¹³² Основные показатели социального развития краев и областей Западно-Сибирского экономического района: стат. сб. Барнаул, 1990. С. 93–98.

¹¹³³ Вестник статистики. 1984. № 10. С. 70, 72.

¹¹³⁴ Вестник статистики. 1984. № 1. С. 75.

¹¹³⁵ Там же. С. 400.

по размерам продаж алкогольной продукции через торговую сеть Западная Сибирь находилась на уровне РСФСР в целом (10,3 л в 1980 г.).

Структура потребления алкогольной продукции в экономическом районе была выраженного «северного типа». В Западной Сибири на душу населения на 12,1 % больше, чем в РСФСР, продавалось водки и ликеро-водочных изделий, а виноградного вина на 15,1 % и пива на 20,3 % меньше. Заболеваемость алкоголизмом и алкогольными психозами в России в 1970-е гг. увеличилась в два с половиной раза¹¹³⁶.

Если в 1970 г. в РСФСР коэффициент смертности от алкоголизма и наркомании составил 1,9 случаев на 100 тыс. чел., то в 1979 г. – 3,1 (в 1960 г. – 0,7, в 1965 г. – 1,1). За это же время от алкогольного цирроза печени он увеличился с 0,3 до 0,7, причем в начале 1960-х гг., судя по официальным данным, от этой причины в республике почти никто не умирал (32 человека в 1965 г. и 665 – в 1979 г.)¹¹³⁷. Данная тенденция прослеживалась по материалам территориальных статистических органов. В городах и пгт Новосибирской области за 1970–1979 гг. число смертей от алкоголизма и наркомании увеличилось с 3 до 23, от алкогольного цирроза печени – с 4 до 18 случаев¹¹³⁸.

Следует учитывать, что гибель людей, произошедшая из-за случайных отравлений алкоголем, регистрировалась в рубрике несчастных случаев, отравлений и травм¹¹³⁹. Сведения по некоторым регионам демонстрируют выраженную негативную динамику. Например, в городах и пгт Алтайского края количество смертей от этой причины возросло с 284 в 1970 г. до 313 случаев в 1980 г., в Омской области за этот же период – с 77 до 381, в Тюменской области только за 1970–1975 гг. с 214 до 263.

Стремясь предотвратить распространение алкоголизма в обществе в середине мая 1972 г. Совет Министров СССР принял постановление, согласно которому предполагалось сократить производство водки и крепких водочных изделий, ввести ограничения на их реализацию, расширить выпуск безалкогольных напитков. Министерству пищевой промышленности было указано прекратить производство водки с содержанием спирта в 50,0 % и 56,0 %, в расфасовке 0,1 и 0,05 л¹¹⁴⁰. Антиалкогольная агитация 1972 г. носила ограниченный характер и вызвала кратковременный положительный эффект, выразившийся в небольшом снижении смертности

¹¹³⁶ Жиромская В.Б. Основные тенденции демографического развития России в XX веке. С. 197.

¹¹³⁷ Естественное и механическое движение населения РСФСР в 1972 году: стат. сб. М., 1973. (ДСП). С. 70; Численность, естественное движение и миграция населения РСФСР в 1979 году: стат. сб. М., 1980. (ДСП). С. 218.

¹¹³⁸ Естественное и механическое движение населения Новосибирской области: стат. сб. М., 1973. (ДСП). С. 22–23; Естественное и механическое движение населения Новосибирской области: стат. сб. М., 1980. (ДСП). С. 22–23.

¹¹³⁹ Смертность от алкоголизма и наркомании относилась в структуре причин смерти к классу психических расстройств, алкогольный цирроз печени – к классу болезней органов пищеварения.

¹¹⁴⁰ Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам: сб. док-тов. Т. 9. февраль 1972 г. – сентябрь 1973 г. М., 1974. С. 91–94.

от отдельных причин. Значительная часть населения не была хорошо осведомлена о вреде чрезмерного употребления спиртных напитков.

Торговля водкой не только не сократилась, как это предусматривалось постановлением 1972 г., но даже увеличилась, хотя и в меньших масштабах в сравнении с прошлым десятилетием¹¹⁴¹. Производство безалкогольных напитков выросло незначительно. Так, в Кузбассе произошло некоторое сокращение размеров розничной торговли крепкими алкогольными напитками. Однако роста продаж пива, вин, безалкогольных напитков, мороженого не произошло. Попытки увеличить производство этих товаров натолкнулись на многочисленные трудности¹¹⁴².

В 1970-е гг. население страны стало больше курить, хотя скорость распространения в обществе этой вредной привычки снизилась. Если в 1970 г. через государственную и кооперативную торговлю было реализовано 208,0 млрд, то в 1980 г. – 248,5 млрд шт. табачных изделий¹¹⁴³. Потребление сигарет и папирос выросло с 1 599,0 шт. до 1 797,0 шт. в расчете на одного человека. Смертность от злокачественных новообразований трахеи, бронхов и легких увеличилась к 1979 г. до 30,6 случаев на 100 тыс. чел. (1970 г. – 27,3)¹¹⁴⁴. При этом следует понимать, что если рост продаж алкоголя сразу отражался на показателях смертности в нескольких классах причин, например, несчастных случаев, отравлений и травм, то эффект от распространения курения на заболеваемости раком легких проявлялся не сразу, а много позднее.

Освоение северных территорий перестало быть существенным условием повышения уровня смертности, благодаря становлению организаций и учреждений системы здравоохранения, улучшению их кадровой и материальной оснащенности, активному жилищному строительству, развитию торговли предметами первой необходимости¹¹⁴⁵. В 1970-е гг. снижение средней продолжительности жизни в городах и пгт Тюменской области оказалось минимальным, а Томской области – она даже увеличилась (табл. 3.2.18).

Рост возрастных коэффициентов смертности был вызван также ухудшением экологической обстановки в СССР, о чем косвенно свидетельствуют увеличение числа нормативных актов, принимаемых по этому вопросу¹¹⁴⁶, и некоторое повышение расходов на природоохранные мероприятия¹¹⁴⁷. В общероссийских и региональных статистических сборниках некоторые скудные сведения о состоянии окружающей среды впервые были

¹¹⁴¹ Народное хозяйство РСФСР в 1987 г.: стат. ежегодн. М., 1988. С. 400.

¹¹⁴² Каждый в ответе // Кузбасс. 1972. 13 авг.

¹¹⁴³ Народное хозяйство РСФСР в 1988 г.: стат. ежегодн. М., 1988. С. 94.

¹¹⁴⁴ Численность, естественное движение и миграция населения РСФСР в 1979 году: стат. сб. М., 1980. (ДСП). С. 216.

¹¹⁴⁵ Гаврилова Н.Ю. Социальное развитие нефтегазодобывающих районов Западной Сибири. С. 110–111, 154, 266.

¹¹⁴⁶ Жиромская В.Б. Основные тенденции демографического развития России в XX веке. С. 200.

¹¹⁴⁷ Народное хозяйство РСФСР в 1987 г.: стат. ежегодн. М., 1988. С. 550.

обнародованы в начале 1980-х гг., однако их познавательная ценность являлась низкой. В отдельных работах указывалось, что на рост смертности в Западной Сибири повлияли испытания атомного оружия в Казахской ССР¹¹⁴⁸. Косвенным подтверждением этого является то, что она в наибольшей степени увеличилась в близлежащих к Семипалатинскому полигону регионах. Таким образом, ухудшение радиационного фона стало причиной, ускорившей сокращение продолжительности жизни в отдельных районах Советского Союза.

В отличие от второй половины прошлого десятилетия возрастные коэффициенты смертности в 1970-е гг. повысились не только у мужчин трудоспособных когорт, но и у женщин. Этот рост, согласно общероссийским и западносибирским данным, коснулся средних и старших возрастов вплоть до 70 лет. Изучение статистических источников по РСФСР показало, что возрастная смертность у женщин (кроме заболеваний органов кровообращения) особенно сильно увеличилась от несчастных случаев, отравлений и травм (у 15-летних и старше), болезней органов дыхания (в когортах 25–54 лет) и, по всей видимости, органов пищеварения¹¹⁴⁹.

Изучение занятости женских контингентов в народном хозяйстве страны за разные годы не выявило особых перемен в их социально-классовом составе. Доля последних среди рабочих и служащих в 1970-е гг. даже несколько снизилась (1970 г. – 53,0 %, 1980 г. – 52,0 %). Не было обнаружено сильных изменений в характере труда и структуре занятых по отдельным отраслям промышленности¹¹⁵⁰. Из этого следует, что рост женской смертности был обусловлен действием факторов, одинаковых для всего населения в целом.

Таким образом, снижение средней продолжительности жизни женщин произошло из-за ухудшения экологической ситуации и распространения вредных для здоровья привычек. Известно, что женщины были в гораздо меньшей степени подвержены их влиянию. Между тем есть веские основания считать алкоголизм и курение важными условиями повышения женской смертности. Общеизвестно, что в результате антиалкогольной кампании 1985 г. возрастные коэффициенты сократились не только у мужчин, но и (хотя в меньшей степени) у женщин. На рост алкогольной зависимости последних указывали исследования в области медицины. Соотношение между злоупотребляющими спиртными напитками мужчинами и женщинами составило в 1970-е гг. примерно 10–12 к 1. Причем как отечественные, так и зарубежные ученые считали эти цифры заниженными, так как они были основаны на обращаемости

¹¹⁴⁸ Потери здоровья населения Алтайского края при ядерных испытаниях на Семипалатинском полигоне. Ретроспективная медико-демографическая оценка. Барнаул, 1998; Савицкий И.М. Экологические последствия испытаний ядерного оружия и ракетной техники в Западной Сибири (1950-е – первая половина 90-х годов) // Гуманитарные науки в Сибири. 1999. № 2. С. 95–100;

¹¹⁴⁹ Подсчитано по: Численность, естественное движение и миграция населения РСФСР в 1979 году: стат. сб. М., 1980. (ДСП) С. 225–226; Естественное и механическое движение населения РСФСР в 1973 году: стат. сб. М., 1974. (ДСП) С. 148.

¹¹⁵⁰ Народное хозяйство РСФСР в 1987 году.: стат. ежегодн. М., 1988. С. 354; Труд в СССР: стат. сб. М., 1988. С. 106.

пациентов или данных о госпитализации¹¹⁵¹. По социальным и психологическим мотивам многие женщины скрывали свое заболевание, не прибегая к медицинской помощи.

Распространение женского алкоголизма подтверждают социологи. Если в 1960-е гг. употребляли спиртные напитки 49,0 % девочек, то в 1980-е гг. – уже 75,0 %¹¹⁵². Итак, с одной стороны, среди женщин в 1970-е гг. увеличилось потребление винно-водочной продукции и табачных изделий. С другой стороны, рост алкоголизма мужчин не мог не отразиться на психологическом и физическом самочувствии членов их семей и, косвенно, окружающих людей. Таким образом, повышение женской смертности стало, по сути дела, итогом взаимодействия нескольких факторов.

Анализ межполовой дифференциации в уровне смертности выявил, что в городских поселениях РСФСР к 1978/1979 гг. она увеличилась до 10,71 года, в Западной Сибири – до 10,83 года. Цифры таблицы показывают, что возрастные коэффициенты в детских, подростковых и молодежных группах (0–19 лет) за 1969/1970–1978/1979 гг. изменились мало, за исключением 10–14-летних. Опережающий рост смертности у мужчин отмечен в трудоспособных пятилетних когортах, начиная с 20 и вплоть до 54 лет (табл. 3.2.15). В предпенсионных и пенсионных группах гендерные различия в этот период почти не изменились.

На основе изучения общероссийских статистических материалов можно сделать следующие выводы: значительно больший прирост возрастных коэффициентов у мужчин был отмечен в классе болезней системы кровообращения. Так, если в 1972 г. в возрасте 20–24 лет они умирали от этой причины в среднем в 1,5 раза чаще, чем женщины, то в 1978/1979 гг. – уже в 2 раза. Ускоренные темпы роста мужской смертности наблюдались во всех пятилетних когортах, хотя различия в общем коэффициенте на 100 тыс. чел. даже снизились.

Таблица 3.2.15

Возрастные коэффициенты смертности мужского и женского городского населения Западной Сибири в 1969/1970–1978/1979 гг., в ‰*

Возраст, лет	1969/1970			1978/1979		
	Мужчины	Женщины	Разница, в ‰	Мужчины	Женщины	Разница, в ‰
0–4	7,2	5,3	+34,8	7,0	5,1	+36,2
5–9	0,8	0,5	+68,8	0,8	0,5	+64,6
10–14	0,8	0,4	+74,8	0,7	0,3	+112,8
15–19	1,7	0,6	+189,0	1,8	0,6	+185,5
20–24	2,7	0,8	+218,2	3,1	0,8	+291,4
25–29	4,2	1,1	+267,3	4,4	1,1	+299,8
30–34	5,0	1,4	+251,3	5,6	1,6	+259,4
35–39	6,8	2,1	+219,4	7,8	2,3	+235,7
40–44	8,3	2,9	+185,3	9,5	3,0	+214,3
45–49	10,5	4,4	+138,9	13,5	5,0	+168,4

¹¹⁵¹ Алкоголизм: руководство для врачей. С. 162.

¹¹⁵² Просвирнин В.Ф. Проблемы народонаселения в СССР: политико-экономический анализ. Л., 1989. С. 66.

Окончание таблицы 3.2.15

Возраст, лет	1969/1970			1978/1979		
	Мужчины	Менщины	Разница, в %	Мужчины	Женщины	Разница, в %
50–54	15,0	6,4	+134,2	17,6	7,0	+150,5
55–59	21,1	9,1	+130,8	24,2	10,4	+133,8
60–64	32,1	14,5	+121,7	35,1	16,0	+119,4
65–69	48,1	23,2	+107,4	48,8	24,2	+101,6
70 и ст.	105,7	72,6	+45,6	101,1	71,6	+41,2

* Подсчитано по: ГААК. ФР.–718, Оп. 43. Д. 97. Л. 28; Д. 102. Л. 30–30об; Д. 147. Л. 59–59об; Д. 153. Л. 33–33об; ГАКО. ФР.–304. Оп. 1. Д. 74. Л. 49–49об; Д. 75. Л. 38–38об; Д. 83. Л. 41–41об; Д. 84. Л. 53–53об; ИАОО. ФР.–2122. Оп. 1. Д. 5670. Л. 46–46об; Д. 5917. Л. 40–41; Д. 8257. Л. 49–49об; Д. 8543. Л. 52–52об; ГАТО. ФР.–1085. Оп. 3. Д. 79. Л. 172–172об, 314–314об; Д. 418. Л. 72–72об; Д. 576. Л. 87–87об; ГАТюм.О. ФР.–1112. Оп. 4. Д. 117. Л. 44–44об; Д. 143. Л. 45–45об; Оп. 1. Д. 8468. Л. 47–47об; Д. 8944. Л. 58–58об; ГАРФ. Ф.А.–374. Оп. 39. Д. 6012. Л. 4–6об; Д. 6016. Л. 4–6об; Д. 6014. Л. 4–6об; Д. 6018. Л. 142–144об; Д. 6017. Л. 4–6об; Д. 6019. Л. 78об–80об.

Общий коэффициент смертности от новообразований у мужчин увеличился сильнее, чем у женщин, но в пятилетних когортах возрастные коэффициенты демонстрировали разнонаправленную динамику. Например, у мужчин от этой причины они, начиная с 40 лет, росли чуть быстрее (в %), чем у женщин, тогда как среди 25–39-летних – медленнее. От несчастных случаев, отравлений и травм общий коэффициент у женщин в этот период повысился почти так же, как и у мужчин. Начиная с 30 лет и старше гендерная дифференциация в этой категории даже несколько сократилась, не только за счет ускоренного роста женской смертности, но и повышения материальных затрат и активной государственной политики в сфере охраны труда, которая, прежде всего, положительно повлияла на здоровье мужчин. В РСФСР уровень травматизма на рабочем месте, например, за 1970–1975 гг. уменьшился на 17,8 %¹¹⁵³. Существенный опережающий рост мужского общего и возрастных коэффициентов был отмечен от заболеваний органов дыхания. От инфекционных и паразитарных болезней у обоих полов общий коэффициент увеличился одинаково, но в пятилетних когортах у женщин смертность повысилась слабее (табл. 3.2.16).

Таблица 3.2.16

Превышение мужской смертности над женской в РСФСР в 1978/1979 гг.
(смертность женщин взята за 100,0 %)*

Возраст, лет	Болезни системы кровообращения	Новообразования	Болезни органов дыхания	Несчастные случаи, отравления и травмы	Инфекционные и паразитарные болезни
0–4	–5,3	+24,4	+29,9	+38,4	+26,6
5–9	–42,9	+40,3	+9,8	+139,7	+42,1
10–14	+14,3	+39,3	+27,6	+175,5	+20,0
15–19	+80,0	+32,9	+46,7	+347,8	+73,3
20–24	+103,3	+20,5	+51,4	+675,7	+42,4
25–29	+199,0	–1,3	+95,2	+692,9	+157,1
30–34	+259,3	–2,4	+194,2	+532,9	+241,9
35–39	+301,9	+18,0	+293,7	+495,2	+433,3
40–44	+249,0	+36,1	+321,2	+448,8	+508,3
45–49	+202,5	+72,3	+365,3	+366,2	+506,6

¹¹⁵³ Здравоохранение и социальное обеспечение в СССР: стат. сб. М., 1976. (ДСП) С. 221.

Окончание таблицы 3.2.16

Возраст, лет	Болезни системы кровообращения	Новообразования	Болезни органов дыхания	Несчастные случаи, отравления и травмы	Инфекционные и паразитарные болезни
50–54	+167,4	+95,2	+369,7	+309,4	+507,4
55–59	+144,5	+121,4	+374,3	+283,0	+613,9
60 и ст.	+22,8	+120,6	+141,0	+184,8	+436,3
<i>Итого</i>	–25,5	+22,5	+51,8	+312,7	+182,0

* Подсчитано по: Численность, естественное движение и миграция населения РСФСР в 1979 году: стат. сб. М., 1980. (ДСП) С. 225–226.

Средняя продолжительность жизни в городах и пгт Западной Сибири продолжала оставаться ниже, чем в республике, однако разница между ними увеличилась. Так, если в 1969/1970 гг. она составляла 0,77 лет, то в 1978/1979 гг. – уже более года (1,03). Если длительность жизни мужчин (в годах) в экономическом районе уменьшилась почти так же, как в РСФСР, то женская – снизилась сильнее (табл. 3.2.17).

Таблица 3.2.17

Средняя продолжительность жизни в городских поселениях РСФСР и Западной Сибири в 1969/1970–1978/1979 гг., лет*

Годы	РСФСР			Западная Сибирь		
	Всего	Муж.	Жен.	Всего	Муж.	Жен.
1969/1970	68,97	63,57	73,32	68,20	62,59	72,83
1978/1979	68,17	62,46	73,17	67,14	61,47	72,30

* Таблица рассчитана по тем же данным, что и табл. 3.2.15.

Единственным регионом, где средняя продолжительность жизни увеличилась, стала Томская область. Небольшой рост смертности в предыдущий межпереписной период возник из-за начала освоения нефтяных месторождений, после преодоления трудностей хозяйственного обустройства новых районов и формирования социальной инфраструктуры ситуация стала улучшаться. Повышению продолжительности жизни способствовало то, что по уровню обеспеченности врачами и больничными койками на 10 тыс. чел. область находилась на передовых позициях в Западной Сибири¹¹⁵⁴. В г. Томске активно развивались научные подразделения Академии медицинских наук¹¹⁵⁵. Среди исследуемых регионов в Томской области был самый высокий удельный вес высокообразованных лиц и занятых преимущественно умственным трудом¹¹⁵⁶. Это в свою очередь способствовало широкому распространению в обществе знаний о факторах смерти.

Наибольший спад отмечен в Новосибирской области, где средняя продолжительность жизни сократилась на 1,37 года, в Кузбассе – на 1,28, в Алтайском крае – на 1,17 года

¹¹⁵⁴ Народное хозяйство РСФСР в 1978 г.: стат. ежегодн. М., 1979. С. 258, 262.

¹¹⁵⁵ Томская область: исторический очерк. С. 546.

¹¹⁵⁶ Итоги Всесоюзной переписи населения 1979 года: стат. сб. М., 1989. Т. III. Уровень образования населения СССР, союзных и автономных республик, краев и областей. Ч. 1. С. 256, 262; Профессиональный состав населения РСФСР (по данным Всесоюзной переписи населения 1979 г.): стат. сб. М., 1981. (ДСП). С. 61.

(табл. 3.2.18). При этом в Тюменской области, где шло освоение нефтегазовых месторождений, она снизилась только на 0,55 лет. В это время область сократила свое отставание по развитию здравоохранения и социальной сферы, жилищному строительству¹¹⁵⁷. Так, в газете «Известия» утверждалось, что за годы 10-й пятилетки (1976–1980 гг.) было построено значительно больше жилья, чем за все предыдущие годы¹¹⁵⁸. Если в 1970 г. в регионе было на 15,4 % меньше врачей на 10 тыс. чел., чем в среднем по Западной Сибири, то в 1979 г. – на 6,5 %.

Таблица 3.2.18

Средняя продолжительность жизни в городах и пгт регионов
Западной Сибири в 1969/1970 и 1978/1979 гг., лет*

Регион	1969/1970			1978/1979		
	Оба пола	Мужчины	Женщины	Оба пола	Мужчины	Женщины
Западная Сибирь	68,20	62,59	72,83	67,14	61,47	72,30
Алтайский край	68,44	62,90	72,90	67,27	61,48	72,48
Томская область	67,64	61,89	72,46	67,87	62,47	72,77
Тюменская область	66,29	60,43	71,48	65,74	59,70	71,66
Омская область	68,81	62,99	73,55	68,32	62,72	73,13
Новосибирская область	68,77	63,19	73,20	67,40	61,76	72,29
Кемеровская область	68,07	62,63	72,67	66,79	61,23	71,93

* Таблица рассчитана по тем же данным, что и табл. 3.2.15.

Если значительное снижение средней продолжительности жизни в Кузбассе еще можно связать с ухудшением экологического положения, в частности состояния атмосферного воздуха, то ее сокращение в Алтайском крае и Новосибирской области, по всей видимости, нельзя объяснить иначе, как негативным влиянием испытаний атомного оружия в Казахстане. Межрегиональные вариации в средней продолжительности жизни сохранились почти на прежнем уровне и составили 2,58 года (1969/1970 гг. – 2,52).

1979–1989 гг. В 1980-е гг. детская смертность в городских поселениях Западной Сибири с колебаниями продолжала снижаться, если в 1980 г. она составляла 22,7 ‰, то к концу десятилетия, в 1989 г. – 18,5 ‰¹¹⁵⁹. Ее динамика в целом была такой же, как и в России, хотя спады и подъемы были более сильными. Интересно, что наибольшее одномоментное сокращение младенческой смертности в экономическом районе пришлось на первый год антиалкогольной кампании, когда за 1984–1985 гг. она снизилась сразу на две промилле (с 21,9 до 19,9 ‰), гораздо больше, чем в республике в целом¹¹⁶⁰.

В 1980–1989 гг. продолжился процесс уменьшения экзогенных причин детской смертности. Данные по Новосибирской области показывают, что за это время смертность болезней органов дыхания снизилась в 6,5 раз, от инфекционных и паразитарных заболеваний,

¹¹⁵⁷ Гаврилова Н.Ю. Социальное развитие нефтегазодобывающих районов Западной Сибири. Тюмень, 2002.

¹¹⁵⁸ Известия. 1980. 13 сент.

¹¹⁵⁹ Численность, естественное движение и миграция населения РСФСР в 1983 г. М., 1984. (ДСП). С. 63; Численность, состав и движение населения в РСФСР: стат. сб. М., 1990. С. 234

¹¹⁶⁰ Естественное движение населения в РСФСР. М., 1988. (ДСП). С. 10, 60, 62.

болезней органов пищеварения – в 2,5 раза, несчастных случаев, отравлений и травм – более чем в 2 раза. Одновременно с этим выросла смертность от врожденных аномалий – на 13,0 % и почти в два раза от некоторых перинатальных причин¹¹⁶¹.

Все это косвенно указывает на завершение перехода в детской смертности. Согласно М.Я. Студеникину в начале огромную роль играли социально-гигиенические и медико-организационные факторы¹¹⁶². К первым из них относились низкая медицинская активность и санитарная культура родителей, например, позднее обращение к врачам по поводу беременности или болезни ребенка, невнимание к уходу за детьми, недостаточное питание. К социально-гигиеническим факторам можно отнести также нехватку качественной и теплой одежды, неудовлетворительное обеспечение населения чистой водой, отсутствие канализации в детских учреждениях.

Медико-организационные факторы, в общем, тоже вытекали из общего состояния экономики и социальной сферы. Они включали в себя дефекты лечебно-профилактической помощи матери и ребенку, например, низкое качество медицинского наблюдения за беременными в женских консультациях, за новорожденными, отсутствие современных методов обследования, лечения и медикаментов, лабораторного оборудования, реанимации и интенсивной терапии ребенка при рождении, ошибки диагностики, позднюю госпитализацию, недостаточную квалификацию врачей. Для отечественного здравоохранения эти факторы были характерны для всего рассматриваемого периода, но их влияние со временем слабело.

М.Я. Студеникин отмечает, что по мере снижения негативного действия этих двух групп на первый план выходили медико-биологические факторы, больше имеющие отношение к здоровью матери и ребенка. Это, например, инфекционно-воспалительные болезни матери, первые роды у женщин до 20 лет, у которых болезни в ряде случаев выявлялись только во время беременности. Биологическими факторами риска со стороны новорожденных считались недоношенность, низкая масса тела при рождении.

По данным Новосибирской области, в 1960 г. от экзогенных причин (инфекционных и паразитарных болезней, болезней органов дыхания, пищеварения, несчастных случаев, отравлений и травм) умирало примерно 60,0 % новорожденных, на протяжении долгого времени при определенных колебаниях эта доля оставалась неизменной. Во второй половине 1980-х гг. произошло резкое ее снижение до 17,5 % (в 1989 г.). Одновременно серьезно увеличился удельный вес эндогенных причин – врожденных пороков развития, болезней

---

¹¹⁶¹ Текущий архив Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Новосибирской области. Динамические ряды № 2. Л. 15.

¹¹⁶² Студеникин М.Я. Современные проблемы детской смертности // Вестник Академии медицинских наук СССР. 1988. № 12. С. 29–34.

перинатального периода¹¹⁶³. Еще одним признаком становления прогрессивной структуры детской смертности стал рост ее неонатальной части. Младенческая смертность считается высокой, если ее удельный вес составляет не более 40,0–50,0 %¹¹⁶⁴. Дело в том, что в начале и середине эпидемиологического перехода сокращение младенческой смертности происходит в основном за счет детей в возрасте старше одного месяца. Значительное сокращение неонатальной, а особенно перинатальной смертности требует новых подходов, техники, лекарств, то есть качественных изменений в здравоохранении. В городах Новосибирской области доля умерших детей на первом месяце жизни составила в 1960–1970-е гг. около 50,0 %, во второй половине 1980-х гг. она увеличилась приблизительно до 60,0 %¹¹⁶⁵.

По существу, можно говорить о том, что в конце 1980-х гг. в детской смертности произошел эпидемиологический переход от смертности, где доминировали преимущественно экзогенные причины к эндогенным. Это подтверждает концентрация смертей на первом месяце жизни, что было характерно для развитых западных стран. На втором месяце и вплоть до одного года сохранить жизни младенцев существенно легче, благодаря лекарственным препаратам и существующей системе здравоохранения. Если же доля постнеонатальной детской смертности остается высокой, то это косвенно указывает на сохранение некоторых ее традиционных элементов.

В 1980-е гг. происходили сильные колебания смертности как всего населения в целом, так и городского в частности. Прекратилось сокращение средней продолжительности жизни, которое началось приблизительно с середины 1960-х гг. Общий коэффициент в РСФСР вырос незначительно, с 9,8 ‰ в 1979 г. до 10,0 ‰ в 1989 г., в Западной Сибири он даже снизился – с 9,4 ‰ до 8,8 ‰ (табл. 3.2.19). Причем произошло это на фоне повышения доли старших возрастов в населении.

Таблица 3.2.19

Число смертей и общий коэффициент смертности в городских поселениях
Западной Сибири и РСФСР 1979–1989 гг.*

Год	Число смертей в городах и пгт Западной Сибири, тыс. чел.	Общий коэффициент смертности, в ‰	
		Западная Сибирь	РСФСР
1979	83,1	9,4	9,8
1980	86,9	9,6	10,0
1981	86,0	9,3	9,9
1982	86,4	9,1	9,8
1983	90,7	9,4	10,1
1984	98,3	9,9	10,6

¹¹⁶³ Текущий архив Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Новосибирской области. Динамические ряды № 2. Л. 12–15.

¹¹⁶⁴ Ксенофонтова Н.Ю. Некоторые тенденции младенческой смертности в последнее десятилетие // Демографические процессы в СССР: сб. науч. тр. С. 128.

¹¹⁶⁵ Подсчитано по: Естественное движение населения Новосибирской области: стат. сб. Новосибирск, 1990. С. 28–29.

Окончание таблицы 3.2.19

Год	Число смертей в городах и пгт Западной Сибири, тыс. чел.	Общий коэффициент смертности, в %	
		Западная Сибирь	РСФСР
1985	95,4	9,4	10,3
1986	88,6	8,5	9,6
1987	89,3	8,4	9,7
1988	92,9	8,6	9,9
1989	96,5	8,8	10,0

* Подсчитано по: Численность, состав и движение населения в РСФСР: стат. сб. М., 1990. С. 100–101; Естественное движение населения в РСФСР. Стат. бюл. (ДСП). М., 1989. С. 7; Естественное движение населения в РСФСР: стат. сб. (ДСП) М., 1988. С. 35; Численность, состав и движение населения в РСФСР: стат. сб. (ДСП). М., 1986. С. 80; Численность, естественное движение и миграция населения РСФСР в 1983 г. (ДСП). М., 1984. С. 33.

С помощью индексного метода выявлено, что снижение общего коэффициента в городских поселениях Западной Сибири произошло исключительно за счет сокращения непосредственно смертности (–15,6 %), тогда как из-за возрастного состава он увеличился на 10,3 % (см. табл. 3.2.5). В результате средняя продолжительность жизни повысилась с 67,14 лет в 1978/1979 гг. до 69,63 в 1988/1989 гг. (или на 2,49 года), больше, чем в республике в целом, где она выросла с 68,17 года в 1978/1979 гг. до 69,89 года в 1989 г. (на 1,72 года)¹¹⁶⁶. Следует учитывать то, что, презентация этого показателя в статистических сборниках в конце 1980-х гг. осуществлялась иначе. Если до 1988 г. средняя продолжительность жизни подсчитывалась на начало года и указывалась дробным способом (например, 1978/1979 или 1969/1970 гг.), то начиная с 1988 г. она рассчитывалась на середину года. Таким образом, ее величина за 1989 г. оказалась меньше, чем, если бы она была указана за 1988/1989 гг. Однако разница была, скорее всего, невелика и не превысила 0,1–0,2 года¹¹⁶⁷.

Рост средней продолжительности жизни произошел за счет позитивных изменений, произошедших в большинстве причин смерти (табл. 3.2.20). Так, за 1980–1989 гг. почти в полтора раза снизилась смертность от инфекционных и паразитарных болезней. Заметно сократилась она от заболеваний органов дыхания (на 44,2 %), в том числе от пневмоний всех форм, хронического бронхита, бронхиальной астмы, а также от несчастных случаев, отравлений и травм (на 28,6 %). Почти на прежнем уровне сохранилась смертность от болезней органов пищеварения (–1,4 %), а увеличилась только от новообразований (на 12,7 %). Незначительно уменьшилась от болезней системы кровообращения (–2,0 %), главным образом за счет Тюменской и частично Новосибирской областей, тогда как в других регионах повысилась¹¹⁶⁸. В городских поселениях РСФСР в этой категории был отмечен рост смертности, однако его

¹¹⁶⁶ Демографический ежегодник России: стат. сб. М., 1998. С. 100.

¹¹⁶⁷ Мы не можем осуществить аналогичные расчеты за 1989 г., так как нам неизвестен возрастной состав городского населения Западной Сибири за 1990 г.

¹¹⁶⁸ Численность, состав и движение населения в РСФСР. М., 1990. С. 190–191.

масштабы по сравнению с предыдущим десятилетием значительно снизились (на 7,7 % за 1980–1989 гг., тогда как за 1970–1980 гг. – на 40,7 %) ¹¹⁶⁹.

Таблица 3.2.20

Смертность по причинам смерти городского населения РСФСР, Западной Сибири и Новосибирской области в 1985–1989 гг. (на 100,0 тыс. чел.)*

Причина смерти	Новосибирская область	Западная Сибирь	РСФСР
1985			
<i>Всего</i> умерших, в т.ч.:	1 050,9	941,3	1 033,2
от инфекц. и паразит. болезней	22,0	21,0	15,1
от новообразований	184,8	155,5	178,9
от болезней кровообращения	575,7	467,6	562,9
от болезней органов дыхания	58,8	61,2	58,3
от болезней органов пищеварения	32,4	27,5	29,6
от несчастн. случ., отравл. и травм	118,5	148,0	120,2
1989			
<i>Всего</i> умерших, в т.ч.:	998,4	879,8	1 000,1
от инфекц. и паразит. болезней	13,8	13,5	11,2
от новообразований	199,1	167,0	193,3
от болезней кровообращения	528,9	440,7	551,3
от болезней органов дыхания	43,1	42,5	44,5
от болезней органов пищеварения	28,1	25,3	27,2
от несчастн. случ., отравл. и травм	117,3	133,9	115,6

* Подсчитано по: Текущий архив Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Новосибирской области. Динамические ряды № 2. Л. 14–24; Численность, состав и движение населения в РСФСР. М., 1990. С. 191.

По традиции начнем анализ факторов смертности с изучения системы здравоохранения и динамики материального положения граждан. Официальные статистические показатели демонстрируют увеличение контингента врачей в Западной Сибири, количество которых достигло 44,3 на 10 тыс. населения в 1989 г. против 37,1 в 1980 г. Обеспеченность больничными койками осталась почти на прежнем уровне (136,0 и 135,0 на 10 тыс. чел.) ¹¹⁷⁰, видимо из-за быстрого роста населения в этот период.

В 1980-е гг. социальная политика активизировалась по многим направлениям, возросли денежные доходы населения. Как уже говорилось выше, в рассматриваемый период, особенно с 1970-х гг., рост материального и жилищного положения, улучшение обеспеченности одеждой и обувью меньше влияли на сокращение смертности. Например, в первой половине XX столетия она могла увеличиться из-за проживания людей в общежитиях, бараках, плохо обустроенном жилье, аварийных или ветхих строениях, дефицита предметов первой необходимости. Определенное воздействие на смертность эти факторы сохранили в отдаленных регионах страны или в районах нового освоения. В 1970–1980-е гг. речь шла больше об улучшении качественных показателей: увеличении числа комнат в квартирах, покупках стильной и модной обуви.

¹¹⁶⁹ Там же. С. 184.

¹¹⁷⁰ Народное хозяйство РСФСР в 1990 г.: стат. ежегодн. М., 1991. С. 282.

Рост реальных душевых доходов замедлился и составил за 1981–1985 гг. 11,0 %. Среднемесячная заработная плата рабочих и служащих достигла к 1985 г. 190,0 руб. В структуре расходов населения последовательно снижалась доля продовольственных товаров. Если в 1980 г. она находилась на уровне 35,0 %, то в 1989 г. – 29,2 %, тогда как непродовольственных увеличилась с 30,6 % до 32,7 %. Более чем в два раза снизился удельный вес лиц с душевыми доходами меньше 100,0 руб. – с 39,6 % в 1980 г. до 16,0 % в 1989 г.¹¹⁷¹

Официальная статистика демонстрировала рост производства почти всех важнейших видов продукции пищевой промышленности. Согласно Продовольственной программе планировалось значительно увеличить душевое потребление мяса, молочных продуктов, яиц, фруктов, овощей и ягод¹¹⁷². По данным статистики, она выполнялась довольно успешно. Потребление мяса и мясопродуктов увеличилось с 57,0 кг в 1980 г. до 69,0 кг в 1989 г. на одного человека в год, молока и молочных продуктов – с 328,0 до 396,0 кг, яиц – с 279,0 до 309,0 шт., фруктов и ягод – с 30,0 до 42,0 кг¹¹⁷³. Повышение соответствующих показателей отмечено в Западной Сибири¹¹⁷⁴. Снизилось потребление хлеба и картофеля¹¹⁷⁵. Выпуск непродовольственных товаров по ряду категорий, меховых изделий и обуви увеличился не так сильно, более заметным оказался рост производства дорогостоящей продукции. Повысилась обеспеченность жителей страны предметами длительного пользования, в том числе автомобилями, телевизорами, магнитофонами, холодильниками, мотоциклами, велосипедами¹¹⁷⁶.

Вместе с тем успехи второй половины 1980-х гг. обесценила проблема сбалансированности денежных доходов и расходов населения. В условиях дефицита на потребительском рынке часть заработанных средств откладывалась в накопления, общая сумма которых в РСФСР во вкладах, облигациях и сертификатах достигла к началу 1990 г. 275,0 млрд руб. В Западной Сибири средние размеры вкладов в сберкассах в расчете на одного человека увеличились с 562,0 руб. в 1980 г. до 1134,0 руб. в 1989 г. (721,0 руб. в 1985 г.). Все это привело к возникновению скрытой инфляции, которая во второй половине 1980-х гг. усилилась¹¹⁷⁷. Косвенно постепенное обесценивание денег подтвердил рост цен на продовольствие на колхозном рынке, который особенно усилился к концу рассматриваемого периода¹¹⁷⁸.

¹¹⁷¹ Народное хозяйство РСФСР в 1989 году: стат. ежегодн. М., 1990. С. 145.

¹¹⁷² Известия. 1986. 19 июня.

¹¹⁷³ Народное хозяйство РСФСР в 1990 г.: стат. ежегодн. М., 1991. С. 169.

¹¹⁷⁴ Регионы России: стат. сб.: в 2 т. М., 1999. Т. 2. С. 136–150.

¹¹⁷⁵ Ефимкин М.М.. Рабочие Сибири, конец 50-х – середина 80-х годов. С. 136.

¹¹⁷⁶ Народное хозяйство РСФСР в 1990 г.: стат. ежегодн. М., 1991. С. 172–173.

¹¹⁷⁷ Труд. 1988. 19 окт.

¹¹⁷⁸ Вестник статистики. 1990. № 12. С. 38.

В экономическом районе проблема неудовлетворенного спроса носила более острый характер¹¹⁷⁹. Так, если в республике в целом в 1989 г. превышение доходов граждан над их расходами составило 3,2 %, то в Алтайском крае – 6,2 %, Кемеровской области – 6,3 %, Новосибирской – 3,7 %, Омской – 5,0 %, Томской – 12,9 %, Тюменской – 15,9 %.

Недостаточно удовлетворялись запросы населения в отношении бытовой техники, теле- и радиоаппаратуры, мебели, часов. С переборами поступали в торговую сеть школьные тетради, косметические товары и т.д.¹¹⁸⁰ Невозможность «материализовать» растущие денежные средства (а не снижение благосостояния) и разочарование Перестройкой были одними из главных причин роста общественного недовольства в стране.

Во второй половине 1980-х гг. активизировалось жилищное строительство. Так, в 1980 г. в республике было возведено 59,4 млн кв. м жилой площади, в 1985 г. – 62,6, в 1986 г. – 66,2, в 1987 г. – 72,8, в 1988 г. – 72,3, а в 1989 г. – 69,8 млн кв. м. Такая же динамика была отмечена в Западной Сибири, если в 1980 г. здесь было построено 6,9 млн кв. м, то в 1985 г. – 8,2 млн, а в 1989 г. – 8,4 млн кв. м жилья¹¹⁸¹. Жилищная обеспеченность ее населения увеличилась с 13,7 кв. м до 15,3 кв. м на одного человека¹¹⁸². Несмотря на то, что оставалось много вопросов к системе распределения жилья и наблюдался рост жилищных очередей¹¹⁸³, продолжало улучшаться благоустройство домов. К концу 1980-х гг. доля ветхого и аварийного жилья в РСФСР снизилась до 1,5 %, в ее городах и пгт три четверти квартир были обеспечены централизованным водоснабжением, канализацией и отоплением.

Уровень образованности населения вновь увеличился. Если в 1979 г. на каждую тысячу занятых в городских поселениях РСФСР приходилось 855 человек с высшим и средним (полным и неполным) образованием, то десятилетие спустя – 938, в том числе с высшим 124 и 170, средним специальным 184 и 260 чел.¹¹⁸⁴ Таким образом, вышеперечисленные факторы создавали благоприятные предпосылки для дальнейшего небольшого роста средней продолжительности жизни.

Влияние положительных условий, благодаря которым смертность сокращалась, нивелировалось воздействием отрицательных. Уровень потребления спиртных напитков стал вызывать серьезную озабоченность у руководства страны. В начале 1980-х гг. пьянство приобрело распространенный характер и проникло во все слои общества. Особую тревогу вызывали его проявления среди женщин и подростков. Заболеваемость алкоголизмом и

¹¹⁷⁹ Народное хозяйство РСФСР в 1989 году: стат. ежегодн. М., 1990. С. 127, 131.

¹¹⁸⁰ Там же. С. 194.

¹¹⁸¹ Там же. С. 225.

¹¹⁸² Регионы России: стат. сб.: в 2 т. М., 1999. Т. 2. С. 153.

¹¹⁸³ Правда. 1989. 22 янв.

¹¹⁸⁴ Народное хозяйство РСФСР в 1989 году: стат. ежегодн. М., 1990. С. 239.

наркоманией продолжала расти¹¹⁸⁵. В постановлении ЦК КПСС, принятом 7 мая 1985 г., был утвержден комплекс мер, направленный на ограничение потребления спиртных напитков. Научным учреждениям было рекомендовано разработать общегосударственную программу профилактики и ограничения алкоголизма.

Партийным организациям предписывалось усилить просветительскую работу в трудовых коллективах о вреде пьянства и пользе здорового образа жизни. Повсеместно запрещалась продажа спиртных напитков лицам, не достигшим 21 года. Совету Министров СССР было указано начиная с 1986 г. сокращать производство водки, ликероводочных изделий и вин, повышать выпуск безалкогольных напитков, соков и кваса¹¹⁸⁶. Продажа алкоголя должна была перейти в ведение специализированных магазинов или отделов (секций) продовольственных магазинов и в рабочие дни могла вестись только с 14 ч.

Производство алкогольных напитков в РСФСР уменьшилось в два с лишним раза – с 137,0 млн дал в 1980 г. до 53,1 млн дал в 1987 г. Потребление в республике в расчете на душу населения снизилось с 10,5 л в 1980 г. до 3,9 л в 1987 г., но затем вновь стало расти (1989 г. – 5,16 л)¹¹⁸⁷. В Западной Сибири аналогичные показатели составили: 10,3 л в 1980 г. и 4,99 л в 1989 г. Антиалкогольная кампания вызвала снижение смертности в стране и Западной Сибири.

Падение продаж винно-водочных изделий не всегда означало такое же сокращение потребления. Люди использовали самые разные способы для «удовлетворения» своих потребностей. Так, выросли масштабы самогонварения. Органы власти и правопорядка зачастую недостаточно последовательно приводили в жизнь принятые решения¹¹⁸⁸. Негативное влияние этого фактора на продолжительность жизни уменьшилось, но не прекратилось полностью. При этом люди продолжали много курить. Если в 1980 г. согласно официальным данным на душу населения было реализовано 1,8 тыс. шт табачных изделий, в 1985 г. – 1,7 тыс., то в 1989 г. – даже 2,0 тыс. шт.

Судя по опубликованным данным центральные государственные органы стали больше внимания уделять охране окружающей среды. В июне 1980 г. был принят закон «Об охране атмосферного воздуха»¹¹⁸⁹. За счет строительства газопылеулавливающих установок, ликвидации источников загрязнения, внедрения малоотходных технологий, использования экологически чистых видов топлива удалось снизить выбросы в атмосферу. Например, за 1980–1988 гг. загрязнение воздуха в РСФСР сократилось на 9,0 % (с 41,6 млн до 37,8 млн т). В частности, в Новокузнецке доля улавливаемых вредных веществ, исходящих от

¹¹⁸⁵ Вестник статистики. 1990. № 12. С. 48.

¹¹⁸⁶ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 15. 1985–1988 гг. С. 21–27.

¹¹⁸⁷ Народное хозяйство РСФСР в 1989 году: стат. ежегодн. М., 1990. С. 188.

¹¹⁸⁸ См., например: В обкоме КПСС // Тюменская правда. 1987. 10 сент.

¹¹⁸⁹ Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. М., 1981. Т. 13. Апрель 1979 г. – март 1981 г. С. 419–433.

стационарных источников, увеличилась с 71,0 % в 1985 г. до 74,0 % в 1989 г., в Кемерово – с 79,0 % до 86,0 %¹¹⁹⁰.

Строительство объектов по охране окружающей среды и рациональному использованию природных ресурсов велось со значительным отставанием от намеченных планов. В 1981–1985 гг. министерствами и ведомствами по РСФСР было освоено только 82,0 % всех отпущенных средств, в 1986–1989 гг. – 86,0 %. Согласно данным за 1988 г. на Западную Сибирь приходилась пятая часть всех выбросов вредных веществ в атмосферу в республике (7,4 млн т). По этому показателю экономический район вышел на второе место после Урала (8,6 млн т)¹¹⁹¹. Несмотря на природоохранные меры и некоторое улучшение экологического положения в стране, это не оказало заметного влияния на снижение уровня смертности из-за сравнительно невысокой значимости данного фактора¹¹⁹².

Итак, в 1980-е гг. продолжали функционировать факторы, оказывающие негативное влияние на уровень смертности. Однако влияние главного из них – алкоголизма временно удалось уменьшить. Антиалкогольная кампания носила в общем принудительный характер, сопровождалась ростом потребления изготовленной кустарным способом продукции и различных суррогатов¹¹⁹³. здравоохранение по-прежнему оставалось нацеленным на достижение формальных показателей и борьбу преимущественно с экзогенными заболеваниями. Так, была поставлена задача удвоить объем профилактических осмотров с тем, чтобы к 2000 г. снизить заболеваемость с временной утратой трудоспособности на 15,0–20,0 %¹¹⁹⁴. Государственные расходы на медицину росли медленно, их доля в ВВП страны не увеличивалась. Но главное, не изменилась жизненная позиция основной части населения в отношении своего здоровья. Люди в основной массе по-прежнему не до конца осознавали необходимость приложения собственных больших усилий для достижения долголетия. Именно поэтому рост продолжительности жизни, вызванный сокращением потребления алкоголя, оказался незначительным.

Как уже упоминалось, после Всесоюзной переписи 1979 г. впервые в практике региональных (областных, краевых, республиканских (АССР)) статистических органов стали осуществляться расчеты возрастного состава населения на начало каждого следующего года. В этой связи облегчалась задача исследования динамики длительности жизни, тогда как прежде это можно было сделать только на основе материалов Всесоюзных переписей.

---

¹¹⁹⁰ Народное хозяйство РСФСР в 1989 году: стат. ежегодн. М., 1990. С. 333.

¹¹⁹¹ Охрана окружающей среды в РСФСР в 1988 году. М., 1989. (ДСП). С. 110–111.

¹¹⁹² Это не отрицает того, что улучшение экологической ситуации, возможно, сыграло положительную роль в отдельных местностях и городах.

¹¹⁹³ Немцов А.В. Алкогольная история России: Новейший период. С. 78.

¹¹⁹⁴ Правда. 1987. 27 нояб.

Таблица 3.2.21

Динамика средней продолжительности жизни городского населения Новосибирской области, Алтайского края и РСФСР в целом в 1978/1979–1988/1989 гг., лет*

Годы	Новосибирская область	Алтайский край	РСФСР
1978/1979	67,40	67,27	68,17
1979/1980	67,03	67,24	68,04
1980/1981	67,06	67,61	68,09
1981/1982	67,43	68,07	68,50
1982/1983	67,69	68,28	68,72
1983/1984	67,42	67,77	68,43
1984/1985	67,47	67,67	68,59
1985/1986	68,69	68,91	69,61
1986/1987	69,72	69,21	70,32
1987/1988	69,46	–	70,09**
1988/1989	69,35	–	69,89**

* Подсчитано по: Текущий архив Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Новосибирской области. Численность постоянного населения по полу и возрасту на начало года (1979–1989 гг.); Динамические ряды № 1. Сведения об умерших по полу и возрасту. Л. 77–92; ГААК. ФР.–718. Оп. 43. Д. 147. Л. 59–59об; Д. 153. Л. 33–33об; Д. 159. Л. 32–32об; Д. 164. Л. 53–53об; Д. 169. Л. 61–61об; Д. 174. Л. 121–121об; Д. 178. Л. 54–54об; Д. 183. Л. 47–47об; Д. 188. Л. 34–34об; Д. 193. Л. 33–33об; Д. 210. Л. 10–36.

** Данные по РСФСР после 1986/1987 гг. представлены целыми годами (1988, 1989 гг.).

Итак, данные табл. 3.2.21 показывают, что небольшое сокращение смертности началось еще до начала антиалкогольной кампании. Так, в целом по республике средняя продолжительность жизни увеличилась за 1978/1979–1982/1983 гг. приблизительно на 0,5–0,6 года¹¹⁹⁵. Похожая динамика наблюдалась в представленных в таблице регионах, где соответствующий прирост составил от 0,3 лет в Новосибирской области до одного года в Алтайском крае. Некоторую положительную роль здесь сыграли постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР, принятые еще в начале 1980-х гг. «О дополнительных мерах по улучшению охраны здоровья населения» и «О дальнейшем подъеме массовой физической культуры и спорта», нацеленные на улучшение самочувствия граждан¹¹⁹⁶.

Сокращение смертности определенным образом совпадает с повышением суммарного коэффициента в начале 1980-х гг., которое произошло, как известно, благодаря введению мер государственной поддержки рождаемости. Увеличение численного состава семей косвенно стимулировало родителей бережнее относиться к своему здоровью, сократилась продолжительность свободного времени. Интересно, что с 1980 по 1983 г. торговля водкой и ликеро-водочными изделиями, плодово-ягодным вином и коньяком несколько уменьшилась, при росте продаж легких алкогольных напитков – пива, шампанского и виноградного вина¹¹⁹⁷. За 1980–1984 гг. смертность в городских поселениях Западной Сибири от инфекционных и паразитарных заболеваний уменьшилась на 12,4 %, органов дыхания – на 17,3 %, несчастных

¹¹⁹⁵ Демографический ежегодник России: стат. сб. М., 1999. С. 100.

¹¹⁹⁶ Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 14. 1981–1984. С. 201–211, 364–370.

¹¹⁹⁷ Народное хозяйство РСФСР в 1985 году: стат. ежегодн. М., 1986. С. 285.

случаев, отравлений и травм – на 7,9 %, сократилась скорость ее роста в классе болезней системы кровообращения¹¹⁹⁸. С 1984 г. рост смертности возобновился вновь.

Таблица 3.2.22

Смертность по различным причинам среди городского населения Западной Сибири и РСФСР в целом в 1984–1989 гг. (на 100 тыс. чел.)*

Причина смерти	Западная Сибирь			РСФСР		
	1984	1987	1989	1984	1987	1989
От инфекцион. и паразитар. болезней	22,7	14,3	13,5	16,1	11,9	11,2
От новообразований	154,9	156,3	167,0	178,7	183,5	193,3
От болезней системы кровообращения	487,2	436,0	440,7	563,1	545,1	551,3
От болезней органов дыхания	63,3	44,4	42,5	61,0	44,9	44,5
От болезней органов пищеварения	28,5	25,0	25,3	30,8	26,7	27,2
От несчастных случаев, отравлений и травм	173,2	103,7	133,9	139,4	90,2	115,6

* Составлено по: Численность, состав и движение населения в РСФСР. М., 1986. (ДСП) С. 130, 136. Численность, состав и движение населения в РСФСР. М., 1990. С. 184, 190–191; Естественное движение населения в РСФСР. М., 1988. С. 273, 279.

Рассмотрим влияние антиалкогольной кампании на динамику ожидаемой продолжительности жизни. Чтобы проанализировать ее реальный эффект, проанализируем период с 1984 по 1987 г. (см. табл. 3.2.22). В городах Западной Сибири за это время на 40,1 % снизилась смертность от несчастных случаев, отравлений и травм (в РСФСР – на 35,3 %). В Тюменской области в расчете на 100 тыс. чел. она сократилась почти в два (!) раза. Снижение по этой категории в Кузбассе составило 41,7 %, в Алтайском крае – 34,4 %, Новосибирской области – 32,1 %, Омской – 38,5 %, Томской – 38,9 %.

К примеру, в Томской области с 1984 по 1987 г. потребление спиртных напитков в расчете на одного человека уменьшилось с 9,1 л до 1,2 л¹¹⁹⁹. В этот период 19 заводских общежитий были объявлены «зонами трезвости». Реализация фруктовых соков за шесть месяцев 1986 г. возросла на 126,0 %, мороженого — на 116,0 %, безалкогольных напитков — на 103,0 %. В рамках антиалкогольной кампании на некоторых заводах открылись новые безалкогольные производства. Например, на гормолзаводе увеличили производство мороженого¹²⁰⁰. Только в 1986 г. количество прогулов снизилось на 36,0 %, потери рабочего времени – на 50,0 %. Значительно уменьшился уровень преступности по линии уголовного розыска (с 9 168 до 6 540 случаев), количество насильственных смертей в области снизилось с 1 658 до 1 068 или на 35,6 %.

Сильно снизилась смертность от инфекционных и паразитарных болезней. Так, в Новосибирской области за один год антиалкогольной кампании смертность от туберкулеза (для всего населения) сократилась с 15,1 случаев на 100 тыс. чел. в 1985 до 11,7 в 1986 г. или сразу

¹¹⁹⁸ Численность, состав и движение населения в РСФСР: стат. сб. М., 1986. (ДСП) С. 136.

¹¹⁹⁹ Сокращение в цифрах. Реализация винно-водочных изделий в Томской области (в литрах) // Красное знамя. 1988. 6 мар.

¹²⁰⁰ Корнев В. Новое в старых стенах // Красное знамя. 1986. 7 дек.

на 23,2 %¹²⁰¹. В Томской области за тот же период – на треть¹²⁰². Всего за 1984–1987 гг. в западносибирских городских поселениях снижение по этой категории составило 37,0 %, в том числе в Омской области – 17,1 %, Томской – 30,6 %, Кемеровской – 33,3 %, но больше всего в Новосибирской (на 37,7 %), Тюменской (на 45,7 %) областях и Алтайском крае (на 45,1 %)¹²⁰³.

За 1984–1987 гг. смертность от болезней системы кровообращения сократилась в городах и пгт Западной Сибири на 10,5 %, в том числе в Тюменской области на 6,1 %, Кузбассе на 7,9 %. Большое снижение отмечено в Томской (на 9,4 %), Омской (на 9,7 %), Новосибирской (на 11,4 %) областях и Алтайском крае (на 10,0 %). В середине 1980-х гг. наметился перелом в тенденции смертности от болезней органов дыхания. В активной фазе антиалкогольной кампании в западносибирских городских поселениях уменьшение показателей по этой категории достигло 30,0 %. Сокращение по отдельным регионам составило: Тюменской области – 42,3 %, Новосибирской области и Кузбассу – 30,0 %, Томской области – 27,6 %, Алтайскому краю – 20,3 %, Омской области – 16,0 %¹²⁰⁴.

На 12,3 % уменьшилась смертность от болезней органов пищеварения. В большинстве регионов снижение по этому классу составило 9,0–11,0 %, в Тюменской области – 21,4 %. Новообразования стали единственной категорией, которая не среагировала на антиалкогольную кампанию. Хотя некоторые исследования доказывают наличие определенной связи между пьянством и возникновением раковых опухолей. Возможно, сокращение потребления винно-водочных изделий имело отложенный положительный эффект.

Начиная с 1988 г., судя по общереспубликанским данным и материалам Новосибирской области, средняя продолжительность жизни вновь стала снижаться. Объясняется это очередным ростом продаж винно-водочных изделий. Так, если в 1985 г. в РСФСР было продано в расчете на душу населения 8,8 л алкогольной продукции, в 1986 г. – 5,2, в 1987 г. – 3,9, то в 1988 г. – 4,4, а в 1989 г. – уже 5,2 л¹²⁰⁵. Из данных таблицы видно, что последствия этого проявились сразу же – и в РСФСР и в Новосибирской области произошло снижение средней продолжительности жизни. Особенно возросла смертность от несчастных случаев, отравлений и травм¹²⁰⁶.

В ходе изучения возрастных коэффициентов за 1978/1979–1988/1989 гг. выявлено, что они снизились во всех пятилетних группах, за исключением лиц старше 70 лет. Самое большое

¹²⁰¹ Естественное движение населения и миграция в Новосибирской области в 1985 г.: стат. сб. Новосибирск, 1986. (ДСП) С. 24; Естественное движение населения и миграция в Новосибирской области в 1986 г.: стат. сб. Новосибирск, 1987. (ДСП) С. 24.

¹²⁰² Естественное движение населения за 1985 г.: стат. сб. Томск, 1986. (ДСП) С. 48; Естественное движение населения за 1986 г.: стат. сб. Томск, 1987. (ДСП) С. 48.

¹²⁰³ Подсчитано по: Численность, состав и движение населения в РСФСР. М., 1986. (ДСП). С. 136; Естественное движение населения в РСФСР. М., 1988. (ДСП). С. 279.

¹²⁰⁴ Там же.

¹²⁰⁵ Народное хозяйство РСФСР в 1989 г.: стат. ежегодн. М., 1990. С. 188.

¹²⁰⁶ Численность, состав и движение населения в РСФСР: стат. сб. М., 1990. С. 184, 190–191.

сокращение зафиксировано в когортах до 54 лет. Если уменьшение смертности у детей и подростков можно объяснить успехами здравоохранения, то ее снижение в активных трудоспособных возрастах произошло, главным образом, благодаря антиалкогольной кампании.

Из-за роста в изучаемый период подросткового алкоголизма произошло значительное падение мужской смертности в когорте 15–19 лет (табл. 3.2.23). Приобщение к спиртному происходило преимущественно в семье, поэтому по мере распространения пьянства в обществе повышался алкоголизм подростков. Анонимное исследование указывает на значительный рост подросткового алкоголизма. Если среди учеников девятых – десятых классов в 1965 г. эпизодически употребляли алкогольные напитки 68,0 % мальчиков, то спустя 15 лет, в 1980 г., – уже 90,0 %¹²⁰⁷. В отличие от взрослых, которые вначале выпивали в небольших количествах, подростки, как правило, пили много и без закуски, что вызывало быстрое опьянение.

Таблица 3.2.23

Динамика возрастных коэффициентов смертности городского населения Западной Сибири (всего, мужского и женского) в 1978/1979–1988/1989 гг., в ‰*

Возраст, лету	1978/1979			1988/1989			Разница, в ‰		
	Муж.	Жен.	Оба пола	Муж.	Жен.	Оба пола	Муж.	Жен.	Оба пола
0–4	7,0	5,1	6,1	4,7	3,4	4,1	–32,2	–33,4	–32,7
5–9	0,8	0,5	0,6	0,6	0,4	0,5	–17,9	–22,4	–19,7
10–14	0,7	0,3	0,5	0,6	0,3	0,4	–17,4	–21,4	–18,8
15–19	1,8	0,6	1,2	1,3	0,6	0,9	–29,1	–11,3	–23,7
20–24	3,1	0,8	1,9	2,4	0,6	1,5	–22,0	–24,4	–22,1
25–29	4,4	1,1	2,8	3,1	0,8	2,0	–30,0	–29,3	–29,9
30–34	5,6	1,6	3,6	3,7	1,0	2,4	–33,6	–35,7	–34,2
35–39	7,8	2,3	5,0	4,8	1,5	3,2	–37,6	–35,6	–37,0
40–44	9,5	3,0	6,2	6,7	2,2	4,4	–29,9	–25,7	–28,5
45–49	13,5	5,0	9,1	10,5	3,5	6,9	–22,6	–30,6	–24,9
50–54	17,6	7,0	11,6	14,5	5,3	9,7	–17,5	–24,0	–17,0
55–59	24,2	10,4	15,3	22,2	9,0	14,9	–8,5	–13,2	–2,7
60–64	35,1	16,0	22,7	31,4	14,5	21,1	–10,5	–9,3	–7,0
65–69	48,8	24,2	32,2	46,9	23,7	30,9	–3,9	–1,9	–4,0
70 и ст.	101,1	71,6	79,0	99,5	74,9	81,1	–1,7	+4,5	+2,6

* Подсчитано по: ГААК. ФР.–718. Оп. 43. Д. 147. Л. 59–59об; Д. 153. Л. 33–33об; Текущий архив Управления Федеральной службы государственной статистики по Алтайскому краю и Республике Алтай. Число умерших по пятилетним возрастным группам. Л. 1; Основные показатели демографических процессов Кузбасса. Кемерово, 1990. (ДСП) С. 59–60; Текущий архив Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Кемеровской области. Распределение умерших по возрасту в 1988 г. Л. 1; ГАНО. ФР.–11. Оп. 5. Д. 8574-А. Л. 48–48об; Д. 5452. Л. 7–7об; Текущий архив Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Новосибирской области. Численность постоянного населения по полу и возрасту на начало года (1979–1989 гг.); Динамические ряды № 1. Сведения об умерших по полу и возрасту. Л. 77–92; ИАОО. ФР.–2122. Оп. 3. Д. 2443. Л. 19–22; Д. 3052. Л. 15–18; Текущий архив Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Томской области. Распределение умерших по возрастным группам и полу. Л. 2; ГАТюм.О. ФР.–1112. Оп. 2. Д. 2539. Л. 26–28; Д. 2968. Л. 15–17; РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 69. Д. 105. Л. 5–8; Д. 108. Л. 181–184; Д. 110. Л. 5–8, 53–56; Д. 111. Л. 73–76, 113–116.

¹²⁰⁷ Заиграев Г.Г. Борьба с алкоголизмом: проблемы, пути решения. С. 110.

Анализ дифференциации средней продолжительности жизни по полу за межпереписной период показал, что в городских поселениях Западной Сибири она сократилась более чем на один год – с 10,83 в 1978/1979 гг. до 9,59 лет в 1988/1989 гг. (в РСФСР с 10,71 лет до 9,74 года в 1989 г.) Судя по данным, представленным в табл. 3.2.24, гендерные различия в возрастных коэффициентах продолжали оставаться высокими. Это говорит о том, что сокращение смертности в той или иной степени затронуло как мужчин, так и женщин. При этом средняя продолжительность жизни последних увеличилась меньше¹²⁰⁸.

Длительность жизни в городских поселениях Западной Сибири оставалась ниже, чем в РСФСР, но дифференциация между ними значительно сократилась. Если в 1978/1979 гг. она составляла 1,03 года, то в 1988/1989 гг. – с учетом неполной сопоставимости показателей, приблизительно 0,4 года. Смертность как мужчин, так и женщин в западносибирских регионах снизилась сильнее, чем в республике в целом. Статистические данные, представленные Госкомитетом Российской Федерации по статистике, подтверждают наши выкладки. Его сотрудниками производятся расчеты и публикуются, начиная с 1990 г., сведения о средней продолжительности жизни не только в общереспубликанском, но и региональном разрезе. И действительно, к 1989–1990 гг. разница в этом показателе между городскими поселениями РСФСР и Западной Сибири уменьшилась до 0,37 лет (табл. 3.2.25).

Таблица 3.2.24

Возрастные коэффициенты смертности мужского и женского населения в 1978/1979–1988/1989 гг., в ‰*

Возраст, лет	1978/1979			1988/1989		
	Мужчины	Женщины	Разница, в ‰	Мужчины	Женщины	Разница, в ‰
0–4	7,0	5,1	+36,2	4,7	3,4	+38,8
5–9	0,8	0,5	+64,6	0,6	0,4	+74,1
10–14	0,7	0,3	+112,8	0,6	0,3	+123,8
15–19	1,8	0,6	+185,5	1,3	0,6	+128,4
20–24	3,1	0,8	+291,4	2,4	0,6	+304,1
25–29	4,4	1,1	+299,8	3,1	0,8	+296,1
30–34	5,6	1,6	+259,4	3,7	1,0	+271,3
35–39	7,8	2,3	+235,7	4,8	1,5	+225,4
40–44	9,5	3,0	+214,3	6,7	2,2	+196,7
45–49	13,5	5,0	+168,4	10,5	3,5	+199,2
50–54	17,6	7,0	+150,5	14,5	5,3	+171,8
55–59	24,2	10,4	+133,8	22,2	9,0	+146,4
60–64	35,1	16,0	+119,4	31,4	14,5	+116,6
65–69	48,8	24,2	+101,6	46,9	23,7	+97,5
70 и ст.	101,1	71,6	+41,2	99,5	74,9	+32,8

* Таблица рассчитана по тем же данным, что и табл. 3.2.23.

Вообще масштаб сокращения смертности среди женщин и детей наводит на мысль о том, что потребление спиртных напитков имело многоаспектные последствия. Высокие дозы потребления винно-водочных изделий влияли не только на здоровье, но косвенно деструктивно

¹²⁰⁸ Демографический ежегодник России: стат. сб. М., 2000. С. 105.

воздействовали на морально-психологический климат в обществе, в том числе на самочувствие детей. Например, в РСФСР во второй половине 1980-х гг. ускорились темпы снижения детской смертности в возрасте до 1 года – с 20,7 ‰ в 1985 г. до 17,8 ‰ в 1989 г. (для всего населения)¹²⁰⁹. Уменьшение произошло по большинству причин смерти. Скорее всего, это связано с тем, что алкоголизм матерей нередко вызывал преждевременные роды, которые могли привести к гибели младенцев.

Конечно, нельзя отрицать положительного влияния достижений отечественного здравоохранения, однако следует отметить, что до этого момента, в 1970-е гг. сокращение детской смертности замедлилось (23,0 ‰ в 1970 г. и 22,1 ‰ в 1980 г.). В России за 1984–1987 гг. на 15,5 % снизилось количество преступлений, хотя раньше последовательно росло¹²¹⁰. Сильно сократилось число убийств и суицидов. Например, если в 1984 г. в расчете на 100 тыс. чел. было отмечено 11,5 случаев убийств и 37,9 самоубийств, то в 1987 г. – 7,8 и 23,2. На треть уменьшилось количество лиц, поступающих в медвытрезвители¹²¹¹. Позже эти показатели вновь стали расти¹²¹².

Таблица 3.2.25

Средняя продолжительность жизни городского населения РСФСР и Западной Сибири в 1978/1979–1989/1989 гг., лет*

Годы	РСФСР			Западная Сибирь		
	<i>Всего</i>	Муж.	Жен.	<i>Всего</i>	Муж.	Жен.
1978/1979	68,17	62,46	73,17	67,14	61,47	72,30
1988/1989**	69,89	64,75	74,49	69,63	64,60	74,19
1989–1990***	69,73	64,56	74,41	69,36	64,16	74,21

* Таблица рассчитана по тем же данным, что и табл. 3.2.23.

** По РСФСР за 1989 г.

*** Демографический ежегодник России: стат. сб. М., 1995. С. 90.

Средняя продолжительность жизни повысилась повсеместно. Впечатляющий рост продемонстрировала Тюменская область, где она увеличилась сразу на 4,60 года, в том числе у мужчин – на 5,79 года. Это произошло в результате взаимодействия нескольких факторов. Наряду со снижением продаж алкогольной продукции, продолжали улучшаться продовольственное и жилищное обеспечение населения, качество и благоустройство домов, сократилось отставание в развитии социальной сферы. В других регионах длительность жизни выросла намного меньше: в Алтайском крае – на 2,46 лет, Новосибирской области – на 2,21, Омской – 1,97, Томской – 1,85 года, в Кузбассе – на 1,95 лет.

Таким образом, сокращение смертности в Западной Сибири оказалось выше, чем по РСФСР в целом. Антиалкогольная кампания и другие государственные меры в Западной

¹²⁰⁹ Демографический ежегодник России: стат. сб. М., 2001. С. 55.

¹²¹⁰ Преступность и правонарушения. 1991: стат. сб. М., 1992. С. 12.

¹²¹¹ Правда. 1987. 2 июня.

¹²¹² Российская Федерация в 1992 году: стат. ежегодн. М., 1993. С. 119.

Сибири возымели большой эффект. Как уже говорилось выше, в восточных районах страны существовала определенная специфика потребления алкогольной продукции. Дело в том, хозяйственное освоение малозаселенных территорий происходило первоначально силами рабочих строительства и промышленности, у которых уровень образования был ниже, качество и количество потребляемых спиртных напитков были иными, и только затем отраслями обслуживания (социальная, образовательная, культурная, научная сферы).

В структуре потребляемого алкоголя преобладали крепкие виды. Теплый климат уменьшал опасность алкогольного отравления, тогда как холод значительно повышал его. В результате снижение среднегодовой температуры на пять градусов в 10 раз увеличивало опасное воздействие водки на человеческий организм. Все вышесказанное объясняет то, что снижение потребления спиртных напитков оказало более сильное положительное воздействие на здоровье сибирского населения.

В ходе исследования выявлено, что динамика смертности, как и рождаемости, зависела от внешних факторов. Ее сокращение в XX столетии происходило повсеместно благодаря социально-экономическому прогрессу, повышению материальной, жилищной обеспеченности, образованности населения, возникновению и распространению здравоохранения. В XIX в. длительность жизни была низкой из-за воздействия условий, с которыми люди научились бороться только со временем, по мере роста научно-технического прогресса. К ним, прежде всего, относились голод и эпидемии, которые возникали с высокой периодичностью и оказывали негативное влияние на здоровье людей, особенно детей.

Развитие медицинских знаний и становление здравоохранения стали препятствовать распространению болезней, оказав серьезное воздействие на уровень смертности. Вместе с тем только этого было недостаточно для значительного повышения длительности жизни, так как продолжали действовать другие негативные факторы, такие как недоедание, недостаточная жилищная обеспеченность и благоустройство, дефицит обуви и одежды, длительный и напряженный рабочий день, как среди мужчин, так и среди женщин и даже детей. Возможности борьбы с ними возросли в ходе научно-технического прогресса и экономического роста, когда повысились урожайность зерновых культур, производство продовольствия, товарный обмен между государствами и регионами.

Появилась промышленность, ориентированная на массовый выпуск недорогой обуви и одежды. Возросла прочность жилых домов и их способность противостоять природным катаклизмам – пожарам, наводнениям, землетрясениям. Неблагоприятное воздействие климата, перепадов температуры, осадков, отходов жизнедеятельности человека преодолевалось с помощью развития коммунальных хозяйств, благодаря которым в домах появились канализация, свет, отопление, чистая вода. Возникли специальные службы, отвечающие,

например, за пожарную безопасность, охрану правопорядка. Благодаря формированию сети учебных учреждений и распространению бесплатного образования, выросли грамотность и культурный уровень населения, соответственно, получили широкое распространение знания о факторах смертности, увеличилась доля профессий преимущественно умственного труда с меньшей опасностью для жизни.

Положительные общественные изменения нивелировались под влиянием социальной нестабильности, под которой в контексте нашего исследования понимались события, подрывающие здоровье человека. К ним, прежде всего, относились революции и изменение социально-экономического строя. Наиболее болезненно в революционный период проходил процесс смены форм собственности, который отражался почти на каждом трудоспособном человеке и его семье, часто сопровождался потерей источника средств существования. Возникновение внутреннего гражданского конфликта приводило к падению уровня жизни, политическим репрессиям. Слом старых государственных институтов и становление новых ввергали страну в состояние почти полной анархии и правового нигилизма, жизнь человека обесценивалась. Нарушался порядок работы коммунальных служб, систем здравоохранения и образования, органов правопорядка, которые не справлялись со своими задачами.

Настоящим бедствием являлись войны, которые в XX столетии приобрели особенно ожесточенный характер из-за новых средств поражения и массовой гибели гражданского населения. В ходе таких конфликтов кроме падения уровня жизни, прекращения работы предприятий, распространения эпидемий и голода множество людей гибло на фронте, в лагерях, в вынужденных миграциях. В ходе военных и социальных катаклизмов социальное и экономическое развитие отбрасывались назад на многие годы, если не десятилетия, на восстановление докризисного уровня уходило много времени и ресурсов общества.

Именно поэтому во второй половине XX столетия (за исключением последнего десятилетия), когда социальные катаклизмы остались позади, произошел качественный скачок средней продолжительности жизни. Данный процесс совпал по времени с распространением новых медицинских знаний и лекарств, увеличением численности и кадрового состава учреждений здравоохранения, расширением социальных обязательств государства (например, пенсионного обеспечения). Послевоенный социально-экономический подъем в стране вызвал новое повышение материального благосостояния населения, интенсивное жилищное строительство, увеличилась розничная торговая сеть, выросло потребление продуктов питания. В стране и в Западной Сибири в середине 1960-х гг. подошел к концу первый эпидемиологический переход, структура причин смертности кардинально изменилась, а средняя продолжительность жизни подошла вплотную к 70 годам.

Структура факторов смертности тоже трансформировалась, точнее сказать ослабилось или прекратилось действие прежних (голод, социальная нестабильность и эпидемии), но новый (второй) эпидемиологический переход мог оттолкнуться только от созданной раньше основы. Возобновление действия старых факторов вновь в худшую сторону изменило бы структуру причин смерти. Итак, как уже говорилось, для достижения нового порога длительности жизни были необходимы действия, направленные на преодоление вредных привычек и прежнего, часто безразличного отношения к своему здоровью. Однако на новые факторы в силу многих причин, в том числе недостаточной изученности и слабого понимания последствий, долгое время не обращали должного внимания.

В ходе реализации целей социальной политики государства и улучшения продовольственного обеспечения населения, наоборот, значительно повысились продажи населению винно-водочных изделий и табачной продукции. Ухудшились экологическая ситуация в стране, состояние водных источников и атмосферного воздуха. Повышение уровня образования населения, его реальных доходов, жилищной обеспеченности не смогли обеспечить серьезного увеличения продолжительности жизни.

В западносибирских городах, кроме общих, действовали специфические, местные факторы, которые усугубляли положение. В социально-классовой структуре общества преобладали рабочие травмоопасных профессий (строительство, сырьевые отрасли промышленности). Уровень образования был несколько ниже, чем в республике в целом. Несмотря на быстрый рост учреждений здравоохранения, для восточных районов, из-за их пространственных особенностей, он был недостаточным. Из-за особенностей исторического развития в социальной структуре сибирских регионов высокую долю занимали некогда осужденные лица, ссыльные, каторжники, для которых ценность своего и чужого здоровья была невысока.

Начало добычи нефти и газа на тюменском севере неблагоприятно отразилось на Западной Сибири в целом, в том числе ее городах. Формирование промышленности происходило в неосвоенных районах, где отсутствовали элементарные жизненные удобства, не было благоустроенного жилья, развитой системы здравоохранения, коммунальных служб, торговли предметами первой необходимости, что сильно отразилось на продолжительности жизни. Люди, даже с учетом молодой возрастной структуры, чаще умирали от внешних причин, особенно несчастных случаев, отравлений, травм.

Значительно повышало смертность потребление алкогольной продукции, которое в Западной Сибири относилось к выраженному «северному» типу. Из-за высокой доли крепких напитков (с учетом климата) отрицательные последствия пьянства были более выраженными. Антиалкогольная кампания, которая носила в основном принудительный характер, не смогла

изменить ситуацию в корне, хотя длительность жизни временно повысилась. Из-за строительства предприятий и роста промышленных и транспортных отходов ухудшилось экологическое положение. Этот фактор приобрел особенное значение в пограничных с Казахской ССР регионах. Необходимость же собственного активного участия в сохранении здоровья еще недостаточно осознавалась в обществе.

В результате страна на протяжении всего исследуемого периода оставалась в финальной фазе первого эпидемиологического перехода. Если в ведущих индустриальных странах велась борьба с алкоголизмом и табакокурением, распространялся здоровый образ жизни, выросли расходы на экологию и здравоохранение, то Советский Союз и его республики продолжали находиться только в начале этого пути. Средняя продолжительность жизни в России и Западной Сибири почти не увеличилась. Общий коэффициент смертности повышался около 15 лет, начиная с середины 1960-х гг. и вплоть до начала 1980-х гг., после чего немного снизился в начале и в середине 1980-х гг. В конечном итоге влияние смертности на естественный прирост и, соответственно, динамику численности городских жителей в изучаемый период оказалось низким.

3.3. Естественный прирост

После изучения тенденций рождаемости и смертности переходим к анализу естественного прироста, который является разницей между числом рождений и числом смертей. На первых этапах демографического перехода естественный прирост зависел от рождаемости гораздо меньше, так как он начинался со снижения смертности¹²¹³. В целом по России тенденция увеличения естественного прироста обнаружилась еще во второй половине XIX в. Его уровень в европейской части страны к концу столетия достиг 16,0–17,0 ‰. Намечившееся дальнейшее повышение было прервано Первой мировой и гражданскими войнами. В 1920–1930-е гг. были достигнуты самые высокие за всю историю СССР коэффициенты естественного прироста – свыше 20,0 ‰ в отдельные некризисные годы. После Великой Отечественной войны он установился на довольно высоком уровне и в 1950-е гг. варьировал в пределах 16,0–18,0 ‰¹²¹⁴.

В городских поселениях РСФСР естественный прирост в это время тоже был достаточно большим: в 1950 г. – 16,4 ‰, в 1955 г. – 15,8 ‰, в 1958 г. – 14,6 ‰¹²¹⁵. В городах и пгт Западной Сибири его размеры были значительно больше. Так, если в 1950 г. он составлял 19,9 ‰, в 1955 г. – 19,0 ‰, то к 1958 г. снизился до 18,3 ‰. Такие показатели у демографов считаются высокими.

---

¹²¹³ Вишневский А.Г. Демографическая революция. М., 1976.

¹²¹⁴ Воспроизводство населения СССР. С. 251.

¹²¹⁵ Численность, состав и движение населения СССР в 1972 году: стат. сб. М., 1973. (ДСП). С. 131.

По данным В.А. Зверева, у населения, характеризующегося естественным приростом свыше 20,0 ‰, можно констатировать наличие «демографического взрыва»¹²¹⁶.

В 1960-е гг. произошло существенное снижение рождаемости, одновременно начала медленно повышаться смертность. Естественный прирост стал быстро сокращаться. Так, если в городах республики в 1959 г. он составлял 13,7 ‰, то в 1970 г. – 6,8 ‰. В результате на рубеже 1950–1960-х гг. закончился период быстрого увеличения численности населения. Дело в том, что значительное повышение естественного прироста в предшествующий период являлось следствием более позднего в сравнении со смертностью сокращения рождаемости. После определенного времени скорость ее снижения начинает опережать темпы сокращения смертности. Это приводит к тому, что естественный прирост начинает уменьшаться.

В Западной Сибири, в том числе в ее городских поселениях, размеры общего коэффициента естественного прироста на всем протяжении изучаемого периода были выше, чем в республике. Это связано, прежде всего, с более высокими коэффициентами рождаемости, которые на поздних этапах демографического перехода оказывали на естественный прирост основное влияние. В результате изменения в динамике естественного прироста, как в РСФСР, так и Западной Сибири происходили в основном вследствие перемен в общем коэффициенте рождаемости. Так, в 1959 г. последний составлял 23,9 ‰, естественный прирост – 17,0 ‰, в 1967 г. – соответственно 14,2 и 7,4 ‰. Подъем коэффициентов рождаемости с 1968 г., продолжавшийся до 1977 г. привел к увеличению и естественного прироста (17,5 и 8,8 ‰)¹²¹⁷.

При этом на естественный прирост оказывала влияние и смертность населения, хотя и гораздо меньшее. Именно поэтому корреляция между естественным приростом и рождаемостью не являлась полной. Так, если за 1959–1970 гг. общий коэффициент рождаемости в городских поселениях Западной Сибири сократился на 36,1 %, то естественный прирост более чем на половину (на 54,5 %). Это произошло из-за того, что коэффициенты смертности увеличились почти на 10,0 %. В следующий межпереписной период (1970–1979 гг.) естественный прирост остался практически на прежнем уровне (7,7 и 7,8 ‰), хотя коэффициенты рождаемости увеличилась на 12,5 %. Дело в том, что коэффициенты смертности за это же время возросли на четверть¹²¹⁸. Однако такая закономерность прослеживалась не всегда. В 1980-е гг. при сокращении коэффициентов рождаемости за 1979–1989 гг. на 14,5 %, естественный прирост уменьшился на четверть, хотя коэффициенты смертности тоже немного

¹²¹⁶ Зверев В.А. Первая фаза демографического перехода на пространстве Азиатской России: «старожильческая» и «переселенческая» модели // Демографическое пространство Азии: история, современность, гипотезы будущего: сб. мат.-лов междунар. науч. конф. Новосибирск, 2011. С. 92–100.

¹²¹⁷ Численность, естественное движение и миграция населения РСФСР в 1979 году: стат. сб. М., 1980. (ДСП). С. 103.

¹²¹⁸ Там же. С. 91.

снизились¹²¹⁹. Это, видимо, связано с одновременными изменениями в возрастной структуре населения.

Основным недостатком общего коэффициента естественного прироста является его зависимость от возрастной структуры и, следовательно, неспособность ответить на вопрос, как происходит воспроизводство населения, под которым подразумевается постоянное возобновление поколений людей в результате взаимодействия рождаемости и смертности. Дело в том, что естественный прирост длительное время может оставаться положительным даже при начинавшейся депопуляции за счет структурно-возрастных факторов, то есть преобладания в населении лиц в репродуктивном возрасте. Возможна и другая ситуация, характерная для некоторых малых городов, когда их население из-за миграции и отрицательного естественного прироста убывает, а суммарный коэффициент рождаемости высокий. В связи с этим необходимо использовать показатель, который не зависит от возрастного состава населения.

Брутто-коэффициент характеризует не современную ситуацию, а демографическое положение, которое может сложиться в будущем при сохранении текущего режима воспроизводства и репродуктивного поведения населения. Он, по существу, является методом оценки перспективных тенденций. Известно, что брутто-коэффициент воспроизводства последовательно снижался на протяжении всего XX столетия¹²²⁰. Не стал исключением и рассматриваемый в диссертационной работе период. В результате резкого сокращения детской смертности в 1950-е гг. и повышения ожидаемой продолжительности жизни вероятность дожития женщин до конца репродуктивного возраста увеличилась до 90,0 % и выше. Согласно логике демографического перехода это должно было привести к падению рождаемости, повышению его «экономичности» и, следовательно, к уменьшению показателей воспроизводства.

На рубеже 1950–1960-х гг. западносибирское городское население еще воспроизводило себя, брутто-коэффициент составил 1,156 девочек на одну женщину. При этом размеры естественного прироста были велики, в пределах 17,0 ‰. В РСФСР в целом он уже опустился до уровня простого воспроизводства – 1,004¹²²¹. И это при том, что естественный прирост тоже оставался на достаточно высоком уровне. У всего населения Западной Сибири брутто-коэффициент обеспечивал расширенное воспроизводство – 1,496, так же как и в республике – 1,277. Однако уже в 1960-е гг. перспектива перехода к суженному воспроизводству становилась все более очевидной¹²²².

¹²¹⁹ Подсчитано по: Численность, состав и движение населения в РСФСР: стат. сб. М., 1990. С. 101, 107.

¹²²⁰ См., например: Воспроизводство населения СССР. С. 273.

¹²²¹ Естественное и механическое движение населения РСФСР: стат. сб. М., 1967. (ДСП). С. 38

¹²²² Демографическая модернизация России, 1900–2000. С. 477.

Спустя 11 лет, к 1970 г. после существенного падения рождаемости, вызванного комплексом факторов, брутто-коэффициент городского населения России снизился до 0,846 девочек на одну женщину. Одновременно с этим к суженному воспроизводству перешло все население республики (0,973)¹²²³. В городских поселениях Западной Сибири он снизился почти до таких же величин – 0,849, а у всего населения до 0,982. Это говорит о том, что спустя поколение, а это примерно 25 лет (одновременно средний возраст рождения первого ребенка), количество женщин потенциально будет меньше. Иначе говоря, одну тысячу западносибирских горожанок через четверть века заместят только 849. Подобное положение сохранилось до конца 1970-х гг., когда коэффициенты воспроизводства населения в городских поселениях немного увеличились (до 0,857), хотя во всем населении Западной Сибири несколько снизились (0,968).

В результате активной демографической и социальной политики государства, высоких общественных ожиданий от перестройки в 1980-е гг. произошел рост рождаемости в стране и республике. В РСФСР все население впервые за долгое время перешло от суженого к простому воспроизводству. Брутто-коэффициент вырос с 0,824 в 1978/1979 гг. до 1,070 в 1986/1987 гг. и держался на этом уровне в течение двух лет. У городского населения республики он остался ниже единицы и максимального значения достиг в 1987 г. – 0,963¹²²⁴. По Западной Сибири мы располагаем данными только за годы переписей. В 1988/1989 гг. в городских поселениях он составил 0,933, у всего населения был достигнут уровень простого воспроизводства – 1,021, после чего брутто-коэффициент стал стремительно падать.

Таким образом, можно констатировать, что в Западной Сибири, так же как и в республике в целом со второй половины 1960-х гг. установился режим суженого воспроизводства населения. Причем показатели в Западной Сибири и РСФСР еще больше сблизились. Естественный прирост оставался положительным, благодаря накопленному на предыдущих этапах демографического перехода потенциалу и молодой возрастной структуре населения. Несмотря на мероприятия, проводимые государственными органами власти, преодолеть сложившееся положение не удалось. В перспективе, даже при отсутствии реформ постсоветского периода, которые тем не менее значительно усугубили демографическую ситуацию, это негативно отразилось бы на естественном приросте, а, следовательно, на численности российского и западносибирского городского населения. Далее рассмотрим механическое движение населения, которое оказывало на него гораздо большее действие.

---

¹²²³ Естественное и механическое движение населения РСФСР в 1973 году: стат. сб. М., 1974. (ДСП). С. 88.

¹²²⁴ Естественное движение населения в РСФСР. М., 1988. (ДСП). С. 212; Население СССР. 1988: стат. ежегодн. М., 1989. С. 114.

ГЛАВА 4.

МЕХАНИЧЕСКОЕ ДВИЖЕНИЕ ГОРОДСКОГО НАСЕЛЕНИЯ

4.1. Динамика механического движения населения в западносибирских городах

В хозяйственном освоении восточных районов страны миграция играла особую роль. Ускоренное индустриальное развитие сибирских территорий и преобладание экстенсивных методов развития экономики приводили к тому, что предприятия, составлявшие экономическую основу функционирования городов, испытывали хронический дефицит рабочей силы, который было сложно ликвидировать только за счет собственного городского населения¹²²⁵. Форсированная индустриализация и активное промышленное строительство в 1930-е гг., сопровождавшиеся грандиозными преобразованиями в деревне, привели к заметному росту миграций и стимулировали приток сельского населения в города.

В целом ряде городов за счет сооружения новых предприятий и притока населения извне произошел значительный прирост численности населения. Существенно увеличилось количество жителей как крупнейших городов Западной Сибири – Новосибирска, Омска, Барнаула, Томска, так и средних и малых. Становление промышленности экономического района в этот период во многом зависело от возведения многочисленных индустриальных объектов Урало-Кузнецкого комбината. Именно поэтому особенно высоким оказался миграционный прирост в Кузбассе, в том числе в Кемерово, Новокузнецке, Прокопьевске, Ленинск-Кузнецком, Анжеро-Судженске и других.

В годы войны содержание миграционных процессов коренным образом изменилось. Решающую роль в них стали играть не экономические, а социальные факторы¹²²⁶. С одной стороны, в действующую армию были мобилизованы миллионы мужчин, с другой – из прифронтовых районов в противоположную сторону двинулись огромные контингенты эвакуированных. Подверглись сильной деформации не только количественные, но и структурные характеристики пространственных перемещений населения. Число прибывших в города Сибири, особенно в западную ее часть, в первые годы войны резко увеличилось¹²²⁷. Также ее городское население до некоторой степени пополнилось за счет депортированных¹²²⁸. В этот период была создана прочная основа для последующего промышленного развития Западной Сибири, прежде всего, крупных городов и административных центров, так как,

---

¹²²⁵ Исупов В.А. Городское население Сибири: от катастрофы к возрождению (конец 30-х – конец 50-х гг.). С. 195.

¹²²⁶ Алексеев В.В., Исупов В.А. Население Сибири в годы Великой Отечественной войны. С. 139.

¹²²⁷ Там же. С. 140–142.

¹²²⁸ Бикметов Р.С. Трудопоселенцы и советские немцы: влияние на социально-классовую и национальную структуру Кузбасса // Актуальные проблемы новейшей отечественной истории: сб. науч. тр. Кемерово, 2007. С. 12–23; Историческая энциклопедия Кузбасса: в 3 т. Т. 1. С. 95.

несмотря на последовавшую позднее реэвакуацию населения, большинство вывезенных предприятий осталось на месте¹²²⁹.

После завершения войны и перевода экономики на мирные рельсы характер пространственных перемещений вновь поменялся. Переселенческая активность возросла. Вместе с тем некоторое время после окончания боевых действий продолжали действовать и неэкономические факторы миграций, оказывающие влияние на рост численности городского населения: демобилизация военнослужащих, реэвакуация, возвращение домой лиц, отбывающих трудовую повинность. В условиях послевоенного восстановления народного хозяйства возвратные миграции населения играли важную роль. На рубеже 1940–1950-х гг. на передний план выходят индивидуальные трудовые перемещения населения. Индустриальное развитие Сибири вновь повлекло за собой необходимость привлечения больших трудовых ресурсов.

Поскольку в мирное время преобладали миграции, обусловленные, прежде всего, развитием производительных сил, миграционные потоки направлялись в места, где велось крупное промышленное строительство. При этом недобровольные переселения (репрессии, депортации) фактически исчезли¹²³⁰. Одновременно упало значение организованных перемещений населения, осуществляемых под контролем государственных органов (оргнабор рабочей силы)¹²³¹. Если в 1950 г. его доля в пополнении рабочего класса составляла 14,0 %, в 1962 г. – 4,0 %, а в 1967 г. – всего 2,0 %¹²³². Роль государства снизилась также в распределении выпускников учебных заведений. В то же время органы управления сохраняли ключевые рычаги в регулировании миграции с помощью политики в области размещения производства и капиталовложений, заработной платы, строительства жилья, а также пытались ограничить приток населения в крупнейшие города. Значительной их роль была в привлечении рабочей силы в осваиваемые районы на востоке страны¹²³³.

Большинство исследователей сходятся во мнении относительно основных факторов формирования миграционных потоков: неодинаковый по районам страны уровень соотношения между спросом на рабочую силу и предложением труда; различия в уровне жизни населения и природно-географических условиях¹²³⁴. При экстенсивном развитии советская экономика была ориентирована на расширение занятости, привлечение дополнительных трудовых ресурсов, что накладывало отпечаток на характер миграций. Именно поэтому географические изменения в

---

¹²²⁹ Историческая энциклопедия Сибири: в 3 т. Новосибирск, 2009. Т. 1 (А–И). С. 324.

¹²³⁰ Население России в XX веке: исторические очерки: в 3 т. Т. 3, кн. 1. 1960–1979. С. 107.

¹²³¹ Индустриальное освоение Сибири: опыт послевоенных пятилеток. 1946–1960 гг. С. 137, 140.

¹²³² Ефимкин М.М. Рабочие Сибири, конец 50-х – середина 80-х годов. С. 82.

¹²³³ Население России в XX веке: исторические очерки: в 3 т. Т. 3, кн. 1. 1960–1979. С. 107.

¹²³⁴ См., например: Миграция населения РСФСР: сб. науч. тр. М., 1973. С. 6–7.

размещении производственных мощностей вызывали соответствующее территориальное перераспределение рабочей силы.

Рассмотрим факторы, которые в течение исследуемого периода оказывали воздействие на объемы, направленность и интенсивность миграционных потоков в Западной Сибири. Одной из главных экономических задач, стоящих перед Советским Союзом, было освоение ресурсов восточных районов. В авангарде этого процесса в послевоенный период шло начавшееся в 1950-е гг. освоение целинных земель Казахстана, где была создана новая продовольственная база страны, благодаря которой была облегчена дальнейшая индустриализация восточных районов. Освоение целинных земель способствовало притоку крупных контингентов рабочей силы в сельское хозяйство Казахстана. На целину прибывало население из всех союзных республик СССР, а в целом туда переселилось 640,0 тыс. чел., причем в значительной степени заселение Казахстана осуществлялось за счет Российской Федерации, в том числе западносибирских регионов¹²³⁵.

С середины 1950-х гг. был взят курс на рационализацию размещения производительных сил. В Программах КПСС, принятых на соответствующих съездах партии, указывалось на необходимость комплексного развития районов и на важность повышения экономической роли зауральских территорий. Высокоэффективные природные ресурсы становились определяющим фактором ускоренного развития восточных территорий, освоение которых и создание на их базе мощных производственных комплексов позволяло обеспечить быстрое развитие экономики. «Учитывая наличие более дешевых энергетических ресурсов в Сибири, Казахстане и Средней Азии, размещать новые энергоемкие промышленные производства преимущественно в этих районах»¹²³⁶.

Важными долговременными факторами миграций на востоке РСФСР являлись сложные природно-климатические условия и хроническая отсталость в развитии социальной инфраструктуры, которые в свою очередь стимулировали отток населения. На стадии зрелой индустриальной экономики, когда материальные запросы населения увеличились, люди стали более чувствительными к этому фактору, его значение серьезно выросло. Суровый климат требовал дополнительных трат на питание, одежду, обувь, топливо, отдых, оказывал негативное воздействие на здоровье, интенсивность труда. Так, калорийность пищевых продуктов на севере и востоке СССР должна была быть на 15,0 % выше, чем в центральных районах¹²³⁷. По расчетам Научно-исследовательского института труда, сделанным еще в советское время,

¹²³⁵ Макарова Л.В. Миграционные процессы в СССР в послевоенный период // Демографическое развитие СССР в послевоенный период: советские доклады к французско-советскому семинару по проблемам демографии, Париж, декабрь 1984 г. М., 1984. С. 111.

¹²³⁶ История социалистической экономики СССР: в 7 т. М., 1980. Т. 7. Экономика СССР на этапе развитого социализма (1960–1970 гг.). С. 423–424.

¹²³⁷ Рыбаковский Л.Л. Региональный анализ миграций. С. 77.

затраты семьи из четырех человек в восточных районах на продовольствие должны составлять 126,0 %, на одежду и обувь – 147,0 %, оплату жилья, отопления и других бытовых услуг – 188,0 % от расходов на юге¹²³⁸.

Именно поэтому нередко, даже при одинаковых с европейскими районами страны темпах экономического роста население из сибирских районов продолжало выбывать. Оттоку населения способствовали низкие реальные доходы населения, недостаточная обеспеченность жильем, торговым и бытовым обслуживанием, качество питания¹²³⁹. Что касается состояния социально-бытовой сферы, то даже к концу 1980-х гг., несмотря на принимаемые государством меры, Сибирь по-прежнему отставала от центральных районов в решении основных социальных задач.

По оценкам ЦЭНИИ Госплана РСФСР в 1960-е гг. степень удовлетворения потребностей жителей Западной Сибири составляла 74,0 % от уровня южных европейских районов страны¹²⁴⁰. Сибирские города стали фактически «перевалочными пунктами» – люди, приезжающие из сел, получив квалификацию, уезжали на запад¹²⁴¹. На это, например, косвенно указывает наличие существенного дефицита квалифицированных кадров на промышленных предприятиях¹²⁴². К этому следует добавить огромные территории и удаленность населения от культурных и политических центров, недостаточное развитие транспортной сети.

Еще одной долговременной тенденцией исследуемых десятилетий являлось последовательное сокращение интенсивности переселенческих процессов, при некоторых колебаниях абсолютных цифровых показателей миграционного оборота. Данные текущего учета населения зафиксировали довольно большую устойчивость статистических показателей миграции. Вместе с тем ее масштабы в расчете на душу населения стабильно уменьшались. Так, если в 1955 г. по данным паспортных столов на 1000 чел. в городах Западной Сибири приходилось 222 прибытия и выбытия, в 1960 г. – 192, 1970 г. – 163, 1980 г. – 119, то в 1988 г. – только 103¹²⁴³.

Это был во многом объективный процесс, поскольку по мере роста численности и удельного веса городского населения, в особенности проживающего в крупнейших городах, должно было происходить ослабление интенсивности миграций¹²⁴⁴. Действительно, вероятность переселения жителя крупного города была, скорее всего, ниже, чем сельского. Для лиц, проживающих в средних и в особенности малых городах, которые не вошли в состав

¹²³⁸ Воробьев В.В. Население Восточной Сибири (современная динамика и вопросы прогнозирования). С. 71.

¹²³⁹ Переведенцев В.И. Методы изучения миграции населения. С. 162–172.

¹²⁴⁰ Гуцин Н.Я. Население Сибири в XX веке: основные тенденции и катаклизмы в развитии. С. 27.

¹²⁴¹ Гуцин Н.Я. Тенденции демографического развития Сибири в 60–80-х гг. // Демографическое развитие Сибири 30–80-е гг. Исторический опыт и современные проблемы: сб. науч. тр. С. 78.

¹²⁴² Вечерний Новосибирск. 1961. 19 сент.

¹²⁴³ Миграционный оборот исчисляется как сумма прибывших и выбывших.

¹²⁴⁴ Урбанизация и демографические процессы. С. 136.

крупных агломераций, вероятность миграций повышалась. Но и для них проблема удовлетворения «возросших» материальных и культурных потребностей стояла уже не так остро, как для жителей деревни. За 30 лет сократилась темпы роста экономики и межрегиональная дифференциация в промышленном производстве. Если в 1926 г. максимальный и минимальный уровни индустриального развития районов находились в соотношении 32 к 1, то в 1962 г. – 4 к 1. Шел процесс выравнивания благосостояния населения; обеспеченность жильем, разнообразными услугами, оплата труда стали более сбалансированными, с учетом природно-климатических условий. Материальная обеспеченность сельских жителей повысилась и к концу 1980-х гг. приблизилась к городскому уровню¹²⁴⁵.

Итак, за 1959–1989 гг. благодаря миграции и административным преобразованиям, городское население Западной Сибири пополнилось почти на 3,0 млн чел. (2 929,9 тыс. чел.), тогда как за счет естественного прироста – на 2 361,9 тыс. чел. (см. Прил., табл. 1). Пространственные перемещения продолжали вносить основной вклад в увеличение численности городских контингентов. Поскольку государственная политика являлась главным фактором территориального размещения производительных сил, на каждом новом историческом этапе смена ее приоритетов могла серьезно отразиться на миграционных потоках в Сибири. В этой связи представляется уместным в контексте проводимого исследования анализировать такой показатель, как «рост объемов промышленного производства», который даст возможность определить место западносибирского экономического района в народнохозяйственном комплексе Советского Союза. Одним из главных источников демографического роста западносибирских городов кроме городских поселений других экономических районов являлась также сельская местность. Вследствие этого для решения задач исследования необходимо в общих чертах описать проблемы хозяйственного развития аграрного сектора на всех этапах изучаемого периода.

Изучение миграций на таком длительном промежутке времени удобнее осуществлять в межпереписные периоды. В интервале между двумя первыми послевоенными переписями (1959 г. и 1970 г.) благодаря механическому приросту население городов Западной Сибири увеличилось на 894,2 тыс. чел. Тогда как механическая убыль на селе превысила 1,6 млн чел. (табл. 4.1.1). Население западносибирской деревни в 1959–1962 гг. ежегодно сокращалось на 0,4 %, а в 1963–1970 гг. – на 2,1 %¹²⁴⁶. Все это означает, что в 1960-е гг. темпы хозяйственного развития городов экономического района продолжали оставаться недостаточно высокими¹²⁴⁷.

---

¹²⁴⁵ Народное хозяйство РСФСР в 1987 г.: стат. ежегодн. М., 1988. С. 374–375.

¹²⁴⁶ Население России в XX веке: исторические очерки: в 3 т. Т. 3, кн. 1. 1960–1979. С. 45.

¹²⁴⁷ Среднегодовой механический прирост в 1959–1969 гг. 12,2 % против 15,7 % в РСФСР.

Механический прирост сельского населения Западной Сибири
в 1959–1989 гг., тыс. чел.*

Год	Мех. прирост	Год	Мех. прирост	Год	Мех. прирост
1959	-97,5	1970	-149,6	1979	-86,8
1960	-254,4	1971	-102,6	1980	-56,9
1961	-72,7	1972	-118,0	1981	-36,1
1962	-82,4	1973	-102,8	1982	-54,1
1963	-223,0	1974	-111,9	1983	-9,5
1964	-182,6	1975	-65,2	1984	-41,2
1965	-117,4	1976	-35,3	1985	-50,0
1966	-174,7	1977	-54,4	1986	-50,1
1967	-136,7	1978	-52,4	1987	-45,6
1968	-159,0	–	–	1988	-43,8
1969	-159,4	–	–	–	–
<i>Всего</i>	-1 659,9	<i>Всего</i>	-792,2	<i>Всего</i>	-474,1

* Рассчитано по: Естественное и механическое движение населения РСФСР в 1973 г.: стат. сб. (ДСП) М., 1974. С. 17, 19, 43, 45; Естественное и механическое движение населения РСФСР: стат. мат-лы. (ДСП) М., 1966. С. 43, 57; Естественное и механическое движение населения РСФСР: стат. сб. (ДСП) М., 1968. С. 76, 93; Естественное и механическое движение населения РСФСР: стат. сб. (ДСП) М., 1970. С. 38, 49; Естественное и механическое движение населения РСФСР: стат. мат-лы. (ДСП) М., 1965. С. 47, 61; Естественное и механическое движение населения РСФСР в 1976 г.: стат. сб. (ДСП) М., 1977. С. 18, 23; Естественное и механическое движение населения РСФСР в 1974 г.: стат. сб. (ДСП) М., 1975. С. 28, 35; Численность, естественное движение и миграция населения РСФСР в 1983 г.: стат. сб. (ДСП) М., 1984. С. 29, 35; Численность, состав и движение населения РСФСР: стат. сб. (ДСП) М., 1986. С. 106; Естественное движение населения в РСФСР: стат. сб. (ДСП) М., 1988. С. 74; Естественное движение населения РСФСР: стат. бюл. (ДСП) М., 1989. С. 9.

В 1960-е гг. Западная Сибирь была тесно взаимосвязана с процессами, происходившими в республике в целом, когда был сильный отток как из ее трудоизбыточных, так и трудодефицитных районов. В РСФСР миграционной убылью было охвачено Нечерноземье, Урал, сибирские регионы¹²⁴⁸. Более благоприятное положение сложилось на Дальнем Востоке, Северном Кавказе, в Северо-Западном районе. Сильным оттоком была охвачена и Западная Сибирь, что отразилось на демографическом развитии ее городов (табл. 4.1.2). В это время у нее была самая высокая интенсивность миграционного оттока в РСФСР¹²⁴⁹.

На XX съезде КПСС (1956 г.) было принято решение о вовлечении в хозяйственный оборот природных ресурсов восточных районов страны. На внеочередном XXI съезде КПСС, в 1959 г., для выполнения поставленных задач было признано необходимым начать строительство третьей металлургической базы, активно развивать сибирскую энергетику, химическую промышленность. На Урал, Сибирь, Дальний Восток, Казахстан и Среднюю Азию предполагалось направить до 40,0 % капиталовложений Советского Союза¹²⁵⁰. Таким образом, восточные регионы в расчете на душу населения получили бы примерно в 2 раза больше

¹²⁴⁸ Глазов В.А., Большакова Е.С., Барсукова Л.С., Родин В.Е. Особенности межрайонной миграции населения в РСФСР // Миграция населения РСФСР: сб. науч. тр. М., 1973. С. 32–42.

¹²⁴⁹ Население Западной Сибири в XX веке. С. 101.

¹²⁵⁰ КПСС в резолюциях и решения съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1986). Т. 9. 1956–1960. М., 1986. С. 339, 375.

капитальных вложений, чем в среднем по СССР, в 3–4 раза больше, чем некоторые районы европейской части страны¹²⁵¹.

И действительно, анализ статистики народного хозяйства в 1959–1965 гг. показал, что приоритет был отдан союзным республикам Средней Азии и Казахстану. Доля РСФСР в общем объеме инвестиций снизилась. Если в 1959 г. на нее приходилось 65,1 % капиталовложений государственных и кооперативных организаций, то в 1965 г. – только 60,6 %. Одновременно с этим удельный вес Узбекской ССР увеличился с 2,2 % до 3,5 %, Киргизской ССР – с 0,6 % до 0,8 %, Таджикской ССР – с 0,6 % до 0,9 %, Казахской ССР – с 5,9 % до 7,8 %. Объем капитальных вложений в Узбекистане за этот период в абсолютных цифрах возрос в 2,6 раза, в Таджикистане – в 2,2, в Киргизии и Казахстане – в 1,9 раза¹²⁵². Следует учитывать, что в союзных республиках ощущался недостаток собственных квалифицированных кадров, который усугублялся недостаточно активным участием титульных этносов в урбанизационных процессах¹²⁵³.

В РСФСР капитальные вложения повысились только в 1,5 раза, в том числе в Западной Сибири – в 1,6 раза. Основные средства планировалось направить на возведение металлургического комбината в Новокузнецке (Запсиб). Нефтяная и газовая добыча находились преимущественно в регионах Поволжья и Северного Кавказа. Из этого следует, что целенаправленная государственная политика, приведшая к росту миграционной привлекательности восточных районов СССР, почти не повлияла на Западную Сибирь.

Многие республики Советского Союза стали показывать высокие темпы роста индустриального потенциала. Так, промышленное производство в Казахской ССР увеличилось в 1960-е гг. на 131,0 %, на Украине – на 111,0 %, в Белоруссии – на 163,0 %¹²⁵⁴. При этом промышленное производство в Российской Федерации и Западной Сибири возросло только на 109,0 %. За 1959–1969 гг. механический прирост всего населения в целом (в демографическом обмене с со всеми регионами СССР) у Узбекской ССР достиг 459,5 тыс. чел., Киргизской ССР – 160,8 тыс., Таджикской ССР – 150,5 тыс., Казахской ССР – почти 800,0 тыс. чел., Украинской ССР – 530,8 тыс. чел. Хотя в последнем случае положительное сальдо не было напрямую вызвано экономическими причинами. Несмотря на сравнительно низкие темпы индустриального роста, мигрантов на Украину привлекали благоприятные по сравнению с Сибирью климатические условия и развитая многофункциональная экономика с высокой вариативностью мест приложения труда.

¹²⁵¹ Сонин М.Я. Актуальные проблемы использования рабочей силы в СССР. С. 125.

¹²⁵² Подсчитано по: Народное хозяйство СССР в 1965 г.: стат. ежегодн. М., 1966. С. 539.

¹²⁵³ Население союзных республик: сб. ст. М., 1977.

¹²⁵⁴ Народное хозяйство СССР в 1970 г.: стат. ежегодн. М., 1971. С. 140.

Одновременно происходил интенсивный хозяйственный подъем других экономических районов РСФСР, в частности Поволжья, Дальнего Востока, Восточной Сибири, где полным ходом шла реализация Ангаро-Енисейского проекта¹²⁵⁵. Происходили качественные изменения в системе оценок личного благосостояния каждым жителем. Вследствие восстановления экономики повысилась притягательная сила европейских районов. В итоге Западная Сибирь стала источником трудовых ресурсов не только для центральноазиатских республик, но и Восточной Сибири и Дальнего Востока РСФСР. Данные текущего учета показывают, что миграционные потери города Западной Сибири несли в обмене населением также с Поволжским и Северо-Кавказским, а со второй половины 1960-х гг. и Центральным экономическими районами¹²⁵⁶.

Определенным фактором недостаточно интенсивных миграций в западносибирские города являлось то, что в хрущевский период в правительственных кругах изменилась точка зрения на роль надбавок к заработной плате и других льгот районов Крайнего Севера и местностей, приравненных к ним. Считалось, что они были оправданы на начальном этапе освоения. По мере становления промышленности, улучшения материально-бытовых и культурных условий их сохранение в прежних объемах могло привести к определенным излишества¹²⁵⁷. Необходимость льгот и надбавок в целом не отрицалась, но определенная корректировка в сторону снижения все же произошла. Согласно тем данным, которыми мы располагаем, отдельные северные льготы в начале 1960-х гг. были урезаны, а надбавки к заработной плате в некоторых отраслях промышленности действительно стали меньше. Вместе с тем, все тонкости и перипетии государственной политики в области оплаты труда в советский период являются темой отдельного исторического исследования. Мы можем лишь констатировать негативные для Западной Сибири миграционные последствия решений, принятых центральными органами власти.

Колебания механического прироста вызывали второстепенные причины, действие которых было кратковременным и не могло переломить генеральных тенденций. Так, резкий наплыв мигрантов в 1959 и 1960 г. возник из-за некоторых решений партии. Причем этот скачок подтверждается данными текущего учета населения, как по Западной Сибири, так и по республике. В декабре 1958 г. на пленуме ЦК КПСС было рекомендовано работникам совхозов в течение 2–3 лет продать скот, содержащийся в личном подсобном хозяйстве. Данное решение

---

¹²⁵⁵ История Сибири с древнейших времен до наших дней: в 5 т. Л., 1969. Т. 5. Сибирь в период завершения строительства социализма и постепенного перехода к коммунизму (1937–1965 гг.). С. 330.

¹²⁵⁶ Переведенцев В.И. Современная миграция населения Западной Сибири. Новосибирск, 1965; Переведенцев В.И. Миграция населения и трудовые проблемы Сибири. Новосибирск, 1966.

¹²⁵⁷ Собрание постановлений правительства СССР. М., 1960. № 5. С. 167–168.

ущемляло экономические интересы сельских жителей и временно усилило перемещения населения в города. Миграционный отток стимулировали также неурожаи начала 1960-х гг.¹²⁵⁸

Увеличение положительного сальдо миграции городов в это время можно до некоторой степени объяснить тем, что в апреле 1958 г. было принято постановление, согласно которому работники предприятий угольной промышленности были переведены на сокращенный 6–7-часовой рабочий день. Как итог – усилился приток населения в 1958–1959 гг. в Кемеровскую область. Однако уже в сентябре 1959 г. вышло постановление ЦК КПСС и Совета Министров, где на новые условия работы должны были перейти труженики всех отраслей народного хозяйства. В результате принимаемых государством мер, среднемесячная заработная плата в других отраслях тоже выросла, а Кемеровская область постепенно утратила былое значительное преимущество в этом отношении¹²⁵⁹. Уже в начале 1960-х гг. сальдо миграции городов и пгт Кузбасса снизилось и стало отрицательным.

В 1960-е гг. массово покидать родные дома сельских жителей вынудила кампания по ликвидации неперспективных деревень, которая началась на рубеже 1950–1960-х гг. Согласно разработкам, сделанным по союзным республикам, число сельских населенных пунктов должно было сократиться в целом по стране в четыре раза¹²⁶⁰. В итогам проведенной кампании общее количество сельских населенных пунктов в России за 1959–1979 гг. сократилось примерно на 117,0 тыс.¹²⁶¹ При этом 2/3 сельчан вселялись не в отведенные для них населенные пункты, а в районные центры, города и другие регионы страны¹²⁶². Система сельского расселения претерпела существенную трансформацию. Число сел в Сибири за 1959–1979 гг. уменьшилось в 2 раза (с 31 тыс. до 15 тыс.). При этом наибольшие сокращения произошли именно с 1959 по 1970 г.¹²⁶³ Государственная политика повышения благосостояния жителей деревни, которая могла косвенно способствовать закреплению сельчан тогда проводилась все-таки недостаточно активно, а бурно растущие города Советского Союза в тот период не испытывали серьезных проблем в хозяйственном развитии.

¹²⁵⁸ Социально-экономическое развитие сибирского села. С. 70.

¹²⁵⁹ Букин С.С., Долголюк А.А., Исаев В.И., Тимошенко А.И. Формирование индустриально-урбанистического общества в Урало-Сибирском регионе. С. 175. Ефимкин М.М. Рабочие Сибири, конец 50-х – середина 80-х годов. С. 106–107, 109.

¹²⁶⁰ Демиденко Э.С. Демографические проблемы и перспективы больших городов: урбанизация при социализме. С. 136.

¹²⁶¹ Население России в XX веке: исторические очерки: в 3 т. Т. 3, кн. 1. 1960–1979. С. 55.

¹²⁶² Там же. С. 58.

¹²⁶³ Историческая энциклопедия Сибири: в 3 т. Новосибирск, 2009. Т. 2 (К–Р). С. 280.

Механический прирост всего населения Западной Сибири в 1959–1989 гг. (городских поселений и сельской местности), тыс. чел.*

Год	Мех. прирост	Год	Мех. прирост	Год	Мех. прирост
1959	-15,9	1970	-81,6	1979	23,3
1960	-95,2	1971	-55,8	1980	36,4
1961	-5,8	1972	-29,0	1981	90,1
1962	-36,0	1973	-10,9	1982	109,7
1963	-135,6	1974	-17,2	1983	111,4
1964	-89,1	1975	24,1	1984	106,3
1965	-44,7	1976	43,1	1985	99,3
1966	-77,0	1977	17,6	1986	117,2
1967	-88,1	1978	33,4	1987	62,7
1968	-90,1	–	–	1988	58,6
1969	-88,2	–	–	–	–
<i>Всего</i>	-765,7	<i>Всего</i>	-76,3	<i>Всего</i>	815,0

* Ссылки на источники те же, что и у табл. 4.1.1, 4.1.3, 4.1.5 и 4.1.7.

Миграционные потоки 1960-х гг. характеризовались некоторыми колебаниями, вызванными структурными последствиями Великой Отечественной войны. Если рассматривать возрастной состав населения в РСФСР, то можно увидеть сокращение количества лиц в когортах 15–34 года, на которых приходилась основная масса мигрирующих. Так, если в 1959 г. численность последних в республике составляла 42,2 млн чел., то в 1965 г. – 38,4 млн, особенно сильно пострадала пятилетняя когорта 20–24 лет. В населении Западной Сибири происходили те же процессы. Снижение механического прироста городов в первой половине 1960-х гг. было отмечено не только в РСФСР, но и в СССР в целом, хотя и в меньших масштабах¹²⁶⁴. Величина миграционного оборота западносибирских регионов к середине десятилетия изменилась. Если в 1959 г. она составляла 1 182,6 тыс. чел., то в 1965 г. снизилась до 1 044,4 тыс. чел. В последующие годы объемы миграций достигли прежнего уровня.

На XXIII съезде КПСС, проходившем в 1966 г., были подтверждены тезисы о необходимости ускоренного промышленного развития восточных районов и провозглашено создание в Западной Сибири крупного индустриального комплекса по добыче нефти и газа¹²⁶⁵. Заметного инвестиционного бума во второй половине 1960-х гг. отмечено не было, хотя различия в росте капиталовложений между ней и другими восточными регионами практически исчезли. Нефтегазовый комплекс находился на начальном этапе своего становления, и оказывать существенного воздействия на демографическое развитие всего экономического района не мог. Если в среднем по РСФСР за 1966–1968 гг. на каждые 100 человек

¹²⁶⁴ Численность, состав и движение населения СССР в 1972 году: стат. сб. М., 1973. (ДСП) С. 396.

¹²⁶⁵ XXIII съезд Коммунистической партии Советского Союза. 29 марта – 8 апреля 1966 г.: стенограф. отчет: в 2-х т. М., 1966. Т. 2. С. 365.

естественного прироста трудовых ресурсов было создано 147 рабочих мест, то в Западной Сибири только 94¹²⁶⁶.

В 1966–1968 гг. 65,0 % всего оттока из Западной Сибири в союзные республики приходилось на Казахскую ССР и среднеазиатские республики¹²⁶⁷. Благоприятные природно-климатическими условия и приемлемые темпы развития экономики способствовали продолжению миграций на Украину и в Северо-Кавказский экономический район. Поэтому, несмотря на то, что в восточных районах естественный прирост продолжал оставаться сравнительно высоким, их доля в населении Советского Союза перестала увеличиваться¹²⁶⁸. И, хотя численность горожан за счет пространственных перемещений продолжала расти, в межгородском потоке (в отличие от сельско-городского) сальдо миграции западносибирских городов стало отрицательным. Так, в 1960 г. их совокупные потери в межгородском обмене населением составили 35,6 тыс. чел., в 1964 г. – 49,2 тыс., в 1970 г. – 45,0 тыс. чел.

Таким образом, 1959–1970 гг. оказались не очень благоприятными для Западной Сибири. Местные города не могли полностью обеспечить трудоустройство значительному количеству сельских мигрантов из-за недостаточных темпов промышленного роста, одновременно с этим быстрый экономический подъем других территорий Советского Союза снизил их миграционную привлекательность (см. табл. 4.1.2). Значительная часть сельских и городских жителей устремилась в другие регионы страны¹²⁶⁹.

При рассмотрении территориальных особенностей передвижений населения выявлено, что основная часть совокупного миграционного оборота Западной Сибири приходилась на города Кузбасса (табл. 4.1.4). Так, в 1959 г. согласно данным текущего учета из 1 182,0 тыс. чел., принявших участие в пространственных перемещениях, – 488,0 тыс. чел. (41,3 %) прибывали и выбывали в города и пгт Кемеровской области, 222,0 тыс. чел. (18,8 %) – Алтайского края и 209,0 тыс. чел. (17,7 %) – Новосибирской области, что приблизительно соответствовало их доле в городском населении в целом¹²⁷⁰. Заметно уступали им по этому показателю Омская (8,0 %), Томская (6,8 %) и Тюменская области (7,4 %)¹²⁷¹. Подобная пропорция вполне объяснима. Кузбасс на протяжении 15 послевоенных лет продолжал играть ведущую роль в экономической жизни Западной Сибири, во многом определяя ее

¹²⁶⁶ Майков А. Основные направления миграции и совершенствование территориального перераспределения трудовых ресурсов (по данным РСФСР) // Народонаселение. М., 1973. С. 36.

¹²⁶⁷ Глазов В.А., Большакова Е.С., Барсукова Л.С., Родин В.Е. Особенности межрайонной миграции населения в РСФСР // Миграция населения РСФСР: сб. науч. тр. М., 1973. С. 39.

¹²⁶⁸ Макарова Л.В. Миграционные процессы в СССР в послевоенный период // Демографическое развитие СССР в послевоенный период: советские доклады к французско-советскому семинару по проблемам демографии, Париж, декабрь 1984 г. С. 111.

¹²⁶⁹ Сонин М.Я. Актуальные проблемы использования рабочей силы в СССР. С. 127.

¹²⁷⁰ Здесь необходимо учитывать, что размеры миграционного оборота обычно в два раза выше реального количества мигрантов.

¹²⁷¹ Подсчитано по: Естественное и механическое движение населения РСФСР: стат. сб. М., 1960. (ДСП) С. 362–363.

хозяйственную специализацию как центра машиностроения и угледобычи, косвенно оказывая демографическое «воздействие» на своих соседей.

Таблица 4.1.3

Механический прирост городского населения Западной Сибири
в 1959–1969 гг., тыс. чел.*

Год	Алтайский край	Кемеровская область	Новосибирская область	Омская область	Томская область	Тюменская область	Западная Сибирь
1959	17,4	34,8	13,5	5,5	-4,4	14,9	81,6
1960	31,6	9,3	52,9	36,1	7,9	21,4	159,2
1961	30,8	-8,8	22,7	7,8	6,4	8,0	66,9
1962	17,1	-4,5	12,3	12,1	0,4	9,0	46,4
1963	15,2	16,2	12,1	15,5	5,4	22,9	87,4
1964	13,4	-8,8	13,2	8,7	13,5	53,6	93,5
1965	9,5	-10,3	16,1	12,2	2,3	42,8	72,7
1966	44,9	-17,0	13,9	18,3	5,6	32,2	97,7
1967	17,1	-26,6	10,2	13,5	8,3	26,2	48,6
1968	10,2	-21,3	19,4	30,8	5,9	24,0	68,9
1969	14,5	-19,8	17,8	28,6	7,3	22,8	71,2
Всего	221,6	-56,9	204,2	188,9	58,6	277,7	894,2

* Рассчитано по: Естественное и механическое движение населения РСФСР в 1973 г.: стат. сб. (ДСП) М., 1974. С. 13, 15; Естественное и механическое движение населения РСФСР: стат. мат-лы. (ДСП) М., 1966. С. 43, 57; Естественное и механическое движение населения РСФСР: стат. сб. (ДСП) М., 1968. С. 76, 93–94; Естественное и механическое движение населения РСФСР: стат. сб. (ДСП) М., 1970. С. 38, 49; ГААК. ФР.–718. Оп. 43. Д. 50. Л. 24об; Д. 54. Л. 11–12; Д. 65. Л. 17–18; Д. 70. Л. 15–17; Д. 75. Л. 1, 10; ГАКО. ФР.–304. Оп. 1. Д. 64. Л. 58–59об; Д. 65. Л. 22–23об; Д. 66. Л. 20–21об; Д. 67. Л. 34–35об; Д. 68. Л. 22–23об; Д. 69. Л. 27–28; Текущий архив Новосибирской области. Динамические ряды № 1. Л. 19–21; ИАОО. ФР.–2122. Оп. 1. Д. 3262. Л. 10–11; Д. 3288. Л. 5; Д. 3294. Л. 185–186; Д. 3395. Л. 85–87; Д. 3408. Л. 30–31; Д. 4460. Л. 24–25; ГАТО. ФР.–1085. Оп. 3. Д. 100. Л. 107об, 41об, 12об; Д. 151. Л. 185об, 262об, 313об; ГАТюм.О. ФР.–1112. Оп. 1. Д. 2174. Л. 9; Д. 2450. Л. 9; Д. 2721. Л. 11; Д. 2981. Л. 11; Д. 3370. Л. 35; Д. 3970. Л. 10.

Интенсивным индустриальным ростом в 1959–1970 гг. выделялись Омская и Тюменская области. В первой из них ударными темпами развивались машиностроение и металлообработка, химическая промышленность. В Омске вступили в строй заводы технического углерода, синтетического каучука, город стал центром быстроразвивающейся нефтеперерабатывающей промышленности¹²⁷². Доля региона в совокупном миграционном обороте увеличилась за это время с 8,1 % до 10,4 %. Численность населения Омска за 1959–1970 гг. возросла на 240,0 тыс. чел., в том числе за счет миграций на 151,1 тыс. чел.¹²⁷³ Механический прирост городов области в 1960-е гг. достиг больших величин, в последующие десятилетия они уверенно занимали по этому показателю второе место в Западной Сибири (табл. 4.1.5, 4.1.7). К вышесказанному следует добавить о традиционно высокой активности в сфере административных преобразований. Только за период 1968–1969 гг. городское население пополнилось на 26,4 тыс. чел. в результате реорганизации нескольких районных центров в пгт¹²⁷⁴.

¹²⁷² Рабочий класс Сибири. 1961–1980 гг. С. 80–81.

¹²⁷³ К сожалению, трудно определить, какова доля административно-территориальных преобразований в механическом приросте населения больших городов, но по оценкам некоторых исследователей она составляет не более 5,0–7,0 %, как и в городах меньшей величины (см., например: Урбанизация и демографические процессы. С. 117).

¹²⁷⁴ Городские поселения РСФСР (по данным Всесоюзной переписи населения 1979 г.). М., 1980. (ДСП). С. 131.

Миграционный оборот городских поселений Западной Сибири
в 1959, 1965, 1970 гг., тыс. чел.*

Миграции	Алтайский край	Кемеровская область	Новосибирская область	Омская область	Томская область	Тюменская область	Западная Сибирь в целом
1959							
Прибывшие	125,9	270,3	114,2	54,3	43,8	47,3	655,8
Выбывшие	96,3	217,6	94,6	41,0	36,2	41,0	526,7
Миграционный оборот	222,2	487,9	208,8	95,3	80,0	88,3	1 182,5
Доля региона, в %	18,8	41,3	17,7	8,1	6,8	7,5	100,0
1965							
Прибывшие	102,7	180,4	95,7	57,1	41,6	87,7	565,2
Выбывшие	86,4	182,0	83,8	39,1	33,4	54,4	479,1
Миграционный оборот	189,1	362,4	179,5	96,2	75	142,1	1 044,3
Доля региона, в %	18,1	34,7	17,2	9,2	7,2	13,6	100,0
1970							
Прибывшие	115,4	194,2	114,1	72,1	49,9	99,6	645,3
Выбывшие	102,7	199,9	97,0	53,8	39,8	77,6	570,8
Миграционный оборот	218,1	394,1	211,1	125,9	89,7	177,2	1 216,1
Доля региона, в %	17,9	32,4	17,4	10,4	7,4	14,6	100,0

* Естественное и механическое движение населения РСФСР: стат. сб. (ДСП) М., 1960. С. 363; Естественное и механическое движение населения РСФСР: стат. мат-лы. (ДСП) М., 1966. С. 142; Естественное и механическое движение населения Новосибирской области: стат. сб. (ДСП) Новосибирск, 1973. С. 41; ГААК. ФР.–718. Оп. 43. Д. 103. Л. 23; ГАКО. ФР.–304. Оп. 1. Д. 104. Л. 5об; ИАОО. ФР.–2122. Оп. 1. Д. 5918. Л. 11об; ГАТО. ФР.–1085. Оп. 3. Д. 228. Л. 5об; ГАТюм.О. ФР.–1112. Оп. 4. Д. 143. Л. 149об.

Еще более интенсивно пространственные перемещения шли в Тюменской области. Если в 1959 г. ее удельный вес в миграционном обороте был самым низким в Западной Сибири, то к концу 1960-х гг. она вышла на четвертое место, обойдя Томскую и Омскую области. К концу 1960-х гг. масштабы реализации Западно-Сибирского нефтегазового проекта стали выходить за пределы первоначально задуманных. Одновременно шло формирование мощного лесозаготовительного комплекса, вдоль возводимой железной дороги Ивдель – Обь¹²⁷⁵, благодаря чему возник ряд новых пгт – Пионерский, Комсомольский, Советский, Зеленоборск, Междуреченский¹²⁷⁶. Всего за 1959–1969 гг. в области появилось 22 новых поселка городского типа (часть поселков области за это время преобразованы в города)¹²⁷⁷. Население городских поселений за счет миграций росло очень быстро. Например, в Нижневартовске, насчитывавшем в своем составе 2,1 тыс. чел. в 1964 г., к началу 1970 г. проживало уже 15,0 тыс. чел., население

¹²⁷⁵ Рабочий класс Сибири. 1961–1980 гг. С. 75; Бочко Н.А. Перспективы развития лесной и деревообрабатывающей промышленности Тюменской области // Тюменская правда. 1969. 18 апр.

¹²⁷⁶ Очерки истории Тюменской области. С. 221.

¹²⁷⁷ Население РСФСР. Предварительные итоги Всесоюзной переписи населения на 15 января 1970 г. М., 1970. (ДСП). С. 181, 183–184.

г. Урай увеличилось с 2,3 тыс. чел. (1963 г.) до 17,4 тыс. чел. (1970 г.)¹²⁷⁸. Стремительно повышалась численность жителей Сургута, Нефтеюганска и других. По объемам механического прироста область в 1960-е гг. вышла на первое место в Западной Сибири (см. табл. 4.1.3).

Иная динамика пространственных перемещений сложилась в Кузбассе. В силу исторических причин черты урбанизации в регионе носили выраженный «сырьевой» характер. Экстенсивным методам стимулирования роста экономики полностью соответствовали миграционные процессы. Формирование второй угледобывающей базы страны потребовало привлечения в короткие сроки огромного количества трудовых ресурсов. Еще в 1950–1958 гг. положительное сальдо миграции всего населения Кузбасса превысило 200,0 тыс. чел.¹²⁷⁹ Однако со временем рост индустриального производства замедлился. Вследствие повышения численности населения за счет естественного прироста возник избыток рабочей силы, трудоустройство которой затрудняло недостаточное развитие альтернативных промышленных мощностей, сооружение которых в свою очередь по многим причинам было малорентабельно.

Если за 1960–1969 гг. валовая продукция индустрии в Новосибирской области увеличилась на 115,0 %, Омской области – на 140,0 %, Тюменской области – на 148,0 %, Алтайском крае – на 114,0 %, то в Кемеровской области – только на 86,0 %¹²⁸⁰. Уже в начале 1960-х гг. наметилось замедление роста производства на ведущих предприятиях, тогда как в других местах промышленное развитие продолжало идти стабильными темпами. За 1959–1962 гг. в Кузнецком угольном бассейне было введено в действие 62,1 % мощностей шахт и карьеров, 54,7 % – углеобогачительных фабрик, предусмотренных годовыми планами, плохо осваивались новые районы угледобычи и т.д.¹²⁸¹ Важную роль в этом сыграла государственная политика, направленная на изменение структуры топливного баланса в СССР. В последнем повысилось значение нефти и газа, а угля наоборот – снизилось¹²⁸².

В результате за 1959–1969 гг. миграционный прирост по данным паспортных столов составил всего 10,6 тыс. чел., расчетные данные показали даже механическую убыль населения (–56,9 тыс. чел.)¹²⁸³. И это несмотря на продолжающийся, хотя и в затухающей форме процесс формирования новых пгт, численность которых возросла на девять единиц (Тисуль, Каз,

¹²⁷⁸ Текущий архив Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Тюменской области. Численность населения (пересчитанная по итогам переписи 1979 г.). Л. 1; Численность населения СССР по переписи на 15 января 1970 года по республикам, краям, областям, национальным округам, районам, городам, поселкам городского типа и районным центрам. М., 1971. (ДСП). С. 189–190.

¹²⁷⁹ Подсчитано по: ГАКО. ФР.–304. Оп. 1. Д. 54. Л. 32; Д. 55. Л. 35; Д. 56. Л. 18; Д. 57. Л. 7; Д. 58. Л. 11; Д. 59. Л. 25; Д. 61. Л. 20; Д. 63. Л. 65–65об.

¹²⁸⁰ Народное хозяйство РСФСР в 1969 году: стат. ежегодн. М., 1970. С. 40.

¹²⁸¹ Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. Т. 5. 1962–1965 гг. М., 1968. С. 292.

¹²⁸² XXII съезд Коммунистической партии Советского Союза. 17–31 окт. 1961: стенограф. отчет. М., 1962. С. 56.

¹²⁸³ ГАКО. ФР.–304. Оп. 1. Д. 93. Л. 12–14; Д. 94. Л. 5–6об; Д. 95. Л. 6–7; Д. 96. Л. 12–13; Д. 97. Л. 7–8; Д. 99. Л. 19–20об; Д. 100. Л. 19–20об; Д. 101. Л. 20–21об; Д. 102. Л. 17–18; Д. 103. Л. 1–3.

Рудничный, Никитинский, Белогорск, Инской, Карагайлинский, Артышта, Кузедеево)¹²⁸⁴. По данным текущего учета демографические потери за счет пространственных перемещений были отмечены даже в некоторых крупных городах. Так, за вышеуказанный период в г. Прокопьевск они достигли 36,4 тыс. чел., г. Ленинск-Кузнецкий – 14,8 тыс., г. Киселёвск – 12,1 тыс., г. Анжеро-Судженск – 15,5 тыс. чел.¹²⁸⁵

Городские поселения Алтайского края, Новосибирской и Томской областей демонстрировали стабильный миграционный прирост. В частности, в Алтайском крае импульс дальнейшему развитию промышленности придала химическая отрасль, продолжало укреплять свои позиции машиностроение¹²⁸⁶. В Новосибирской области развивались социальная сфера, учреждения науки, расширяли мощности предприятия обрабатывающей промышленности¹²⁸⁷. По темпам социально-экономического развития эти регионы не сильно выделялись на общероссийском или западносибирском фоне. Высокий в абсолютных цифрах приток населения в города сопровождался мощным миграционным оттоком из сельской местности.

В последующем десятилетии происходят важные структурные сдвиги в миграционных процессах. В первой половине 1970-х гг. увеличился механический прирост западносибирских городов (табл. 4.1.5). Это произошло по нескольким причинам. С середины 1970-х гг. РСФСР стала принимать населения больше, чем отдавать его¹²⁸⁸. Комплексное освоение нефтегазоносных месторождений, подъем производительных сил Красноярского края, строительство Байкало-Амурской магистрали привели к постепенной трансформации людских потоков в пользу Российской Федерации. Территории, которые раньше несли демографические потери, стали увеличивать численность жителей за счет миграции, а трудоизбыточные районы в больших масштабах поставлять свои трудовые ресурсы районам, испытывающим острый недостаток рабочей силы¹²⁸⁹.

Таблица 4.1.5

Механический прирост городского населения Западной Сибири
в 1970–1978 гг., тыс. чел.*

Год	Алтайский край	Кемеровская область	Новосибирская область	Омская область	Томская область	Тюменская область	Западная Сибирь
1970	13,0	-9,6	11,5	18,0	6,7	28,4	68,0
1971	7,0	-13,9	9,7	12,2	7,2	24,7	46,8
1972	10,2	1,7	11,4	15,8	9,1	40,8	89,0

¹²⁸⁴ Культура, население и здравоохранение Кемеровской области: стат. сб. Кемерово, 1983. (ДСП). С. 19–27.

¹²⁸⁵ Подсчитано по: Текущий архив Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Кемеровской области. Динамические ряды № 2. Л. 61–100.

¹²⁸⁶ 60 лет Алтайскому краю: юбил. стат. сб. Барнаул, 1997. С. 82.

¹²⁸⁷ Долголюк А.А., Ефимкин М.М., Ламин В.А. Трансформационные процессы в социально-индустриальной структуре Новосибирской области в XX столетии. Новосибирск, 2005.

¹²⁸⁸ Демографический ежегодник России: стат. сб. М., 1997 г. С. 21.; Население России в XX веке: исторические очерки: в 3 т. Т. 3, кн. 1. 1960–1979. С. 113.

¹²⁸⁹ Среднегодовой механический прирост в 1970–1978 гг. 9,9 ‰ против 11,1 ‰ в РСФСР. Дифференциация по сравнению с предыдущим периодом все же снизилась.

Окончание таблицы 4.1.5

Год	Алтайский край	Кемеровская область	Новосибирская область	Омская область	Томская область	Тюменская область	Западная Сибирь
1973	13,4	-0,5	10,6	22,1	6,1	40,2	91,9
1974	12,5	-1,6	11,4	19,3	8,7	44,4	94,7
1975	5,1	0,1	12,2	20,2	8,0	43,7	89,3
1976	1,6	-0,5	11,2	10,1	5,0	51,0	78,4
1977	6,4	3,1	18,9	5,5	2,2	35,9	72,0
1978	4,7	1,1	15,8	4,1	6,0	54,0	85,8
Всего	73,8	-20,2	112,7	127,4	59,1	363,1	715,9

* Естественное и механическое движение населения РСФСР в 1976 г.: стат. сб. (ДСП) М., 1977. С. 18, 23; Естественное и механическое движение населения РСФСР в 1974 г.: стат. сб. (ДСП) М., 1975. С. 28, 29, 35, 36; Численность, естественное движение и миграции населения РСФСР в 1979 г.: стат. сб. (ДСП) М., 1980. С. 10, 12, 39, 41, 51, 53.

К 1974 г. доля РСФСР в общем объеме производственных инвестиций в СССР увеличилась до 62,0 %, при этом в Западную Сибирь было направлено 12,1 % всех общереспубликанских капиталовложений, против 10,2 % в 1970 г.¹²⁹⁰. За 1970–1975 гг. в абсолютных цифрах прирост капитальных вложений в западносибирских регионах достиг 65,5 %, превысив показатели других районов востока СССР и республики в целом. Если еще 10 лет назад, в 1964 г. по размерам вложенных государственных средств экономический район располагался на пятом месте после Центрального, Поволжского, Уральского и Северо-Западного экономических районов, то в 1974 г. – переместился на третье, опередив Северо-Западный и Уральский.

Несмотря на то, что статистические данные не подтверждают ускоренного индустриального роста РСФСР по сравнению с СССР в целом, разрыв между ними постепенно сокращался. К сожалению, начиная с 1976 вплоть до 1987 г. ЦСУ РСФСР перестало публиковать данные о промышленном производстве по экономическим районам, поэтому усложняется задача определения влияния экономических факторов на миграцию в этот период. Эти данные печатались только в областных статистических сборниках. Вместе с тем сведения за 1975 г. показывают, что если, например, в 1960-е гг. отставание Западной Сибири в росте промышленного производства от Поволжья и Восточной Сибири и Дальнего Востока было существенным (109,0 % против 133,0 %, 132,0 % и 122,0 %), то в 1970–1975 гг. он у них стал практически одинаковым (51,0 %, 52,0 %, 50,0 % и 40,0 %)¹²⁹¹.

Подъем промышленного производства в Западной Сибири стал одним из самых высоких в РСФСР. В последующие годы, скорее всего, экономический район занял лидирующие позиции в Советском Союзе. В 1969 г. в постановлении ЦК КПСС и Совета Министров СССР намечалось нарастить добычу нефти в Западной Сибири с 30,0 млн т в 1970 г. до 100,0–120,0

¹²⁹⁰ Подсчитано по: Народное хозяйство РСФСР в 1975 году: стат. ежегодн. М., 1976. С. 318, 320.

¹²⁹¹ Там же. С. 50.

млн т в 1975 г.¹²⁹² Причем создание новой нефтедобывающей базы провозглашено важнейшей народнохозяйственной задачей. Центральные органы управления планировали осуществить целый комплекс мероприятий, призванных в том числе привлечь дополнительные трудовые ресурсы¹²⁹³. В 1974 г. Западная Сибирь стала ведущим нефтедобывающим регионом страны¹²⁹⁴.

На XXIV съезде КПСС (апрель 1971 г.) экономические и социальные задачи по строительству промышленных объектов, транспортной сети в северных районах были скорректированы и уточнены. На съезде было принято решение продолжить политику по улучшению соотношения в оплате труда в разных отраслях народного хозяйства. Повышение минимума заработной платы среднеоплачиваемых работников предприятий и организаций материального производства должно было осуществляться постепенно, начиная с севера и востока страны. Кадровые проблемы решались путем введения коэффициентов к зарплате в Западной Сибири, на Урале, в отдельных районах Казахстана и Средней Азии¹²⁹⁵.

В январе 1972 г. во исполнение принятых решений во всех западносибирских регионах были установлены районные коэффициенты к заработной плате в размере 1,15, а в Томской области (без г. Томска) – 1,2. Этот коэффициент начислялся на заработок, который не превышал 300,0 руб. в месяц, если он был больше этой суммы, то начисление производилось на часть, составляющую 300,0 руб. Это сразу оказало значительное воздействие на миграционные процессы. Отток населения из экономического района в 1973 г. по сравнению с 1971 г. снизился более чем в пять раз, а начиная с 1975 г. впервые за долгие годы у Западной Сибири отмечено положительное сальдо миграции (см. табл. 4.1.2). Следует сказать о том, что рост механического прироста городов в первой половине 1970-х гг. также совпал по времени с увеличением доли молодежных возрастных когорт в населении.

В этот период по мере укрепления индустриальной базы республик Советского Союза, расширения сети учреждений среднего профессионального образования стала крепнуть система обеспечения предприятий местными рабочими и инженерными кадрами, в том числе национальными. Раньше в большинстве национально-территориальных образований Советского Союза, в особенности на юге и востоке страны титульное население отдавало предпочтение традиционным видам хозяйствования, ведя в основном сельский образ жизни. Переселение в города шло медленно, обычно представители коренных национальностей составляли высокий процент среди занятых в административном аппарате, в сфере культуры и просвещения. В 1970-е гг. при формировании кадрового потенциала в трудоизбыточных

---

¹²⁹² Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам: сб. док-тов. М., 1970. Т. 7. Июль 1968 – 1969 г. С. 579–582.

¹²⁹³ Там же.

¹²⁹⁴ Карпов В.П., Колева Г.Ю., Гаврилова Н.Ю., Комгорт М.В. Западно-Сибирский нефтегазовый проект: от замысла к реализации. С. 141.

¹²⁹⁵ Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. М., 1972. Т. 8. 1970 – февраль 1972 г. С. 392.

районах предприятия стали больше ориентироваться на местные ресурсы, и это стало одним из факторов снижения пространственных перемещений из Западной Сибири в республики Средней Азии и в Казахстан. В большинство союзных республик приток мигрантов снизился. Так, за межпереписной период 1970–1979 гг. положительное сальдо Украинской ССР сократилось до 256,5 тыс. чел., Узбекской ССР – до 243,1 тыс., Таджикской ССР – до 26,4 тыс. чел., а из Казахской и Киргизской ССР начался отток населения (479,9 и 76,3 тыс. чел. соответственно)¹²⁹⁶.

Во второй половине 1970-х гг. резкое снижение миграционной убыли РСФСР и Западной Сибири, бурный экономический подъем северных районов, как ни странно, не привели к существенному росту миграций в города. Обычно считается, что это произошло из-за истощения демографического потенциала сельской местности. Подобное явление в долгосрочной перспективе действительно имело место, однако здесь следует учитывать некоторые временные особенности трансформации возрастного состава сельчан. Так, за 1970–1979 гг. при последовательном старении и увеличении среднего возраста сельских жителей в РСФСР количество людей в когортах 15–29 лет, доля которых среди мигрантов достигала 60,0 %, увеличилось¹²⁹⁷.

Из этого следует то, что приток населения в города во второй половине 1970-х гг. замедлился из-за снижения миграционной активности сельских жителей, что подтверждают данные текущего учета населения. Причин снижения людского оттока из сельской местности было несколько. Благодаря целенаправленной политике государства материальное благосостояние сельчан и социально-бытовая инфраструктура деревни последовательно улучшались¹²⁹⁸. В 1970-е гг. различия в заработной плате в промышленности, сконцентрированной преимущественно в городах, и сельском хозяйстве сократились. Если в 1970 г. зарплата рабочих и служащих сельского хозяйства (без колхозников) в РСФСР составляла 76,3 % от оплаты труда в промышленности, в 1975 г. – 80,2 %, то в 1978 г. – 83,4 %¹²⁹⁹. Во многих колхозах и совхозах стали вводиться нормированный рабочий день и пятидневная рабочая неделя¹³⁰⁰.

В 1974 г. было принято постановление о развитии сельского хозяйства Нечерноземной зоны, включающей регионы Северо-Западного, Центрального, Волго-Вятского районов, а также Калининградскую, Пермскую, Свердловскую области и Удмуртскую АССР, в которых в

¹²⁹⁶ Подсчитано по: Численность, состав и движение населения СССР в 1979 году: стат. сб. М., 1980. (ДСП). С. 26–32; Численность, состав и движение населения СССР в 1977 году: стат. сб. М., 1979. (ДСП). С. 52–58; Численность и состав населения СССР. По данным Всесоюзной переписи населения 1979 г: стат. сб. М., 1984. С. 7.

¹²⁹⁷ Итоги Всесоюзной переписи населения 1979 года: стат. сб. М., 1989. Т. II. Пол, возраст и состояние в браке населения СССР, союзных и автономных республик, краев и областей. Ч. 1. С. 40–41.

¹²⁹⁸ Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. М., 1972. Т. 8. 1970 г. – февраль 1972 г. С. 362–363.

¹²⁹⁹ Народное хозяйство РСФСР в 1978 году: стат. ежегодн. М., 1979. С. 197.

¹³⁰⁰ Слесарев Г.А. Демографические процессы и социальная структура социалистического общества. С. 62.

совокупности проживало 44,0 % населения РСФСР. Ослабление миграционного оттока и решение проблемы дефицита квалифицированных кадров являлись одними из главных целей принятого постановления¹³⁰¹. Несмотря на то, что реализация его положений должна была начаться в 1976 г., определенное влияние на миграционные установки сельских жителей оно оказало¹³⁰².

В политике государственных органов на фоне снижения роста промышленного производства (которое само по себе сокращает потребность в трудовых ресурсах) больше внимания уделялось повышению его интенсификации. На XXV съезде партии, в 1976 г., была поставлена задача обеспечить весь прирост продукции на действующих предприятиях при той же или даже меньшей численности работников¹³⁰³. Согласно официально озвученным данным в СССР по итогам десятой пятилетки (1976–1980 гг.) за счет повышения производительности труда в промышленности было получено 75,0 % прироста продукции, в сельском хозяйстве – весь прирост, в строительстве – 95,0 % прироста строительно-монтажных работ¹³⁰⁴. Таким образом, потребности промышленности в трудовых ресурсах села уменьшились, что также повлияло на снижение его миграционных потерь. Влияния вышеперечисленных факторов оказалось достаточно для того, чтобы ко второй половине 1970-х гг. механический прирост городского населения Западной Сибири замедлился (см. табл. 4.1.5).

Дополнительными факторами снижения миграционной активности сельчан являлись изменения в территориальном расселении. Усилившаяся концентрация вокруг больших городов и рост доли пригородов становились удерживающими факторами для их жителей¹³⁰⁵. Некоторую часть пространственных перемещений, отнесенную к типу «село – село», можно было классифицировать как сельско-городские миграции. Например, освоение малообжитых территорий приводило к увеличению количества сельского населения (фактически городского), которое было мало связано с классическим земледелием. Это происходило в поселках, возникавших при строительстве промышленных, транспортных или лесозаготавливающих объектов. В таких неаграрных по своей сути поселках росло количество жителей, развивались предприятия социальной инфраструктуры, строились дороги и т.д.¹³⁰⁶ Так, многие будущие города и пгт в районах нового освоения Западной Сибири возникли именно как сельские поселения. Происходила дальнейшая концентрация сельских жителей в крупных населенных пунктах, лучше развитых в социально-экономическом плане и поэтому близких по своему

¹³⁰¹ Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. М., 1976. Т. 10. Октябрь 1973 г. – октябрь 1975 г. С. 120–135.

¹³⁰² Рыбаковский Л.Л., Морозова Г.Ф. Основные направления миграционных процессов в СССР // Проблемы воспроизводства и миграции населения: сб. ст.: в 2-х разд. М., 1981. Разд. 2. С. 152.

¹³⁰³ Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. М., 1977. Т. 11. Ноябрь 1975 г. – июнь 1977 г. С. 235.

¹³⁰⁴ Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. М., 1981. Т. 13. Апрель 1979 г. – март 1981 г. С. 649.

¹³⁰⁵ Корель Л.В. Перемещения населения между городом и селом в условиях урбанизации. Новосибирск, 1982.

¹³⁰⁶ Население России в XX веке: исторические очерки: в 3 т. Т. 3, кн. 1. 1960–1979. С. 52.

статусу к поселкам городского типа. Все это оказало косвенное влияние на снижение объемов сельско-городских миграций.

При этом западносибирские города и пгт от сокращения оттока из деревни во второй половине 1970-х гг. пострадали все-таки меньше по сравнению с РСФСР, благодаря увеличению прибытий из сельской местности других экономических районов. Определенную роль в снижении сельско-городских миграций и выбытий в другие регионы играли повышения оплаты труда. Интересные последствия наблюдались, например, в 1975 г., когда было завершено повышение минимальной заработной платы рабочим и служащим до 70,0 руб. в месяц с одновременным увеличением тарифных ставок и должностных окладов среднеоплачиваемых категорий работников, занятых в производственных отраслях народного хозяйства. Эта мера в СССР внедрена в течение 1973–1974 гг., и этого оказалось достаточно для того, чтобы снизить силу потенциальных миграций. Любопытно, что подобный эффект наблюдался в 1968 г., когда произошел рост минимальной оплаты труда с прежних 40,0–45,0 руб. в месяц до 60 руб.¹³⁰⁷ Отток населения из РСФСР за один год снизился почти на 40,0 %. На Западной Сибири в 1968 г. это почти не отразилось, видимо, из-за сильного воздействия других выталкивающих факторов¹³⁰⁸.

Благодаря интенсивному развитию ЗСНГК в середине 1970-х гг. становится положительным сальдо межгородской миграции западносибирских городов (2,0 тыс. в 1975 г., 16,3 тыс. в 1980 г.). Миграционный обмен с Украиной, среднеазиатским экономическим районом, Казахской ССР и другими регионами стал складываться в пользу Западной Сибири. Роль «внешних» демографических заимствований для поддержки хозяйственного роста в этот период увеличилась. Если в 1970 г. миграционный прирост происходил почти исключительно за счет внутренних источников, то в 1980 г. западносибирские города принимали больше населения, чем отдавали его в обмене со всеми экономическими районами Советского Союза.

Таким образом, экономический фон миграций в 1970-е гг. складывался благоприятно. И действительно, согласно расчетным данным, из Западной Сибири практически прекратился отток населения. Если за 1959–1969 гг. механическая убыль достигла 765,7 тыс. чел., то в 1970–1978 гг. она сократилась в десять раз – до 76,3 тыс. чел. (см. табл. 4.1.2). Одновременно с этим население городов и пгт за счет миграций и административных преобразований увеличилось на 715,9 тыс. чел. Произошло также снижение градообразовательной активности. Если в 1959–1970 гг. в Западной Сибири возникло 68 пгт или 6,2 в среднем за год, то в последующий межпереписной период – только 22 (2,8).

---

¹³⁰⁷ Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. М., 1968. Т. 6. 1966 – июнь 1968. С. 608.

¹³⁰⁸ Во всяком случае, отрицательное сальдо миграции Западной Сибири перестало расти.

В 1970-е гг. во внутрирайонном распределении миграционных потоков значение Тюменской области продолжало расти (табл. 4.1.6). Несмотря на то, что Кузбасс с существенным отрывом сохранял лидерство по объему миграционного оборота, его доля вновь снизилась (до 28,2 %). Стабильными продолжали оставаться показатели Новосибирской и Омской областей за счет динамично растущих областных центров, с их мощными машиностроительными комплексами при небольшом сокращении долей Алтайского края и Томской области. Удельный вес Тюменской области вырос до 22,1 %, благодаря чему она вышла по совокупному объему миграций на второе место.

Приведенные статистические данные соответствуют характеру экономического развития регионов. Так, промышленный потенциал Кузбасса за 1970–1975 гг. увеличился только на 32,0 %¹³⁰⁹. По этому показателю он вновь оказался на последнем месте в Западной Сибири, в его городах снова был зафиксирован отрицательный механический прирост¹³¹⁰. Причем выбывали в основном квалифицированные специалисты и рабочие, а прибывало население с более низкой квалификацией¹³¹¹. Индустриальная мощь Новосибирской и Омской областей увеличилась приблизительно на одну величину (55,0 % и 54,0 %). Приток населения в эти регионы был стабильно высоким и резких колебаний не испытывал. Механический прирост городов Омской области был несколько выше, что подтверждается данными текущего учета¹³¹².

Таблица 4.1.6

Миграционный оборот городских поселений Западной Сибири
в 1975, 1979 г., тыс. чел.*

Миграции	Алтайский край	Кемеровская область	Новосибирская область	Омская область	Томская область	Тюменская область	Западная Сибирь в целом
1975							
Прибывшие	108,6	183,8	111,0	72,5	48,9	129,8	654,5
Выбывшие	98,1	179,9	92,9	46,9	37,2	87,2	542,2
Миграционный оборот	206,7	363,7	203,9	119,4	86,1	216,9	1 196,7
Доля региона, в %	17,3	30,4	17,0	10,0	7,2	18,1	100
1979							
Прибывшие	99,5	170,0	105,9	62,1	44,1	151,5	633,1
Выбывшие	92,3	161,9	94,5	51,9	34,4	109,3	544,2
Миграционный оборот	191,8	331,9	200,3	114,0	78,5	260,8	1 177,3
Доля региона, в %	16,3	28,2	17,0	9,7	6,7	22,1	100

* Естественное и механическое движение населения РСФСР в 1975 г.: стат. сб. (ДСП) М., 1976. С. 202; Численность, естественное движение и миграция населения РСФСР в 1979 г.: стат. сб. (ДСП) М., 1980. С. 244.

¹³⁰⁹ Народное хозяйство РСФСР в 1975 году: стат. ежегодн. М., 1976. С. 50.

¹³¹⁰ ГАКО. ФР.–304. Оп. 1. Д. 104. Л. 2–3об; Д. 105. Л. 5–6об; Д. 106. Л. 4–5об; Д. 108. Л. 1–2; Д. 107. Л. 1–2;

¹³¹¹ Кузнецов Н., Лапшин Н. Рабочие руки Кузбасса // Кузбасс. 1972. 29 мар.

¹³¹² ИАОО. ФР.–2122. Оп. 1. Д. 5918. Л. 6–7; Д. 6130. Л. 3–4; Д. 6832. Л. 7–8; Д. 7231. Л. 7–8; Д. 7415. Л. 3–4; Д. 7614. Л. 10–11; Д. 7799. Л. 3–4; Д. 8025. Л. 3–4; Д. 8258. Л. 3–4;

Промышленные предприятия Томской области нарастили выпуск продукции только на 36,0 %, однако положительное сальдо миграции оказалось здесь довольно значительным. Дело в том, что миграционный баланс ее городов складывался под сильным влиянием молодых возрастных категорий, стремившихся получить качественное образование в вузах «Сибирских Афин», некоторые из которых, например, Томский государственный и Томский политехнический университеты, являлись старейшими во всей Сибири¹³¹³. Кроме того, в ее северных районах возник важный район нефтедобычи и пгт Стрежевое. По темпам развития промышленности в 1970-е гг. Алтайский край несколько отстал от своих соседей (+42,0 %)¹³¹⁴. Одновременно с этим значительно сократилось число административных преобразований сел в пгт. Если в предшествующий межпереписной период в крае возникло 17 пгт, то 1970–1978 гг. – только три. По размерам механического прироста он опустился со второго места на четвертое (см. табл. 4.1.5).

Изначально низкий уровень урбанизации, небольшая численность горожан и редкая сеть городских поселений в совокупности с грандиозными масштабами освоения природных ресурсов вывели Тюменскую область на первое место по объемам механического прироста. Промышленное производство в регионе выросло за 1970–1975 гг. в 2,4 раза, а в целом за 1970-е гг. – в 4,4 раза. И это при том, что на ее территории возникло только семь новых пгт.

Вплоть до второй половины 1980-х гг. в миграционных процессах доминировали тенденции предшествующего десятилетия. Продолжали расти вплоть до 1986 г. размеры притока населения в Российскую Федерацию, сокращались миграционные потери сельского населения (–18,7 ‰ в 1970–1978 гг.; –9,8 ‰ в 1979–1988 гг.). Снижались объемы как сельско-городских, так и межгородских миграций¹³¹⁵. Сужались возможности применения экстенсивных методов увеличения промышленного производства по мере углубления стагнационных явлений в экономике и реализации государственного курса, направленного на реструктуризацию производства. Так, удельный вес средств направляемых на реконструкцию, расширение и техническое перевооружение действующих предприятий в общем объеме централизованных капитальных вложений увеличился с 58,0 % в 1970 г. до 70,0 % в 1979 г. (66,0 % в 1975 г.)¹³¹⁶.

Предприятия основных индустриальных районов страны все меньше нуждались в прежних объемах рабочей силы. Трудоспособных возрастов достигали лица, рожденные уже в городах, что снижало их миграционную емкость. Со второй половины 1970-х гг. начинает

¹³¹³ Омельченко В. Наши вузы // Красное знамя. 1961. 16 июл.

¹³¹⁴ Народное хозяйство РСФСР в 1975 году: стат. ежегодн. М., 1976. С. 50.

¹³¹⁵ Демографический ежегодник СССР. М., 1990. С. 509.

¹³¹⁶ Анализ основных тенденций развития крупных городов РСФСР. Научный отчет по теме № 23. М., 1982. (ДСП). С. 13.

ухудшаться жилищное и продовольственное обеспечение горожан. В то же время заметно улучшились оплата труда и социальное обслуживание сельского населения. Активизировалась работа по трудовому воспитанию и профессиональной ориентации сельской молодежи, что позволило достичь некоторых результатов¹³¹⁷. Это способствовало ослаблению миграционного потенциала деревни и повышало престиж сельской жизни. Коэффициент миграционного прироста городов РСФСР снизился с 9,8 ‰ в 1970–1978 гг. до 5,7 ‰ в 1979–1988 гг.¹³¹⁸

Таблица 4.1.7

Механический прирост городского населения Западной Сибири
в 1979–1988 гг., тыс. чел.*

Год	Алтайский край	Кемеровская область	Новосибирская область	Омская область	Томская область	Тюменская область	Западная Сибирь
1979	8,4	-0,4	9,0	1,4	5,6	86,2	110,1
1980	5,2	1,5	10,1	4,5	4,8	67,2	93,3
1981	4,1	5,2	6,3	5,9	6,4	98,3	126,2
1982	5,5	10,2	5,0	9,2	10,4	123,5	163,8
1983	7,6	11,2	5,3	2,5	2,7	91,5	120,9
1984	10,4	2,4	3,0	13,6	4,8	113,3	147,5
1985	9,8	6,6	6,5	11,6	5,4	109,3	149,3
1986	9,1	7,0	10,9	28,5	5,8	106,0	167,3
1987	9,8	5,2	11,4	10,1	14,4	57,4	108,3
1988	3,5	-0,8	11,2	10,1	5,7	72,7	102,4
<i>Всего</i>	73,6	48,0	78,7	97,4	65,9	925,5	1 289,0

* Численность, естественное движение и миграция населения РСФСР в 1979 г.: стат. сб. (ДСП) М., 1980. С. 41, 53; Численность, естественное движение и миграция населения РСФСР в 1983 г.: стат. сб. (ДСП) М., 1984. С. 27, 33; Численность, состав и движение населения РСФСР: стат. сб. (ДСП) М., 1986. С. 104; Естественное движение населения в РСФСР: стат. сб. (ДСП) М., 1988. С. 71; Естественное движение населения РСФСР: стат. бюл. (ДСП) М., 1989. С. 7.

В начале 1980-х гг. была принята серия нормативных актов, призванная повысить производительность сельского хозяйства: «О дополнительных мерах по увеличению производства сельскохозяйственной продукции в личных подсобных хозяйствах граждан»; «О дальнейшем развитии и повышении эффективности сельского хозяйства Нечерноземной зоны РСФСР в 1981–1985 годах»; «О дальнейшем развитии сельского хозяйства Центрально-Черноземного района РСФСР». В мае 1982 г. на Пленуме ЦК КПСС утверждена «Продовольственная программа СССР на период до 1990 года»¹³¹⁹. Для увеличения производства продуктов питания государство повысило объемы капитальных вложений в сельское хозяйство. Указывалось на необходимость создания условий для того, чтобы каждая семья, проживающая на селе, могла иметь приусадебный участок, содержать скот и птицу¹³²⁰. Предполагалось последовательно приводить в жизнь меры по повышению уровня

¹³¹⁷ Труд. 1988. 15 нояб.

¹³¹⁸ Численность, состав и движение населения в РСФСР: стат. сб. М., 1990. С. 46.

¹³¹⁹ Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М., 1987. Т. 14. 1981–1984. С. 8–20, 124–147, 276–315.

¹³²⁰ Там же. С. 290.

благополучия, культуры, жилищно-бытового, медицинского и бытового обслуживания сельских жителей¹³²¹.

Кроме того, планировалось укрепить материально-техническую базу колхозов и совхозов, так как это косвенно помогло бы снизить отток сельского населения в города страны. Последнее хорошо осознавалось на центральном государственном уровне. «Призыв молодежи оставаться на селе не возымеет своего действия там, где не проявляется должной заботы о механизации работ, где труд остается тяжелым, плохо организуется, не всегда справедливо вознаграждается»¹³²².

В 1982 г. вышло специальное постановление Совета Министров «О комплексном развитии сельского хозяйства в районах Сибири, Дальнего Востока и в Курганской области», в котором была озвучена необходимость перевода снабжения населения продовольствием в основном за счет местных источников. В сельской местности планировалось осуществить масштабное жилищное, социально-бытовое строительство, расширить сеть магазинов розничной торговли¹³²³. Большое значение имел отказ от проводившейся в 1960–1970-е гг. политики ликвидации неперспективных деревень¹³²⁴.

Снижение миграционной убыли села отмечалось во всех экономических районах России. Так, в Нечерноземной зоне в первой половине 1980-х гг. она уменьшилась на 30,0 %¹³²⁵. По данным новосибирских социологов, если в 1967 г. доля желающих выехать из села составляла 23,0 %, то в 1982 г. – только 14,0 %¹³²⁶. В результате механический отток из западносибирской деревни сократился с почти 800,0 тыс. чел. в 1970–1978 гг. до 474,0 тыс. чел. в 1979–1988 гг. или более чем на треть, при том, что соотносимые временные периоды отличаются по длительности (в 1960-е гг. – 1,6 млн чел.). Общий коэффициент миграционных потерь сельской местности Западной Сибири уменьшился с –18,0 ‰ (1970–1978 гг.) до –6,0 ‰ (1979–1988 гг.)¹³²⁷.

В то же время в 1980-е гг. индустрия Западной Сибири продолжала развиваться повышенными темпами, капитальные вложения в ее экономику продолжали расти¹³²⁸. В мае 1977 г. было принято специальное постановление правительства, в котором указывалось, что

¹³²¹ Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М., 1987. Т. 14. 1981–1984. С. 301–302.

¹³²² Известия. 1984. 31 окт.

¹³²³ Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. Т. 14. Апрель 1981 г. – декабрь 1982 г. М., 1983. С. 342.

¹³²⁴ Карпунина И.Б., Мелентьева А.П. Сельско-городская миграция в Западной Сибири в 1960–1980-е гг.: факторы и последствия // Миграционные процессы в азиатской России в XIX – начале XXI в.: сб. науч. тр. Новосибирск, 2009. С. 32–43, 161–162; Славина Л.Н. Сельское население Восточной Сибири (1960–1980-е гг.). С. 39.

¹³²⁵ Коммунист. 1984. № 16. С. 5.

¹³²⁶ Социально-экономическое развитие сибирского села. С. 71.

¹³²⁷ Численность, состав и движение населения в РСФСР: стат. сб. М., 1990. С. 47.

¹³²⁸ Долголюк А.А. Сибирские строители в 1946–1970 гг. С. 49.

ЗСНГК стал главной базой страны по добыче нефти и газа. В нем указывалось на необходимость нарастить добычу нефти к 1980 г. до 315,0 млн т, газа – до 155,0 млрд куб. м. Капиталовложения в западносибирскую нефтяную инфраструктуру увеличились за 1966–1985 гг. с 19,0 % до 35,0 %, в газовую с 4,0 % до 50,0 % от общих объемов ассигнований в отрасли в СССР¹³²⁹.

Согласно основным направлениям экономического и социального развития СССР на 1981–1985 гг., утвержденным на XXVI съезде партии, ЗСНГК оставался приоритетным направлением экономического развития в РСФСР, а его плановые показатели были скорректированы в сторону увеличения. Намечалось увеличить добычу нефти к 1985 г. до 395 млн т, газа – до 330,0–370,0 млрд куб. м, ввести в действие новые производственные мощности, транспортную инфраструктуру¹³³⁰. Капитальные вложения в объекты ЗСНГК удваивались в каждой пятилетке: если в 1971–1975 гг. они составляли 13,0 млрд руб., в 1976–1980 гг. – 25,0 млрд, то в 1981–1985 гг. – уже 50,0 млрд руб.¹³³¹

На рубеже 1970–1980-х гг. центральные органы власти стали уделять больше внимания угольной отрасли. Повышена минимальная заработная плата шахтеров, увеличены капитальные вложения в жилищное строительство¹³³². Это позволило городам Кузбасса впервые за продолжительный период времени привлечь больше населения.

По удельному весу капиталовложений Западная Сибирь к 1985 г. вышла на первое место (18,9 %) в РСФСР, опередив многолетнего лидера по этому показателю – Центральный экономический район. За 1980–1988 гг. западносибирские предприятия увеличили выпуск продукции на 42,0 % при 34,0 % и 32,0 % в СССР и РСФСР в целом. Ключевые «конкуренты» в борьбе за миграционные потоки – Поволжский, Восточносибирский и Дальневосточный экономические районы, республики Средней Азии и Казахстан в разной степени уступали в темпах хозяйственного роста¹³³³. Начиная с 1980-х гг. в сборниках, выпускаемых ЦСУ СССР и РСФСР, стали публиковаться данные о промышленном развитии отдельных территориально-производственных комплексов. Западно-Сибирский ТПК вплоть до 1987 г. прочно удерживал лидирующие позиции, опережая Канско-Ачинский, Саянский, Тимано-Печерский, Павлодар-Экибастузский, Южно-Таджикский ТПК, зоны Курской магнитной аномалии и БАМа¹³³⁴.

¹³²⁹ Тимошенко А.И. Проекты социально-экономического развития Сибири в XX в.: концепции и решения. Исторические очерки. С. 255.

¹³³⁰ Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. М., 1981. Т. 13. Апрель 1979 г. – март 1981 г. С. 702.

¹³³¹ Орлов Б.П. Сибирь: шаги индустрии. С. 90.

¹³³² Заболотская К.А. Угольная промышленность Сибири (конец 1890 – начало 1990-х гг.). Историческое исследование. С. 233, 267.

¹³³³ Народное хозяйство СССР в 1988 году: стат. ежегодн. М., 1989. С. 339; Народное хозяйство РСФСР в 1988 году: стат. ежегодн. М., 1989. С. 329–331.

¹³³⁴ Народное хозяйство СССР в 1988 году: стат. ежегодн. М., 1989. С. 332.

Западная Сибирь осталась единственным экономическим районом в Российской Федерации, где общий коэффициент миграционного прироста городов вырос (с 8,4 % до 10,8 %) ¹³³⁵.

Размеры миграционной убыли у республик, с которыми у Западной Сибири сохранялись тесные демографические связи, значительно увеличились. Например, Казахская ССР за 1979–1988 гг. потеряла за счет оттока населения 786,5 тыс. чел., Узбекская ССР – 507,1 тыс., Киргизская ССР – 157,7 тыс., Таджикская ССР – 103,9 тыс. чел. Миграционный прирост Украинской ССР снизился до 157,1 тыс. чел. ¹³³⁶

Во второй половине 1980-х гг. согласно директивам XXVII съезда политика ускоренного развития Сибири должна была быть продолжена. Комплексный рост экономики восточных районов РСФСР оставался приоритетной задачей центральных государственных органов ¹³³⁷. Исходя из основных направлений социального и экономического развития, планировалось усилить работы по укреплению топливно-энергетической базы, в частности продолжить строительство объектов ЗСНГК, магистральных газопроводов в европейскую часть страны и южные районы Сибири, ввести в строй новые мощности на нескольких ГРЭС ¹³³⁸. Намечено после Уренгойского ускорить темпы обустройства Ямбургского месторождения. Большое внимание уделялось подготовке предприятий нефтяной отрасли к работе в условиях снижения дебитов скважин на крупных месторождениях.

Более высокими темпами должна была расти оплата труда в колхозах. С учетом поступлений от личного подсобного хозяйства реальные доходы колхозников, рабочих и служащих в перспективе должны были сравняться. Опережающее развитие жилищного и культурного строительства на селе позволило бы в обозримом будущем преодолеть существенные различия между городом и деревней ¹³³⁹. Таким образом, программные установки партии продолжали сдерживать рост сельско-городских миграций.

Вообще, XXVII съезд КПСС интересен тем, что на нем было признано наличие глубоких проблем в народнохозяйственном комплексе страны. Многие отрасли не смогли выполнить намеченных планов, не было получено должной отдачи от ресурсов, вложенных в развитие сельского хозяйства. Ряд заданий по повышению благосостояния народа не был выполнен, осложнилось состояние финансов и денежного обращения. В этой связи намечалось произвести глубокую перестройку в экономике, повысив среднегодовые темпы роста национального

¹³³⁵ 1979–1988 гг., когда механический прирост западносибирских городов почти вдвое превысил среднереспубликанские показатели (13,1 % против 6,6 %).

¹³³⁶ Подсчитано по: Демографический ежегодник. 1990. М., 1990. С. 91–98; Население СССР по данным Всесоюзной переписи населения 1989 г. М., 1990. С. 9.

¹³³⁷ Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза. М., 1986. С. 246, 248.

¹³³⁸ Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М., 1987. Т. 15. 1985–1988. С. 237–238.

¹³³⁹ Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза. С. 260.

дохода за счет всесторонней и последовательной интенсификации, увеличения производительности труда¹³⁴⁰.

Доля Западной Сибири в общем объеме капиталовложений в РСФСР сохранилась почти на прежнем уровне (1990 г. – 18,1 %). Подъем промышленного производства за 1985–1989 гг. составил 16,0 %, несколько превысив показатели по РСФСР (14,0 %). В 1986–1988 гг. рост промышленного производства в республике замедлился, в 1989 г. он составил только 1,4 %, в том числе в Западной Сибири – 0,8 %¹³⁴¹. Косвенно это отразилось на темпах создания новых рабочих мест.

Одной из важных причин сокращения миграций в Западную Сибирь стало принятие в июне 1987 г., закона «О государственном предприятии». Согласно этому нормативно-правовому акту, увеличилась самостоятельность директората и значение трудовых коллективов в принятии экономических решений¹³⁴². Однако реальный результат оказался другим. Под давлением работников часть прибыли стала расходоваться не на развитие производства, а на повышение заработной платы. Сокращение капиталовложений не только затормозило экономический рост, но ослабило необходимость в непрерывном пополнении рабочих кадров.

И действительно, согласно официально опубликованным данным, численность промышленно-производственного персонала после 1987 г. стала снижаться¹³⁴³. Так, за девять месяцев 1988 г. по сравнению с соответствующим периодом 1987 г. численность рабочих и служащих, занятых в отраслях материального производства, снизилась на 1 млн чел.¹³⁴⁴ Если в РСФСР в целом в 1986 г. численность промышленно-производственного персонала составляла 23,1 млн чел., то в 1987 г. – 23,0 млн, а в 1988 г. – 22,4 млн чел. (1989 г. – 21,7 млн), сократилось количество рабочих¹³⁴⁵. Эта динамика косвенно подтверждается данными по Западной Сибири, где среднегодовые темпы прироста трудящихся стали отрицательными (–0,8 % за 1986–1989 гг. против 0,5 % в 1981–1985 гг.). Более чем в два раза за эти периоды снизился рост численности работников в Тюменской области (2,7 % против 5,7 %). Механический прирост, после достижения максимальных значений в 1985–1986 гг., стал сокращаться, упав до минимума в 1989 г. (см. табл. 4.1.7).

Перестройка общественно-политического и хозяйственного уклада не смогла разрешить накопившихся проблем. Стимулирование экономического роста за счет повышения самостоятельности предприятий, внедрения отдельных рыночных элементов (кооперативы)

¹³⁴⁰ Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза. С. 224, 226, 229.

¹³⁴¹ Народное хозяйство РСФСР в 1989 г.: стат. ежегодн. М., 1990. С. 374, 376.

¹³⁴² Ведомости Верховного Совета СССР. М., 1987. № 26. С. 427–463.

¹³⁴³ Даже с учетом того, что численность всего населения в РСФСР в возрасте 15–59 лет за 1979–1989 гг. почти не выросла.

¹³⁴⁴ Экономическая газета. 1988. № 45. С. 9.

¹³⁴⁵ Народное хозяйство РСФСР в 1989 г.: стат. ежегодн. М., 1990. С. 109, 111.

усугубило текущее положение. Чрезмерно быстрая демократизация, реформа государственного управления и передача властных полномочий от партийных органов – советским усилили кризис командно-административной системы, активизировали центробежные процессы в СССР и снизили авторитет Коммунистической партии.

В целом механический прирост городов в 1979–1988 гг. в Западной Сибири достиг почти 1,3 млн чел. (табл. 4.1.7). При этом 2/3 его обеспечили города и пгт Тюменской области. Объемы сельско-городской миграции и положительный нетто-прирост городов и пгт за счет западносибирской сельской местности действительно несколько сократились. Однако это компенсировалось прибытиями из других экономических районов. Если рассматривать статистику сельско-городских миграций в отдельных регионах, без Тюменской области, то снижение будет более заметным. То же самое касается и межгородских перемещений населения, хотя в целом по экономическому району их объемы, благодаря ЗСНГК, выросли.

Таблица 4.1.8

Миграционный оборот городских поселений Западной Сибири в 1985, 1989 г., тыс. чел.*

Миграции	Алтайский край	Кемеровская область	Новосибирская область	Омская область	Томская область	Тюменская область	Западная Сибирь в целом
1985							
Прибывшие	90,9	139,0	93,4	62,8	38,3	237,7	662,1
Выбывшие	79,5	125,5	85,6	55,6	30,9	148,8	526,0
Миграционный оборот	170,4	264,5	179,0	118,5	69,2	386,6	1 188,1
Доля региона, в %	14,3	22,3	15,1	10,0	5,8	32,5	100,0
1989							
Прибывшие	85,8	116,3	88,2	62,5	36,0	159,7	548,6
Выбывшие	75,6	116,4	74,5	51,0	30,1	129,3	476,8
Миграционный оборот	161,4	232,8	162,7	113,5	66,1	289,0	1 025,4
Доля региона, в %	15,7	22,7	15,9	11,1	6,4	28,2	100,0

* ГААК. ФР.–718. Оп. 43. Д. 184. Л. 150об; Численность, естественное движение и миграция населения Кемеровской области: стат. сб. (ДСП) Кемерово, 1986. С. 74; Естественное движение и миграция населения Новосибирской области в 1985 г.: стат. сб. (ДСП) Новосибирск, 1986. С. 35; ИАОО. ФР.–2122. Оп. 3. Д. 1434. Л. 6об; Естественное движение населения за 1985 г.: стат. сб. (ДСП) Томск, 1986. С. 67; ГАТюм.О. ФР.–1112. Оп. 2. Д. 1325. Л. 31об; Численность, состав и движение населения в РСФСР: стат. сб. М., 1990. С. 291.

В 1980-е гг. окончательно утвердилось лидерство Тюменской области в общем количестве прибытий и выбытий (см. табл. 4.1.8). К середине 1980-х гг. ее удельный вес достиг 1/3 от всего миграционного оборота городов и пгт Западной Сибири. В этот же период в нефтегазодобывающем комплексе возникли и стали углубляться кризисные явления¹³⁴⁶. Если прежде падение добычи сырья на старых скважинах компенсировалось введением в

¹³⁴⁶ Карпов В.П., Колева Г.Ю., Гаврилова Н.Ю., Комгорт М.В. Западно-Сибирский нефтегазовый проект: от замысла к реализации. С. 184–186.

эксплуатацию новых месторождений, то теперь избежать стагнации не удавалось. В 1982 г. нефтяники впервые не выполнили планы по добыче нефти. Для преодоления возникшего кризиса понадобилось несколько лет и только в 1986 г. нефтяная промышленность смогла выйти на плановые показатели¹³⁴⁷. Стагнация промышленного производства не сразу, но все же отразилась на объемах миграционного оборота области, однако долгая череда прежних успешных лет еще какое-то время оказывала влияние на ее миграционный «имидж». Только после 1985 г., когда число прибытий и выбытий достигло своего пика, миграционный оборот стал сокращаться, что привело к снижению ее удельного веса в переселенческих потоках.

Городам Кемеровской области впервые за долгие годы удалось избежать механической убыли, что подтверждается данными текущего учета¹³⁴⁸. Положительный нетто-прирост образовался из-за резкого снижения выбытий из региона, и это несмотря на то, что по темпам роста промышленного производства Кузбасс на протяжении длительного времени занимал последнее место в Западной Сибири (+20,0 % за 1980–1988 гг.)¹³⁴⁹. Градообразующая активность в области почти замерла, за межпереписной период здесь появились только два новых пгт (Пионер и Новый Городок)¹³⁵⁰. На рубеже 1970–1980-х гг. центральными органами власти осуществлен комплекс мероприятий, направленный на улучшение положения дел в угольной отрасли. Повышена минимальная заработная плата работников, увеличены капитальные вложения в жилищное строительство¹³⁵¹. Это позволило городам Кемеровской области впервые за продолжительный период времени привлечь больше населения. Активизация государственной политики в угольной отрасли привела к сокращению размеров оттока населения на Украину, в Казахстан, Среднюю Азию и северокавказский экономический район при меньшем снижении объемов притока¹³⁵².

Миграционные процессы в остальных регионах Западной Сибири в 1980-е гг. отличались высокой стабильностью. Снижение размеров миграционного оборота в Алтайском крае, Омской, Томской и Новосибирской областях сопровождалось некоторым сокращением

¹³⁴⁷ Карпов В.П., Колева Г.Ю., Гаврилова Н.Ю., Комгорт М.В. Западно-Сибирский нефтегазовый проект: от замысла к реализации. С. 186.

¹³⁴⁸ Текущий архив Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Кемеровской области. Динамические ряды № 3. Л. 22–42; Динамические ряды № 6. Л. 57–58.

¹³⁴⁹ Народное хозяйство РСФСР в 1988 году: стат. ежегодн. М., 1989. С. 330.

¹³⁵⁰ Городские поселения РСФСР по данным Всесоюзной переписи населения 1989 года. М., 1991. С. 222–223.

¹³⁵¹ Заболотская К.А. Угольная промышленность Сибири (конец 1890 – начало 1990-х гг.). Историческое исследование. С. 233, 267.

¹³⁵² Культура, здравоохранение и население Кемеровской области: стат. сб. Кемерово, 1983. (ДСП) С. 32; Численность, естественное движение и миграция населения Кемеровской области: стат. сб. Кемерово, 1985. (ДСП) С. 72; Численность, естественное движение и миграция населения Кемеровской области: стат. сб. Кемерово, 1986. (ДСП). С. 80; Численность, естественное движение и миграция населения Кемеровской области: стат. сб. Кемерово, 1988. (ДСП). С. 65.

механического прироста¹³⁵³. Многоотраслевая хозяйственная структура с высоким удельным весом хорошо востребованных высокотехнологических отраслей, развитая социальная сфера, наличие мощного экономического ядра, сконцентрированного в административном центре, на протяжении десятилетий обеспечивали устойчивость миграций.

Итак, в исследуемый период (1959–1989 гг.) в РСФСР происходило постепенное, с колебаниями, уменьшение механического прироста городских поселений, вызванное сокращением трудового потенциала сельской местности и ростом доли горожан среди жителей республики в целом. Вместе с тем этот процесс в территориальном разрезе шел неодинаково и зависел от конкретных условий – социально-экономических, географических, природно-климатических, государственной политики, демографических (численности, структурного состава населения). В восточных районах страны миграция играла важную роль, в том числе в Западной Сибири. Это подтверждает доля проживавших в месте постоянного жительства не с рождения. Однако по многим причинам сильный отток и недостаточно высокие темпы хозяйственного развития, особенно в 1960-е гг., снизили миграционное сальдо ее городов.

В следующем десятилетии, благодаря высокому промышленному росту, большим капитальным вложениям, целенаправленной государственной политике по повышению оплаты труда, абсолютные размеры людского притока в восточные районы увеличились, но механический прирост городов сдерживался сокращением сельско-городских переселений. До конца 1970-х гг. миграции в целом, несмотря на определенную специфику, шли в русле общероссийских тенденций. В 1980-е гг. интенсивность пространственных перемещений в Западную Сибирь резко усилилась, в результате численность ее городских жителей повысилась намного больше, чем в РСФСР в целом. Заметно изменилась иерархия региональных миграционных потоков. К концу 1980-х гг. под влиянием новых тенденций, вызванных Перестройкой, снижения темпов индустриального развития положительное сальдо городских поселений вновь сократилось.

4.2. Пространственные перемещения по типам городских поселений

Большой интерес представляет изучение механического движения населения с учетом численности и функциональных типов городских поселений. Однако при всей актуальности осуществление подобного исследовательского анализа наталкивается на трудности источникового и методического характера. Основной проблемой здесь является нестабильность численного состава больших, средних и малых городов, который от переписи к переписи

¹³⁵³ ГААК. ФР.–718. Оп. 43. Д. 189. Л. 19–20; Д. 194. Л. 21–24; Д. 200. Л. 1–8; Д. 207. Л. 1–8; ИАОО. ФР.–2122. Оп. 3. Д. 1434. Л. 5–6; Д. 1742. Л. 5–6; Д. 2444. Л. 7–14; Д. 3056. Л. 6–13; ГАТО. ФР.–1085. Оп. 3. Д. 649. Л. 5–8об, 19–20об, 25–26об; Д. 772. Л. 67–74; ГАНО. ФР.–11. Оп. 6. Д. 6402. Л. 17–18; Д. 8726. Л. 23–24об; Оп. 7. Д. 203–87. Л. 16–20об; Оп. 13. Д. 131. Л. 25–32.

постоянно менялся. Если в межпереписной период город переходил в вышестоящую или нижестоящую группу или делал это в год переписи, то возникал вопрос правильного распределения рассчитанного для него механического прироста. В некоторых случаях (Нижевартовск и Сургут) города могли менять свой статус в межпереписной период дважды. Эта проблема частично решается при наличии данных о численности населения городов на начало каждого последующего года, но не во всех региональных архивах и библиотеках отложилась такая информация. Статистические сборники «Численность населения РСФСР по городам, рабочим поселкам и районам» охватывают не весь рассматриваемый период, а ограниченный тираж затруднил доступ к опубликованным в них сведениям.

Согласно расчетным данным в 1959–1969 гг. основную часть механического прироста предсказуемо обеспечивали крупные города, однако их доля со временем последовательно снижалась. За счет миграций и административных реорганизаций население последних увеличилось на 584,5 тыс. чел., что составило 65,4 % от совокупного механического прироста всех западносибирских городов (см. Прил., табл. 12). Удельный вес средних городов был минимальным и находился на уровне одного процента (9,5 тыс. чел.), доля малых городов и пгт составила 33,5 % (300,2 тыс. чел.). Причем преобразования сельских населенных пунктов в пгт дали 370,8 тыс. механического прироста¹³⁵⁴, а это означает, что у малых городских поселений Западной Сибири в 1960-е гг. в совокупности оказалось отрицательное миграционное сальдо (–70,6 тыс. чел.)¹³⁵⁵.

Как известно, механический прирост во многом характеризует степень привлекательности того или иного населенного пункта для потенциальных мигрантов. Его объемы напрямую зависят от уровня социально-экономического развития, условий жизнедеятельности и иных факторов. Безусловно, крупные города составили костяк системы городского расселения и по многим причинам были наиболее предпочтительны для вселения. В Западной Сибири, особенно в 1960-е гг., положение усугублялось особенностями ее хозяйственного развития. В этот период промышленный рост городов экономического района продолжал оставаться недостаточно высоким¹³⁵⁶.

Кроме крупных городов в экономическом районе практически не осталось иных альтернативных «точек» активного индустриального роста. «Опорный каркас расселения», включающий крупные западносибирские города, остался фактически единственной устойчиво

¹³⁵⁴ Подсчитано по населению 68 поселков городского типа, возникших в 1958–1969 гг. (из статистических справочников и архивных источников бралось население на следующий после возникновения каждого конкретного пгт год). В расчетах не учитывались присоединение близлежащих сельских населенных пунктов к городским поселениям, упразднение пгт. Однако вклад последних административных преобразований в механический прирост, судя по данным архивов, являлся минимальным (не более 2,0–3,0 %).

¹³⁵⁵ Подсчитано по данным Прил., табл. 10.

¹³⁵⁶ Народное хозяйство РСФСР в 1969 г.: стат. ежегодн. М., 1970. С. 40.

растущей хозяйственной системой в Западной Сибири, способной на равных конкурировать за массы мигрантов с другими интенсивно развивающимися экономическими районами и республиками СССР.

Ситуация стала меняться, когда формирование ЗСНГК в 1970-е гг. перешло в решающую фазу и повсеместно были введены районные коэффициенты к заработной плате, что сильно повлияло на количество убытий из Западной Сибири. Миграционные потоки стали трансформироваться в пользу новых очагов экономической активности. Следует также учитывать, что в это время в стране начинает проводиться целенаправленная политика поддержки хозяйственного развития малых и средних городов. На центральном уровне принимаются решения о размещении у них новых предприятий или филиалов и сдерживании роста промышленного потенциала крупных городских поселений.

Доля крупных городов в механическом приросте начинает снижаться, а средних и малых – наоборот увеличиваться. В 1970–1978 гг. большие города выросли за счет миграций и административных преобразований только на 350,9 тыс. чел. и их вклад в механическом приросте снизился до 49,0 %, в то же время доля средних городов повысилась до 15,5 % (111,3 тыс. чел.)¹³⁵⁷.

Начала расти доля малых городов и пгт. И действительно, в 1960-е гг. они сформировали не более трети механического прироста (с учетом того, что вклад в него административных преобразований сел в пгт являлся решающим). В 1970-е гг. доля малых городов и пгт в механическом приросте действительно выросла, но пока не существенно (до 35,5 %)¹³⁵⁸. Расчеты показывают, что в его структуре произошли серьезные сдвиги: если в 1960-е гг. единственным фактором увеличения численности населения малых городов и пгт за счет внешних источников являлись административные реорганизации, то в 1970-е гг. их значение сильно уменьшилось. Если за предыдущий период (1959–1969 гг.) возникло 68 пгт, то в последующий межпереписной период – только 22. В 1970–1978 гг. механический прирост малых городов и пгт достиг 253,7 тыс. чел., из которых на административные преобразования пришлось 104,2 тыс. чел. (41,1 %)¹³⁵⁹.

В 1980-е гг. нефтегазовый комплекс стал ведущей движущей силой хозяйственного развития Западной Сибири. На предприятия Тюменской области в 1985 г. приходилось 60,7 % от общего объема государственных инвестиций в экономический район¹³⁶⁰. В 1980-е гг. вклад малых городов и пгт превысил половину всего механического прироста западносибирских

---

¹³⁵⁷ В расчеты включены данные по гг. Сургут и Нижневартовск, которые были средними в 1973–1978 гг. и 1975–1978 гг. соответственно, и не включен механический прирост г. Нефтеюганск, который стал средним в 1979 г.

¹³⁵⁸ Подсчитано по данным Прил., табл. 10.

¹³⁵⁹ Расчеты составлены по 22 пгт, возникшим в 1970–1978 гг.

¹³⁶⁰ Регионы России: стат. сб. в 2 т. М., 1999. Т. 2. С. 792.

городских поселений. Значительно активизировались как масштабы миграций в малые города и пгт, так и процессы градообразования. В 1979–1988 гг. численность их населения за счет вышеуказанных факторов увеличилась на 702,4 тыс. чел. (54,5 %), включая 292,8 тыс. чел., которые стали горожанами за счет административных преобразований. На карте Западной Сибири появилось 46 новых поселков городского типа¹³⁶¹ и 11 городов, из которых три стали ими сразу – Новый Уренгой, Когалым и Кедровый, минуя промежуточный статус поселков городского типа. На территории Тюменской области было создано 25 пгт и восемь городов, совокупный вклад которых в административных реорганизациях достиг 186,8 тыс. чел.

В конечном итоге процентный вклад больших городов в механическом приросте снизился до 35,4 % (456,2 тыс. чел.), средних городов – повысился до 10,1 % (130,4 тыс. чел.)¹³⁶². Таким образом, в 1960–1980-е гг. освоение нефтегазовых месторождений севера Западной Сибири привело к существенным сдвигам в распределении механического прироста.

Наш анализ будет неполным без изучения механического движения в различных функциональных типах городских поселений. Исследование распределения миграций только по размерам городов дает возможность лишь в общих чертах выявить роль крупных, средних и малых городских поселений в пространственных перемещениях, так как между величиной города и его миграционным ростом нет статистически сильной связи. Тогда как функциональный анализ – позволит определить миграционные предпочтения людей в зависимости от экономической основы городских поселений. Естественно, что различные функциональные типы городов сильно отличались в динамике механического прироста.

Переходим к анализу больших городов. Административные центры в сравнении с индустриальными обладали важными преимуществами¹³⁶³. Прежде всего, они были крупнее по численности населения. В них располагались почти все учреждения высшего образования и большая часть научно-исследовательских учреждений. Они отличались высокоразвитой и рациональной структурой городского хозяйства, в которой доминировали отрасли конечных стадий обрабатывающей промышленности (в том числе предприятия ВПК) с высоким уровнем материального поощрения работников. В основном выше была обеспеченность жилым фондом на душу населения и уровень его благоустройства.

Именно поэтому региональные столицы отличались наибольшими размерами механического прироста. В 1960-е гг. приток населения в них достиг 614,2 тыс. чел. Лидирующие позиции по росту численности жителей за счет внешних источников (161,2 тыс. и

---

¹³⁶¹ Не считая закрытого пгт Сибирский Алтайского края.

¹³⁶² В расчеты не включены данные по гг. Нягань, Надым и Заринск, которые стали средними в 1989 г. и г. Белово, который в 1989 г. покинул категорию крупных городов.

¹³⁶³ К функциональному типу административных центров были отнесены: Барнаул, Тюмень, Томск, Кемерово, Омск, Новосибирск.

151,1 тыс. чел.) заняли крупнейшие города Западной Сибири – Новосибирск и Омск. За ними последовательно расположились Тюмень (92,1 тыс. чел), Барнаул (85,8 тыс. чел.), Кемерово (66,8 тыс. чел.) и Томск (57,1 тыс. чел.) (см. Прил., табл. 12).

Крупные индустриальные центры проигрывали в борьбе за миграционные потоки (–29,6 тыс. чел.)¹³⁶⁴. По количеству жителей почти все из них, за исключением Новокузнецка, значительно уступали административным центрам и обладали менее благоприятным географическим расположением. Невысокие темпы развития отраслей обслуживания, учреждений науки, социальной сферы снижали варианты трудоустройства и ограничивали возможности выбора профессии. Например, неперенные атрибуты административных центров – филармонии, театры и вузы, не обязательно создавались в других больших городах. В отличие от материального производства, формирование полноценной высокоразвитой сети социально-культурных учреждений требовало больше времени, а отсутствие высокого административного статуса не способствовало этому.

В структуре городской экономики во многих случаях главное место занимали добывающая и первичные отрасли обрабатывающей промышленности с непростыми условиями труда, развитие которых зависело от текущей конъюнктуры и государственной экономической политики. Это особенно заметно на примере городов Кузбасса, где из-за снижения значения угля в экономике и сокращения капитальных вложений в развитие добывающих предприятий совокупная механическая убыль гг. Прокопьевск, Ленинск-Кузнецкий, Киселёвск, Анжеро-Судженск и Белово достигла 123,6 тыс. чел. (см. Прил., табл. 12).

Крупные центры обрабатывающей промышленности (Новокузнецк, Бийск и Рубцовск) заняли промежуточное положение. Естественный и механический приросты играли у них равную роль в повышении численности населения (98,8 и 94,0 тыс. чел. соответственно). В отличие, например, от административных центров, которые в 1960-е гг. росли преимущественно за счет миграций (351,1 тыс. и 614,2 тыс. чел.). Наибольший приток был отмечен в Новокузнецке (53,6 тыс. чел), где началось строительство крупнейшего металлургического комбината – Запсиба¹³⁶⁵. Размах работ привел к возникновению огромного поселка Заводской, численность жителей которого к 1971 г. достигла 90,0 тыс. чел.¹³⁶⁶ Только по комсомольским путевкам на строительство комбината прибыло 15,0 тыс. чел. из 200 районов страны¹³⁶⁷. Механический прирост у Бийска составил 24,9 тыс. чел., Рубцовска – 15,5 тыс. чел. (см. Прил., табл. 12).

¹³⁶⁴ К этой категории были отнесены: Новокузнецк, Бийск, Рубцовск, Прокопьевск, Ленинск-Кузнецкий, Киселёвск, Анжеро-Судженск, Белово.

¹³⁶⁵ Рабочий класс Сибири. 1961–1980 гг. С. 38–41.

¹³⁶⁶ Сыроваткин А. Новокузнецк. С. 49.

¹³⁶⁷ Ефимкин М.М. Рабочие Сибири, конец 50-х – середина 80-х годов. С. 73.

Согласно Всесоюзной переписи 1959 г. представительство средних городов в Западной Сибири было минимальным, поэтому их совокупный вклад в механический прирост за 1959–1969 гг. составил только 9,5 тыс. чел.¹³⁶⁸ Кроме гг. Осинники и Междуреченск эти цифры включили показатели по Ишиму, Бердску и Юрге, с учетом того, что они вошли в эту группу в 1966, 1969 и 1961 гг. соответственно. По динамике механического прироста они сильно отличались. Например, миграционные потери г. Осинники за этот период достигли 15,2 тыс. чел., тогда как население Бердска за счет перемещений только за один год увеличилось на 1,1 тыс. чел. У одного из самых молодых городов Кузбасса – Междуреченска (1955 г.) механический прирост достиг 13,4 тыс. чел. Большой приток мигрантов был зафиксирован также в другом городе Кемеровской области – Юрге (6,8 тыс. чел.) (см. Прил., табл. 13).

Как уже говорилось выше, механический прирост малых городов и пгт в 1960-е гг. достиг весомой величины – около 300,0 тыс. чел., при том, что эта цифра возникла только благодаря административным преобразованиям. Представляется интересным рассмотреть динамику механического прироста именно малых городов (без пгт). В целом расчеты коснулись 44 городов, с учетом перешедших в состав средних (гг. Бердск, Ишим и Юрга) и получивших городской статус в межпереписной период (Заводоуковск (1960), Нефтеюганск (1967), Сургут, Урай, Каргат и Березовский (1965), Калтан (1959), Таштагол (1963)). В конечном итоге совокупный механический прирост малых городов составил всего 19,8 тыс. чел.¹³⁶⁹ (см. Прил., табл. 10, 11). Это значит, что из поселков городского типа в 1959–1969 гг. выбыло около 90,0 тыс. чел.

В ходе урбанизации в России и Западной Сибири, в частности, малые города оказались на обочине индустриального развития страны. Дело в том, что большинство из них не располагало территориальными и экономическими условиями, благоприятствующими стабильному промышленному росту. Некоторые из них не имели железнодорожного сообщения с другими городами и районами (11 из 50 малых и средних городов Западной Сибири в 1975 г.), испытывали дефицит водных ресурсов, в них отсутствовала строительная база, недостаточными являлись уровень развития технической и социальной инфраструктуры и обеспеченность трудовыми ресурсами¹³⁷⁰.

Как показывают данные выборочного обследования 1965 г. более 80,0 % нуждающихся в трудоустройстве в малых городах РСФСР – женщины, привлечение которых в общественное производство требовало определенных условий (работа по специальности, вблизи места

¹³⁶⁸ Для простоты вычислений мы не стали выделять отдельные функциональные типы среди средних городов, так как все они, кроме Ишима, являлись индустриальными городами.

¹³⁶⁹ Без Тогучина и Черепаново, где механический прирост, скорее всего, был отрицательным.

¹³⁷⁰ Малые и средние города РСФСР. Характеристика, условия и направления развития: науч.-информ. сб. (ДСП). М., 1976. 296 с.

проживания, на неполный рабочий день, устройство детей в дошкольные детские учреждения и др.)¹³⁷¹. Министерства и ведомства с их проектной «гигантоманией» располагали ограниченным набором типовых схем узкоспециализированных предприятий и производств с небольшой численностью работающих, которые можно было бы разместить в малых городах.

Даже в 1975 г. 62,5 % малых городов Западной Сибири не имело организаций ведущих промышленное и гражданское строительство, а в остальных мощность и объемы выполняемых работ были незначительными¹³⁷². Многие не обладали коммунальным водопроводом и общегородской канализацией. Так, среди городов с населением до 20,0 тыс. чел. только 6,2 % жилого фонда было обеспечено водопроводом и 15,8 % канализацией, в вышестоящей группе (20,0–50,0 тыс. чел.) – соответственно 17,4 % и 14,7 %. Среди причин их слабого экономического развития следует отметить ведомственный подход к оценке эффективности размещения промышленности. Возведение новых предприятий в небольших поселениях представляло собой организационно сложное дело и отличалось высокими первоначальными затратами в сравнении с крупными городами, где значительная часть расходов сокращалась в связи с подключением к действующим сетям и сооружениям. Промышленное строительство затрудняли территориальные и природные особенности расположения. Так, возведению производственных мощностей в городах Барабинской и Кулундинской зон препятствовали неблагоприятные инженерно-строительные условия, частые паводки, затопления и большое количество оврагов¹³⁷³. Так, г. Татарск, каждый год на 15,0–20,0 см. затоплялся грунтовыми водами и погружался в болото¹³⁷⁴.

Лучшими условиями обладали поселения, расположенные в зоне влияния крупных городов, имеющие возможность при размещении промышленных объектов отчасти использовать внешний производственный, социально-культурный потенциал и строительную базу, но таких городов в Западной Сибири насчитывалось только 10¹³⁷⁵. По оценкам специалистов только в половине (24 из 50 в 1975 г.) малых и средних западносибирских городов имелись более или менее сносные условия для промышленного строительства.

Детальный анализ выявил, что особенно в непростом демографическом положении оказались местные организующие центры, которые в 1960-е гг. потеряли за счет миграций 30,9 тыс. чел. (см. Прил., табл. 10). Почти все они являлись одновременно административными центрами районов и возглавляли систему сельских и городских (если такие были) поселений,

¹³⁷¹ Занятость населения мелких и средних городов РСФСР (итоги выборочного обследования на 10 мая 1965 года). М., 1965. (ДСП).

¹³⁷² Малые и средние города РСФСР. Характеристика, условия и направления развития: науч.-информ. сб. М., 1976. (ДСП). С. 77.

¹³⁷³ Там же. С. 230.

¹³⁷⁴ Новикова Е. Татарск – самый железнодорожный город областного подчинения // Комсомольская правда (Новосибирский выпуск). 2004. 23 сент.; Пальчиков В. Меж высоких хлебов // Советская Сибирь. 1996. 19 мар.

¹³⁷⁵ Там же. С. 18.

выполняя функции удовлетворения наиболее простых социальных и культурных потребностей окружающего населения. В тот момент населенные пункты этого типа представляли собой основную массу малых городов Западной Сибири. Узость сферы приложения труда, трудности решения задач благоустройства, недостаток материальных и финансовых ресурсов усугублялись проблемами модернизации производства, формирования качественной и современной инфраструктуры и повышения уровня жизни, обретения хорошего образования.

Наиболее распространенными у них являлись подсобные хозяйства, опытные станции, предприятия по первичной переработке сельскохозяйственного сырья (пищевой и мясомолочной промышленности), ремонту сельскохозяйственной техники и снабжению колхозов и совхозов минеральными удобрениями, которые по уровню материального поощрения работников значительно уступали ведущим индустриальным отраслям. Это не позволяло в должной мере удовлетворять возрастающие потребности проживающего у них населения и приводило к оттоку трудовых ресурсов, особенно, молодежи.

Высокими миграционными потерями отличалась подгруппа транспортных городов (–41,2 тыс. чел.), которым из-за территориально-географического положения отдавать население было гораздо проще (см. Прил., табл. 10). Механическая убыль у них даже превышала естественный прирост, из-за чего численность их жителей уменьшалась. Фактически эти города, наряду с сельскими поселениями, стали источниками пополнения трудовых ресурсов крупных административных и индустриальных центров и других интенсивно развивающихся территорий. Подобное положение сложилось повсеместно в Российской Федерации. Хозяйственная основа этих городов не создавала прочной базы для стабильного демографического роста. Будучи «сельскими» по своей экономической природе, они оказались вовлеченными в миграционный поток, идущий из деревни в средние и крупные города, и стали терять свое население. Оттоком больше всего оказались охвачены поселения Новосибирской и Омской областей, расположенных в сфере влияния крупнейших городов Сибири.

Выборочное исследование некоторых малых городов Новосибирской области в 1965 г. подтвердило высокий отток населения в Барабинске из-за ограниченной сферы приложения труда. Перевод железнодорожного транспорта на электрическую тяговую силу высвободил значительную часть работников, которые из-за отсутствия занятия по специальности были вынуждены уехать из города. Слабый миграционный отток из г. Карасук был вызван переносом Славгородского отделения железной дороги, что стало своеобразной компенсацией ухода нескольких строительных организаций после 1959 г.¹³⁷⁶ К тому же в городе развернулось довольно активное культурное и жилищное строительство¹³⁷⁷.

---

¹³⁷⁶ ГАНО. ФР.–11. Оп. 3. Д. 4818. Л. 58–59.

¹³⁷⁷ Тимофеев Б. Город в степи // Советская Сибирь. 1965. 6 мар.

Чуть более благополучное положение сложилось в местных организующих центрах, где транспортные функции были выражены меньше, особенно в Тюменской области. Необходимость материального и продовольственного обеспечения северных районов подстегнула строительство машиностроительных и сельскохозяйственных предприятий. Заметный толчок экономическому и демографическому развитию Тобольска дало возведение железной дороги Тюмень – Сургут, позволившее ему стать железнодорожной станцией. В г. Камень-на-Оби Алтайского края постепенно росли масштабы переработки сельскохозяйственной продукции. Административный статус и связанные с этим экономические и социальные выгоды обеспечили приток населения в центры автономных округов и области.

Функциональная структура малых индустриальных городов (как и средних) была разной и в значительной степени отражала хозяйственную специализацию экономического района, в первую очередь в части развития начальных стадий обработки сырья и материалов. В РСФСР в большинстве случаев, основная часть занятых в таких поселениях трудилась в топливной, лесной, деревообрабатывающей, целлюлозно-бумажной, легкой промышленности, а также в индустрии строительных материалов. При этом малые и средние города значительно уступали крупным по доле работников в отраслях, связанных с верхними этажами переработки сырья, в машиностроении и металлообработке, химии и нефтехимии. Численность малых индустриальных городов в Западной Сибири в начале 1960-х гг. была сравнительно невелика, экономической базой у них были предприятия обрабатывающей промышленности, лесной и угольной отрасли, добычи цветных металлов (см. Прил., табл. 4).

Численность населения малых индустриальных городов Западной Сибири за счет миграций и административных преобразований возросла в 1960-е гг. на 50,7 тыс. чел., из которых 34,1 тыс. чел. дали поселения, специализирующиеся на обрабатывающих отраслях промышленности. Крупные предприятия стали мощными факторами их демографического роста (Куйбышев, Юрга)¹³⁷⁸. Важным условием миграционного притока для части городов стало то, что они вошли в состав крупной агломерации (например, Бердск, Искитим, Новоалтайск). Иногда в черту малых городов административно включались близлежащие деревни, что также отражалось на механическом приросте. Так, в 1961 г. к Искитиму были присоединены поселки Шипуново и Ложки с населением 2,4 тыс. чел.¹³⁷⁹

Материальное благополучие предприятий, относящихся к союзным или союзно-республиканским ведомствам, складывалось заведомо лучше, чем у заводов республиканской

¹³⁷⁸ Галкин Н.В. История Юрги. Кемерово, 2001; Бурматов А.А. Демографическая история Каинска-Куйбышева и его округи. Новосибирск, 1997.

¹³⁷⁹ ГАНУ. ФР.–11. Оп. 3. Д. 4818. Л. 58.

или местной промышленности, так как они регулярно подвергались реконструкции, расширяли ассортимент выпускаемой продукции, улучшали производственную инфраструктуру, вели активное жилищное строительство, труд работников лучше оплачивался. Нередко на базе действующих предприятий могли возникнуть новые, аналогичной специализации. В лучшую сторону менялась система образования и здравоохранения опорных поселений. Например, необходимость в квалифицированных специалистах способствовала возникновению средних специальных учебных заведений. Со временем большинство таких городов за счет высокого миграционного прироста переходило в вышестоящую по численности населения категорию.

Кроме них в РСФСР распространение получили малые города индустриального типа, где после окончания промышленного строительства население переставало расти (22,0 % в 1975 г.)¹³⁸⁰. Особенно велика доля таких городов была на Урале и в восточных районах РСФСР. В Западной Сибири к ним можно отнести Калтан и Гурьевск, а также ряд городов «сырьевой» подгруппы. Например, в Калтане в 1940–1950-е гг. был отмечен большой приток мигрантов на строительство Южно-Кузбасской ГРЭС. После введения в строй электростанции интенсивность промышленного и социального строительства упала, что привело к выбытию населения в Новокузнецк и другие места¹³⁸¹. Что касается Гурьевска, то на его демографическую динамику негативное воздействие оказала убыточность основного производства в 1950–1960-е гг., которое в дальнейшем было реконструировано¹³⁸².

Социально-экономическое развитие индустриальных городов, связанных с добычей сырья и лесопереработкой, как правило, было менее предсказуемым, поскольку их функциональная основа отличалась еще большей узостью специализации и зависела от спроса на выпускаемую продукцию. Размеры сырьевой базы ограничивали рост промышленного производства, что тоже влияло на демографические перспективы.

Истощение запасов цветных металлов и снижение производительности градообразующих предприятий стимулировали отток населения из гг. Змеиногорск, Салаир¹³⁸³. Общими их проблемами стали сложности с трудоустройством и непростая экологическая ситуация, приводившие к оттоку молодежи. Похожие проблемы, но в менее острой форме, проявились в Таштаголе. В лучшем социально-экономическом положении оказался Березовский¹³⁸⁴. Наибольший прирост населения обеспечили городские поселения – возникшие в 1960-е гг. как центры нефтяной и газовой промышленности. Они росли быстро и большинство из них в

¹³⁸⁰ Малые и средние города РСФСР. Характеристика, условия и направления развития: науч.-информ. сб. М., 1976. (ДСП). С. 7.

¹³⁸¹ Разваляев Ю.Д., Локтев В.А. Калтан: историко-географический обзор: уч. пос. Калтан, 2010. С. 13, 69–70.

¹³⁸² Сорокин М.Е. Гурьевск. Кемерово, 1996. С. 159. Гурьевск: страницы истории. Кемерово, 2008. С. 114–115.

¹³⁸³ Моисеев В.А. Змеиногорск в 60 – первую половину 80-х гг. XX века // История Змеиногорска. XX век. Барнаул, 2007. С. 191; Проблемы урбанизации восточных регионов России в XIX–XX вв. Томск, 2007. С. 200. Змеиногорск по ряду признаков можно отнести к функциональному типу местных организующих центров.

¹³⁸⁴ Чворо В.Д. Город угля и молодости. Березовский, 1994.

статусе малых городов находились в течение короткого времени. Сургут, Нефтеюганск и Урай, несмотря на позднее возникновение, обеспечили почти весь механический прирост в этой функциональной подгруппе (см. Прил., табл. 11).

Резюмируя вышесказанное, можно говорить о том, что на фоне ухудшения миграционного положения Западной Сибири в 1960-е гг. в наибольшей мере (если не брать в расчет административных реорганизаций) пострадали малые городские поселения, у которых из-за недостаточно динамичного развития механический прирост, если учитывать пгт, принял даже отрицательные значения. Большой привлекательностью пользовались крупные города, особенно административные центры, которым в силу промышленного и социально-культурного строительства требовалось большое количество трудовых ресурсов.

В следующем десятилетии в пространственных перемещениях населения происходят важные перемены. Введение повышающих коэффициентов к заработной плате, сдвиг производительных сил на восток и масштабное индустриальное строительство на севере Западной Сибири трансформировали направления миграционных потоков¹³⁸⁵. В итоге произошло как территориальное перераспределение миграционных потоков, так и по размерам и функциональным типам городских поселений.

В 1970–1978 гг. удельный вес больших городов в механическом приросте снизился до 49,0 %, что произошло по нескольким причинам. Прежде всего, в эти годы возрос удельный вес средних городов, одновременно повысились численный состав и миграционная привлекательность малых. Как и прежде основная масса людей направлялась в административные центры регионов (384,9 тыс. чел.). Заметно (более чем в два с половиной раза) сократился механический прирост Новосибирска (до 60,3 тыс. чел.) (см. Прил., табл. 12). Это связано с политикой органов власти, нацеленной на ограничение хозяйственного и демографического роста крупнейших городов страны. Во второй половине 1960-х гг. был составлен перечень населенных пунктов, где размещение промышленных предприятий ограничивалось или запрещалось, который в дальнейшем неуклонно расширялся¹³⁸⁶. Например, в 1980 г. в него попали Москва, Ленинград, Баку, Владивосток, Волгоград, Воронеж, Ворошиловград, Горький, Грозный, Днепропетровск, Донецк, Ереван, Запорожье, Иваново, Иркутск, Калинин, Казань, Киев, Комсомольск-на-Амуре, Краматорск, Куйбышев, Львов, Магнитогорск, Минск, Мурманск, Николаев, *Новосибирск*, Одесса, Пенза, Пермь, Рига, Ростов-на-Дону, Рязань, Саратов, Свердловск, Севастополь. Сумгаит, Таганрог, Таллин, Ташкент, Тбилиси, Тула, Хабаровск, Харьков, Челябинск, Ярославль¹³⁸⁷.

¹³⁸⁵ Зайончковская Ж.А. Зачем и как прогнозировать миграцию // Поиск ведут демографы. М., 1985. С. 88–96.

¹³⁸⁶ Сенявский А.С. Урбанизация России в XX веке: роль в историческом процессе. С. 100.

¹³⁸⁷ Методические указания к разработке государственных планов экономического и социального развития СССР. М., 1980. С. 455.

В перечисленных городах запрещалось строительство новых предприятий кроме тех, что производили продукцию для населения и городского хозяйства. Развитие производств должно было осуществляться с учетом более интенсивного использования действующих мощностей, а также «удовлетворения градостроительных и экологических требований, за счет технического перевооружения, без увеличения численности работающих, производственных площадей и заводской территории»¹³⁸⁸. В других административных центрах сокращение механического прироста происходило более последовательно. Лидером по притоку мигрантов стал Омск (112,4 тыс. чел.). Спад миграционной активности слабо коснулся Томска (50,0 тыс. чел.). Население Барнаула, Кемерово и Тюмени за счет внешних источников увеличилось на 53,6 тыс. чел., 51,3 тыс. и 57,3 тыс. чел. соответственно (см. Прил., табл. 12).

Как и в 1960-е гг., крупные западносибирские промышленные центры продолжали терять население. Размеры миграционных потерь остались почти на прежнем уровне (–34,0 тыс. чел.). Так, Новокузнецк после введения в строй Запсиба практически перестал притягивать население (4,1 тыс. чел.). Такую же динамику показывают данные текущего учета. Если за 1959–1969 гг. по данным паспортных столов положительное сальдо миграции Новокузнецка достигло 30,7 тыс. чел., то в 1970–1978 гг. – только 8,9 тыс.¹³⁸⁹ Увеличение людности города стало происходить почти исключительно за счет естественного прироста. В Рубцовске был даже зафиксирован миграционный отток (–1,4 тыс. чел.). Рубцовск значительно отставал от однотипных городов в развитии социальной и жилищной инфраструктуры¹³⁹⁰. Среди крупных центров перерабатывающей промышленности уверенный механический прирост демонстрировал Бийск (12,7 тыс. чел.). На протяжении двух десятилетий (1960–1970-е гг.) на его территории не затухало индустриальное строительство. Были введены в строй несколько крупных заводов оборонной промышленности, в том числе химический и олеумный, приборостроительный и механический. Численность персонала на одном из крупнейших предприятий Алтайского края – «Сибприбормаше» превысила 17,5 тыс. чел.¹³⁹¹

В два с половиной раза (до 49,3 тыс. чел.) снизились миграционные потери в городах, предприятия которых специализировались на угольной отрасли. Произошло это, главным образом, из-за сокращения количества выбытий. В то время как количество прибывших извне, хотя и снизилось, но все же не так сильно. Результаты сравнительного анализа территориального распределения пространственных перемещений за 1970 и 1979 гг. показали,

---

¹³⁸⁸ Там же.

¹³⁸⁹ Текущий архив Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Кемеровской области. Динамические ряды № 3. Л. 41.

¹³⁹⁰ Прохоров Б. Как управлять текучестью // Алтайская правда. 1978. 18 нояб.

¹³⁹¹ Бийск: энциклопедия. С. 276.

что заметно сократились потери в обмене с регионами и республиками, которые прежде являлись главными реципиентами мигрантов из Кузбасса¹³⁹².

Существенное увеличение численности и населения средних городов вызвало повышение их роли в миграционных процессах. По нашим подсчетам прирост за счет внешних источников увеличился у них более чем в 10 раз и достиг 111,3 тыс. чел. (см. Прил., табл. 13). Эта цифра была получена с учетом того, что средними городами стали Искитим (в 1973 г.), Тобольск (в 1972 г.) и Новоалтайск (в 1970 г.) и в течение короткого времени в их составе побывали Сургут (1973–1978 гг.) и Нижневартовск (1975–1978 гг.). Практически все они показали рост численности жителей за счет миграций и административных присоединений, за исключением Осинников (–5,7 тыс. чел.) и Новоалтайска (–3,6 тыс. чел.). Но и в Осинниках отток значительно сократился по сравнению с предыдущим межпереписным периодом¹³⁹³.

Высокий миграционный приток показала Юрга (10,2 тыс. чел.). Вторая половина 1950-х – конец 1980-х гг. считается расцветом города. Непрерывно расширяло производство его градообразующее предприятие, осваивалась новая продукция военного и гражданского назначения, почти ежегодно вводились в строй новые заводские помещения¹³⁹⁴. Заметно увеличилось население Бердска (9,3 тыс. чел.) и Тобольска (9,1 тыс. чел.). Численность жителей Искитима в 1970-е гг. за счет внешних источников повысилась на 5,8 тыс. чел. Умеренный механический прирост был отмечен в Междуреченске (1,4 тыс. чел.) и Ишиме (3,0 тыс. чел.).

Три четверти механического прироста средних городов обеспечили поселения, которые находились в их составе в течение всего нескольких лет. Совокупное положительное сальдо Сургута и Нижневартовска достигло 81,6 тыс. чел. (см. Прил., табл. 13). Ввод в эксплуатацию гигантского Самотлорского месторождения нефти привел к возникновению и стремительному росту г. Нижневартовска, население которого буквально за одно десятилетие превысило 100,0 тыс. чел. По данным М.М. Ефимкина только за 1978–1980 гг. в город по комсомольским путевкам прибыло более 2,0 тыс. чел., хотя половина из них в скором времени выбыла¹³⁹⁵. Не менее масштабными были работы по освоению Усть-Балыкского и других близлежащих месторождений, которые способствовали превращению древнего Сургута сначала в рабочий поселок, а затем в город.

Механический пророст малых городов (без пгт) в 1970-е гг. увеличился более чем в два с половиной раза и достиг 52,7 тыс. чел. (см. Прил., табл. 10, 11). Позитивная динамика отмечена как у местных организующих центров, так и у промышленных городов. У первых существенно

---

¹³⁹² ГАКО. ФР.–304. Оп. 1. Д. 104. Л. 2–3об; Д. 106. Л. 4–5об; Д. 108. Л. 1–2; Д. 110. Л. 7–8об; Д. 112. Л. 1–2об.

¹³⁹³ Текущий архив Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Кемеровской области. Динамические ряды № 3. Л. 22–37.

¹³⁹⁴ Наши города. С. 113–117.

¹³⁹⁵ Ефимкин М.М. Рабочие Сибири, конец 50-х – середина 80-х годов. С. 79.

(до 15,7 тыс. чел.) сократилась механическая убыль. Государственная политика в области заработной платы в 1970-е гг.: повышение минимальной оплаты труда, введение районных коэффициентов понизили миграционную активность населения. Постепенное затухание экономического роста в СССР, курс на интенсификацию промышленного производства сократили спрос на рабочую силу. Привлекательность малых индустриальных центров снижала нерешенность жилищной и продовольственной проблем. Особенно заметное сокращение оттока произошло в Барабинске, Татарске, Болотном, Купино и Чулыме, что подтверждают и данные текущего учета населения¹³⁹⁶. Некоторое уменьшение положительного сальдо отмечено у административных центров автономий (см. Прил., табл. 10).

В 1960-е гг. проблема социально-экономического и демографического развития малых городов была поставлена на государственном уровне. Однако разработанные практические меры по повышению их роли в жизни страны с самого начала вызывали сомнения в конечном успехе. В соответствии с директивами XXIII съезда КПСС, Госпланом был подготовлен рекомендательный перечень малых и средних городов, удобных для размещения промышленных предприятий¹³⁹⁷. В процессе отбора, проводившегося в каждой союзной республике и крупном экономическом районе, исходили, главным образом, из наличия рабочих кадров, строительных площадок, ископаемых, водных и энергетических ресурсов, транспортных связей.

В меньшей мере учитывались строительная база, уровень промышленного развития, обеспеченность культурно-бытовыми учреждениями, жилфондами и инженерным оборудованием (водопроводом и прочими). Во многих рекомендуемых городах уже возводились новые предприятия или реконструировались старые. Так, в РСФСР в 1968 г. более половины всех строящихся объектов союзной и республиканской промышленности было размещено в не крупных, в основном средних и полусредних городах (от 20,0 до 50,0 тыс. чел.), уже обладающих индустриальной базой (свыше 70,0 % из 529)¹³⁹⁸. Фактически рекомендованный список был нацелен на решение задачи именно их промышленного роста. Малые города (до 20,0 тыс. чел.) и поселки составили только четверть перечня. Таким образом, в большинстве из них длительное время не велось сколько-нибудь значимого производственного и культурно-бытового строительства.

Согласно данным некоторых краеведческих исследований, например, в г. Карасук в середине 1970-х гг. был построен филиал новосибирского электровакуумного завода,

---

¹³⁹⁶ Естественное и механическое движение населения Новосибирской области в 1972 г.: стат. сб. Новосибирск, 1973. (ДСП). С. 49; Естественное и механическое движение населения Новосибирской области в 1975 году: стат. сб. Новосибирск, 1976. (ДСП). С. 48.

¹³⁹⁷ Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. Т. 6. 1966 – июнь 1968. М., 1968. С. 85.

¹³⁹⁸ Малый город. Социально-демографическое исследование небольшого города. С. 197.

с персоналом в 800 чел.¹³⁹⁹. В г. Тара было открыто подразделение омского телевизионного завода. В конце 1960-х – 1980-е гг. введено в строй несколько небольших предприятий в Калачинске¹⁴⁰⁰. Подобные хозяйственные перемены оказывали позитивное влияние на развитие городов. У местных советов появлялись возможности для строительства дорог, учреждений здравоохранения, образования, ЖКХ, улучшалось положение с трудоустройством. Вместе с тем, по оценкам специалистов размещение филиалов происходило зачастую в непригодных помещениях, без соответствующего развития строительных организаций, практически повсеместно без синхронного сооружения инженерных сетей, жилого фонда и объектов социокультурного обслуживания. Это приводило к быстрому исчерпанию возможностей инженерного оборудования городов¹⁴⁰¹.

На большей части 1980-х гг. в миграционном движении городского населения Западной Сибири доминировали тенденции предшествующего десятилетия. Продолжали, хотя и менее интенсивно, развиваться промышленные предприятия малых и средних городов, возникновение новых населенных пунктов в ЗСНГК способствовало мощному людскому притоку на тюменский север.

В последнем изучаемом десятилетии распределение механического прироста продолжало складываться не в пользу крупных городов. Несмотря на повышение сальдо миграции, их удельный вес снизился до 34,6 % или почти вдвое по сравнению с 1959–1969 гг. (65,4 %). Впервые административные центры пропустили вперед промышленные города (206,0 тыс. против 250,2 тыс. чел.). Миграционный приток существенно сократился в Барнауле (22,3 тыс. чел.), Омске (31,3 тыс. чел.), Новосибирске (37,7 тыс. чел.), Кемерово (всего 9,0 тыс. чел.). Меньше всего сальдо миграции снизилось в Томске (40,8 тыс. чел.), а Тюмень стала единственным городом, где оно увеличилось (до 64,8 тыс. чел.) (см. Прил., табл. 12).

Сургут и Нижневартовск в 1980-е гг. обеспечили львиную долю роста за счет внешних источников среди крупных промышленных центров Западной Сибири (203,0 тыс. чел.). Впервые за два десятилетия «угольные» города Кузбасса показали положительный механический прирост (14,0 тыс. чел.), хотя во многом это произошло благодаря введению в черту г. Ленинск-Кузнецкий в 1985 г. рабочего поселка Польшаево¹⁴⁰². Приток населения отмечен у Новокузнецка (20,0 тыс. чел.), Бийска (8,9 тыс. чел.) и Рубцовска (4,1 тыс. чел.).

Миграция позволила средним городам увеличить население на 130,4 тыс. чел. В состав этой группы вошли Новый Уренгой, Ноябрьск, Куйбышев и Березовский. Расчеты за 1979–1988 гг.

¹³⁹⁹ Антипина Н. Город Карасук. Новосибирск, 1996. С. 83–86.

¹⁴⁰⁰ Колесников А.Д., Долгушин А.П., Алексеенко С.А. и др. Города Омской области. Омск, 1985. С. 79–61.

¹⁴⁰¹ Программа «О развитии малых и средних городов РСФСР». Научная концепция экономического и социального развития малых городов РСФСР. М., 1982. (ДСП). С. 7.

¹⁴⁰² Города Кузбасса. Т. 1. С. 182.

велись с учетом того, что Нягань, Надым, Заринск, Белово¹⁴⁰³ стали средними, а Новый Уренгой, Ноябрьск – большими городами. Самый высокий миграционный прирост дали Тобольск (22,6 тыс. чел.), Нефтеюганск (25,8 тыс. чел.), Ноябрьск (23,7 тыс. чел.) и Новый Уренгой (33,9 тыс. чел.). Стабильные цифры демонстрировали Бердск (6,2 тыс. чел.), Юрга (7,8 тыс. чел.), Искитим (5,0 тыс. чел.). Заметно улучшились показатели в Осинниках (–0,9 тыс. чел.), Междуреченске (6,0 тыс. чел.) и Новоалтайске (–0,2 тыс. чел.) (см. Прил., табл. 13).

На малые городские поселения пришлась основная часть (702,4 тыс. чел.) механического прироста, в том числе на малые города (без пгт) – 208,2 тыс. чел. Механическая убыль у транспортных городов неуклонно снижалась и составила только 11,1 тыс. чел. (см. Прил., табл. 10). Тем не менее проблемы социального развития, которые способствовали оттоку населения, у многих продолжали оставаться нерешенными¹⁴⁰⁴. Остальные местные организующие центры демонстрировали разнонаправленную динамику, которая в общем оставалась позитивной. Заметно усилился приток населения в административные центры Ханты-Мансийского и Ямало-Ненецкого автономных округов, Горно-Алтайской автономной области.

Среди индустриальных городов впервые за три десятилетия позитивную, хотя неустойчивую динамику продемонстрировали Гурьевск и Салаир. Практически перестали терять население за счет миграций Калтан и Таштагол. Лидерами по убыли стали Горняк и Кедровый, хотя в последнем случае, скорее всего, имела место неточность в определении населения города в 1987 г. Строительство крупного коксохимического комбината в Заринске тоже вызвало быстрый рост численности его жителей за счет миграций¹⁴⁰⁵. Общее сальдо миграции в Когалыме, Лангепасе, Мегионе, Нягани, Радужном, Новом Уренгое, Ноябрьске, Стрежевом и Кедровом достигло 123,4 тыс. чел. (см. Прил., табл. 11).

Теперь проанализируем тенденции миграционного оборота с учетом размеров городов. Статистическая база, представленная в региональных архивах по интересующей проблеме, довольно слаба и позволяет сделать лишь приблизительные оценки. В большинстве из них отсутствуют такие источниковые материалы или же они охватывают узкий круг важнейших городов за отдельные годы. Так, миграционный оборот крупных административных и индустриальных центров Западной Сибири за три десятилетия последовательно снижался. Если в 1959 г. их совокупная доля составила 58,9 %, то в 1970 г. – 55,8 %, а в 1979 г. – 51,2 %. Дать оценку изменениям, произошедшим в 1980-е гг., очень трудно, но судя по косвенной информации, их удельный вес к 1985 г. уменьшился до 48,0–49,0 %. Осуществить подсчет вклада средних городов в 1960-е гг. источники почти не позволяют. В 1970 г. их совокупный

¹⁴⁰³ В 1988 г. после вывода из состава г. Белово пгт Новый Городок он стал средним городом.

¹⁴⁰⁴ См., например: Господарев В. Болезни роста молодого города // Советская Сибирь. 1991. 31 июл.

¹⁴⁰⁵ ГААК. ФР.–718. Оп. 43. Д. 154. Л. 1об–2; Д. 160. Л. 3; Д. 165. Л. 1об–2; Д. 170. Л. 16.

вклад составил примерно 4,4 %, к 1985 г. возрос до 9,3 %. Соответствующим образом менялась доля малых городских поселений.

Итак, участие больших, малых и средних городских поселений и их функциональных групп в пространственных перемещениях в Западной Сибири было различным. Вместе с тем определить специфику распределения механического прироста с учетом размеров и функциональной принадлежности городских поселений затруднительно из-за отсутствия статистических сведений о РСФСР в целом. Например, значительно большее увеличение численности жителей крупных административных и индустриальных центров в республике по сравнению со всем городским населением не означает, что миграции были почти полностью направлены в них, так как это во многом стало следствием последовательного демографического роста средних городов. Последнее тоже не означало, что приток в них был слабым, из-за того, что часть из них перешла в вышестоящую по размерам категорию.

Таким образом, можно лишь констатировать то, что в Западной Сибири по нескольким причинам произошло перераспределение механического прироста. Успешное экономическое и демографическое развитие, повышение численности и доли средних городов естественным образом переориентировали часть миграционных потоков. Формирование ЗНСГК, трансформация вектора пространственных перемещений привели к созданию на севере множества небольших, но быстрорастущих поселений. Чрезмерная концентрация предприятий в крупных административных и промышленных центрах была замечена на государственном уровне, где были предприняты шаги по рассредоточению индустриального потенциала. В конечном итоге, за 30 лет значение больших городов Западной Сибири в механическом движении снизилось, а малых и средних – увеличилось. Возможно, похожая, но менее выраженная тенденция наблюдалась и в РСФСР.

4.3. Территориальные направления миграций городского населения

Необходимость написания данного параграфа обусловлена тем, что, как говорил В.И. Переведенцев, «миграции населения любого района страны должны рассматриваться на общем фоне социально-экономического положения страны в целом, во взаимодействии многих районов». Ученый подчеркивал, что миграционные процессы в любом районе нельзя понять, если не принимать во внимание всю миграцию населения, создающие ее условия и факторы в других районах¹⁴⁰⁶.

Специфика межрегиональных миграций определялась комплексом факторов. Интенсивность социально-экономического и, прежде всего, индустриального развития в

---

¹⁴⁰⁶ Переведенцев В.И. Методы изучения миграции населения. С. 17.

советское время являлась одной из главных причин, влияющих на пространственные перемещения. Вместе с тем, как уже говорилось, существенную роль играли другие факторы. Западная Сибирь (наряду с Восточной Сибирью), в сравнении с другими экономическими районами Советского Союза, отличалась неблагоприятными природно-климатическими условиями и с большими трудностями притягивала население из других регионов и республик. Одновременно с этим, мягкий и теплый климат центральных и южных районов страны, положительно влияющий на здоровье и способствующий хорошему продовольственному обеспечению, всегда привлекал жителей востока РСФСР.

По показателям уровня жизни Западная Сибирь отставала от других экономических районов СССР¹⁴⁰⁷. На востоке РСФСР доходы на душу населения в среднем были выше, однако этого было недостаточно для того, чтобы окупить расходы на воспроизводство рабочей силы из-за дополнительных затрат на продукты питания, одежду, обувь, отопление, освещение, транспорт, привлечение и обустройство кадров. Восточные районы, в том числе и Западная Сибирь, отставали от центральноевропейских регионов республики в обеспеченности жилой площадью и степени ее благоустройства.

Цифры, характеризующие состояние здравоохранения, не отражают объективной картины охвата населения его услугами. Медицинские учреждения одинакового размера могли обслужить в густонаселенных регионах гораздо больше людей, чем в Сибири и на Дальнем Востоке, где поселения были меньше по размерам и сильно разобщены. По приблизительным расчетам ЦЭНИИ при Госплане РСФСР нормы обеспечения медицинской помощью за Уралом должны быть выше, чем в европейских районах на 30,0–40,0 %¹⁴⁰⁸. С учетом этого должна формироваться сеть образовательных учреждений, особенно школ. Ниже на востоке республики было качество питания: меньшее потребление калорийных продуктов компенсировалось высоким потреблением картофеля, хлеба и хлебобулочных изделий¹⁴⁰⁹. Преодолеть эти различия по объективным причинам было сложно, несмотря на целенаправленно проводимую государственную политику.

Миграционный отток из РСФСР и Западной Сибири в частности в изучаемый период был вызван особенностями экономико-демографического развития национально-территориальных образований СССР. Например, несмотря на высокий естественный прирост в республиках Центральной Азии, большая его часть приходилась на сельскую местность. При этом ее жители неохотно втягивались в процессы урбанизации, из-за чего в местных городах существовал

---

¹⁴⁰⁷ Кожевникова Н.И., Морозова Г.Ф., Тарасова Н.В. Характерные черты и факторы миграции населения РСФСР // Особенности миграции населения в союзных республиках. М., 1978. (ДСП) С. 10–11.

¹⁴⁰⁸ Букин С.С. Опыт социально-бытового развития городов Сибири (вторая половина 1940-х – 1950-е гг.). С. 132.

¹⁴⁰⁹ См., например: Куксанова Н.В. Социально-бытовое развитие городов Сибири в 1960–1970-е гг.: уч. пос. С. 25, 27–28.

высокий дефицит рабочей силы, особенно квалифицированной¹⁴¹⁰. В то же время население Российской Федерации (как и Западной Сибири) являлось одним из самых мобильных в Советском Союзе. Согласно Всесоюзной переписи 1979 г. только 46,1 % жителей РСФСР (в Западной Сибири – 41,5 %) проживало в месте постоянного жительства с рождения (СССР – 52,9 %), на Украине – 56,3 %, в Белоруссии – 55,3 %, тогда как в Узбекистане – 77,7 %, Грузии – 66,7 %, Азербайджане – 76,8 %, Киргизии – 64,1 % и Таджикистане – 71,6 %¹⁴¹¹. Итак, невысокая подвижность титульных народов косвенно способствовала массовому притоку российских мигрантов на индустриальные стройки национальных окраин Советского Союза.

Таким образом, основными факторами привлечения людей на восток РСФСР являлись промышленное развитие, которое должно было идти ускоренными темпами по сравнению с другими частями страны, льготы потенциальным мигрантам, высокий уровень денежного дохода, жилищного, продовольственного и социального обеспечения. В противном случае, при равных темпах экономического роста центральных и восточных районов (даже при небольшом опережении последних) удержать население в Сибири становилось весьма проблематично.

Переходя к изучению межтерриториальных пространственных перемещений по городам и пгт, необходимо указать на методические особенности исследования данного типа миграций. К изучению статистических показателей демографического взаимодействия разных республик и регионов следует подходить с осторожностью, так как они не могут дать точного представления о привлекательности Западной Сибири для населения того или иного экономического района. Дело в том, что города и пгт являлись важными, но все-таки не единственными составляющими миграционного обмена, так как была еще сельская местность, а баланс перемещений западносибирских городов, представленный в материалах текущего учета, складывался из межгородских и сельскогородских потоков¹⁴¹².

Поясним ситуацию на следующем примере. Предположим, сальдо миграции городов Западной Сибири в межгородском и сельскогородском потоке в демографическом взаимодействии с каким-то экономическим районом положительное. В таком случае можно утверждать, что привлекательность западносибирских городов для населения этого района являлась высокой. Если межгородское и сельскогородское сальдо было отрицательным, имел место довольно сильный отток не только у городского, но и сельского населения. Довольно редко встречался вариант, при котором межгородской баланс положительный, а сельскогородской – отрицательный. Как правило, он возникал там, где миграционный оборот являлся

---

¹⁴¹⁰ Трансформация миграционных процессов на постсоветском пространстве. С. 381, С. 294–295, 301.

¹⁴¹¹ Итоги Всесоюзной переписи населения 1979 года: стат. сб. М., 1990. Т. 10. Продолжительность проживания населения в месте постоянного жительства по СССР, союзным и автономным республикам, краям и областям. С. 4–94.

¹⁴¹² Сальдо миграции городов и пгт в межтерриториальном обмене являлось производным от сальдо миграции всего населения экономического района (городского и сельского), что необходимо учитывать в исследовательском анализе.

статистически малой величиной, как результат цепи каких-то необычных событий. Самым непростым для анализа являлся частый случай отрицательного межгородского и положительного сельскогородского потока. Здесь, как правило (но не всегда), можно говорить о том, что общий баланс обмена между экономическими районами складывался не в пользу Западной Сибири, так как ее города и пгт теряли свое население. Наши выводы косвенно подтверждаются исследованиями, проведенными на материалах других экономических районов и республик¹⁴¹³.

В 1960-е гг. по темпам социально-экономического и индустриального развития Российская Федерация и Западная Сибирь уступили СССР в целом. В этой связи совокупный баланс обмена населением в республике (городской и сельской местности) становится отрицательным. Миграционный отток из западносибирских регионов достиг рекордных величин¹⁴¹⁴. Подобная динамика пространственных перемещений косвенно отразилась на количественном росте городских жителей, если в Советском Союзе в целом их численность за 1959–1970 гг. увеличилась на 36,0 %, в РСФСР – на 31,4 %, то в Западной Сибири – только на 29,8 %¹⁴¹⁵.

В большинстве экономических районов РСФСР сохранялось устойчивое отрицательное сальдо миграции. Убыль населения из республики за 20 лет (1956–1975 гг.) достигла 2,8 млн чел. и лишь в 1975 г. сменилась притоком¹⁴¹⁶. Вместе с тем в 1959–1964 гг. механический прирост городских поселений Западной Сибири за счет других территорий Советского Союза был еще положительным (64,9 тыс. чел.), главным образом, за счет высокого числа прибытий в 1959–1960 гг. (см. Прил., табл. 1). В 1965–1969 гг. они стали отдавать мигрантов больше, чем принимать их (–59,3 тыс. чел.). Это говорит о том, что привлекательность Западной Сибири стала очень низкой, так как население местных городов и пгт выбывало не только в городские поселения, но даже в сельскую местность других регионов страны.

Сальдо миграции западносибирских городов с центральными районами России (к которым отнесены Северо-Западный, Центральный, Волго-Вятский и Центрально-Черноземный районы) в начале 1960-х гг. было положительным, хотя приток мигрантов из них по сравнению со второй половиной 1950-х гг. снизился. Дело в том, что население центральноевропейских районов в этот период, особенно сельской местности, являлось одним из главных источников пополнения рабочих кадров промышленных предприятий. В то время

---

¹⁴¹³ См., например: Топилин А.В. Территориальное перераспределение трудовых ресурсов в СССР. С. 42–43.

¹⁴¹⁴ Население Западной Сибири в XX веке. С. 101; Переведенцев В.И. Методы изучения миграции населения. С. 58.

¹⁴¹⁵ Подсчитано по: Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 года: в 7 т. М., 1972. Т. 1. Численность населения СССР, союзных и автономных республик, краев и областей. С. 8, 12–13.

¹⁴¹⁶ Демографический ежегодник России: стат. сб. М., 1998. С. 19.

они считались трудоизбыточными и их демографические ресурсы были востребованы на севере и востоке СССР¹⁴¹⁷.

Например, даже когда в большинстве областей Центрального экономического района стал ощущаться кадровый голод, из-за инерции прежнего отношения отток ежегодно планировался в виде организованных переселений сельских жителей и органаборов промышленных и строительных рабочих. Сохранялось традиционное для трудоизбыточных мест спокойное отношение к миграции местного населения¹⁴¹⁸. Дополнительным выталкивающим фактором являлось то, что по приросту промышленного производства в 1960-е гг. они в основном уступали другим экономическим районам РСФСР, не говоря уже о многих союзных республиках. В межгородском движении Западная Сибирь все же проигрывала центральным регионам, демографические связи с ними были тесными, но интенсивность взаимодействия со временем снижалась (17,6 % миграционного оборота в 1959 г. и 11,2 % в 1970 г.)¹⁴¹⁹.

К середине 1960-х гг. убыль населения из центральных районов РСФСР в Западную Сибирь существенно снизилась (табл. 4.3.1). Сильный приток мигрантов был отмечен из сельской местности экономически менее развитого Волго-Вятского района. Так, если в 1959 г. в города и пгт Кемеровской области из Северо-Западного, Центрального, Волго-Вятского и Центрально-Черноземного районов прибыло 14,4 тыс. чел. (из 52,5 тыс. чел. в целом), то в 1964 г. – положительно сальдо снизилось почти до нуля¹⁴²⁰. Такая же динамика сложилась в Новосибирской области. Омская область в 1959 г. смогла привлечь 1,2 тыс. чел. (1964 г. – 0,5 тыс. чел). В Алтайском крае – приток в размере 3,4 тыс. чел. сменился оттоком, достигшим 2,6 тыс. чел.¹⁴²¹ Активно принимали западносибирских горожан крупнейшие административные и индустриальные центры – Москва, Ленинград и Горький. К концу 1960-х гг. отрицательное сальдо западносибирских городов в обмене с центральными регионами РСФСР увеличилось еще больше (табл. 4.3.2).

¹⁴¹⁷ Макарова Л.В., Морозова Г.Ф., Тарасова Н.В. Региональные особенности миграционных процессов в СССР. С. 51–55.

¹⁴¹⁸ Кутафьева Э.С., Трудова М.Г. Миграция и трудовые ресурсы (на примере Центрального экономического района) // Миграция населения РСФСР: сб. науч. тр. М., 1973. С. 135.

¹⁴¹⁹ Без учета внутренних миграций в Западной Сибири.

¹⁴²⁰ ГАКО. ФР.–304. Оп. 1. Д. 93. Л. 13–14; Д. 98. Л. 9–10об.

¹⁴²¹ ГАНО. ФР.–11. Оп. 2. Д. 8350. Л. 120–122; Д. 3881. Л. 113–114об; ИАОО. ФР.–2122. Оп. 1. Д. 3288. Л. 124–125об; Д. 4460. Л. 4–7; ГААК. ФР.–718. Оп. 43. Д. 55. Л. 5–6; Д. 76. Л. 3, 6.

Сальдо миграции городов и пгт Западной Сибири в межтерриториальном движении населения в 1959–1964 гг., тыс. чел.*

Экономический район	1959	1960	1961	1962	1963	1964
Центральные районы РСФСР	22 634	10 309	–	–	–	–538
Поволжский	5 410	578	–	–	–	–112
Северо-Кавказский	–497	–1 732	–	–	–	–2 464
Уральский	6 960	2 931	–	–	–	5 547
Восточно-Сибирский	3 295	3 245	–	–	–	–1 610
Дальневосточный	3 721	8 370	–	–	–	–3 187
Украинская ССР	–1 870	–3 308	–2 904	–3 988	–5 701	–5 601
Республики Прибалтики	–528	–371	–465	–434	–162	–648
Республики Закавказья	–222	–57	483	–202	–398	31
Республики Средней Азии	–3 121	–5 718	–5 820	–4 918	–7 106	–10 504
Казахская ССР	–2 264	–4 882	–7 789	–4 026	–907	–7 573
Белорусская ССР	2 444	1 610	–92	440	–18	–540
Молдавская ССР	–860	–934	–620	–577	–887	–987
<i>Всего за счет экономических районов и республик СССР**</i>	43 452	35 275	–4 610	10 427	–3 608	–16 008

* Подсчитано по: ГААК. ФР.–718. Оп. 43. Д. 55. Л. 5–6; Д. 61. Л. 2–3; Д. 66. Л. 2–3; Д. 71. Л. 4–5; Д. 76. Л. 3, 6; ГАКО. ФР.–304. Оп. 1. Д. 93. Л. 12–14; Д. 94. Л. 5–6об; Д. 95. Л. 6–7; Д. 96. Л. 12–13; Д. 97. Л. 7–8; ГАНО. ФР.–11. Оп. 2. Д. 8350. Л. 120–122; Д. 9781. Л. 67–68об; Оп. 3. Д. 30. Л. 165–166об; Д. 798а. Л. 215–216об; Д. 2369. Л. 174–175об; Д. 3881. Л. 113–114об; ИАОО. ФР.–2122. Оп. 1. Д. 3288. Л. 124–125об; Д. 3294. Л. 204–205об; Д. 3395. Л. 65–66об; Д. 3408. Л. 11–12об; Д. 4460. Л. 4–7; ГАТО. ФР.–1085. Оп. 3. Д. 120. Л. 25–26об, 35–36об, 43–44об, 51–52об, 65–66об, 75–76об; ГАТюм.О. ФР.–1112. Оп. 1. Д. 2174. Л. 76–77об; Д. 2450. Л. 78–79об; Д. 2721. Л. 64–65об; Д. 2981. Л. 66–67об; Д. 3370. Л. 94–95об; Д. 3970. Л. 98–99об. Текущий архив Федеральной службы государственной статистики. Миграция по областям Западной Сибири за 1964 г. Л. 1–8.

** С учетом не указавших место прибытия (выбытия) и прибывших (выбывших) из-за границы (за границу).

К регионам-донорам первой половины 1960-х гг. следует отнести Урал, с которым Западная Сибирь имела тесные демографические связи (8,8 % оборота внешних миграций в 1959 г. и 8,9 % в 1970 г.). В 1960-е гг. в Уральском экономическом районе сокращалось производство в некоторых отраслях горнодобывающей промышленности, ввод в действие новых мощностей происходил с отставанием, а города в конечном итоге не могли обеспечить сельских мигрантов достаточным количеством рабочих мест. Экономика района развивалась главным образом за счет реконструкции предприятий¹⁴²².

Миграционное сальдо Уральского экономического района за 1960–1974 гг. стало отрицательным и достигло 1198,7 тыс. чел. (городов и сельской местности). За 1959–1970 гг. потери населения за счет пространственных перемещений оказались больше, чем у Западной и Восточной Сибири вместе взятых¹⁴²³. Почти на всем протяжении 1960-х гг. из уральских регионов происходил отток в большинство экономических районов РСФСР. Исходя из данных о территориальном движении, можно сделать вывод о том, что миграционная убыль охватила также часть малых и средних городских поселений. В определенной мере это связано с

¹⁴²² История социалистической экономики СССР: в 7 т. Т. 7. Экономика СССР на этапе развитого социализма (1960–1970 гг.). С. 434.

¹⁴²³ Глазов В.А., Большакова Е.С., Барсукова Л.С., Родин В.Е. Особенности межрайонной миграции населения в РСФСР // Миграция населения РСФСР: сб. науч. тр. М., 1973. С. 38–39.

сокращением производства в некоторых отраслях горнодобывающей промышленности¹⁴²⁴. Продолжали привлекать население в основном крупные города, такие как Пермь, Свердловск и Челябинск.

В 1959 г. приток из Урала в города и пгт Западной Сибири был довольно велик и составил почти 7,0 тыс. чел., в последующие несколько лет положительное сальдо снизилось, но потом вновь стало расти (см. табл. 4.3.1). Приток населения объясняется исторически тесными экономическими и транспортными связями, схожестью природно-климатических условий¹⁴²⁵. Если в 1959 г. большая часть миграционного прироста формировалась за счет Кузбасса и частично Новосибирской области, то с середины 1960-х гг. – Тюменской области. Среди всех регионов именно у Тюменской области в силу географического расположения образовались самые тесные связи с уральским экономическим районом (1/5 часть миграционного оборота области в 1970 г.). Другим административным образованиям он отдавал гораздо меньше населения¹⁴²⁶.

Таблица 4.3.2

Сальдо миграции городов и пгт Западной Сибири в межтерриториальном движении населения в 1965–1969 гг., тыс. чел.*

Экономический район	1965	1966	1967	1968	1969
Центральные районы РСФСР	2 703	1 017	-465	-2 609	-3 760
Поволжский	4 613	1 427	1 470	638	-465
Северо-Кавказский	-3 089	-7 061	-6 208	-4 751	-7 326
Уральский	9 328	8 512	8 776	9 071	7 036
Восточно-Сибирский	2 106	3 894	3 853	2 454	2 490
Дальневосточный	867	772	1 141	-2 226	-577
Украинская ССР	-5 754	-10 072	-7 521	-6 322	-8 584
Республики Прибалтики	-522	-323	-457	-285	-735
Республики Закавказья	-359	-190	-14	-337	-353
Республики Средней Азии	-6 809	-6 516	-6 408	-6 167	-3 833
Казахская ССР	-3 701	354	1 946	579	357
Белорусская ССР	32	-801	-871	-1	-1 092
Молдавская ССР	-779	-1 096	-1 120	-756	-502
Всего за счет экономических районов и республик СССР**	11 568	-12 091	-21 245	-10 723	-26 819

* Подсчитано по: ГААК. ФР.-718. Оп. 43. Д. 81. Л. 4, 6; Д. 85. Л. 5-6; Д. 89. Л. 7-8; Д. 93. Л. 8-9; Д. 98. Л. 29-30об; ГАКО. ФР.-304. Оп. 1. Д. 99. Л. 19-20об; Д. 100. Л. 19-20об; Д. 101. Л. 20-21об; Д. 102. Л. 17-18; Д. 103. Л. 1-3; ГАНО. ФР.-11. Оп. 3. Д. 4820. Л. 166-167об; Д. 8499. Л. 16-17; Д. 8502. Л. 34-35; Д. 8512. Л. 42-43; Д. 8668. Л. 90-91; ИАОО. ФР.-2122. Оп. 1. Д. 4476. Л. 142-143; Д. 4846. Л. 100-101; Д. 5042. Л. 17-18; Д. 5298. Л. 3-4; Д. 5671. Л. 9-10; ГАТО. ФР.-1085. Оп. 3. Д. 120. Л. 1-2об, 14-15об; Д. 228. Л. 22-23, 41-42, 68-69об; ГАТюм.О. ФР.-1112. Оп. 1. Д. 4592. Л. 138-139об; Оп. 4. Д. 63. Л. 118-119об; Д. 80. Л. 103-104об; Д. 98. Л. 127-128об; Д. 117. Л. 126-127об.

** С учетом не указавших место прибытия (выбытия) и прибывших (выбывших) из-за границы (за границу).

¹⁴²⁴ Социальные факторы и особенности миграции населения СССР. М., 1978. С. 101; Баканов С.А. Депрессивные города Урала в 1960–1980-е годы: анализ социально-экономических и демографических факторов. Челябинск, 2005.

¹⁴²⁵ Тимошенко А.И. Государственная политика формирования и закрепления населения в районах нового промышленного освоения Сибири в 1950–1980-е гг.: планы и реальность. С. 90.

¹⁴²⁶ ГАТюм.О. ФР.-1112. Оп. 1. Д. 2174. Л. 76-77об; Д. 3970. Л. 98-99об; Оп. 4. Д. 117. Л. 126-127об.

Довольно большой приток мигрантов в начале 1960-х гг. наблюдался из Дальнего Востока (6,4 % миграционного оборота в 1959 г. и 6,3 % в 1970 г.). Так, положительное сальдо Алтайского края и Новосибирской области достигло в 1960 г. – 2,2 тыс. чел., Кузбасса – 2,0 тыс. чел., Омской области – 1,0 тыс. чел., причем возникло оно как за счет городов, так и сельской местности. Среди регионов дальневосточного экономического района меньше всех отдавала Якутская АССР, где промышленное производство за 1960–1965 гг. увеличилось на 90,0 %¹⁴²⁷. Затем перемещения населения в Западную Сибирь стали постепенно снижаться, чему способствовало успешное хозяйственное развитие Дальнего Востока.

Подтверждением этому стал рост сельского населения в 1959–1970 гг., который в РСФСР был отмечен, кроме Дальнего Востока, только на Северном Кавказе (в основном из-за высокого естественного прироста)¹⁴²⁸. Увеличение численности сельских жителей, которое было отмечено почти повсеместно, за исключением Сахалинской и Камчатской областей, произошло из-за специально установленных льгот для мигрантов¹⁴²⁹. В отличие от других экономических районов на Дальнем Востоке в 1960-е гг. сохранялась высокая роль организованных переселений, благодаря которым обеспечивалось до половины прироста трудовых ресурсов¹⁴³⁰. К тому же, начиная с 1968 г. были введены районные коэффициенты к заработной плате работникам предприятий и организаций Приморского, Хабаровского краев и Амурской области¹⁴³¹. Это вызвало рост отрицательного сальдо городов и пгт Западной Сибири в обмене населением с дальневосточными регионами.

Чистый нетто-прирост в демографическом взаимодействии с восточносибирскими регионами (10,6 % миграционного оборота в 1959 г. и 9,6 % в 1970 г.) в 1959 г. составил 3,3 тыс. чел. (табл. 4.3.1). Промышленное производство в Восточной Сибири в 1960-е гг. заметно увеличилось, а рост капиталовложений в первой половине 1960-х гг. был значительно выше¹⁴³². В результате ее миграционные потери в сравнении с Западной Сибирью оказались невелики (77,5 тыс. чел. за 1959–1972 гг.)¹⁴³³. Например, в Иркутской области они составили всего 6,4 тыс. чел. за межпереписной период¹⁴³⁴. Приток населения в Братске достиг почти 60

¹⁴²⁷ Народное хозяйство РСФСР в 1965 г.: стат. ежегодн. М., 1966. С. 53.

¹⁴²⁸ Население России в XX веке: исторические очерки: в 3 т. Т. 3, кн. 1. 1960–1979. С. 42.

¹⁴²⁹ История Дальнего Востока России. Владивосток, 2018. Т. 3, кн. 5. С. 203–206.

¹⁴³⁰ История Дальнего Востока СССР (от эпохи первобытнообщинных отношений до наших дней): в 4 т. Владивосток, 1979. Кн. 10. Советский Дальний Восток в период совершенствования развитого социалистического общества в СССР (1959–1970 гг.). (ДСП) С. 55.

¹⁴³¹ Постановлением коэффициенты введены также на территории Читинской и Архангельской областей, Бурятской, Коми и Карельской АССР.

¹⁴³² Комогорцев И.И. Промышленность и рабочий класс Сибири в период строительства коммунизма (1959–1965 гг.). С. 136.

¹⁴³³ Воробьев В.В. Население Восточной Сибири (современная динамика и вопросы прогнозирования). С. 54.

¹⁴³⁴ ГАИО. ФР.–2679. Оп. 7. Д. 65. Л. 23об; Д. 70. Л. 51об; Д. 74. Л. 78об; Д. 79. Л. 19об; Д. 84. Л. 28об; Д. 89. Л. 29об; Д. 94. Л. 41об.

тыс. чел. за 1960–1969 гг., в Усть-Илимске – 12,5 тыс. (за 1965–1969 гг.)¹⁴³⁵. Для строительства каскада гидроэлектростанций и новых предприятий требовалось большое количество рабочих кадров, за счет чего потери западносибирских городов в межгородском потоке оказались значительными (2,7 тыс. чел. в 1959 г., 4,1 тыс. чел. в 1964 г., 3,3 тыс. чел. в 1969 г.). И только благодаря встречным прибытиям из сельской местности сальдо миграции осталось положительным¹⁴³⁶. На протяжении 1960-х гг. подобная динамика сохранялась почти без изменений.

Индустриальное развитие Поволжского экономического района в 1950–1960-е гг. шло интенсивно (7,2 % миграционного оборота в 1959 г. и 5,9 % в 1970 г.). На протяжении нескольких десятилетий его промышленный рост превосходил средние показатели по РСФСР. В районе еще в 1950-е гг. началась разработка крупных нефтяных месторождений, в 1956 г. Татарская АССР заняла первое место в общесоюзной добыче нефти, Башкирская АССР – второе, Куйбышевская область – третья¹⁴³⁷. Построено несколько мощных гидроэлектростанций (Жигулевская, Волгоградская, Саратовская, Нижнекамская), Заинская ГРЭС, гигант отечественного машиностроения – Волжский автомобильный завод и т.д. Данные текущего учета показали, что первоначально, в 1959 г., положительное сальдо городских поселений Западной Сибири было высоким, в основном благодаря Кемеровской области. Затем произошло сокращение числа прибытий, сильно увеличились прежде невысокие потери в межгородском миграционном потоке.

В 1965 г. были отмечены выпавшие из общего тренда большие людские перемещения в основном из Башкирской (2 065 чел.) и Татарской АССР (1 448 чел.), почти полностью направленные в Тюменскую область (4 758 чел.)¹⁴³⁸. На начальной стадии освоения тюменского севера из названных автономных республик прибывало значительное число специалистов-нефтяников с семьями¹⁴³⁹. В 1966–1969 гг. положительное сальдо западносибирских городов и пгт вновь снизилось до обычных значений (см. табл. 4.3.2).

Больше всего населения в РСФСР города и пгт Западной Сибири теряли во взаимодействии с Северокавказским экономическим районом (4,9 % миграционного оборота в 1959 г., 5,2 % в 1970 г.), в частности, с Краснодарским и Ставропольским краями.

¹⁴³⁵ Текущий архив Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Иркутской области. Динамические ряды № 4. Л. 1–8.

¹⁴³⁶ Славина Л.Н. Сельское население Восточной Сибири (1960–1980-е гг.). С. 63.

¹⁴³⁷ Репинецкий А.И., Румянцева М.А. Городское население Среднего Поволжья в послевоенное двадцатилетие. 1945–1965 гг.: очерки демографической истории. Самара, 2005. С. 13; История социалистической экономики СССР. М., 1980. Т. 6. Восстановление народного хозяйства СССР. Создание экономики развитого социализма. 1946 – нач. 1960-х годов. С. 456.

¹⁴³⁸ ГАТюм.О. ФР.–1112. Оп. 1. Д. 4592. Л. 138–139.

¹⁴³⁹ Гаврилова Н.Ю. Социальное развитие нефтегазодобывающих районов Западной Сибири. С. 59; Тимошенко А.И. Государственная политика формирования и закрепления населения в районах нового промышленного освоения Сибири в 1950–1980-е гг.: планы и реальность. С. 88–89.

Хозяйственное и социальное развитие района происходило равномерно, в пределах среднестатистических республиканских показателей, однако хорошие природно-климатические условия всегда привлекали потенциальных мигрантов, благодаря чему он вышел на первое место в СССР по размерам положительного сальдо в 1959–1970 гг. (896,5 тыс. чел.)¹⁴⁴⁰. По расчетам А.В. Топилина около четверти прибывших мигрантов проживали ранее в восточных районах страны¹⁴⁴¹. Переезд на Северный Кавказ из Сибири означал для большинства мигрантов повышение жизненного уровня, хотя заработная плата на новом месте была на 25,0–40,0 % ниже. В основном это было связано с уменьшением трат на топливо, большой доходностью личного подсобного хозяйства, высоким уровнем культурно-бытового обслуживания, низкими ценами на колхозном рынке.

Теперь переходим к анализу межреспубликанских миграционных связей Западной Сибири. Среди союзных республик исторически особое место занимала Украинская ССР (7,6 % миграционного оборота в 1959 и 1970 г.). Положительное сальдо республики в 1960-е гг. достигло высоких величин. Западносибирских горожан привлекали благоприятный климат, высокий уровень социально-экономического развития, многоотраслевая структура промышленного производства. По темпам индустриального роста Украина в 1960-е гг. в целом не уступала РСФСР, что вместе с вышеназванными условиями стимулировало сильную миграцию в эту республику¹⁴⁴². В свою очередь из УССР в порядке организованных и неорганизованных переселений на новостройки Сибири, Дальнего Востока, Крайнего Севера и Средней Азии отправлялись квалифицированные рабочие, специалисты различных отраслей народного хозяйства¹⁴⁴³.

Несмотря на это, в течение длительного времени ежегодные выбытия людей за пределы республики компенсировались превосходящими переселениями из РСФСР и других регионов Советского Союза. Чистый нетто-прирост Украины в 1960-е гг. достиг 530,8 тыс. чел., в этот период у нее сформировалось положительное сальдо в обмене со всеми, за исключением Прибалтики, экономическими районами СССР. До начала десятой пятилетки (1976–1980 гг.) Сибирь и Дальний Восток каждый год в результате миграции в УССР теряли до 30 тыс. чел., а вместе с Уралом – почти 60 тыс. чел.

В основном на Украину из Сибири переселялись квалифицированные кадры, в которых восточные районы ощущали острую нехватку. Среди причин переезда мигранты называли неблагоприятные климатические условия, семейные обстоятельства, а также неудовлет-

---

¹⁴⁴⁰ Миграционная подвижность населения в СССР. М., 1974. С. 81.

¹⁴⁴¹ Топилин А.В. Территориальное перераспределение трудовых ресурсов в СССР. С. 58.

¹⁴⁴² Народное хозяйство СССР в 1970 г.: стат. ежегодн. М., 1971. С. 140.

¹⁴⁴³ Региональные особенности воспроизводства и миграции населения в СССР. С. 154.

воренность жилищными и культурно-бытовыми условиями¹⁴⁴⁴. Отрицательное сальдо городов и пгт Западной Сибири в демографическом обмене с Украинской ССР было высоким, причем отток происходил и в городские поселения, и в сельскую местность республики. Особенно большим он был у Кемеровской области (в 1960 г. – 3,3 тыс., 1964 г. – 3,9 тыс. чел.)¹⁴⁴⁵, убыль была зафиксирована и у других регионов. Во второй половине 1960-х гг. миграция населения в СССР усилилась, достигнув своего максимума в 1966 г. – 10,0 тыс. чел. (см. табл. 4.3.2).

Несмотря на слабые миграционные связи (1,2 % миграционного оборота в 1959 г. и в 1970 г.), небольшой прирост численности жителей западносибирских городов первоначально происходил за счет Белорусской ССР, при том, что в межгородском движении был отмечен отток населения. В 1950-е гг. послевоенный восстановительный период закончился. Необходимость в малоквалифицированном труде уменьшилась, экономика БССР не смогла в должной мере использовать накопленные рабочие ресурсы и ее сальдо миграции становится отрицательным¹⁴⁴⁶. За 1951–1965 гг. республика потеряла около 1,0 млн чел., которые приняли участие в хозяйственном подъеме Сибири, Казахстана и других мест¹⁴⁴⁷. Максимальные выбытия пришлось на 1950-е гг., во второй половине 1960-х гг. убыль уже прекратилась. Географическое положение Белоруссии и ее низкий демографический вес в населении страны ограничивали интенсивность перемещений с западносибирским экономическим районом. Людской поток из республики оседал главным образом на целинных землях Казахстана, в Калининградской области и на северо-западе Советского Союза. В результате сальдо миграции западносибирских городов, испытывая ежегодные колебания, оставалось небольшим и принимало в основном отрицательные значения.

Близкое географическое соседство предопределило тесное взаимодействие населения Западной Сибири и Казахской ССР (12,0 % и 11,4 % миграционного оборота в 1969 и 1970 гг.). Внешние демографические «заимствования» играли весомую роль в демографическом развитии республики. Об этом может свидетельствовать то, что только в 1966 г. внутренняя миграция в Казахстане стала устойчиво превышать объемы межреспубликанской¹⁴⁴⁸. В годы освоения целинных земель численность жителей Казахстана, особенно северных регионов, увеличивалась ускоренными темпами, и ежегодный прирост республики за счет пространственных перемещений достиг 70,0 тыс. чел.¹⁴⁴⁹

¹⁴⁴⁴ Особенности миграции населения в союзных республиках. (ДСП). С. 22.

¹⁴⁴⁵ ГАКО. ФР.–304. Оп. 1. Д. 93. Л. 13–14; Д. 98. Л. 9–10об.

¹⁴⁴⁶ Трансформация миграционных процессов на постсоветском пространстве. С. 381.

¹⁴⁴⁷ Шахотько Л.П. Воспроизводство населения Белорусской ССР. Минск, 1985. С. 95.

¹⁴⁴⁸ Рогачев А.А., Москвина Г.Д., Сайкин В.П. Вопросы миграции населения в Казахстане // Особенности миграции населения в союзных республиках. (ДСП). С. 68.

¹⁴⁴⁹ Асылбеков М.Х., Нурмухамедов С.Б., Пан Н.Г. Рост индустриальных кадров рабочего класса в Казахстане (1946–1965 гг.). Алма-Ата, 1976. С. 64.

В 1960-е гг. республика отметилась энергичным индустриальным строительством, превысившим общесоюзные показатели. Например, в годы семилетнего плана (1959–1965 гг.) в ее экономику было вложено 17,8 млрд руб. или в два раза больше того, что предусматривалось изначально. В строй вошли новые мощности на Карагандинском металлургическом комбинате, на запланированные показатели работы вышел Соколовско-Сарбайский ГОК, началось строительство крупного Лисаковского ГОКа, с середины 1960-х гг. стартовала добыча нефти на полуострове Мангышлак, построены Бухтарминская ГЭС и много других предприятий металлообработки, машиностроения и химии¹⁴⁵⁰. Положительное сальдо КССР за 1959–1969 гг. достигло почти 800,0 тыс. чел.¹⁴⁵¹

При этом специфика Казахстана (как и Средней Азии) заключалась в широком привлечении внешних трудовых ресурсов на работу в индустрии и строительстве, так как местная кадровая база была невелика. В конечном счете, квалифицированная рабочая сила поставлялась РСФСР, Украинской и Белорусской ССР. В 1963 г. собственно казахи составляли 18,8 % от численности рабочего класса КССР, особенно низким был их удельный вес в северных районах¹⁴⁵². На протяжении 1960-х гг. количественный прирост жителей Казахской ССР за счет межреспубликанского миграционного потока непрерывно уменьшался и ее положительное сальдо снизилось¹⁴⁵³.

Миграционные связи Западной Сибири и Казахской ССР были тесными, только за 1959–1965 гг. ее города и сельская местность отдали союзной республике более 50,0 тыс. чел.¹⁴⁵⁴ Из городских поселений Западной Сибири тоже было отмечено большое количество убытий, в 1959 г. – 2,3 тыс. чел., в 1964 г. – 7,6 тыс. чел. (см. табл. 4.3.1). Отрицательное сальдо формировалось целиком за счет межгородских перемещений, тогда как обмен с сельской местностью складывался в пользу западносибирских городов. Мигранты вселялось в основном в г. Алма-Ата и северные районы республики. С середины 1960-х гг. отток начинает постепенно сокращаться, а с 1966 г. сменяется притоком. Хотя потери в межгородском движении продолжали оставаться высокими, они стали больше покрываться встречным притоком сельского населения. Среди западносибирских регионов самый большой отток в Казахскую ССР был зафиксирован у городов и пгт Кузбасса и Алтайского края¹⁴⁵⁵.

¹⁴⁵⁰ История Казахской ССР (с древнейших времен до наших дней): в 5 т. Алма-Ата, 1980. Т. V. С. 388–390, 417–421.

¹⁴⁵¹ Подсчитано по: Население СССР (численность, состав и движение населения). 1973: стат. сб. М.: Статистика, 1975. С. 74; Численность и состав населения СССР. По данным Всесоюзной переписи населения 1979 г.: стат. сб. М., 1984. С. 7.

¹⁴⁵² Асылбеков М.Х., Нурмухамедов С.Б., Пан Н.Г. Рост индустриальных кадров рабочего класса в Казахстане (1946–1965 гг.). С. 136.

¹⁴⁵³ Население Казахстана в 1959–1970 гг. (структурные сдвиги и их оценка). Алма-Ата, 1975. С. 89.

¹⁴⁵⁴ Миграционная подвижность населения в СССР. С. 60.

¹⁴⁵⁵ ГААК. ФР.–718. Оп. 43. Д. 71. Л. 4–5; Д. 76. Л. 3, 6; Д. 85. Л. 5–6; Д. 98. Л. 29–30об; ГАКО. ФР.–304. Оп. 1. Д. 96. Л. 12–13; Д. 97. Л. 7–8; Д. 102. Л. 17–18; Д. 103. Л. 1–3.

В пополнении трудовых коллективов предприятий и организаций Среднеазиатского экономического района (4,4 % и 6,5 % миграционного оборота в 1959 и 1970 г.), куда входили Узбекская, Киргизская, Таджикская и Туркменская ССР, внешние миграции также играли важную роль. Переход титульного населения от патриархально-родового строя к социалистическому способу ведения хозяйства произошел, по большому счету, минуя капиталистическую стадию, в ходе которой происходили интенсивное развитие индустрии и городских поселений, а также широкое вовлечение людей в урбанизационные процессы. Именно потому в демографическом поведении коренных национальностей среднеазиатских социалистических республик сохранились некоторые традиционные черты.

Несмотря на высокую и продолжающую расти в послевоенный период трудоизбыточность района, миграционная подвижность титульного населения повышалась медленно¹⁴⁵⁶. Местные жители предпочитали городскому сельский образ жизни, удельный вес занятых в аграрном секторе был существенно выше, чем в СССР в целом. Плохое знание русского языка и культуры производства затрудняло адаптацию на предприятиях и служило тормозом для обретения профессионального образования. Переселения в город сдерживали развитые и высокодоходные личные подсобные хозяйства и большие семьи, у которых существовали специфические жилищные требования, а также отсутствие заметной дифференциации в уровне дохода сельских и городских семей и т.д.¹⁴⁵⁷ Повышению мобильности населения могли препятствовать объективные причины, в частности географическая удаленность промышленно развитых районов или слаборазвитая транспортная сеть.

Высокую роль миграции играли во внутрисельских перемещениях, определенное значение имели взаимные переселения между среднеазиатскими республиками непосредственно. В этой связи доли коренных народов в городском населении повышались медленно. Например, в 1970 г. удельный вес титульного этноса среди горожан Узбекской ССР составил 40,8 %, тогда как русских, украинцев и белорусов – 32,9 % (во всем населении – соответственно 64,7 % и 13,6 %), в Киргизской ССР – 16,9 % и 57,4 % (43,8 % и 33,5 %), Таджикской ССР – 38,6 % и 33,0 % (56,2 % и 13,1 %), Туркменской ССР – 43,4 % и 32,2 % (65,6 % и 16,3 %). В начале 1960-х гг. представительство коренных народов было еще меньшим. Например, в Киргизской ССР в 1959 г. доля национальных кадров среди рабочих составила только 10,3 %¹⁴⁵⁸.

¹⁴⁵⁶ Население союзных республик: сб. ст. М., 1977.

¹⁴⁵⁷ Зюзин Д.И. Мотивы потенциальной мобильности сельской молодежи республик Средней Азии // Проблемы воспроизводства и миграции населения: сб. ст.: в 2-х разд. М., 1981. Разд. I. С. 187–195.

¹⁴⁵⁸ История Киргизской ССР: с древнейших времен до наших дней: в 5 т. Фрунзе, 1990. Т. 4. Киргизия в 1938–1960 гг. С. 336.

Таким образом, внешние миграции стали играть важную роль в процессе индустриализации республик, особенно в условиях реализации политики ускоренного роста восточных районов. Переселения происходили в основном из Поволжья, Урала, Дальнего Востока, Западной Сибири¹⁴⁵⁹. Причем приток в города шел на фоне быстрого роста местного сельского населения (в СССР и РСФСР оно сокращалось)¹⁴⁶⁰. Перемещению людей способствовала слаборазвитая местная образовательная база подготовки квалифицированных специалистов. Совокупное положительное сальдо Среднеазиатского экономического района только за 1959–1969 гг. достигло 784,2 тыс. чел.¹⁴⁶¹

Чистый нетто-прирост среднеазиатских республик за счет Западной Сибири достиг высоких значений¹⁴⁶². В частности, она занимала первое место в РСФСР по объемам миграционного оборота с Киргизской ССР, играла большую роль в притоке населения в Таджикистан¹⁴⁶³. Значительно меньше людей переселялось в Туркменскую ССР, где доминировали выходцы из Северо-Кавказского, Поволжского и Центрального экономических районов. Сибиряков привлекали благоприятные климатические условия (короткая зима и долгий летний период), наличие широкой сферы приложения труда из-за дефицита местных квалифицированных кадров, изобилие овощей и фруктов. Ежегодные выбытия почти не компенсировались встречным притоком из сельской местности, где преобладало коренное население. В 1959 г. потери городских поселений Западной Сибири достигли 3,1 тыс. чел., в 1964 г. – 10,5 тыс. чел. Больше всего мигрантов привлекали крупные города, такие как Ташкент или Фрунзе. В 1965–1969 гг. отток продолжал оставаться высоким, чему способствовал дальнейший рост промышленного производства в Средней Азии (см. табл. 4.3.2).

Миграционные связи Западной Сибири с Прибалтикой и Закавказьем из-за географического положения последних были очень слабыми. Вместе с тем хорошие природно-климатические условия, высокий уровень жизни и активное создание новых рабочих мест обусловили высокую притягательность прибалтийских республик. Особенно заметный приток населения со стороны был отмечен в Эстонии и Латвии¹⁴⁶⁴. Индустриальное развитие прибалтийских республик в 1960-е гг. шло интенсивнее, чем в среднем по Советскому Союзу. К тому же из-за низкого естественного прироста титульного населения возник дефицит трудовых ресурсов. Наряду с причинами экономического характера на миграцию влиял военно-

¹⁴⁵⁹ Социальные факторы и особенности миграции населения СССР. С. 94.

¹⁴⁶⁰ Региональные особенности воспроизводства и миграции населения в СССР. С. 69.

¹⁴⁶¹ Подсчитано по: Численность, состав и движение населения СССР в 1972 году: стат. сб. М., 1973. (ДСП). С. 74, 81–82, 84; Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 года: в 7 т. 1972. Т. 1. Численность населения СССР, союзных и автономных республик, краев и областей. С. 7; Численность, состав и движение населения СССР в 1971 г.: стат. сб. М., 1972. Ч. 1. (ДСП). С. 168.

¹⁴⁶² Москвин Д.Д. Население СССР: вопросы миграции (экономико-статистический обзор тенденций 60-х – 80-х гг.). С. 79.

¹⁴⁶³ Татевосов Р.В., Сарыгулов Б.А. Развитие миграционной подвижности населения Киргизской ССР // Особенности миграции населения в союзных республиках (ДСП). С. 137.

¹⁴⁶⁴ Хорев Б.С., Чапек В.Н. Проблемы изучения миграции населения: стат.-геогр. очерки. С. 164.

политический фактор. Здесь размещались воинские контингенты, развивалась оборонная инфраструктура и предприятия ВПК¹⁴⁶⁵. Совокупное положительное сальдо Латвии, Литвы и Эстонии в 1960-е гг. достигло 298,0 тыс. чел.¹⁴⁶⁶ Отток населения из западносибирских городов в прибалтийские республики шел вплоть до начала 1980-х гг.

Значение Закавказского экономического района в миграционном обороте Западной Сибири тоже было невелико. По уровню мобильности титульное население Азербайджанской, Армянской и Грузинской ССР заняло промежуточное положение между славянскими народами и национальностями Средней Азии. Так, в 1979 г. доля проживавших в месте постоянного жительства с рождения составила у узбеков – 85,6 %, таджиков – 80,0 %, туркмен – 81,2 %, киргизов – 77,8 %, тогда как у армян – 67,7 %, грузин – 65,8 %, азербайджанцев – 79,3 % (русских – 45,4 %, украинцев – 56,2 %, белорусов – 51,0 %). Мигранты играли меньшую роль в подъеме местного промышленного потенциала¹⁴⁶⁷. Общее положительное сальдо у закавказских республик 1959–1969 гг. составило всего 13,1 тыс. чел., приток населения был отмечен только у Армянской ССР¹⁴⁶⁸. Тем не менее в ежегодном взаимодействии с ними городские поселения Западной Сибири в 1960-е гг. в основном несли небольшие потери (см. табл. 4.3.1, 4.3.2).

В межрайонном движении населения Советского Союза в 1970-е гг. стали происходить важные перемены. Произошла трансформация направлений миграционных потоков, которые стали соответствовать новым народнохозяйственным целям, изменились цифровые значения механического прироста экономических районов. В первой половине 1970-х гг. снизился приток в трудоизбыточные регионы и усилился приток из них¹⁴⁶⁹. В этот период обострилась проблема дефицита трудовых ресурсов в местах с низкой рождаемостью, особенно на востоке РСФСР. В 1960-е гг. почти половина мигрантов оседала на Украине, в Молдавии, Северном Кавказе, Закавказье и Средней Азии. В 1971–1975 гг. поток в них уменьшился почти вдвое, в дальнейшем они стали активнее отдавать население. Главное произошедшее изменение – прекращение притока в демографически насыщенную Среднюю Азию и начавшийся устойчивый отток из нее, а также из Казахстана¹⁴⁷⁰. Одновременно восточные и центральные

¹⁴⁶⁵ Трансформация миграционных процессов на постсоветском пространстве. С. 381.

¹⁴⁶⁶ Подсчитано по: Население СССР (численность, состав и движение населения). 1973: стат. сб. М., 1975. С. 77, 79, 83; Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 года: в 7 т. М., 1972. Т. 1. Численность населения СССР, союзных и автономных республик, краев и областей. С. 7.

¹⁴⁶⁷ В 1967 г. доля грузин в общей численности рабочих и служащих в Грузинской ССР составила 64,0 %, армян в Армянской ССР – 92,0 %, азербайджанцев в Азербайджанской ССР – 59,0 %. Тогда как узбеков в Узбекской ССР – 43,0 %, киргизов в Киргизской ССР – 26,0 %, таджиков в Таджикской ССР – 35,0 %, туркмен в Туркменской ССР – 38,0 %.

¹⁴⁶⁸ Численность, состав и движение населения СССР в 1972 году: стат. сб. М., 1973. (ДСП). С. 76–77, 83; Численность и состав населения СССР: по данным Всесоюзной переписи населения 1979 г. М., 1984. С. 7.

¹⁴⁶⁹ Население России в XX веке: исторические очерки: в 3 т. Т. 3, кн. 1. 1960–1979. С. 113.

¹⁴⁷⁰ Зайончковская Ж.А. Зачем и как прогнозировать миграцию // Поиск ведут демографы. М., 1985. С. 93.

регионы РСФСР, которые прежде являлись главными поставщиками мигрантов, стали активно привлекать внешние трудовые ресурсы.

Таблица 4.3.3

Сальдо миграции городов и пгт Западной Сибири в межтерриториальном движении населения в 1970–1974 гг., тыс. чел.*

Экономический район	1970	1971	1972	1973	1974
Центральные районы РСФСР	-396	-1 825	2 674	1 147	718
Поволжский	-1 159	281	6 030	6 582	7 230
Северо-Кавказский	-4 336	-7 335	301	-235	91
Уральский	6 882	5 528	8 376	7 041	8 189
Восточно-Сибирский	74	872	3 391	1 678	3 085
Дальневосточный	-640	-1 327	-694	-534	387
Украинская ССР	-4 398	-4 933	-1 257	-397	2 225
Республики Прибалтики	-69	-502	-287	-543	-240
Республики Закавказья	107	-149	31	347	731
Республики Средней Азии	-4 719	-7 020	-1 942	-2 222	-490
Казахская ССР	-362	-2 523	3 479	1 850	6 928
Белорусская ССР	-553	-715	-705	-937	357
Молдавская ССР	-702	-1 089	-731	-765	-856
<i>Всего за счет экономических районов и республик СССР**</i>	-9 539	-15 569	21 105	25 435	35 489

* Подсчитано по: ГААК. ФР.-718. Оп. 43. Д. 113. Л. 3–4; Д. 118. Л. 3–4; Д. 123. Л. 3–4; Д. 128. Л. 5–6; ГАКО. ФР.-304. Оп. 1. Д. 104. Л. 2–3об; Д. 105. Л. 5–6об; Д. 106. Л. 4–5об; Д. 108. Л. 1–2; Д. 107. Л. 1–2; ГАНО. ФР.-11. Оп. 4. Д. 185. Л. 70–71об; Д. 1433. Л. 40–41об; Естественное и механическое движение населения Новосибирской области: стат. сб. Новосибирск, 1973. С. 44–47; Естественное и механическое движение населения Новосибирской области: стат. сб. Новосибирск, 1974. С. 41–43; Естественное и механическое движение населения Новосибирской области в 1974 году: стат. сб. Новосибирск, 1975. С. 48–50; ИАОО. ФР.-2122. Оп. 1. Д. 5918. Л. 6–7; Д. 6130. Л. 3–4; Д. 6832. Л. 7–8; Д. 7231. Л. 7–8; Д. 7415. Л. 3–4; ГАТО. ФР.-1085. Оп. 3. Д. 228. Л. 4–5; Д. 263. Л. 1–2об, 8–9об, 29–30об, 38–39об; ГАТюм.О. ФР.-1112. Оп. 4. Д. 143. Л. 148–149об; Оп. 1. Д. 5663. Л. 126–127об; Д. 6394. Л. 1–2об; Численность, состав и движение населения СССР в 1971 году. М., 1972. Ч. 1. (ДСП). С. 240–241, 244–245; Естественное и механическое движение населения РСФСР в 1973 году: стат. сб. М., 1974. (ДСП) С. 158–160; Естественное и механическое движение населения РСФСР в 1974 году: стат. сб. М., 1975. (ДСП) С. 226–230.

** С учетом не указавших место прибытия (выбытия) и прибывших (выбывших) из-за границы (за границу).

Трансформация вектора миграционных перемещений произошла в основном из-за проводимой в 1970-е гг. государственной социально-экономической политики. Постановления центральных органов власти и управления включали целый комплекс мероприятий хозяйственного и организационного характера, к которым в первую очередь относились: расширение северных льгот, повышение заработной платы, ускорение жилищного строительства и развитие сферы быта, улучшение снабжения товарами массового спроса. Например, начиная с 1968 г. были поэтапно введены районные коэффициенты к зарплате рабочих и служащих Дальнего Востока, Сибири и Европейского Севера, а также отраслей, предприятий и организаций, расположенных на Урале, в республиках Средней Азии¹⁴⁷¹.

За 1970–1979 гг. повысилась мобильность населения Средней Азии и Закавказья: в Узбекской ССР – на 84,0 %, Грузинской ССР – на 90,0 %, Азербайджанской ССР – в 2,3 раза, Армянской ССР – на 91,0 %¹⁴⁷². Уменьшились межрайонные различия в миграционной

¹⁴⁷¹ Моисеенко В.М. Территориальное движение населения. Характеристика и проблемы управления. С. 103.

¹⁴⁷² Динамика населения СССР. 1960–1980 гг. С. 25.

подвижности (отношение максимального к минимальному уровню). Для горожан разрыв между республиками сократился с 3,8 раза в 1970 г. до 2,4 раза в 1979 г., в то же время у сельских жителей дифференциация продолжала оставаться высокой – 11,1 и 8,2 раза соответственно¹⁴⁷³. Наибольшей мобильностью по-прежнему отличалось население РСФСР, Прибалтики и Казахской ССР.

Рационализация миграционных связей благоприятно отразилась на экономическом развитии центральноевропейских и восточных регионов РСФСР. Результаты пространственных перемещений становятся положительными во взаимодействии почти со всеми экономическими районами Советского Союза. При этом во второй половине 1970-х гг. из-за сокращения убыли сельской местности динамика миграционного притока становится неустойчивой.

Пространственные перемещения в 1970–1971 гг. по своему характеру соответствовали тенденциям второй половины 1960-х гг., но после 1972 г. ситуация изменилась. Если в 1965–1969 гг. согласно данным текущего учета совокупные потери городов и пгт Западной Сибири в демографическом обмене с внешними районами составили почти 60,0 тыс. чел., то в 1970–1974 гг. – был отмечен прирост, который достиг 56,9 тыс. чел. В 1975–1978 гг. тенденция укрепилась, и за счет внешних источников в городских поселениях осело более 120,0 тыс. чел. (табл. 4.3.4).

Сальдо миграции городов Западной Сибири во взаимодействии с центральными районами РСФСР в 1970–1971 гг. было отрицательным (см. табл. 4.3.3). При этом промышленное развитие последних шло медленнее, чем в республике на всем протяжении исследуемого периода (особенно Центрального и Северо-Западного). Переселения в них стимулировали благоприятные природно-климатические условия, высокий уровень социальной, образовательной инфраструктуры, наличие крупнейших городов Советского Союза – Москвы и Ленинграда. Например, в 1970 г. потери Западной Сибири в обмене с Ленинградом составили 789 чел., тогда как со всем Северо-Западным районом – 469 чел.; с Москвой – 2 189 чел. и Центральным экономическим районом – 1 255 чел.¹⁴⁷⁴ Убыль населения формировалась главным образом за счет городских поселений Кузбасса, в остальных регионах она была невысокой. Сравнительно высокие показатели положительного сальдо были только у Тюменской области¹⁴⁷⁵. Благодаря введению коэффициентов к заработной плате на несколько лет баланс людских перемещений городов Западной Сибири и центральных районов РСФСР становится положительным (в 1972 г. – 2,7 тыс. чел., в 1973 г. – 1,1 тыс., 1974 г. – 0,7 тыс. чел.) (см. табл. 4.3.3).

¹⁴⁷³ Динамика населения СССР. 1960–1980 гг. С. 26.

¹⁴⁷⁴ ГААК. ФР.–718. Оп. 43. Д. 113. Л. 3–4; ГАКО. ФР.–304. Оп. 1. Д. 104. Л. 2–3об; ГАНО. ФР.–11. Оп. 4. Д. 185. Л. 70–71; ИАОО. ФР.–2122. Оп. 1. Д. 5918. Л. 6–7; ГАТюм.О. ФР.–1112. Оп. 4. Д. 143. Л. 148–149об.

¹⁴⁷⁵ ГАТюм.О. ФР.–1112. Оп. 4. Д. 143. Л. 148–149об; Оп. 1. Д. 5663. Л. 126–127об; Д. 6394. Л. 1–2об.

Во второй половине 1970-х гг. сальдо миграции принимает как положительные, так и отрицательные значения, демонстрируя неустойчивость динамики (1975 г. – приток 0,9 тыс. чел., 1976 г. – отток 1,2 тыс., 1977 г. – отток 3,3 тыс., 1978 г. – отток 0,1 тыс., 1979 г. – приток 1,0 тыс. чел.). Большое число прибытий было отмечено из Волго-Вятских регионов, тогда как другие центральноевропейские экономические районы принимали населения больше, чем отдавали его. Волго-Вятский экономический район, наряду с Центрально-Черноземным, отличался самыми низкими капиталовложениями в РСФСР¹⁴⁷⁶. Недостаточные темпы промышленного развития обусловили у него высокую механическую убыль, которая только за 1965–1969 гг. достигла 200,0 тыс., а в 1970–1974 гг. – 250 тыс. чел.¹⁴⁷⁷ Поток мигрантов из центральноевропейских регионов оседал преимущественно в Тюменской области, в то время как у остальных регионов Западной Сибири сальдо обмена было в основном отрицательным¹⁴⁷⁸.

Урал по-прежнему оставался одним из главных миграционных доноров Западной Сибири. Размеры механического оттока у него были очень высокими, хотя и меньшими, чем в предыдущее десятилетие (1970–1978 гг. – 604,9 тыс. чел.)¹⁴⁷⁹. За счет уральских регионов в «плюсе», так или иначе, оказались города и пгт всех без исключения административных образований. Причем положительное сальдо возникло как в межгородском, так и сельско-городском миграционном потоке. Строительство в начале 1970-х гг. единственного на территории уральского экономического района крупного промышленного комплекса – Оренбургского ТПК решающего влияния на пространственные перемещения не оказало. В итоге его индустриальный потенциал на протяжении почти всего исследуемого периода повышался медленнее, чем в республике в целом.

Во второй половине 1970-х гг. уральские регионы продолжали вносить большой вклад в увеличение численности горожан Западной Сибири. Миграционную ситуацию не смогло выправить введение у них в 1974 г. повышающих коэффициентов к заработной плате рабочим и служащим предприятий и организаций различных отраслей промышленности и транспорта¹⁴⁸⁰. Положительное сальдо было отмечено даже в не самом благополучном в миграционном

¹⁴⁷⁶ Народное хозяйство РСФСР в 1975 году: стат. ежегодн. М., 1976. С. 328.

¹⁴⁷⁷ Подсчитано по: Естественное и механическое движение населения РСФСР: стат. сб. М., 1970. (ДСП). С. 37–38, 48–49; Естественное и механическое движение населения РСФСР: стат. сб. М., 1969. (ДСП). С. 55–57, 69–71; Естественное и механическое движение населения РСФСР: стат. сб. М., 1968. (ДСП). С. 71–73, 89–91; Естественное и механическое движение населения РСФСР: стат. сб. М., 1967. (ДСП). С. 54–56, 66–68; Естественное и механическое движение населения РСФСР в 1973 году: стат. сб. М., 1974. (ДСП). С. 10; Естественное и механическое движение населения РСФСР в 1975 году: стат. сб. М., 1976. (ДСП). С. 24–26, 30–32; Численность, естественное движение и миграция населения РСФСР в 1979 году: стат. сб. М., 1980. (ДСП). С. 5.

¹⁴⁷⁸ ГАТюм.О. ФР.–1112. Оп. 1. Д. 6980. Л. 150–151об; Д. 7495. Л. 2–3об; Д. 7975. Л. 4–5об.

¹⁴⁷⁹ Подсчитано по: Естественное и механическое движение населения РСФСР в 1975 году: стат. сб. М., 1976. (ДСП). С. 28, 34; Численность, естественное движение и миграция населения РСФСР в 1979 году: стат. сб. М., 1980. (ДСП). С. 6, 8, 37, 49.

¹⁴⁸⁰ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1986). Т. 13. 1976–1980. М., 1986. С. 15.

отношении Кузбассе. Больше всего населения отдавали сельская местность и небольшие городские поселения Пермской, Свердловской и Челябинской областей. Интенсивное развитие севера Западной Сибири привело к тому, что отрицательный баланс обмена с городами Тюменской области часто возникал даже у крупных промышленных и административных центров Урала – Перми, Челябинска и Ижевска.

Приток населения из Восточной Сибири первоначально (в 1970–1971 гг.) существенно снизился. Дело в том, что в 1969 г. было принято постановление, согласно которому утверждены районные коэффициенты (*1,2) к заработной плате в крупнейших ее регионах – Красноярском крае и Иркутской области. Высокий приток наблюдался в молодых индустриальных городах – Братске, Усть-Илимске, Саянске¹⁴⁸¹. Объемы положительного сальдо городов и пгт Западной Сибири сильно упали, однако в 1972 г. введение уже у нее повышающих коэффициентов вновь отразилось на межрайонных перемещениях (см. табл. 4.3.3). Людской приток из Восточной Сибири увеличился, несмотря на то, что в целом миграционные потери этого экономического района в 1970-е гг. снизились. Так, если в 1965–1969 гг. они составили 153,8 тыс. чел., то в 1970–1974 гг. – только 54,3 тыс. чел.¹⁴⁸²

По темпам роста промышленности экономические районы Сибири сравнивались между собой¹⁴⁸³. Между тем в межгородском потоке Западная Сибирь продолжала терять население. В 1975 г. у большинства регионов, за исключением Тюменской области, сформировалось отрицательное сальдо в этом виде перемещений. Много мигрантов притягивали города и пгт Красноярского края и Иркутской области (особенно г. Красноярск). Во второй половине 1970-х гг. ежегодные прибытия из Восточной Сибири уменьшились, что было связано с началом строительства БАМа¹⁴⁸⁴. На трассе магистрали планировалось построить 68 населенных пунктов и городских поселений с численностью жителей от 0,5 до 20 тыс. чел.¹⁴⁸⁵ Так, если БАССР за счет миграции в 1971–1974 гг. потеряла 8,3 тыс. чел, то в следующие четыре года

¹⁴⁸¹ Занданова Л.В., Урожаева Т.П. Миграции как фактор формирования населения молодых индустриальных городов Приангарья в 70–80-е гг. XX века // Проблемы исторической демографии Сибири: сб. науч. тр. Новосибирск, 2013. Вып. III. С. 176–188.

¹⁴⁸² Подсчитано по: Естественное и механическое движение населения РСФСР: стат. сб. М., 1970. (ДСП). С. 38–39; 49–50; Естественное и механическое движение населения РСФСР: стат. сб. М., 1969. (ДСП). С. 59–60, 73–74; Естественное и механическое движение населения РСФСР: стат. сб. М., 1968. (ДСП). С. 76–77, 94; Естественное и механическое движение населения РСФСР: стат. сб. М., 1967. (ДСП). С. 58–59, 70–71; Естественное и механическое движение населения РСФСР в 1973 году: стат. сб. М., 1974. (ДСП). С. 11; Естественное и механическое движение населения РСФСР в 1975 году: стат. сб. М., 1976. (ДСП). С. 29, 35; Численность, естественное движение и миграция населения РСФСР в 1979 году: стат. сб. М., 1980. (ДСП). С. 6.

¹⁴⁸³ Народное хозяйство РСФСР в 1975 году: стат. ежегодн. М., 1976. С. 50.

¹⁴⁸⁴ Рабочий класс Сибири. 1961–1980 гг. С. 61–63.

¹⁴⁸⁵ Ламин В.А. Ключи к двум океанам. Хабаровск, 1980. С. 233.

(1975–1978) отмечен приток населения в 9,4 тыс. чел.¹⁴⁸⁶ И действительно, в 1975–1979 гг. механический прирост Восточной Сибири становится положительным (15,4 тыс. чел.)¹⁴⁸⁷.

Города и пгт Западной Сибири продолжали отдавать свое население Дальневосточному экономическому району. Высокая убыль в межгородском движении не компенсировалась встречными прибытиями из сельской местности. В этот период положительное сальдо миграции ее регионов выросло: если в 1965–1969 гг. оно составляло 139,5 тыс. чел., в 1970–1974 гг. – 208,9 тыс. чел., то в 1975–1978 гг. – 202,1 тыс. чел.¹⁴⁸⁸

Во второй половине 1970-х гг. именно в Дальневосточный, а также в центральноевропейские экономические районы из городов и пгт Западной Сибири выбывало больше всего населения (табл. 4.3.4). В 1970-е гг. в географически самых удаленных от центра регионах развернулось интенсивное индустриальное строительство. По размерам капитальных вложений в 1975 г. Дальний Восток впервые за многие годы обошел даже Восточную Сибирь, хотя раньше всегда уступал ей (4 992,0 млн руб. против 4 463,0 млн руб.)¹⁴⁸⁹. Ускоренными темпами росли горнодобывающая, лесная, рыбная, целлюлозно-бумажная промышленность, машиностроение, транспортное строительство (БАМ). Один за другим вводились в строй новые мощности по выработке электроэнергии, в том числе Зейская, Колымская, а позднее Бурейская гидроэлектростанции, пущены в эксплуатацию Приморская ГРЭС, Билибинская АЭС, развивались угле- и нефтедобыча и другие важные отрасли производства¹⁴⁹⁰. Благодаря целенаправленной государственной политике средняя заработная плата на Дальнем Востоке стала самой высокой в стране¹⁴⁹¹. В итоге в 1970-е гг. его среднегодовой механический прирост оказался самым большим за всю послевоенную историю¹⁴⁹².

¹⁴⁸⁶ Подсчитано по: Текущий архив Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Республике Бурятия. Динамические ряды № 3. Л. 19, 21; ГАРБ. ФР.–196. Оп. 1/8. Д. 75. Л. 11об, 29–29об.

¹⁴⁸⁷ Подсчитано по: Естественное и механическое движение населения РСФСР в 1975 году: стат. сб. М., 1976. (ДСП). С. 29, 35; Численность, естественное движение и миграция населения РСФСР в 1979 году: стат. сб. М., 1980. (ДСП). С. 6, 8, 37, 49.

¹⁴⁸⁸ Подсчитано по: Естественное и механическое движение населения РСФСР. Стат. мат-лы. М., 1966. (ДСП). С. 44, 58; Естественное и механическое движение населения РСФСР: стат. сб. М., 1968. (ДСП). С. 77, 94–95; Естественное и механическое движение населения РСФСР: стат. сб. М., 1970. (ДСП). С. 39, 50; Естественное и механическое движение населения РСФСР в 1974 году: стат. сб. М., 1975. (ДСП). С. 29–30, 36–37; Естественное и механическое движение населения РСФСР в 1976 году: стат. сб. М., 1977. С. 19, 24; Численность, естественное движение и миграция населения РСФСР в 1979 году: стат. сб. М., 1980. (ДСП). С. 6, 8, 37, 49.

¹⁴⁸⁹ Народное хозяйство РСФСР в 1975 году: стат. ежегодн. М., 1976. С. 320.

¹⁴⁹⁰ Мандрик А.Т., Ткачева Г.А. Развитие промышленности и транспорта на Дальнем Востоке в 70-е гг. XX в. // История промышленного развития советского Дальнего Востока (период социализма). Владивосток, 1979. С. 98–120.

¹⁴⁹¹ Российский статистический ежегодник. 1994: стат. сб. М., 1994. С. 513, 515.

¹⁴⁹² Миграции населения Азиатской России: конец XIX – начало XX в. Новосибирск, 2011. С. 232.

Сальдо миграции городов и пгт Западной Сибири в межтерриториальном движении населения в 1975–1978 гг., тыс. чел.*

Экономический район	1975	1976	1977	1978
Центральные районы РСФСР	879	-1 228	-3 315	-132
Поволжский	7 051	8 315	5 861	9 442
Северо-Кавказский	899	-526	-904	182
Уральский	7 553	8 460	6 412	6 985
Восточно-Сибирский	3 242	968	891	898
Дальневосточный	-1 114	-3 335	-2 396	-1 543
Украинская ССР	4 179	3 731	3 007	6 381
Республики Прибалтики	-271	-488	-548	-429
Республики Закавказья	648	268	348	1 271
Республики Средней Азии	844	1 390	1 922	832
Казахская ССР	9 147	7 554	6 459	6 378
Белорусская ССР	213	-268	-329	207
Молдавская ССР	-344	-247	50	364
<i>Всего за счет экономических районов и республик СССР**</i>	39 995	34 427	20 173	27 310

* Подсчитано по: ГААК. ФР.-718. Оп. 43. Д. 138. Л. 8–9; Д. 143. Л. 3, 5; Д. 148. Л. 3, 4; ГАКО. ФР.-304. Оп. 1. Д. 110. Л. 7–8об; Д. 111. Л. 4–5об; Д. 112. Л. 1–2об; Д. 113. Л. 21–22об; Естественное и механическое движение населения Новосибирской области в 1975 году: стат. сб. Новосибирск, 1976. (ДСП) С. 44–47; Естественное и механическое движение населения Новосибирской области в 1976 году: стат. сб. Новосибирск, 1977. (ДСП) С. 44–47; Естественное и механическое движение населения Новосибирской области в 1977 году: стат. сб. Новосибирск, 1978. (ДСП) С. 40–42; Естественное и механическое движение населения Новосибирской области: стат. сб. Новосибирск, 1979. (ДСП) С. 36–41; ИАОО. ФР.-2122. Оп. 1. Д. 7614. Л. 10–11; Д. 7799. Л. 3–4; Д. 8025. Л. 3–4; Д. 8258. Л. 3–4; ГАТО. ФР.-1085. Оп. 3. Д. 547. Л. 58–59об, 63–64об. Л. 71–72об, 96–97об; ГАТюм.О. ФР.-1112. Оп. 1. Д. 6980. Л. 150–151об; Д. 7495. Л. 2–3об; Д. 7975. Л. 4–5об; Естественное и механическое движение населения РСФСР в 1975 году: стат. сб. М., 1976. (ДСП) С. 206–210; Естественное и механическое движение населения РСФСР в 1976 году: стат. сб. М., 1977. (ДСП) С. 186–190; Численность, состав и движение населения СССР в 1977 году: стат. сб. М., 1979. (ДСП) С. 300–301, 308–311, 316–317; С. 232–233, 236–237, 240–241.

** С учетом не указавших место прибытия (выбытия) и прибывших (выбывших) из-за границы (за границу).

Еще в 1970 г. баланс перемещений с Поволжским экономическим районом был отрицательным (1,2 тыс. чел.), а западносибирские мигранты предпочитали вселяться в крупные центры, такие как Волгоград, Куйбышев, Саратов, Казань. Однако уже с 1972 г. города и пгт Западной Сибири стали в возрастающих количествах принимать население. В 1970-е гг. у регионов Поволжья, несмотря на сравнительно высокие темпы индустриального развития, образовался отрицательный механический прирост (1970–1979 гг. – 101,2 тыс. чел.), который в определенной мере был вызван территориальной близостью ЗСНГК¹⁴⁹³. Причем отдавать стали не только сельская местность, но и городские поселения. Высокое положительное сальдо сформировалось у Тюменской области, в том числе за счет прибытия специалистов смежных отраслей промышленности¹⁴⁹⁴.

¹⁴⁹³ Численность, состав и движение населения СССР в 1972 году: стат. сб. М., 1973. (ДСП). С. 162; Естественное и механическое движение населения РСФСР в 1974 году: стат. сб. М., 1975. (ДСП). С. 26–27, 33–34; Численность, состав и движение населения СССР в 1977 году: стат. сб. М., 1979. (ДСП). С. 75; Численность, состав и движение населения СССР в 1978 году: стат. сб. М., 1979. (ДСП). С. 58; Численность, естественное движение и миграция населения РСФСР в 1979 году: стат. сб. М., 1980. (ДСП). С. 5, 7, 36, 48.

¹⁴⁹⁴ См., например: Алексеев В.В., Логунов Е.В., Шабанов П.П. Опыт решения кадровых проблем в нефтегазовом строительстве Сибири (на материалах Главсибтрубопроводстроя). Свердловск, 1987.

Первоначально большими были ежегодные миграции в регионы Северокавказского экономического района, которые в 1970–1971 гг. шли как в городские поселения, так и в сельскую местность. Затем отрицательное сальдо уменьшилось, а в отдельные годы становилось даже положительным, хотя западносибирские города продолжали терять население в межгородском потоке. Нетто-прирост за счет перемещений был минимальным и во второй половине 1970-х гг. принимал как положительные, так и отрицательные значения. Вместе с тем отток из городов и пгт Западной Сибири в Северокавказский экономический район в 1970-е гг., очевидно, сократился.

В начале 1970-х гг. самая высокая убыль в межреспубликанских пространственных перемещениях, как и прежде, образовалась во взаимодействии со Средней Азией и Украиной. Среди украинских городов западносибирские мигранты отдавали предпочтение Киеву, Днепропетровску, Донецку, Запорожью, Харькову, Львову и Одессе, много людей переселялось на Крымский полуостров. В основном население принимали Донецко-Приднепровский и Южный, меньше – Юго-Западный районы. Убыль в потоке «город – город» в 1970–1971 гг. была очень велика, тогда как украинским селом Западной Сибири было «отдано» всего несколько сот человек¹⁴⁹⁵.

Уже к 1972 г. отток в республику существенно спал (до 1,3 тыс. чел.), а в 1974 г. сальдо миграции западносибирских городов и пгт впервые с начала исследуемого периода становится положительным (2,2 тыс. чел.). При том, что в 1970–1978 гг. Украинская ССР в целом все еще продолжала принимать населения больше, чем отдавать его, хотя в меньших размерах в сравнении с прошлым десятилетием (256,5 тыс. чел.)¹⁴⁹⁶. Во второй половине 1970-х гг. перемены в межреспубликанских перемещениях становятся заметнее. Людской поток из Украины сильно вырос. В то же время продолжало сохраняться движение населения в обратном направлении, особенно, в Донецко-Приднепровский район, которое исходило преимущественно из старых индустриальных регионов Западной Сибири.

В 1970–1978 гг. отрицательное сальдо миграции Белорусской ССР сократилось до 81,9 тыс. чел. по сравнению с 268,3 тыс. чел. в 1959–1969 гг.¹⁴⁹⁷ В 1970-е гг. в республике вновь развернулось мощное индустриальное строительство. Еще в 1960 г. ее удельный вес в капиталовложениях предприятий и организаций Советского Союза составлял только 2,1 %,

¹⁴⁹⁵ Подсчитано по: ГААК. ФР.–718. Оп. 43. Д. 113. Л. 3–4; ГАКО. ФР.–304. Оп. 1. Д. 104. Л. 2–3об; Д. 105. Л. 5–6об; ГАНО. ФР.–11. Оп. 4. Д. 185. Л. 70–71об; Д. 1433. Л. 40–41об; ИАОО. ФР.–2122. Оп. 1. Д. 5918. Л. 6–7; Д. 6130. Л. 3–4; ГАТО. ФР.–1085. Оп. 3. Д. 228. Л. 4–5; Д. 263. Л. 38–39об; ГАТюм.О. ФР.–1112. Оп. 4. Д. 143. Л. 148–149об; Оп. 1. Д. 5663. Л. 126–127об.

¹⁴⁹⁶ Демографическое развитие Украинской ССР (1970–1979 гг.). Киев, 1987. С. 223–225.

¹⁴⁹⁷ Подсчитано по: Численность, состав и движение населения СССР в 1979 году: стат. сб. М., 1980. (ДСП). С. 27; Численность, состав и движение населения СССР в 1977 году: стат. сб. М., 1979. (ДСП). С. 53; Численность и состав населения СССР. По данным Всесоюзной переписи населения 1979 г.: стат. сб. М., 1984. С. 7.

в 1970 г. – уже 3,1 %, а в 1979 г. – 3,3 %¹⁴⁹⁸. За период с 1971 по 1985 гг. в Белоруссии вошли в строй 136 фабрик и заводов, оснащенных новейшим оборудованием, в том числе крупные предприятия машиностроения, химии, нефтепереработки. Баланс обмена населением городов Западной Сибири и БССР первоначально был отрицательным, и принял скромные положительные значения только в 1974 г.¹⁴⁹⁹ Во второй половине 1970-х гг. сальдо миграции, так же как во взаимодействии с другими районами, начинает показывать неустойчивую динамику.

В конце 1960-х гг. Казахская ССР превратилась в донора мигрантов, хотя отток сначала был невысоким. За 1970–1978 гг. убыль из нее достигла 479,9 тыс. чел., тогда как в 1959–1969 гг. механический прирост у республики составил 795,4 тыс. чел.¹⁵⁰⁰ Первоначально снижаются до общесоюзных показателей, а затем становятся меньше темпы ее индустриального развития¹⁵⁰¹. Еще в 1970 г. города Западной Сибири теряли свое население в обмене с Казахстаном, но объемы оттока были невелики. Отрицательное сальдо в межгородском потоке частично компенсировала сельская местность, в основном северных районов. В 1972 г. миграции из республики усилились и с этого времени начали быстро расти.

Во второй половине 1970-х гг. текущим учетом фиксировался сильный ежегодный приток населения из Казахской ССР. В отличие от выбывших из других экономических районов ее мигранты распределялись равномернее. Например, в 1975 г. из прибывших 9,1 тыс. чел. только 2,2 тыс. осело в Тюменской области (24,2 %), 1,1 тыс. (12,1 %) переселилось в Кузбасс, 1,3 тыс. (14,3 %) – в Томскую область, 0,9 тыс. (9,9 %) – в Новосибирскую. Наибольшее число – 3,4 тыс. чел. (37,4 %) приняли городские поселения Омской области¹⁵⁰².

Из-за особенностей экономико-демографического развития и низкой подвижности титульных национальностей Среднеазиатских республик высокие потери западносибирских городов в межгородском потоке слабо покрывались встречными прибытиями из сельской местности. Сокращение отрицательного сальдо происходило медленно, за четыре года его объемы снизились с 4,7 тыс. чел. в 1970 г. до 0,5 тыс. чел. в 1974 г. В 1975–1979 гг. численность городских жителей Западной Сибири за счет южных республик стала постепенно увеличиваться, хотя убыль в межгородских перемещениях какое-то время сохранялась.

¹⁴⁹⁸ Подсчитано по: Народное хозяйство СССР в 1960 г.: стат. ежегодн. М., 1961. С. 598–599; Народное хозяйство СССР в 1970 г.: стат. ежегодн. М., 1971. С. 488; Народное хозяйство СССР в 1985 г. М., 1986. С. 369.

¹⁴⁹⁹ Подсчитано по: ГААК. ФР.–718. Оп. 43. Д. 128. Л. 5–6об; ГАКО. ФР.–304. Оп. 1. Д. 107. Л. 1–2об; Естественное и механическое движение населения Новосибирской области в 1975 году: стат. сб. Новосибирск, 1976. (ДСП). С. 44–47; ИАОО. ФР.–2122. Оп. 1. Д. 7415. Л. 3–4об; ГАТО. ФР.–1085. Оп. 3. Д. 263. Л. 1–2об.

¹⁵⁰⁰ Подсчитано по: Численность, состав и движение населения СССР в 1979 году: стат. сб. М., 1980. (ДСП). С. 28; Численность, состав и движение населения СССР в 1978 году: стат. сб. М., 1979. (ДСП). С. 37; Население СССР (численность, состав и движение населения). 1973: стат. сб. М., 1975. С. 74; Население СССР. 1987: стат. сб. М., 1988. С. 10.

¹⁵⁰¹ Народное хозяйство СССР в 1980 г.: стат. ежегодн. М., 1981. С. 130.

¹⁵⁰² Подсчитано по: ГААК. ФР.–718. Оп. 43. Д. 133. Л. 24–25об; Естественное и механическое движение населения Новосибирской области в 1975 году: стат. сб. Новосибирск, 1976. (ДСП) С. 44–47; ИАОО. ФР.–2122. Оп. 1. Д. 7614. Л. 10–11; ГАТюм.О. ФР.–1112. Оп. 1. Д. 6980. Л. 150–151об; ГАТО. ФР.–1085. Оп. 3. Д. 547. Л. 96–97об.

Положительный баланс пространственных передвижений был отмечен во всех регионах за исключением Кемеровской области, но и там отток населения в Среднюю Азию сократился с 3,3 тыс. чел. в 1970 г. и 0,7 тыс. чел. в 1975 г. до 24 чел. в 1979 г.¹⁵⁰³

Благодаря высокому промышленному росту, природно-климатическим условиям, уровню социального развития отток населения в Литву, Латвию и Эстонию не ослабевал. Механический прирост у них находился на стабильно высоком уровне как в 1970-е, так и в 1980-е гг. (1970–1978 гг. – 230,0 тыс. чел.)¹⁵⁰⁴. Города и пгт Западной Сибири проигрывали в демографическом обмене республикам Прибалтики, хотя миграционная убыль была невысокой. Сравнительно крупными реципиентами оставались Рига и Таллин. Отрицательное сальдо снизилось только на рубеже 1970–1980-х гг.

Таблица 4.3.5

Сальдо миграции городов и пгт Западной Сибири в межтерриториальном движении населения в 1979–1984 гг., тыс. чел.*

Экономический район	1979	1980	1981	1982	1983	1984
Центральные районы РСФСР	967	4 699	Нет свед.	7 419	4 138	2 793
Поволжский район	8 926	10 836	–	10 779	8 486	6 710
Северо-Кавказский район	–1 468	2 204	–	7 072	5 706	6 084
Уральский район	6 982	9 328	–	21 316	20 605	19 208
Восточно-Сибирский район	1 927	3 470	–	3 796	3 177	4 023
Дальневосточный район	1 625	744	–	1 590	1 889	1 816
Украинская ССР	4 554	7 264	–	22 529	15 632	15 889
Республики Прибалтики	–37	12	–	160	–6	Нет свед.
Республики Закавказья	1 346	2 134	–	1 972	2 612	3 213
Республики Средней Азии	1 685	2 008	–	3 010	3 913	4 449
Казахская ССР	5 283	5 888	–	9 260	10 533	12 269
Белорусская ССР	482	1 196	–	3 957	2 380	2 962
Молдавская ССР	155	1 346	–	1 815	1 458	1 164
Всего за счет экономических районов и республик СССР**	34 298	52 295	–	111 181	93 045	77 495

* Подсчитано по: ГААК. ФР.–718. Оп. 43. Д. 165. Л. 3, 4; Д. 170. Л. 2, 3; Д. 175. Л. 9, 10; Д. 179. Л. 1–4; ГАКО. ФР.–304. Оп. 1. Д. 109. Л. 6–7об; Культура, здравоохранение и население Кемеровской области: стат. сб. Кемерово, 1983. (ДСП) С. 32; Численность, естественное движение и миграция населения Кемеровской области: стат. сб. Кемерово, 1984. (ДСП) С. 72; Численность, естественное движение и миграция населения Кемеровской области: стат. сб. Кемерово, 1985. (ДСП) С. 72; Естественное и механическое движение населения Новосибирской области: стат. сб. Новосибирск, 1980. (ДСП) С. 36–39; Естественное движение населения и миграция в Новосибирской области: стат. сб. Новосибирск, 1984. (ДСП) С. 36–41; ГАНО. ФР.–11. Оп. 5. Д. 6991. Л. 19–20; Оп. 6. Д. 886. Л. 22–23; Д. 6061. Л. 31–32об; ИАОО. ФР.–2122. Оп. 1. Д. 8544. Л. 12–13; Д. 8858. Л. 10–11; Оп. 3. Д. 340. Л. 1–2; Д. 714. Л. 1–2; Д. 1035. Л. 5–6; ГАТО. ФР.–1085. Оп. 3. Д. 547. Л. 7–8об, 31–32об, 45–46об; Д. 649. Л. 37–38об, 43–44об, 55–56об; ГАТюм.О. ФР.–1112. Оп. 1. Д. 8945. Л. 1–2об; Д. 10283. Л. 1–2об; Оп. 2. Д. 432. Л. 2–3об; Д. 851. Л. 1–2об; Численность, естественное движение и миграция населения РСФСР в 1979 году: стат. сб. М., 1980. (ДСП) С. 236–240; Численность, естественное движение и миграция населения РСФСР в 1980 году. М., 1981. (ДСП) С. 114–118; Численность, естественное движение и миграция населения РСФСР в 1982 году. М., 1983. (ДСП) С. 162–165; Численность, естественное движение и миграция населения РСФСР в 1983 году. М., 1984. (ДСП) С. 164–168.

** С учетом не указавших место прибытия (выбытия) и прибывших (выбывших) из-за границы (за границу).

¹⁵⁰³ ГАКО. ФР.–304. Оп. 1. Д. 104. Л. 2–3об; Д. 110. Л. 7–8об; Д. 109. Л. 6–7об.

¹⁵⁰⁴ Подсчитано по: Численность, состав и движение населения СССР в 1979 году: стат. сб. М., 1980. (ДСП) С. 29–30, 32; Численность, состав и движение населения СССР в 1977 году: стат. сб. М., 1979. (ДСП) С. 55–56, 58; Численность, состав и движение населения СССР в 1972 году: стат. сб. М., 1973. (ДСП) С. 78, 80, 85; Численность и состав населения СССР. По данным Всесоюзной переписи населения 1979 г.: стат. сб. М., 1984. С. 7.

Приток населения в западносибирский экономический район из Закавказских республик в первой половине 1970-х гг. усилился на фоне высокого отрицательного сальдо в межгородском потоке. Горожане из Западной Сибири перемещались главным образом в Тбилиси, Баку и Ереван. После некоторого снижения в 1976 г. миграционный прирост вновь увеличился, главным образом, за счет перемещений в ЗСНГК.

В первой половине 1980-х гг. укрепились возникшие во второй половине предшествующего десятилетия тенденции в межтерриториальных перемещениях населения. Количество выбытий из России последовательно снижалось, а величина ее положительного сальдо миграции заметно выросла. Так, если с 1970 по 1978 г. чистый нетто-прирост РСФСР (городских поселений и сельской местности) составил 141,8 тыс., то в 1979–1988 гг. – уже 1 820,6 тыс. чел.¹⁵⁰⁵ Немалую роль в этом сыграли недостаточно интенсивное социально-экономическое развитие других республик Советского Союза и дефицит трудовых ресурсов собственно в РСФСР. Большое число работников требовалось предприятиям и организациям новых территориально-производственных комплексов. Наряду с этим продолжали расти мобильность титульных народов национально-территориальных образований и повышение их доли среди рабочих и служащих, что снижало на местах остроту кадровой проблемы.

В 1979–1984 гг. усилились людские пространственные перемещения в центральные районы России, привлекательность которых росла преимущественно у внутрироссийских мигрантов. Много населения принимали высокоразвитые в социально-экономическом и культурном отношении столичные регионы (Московская и Ленинградская области). Новые тенденции укрепило формирование в центральноевропейских регионах новых территориально-производственных комплексов. В десятой пятилетке в границах Северного экономического района (выделенного в 1982 г. из состава Северо-Западного) стал формироваться Тимано-Печорский ТПК, предприятия которого специализировались на вырубке леса, добыче угля, нефти и газа, руд цветных металлов¹⁵⁰⁶. Высокими темпами увеличивалось промышленное производство в зоне Курской магнитной аномалии.

Несмотря на то, что совокупное положительное сальдо РСФСР увеличилось, приток населения в ее города и пгт снизился. Если в 1970–1978 гг. механический прирост составил 8 769,8 тыс. чел. или 974,4 тыс. в среднем ежегодно, то в 1979–1988 гг. – 6 687,3 тыс. чел. (668,7 тыс.)¹⁵⁰⁷. Государственные органы власти продолжали сдерживать убыль из сельской местности

---

¹⁵⁰⁵ Подсчитано по: Демографический ежегодник России: стат. сб. М., 1998. С. 19.

¹⁵⁰⁶ История социалистической экономики СССР. Т. 7. Экономика СССР на этапе развитого социализма (1960–1970-е гг.). С. 430.

¹⁵⁰⁷ Подсчитано по: Демографический ежегодник России: стат. сб. М., 2000. С. 20

путем повышения капитальных вложений в аграрный сектор¹⁵⁰⁸. Однако в Западной Сибири сальдо городов увеличилось, не только в абсолютном, но и относительном значении. Так, коэффициент миграционного прироста городских поселений РСФСР снизился с 9,8 ‰ в 1970–1978 гг. до 5,7 ‰ в 1979–1988 гг., в Западной Сибири – вырос с 8,4 ‰ до 10,8 ‰¹⁵⁰⁹. Причиной тому стало быстрое повышение интенсивности переселений из других экономических районов и республик, которые впервые начиная с 1981 г. на некоторое время даже превысили внутрирайонные объемы.

В отличие от предыдущего десятилетия этот период хуже представлен в общероссийских статистических изданиях. Центральные государственные органы перестали публиковать даже в закрытых для широкой общественности сборниках (ДСП) данные о межрайонных пространственных перемещениях. Во всяком случае, после 1983 г. вплоть до 1988 г. подобной информации нами обнаружено не было. После 1979 г. перестал издаваться ежегодник «Численность, состав и движение населения СССР». В архиве Кемеровской области источники о территориальном движении после 1979 г. отсутствуют (во всех остальных регионах есть). Именно поэтому нам не удалось рассчитать и представить в виде таблицы сальдо миграции городов и пгт Западной Сибири по экономическим районам и республикам во второй половине 1980-х гг.

Здесь сделаем краткое отступление и укажем на то, что данные за 1980 г. не совсем корректно отражают статистику пространственных перемещений, так как в областных архивах и центральных изданиях по невыясненным причинам не были представлены показатели колонки «неизвестно»¹⁵¹⁰. Это затрудняет определение сальдо миграционного взаимодействия Западной Сибири и отдельных экономических районов. В последующие годы категория прибывших неизвестно откуда в большинстве региональных архивохранилищ была исключена из материалов межрайонного движения населения, несмотря на то, что в *итоговой* статистике она все же присутствовала.

Итак, благодаря промышленному подъему, по абсолютным показателям механического прироста в 1981–1985 гг. города Западной Сибири заняли второе место в РСФСР (на первом – Центральный район), тогда как, например, в 1971–1975 гг. они были только на пятом (после Центрального, Поволжского, Северо-Западного и Северо-Кавказского). В 1980 г. сальдо миграции западносибирских городских поселений становится положительным в обмене со всеми экономическими районами Советского Союза.

---

¹⁵⁰⁸ Макарова Л.В., Морозова Г.Ф., Тарасова Н.В. Региональные особенности миграционных процессов в СССР. С. 69–70.

¹⁵⁰⁹ Численность, состав и движение населения в РСФСР: стат. сб. М., 1990. С. 46–47.

¹⁵¹⁰ См., например: Демографический ежегодник СССР. 1990. М., 1990. С. 523.

Несмотря на то, что совокупный механический прирост четырех центральных экономических районов РСФСР в 1979–1988 гг. достиг 1,1 млн чел., новые миграционные тренды на их демографическое взаимодействие с Западной Сибирью не повлияли¹⁵¹¹. Так, в 1980 г. в ее города и пгт вселилось 4,7 тыс. чел. и, хотя из Кузбасса в обратном направлении выбыло 0,6 тыс. чел., Алтайского края – 0,4 тыс., Омской области – 0,3 тыс. чел., Тюменская область смогла привлечь 5,9 тыс. чел. Достигнув максимального уровня в 1982 г., приток населения из центральных регионов вновь снизился. В 1980 г. в городах и пгт Западной Сибири осело 9,3 тыс. мигрантов из уральских регионов, в 1983 г. – уже 20,6 тыс. чел.¹⁵¹² Причем свое население часто отдавали не только сельская местность, но и крупные города. Индустриальное развитие уральского экономического района, даже несмотря на включение Башкирской ССР, продолжало идти замедленными темпами, а его отрицательное сальдо в 1980-е гг. осталось высоким (1980–1988 гг. – 494,5 тыс. чел.).

В новом десятилетии, благодаря промышленному развитию, приток мигрантов в Дальневосточный экономический район не ослабевал¹⁵¹³. Средний уровень заработной платы здесь, начиная с 1970-х гг. был намного выше, чем в республике в целом. Если в 1970 г. по РСФСР он составлял 121,0 руб., то на Дальнем Востоке 186,0 руб., в 1980 г. – соответственно 174,0 и 264,0 руб.¹⁵¹⁴ Именно поэтому положительное сальдо городов Западной Сибири образовалось в сельско-городских перемещениях, тогда как в потоке «город – город» было отрицательным.

Положительное сальдо в обмене с Поволжским экономическим районом сократилось, хотя все еще оставалось высоким. В 1980-е гг. рост его промышленного производства замедлился и снизился до среднероссийского уровня, тогда как на предшествующих исторических этапах по меньшей мере начиная с середины 1950-х гг. он всегда был выше, чем в целом по республике. Согласно статистическим сведениям за 1980 г. свое население городам и пгт Тюменской и Томской областей отдавали даже крупные центры, такие как Волгоград, Куйбышев, Тольятти, Уфа и Казань.

Что касается других регионов Западной Сибири, то приток к ним был намного меньшим. Благодаря строительству БАМа и КАТЭКа механический прирост восточносибирских регионов в новом десятилетии принял небольшие положительные значения (1979–1988 гг. – 44,6 тыс.

---

¹⁵¹¹ Подсчитано по: Численность, состав и движение населения в РСФСР. М., 1986. (ДСП). С. 65, 77; Естественное движение населения в РСФСР. М., 1988. (ДСП). С. 12–13; Естественное движение населения РСФСР в 1988 году: стат. бюл. М., 1989. С. 4; Численность населения РСФСР по данным Всесоюзной переписи населения 1989 г. М., 1990. С. 14–17.

¹⁵¹² С 1984 г. Башкирская АССР в статистических материалах фиксируется в составе Уральского экономического района.

¹⁵¹³ Миграции населения Азиатской России: конец XIX – начало XX в. С. 279.

¹⁵¹⁴ Российский статистический ежегодник. 1994: стат. сб. М., 1994. С. 513, 515.

чел.)¹⁵¹⁵. Причем темпы роста населения на БАМе оказались более высокими, чем планировалось изначально¹⁵¹⁶. Так, отрицательное сальдо миграции Читинской области уменьшилось с 44,1 тыс. до 18,2 тыс. чел. в сравнении с предыдущим межпереписным периодом¹⁵¹⁷. Несмотря на это, отток населения из Восточной Сибири в города Западной Сибири вновь возрос. Заметно усилились масштабы перемещений из Северокавказского экономического района.

В 1980-е гг. положительное сальдо Украинской ССР вновь сократилось и составило за 1979–1989 гг. всего 157,1 тыс. чел. За 1979–1988 гг. она потеряла в миграционном взаимодействии с Российской Федерацией свыше 300 тыс. чел. Людской поток из республики в основном перемещался в западные приграничные области, в северные районы, а также на Дальний Восток РСФСР¹⁵¹⁸. У большинства регионов был зафиксирован отток населения в СССР, самые высокие потери были у Кузбасса, Алтайского края и Новосибирской области. Однако они полностью покрывались массовыми встречными прибытиями в Тюменскую область. В результате положительное сальдо городов Западной Сибири значительно возросло (см. табл. 4.3.5). Отрицательный баланс обмена с республиками Прибалтики снизился, но приток населения был очень слабым и колебался у нулевых значений. Дело в том, что Латвия, Литва и Эстония по-прежнему оставались привлекательными для мигрантов, их положительное сальдо оставалось высоким и в 1980-е гг. В новых условиях больше людей западносибирским городам и пгт стали отдавать Белорусская ССР и Закавказский экономический район.

В 1979–1988 гг. механический отток из Среднеазиатского экономического района достиг 850,7 тыс. чел.¹⁵¹⁹ Положительная динамика РСФСР в демографическом обмене с ним возникла в середине 1970-х гг. (с Киргизией в 1972–1973 гг.). Людским перемещениям способствовало несколько причин. Во-первых, рост населения в трудоспособном возрасте в среднеазиатских республиках превышал увеличение количества рабочих мест. Во-вторых, на местах улучшилась подготовка квалифицированных рабочих кадров, расширилась сеть образовательных учреждений. По выпуску специалистов высшими и средними учебными заведениями они стали догонять среднесоюзные показатели (табл. 4.3.6).

¹⁵¹⁵ Подсчитано по: Численность, естественное движение и миграция населения РСФСР в 1983 г. М., 1984. (ДСП). С. 25, 41; Численность, состав и движение населения в РСФСР. М., 1986. (ДСП). С. 66, 78; Население СССР. 1987: стат. сб. М., 1988. С. 153; Население СССР. 1988: стат. ежегодн. М., 1989. С. 80; Естественное движение населения в РСФСР. М., 1988. (ДСП). С. 14, 32; Численность населения РСФСР по данным Всесоюзной переписи населения 1989 г. М., 1990. С. 22.

¹⁵¹⁶ Правда. 1984. 31 мар.

¹⁵¹⁷ Подсчитано по: Текущий архив Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Забайкальскому краю. Динамические ряды № 5. Л. 7–8.

¹⁵¹⁸ Население России в XX веке: исторические очерки: в 3 т. Т. 3, кн. 2. 1980–1990 гг. С. 212.

¹⁵¹⁹ Подсчитано по: Демографический ежегодник. 1990. М., 1990. С. 93, 96–98; Население СССР по данным Всесоюзной переписи населения 1989 г. М., 1990. С. 9.

Выпуск специалистов высшими и средними специальными учебными заведениями по некоторым союзным республикам (на 10 тыс. чел.)*

Союзная республика	Вузы		Ссузы	
	1965	1980	1965	1980
СССР	17	31	27	48
РСФСР	19	33	30	52
Казахская ССР	13	26	21	47
Узбекская ССР	18	28	17	40
Киргизская ССР	13	23	18	35
Таджикская ССР	13	23	13	28
Туркменская ССР	12	20	17	30

* Составлено по: Народное хозяйство СССР в 1980 г. М., 1981. С. 472.

В-третьих, стала расти интенсивность внутренней миграции коренного населения из сельской местности¹⁵²⁰. Представительство титульных этносов в составе рабочих и служащих увеличилось. Так, если в 1967 г. удельный вес узбеков среди рабочих и служащих Узбекской ССР составлял 43,0 %, в 1977 г. – 51,0 %, то в 1987 г. – уже 61,0 %; киргизов в Киргизской ССР – соответственно 26,0 %, 33,0 % и 41,0 %; таджиков в Таджикской ССР – 35,0 %, 45,0 % и 54,0 %; туркмен в Туркменской ССР – 38,0 %, 45,0 % и 59,0 %¹⁵²¹. В-четвертых, условия жизни, которые являлись привлекательными в 1950–1960-е гг., в 1970–1980-е перестали быть таковыми. Уровень материального благосостояния, бытового и социального обслуживания в республиках Средней Азии оставался низким. По сравнению с 1960 г. разрыв в величине заработной платы между ними и РСФСР увеличился¹⁵²².

Хотя мигранты выезжали в основном в европейские регионы страны, людской поток в города Западной Сибири тоже вырос. Основная его часть направилась в сторону Тюменской, Томской и Новосибирской областей, наибольшую долю в нем заняли жители Киргизской и Узбекской ССР. Те же тенденции в определенной мере были присущи Казахской ССР, где механическая убыль в 1979–1988 гг. достигла 786,5 тыс. чел., и охватила как городские поселения, так и сельскую местность¹⁵²³. Положительное сальдо городов Западной Сибири в обмене с ней увеличилось с 5,9 тыс. в 1980 г. до 12,3 тыс. чел. в 1984 г. (см. табл. 4.3.5).

К большому сожалению, у нас нет всех источниковых материалов, на основе которых можно произвести анализ межрайонных перемещений во второй половине 1980-х гг. (с 1985 по 1988 гг.). В год последней Всесоюзной переписи объемы и направленность миграционных потоков начинают трансформироваться под воздействием нарастающей нестабильности в социально-экономическом и внутривнутриполитическом положении. Межтерриториальные перемещения в 1989 г. несут на себе отпечаток перемен, которые начались в СССР в середине

¹⁵²⁰ Население России в XX веке: исторические очерки: в 3 т. Т. 3. кн. 2. 1980–1990 гг. С. 212.

¹⁵²¹ Труд в СССР: стат. сб. М., 1988. С. 20.

¹⁵²² Народное хозяйство СССР в 1987 году: стат. ежегодн. М., 1988. С. 392.

¹⁵²³ Подсчитано по: Демографический ежегодник. 1990. М., 1990. С. 93; Население СССР по данным Всесоюзной переписи населения 1989 г. М., 1990. С. 9.

десятилетия. Расширение самостоятельности союзных республик и попытки местных органов власти достичь определенной хозяйственной независимости сопровождались ухудшением межнациональных отношений. Последовательное снижение темпов роста промышленного производства затронуло не только народнохозяйственный комплекс страны в целом, но и прежде интенсивно развивающиеся территориально-производственные комплексы. Объемы миграционного оборота уменьшились, причем число прибывших сократилось в большей степени. Согласно нашим подсчетам, механический прирост Западной Сибири в целом упал с 62,7 тыс. в 1987 г. до 2,8 тыс. чел. в 1989 г.¹⁵²⁴ В результате, положительное сальдо ее городских поселений снизилось в 1989 г. до 30,8 тыс. чел. (см. Прил., табл. 1)

Анализ территориального движения населения в 1989 г. показал трансформацию прежних миграционных трендов. Вновь усилились людские перемещения в европейскую часть страны, которые достигли 4,4 тыс. чел., и в Северный Кавказ (1,4 тыс. чел.). Заметно сократились прибытия из Поволжского (0,9 тыс. чел.) и Уральского (9,0 тыс. чел.) экономических районов¹⁵²⁵. Начинает набирать обороты отток из восточных регионов, который стал особенно заметен в постсоветской России. Положительное сальдо во взаимодействии с Восточной Сибирью и Дальним Востоком увеличилось до 2,2 тыс. и 1,3 тыс. чел. соответственно¹⁵²⁶.

На фоне нарастающей экономической нестабильности снизился приток населения из национально-территориальных образований Советского Союза. Почти полностью прекратились переселения из Украины (0,2 тыс. чел.) и Белоруссии (0,1 тыс. чел.), существенно сократились из Закавказских республик (0,8 тыс. чел.). Несколько возросла убыль городов Западной Сибири вследствие людских перемещений в Литву, Латвию и Эстонию (0,2 тыс. чел.). Статистически весомое сальдо миграции сохранилось во взаимодействии с Казахской ССР и Средней Азией, хотя его величина уменьшилась (до 4,3 тыс. и 2,0 тыс. чел. соответственно)¹⁵²⁷.

На основе анализа данных о территориальном движении населения можно сделать следующие выводы. Первоначально, на рубеже 1950–1960-х гг. миграционный приток в города был высоким, но после начала ускоренного освоения восточных районов значительно снизился. Недостаточно интенсивное социально-экономическое развитие Западной Сибири вызвало перемещение людей в регионы и республики с благоприятными климатическими условиями и высоким спросом на рабочую силу. Это, прежде всего, Украина, Казахстан, Средняя Азия. В РСФСР мигранты предпочитали Северный Кавказ, позднее центральноевропейские районы. Причем отток населения в относительном выражении был намного больше, чем у Российской Федерации в целом.

---

¹⁵²⁴ Миграции населения Азиатской России: конец XIX – начало XX в. С. 251.

¹⁵²⁵ Подсчитано по: Демографический ежегодник. 1990. М., 1990. С. 556–563.

¹⁵²⁶ Там же.

¹⁵²⁷ Там же.

В 1970-е гг. убыль снизилась, особенно в регионы, которые прежде энергично принимали западносибирских горожан. Целенаправленная политика государства смогла ослабить действие факторов, стимулирующих выбытие населения. Спрос на высокооплачиваемую рабочую силу в Западной Сибири повысился. Кроме Урала, увеличился приток из других, прежде всего близлежащих экономических районов, не сильно отличающихся по природно-климатическим условиям и развитию социальной сферы, – Поволжского района и Казахской ССР. Однако продолжал сохраняться некоторый отток в трудоизбыточные регионы, интенсивно развивающийся Дальний Восток, Северный Кавказ, Украину. Во второй половине десятилетия миграционное положение становится для Западной Сибири еще более благоприятным. Убыль населения снижается и отмечается в места с действительно высокими преимуществами – на Дальний Восток, в республики Прибалтики, центрально-европейские районы. Значительное число людей стала отдавать Украинская ССР.

В первой половине 1980-х гг., несмотря на сокращение сельско-городских перемещений, приток населения сильно вырос. Почти со всеми экономическими районами и республиками у городов и пгт Западной Сибири образовалось положительное сальдо миграции. Отдавать людей в значительных количествах стали даже центральноевропейские, северокавказские регионы, Средняя Азия и Закавказье. Наибольший приток образовался из Украины, Урала и Казахстана. Теперь размеры перемещений населения извне в относительном выражении стали намного выше, чем в РСФСР в целом. Такая динамика в общих чертах, скорее всего, продолжала сохраняться до 1987 г., после чего масштабы прибытий стали падать. В 1989 г. в миграционных процессах уже заметно возникновение новых тенденций.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В современной российской исторической науке наметился определенный поворот к анализу послевоенных демографических процессов. Однако как показывает практика, несмотря на облегчение доступа к статистическим источникам, западносибирское городское население по сей день еще недостаточно исследовано. Несмотря на то, что по отдельным направлениям были достигнуты заметные успехи, по-прежнему остаются малоизученными многие вопросы, относящиеся к воспроизводству и миграции населения, динамике развития городов различных категорий. Проблемы урбанизации нуждаются в теоретическом осмыслении, с учетом особенностей существовавших в историческом развитии разных районов. Данная диссертационная работа призвана восполнить существующие пробелы.

Для того чтобы подвести итоги демографического развития городов Западной Сибири в конце 1950-х – 1980-е гг. рассмотрим, как модернизация и индустриализация влияли на воспроизводство населения и урбанизацию в стране в целом. Согласно У. Росту в 1950 г. в Советском Союзе наступила стадия зрелости¹⁵²⁸. Так как экономика управлялась централизованно, перед руководством страны встал вопрос о дальнейшем пути развития. Как уже говорилось во вводной части диссертации, У. Росту предположил, что существует несколько вариантов развития событий после наступления фазы зрелости – милитаризация и военная экспансия; развитие общества массового потребления и государства всеобщего благосостояния. Причем стадия зрелости может длиться довольно долго, прежде чем начнется переход к следующему этапу. Например, в ведущих европейских государствах она длилась около 40 лет и Россия, как показывает исторический опыт, не стала исключением.

В Европе своевременному переходу к последней стадии помешали Первая мировая война, экономическая и военно-политическая конкуренция межвоенного периода, Великая депрессия, Вторая мировая война. Лишь после этого сложились благоприятные условия для появления государства нового типа. Военный потенциал Германии не представлял угрозы; безопасность стала носить коллективный характер (НАТО), а не индивидуальный, как раньше, что позволило существенно снизить военные расходы; созрело понимание необходимости мирного сосуществования, экономической интеграции и сделаны реальные шаги в этом направлении. Следует отметить высокий эмоциональный подъем, возникший в послевоенном обществе.

Советский Союз оказался в совершенно иных исторических условиях, страна перешла к этапу длительного и изнурительного военного противостояния. Новая угроза, появившаяся после возникновения НАТО, не способствовала сокращению оборонных расходов, которые для достижения военного паритета оказались непропорционально велики по отношению к внутреннему промышленному производству. Огромные материальные ресурсы в очередной раз

---

¹⁵²⁸ Росту В.В. Стадии экономического роста. С. 92.

были израсходованы на восстановление разрушенных районов, модернизацию военно-промышленного комплекса.

В таких исторических условиях оставшиеся в распоряжении государства ресурсы были направлены на продолжение экстенсивной индустриализации, для чего командно-административная система подходила больше всего¹⁵²⁹. Строились новые заводы и фабрики, увеличивалась выплавка стали, добыча нефти, газа и угля. Темпы роста индустриального производства на стадии зрелости закономерно снижались, началась стагнация угольной отрасли, но при этом интенсивно развивались гидроэнергетика, нефтяная и газовая промышленность. Средства производства производились для того, чтобы создать новые виды военной техники и новые средства производства, а не для увеличения выпуска предметов потребления. Одним из главных направлений политики экстенсивной индустриализации стало промышленное освоение новых и в то же время малонаселенных восточных районов. Не удалось существенно повысить производительность сельского хозяйства и благосостояние сельских жителей, хотя занятость в аграрном секторе продолжала снижаться. Росту производительности как в промышленности, так и в сельском хозяйстве мешало отсутствие экономической конкуренции, поэтому у руководителей предприятий и организаций отсутствовали мотивы повышения прибыльности производства.

В результате характеристики урбанизации в 1959–1989 гг. соответствовали стадии зрелости, а в конце советского периода даже некоторой «перезрелости». Доля городского населения в СССР за 1959–1989 гг. достигла 65,9 %, в РСФСР – 73,6 %. Численность и удельный вес сельского населения продолжали сокращаться. Произошло снижение объемов перемещений из сельской местности в города. Одновременно с этим стал нарастать миграционный отток из малых городских поселений в крупные административные и индустриальные центры, который временно удалось замедлить благодаря ограничению их промышленного роста, государственной поддержке развития части малых и средних городов, выравниванию материального положения разных социальных групп. Концентрация населения в крупных городах являлась очевидным свидетельством того, что проблема удовлетворения первоочередных потребностей (в пище, жилье и работе) уже не стоит на повестке дня, у людей появились новые стандарты потребления, их стали больше интересовать материальный достаток, досуг, карьерный рост. Характеристики воспроизводства населения в целом тоже соответствовали стадии зрелости. К концу рассматриваемого периода рождаемость и

---

¹⁵²⁹ В этой связи представляет интерес то, насколько успешной станет попытка современного коммунистического правительства Китая, который находится на фазе зрелости, перейти от экстенсивной индустриализации к обществу массового потребления с учетом возросшего внешнего экономического и политического давления.

смертность в СССР постепенно приблизились к уровню простого воспроизводства, а в России упали ниже этого уровня.

Фазе зрелости и четвертной стадии по Д. Гиббсу больше всего соответствует этап интенсивной урбанизации по А.С. Сенявскому, когда кроме повышения доли городского населения усиливаются межгородские людские потоки, интенсивность миграций последовательно сокращается, уменьшается количество административных преобразований, усиливается концентрация горожан в наиболее крупных населенных пунктах и агломерациях. В РСФСР первые признаки интенсивной урбанизации появились в первой половине 1960-х гг.

В это время отчетливо обозначилась необходимость гуманизации существующего строя, улучшения благосостояния населения. В экономике было необходимо достичь нового структурного баланса, при котором при сохранении военного потенциала страны на высоком уровне потребности населения удовлетворялись бы в большей степени. При выбранном экономическом курсе производство предметов потребления не могло повышаться быстро. Несмотря на то, что больше материальных и финансовых ресурсов стало направляться в социальную сферу, жилищное строительство, научная и инженерно-конструкторская мысль работали в основном на оборону, создание нового оружия, военной техники. Это отразилось на качестве выпускаемых товаров народного потребления. Вместе с тем стали развиваться общественный транспорт, гражданская авиация, началось массовое производство телевизоров, холодильников, стиральных машин, увеличился выпуск одежды и обуви. Уровень потребления в СССР в 1960–1970-е гг. постепенно увеличивался.

Правительство страны пошло сначала на сокращение рабочего дня, а затем на снижение числа рабочих дней в неделю. Последовательно росла заработная плата, хотя она не была подкреплена соответствующим ростом производительности труда и производства потребительских товаров, вследствие чего дефицит со временем стал одним из главных проблем советской экономики. Так же как и на Западе, повысились государственные расходы на социальную сферу. Это выразилось в увеличении общественных фондов потребления. В доходах семей рабочих промышленности выплаты и льготы из общественных фондов потребления выросли с 14,5 % в 1940 г. до 22,3 % в 1972 г., семей колхозников – соответственно с 14,9 % до 20,0 %. Пенсионное обеспечение охватило все население.

С ростом механизации и автоматизации производства повысились требования к образовательному уровню работников. Потребность в малоквалифицированном труде постепенно снижалась. Увеличилось количество высших учебных заведений и доля лиц с высшим образованием. Выросли число организаций и учреждений здравоохранения, образования, жилищная обеспеченность населения. Занятость в сфере услуг тоже стала расти, а в промышленности снижаться, но не так быстро, как в ведущих странах Запада, благодаря

продолжающейся экстенсивной индустриализации. Как показывает официальная статистика, доля служащих в СССР увеличилась, а колхозников уменьшилась¹⁵³⁰.

Итак, советское общество в 1960–1980-е гг. так и не перешло к последней стадии – государству всеобщего благосостояния, хотя некоторые его характеристики, несомненно, присутствовали. Прежде всего, не удалось осуществить ключевого сдвига – провести перестройку экономики, то есть существенно нарастить выпуск предметов потребления, повысить долю сферы услуг и, в конечном итоге, увеличить благосостояние населения. Следовательно, демографические характеристики соответствовали фазе зрелости: сохранялась еще относительно высокая доля сельского населения, продолжалась концентрация жителей в крупнейших городах, сформировался миграционный отток из малых и средних городских поселений.

В рассматриваемый период не удалось существенно повысить продолжительность жизни. Экономика функционировала в прежнем режиме, доходы населения и государственные расходы на сферу услуг, в том числе здравоохранение, оставались невысокими. Следовательно, не могло произойти качественных улучшений в области предоставления медицинской помощи, обеспечения больниц современными медицинскими препаратами и оборудованием. Количественные показатели постоянно улучшались, но это уже не сильно влияло на снижение смертности. Государству не хватало материальных и финансовых возможностей для решения экологических проблем, так как дополнительные расходы тяжелым бременем ложились на бюджеты предприятий, а это отражалось на рентабельности производства. В социальной структуре общества, благодаря продолжающейся индустриализации, высокую долю занимали рабочие и лица, занятые преимущественно физическим трудом с заниженными показателями продолжительности жизни. Из-за того, что сфера услуг росла медленно, а в социальной структуре доминировал рабочий класс, сохранялся относительно высокий уровень рождаемости. В результате в стране так и не наступил второй эпидемиологический переход. Нельзя не отметить и негативных последствий отдельных шагов советской власти, приведших к значительному росту алкоголизма и курения.

На этом фоне экономическое и демографическое развитие восточных районов Советского Союза и Западной Сибири, в частности, имело важные особенности. У. Ростоу, составляя периодизацию стадий промышленного развития в России, акцентировал внимание, прежде всего, на ее европейской части. Между тем время наступления фазы подъема может сильно отличаться не только у стран разных волн индустриализации, но и у регионов, входящих в их состав. В некоторых районах промышленность может получить слабое развитие, например из-

---

¹⁵³⁰ Итоги Всесоюзной переписи населения 1979 года: стат. сб. М., 1990. Т. VII. Распределение населения СССР, союзных и автономных республик, краев и областей по общественным группам. С. 5.

за аграрной специализации, хотя сельскохозяйственное производство, конечно, становилось механизированным, современным. При глубоком межрайонном разделении труда отпадала необходимость создавать повсеместно все отрасли промышленности, поэтому говорить о стадиях роста применительно к регионам следует с некоторыми оговорками.

Также следует помнить, что со временем региональные различия нивелируются, благодаря созданию единого рынка, развитой транспортной системы, общего правового, культурного и социального пространства. Государственные органы начинают следить за тем, чтобы население всех частей страны имело равные права, получило доступ к образованию, услугам социальной сферы. Это приводит к тому, что со временем в территориальном аспекте слабеет взаимосвязь воспроизводства и индустриального развития региона, хотя темпы урбанизации и миграции по-прежнему сильно зависят от него. Демографический переход начинается без появления промышленности (хотя может идти с запозданием), вследствие чего в перспективе происходит сближение показателей воспроизводства и, в первую очередь, смертности, по всей стране.

Сибирь являлась важнейшей частью России, отличавшейся размерами территории, слабой заселенностью, суровым климатом, удаленностью от центральных районов страны, но в то же время богатыми природными ресурсами. Эти особенности наложили огромный отпечаток на ее историческое, в том числе и демографическое развитие. Территориальная обособленность предопределила позднее начало перехода к стадии подъема. Главной особенностью индустриализации стала специализация на добывающей и лесной промышленности, черной и цветной металлургии, энергетике.

Исходя из изложенного, фаза подъема в Сибири началась примерно на 20 лет позже, чем в европейской части империи. Доля городского населения к 1914 г. достигла 12,1 %, в Западной Сибири уровень урбанизации был несколько ниже¹⁵³¹. Общий коэффициент рождаемости был очень высок. Согласно Р.И. Сифман в Сибири вплоть до Первой мировой войны он почти не менялся и колебался в пределах 50,0 ‰¹⁵³². Даже в 1926 г. по данным ЦСУ, размещенным в статистическом сборнике «Естественное движение населения Советского Союза в 1926 г.», он составил 51,3 ‰, а снижение началось только в конце 1920-х гг. Смертность стала сокращаться раньше, после окончания гражданской войны. Это не исключает, как отмечает В.А. Зверев, снижения смертности у некоторых категорий населения еще в дореволюционный период¹⁵³³.

---

¹⁵³¹ Подсчитано по: Рашин А.Г. Население России за 100 лет (1811–1913 гг.): стат. очерки. С. 26, 88.

¹⁵³² Сифман Р.И. Динамика численности населения России за 1897–1914 гг. // Брачность, рождаемость, смертность в России и в СССР: сб. ст. М., 1977. С. 62–82.

¹⁵³³ Зверев В.А. Люди детные: воспроизводство населения сибирской деревни в конце имперского периода. Новосибирск, 2014.

Фаза подъема в Сибири завершилась к концу первой пятилетки, в 1932 г., когда была создана основа дальнейшей индустриализации. Районы Урало-Кузнецкого комбината вместе с некоторыми другими регионами стали базой экономического освоения востока страны. Доля городского населения достигла к первому января 1933 г. – 22,3 %¹⁵³⁴. Естественно, что такое стремительное развитие происходило в ущерб материальному обеспечению людей и социальной инфраструктуре, особенно в новых промышленных районах¹⁵³⁵. Рождаемость, благодаря росту образования, городского населения и вовлечению женщин в общественное производство, стала падать. Смертность значительно возросла во время голода 1932–1933 гг., но затем вновь снизилась за счет улучшения медицинского обслуживания, развития коммунального хозяйства, ликвидации безработицы и других факторов.

Переход к зрелости в Сибири начался со второй пятилетки, когда усилилась диверсификация промышленности и, кроме предприятий по добыче угля, выплавке чугуна и стали, больше внимания стали уделять строительству машиностроительных заводов, формированию легкой и пищевой индустрии. В связи с нарастанием угрозы войны строились также оборонные заводы¹⁵³⁶. Несколько повысилось производство предметов потребления, улучшилось жилищное положение населения. Однако решающие сдвиги произошли во время Великой Отечественной войны и эвакуации промышленных предприятий из европейской части страны. Диверсификация экономики за короткие сроки серьезно выросла, значительно повысились масштабы производства разнообразной промышленной продукции. В результате к началу 1950-х гг. или на несколько лет позже Сибирь, как и страна в целом, перешла к стадии зрелой экономики. Доля городского населения достигла 42,4 %, в том числе в Западной Сибири – 41,0 %.

Формальные характеристики демографического развития городских поселений в Западной Сибири и России в целом на зрелой стадии не сильно отличались. Но, если рассматривать урбанизацию детально, то можно обнаружить особенности, которые оказали влияние на миграцию и воспроизводство местного населения. Хорошо известно, что в советский период освоению новых районов придавалось большое значение. Индустриализация пошла на север и юг, с запада на восток, путем освоения Поволжья, Урала, Северного Кавказа, Сибири, Дальнего Востока, Средней Азии.

При размещении объектов индустрии учитывались природные и людские ресурсы, транспортные возможности. Например, строительство на востоке страны предприятий автомобилестроения, легкой промышленности, приборостроения обошлось бы дороже, чем в

---

¹⁵³⁴ Московский А.С., Исупов В.А. Формирование городского населения Сибири (1926–1939 гг.). С. 29.

¹⁵³⁵ См., например: Исаев В.И. Быт рабочих Сибири. 1926–1937 гг. С. 36–37, 44–48.

¹⁵³⁶ История Сибири с древнейших времен до наших дней: в 5 т. Л., 1965. Т. 4. Сибирь в эпоху социализма. С. 392.

европейской части СССР. Многие производства для достижения высокого качества нуждались в подготовленной социальной среде, которой обладали, как правило, старые и крупные города традиционных промышленных районов. В то же время предприятия по добыче сырья в основном возникали на востоке. Как известно, разработка природных ресурсов требует строительства новых предприятий и городских поселений, что, в свою очередь, оказывает воздействие на миграцию. Если размах производства велик, то это начинает влиять на процессы народонаселения в масштабах экономического района в целом. Они могут вновь принять некоторые черты, свойственные стадиям подъема.

Это происходит в том числе потому, что городские поселения России вследствие природных, хозяйственных, демографических условий размещены неравномерно. У экономически развитых центральноевропейских областей, полностью или в значительной мере вошедших в основную полосу расселения, исторически потенциал образования городов был выше. Что касается восточных регионов, то еще в дореволюционный период они отличались не только меньшей демографической освоенностью огромных пространств, но и низким удельным весом городских жителей. Из-за природно-климатических условий, низкой демографической плотности и слабого промышленного развития немногочисленное городское население сконцентрировалось в основном в городах, расположенных на юге, вдоль Транссибирской железнодорожной магистрали или вблизи нее (Томск). Они фактически сформировали некий «каркас» расселения, отличавшийся высокой по историческим меркам стабильностью.

Формирование Урало-Кузнецкого комбината и строительство новых предприятий вызвали экономический рост, который из-за низкой промышленной базы принял взрывной характер. Это ускорило урбанизацию и привело к возникновению многочисленных узкоспециализированных городских поселений вблизи богатых ископаемых ресурсов. Качественные черты фазы подъема в это время были выражены особенно сильно. Позднее, во время Великой Отечественной войны, существенно повысилось экономическое и демографическое значение уже опорного «каркаса» вследствие сдвига производственной базы на восток. В результате рост городского населения в Западной Сибири в 1941–1950 гг. оказался в три раза выше, чем в РСФСР в целом (37,5 % против 12,4 %). Индустриальный потенциал крупных и средних городов дифференцировался, их население значительно увеличилось.

В 1960–1980-е гг. экстенсивная индустриализация была продолжена, что непосредственно повлияло на протекание фазы зрелости в Западной Сибири. В этот период была реализована политика ускоренного промышленного развития восточных районов Советского Союза. В итоге характер урбанизации на севере Западной Сибири и в Кузбассе в 1930–1950-е гг. с учетом природно-климатических и демографических условий, новых технических возможностей имел

немало общих черт. Рядом с месторождениями нефти и газа (ЗСНГК) создавались поселки узкой специализации, которые в дальнейшем становились городскими населенными пунктами. Как и в Кузбассе, их размеры (кроме областного центра) были небольшими и только у двух из них – Сургута и Нижневартовска количество жителей перевалило за 100,0 тыс. чел. Это непосредственно отразилось на численности, воспроизводстве и миграции населения западносибирских городов в целом. Разница с довоенным периодом состояла в том, что сеть городских поселений в основном была сформирована, определились города-лидеры индустриализации, плотность населения увеличилась, поэтому черты стадии подъема были менее выраженными.

В 1960–1980-е гг. в России происходило снижение темпов роста городского населения, количества административных преобразований сельских населенных пунктов, сокращение объемов миграционного притока в города. На поздней стадии индустриализации в России происходил рост доли больших городов в системе городского расселения, сокращался удельный вес малых городов и поселков городского типа, тогда как у средних городов он оставался на прежнем уровне. В Западной Сибири к концу 1950-х гг. в результате особенностей реализации Урало-Кузнецкого проекта и эвакуации предприятий и населения в годы войны сформировалась необычная система городского расселения. К 1959 г. роль больших центров оказалась экстремально высока (66,9 %), РСФСР даже спустя 30 лет (к 1989 г.) не смогла достичь подобных показателей. Осталось только два средних города с мизерной долей в городском населении (2,1 %). И это притом, что около половины населения продолжало оставаться сельскими жителями. За последующие 30 лет рост доли крупных городов существенно замедлился, а к концу 1980-х гг. она оказалась даже меньше, чем за 30 лет до этого (63,7 %). В пять раз повысился удельный вес средних городов (10,5 %), а малых уменьшился намного меньше, чем в РСФСР – до 25,7 %.

Среди главных причин замедленного роста больших городов стало незначительное число средних, которое образовалось вследствие ускоренного роста численности их населения в годы войны, перед началом которой их доля была примерно такой же, как и в республике в целом. В рассматриваемый период формирование Западно-Сибирского нефтегазового комплекса привело к перенаправлению части миграционных потоков в пользу новых малых и средних городских поселений северных районов Тюменской и Томской областей. Некоторую роль сыграли политика территориального рассредоточения индустриального производства, а также слабый демографический рост, а в ряде случаев убыль населения в крупных промышленных центрах Кузбасса.

Резкое увеличение доли средних городов произошло благодаря переходу в эту категорию нескольких малых городских поселений. Одновременно с этим во время формирования ЗСНГК

появилось сразу пять новых средних городов. В результате их совокупная доля в городском населении увеличилась в пять раз, а количественный состав увеличился с двух до 16. Значительное уменьшение доли малых городов в России связано с их медленным промышленным и социальным развитием. В то же время в Западной Сибири хозяйственное освоение больших пространств при низкой плотности населения потребовало создания густой сети новых городских поселений. К тому же здесь часто применялась практика административных преобразований сел в поселки городского типа. Много новых небольших городских населенных пунктов появилось во время разработки месторождений нефти и газа северных районов. Если в России количество городских поселений за 1959–1989 гг. возросло на 36,2 %, то в Западной Сибири – сразу на 86,9 %.

Динамика численности населения малых, средних и крупных городов сильно различалась и находилась в зависимости от структуры городского хозяйства, масштабов социального и культурного развития, которые оказывали сильное влияние на миграционные настроения населения. В ходе урбанизационного перехода динамика роста населения городов существенно дифференцировалась. Медленнее всего стали расти те городские поселения, в экономике которых ведущее положение занимали предприятия по добыче угля, цветных металлов, переработке сельскохозяйственной продукции, прежде всего местные организующие центры. В то же время быстро росла численность населения административных центров областей, автономных округов, а также тех городских населенных пунктов, в которых располагались крупные предприятия по добыче нефти, газа, машиностроения и химической промышленности.

Рост доли старших возрастных групп и снижение удельного веса молодежи в населении РСФСР непосредственно коснулся и Западной Сибири. В начале изучаемого периода из-за специфики исторического развития доля молодежи в ее городах и пгт оказалась выше. За последующие 30 лет, судя по динамике среднего возраста, структурные характеристики западносибирского городского населения относительно общероссийских показателей несколько ухудшились. Если в 1959 г. дифференциация в среднем возрасте между РСФСР и Западной Сибирью составляла 6,1 %, то в 1989 г. – 5,8 %. Причем исправление гендерного дисбаланса, возникшего после войны вследствие высоких потерь мужского населения, происходило немного быстрее. Из-за углубившихся различий в экономическом и, следовательно, демографическом развитии разных регионов и групп городских поселений усилилась региональная дифференциация в возрастном составе. Если в 1959 г. наибольшая разница в среднем возрасте между регионами составила только 1,7 года, то в 1989 г. – уже 6,5 лет. Углубились отличия между городами непосредственно, если в 1959 г. разница между самым молодым и пожилым населением не превышала шести лет, то к 1989 г. она достигла 13,8 лет.

Важные отличия отмечены и в динамике воспроизводства западносибирского городского населения. Как известно, в 1960-е – 1980-е гг. Советский Союз перешел к третьему этапу демографического перехода. Продолжился процесс снижения рождаемости вследствие роста образовательно-культурного уровня, увеличения доли служащих, занятых умственным трудом, концентрации населения в крупных городах. Косвенно этому способствовало увеличение социальных обязательств со стороны государства. Сокращение рождаемости ускорили государственные мероприятия, нацеленные на повышение занятости женщин и ограничение личных подсобных хозяйств.

Однако этот процесс имел существенные территориальные особенности, обусловленные тем, что действие факторов рождаемости на местном уровне не было одинаковым. В Западной Сибири рождаемость первоначально была выше, чем в целом в России. В 1960-е гг. она снизилась значительно сильнее, чем в республике, из-за более высокой роли личных подсобных хозяйств в местной экономике и меньшей занятости женщин, а в 1970-е гг. она даже несколько выросла. В то же время в 1980-е гг., в период активной демографической политики, ее колебания оказались более выраженными. В результате, если в 1958/1959 гг. различия в рождаемости между РСФСР и Западной Сибирью были существенными (14,6 %), то к 1989 г. ее показатели практически сравнялись. Распространение стандартов городской жизни за 30 лет способствовало значительному снижению дифференциации в рождаемости западносибирского городского и сельского населения.

При этом образовалось как бы два полюса рождаемости. В городских поселениях Тюменской области и Кузбасса население распределялось по множеству городских поселений. Так как рядом с крупными месторождениями (нефти, газа или угля) формировались населенные пункты, то городское население как бы «дробилось» на многие части, роль областных центров была гораздо ниже. Происходил приток преимущественно низко- и среднеквалифицированной рабочей силы с высокими показателями рождаемости. В социальном составе городов этих регионов доля рабочих превышала средние показатели по экономическому району, а удельный вес служащих был не таким высоким. В хозяйственной структуре преобладали предприятия с высокой долей занятых физическим трудом, у которых были заниженные требования к образовательному уровню, что было особенно характерно для Кузбасса. Ниже была и занятость женщин в общественном производстве. В результате в этих двух регионах рождаемость оказалась выше, чем в среднем по Западной Сибири.

В Новосибирской, Омской, Томской областях рождаемость, наоборот, была ниже. Эвакуация многочисленных предприятий машиностроения в годы войны, диверсификация промышленности и появление отраслей высоких переделов, требующих от работников высокой квалификации, повлияли на образовательный и социально-классовый состав населения,

привели к доминированию больших центров и к большому снижению рождаемости. В крупных городах, которые продолжали притягивать много мигрантов, сформировалась особая социокультурная среда и образ жизни. Высокая образованность населения сочеталась с сильной вовлеченностью женщин в общественное производство. Это оказало понижающее воздействие на число ожидаемых детей в семьях. В городском населении этих регионов высокими были доли служащих, занятых преимущественно умственным трудом, и лиц с высшим и средним образованием с низкими репродуктивными установками. В Алтайском крае рождаемость в итоге оказалась ближе ко второй группе регионов. Тем не менее за 30 лет различия в рождаемости между регионами существенно снизились.

В рассматриваемый период многие старые факторы, способствующие высокой смертности, прекратили свое действие, но взамен появились новые. Рост алкоголизма, курения, ухудшение экологической обстановки как в России, так и в Западной Сибири нивелировали позитивное влияние улучшения системы здравоохранения, коммунального хозяйства, повышения материальной обеспеченности населения, увеличения в социальной структуре доли лиц с заниженными показателями смертности (служащих, занятых преимущественно умственным трудом). В Западной Сибири демографический переход имел свою специфику, в начале рассматриваемого периода смертность была несколько выше. Значительнее были и различия в продолжительности жизни между мужчинами и женщинами. В последующие два десятилетия разрыв с республикой увеличился из-за освоения северных районов и ухудшения экологической ситуации. При этом рост смертности затронул не только мужчин среднего трудоспособного возраста, но и молодежь старше 15 лет, а также женщин. В 1980-е гг. снижение смертности в ходе антиалкогольной кампании оказалось более значительным, в результате чего различия в продолжительности жизни между городскими поселениями Западной Сибири и РСФСР вновь вернулись на прежний уровень.

Эпидемиологический переход городского населения Западной Сибири был менее завершенным в сравнении с РСФСР в целом. Несмотря на сравнительно молодой возрастной состав, в экономическом районе чаще умирали от причин экзогенной природы – инфекций, болезней органов дыхания, несчастных случаев, отравлений и травм. Меньшей была смертность от новообразований и заболеваний системы кровообращения. При этом вплоть до антиалкогольной кампании в Западной Сибири происходил рост не только эндогенной, но и экзогенной смертности, который по отдельным причинам был несколько сильнее выражен, чем в РСФСР в целом. В то же время позитивный эффект от антиалкогольной кампании оказался более значимым.

Как и в случае с рождаемостью, в Западной Сибири существовали и межрегиональные различия в смертности, однако они были не так заметны. Самая низкая продолжительность

жизни отмечена в промышленных районах нового освоения Тюменской области, где создание социальной и жилищной инфраструктуры шло с запозданием. Формирование промышленности происходило в неосвоенных районах, где отсутствовали элементарные жизненные удобства, не было благоустроенного жилья, развитой системы здравоохранения, коммунальных служб, работникам не хватало предметов первой необходимости. Относительно высокая смертность была также в Кузбассе, где была высокой доля рабочих, занятых преимущественно физическим трудом с низким уровнем образования. В экономической структуре этих регионов высокой являлась доля строительной и добывающих отраслей, которые отличались значительным уровнем травматизма среди своих работников.

В то же время самой высокой продолжительностью жизни отличались Новосибирская, Омская и Томская области, где в системе городского расселения доминировали большие города, в которых продолжительность жизни была выше, чем в малых и средних. Высокая образованность населения сочеталась с хорошим знанием факторов смерти и меньшим распространением вредных привычек, особенно алкоголизма. Характер труда, традиционно лучшая обеспеченность жильем, предметами первой необходимости, услугами здравоохранения в сравнении с районами нового освоения уменьшали опасности для жизни. В результате взаимодействия таких моделей урбанизации смертность в городских поселениях Западной Сибири тоже оказалась выше, чем в России в целом.

Итак, рождаемость в Западной Сибири оставалась несколько выше, а средняя продолжительность жизни несколько ниже, чем в РСФСР. Из этого можно сделать вывод, что из-за особенностей экономического развития, которые оказали воздействие на социокультурную сферу, демографический переход здесь шел с некоторым запозданием. При этом, как уже говорилось выше, различия в воспроизводстве населения были не так велики, как в начале индустриализации, благодаря формированию общего культурно-правового и социального пространства в стране. В результате ясно обозначилась тенденция унификации показателей воспроизводства населения в Западной Сибири и РСФСР в целом, а отставание в темпах демографического перехода стало меньшим, чем в начале рассматриваемого периода.

Характеристики миграций в России в это время соответствовали стадии зрелого промышленного общества. Темпы роста промышленного производства стали уменьшаться. Рассматриваемый период является самым «спокойным» в истории России XX столетия. Экстремальные факторы перестали влиять на пространственное движение населения. На направления и объемы миграций влияли крупное промышленное строительство, уровень жизни, природно-географические условия. В Западной Сибири важными долговременными факторами являлись сложные природно-климатические условия и хроническая отсталость в развитии социальной инфраструктуры, которые в свою очередь вызывали отток населения.

Именно поэтому даже при одинаковых с европейскими районами страны темпах экономического роста население из сибирских районов продолжало выбывать. Масштабы притока населения в города находились в зависимости от объемов сальдо миграции экономического района в целом. Если последнее становилось небольшим или отрицательным, то обычно снижался и механический прирост городских поселений и, наоборот, рост положительного сальдо экономического района позитивно влиял на механический прирост городов и пгт.

На стадии зрелости темпы роста промышленного производства уменьшились, как и по всей стране. В 1960-е гг. они, с учетом местной специфики, в основном шли в русле тенденций, характерных для РСФСР в целом. Начался сильный отток населения из Западной Сибири, размеры механического прироста городов и поселков уменьшились. Миграционный отток охватил также часть городских поселений, в основном поселков городского типа, доля больших городов в миграционном потоке увеличилась. Усилились перемещения населения в благополучные в природно-климатическом отношении районы и республики с высокоразвитой социальной инфраструктурой и диверсифицированной экономикой. Однако усиление внимания к экономическому развитию Западной Сибири, которое стало особенно заметным в 1970–1980-е гг., увеличение государственных капитальных вложений, опережающие темпы ее индустриального роста, внедрение повышающих коэффициентов к заработной плате позволили не только преодолеть действие факторов, способствующих миграционному оттоку, но и скорректировать существующие тенденции, вызвав сильный приток населения. Механический прирост городов, особенно средних и малых, существенно повысился. Таким образом, если в целом по России в 1960–1980-е гг. сальдо миграции городов и пгт последовательно сокращалось, то в Западной Сибири испытывало сильные колебания.

В результате произошли значительные изменения в региональных перемещениях населения. Из-за снижения значения угольной отрасли в энергетическом балансе страны в городских поселениях Кузбасса длительное время происходил значительный отток населения. Сальдо миграции Алтайского края, Новосибирской, Омской областей оставалось положительным, хотя и постепенно снижалось. Вследствие интенсивного развития нефтегазодобывающих районов существенно возросло положительно сальдо миграции Тюменской области, а приток населения в Томской области оставался стабильно высоким. В конечном итоге произошло серьезное перераспределение миграционного оборота. Если в 1959 г. на Кемеровскую область приходилось более 40,0 % от общего количества прибывших и выбывших в городские поселения Западной Сибири, то спустя 30 лет эта доля уменьшилась почти в два раза, до 22,7 %. В то же время удельный вес Тюменской области за это же время повысился почти в три с лишним раза (с 7,5 % до 28,2 %).

В механическом приросте городских поселений различных размеров произошли крупные перемены. Согласно расчетным данным в 1959–1969 гг. основную часть механического прироста обеспечивали крупные города (65,4 %). Удельный вес средних городов был минимальным и находился на уровне одного процента, доля малых городов и пгт находилась на уровне 33,5 %. После того, как формирование ЗСНГК в 1970-е гг. перешло в решающую фазу введения районных коэффициентов к заработной плате, а также благодаря целенаправленной политике поддержки хозяйственного развития малых и средних городов, миграционные потоки стали трансформироваться. В 1980-е гг. доля крупных городов в механическом приросте снизилась почти вдвое – до 35,4 %, средних и малых – наоборот увеличилась – до 10,1 % и 54,5 %. Характеристики миграционного оборота изменились меньше. Доля крупных городов снизилась примерно на 10,0 %, с 58,9 % до 48,0–49,0 %, соответственно повысился удельный вес средних и малых городов.

Первоначально, из-за недостаточных темпов экономического роста Западная Сибирь стала источником трудовых ресурсов для большинства экономических районов СССР. Самый сильный отток населения происходил на Украину, в Казахстан и республики Средней Азии, то есть в районы и республики с благоприятными климатическими условиями и высоким спросом на рабочую силу. Рост капиталовложений в Западную Сибирь, введение повышенных коэффициентов к заработной плате, ориентация на местные трудовые ресурсы в союзных республиках привели к существенному снижению оттока населения. В первой половине 1980-х гг. у западносибирских городов, наоборот, сформировалось положительное сальдо почти со всеми экономическими районами. К концу десятилетия стали проследиваться новые миграционные тренды, которые в дальнейшем набрали серьезную силу: начался миграционный отток в европейские районы РСФСР, усилился приток населения из Восточной Сибири и Дальнего Востока, резко снизился миграционный приток из союзных республик СССР.

Итак, на поздней стадии индустриализации в 1960–1980-е гг. в России демографическое развитие городов шло по сходному, что и у остального мира пути. В Западной Сибири динамика урбанизации в рамках советской модели градообразования обладала своими отличительными чертами. Если среднегодовой прирост численности горожан снижался в два первых межпереписных периода, тогда как в 1979–1989 гг. – вновь возрос, удельный вес миграций в повышении численности городского населения за 30 лет не уменьшился, а увеличился, снизилась роль крупных городов. Урбанизация дольше сохраняла экстенсивные черты. Таким образом, затухание демографического роста городских поселений в Западной Сибири в 1960–1980-е гг. носило непоследовательный, волнообразный характер. Во многом из-за этого социально-экономический кризис постсоветского периода в Западной Сибири имел более тяжелые демографические последствия, чем в России в целом.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

I. Неопубликованные источники

Российский государственный архив экономики

- Ф. 1562. Центральное статистическое управление (ЦСУ) при Совете Министров СССР.
Оп. 27. Отдел статистики населения и здравоохранения за 1954–1963 гг.
- Д. 482. Сводки ЦСУ СССР и статуправлений о родившихся по возрасту и национальности матери (по отдельным национальностям) по СССР, союзным и автономным республикам, областям и крупным городам РСФСР за 1958 г.
- Д. 483. Сводки ЦСУ СССР и статуправлений союзных республик о родившихся по порядку рождения и возрасту матери и о родившихся у многодетных матерей по общественной группе матери по СССР, союзным республикам за 1958 г.
- Д. 488. Сводки ЦСУ СССР и статуправлений о родившихся и умерших по национальностям по СССР, союзным и автономным республикам за 1958 г.
- Д. 489. Сводки ЦСУ СССР и статуправлений об умерших по возрасту и полу по СССР, союзным и автономным республикам за 1958 г.
- Д. 494. Сводки ЦСУ СССР и статуправлений об умерших по возрастам, полу и национальности и об умерших в возрасте до 1 года по СССР, союзным и автономным республикам за 1958 г.
- Д. 497. Сводки статуправлений об умерших по полу, возрасту и причинам смерти по автономным республикам, автономным областям РСФСР за 1958 г.
- Оп. 46. Опись документов центрального аппарата ЦСУ за 1969 г.*
- Д. 1565. Сводные таблицы ЦСУ СССР, ЦСУ и статуправлений союзных республик сведений о родившихся по возрасту и национальности матери за 1969 г.
- Д. 1578. Таблицы ЦСУ СССР, ЦСУ союзных республик сведений о умерших по возрасту и полу за 1969 г.
- Д. 1584. Таблицы ЦСУ СССР и статуправлений союзных республик об умерших по возрастам, полу и национальности (русские) за 1969 г.
- Д. 1585. Таблицы статуправлений РСФСР, статуправлений союзных республик об умерших по полу и национальности (другие национальности).
- Оп. 47. Опись документов центрального аппарата ЦСУ СССР за 1970 г.*
- Д. 1421. Сводные таблицы ЦСУ СССР и союзных республик сведений об умерших по возрасту и полу за 1970 г.
- Д. 1427. Сводные таблицы ЦСУ СССР и статуправлений союзных республик об умерших по возрастам, полу и национальности за 1970 г.
- Д. 1493. Сводные таблицы ЦСУ РСФСР о передвижении населения в городской местности по районам за 1970 г.
- Оп. 60. Опись документов центрального аппарата ЦСУ СССР за 1978 г.*
- Д. 1634. Сводные таблицы ЦСУ СССР и союзных республик сведений о родившихся по возрасту и национальности за 1978 г. (русские).
- Д. 1635. Сводные таблицы ЦСУ СССР и союзных республик сведений о родившихся по возрасту и национальности за 1978 г. (другие национальности).
- Д. 1656. Сводные таблицы ЦСУ СССР и союзных республик об умерших по возрасту и полу за 1978 г.
- Оп. 62. Опись документов центрального аппарата ЦСУ СССР за 1979 г.*
- Д. 1672. Сводные таблицы ЦСУ СССР и союзных республик сведений об умерших по полу и возрасту за 1979 г. по экономическим районам, АССР, краям и областям.
- Д. 1678. Сводные таблицы ЦСУ СССР и статуправлений союзных республик сведений об умерших по возрастам, полу и национальности за 1979 г. (русские).
- Д. 1679. Сводные таблицы ЦСУ СССР и статуправлений РСФСР сведений об умерших по возрастам, полу и национальности за 1979 г. (другие национальности).

Оп. 69. Опись дел постоянного хранения Всесоюзной переписи населения за 1989 г.

Д. 105. Распределение населения по полу, возрасту. Алтайский край, ГААО. (Абсолютные данные).

Д. 108. Распределение населения по полу, возрасту. Кемеровская область. (Абсолютные данные).

Д. 110. Распределение населения по полу, возрасту. Новосибирская, Омская области. (Абсолютные данные).

Д. 111. Распределение населения по полу, возрасту. Томская и Тюменская области, ХМАО, ЯНАО. (Абсолютные данные).

Д. 162. Распределение населения по состоянию в браке, полу и возрасту. Алтайский край, ГААО. Городское и сельское население.

Д. 164. Распределение населения по состоянию в браке, полу и возрасту. Кемеровская область. Городское и сельское население.

Д. 165. Распределение населения по состоянию в браке, полу и возрасту. Омская и Томская области. Городское и сельское население.

Д. 166. Распределение населения по состоянию в браке, полу и возрасту. Тюменская область, ХМАО, ЯНАО. Городское и сельское население.

Д. 204. Распределение населения по национальности и родному языку (оба пола). Городское и сельское население. Алтайский край, ГААО.

Д. 215. Распределение населения по национальности и родному языку (оба пола). Городское и сельское население. Кемеровская область.

Д. 219. Распределение населения по национальности и родному языку (оба пола). Городское и сельское население. Новосибирская область.

Д. 220. Распределение населения по национальности и родному языку (оба пола). Городское и сельское население. Омская область.

Д. 224. Распределение населения по национальности и родному языку (оба пола). Городское и сельское население. Томская область.

Д. 225. Распределение населения по национальности и родному языку (оба пола). Городское и сельское население. Тюменская область, ХМАО, ЯНАО.

Д. 1797. Распределение населения отдельных национальностей по полу, возрасту. Алтайский край, ГАОО.

Д. 1802. Распределение населения отдельных национальностей по полу, возрасту. Кемеровская область.

Д. 1804. Распределение населения отдельных национальностей по полу, возрасту. Новосибирская область.

Д. 1806. Распределение населения отдельных национальностей по полу, возрасту. Томская область.

Д. 1807. Распределение населения отдельных национальностей по полу, возрасту. Омская и Тюменская области.

Д. 3075. Распределение населения по продолжительности проживания в месте постоянного жительства, национальности и возрасту. Алтайский край. Оба пола. Все население.

Д. 3084. Распределение населения по продолжительности проживания в месте постоянного жительства, национальности и возрасту. Кемеровская область. Оба пола. Все население.

Д. 3088. Распределение населения по продолжительности проживания в месте постоянного жительства, национальности и возрасту. Новосибирская область. Оба пола. Все население.

Д. 3091. Распределение населения по продолжительности проживания в месте постоянного жительства, национальности и возрасту. Томская область. Оба пола. Все население.

Д. 3092. Распределение населения по продолжительности проживания в месте постоянного жительства, национальности и возрасту. Тюменская область. Оба пола. Все население.

Оп. 336. Бюро Всесоюзной переписи населения.

Д. 1531. Таблицы распределения всего населения и состоящих в браке по полу и возрасту (Алтайский край) по данным Всесоюзной переписи населения 1959 г.

Д. 2991. Пол и возраст всего населения и состоящих в браке по отдельным национальностям (Алтайский край) по данным Всесоюзной переписи населения 1959 г.

Д. 2994. Пол и возраст всего населения и состоящих в браке по отдельным национальностям (Кемеровская область) по данным Всесоюзной переписи населения 1959 г.

Д. 2995. Пол и возраст всего населения и состоящих в браке по отдельным национальностям (Новосибирская область) по данным Всесоюзной переписи населения 1959 г.

Д. 2997. Пол и возраст всего населения и состоящих в браке по отдельным национальностям (Тюменская область) по данным Всесоюзной переписи населения 1959 г.

Д. 7096. Распределение населения отдельных национальностей по полу и возрасту (Таблица 27 с.). Алтайский край. По данным Всесоюзной переписи населения 1979 г.

Д. 7099. Распределение населения отдельных национальностей по полу и возрасту (Таблица 27 с.). Кемеровская область. По данным Всесоюзной переписи населения 1979 г.

Д. 7101. Распределение населения отдельных национальностей по полу и возрасту (Таблица 27 с.). Новосибирская область. По данным Всесоюзной переписи населения 1979 г.

Государственный архив Российской Федерации

Фонд А.–374. Государственный комитет РСФСР по статистике (Госкомстат РСФСР).

Оп. 31. Дела постоянного хранения за 1958–1960 гг.

Д. 1851. Сведения статуправлений о родившихся по возрасту и национальности матери за 1958 г.

Д. 1852. Статсведения областных статуправлений о числе родившихся по порядку их рождения и возрасту матери за 1958 г. Т. 1.

Д. 1861. Статсведения областных статуправлений о числе умерших по возрасту и полу за 1958 г.

Д. 4922. Статсведения областных статуправлений о родившихся и умерших по национальности за 1959 г.

Д. 4932. Статсведения областных статуправлений об умерших до 1 года за 1959 г.

Д. 4935. Статсведения областных статуправлений об умерших в возрасте до 5 лет. За 1959 г.

Д. 7849. Статсведения областных статуправлений о числе умерших по возрасту и полу за 1960 г.

Д. 7869. Статотчеты областных статуправлений о механическом движении населения за 1960 г. Т. 3.

Д. 7870. Статотчеты областных статуправлений о механическом движении населения за 1960 г. Т. 4.

Оп. 32а. Дела постоянного хранения за 1961–1963 гг.

Д. 3059. Статсведения областных статуправлений о механическом движении населения за 1961 г. Т. 2.

Оп. 39. Дела постоянного хранения

Д. 1351. Сводные таблицы о распределении населения по полу, возрасту, национальности, образованию, источнику средств существования по Алтайскому краю за 1970 г.

Д. 1352. Сводные таблицы о распределении населения по полу, возрасту, национальности, образованию, источнику средств существования по ГААО за 1970 г.

Д. 1353. Сводные таблицы о распределении населения по полу, возрасту, национальности, образованию, источнику средств существования по Кемеровской области за 1970 г.

Д. 1354. Сводные таблицы о распределении населения по полу, возрасту, национальности, образованию, источнику средств существования по Новосибирской области за 1970 г.

Д. 1355. Сводные таблицы о распределении населения по полу, возрасту, национальности, образованию, источнику средств существования по Омской области за 1970 г.

Д. 1356. Сводные таблицы о распределении населения по полу, возрасту, национальности, образованию, источнику средств существования по Томской области за 1970 г.

Д. 1357. Сводные таблицы о распределении населения по полу, возрасту, национальности, образованию, источнику средств существования по Тюменской области за 1970 г.

Д. 1358. Сводные таблицы о распределении населения по полу, возрасту, национальности, образованию, источнику средств существования по ХМАО Тюменской области за 1970 г.

Д. 1359. Сводные таблицы о распределении населения по полу, возрасту, национальности, образованию, источнику средств существования по ЯНАО Тюменской области за 1970 г.

Д. 6012. Распределение населения по полу, возрасту, национальности, языку, образованию, состоянию в браке и источнику средств существования. По данным Всесоюзной переписи населения 1979 г. по Алтайскому краю.

Д. 6013. Распределение населения по полу, возрасту, национальности, языку, образованию, состоянию в браке и источнику средств существования. По данным Всесоюзной переписи населения 1979 г. по г. Барнаул Алтайского края.

Д. 6014. Распределение населения по полу, возрасту, национальности, языку, образованию, состоянию в браке и источнику средств существования. По данным Всесоюзной переписи населения 1979 г. по Новосибирской области.

Д. 6016. Распределение населения по полу, возрасту, национальности, языку, образованию, состоянию в браке и источнику средств существования. По данным Всесоюзной переписи населения 1979 г. по Кемеровской области.

Д. 6017. Распределение населения по полу, возрасту, национальности, языку, образованию, состоянию в браке и источнику средств существования. По данным Всесоюзной переписи населения 1979 г. по Томской области.

Д. 6018. Распределение населения по полу, возрасту, национальности, языку, образованию, состоянию в браке и источнику средств существования. По данным Всесоюзной переписи населения 1979 г. по Омской области.

Д. 6019. Распределение населения по полу, возрасту, национальности, языку, образованию, состоянию в браке и источнику средств существования. По данным Всесоюзной переписи населения 1979 г. по Тюменской области.

Д. 6021. Распределение населения по полу, возрасту, национальности, языку, образованию, состоянию в браке и источнику средств существования. По данным Всесоюзной переписи населения 1979 г. по ХМАО Тюменской области.

Д. 6022. Распределение населения по полу, возрасту, национальности, языку, образованию, состоянию в браке и источнику средств существования. По данным Всесоюзной переписи населения 1979 г. по ЯНАО Тюменской области.

Государственный архив Алтайского края (ГААК)

Фонд Р.– 718. Алтайское краевое статистическое управление.

Оп. 28. Дел постоянного хранения за 1959–1970 гг.

Д. 1. Распределение всего населения и состоящих в браке по полу и возрасту по Алтайскому краю за 1959 г.

Д. 2. Распределение населения по национальности и родному языку за 1959 г.

Д. 5. Возраст и уровень образования населения по отдельным национальностям по Горно-Алтайской области за 1959 г.

Д. 6. Распределение населения по возрасту и уровню образования по Алтайскому краю за 1959 г.

Д. 9. Распределение населения по источникам средств существования, общественным группам и возрасту по Алтайскому краю. Т. 1.

Д. 51. Распределение населения основных национальностей по полу, возрасту, языку, образованию и состоянию в браке по ГААО в 1970 г.

Оп. 43. Дел постоянного срока хранения за 1937–1997 гг.

Д. 46. Годовой статистический отчет о естественном движении населения Алтайского края за 1958 г.

Д. 47. То же о механическом движении населения за 1958 г.

Д. 50. Годовой статистический отчет... за 1959 г.

Д. 51. То же о механическом движении населения за 1959 г.

Д. 52. Численность наличного и постоянного населения по переписи 1959 г., пересчитанная в границах 1978 г.

Д. 54. Годовой статистический отчет... за 1960 г.

Д. 55. То же о механическом движении населения за 1960 г.

Д. 56. Расчет численности населения на 1 января 1960 г.

Д. 61. Годовой статистический отчет... за 1961 г.

Д. 62. То же о механическом движении населения за 1961 г.

Д. 65. Годовой статистический отчет... за 1962 г.

Д. 66. То же о механическом движении населения за 1962 г.

Д. 67. Расчет численности населения на 1 января 1962 г.

Д. 70. Годовой статистический отчет... за 1963 г.

Д. 71. То же о механическом движении населения за 1963 г.

Д. 72. Расчет численности населения на 1 января 1963 г.

Д. 75. Годовой статистический отчет... за 1964 г.

Д. 76. То же о механическом движении населения за 1964 г.

Д. 77. Расчет численности населения на 1 января 1964 г.

Д. 79. Годовой статистический отчет... за 1965 г.

Д. 81. То же о механическом движении населения за 1965 г.

Д. 84. Годовой статистический отчет... за 1966 г.

Д. 85. То же о механическом движении населения за 1966 г.

Д. 88. Годовой статистический отчет... за 1967 г.

Д. 89. То же о механическом движении населения за 1967 г.

Д. 92. Годовой статистический отчет... за 1968 г.

Д. 93. То же о механическом движении населения за 1968 г.

Д. 97. Годовой статистический отчет... за 1969 г.

Д. 98. То же о механическом движении населения за 1969 г.

Д. 102. Годовой статистический отчет... за 1970 г.

Д. 103. То же о механическом движении населения за 1970 г.

Д. 112. Годовой статистический отчет... за 1971 г.

Д. 113. То же о механическом движении населения за 1971 г.

Д. 117. Годовой статистический отчет... за 1972 г.

Д. 118. То же о механическом движении населения за 1972 г.

Д. 122. Годовой статистический отчет... за 1973 г.

Д. 123. То же о механическом движении населения за 1973 г.

Д. 127. Годовой статистический отчет... за 1974 г.

Д. 128. То же о механическом движении населения за 1974 г.

Д. 132. Годовой статистический отчет... за 1975 г.

Д. 133. То же о механическом движении населения за 1975 г.

Д. 137. Годовой статистический отчет... за 1976 г.

Д. 138. То же о механическом движении населения за 1976 г.

Д. 142. Годовой статистический отчет... за 1977 г.

Д. 143. То же о механическом движении населения за 1977 г.

- Д. 147. Годовой статистический отчет... за 1978 г.
- Д. 148. То же о механическом движении населения за 1978 г.
- Д. 153. Годовой статистический отчет... за 1979 г.
- Д. 154. То же о механическом движении населения за 1979 г.
- Д. 159. Годовой статистический отчет... за 1980 г.
- Д. 160. То же о механическом движении населения за 1980 г.
- Д. 164. Годовой статистический отчет... за 1981 г.
- Д. 165. То же о механическом движении населения за 1981 г.
- Д. 169. Годовой статистический отчет... за 1982 г.
- Д. 170. То же о механическом движении населения за 1982 г.
- Д. 174. Годовой статистический отчет... за 1983 г.
- Д. 175. То же о механическом движении населения за 1983 г.
- Д. 178. Годовой статистический отчет... за 1984 г.
- Д. 179. То же о механическом движении населения за 1984 г.
- Д. 183. Годовой статистический отчет... за 1985 г.
- Д. 184. То же о механическом движении населения за 1985 г.
- Д. 188. Годовой статистический отчет... за 1986 г.
- Д. 189. То же о механическом движении населения за 1986 г.
- Д. 193. Годовой статистический отчет... за 1987 г.
- Д. 194. То же о механическом движении населения за 1987 г.
- Д. 197. Годовой статистический отчет... за 1988 г.
- Д. 200. Годовой статистический отчет о миграции населения за 1988 г.
- Д. 204. Годовой статистический отчет... за 1989 г.
- Д. 205. То же по г. Барнаулу.
- Д. 207. То же о миграции населения за 1989 г.
- Д. 210. Расчет численности населения по полу и возрасту за 1980–1989 гг., пересчитанный от итогов переписи 1989 г. по Алтайскому краю.
- Д. 212. Показатели естественного движения населения по Алтайскому краю за 1989 г.

Государственный архив Кемеровской области (ГАКО)

Фонд Р.– 304. Кемеровский областной комитет государственной статистики.

Оп. 1. Отдел статистики культуры, населения и здравоохранения.

- Д. 54. Документы (отчеты, сведения) об естественном движении населения в 1951 г.
- Д. 55. Документы (отчеты, сведения)... в 1952 г.
- Д. 56. Сведения об естественном движении населения в 1953 г.
- Д. 57. Документы (отчеты, сведения)... в 1954 г.
- Д. 58. Сведения об естественном движении... 1955.
- Д. 59. Документы (отчеты, сведения)... в 1956 г.
- Д. 61. Документы (отчеты, сведения)... в 1957 г.
- Д. 63. Документы (отчеты, сведения)... в 1958 г.
- Д. 64. Сведения об естественном движении... 1959.
- Д. 65. Документы (отчеты, сведения)... в 1960 г.
- Д. 66. Документы (отчеты, сведения)... в 1961 г.
- Д. 67. Документы (отчеты, сведения)... в 1962 г.
- Д. 68. Документы (отчеты, сведения)... в 1963 г.
- Д. 69. Документы (отчеты, сведения)... в 1964 г.
- Д. 70. Сведения об естественном движении... 1965.
- Д. 71. Документы (отчеты, сведения)... в 1966 г.
- Д. 72. Документы (отчеты, сведения)... в 1967 г.
- Д. 73. Документы (отчеты, сведения)... в 1968 г.
- Д. 74. Документы (отчеты, сведения)... в 1969 г.

- Д. 75. Документы (отчеты, сведения)... в 1970 г.
- Д. 76. Документы (отчеты, сведения)... в 1971 г.
- Д. 77. Сведения об естественном движении... 1972.
- Д. 78. Документы (отчеты, сведения)... в 1973 г.
- Д. 79. Документы (отчеты, сведения)... в 1974 г.
- Д. 80. Документы (отчеты, сведения)... в 1975 г.
- Д. 81. Документы (отчеты, сведения)... в 1976 г.
- Д. 82. Документы (отчеты, сведения)... в 1977 г.
- Д. 83. Документы (отчеты, сведения)... в 1978 г.
- Д. 84. Документы (отчеты, сведения)... в 1979 г.
- Д. 92. Документы (отчеты, сведения) о механическом движении населения в 1958 г.
- Д. 93. Сведения о механическом движении населения в 1959 г.
- Д. 94. Документы (отчеты, сведения)... в 1960 г.
- Д. 95. Документы (отчеты, сведения)... в 1961 г.
- Д. 96. Сведения о механическом движении... в 1962 г.
- Д. 97. Документы (отчеты, сведения)... в 1963 г.
- Д. 98. Документы (отчеты, сведения)... в 1964 г.
- Д. 99. Сведения о механическом движении... в 1965 г.
- Д. 100. Сведения о механическом движении... в 1966 г.
- Д. 101. Сведения о механическом движении... в 1967 г.
- Д. 102. Сведения о механическом движении... в 1968 г.
- Д. 103. Документы (отчеты, сведения)... в 1969 г.
- Д. 104. Документы (отчеты, сведения)... в 1970 г.
- Д. 105. Сведения о механическом движении... в 1971 г.
- Д. 106. Таблицы механического движения населения в 1972 г.
- Д. 107. Документы (отчеты, сведения)... в 1974 г.
- Д. 108. Сведения о механическом движении... в 1973 г.
- Д. 109. Документы (отчеты, сведения)... в 1979 г.
- Д. 110. Документы (отчеты, сведения)... в 1975 г.
- Д. 111. Документы (отчеты, сведения)... в 1976 г.
- Д. 112. Документы (отчеты, сведения)... в 1977 г.
- Д. 113. Документы (отчеты, сведения)... в 1978 г.

Государственный архив Новосибирской области (ГАО)

Фонд Р.-11. Новосибирское областное управление статистики Государственного комитета РСФСР по статистике.

Оп. 2. Дел постоянного хранения.

- Д. 7254. Годовые отчеты по здравоохранению за 1958 г.
- Д. 7257. Сводные годовые отчеты по здравоохранению за 1958 г.
- Д. 8350. Сводные годовые отчеты по естественному и механическому движению населения Новосибирской области в 1959 г.
- Д. 9780. Докладные и аналитические записки о культурном строительстве, населении и здравоохранении в 1960 г.
- Д. 9781. Сводные годовые отчеты по естественному и механическому... в 1960 г.
- Д. 10577. Докладные и аналитические записки... в 1961 г.

Оп. 3. Дел постоянного хранения.

- Д. 30. Сводные годовые отчеты по естественному и механическому... в 1961 г.
- Д. 796. Докладные и аналитические записки... в 1962 г. Т. 1.
- Д. 797. Докладные и аналитические записки... в 1962 г. Т. 2.
- Д. 798а. Сводные годовые отчеты по естественному и механическому... в 1962 г.

- Д. 811. Годовые отчеты по здравоохранению Министерства здравоохранения СССР в 1962 г.
- Д. 2364. Докладные и аналитические записки... в 1963 г.
- Д. 2369. Сводные годовые отчеты по естественному и механическому... в 1963 г.
- Д. 2387. Годовые отчеты по здравоохранению Министерства здравоохранения СССР в 1963 г.
- Д. 3881. Сводные годовые отчеты по естественному и механическому... в 1964 г.
- Д. 3881а. Докладные и аналитические записки... в 1964 г.
- Д. 4818. Докладные и аналитические записки... в 1965 г.
- Д. 4820. Сводный годовой отчет по естественному и механическому движению населения по Новосибирской области в 1965 г.
- Д. 4851. Годовые отчеты по здравоохранению Министерства здравоохранения СССР в 1965 г.
- Д. 5335. Справки, представляемые местным органам о культурном строительстве, здравоохранении и населении в 1966 г.
- Д. 5336. Докладные и аналитические записки... в 1966 г.
- Д. 6500. Докладные и аналитические записки... в 1967 г.
- Д. 7450. Докладные и аналитические записки... в 1968 г.
- Д. 8499. Сводные годовые отчеты по механическому движению населения в 1966 г.
- Д. 8500. Сводные годовые отчеты по естественному движению населения в 1966 г.
- Д. 8502. Сводные годовые отчеты по механическому движению населения в 1967 г.
- Д. 8512. Сводные годовые отчеты по механическому... в 1968 г.
- Д. 8666. Докладные и аналитические записки... в 1968–1969 гг.
- Д. 8667. Сводные годовые отчеты по естественному... в 1969 г.
- Д. 8668. Сводные годовые отчеты по механическому... в 1969 г.
- Оп. 4. Дел постоянного хранения.*
- Д. 184. Докладные и аналитические записки... в 1970 г.
- Д. 185. Сводные годовые отчеты по механическому... в 1970 г.
- Д. 186. Сводные годовые отчеты по естественному... в 1970 г.
- Д. 1433. Сводные годовые отчеты по механическому... в 1971 г.
- Д. 4361. Сводные годовые отчеты по механическому... в 1973 г.
- Д. 7836. Докладные и аналитические записки... в 1975 г.
- Оп. 5. Дел постоянного хранения.*
- Д. 2167. Докладные и аналитические записки... в 1977 г.
- Д. 3609. Сводные годовые отчеты по естественному... в 1977 г.
- Д. 3955. Сводные годовые отчеты по механическому... в 1978 г.
- Д. 5451. Сводные годовые отчеты по механическому... в 1979 г.
- Д. 5452. Сводные годовые отчеты по естественному... в 1979 г.
- Д. 6991. Сводные годовые отчеты по механическому... в 1980 г.
- Д. 8574а. Сводные годовые отчеты по естественному... в 1978 г.
- Д. 8865. Сводные годовые отчеты по механическому... в 1981 г.
- Д. 8866. Сводные годовые отчеты по естественному... в 1981 г.
- Оп. 6. Дел постоянного хранения.*
- Д. 886. Сводные годовые отчеты по механическому... в 1982 г.
- Д. 887. Сводные годовые отчеты по естественному... в 1982 г.
- Д. 2609. Сводные годовые отчеты по механическому... в 1983 г.
- Д. 2610. Сводные годовые отчеты по естественному... в 1983 г.
- Д. 6061. Сводные годовые отчеты по миграции населения в 1984 г.
- Д. 6138. Сводные годовые отчеты по естественному... в 1984 г. Т. 1.
- Д. 6401. Сводные годовые отчеты по естественному... в 1985 г.
- Д. 6402. Сводные годовые отчеты по миграции населения в 1985 г.

- Д. 8726. Сводные годовые отчеты по миграции... в 1986 г.
 Д. 8727. Сводные годовые отчеты по естественному... в 1986 г.
Оп. 7. Дел постоянного хранения.
 Д. 202-87. Сводные годовые отчеты по естественному... в 1987 г.
 Д. 203-87. Сводные годовые отчеты по миграции... в 1987 г.
Оп. 13. Дел постоянного хранения.
 Д. 131. Сводные годовые отчеты по миграции... в 1988 г.
 Д. 159. Сводные годовые отчеты по естественному... в 1989 г. Т. 1.
 Д. 160. Сводные годовые отчеты по естественному... в 1989 г. Т. 2.
 Д. 161. Сводные годовые отчеты по естественному... в 1989 г. Т. 3.
 Д. 162. Сводные годовые отчеты по естественному... в 1989 г. Т. 4.
 Д. 195. Сводные годовые отчеты по миграции... в 1990 г. Т. 2.

Исторический архив Омской области (ИАОО)

ФР.-2122. Омское областное управление статистики.

Оп. 1. Дел постоянного хранения.

- Д. 3257. Общие итоги естественного и механического движения населения за 1958 г.
 Д. 3262. Общие итоги естественного и механического движения населения за 1959 г.
 Д. 3288. Общие итоги естественного и механического движения... за 1960 г.
 Д. 3294. Общие итоги естественного и механического движения... за 1961 г.
 Д. 3395. Общие итоги естественного и механического движения... за 1962 г.
 Д. 3408. Общие итоги естественного и механического движения... за 1963 г.
 Д. 4460. Общие итоги естественного и механического движения... за 1964 г.
 Д. 4476. Общие итоги естественного и механического движения... за 1965 г.
 Д. 4846. Общие итоги естественного и механического движения... за 1966 г.
 Д. 5042. Общие итоги механического движения... за 1967 г.
 Д. 5043. Общие итоги естественного движения... за 1967 г.
 Д. 5297. Общие итоги естественного движения... за 1968 г.
 Д. 5298. Общие итоги механического движения... за 1968 г.
 Д. 5670. Общие итоги естественного движения... за 1969 г.
 Д. 5671. Общие итоги механического движения... за 1969 г.
 Д. 5917. Общие итоги естественного движения... за 1970 г.
 Д. 5918. Общие итоги механического движения... за 1970 г.
 Д. 6129. Общие итоги естественного движения... за 1971 г.
 Д. 6130. Общие итоги механического движения... за 1971 г.
 Д. 6831. Общие итоги естественного движения... за 1972 г.
 Д. 6832. Общие итоги механического движения... за 1972 г.
 Д. 7230. Общие итоги естественного движения... за 1973 г.
 Д. 7231. Общие итоги механического движения... за 1973 г.
 Д. 7414. Общие итоги естественного движения... за 1974 г.
 Д. 7415. Общие итоги механического движения... за 1974 г.
 Д. 7613. Общие итоги естественного движения... за 1975 г.
 Д. 7614. Общие итоги механического движения... за 1975 г.
 Д. 7798. Общие итоги естественного движения... за 1976 г.
 Д. 7799. Общие итоги механического движения... за 1976 г.
 Д. 8024. Общие итоги естественного движения... за 1977 г.
 Д. 8025. Общие итоги механического движения... за 1977 г.
 Д. 8257. Общие итоги естественного движения... за 1978 г.
 Д. 8258. Общие итоги механического движения... за 1978 г.
 Д. 8543. Общие итоги естественного движения... за 1979 г.
 Д. 8544. Общие итоги механического движения... за 1979 г.
 Д. 8857. Общие итоги естественного движения... за 1980 г.

Д. 8858. Общие итоги механического движения... за 1980 г.

Д. 9152. Общие итоги механического движения... за 1981 г.

Оп. 3. Дел постоянного хранения.

Д. 338. Общие итоги естественного движения... за 1982 г.

Д. 340. Общие итоги механического движения... за 1982 г.

Д. 713. Общие итоги естественного движения... за 1983 г.

Д. 714. Общие итоги механического движения... за 1983 г.

Д. 1034. Общие итоги естественного движения... за 1984 г.

Д. 1035. Общие итоги механического движения... за 1984 г.

Д. 1433. Общие итоги естественного движения... за 1985 г.

Д. 1434. Общие итоги механического движения... за 1985 г.

Д. 1741. Общие итоги естественного движения... за 1986 г.

Д. 1742. Общие итоги механического движения... за 1986 г.

Д. 2049. Общие итоги естественного движения... за 1987 г.

Д. 2050. Общие итоги механического движения... за 1987 г.

Д. 2442. Общие итоги естественного движения... за 1988 г. Т. 1.

Д. 2443. Общие итоги естественного движения... за 1988 г. Т. 2.

Д. 2444. Общие итоги естественного и механического движения... за 1988 г.

Д. 3051. Общие итоги естественного движения... за 1989 г. Т. 1.

Д. 3052. Общие итоги естественного движения... за 1988 г. Т. 2.

Д. 3053. Общие итоги естественного движения... за 1988 г. Т. 3.

Д. 3054. Общие итоги естественного движения... за 1988 г. Т. 4.

Д. 3055. Общие итоги естественного движения... за 1988 г. Т. 5.

Д. 3056. Общие итоги механического движения... за 1989 г.

Оп. 7. Дел постоянного хранения.

Д. 148. Таблица 5с. Распределение всего населения по полу, возрасту по городам и районам Омской области. По данным Всесоюзной переписи 1970 г. Т. 1.

Д. 149. Таблица 5с. Распределение всего населения по полу, возрасту по городам и районам Омской области. По данным Всесоюзной переписи 1970 г. Т. 2.

Д. 178. Таблица 31с. Возраст и состояние в браке населения по основным национальностям по Омской области и г. Омску. По данным Всесоюзной переписи 1970 г.

Д. 180. Таблица 30с. Распределение всего и занятого населения отдельных национальностей по возрасту и уровню образования (абсолютные данные) по Омской области. По данным Всесоюзной переписи 1970 г.

Д. 480. Всесоюзная перепись населения 1989 г. Таблицы 29с, 30с. Распределение населения отдельных национальностей по состоянию в браке, полу и возрасту (абсолютные данные) по Омской области. По данным Всесоюзной переписи 1989 г.

Государственный архив Томской области (ГАТО)

Фонд Р.–1085. Томское областное статистическое управление.

Оп. 3. Отдел статистики населения.

Д. 30. Годовые отчеты по естественному движению населения за 1950–1952 гг.

Д. 39. Итоговые разработки годовых отчетов по механическому движению населения за 1951–1953 гг.

Д. 58. Итоговые разработки годовых отчетов по механическому движению населения за 1953–1958 гг.

Д. 79. Итоги разработки годовых отчетов по естественному движению населения за 1955–1956 гг.

Д. 100. Годовые отчеты по естественному движению населения за 1957–1961 гг.

Д. 151. Годовые отчеты по естественному движению... за 1962–1965 гг.

Д. 216. Годовые отчеты по естественному движению... за 1966–1967 гг.

- Д. 228. Годовые отчеты по механическому движению населения за 1967–1970 гг.
- Д. 239. Годовые отчеты по естественному движению... за 1968 г.
- Д. 263. Годовые отчеты по механическому движению... за 1971–1974 гг.
- Д. 310. Годовые отчеты по естественному движению... за 1974–1975 гг.
- Д. 368. Годовые отчеты по естественному движению... за 1976–1977 гг.
- Д. 418. Годовые отчеты по естественному движению... за 1978 г.
- Д. 449. Сводные таблицы 2,5; 3,4; 8–10; 10а; 10в по итогам Всесоюзной переписи населения 1959 г. (г. Томск, область).
- Д. 450. Сводная таблица 2,5 по итогам Всесоюзной переписи населения 1959 г. (г. Томск, районы области).
- Д. 451. Сводная таблица 3,4 по итогам Всесоюзной переписи населения 1959 г. (г. Томск, районы области).
- Д. 454. Сводная таблица 7 по итогам Всесоюзной переписи населения 1959 г. (г. Томск, районы области).
- Д. 456. Сводная таблица 9 по итогам Всесоюзной переписи населения 1959 г. (г. Томск, районы области).
- Д. 463. Сводная таблица 13 по итогам Всесоюзной переписи населения 1959 г. (г. Томск, область).
- Д. 510. Сводные таблицы 1–9, 17, 19–26, 28, 30, 13в–14в, 36в–48в, 5с–10с, 12с по итогам Всесоюзной переписи населения 1970 г. (область).
- Д. 513. Сводная таблица 7с по итогам Всесоюзной переписи населения 1970 г. (районы области).
- Д. 514. Сводная таблица 7с по итогам Всесоюзной переписи населения 1970 г. (районы области).
- Д. 547. Сводные годовые отчеты по механическому движению населения за 1975–1981 гг.
- Д. 576. Сводные годовые отчеты по естественному движению населения за 1979 г.
- Д. 582. Сводные таблицы 1с–12с, 14с, 16в, 18в–21в по итогам Всесоюзной переписи населения 1979 г. (область, г. Томск).
- Д. 583. Сводные таблицы 7с–12с, 14с по итогам Всесоюзной переписи населения 1979 г.
- Д. 585. Сводные таблицы 7с–12с, 14с, 15с по итогам Всесоюзной переписи населения 1979 г. (районы области). Т. 1.
- Д. 586. Сводные таблицы 7с–12с, 14с, 15с по итогам Всесоюзной переписи населения 1979 г. (районы области). Т. 2.
- Д. 587. Сводные таблицы 7с–12с, 14с, 15с по итогам Всесоюзной переписи населения 1979 г. (районы области). Т. 3.
- Д. 588. Сводные таблицы 7с–12с, 14с, 15с по итогам Всесоюзной переписи населения 1979 г. (районы области). Т. 4.
- Д. 590. Сводные таблицы 7с–12с, 14с, 15с по итогам Всесоюзной переписи населения 1979 г. (районы области). Т. 5.
- Д. 591. Сводные таблицы 7с–12с, 14с, 15с по итогам Всесоюзной переписи населения 1979 г. (районы области). Т. 6.
- Д. 592. Сводные таблицы 7с–12с, 14с, 15с по итогам Всесоюзной переписи населения 1979 г. (районы области). Т. 7.
- Д. 618. Миграция населения области (по данным Всесоюзных переписей населения 1979, 1989 гг.).
- Д. 625. Сводные годовые отчеты по естественному движению населения за 1980–1981 гг.
- Д. 649. Сводные годовые отчеты по механическому движению населения за 1982–1987 гг.
- Д. 683. Сводные годовые отчеты по естественному движению населения за 1985 г.
- Д. 711. Статистические бюллетени по естественному и механическому движению населения области за 1985–1993 гг.
- Д. 719. Сводные годовые отчеты по естественному... за 1986 г.
- Д. 737. Сводные годовые отчеты по естественному... за 1987 г.

- Д. 753. Сводные годовые отчеты по естественному... за 1988 г.
 Д. 770. Сводные годовые отчеты по естественному... за 1989 г.
 Д. 772. Сводные годовые отчеты по миграции населения за 1989 г. Т. 2.
 Д. 776. Сводные таблицы 1с, 2с, 8с–18с по итогам Всесоюзной переписи населения 1989 г. (область).
 Д. 782. Сводные таблицы 7с по итогам Всесоюзной переписи населения 1989 г. (города и районы области).
 Д. 785. Сводные таблицы 9с, 10с по итогам Всесоюзной переписи населения 1989 г. (область).
 Д. 788. Сводные таблицы 10с по итогам Всесоюзной переписи населения 1989 г. (города и районы области).
 Д. 792. Сводные таблицы 11с Всесоюзной переписи населения 1989 г. (районы области).
 Д. 800. Сводные таблицы 16с, 18с Всесоюзной переписи населения 1989 г. (область).
 Д. 843. Сводные таблицы 54в–56в Всесоюзной переписи населения 1989 г. (область).

Государственный архив Тюменской области (ГАТюм.О)

- ФР.–1112. Тюменский областной комитет по статистике.
Оп. 1. Дел постоянного хранения.
 Д. 1892. Сводные годовые статистические сведения о механическом и естественном движении населения области в 1958 г.
 Д. 2174. Сводные годовые статистические сведения... в 1959 г.
 Д. 2450. Сводные годовые статистические сведения... в 1960 г.
 Д. 2721. Сводные годовые статистические сведения... в 1961 г.
 Д. 2981. Сводные годовые статистические сведения... в 1962 г.
 Д. 3370. Сводные годовые статистические сведения... в 1963 г.
 Д. 3970. Сводные годовые статистические сведения... в 1964 г.
 Д. 4592. Сводные годовые статистические сведения... в 1965 г.
 Д. 5663. Сводные годовые статистические сведения... в 1971 г.
 Д. 6086. Годовые отчеты об итогах естественного и механического движения населения области в 1972 г.
 Д. 6393. Годовые отчеты об итогах естественного и механического движения... в 1973 г.
 Д. 6394. Годовой отчет о механическом передвижении населения, зарегистрированного в городских и сельских местностях области за 1973 г.
 Д. 6669. Годовые отчеты об итогах естественного и механического движения... в 1974 г.
 Д. 6671. Годовой отчет о механическом передвижении населения, зарегистрированного в городских и сельских местностях области за 1974 г.
 Д. 6980. Годовые отчеты об итогах естественного и механического движения... в 1975 г.
 Д. 6981. Годовые отчеты о механическом передвижении населения области в 1975 г.
 Д. 7974. Сводные годовые итоги естественного движения населения области в 1977 г.
 Д. 7494. Годовые отчеты об итогах естественного и механического движения... в 1976 г.
 Д. 7495. Сводные годовые отчеты о передвижении населения, распределении прибывших и выбывших по полу и возрасту за 1976 г.
 Д. 7975. Сводные годовые отчеты о передвижении населения, распределении прибывших и выбывших по полу и возрасту за 1977 г.
 Д. 8468. Сводные годовые итоги естественного движения... в 1978 г.
 Д. 8944. Сводные годовые итоги естественного движения... в 1979 г.
 Д. 8945. Сводные годовые отчеты о передвижении населения, распределении прибывших и выбывших по полу и возрасту за 1979 г.
 Д. 9421. Сводные годовые итоги естественного движения... в 1980 г.
 Д. 9827. Сводные годовые итоги естественного движения... в 1981 г.
 Д. 9828. Сводные годовые отчеты о передвижении населения... за 1981 г.

Д. 10282. Сводные годовые итоги естественного движения... в 1982 г.

Д. 10283. Сводные годовые отчеты о передвижении населения... за 1982 г.

Оп. 2. Дел постоянного хранения.

Д. 432. Сводные годовые отчеты о передвижении населения, распределении прибывших и выбывших по полу и возрасту за 1983 г.

Д. 433. Сводные годовые отчеты по естественному и механическому движению населения в 1983 г.

Д. 850. Сводные годовые итоги естественного движения населения области в 1984 г.

Д. 851. Сводные годовые отчеты по естественному и механическому движению населения в 1984 г.

Д. 1326. Сводные годовые отчеты по естественному и механическому движению... в 1985 г.

Д. 1740. Сводные годовые отчеты по естественному и механическому движению... в 1986 г. Т. 1.

Д. 1741. Сводные годовые отчеты по естественному и механическому движению... в 1986 г. Т. 2.

Д. 2157. Сводные годовые отчеты по естественному и механическому движению... в 1987 г. Т. 1.

Д. 2158. Сводные годовые отчеты по естественному и механическому движению... в 1987 г. Т. 2.

Д. 2538. Сводные годовые отчеты по естественному и механическому движению... в 1988 г.

Д. 2539. Сводные годовые отчеты по естественному и механическому движению... в 1988 г. Т. 1.

Д. 2540. Сводные годовые отчеты по естественному и механическому движению... в 1988 г. Т. 2б.

Д. 2541. Сводные годовые отчеты по естественному и механическому движению... в 1988 г. Т. 3.

Д. 2542. Сводные годовые отчеты по естественному и механическому движению... в 1988 г. Т. 4.

Д. 2544. Сводные годовые отчеты по естественному и механическому движению... в 1988 г. Т. 6.

Д. 2545. Сводные годовые отчеты по естественному и механическому движению... в 1988 г. Т. 7.

Д. 2546. Сводные годовые отчеты по естественному и механическому движению... в 1988 г. Т. 8.

Д. 2961. Сводные годовые отчеты по естественному и механическому движению... в 1989 г. Т. 1.

Д. 2967. Сводные годовые отчеты по естественному и механическому движению... в 1989 г. Т. 7.

Д. 2968. Сводные годовые отчеты по естественному и механическому движению... в 1989 г. Т. 8.

Д. 2970. Сводные годовые отчеты по естественному и механическому движению... в 1989 г. Т. 10.

Оп. 4. Дел постоянного хранения.

Д. 63. Годовые отчеты об итогах естественного и механического движения населения области в 1966 г.

Д. 80. Годовые отчеты об итогах естественного и механического движения... в 1967 г.

Д. 98. Годовые отчеты об итогах естественного и механического движения... в 1968 г.

Д. 117. Годовые отчеты об итогах естественного и механического движения... в 1969 г.

Д. 143. Годовые отчеты об итогах естественного и механического движения... в 1970 г.

Оп. 11. Дел постоянного хранения.

Д. 7. Сводные итоги о распределении всего населения и состоящих в браке по полу и возрасту; по возрасту и уровню образования; источникам средств существования по данным Всесоюзной переписи 1959 г.

Д. 8. Сводные итоги по городам и районам области о распределении населения по полу и возрасту по данным Всесоюзной переписи 1959 г.

Д. 9. Сводные итоги по городам и районам области о распределении населения по национальности и родному языку по данным Всесоюзной переписи 1959 г.

Д. 17. Сводные итоги (таблица 33с) о распределении населения основных национальностей по уровню образования и возрасту по данным Всесоюзной переписи 1970 г.

Д. 24. Сводные итоги (таблица 5с) по районам области о распределении населения по полу и возрасту. Т. 1.

Д. 25. Сводные итоги (таблица 5с) по районам области о распределении населения по полу и возрасту по данным Всесоюзной переписи 1970 г. Т. 2.

Д. 26. Сводные итоги (таблица 7с) по районам южной части области о распределении населения по национальности, родному языку и второму языку народов СССР по данным Всесоюзной переписи 1970 г.

Д. 49. Сводные итоги (таблица 5с) по городам и районам ХМАО о распределении населения по полу и возрасту по данным Всесоюзной переписи 1970 г.

Д. 51. Сводные итоги (таблица 7с) по городам и районам ХМАО о распределении населения по национальности, родному языку и второму языку народов СССР по данным Всесоюзной переписи 1970 г.

Д. 67. Сводные итоги (таблица 5с) по городам и районам ЯНАО о распределении населения по полу и возрасту по данным Всесоюзной переписи 1970 г.

Д. 69. Сводные итоги (таблица 7с) по городам и районам ЯНАО о распределении населения по национальности, родному языку и второму языку народов СССР по данным Всесоюзной переписи 1970 г.

Д. 77. Сводные итоги (таблицы 27с, 28с) области о распределении населения основных национальностей по полу и возрасту по данным Всесоюзной переписи 1979 г.

Д. 97. Сводные итоги (таблица 7с) по городам и районам южной части области о распределении населения по полу и возрасту. Т. 1.

Д. 98. Сводные итоги (таблица 7с) по городам и районам южной части области о распределении населения по полу и возрасту по данным Всесоюзной переписи 1979 г. Т. 2.

Д. 100. Сводные итоги (таблица 9с) по городам и районам южной части области о распределении населения по национальности и языку по данным Всесоюзной переписи 1979 г.

Д. 142. Сводные итоги (таблицы 7с–14с) по городам ХМАО о распределении населения по полу и возрасту, национальности, языку, образованию и источникам средств существования по данным Всесоюзной переписи 1979 г.

Д. 145. Сводные итоги (таблицы 7с–10с) по районам ХМАО о распределении населения по полу и возрасту, национальности и языку по данным Всесоюзной переписи 1979 г.

Д. 178. Сводные итоги (таблицы 7с–10с) по городам и районам ЯНАО о распределении населения по полу и возрасту, национальности и языку по данным Всесоюзной переписи 1979 г.

Текущий архив Государственного межрегионального центра Росстата

Таблица С52. Смертность населения по причинам смерти за 1990 г. (РСФСР).

Передвижение населения по регионам Западной Сибири (прибывшие, выбывшие) за 1959, 1964, 1970, 1974, 1975.

Текущий архив Территориального органа федеральной службы государственной статистики по Алтайскому краю (Алтайкрайстат)

Численность населения отдельных населенных пунктов Алтайского края на 1 января 1959–1964 гг.

Смертность населения по основным классам причин смерти за 1960, 1965, 1970, 1975, 1980, 1985.

Число умерших по пятилетним возрастным группам: все и городское население за 1988–1989 гг.

Текущий архив Территориального органа федеральной службы государственной статистики по Кемеровской области (Кемеровостат)

Динамические ряды по статистике населения № 1. Численность, естественное и механическое движение населения (до 1970 г.).

Динамические ряды по статистике населения № 2. Естественное и механическое движение населения по районам области.

Динамические ряды по статистике населения № 3. Численность, естественное и механическое движение населения (с 1970 г.).

Динамические ряды по статистике населения № 4. Сведения о родившихся по возрасту матери, сведения об умерших по полу и возрасту, смертность населения от отдельных причин смерти, смертность детей до 1 года (до 1970 г.).

Динамические ряды по статистике населения № 5. Сведения о родившихся по возрасту матери, сведения об умерших по полу и возрасту, смертность населения от отдельных причин смерти, смертность детей до 1 года (до 1985 г.).

Динамические ряды по статистике населения № 6. Сведения о родившихся и умерших по городам и районам области (с 1985 г.).

Динамические ряды по статистике населения № 7. Сведения о родившихся и умерших в целом по области (с 1939 г.).

Текущий архив Территориального органа федеральной службы государственной статистики по Новосибирской области (Новосибирскстат)

Динамические ряды № 1. Число родившихся и умерших по районам и городам области, сведения о родившихся по возрасту матери, сведения об умерших по полу и возрасту.

Динамические ряды № 2. Смертность населения от отдельных причин смерти, возрастные коэффициенты смертности.

Динамические ряды № 3. Численность постоянного населения на начало года, миграция населения по городам области.

Таблица 7с. Распределение населения по полу и возрасту по Всесоюзной переписи населения 1989 г. Дзержинский – Куйбышевский районы. (Абсолютные данные).

Таблицы 7с. Распределение населения по полу и возрасту по Всесоюзной переписи населения 1989 г. Купинский – Чулымский районы. (Абсолютные данные).

Таблица 9с. Распределение населения по национальности и родному языку по районам г. Новосибирска и области (Дзержинский – Кочковский). По данным Всесоюзной переписи населения 1989 года. (Абсолютные данные).

Таблица 9с. Распределение населения по национальности и родному языку. Новосибирская область. (Краснозерский – Чулымский). По данным Всесоюзной переписи населения 1989 года. (Абсолютные данные).

Численность постоянного населения Новосибирской области по полу и возрасту на начало года (человек). 1980–1989.

Текущий архив Территориального органа федеральной службы государственной статистики по Омской области (Омкстат)

Численность населения на начало года (1961, 1963 гг.).

Число умерших по Омской области по отдельным классам причин смерти (чел.).

Текущий архив Территориального органа федеральной службы государственной статистики по Томской области (Томскстат)

Распределение числа умерших по возрастным группам и полу (1988, 1989 г.).

Смертность населения Томской области по основным классам и отдельным причинам смерти (1960, 1965, 1970, 1975, 1980, 1985 г.).

Текущий архив Территориального органа федеральной службы государственной статистики по Тюменской области (Тюменьстат)

Миграция сельского населения по области (1972, 1974, 1977, 1978, 1987 г.).

Численность населения на начало года (1960–1964 гг.).

Распределение умерших по причинам смерти (1960, 1965, 1970, 1975, 1980, 1985 г.).

Распределение родившихся по порядку рождения и возрасту матери по области за 1989 г.

Государственный архив Республики Бурятия (ГАРБ)

ФР.–196. Государственный комитет по статистике Республики Бурятия.

Текущий архив Территориального органа федеральной службы государственной статистики по Республике Бурятия (Бурятстат)

Динамические ряды № 3. Динамические ряды по статистике населения. Т. 3. Естественный прирост по республике, районам, городам и поселкам городского типа.

Государственный архив Иркутской области (ГАИО)

ФР.–2679. Иркутский областной комитет государственной статистики Государственного комитета Российской Федерации по статистике.

Текущий архив Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Иркутской области (Иркутскстат)

Динамические ряды № 4. Механическое движение населения по городам и районам Иркутской области.

Усть-Ордынский окружной государственный архив (УООГА)

ФР.–92. Материалы Всесоюзной переписи населения (численность населения сельских советов, района, поселка). 1959 год. Т. II.

Текущий архив Усть-Ордынского окружного управления статистики

Сборник материалов по подготовке Всесоюзной переписи населения 1989 года. № 2. Иркутск, 1986.

Государственный архив Забайкальского края (ГАЗК)

ФР.–1645. Читинский областной комитет государственной статистики Государственного комитета по статистике РФ.

Текущий архив Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Забайкальскому краю (Забайкалстат)

Динамические ряды № 5. Динамические ряды по населению в разрезе районов (численность населения, рождаемость, смертность, естественный прирост, число умерших детей).

Агинский окружной государственный архив (АОГА)

ФР.–86. Документы Всесоюзной переписи населения округа (решения, списки счетчиков, переписка).

II. Опубликованные источники

Статистические сборники с данными Всесоюзных переписей населения

1. Возрастной состав населения РСФСР (по данным Всесоюзной переписи населения 1959 г.). М., 1962. 476 с. (ДСП).
2. Всесоюзная перепись 1959 года. Распределение населения по отраслям народного хозяйства, источникам средств существования и общественным группам по Алтайскому краю. М., 1962. (ДСП).
3. Всесоюзная перепись 1959 года. Распределение населения по отраслям народного хозяйства, источникам средств существования и общественным группам по г. Барнаулу. М., 1960. (ДСП).
4. Всесоюзная перепись 1959 года. Распределение населения по отраслям народного хозяйства, источникам средств существования и общественным группам по г. Бийску. М., 1960. (ДСП).
5. Всесоюзная перепись 1959 года. Распределение населения по отраслям народного хозяйства, источникам средств существования и общественным группам по г. Рубцовску. М., 1960. (ДСП).
6. Всесоюзная перепись 1959 года. Распределение населения по отраслям народного хозяйства, источникам средств существования и общественным группам по г. Горно-Алтайску. М., 1960. (ДСП).
7. Всесоюзная перепись 1959 года. Распределение населения по отраслям народного хозяйства, источникам средств существования и общественным группам по Кемеровской области. М., 1960. (ДСП).
8. Всесоюзная перепись 1959 года. Распределение населения по отраслям народного хозяйства, источникам средств существования и общественным группам по г. Анжеро-Судженску. М., 1960. (ДСП).
9. Всесоюзная перепись 1959 года. Распределение населения по отраслям народного хозяйства, источникам средств существования и общественным группам по г. Белово. М., 1960. (ДСП).
10. Всесоюзная перепись 1959 года. Распределение населения по отраслям народного хозяйства, источникам средств существования и общественным группам по г. Кемерово. М., 1960. (ДСП).
11. Всесоюзная перепись 1959 года. Распределение населения по отраслям народного хозяйства, источникам средств существования и общественным группам по г. Киселевску. М., 1960. (ДСП).
12. Всесоюзная перепись 1959 года. Распределение населения по отраслям народного хозяйства, источникам средств существования и общественным группам по г. Ленинску-Кузнецкому. М., 1960. (ДСП).
13. Всесоюзная перепись 1959 года. Распределение населения по отраслям народного хозяйства, источникам средств существования и общественным группам по г. Сталинску. М., 1960. (ДСП).
14. Всесоюзная перепись 1959 года. Распределение населения по отраслям народного хозяйства, источникам средств существования и общественным группам по г. Прокопьевску. М., 1960. (ДСП).

15. Всесоюзная перепись 1959 года. Распределение населения по отраслям народного хозяйства, источникам средств существования и общественным группам по Новосибирской области. М., 1960. (ДСП).
16. Всесоюзная перепись 1959 года. Распределение населения по отраслям народного хозяйства, источникам средств существования и общественным группам по г. Новосибирску. М., 1960. (ДСП).
17. Всесоюзная перепись 1959 года. Распределение населения по отраслям народного хозяйства, источникам средств существования и общественным группам по Омской области. М., 1960. (ДСП).
18. Всесоюзная перепись 1959 года. Распределение населения по отраслям народного хозяйства, источникам средств существования и общественным группам по г. Омску. М., 1960. (ДСП).
19. Всесоюзная перепись 1959 года. Распределение населения по отраслям народного хозяйства, источникам средств существования и общественным группам по Томской области. М., 1960. (ДСП).
20. Всесоюзная перепись 1959 года. Распределение населения по отраслям народного хозяйства, источникам средств существования и общественным группам по г. Томску. М., 1960. (ДСП).
21. Всесоюзная перепись 1959 года. Распределение населения по отраслям народного хозяйства, источникам средств существования и общественным группам по Тюменской области. М., 1960. (ДСП).
22. Всесоюзная перепись 1959 года. Распределение населения по отраслям народного хозяйства, источникам средств существования и общественным группам по г. Тюмени. М., 1960. (ДСП).
23. Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 года. РСФСР. М.: Госстатиздат, 1963.
24. Население Новосибирской области (итоги Всесоюзной переписи на 15 января 1959 г.). Новосибирск, 1961. (ДСП).
25. Население РСФСР. Итоги Всесоюзной переписи населения на 15 января 1959 г. М.: ЦСУ РСФСР, 1960. 240 с. (ДСП).
26. Население СССР: по данным Всесоюзной переписи населения 1989 г. М., 1990.
27. Национальности РСФСР (распределение по общественным группам, отраслям народного хозяйства, уровню образования, состоянию в браке и размеру семьи). По данным Всесоюзной переписи населения на 15 января 1959 года. М., 1961. (ДСП).
28. Национальный состав населения РСФСР. По данным Всесоюзной переписи населения на 15 января 1959 года (численность, расселение, городское и сельское население, соотношение мужчин и женщин, родной язык). М.: ЦСУ РСФСР, 1961. (ДСП).
29. Распределение всего населения и состоящих в браке по полу и возрасту по данным Всесоюзной переписи населения на 15 января 1959 г. АССР, края и области районов Западной и Восточной Сибири и Дальнего Востока. М.: ЦСУ СССР, 1960. (ДСП).
30. Возрастной состав населения Новосибирской области (по данным Всесоюзной переписи населения 1970 года). Новосибирск, 1971. (ДСП).
31. Возрастной состав населения РСФСР (по данным Всесоюзной переписи населения 1970 г.). М.: ЦСУ РСФСР, 1972. 522 с. (ДСП).
32. Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 года: в 7 т. Т. I. Численность населения СССР, союзных и автономных республик, краев и областей. М.: Статистика, 1972.
33. Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 года: в 7 т. Т. II. Пол, возраст и состояние в браке населения СССР, союзных и автономных республик, краев и областей. М., 1972.
34. Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 года: в 7 т. Т. III. Уровень образования населения СССР, союзных и автономных республик, краев и областей. М.: Статистика, 1972.

35. Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 года: в 7 т. Т. IV. Национальный состав населения СССР, союзных и автономных республик, краев, областей и национальных округов. М.: Статистика, 1972.

36. Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 года: в 7 т. Т. V. Распределение населения СССР, союзных и автономных республик, краев и областей по общественным группам, источникам средств существования и отраслям народного хозяйства: стат. сб. М.: Статистика, 1973.

37. Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 года: в 7 т. Т. VII. Миграция населения, число и состав семей в СССР, союзных и автономных республиках, краях и областях. М.: Статистика, 1974.

38. Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 года. Кемерово, 1971. (ДСП).

39. Миграция населения РСФСР. М., 1974. (ДСП).

40. Население Новосибирской области (по данным Всесоюзной переписи населения на 15 января 1970 года). Новосибирск, 1971. (ДСП).

41. Население РСФСР. Предварительные итоги Всесоюзной переписи населения на 15 января 1970 г. М.: ЦСУ РСФСР, 1970. (ДСП).

42. Национальный состав населения РСФСР (по данным Всесоюзной переписи населения на 15 января 1970 г.). М., 1975. (ДСП).

43. Профессиональный состав населения РСФСР. По материалам Всесоюзной переписи населения 1970 г. М., 1973. (ДСП).

44. Распределение населения по общественным группам, источникам средств существования и отраслям народного хозяйства по данным Всесоюзной переписи населения 1970 г. по Алтайскому краю. М., 1972. (ДСП).

45. Распределение населения по общественным группам, источникам средств существования и отраслям народного хозяйства по данным Всесоюзной переписи населения 1970 г. по Кемеровской области. М., 1972. (ДСП).

46. Распределение населения по общественным группам, источникам средств существования и отраслям народного хозяйства по данным Всесоюзной переписи населения 1970 г. по Новосибирской области. М., 1972. (ДСП).

47. Распределение населения по общественным группам, источникам средств существования и отраслям народного хозяйства по данным Всесоюзной переписи населения 1970 г. по Омской области. М., 1972. (ДСП).

48. Распределение населения по общественным группам, источникам средств существования и отраслям народного хозяйства по данным Всесоюзной переписи населения 1970 г. по Томской области. М., 1972. (ДСП).

49. Распределение населения по общественным группам, источникам средств существования и отраслям народного хозяйства по данным Всесоюзной переписи населения 1970 г. по Тюменской области. М., 1972. (ДСП).

50. Распределение населения по полу, возрасту, национальности, языку, образованию, состоянию в браке и источнику средств существования по данным Всесоюзной переписи населения 1970 г. по Алтайскому краю. М., 1970. (ДСП).

51. Распределение населения по полу, возрасту, национальности, языку, образованию, состоянию в браке и источнику средств существования по данным Всесоюзной переписи населения 1970 г. по Кемеровской области. М., 1970. (ДСП).

52. Распределение населения по полу, возрасту, национальности, языку, образованию, состоянию в браке и источнику средств существования по данным Всесоюзной переписи населения 1970 г. по Новосибирской области. М., 1970. (ДСП).

53. Распределение населения по полу, возрасту, национальности, языку, образованию, состоянию в браке и источнику средств существования по данным Всесоюзной переписи населения 1970 г. по Омской области. М., 1970. (ДСП).

54. Распределение населения по полу, возрасту, национальности, языку, образованию, состоянию в браке и источнику средств существования по данным Всесоюзной переписи населения 1970 г. по Томской области. М., 1970. (ДСП).

55. Распределение населения по полу, возрасту, национальности, языку, образованию, состоянию в браке и источнику средств существования по данным Всесоюзной переписи населения 1970 г. по Тюменской области. М., 1970. (ДСП).

56. Численность населения СССР по переписи на 15 января 1970 года по республикам, краям, областям, национальным округам, районам, городам, поселкам городского типа и районным центрам. М., 1971. (ДСП).

57. Распределение постоянного населения Омской области и г. Омска по общественным группам, источникам средств существования, отраслям народного хозяйства, возрасту и отдельным занятиям (по данным Всесоюзной переписи населения 1970 г.). Омск, 1973. (ДСП).

58. Возрастной состав и состояние в браке населения РСФСР (по данным Всесоюзной переписи населения 1979 г.). М., 1980. (ДСП).

59. Городские поселения Новосибирской области (по данным Всесоюзной переписи населения 1979 года). Новосибирск, 1980. (ДСП).

60. Городские поселения РСФСР (по данным Всесоюзной переписи населения 1979 г.). М., 1980. (ДСП).

61. Итоги Всесоюзной переписи населения 1979 года: стат. сб. М., 1989. Т. II. Пол, возраст и состояние в браке населения СССР, союзных и автономных республик, краев и областей. Ч. I.

62. Итоги Всесоюзной переписи населения 1979 года: стат. сб. М., 1989. Т. II. Пол, возраст и состояние в браке населения СССР, союзных и автономных республик, краев и областей. Ч. II.

63. Итоги Всесоюзной переписи населения 1979 года: стат. сб. М., 1989. Т. III. Уровень образования населения СССР, союзных и автономных республик, краев и областей. Ч. I.

64. Итоги Всесоюзной переписи населения 1979 года: стат. сб. М., 1990. Т. VI. Число и состав семей. Число рожденных детей. Ч. I. Численность членов семей и одиночек. Число и размер семей.

65. Итоги Всесоюзной переписи населения 1979 года: стат. сб. М., 1990. Т. VI. Число и состав семей. Число рожденных детей. Ч. II. Состав семей, распределение членов семей и одиночек по возрасту.

66. Итоги Всесоюзной переписи населения 1979 года: стат. сб. М., 1990. Т. VI. Число и состав семей. Число рожденных детей. Ч. III. Число рожденных детей.

67. Итоги Всесоюзной переписи населения 1979 года: стат. сб. М., 1990. Т. VII. Распределение населения СССР, союзных и автономных республик, краев и областей по общественным группам.

68. Итоги Всесоюзной переписи населения 1979 года: стат. сб. М., 1990. Т. VIII. Распределение занятого населения СССР и союзных республик по отраслям народного хозяйства.

69. Итоги Всесоюзной переписи населения 1979 года: стат. сб. М., 1990. Т. X. Продолжительность проживания населения в месте постоянного жительства по СССР, союзным и автономным республикам, краям и областям.

70. Национальный состав населения РСФСР (по данным Всесоюзной переписи населения 1979 года). М., 1982. (ДСП).

71. Продолжительность проживания населения РСФСР в месте постоянного жительства (по данным Всесоюзной переписи населения 1979 г.). М., 1982. (ДСП).

72. Уровень образования занятого населения РСФСР (по данным Всесоюзной переписи населения 1979 г.). М., 1982. (ДСП).

73. Численность населения СССР, республик, краев, областей, автономных округов, районов, городов, поселков городского типа и районных центров по данным Всесоюзной переписи населения на 17 января 1979 года. М., 1980. Ч. 1. (ДСП).
74. Численность и состав населения СССР. По данным Всесоюзной переписи населения 1979 г. М., 1985.
75. Возрастной состав населения РСФСР по данным Всесоюзной переписи населения 1989 г. М., 1990.
76. Всесоюзная перепись населения 1989 года. Западно-Сибирский экономический район. Таблица 11 с. (ДСП). М., 1990.
77. Городские поселения Алтайского края (по данным Всесоюзной переписи населения 1989 года). Барнаул, 1990.
78. Городские поселения РСФСР по данным Всесоюзной переписи населения 1989 года. М., 1991.
79. Демографическая и социально-экономическая характеристика населения немецкой национальности Алтайского края (по данным Всесоюзной переписи населения 1989 года). Барнаул, 1991.
80. Итоги Всесоюзной переписи населения 1989 года. Кемерово, 1990. Вып. 1. Численность населения.
81. Итоги Всесоюзной переписи населения 1989 года. Кемерово, 1990. Вып. 5. Половозрастной состав.
82. Краткая социально-демографическая характеристика населения РСФСР (по данным Всесоюзной переписи населения 1989 года). М., 1991. Ч. II. Источники средств существования, общественные группы.
83. Население СССР по данным Всесоюзной переписи населения 1989 г. М., 1990.
84. Национальный состав населения Алтайского края (По данным Всесоюзной переписи населения 1989 года). Барнаул, 1991.
85. Национальный состав населения РСФСР по данным Всесоюзной переписи населения 1989 г. М., 1990.
86. Некоторые показатели, характеризующие национальный состав населения РСФСР по данным Всесоюзной переписи населения 1989 года. М., 1990. Т. 1. Пол, возраст, брачное и семейное состояние населения отдельных национальностей.
87. Некоторые показатели, характеризующие национальный состав населения Российской Федерации по данным переписи населения 1989 года. М., 1992. Т. II. Образовательный уровень, источники средств существования, общественные группы, занятость населения отдельных национальностей в отраслях материального производства и непромышленной сферы.
88. Краткая социально-демографическая характеристика населения РСФСР (по данным Всесоюзной переписи населения 1989 года). М., 1991. Ч. I. Численность населения, пол, возраст, национальности, состояние в браке, уровень образования.
89. Краткая социально-демографическая характеристика населения РСФСР (по данным переписи населения 1989 года). М., 1992. Ч. IV. Распределение населения по отраслям народного хозяйства, занятиям, характеристика семей по национальности членов семей, числу детей, занятых членов семей, числу рожденных детей.
90. Численность населения РСФСР по данным Всесоюзной переписи населения 1989 г. М., 1990.
91. Итоги Всесоюзной переписи населения 1989 года. Кемерово, 1990. Вып. 5. Половозрастной состав.
92. Краткая социально-демографическая характеристика населения Томской области по данным Всесоюзных переписей 1979, 1989 гг.: стат. сб. № 4. Томск, 1990.
93. Народы Кузбасса за 30 лет (этнодемографический справочник). Кемерово, 1994.
94. Основные итоги Всесоюзной переписи населения 1989 г. на территории Омской области. Омск, 1990.

95. Состав населения Алтайского края по полу, возрасту и состоянию в браке (по данным Всесоюзной переписи населения 1989 г.). Барнаул, 1990. Ч. 2.
96. Состав населения Новосибирской области по полу, возрасту и состоянию в браке (по данным Всесоюзной переписи населения 1989 г.). Новосибирск, 1990. (ДСП).
97. Социально-демографическая характеристика отдельных национальностей Омской области (по данным Всесоюзной переписи населения 1989 г.). Омск, 1992.
98. Численность и территориальное размещение населения Алтайского края (по данным Всесоюзной переписи населения 1989 года). Барнаул, 1990. Ч. I.
99. Итоги Всероссийской переписи населения 2002 года: в 14 т. М., 2005. Т. 12. Рождаемость.
100. Численность населения Российской Федерации на начало 1990–2002 гг.: (перерасчеты от итогов Всерос. переписи населения 2002 г.): стат. бюл. М., 2006.
101. Итоги Всероссийской переписи населения 2002 года. Кемерово, 2004. Вып. 1. Численность населения.
102. Итоги Всероссийской переписи населения – 2002: стат. сб.: в 11 ч. Тюмень, 2004. Ч. 2. Возрастно-половой состав населения Тюменской области.
103. Основные итоги Всероссийской переписи населения 2002 года по городу Омску: стат. сб. Омск, 2005.
- Статистические сборники по естественному и механическому движению населения.*
104. Демографический ежегодник Российской Федерации. 1993. М.: Госкомстат России, 1994.
105. Демографический ежегодник России: стат. сб. М.: Госкомстат России, 1995.
106. Демографический ежегодник России: стат. сб. М.: Госкомстат России, 1996.
107. Демографический ежегодник России: стат. сб. М., 1997.
108. Демографический ежегодник России: стат. сб. М., 1998.
109. Демографический ежегодник России: стат. сб. М., 1999.
110. Демографический ежегодник России: стат. сб. М., 2000.
111. Демографический ежегодник России: стат. сб. М., 2001.
112. Демографический ежегодник России. 2002: стат. сб. М., 2002.
113. Демографический ежегодник России. 2005: стат. сб. М., 2005.
114. Демографический ежегодник СССР. 1990. М., 1990.
115. Естественное движение населения в РСФСР: стат. сб. М., 1988.
116. Естественное движение населения за 1985 г.: стат. сб. Томск, 1986. (ДСП).
117. Естественное движение населения за 1986 г.: стат. сб. Томск, 1987. (ДСП).
118. Естественное движение населения Омской области за 1989 год. Омск, 1990. (ДСП).
119. Естественное и механическое движение населения Новосибирской области: стат. сб. М., 1973. (ДСП).
120. Естественное и механическое движение населения Новосибирской области: стат. сб. М., 1980. (ДСП).
121. Естественное и механическое движение населения Тюменской области (1970–1977 гг.): стат. сб. Тюмень, 1978. (ДСП).
122. Естественное движение и миграция населения Алтайского края в 1988 году. Барнаул, 1989. (ДСП).
123. Естественное движение и миграция населения Алтайского края в 1989 году. Барнаул, 1990.
124. Естественное движение населения в РСФСР. М., 1988. (ДСП).
125. Естественное движение населения РСФСР в 1988 году: стат. бюл. М., 1989. (ДСП).
126. Естественное движение населения за 1985 год: стат. сб. Томск, 1986. (ДСП).
127. Естественное движение населения и миграция в Новосибирской области в 1985 г.: стат. сб. Новосибирск, 1986. (ДСП).

128. Естественное движение населения и миграция в Новосибирской области в 1986 г.: стат. сб. Новосибирск, 1987. (ДСП).
129. Естественное и механическое движение населения Новосибирской области: стат. сб. Новосибирск, 1973. (ДСП).
130. Естественное и механическое движение населения Новосибирской области: стат. сб. Новосибирск, 1974. (ДСП).
131. Естественное и механическое движение населения Новосибирской области: стат. сб. Новосибирск, 1979. (ДСП).
132. Естественное и механическое движение населения Новосибирской области в 1974 году: стат. сб. Новосибирск, 1975. (ДСП).
133. Естественное и механическое движение населения Новосибирской области в 1975 году: стат. сб. Новосибирск, 1976. (ДСП).
134. Естественное и механическое движение населения Новосибирской области в 1976 году: стат. сб. Новосибирск, 1977. (ДСП).
135. Естественное и механическое движение населения Новосибирской области в 1977 году: стат. сб. Новосибирск, 1978. (ДСП).
136. Естественное и механическое движение населения РСФСР: стат. сб. М., 1960. (ДСП).
137. Естественное и механическое движение населения РСФСР: стат. мат-лы. М., 1966. (ДСП).
138. Естественное и механическое движение населения РСФСР: стат. сб. М., 1967. (ДСП).
139. Естественное и механическое движение населения РСФСР: стат. сб. М., 1968. (ДСП).
140. Естественное и механическое движение населения РСФСР: стат. сб. М., 1969. (ДСП).
141. Естественное и механическое движение населения РСФСР: стат. сб. М., 1970. (ДСП).
142. Естественное и механическое движение населения РСФСР: стат. сб. М., 1972. (ДСП).
143. Естественное и механическое движение населения РСФСР в 1972 году: стат. сб. М., 1973. (ДСП).
144. Естественное и механическое движение населения РСФСР в 1973 году: стат. сб. М., 1974. (ДСП).
145. Естественное и механическое движение населения РСФСР в 1974 году: стат. сб. М., 1975. (ДСП).
146. Естественное и механическое движение населения РСФСР в 1975 году: стат. сб. М., 1976. (ДСП).
147. Естественное и механическое движение населения РСФСР в 1976 году: стат. сб. М., 1977. (ДСП).
148. Население, здравоохранение и социальное обеспечение в РСФСР: стат. сб. М., 1985. (ДСП).
149. Население России за 100 лет (1987–1997 гг.): стат. сб. М., 1998.
150. Население СССР: справочник. М., 1974.
151. Население СССР: справочник. М., 1983.
152. Население СССР (численность, состав и движение населения). 1973: стат. сб. М., 1975.
153. Население СССР. 1987: стат. сб. М., 1988.
154. Население СССР. 1988: стат. ежегодн. М., 1989.
155. Некоторые показатели демографических процессов и социального развития в РСФСР: стат. сб. М., 1982.

156. Основные показатели демографических процессов Кузбасса: стат. сб. Кемерово, 1990.
157. Численность, естественное движение и миграция населения Кемеровской области: стат. сб. Кемерово, 1984. (ДСП).
158. Численность, естественное движение и миграция населения Кемеровской области: стат. сб. Кемерово, 1985. (ДСП).
159. Численность, естественное движение и миграция населения Кемеровской области: стат. сб. Кемерово, 1986. (ДСП).
160. Численность, естественное движение и миграция населения РСФСР в 1979 году: стат. сб. М., 1980. (ДСП).
161. Численность, естественное движение и миграция населения РСФСР в 1980 году: стат. сб. М., 1981. (ДСП).
162. Численность, естественное движение и миграция населения: стат. сб. Кемерово, 1987. (ДСП).
163. Численность, естественное движение и миграция населения: стат. сб. Кемерово, 1988. (ДСП).
164. Численность, состав и движение населения в Алтайском крае: стат. сб. Барнаул, 1992.
165. Численность, состав и движение населения в РСФСР: стат. сб. М., 1986. (ДСП).
166. Численность, естественное движение и миграция населения РСФСР в 1982 году. М., 1983. (ДСП).
167. Численность, естественное движение и миграция населения РСФСР в 1983 году. М., 1984. (ДСП).
168. Численность, состав и движение населения в РСФСР. М., 1986. (ДСП).
169. Численность, состав и движение населения в РСФСР: стат. сб. М., 1990.
170. Численность, состав и движение населения СССР: стат. мат-лы. М., 1965. (ДСП).
171. Численность, состав и движение населения СССР в 1971 году: стат. сб. Ч. 1. М., 1972. (ДСП).
172. Численность, состав и движение населения СССР в 1972 году: стат. сб. М., 1973. (ДСП).
173. Численность, состав и движение населения СССР в 1977 году: стат. сб. М., 1979. (ДСП).
174. Численность, состав и движение населения СССР в 1978 году: стат. сб. М., 1979. (ДСП).
175. Численность, состав и движение населения СССР в 1979 году: стат. сб. М., 1980. (ДСП).

Другие статистические сборники

176. 60 лет Алтайскому краю: юбил. стат. сб. Барнаул, 1997.
177. Алтайский край в цифрах. 1990–1994: кратк. стат. сб. Барнаул, 1996.
178. Город Барнаул за 250 лет: стат. сб. Барнаул, 1980.
179. Итоги экономического и социального развития Алтайского края за годы десятой пятилетки: стат. сб. Барнаул, 1981.
180. Итоги экономического и социального развития Алтайского края за годы одиннадцатой пятилетки: стат. сб. Барнаул, 1986.
181. Занятость населения мелких и средних городов РСФСР (итоги выборочного обследования на 10 мая 1965 года). М., 1965. (ДСП).
182. здравоохранение и социальное обеспечение в СССР: стат. сб. М., 1970. (ДСП).
183. здравоохранение и социальное обеспечение в СССР: стат. сб. М., 1973. (ДСП).
184. здравоохранение и социальное обеспечение в СССР: стат. сб. М., 1976. (ДСП).
185. Женщины и дети в СССР: стат. сб. М.: Госстатиздат, 1963.

186. Культура, здравоохранение и население Кемеровской области. 1965–1969 годы: стат. сб. Кемерово, 1970. (ДСП).
187. Культура, здравоохранение и население Кемеровской области: стат. сб. Кемерово, 1983. (ДСП).
188. Народное хозяйство Алтайского края в 1966–1970 гг.: стат. сб. Барнаул, 1972.
189. Народное хозяйство Алтайского края в 1971–1975 гг.: стат. сб. Барнаул, 1976.
190. Народное хозяйство Алтайского края за 50 лет советской власти: стат. сб. Барнаул, 1967.
191. Народное хозяйство городов Кемеровской области (статистический сборник за 1980–1985 гг.). Кемерово, 1986. (ДСП).
192. Народное хозяйство городов и районов Кемеровской области. 1975–1980 гг. Кемерово, 1981. (ДСП).
193. Народное хозяйство Кемеровской области в 1970–1976 гг.: стат. сб. Кемерово, 1977. (ДСП).
194. Народное хозяйство Новосибирской области за 1971–1975 гг.: стат. сб. Новосибирск, 1976.
195. Народное хозяйство Новосибирской области за 1981–1985 гг.: стат. сб. Новосибирск, 1987.
196. Народное хозяйство Омской области в одиннадцатой пятилетке: стат. сб. Омск, 1986.
197. Народное хозяйство Омской области за 1971–1975 годы: стат. сб. Омск, 1977.
198. Народное хозяйство РСФСР в 1965 году: стат. ежегодн. М., 1966.
199. Народное хозяйство РСФСР в 1969 году: стат. ежегодн. М., 1970.
200. Народное хозяйство РСФСР в 1970 году: стат. ежегодн. М., 1971.
201. Народное хозяйство РСФСР в 1975 году: стат. ежегодн. М., 1976.
202. Народное хозяйство РСФСР в 1978 году: стат. ежегодн. М., 1979.
203. Народное хозяйство РСФСР в 1981 году: стат. ежегодн. М., 1982.
204. Народное хозяйство РСФСР в 1984 году: стат. ежегодн. М., 1985.
205. Народное хозяйство РСФСР в 1985 году: стат. ежегодн. М., 1986.
206. Народное хозяйство РСФСР в 1987 году: стат. ежегодн. М., 1988.
207. Народное хозяйство РСФСР в 1988 году: стат. ежегодн. М., 1989.
208. Народное хозяйство РСФСР в 1989 году: стат. ежегодн. М., 1990.
209. Народное хозяйство СССР. 1922–1982: юбил. стат. ежегодн. М., 1982.
210. Народное хозяйство СССР за 1913–1956: кратк. стат. сб. М., 1956. (ДСП).
211. Народное хозяйство СССР в 1960 году: стат. ежегодн. М., 1961.
212. Народное хозяйство СССР в 1987 году: стат. ежегодн. М., 1988.
213. Народное хозяйство СССР в 1988 году: стат. ежегодн. М., 1989.
214. Народное хозяйство СССР: стат. сб. М., 1956.
215. Народное хозяйство Томской области за 1976–1980 годы. Новосибирск, 1982.
216. Народное хозяйство Томской области в 1989 году: стат. сб. Томск, 1990.
217. Основные показатели социально-экономического развития городов и районов Алтайского края. 1990–1995 гг. Барнаул, 1996.
218. Основные показатели социального развития краев и областей Западно-Сибирского экономического района: стат. сб. Барнаул, 1990.
219. Основные показатели экономического и социального развития Алтайского края в двенадцатой пятилетке: стат. сб. Барнаул, 1989.
220. Охрана здоровья в СССР: стат. сб. М., 1990.
221. Охрана окружающей среды в РСФСР в 1988 году. М., 1989. (ДСП).
222. Охрана окружающей среды в РСФСР за 1989 г. М., 1990. (ДСП).
223. Преступность и правонарушения. 1991: стат. сб. М., 1992.
224. Регионы России: стат. сб.: в 2 т. М., 1999. Т. 2.
225. Российский статистический ежегодник. 1994: стат. сб. М., 1994.

226. Социальное развитие СССР: стат. сб. М., 1990.
227. Сравнительные показатели уровня социального развития городов и районов Кемеровской области за 1980–1990 гг. Кемерово, 1991.
228. Труд в СССР: стат. сб. М., 1988.
229. Уровень образования занятого населения РСФСР (по данным Всесоюзной переписи населения 1979 г.). М., 1982. (ДСП).
230. Экономическое и социальное развитие Кемеровской области за 1985–1988 гг.: стат. сб. Кемерово, 1989. (ДСП).
231. Экономическое и социальное развитие городов Кемеровской области (статистический сборник за 1980–1988 гг.). Кемерово, 1989. (ДСП).
232. Экономика и культура автономных областей и национальных округов: стат. сб. М., 1970. 400 с. (ДСП).

Нормативно-правовые документы

233. XXII съезд Коммунистической партии Советского Союза. 17–31 октября 1961 г.: стенограф. отчет. М., 1962.
234. XXIII Съезд Коммунистической партии Советского Союза. 29 марта – 8 апр. 1966 г.: стенограф. отчет: в 2 т. М.: Политиздат, 1966. Т. 2.
235. XXV съезд Коммунистической партии Советского Союза. 24 февраля – 5 марта 1976 г.: стенограф. отчет. М., 1976. Т. 2.
236. Ведомости Верховного Совета СССР. 1959–1989 гг.
237. Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1959–1989 гг.
238. Итоги развития сельского хозяйства за последние пять лет и задачи дальнейшего увеличения производства сельскохозяйственных продуктов. Постановление президиума ЦК КПСС по докладу тов. Н.С. Хрущева, принятое 19 декабря 1958 г. М., 1958.
239. Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1988): в 16 т. М.: Политиздат, 1987. Т. 9. 1956–1960.
240. Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1988): в 16 т. М.: Политиздат, 1986. Т. 10. 1961–1965.
241. Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1988): в 16 т. М.: Политиздат, 1987. Т. 14. 1981–1984.
242. Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1988): в 16 т. М.: Политиздат, 1987. Т. 15. 1985–1988.
243. Материалы XXIII съезда КПСС. М., 1966.
244. Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза. М.: Политиздат, 1986.
245. Материалы Внеочередного XXI съезда КПСС. М., 1959.
246. Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. Т. 4. 1953–1961 гг. М., 1968.
247. Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. Т. 5. 1962–1965 гг. М., 1968.
248. Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. Т. 6. 1966 – июнь 1968. М., 1968.
249. Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. Т. 7. Июль 1968 – 1969 г. М., 1970.
250. Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. Т. 8. 1970 – февраль 1972 г. М., 1972.
251. Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. Т. 10. Октябрь 1973 г. – октябрь 1975 г. М., 1976.
252. Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. Т. 11. Ноябрь 1975 г. – июнь 1977 г. М., 1977.

253. Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. Т. 13. Апрель 1979 г. – март 1981 г. М.: Политиздат, 1981.
254. Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. Т. 14. Апрель 1981 г. – декабрь 1982 г. М., 1983.
255. Собрание постановлений правительства СССР. 1959–1989 гг.
256. Свод законов СССР. (Т. 1–11).

Делопроизводственная документация

257. Анализ основных тенденций развития крупных городов РСФСР: науч. отчет по теме № 23 М., 1982. (ДСП).
258. Большие города РСФСР: науч.-информ. сб. М., 1977. (ДСП).
259. Глобальный опрос населения о потреблении табака. Российская Федерация: страновой отчет. М., 2009.
260. Краткие технико-экономические характеристики малых и средних городов, рекомендуемых для размещения в них промышленных предприятий. РСФСР. Западно-Сибирский экономический район СССР. М., 1967. Т. V. (ДСП).
261. Малые и средние города РСФСР. Характеристика, условия и направления развития: науч.-информ. сб. М., 1976. (ДСП).
262. Методические указания к разработке государственных планов экономического и социального развития СССР. М., 1980.
263. Методические указания по развитию малых и средних городов и ограничению роста крупных городов. М., 1968. (ДСП).
264. Программа «О развитии малых и средних городов РСФСР». Научная концепция экономического и социального развития малых городов РСФСР. М.: Госплан РСФСР, 1982. (ДСП).

Периодические издания

265. Аргументы и факты. – 1988.
266. Алтайская правда. – 1973, 1978, 1980, 1986, 1989.
267. Вестник статистики. – 1984, 1985, 1986, 1990, 1991.
268. Вечерний Новосибирск. – 1961.
269. Здоровье. – 1964.
270. Известия. – 1981, 1980, 1984, 1986.
271. Комсомольская правда (Новосибирский выпуск). – 2004.
272. Коммунист. – 1984.
273. Красное знамя. – 1961, 1967, 1986, 1988, 1993.
274. Кузбасс. – 1958, 1965, 1968, 1972.
275. Неделя. – 1988.
276. Советская Сибирь. – 1965, 1972, 1975, 1977, 1986, 1989, 1991, 1996.
277. Правда. – 1963, 1968, 1972, 1979, 1984, 1987, 1988, 1989.
278. Педиатрия. – 1989, 1990.
279. Работница. – 1979.
280. Советское здравоохранение. – 1990.
281. Труд. – 1985, 1988.
282. Тюменская правда. – 1966, 1969, 1981, 1987.
283. Экономическая газета. – 1988.

Исследовательская литература

284. Аблажей Н.Н. Депортации из СССР периода Большого Террора // Исторический курьер. 2019. № 1. С. 1–16.
285. Аблажей Н.Н. Казахский миграционный маятник «Казахстан – Синьцзян». Эмиграция. Репатриация. Интеграция. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2015. 255 с.
286. Аблажей Н.Н. Репатриация этнических спецпоселенцев из СССР в «страны народной демократии» в 1955 году // Вестник Новосибирского государственного университета. 2011. № 10. С. 81–85.
287. Аблажей Н.Н. С востока на восток: Российская эмиграция в Китае. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2007. 300 с.
288. Агеев Н. Киселевск. Кемерово: Кемеров. кн. изд-во, 1972. 108 с.
289. Аграрное и демографическое развитие Сибири в контексте российской и мировой истории. XVII–XX вв.: мат-лы всерос. науч. конф. Новосибирск, Новосибирск: Ин-т истории СО РАН, 1999. 213 с.
290. Азиатская Россия: проблемы социально-экономического, демографического и культурного развития (XVII–XXI вв.): мат-лы междунар. науч. конф. Новосибирск: Параллель, 2017. 531 с.
291. Актуальные проблемы новейшей отечественной истории: сб. науч. тр. Кемерово: Кузбассвуиздат, 2007. 155 с.
292. Александров В.А. Русское население Сибири XVII – начала XVIII в. (Енисейский край). М.: Наука, 1964. 303 с.
293. Алексеев В.В. Влияние энергетического строительства на хозяйственное освоение и заселение Сибири // Хозяйственное освоение Сибири и рост ее народонаселения (XVIII–XX вв.): Бахрушин. чтения 1979 г.: сб. науч. тр. Новосибирск, 1979. С. 48–58.
294. Алексеев В.В. Источники и формы комплектования трудовых коллективов Сибири в период упрочения и развития социализма // Трудовые коллективы Сибири: проблемы формирования и развития: сб. ст. Новосибирск, 1985. С. 5–20.
295. Алексеев В.В. Электрификация Сибири. Историческое исследование. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1976. 270 с. Ч. 2. 1951–1970 гг.
296. Алексеев В.В., Исупов В.А. Население Сибири в годы Великой Отечественной войны. Новосибирск: Наука, 1986. 232 с.
297. Алексеев В.В., Ламин В.А. Прометей сибирской нефти. Свердловск: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1989. 272 с.
298. Алексеев В.В., Логунов Е.В., Шабанов П.П. Опыт решения кадровых проблем в нефтегазовом строительстве Сибири (на материалах Главсибтрубопроводстроя). Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1987. 174 с.
299. Алисов Д.А. Культура городов Среднего Прииртышья в XIX – начале XX в. Омск: Ом. гос. ун-т, 2001. 195 с.
300. Алисов Д.А. Социально-экономическое развитие и культура города Омска в 1960-е – первой половине 1980-х гг. // Омск. XX век (вехи истории): краевед. сб. Омск: Ом. гос. ун-т, 2001. С. 158–172.
301. Алкоголизм: руководство для врачей. М.: Медицина, 1983. 432 с.
302. Аллен Р.С. Британская промышленная революция в глобальной картине мира. М.: Изд-во Института Гайдара, 2014. 448 с.
303. Алмонд Г. Верба С. Гражданская культура: политические установки и демократия в пяти странах. М.: Мысль, 2014. 500 с.
304. Алтай в послевоенный период. Барнаул: Алт. кн. изд-во, 1974. 224 с.
305. Андреев Е.М. Продолжительность жизни и причины смерти в СССР // Демографические процессы в СССР: сб. науч. тр. М.: Наука, 1990. С. 90–116.

306. Андреев Е.М., Дарский Л.Е., Харьковская Т.Л. Демографическая история России: 1927–1959 гг. М.: Информатика, 1998. 187 с.
307. Андреев С.Н. Аграрные преобразования в Западной Сибири в 1953–1964 гг. Новосибирск: [б. и.], 2007. 212 с.
308. Аникин В.В. К вопросу о миграции населения в городах РСФСР в 1950–1956 гг. // Вопросы истории. 1981. № 12. С. 56–65.
309. Антипина Н. Город Карасук. Новосибирск: Новосиб. кн. изд-во, 1996. 128 с.
310. Антонов А.И. Опыт исследования установок на здоровье и продолжительность жизни // Социальные проблемы здоровья и продолжительности жизни: сб. ст. М.: ИС, 1989. С. 41–57.
311. Антонов А.И. Социология рождаемости (теоретические и методологические проблемы). М.: Статистика, 1980. 271 с.
312. Антонов А.И., Медков В.М. Второй ребенок. М.: Мысль, 1987. 299 с.
313. Араловец Н.А. Городская семья в России во второй половине XX в. М.: ИРИ, 2015. 355 с.
314. Астрахан Е. Развитие законодательства о пенсиях рабочим и служащим. М.: Юридическая литература, 1971. 216 с.
315. Асылбеков М.Х., Нурмухамедов С.Б., Пан Н.Г. Рост индустриальных кадров рабочего класса в Казахстане (1946–1965 гг.). Алма-Ата: Наука, 1976. 272 с.
316. Ахизера А.С., Коган Л.Б., Яницкий О.Н. Урбанизация, общество и научно-техническая революция // Вопросы философии. 1969. № 2. С. 43–53.
317. Бабушкина С.Л. Нефтегазовый комплекс Тюменской области: 1960–1985 гг. Проблема кадрового обеспечения. Омск: Изд-во ФГОУ ВПО ОмГАУ, 2008. 204 с.
318. Бадалян Т.М. Изменение показателей рождаемости сельского населения Западной Сибири в 1945–1960 гг. // Народонаселенческие процессы в региональной структуре России XVIII–XX вв.: мат-лы междунар. науч. конф. 19–21 марта 1996. Новосибирск: [б. и.], 1996. С. 171–173.
319. Бадалян Т.М., Карпунина И.Б., Мелентьева А.П. Сельское население Западной Сибири: половозрастной состав и образовательная структура (60–80-е гг.) // Гуманитарные науки в Сибири. 1994. № 2. С. 42–46.
320. Баздырев К.К. Единственный ребенок. М.: Финансы и статистика, 1983. 119 с.
321. Баканов С.А. Депрессивные города Урала в 1960–1980-е годы: Анализ социально-экономических и демографических факторов. Челябинск: Челяб. гос. ун-т, 2005. 191 с.
322. Баландин С.Н. Новосибирск. История градостроительства. 1945–1985 гг. Новосибирск: Новосиб. кн. изд-во, 1986. 160 с.
323. Балдано М.Н. Индустриальное развитие Бурятии (1923–1991 гг.): достижения, издержки, уроки. Улан-Удэ: ВСГАКИ, 2001. 431 с.
324. Балдано М.Н. Промышленное развитие Республики Бурятия в 1960–1985 гг.: итоги и проблемы. Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 2000. 161 с.
325. Балдано М.Н., Дятлов В.И. Монгольский мир: типология и региональная специфика миграций и диаспор // Трансграничные миграции в пространстве монгольского мира: история и современность: сб. науч. тр. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2015. Вып. 3. 198 с. С. 6–27.
326. Баранов А.А., Альбицкий В.Ю. Младенческая смертность в СССР: тенденции и ожидаемые показатели // Педиатрия. 1989. № 7. С. 74–78.
327. Баранов А.А., Альбицкий В.Ю., Комаров Ю.М. Тенденции младенческой смертности в СССР в 70–80-е годы // Советское здравоохранение. 1990. № 3. С. 3–7.
328. Баранов А.В. Социально-демографическое развитие крупного города. М.: Финансы и статистика, 1981. 191 с.
329. Баранский Н.Н. Об экономико-географическом изучении городов // Вопросы географии. 1946. № 2. С. 19–62.

330. Бахметова Г. Доживаемость и смертность населения СССР // Продолжительность жизни: сб. ст. М.: Статистика, 1974. С. 40–48.
331. Бедный М.С. Медико-демографическое изучение народонаселения. М.: Статистика, 1979. 224 с.
332. Бедный М.С. Продолжительность жизни (статистика, факторы, возможности увеличения). М.: Статистика, 1967. 216 с.
333. Бедный М.С. Продолжительность жизни в городах и селах. М.: Статистика, 1976. 93 с.
334. Белкин Е.В., Шереги Ф.Э. Формирование населения в зоне БАМ. М.: Мысль, 1985. 149 с.
335. Белобородов А.С. Столица северного края. Очерки истории Самарова – Остяково-Вогульска – Ханты-Мансийска. М.: Унисерв, 1996. 158 с.
336. Белова В.А. Число детей в семье. М.: Статистика, 1975. 176 с.
337. Белова В.А., Дарский Л.Е. Статистика мнений в изучении рождаемости. М.: Статистика, 1972. 144 с.
338. Белорусы в Сибири. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2000. 148 с.
339. Белорусы в Сибири. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2000. Вып. 2. 161 с.
340. Бенгардт А.А. Город-курорт Белокуриха: страницы истории (1867–1990 гг.). Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2013. 275 с.
341. Бжилянский Ю.А. Проблемы народонаселения при социализме. Политико-экономический анализ. М.: Мысль, 1974. 214 с.
342. Библиография по проблемам народонаселения (1972–1975 гг.). М.: Статистика, 1977. 232 с.
343. Библиография по проблемам народонаселения (сов. и переводная литература, 1965–1968 гг.). М.: Изд-во МГУ, 1971. 282 с.
344. Библиография по проблемам народонаселения (сов. и переводная литература, 1960–1971 гг.). М.: Статистика, 1974. 343 с.
345. Бийск: энциклопедия. Бийск: БПГУ им. В.М. Шукшина, 2009. 416 с.
346. Бикметов Р.С. Трудопоселенцы и советские немцы: влияние на социально-классовую и национальную структуру Кузбасса // Актуальные проблемы новейшей отечественной истории: сб. науч. тр. Кемерово: Кузбассвуиздат, 2007. С. 12–23.
347. Бирюков В.А. Эволюция и особенности смертности населения в городах СССР // Демографические процессы в СССР: сб. науч. тр. М.: Наука, 1990. С. 135–150.
348. Блюм А. Родиться, жить и умереть в СССР. М.: Новое издательство, 2005. 169 с.
349. Бойко В.В. Малодетная семья (социально-психологический аспект). М.: Мысль, 1988. 237 с.
350. Бойко В.В. Рождаемость: социально-психологические аспекты. М.: Мысль, 1985. 238 с.
351. Бон Т.М. «Минский феномен»: городское планирование и урбанизация в Советском Союзе после Второй мировой войны. М.: РОССПЭН, 2013. 413 с.
352. Бондарская Г.А. Рождаемость в СССР (этнодемографический аспект). М.: Статистика, 1977. 128 с.
353. Борисов В.А. Демография: учеб. для вузов. М.: Нота Бене Медиа Трейд Компания, 2003. 344с.
354. Борисов В.А. Перспективы рождаемости. М.: Статистика, 1976. 248 с.
355. Борисов В.А., Киселева Г.П. Актуальные проблемы воспроизводства населения СССР в свете решений XVI съезда КПСС // Проблемы воспроизводства и миграции населения: сб. ст.: в 2-х разд. М.: ИСИ, 1981. Разд. I. С. 9–30.
356. Борисов В.А., Синельников А.Б. Брачность и рождаемость в России: демографический анализ. М.: НИИ семьи, 1995. 118 с.
357. Бородкин Л.И. Концепции модернизации и модерности в контексте российских трансформаций XIX–XX вв. // Уральский исторический вестник. 2017. № 4. С. 6–15.

358. Бородкин Ф.М., Соболева С.В. Проблемы демографического развития Сибири // Демографическое развитие Сибири (прикладной и теоретический аспекты исследования): сб. науч. тр. Новосибирск: ИЭИОПП, 1987. С. 3–17.
359. Боярский А.Я. Население и методы его изучения. М.: Статистика, 1975. 264 с.
360. Боярский А.Я., Шушерин П.П. Демографическая статистика: учеб. для экон. вузов. М.: Госстатиздат, 1955. 332 с.
361. Брачность, рождаемость, смертность в России и в СССР: сб. ст. М.: Статистика, 1977. 247 с.
362. Бромлей Ю.В. Современные проблемы этнографии. Очерки теории и истории. М.: Наука, 1981. 390 с.
363. Бронер Д.Л. Жилищное строительство и демографические процессы. М.: Статистика, 1980. 80 с.
364. Брук С.И. Население мира: этнодемогр. справ. М.: Наука, 1981. 880 с.
365. Букин С.С. Жизненный уровень рабочей семьи в Сибири (1946–1960 гг.). Новосибирск: Наука, 1984. 271 с.
366. Букин С.С. Опыт социально-бытового развития городов Сибири (вторая половина 1940-х – 1950-е гг.). Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1991. 240 с.
367. Букин С.С. Социально-бытовое и демографическое развитие Сибири: проблемы взаимодействия // Исторический опыт социально-демографического развития Сибири: тез. докл. и сообщ. Всесоюз. науч. конф. (12–14 дек. 1989 г.). Новосибирск, 1989. Вып. 2. Социально-демографическое развитие советской Сибири. С. 80–82.
368. Букин С.С., Долголюк А.А., Исаев В.И., Тимошенко А.И. Формирование индустриально-урбанистического общества в Урало-Сибирском регионе. Новосибирск: Сиб. науч. изд-во. 2011. 336 с.
369. Буркин М.М., Горанская С.В. Основы наркологии: уч. пос. Петрозаводск: Карелия, 2002. 104 с.
370. Бурмак Л.К., Бурминова А.З. Миграция населения и некоторые вопросы закрепления кадров в Кемеровской области // Вопросы использования трудовых ресурсов Кузбасса: мат-лы к науч. конф. Новокузнецк: [б. и.], 1969. Вып. 2. С. 49–62.
371. Бурматов А.А. Демографическая история Каинска-Куйбышева и его округи. Новосибирск: Изд-во НГПУ, 1997. 162 с.
372. Бурматов А.А. Детская смертность в 1970-х годах в Западной Сибири // Исторический курьер. 2021. № 4. С. 174–185.
373. Бурматов А.А. Миграции населения Западной Сибири в 1950-е годы // Исторический курьер. 2020. № 4. С. 131–139.
374. Бурматов А.А. Тенденции смертности в Западной Сибири в 1959–1970 гг. // Проблемы аграрного и демографического развития Сибири в XX – начале XXI в. 20–22 октября 2014 г.: мат-лы II Всерос. науч. конф. Новосибирск, 2014. С. 184–188.
375. Бурматов А.А. Эволюция смертности населения Западной Сибири в 1950–1970 гг. // Гуманитарные науки в Сибири. 2017. № 4. С. 75–81.
376. Ваганов Н.Н. Младенческая смертность в СССР и пути ее снижения // Педиатрия. 1990. № 3. С. 5–8.
377. Валентей Д.И. Проблемы народонаселения. М.: Высш. школа, 1961. 160 с.
378. Вандескрик К. Демографический анализ. М.: Академический проект; Гаудеамус, 2005. 272 с.
379. Васильев К.Г., Сегал А.Е. История эпидемий в России (материалы и очерки). М.: Медгиз, 1960. 398 с.
380. Васильева Э.К. Семья и ее функции (демографо-статистический анализ). М.: Статистика, 1975. 184 с.
381. Васильева Э.К. Социально-экономическая структура населения СССР (Стат.-демогр. анализ). М.: Статистика, 1978. 207 с.

382. Васькина Л.И. Городское население СССР в канун социалистической индустриализации // Вестник Московского университета. История. 1971. № 4. С. 3–19.
383. Вербицкая О.М. Население российской деревни в 1939–1959 гг.: проблемы демографического развития. М.: Ин-т рос. истории РАН, 2002. 318 с.
384. Вербицкая О.М. Основные этапы и направления сельскохозяйственных переселений в 1945–1958 гг. // Проблемы исторической демографии СССР (период социализма): сб. ст. Кишинев: Штиинца, 1985. С. 52–59.
385. Вербицкая О.М. Половозрастная структура и особенности воспроизводства колхозного населения РСФСР в 1945–1960 гг. // Социально-классовая структура и демографические процессы в России и СССР: вопросы комплексного изучения: сб. ст. М.: Ин-т истории СССР, 1990 (1991). С. 73–81.
386. Вербицкая О.М. Российское крестьянство: от Сталина к Хрущеву (сер. 40-х – начало 60-х гг.). М.: Наука, 1992. 222 с.
387. Вернигорова В.Н. Химия загрязняющих веществ и экология. М.: Палеотип, 2005. 240 с.
388. Вечканов Г.С. Миграция трудовых ресурсов в СССР. Политико-экономический аспект. Л.: ЛГУ, 1981. 143 с.
389. Вигдорчик Н.А. Социальное страхование: систематическое изложение истории, организации и практики всех форм социального страхования. СПб.: Практ. медицина, 1912. 295 с.
390. Витковская Г.С. Вынужденная миграция: проблемы и перспективы. М.: Изд-во Института народнохозяйственного прогнозирования, 1993. 174 с.
391. Вишневский А.Г. Демографическая история и демографическая теория: курс лекций. М.: Издат. дом Высшей школы экономики, 2019. 368 с.
392. Вишневский А.Г. Демографическая революция. М.: Статистика, 1976. 240 с.
393. Вишневский А.Г. Избранные демографические труды: в 2 т. М.: Наука, 2005. Т. 2. Экономическая демография. Анализ демографических процессов. 381 с.
394. Вишневский А.Г. Избранные демографические труды: в 2 т. М.: Наука, 2005. Т. 1. Демографическая теория и демографическая история. 368 с.
395. Вишневский А.Г. Ранние этапы становления нового типа рождаемости в России // Брачность, рождаемость, смертность в России и в СССР: сб. ст. М.: Статистика, 1977. С. 105–134.
396. Вишневский А.Г. Россия перед демографическим выбором // Алкогольная катастрофа и возможности государственной политики в преодолении алкогольной сверхсмертности в России. М.: ЛЕНАНД, 2008. С. 76.
397. Вишневский А.Г. Экономические проблемы развития форм городского расселения // Проблемы современной урбанизации: сб. ст. М.: Статистика, 1972. С. 51–73.
398. Водарский Я.Е. Население России в конце XVII – начале XVIII века (численность, сословно-классовый состав, размещение). М.: Наука, 1977. 263 с.
399. Волков А.Г. Влияние урбанизации на демографические процессы в СССР // Проблемы современной урбанизации: сб. ст. М.: Статистика, 1972. С. 105–124.
400. Волков А.Г. О некоторых причинах снижения коэффициента рождаемости // Изучение воспроизводства населения: сб. науч. тр. М.: Наука, 1968. С. 171–183.
401. Волков А.Г. Семья – объект демографии. М.: Мысль, 1986. 271 с.
402. Волков Е.З. Динамика народонаселения СССР за 80 лет. М.; Л.: Гос. изд-во, 1930. 271 с.
403. Вопросы формирования русского населения Сибири в XVII – начале XIX в.: сб. ст. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1978. 144 с.
404. Воробьев В.В. Города южной части Восточной Сибири: ист.-геогр. очерки. Иркутск: Кн. изд-во, 1959. 147 с.
405. Воробьев В.В. Население Восточной Сибири (современная динамика и вопросы прогнозирования). Новосибирск: Наука, 1977. 160 с.

406. Воспроизводство населения и демографическая политика в СССР. М.: Наука, 1987. 205 с.
407. Воспроизводство населения и трудовых ресурсов. М.: Наука, 1976. 301 с.
408. Воспроизводство населения СССР. М.: Финансы и статистика, 1983. 303 с.
409. Всесоюзная перепись населения – всенародное дело. М.: Статистика, 1969. 63 с.
410. Всесоюзная перепись населения 1959 года. М.: Государственное изд-во политической лит-ры, 1958. 51 с.
411. Всесоюзная перепись населения 1970 года: сб. ст. М.: Статистика, 1976. 286 с.
412. Всесоюзная перепись населения 1979 года: сб. ст. М.: Финансы и статистика, 1984. 232 с.
413. Всесоюзная перепись населения 1989 года. М.: Финансы и статистика, 1987. 80 с.
414. Всесоюзный семинар по исторической демографии, второй: тез. докл. Рига: Зинатне, 1977. 114 с.
415. Гаврилова Н.Ю. Социальное развитие нефтегазодобывающих районов Западной Сибири. Тюмень: ТюмГНГУ, 2002. 283 с.
416. Гайдар Е.Т. Долгое время. Россия в мире: очерки экономической истории. М.: Дело, 2005. 656 с.
417. Галкин Н.В. История Юрги. Кемерово: Кузбассвуиздат, 2001. 472 с.
418. Галкина Т.А. Влияние социально-экономических условий жизни на миграцию городского населения Западной Сибири в 60-е гг. // Социальная сфера Сибири: тенденции и проблемы развития: сб. науч. тр. Новосибирск: [б. и.], 1992. С. 110–123.
419. География населения Восточной Сибири: сб. ст. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1962. 163 с.
420. География населения Сибири: сб. ст. Иркутск: [б. и.], 1976. 125 с.
421. Герасимова И.А. Структура семьи. М.: Статистика, 1976. 168 с.
422. Гершенкрон А. Экономическая отсталость в исторической перспективе. М.: Издат. дом «Дело» РАНХиГС, 2015. 536 с.
423. Глазов В.А., Большакова Е.С., Барсукова Л.С., Родин В.Е. Особенности межрайонной миграции населения в РСФСР // Миграция населения РСФСР: сб. науч. тр. М.: Статистика, 1973. С. 32–42.
424. Глобальные демографические проблемы современности: миграции и миграционная политика: сб. ст. М.: РГГУ, 2011. 549 с.
425. Глотов Г.А., Перцик Е.Н. Будущее городов Кузбасса. Проблемы градостроительства и районной планировки. Кемерово: Кн. изд-во, 1972. 163 с.
426. Голдстоун Дж. Почему Европа? Возвышение Запада в мировой истории, 1500–1850. М.: Изд-во Института Гайдара, 2014. 224 с.
427. Голубецкий И.С. Села, рабочие поселки и города Омской области. Омск: Зап-Сиб. кн. изд-во, 1970. 132 с.
428. Гольд А.Г. Надым. Свердловск: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1982. 208 с.
429. Гонина Н.В. Демографическая диалектика Красноярска в 1960-е годы // Исторический курьер. 2021. № 4. С. 163–173.
430. Гонина Н.В. Демографические процессы в малых исторических городах Ангаро-Енисейского региона во второй половине 1950-х – конце 1970-х гг. // Исторический курьер. 2019. № 4. С. 129–142.
431. Горбачев О.В. На пути к городу: сельская миграция в Центральной России (1946–1985 гг.) и советская модель урбанизации. М.: МПГУ, 2002. 157 с.
432. Город в формационном развитии стран Востока. М.: Наука, 1990. 512 с.
433. Город и деревня в Европейской России: сто лет перемен. М.: ОГИ, 2001. 560 с.
434. Города Кузбасса. Новосибирск: МАСС-Медиа-Центр, 2002. Т. 1. 224 с.
435. Города России: энциклопедия. М.: Терра – Кн. клуб, 1998. 559 с.
436. Городское население Тувинской АССР. Опыт социологического исследования. Новосибирск: Наука, 1981. 223 с.

437. Градостроительные проблемы Севера: тезисы докладов к координационному совещанию по совершенствованию планировки и застройки населенных мест в Северной строительной-климатической зоне (Мурманск, сентябрь 1971 г.). Л.: Стройиздат, 1971. 118 с.
438. Григорьев Ю.А., Москвитин П.Н., Соколовский С.В., Тырышкина Т.В. Здоровье населения Сибири: региональные и этнические проблемы // Проблемы демографического развития Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск: ИЭиОПП СО АН СССР, 1991. С. 70–81.
439. Гузеватый Я.Н. Актуальные проблемы народонаселения в советской экономике // Изучение воспроизводства населения: сб. науч. тр. М.: Наука, 1968. С. 9–22.
440. Гундаров И.А. Демографическая катастрофа в России: причины, механизм, пути преодоления. М.: Эдиториал УРСС, 2001. 208 с.
441. Гурьевск: страницы истории. Кемерово: КГУ, Институт экологии СО РАН, 2008. 179 с.
442. Гущин Н.Я. Население Сибири в XX веке: основные тенденции и катаклизмы в развитии. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 1995. 82 с.
443. Гущин Н.Я. Тенденции демографического развития Сибири в 60–80-х гг. // Демографическое развитие Сибири 30–80-е гг. Исторический опыт и современные проблемы: сб. науч. тр. Новосибирск: [б. и.], 1991. С. 49–103.
444. Давтян Л.М. Влияние социально-экономических факторов на рождаемость // Вопросы народонаселения и демографической статистики. М.: Статистика, 1966. С. 47–54.
445. Дарский Л.Е. Формирование семьи (демографо-статистическое исследование). М.: Статистика, 1972. 208 с.
446. Дашинамжилов О.Б. Городское население Западной Сибири в 1960–1980-е годы: историко-демографическое исследование. Новосибирск: Наука, 2018. 368 с.
447. Демиденко Э.С. Демографические проблемы и перспективы больших городов: урбанизация при социализме. М.: Статистика, 1980. 231 с.
448. Демографическая история Западной Сибири (конец XIX – XX в.). Новосибирск, 2017. 350 с.
449. Демографическая история России и регионов: сб. науч. тр. Новосибирск: Апельсин, 2016. Вып. I: проблемы источников. 304 с.
450. Демографическая модернизация России, 1900–2000. М.: Новое изд-во, 2006. 608 с.
451. Демографическая статистика: учеб. М.: КНОРУС, 2010. 480 с.
452. Демографическая энциклопедия / редкол.: А.А. Ткаченко и др. М.: Энциклопедия, 2013. 944 с.
453. Демографические проблемы расселения: сб. ст. Такшкент: ТашГУ, 1978. 128 с.
454. Демографические процессы в СССР, 20–80-е гг.: современ. зарубеж. историография: сб. ст. М.: ИНИОН, 1991. 125 с.
455. Демографические процессы в СССР: сб. науч. тр. М.: Наука, 1990. 211 с.
456. Демографический анализ рождаемости: сб. ст. М.: Статистика, 1974. 112 с.
457. Демографический энциклопедический словарь / гл. ред. Д.И. Валентей и др. М.: Сов. энциклопедия, 1985. 608 с.
458. Демографическое поведение и возможности социального воздействия на него в условиях социализма (по материалам междунар. науч.-практ. конф. в Вильнюсе, 1985 г.): сб. ст. М.: ИСИ, 1986. 208 с.
459. Демографическое поведение: опыт социологического изучения: сб. ст. М.: ИС, 1990. 194 с.
460. Демографическое пространство Азии: история, современность, гипотезы будущего: сб. мат-лов междунар. науч. конф. Новосибирск: Параллель, 2011. 220 с.
461. Демографическое развитие семьи: сб. ст. М.: Статистика, 1979. 191 с.
462. Демографическое развитие Сибири (прикладной и теоретический аспекты исследования): сб. науч. тр. Новосибирск: [б. и.], 1987. 141 с.
463. Демографическое развитие Сибири 30–80-е гг. Исторический опыт и современные проблемы: сб. науч. тр. Новосибирск: [б. и.], 1991. 181 с.

464. Демографическое развитие СССР в послевоенный период: советские доклады к французско-советскому семинару по проблемам демографии, Париж, декабрь 1984 г. М.: ИСИ АН СССР, 1984. 185 с.
465. Демографическое развитие Украинской ССР (1959–1970 гг.). Киев: Наук. думка, 1977. 221 с.
466. Демографическое развитие Украинской ССР (1970–1979 гг.). Киев: Наук. думка, 1987. 254 с.
467. Демография и экология крупного города. Л.: Наука, 1980. 157 с.
468. Денисов Б.П., Сакевич В.И. Аборты в России (по материалам выборочного обследования) // Доказательная медицина и клиническая эпидемиология. 2009. № 2. С. 32–37.
469. Динамика населения СССР. 1960–1980 гг. М.: Финансы и статистика, 1985. 176 с.
470. Длуговской М.Ф. Бийск. Барнаул: Алт. кн. изд.-во, 1974. 152 с.
471. Дмитриева Р.М., Андреев Е.М. Снижение смертности в СССР за годы Советской власти // Брачность, рождаемость, смертность в России и в СССР: сб. ст. М.: Статистика, 1977. С. 28–49.
472. Доббин Ф. Формирование промышленной политики: Соединенные Штаты, Великобритания и Франция в период становления железнодорожной отрасли. М.: Издат. дом Высшей школы экономики, 2013. 368 с.
473. Докучаев Г.А. Рабочий класс Сибири и Дальнего Востока в годы Великой Отечественной войны. М.: Наука, 1973. 423 с.
474. Долголюк А.А. Рост городского населения Среднего Приангарья (1955–1980 гг.) // Урбанизация советской Сибири. Новосибирск: Наука, 1987. С. 128–147.
475. Долголюк А.А. Сибирские строители в 1946–1970 гг. Новосибирск: Параллель, 2013. 476 с.
476. Долголюк А.А. Формирование трудовых коллективов Братско-Усть-Илимского ТПК. 1955–1980. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1988. 238 с.
477. Долголюк А.А., Ефимкин М.М., Ламин В.А. Трансформационные процессы в социально-индустриальной структуре Новосибирской области в XX столетии. Новосибирск: Изд-во НГУ, 2005. 297 с.
478. Долгушин А. Тюкалинские были. Очерки истории города и района. Омск: Омич, 1996. 159 с.
479. Дольская А.А. Социалистический закон народонаселения (на примере СССР). М.: Соцэкгиз, 1959. 155 с.
480. Древний город на Оби: история Сургута. Екатеринбург: Тезис, 1994. 336 с.
481. Дробижев В.З. У истоков советской демографии. М.: Мысль, 1987. 221 с.
482. Дробижев В.З., Поляков Ю.А. Народонаселение СССР и история советского общества // Вопросы истории. 1974. № 4. С. 30–38.
483. Дятчин Н.И. Промышленность Алтая: история развития, проблемы и перспективы. Барнаул: Изд-во АлтГУ им. И.И. Ползунова, 2008. 376 с.
484. Емельянов Н.Ф. Заселение русскими Среднего Приобья в феодальную эпоху. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1981. 251 с.
485. Ерошкевич Н.Г. Развитие промышленности советского Алтая. Барнаул: Алт. кн. изд-во, 1958. 120 с.
486. Ершов А.И. Туберкулез и алкоголизм. М.: Медицина, 1966. 98 с.
487. Ефимкин М.М. Источники и формы пополнения рабочих Западной Сибири в условиях развитого социализма. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1979. 157 с.
488. Ефимкин М.М. Рабочие Сибири, конец 50-х – середина 80-х годов. Новосибирск: Наука, 1990. 219 с.
489. Ефимкин М.М. Сибирская Россия. Социально-индустриальная адаптация. Новосибирск: [б. и.], 2009. 312 с.
490. Ефимкин М.М. Социальное развитие рабочего класса Сибири. 1959–1980 гг. Новосибирск: Наука, 1989. 273 с.

491. Ефимкин М.М., Ламин В.А. Сибирское демографическое пространство: формирование, развитие, перспективы // Проблемы исторической демографии Сибири: сб. науч. тр. Новосибирск: Параллель, 2010. Вып. 1. С. 3–23.
492. Железко С.Н. Население крупного города. М.: Мысль, 1986. 191 с.
493. Железко С.Н. Социально-демографические проблемы в зоне БАМа. М.: Статистика, 1980. 183 с.
494. Жемеров В.Г. Славгород. Барнаул: Алт. кн. изд-во, 1972. 91 с.
495. Жизнедеятельность семьи: тенденции и проблемы. М.: Наука, 1990. 128 с.
496. Жиромская В.Б. Городское население Советской страны в первые годы нэпа: изменение численности, возрастно-полового состава // Проблемы исторической демографии СССР: сб. науч. тр. Киев: Наук. думка, 1988. С. 96–101.
497. Жиромская В.Б. Демографическая история России в 1930-е гг. Взгляд в неизвестное. М.: РОССПЭН, 2001. 280 с.
498. Жиромская В.Б. Жизненный потенциал послевоенных поколений в России: историко-демографический аспект: 1946–1960. М.: РГГУ, 2009. 311 с.
499. Жиромская В.Б. Основные тенденции демографического развития России в XX веке. М.: Кучково поле; Союз семей военнослужащих России, 2012. 320 с.
500. Журавлева И.В., Левыкин И.Т. Образ жизни и региональные особенности отношения к здоровью // Социальные проблемы здоровья и продолжительности жизни: сб. ст. М.: ИС АН СССР, 1989. С. 6–25.
501. Журавлева Н.И. Антисоветизм буржуазной демографии. М.: Мысль, 1987. 189 с.
502. Заболотская К.А. Изменение численности населения в угледобывающих районах Сибири // Исторический опыт социально-демографического развития Сибири: тез. докл. и сообщ. Всесоюз. науч. конф. (12–14 дек. 1989 г.). Новосибирск, 1989. Вып. 2. Социально-демографическое развитие советской Сибири. С. 64–65.
503. Заболотская К.А. Угольная промышленность Сибири (конец 1890 – начало 1990-х гг.). Историческое исследование. Кемерово: Кузбассвуиздат, 1995. 342 с.
504. Заболотская К.А., Бельков А.В. Демографические тенденции индустриального Кузбасса (конец XIX – начало XXI в.) // Гуманитарные науки в Сибири. 2012. № 4. С. 22–26.
505. Заболотская К.А., Бельков А.В. Миграционные процессы на территории Кемеровской области в советский и постсоветский период (20-е гг. XX в. – начало второго десятилетия XXI в.) // Проблемы исторической демографии Сибири: сб. науч. тр. Вып. IV. Новосибирск: Параллель, 2015. С. 112–134.
506. Заболотская К.А., Бельков А.В. Население Кузбасса в 20-е гг. XX в. – первом десятилетии XXI в. // Проблемы исторической демографии Сибири: сб. науч. тр. Новосибирск: Параллель, 2013. Вып. 3. С. 90–106.
507. Загробская А.Ф. Миграция, воспроизводство и уровень образования населения. Киев: Наук. думка, 1982. 178 с.
508. Заиграев Г.Г. Борьба с алкоголизмом: проблемы, пути решения. М.: Мысль, 1986. 157 с.
509. Зайончковская Ж.А. Домой в Россию // ЭКО. 1993. № 1. С. 81–88.
510. Зайончковская Ж.А. Зачем и как прогнозировать миграцию // Поиск ведут демографы. М.: Мысль, 1985. С. 88–96.
511. Зайончковская Ж.А. Новоселы в городах (методы изучения приживаемости). М.: Статистика, 1972. 164 с.
512. Зайончковская Ж.А., Переведенцев В.И. Современная миграция населения Красноярского края. Новосибирск: ИЭиОПП СО АН СССР, 1964. 105 с.
513. Зайцев В.Д. Проблемы моделирования миграции населения // Миграция населения РСФСР: сб. науч. тр. М.: Статистика, 1973. 167 с.
514. Занданова Л.В. Переселение крестьянства в Азиатскую Россию: конец 40-х – середина 60-х гг. XX в. Иркутск: Изд-во ИГУ, 1997. 157 с.

515. Занданова Л.В., Урожаева Т.П. Миграции как фактор формирования населения молодых индустриальных городов Приангарья в 70–80-е гг. XX века // Проблемы исторической демографии Сибири: сб. науч. тр. Новосибирск: Параллель, 2013. Вып. III. С. 176–188.
516. Захаров С. Перспективы рождаемости в России: второй демографический переход // Отечественные записки. 2005. № 3. С. 124–140.
517. Захарова О.Д. Эволюция рождаемости в России в XX веке. М.: [б. и.], 1993. 130 с.
518. Зверев В.А. «Ну, посчитаемся своими». Демографические и миграционные процессы в Азиатской России XIX – начала XX в. // Проблемы исторической демографии Сибири: сб. науч. тр. Новосибирск: Параллель, 2011. Вып. 2. С. 42–68.
519. Зверев В.А. Люди детные: воспроизводство населения сибирской деревни в конце имперского периода. Новосибирск: НГПУ, 2014. 278 с.
520. Зверев В.А. Первая фаза демографического перехода на пространстве Азиатской России: «старожильческая» и «переселенческая» модели // Демографическое пространство Азии: история, современность, гипотезы будущего: сб. мат-лов междунар. науч. конф. Новосибирск: Параллель, 2011. С. 92–100.
521. Зверев В.А., Бурматов А.А. Народонаселение Барабы в 1925–1940 годах. Новосибирск: НГПУ, 2019. 278 с.
522. Звидриньш П.П., Звидриня М.А. Население и экономика. М.: Мысль, 1987. 126 с.
523. Земсков В.Н. Спецпоселенцы в СССР, 1930–1960. М.: Наука, 2003. 306 с.
524. Зыков С.С. Вопросы развития городов Сибири (некоторые экономические факторы развития городов) // Известия Сибирского отделения АН СССР. 1964. № 1. С. 63–69. (Сер.: Общественные науки; вып. 1).
525. Зюзин Д.И. Мотивы потенциальной мобильности сельской молодежи республик Средней Азии // Проблемы воспроизводства и миграции населения: сб. ст.: в 2 разд. М.: ИСИ, 1981. Разд. I. С. 187–195.
526. Ивонин А.Р. Западносибирский город последней четверти XVIII – 60-х гг. XIX в.: опыт историко-демографического исследования. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2000. 335 с.
527. Изучение воспроизводства населения: сб. науч. тр. М.: Наука, 1968. 333 с.
528. Индустриальное освоение Сибири: опыт послевоенных пятилеток. 1946–1960 гг. Новосибирск: Наука, 1989. 312 с.
529. Ионцев В.А. Международная миграция населения: теория и история изучения. М.: Диалог-МГУ, 1999. 370 с.
530. Исаев В.И. Быт рабочих Сибири. 1926–1937 гг. Новосибирск: Наука. Сиб. отделение, 1988. 240 с.
531. Исаев В.И., Московский А.С., Николаев А.А. Социальные и географические источники роста городского населения Сибири в период социалистической индустриализации // Хозяйственное освоение Сибири и рост ее народонаселения (XVIII–XX вв.): Бахрушин. чтения 1979 г.: сб. науч. тр. Новосибирск: НГУ, 1979. С. 3–11.
532. Исаев В.И., Московский А.С., Николаев А.А. Формирование городского населения Сибири в период строительства социализма // Проблемы исторической демографии СССР: сб. ст. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1980. С. 66–77.
533. Историческая энциклопедия Кузбасса: в 3 т. Кемерово: [б. и.], 1996. Т. 1. 391 с.
534. Историческая энциклопедия Сибири: в 3 т. Новосибирск: Ист. наследие Сибири, 2009. Т. 1 (А–И). 715 с.
535. Историческая энциклопедия Сибири: в 3 т. Новосибирск: Ист. наследие Сибири, 2009. Т. 2 (К–Р). 807 с.
536. Историческая энциклопедия Сибири: в 3 т. Новосибирск: Ист. наследие Сибири, 2009. Т. 3 (С–Я). 784 с.
537. Исторический опыт социально-демографического развития Сибири: тез. докл. и сообщ. Всесоюз. науч. конф. (12–14 дек. 1989 г.). Вып. 2. Социально-демографическое развитие советской Сибири. Новосибирск: [б. и.], 1989. 121 с.

538. История Германии: уч. пос.: в 3 т. М.: КДУ, 2008. Т. 2. От создания Германской империи до начала XXI века. 672 с.
539. История Дальнего Востока России. Владивосток: ИИАЭ ДВО РАН, 2018. Т. 3, кн. 5. 902 с.
540. История Дальнего Востока СССР (от эпохи первобытнообщинных отношений до наших дней): в 4 т. Владивосток [б. и.], 1979. Кн. 10. Советский Дальний Восток в период совершенствования развитого социалистического общества в СССР (1959–1970 гг.). 290 с. (ДСП).
541. История Казахской ССР (с древнейших времен до наших дней): в 5 т. Алма-Ата: Наука, 1980. Т. V. 596 с.
542. История Киргизской ССР: с древнейших времен до наших дней: в 5 т. Фрунзе: Кыргызстан, 1990. Т. 4. Киргизия в 1938–1960 гг. 480 с.
543. История Кузбасса: в 3 ч. Кемерово: Кн. изд-во, 1967–1970. Ч. 1: История Кузбасса с древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции. Ч. 2: История Кузбасса от Великой Октябрьской социалистической революции до начала социалистической индустриализации. 378 с.
544. История Кузбасса: уч. пос. Кемерово: КТИПП, 2010. 212 с.
545. История Кузбасса: уч. пос. Кемерово: Кузбасс, Скиф, 2004. 352 с.
546. История переписей населения в России. М.: Голден-Би, 2013. 428 с.
547. История промышленности Новосибирска. Новосибирск: Историческое наследие Сибири, 2004. Т. 2. Время вперед (1918–1940). 651 с.
548. История промышленности Новосибирска. Новосибирск: Историческое наследие Сибири, 2004. Т. 3. Второй фронт (1941–1945). 736 с.
549. История промышленности Новосибирска. Новосибирск: Историческое наследие Сибири, 2005. Т. 4. Запас прочности (1946–1985). 624 с.
550. История промышленности Новосибирска. Новосибирск: Историческое наследие Сибири, 2005. Т. 5. Новый отчет (1986–2005). 655 с.
551. История Сибири с древнейших времен до наших дней: в 5 т. Л.: Наука, 1968. Т. 2. Сибирь в составе феодальной России. 540 с.
552. История Сибири с древнейших времен до наших дней: в 5 т. Л.: Наука, 1968. Т. 3. Сибирь в эпоху капитализма. 530 с.
553. История Сибири с древнейших времен до наших дней: в 5 т. Л.: Наука, 1968. Т. 4. Сибирь в период строительства социализма. 501 с.
554. История Сибири с древнейших времен до наших дней: в 5 т. Л.: Наука, 1969. Т. 5. Сибирь в период завершения строительства социализма и постепенного перехода к коммунизму (1937–1965 гг.). 470 с.
555. История социалистической экономики СССР: в 7 т. М.: Наука, 1980. Т. 7. Экономика СССР на этапе развитого социализма (1960–1970 гг.). 718 с.
556. История Ямала: в 2 т. Екатеринбург: Баско, 2010. Т. 2. Ямал современный: в 2 кн. Кн. 1. У истоков модернизации. 367 с.
557. История Ямала: в 2 т. Екатеринбург: Баско, 2010. Т. 2. Ямал современный в 2 кн. Кн. 2. Индустриальное развитие. 327 с.
558. Источниковедение истории СССР: учеб./ под ред. И.Д. Ковальченко. М.: Высшая школа, 1973. 560 с.
559. Исупов В.А. Городское население Сибири: от катастрофы к возрождению (конец 30-х – конец 50-х гг.). Новосибирск: Наука, 1991. 291 с.
560. Исупов В.А. Демографические катастрофы и кризисы в России в первой половине XX века: историко-демографические очерки. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2000. 244 с.
561. Исупов В.А. История Западной Сибири в контексте демографической модернизации: первая половина XX столетия // Демографическое пространство Азии: история, современность, гипотезы будущего: сб. мат-лов междунар. науч. конф. Новосибирск: Параллель, 2014. Вып. 3. С. 5–15.

562. Исупов В.А. Социальные перемещения в Сибири в годы Второй мировой войны: динамика и масштабы. Новосибирск: Параллель, 2015. 278 с.
563. Исупов В.А. Статистические источники по демографической истории России периода Великой Отечественной войны: доклад на пленарном заседании I Международной научной конференции по исторической демографии и исторической географии. Сыктывкар [б. и.], 2011. 20 с.
564. Исупов В.А. Эпидемиологический переход в России: взгляд историка // Демографическое обозрение. 2016. № 4. С. 82–92.
565. Ишим: исторические очерки. Ишим: Изд-во ИГПИ, 1993. 256 с.
566. Кабо Р.М. Города Западной Сибири: очерки историко-экономической географии (XVII – первая половина XIX в.). М.: Гос. изд-во географ. лит., 1949. 217 с.
567. Кабузан В.М. Изменения в размещении населения России в XVIII – первой половине XIX в.: по материалам ревизий. М.: Наука, 1971. 190 с.
568. Кабузан В.М. Украинцы в мире: динамика численности и расселения. 20-е годы XVIII века – 1989 год: формирование этнических и политических границ украинского этноса. М.: Наука, 2006. 658 с.
569. Кадников В.В. Региональная система расселения в северных районах Западной Сибири // Градостроительные проблемы Севера: тезисы докладов к координационному совещанию по совершенствованию планировки и застройки населенных мест в Северной строительной-климатической зоне (Мурманск, сентябрь 1971 г.). Л.: Стройиздат, 1971. С. 71–75.
570. Казанцев Ю.И. Рабочие Сибири (60 – середина 80-х гг.). Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1992. 175 с.
571. Казеннов С. Динамика смертности населения в пожилых возрастах // Продолжительность жизни: сб. ст. М.: Статистика, 1974. С. 32–39.
572. Калинин И.В. Возрастная структура населения СССР. М.: Статистика, 1975. 112 с.
573. Камерон Р. Краткая экономическая история мира. От палеолита до наших дней. М.: РОССПЭН, 2001. 544 с.
574. Карпов В.П., Колева Г.Ю., Гаврилова Н.Ю., Комгорт М.В. Западно-Сибирский нефтегазовый проект: от замысла к реализации. Тюмень: ТюмГНГУ, 2011. 392 с.
575. Карпунина И.Б. Демографическая характеристика трудовых ресурсов западносибирского села в 60–80-е гг. // Народонаселенческие процессы в региональной структуре России XVIII–XX вв: мат-лы междунар. науч. конф. 19–21 марта 1996. Новосибирск: НИИ Систем, 1996. С. 177–179.
576. Карпунина И.Б., Мелентьева А.П. Занятость сельского населения Западной Сибири в 1960–1990-х гг.: демографический и социально-экономический аспекты // Проблемы исторической демографии Сибири: сб. науч. тр. Новосибирск: Параллель, 2010. Вып. I. С. 206–222.
577. Карпунина И.Б., Мелентьева А.П. Сельско-городская миграция в Западной Сибири в 1960–1980-е гг.: факторы и последствия // Миграционные процессы в азиатской России в XIX – начале XXI в.: сб. науч. тр. Новосибирск: Параллель, 2009. С. 153–172.
578. Карпунина И.Б., Мелентьева А.П., Ильиных В.А. Сельское население Западной Сибири в 1960–1980-е гг. (факторы, тенденции и результаты социально-демографической адаптации). Новосибирск: ГУП РПО СО РАСХН, 2003. 191 с.
579. Касимовский Е. Трудовые ресурсы СССР в девятой пятилетке // Народонаселение: население и трудовые ресурсы: сб. ст. М.: Статистика, 1973. С. 3–16.
580. Кваша А.Я. Демографическая политика в СССР. М.: Финансы и статистика, 1981. 200 с.
581. Кваша А.Я. Проблемы экономико-демографического развития СССР. М.: Статистика, 1974. 180 с.
582. Кваша А.Я. Что такое демография? М.: Мысль, 1985. 126 с.

583. Кваша А.Я., Киселева Г.П. Влияние возрастной структуры на рост населения СССР // Проблемы народонаселения. М.: Статистика, 1973. С. 38–48.
584. Кембриджская экономическая история Европы Нового и Новейшего времени. М.: Изд-во Института Гайдара, 2013. Т. 2: 1870 – наши дни. 624 с.
585. Кирьянов Ю.И. Жизненный уровень рабочих России (конец XIX – начало XX в.). М.: Наука, 1979. 287 с.
586. Киселева Г.П. Нужно ли повышать рождаемость? М.: Статистика, 1979. 103 с.
587. Киселева Г.П., Кваша А.Я. О чем рассказывают переписи населения. М.: Финансы и статистика, 1983. 103 с.
588. Киселева Г.П., Синельников А.Б. Эволюция брачно-семейной структуры населения СССР в послевоенный период // Демографическое развитие СССР в послевоенный период: советские доклады к французско-советскому семинару по проблемам демографии, Париж, декабрь 1984 г. М.: ИСИ АН СССР, 1984. С. 25–47.
589. Кисельников А.А., Бессонова Г.А., Харченко Л.П. Население Новосибирской области: Информационное издание. Т. 1. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2005. 544 с.
590. Кисельников А.А., Бессонова Г.А., Харченко Л.П. Население Новосибирской области: Информационное издание. Новосибирск: [б. и.], 2007. Т. 2. 560 с.
591. Кларк Г. Прощай, нищета! Краткая экономическая история мира. М.: Издательство Института Гайдара, 2012. 544 с.
592. Клупт М.А. Демография регионов Земли. СПб.: Питер, 2008. 346 с.
593. Кожевникова Н.И., Морозова Г.Ф., Тарасова Н.В. Характерные черты и факторы миграции населения РСФСР // Особенности миграции населения в союзных республиках. М.: ИСИ АН СССР, 1978. (ДСП) С. 6–15.
594. Кожурин В.С., Погодин С.А. Изменения численности городского населения СССР в 1939–1979 годах // История СССР. 1980. № 6. С. 133–137.
595. Козлов Б.А. Белово. Кемерово: Кн. изд-во, 1974. 128 с.
596. Козлов В.И. Национальности СССР: этнодемографический обзор. М.: Финансы и статистика, 1982. 303 с.
597. Колева Г.Ю. Западно-Сибирский нефтегазодобывающий район: экономическое и социальное развитие (1960–2000-е гг.). Тюмень: Вектор Бук, 2010. 258 с.
598. Колесников А.Д. Русское население Западной Сибири в XVIII – начале XIX в. Омск: Зап.-Сиб. кн. изд-во. Ом. отд-ние, 1973. 440 с.
599. Колесников А.Д., Долгушин А.П., Алексеенко С.А. и др. Города Омской области. Омск, 1985. 128 с.
600. Коллиер П. Исход: как миграция изменяет наш мир. М.: Изд-во Института Гайдара, 2016. 384 с.
601. Комгорт М.В. «Сценарии» индустриального развития Обского Севера накануне «нефтегазовой революции» // Региональные аспекты цивилизационного развития российского общества в XX столетии: проблемы индустриализации и урбанизации: мат-лы межрег. науч. конф. 6–7 июня 2013 года. Новосибирск: Параллель, 2013. С. 103–109.
602. Комогорцев И.И. Промышленность и рабочий класс Сибири в период строительства коммунизма (1959–1965 гг.). Новосибирск: Наука, 1971. 310 с.
603. Комогорцев И.И. Сибирь индустриальная. Новосибирск: Зап.-Сиб. кн. изд-во, 1968. 183 с.
604. Конев Е.В. Влияние советской идеологии на бывших депортированных немцев в местах некомпактного проживания в Западной Сибири в 60–80-е гг. XX в. // Начальный период Великой Отечественной войны и депортация российских немцев: взгляды и оценки через 70 лет: мат-лы 3 междунар. науч.-практ. конф. (26–28 августа 2011 г.). М.: МСНК-пресс, 2011. С. 810–822.
605. Копылов Д.И., Прибыльский Ю.П. Тобольск. Тюмень: Вектор Бук, 2007. 374 с.
606. Корель Л.В. Перемещения населения между городом и селом в условиях урбанизации. Новосибирск: Наука, 1982. 192 с.

607. Корнилов Г.Е. Демографическая ситуация на Урале в середине 1930-х гг. // Гуманитарные науки в Сибири. 2016. № 4. С. 60–66.
608. Корнилов Г.Е. Демографические катастрофы в XX веке на Урале // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 2016. № 1. С. 490–502.
609. Корнилов Г.Е. Миграционное движение и формирование населения Урала в первой половине XX в. // Уральский исторический вестник. 2012. № 2. С. 48–57.
610. Корнилов Г.Е. Уральская деревня в период Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1990. 221 с.
611. Коробейникова Н.С. Обратная сторона войны: брак, семья и рождаемость в городах Западной Сибири в годы Второй мировой войны (1939–1945 гг.). Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2016. 224 с.
612. Кот Н.Г. Миграция населения Тюменской области // Проблемы социального развития: сб. науч. тр. Тюмень: [б. и.], 1969. Ч. 1. С. 87–91.
613. Коул Э. Снижение рождаемости в Европе со времен французской революции до второй мировой войны // Брачность, рождаемость, семья за три века: сб. ст. М.: Статистика, 1979. С. 71–97.
614. Кочедамов В.И. Первые русские города Сибири. М: Стройиздат, 1978. 187 с.
615. Красильников С.А. Серп и Молох: крестьянская ссылка в Западной Сибири в 1930-е годы. М.: РОССПЭН, 2009. 343 с.
616. Красинец Е.С. Международная миграция населения в России в условиях перехода к рынку. М.: Наука, 1997. 191 с.
617. Крестьянство и сельское хозяйство Сибири. 1960–1980-е гг. Новосибирск: Наука, 1991. 493 с.
618. Крузе Э.Э. Условия труда и быта рабочего класса России в 1900–1914 гг. Л.: Наука, 1981. 143 с.
619. Ксенофонтова Н.Ю. Некоторые тенденции младенческой смертности в последнее десятилетие // Демографические процессы в СССР: сб. науч. тр. М.: Наука, 1990. С. 116–134.
620. Куда и зачем едут люди: сб. ст. М.: Статистика, 1979. 111 с.
621. Кузнецов А.Д. Трудовые ресурсы СССР и их использование. М.: Изд-во соц.-эк. лит-ры, 1960. 176 с.
622. Кузнецов Я. Мариинск. Кемерово: Кемеров. кн. изд-во, 1960. 51 с.
623. Кузнецова Я.А. Роль миграции в формировании населения Западной Сибири в 1970–1980-е гг. (на примере Новосибирской области) // Проблемы исторической демографии Сибири: сб. науч. тр. Новосибирск: Апельсин, 2015. Вып. IV. С. 335–346.
624. Куксанова Н.В. Социально-бытовое развитие городов Сибири в 1960–1970-е гг.: уч. пос. Новосибирск: [б. и.], 1994. 100 с.
625. Куркин П.И. Рождаемость и смертность в капиталистических государствах Европы. М.: Союзоргучет, 1938. 87 с.
626. Курман М.В. Актуальные вопросы демографии. Демографические процессы в СССР в послевоенный период. М.: Статистика, 1976. 220 с.
627. Курман М.В., Лебединский И.В. Население большого социалистического города. М.: Статистика, 1968. 20 с.
628. Кутафьева Э.С., Трудова М.Г. Миграция и трудовые ресурсы (на примере Центрального экономического района) // Миграция населения РСФСР: сб. науч. тр. М.: Статистика, 1973. С. 133–152.
629. Куцев Г.Ф. Новые города (социологический очерк на материалах Сибири). М.: Мысль, 1982. 269 с.
630. Кышпанакоев В.А. Население и трудовые ресурсы Хакасии. Абакан: Краснояр. кн. изд-во. Хакас. отд-ние, 1989. 185 с.
631. Лабутова Т.С. Программа переписи и методологические основы ее проведения // Всесоюзная перепись населения 1979 года: сб. ст. М.: Финансы и статистика, 1984. 232 с.

632. Ламин В.А. Императивы демографического развития Сибири // Социально-демографическое развитие Сибири в XX столетии. Новосибирск: Институт истории СО РАН, 2003. Вып. 1. С. 10–34.
633. Ламин В.А. Ключи к двум океанам. Хабаровск: Хабаров. книж. изд-во, 1980. 256 с.
634. Ламин В.А. Формирование рабочих коллективов в новых промышленных районах Сибири // Численность и состав рабочих Сибири в условиях развитого социализма (1959–1975 гг.). Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1977. С. 182–188.
635. Ламин В.А., Ефимкин М.М. Население восточных районов России в глобальных демографических процессах // Миграционные процессы в азиатской России в XIX – начале XXI в.: сб. науч. тр. Новосибирск: Параллель, 2009. С. 201–211.
636. Лапердин В.Б. Последствия голода 1946–1947 гг. в Омской области // Гуманитарные науки в Сибири. 2013. № 4. С. 38–42.
637. Лапердин В.Б. Смертность населения Западной Сибири в послевоенные годы (1946–1950 гг.) // Проблемы исторической демографии Сибири: сб. науч. тр. Новосибирск: Параллель, 2011. Вып. II. С. 180–191.
638. Лаппо Г.М. Развитие городских агломераций в СССР. М.: Наука, 1978. 152 с.
639. Лаппо Г.М. Рассказы о городах. М.: Мысль, 1976. 219 с.
640. Левицкий Е.М. Экономико-статистическое исследование воспроизводства населения Сибири и Дальнего Востока на основе таблиц продолжительности жизни. Новосибирск: Изд-во СО АН СССР, 1962. 142 с.
641. Ливи Баччи М. Демографическая история Европы. СПб.: Alexandria, 2010. 298 с.
642. Лисицын Ю.П., Копыт Н.Я. Алкоголизм: Социально-гигиенические аспекты. М.: Медицина, 1983. 263 с.
643. Литература о народонаселении: библиограф. указ. (1983–1993 гг.). М.: Диалог-МГУ, 1998. 124 с.
644. Литература о народонаселении: библиограф. указ. (1994–2000 гг.). М.: Макс Пресс, 2002. 133 с.
645. Литература о населении: библиограф. указ. (1975–1978 гг.). М.: Статистика, 1981. 255 с.
646. Литература о населении: библиограф. указ. (1979 – первая пол. 1983 гг.). М.: Мысль, 1987. 286 с.
647. Литовка О.П. Проблемы пространственного развития урбанизации. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1976. 99 с.
648. Лоткин И.В. Прибалтийская диаспора Сибири: история и современность: уч. пос. Омск: ОмГУ, 2003. 163 с.
649. Любовный В.Я. Монопрофильные города России: истоки, эволюция развития и регулирования. М.: Экон-Информ, 2018. 445 с.
650. Майков А. Основные направления миграции и совершенствование территориального перераспределения трудовых ресурсов (по данным РСФСР) // Народонаселение. М.: Статистика, 1973. С. 27–42.
651. Майков А.З. Эффективность сельскохозяйственного переселения // Миграция населения РСФСР: сб. науч. тр. М.: Статистика, 1973. С. 79–87.
652. Макарова Л.В. Миграционные процессы в СССР в послевоенный период // Демографическое развитие СССР в послевоенный период: советские доклады к французско-советскому семинару по проблемам демографии, Париж, декабрь 1984 г. М.: ИСИ АН СССР, 1984. С. 109–127.
653. Макарова Л.В., Морозова Г.Ф., Тарасова Н.В. Региональные особенности миграционных процессов в СССР. М.: Наука, 1986. 120 с.
654. Макиевский Г.М. Рабочие Восточной Сибири на пути к развитому социализму. Красноярск: Кн. изд-во, 1980. 206 с.

655. Максимов Г. Город, строящий города. Новосибирск: Новосиб. кн. изд-во, 1990. 176 с.
656. Малинин Е.Д., Ушаков А.К. Население Сибири. М.: Статистика, 1976. 166 с.
657. Малый город. Социально-демографическое исследование небольшого города. М.: МГУ, 1972. 247 с.
658. Мангатаева Д.Д. Население Бурятии: тенденции формирования и развития. Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 1995. 131 с.
659. Мандрик А.Т., Ткачева Г.А. Развитие промышленности и транспорта на Дальнем Востоке в 70-е гг. XX в. // История промышленного развития советского Дальнего Востока (период социализма). Владивосток: [б. и.], 1979. С. 98–120.
660. Марков Е.М., Бутузова В.П., Таратынов В.А. Малые города в системах расселения. М.: Стройиздат, 1980. 196 с.
661. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 1–39. Изд. 2-е. М.: Изд-во полит. лит-ры, 1955. Т. 2. С. 231–517.
662. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 1–39. Изд. 2-е. М.: Изд-во полит. лит-ры, 1960. Т. 23. С. 382–515.
663. Марксистско-ленинская теория народонаселения. М.: Мысль, 1974. 415 с.
664. Матвеев Ю.А. Организованный набор как одна из основных форм планового перераспределения рабочей силы // Миграция населения РСФСР: сб. науч. тр. М.: Статистика, 1973. С. 62–78.
665. Медков В.М. Демография: учеб. пос. Ростов н/Д: Феникс, 2002. 448 с. (Сер.: Учебники и учебные пособия).
666. Мерков А.М. Демографическая статистика (статистика населения). Краткое пособие для врачей. М.: Гос. изд-во мед. лит-ры, 1959. 188 с.
667. Мерфи Р. Американский город. М.: Прогресс, 1972. 320 с.
668. Метелев И.С. Миграционные процессы и экономическое освоение Азиатской России. Прошлое, настоящее и будущее. М.: Гуманитарий, 2012. 196 с.
669. Миграции населения Азиатской России: конец XIX – начало XX в. Новосибирск: Параллель, 2011. 392 с.
670. Миграционная подвижность населения в СССР. М.: Статистика, 1974. 160 с.
671. Миграционная ситуация в странах СНГ: сб. ст. М.: [б. и.], 1999. 287 с.
672. Миграционные процессы в азиатской России в XIX – начале XXI в.: сб. науч. тр. Новосибирск: Параллель, 2009. 261 с.
673. Миграционные процессы в Азиатско-Тихоокеанском регионе: история, современность, практики взаимодействия и регулирования: сб. тр. междунар. науч.-практ. конф., 10–12 ноября 2015 г. Владивосток: ДФУ, 2015. 256 с.
674. Миграционные процессы в трансформируемом обществе: сб. ст. М.: Эпикон, 1997. 116 с.
675. Миграция населения в больших городах СССР и стран Восточной Европы. М.: Наука, 1990. 102 с.
676. Миграция населения РСФСР: сб. науч. тр. М.: Статистика, 1973. 167 с.
677. Миграция сельского населения. М.: Мысль, 1970. 348 с.
678. Миграция сельского населения: цели, задачи и методы регулирования. Новосибирск: ИЭиОПП СО АН СССР, 1969. 127 с.
679. Миненко Н.А. Русская крестьянская семья в Западной Сибири (XVIII – первая половина XIX в.). Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1979. 350 с.
680. Миронов Б.Н. Российская империя: от традиции к модерну: в 3 т. СПб.: Дмитрий Буланин, 2015. Т. 3. 992 с.
681. Миронов Б.Н. Русский город в 1740–1860-е годы: демографическое, социальное и экономическое развитие. Л.: Наука, 1990. 272 с.

682. Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.). Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. СПб.: [б. и.], 2003. Т. 1. 547 с.
683. Мисевич К.Н., Рященко С.В. Географическая среда и условия жизни населения Сибири. Новосибирск: Наука, 1988. 120 с.
684. Мисевич К.Н., Чуднова В.И. Население районов современного промышленного освоения севера Западной Сибири. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1973. 209 с.
685. Митупов К.Б.-М., Горковенко О.Н. Социальные и демографические процессы в Бурятии на рубеже XX–XXI вв. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2014. 164 с.
686. Михеева А.Р. Сельская семья в Сибири: жизненный цикл и благосостояние. Новосибирск: ИЭИОПП, 1993. 156 с.
687. Модернизация Сибири в человеческом измерении: опыт XX столетия: сб. науч. тр. Новосибирск: Манускрипт, 2014. 236 с.
688. Моисеев В.А. Змеиногорск в 60 – первую половину 80-х гг. XX века // История Змеиногорска. XX век. Барнаул: Издание управления архивного дела администрации Алтайского края – Аз-Бука, 2007. С. 179–203.
689. Моисеенко В.М. Территориальное движение населения. Характеристика и проблемы управления. М.: Мысль, 1985. 120 с.
690. Мокир Д. Рычаг богатства. Технологическая креативность и экономический прогресс. М.: Изд-во Института Гайдара, 2014. 504 с.
691. Мордва: Историко-культур. очерки. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1995. 624 с.
692. Москвин Д.Д. Население СССР: вопросы миграции (экономико-статистический обзор тенденций 60-х – 80-х гг.). М.: Наука, 1991. 160 с.
693. Московский А.С. Промышленное освоение Сибири в период социализма (1917–1937 гг.). Историко-экономический очерк. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1975. 263 с.
694. Московский А.С. Рост городского населения Сибири в годы первой пятилетки // Известия Сибирского отделения АН СССР. 1966. № 5. С. 73–79. (Сер.: Общественные науки; вып. 2).
695. Московский А.С., Исупов В.А. Формирование городского населения Сибири (1926–1939 гг.). Новосибирск: Наука, 1984. 168 с.
696. Мотревич В.П. Историческая демография России: уч. пос. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2000. 168 с.
697. Мулляджанов И.Р., Вороновский Ю.В., Цепковская Т.С. Население Узбекской ССР. Ташкент: Узбекистан, 1973. 138 с.
698. Мур-младший Б. Социальные истоки диктатуры и демократии: Роль помещика и крестьянина в создании современного мира. М.: Издат. дом Высшей школы экономики, 2016. 488 с.
699. Мытарев А.А., Добрынин И.А. Проблемы географии населения и рационального использования трудовых ресурсов Кузбасса. Новокузнецк: [б. и.], 1972. 121 с.
700. Мэддисон Э. Контуры мировой экономики в 1–2030 гг. Очерки по макроэкономической истории. М.: Изд-во Института Гайдара, 2012. 584 с.
701. Мякиненков В.М. Экономические проблемы расселения и районной планировки на Севере. Л.: Стройиздат. Ленингр. отд-ние, 1983. 115 с.
702. Народонаселение. Население и трудовые ресурсы: сб. ст. М.: Статистика, 1973. 112 с.
703. Народонаселение: сб. ст. М.: Статистика, 1973. 79 с.
704. Народонаселенческие процессы в региональной структуре России XVIII–XX вв.: мат-лы междунар. науч. конф. (10–21 марта 1996 г.). Новосибирск: [б. и.], 1996. 214 с.
705. Население Западной Сибири в XX веке. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 1997. 171 с.
706. Население и трудовые ресурсы РСФСР: сб. ст. М.: Финансы и статистика, 1982. 120 с.

707. Население и трудовые ресурсы советской деревни (1917–1984 гг.): Материалы XX сес. Всесоюзн. симпоз. по изуч. пробл. аграр. истории. Таллин: АН ЭССР, 1987. 226 с.
708. Население Казахстана в 1959–1970 гг. (структурные сдвиги и их оценка). Алма-Ата: Наука, 1975. 159 с.
709. Население России в 1920–1950-е годы: численность, потери, миграции: сб. науч. тр. М.: [б. и.], 1994. 223 с.
710. Население России в XX веке: исторические очерки: в 3 т. М.: РОССПЭН, 2000–2012.
711. Население России в XX веке: исторические очерки: в 3 т. М.: РОССПЭН, 2001. Т. 2. 1940–1959 гг. 415 с.
712. Население России в XX веке: исторические очерки: в 3 т. М.: РОССПЭН, 2005. Т. 3, кн. 1. 1960–1979 гг. 304 с.
713. Население России в XX веке: исторические очерки: в 3 т. М.: РОССПЭН, 2011. Т. 3, кн. 2. 1980–1990 гг. 295 с.
714. Население России в XX веке: исторические очерки: в 3 т. М.: РОССПЭН, 2012. Т. 3, кн. 3. 1991–2000 гг. 396 с.
715. Население Советского Союза: 1922–1991 гг. М.: Наука, 1993. 143 с.
716. Население союзных республик: сб. ст. М.: Статистика, 1977. 327 с.
717. Население СССР за 70 лет. М.: Наука, 1988. 216 с.
718. Население Урала. XX век. История демографического развития. Екатеринбург: Екатеринбург, 1996. 209 с.
719. Население, трудовые ресурсы и уровень жизни в Западной Сибири (1959–1970 гг.). Новосибирск: [б. и.], 1970. Ч. 1. (ДСП) 238 с.
720. Наши города. Кемерово: Кемеров. кн. изд-во, 1990. 140 с.
721. Немцов А.В. Алкогольная история России: Новейший период. М.: ЛИБРОКОМ, 2009. 320 с.
722. Немцов А.В. Алкогольная смертность в России: масштаб и география проблемы // Алкогольная катастрофа и возможности государственной политики в преодолении алкогольной сверхсмертности в России. М.: URSS, 2008. С. 78–84.
723. Немцов А.В. Алкогольный урон регионов России. М.: NALEX, 2003. 136 с.
724. Неравенство и смертность в России. М.: Сигналь, 2000. 107 с.
725. Ноздрин Н.Н. Миграционные процессы в районе нового освоения (на примере КАТЭКа). Препринт. М.: ВНИИСИ, 1985. 90 с.
726. Нягань: город на историческом фоне Нижнего Приобья. Екатеринбург: [б. и.], 1995. 145 с.
727. Оглы Б.И. Строительство городов Сибири. Л.: Стройиздат, 1980. 272 с.
728. Омельчук А.К. Салехард: Свердловск: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1978. 112 с.
729. Омран А. Эпидемиологический аспект теории естественного движения населения // Проблемы народонаселения. О демографических проблемах стран Запада: сб. перевод. ст. М.: Прогресс, 1977. С. 57–91.
730. Орлов Б.П. Сибирь: шаги индустрии. М.: Советская Россия, 1988. 256 с.
731. Орлова С.В. К вопросу о формировании экологических проблем в 20–80-е гг. XX в. и их влиянии на состояние здоровья населения // Актуальные проблемы новейшей отечественной истории: сб. науч. тр. Кемерово: Кузбассиздат, 2007. С. 131–138.
732. Особенности миграции населения в союзных республиках (ДСП). М.: ИСИ АН СССР, 1978. 206 с.
733. Островский Л.К. Поляки в Западной Сибири (1890-е – 1930-е гг.). Новосибирск: НГАСУ, 2011. 460 с.
734. От Березово до Ямбурга: 45 лет газовой промышленности Западной Сибири. Тюмень: ТюмГНГУ, 2011. 180 с.
735. От Урала до Енисея (народы Западной и Средней Сибири). Томск: ТГУ, 1995. Кн. 1. 186 с.

736. Отношение человека к здоровью и продолжительность жизни. М.: ИС АН СССР, 1989. 63 с.
737. Охрана окружающей среды: учеб. для техн. вузов. М.: Высш. шк., 1991. 319 с.
738. Очерки истории города Омска. Омск: Изд-во ОмГУ, 2005. Т. 2. Омск. XX век. 400 с.
739. Очерки истории Камня-на-Оби. Камень-на-Оби: [б. и.], 1996. 99 с.
740. Очерки истории Тюменской области. Тюмень: [б. и.], 1994. 271 с.
741. Панкратьева Н.В. Закон народонаселения при социализме. М.: Наука, 1984. 168 с.
742. Панкратьева Н.В. Население и социалистическое воспроизводство. М.: Статистика, 1977. 223 с.
743. Переведенцев В.И. Методы изучения миграции населения. М.: Наука, 1975. 231 с.
744. Переведенцев В.И. Миграция населения и трудовые проблемы Сибири. Новосибирск: Зап.-Сиб. кн. изд-во, 1966. 191 с.
745. Переведенцев В.И. Молодежь и социально-демографические проблемы СССР. М.: Наука, 1990. 152 с.
746. Переведенцев В.И. Современная миграция населения Западной Сибири. Новосибирск: Зап.-Сиб. кн. изд.-во, 1965. 96 с.
747. Перцик Е.Н. Город в Сибири: проблемы, опыт, поиск решений. М.: Мысль, 1980. 286 с.
748. Петраков А.А. Социология городской семьи. Демографическое поведение. С использованием материалов по Удмуртской АССР. Ижевск: Удмуртия, 1981. 164 с.
749. Петров В.И. Основные виды миграций населения в Горном Алтае // Очерки населения и хозяйства Западной Сибири: сб. ст. Новосибирск: [б. и.], 1970. С. 24–32.
750. Пивоваров Ю.Л. Основы геоурбанистики: Урбанизация и городские системы. М.: Владос, 1999. 232 с.
751. Пивоваров Ю.Л. Современная урбанизация (основные тенденции расселения). М.: Статистика, 1976. 191 с.
752. Пирожков С.И. Демографические процессы и возрастная структура населения. М.: Статистика, 1976. 136 с.
753. Писарев А.В. Демографическое старение в России: жизнедеятельность пожилого населения. М.: ЦСП, 2005. 254 с.
754. Писарев И.Ю. Народонаселение СССР (социально-экономический очерк). М.: Изд-во соц.-эк. лит.-ры, 1962. 190 с.
755. Платунов Н.И. Переселенческая политика советского государства и ее осуществление в СССР (1917 – июнь 1941 гг.). Томск: Изд-во Том. ун-та, 1976. 283 с.
756. Плошко Б.Г., Елисеева И.И. История статистики: уч. пос. М.: Финансы и статистика, 1990. 295 с.
757. Подлазов А.В. Демографическая модернизация и алкоголизация России // Алкогольная катастрофа и возможности государственной политики в преодолении алкогольной сверхсмертности в России. М.: ЛЕНАНД, 2008. С. 105–137.
758. Подъячих В. Некоторые особенности естественного движения населения СССР в современных условиях // Развитие населения: сб. науч. тр. М.: Статистика, 1974. С. 72–85.
759. Подъячих П.Г. Население СССР. М.: Госполитиздат, 1961. 192 с.
760. Подъячих П.Г. Программа и основные вопросы методологии Всесоюзной переписи населения 1970 г. // Всесоюзная перепись населения 1970 года: сб. ст. М.: Статистика, 1976. С. 9–48.
761. Поздняков Г.С. История Анжеро-Судженска: уч. пос. Анжеро-Судженск: Управление образования, 1998. 136 с.
762. Поиск ведут демографы. М.: Мысль, 1985. 111 с.
763. Покшышевский В.В. Заселение Сибири (историко-географические очерки). Иркутск: Иркутск. обл. гос. изд-во, 1951. 208 с.

764. Поляков Ю.А., Дробижев В.З. Народонаселение СССР и история советского общества // Вопросы истории. 1974. № 4. С. 5–11.
765. Поляков Ю.А., Киселев И.Н., Устинов В.А. К вопросу о методике определения численности и национального состава населения СССР в 1917–1926 гг. // История СССР. 1981. № 2. С. 99–109.
766. Полян П.М. Не по своей воле...: история и география принудительных миграций в СССР. М.: ОГИ-Мемориал, 2001. 328 с.
767. Попов М.А. Рубцовск (1892–2000 гг.): исторические очерки. Рубцовск: Рубц. тип., 2004. 288 с.
768. Потери здоровья населения Алтайского края при ядерных испытаниях на Семипалатинском полигоне: ретроспективная медико-демографическая оценка. Барнаул: [б. и.], 1998. 176 с.
769. Проблемы аграрного и демографического развития Сибири в XX – начале XXI в.: мат-лы II Всерос. науч. конф. 20–22 октября 2014 г. Новосибирск: [б. и.], 2014. 236 с.
770. Проблемы аграрного и демографического развития Сибири в XX – начале XXI в.: тез. докл. и сообщ. конф., 26–27 окт. 2009 г.: посв. 90-летию со дня рожд. Н.Я. Гущина. Новосибирск: Институт истории СО РАН, 2009. 252 с.
771. Проблемы аграрного и демографического развития Сибири: науч. чтения, посв. памяти Н.Я. Гущина: сб. науч. тр. Новосибирск: [б. и.], 1997. 153 с.
772. Проблемы градостроительства в районах Севера: сб. науч. тр. М.: ЦНИИП градостроительства, 1975. 150 с.
773. Проблемы демографического развития Сибири и Дальнего Востока: сб. науч. тр. Новосибирск: ИЭиОПП СО АН СССР, 1991. 160 с.
774. Проблемы демографической статистики: сб. ст. М.: Госстатиздат, 1959. 396 с.
775. Проблемы исторической демографии Сибири: сб. науч. тр. Вып. I. Новосибирск: Параллель, 2010. 297 с.
776. Проблемы исторической демографии Сибири: сб. науч. тр. Вып. II. Новосибирск: Параллель, 2011. 288 с.
777. Проблемы исторической демографии Сибири: сб. науч. тр. Вып. III. Новосибирск: Параллель, 2013. 344 с.
778. Проблемы исторической демографии Сибири: сб. науч. тр. Вып. IV. Новосибирск: Апельсин, 2015. 387 с.
779. Проблемы исторической демографии СССР (период социализма): сб. ст. семинара. Кишинев: Штиинца, 1985. 147 с.
780. Проблемы исторической демографии СССР: сб. ст. Томск: Изд-во ТГУ, 1980. 322 с.
781. Проблемы миграции населения и трудовых ресурсов: сб. ст. М.: Статистика, 1970. 224 с.
782. Проблемы развития населенных пунктов СССР: сб. ст. М., 1979. (ДСП). Вып. 1. 234 с.
783. Проблемы развития населенных пунктов СССР: сб. ст. М., 1981. (ДСП). Вып. 2. 183 с.
784. Проблемы расселения в СССР: социально-демографический анализ сети поселений и задачи управления. М.: Статистика, 1980. 255 с.
785. Проблемы труда и быта городского населения Сибири (1940-е – 1990-е гг.): сб. науч. тр. Новосибирск: [б. и.], 1992. 144 с.
786. Проблемы урбанизации восточных регионов России в XIX–XX вв. Томск: Изд-во ТГАСУ, 2007. 201 с.
787. Продолжительность жизни: сб. ст. М.: Статистика, 1974. 120 с.
788. Пронин В.И. Население Сибири за 50 лет (1863–1913 гг.) // История СССР. 1981. № 4. С. 50–69.

789. Просвирнин В.Ф. Проблемы народонаселения в СССР: политико-экономический анализ. Л.: Изд-во ЛГУ, 1989. 112 с.
790. Прохожев А.А. Организация управления народным хозяйством Алтайского края // История Алтайского края. XVIII–XX вв.: науч. и док. мат-лы. Барнаул: БГПУ, 2005. С. 418–424.
791. Пустынников И. Рубцовск. Барнаул: Алт. кн. изд-во, 1968. 80 с.
792. Пути развития малых и средних городов центральных экономических районов СССР. М.: Наука, 1967. 207 с.
793. Пысин Л.Ф., Уткин Ф.А. Особенности миграционных процессов в Тюменской области // Проблемы миграции населения и трудовых ресурсов: сб. ст. М.: Статистика, 1970. С. 76–78.
794. Пятницкая И.Н., Карлов В.А., Элконин Б.Л. Терапевтические и неврологические проявления алкоголизма. М.: Медицина, 1977. 128 с.
795. Рабочий класс Сибири. 1961–1980 гг. Новосибирск: Наука, 1986. 357 с.
796. Рабочий класс СССР (1951–1965 гг.). М.: Наука, 1969. 559 с.
797. Рабочий класс СССР на новом этапе развития социалистического общества. 1961–1970 гг. М.: Наука, 1988. Т. 5. 432 с.
798. Развальяев Ю.Д., Локтев В.А. Калтан: историко-географический обзор: уч. пос. Калтан: Кузбас. гос. пед. акад., 2010. 92 с.
799. Развитие населения: сб. науч. тр. М.: Статистика, 1974. 94 с.
800. Разработка и реализация идеи сибирского тыла в советской экономической и военно-оборонной стратегии (1920–1980-е гг.): сб. науч. тр. Новосибирск: Автограф, 2015. 222 с.
801. Расселение, планировка и застройка городов на Севере: сб. науч. тр. М.: ЦНИИГрадостроительства, 1979. 136 с.
802. Рафикова С.А. Живая история повседневности: сибирские горожане в 1960-е годы. Красноярск: СибГУ им. М.Ф. Решетнева, 2019. 482 с.
803. Рафикова С.А. Повседневная культурная жизнь рабочей семьи в Западной Сибири в 1960-е гг. // Социальная сфера и повседневность сибирского города (XX – начало XXI в.). Новосибирск: Параллель, 2007. С. 115–142.
804. Рашин А.Г. Население России за 100 лет (1811–1913 гг.): стат. очерки. М.: Госстатиздат, 1956. 352 с.
805. Ревич Б.А. «Горячие точки» химического загрязнения окружающей среды и здоровье населения России. М.: Акрополь, 2007. 190 с.
806. Региональные аспекты цивилизационного развития российского общества в XX столетии: проблемы индустриализации и урбанизации: мат-лы межрег. науч. конф. 6–7 июня 2013 г. Новосибирск: Параллель, 2013. 378 с.
807. Региональные особенности воспроизводства и миграции населения в СССР. М.: Наука, 1981. 267 с.
808. Резун Д.Я., Василевский Р.С. Летопись сибирских городов. Новосибирск: Кн. изд-во, 1989. 303 с.
809. Репинецкий А.И., Румянцева М.А. Городское население Среднего Поволжья в послевоенное двадцатилетие. 1945–1965 гг.: очерки демографической истории. Самара: НТЦ, 2005. 262 с.
810. Реут Г.А. Закрытые административно-территориальные образования Сибири: социализм за колючей проволокой. Красноярск: КГАУ, 2012. 350 с.
811. Реут Г.А. Мобилизация трудовых ресурсов и организация жилищно-гражданского строительства в закрытых городах Сибири. Красноярск: КГАУ, 2014. 278 с.
812. Решетников Н.Н., Исупов В.А. Динамика численности населения Новосибирска (1893–1986 гг.) // Урбанизация советской Сибири. Новосибирск: Наука, 1987. С. 210–221.
813. Рогачев А.А., Москвина Г.Д., Сайкин В.П. Вопросы миграции населения в Казахстане // Особенности миграции населения в союзных республиках (ДСР). М.: ИСИ АН СССР, 1978. С. 59–77.

814. Родзинская И.Ю. Влияние удовлетворенности супругов браком на их репродуктивные установки // Проблемы воспроизводства и миграции населения: сб. ст.: в 2 разд. М.: ИСИ, 1981. Разд. I. С. 31–43.
815. Рождаемость (проблемы изучения). М.: Статистика, 1976. 142 с.
816. Рождаемость: известное и неизвестное: сб. науч. тр. М.: Финансы и статистика, 1983. 112 с.
817. Рождаемость: социологические и демографические аспекты: сб. ст. М.: ИСИ АН СССР, 1988. 168 с.
818. Россия и ее регионы в XX веке: территория – расселение – миграции. М.: ОГИ, 2005. 816 с.
819. Росту В.В. Стадии экономического роста. Нью-Йорк: Изд-во Фредерик А. Прегер, 1961. 206 с.
820. Рубцов С.Н. История формирования и развития трудового потенциала промышленности Восточной Сибири в 1955–1985 гг. Иркутск: ВСИ МВД РФ, 1998. 137 с.
821. Русанова Н. Крупнейшие города РСФСР в 1959–1979 гг. // Население и трудовые ресурсы РСФСР. М.: Финансы и статистика, 1982. С. 61–69.
822. Рыбаковский Л.Л. Динамика и факторы демографического развития СССР во второй половине XX века // Демографическое развитие СССР в послевоенный период: советские доклады к французско-советскому семинару по проблемам демографии, Париж, декабрь 1984 г. М.: ИСИ АН СССР, 1984. С. 4–24.
823. Рыбаковский Л.Л. Миграция населения: прогнозы, факторы, политика. М.: Наука, 1987. 199 с.
824. Рыбаковский Л.Л. Региональный анализ миграций. М.: Статистика, 1973. 159 с.
825. Рыбаковский Л.Л., Карпова Ю.Ю. Россия и Украина: миграционный обмен населением. М.: ЦСП, 2004. 123 с.
826. Рыбаковский Л.Л., Морозова Г.Ф. Основные направления миграционных процессов в СССР // Проблемы воспроизводства и миграции населения: сб. ст.: в 2-х разд. М.: ИСИ, 1981. Разд. 2. С. 146–243.
827. Савицкий И.М. Промышленные кадры послевоенной Сибири (1946–1960). Новосибирск: Наука, 1984. 227 с.
828. Савицкий И.М. Экологические последствия испытаний ядерного оружия и ракетной техники в Западной Сибири (1950-е – первая половина 90-х годов) // Гуманитарные науки в Сибири. 1999. № 2. С. 95–100.
829. Садвокасова Е.А. Социально-гигиенические аспекты регулирования размеров семьи. М.: Медицина, 1969. 191 с.
830. Сазонова Н.И. История Томска: курс лекций. Томск: ТГПУ, 2004. 156 с.
831. Свидетельство о рождении. Свердловск: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1988. 208 с.
832. Семенов М.А. Фронт в тылу: система здравоохранения в Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны. Новосибирск: ИПЦ НГУ, 2017. 330 с.
833. Семья и семейная политика: сб. науч. тр. М.: ИСЭПН, 1991. 217 с.
834. Сенявский А.С. Урбанизация России в XX веке: роль в историческом процессе. М.: Наука, 2003. 286 с.
835. Сенявский С.Л. Изменения в социальной структуре советского общества. 1938–1973. М.: Мысль, 1973. 446 с.
836. Сергеева Н.Я., Ефимова Е.М. Колпашево. Томск: Томск. кн. изд-во, 1987. 64 с.
837. Серенко А.Ф., Овчаров В.К. Заболеваемость, смертность и средняя продолжительность жизни населения СССР: доклад на рабочем заседании I Всесоюзной научной школы по проблемам народонаселения «Управление процессами развития народонаселения в развитом социалистическом обществе» (г. Брест, 27 мая – 2 июня 1979 г.). М.: [б. и.], 1979. 12 с.
838. Сибикин В.Д. Мыски. Кемерово: Кемеров. кн. изд-во, 1986. 136 с.

839. Сибирский плавильный котел: социально-демографические процессы в Северной Азии XVI – начала XX века: сб. науч. ст. Новосибирск: Сибирский Хронограф, 2004. 233 с.
840. Симагин Ю.А. Поселки городского типа России: трансформация сети и особенности населения. М.: ИСЭПН, 2009. 224 с.
841. Синельников А.Б. Брачность и рождаемость в СССР. М.: Наука, 1989. 104 с.
842. Синельников А.Б. Демографическая саморегуляция в условиях роста и убыли населения // Социологический журнал. 2019. № 4. С. 84–92.
843. Система знаний о народонаселении. М.: Статистика, 1976. 367 с.
844. Система знаний о народонаселении: уч. пос. для экон. спец. вузов. М.: Высшая школа, 1991. 255 с.
845. Сифман Р.И. Динамика рождаемости в СССР (по материалам выборочных обследований). М.: Статистика, 1974. 183 с.
846. Сифман Р.И. Динамика численности населения России за 1897–1914 гг. // Брачность, рождаемость, смертность в России и в СССР: сб. ст. М.: Статистика, 1977. С. 62–82.
847. Скобелев С.Г. Демография коренных народов Сибири в XVII–XX вв.: колебания численности и их причины: уч. пос. Новосибирск: [б. и.], 1998. 56 с.
848. Сколько детей будет в советской семье (результаты обследования). М.: Статистика, 1977. 104 с.
849. Скубневский В.А., Гончаров Ю.М. Города Западной Сибири во второй половине XIX – начале XX в. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2003. Ч. 1: Население. Экономика. 359 с.
850. Славина Л.Н. Воспроизводство сельского населения на современном этапе (региональный аспект) // Народонаселенческие процессы в региональной структуре России XVIII–XX вв.: мат-лы междунар. науч. конф. 19–21 марта 1996. Новосибирск: [б. и.], 1996. С. 185–188.
851. Славина Л.Н. К вопросу о формировании теоретико-методологической основы в историко-демографических исследованиях // Гуманитарные науки в Сибири. 2018. № 1. С. 38–43.
852. Славина Л.Н. Сельское население Восточной Сибири (1960–1980-е гг.). Красноярск: КГПУ, 2007. 472 с.
853. Слесарев Г.А. Демографические процессы и социальная структура социалистического общества. М.: Наука, 1978. 222 с.
854. Слесарев Г.А. Методология социологического исследования проблем народонаселения СССР. М.: Мысль, 1965. 159 с.
855. Сметанин Е.Н. Бердск. Краткий исторический очерк. Новосибирск: Зап.-Сиб. кн. изд-во, 1983. 126 с.
856. Смирнова Т.Б. Фактор депортации в динамике численности и расселения немцев в Сибири // Начальный период Великой Отечественной войны и депортация российских немцев: взгляды и оценки через 70 лет: мат-лы 3-й междунар. науч.-практ. конф. (26–28 августа 2011 г.). М.: МСНК-пресс, 2011. С. 823–840.
857. Смулевич Б.Я. Критика буржуазных теорий и политики народонаселения. М.: Соцэкгиз, 1959. 430 с.
858. Соболева С.В. Демографические процессы в региональном социально-экономическом развитии. Новосибирск: Наука, 1988. 208 с.
859. Соболева С.В. Динамика продолжительности жизни населения Сибири в 70–80-х гг. // Тенденции социального развития сибирской деревни в 80-е годы. Новосибирск: [б. и.], 1989. С. 128–138.
860. Соболева С.В., Штейнберг В.Е. Демографическая ситуация и воспроизводство населения Сибири // Проблемы демографического развития Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск: ИЭиОПП СО АН СССР, 1991. С. 3–26.
861. Советская демография за 70 лет. Из истории науки: сб. ст. М.: Наука, 1987. 336 с.
862. Советская историческая энциклопедия. Т. 13. Славяноведение – Ся Чен. М.: Сов. энцикл., 1971. 1022 с.

863. Современные проблемы миграции: сб. ст. М.: Мысль, 1985. 111 с.
864. Соколова Л.Г. Некоторые аспекты формирования трудовых ресурсов Братско-Усть-Илимского территориально-производственного комплекса // Вопросы формирования Братско-Усть-Илимского ТПК: сб. ст. Новосибирск: ИЭИОПП, 1977. С. 91–105.
865. Сонин М.Я. Актуальные проблемы использования рабочей силы в СССР. М.: Мысль, 1965. 303 с.
866. Сонин М.Я. Развитие народонаселения. Экономический аспект: сб. работ. М.: Статистика, 1980. 351 с.
867. Сорокин М.Е. Гурьевск. Кемерово: Кемеров. кн. изд-во, 1996. 271 с.
868. Социальная сфера и повседневность сибирского города (XX – начало XXI вв.). Новосибирск: Параллель, 2007. 184 с.
869. Социально-демографическое развитие села: Региональный анализ. М.: Статистика, 1980. 343 с.
870. Социально-демографическое развитие Сибири в XX столетии. Новосибирск: Наука-Центр, 2004. Вып. 2. 256 с.
871. Социально-демографическое развитие Сибири в XX столетии. Новосибирск: Наука-Центр, 2004. Вып. 3. 283 с.
872. Социально-демографическое развитие Сибири в XX столетии: сб. науч. тр. Новосибирск: Институт истории СО РАН, 2003. Вып. 1. 324 с.
873. Социально-экономическое развитие сибирского села. Новосибирск: Наука, 1987. 447 с.
874. Социальные проблемы здоровья и продолжительности жизни: сб. ст. М.: ИС, 1989. 187 с.
875. Социальные факторы и особенности миграции населения СССР. М.: Наука, 1978. 142 с.
876. Социологические характеристики городского населения Тувинской АССР: мат-лы социол. исследования. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1982. 241 с.
877. Спидченко К.И. Города Кузбасса: экон.-геогр. очерки. М.: Географгиз, 1947. 147 с.
878. СССР: демографический диагноз: сб. науч. тр. М.: Прогресс, 1990. 694 с.
879. Сталин И.В. Соч. Т. 1–13. М.: Госполитиздат, 1951. Т. 13. 423 с.
880. Становление индустриально-урбанистического общества в Урало-Сибирском регионе: подходы, исследования, результаты: мат-лы межрег. науч. конф. 30 июня – 2 июля. 2010 г. Новосибирск: Параллель, 2010. 307 с.
881. Стась И.Н. Сталь в городе: урбанизация и население в нефтяном крае (1960-е – начало 1990-х гг.). Курган: Курган. дом печати, 2018. 167 с.
882. Статистика: учеб. для экон. вузов и фак-тов. М.: Статистика, 1969. 568 с.
883. Стеценко С.Г., Козаченко И.В. Демографическая статистика. Киев: Вища школа, 1984. 408 с.
884. Стешенко В.С. Демография в современном мире. М.: Статистика, 1978. 247 с.
885. Сто наций и народностей. Этнодемографическое развитие СССР. М.: Мысль, 1985. 103 с.
886. Стрельчук И.В. Алкоголь и здоровье. М.: Знание, 1980. 96 с.
887. Студеникин М.Я. Современные проблемы детской смертности // Вестник Академии медицинских наук СССР. 1988. № 12. С. 29–34.
888. Сугутов П.Т. Население Омска в конце XIX века // Известия Омского отделения географического общества СССР. 1966. Вып. 8 (15). С. 31–39.
889. Судоплатов А.П. Современная буржуазная демография: критика основных теоретических концепций. М.: Мысль, 1988. 318 с.
890. Сыроваткин А. Новокузнецк. Кемерово: Кемеров. кн. изд-во, 1973. 90 с.
891. Сысенко В.А. Устойчивость брака: проблемы, факторы, условия. М.: Финансы и статистика, 1981. 199 с.

892. Тарасова Н.В., Гришанова А.Г. Изменения во внутренней миграции населения в период реформирования России (1985–1995 гг.). М.: [б. и.], 1996. 30 с.
893. Татары. М.: Наука, 2001. 583 с.
894. Татевосов Р.В., Сарыгулов Б.А. Развитие миграционной подвижности населения Киргизской ССР // Особенности миграции населения в союзных республиках (ДСР). М.: ИСИ АН СССР, 1978. С. 132–146.
895. Таубер Н.А. Брачная плодovitость женщин в связи с условиями их жизни // Советское здравоохранение. 1965. № 9. С. 22–26.
896. Тезисы докладов и сообщений VII Всесоюзной конференции по исторической демографии. Донецк, 14–16 мая 1991 г. Ч. 1. М.: [б. и.], 1991. 103 с.
897. Текше К. Особенности рождаемости в Центральной и Южной Европе до Первой мировой войны // Брачность, рождаемость, семья за три века: сб. ст. М.: Статистика, 1979. С. 98–131.
898. Терещенко О.В. Демографическая ситуация в небольших городах Западной Сибири // Демографическое развитие Сибири (прикладной и теоретический аспекты исследования): сб. науч. тр. Новосибирск: ИЭиОПП СО АН СССР, 1987. С. 108–118.
899. Терещенко О.В., Высоцкая Н.В. Типологический анализ демографического развития городов Западной Сибири // Проблемы демографического развития Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск: ИЭиОПП СО АН СССР, 1991. С. 26–39.
900. Территориальные особенности народонаселения РСФСР. М.: Статистика, 1976. 232 с.
901. Тимошенко А.И. Государственная политика формирования и закрепления населения в районах нового промышленного освоения Сибири в 1950–1980-е гг.: планы и реальность. Новосибирск: Сиб. науч. изд-во, 2009. 174 с.
902. Тимошенко А.И. Динамика численности и состава рабочих и служащих угледобывающих предприятий КАТЭЖа // Трудовые коллективы Сибири: проблемы формирования и развития: сб. ст. Новосибирск: Наука, 1985. С. 49–59.
903. Тимошенко А.И. Миграции молодежи как фактор заселения и социокультурного развития районов нового промышленного освоения Сибири в 1950–1980-е гг. // Проблемы исторической демографии Сибири: сб. науч. тр. Новосибирск: Параллель, 2010. Вып. I. С. 189–205.
904. Тимошенко А.И. Особенности формирования городского населения районов сибирских ТПК в 1950–1980-е гг. // Проблемы исторической демографии Сибири: сб. науч. тр. Новосибирск: Параллель, 2011. Вып. II. С. 205–222.
905. Тимошенко А.И. Проекты социально-экономического развития Сибири в XX в.: концепции и решения. Исторические очерки. Новосибирск: СНИ, 2007. 288 с.
906. Тимошенко А.И. Формирование населения городов Канско-Ачинского топливно-энергетического комплекса (1950–1980-е гг.) // Урбанизация советской Сибири. Новосибирск: Наука, 1987. С. 147–162.
907. Тинникова Е.Е. Городское население юга Красноярского края (1970–1989 годы). Абакан: Бригантина, 2017. 126 с.
908. Ткаченко А.А. Экономические последствия современных демографических процессов в СССР. М.: Статистика, 1978. 160 с.
909. Тольц М.С. Брачность населения России в конце XIX – начале XX в. // Брачность, рождаемость, смертность в России и в СССР: сб. ст. М.: Статистика, 1977. С. 138–153.
910. Томск от А до Я: краткая энциклопедия города. Томск: Изд-во НТЛ, 2004. 440 с.
911. Томск. История города от основания до наших дней. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2004. 464 с.
912. Томская область: исторический очерк. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1994. 684 с.
913. Топилин А.В. Миграционный обмен и занятость населения в СНГ. М.: ИСПИ РАН, 2001. 68 с.

914. Топилин А.В. Территориальное перераспределение трудовых ресурсов в СССР. М.: Экономика, 1975. 159 с.
915. Трансформация миграционных процессов на постсоветском пространстве. М.: Academia, 2009. 432 с.
916. Тревельян Д.М. Социальная история Англии. Обзор шести столетий от Чосера до королевы Виктории. М.: Изд-во иностр. лит-ры, 1959. 607 с.
917. Угольная промышленность Кузбасса. 1721–1996 гг. Кемерово: Кемеров. кн. изд-во, 1997. 303 с.
918. Урбанизация и демографические процессы. М.: Финансы и статистика, 1982. 231 с.
919. Урбанизация и развитие городов в СССР. Л.: Наука, 1985. 256 с.
920. Урбанизация советской Сибири. Новосибирск: Наука, 1987. 222 с.
921. Урланис Б.Ц. Динамика уровня рождаемости в СССР за годы Советской власти // Брачность, рождаемость, смертность в России и в СССР: сб. ст. М.: Статистика, 1977. С. 8–27.
922. Урланис Б.Ц. Проблемы динамики населения СССР. М.: Наука, 1974. 335 с.
923. Урланис Б.Ц. Рождаемость и продолжительность жизни в СССР. М.: Госстатиздат, 1963. 136 с.
924. Урланис Б.Ц. Эволюция продолжительности жизни. М.: Статистика, 1978. 309 с.
925. Урожаева Т.П. Демографические проблемы индустриальных городов Иркутской области в 1990-е гг. // Урбанистика. 2016. № 1. С. 34–42.
926. Урожаева Т.П. Миграционные процессы в городах Иркутской области в конце 1990-х – 2020 году // Исторический курьер. 2020. № 4. С. 174–186.
927. Успенский С.В. Планирование экономического и социального развития систем расселения и поселений. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1981. 144 с.
928. Фешбах М. Экоцид в СССР. Здоровье и природа на осадном положении. М.: Биотехнология, Голос, 1992. 308 с.
929. Фешбах М., Френдли А. Экоцид в СССР: здоровье и природа на осадном положении. М: НПО «Биотехнология»: Изд.-информ. агентство «Голос», 1992. 308 с.
930. Фокин А.А. Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «Об усилении борьбы с пьянством и о наведении порядка в торговле крепкими спиртными напитками» и антиалкогольная кампания 1960-х гг. // Вестник Челябинского государственного университета. 2014. № 12. С. 109–115.
931. Фомин И.А. Развитие городов в промышленных районах (планировочные аспекты). М.: Стройиздат, 1974. 113 с.
932. Формирование и адаптация населения в районах индустриального освоения Сибири: сб. науч. тр. Новосибирск: Параллель, 2007. Вып. 2. 172 с.
933. Формирование и развитие сибирских территориально-производственных комплексов: сб. науч. тр. Новосибирск: Параллель, 2011. 232 с.
934. Формирование промышленных узлов и размещение населения Бурятской АССР: сб. ст. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1974. 109 с.
935. Хаджнал Д. Европейский тип брачности в ретроспективе // Брачность, рождаемость, семья за три века: сб. ст. М.: Статистика, 1979. С. 14–70.
936. Халтурина Д.А., Коротчаев А.В. Русский крест: факторы, механизмы и пути преодоления демографического кризиса в России. М.: КомКнига, 2006. 56 с.
937. Харчев А.Г. Брак и семья в СССР. М.: Мысль, 1979. 367 с.
938. Харчев А.Г., Голод С.И. Профессиональная работа женщин и семья. Л.: Наука, 1971. 176 с.
939. Харчев А.Г., Мацковский М.С. Современная семья и ее проблемы: социально-демографическое исследование. М.: Статистика, 1978. 224 с.
940. Хилл Ф., Гэдди К. Сибирское бремя: просчеты советского планирования и будущее России. М.: Науч.-образоват. форум по междунар. отношениям, 2007. 327 с.

941. Ходжаев Д.Г., Кочетков А.В., Листенгурт Ф.М. Система расселения СССР: вопросы комплексного планирования. М., 1977. 159 с.
942. Хозяйственное освоение и социально-демографические процессы в Сибири в XX – начале XXI века. Новосибирск: Институт истории СО РАН, 2012. 256 с.
943. Хорев Б.С. Городские поселения СССР (проблемы роста и их изучение). М.: Мысль, 1968. 256 с.
944. Хорев Б.С., Моисеенко В.М. Сдвиги в размещении населения СССР. М.: Статистика, 1976. 101 с.
945. Хорев Б.С., Чапек В.Н. Проблемы изучения миграции населения: стат.-геогр. очерки. М.: Мысль, 1978. 254 с.
946. Цыкунов Г.А. Ангаро-Енисейские ТПК: проблемы и опыт (исторический аспект). Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1991. 174 с.
947. Цыряпкин А. Осинники. Кемерово: Притомское, 1995. 259 с.
948. Чворо В.Д. Город угля и молодости. Березовский: [б. и.], 1994. 160 с.
949. Чуднова В.И., Кожуховская Н.Ф. Население Саянского ТПК (формирование и расселение). Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1979. 120 с.
950. Чуйко Л.В. Браки и разводы. М.: Статистика, 1975. 176 с.
951. Шалак А.В. Социальные проблемы населения Восточной Сибири: (1940–1950 гг.). Иркутск: Изд-во ИГЭА, 2000. 354 с.
952. Шапиро В.Д. Изменения возрастной структуры населения СССР за период с 1950–1980 гг. и их последствия // Демографическое развитие СССР в послевоенный период: советские доклады к французско-советскому семинару по проблемам демографии, Париж, декабрь 1984 г. М., 1984. С. 67–87.
953. Шапиро В.Д. Человек на пенсии: социальные проблемы и образ жизни. М.: Мысль, 1980. 208 с.
954. Шатохина Н.Г., Молодцов Ю.А. Асино. Томск: Томск. кн. изд-во, 1990. 64 с.
955. Шатская Т. Междуреченск. Кемерово: Кемеров. кн. изд-во, 1978. 128 с.
956. Шахотько Л.П. Воспроизводство населения Белорусской ССР. Минск: Наука и техника, 1985. 128 с.
957. Шахотько Л.П. Рождаемость в Белоруссии (социально-экономические вопросы). Минск: Наука и техника, 1975. 168 с.
958. Шелестов Д.К. Историческая демография: уч. пос. для вузов по спец. «История». М.: Высшая школа, 1987. 288 с.
959. Шилова Л.С. Активность и ответственность населения в отношении к своему здоровью // Демографическое поведение: опыт социологического изучения. М.: ИС АН СССР, 1990. С. 62–73.
960. Шиловский М.В. Основные потоки внешней миграции в истории Сибири XX века // Миграционные процессы в азиатской России в XIX – начале XXI в.: сб. науч. тр. Новосибирск: Параллель, 2009. С. 32–43.
961. Шкаратан О.И. Проблемы социальной структуры рабочего класса СССР (историко-социологическое исследование). М.: Мысль, 1970. 471 с.
962. Шквариков В.А. Расселение и структура города. М.: Стройиздат, 1973. 76 с.
963. Школьников В.М., Андреев Е.М., Жданов Д.А. Смертность трудоспособного населения, алкоголь и продолжительность жизни в России // Алкогольная катастрофа и возможности государственной политики в преодолении алкогольной сверхсмертности в России. М.: ЛЕНАНД, 2008. С. 85–104.
964. Шнейдерман Н.А. Откровенный разговор: рождаемость и меры ее регулирования. М.: Мысль, 1991. 170 с.
965. Шпилюк В.А. Межреспубликанская миграция и сближение наций в СССР. Львов: Вища школа, 1975. 167 с.
966. Шунков В.И. Очерки по истории колонизации Сибири в XVII – начале XVIII века. М.; Л.: Изд. и 2-я тип. Изд-ва Акад. наук СССР в М., 1946. 228 с.

967. Шуранов Н.П. Прокопьевск. Кемерово: Кемеров. кн. изд-во, 1964. 112 с.
968. Эволюция семьи и семейная политика в СССР. М.: Наука, 1992. 140 с.
969. Эйзенштадт Ш. Революция и преобразование обществ. Сравнительное изучение цивилизаций. М.: Аспект Пресс, 1999. 416 с.
970. Экономическая география / отв. ред. О.А. Константинов. М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1957. 188 с.
971. Экономические проблемы пригородного сельского хозяйства БАССР. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1973. 180 с.
972. Энтин Г.М. Лечение алкоголизма. М.: Медицина, 1990. 416 с.
973. Энциклопедия Алтайского края: в 2 т. Барнаул: Алт. кн. изд-во, 1995. Т. 1. 369 с.
974. Южанин В.И. Современная миграция населения Томской области // Ученые записки Томского пед. института. 1968. № 24. С. 3–10.
975. Ялуторовск: след в истории. Тюмень: Тюмен. издат. дом, 2003. 280 с.
976. Avdeev A., Blum A., Troitskaya I. The history of abortion statistics in Russia and USSR from 1900 to 1991 // Population an English Selection. 1995. No. 1. P. 39–66.
977. Bater J.H. The Soviet City. London: Edward Arnold, 1980. 196 p.
978. Becker Ch., Mendelsohn S.J., Benderskaya K. Russian urbanization in the Soviet and post-Soviet eras. London: IIED, 2012. 129 p.
979. Bennigsen A., Broxup M. The Islamic Threat to the Soviet State. London; Canberra: Croom Helm, 1983. 170 p.
980. Berend I. An Economic history of Nineteenth-Century Europe: Diversity and Industrialization. Cambridge Univ. Press, 2012. 566 p.
981. Berent J. Causes of Fertility Decline in Eastern Europe and the Soviet Union: Pt. I. The Influence of Demographic Factors // Population Studies. 1970. Vol. 24. No. 1. P. 35–58.
982. Berent J. Causes of Fertility Decline in Eastern Europe and the Soviet Union: Pt. II: Economic and Social Factors // Population Studies. 1970. Vol. 24, No. 2. P. 247–292.
983. Biraben J.N. Essai sur l'évolution démographique de l'U.R.S.S // Population (French Edition). 1958. Vol. 13. No. 2. P. 29–62.
984. Caldwell J.C. Demographic Transition Theory. Springer, 2006. 418 p.
985. Coale A.J., Anderson B.A., Harm E. Human Fertility in Russia since the Nineteenth Century. Princeton, N.J.: Princeton Univ. Press, 1979. 285 p.
986. Crouzed F. A History of the European Economy, 1000–2000. Univ. Press of Virginia, 2001.
987. Eberstadt N. On Infant Mortality in the Soviet Union: A Comment // Population and Development Review. 1984. Vol. 10. No. 1. P. 91–98.
988. Ewen S. Fighting Fires: Creating the British Fire Service, 1800–1978. Palgrave Macmillan, 2010. 244 p.
989. Feshbach M. Issues in Soviet Health Problems // The Soviet Economy In the 1980s: Problems and Prospects. Pt. 2. Washington: U.S. Government Printing Office, 1983. P. 203–227.
990. Feshbach M. Social Maintenance in the U.S.S.R.: Demographic Morass // The Washington Quarterly. 1982. Vol. 5 (September). P. 92–98.
991. Filtzer D. The Hazards of Urban Life in Late Stalinist Russia: Health, Hygiene, and Living Standards, 1943–1953. Cambridge Univ. Press, 2010. 379 p.
992. Gibbs J. The Evolution of Population Concentration // Economic Geography. 1963. Vol. 39. No. 2. P. 119–129.
993. Grandstaff P.J. Recent Soviet Experience and Western “Laws” of Population Migration // The International Migration Review. 1975. Vol. 9. No. 4. P. 479–497.
994. Gregory P. Soviet Theories of Economic Demography: A Survey // Journal of Comparative economics. 1983. Vol. 7. No. 2. P. 105–113.
995. Harris C.D. Urbanization and Population Growth in the Soviet Union, 1959–1970 // Geographical Review. 1971. Vol. 61. No. 1. P. 102–124.

996. Heer D.M. The Demographic Transition in the Russian Empire and the Soviet Union // *Journal of Social History*. 1968. Vol. 1. No. 3. P. 193–240.
997. Hill, Fiona, Gaddy, Clifford G. *The Siberian Curse: How Communist Planners Left Russia Out in the Cold*. Washington, DC: Brookings Institution Press, 2003. 240 p.
998. Lawton R. Rural Depopulation in Nineteenth Century England // *English Rural Communities* by Mills D.R. (eds.). London: Palgrave, 1973. P. 195–219.
999. Lewis R.A., Rowland R.H. Urbanization in Russia and the USSR: 1897–1966 // *Annals of the Association of American Geographers*. 1969. Vol. 59. No. 4. P. 776–796.
1000. Lewis R.A., Rowland R.H., Clem R.S. Modernization, Population Change and Nationality in Soviet Central Asia and Kazakhstan // *Canadian Slavonic Papers / Revue Canadienne des Slavistes*. 1975. Vol. 17. No. 2/3. P. 286–301.
1001. Lorimer F. *The Population of the Soviet Union: History and Prospects*. Geneva, 1946. 293 p.
1002. Lovett J. “The Fate of the Nation”: Population Politics in a Changing Soviet Union (1964–1991) // *Nationalities Papers*. 2022. P. 1–20.
1003. Mazur D.P. Fertility among Ethnic Groups in the USSR // *Demography*. 1967. Vol. 4. No. 1. P. 172–195.
1004. Nakachi M. *Replacing the Dead: The Politics of the Reproduction in the Postwar Soviet Union*. Oxford Univ. Press, 2021. 327 p.
1005. Notestein F.W. *Population – The Long View // Food for the World*. Univ. of Chicago Press. Chicago, 1945. p. 36–57.
1006. Parming T. Population Processes and the Nationality Issue in the Soviet Baltic // *Soviet Studies*. 1980. Vol. 32. No. 3. P. 398–414.
1007. Stearns P.N. *The industrial revolution in world history*. Westview Press, 2012. 336 p.
1008. *The New Cambridge Modern History*. Cambridge Univ. Press, 1968. Vol. 12. *The Shifting Balance of World Forces, 1898–1945*. 874 p.
1009. *The Oxford History of Modern Europe* by Blanning, T.C.W. (eds.). Oxford Univ. Press, 2000. 400 p.
1010. Thompson W.S. Population // *American Journal of Sociology*. 1929. Vol. 34, No. 6. P. 959–975.
1011. *World Urbanization Prospects. The 2014 Revision*. United Nations. New York, 2015. 493 p.
1012. Zelinsky W. The Hypothesis of the Mobility Transition // *Geographical Review*. 1971. Vol. 61. No. 2. P. 219–249.

Авторефераты диссертаций и диссертация

1013. Афанасьева И.П. Особенности социально-демографических процессов в городском населении Бурятии в 60–80-е гг. XX в. (исторический аспект): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Улан-Удэ, 2004. 22 с.
1014. Бельков А.В. Городское население Кузбасса в 20-е гг. XX в. – начале XXI в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Кемерово, 2007. 27 с.
1015. Богатов Е.А. Население Саяно-Алтая: историко-демографическое исследование. 1989 – начало XXI в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Абакан, 2007. 29 с.
1016. Боровикова З.В. Население Кемеровской области во второй половине 1940-х – 1950-е гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Кемерово, 2011. 26 с.
1017. Бурматов А.А. Население Новосибирской области: 1937 г. – конец XX в. (историко-демографический анализ): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Омск, 2001. 24 с.
1018. Гаврин Д.А. Развитие социально-демографической структуры населения Красноярского края в 1971–1980 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Красноярск, 2005. 24 с.
1019. Григоричев К.В. Динамика населения и миграционные процессы в Алтайском крае: середина 1940-х – конец 1980-х гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2000. 22 с.

1020. Гришанова А.Г. Социально-демографическая характеристика городов разных функциональных типов. (По материалам РСФСР): автореф. дис. ... канд. экон. наук. М., 1975. 25 с.
1021. Задорин А.В. История демографического развития Красноярского края (1970–2002 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Томск, 2013. 32 с.
1022. Копылов И.В. Демографическое развитие городского населения Красноярского края (конец 1950 – начало 1990-х): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2019. 20 с.
1023. Корнилов Г.Г. Население Ямала в 1959–1989 гг.: историко-демографический анализ: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2010. 25 с.
1024. Кругликов В.В. Городское население Свердловской области накануне и в годы Великой Отечественной войны (1939–1945 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2007. 24 с.
1025. Кышпанакоев В.А. Население Хакасии: историко-демографическое исследование (1926–1989 гг.): автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Новосибирск, 1996. 34 с.
1026. Ламаханов Ц.В. Население Бурятии: этнодемографические процессы в 1960–1990 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Улан-Удэ, 2006. 23 с.
1027. Литвинец Е.Ю. Население Свердловской области в 1980-е гг.: численность, состав, размещение: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2007. 26 с.
1028. Михалев Н.А. Население Ямала в первой половине XX века (историко-демографические процессы): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Челябинск, 2008. 26 с.
1029. Николаенко Н.С. Влияние индустриального развития Иркутской области на динамику численности и состав населения. 1950–1980-е гг. Исторические аспекты: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Иркутск, 2004. 22 с.
1030. Погодин С.А. Городское население СССР: историко-демографический анализ (середина 40-х – конец 50-х годов): автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1994. 36 с.
1031. Реховская Т.А. Население Кузбасса в 60–80-е гг. XX века: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Кемерово, 1998. 22 с.
1032. Рокачев В.Н. Население Кубани и Ставрополя в 1930–1950-е гг.: историко-демографическое исследование: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Краснодар, 2018. 47 с.
1033. Сагайдачный А.Н. Демографические процессы в Западной Сибири во второй половине XIX – начале XX века: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Новосибирск, 2000. 38 с.
1034. Сивцева С.И. Население Якутии в 1939–1959 гг.: историко-демографическое исследование: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 2014. 57 с.
1035. Уткин Ф.А. Подвижность населения в районах промышленного освоения (на материалах Тюменской области): автореф. ... дис. канд. экон. наук. Свердловск, 1967. 19 с.
1036. Чернова Ю.В. Новые города Иркутской области (1950–1980 гг.): историческое исследование: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Иркутск, 2001. 23 с.
1037. Шишкина Н.Е. Сельское население Западной Сибири в 1959–1970 гг. (изменение численности и состава): дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1986. 239 с.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Таблица 1

Компоненты изменения численности городского населения Западной Сибири
в 1958–1989 гг., тыс. чел.

Год	Численность населения на начало года	Прирост за год	Естественный прирост	Рождаемость	Смертность	Механический прирост
1958	5 427,3	296,9	101,8	137,9	36,1	195,1
1959	5 724,2	180,5	98,9	138,8	39,9	81,6
1960	5 904,7	261,7	102,5	141,6	39,1	159,2
1961	6 166,4	161,5	94,6	135,5	40,9	66,9
1962	6 327,9	131,8	85,4	127,4	42,0	46,4
1963	6 459,7	166,0	78,6	119,8	41,1	87,4
1964	6 625,7	160,6	67,1	109,7	42,6	93,5
1965	6 786,3	130,8	58,1	102,3	44,3	72,7
1966	6 917,1	154,9	57,2	103,1	46,0	97,7
1967	7 072,0	101,7	53,1	101,1	48,1	48,6
1968	7 173,7	121,4	52,5	103,3	50,8	68,9
1969	7 295,1	125,3	54,1	109,0	54,9	71,2
1970	7 420,4	125,9	57,9	114,2	56,3	68,0
1971	7 546,3	111,2	64,4	121,9	57,5	46,8
1972	7 657,5	159,6	70,6	129,8	59,2	89,0
1973	7 817,1	160,5	68,6	130,6	62,0	91,9
1974	7 977,6	171,0	76,3	139,6	63,2	94,7
1975	8 148,6	162,2	72,9	142,6	69,7	89,3
1976	8 310,8	151,2	72,8	144,8	72,0	78,4
1977	8 462,0	147,1	75,1	149,4	74,3	72,0
1978	8 609,1	158,7	72,9	151,1	78,2	85,8
1979	8 767,8	179,0	68,9	152,0	83,1	110,1
1980	8 946,8	162,6	69,3	156,2	86,9	93,3
1981	9 109,4	205,1	78,9	164,9	86,0	126,2
1982	9 314,5	259,1	95,3	181,7	86,4	163,8
1983	9 573,6	217,8	96,9	187,6	90,7	120,9
1984	9 791,4	229,8	82,3	180,5	98,3	147,5
1985	10 021,2	234,2	84,9	180,3	95,4	149,3
1986	10 255,4	267,7	100,4	189,0	88,6	167,3
1987	10 523,1	210,2	101,9	191,2	89,3	108,3
1988	10 733,3	187,4	85,0	177,9	92,9	102,4
1989	10 920,7	95,3	64,5	161,0	96,5	30,8
1990	11 016,0	–	–	–	–	–

* Таблица составлена по тем же источникам, что и табл. 1.1.1– 1.1.3.

Численность городского населения и жителей больших, средних и малых городов и пгт РСФСР и Западной Сибири
в 1959–1989 гг., тыс. чел.

Города	1959	1970	1959–1970, рост в %	1979	1970–1979, рост в %	1989	1979–1989, рост в %	1959–1989, рост в %
РСФСР	62 059,8	80 980,7	30,5	95 373,9	17,8	107 959,0	13,2	74,0
РСФСР, большие города	31 678,0	46 564,0	47,0	58 754,9	26,2	67 360,7	14,6	112,6
РСФСР, средние города	7 043,4	7 902,7	12,2	9 081,3	14,9	11 286,0	24,3	60,2
РСФСР, малые города и пгт	23 338,4	26 514,0	13,6	27 537,7	3,9	29 312,3	6,4	25,6
Западная Сибирь	5 751,3	7 431,4	29,2	8 767,8	18,0	10 915,5	24,5	89,8
Западная Сибирь, большие города	3 849,7	4 988,3	29,6	5 973,5	19,8	6 958,0	16,5	80,7
Западная Сибирь, средние города	122,6	314,3	156,4	582,3	85,3	1 149,9	97,5	837,9
Западная Сибирь, малые города и пгт	1 779,0	2 128,8	19,7	2 212,0	3,9	2 807,6	26,9	57,8

* Подсчитано по: Население РСФСР. Итоги Всесоюзной переписи населения на 15 января 1959 г. М., 1960. (ДСП) С. 38–39, 46–47, 50, 54; Население РСФСР. Предварительные итоги Всесоюзной переписи населения на 15 января 1970 г. М., 1970. (ДСП) С. 24–25, 30–33, 36, 39–40; Городские поселения РСФСР (по данным Всесоюзной переписи населения 1979 г.). М., 1980. (ДСП) С. 46–47, 58–59, 64–65, 67–68; Городские поселения РСФСР по данным Всесоюзной переписи населения 1989 года. М., 1991. С. 62–63, 118–125;

Таблица 3

Динамика численности населения больших городов Западной Сибири в 1959–1989 гг.

Город	1959	1970	1959–1970, в %	1979	1970–1979, в %	1989	1979–1989, в %	1959–1989, в %
Индустриальные города								
<i>угольная отрасль</i>								
Прокопьевск	282,0	274,5	-2,7	266,2	-3,0	273,8	+2,9	-2,9
Ленинск-Кузнецкий	132,2	127,7	-3,3	132,1	+3,4	165,5	+25,3	+25,2
Киселёвск	130,7	126,6	-3,1	121,9	-3,7	128,1	+5,1	-2,0
Анжеро-Судженск	115,6	106,2	-8,2	105,1	-1,0	108,0	+2,7	-6,6
Междуреченск	–	–	–	–	–	107,0	–	–
Белово	106,9	108,2	+1,2	111,8	+3,3	93,1	-16,7	-12,9
<i>нефтяная отрасль</i>								
Нижневартовск	–	–	–	108,7	–	241,5	+122,0	–
Сургут	–	–	–	107,3	–	247,8	+130,9	–
<i>обрабатывающая отрасль</i>								
Новокузнецк	376,7	499,2	+32,5	541,4	+8,4	599,9	+10,8	+59,3
Бийск	146,4	186,3	+27,3	211,6	+13,5	233,2	+10,2	+59,3
Рубцовск	111,4	145,0	+30,2	157,1	+8,4	171,8	+9,4	+54,3
Итого	1 401,8	1 573,7	+12,3	1 863,2	+18,4	2 276,6	+22,2	+62,4
Административные центры								
Тюмень	150,2	268,5	+78,8	359,0	+33,7	476,9	+32,8	+217,5
Омск	581,1	821,2	+41,3	1 014,2	+23,5	1 148,4	+13,2	+97,6
Томск	248,8	338,4	+36,0	420,7	+24,3	502,0	+19,3	+101,7
Новосибирск	885,0	1 161,0	+31,2	1 312,5	+13,1	1 436,5	+9,5	+62,3
Кемерово	277,7	385,0	+38,6	470,6	+22,2	520,3	+10,5	+87,4
Барнаул	305,0	439,1	+44,0	533,3	+21,4	598,6	+12,3	+96,2
Итого	2 447,9	3 413,2	+39,4	4 110,4	+20,4	4 682,7	+13,9	+91,3

* Составлено по: Население РСФСР. Итоги Всесоюзной переписи населения на 15 января 1959 г. М., 1960. С. 190, 194, 196–197, 199, 202; Численность населения СССР по переписи на 15 января 1970 года по республикам, краям, областям, национальным округам, районам, городам, поселкам городского типа и районным центрам. М., 1971. С. 21, 99–100, 139, 142, 184, 189; Численность населения СССР, республик, краев, областей, автономных округов, районов, городов, поселков городского типа и районных центров по данным Всесоюзной переписи населения на 17 января 1979 года. М., 1980. Ч. 1. С. 12–13, 119–121, 166, 170, 232, 240, 243; Городские поселения РСФСР по данным Всесоюзной переписи населения 1989 года. М., 1991. С. 221–226.

Функциональное распределение малых и средних (до 100,0 тыс. чел.) городов Западной Сибири в 1989 г.

Город/поселок городского типа	Год образования	Население, чел.	Главные отрасли специализации, ведущие предприятия
Тюменская область			
Ишим	1782	66 373	Машиностроение, легкая, пищевая, транспорт
Тобольск	1587	94 143	Нефтехимический комбинат, легкая, пищевая, транспорт
Ялуторовск	1782	36 841	Пищевая
Нефтеюганск	1967	93 930	НГДУ «Юганскнефть»
Надым	1972	52 586	«Надымгазпром»
Урай	1965	37 198	НГДУ «Урайнефть»
Заводоуковск	1960	25 827	Машиностроение, пищевая, легкая
Лабытнанги	1975	31 501	Транспорт, геологоразведка
Новый Уренгой	1980	93 235	«Уренгойгазодобыча»
Ноябрьск	1982	85 880	НГДУ «Холмогорнефть», «Суторминскнефть», «Заполярьефть», «Муравленковскнефть»
Нягань	1985	54 061	НГДУ «Красноленинскнефть»
Когалым	1985	44 297	НГДУ «Повхнефть», «Ватьеганнефть», «Когалымнефть», «Дружбанефть»
Радужный	1985	43 726	НГДУ «Варьеганнефть», «Бахиловнефть», «Тагринскнефть»
Мегион	1980	39 783	НГДУ «Мегионнефть»
Лангепас	1985	25 618	НГДУ «Покачевнефть», «Урьевнефть», «Ласьеганнефть»
Ханты-Мансийск	1950	35 494	Пищевая, лесная, транспорт
Салехард	1938	33 207	То же
Белоярский	1988	20 534	Транспортировка газа
Омская область			
Исиль-Куль	1945	26 430	Транспорт, пищевая, легкая
Тара	1594	26 152	Пищевая, легкая, филиал телевизионного завода
Калачинск	1952	25 014	Транспорт, пищевая, легкая
Называевск	1956	14 416	Транспорт, пищевая
Тюкалинск	1878	12 191	Пищевая
Томская область**			
Колпашево	1938	31 319	Лесная, пищевая, легкая, транспорт, геологоразведка
Асино	1952	33 471	Асиновский лесопромышленный комбинат, транспорт
Стрежевой	1978	43 348	НГДУ «Стрежевойнефть»
Кедровый	1987	1 998	НГДУ «Лугинецкнефть»
Новосибирская область			
Барабинск	1917	36 501	Транспорт, пищевая
Искитим	1938	67 849	Строительные материалы
Татарск	1925	30 355	Транспорт, пищевая, легкая
Куйбышев	1782	51 171	Химический завод, Барабинская ГРЭС, пищевая, легкая
Бердск	1944	79 252	Радиозавод, биопрепаратов, электромеханический
Болотное	1943	20 006	Транспорт, пищевая, легкая
Купино	1944	19 518	Транспорт, пищевая
Черепаново	1921	22 116	Пищевая, строительная, легкая
Карасук	1954	29 401	Транспорт, пищевая
Тогучин	1945	23 189	То же
Чулым	1947	13 703	Транспорт

Обь	1969	25 014	Аэропорт Толмачево, транспорт, пищевая, легкая
Каргат	1965	12 561	Транспорт, пищевая
Кемеровская область			
Белово	1938	93 108	Угольная, Беловская ГРЭС, цинковый завод
Осинники	1938	62 687	Угольная
Юрга	1949	93 202	Юргинский машиностроительный завод
Гурьевск	1938	28 152	Гурьевский металлургический завод
Мариинск	1856	40 956	Транспорт, пищевая
Мыски	1956	45 964	Томь-Усинская ГРЭС, угольная
Тайга	1925	26 233	Транспорт
Топки	1933	33 574	Транспорт, строительные материалы
Калтан	1959	25 369	Южно-Кузбасская ГРЭС
Салаир	1941	11 452	Горнодобывающая
Березовский	1965	51 250	Угольная
Таштагол	1963	26 274	Горнодобывающая
Алтайский край			
Славгород	1917	34 864	Машиностроение, химическая, пищевая
Новоалтайск	1942	53 675	Алтайский вагоностроительный завод, транспорт
Камень-на-Оби	1925	42 483	Пищевая, легкая
Змеиногорск	1952	12 232	Горнодобывающая, пищевая
Алейск	1939	30 309	Транспорт, пищевая
Горняк	1969	15 833	Горнодобывающая
Заринск	1979	50 235	Алтайский коксохимический завод
Белокуриха	1958	14 435	Город-курорт
Горно-Алтайск	1928	46 036	Пищевая, легкая

** Без Северска Томской области.

Таблица 5

Возрастной состав населения малых городов Западной Сибири в 1959 г.*

	До 30 лет	30–59 лет	Старше 60 лет	Итого
РСФСР	54,9	37,5	7,6	100,0
Западная Сибирь	59,1	34,2	6,7	100,0
Большие города, в т.ч.	59,2	34,3	6,5	100,0
<i>Малые, средние города и пгт</i>	58,9	33,9	7,1	100,0
<i>Местные орг.центры в т.ч. **</i>	57,9	34,5	7,6	100,0
<i>Транспортные города ***</i>	58,0	34,6	7,4	100,0
Исилькуль	57,0	35,1	7,9	100,0
Калачинск	56,8	35,8	7,4	100,0
Называевск	57,3	35,3	7,4	100,0
Барабинск	58,4	34,5	7,1	100,0
Татарск	57,6	34,8	7,5	100,0
Болотное	58,3	33,8	7,9	100,0
Купино	59,1	33,4	7,4	100,0
Карасук	61,0	32,6	6,4	100,0
Тогучин	58,5	33,8	7,7	100,0
Чулым	57,3	35,2	7,4	100,0
Алейск	56,9	36,3	6,8	100,0
<i>Местные организующие центры (не транспортные города) ****</i>	57,1	34,7	8,2	100,0
Ялуторовск	52,5	37,1	10,4	100,0
Тара	58,5	33,3	8,2	100,0
Тюкалинск	59,3	32,7	7,9	100,0
Колпашево	54,8	36,7	8,5	100,0
Славгород	60,5	32,9	6,6	100,0

Камень-на-Оби	57,1	34,5	8,4	100,0
Ишим	55,4	36,3	8,3	100,0
Тобольск	58,0	33,6	8,4	100,0
<i>Административные центры</i>	60,4	33,5	6,1	100,0
Горно-Алтайск	57,9	34,3	7,8	100,0
Ханты-Мансийск	61,2	32,9	5,8	100,0
Салехард	63,5	32,7	3,8	100,0
<i>Индустриальные города</i> *****	58,3	34,4	7,3	100,0
Искитим	57,1	35,7	7,2	100,0
Куйбышев	61,5	31,6	6,9	100,0
Бердск	54,9	36,0	9,1	100,0
Новоалтайск	58,4	34,6	7,0	100,0
Змеиногорск	58,0	34,0	8,0	100,0
Асино	59,8	34,0	6,2	100,0

* Рассчитано по: Население Новосибирской области (Итоги Всесоюзной переписи населения на 15 января 1959 г.). Новосибирск, 1961 (ДСП). С. 25–27, 29, 32, 35, 37; ГААК. ФР.–718. Оп. 28. Д. 1. Л. 10–23; ИАОО. ФР.–2122. Оп. 1. Д. 3265. Л. 52–54, 58–60, 94–96, 127–129, 136–138; ГАТО. ФР.–1085. Оп. 3. Д. 450. Л. 10–12, 22–24; ГАТюм.О. ФР.–1112. Оп. 11. Д. 8. Л. 1–6, 88–90, 100–102, 128–130.

** Без гг. Черепаново, Тайга, Топки, Мариинск.

*** Без гг. Тайга, Топки, Черепаново.

**** Без г. Мариинск.

***** Без Калтана, Мыски, Гурьевска и Салаира, Юрги.

Таблица 6

Возрастной состав населения малых городов Западной Сибири в 1989 г.*

	До 30 лет	30–59 лет	Старше 60 лет	Итого
РСФСР	45,2	40,6	14,2	100,0
Западная Сибирь	48,3	40,0	11,7	100,0
Большие города	47,4	40,3	12,3	100,0
Малые, средние города и пгт	49,8	39,5	10,8	100,0
Средние города	50,3	40,2	9,5	100,0
<i>Малые города, в т.ч. **</i>	49,1	39,1	11,8	100,0
<i>Местные организующие центры</i>	46,5	38,8	14,8	100,0
<i>Транспортные города</i>	45,0	38,8	16,2	100,0
Исилькуль	46,3	37,5	16,2	100,0
Калачинск	46,4	39,7	13,8	100,0
Называевск	44,5	38,9	16,6	100,0
Барабинск	44,1	38,6	17,4	100,0
Татарск	42,8	40,6	16,6	100,0
Болотное	44,5	36,8	18,6	100,0
Купино	47,5	36,8	15,7	100,0
Черепаново	43,8	38,8	17,4	100,0
Карасук	47,9	38,6	13,5	100,0
Тогучин	44,8	38,0	17,2	100,0
Чулым	44,2	37,9	18,0	100,0
Каргат	42,9	40,2	16,9	100,0
Тайгинский горсовет	43,7	38,9	17,3	100,0
Топки	45,6	39,9	14,5	100,0
Алейск	44,5	40,2	15,3	100,0
<i>Местные организующие центры (не транспортные города)</i>	46,1	38,7	15,2	100,0
Ялуторовск	46,2	37,2	16,7	100,0
Заводоуковск	45,2	40,6	14,2	100,0
Тара	46,7	37,5	15,8	100,0
Тюкалинск	48,8	37,2	14,0	100,0
Колпашево	46,7	39,8	13,5	100,0
Мариинск	41,8	40,4	17,8	100,0
Славгород	48,8	36,7	14,5	100,0
Камень-на-Оби	46,5	39,3	14,2	100,0

<i>Административные центры</i>	52,0	38,7	9,3	100,0
Ханты-Мансийск	52,4	40,3	7,3	100,0
Салехард	55,6	40,0	4,3	100,0
Горно-Алтайск	49,2	36,4	14,4	100,0
<i>Индустриальные города</i>	53,4	39,6	7,0	100,0
Мысов.горсовет	46,1	39,9	14,0	100,0
Гурьев.горсовет (включая Салаир)	41,1	39,4	19,4	100,0
Таштаг.горсовет	45,6	39,8	14,7	100,0
Горняк	40,8	42,9	16,3	100,0
Змеиногорск	41,8	40,7	17,5	100,0
Асино	46,2	39,8	14,1	100,0
Урай	55,7	40,7	3,7	100,0
Когалым	62,3	36,9	0,8	100,0
Радужный	63,4	35,9	0,7	100,0
Мегион	58,2	39,8	2,0	100,0
Лангепас	61,4	37,5	1,0	100,0
Стрежевой	57,5	40,1	2,4	100,0
Кедровый	64,9	34,4	0,7	100,0
Лабытнанги	54,3	43,5	2,2	100,0
Белоярский	57,0	42,0	1,0	100,0
<i>Другие города</i>				
Белокуриха	44,0	42,2	13,8	100,0
Обь	44,7	41,6	13,7	100,0

* ИАОО. ФР.–2122. Оп. 7. Д. 431. Л. 41–44, 49–52, 145–148; ГАТО. ФР.–1085. Оп. 3. Д. 782. Л. 26–29, 76–79, 224–227, 257–260; Основные итоги Всероссийской переписи населения 2002 года по районам и городам Омской области: стат. сб. Омск, 2005. С. 42, 48, 75, 114, 123; Итоги Всероссийской переписи населения – 2002: стат. сб.: в 11 ч. Тюмень, 2004. Ч. 2. Возрастно-половой состав населения Тюменской области. С. 117, 118, 154, 155, 226–229, 236, 237, 240, 241, 245, 246, 261, 262, 271, 272, 362, 363, 372, 373; Текущий архив Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Новосибирской области. Распределение населения по полу и возрасту по Всесоюзной переписи населения 1989 г. Дзержинский – Куйбышевский районы. Таблица 7с (абсолютные данные). Л. 5–8, 25–28, 41–44, 77–80, 85–88; Там же. Распределение населения по полу и возрасту Купинский – Чулымский районы. Л. 5–8, 37–40, 73–76, 93–96, 117–120; Итоги Всесоюзной переписи населения 1989 года. Кемерово, 1990. Вып. 5. Половозрастной состав. С. 51, 52, 56, 58, 62, 63, 65, 66; Городские поселения Алтайского края (по данным Всесоюзной переписи населения 1989 года). Барнаул, 1990. С. 38, 39, 42–44, 48, 49, 59, 64, 65, 70.

** Без г. Калтан.

Таблица 7

Показатели воспроизводства у представителей отдельных этносов
в некоторых регионах Западной Сибири*

Регион	Суммарный коэф. рожд.		Средняя продолж. жизни, лет, 1978/1979
	1969/1970	1978/1979	
РСФСР	1,97	1,90	67,72
Омская область	2,15	2,14	67,64
Русские	1,92	1,98	67,82
украинцы	2,50	2,62	66,34
Татары	–	2,37	67,27
Казахи	–	3,77	65,43
Немцы	–	2,87***	70,34
Тюменская область	2,35	2,02	65,37
Русские	2,15	1,92	66,17
украинцы	2,15	1,85	67,60
белорусы	2,52	2,03	65,78
Татары	3,47**	2,43	65,89
Томская область	1,92	1,90	66,99

Русские	–	1,85	–
украинцы	–	1,80	–
белорусы	–	2,14	–
Татары	–	1,93	–
Алтайский край	2,11	2,04	66,73
Алтайцы	3,76**	–	–

* Посчитано по: ГАРФ. Ф.А.–374. Оп. 39. Д. 1351. Л. 2–4; Д. 1355. Л. 2–4; Д. 1357. Л. 2–4; Д. 1356. Л. 2–4; Д. 6012. Л. 2–4; Д. 6018. Л. 140–142; Д. 6019. Л. 76–78; Д. 6017. Л. 2–4; Демографический ежегодник России: стат. сб. М., 1997. С. 90, 101; ИАОО. ФР.–2122. Оп. 7. Д. 178. Л. 1–4; Оп. 1. Д. 5670. Л. 14–16; Д. 5917. Л. 13–15; Д. 8257. Л. 13–19об, 21–21об, 69–75об; Д. 8543. Л. 13–17, 21–21об; 58–65об; ГАТюм.О. ФР.–1112. Оп. 4. Д. 117. Л. 17–20, 25–25об; Д. 143. Л. 13–15, 20–20об. Оп. 1. Д. 8468. Л. 15–18об, 25–25об, 47–47об, 59 – 62об, 65–65об; Д. 8944. Л. 13 – 15об, 17–18об, 26–27об, 58 – 58об, 76 – 78об, 80–80об; ГАТО. ФР.–1085. Оп. 3. Д. 79. Л. 147–147об, 289–289об; Д. 418. Л. 39–42об, 47–47об, 72–72об; Д. 576. Л. 32–34об, 37–37об, 87–87об; Демографическая характеристика населения отдельных национальностей в Томской области. По данным Всесоюзных переписей населения 1979, 1989 гг: стат. сб. № 7. Томск, 1991. Ч. 1. С. 66–73; ГААК. ФР.–718. Оп. 43. Д. 97. Л. 20, 110–110об; Д. 102. Л. 21; Д. 147. Л. 19–19об, 59–59об; Д. 153. Л. 21–21об, 33–33об.

** Расчеты произведены на основе данных только одного 1969 г.

*** Расчеты произведены на основе данных только одного 1978 г.

Таблица 8

Возрастной состав городского населения Западной Сибири согласно данным Всесоюзной переписи 1959 и 1970 гг.*

Возраст, лет	Год рожд.	1959	Уд. вес	Год рожд.	1970	Уд. вес
0–4	1954–1958	649 974	11,4	1965–1969	506 902	6,8
5–9	1949–1954	588 030	10,3	1960–1964	638 630	8,6
10–14	1944–1948	403 953	7,1	1955–1959	727 079	9,8
15–19	1939–1943	485 811	8,5	1950–1954	830 396	11,2
20–24.	1934–1938	678 586	11,9	1945–1949	698 318	9,4
25–29	1929–1933	576 168	10,1	1940–1944	458 314	6,2
30–34	1924–1928	597 624	10,4	1935–1939	732 528	9,9
35–39	1919–1923	326 659	5,7	1930–1934	552 545	7,4
40–44	1914–1918	291 915	5,1	1925–1929	636 608	8,6
45–49	1909–1913	310 714	5,4	1920–1924	365 804	4,9
50–54	1904–1912	246 411	4,3	1915–1919	277 929	3,7
55–59	1899–1903	184 568	3,2	1910–1914	329 078	4,4
60 и ст.	Раньше 1899	383 633	6,7	Раньше 1910	671 761	9,0
<i>Всего</i>	-	5 724 218	100,0	-	7 431 318	100,0

* Подсчитано по: Распределение всего населения и состоящих в браке по полу и возрасту по данным Всесоюзной переписи населения на 15 января 1959 г. (АССР, края и области районов Западной и Восточной Сибири и Дальнего Востока). М., 1960. С. 4–6, 34–36, 46–48, 58–60, 70–72, 100–102; ГАРФ. Ф.А.–374. Оп. 39. Д. 1351. Л. 4–6об; Д. 1353. Л. 4–6об; Д. 1354. Л. 4–6об; Д. 1355. Л. 4–6об; Д. 1356. Л. 4–6об; Д. 1357. Л. 4–6об.

Таблица 9

Возрастной состав городского населения Западной Сибири согласно данным Всесоюзной переписи 1979 и 1989 г.*

Возраст, лет	Год рожд.	1979	Уд. вес	Год рожд.	1989	Уд. вес
0–4	1974–1978	714 816	8,2	1984–1988	947 328	8,7
5–9	1969–1973	622 056	7,1	1979–1983	922 025	8,4
10–14	1964–1968	534 680	6,1	1974–1978	818 715	7,5
15–19	1959–1963	859 871	9,8	1969–1973	774 971	7,1
20–24.	1954–1958	989 824	11,3	1964–1968	759 089	7,0
25–29	1949–1953	883 869	10,1	1959–1963	1 048 101	9,6

30–34	1944–1948	582 595	6,6	1954–1958	1 091 009	10,0
35–39	1939–1943	545 988	6,2	1949–1953	960 445	8,8
40–44	1934–1938	669 375	7,6	1944–1948	601 796	5,5
45–49	1929–1933	561 598	6,4	1939–1943	549 704	5,0
50–54	1924–1928	574 699	6,6	1934–1938	642 300	5,9
55–59	1919–1923	314 460	3,6	1929–1933	518 500	4,8
60 и ст.	Раньше 1919	911 878	10,4	Раньше 1929	1 281 512	11,7
<i>Всего</i>	–	8 767 827	100,0	–	10 915 495	100,0

* Подсчитано по: ГАРФ. Ф.А.–374. Оп. 39. Д. 6012. Л. 4–6об; Д. 6016. Л. 4–6об; Д. 6014. Л. 4–6об; Д. 6018. Л. 142–144об; Д. 6017. Л. 4–6об; Д. 6019. Л. 78об–80об; РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 69. Д. 105. Л. 5–8; Д. 108. Л. 181–184; Д. 110. Л. 5–8, 53–56; Д. 111. Л. 73–76, 113–116.

Таблица 10

Механический прирост у местных организующих центров Западной Сибири
в 1959–1989 гг., чел.*

Город	1959–1969	1970–1978	1979–1989
<i>Местные организующие центры</i>			
Ялуторовск	3 586	6 149	2 963
Тара	–2 077	–130	1 819
Тюкалинск	–780	434	–169
Колпашево	300	1 744	–
Славгород	–11 065	–3 719	–780
Камень-на-Оби	2 876	1 910	–499
Ишим**	354	–	–
Тобольск	6 413	–	–
Мариинск	–4 751	–2 309	329
Заводоуковск**	7 654	2 766	2 910
<i>Итого</i>	2 510	6 845	6 573
<i>в т.ч. транспортные города</i>			
Исилькуль	–2 086	–1 877	–1 326
Калачинск	–506	94	445
Называевск	–2 561	–2 413	–663
Барабинск	–6 651	–1 416	–2 343
Татарск	–3 723	–149	–2 059
Болотное	–6 542	–1 762	–1 107
Купино	–4 637	–2 456	–1 702
Карасук	–510	688	968
Тогучин**	Нет свед.	1 205	Нет свед.
Чулым	–5 191	–1 694	–209
Алейск	499	–3 190	–3 353
Каргат**	100	–836	–687
Черепаново**	Нет свед.	Нет свед.	441
Тайга	–8 802	–2 389	239
Топки	–599	–90	465
Обь	–	594	–286
<i>Итого</i>	–41 209	–15 691	–11 177
<i>Центры автономных округов и области</i>			
Горно-Алтайск	4 591	3 382	3 257
Ханты-Мансийск	968	1 112	2 677
Салехард	2 245	383	3 112
<i>Итого</i>	7 804	4 877	9 046
<i>Итого по местным организующим центрам</i>	–30 895	–3 969	4 442

* Подсчитано по: Население РСФСР. Итоги Всесоюзной переписи населения на 15 января 1959 г. М., 1960. С. 190–205; Численность населения СССР по переписи на 15 января 1970 года по республикам, краям, областям, национальным округам, районам, городам, поселкам городского типа и районным центрам. М., 1971. С. 21–26, 99–102, 139–144, 184–185, 189–192; Численность населения СССР, республик, краев, областей, автономных округов, районов, городов, поселков городского типа и районных центров по данным Всесоюзной переписи на 17 января 1979 года. М., 1980. Ч. 1. С. 12–21, 119–122, 166–173, 232–234, 240–246;

Численность населения РСФСР. По данным Всесоюзной переписи населения 1989 года. М., 1990. С. 295–324; ГААК. ФР.–718. Оп. 43. Д. 50. Л. 23–24об; Д. 54. Л. 11–12; Д. 61. Л. 22–24; Д. 65. Л. 17–18; Д. 70. Л. 15–17; Д. 75. Л. 1, 10; Д. 79. Л. 25–26; Д. 84. Л. 14–16; Д. 88. Л. 9–11; Д. 92. Л. 17–19; Д. 97. Л. 1–3; Д. 112. Л. 1–3; Д. 117. Л. 6–8; Д. 122. Л. 5–7; Д. 127. Л. 8–10; Д. 137. Л. 8–10, 110; Д. 142. Л. 2–5; Д. 147. Л. 1–4; Д. 153. Л. 2–5; Д. 164. Л. 4–4об; Д. 169. Л. 1–1об; Д. 174. Л. 1, 2, 11; Д. 178. Л. 37–38, 110; Д. 188. Л. 2–4; Д. 193. Л. 2–4; Д. 197. Л. 7–11; ГАКО. ФР.–304. Оп. 1. Д. 64. Л. 58–59об; Д. 65. Л. 22–24; Д. 66. Л. 20–21об; Д. 67. Л. 34–35об; Д. 68. Л. 22–23об; Д. 69. Л. 27–28; Д. 70. Л. 7–8об; Д. 71. Л. 9–11; Д. 72. Л. 8–10; Д. 73. Л. 8–9об; Д. 74. Л. 78–80; Д. 75. Л. 8–9об; Д. 76. Л. 8–10; Д. 77. Л. 8–10; Д. 78. Л. 10–12; Д. 79. Л. 8–10; Д. 80. Л. 1–3; Д. 81. Л. 8–10об; Д. 82. Л. 2–4; Д. 83. Л. 8–10; Д. 84. Л. 2–4; Текущий архив Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Новосибирской области. Динамические ряды № 1. Л. 19–23; ИАОО. ФР.–2122. Оп. 1. Д. 3262. Л. 10–11; Д. 3288. Л. 5; Д. 3294. Л. 185–186; Д. 3395. Л. 85–87; Д. 3408. Л. 30–31; Д. 4460. Л. 24–25; Д. 4476. Л. 15–16; Д. 4846. Л. 1–2; Д. 5043. Л. 14–15; Д. 5297. Л. 13–14; Д. 5670. Л. 8–9; Д. 5917. Л. 7–8; Д. 6129. Л. 8–9; Д. 6831. Л. 9–10; Д. 7230. Л. 34–35; Д. 7414. Л. 10–11; Д. 7613. Л. 11–12; Д. 7798. Л. 11–12; Д. 8024. Л. 10–11; Д. 8257. Л. 10–11; Д. 8543. Л. 8–9; Д. 8857. Л. 8–9; Д. 9151. Л. 2–3; Оп. 3. Д. 338. Л. 10–11; Д. 713. Л. 10–11; Д. 1034. Л. 10–11; Д. 1433. Л. 10–11; Д. 1741. Л. 6–7; Д. 2049. Л. 2–3; Д. 2442. Л. 114–121; ГАТО. ФР.–1085. Оп. 3. Д. 100. Л. 12–12об, 41–41об, 107–107об; Д. 151. Л. 43–43об, 185–185об, 262–262об, 313–313об; Д. 216. Л. 23–23об, 136–136об; Д. 239. Л. 27–27об; Д. 79. Л. 24–24об, 142–142об, 284–285об; Д. 310. Л. 29–29об, 144–144об; Д. 368. Л. 26–26об, 142–142об; Д. 418. Л. 31–31об; Д. 576. Л. 30–30об; Д. 625. Л. 18–18об, 128–128об; Д. 651. Л. 29–29об, 150–150об; ГАТюм.О. ФР.–1112. Оп. 1. Д. 2174. Л. 8–9; Д. 2450. Л. 8–9; Д. 2721. Л. 10–11; Д. 2981. Л. 8–11; Д. 3970. Л. 8–13; Д. 4592. Л. 8–9; Д. 7494. Л. 9–11; Д. 7974. Л. 2–6; Д. 8468. Л. 3–7; Д. 8944. Л. 2–6; Д. 9420. Л. 1–4об; Д. 9827. Л. 2–8; Д. 10282. Л. 2–8; Оп. 2. Д. 432. Л. 2–8; Д. 850. Л. 2–7; Д. 1326. Л. 2–5; Д. 2157. Л. 1–4; Оп. 4. Д. 63. Л. 8–11; Д. 80. Л. 4–7; Д. 98. Л. 13–16; Д. 117. Л. 12–15; Д. 143. Л. 2–4об; Оп. 1. Д. 5663. Л. 3–7; Д. 6086. Л. 65–67; Д. 6393. Л. 1–3; Д. 6669. Л. 24–26; Д. 6980. Л. 59–61.

** Составлено с учетом того, что Ишим являлся малым городом до 1966 г., Заводоуковск стал городом в 1960 г., Каргат – в 1965 г., Обь – в 1969 г., данные по Черепаново и Тогучину фрагментарны, Тобольск в 1970-е гг. перешел в группу индустриальных городов, по г. Колпашево в 1980-е гг. – нет полных данных.

Таблица 11

Механический прирост малых индустриальных городов Западной Сибири, в том числе функционирующих на основе обрабатывающей промышленности, а также добывающей и лесной отраслей, в 1959–1989 гг., чел.*

Город	1959–1969	1970–1978	1979–1989
Обрабатывающая промышленность			
Искитим	6 517	3 481	–
Куйбышев	5 286	3 290	387
Бердск**	18 931	–	–
Новоалтайск**	10 121	–	–
Юрга**	1 933	–	–
Гурьевск	–5 575	–2 607	1 831
Калтан**	–3 087	–4 123	–348
Тобольск**	–	507	–
Заринск**	–	–	25 884
<i>Итого</i>	34 126	548	27 754
Добывающая и лесная отрасли			
Змеиногорск	–3 181	–1 337	941
Асино	782	–26	Нет свед.
Мыски	–1 416	1 272	1 918
Салаир	–4 767	–2 259	344
Березовский**	4 575	2 990	5 199
Таштагол**	–5 022	–2 466	–2
Нефтеюганск**	3 272	26 959	–
Сургут**	16 973	14 918	–
Урай**	5 361	993	9 877
Лабытнанги**	–	1 920	10 881
Надым**	–	15 095	20 157
Горняк	–	–1 928	–1 124
Когалым**	–	–	14 281
Лангепас**	–	–	8 402
Мегион**	–	–	6 823

Нягань**	–	–	21 922
Радужный**	–	–	14 961
Новый Уренгой**	–	–	33 611
Ноябрьск**	–	–	11 227
Стрежевой**	–	–	12 685
Кедровый**	–	–	–562
<i>Итого</i>	16 577	56 131	171 541
<i>Итого по индустриальным городам</i>	50 703	56 679	199 295

* Ссылки на источники – см. табл. 10.

** Составлено с учетом того, что Бердск – малый город до 1969 г., Юрга – до 1961 г., Сургут и Искитим – до 1973 г., Нефтеюганск – до 1978 г., Березовский и Куйбышев – до 1987 г.; Калтан – город начиная с 1959 г., Таштагол – с 1963 г., Березовский, Сургут (стал средним с 1973 г.) и Урай – с 1965 г., Нефтеюганск (стал средним с 1979 г.) – с 1967 г., Надым – 1972 г., Лабытнанги – 1975 г., Стрежевой – с 1978 г., Заринск – 1979 г., Мегион – с 1980 г., Когалым, Лангепас, Нягань и Радужный – с 1985 г., Кедровый – с 1987 г.; Тобольск стал индустриальным городом, рассчитан до 1972 г. (после стал средним); Новый Уренгой стал городом в 1980 г., рассчитан за 1981–1984 гг. (стал средним); Ноябрьск – в 1982 г., рассчитан за 1983–1984 гг. (стал средним); Новоалтайск с 1979 г. рассчитан как средний.

Таблица 12

Механический прирост больших городов Западной Сибири в 1959–1989 гг., чел.*

Город	1959–1969	1970–1978	1979–1989
Тюмень	92 118	57 259	64 833
Омск	151 138	112 399	31 348
Томск	57 119	50 089	40 783
Новосибирск	161 236	60 274	37 689
Новокузнецк	53 589	4 074	20 094
Кемерово	66 788	51 333	8 992
Прокопьевск	–43 542	–23 417	–4 529
Ленинск-Кузнецкий	–20 631	–3 255	23 374
Киселёвск	–23 945	–13 559	–2 343
Белово	–14 110	–2 792	48
Анжеро-Судженск	–21 386	–6 280	–2 084
Барнаул	85 767	53 556	22 334
Бийск	24 867	12 669	8 913
Рубцовск	15 539	–1 401	4 146
Нижневартовск**	–	–	96 206
Сургут**	–	–	106 835
Междуреченск**	–	–	–461
<i>Итого</i>	584 547	350 949	456 178

* Ссылки на источники – см. табл. 10.

** Составлено с учетом того, что Нижневартовск и Сургут стали большими городами в 1979 г., Междуреченск – в 1983 г.

Таблица 13

Механический прирост средних городов Западной Сибири в 1959–1989 гг., чел.*

Город	1959–1969	1970–1978	1979–1989
Ишим**	3 378	3 047	663
Бердск**	1 139	9 291	6 202
Осинники	–15 213	–5 671	–935
Междуреченск	13 381	1 443	5 994
Юрга**	6 831	10 183	7 829
Тобольск**	–	9 135	22 557
Нефтеюганск**	–	–	25 839
Искитим**	–	5 787	5 049
Новоалтайск	–	–3 553	–211
Сургут**	–	48 549	–
Нижневартовск**	–	33 094	–

Новый Уренгой**	–	–	33 858
Ноябрьск**	–	–	23 733
Куйбышев**	–	–	407
Березовский**	–	–	–536
Итого	9 516	111 305	130 449

* Ссылки на источники – см. табл. 10.

** Составлено с учетом того, что Ишим стал средним городом в 1966 г., Бердск – в 1969 г., Юрга – в 1961 г., Нефтеюганск – в 1979 г., Тобольск – в 1972 г., Искитим – в 1973 г.; в составе средних с 1973 по 1978 г. находился Сургут, с 1975 по 1978 г. – Нижневартовск.

Таблица 14

Приблизительные характеристики воспроизводства населения и доли городских жителей на разных стадиях экономического роста по У. Росту

Стадии экономического роста по У. Росту	Доля городского населения	Рождаемость, в ‰, суммарный коэффициент рождаемости	Смертность, в ‰, ожидаемая продолжительность жизни
Традиционное общество	до 10 %	30–50 ‰	до 30 ‰ или выше (20–30 лет)
Стадия подготовки к подъему	до 15 %	30–35 ‰	30–40 лет
Стадия подъема	до 30 %	30–35 ‰	около 40 лет
Стадия перехода к зрелости	около 40 %	2,5–3,5 ребенка на одну женщину	около 50 лет
Зрелая стадия	60–65 %	1,8–2,5 ребенка на одну женщину	около 60 лет
Общество всеобщего благосостояния	70–80 %	примерно 1,8 ребенка на одну женщину	до 75–80 лет

Таблица 15

Соотношение стадий экономического роста, демографического, эпидемиологического, урбанизационного и миграционного переходов

Стадии экономического роста по У. Росту	Этапы концентрации населения по Д. Гиббсу	Демографический переход (периодизация А.Г. Вишневого)	Стадии А. Омрана	Стадии У. Зелински
Традиционное общество	Этап 1	–	Стадия 1 (этап заболеваний и голода)	Стадия 1 (традиционное общество)
Стадия подготовки к подъему		Этап 1 (снижение смертности, рождаемость на прежнем уровне)		
Стадия подъема	Этап 2	Этап 2 (снижение рождаемости и ускоренное сокращение смертности)	Стадия 2 (этап снижающейся пандемии)	Стадия 2 (раннее переходное общество)
Стадия перехода к зрелости	Этап 3			
Зрелая стадия	Этап 4	Этап 3 (рождаемость и смертность на низком уровне)	Стадия 3 (этап дегенеративных и профессиональных заболеваний)	Стадия 3 (общество позднего переходного периода)
Общество всеобщего благосостояния	Этап 5	–		Стадия 4 (развитое общество)